Q.Ф.
30
Б-14
Украина
Б.ф.
I
Багалей, Миллер
История города
Харькова за 250 лет...
т. I
Харьков, 1905

ЬКОВА

СТВОВАНІЯ

(ъ).

769/3

рафія

ера.

ННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ргъ и С-вья.

РБ
30
Б14

ИСТОРІЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА
ЗА 250 ЛѢТЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ

(съ 1655-го по 1905-й годъ).

1769/3

Историческая монографія

проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера.

ИЗДАНІЕ ХАРЬКОВСКАГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Томъ первый

(XVII—XVIII вв.).

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типографія и Литографія М. Зильберберга и С-вья.
1905.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
635913

Дозволено цензурою. Харьковъ, 8-го Іюня 1904 года.

2Б
30 укр
Б 14
1769/3

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . 3—6
Источники и пособія; характеръ изложенія.

Глава 1-я. Основаніе города Харькова . . . . 7—26
Мнѣнія о времени основанія г. Харькова; преданія о началѣ Харькова и разборъ ихъ; документальныя данныя о построеніи Харьковской крѣпости; первое появленіе поселенцевъ въ Харьковѣ; первый Харьковскій осадчій Каркачъ; указанія на древнее поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Харькова въ домонгольскій періодъ русской исторіи.

Глава 2-я. Топографія Харькова въ XVII и XVIII вв. . . . . 27—52
Топографія Харьковской крѣпости въ XVII—XVIII вв.; топографія посада и городскихъ поселеній въ XVII в.; топографія Харькова въ 1724 г., по переписи его приходовъ и въ послѣдующее время, въ козацкій періодъ его исторіи; топографія Харькова послѣ введенія губернскихъ учрежденій, по различнымъ документамъ и планамъ.

Глава 3-я. Составъ и движеніе населенія . . . . 53—77
Статистическія данныя о малорусскомъ и великорусскомъ населеніи Харькова въ XVII в. по документальнымъ даннымъ; соціальный составъ населенія въ XVII в.; соціальный и количественный составъ населенія въ XVIII в., по переписи Хрущова; измѣненія въ составѣ харьковскаго населенія послѣ введенія губернскихъ учрежденій, образованіе новыхъ сословій и статистика ихъ; еврейскій элементъ; сословная борьба.

Глава 4-я. Харьковъ, какъ административный центръ . . . . 78—102
Управленіе въ Харьковѣ въ козацкій періодъ его исторіи: харьковскіе полковники, характеръ полковаго устройства, московское воеводское управленіе, отношенія къ центральному правительству; губернская реформа Е. А. Щербинина и дальнѣйшія измѣненія въ административномъ значеніи Харькова; харьковскіе губернаторы и намѣстники 2-й половины XVIII в.

Глава 5-я. Городское самоуправленіе . . . . 103—137
Судьба городского самоуправленія въ козацкій періодъ жизни города. Образованіе градского общества и его составъ. Роль градского общества и его органы: Городовой Магистратъ и Дума. Вѣдомство Думы. Ея подчиненность администраціи. Отношеніе харьковцевъ къ городскому самоуправленію.

Глава 6-я. Городское хозяйство . . . . 138—158
Время возникновенія городского хозяйства и веденіе его Городовымъ Магистратомъ. Хозяйственная дѣятельность Городской Думы. Источники городскихъ доходовъ. Городскіе расходы. Роль администраціи въ области городского хозяйства.

Глава 7-я. Благоустройство и полиція . . . . 159—196
Пожары и борьба съ ними въ Харьковѣ въ козацкій періодъ и послѣ реформы. Замощеніе и осушеніе города и мѣры къ поддержанію чистоты на улицахъ и площадяхъ. Благоустройство рынковъ. Борьба съ „воровскими людьми". Полиція въ козацкомъ Харьковѣ и послѣ реформы. Медицинская часть въ старомъ и въ реформированномъ Харьковѣ.

Глава 8-я. Градостроительство . . . . 197—222
Древнѣйшія харьковскія церкви и казенныя сооруженія. Разбивка города по плану при Щербининѣ, казенное градостроительство его времени. Казенныя и частныя сооруженія въ періодъ намѣстничества и въ Павловское время.

Глава 9-я. Экономическій бытъ: промыслы, ремесла и торговля . . . . 223—253
Промыслы и занятія харьковцевъ въ XVII вѣкѣ; льготы харьковскимъ малороссіянамъ по жалованнымъ грамотамъ; занятія харьковцевъ въ XVIII в., по свидѣтельству переписи Хрущова; промышленность Харькова во 2-й половинѣ XVIII в.; харьковская ярмарочная торговля во 2-й половинѣ XVIII в.; постоянная торговля; ремесла; общія замѣчанія объ экономическомъ бытѣ харьковскаго населенія; цѣны на товары въ Харьковѣ въ XVIII в. и ихъ регулированіе.

Глава 10-я. Повинности харьковскаго населенія . . . . 254—318
Шаткое положеніе первыхъ поселенцевъ Харькова, установленіе налоговъ и ихъ отмѣна. Различіе въ повинностяхъ харьковцевъ полковой и городовой службы. Походы и „командираціи" козаковъ. Повинности харьковцевъ городовой службы. Подпомощники, ихъ отношенія къ выборнымъ козакамъ. Постройка и починка харьковской крѣпости, мостовъ, казенныхъ зданій. Повинности постойная и почтовая.

Стран.

Денежные и хлѣбные сборы. Злоупотребленія старшинъ. Нарушенія привилегій. Повинности въ переходной періодъ и при намѣстникахъ: крѣпостныя работы, постройка мостовъ, замощеніе и осушеніе города, пожарная, почтовая и постойная повинности. Денежные сборы. Отмѣна привилегій.

Глава 11-я. Церковь и духовенство. . . . . . 319—388

Религіозная жизнь г. Харькова въ XVII в.; церковная зависимость Харькова отъ Бѣлгородскихъ епископовъ и дѣятельность этихъ послѣднихъ въ отношеніи Харькова; обозрѣніе храмовъ въ г. Харьковѣ и заключающихся въ нихъ памятниковъ церковной старины XVII—XVIII вв.; внутреннее устройство приходовъ, братства и шпитали; отрицательныя черты религіознаго быта.

Глава 12-я. Школы и образованіе . . . . . 389—432

Элементарныя школы въ Харьковѣ при церквахъ; среднее учебное заведеніе въ Харьковѣ—Харьковскій Коллегіумъ: его основаніе, матеріальное обезпеченіе, учебное дѣло, просвѣтительное вліяніе. Прибавочные классы Коллегіума и возникшее изъ нихъ второе среднее учебное заведеніе—Казенное училище: его открытіе, матеріальное обезпеченіе, постановка преподаванія, число учащихся и ихъ успѣхи, воспитательная сторона, значеніе. Главное и малыя народныя училища, сліяніе казеннаго училища съ главнымъ народнымъ.

Глава 13-я. Наука . . . . . 433—456

Представитель мѣстной науки—Григорій Саввичъ Сковорода, его богословско-философскіе трактаты; сущность ихъ содержанія; міросозерцаніе Г. С. Сковороды; его христіанская философія; его жизнь въ связи съ ученіемъ; вліяніе на всѣ слои общества.

Глава 14-я. Литература . . . . . 457—477

Сочиненія Орновскаго, козака Климовскаго, Филипповича, Витынскаго; литературныя произведенія Г. С. Сковороды; панегирики Харьковскаго Коллегіума; вопросъ о первой харьковской типографіи.

Глава 15-я. Искусство . . . . . 478—490

Харьковское искусство въ козацкій періодъ; харьковскій театръ XVIII в. по воспоминаніямъ Г. Ѳ. Квитки, репертуаръ харьковскаго театра и его образовательное значеніе.

Глава 16-я. Бытъ и нравы харьковскаго общества . . . . . 491—52

Домашняя бытовая обстановка трехъ харьковскихъ полковниковъ; бытъ средняго и низшаго слоя городского населенія; нравы общества; измѣненія быта съ превращеніемъ Харькова въ губернскій городъ; эпизодъ съ академикомъ Зуевымъ; дворянскіе выборы; посѣщеніе Харькова Петромъ Великимъ, Екатериною 2-ю и кн. Потемкинымъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Къ 1-й главѣ . . . . . 528—5

Именной списокъ жителей г. Харькова 1655 года.

Ко 2-й главѣ . . . . . 530—54?

Роспись церковныхъ приходовъ г. Харькова 1724 г.; цѣны на дворовыя мѣста въ Харьковѣ въ концѣ XVIII в.; именной списокъ жителей г. Харькова по переписи Хрущова въ 1732 г.

Къ 3-й главѣ . . . . . 542—543

Извлеченіе изъ книги генеральнаго межеванія Харьковской дачи.

Къ 9-й главѣ . . . . . 543—549

Перечень харьковскихъ лавокъ 1766 г.; перечень харьковскихъ шинковъ 1799 г.; именной списокъ харьковскихъ купцовъ 1787 г.; списокъ харьковскихъ купцовъ 1799 г.; цѣны товаровъ на харьковскихъ ярмаркахъ въ XVIII в.

Къ 12-й главѣ. . . . . . 550—556

Переписка Голицыныхъ съ Коллегіумомъ; положеніе о прибавочныхъ классахъ при Харьковскомъ Коллегіумѣ; соединеніе казеннаго и главнаго народнаго училища.

Къ 14-й главѣ. . . . . . 557—565

Извлеченіе изъ сочиненія Орновскаго; оды учениковъ Казеннаго училища и Коллегіума; рѣчь протоіерея Шванскаго, сказанная при закладкѣ великой залы намѣстничества въ 1780 году.

Къ 16-й главѣ. 566

Откуда взялись пушки, стоящія нынѣ у дома Дворянскаго Собранія?

Объясненія плановъ и рисунковъ . . . . . 567—568

Предисловіе.

Настоящій трудъ написанъ мною, при ближайшемъ сотрудничествѣ Д. П. Миллера, по порученію Харьковскаго городского общественнаго управленія къ предстоящему въ 1905 году 250-ти лѣтію со времени основанія Харькова.

Обнимая XVII-й, XVIII-й и XIX-й вѣка, онъ захватываетъ всѣ стороны городской жизни въ древній козацкій періодъ, послѣдовавшую за нимъ эпоху реформы, когда происходило нивеллированіе прежняго своеобразнаго строя и быта, и въ XIX вѣкѣ, когда Харьковъ жилъ и управлялся уже на общихъ основаніяхъ съ другими русскими городами. Исторія города Харькова осуществляется по чрезвычайно широкой программѣ, благодаря тому, что была задумана заблаговременно и на осуществленіе ея отпускались достаточныя матеріальныя средства.

Къ работѣ мы могли приступить уже съ 1-го января 1897 года и въ теченіе 3-хъ лѣтъ занимались собираніемъ матеріаловъ, а остальные 5 лѣтъ посвятили составленію текста. Такъ какъ нужно было дать не компиляцію, а монографію, основанную на источникахъ первой руки, и такъ какъ печатныхъ матеріаловъ было совершенно недостаточно для осуществленія программы, то рѣшено было произвести разысканія архивныхъ документовъ въ мѣстныхъ и столичныхъ хранилищахъ. Были сдѣланы извлеченія большого количества матеріаловъ изъ Харьковскаго историческаго архива, заключающаго въ себѣ и дѣла бывшей Слободской украйны, архива Харьковскаго Губернскаго Правленія, являющагося самымъ обширнымъ собраніемъ документовъ по исторіи нашего края, Харьковской Городской Думы, Межеваго отдѣленія Харьковскаго Губернскаго Правленія, Казенной Палаты и Духовной Консисторіи; въ Москвѣ—изъ Архива Министерства Юстиціи и Московскаго отдѣленія Главнаго Штаба; въ Петербургѣ—изъ военно-ученаго Архива Главнаго Штаба и Императорской публичной библіотеки. Пришлось пересмотрѣть многія десятки тысячъ листовъ архивныхъ хартій, организовать цѣлую канцелярію для производства выписокъ, предпринимать поѣздки въ Москву и Петербургъ, обращаться и къ частнымъ лицамъ. Упомянемъ здѣсь съ признательностью проф. В. И. Сергѣевича, сообщившаго копію рукописнаго наказа г. Харькова въ Екатерининскую Коммиссію.

Источниками этими мы воспользовались главнымъ образомъ для 1-го тома настоящаго труда. Что же касается 2-го тома, то значительная часть его текста основана исключительно на сообщеніяхъ, доставленныхъ намъ разными учрежденіями и лицами. Желая получить возможно больше такихъ свѣдѣній, я составилъ особую программу, отпечаталъ ее и разослалъ во всѣ правительственныя, сословныя, общественныя и частныя учрежденія г. Харькова съ просьбою дать на нее отвѣты. Многія откликнулись на мой призывъ

и благодаря этому соотвѣтственные отдѣлы книги отличаются должною полнотою и, наоборотъ, явились пробѣлы тамъ, гдѣ такія свѣдѣнія отсутствовали, потому что печатныхъ данныхъ объ исторіи учрежденія также не было. Можно только пожалѣть, что анкетный способъ собиранія матеріаловъ не получилъ въ нашемъ русскомъ обществѣ такого признанія, какъ заграницей. Тѣмъ большею признательностью я обязанъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя отозвались на мой призывъ и затратили иногда не мало труда, чтобы дать отвѣты на мои вопросы. Здѣсь не мѣсто перечислять всѣхъ моихъ уважаемыхъ корреспондентовъ, тѣмъ болѣе, что число ихъ продолжаетъ увеличиваться; но всѣ они будутъ отмѣчены при ссылкахъ на источники.

Особую и весьма важную группу источниковъ составляютъ иллюстраціи, воспроизводящія прежніе планы и виды Харькова, портреты его дѣятелей. О нихъ также будетъ рѣчь впереди; здѣсь же только замѣчу, что собираніе этой обширной коллекціи стоило намъ очень большаго, можно сказать, огромнаго труда, благодаря тому, что никто до настоящаго времени этимъ не занимался и историческіе памятники г. Харькова оставались въ пренебреженіи.

Однимъ словомъ, нужно было создать и планъ сочиненія, и матеріалъ для него. Существовавшія въ печати пособія, за небольшими исключеніями, дали немного готовыхъ данныхъ и выводовъ. Вообще же приходилось идти „неготовыми путями“. Собственно по исторіи Харькова было два печатныхъ труда—„Историко-статистическое описаніе г. Харькова“ С. И. Кованько (въ Харьков. Губ. Вѣд. 1859 года) и „Харьковъ. Историко-статистическій опытъ X. 1881 г.“ К. П. Щелкова (въ Харьков. Губ. Вѣд. и отдѣльно). Но намъ для 1-го тома совсѣмъ не пришлось пользоваться ими въ качествѣ пособій и мы только сдѣлали изъ перваго двѣ фактическія выдержки, да и то одну изъ нихъ нужно было критически оцѣнивать; изъ второго же сочиненія не оказалось нужнымъ даже дѣлать извлеченій. Мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы труды эти не заслуживали вниманія—наоборотъ, оба они для своего времени представляли извѣстный интересъ и важность и мы съ признательностью должны здѣсь помянуть имена этихъ почтенныхъ Харьковскихъ историковъ—но намъ возможно было совершенно эмансипироваться отъ нихъ, потому что съ одной стороны мы вообще старались пользоваться первоисточниками и на нихъ строить свои заключенія, а съ другой нами собранъ былъ весьма богатый документальный матеріалъ, который далъ намъ возможность не пользоваться этими пособіями, основанными на скудныхъ, а иногда и сомнительныхъ данныхъ.

Приходилось намъ, правда, въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ опираться на предшествующую литературу, напримѣръ, въ вопросѣ о Харьковскомъ Коллегіумѣ, о Г. С. Сковородѣ, о переписи Хрущова, о планѣ Харькова 1787 года; но и тамъ мы давали свои дополненія, критическія замѣчанія, поправки. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ все наше изложеніе является по своему содержанію новыми страницами исторіи Харькова.

По самой темѣ, нашъ трудъ долженъ былъ получить описательный характеръ, тѣмъ болѣе что онъ основывается главнымъ образомъ на неизданныхъ матеріалахъ, которые нужно было вводить въ текстъ часто даже, можетъ быть, въ ущербъ легкости изложенія. Но давая описанія, мы въ то же время заботились о томъ, чтобы не

упустить изъ виду общей эволюціи жизни г. Харькова въ различные историческіе моменты—въ козацкій періодъ его существованія, въ эпоху реформъ, въ XIX вѣкѣ. Наша задача и заключалась въ томъ, чтобы дать понятіе о постепенномъ ростѣ города Харькова съ точки зрѣнія матеріальной, умственной и нравственной культуры. Эта задача обусловила и планъ настоящаго труда.

Но нерѣдко намъ приходилось вступать въ область чистаго изслѣдованія, въ виду того, что многимъ вопросамъ нужно было давать впервые научную постановку и рѣшеніе. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ представляютъ даже болѣе общій интересъ и рѣшеніе ихъ освѣтитъ кое въ чемъ съ одной стороны исторію Слободской Украйны, а съ другой исторію русскихъ городовъ XVII, XVIII и XIX вв.

Однако въ общемъ мы все таки полагаемъ, что наша книга, оставаясь вполнѣ ученымъ трудомъ, можетъ быть доступна по своему изложенію и болѣе широкой публикѣ, въ особенности же читателямъ, такъ или иначе связаннымъ съ Харьковомъ; имѣя главнымъ образомъ ихъ въ виду, мы сохранили и такія мелкія черты прошлаго (напримѣръ, имена жителей), которыя безъ ущерба могли бы быть опущены при другомъ положеніи дѣла.

Первый томъ настоящаго труда въ видѣ рукописи былъ представленъ нами на премію Императора Александра II-го, въ особый Комитетъ при Харьковскомъ университетѣ—и на основаніи рецензіи извѣстной изслѣдовательницы А. Я. Ефименко этотъ Комитетъ присудилъ намъ полную премію [1]). Такая высокая научная оцѣнка труда была для насъ отрадна вдвойнѣ: какъ авторамъ, желавшимъ подвергнуть *свою* работу разбору спеціалистовъ, и какъ лицамъ, принявшимъ на себя отъ Харьковскаго Городского Общественнаго Управленія порученіе составить юбилейную исторію г. Харькова. Представленіе 1-го тома „Исторіи Харькова“ на конкурсъ въ рукописи дало возможность намъ воспользоваться при печатаніи его нѣкоторыми замѣчаніями рецензента, касающимися способовъ сдѣлать болѣе доступнымъ наше изложеніе для широкой публики. Сама А. Я. Ефименко, какъ извѣстно, блестяще разрѣшаетъ въ своихъ работахъ трудный вопросъ о совмѣстимости спеціально научнаго и популярнаго изложенія и ея указанія въ этомъ отношеніи были для насъ особенно цѣнны. Послѣ представленія на премію рукопись 1-го тома была значительно дополнена новыми данными и къ ней прибавлена еще одна глава.

Д. Багалѣй.

---

[1]) См. „Отчетъ о третьемъ очередномъ присужденіи премій, учрежденныхъ Харьк. Зем. Банкомъ въ память 25 лѣтія царствованія Имп. Александра II при Имп. Харьковскомъ университетѣ“. Х. 1904, стр. 3—24.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ ХАРЬКОВА—ХАРЬКО.

Глава I-я.

Основаніе города Харькова.

Время основанія города Харькова до сихъ поръ было въ точности неизвѣстно. Одни изслѣдователи, напримѣръ, пріурочивали его къ 1646 году, другіе къ 1653 г. и т. п. За неимѣніемъ документальныхъ, письменныхъ памятниковъ обращались поневолѣ къ устнымъ преданіямъ и книжнымъ домысламъ и представляли въ миѳическомъ видѣ самыя обстоятельства, сопровождавшія первоначальный моментъ зарожденія здѣсь поселенія. Авторъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества",—сочиненія, составленнаго во 2-й половинѣ XVIII вѣка и представляющаго цѣнный источникъ для этого періода, говоритъ, что Харьковъ былъ построенъ въ 1653 году [1]). Этотъ же годъ построенія Харькова принимаетъ И. И. Срезневскій [2]). Головинскій, основываясь на рукописномъ „экстрактѣ о Слободскихъ полкахъ", составленномъ въ XVIII в., говоритъ, что слобода Харьковъ была населена въ 1653 г. [3]). Гр. Ѳед. Квитка считаетъ временемъ основанія Харькова 1646 г. [4]); С. И. Кованько относитъ его основаніе къ періоду времени около 1643 года, а постройку городскихъ укрѣпленій къ болѣе позднему сроку. Новое поселеніе, по его словамъ, въ скоромъ времени стало распространяться отъ нынѣшняго Бѣлгородскаго колодца по правому берегу рѣки на Подолъ, гдѣ церковь Св. Троицы и вверхъ по горѣ, гдѣ церковь Св. Николая. Когда татары, замѣтивъ новую слободу, усилили свои набѣги, слобожане приступили къ построенію крѣпости на горѣ, въ которой съ того или древнѣйшаго (до татаръ) времени былъ подземный, теперь уже обвалившійся ходъ съ двумя оставшимися устьями или дверьми къ востоку или къ рѣкѣ Харькову въ дворовомъ мѣстѣ Шретера и къ западу или къ Лопани въ архіерейскомъ саду. Крѣпость была снабжена пушками разныхъ калибровъ изъ собственности полковника и старшинъ; двѣ изъ нихъ находятся предъ домомъ дворянскаго собранія [5]). Преосв. Филаретъ первый привелъ изъ Пол-

---

[1]) См. „Топ. описаніе Харьковскаго нам.", изд. подъ редакціей Д. И. Багалѣя, Х. 1888 г., стр. 49.

[2]) Истор. обозрѣніе гражданскаго устроенія Слоб. украйны. Х. 1883 г., стр. 6.

[3]) Слободскіе казачьи полки. С.-П. 1864 г., стр. 63—64.

[4]) „Основаніе Харькова"—„Молодыкъ" на 1843 годъ, стр. 69—71. Въ спеціальной статьѣ о Харьковѣ онъ говоритъ: „Губернскій городъ Харьковъ, конечно, населенъ въ числѣ первыхъ слободъ украинскихъ съ 1646 г. Старожилы разсказывали, что первые его поселенцы основали свое жительство изъ нѣсколькихъ дворовъ надъ рѣкою Харьковомъ, близъ луговъ и озеръ при источникѣ; что нынѣ называется „Бѣлгородскій Колодязь." Съ умноженіемъ приходящихъ, поселеніе простиралось книзу по рѣкѣ праваго берега и внутрь нынѣшняго города. Когда по горѣ и по низу, надъ озерами и болотами, что нынѣ „Подолъ" около церкви Св. Троицы умножились жители и крымскіе татары, видя твердое намѣреніе новопоселившихся удержать край за собою, усилили свои набѣги, то и жители, а можетъ быть, уже тогда существовавшее начальство полковое, приступили къ построенію „крѣпости", какъ тогда называли. По запискамъ, Харьковъ, какъ полковой городъ, извѣстенъ съ 1653 года. Крѣпость сія снабжена была по возможности пушками разныхъ калибровъ изъ собственности полковника и старшинъ" (Г. Харьковъ въ Современникѣ т. XX, 1840 г., перепечатано въ 4-мъ томѣ „Сочиненій Гр. Ѳед. Квитки", подъ редакціей А. А. Потебни. Х. 1890, стр. 469—470).

[5]) Описаніе Харьк. губ. Х. 1857, типогр., стр. 13—14. Въ другомъ своемъ трудѣ „Ист. стат. описаніе гор. Харькова" С. И. Кованько говоритъ, что полковымъ городомъ Харьковъ былъ съ 1653 до 1765 года." (Харьк. Губ. Вѣд. 1859, № 7).

наго собранія законовъ древнѣйшую дату о Харьковѣ 1656 года—указъ Чугуевскому воеводѣ Сухотину о постройкѣ Харьковскихъ укрѣпленій; сказавъ, что основаніе Харькова относятъ къ 1650 году, самъ онъ заявилъ, что о времени населенія города Харькова черкасами документовъ доселѣ не отыскано. Самые старые документы въ Архивѣ Губ. Правленія относятся къ 1658 и 1663 гг. Разсказъ о Харькѣ Преосв. Филаретъ считаетъ легендой, основываясь на свидѣтельствѣ Книги Большаго Чертежа [1]). Новѣйшій историкъ г. Харькова К. П. Щелковъ повторяетъ данныя, приведенныя Преосв. Филаретомъ, и считаетъ возможнымъ отнести основаніе Харькова къ 1650 г., ибо въ 1656 г. онъ называется новымъ городомъ [2]).

Какое же изъ этихъ мнѣній наиболѣе основательно? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ, конечно, отъ тѣхъ источниковъ, на которые опираются названные выше изслѣдователи, и потому намъ нужно обратиться къ ихъ критическому разсмотрѣнію. Авторъ „Топографическаго описанія", какъ это мною доказано въ другомъ мѣстѣ, положилъ въ основу своего труда оффиціальный источникъ—описаніе Харьковскаго намѣстничества 1785 года; источникъ этотъ, въ той части своей, которая касается современнаго описанія края, вполнѣ достовѣренъ. Но могли ли чиновники канцеляріи 1785 года сообщить точное свѣдѣніе о времени основанія Харькова? Могла ли сохраниться тамъ письменная запись объ этомъ фактѣ? Едва-ли. Харьковъ первоначально ничѣмъ не выдѣлялся изъ ряда другихъ городовъ и слободъ, которые появлялись въ значительномъ количествѣ на территоріи Слободской украйны, и только впослѣдствіи могъ возникнуть вопросъ о времени его основанія. Мѣстныхъ харьковскихъ анналовъ не было—не оказалось и Харьковскаго Нестора-лѣтописца, который бы задался этимъ вопросомъ въ силу историческаго интереса. А въ одномъ изъ наиболѣе древнихъ описаній г. Харькова, которое относится къ 1767 году и—что особенно важно—имѣетъ оффиціальное происхожденіе [3]), основаніе его отнесено совершенно невѣрно къ 1630 году. Въ началѣ второй половины XVIII вѣка, очевидно, уже не было точныхъ свѣдѣній о событіи, относящемся къ половинѣ XVII вѣка. Если же не могли рѣшить этого вопроса въ 1767 году, то еще меньше данныхъ для этого было въ 1785 г.—въ моментъ составленія описанія Харьковскаго намѣстничества. Въ томъ же 1767 г., когда составлялось хроногеографическое описаніе Харьковской губерніи, въ извѣстную Екатерининскую коммиссію для составленія проэкта новаго уложенія затребовано было свѣдѣніе о времени основанія Харькова и мѣстныя учрежденія не дали точнаго отвѣта, а отнесли его начало къ срединѣ XVII столѣтія [4]). Это служитъ новымъ подтвержденіемъ того обстоятельства, что въ Харьковѣ, въ 1767 году, не было прямыхъ точныхъ данныхъ о времени его возникновенія: иначе бы, конечно, мѣстное начальство отвѣтило на прямой запросъ центральнаго правительства. И. И. Срезневскій относитъ къ 1653 году постройку Харькова, Сумъ и Ахтырки и основывается повидимому на „экстрактѣ о Слободскихъ полкахъ", но Головинскій, основываясь на томъ же „экстрактѣ", говоритъ, что въ 1653 году была основана слобода Харьковъ, а, слѣдовательно, постройка въ ней городскихъ укрѣпленій должна быть отнесена къ болѣе позднему времени. Изъ одного и того же источника два автора вывели неодинаковыя хронологическія даты. Это разногласіе, кажется, нужно объяснить тѣмъ, что И. И. Срезневскій не принималъ во вниманіе разницы между временемъ основанія извѣстнаго поселенія и постройки въ немъ городскихъ укрѣпленій; между тѣмъ очень часто было такъ, что первоначально являлась въ извѣстное мѣсто партія переселенцевъ и основывала здѣсь слободу, которая нѣкото-

---

[1]) Ист. стат. опис. Харьк. еп. отд. II, М. 1857, стр. 5—6.

[2]) Харьковъ (Ист. стат. опытъ) Х. 1881, стр. 4. 5.

[3]) Это—„Хроногеографическое описаніе г. Харькова", см. Д. И. Багалѣя „Матеріалы для исторіи колон. и быта" т. 2-й, стр. 216.

[4]) Д. И. Багалѣя „Матеріалы для ист. кол. и быта", т. 2-й, стр. 214.

рое время существовала безъ измѣненій и только черезъ годъ или два превращалась въ городъ, т. е. получала правильную крѣпость. Крѣпость могла строиться годъ, два и только, по окончаніи ея, поселеніе становилось городомъ. Такъ было въ Сумахъ, Ахтыркѣ и, какъ увидимъ далѣе, въ Харьковѣ. Головинскій по этому выражается точнѣе, относя къ 1653 году основаніе слободы Харькова. Онъ основывается на „экстрактѣ о Слободскихъ полкахъ", который до насъ не дошелъ, но мною найденъ и напечатанъ такой же „экстрактъ" въ сокращенной редакціи [1]) и тамъ также сказано, что Харьковъ „осаженъ" въ 164, т. е. въ 1656 году. Документъ этотъ относится къ 1734 году, т. е. древнѣе хроногеографическаго описанія и—что очень важно—основанъ съ одной стороны на сообщеніяхъ разряднаго архива, а съ другой—полковыхъ управленій; свѣдѣнія о времени основанія городовъ сообщены этими послѣдними. Въ пользу ихъ добросовѣстности говоритъ то обстоятельство, что относительно многихъ городовъ въ нихъ сказано: свѣдѣній о времени ихъ поселенія не отыскано. Гр. Ѳед. Квитка, указывая на 1646 годъ, основывается на преданіи, подробнымъ разборомъ котораго мы займемся ниже; древнѣе населенною частью онъ считаетъ Подолъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это было городище и наконецъ пушки были доставлены не полковою старшиною, которой еще тогда не было, а центральнымъ правительствомъ. С. И. Кованько, указывающій на 1643 годъ, не опредѣляетъ вовсе источника своихъ свѣдѣній и пользуется повидимому также преданіемъ, которое однако не сходится съ извѣстными намъ документальными данными. С. И. Кованько относитъ къ первоначальной постройкѣ городскихъ укрѣпленій два подземные хода, которые вели къ р. р. Лопани и Харькову и остатки которыхъ существовали при немъ, но эти ходы могли возникнуть и въ болѣе позднее время; вообще нужно сказать, что о времени ихъ возникновенія мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ. Слишкомъ категорически С. И. Кованько говоритъ также и объ артиллеріи, которою снабдилъ будто бы Харьковскую крѣпость полковникъ и полковая старшина—въ дѣйствительности устройство въ Харьковѣ крѣпости связано, какъ увидимъ далѣе, съ дѣятельностью Московскихъ воеводъ. Обратимся теперь къ разбору преданій о началѣ г. Харькова. Такихъ преданій мы подобрали три. Всѣ преданія приписываютъ основаніе Харькова казаку Харьку. Преданія о Харькѣ довольно древняго происхожденія. Это доказывается тѣмъ, что они занесены въ два письменные источника, относящіеся къ концу XVII вѣка. Въ неизданномъ „Топографическомъ описаніи Харьковскаго намѣстничества" 1785 года читаемъ: „заподлинно неизвѣстно, но если повѣрить молвѣ, то на семъ мѣстѣ (гдѣ теперь Харьковъ) завелъ себѣ хуторъ нѣкто изъ зажиточныхъ малороссіянъ, но кто онъ былъ таковъ, откуда и когда вышелъ, о томъ свѣдѣнія нѣтъ, именемъ Харитонъ, а по просторѣчію Харько, отъ котораго якобы сей городъ и рѣка названіе свое получили" [2]). Какъ видно однако изъ текста, и самъ авторъ, кажется, не довѣряетъ этой молвѣ. Но это преданіе существовало и ранѣе: его привелъ въ своей книгѣ академикъ Зуевъ, путешествовавшій по Харьковскому намѣстничеству въ 1781 году. „Наименованіе свое Харьковъ имѣетъ, пишетъ онъ, отъ перваго поселенца Харитона, вышедшаго со многими другими семьями и поселившагося здѣсь. Онъ былъ пасѣчникъ или пчеловодъ; трудами своими и способностію мѣста разжился онъ скоро, такъ что многіе изъ другихъ мѣстъ стали къ нему приходить для сожительства, а какъ въ общежитіи, наипаче у малороссіянъ, обыкновенно называютъ другъ дружку полуимянемъ, то, называя его Харько, прозвали и Харьковъ хуторъ, Харьковъ слобода, Харьковъ городъ, тому назадъ сказывали мнѣ, не многимъ будетъ болѣе

---

[1]) Д. И. Багалѣя „Матеріалы для ист. кол. и быта", т. 2-й, стр. 170.

[2]) Военно-ученый архивъ Главнаго штаба, отд. 5, шк. 37, № 468.

ста лѣтъ, слѣдовательно, и начало города Харькова не далѣе относится“ [1]). Такимъ образомъ, по этой версіи, какъ и по предъидущей, на мѣстѣ нынѣшняго Харькова былъ хуторъ Харька, потомъ слобода и, наконецъ, городъ. Харько, по Зуеву, жилъ немного ранѣе 1680 года—дата, какъ видимъ, очень поздняя, невѣрная, доказывающая, что во времена намѣстничества сохранилось смутное воспоминаніе о томъ, что было въ Харьковѣ въ моментъ его возникновенія. Во второмъ преданіи, приводимомъ Зуевымъ, слиты повидимому два способа возникновенія новыхъ селеній въ Слободской украинѣ—хуторской и слободской. Хутора могли быть и тогда, но, вообще говоря, они возникали уже подъ охраною городскихъ поселеній, какъ это было въ Харьковѣ, отдѣльные жители котораго, по свидѣтельству воеводы Офросимова, позаводили себѣ въ окружающихъ лѣсахъ хутора и пасѣки. Но въ силу постоянной опасности отъ татаръ, нужно было прежде всего устраиваться однако не хуторами, а городками и слободами, дабы дать дружный отпоръ врагу и это было возможно, потому что переселенцы, основывавшіе новыя поселенія, приходили болѣе или менѣе значительными партіями. Такая значительная партія сразу явилась, какъ увидимъ далѣе, и на Харьковское городище, которое само по себѣ представляло какъ бы естественный оборонительный пунктъ. Въ преданіи академика Зуева также говорится о партіи переселенцевъ, пришедшей съ Харькомъ, но если съ нимъ пришла партія, то, она, какъ это было въ сосѣднемъ съ Харьковомъ Хорошевѣ, должна была основать не хуторъ, гдѣ могло быть одно или нѣсколько хозяйствъ, а слободу. По первому варіанту, не только городъ, но и рѣка Харьковъ получили свое названіе отъ Харька, но въ дѣйствительности, какъ увидимъ далѣе, названіе рѣки древнѣе миѳическаго Харька. Уже въ приведенныхъ здѣсь варіантахъ, преданіе о Харькѣ носитъ характеръ нѣкотораго домысла, построеннаго по общему типу преданій топографическаго характера: миѳъ о Харькѣ создался для объясненія названія города. Третій варіантъ—Топчіева, записанный въ XIX в., заключаетъ въ себѣ еще больше топографическихъ соображеній, а четвертый Г. Ѳ. Квитки—представляетъ дальнѣйшую литературную обработку этого преданія на почвѣ фамильныхъ домысловъ и соображеній. Вотъ преданіе, записанное Е. Топчіевымъ и напечатанное имъ въ 1838 году. „Еще дѣдъ моего дѣда, говоритъ разсказчикъ, зашелъ въ этотъ край, и именно въ окрестности Харькова, когда было здѣсь весьма мало народу. Татары кочевали тогда на лѣвомъ берегу Донца и разъѣзжали въ теперешней Харьковской губерніи, какъ въ своей землѣ. Первые поселенцы, прорываясь сюда съ разныхъ мѣстъ Польши и Малороссіи, небольшими партіями и даже отдѣльно семьями, должны были выбирать для своего поселенія мѣста скрытныя и недоступныя. Для этого удобнѣе другихъ было мѣстоположеніе между двумя рѣками: Харьковомъ и Лопанью, тамъ, гдѣ эти рѣки, сливаясь между собою и имѣя весьма болотистые берега, поросшіе частымъ луговымъ лѣсомъ, дѣлали его съ трехъ сторонъ недоступнымъ, а съ четвертой оно прикрывалось сплошнымъ лѣсомъ по горѣ между рѣками, доходившимъ тогда до теперешняго каѳедральнаго собора. Оно представляло такое скрытное убѣжище, что, вѣроятно, избрано было для поселенія еще первыми поселенцами, которые, по слабости силъ своихъ, были не въ состояніи защищать открыто себя и свои имущества отъ хищничества татаръ. Гдѣ же на описанномъ мною мѣстоположеніи могло быть первое поселеніе, какъ не тамъ, гдѣ чистая здоровая вода давала первую необходимѣйшую послѣ пищи потребность въ быту поселянина? Рѣчная вода не представляла еще такого удобства. На всемъ этомъ пространствѣ въ одномъ только мѣстѣ есть родниковая вода, при самой рѣкѣ Харьковѣ, такъ называемая Бѣлгородская криница. Первый поселенецъ, конечно, поселился при ней хуторомъ. Хуторъ его какъ первое поселеніе, дало названіе своему мѣсту, потомъ рѣкѣ и уже впослѣдствіи городу—и

[1]) Путешественныя записки С.-П. 1787, стр. 187.

этотъ первый поселенецъ былъ Харько". Затѣмъ разсказчикъ передаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о судьбѣ Харька. Жилъ онъ боѣе 200 лѣтъ тому назадъ (т. е. не позже конца 20-хъ или начала 30-хъ годовъ XVII вѣка); вышелъ онъ изъ Польши въ качествѣ предводителя нѣсколькихъ семействъ, часто онъ истреблялъ партіи татаръ, грабившихъ поселенцевъ; одинъ разъ, преслѣдуя грабителей, онъ былъ разбитъ ими и потонулъ въ Донцѣ; жилище его было разграблено и уничтожено; долго оно такимъ образомъ оставалось впустѣ, пока не явились новые выходцы, которые заселили лѣвый берегъ Лопани, при устьѣ которой образовался впослѣдствіи городъ, но названіе свое онъ получилъ по первому поселенію [1]). Такимъ образомъ, преданіе это приписываетъ основаніе перваго поселенія въ Харьковѣ Харьку и относитъ его къ концу 20-хъ или началу 30-хъ годовъ XVII вѣка; этимъ первымъ заселеннымъ пунктомъ признается не нагорная часть нынѣшняго Харькова (гдѣ соборъ, университетъ, присутственныя мѣста), а низменная, болотистая недалеко отъ впаденія р. Харькова въ р. Лопань, гдѣ теперь Бѣлгородская криница. Нельзя не прійти къ заключенію, что преданіе это носитъ характеръ домысла и не имѣетъ никакой исторической основы. Топчіеву разсказывалъ это преданіе 104-хъ лѣтній старикъ, служившій ловчимъ у одного помѣщика, а свою повѣсть онъ основывалъ главнымъ образомъ на тѣхъ разсказахъ, которые онъ слышалъ отъ своего господина и его друзей на охотничьихъ привалахъ. Если же эти разсказы относятся къ 40 годамъ прошлаго вѣка (когда разсказчику было 20 лѣтъ), то и тогда разговоръ происходилъ о такомъ событіи, которое имѣло мѣсто 120 лѣтъ тому назадъ—срокъ слишкомъ значительный, чтобы о немъ могло сохраниться живое воспоминаніе. Это не народное преданіе, а своего рода ученый домыселъ. Повторилось явленіе, часто наблюдаемое въ исторіи: изъ названія города выкроено было имя его миѳическаго основателя; какъ изъ названія Кіевъ, путемъ филологическаго сближенія, образовалось имя Кія, также точно изъ названія Харькова получилось имя его основателя Харька. Домыселъ повѣствователя очень ясно видѣнъ изъ слѣдующихъ его словъ: „какъ соображу все, что я самъ видѣлъ и слышалъ отъ другихъ, то не приходится быть первому поселенію при рѣкѣ Лопани; иначе городъ Харьковъ назывался бы Лопанью или рѣка Лопань Харьковомъ." Быть можетъ, впрочемъ, эти соображенія принадлежатъ не самому разсказчику, а его господину и гостямъ—это еще вѣроятнѣе; быть можетъ, кое что здѣсь должно быть отнесено и къ Е. Топчіеву, интересовавшемуся Харьковскою стариною въ то время не существовало еще строгихъ требованій относительно точности записей и этимъ послѣднимъ нерѣдко придавали литературную форму записыватели. Тѣмъ не менѣе суть дѣла отъ этого не измѣняется, и разсказъ этотъ скорѣе относится къ ученымъ домысламъ нашихъ старожиловъ, чѣмъ къ чисто народнымъ преданіямъ. Его историческая недостовѣрность доказывается и хронологическою несообразностью—въ концѣ 20-хъ годовъ не было еще даже одного изъ самыхъ раннихъ поселеній, Чугуева, основаннаго въ 1638 году и служившаго оплотомъ для дальнѣйшихъ пунктовъ—и тѣмъ, что названіе свое Харьковъ получилъ не отъ Харька, а отъ рѣки Харьковъ, существовавшей здѣсь раньше города, и наконецъ характеромъ самой дѣятельности этого Харька. Она носитъ вполнѣ легендарный оттѣнокъ; онъ одинъ былъ въ состояніи защищать первыхъ поселенцевъ отъ татаръ, а съ его смертью эти послѣдніе сдѣлались хозяевами всей мѣстности. При этомъ разсказчикъ забылъ, что мѣстность для поселенія была избрана Харькомъ у Бѣлгородской криницы только потому, что она была вполнѣ безопасна отъ татаръ, а между тѣмъ она и является при немъ главной ареной борьбы съ татарами. Нельзя не вспомнить здѣсь и о другомъ героѣ Королькѣ, который якобы основалъ г. Волчанскъ. Онъ, также какъ и Харько, является въ образѣ героя и

[1]) Словесное преданіе о начальномъ населеніи города Харькова Е. Топчіева (Приб. къ Харьк. Губ. Вѣд. 1838 г. № 4, стр. 39—41).

свое имя получилъ отъ одного живописнаго урочища въ окрестностяхъ города [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя легенды существовали и относительно многихъ другихъ городовъ нашего края, но только не всѣ дошли до насъ, потому что этими городами менѣе интересовались, чѣмъ Харьковомъ, превратившимся изъ незначительной слободы въ центральный городъ цѣлой области—Слободской украйны. Даже топографическія данныя и соображенія въ этомъ преданіи возбуждаютъ сомнѣнія. Харько помѣстился возлѣ Бѣлгородской криницы, чтобы не имѣть недостатка въ хорошей родниковой водѣ. Но нужно думать, что тогда вода и въ нашихъ харьковскихъ рѣчкахъ была годна для употребленія, испортившись уже только въ XVIII и XIX вв. отъ разныхъ причинъ; и во всякомъ случаѣ рѣка, съ ея рыбными ловлями, представляла болѣе удобствъ для первоначальнаго поселенія, чѣмъ криница, ибо главнымъ занятіемъ хуторянъ являлось не столько земледѣліе, сколько рыболовство, звѣроловство, пчеловодство и другіе аналогичные промыслы. Притомъ въ Харьковѣ имѣется еще и другая прекрасная криница—это Карповскіе источники, снабжающіе и въ настоящее время городъ питьевой водой. Въ самомъ указаніи мѣста, выбраннаго Харькомъ, замѣчается какое-то колебаніе и неопредѣленность: мѣстожительство назначается ему въ углѣ, при впаденіи рѣки Харькова въ Лопань, у Бѣлгородской криницы, но эта послѣдняя находится нѣсколько выше по теченію р. Харькова. Самая мысль о хуторѣ, какъ о первоначальномъ поселкѣ, думается мнѣ, возникла на основаніи позднѣйшихъ фактовъ. Хутора дѣйствительно были одной изъ любимыхъ формъ малорусской колонизаціи, но они могли появляться тогда, когда уже въ краѣ было достаточное число укрѣпленныхъ поселеній—городовъ, подъ защитою которыхъ и селились хуторяне; такъ было, напримѣръ, въ Изюмскомъ полку, гдѣ было много хуторянъ, ютившихся при укрѣпленныхъ городкахъ, такъ было и въ самомъ Харьковѣ.

Совсѣмъ иное преданіе объ основаніи Харькова разсказываетъ извѣстный малорусскій писатель Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко [2]). Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Первымъ поселенцемъ Слободскаго края былъ Андрей Квитка, поселившійся на нынѣшнемъ предмѣстьѣ Харькова—Основѣ. О происхожденіи и первоначальной судьбѣ этого Андрея Г. Ѳ. Квитка разсказываетъ длинную и романическую исторію. Онъ былъ сынъ Москов-

[1]) Окрестности г. Волчанска Пр. Иваненкова (Харьк. Губ. Вѣд. 1858 г. № 50, стр. 607—609: часть неоффиціальная).

[2]) Основаніе Харькова. Старинное преданіе (Молодыкъ на 1843 г. часть 1-я, стр. 1—73). Любопытны тѣ возраженія, которыя представилъ противъ достовѣрности легенды о Харькѣ Г. Ѳ. Квитка въ своей статьѣ о гор. Харьковѣ. „Остается сказать нѣсколько словъ, говоритъ онъ, о наименованіи гор. Харькова, о коемъ осталось преданіе, будто онъ названъ такъ отъ первопоселившагося здѣсь казака „Харька“, храбраго, сильнаго, могучаго, который одинъ ужъ вѣрно по тысячѣ убивалъ нападавшихъ на него татаръ и чуть ли не ежедневно. Въ мѣстѣ дикомъ, пустомъ и опасномъ отъ нападеній тогда хищныхъ татаръ не могъ поселиться одинъ Харько, Кузьма, Иванъ или кто бы онъ ни былъ и какъ бы ни былъ силенъ и могучъ и хотя бы съ большимъ, но съ однимъ своимъ семействомъ, а безъ всякаго сомнѣнія пришли сюда нѣсколько семействъ вдругъ и поселясь тогда же укрѣпились отъ набѣговъ хозяйничавшихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ татаръ и тутъ же дали наименованіе своему укрѣпленію—городу по тогдашнему и, можетъ быть, назвали его по рѣчкѣ, отъ которой недалеко, какъ извѣстно и какъ сказано прежде, первоначально они поселились. Рѣчка сія вытекала, по тогдашнему выраженію изъ Россіи, изъ Бѣлгородской провинціи, и наименованіе ея есть чисто русское, несвойственному малороссійскому нарѣчію. Но если бы Харьковъ получилъ свое названіе отъ перваго поселенца Харька, въ такомъ случаѣ онъ, бывъ прежде деревнею, по свойству языка, именовался бы „Харьковка“, какъ и другія близъ лежащія: Ивановка, Григоровка, Основка (послѣ Основа) или, если хуторъ, то Харькивъ хуторъ, даже если бы преобразясь изъ деревни въ городъ, названіемъ своимъ старался уподобиться русскому (для слобожанъ весьма нравившемуся, что доказывается принятіемъ нѣкоторыми изъ насъ фамилій съ русскими окончаніями), то и тогда оставался бы непремѣнно Харьковъ, условіе, требуемое языкомъ въ отношеніи имени Харька. Къ тому же полковые города: Сумы, Ахтырка—также получили свое названіе отъ рѣчекъ, при коихъ поселились первые здѣшніе жители“ (Сочиненія Гр. Ѳед. Квитки. т. IV, стр. 494—495).

скаго боярина, убѣжавшаго заграницу и тамъ умершаго въ тюрьмѣ за убійство на поединкѣ знатнаго нѣмца, который дурно отзывался о Россіи и русскихъ. Послѣ него осталось двое сыновей—Андрей и Григорій; вѣрный слуга Агафонъ привезъ Андрея въ Кіевъ и его взялъ къ себѣ на попеченіе въ 1604 году нѣкій панъ Яселковскій; панская дочь прозвала его за красоту Квиткой (по малороссійски квитка значитъ цвѣтокъ) и это прозвище осталось за нимъ въ качествѣ фамиліи. Вскорѣ маленькаго Квитку взяла къ себѣ жена Кіевскаго воеводы, въ домѣ которой онъ и выросъ. За это время также выросла симпатія между Квиткой и воеводской дочерью, симпатія, окончившаяся бѣгствомъ ихъ изъ Кіева и женитьбой. Молодая чета съ нѣсколькими вѣрными казаками поселилась недалеко отъ Чугуева и это селеніе получило названіе Основы. Вслѣдъ затѣмъ Андрей Квитка сталъ привлекать въ Слободской край изъ Заднѣпровской украйны новыхъ переселенцевъ, которые, убѣгая отъ уніи, начали селиться въ этихъ безплодныхъ, но привольныхъ мѣстахъ. Обозрѣвая новостроющіяся слободы, онъ однажды наткнулся на маленькій хуторокъ у нынѣшней Бѣлгородской криницы на мѣстѣ, удобномъ для жизни, а у живущихъ нашелъ огороды, сады фруктовыхъ деревьевъ и колодезь хорошей воды. Онъ любовался удобствомъ мѣста для жизни, прошелъ далѣе на возвышенность и въ немъ родилась мысль, для приведенія которой въ дѣйствіе онъ всѣмъ вновь прибывающимъ поселенцамъ, всегда первоначально являвшимся къ нему, какъ „осадчему“ за совѣтомъ, гдѣ выгоднѣе поселиться, началъ предлагать селиться на хуторѣ Харьковскомъ и вверхъ по возвышенію. Населеніе скоро умножилось, нужно было подумать объ укрѣпленіи мѣста, устроеніи города. Мѣсто съ поселившимся тутъ же шляхетствомъ найдено удобнымъ; на горѣ, съ обѣихъ сторонъ проходили рѣки—Харьковъ и Лопань; за послѣднею, къ высокой горѣ (называемой уже Холодною) были озера, болота, топи, наконецъ, дикіе сады, соединяющіеся съ непроходимыми лѣсами; за рѣкою Харьковомъ также сады, рощи и луговыя мѣста; въ третью сторону (что нынѣ называется Подолъ) большія болота, поросшія густымъ, высокимъ камышомъ. Приступлено къ построенію города и къ сооруженію Храма Божьяго, подобно какъ и въ другихъ городахъ и значительныхъ селеніяхъ. Поселенцы упросили о. Онуфрія, принявшаго монашество (родного брата Андрея Квитки) отправиться съ выборными отъ общества къ Черниговскому владыкѣ, просить его молитвъ и благословенія въ благомъ начинаніи и отряженіи отъ себя духовнаго лица для освященія города и Храма Господня въ немъ и въ другихъ селеніяхъ, имѣющихъ въ томъ нужду, равно и о приглашеніи духовныхъ лицъ для занятія мѣстъ священниковъ при новоустроенныхъ церквахъ. Посольство отправилось, благополучно прибыло въ Черниговъ и со вниманіемъ выслушана Преосвященнымъ просьба новыхъ поселенцевъ. Отрядивъ имянитое духовное лицо съ уполномочіемъ освятить всѣ вновь устроенные храмы, снабдивъ должною для того святынею, согласивъ священниковъ занять мѣста пастырей новособраннаго стада Христова, Преосвященный при отпускѣ посольства, благословилъ и вручилъ имъ подлинный, чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы, Елецкою именуемый, и сказалъ при томъ: „Благая Заступница да путеводствуетъ васъ въ избранное мѣсто для славы Божіей, да благоуспѣшитъ въ исполненіи желанія дѣлателей благого предпріятія и благодатію своею, да не отступитъ никогда отъ мѣста, избраннаго для хвалы Святого имени его. Но да помнитъ каждый гражданинъ новостроющагося града, что въ благочестіи жителей зиждутся грады, устами же нечестиво живущихъ раскопаются“. Съ должнымъ благоговѣніемъ жители предполагаемаго города встрѣтили образъ Благодатной, покровительству которой вручили себя и новый городъ. Встрѣча была на Холодной горѣ и оттуда духовенство въ облаченіи, съ пѣніемъ, свѣчами и кадилами несли въ предполагаемый городъ. На непроходимыхъ мѣстахъ (что нынѣ Екатеринославская улица) устроены были мостики и безопасные переходы. По принесеніи Св. Образа въ городъ, внесенъ онъ былъ въ церковь, наскоро выстроенную и за недостаткомъ спо-

собовъ весьма незначительно убранную, любящими благолѣпіе храмовъ пріисканы были колокола, большій изъ нихъ былъ пудовъ пять. Приступили къ приготовленію заложенія города и освященія въ немъ Храма Божія. Въ вечеръ 14 августа 1646 года въ дикомъ, безлюдномъ, необитаемомъ до того мѣстѣ раздался первый звонъ колокола, призывающій хотя и не во многомъ еще числѣ поселившихся гражданъ къ славословію имени Божія и Заступницы всѣхъ уповающихъ на помощь Ея. Всенощное бдѣніе совершено. Въ самый же день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, во имя коего сооружена и церковь, освященъ былъ храмъ, совершена въ немъ безкровная жертва и потомъ съ возможнымъ мѣсту и обстоятельствамъ благолѣпіемъ выступила изъ храма духовная процессія. По чиноположенію церковному, на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось быть городскимъ воротамъ и башнямъ, приносимы были установленныя молитвы съ окропленіемъ святою водою и осѣненіемъ образа Той, въ руцѣ которой поручаемъ былъ градъ. Усердные граждане, въ восторгѣ душевномъ, чтобы явить свою радость, при всякомъ торжественномъ дѣйствіи стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, привезенныхъ съ собою шляхетствомъ фамилій: Ковалевскихъ, Земборскихъ и другихъ. Городъ въ молитвословіи наименованъ былъ „Харьковомъ“. До сего было совѣщаніе, какъ наименовать городъ. И общее мнѣніе основалось назвать его по рѣкѣ, мимо его протекающей. Рѣка течетъ изъ Россіи, говорилъ Квитка, а съ нимъ согласились и всѣ, пусть и по имени извѣстно будетъ, что мы коренные русскіе, подданные православнаго и преславнаго Царя Московскаго. По окончаніи пировъ, необходимыхъ при такомъ необыкновенномъ событіи, принялись за укрѣпленіе города. Вотъ его тогдашняя величина и обширность: первые ворота были, гдѣ нынѣ въѣзжаютъ къ Университету; другіе тамъ, гдѣ домъ и лавки купца С. Ѳ. Карпова; третьи, гдѣ сапожный рядъ; четвертые, на случай обложенія города, тайный ходъ къ р. Лопани, спускъ между присутственными мѣстами и лавками Карпова. Прочее все было обнесено рвами, дубовымъ частоколомъ; кое гдѣ стояли пушки, о коихъ уже сказано выше. Такъ разсказывали старики.

Но дѣйствительно ли это было народное преданіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова? Мнѣ кажется, что это скорѣе фамильная легенда и при томъ съ замѣтнымъ вліяніемъ ученыхъ домысловъ и соображеній. Г. Ѳ. Квитка принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ мѣстной казацкой старшины, представители этого рода желали доказать свое исконное дворянское происхожденіе и создали легенду, литературно обработанную писателемъ Г. Ѳ. Квиткой въ цитированной выше его статьѣ. Большинство Слобскодоукраинскихъ старшинскихъ родовъ (Захаржевскіе, Шидловскіе, Ковалевскіе) были выходцами изъ малороссійскихъ областей Польши, потому ихъ нѣкоторые считали поляками, хотя на самомъ дѣлѣ они были православными южнорусцами. Фамилія Квитокъ—народно-малороссійская; она не оканчивалась на ій и не давала, слѣдовательно, ближайшаго повода выводить ее изъ Польши. Никакихъ доказательствъ ея исконнаго дворянскаго происхожденія не существовало. А между тѣмъ Квиткамъ удалось очень рано вступить въ ряды Слободскоукраинской козацкой старшины и они этимъ самымъ какъ бы пріобрѣли право на дворянство. Въ концѣ XVIII-го вѣка старшинскіе роды стали переименовываться въ россійскихъ дворянъ и тогда у нихъ получили особенно важное значеніе генеалогическія росписи. Большинство не могло представить документовъ, которые бы доказывали ихъ шляхетское положеніе въ Польшѣ, но все таки они настаивали на этомъ своемъ исконномъ дворянствѣ, а, быть можетъ, подъ часъ и имѣли основанія утверждать это. Вопросъ о происхожденіи рода Квитокъ оставался открытымъ. Въ Польшѣ такого шляхетскаго рода не было, а между тѣмъ и Квитки, подобно Захаржевскимъ, Лесевицкимъ, вышли изъ Заднѣпровской украйны. Оставалось, такимъ образомъ, вывести ихъ изъ Московскаго боярскаго рода, поселивъ отпрыскъ его (Андрея) въ Кіевѣ, центрѣ Заднѣпровской украйны. Такое происхожденіе вполнѣ должно было удовлетворять фамильной гордости Квит-

токъ, ибо ставило ихъ не только не ниже, а даже выше остальныхъ фамилій, выводившихъ свое дворянство изъ польскаго шляхетства. Руссофильство своей фамиліи, если можно такъ выразиться, Квитка подчеркиваетъ въ разсказѣ о наименованіи г. Харькова по рѣкѣ Харькову, потому что она течетъ изъ Россіи, хотя рядомъ съ этимъ въ его повѣсти невольно проявляется и стремленіе къ мѣстной малорусской стихіи; оно выражается, напримѣръ, въ томъ, что Андрею Квиткѣ приписана роль „осадчаго“, т. е. предводителя партіи переселенцевъ; она проявляется и въ томъ, что за благословеніемъ Квитка обращается не въ Москву или Бѣлгородъ, а въ Черниговъ, игравшій тогда роль центра лѣвобережной Малороссіи. Но фамильный характеръ разсказа Г. Ѳ. Квитки проявляется не только въ томъ, что онъ разрѣшаетъ вопросъ о дворянскомъ происхожденіи этого козацкаго рода, а еще и въ исключительной роли, какая приписана здѣсь Андрею Квиткѣ въ заселеніи края. Онъ является не только истиннымъ основателемъ Харькова, но и первымъ, и главнымъ колонизаторомъ Слободской украйны вообще: онъ вызвалъ переселеніе черкасъ изъ Заднѣпровской Малороссіи; онъ руководилъ ими изъ своей Основы, при выборѣ мѣстъ для поселенія; въ самомъ имени Основы авторъ хочетъ видѣть намекъ на руководящую роль этого древнѣйшаго поселка въ дѣлѣ заселенія края; самъ Харьковъ обязанъ ей своимъ происхожденіемъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь панегирикъ роду Квитокъ, напоминающій аналогичный панегирикъ роду Донцовъ-Захаржевскихъ, напечатанный въ Кіевѣ еще въ 1705 году [1]); по всей вѣроятности, это литературное произведеніе Орновскаго было извѣстно Г. Ѳ. Квиткѣ, интересовавшемуся родной стариной и написавшему даже историческій очеркъ о Харьковскомъ краѣ и Харьковѣ; быть можетъ, что оно даже внушило ему мысль литературно обработать свои фамильныя преданія и противопоставить ихъ разсказамъ о военныхъ подвигахъ Донцовъ-Захаржевскихъ.

Напомнимъ кстати, что впослѣдствіи Г. П. Данилевскій также подвергъ литературной обработкѣ свои фамильныя легенды. Являясь не народнымъ преданіемъ, обыкновенно заключающимъ въ себѣ зерно исторической истины, а фамильнымъ панегирикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ученымъ домысломъ, разсказъ Квитки не можетъ служить намъ источникомъ въ вопросѣ о началѣ г. Харькова; онъ представляетъ для насъ только историографическій интересъ, свидѣтельствуя о томъ, какъ представляли себѣ основаніе нашего города такіе образованные и широко начитанные въ свое время писатели, какъ Г. Ѳ. Квитка. Онъ далъ намъ то, что позволяли дать скудные письменные источники и преданія, преломленные и пріукрашенные въ его авторскомъ творчествѣ, на которомъ кромѣ того отразились его фамильныя традиціи.

По существу разсказъ Г. Ѳ. Квитки еще болѣе не состоятеленъ, чѣмъ разсмотрѣнныя нами выше преданія о Харькѣ. Если даже изъ него выбросить совершенно легендарныя подробности о происхожденіи и первоначальной судьбѣ Андрея Квитки, то и тогда въ немъ не останется ничего достовѣрнаго. Не возможно допустить общаго руководительства Андрея Квитки въ дѣлѣ колонизаціи всего края, потому что каждая партія переселенцевъ имѣла своего осадчаго, съ которымъ и являлась на новое мѣсто, и это было естественно, потому

[1]) Этой рѣдчайшей книги нѣтъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ, Москов. Рум. Музеѣ, Библіотекѣ Имп. Московскаго архива Иностранныхъ дѣлъ, Академіи Наукъ, Библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи и Кіево-Печерской Лавры, Московскаго и Харьковскаго Университетовъ, Харьковской Духовной Семинаріи. Во всѣхъ этихъ хранилищахъ я производилъ поиски, и только академикъ А. И. Соболевскій сообщилъ мнѣ, что нашелъ это изданіе въ Библіотекѣ Тверской Духовной Семинаріи—и я принялъ мѣры къ полученію его оттуда. Благодаря любезности администраціи Семинаріи, оно было доставлено на время въ Харьковскій университетъ—и я теперь, наконецъ, могъ ознакомиться съ нимъ. Вотъ его подлинное заглавіе—Bogaty Wirydarz herbownemi wielmożnych ich msciow panow Zacharżewskich zasadzony rosami Iego Carskiego Majestatu stolnikowi i polkownikowi Charkowskiemu jego msci panu Theodorowi Zacharżewskiemu w panegyryczny prezencie oddany. W. S. Cudotworney Wielkiey Lawrze Kiiowopieczarskiey. Roku 1705. (158 стр.).

что переселенцы выходили изъ различныхъ мѣстностей и поселялись также въ разныхъ мѣстахъ за Бѣлгородской чертой. Андрей Квитка, проживая въ своей „Основѣ“, не могъ даже знать естественныхъ условій всей той территоріи, которая вскорѣ получила названіе Слободскихъ полковъ; да и его, конечно, не могли знать обыватели Заднѣпровья, выходившіе на „слободы“ и изъ Кіевщины, и изъ Волыни, и изъ Подоліи и даже изъ Галиціи. По словамъ Квитки, Основа древнѣе Харькова, но это не подтверждается никакими данными, названія ея мы не встрѣчаемъ въ актахъ XVII вѣка. Основа, по разсказу Квитки, была родовымъ гнѣздомъ этой фамиліи, а по документальнымъ источникамъ оказывается, что она и населена была не Квитками, а Донецъ-Захаржевскими: Квитки только пріобрѣли ее у этихъ послѣднихъ покупкою въ 1713 году [1]); указаніе на 1646 годъ, какъ на годъ основанія Харькова, не только не подтверждается, но даже опровергается другими данными. Извѣстіе о перенесеніи изъ Чернигова подлинной Чудотворной Елецкой иконы Божіей Матери также трудно допустить, если вспомнить, какимъ глубочайшимъ уваженіемъ пользовались такія иконы на мѣстахъ. И почему именно эта икона была двинута для торжества основанія г. Харькова, когда ничто еще не указывало тогда на ту выдающуюся роль, какую ему придется играть въ будущемъ; въ моментъ основанія это былъ одинъ изъ маленькихъ городковъ Слободской украйны. Совершенно неправдоподобнымъ представляется также объясненіе автора, почему чудотворная икона осталась въ Харьковѣ; выходитъ такъ, какъ будто въ Черниговѣ забыли о ея перенесеніи въ Харьковъ. По болѣе древнему преданію, сообщаемому Преосв. Филаретомъ, эта икона была пожертвована Успенскому собору Кн. Барятинскимъ только въ 1687 году. [2])

Разсмотрѣвъ мнѣнія прежнихъ историковъ [3]) и преданія объ основаніи Харькова и убѣдившись въ ихъ неосновательности, мы обратимся теперь къ документальнымъ даннымъ, большею частью нами самими собраннымъ, и постараемся на основаніи этого достовѣрнаго матеріала рѣшить поставленный вопросъ. Одно изъ древнѣйшихъ документальныхъ свидѣтельствъ о Харьковѣ относится къ 1656 году. Въ этомъ году уже несомнѣнно Харьковъ существовалъ; въ немъ жила большая партія переселенцевъ—малороссіянъ, явившаяся сюда, очевидно, сразу и занявшая своими дворами Харьковское городище. Объ этомъ свидѣтельствуетъ найденная мною отписка Харьковскаго воеводы Селифонтова 1657 года [4]). Харьковское городище—это нынѣшняя высокая центральная часть города, гдѣ соборъ, присутственныя мѣста, университетъ. Названіе „городище“ указываетъ на то, что здѣсь нѣкогда былъ какой то городъ. „Черкасъ“—поселенцевъ было такъ много, что они „все городище заставили своими дворами“, а оно, по точному измѣренію Чугуевскаго воеводы Григорія Спѣшнева, равнялось 530 саж. (нужно думать въ окружности). Въ самое первое время Харьковскіе поселенцы были въ вѣдѣніи Чугуевскаго воеводы, потому что поселились въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Чугуевомъ (въ 36 вер. отъ него), въ предѣлахъ Чугуевскаго уѣзда. Чугуевъ представлялъ изъ себя одно изъ самыхъ старыхъ поселеній за Бѣлгородской чертой и былъ основанъ еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича также переселенцами изъ Заднѣпровья, вышедшими оттуда подъ предводительствомъ козацкаго гетмана Якова Остряница. Вотъ почему Чугуевскій воевода измѣрялъ Харьковское городище для устройства на немъ крѣпости—острога; вотъ почему онъ посылалъ къ Харькову для провѣдыванья вѣстей о татарахъ Чугуевскихъ сторожей и станич-

---

[1]) Филарета. Ист. Стат. опис. Харьк. епархіи, отд. II-е, стр. 129.

[2]) Ист. Стат. опис. Харьк. епархіи II, стр. 10—13.

[3]) Мы не останавливаемся еще на мнѣніи современнаго историка Харьк. Слободскаго полка г. Альбовскаго, сообщившаго и нѣкоторыя новыя данныя по вопросу о началѣ Харькова, потому что пользуемся одинаковымъ рукописнымъ матеріаломъ съ этимъ почтеннымъ авторомъ, но только освѣщаемъ этотъ матеріалъ иначе.

[4]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы для ист. кол. и быта, т. 1-й, стр. 21—22.

никовъ. Но Чугуевскій воевода, проживая въ Чугуевѣ, не могъ, конечно, обращать большого вниманія на харьковскихъ черкасъ, въ особенности въ такомъ сложномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ ихъ первоначальное устройство дворами и постройка городскихъ укрѣпленій. Вотъ почему онъ охотно предоставилъ имъ значительную свободу и въ томъ, и въ другомъ дѣлѣ, т. е. постройкѣ собственныхъ домовъ и городскихъ укрѣпленій. Эти послѣднія они начали устраивать по своему „извычаю", т. е. обычаю, который однако значительно отличался, какъ выяснилось впослѣдствіи, отъ обычнаго типа московскихъ городскихъ укрѣпленій. Въ 1656 году Харьковскіе черкасы уже успѣли себѣ устроить крѣпость подъ руководствомъ Чугуевскаго воеводы, слѣдовательно, начать ея постройку могли уже въ 1655 году, но по своему малороссійскому типу, когда центральное правительство назначило имъ и Хорошевскимъ поселенцамъ (совмѣстно) особаго воеводу Селифонтова: 28 Марта 1656 года послѣдовалъ указъ Чугуевскому воеводѣ Сухотину Зміевскихъ, Мохначевскихъ, Печенѣжскихъ, Харьковскихъ и Хорошевскихъ черкасъ ни въ чемъ не вѣдать, такъ какъ въ Чугуевскомъ уѣздѣ велѣно быть для городового строенья въ Зміевѣ—Якову Хитрово, а въ Харьковѣ—Воину Селифонтову. А если ты, говорится далѣе въ указѣ, узнаешь о приходѣ воинскихъ людей татаръ, то долженъ будешь ссылаться съ Яковомъ Хитрово и Воиномъ Селифонтовымъ, чтобы сообща эти новые города и живущихъ въ нихъ служилыхъ черкасъ въ плѣнъ и расхищеніе не выдать [1]).

Новому воеводѣ по обычаю былъ данъ наказъ, опредѣлявшій кругъ его обязанностей. На основаніи его онъ долженъ былъ устроить по общему московскому типу городскую крѣпость—острогъ, т. е. центральное укрѣпленіе. Однако онъ встрѣтилъ большія затрудненія при осуществленіи этого проэкта. Горожане, какъ я уже сказалъ, устроили острогъ по чертежу Чугуевскаго воеводы, но очень низкій и рѣдкій, причемъ острожины накладывали сверху. Когда же Селифонтовъ составилъ смѣту на постройку острога и приказалъ каждому поселенцу доставить нужное по разверсткѣ число бревенъ, съ тѣмъ чтобы они острожины ставили въ землю и прикрѣпляли ихъ вплотную другъ къ другу, то они отказались дѣлать это и заявили, что это имъ не вмочь и что они разбредутся отъ этого врознь, потому что они людишки бѣдные, голодные, пашни еще не распахали, хлѣбомъ не обзаводились и дворами не построились, а когда со всѣмъ этимъ управятся, тогда они готовы выстроить острогъ и по указанному образцу. Воевода отъ себя прибавлялъ, что поставить острогъ нигдѣ кромѣ городища невозможно—другого мѣста не имѣется, уменьшить острога нельзя, ибо все городище занято дворами и, слѣдовательно, должно быть защищено—между тѣмъ поселенцы его не слушаютъ, крѣпости не строятъ, по вѣстямъ на сторожи не ѣздятъ, въ приказную избу сторожей и деньщиковъ не даютъ, а только безпрестанно пьютъ и бражничаютъ и унять ихъ нечѣмъ. Селифонтовъ спрашивалъ, какъ ему слѣдовало поступить въ виду изложенныхъ обстоятельствъ. Въ томъ же году воевода Селифонтовъ обратился съ жалобой на Харьковскихъ черкасъ къ царевичу Алексѣю Алексѣевичу. Въ ней онъ снова повторялъ, что черкасы не слушаются его, острога не дѣлаютъ, по вѣстямъ о воинскихъ людяхъ на отъѣзжія сторожи не ѣздятъ, сторожей и деньщиковъ ему въ приказную избу не даютъ. И теперь онъ, воевода, получилъ извѣстіе отъ Чугуевскаго воеводы О. Сухотина, что приходили на Торъ (нынѣ Славянскъ) въ большомъ количествѣ татары, многихъ русскихъ людей и черкасъ побили и позабирали въ плѣнъ, потомъ пріѣхалъ изъ Полтавы черкашенинъ Митька Васильевъ и сообщилъ ему, что татарскіе „языки" (т. е. захваченные въ плѣнъ татары) сообщили полковнику Пушкарю, что ихъ единоплеменники собираются идти на украйну; изъ Зміева тамошній атаманъ Почетовскій писалъ Чугуевскому воеводѣ О. Сухотину, а тотъ передалъ это чрезъ Харьковскаго вѣстовщика, что, по словамъ шинкарей малороссійскихъ городовъ, изъ Полтавы тамошніе козаки ходили въ

[1]) Полн. собр. закон. т. 1-й № 175; Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стол. № 404.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

степь и взяли въ плѣнъ 10 татаръ, которые сообщили съ пытки, что ихъ братія собирается идти на Государевы украинскіе города, а севрюки сообщили Зміевскимъ старожиламъ, что видѣли болѣе 30 человѣкъ татаръ на р. Берестовой, а урочища эти находятся немного болѣе чѣмъ въ 20 вер. отъ Харькова между Валками и Зміевомъ, по той дорогѣ, которую вновь проложили жители Харьковскаго городища въ 1654 году для поѣздокъ въ Торъ (т. е. Славянскъ) за солью; дорогу эту онъ, воевода, приказывалъ Харьковскимъ и Хорошевскимъ черкасамъ засѣчь (т. е. задѣлать, уничтожить), но они отказались это исполнить; приказывалъ онъ по этимъ вѣстямъ черкасамъ явиться на смотръ, но многіе изъ нихъ не послушались, а самовольно разъѣхались изъ Харькова по разнымъ городамъ, иные же поѣхали на Торъ вываривать соль, а въ Харьковѣ вслѣдствіе этого разъѣзда стало малолюдно и въ приходъ воинскихъ людей уберечь Харьковскаго городища будетъ невозможно, и если татары разорятъ Харьковъ или заберутъ въ плѣнъ его жителей, благодаря этому непослушанію черкасъ, то его вины пусть въ томъ не будетъ. Эта отписка была сообщена Государю, который велѣлъ отправить въ Харьковъ къ черкасамъ указъ, гдѣ приказывалъ имъ быть въ послушаніи—острогъ дѣлать, новыхъ дорогъ не прокладывать, чтобы ими татары не пришли, иначе татары придутъ и заберутъ ихъ въ плѣнъ и тѣмъ причинятъ разореніе [1]). Здѣсь особенно любопытна хронологическая дата о существованіи малороссійскаго поселенія на Харьковскомъ *городищѣ* въ 1654 году. Жители этого поселка ѣздили уже въ это время въ Торъ, т. е. нынѣшній Славянскъ, за солью и проложили для этого даже дорогу. Это во всякомъ случаѣ самое древнее упоминаніе о Харьковѣ, но не *о городѣ* Харьковѣ, а о поселеніи на Харьковскомъ городищѣ. Однако поселенцы вскорѣ все таки принялись за постройку крѣпости по своему образцу, а въ теченіе 1656, 1657 и 1658 гг. ее устроили по московскому типу. По крайней мѣрѣ къ этимъ годамъ относятся (не дошедшія впрочемъ до насъ) „строельныя“ книги г. Харькова. Въ описаніи г. Харькова 1686 г. мы находимъ о нихъ слѣдующее указаніе: „въ приказной избѣ въ сундуку великихъ государей дѣла—книги строельныя г. Харькову 164, 165 и 166 годовъ за рукою воеводы Воина Селифонтова; во многихъ мѣстахъ почернено и скребено и приписано“; это были самые древніе документы въ архивѣ Харьковской приказной избы, всѣ другіе были моложе [2]). Что гор. Харьковъ построенъ былъ въ эти три года, это подтверждается еще и другимъ документомъ: въ описаніи городовъ Бѣлгородской черты 1678 года о Харьковѣ сказано, что, по книгамъ Осипа Корсакова, городъ этотъ построенъ въ 164—166, т. е. 1656—1658 годахъ на рѣкахъ Харьковѣ и Лопани, на Крымской (т. е. правой) сторонѣ первой и Ногайской (т. е. лѣвой) сторонѣ второй [3]). Въ 1656 году постройка городскихъ укрѣпленій по московскому типу однако только что началась—городъ же не считался еще построеннымъ—это видно изъ одного документа, найденнаго мною въ архивѣ Министерства Юстиціи—именно челобитной Харьковскихъ дѣтей боярскихъ Гришки Карпова съ товарищами, которую они подали въ 1659 году въ разрядный приказъ. Они раньше служили по г. Чугуеву, а въ 1656 году были испомѣщены на дикомъ полѣ на рѣкѣ Жихорь, гдѣ и образовали деревню Жихорь „и въ то время Харькова города, писали они, не было, а нынѣ въ 1659 году, Государь, по Твоему Великаго Государя указу, построенъ Харьковъ городъ“. Въ 1659 году они просили Харьковскаго воеводу разрѣшить имъ отправиться въ Москву, для подачи вышеуказанной челобитной [4]). Съ Чугуевскимъ воеводой у вновь назначеннаго Харьковскаго также происходили недоразумѣнія по поводу высылки имъ на сторожу къ Харькову вмѣсто служилыхъ людей работниковъ и малыхъ ребятъ и при томъ

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола, № 394.

[2]) Д. И. Багалѣя. Харьковъ въ XVII стол. (Харьк. кал. на 1885 г., стр. 628).

[3]) Доп. къ актамъ истор. т. IX, стр. 292.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юстиціи Столбец. Бѣлгород. стола, № 370.

пѣшихъ и безъ ружей; Селифонтовъ жаловался на Чугуевскаго воеводу Бѣлгородскому и этотъ послѣдній сдѣлалъ виновному строгій выговоръ, упрекая его въ томъ, что онъ это сдѣлалъ „ради своей бездѣльной корысти“ [1]). Изъ памяти отъ 18 Февраля 1656 г. видно, что изъ Чугуева посылались обыкновенно разъѣзды въ Харьковъ изъ дѣтей боярскихъ въ количествѣ 5 человѣкъ.

Итакъ, начало построенія города Харькова по малороссійскому типу относится къ 1656 году; первоначальнымъ мѣстомъ поселенія выходцевъ малороссіянъ было Харьковское городище, явившееся его будущимъ Кремлемъ, подобно тому какъ и Зміевъ, Салтовъ, Сумы, Бѣлополье, Хорошево и Мохначъ также были построены на городищахъ. На открытой, ровной, степной мѣстности городища являлись, можно сказать, единственными укрѣпленіями и потому то какъ Московское правительство, такъ и первые прочные „насельники“ края черкасы должны были воспользоваться ими для защиты отъ татаръ. Не даромъ въ предварительныхъ топографическихъ развѣдкахъ Московскихъ служилыхъ людей для постройки новыхъ городовъ городища описываются особенно тщательно: опредѣляется ихъ положеніе, величина и т. п. [2]). На это Харьковское городище явилась сразу цѣлая партія переселенцевъ—потому то они и заняли своими дворами верхнюю часть города, потому то они и могли укрѣпить ее всю тыномъ. Конечно, эта первоначальная партія постоянно потомъ пополнялась новыми выходцами, являвшимися или по одиночкѣ, или цѣлыми группами. Такія массовыя переселенія малороссіянъ изъ Заднѣпровья представляли обычное явленіе въ XVII в. [3]). Иногда, такимъ образомъ, являлось сразу по нѣсколько сотъ человѣкъ съ женами и дѣтьми, церковными сосудами и колоколами, стадами и всяческимъ имуществомъ. Такъ между прочимъ былъ заселенъ и ближайшій къ Харькову пунктъ—г. Чугуевъ. Но народное преданіе перенесло черты сравнительно позднихъ явленій—на болѣе ранніе; въ XVIII в., о которомъ могли сохраниться живыя воспоминанія, массовыя переселенія съ праваго берега Днѣпра совершенно почти прекратились, новые поселки образуются теперь преимущественно путемъ выдѣленія изъ прежнихъ хуторовъ, слободъ и т. п. Эти хутора и слободы стали заселяться частью обитателями изъ Слободской украйны, а частью выходцами изъ сосѣдней Гетманщины, т. е. лѣвобережной Малороссіи, гдѣ населеніе пользовалось еще правомъ вольнаго перехода. Конечно, разсуждая a priori, нельзя отрицать возможности и того, что еще до появленія большой партіи переселенцевъ въ нынѣшнемъ Харьковѣ пріютилась какая либо переселенческая семья или небольшая группа, но, во 1-хъ, на это мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ указаній, а, во 2-хъ, документы указываютъ намъ именно на большую, а не маленькую группу. Свое имя вновь построенный городъ получилъ, само собою разумѣется, не отъ миѳическаго Харька, а отъ рѣки Харьковъ. Названіе рѣки древнѣе названія города. Въ знаменитомъ русскомъ географическомъ памятникѣ „Книгѣ большого Чертежа“, составленіе коей относится къ началу XVII в. и въ которой перечисляются населенные пункты Московскаго Государства, нѣтъ города Харькова, а есть рѣка Харьковъ. Даже филологически невозможно происхожденіе имени Харьковъ отъ Харька; отъ этого послѣдняго слова могло бы образоваться названіе Харькивъ, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; звательный

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы. Т. 2-й, стр. 77. Отписка эта помѣчена 163, т. е. 1655 г., но повидимому это ошибка, потому что въ другомъ документѣ самъ Селифонтовъ говоритъ, что былъ назначенъ въ Харьковъ въ 164, т. е. 1656 году; ср. Д. И. Багалѣя. Матеріалы I, стр. 22, тоже въ Моск. Архивѣ Минист. Юстиціи. Столбецъ Бѣлгор. стола, № 389. Впрочемъ и 163-й годъ могъ означать 1656-й годъ, если принять во вниманіе, что въ XVII в. годъ начинался съ 1-го сентября—все зависѣло отъ того, въ какомъ мѣсяцѣ происходило событіе. При переводѣ счета старыхъ годовъ отъ сотворенія міра, всегда возможна разница на 1.

[2]) Д. И. Багалѣя. „Основаніе города Харькова“ стр. 6; ссылка на Столбецъ Бѣлгор. стола № 4814 въ Моск. Архивѣ Минист. Юстиціи.

[3]) Д. И. Багалѣя. „Очерки по исторіи колонизаціи и быта“ т. 1-й, стр. 425—428, тамъ и ссылка на первоисточники.

падежъ имени Харько правда звучитъ „Ха́рьку“, но отъ звательнаго падежа не происходятъ производныя.

Спрашивается теперь, къ какому же времени нужно отнести не построеніе города Харькова, а первое появленіе здѣсь переселенцевъ? Если постройка городскихъ укрѣпленій при Селифонтовѣ началась здѣсь въ 1656 году, то, очевидно, черкасы явились сюда раньше, но когда? Документальныя данныя не даютъ намъ прямого и точнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но мы представимъ свои соображенія, основанныя на документахъ и рѣшающія этотъ вопросъ, на нашъ взглядъ, съ значительно долею вѣроятія.

Въ 1656 году черкасъ, поселившихся на Харьковскомъ городищѣ, назначенный къ нимъ воевода Селифонтовъ называетъ „новоприбытными“, т. е. недавно прибывшими. Съ другой стороны невозможно допустить, чтобы Московское центральное правительство оставляло ихъ долгое время безъ самостоятельнаго воеводы, въ особенности, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ Харьковъ явилась значительная партія переселенцевъ; своими домами они застроили все городище окружностью въ 530 саж., а на такомъ пространствѣ, при тогдашней скученности построекъ въ крѣпостяхъ, можно было поставить не мало домовъ. На основаніи этихъ соображеній можно предполагать, что во всякомъ случаѣ были уже переселенцы въ Харьковѣ въ 1655 году. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ документальныхъ данныхъ. До послѣдняго времени мы не знали ни числа, ни состава Харьковскаго населенія въ моментъ основанія города. Теперь именной списокъ Харьковцевъ за 1655-й годъ отысканъ мною въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и въ виду его интереса и важности цѣликомъ печатается въ приложеніи. Здѣсь же въ текстѣ я ограничусь по поводу его только нѣкоторыми краткими замѣчаніями. Всѣхъ черкасъ въ Харьковѣ въ 1655 году оказалось 587 душъ мужскаго пола (въ слободѣ Хорошевское городище было 50 душъ, но эта слобода, входившая въ составъ Харьковскаго уѣзда, приписалась теперь къ Зміеву). Число женщинъ не обозначено въ этомъ перечнѣ, но онѣ, конечно, были и не переписывались разрядомъ, потому что этотъ послѣдній вѣдалъ поселенцевъ и интересовался ими, какъ ратными людьми. Въ этотъ списокъ не вошли и дѣти, а, также, вѣроятно, родственники, свойственники и другія лица, не принявшія на себя самостоятельныхъ военныхъ обязанностей и не попавшія поэтому въ списокъ Харьковскихъ служилыхъ черкасъ. На служилый же, воинскій, по всей вѣроятности, козацкій составъ даннаго реестра указываютъ два обстоятельства: во 1-хъ, то, что во главѣ всѣхъ этихъ черкасъ стоялъ атаманъ Иванъ Васильевъ сынъ Кривошлыкъ, а, во 2-хъ, то, что они дѣлились на сотни и десятки, во главѣ которыхъ стояли сотники и десятники. Любопытно, что это было фактическое десятичное дѣленіе, т. е. въ составъ сотни дѣйствительно входило сто человѣкъ, десятка—десять, за исключеніемъ послѣдней шестой сотни, въ которой не оказалось полной сотни, а только 87 человѣкъ; между тѣмъ какъ впослѣдствіи сотня потеряла свой строго цифровой характеръ и заключала въ себѣ значительно большее или меньшее число лицъ. Сотникомъ 1-й сотни былъ Тимошъ Лавриновъ, 2-й Логинъ Ященко, 3-й Малей Федоренко, 4-й Семенъ Песецкій, 5-й Калиникъ Кушнеръ, 6-й Костя Слюсарь. Фамиліи поселенцевъ въ общемъ чисто малороссійскія, хотя иногда получившія несвойственную имъ великорусскую редакцію, происходящія преимущественно отъ именъ съ оканчаніемъ на енко; первоначально это енко обозначало, что это былъ сынъ извѣстнаго лица, напримѣръ, Иваненко—первоначально, въ первомъ поколѣніи, означало сына Ивана, а потомъ превращалось уже въ прочную фамилію или кличку: Тимошенко, Якименко, Даниленко, Ефименко, Клименко, Гордѣенко, Алексѣенко и т. п. Другія фамиліи также оканчивались на енко, но не произошли отъ личныхъ именъ, а иного происхожденія, напримѣръ, Сонченко, Суровченко, Ващенко, Слипченко, Ваненко, Дурасенко, Дегтеренко и т. п. Третьи происходятъ

отъ названія разныхъ ремеслъ и промысловъ, напримѣръ, Мельникъ, Перевозникъ, Токарь, Колесникъ, Коваль, Кушнеръ, Котляръ, Швецъ, Ткачъ, Рѣзникъ, Кравецъ и т. п. Четвертыя происходятъ отъ названія мѣстностей, народовъ, разныхъ предметовъ, напримѣръ, Кодацкій, Жукъ, Кременчугскій, Волошенинъ, Москаль, Хмѣль, Журавль, Дудка, Стриха, Ломака, Тетеря, Корытинъ, Рогатинка, Заяцъ, Сыроѣжка, Горобецъ и т. п. Пятыя—отъ разныхъ свойствъ и качествъ—Тихій, Дурной, Кривый, Рудый, Черный, Недбаенко, Лысый и т. д. Шестыя представляютъ изъ себя отчества, но только въ русской формѣ, напримѣръ, Ивановъ, Семеновъ, Яковлевъ и т. п. Есть, наконецъ, и такія лица, которыя называются по фамиліямъ своего тестя, напримѣръ, Яковъ Шарковъ зять и др. Получили ли эту военную организацію всѣ эти лица только на мѣстѣ въ Харьковѣ, или уже пришли съ ней въ Харьковъ—неизвѣстно; ибо въ Слободскую украйну приходили партіи переселенцевъ, въ составъ которыхъ входили не одни козаки, но и мѣщане и посполитые, стремившіяся въ козачество. Харьковскихъ черкасъ воевода Офросимовъ называлъ сбродомъ мужиковъ деревенскихъ, указывая этимъ на преобладающій въ ихъ составѣ элементъ посполитыхъ. Во главѣ Харьковскихъ черкасъ стоялъ атаманъ, глава всѣхъ сотенъ и сотниковъ. Если принять во вниманіе однородный составъ Харьковскихъ поселенцевъ и сопоставить этотъ фактъ съ презрительнымъ замѣчаніемъ воеводы, что это былъ всякій сбродъ, то скорѣе можно будетъ предположить, что харьковскіе черкасы составили изъ себя козацкій отрядъ уже на мѣстѣ въ Харьковѣ. Чрезвычайно важнымъ указаніемъ является свидѣтельство документа, что во главѣ сотенъ стоялъ не полковникъ, а атаманъ: слѣдовательно въ это время еще не было Харьковскаго полка. Если присоединить къ воинамъ женщинъ и дѣтей, то всѣхъ жителей въ Харьковѣ въ 1655 году, вѣроятно, было 1500—1800 человѣкъ обоего пола. Если сравнить населеніе Харькова и Хорошевской Слободы, то окажется, что въ первомъ было по крайней мѣрѣ въ 10 разъ болѣе жителей, чѣмъ во второй. Отсюда видно, что Харьковъ сразу занялъ видное мѣсто среди другихъ поселеній по своему многолюдству. Это доказывается также и тѣмъ, что онъ сейчасъ же пріобрѣлъ значеніе самостоятельнаго уѣзднаго центра. Преосвященный Филаретъ еще имѣлъ въ рукахъ одну чрезвычайно важную для насъ выдержку изъ жалобы Бѣлгородскихъ священниковъ, которая подана была Бѣлгородскому воеводѣ Вас. Бор. Шереметеву. Недавно намъ удалось найти эту челобитную въ подлинникѣ [1]). Въ этой челобитной они писали, что ихъ церковной вотчиной завладѣли въ 1654 г. безъ всякаго права переѣзжіе изъ разныхъ городовъ черкасы, а вотчина ихъ расположена въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ и состоитъ изъ рѣчекъ: Лопани и Харькова со всѣми угодьями; объ этой церковной вотчинѣ черкасы заявили, что она находится въ Чугуевскомъ уѣздѣ и стали тамъ бить дикаго звѣря, ловить рыбу и сѣчь бортныя деревья. Бѣлгородскій воевода запретилъ этимъ черкасамъ, за исключеніемъ только 37 человѣкъ, явившихся ранѣе, селиться въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, а сдѣлалъ распоряженіе о поселеніи ихъ въ уѣздѣ Чугуевскомъ. Но они все таки тамъ станы и пасѣки завели, звѣря и рыбу ловили, бортныя деревья сѣкли и монастырскихъ севрюковъ грабили, а въ 163 (т. е. 1655 г.) построили жилымъ городомъ новый городъ Харьковъ на рр. Харьковѣ и Лопани, а строилъ тотъ городъ по Государеву указу строильщикъ и воевода Воинъ Селифонтовъ". Очевидно, что Бѣлгородской церкви принадлежало все теченіе рѣкъ: Лопани и Харькова со всѣми угодьями, въ качествѣ „ухожая", т. е. звѣроловнаго и рыболовнаго угодья; вслѣдствіе отдаленности ихъ отъ Бѣлгорода невозможно было фактически владѣть ими и эксплоатировать ихъ для цѣлей земледѣлія. Соборной Троицкой церкви въ Бѣлгородѣ принадлежалъ и Мохначевскій юртъ, который лежалъ еще южнѣе Харькова (это нынѣшніе Мохначи),

[1]) Ист. стат. опис. Харьк. еп., II, 159—160, Архивъ Мин. Юстиціи. Столбецъ Бѣлгородскаго стола № 504, стр. 201—203.

а въ 1656 году мы видимъ уже тамъ нововъѣзжихъ черкасъ. Московское правительство охотно принимало малороссіянъ и селило ихъ за Бѣлгородской чертой. И очевидно, что черкасы, занявшіе угодья по рр. Лопани и Харькову въ окрестностяхъ Харькова, были тѣ самые, которые основали Харьковъ, ибо къ новому городу, сдѣлавшемуся вскорѣ центромъ окружающей его территоріи—уѣзда, отведены были, какъ увидимъ далѣе, весьма обширныя земельныя угодья, именно земли по этимъ рѣкамъ. Быть можетъ, о нихъ говоритъ и другая грамота, приводимая Преосв. Филаретомъ. По свѣдѣніямъ ея, въ 1655 г. явилась въ Чугуевъ партія малороссіянъ въ 800 человѣкъ подъ предводительствомъ атамана Максима Тимофеева и испрашивала позволенія у Государя селиться на вѣчныя времена въ Чугуевскомъ уѣздѣ въ урочищѣ между рр. Лопанью и Харьковомъ. Государь велѣлъ ихъ здѣсь устроить дворами и надѣлить землею по 24 или 30 четей на душу (не считая сѣнныхъ покосовъ). Къ сожалѣнію, въ документѣ не опредѣляется точнымъ образомъ мѣстожительство этихъ черкасъ; это подало поводъ Преосв. Филарету высказать предположеніе, что черкасы эти были поселены въ сл. Липцахъ и Лопани, и предположеніе это онъ подкрѣпляетъ близостью этихъ селеній къ Бѣлгородскому уѣзду, многочисленностью поселенцевъ и раннимъ упоминаніемъ (въ 1663 году) о сл. Липцахъ. Но доказательства эти не особенно убѣдительны: владѣнія Бѣлгородскихъ священниковъ, какъ мы видѣли, захватывали Мохначевскій юртъ, который лежалъ далеко южнѣе Харькова и даже Чугуева; мѣстоположеніе сл. Липецъ и Лопани, по нашему мнѣнію, не совпадаетъ съ опредѣленіемъ грамоты: с. Липцы расположено на р. Харьковѣ, а с. Лопань на р. Лопани; между тѣмъ партія черкасъ подъ предводительствомъ Тимофеева поселилась въ урочищѣ между Лопанью и Харьковомъ, что соотвѣтствуетъ скорѣе Харькову. Харьковъ лежитъ при впаденіи Харькова въ Лопань, а земельныя дачи его поселенцевъ захватывали значительную территорію между рр. Харьковомъ и Лопанью къ сѣверу отъ города. Указать другое поселеніе, которое бы болѣе Харькова соотвѣтствовало приведенному въ грамотѣ указанію, мы не можемъ; пріурочить его, напримѣръ, къ Лозовой трудно, потому что отрядъ черкасъ въ 800 чел. былъ бы уже слишкомъ великъ для Лозовой, да и первое упоминаніе о Лозовой (и притомъ Русской, а не Черкаской) относится только къ 1663 году. Скорѣе можно было бы пріурочить этихъ черкасъ къ Хорошеву, но тамъ, какъ мы знаемъ, было всего 50 человѣкъ. Между тѣмъ въ Харьковѣ въ 1655 году было переписано 587 взрослыхъ поселенцевъ муж. пола. Такимъ образомъ, можно предполагать, что упомянутая партія переселенцевъ, состоявшая изъ 800 душъ, поселилась главнымъ образомъ въ Харьковѣ, а также въ Хорошевѣ и другихъ селеніяхъ, расположенныхъ въ области рр. Лопани и Харькова. Хронологія и топографія вполнѣ соотвѣтствуютъ такому предположенію и нельзя назвать другого пункта въ этой мѣстности, къ которому бы можно было пріурочить поселеніе 6—8 сотенъ черкасъ: въ слободахъ, какъ это видно на примѣрѣ Хорошева, поселялись не сотни, а десятки воиновъ. Конечно, сдѣланное нами пріуроченіе представляетъ все таки гипотезу, но и помимо этого остается внѣ всякаго сомнѣнія фактъ существованія малорусскаго поселка на Харьковскомъ городищѣ въ 1655 году. Поселокъ этотъ былъ въ Чугуевскомъ уѣздѣ и находился въ вѣдѣніи Чугуевскаго воеводы, который руководилъ здѣшними поселенцами, при устройствѣ ими укрѣпленія. Если при этомъ пріурочить къ этимъ именно Харьковскимъ поселенцамъ вышеприведенную жалобу Бѣлгородскихъ священниковъ о захватѣ ими земель по рр. Лопани и Харькову, то придется отнести первое появленіе ихъ въ этихъ мѣстахъ къ 1654 году. Но и помимо этого мы имѣемъ категорическое свидѣтельство документа о томъ, что на Харьковскомъ городищѣ существовало поселеніе въ 1654 г.: Харьковскій воевода Селифонтовъ въ 1656 г., какъ мы знаемъ, жаловался въ приказъ, что черкасы Харьковскаго городища въ 1654 г. проложили дорогу и ѣздили оттуда на Торъ за солью.

Приведенное раньше свидѣтельство Жихорцевъ, что въ это время Харькова еще не было, не противорѣчитъ нашему заключенію, ибо они имѣли въ виду *городъ* Харьковъ, а мы говоримъ о поселеніи малороссіянъ на Харьковскомъ городищѣ.

И такъ, древнѣйшіе слѣды малороссійскаго поселенія на Харьковскомъ городищѣ относятся къ 1654 году, а постройка городскихъ укрѣпленій, т. е. города началась въ 1655 году. Мы отвергли Харька—миѳическаго основателя Харькова, но на мѣсто его можемъ теперь, на основаніи болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ, поставить истиннаго основателя нашего города—перваго Харьковскаго осадчаго, т. е. предводителя партіи переселенцевъ, впервые осѣвшихся здѣсь; это былъ Иванъ Каркачъ. И Харьковскіе малороссіяне, подобно Чугуевскимъ, Острогожскимъ, должны были явиться на новое мѣсто жительства со своимъ осадчимъ. Подобно тому какъ нѣкогда на Чугуево городище явилась партія малороссіянъ подъ предводительствомъ гетмана Якова Острянина, а въ Острогожскъ—подъ предводительствомъ Ив. Дзинковскаго, и у Харьковскихъ черкасъ, представлявшихъ значительную партію, долженъ былъ быть свой осадчій, ватажокъ или атаманъ. Древнѣйшіе документы, правда, не называютъ намъ его имени, но это, во 1-хъ, потому, что до насъ дошли только московскіе акты, имѣвшіе въ виду не внутреннюю казацкую организацію, а дѣятельность центральнаго правительства и его мѣстныхъ органовъ въ дѣлѣ обороны и заселенія края, а, во 2-хъ, и потому еще, что о первоначальномъ заселеніи Харькова у насъ нѣтъ современныхъ событію документовъ. Но пробѣлъ этотъ пополняется документами XVIII-го вѣка. По „хроногеографическому описанію“ Харькова (1767 г.) первымъ харьковскимъ осадчимъ былъ Иванъ Каркачъ [1]). Правда, этотъ же документъ сообщаетъ невѣрное извѣстіе, что Харьковъ былъ основанъ въ 1630 году, но это не опровергаетъ его свѣдѣнія о первомъ Харьковскомъ осадчемъ; годъ основанія города съ бо́льшимъ трудомъ могъ сохраниться въ памяти населенія, чѣмъ имя осадчаго. Въ моментъ своего основанія Харьковъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ и слободъ, основанныхъ переселенцами—малороссіянами; слѣдовательно, основаніе его должно было пройти также незамѣтно, какъ и основаніе другихъ слободско-украинскихъ городовъ, но имя перваго осадчаго всегда сохранялось въ памяти жителей даже и небольшихъ поселеній. Сообщеніе „хроногеографическаго описанія“ подтверждается еще и другимъ документомъ—описаніемъ Харькова, представленнымъ въ извѣстную Екатерининскую Коммиссію для составленія проекта новаго уложенія: тамъ также первымъ Харьковскимъ осадчимъ названъ Иванъ Каркачъ. Тамъ и время основанія города показано правильно. „Сколько извѣстно, читаемъ мы тамъ, той городъ Харьковъ населенъ въ срединѣ прошедшаго вѣка призванными изъ Заднѣпровскихъ и малороссійскихъ городовъ по привиллегіямъ вольными людьми малороссійскаго народа для защищенія границы отъ набѣговъ татаръ, и первымъ осадчикомъ былъ малороссіянинъ прозваніемъ Иванъ Каркачъ“ [2]). Кромѣ того фамилія Каркача встрѣчается еще въ двухъ документахъ: въ межевой грамотѣ г. Харькова 1663 года упоминается „Каркачева пасѣка“ [3]), и въ вѣдомости о Мерефянской сотнѣ Харьковскаго полка говорится о старинномъ козакѣ Степанѣ Каркачѣ [4]). Наконецъ, въ самое послѣднее время мнѣ удалось найти упоминаніе о фамиліи Каркачей и въ документахъ XVII в. Въ спискѣ Харьковскихъ поселенцевъ 1655 года упоминается Яковъ Каркачевъ, а во главѣ Харьковскихъ челобитчиковъ въ Москву былъ отправленъ Грицко Каркачъ [5]). Очевидно, что среди Харьковцевъ была цѣлая семья Каркачей и одинъ изъ нихъ—Иванъ—

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, II, стр. 216.

[2]) Ibidem, стр. 214.

[3]) Рукописная межевая выпись Харькова 1663 г.; сообщена В. В. Гуровымъ.

[4]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы; I, стр. 292.

[5]) Моск. Арх. Минист. Юстиціи Столбецъ Вѣлгор. стола.

сыгралъ роль осадчаго. Память о немъ долго сохранялась въ Харьковѣ –до 2-й половины XVIII вѣка, когда его имя занесено было и въ письменные документы, а потомъ, быть можетъ, съ потемнѣніемъ воспоминаній, его имя отождествили съ миѳическимъ Харькомъ: К при смягченіи могло перейти въ Х и Каркачъ могъ превратиться такимъ образомъ, въ Харкача, ибо въ такой редакціи его имя объясняло названіе основаннаго имъ города Харькова.

Вспомнимъ же нынѣ съ признательностью имя Ивана Каркача, который выбралъ для поселенія своей партіи малороссійскихъ выходцевъ именно Харьковское городище, убѣгая отъ религіознаго и экономическаго гнета, ища въ новомъ пустынномъ тогда краѣ свободы совѣсти, свободы общественно-политической и матеріальнаго благополучія.

Онъ вышелъ изъ Малороссіи, по всей вѣроятности, Заднѣпровской тогда, когда она напрягала при Богданѣ Хмельницкомъ всѣ свои усилія къ освобожденію отъ польскаго ига и Переяславскимъ договоромъ съ Московскимъ государствомъ 1654 г. старалась обезпечить себѣ свободу подъ властью единовѣрной Россіи. Одна часть малороссійскаго народа—Малороссія прямо вступила въ подданство Россіи, а другая заселила ей цѣлый новый край—Слободскую украйну, центромъ которой суждено было сдѣлаться городу, основанному Иваномъ Каркачомъ. Пусть же память о немъ держится въ Харьковѣ, пока будетъ стоять городъ.

Вышеприведенными данными и соображеніями и исчерпывается въ сущности вопросъ объ основаніи Харькова. Но въ заключеніе мы позволимъ себѣ еще остановиться на гипотезѣ проф. Н. Я. Аристова, предполагавшаго, что Харьковъ возникъ на мѣстѣ древняго Половецкаго города Шаруканя. Городъ Шарукань, который сдался русскимъ князьямъ въ 1111 году, долженъ былъ находиться гдѣ то въ мѣстности нынѣшнихъ Харькова и Чугуева. Правда, лѣтопись помѣщаетъ его въ области Дона, однако подъ лѣтописнымъ Дономъ слѣдуетъ здѣсь разумѣть Донецъ; по крайней мѣрѣ къ такому заключенію приводитъ разсчетъ пути, сдѣланнаго русскими князьями. Но ближайшее опредѣленіе мѣстоположенія Шаруканя оказывается очень труднымъ. Въ Воскресенскомъ спискѣ лѣтописи сказано, что князья исполчившись пошли съ Дона (т. е. Донца) на Шарукань; слѣдовательно, Шарукань долженъ былъ находиться, повидимому, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Донца; и такому условію удовлетворяетъ Харьковъ. Но въ такомъ случаѣ русскіе князья должны были сдѣлать ненужный напрасный крюкъ: подвигаясь постоянно въ юго-восточномъ направленіи, они подошли, наконецъ, къ Донцу, а потомъ опять принуждены были бы, чтобы добраться до Харькова, возвращаться назадъ на западъ, между тѣмъ какъ имъ гораздо проще было сначала подойти къ Харькову, а потомъ уже къ Донцу. Если же предположить подъ Шаруканемъ нынѣшній Чугуевъ, то опять получится несообразность: русскіе князья отступали отъ Донца, чтобы подойти къ Шаруканю, а самъ Чугуевъ стоитъ на Донцѣ. Этимологія здѣсь также не даетъ положительныхъ указаній. Городъ Шарукань назывался еще Чешуевымъ и Осеневымъ (всѣ эти названія происходятъ, очевидно, отъ именъ Половецкихъ хановъ); и если имя Шарука напоминаетъ намъ нѣсколько Харьковъ, то имя хана Чугая еще ближе подходитъ къ названію Чугуева.

Но если и нѣтъ данныхъ для отождествленія Половецкаго Шаруканя и Харькова, то это не исключаетъ возможности мнѣнія, что нашъ Харьковъ возникъ на мѣстѣ какого то до-татарскаго города (ибо у татаръ здѣсь городовъ не было), можетъ быть Половецкаго, но можетъ быть и русскаго. Проф. П. В. Голубовскій въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи „Печенѣги, Торки и Половцы“ доказалъ, что граница Чернигово-Сѣверскаго и Переяславскаго княжества шла гораздо далѣе на югъ и юго-востокъ, чѣмъ это принято думать. Нынѣшняя Харьковская губернія составляла боевую границу древней Руси вообще и Сѣверщины въ частности. Въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губерніи мы находимъ Чернигово-Сѣверскіе города: Вырь, Вьяхань, Папашъ. Чрезвычайно важнымъ свидѣтельствомъ въ этомъ отношеніи является суще-

ствованіе въ XII вѣкѣ русскаго города Донца, остаткомъ котораго, быть можетъ, является Донецкое городище на р. Удахъ, впадающихъ въ Донецъ (въ 8 в. отъ Харькова, гдѣ теперь с. Бабаи). Слѣдя за походами русскихъ князей въ Половецкую землю, мы видимъ славянорусское, сѣверянское населеніе и на Сулѣ, и на Пслѣ, и даже на Ворсклѣ. Съ другой стороны Половцы, какъ видно изъ тѣхъ же лѣтописныхъ извѣстій, не имѣли еще своихъ постоянныхъ жилищъ въ бассейнѣ Псла, Ворсклы, Донца и его притоковъ—Удъ съ Лопанью и Харьковомъ, Мжи, Оскола: ихъ зимовища и лѣтовища шли по рр. Орели, Самарѣ, Тору, южному Донцу и Дону. О существованіи въ Харьковщинѣ и Полтавщинѣ, до новой ихъ малорусской колонизаціи, цѣлаго ряда городовъ свидѣтельствуетъ масса городищъ, расположенныхъ необыкновенно правильно по теченію рѣкъ Псла, Ворсклы, ея притоковъ Мерла и Коломака, Донца и его притоковъ Удъ и Мжи, образующихъ нѣсколько укрѣпленныхъ линій. Упоминанія объ этихъ городищахъ мы находимъ въ книгѣ большого чертежа и росписи Донецкихъ станицъ XVI в. Въ пользу русскаго происхожденія говорятъ русскія названія многихъ изъ нихъ. Все это, повторяю, дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что Харьковское городище представляетъ остатки какого либо стариннаго города домонгольскаго періода нашей исторіи, т. е. эпохи до половины XIII в. Большую услугу исторіи могла бы оказать въ данномъ случаѣ археологія. Но, къ сожалѣнію, находки древностей въ предѣлахъ городской черты хотя и случались, но едва ли регистрировались и въ настоящее время мы ихъ почти не имѣемъ въ своемъ распоряженіи. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ въ этомъ отношеніи явилось то, что Харьковское городище, представлявшее изъ себя остатки болѣе древняго поселенія, уже въ половинѣ XVII вѣка сдѣлалось центромъ новаго города—его крѣпостью, акрополемъ и, слѣдовательно, подвергалось разнымъ измѣненіямъ и раскопкамъ въ то время, когда находкамъ различныхъ предметовъ древности не придавали никакого значенія. Теперь оно сплошь занято постройками и потому археологическое изслѣдованіе его невозможно, въ противоположность, напримѣръ, Донецкому городищу, которое легко и нынѣ подвергнуть всестороннему изученію посредствомъ раскопокъ. Другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ нужно признать отсутствіе въ Харьковѣ до послѣдняго времени музея мѣстныхъ древностей и спеціалистовъ—археологовъ. Къ тому же если то древнее поселеніе, на мѣстѣ котораго возникъ нынѣшній Харьковъ, представляло изъ себя городъ въ домонгольскій періодъ нашей исторіи, то онъ не могъ быть въ силу своего географическаго положенія значительнымъ культурнымъ центромъ, а напоминалъ такіе бѣдные украйные городки—острожки Черниго-Сѣверской земли, какъ—Вырь, Вьяхань, Попашъ, гдѣ, по выраженію одного изъ тогдашнихъ князей, сидѣли только Половцы да псари, т. е. обрусѣвшіе тюрки, принявшіе на себя защиту русскихъ окраинъ отъ своихъ дикихъ сородичей, и охотники. Такимъ образомъ, Харьковская почва не могла доставить такихъ богатыхъ кладовъ и находокъ какъ, напримѣръ, Кіевъ и другіе центральные города древнерусской земли. Но кое какія древности тѣмъ не менѣе время отъ времени въ Харьковѣ находили. На Холодной горѣ былъ раскопанъ курганъ, въ которомъ найдены человѣческія кости, уголь, черепки, представлявшія, вѣроятно, слѣды языческаго погребенія [1]). На той же Холодной горѣ найденъ былъ образъ Спаса Нерукотвореннаго изъ гипса древнегреческаго стиля, какъ предполагаютъ домонгольскаго періода [2]). Находимы были въ Харьковѣ татарскія джучидскія монеты XIV вѣка. И, наконецъ, едва ли не самой интересной находкой нужно признать бронзовое зеркало, отысканное въ окрестностяхъ Харькова и поступившее отъ студента Криворотова въ 1854 году въ музей Харьковскаго университета, гдѣ и нынѣ хранится. Оно подверглось

[1]) Д. И. Багалѣя. Археологическая карта Харьковской губ.

[2]) Труды III-го археологическаго съѣзда, II, 205—207.

тщательному научному изслѣдованію профессоровъ Казанскаго университета Н. Катанова и Д. Айналова [1]). Они пришли къ заключенію, что зеркало это восточнаго происхожденія и имѣетъ надпись на арабскомъ языкѣ, которая читается такъ: „прочная слава при безмятежной жизни, всестороннее счастіе при спасительной побѣдѣ, возрастающій успѣхъ при вспомоществующей судьбѣ и благопріятное положеніе при продолжительности существованія (или блаженное состояніе при будущей жизни) (да будутъ) во вѣки".

„Содержаніе надписи показываетъ, говоритъ г. Катановъ, что зеркало предназначалось вообще для начальника, управлявшаго войскомъ, но имени этого начальника нѣтъ... зеркала такого рода были отливаемы вообще по одной формѣ и пускались въ обращеніе". „У арабовъ, говоритъ далѣе г. Катановъ, металлическія зеркала имѣли лишь практическое значеніе, какъ туалетная принадлежность, но другіе народы, у которыхъ эти зеркала были находимы, придавали имъ магическое значеніе; также и др. инородцы клали зеркала при покойникахъ, желая послѣднимъ добра въ загробной жизни". Проф. Айналовъ, разобравъ подробно орнаментъ Харьковскаго зеркала, пришелъ къ заключенію, что онъ представляетъ линейную форму арабески чистаго типа XI—XIII в. Остановившись же на другихъ зеркалахъ, найденныхъ въ Харьковской губерніи, онъ высказываетъ убѣжденіе, что они вполнѣ родственны по типу и штемпелямъ съ поволжскими зеркалами и, слѣдовательно, шли торговыми путями на югъ въ XI—XIII в. черезъ Поволжье съ востока.

Такимъ образомъ, и зеркало, найденное въ окрестностяхъ Харькова, указываетъ на домонгольскій или начало монгольскаго періода нашей исторіи. Да и едва ли можно отнести городища Харьковской губерніи къ другому болѣе раннему или болѣе позднему времени. Къ болѣе раннему времени ихъ трудно отнести потому, что тогда едва ли бы сохранилась къ концу XVI в. память о томъ, что это были прежде города; къ болѣе позднему трудно отнести потому, что татаре, говоря вообще, не были строителями городовъ въ предѣлахъ русской территоріи. Естественнѣе всего предположеніе, что это были города въ Половецкой землѣ (какимъ выступаетъ передъ нами по лѣтописи, напримѣръ, Шарукань), заселенные смѣшаннымъ русско-тюркскимъ элементомъ, но съ господствомъ послѣдняго, въ противоположность украинскимъ городамъ русскихъ княжествъ, гдѣ также жило смѣшанное населеніе, но господствовала стихія русская. При такого рода предположеніи дѣлается понятнымъ присутствіе въ находкахъ какъ русскаго, такъ и тюркскаго элемента. Должно быть отмѣчено здѣсь то обстоятельство, что и другое городище, находящееся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Харьковскимъ и упоминаемое уже въ Книгѣ Большого Чертежа—Донецкое, представляющее, по мнѣнію нѣкоторыхъ, остатки русскаго города Донца XII вѣка, такъ же дало татарскія монеты XIV вѣка, а возлѣ него открыто было древнее языческое погребеніе съ височными кольцами славянскаго типа. Недалеко отъ Чугуевскаго городища на берегу р. Донца у сел. Кочетка найденъ былъ крестьяниномъ и пріобрѣтенъ мною для университетскаго музея выдающійся памятникъ древности—бронзовая фигура всадника на конѣ западноевропейской работы или такъ называемый водолей (рукомойникъ), относимый г. Смирновымъ, посвятившимъ ему спеціальное изслѣдованіе [2]) ко 2-й половинѣ XII вѣка. Однимъ словомъ, многое указываетъ на то, что мѣстность Харькова и его окрестностей не представляла изъ себя пустыни въ эпоху до XIV вѣка, хотя этнографическое пріуроченіе Харьковскаго городища къ той или другой народности, при недостаточности археологическихъ данныхъ, пока невозможно.

---

[1]) См. ст. ихъ „Вост. метал. зеркала изъ Харьк. и Екатерин. губ." въ „Трудахъ Харьк. предв. ком.", т. 1, стр. 466—474.

[2]) „О бронзовомъ водолеѣ западноевропейской работы, найденномъ въ Харьк. губ. и о другихъ подобныхъ находкахъ въ предѣлахъ Россіи". (Труды Харьк. Пред. Ком., т. 1-й, стр. 481—519).

Глава 2-я.

Топографія Харькова въ XVII—XVIII вѣкахъ.

Постараемся теперь прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ постепенное возрастаніе территоріи г. Харькова со времени его основанія до начала XIX вѣка.

Что изъ себя представлялъ Харьковъ въ XVII в. въ смыслѣ топографическомъ? Нѣкоторое понятіе объ этомъ даютъ описанія его крѣпости, дошедшія до насъ отъ XVII ст. Такія описанія относятся къ 1663, 1668, 1670, 1673, 1675, 1678, 1686 и 1690 годамъ. Составлены они были харьковскими великорусскими воеводами и представляютъ оффиціальные отчеты ихъ Московскому правительству о состояніи, въ какомъ находилась Харьковская крѣпость. Этою спеціальною цѣлью опредѣляются какъ достоинства, такъ и недостатки этого матеріала. Данныя, касающіяся укрѣпленій, въ высшей степени подробны и точны; но за то они вовсе почти не заключаютъ топографическихъ свѣдѣній о тѣхъ частяхъ города, которыя находились за чертою укрѣпленій. Впрочемъ въ XVII в. Харьковъ и имѣлъ значеніе главнымъ образомъ въ качествѣ военнаго оборонительнаго пункта. Въ половинѣ XVII в. нынѣшняя Харьковская губернія представляла изъ себя Украйну русскаго міра, передовой оплотъ для Московскаго государства отъ татаръ, производившихъ на нее постоянныя нападенія и набѣги. Населеніе ея поневолѣ должно было превратиться въ воиновъ, не переставая въ то же самое время оставаться земледѣльцами и промышленниками. Жители ея—слобожане—сыграли такимъ образомъ очень важную роль въ дѣлѣ защиты Русскаго государства отъ татаръ, слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру своихъ собратьевъ—малороссійскихъ козаковъ и запорожцевъ. Привлекаемое огромнымъ количествомъ плодородныхъ земель, религіозной, соціальной и экономической свободой, стекалось въ Слободскую Украйну населеніе отовсюду, гдѣ дали себя почувствовать крѣпостной гнетъ, недостатокъ земли или религіозное преслѣдованіе. Трудно приходилось переселенцамъ, особенно на первыхъ порахъ; но свобода, очевидно, была милѣе всего и потому край быстро заселялся. Тамъ, гдѣ были одни сторожи и станицы, т. е. временныя стоянки московскихъ служилыхъ людей, теперь появились укрѣпленные города; въ лѣсахъ устраивались засѣки; въ степяхъ—укрѣпленія изъ валовъ и рвовъ. По дикому полю, гдѣ никто никогда не косилъ травы, зазвенѣли косы и полегла рядами трава, прошелъ плугъ и поднялъ цѣлину, нетронутую, можетъ быть, отъ вѣка и уже во всякомъ случаѣ отъ временъ скиѳовъ—пахарей и древнихъ русичей. Вотъ такую то роль передоваго оплота противъ Крымскихъ ордъ игралъ и Харьковъ въ XVII вѣкѣ. Отряды татаръ дѣлали нападенія на его окрестности, а въ 1680 г. подходили къ самому городу [1]).

Первая постройка его укрѣпленій принадлежала еще, какъ мы видѣли, самимъ малороссійскимъ поселенцамъ: они строили городскія укрѣпленія, правда по чертежу Чугуевскаго воеводы, но по своему обычаю, т. е. такъ, какъ они привыкли укрѣплять свои городки и мѣстечка въ Заднѣпровской Малороссіи.

---

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы т. II, стр. 101.

Размѣры этой крѣпости въ первоначальный моментъ заселенія города были не велики—равнялись, какъ мы знаемъ уже, 530 саж. въ окружности. Существовали ли въ это время кромѣ крѣпости или острога еще и слободы, источники не говорятъ; извѣстная намъ отписка воеводы Селифонтова 1657 г. говоритъ только о томъ, что черкасы заняли своими постройками все городище; но они могли жить и за его предѣлами; воеводу въ данномъ случаѣ интересовалъ только вопросъ—можно ли было уменьшить размѣры острога, соотвѣтствовавшаго городищу. Харьковская крѣпость въ 1663 году представляется намъ въ такомъ видѣ. Крѣпость его была деревянная и состояла изъ дубоваго тына съ обламами, котками и засыпными тарасами; обламы—это брустверъ въ стѣнѣ высотою подъ грудь стрѣлка; котки—бревна, которыя помѣщались на вершинѣ стѣны или башни и скатывались на врага во время приступа; стѣна рубленая тарасами, состояла изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу на толщину ограды; они соединялись другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ поперечными стѣнами, такъ что образовывались клѣтки, которыя наполнялись землею или камнями. Тынъ былъ окруженъ рвомъ. Воевода Сухотинъ (бывшій въ Харьковѣ въ 1660, 1661 и 1662 гг.) построилъ другой тынъ и сдѣлалъ подлѣ него ровъ глубиною и шириною въ 2 сажня, а въ стѣнахъ 10 башенъ, покрытыхъ дранью. Однѣ изъ нихъ были проѣзжія, т. е. имѣли ворота; другія—глухія. Вся окружность городовой стѣны равнялась 475 саж., т. е. была немногимъ менѣе одной версты. Форму крѣпость имѣла четыреугольную; на четырехъ углахъ ея было по башнѣ и эти башни носили названіе наугольныхъ; одна изъ нихъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣстовой: въ ней висѣлъ вѣстовой колоколъ вѣсомъ болѣе 9 пудовъ. Другая находилась у рѣки Харькова, третья—у рѣки Лопани, четвертая тоже у Лопани. Изъ 6 остальныхъ башенъ одна называлась Московской, другая Чугуевской, третья Тайницкой, остальныя—безъ особыхъ названій (одна глухая, другая—средняя, третья—надъ воротами). Названіе первыхъ двухъ объясняется, очевидно, ихъ положеніемъ: черезъ нихъ лежали дороги на Москву (нынѣшняя Московская улица) и Чугуевъ; въ Тайницкой помѣщался тайникъ, т. е. тайный ходъ съ колодеземъ, простиравшійся на 16 сажень въ длину и $1^1/_2$ саж. въ ширину. Всѣ башни были устроены болѣе или менѣе одинаково: восемь изъ нихъ были съ обламами и шатрами или клѣтями на верху; двѣ (Тайницкая и съ проѣзжими воротами) безъ обламовъ, но съ шатрами. Онѣ возвышались съ обламами и шатрами на $4^1/_4$—$6^1/_4$ саж., а безъ нихъ—отъ $1^1/_2$ до $3^1/_4$ саж. Самая низкая была Тайницкая башня: она возвышалась всего на $1^1/_2$ сажня, а самая высокая вѣстовая, возвышавшаяся на $6^1/_4$ саж. Разстоянія между башнями были слѣдующія: 52, $55^1/_4$, 52, 63, 57, 37, $36^3/_4$, 52, $14^1/_4$ и $56^1/_4$ саж. Воротъ было трое и подлѣ каждыхъ изъ нихъ было по караульной избѣ; одни ворота были сдѣланы на протокѣ между острожными стѣнами, вели къ р. Лопани и были $1^1/_2$ сажня ширины; другія находились въ Московской башнѣ, третьи—въ Чугуевской; двое послѣднихъ назывались поэтому проѣзжими. У всѣхъ воротъ и пороховаго погреба были сдѣланы желѣзные запоры. Около рва за крѣпостью былъ набитъ въ дубовыя колоды „честикъ“, т. е. частоколъ, состоявшій изъ кольевъ, расположенныхъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга въ шахматномъ порядкѣ; колья были вбиты въ дубовыя колоды; позади честика были еще расположены „надолобы“, т. е. обрубки дерева, стоймя вкопанныя въ землю въ одинъ или нѣсколько рядовъ. Къ окологороднымъ упрѣпленіямъ Харькова нужно отнести также „отъѣзжій городокъ“ въ Харьковскомъ уѣздѣ на Ржавомъ колодезѣ, на знаменитомъ Муравскомъ шляху. Онъ имѣлъ четыреугольную форму и занималъ пространство въ 80 саж. въ окружности; высота его стѣнъ равнялась 2 саж. Отъ него шла засѣка на 200 саж. въ длину и на 50 саж. въ ширину, укрѣпленная сверхъ того еще надолбами въ три кобылины, т. е. въ три ряда. Въ этомъ городкѣ построена была караульная башня. Здѣсь стояли на сторожѣ дѣти боярскія изъ Харькова, села Архангельскаго и дерев.

Жихоря, перемѣняясь другъ съ другомъ. Воевода Василій Сухотинъ къ прежнему Харьковскому острогу или крѣпости пристроилъ новое пригородное укрѣпленіе. Окружность его равнялась 240 саж. Стѣна его состояла изъ стоячаго дубоваго тына съ обламами, катками и съ помостами; башни еще не были поставлены. Высота стѣны до обламовъ равнялась 1½ саж. Острожекъ этотъ предназначался для осаднаго времени и потому въ немъ выкопано было четыре колодца.

Такова была Харьковская крѣпость. Внутри ея важнѣйшими постройками былъ соборъ и приказная изба. Соборный храмъ былъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Приказная изба была невелика: занимала пространство въ 3 сажня; въ ней хранилось 20 грамотъ о всякихъ дѣлахъ, 228 отписокъ Бѣлгородскаго воеводы Гр. Гр. Ромодановскаго, именныя книги харьковскихъ черкасъ и русскихъ служилыхъ людей, приходо-расходныя книги, вѣдомости объ истраченномъ порохѣ и свинцѣ. Кромѣ приказной избы былъ еще Государевъ дворъ, а въ немъ хоромы—двѣ горницы съ сѣньми, да баня съ сѣньми, да конюшня, да житница, да амбаръ, да стайня. Все это помѣщеніе было предназначено, нужно думать, для воеводы. За то воинскій нарядъ былъ значителенъ: было 12 пушекъ, въ томъ числѣ 1 мѣдная, 402 ядра и 8 бочекъ пороха и казенныхъ денегъ новой воевода принялъ у прежняго 10 р. 17 алтынъ [1]).

Посмотримъ теперь, какія измѣненія пережила Харьковская крѣпость въ послѣдующее время.

Въ 1668 году воевода Василій Никитичъ Торбѣевъ сдалъ своему преемнику воеводѣ Льву Андреевичу Сытину городъ Харьковъ (т. е. крѣпость) и острогъ съ городовыми и острожными ключами, съ порохомъ, свинцомъ и ядрами въ казенномъ погребѣ, съ хлѣбомъ въ казенныхъ житницахъ и съ архивомъ въ съѣзжей избѣ. Городъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или крѣпость была окружена дубовымъ тыномъ съ обламами, катками и тарасами. У воротъ башни и въ самой башнѣ (проѣзжей Московской) было поставлено 2 пищали, въ вѣстовой наугольной башнѣ, отъ р. Харькова—были вѣстовой колоколъ и вѣстовая пищаль и обыкновенная; въ средней глухой башнѣ была пищаль; въ наугольной башнѣ отъ р. Харькова была пищаль; въ проѣзжей Чугуевской башнѣ (или воротахъ) также была пищаль; въ наугольной башнѣ отъ р. Лопани была пищаль; у Тайницкой башни былъ тайникъ въ длину 16, въ поперекъ 1½ саж. къ р. Лопани, колодезь въ немъ занесенъ иломъ и пескомъ отъ дождевой воды и воды въ немъ не было; въ глухой башнѣ отъ р. Лопани пищали не было; за нею были проѣзжія ворота къ р. Лопани по протоку ея; въ наугольной Лопанской башнѣ стояла пищаль; за нею были проѣзжія Московскія ворота или проѣзжая башня. Всего было 10 глухихъ и проѣзжихъ башенъ; число и расположеніе ихъ остались тѣ же, что и въ 1663 году; окружность городской стѣны прежняя. Трое городовыхъ воротъ запирались на замокъ, а у двухъ были калитки съ желѣзными запорами. Въ казенномъ погребѣ было 70 п. пороха и 35 п. свинцу (съ бочками). Съѣзжая изба сгорѣла во время пожара 1668 года и подъ нее было взято помѣщеніе у Харьковскаго обывателя Сем. Песоцкаго. У съѣзжей избы стояла мѣдная пищаль, въ самой избѣ желѣзная затинная и третья—у казеннаго погреба. При воеводѣ Торбѣевѣ въ крѣпости былъ выкопанъ колодезь глубиною въ 10 саж. со свѣжею водою. Крѣпостныя укрѣпленія очень обветшали. Около крѣпости за стѣною былъ выкопанъ ровъ въ 1 сажень глубины и ширины, безъ тына, но съ честикомъ, забитымъ въ одинъ рядъ въ дубовыя колоды; подлѣ честика съ двухъ сторонъ крѣпости поставлены были надолобы въ 2 кобылины съ цѣпями; отъ Чугуевской наугольной башни до Лопанской наугольной надолобъ не было и вверхъ по р. Лопани до верхней Лопанской башни ни надолобъ, ни рва, ни честика не было. Къ старой

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, I, стр. 38—41.

крѣпости стали дѣлать для воды острогъ, но его еще не окончили. Укрѣпленія его состояли изъ одного тына безъ обламовъ и катковъ. Острожная стѣна простиралась отъ наугольной Чугуевской башни до проѣзжей башни у Никольскихъ воротъ на 30 саж. (башня эта была недостроена); отъ Никольскихъ воротъ до угла, у котораго былъ поставленъ иструбъ, 40 саж., отъ угла до Троицкихъ воротъ—80 саж. (ни башня, ни ворота еще не были поставлены и проѣздъ былъ открытый), отъ Троицкихъ воротъ внизъ по рѣчкѣ Нетечѣ до отвода $53^{3}/_{4}$ саж., отъ отвода до проѣзжей башни Рождественскихъ воротъ—$11^{1}/_{4}$ саж. (башня и ворота не додѣланы), отъ Рождественскихъ воротъ до простаго (не укрѣпленнаго) мѣста $4^{1}/_{2}$ саж, простаго мѣста по мѣрѣ $7^{1}/_{2}$ саж., а отъ простаго мѣста до наугольной Лопанской башни $16^{1}/_{4}$ саж. Всего, слѣдовательно, острожной стѣны было $235^{3}/_{4}$ саж. Въ этомъ острогѣ было выкопано шесть колодцевъ съ обильною и свѣжею водою. Въ 10 вер. отъ города у Ржаваго Колодца находился острожекъ, а подлѣ него была засѣка на 200 саж. [1]).

Въ 1670 году первоначальная крѣпость Харькова называлась уже старымъ городомъ, а пригородное укрѣпленіе, построенное Сухотинымъ, острогомъ.

Къ старому и рѣдкому острогу прибавлены были новыя дубовыя бревна; ровъ расчистили снова до 2-хъ сажень. Въ острогѣ было пристроено 4 башни (3 проѣзжія и 1 глухая), въ немъ было 6 колодцевъ со свѣжею водою. Около посада никакихъ укрѣпленій не было. Въ острожекъ у Ржаваго колодца сторожи теперь посылались изъ одного Харькова; засѣки и надолобъ не было. Пушекъ осталось 9 [2]). По описи 1673 года тайника уже вовсе не было [3]). Въ 1678 г. его укрѣпленія повидимому нѣсколько улучшились.

Въ 1686 году укрѣпленія Харькова представляются сравнительно съ прежнимъ въ такомъ видѣ. Обламовъ и катковъ на стѣнѣ не было, а по валу въ сажень высотою и 2 сажня шириною былъ просто поставленъ острогъ въ $1^{1}/_{2}$ сажня высоты. Верхи у башенъ было сгнили и обвалились, но построены вновь въ 1676—1677 г. при воеводѣ Андреѣ Щербачевѣ. Всѣхъ башенъ теперь было 8 и девятыя ворота съ башнею. Вотъ названія этихъ башенъ: 1) проѣзжая Московская, 2) въ 52 саж. отъ нея къ р. Харькову выходила наугольная, что была раньше вѣстовая, 3) въ $55^{1}/_{4}$ саж. отъ нея средняя глухая, 4) въ 52 саж. отъ нея наугольная, 5) въ 63 саж. отъ нея проѣзжая Чугуевская съ воротами, 6) въ 50 саж. отъ нея наугольная глухая (отъ р. Лопани), 7) въ 74 саж. отъ нея глухая (отъ р. Лопани), 8) въ 50 саж. отъ нея ворота (къ р. Лопани), 9) въ $14^{1}/_{4}$ саж. отъ нихъ наугольная верхняя (Лопанская), а въ $56^{1}/_{4}$ саж. отъ нея первая—проѣзжая Московская. Такимъ образомъ, одна башня (десятая) была уничтожена; промежутки между башнями остались прежніе за исключеніемъ того, который захватилъ уничтоженную башню и потому удвоился. Окружность всей крѣпостной стѣны равнялась $466^{3}/_{4}$ саж., т. е. была немногимъ меньше прежней. Устройство башенъ было таково: высота ихъ до обламовъ простиралась отъ 3 до $3^{1}/_{2}$ саж.; затѣмъ слѣдовали обламы высотою около сажня, въ которыхъ устроены были бойницы; потомъ покаты высотою отъ 1 до 2 саж., потомъ клѣтки съ бойницами съ трехъ сторонъ высотою въ $2^{1}/_{2}$ арш. и наконецъ на самомъ верху шатеръ около сажня. Такимъ образомъ, высота башенъ колебалась между 7 и 8 саж. Все это раньше было окружено рвомъ, одна сторона котораго (къ городу) была ослонена еще стоячимъ дубовымъ лѣсомъ (прежній частоколъ), а теперь ровъ занесло пескомъ, а дубовый лѣсъ сгнилъ. Въ городѣ былъ одинъ колодезь съ хорошей водою, шириною въ 2, а глубиною въ 10 саж. Къ этому старому городу или крѣпости былъ пристроенъ еще другой меньшій острогъ. Онъ также состоялъ въ это время изъ крѣпостной стѣны, построенной изъ стоячаго дубоваго лѣса

[1]) Моск Архивъ Мин. Юст. Разр прик. книга Бѣлгород. стола № 56, листъ 1—21.

[2]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, I, стр. 41.

[3]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, I, стр. 42.

съ обламами и катками. Острожекъ этотъ во многихъ мѣстахъ подгнилъ и обвалился. Въ немъ было шесть башенъ; изъ нихъ три проѣзжихъ—Никольская, Троицкая и Рождественская, названныя такъ, очевидно, по имени трехъ и нынѣ существующихъ церквей. Стѣна его шла отъ наугольной Чугуевской башни стараго города до проѣзжей башни Никольскихъ воротъ, потомъ до наугольной глухой башни, оттуда до проѣзжихъ Троицкихъ воротъ, оттуда до новой наугольной башни, построенной при воеводѣ Осипѣ Корсаковѣ (въ 1679 году) подлѣ р. Нетечи. Отъ Чугуевской башни до Никольской было 30 саж. острожной стѣны, отъ Никольской до глухой наугольной 40 саж.; отъ наугольной до Троицкой 80 саж.; отъ Троицкой до новой наугольной 7 саж.; отъ наугольной до Рождественской 61½; отъ Рождественской до Лопанской стараго города – 28 саж.; всего 246½ саж. Многія укрѣпленія не были еще достроены и заканчивались постройкою только теперь; другія же предстояло еще сдѣлать. Такъ, напримѣръ, наугольная башня была безъ обламовъ, безъ шатра и недостроена; въ Николаевской и Рождественской башняхъ затворы были сдѣланы только теперь; часть стѣнъ также нужно было достроить. Около этого острожка съ 2-хъ сторонъ отъ стараго города—отъ наугольной Чугуевской башни, рѣчки Нетечи и новой Наугольной башни выкопанъ былъ ровъ, который занесло пескомъ; теперь отъ наугольной башни до стараго города, до наугольной Лопанской башни выкопанъ былъ ровъ глубиною и шириною въ 2 сажня. Въ острожкѣ по прежнему было 6 колодезей съ обильною и свѣжею водою. И самый острожекъ, какъ свидѣтельствуютъ документы, былъ построенъ для того, чтобы имѣть во всякое время въ изобиліи воду, ибо въ старомъ городѣ былъ только одинъ колодезь [1]).

Въ 1690 г. укрѣпленія Харькова снова требовали починки: острогъ и башни отъ ветхости во многихъ мѣстахъ обвалились, около города никакихъ укрѣпленій не было.

Борьба Петра Вел. съ Карломъ Шведскимъ, вторгшимся въ предѣлы южной Россіи, заставила Русское Правительство обратить серьезное вниманіе на Харьковскую крѣпость, которая въ это время была значительно расширена, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ документъ 2-й половины XVIII вѣка (хроногеографическое описаніе). Указавъ, что въ первое время Харьковъ представлялъ изъ себя деревянный городокъ, авторъ хроногеографическаго описанія Харькова 1767 г. продолжаетъ далѣе: „а въ 1708 и 1709 годахъ, по причинѣ возмущенія донскихъ козаковъ и вступленія въ Малороссію Карла XII-го и измѣны Мазепы, Петръ Великій, будучи самолично въ этихъ мѣстахъ, повелѣлъ укрѣпленія города Харькова расширить -и былъ распространенъ регулярною формою, укрѣпленъ высокимъ валомъ, рвами, брустверомъ, пятью бастіонами и сверхъ того форштатомъ о шести вольверкахъ“, при чемъ окружность собственно города, т. е. крѣпости равнялась 596, а форштата—544 трехъ аршинныхъ саж. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ это извѣстіе отличается точностію: во всякомъ случаѣ оно не принадлежитъ современнику, а лицу, писавшему о постройкѣ Харьковскихъ укрѣпленій во 2-й половинѣ XVIII-го вѣка и при томъ не вѣдавшему о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходили въ теченіе 2-й половины XVII-го вѣка послѣ устройства первоначальной крѣпости при осадчемъ Ив. Каркачѣ. Регулярную форму имѣла повидимому Харьковская крѣпость еще и до Петра Вел.; тогда же было устроено и второе укрѣпленіе съ 6 башнями, соотвѣтствовавшее, кажется, форштадту, о которомъ говоритъ авторъ хроногеографическаго описанія; форштадтъ главнымъ образомъ и подвергся расширенію въ XVII в. Это дополнительное укрѣпленіе простиралось на 235 саж. въ окружности, а въ XVIII в. уже на 544, т. е. равнялось центральному [1]).

Представленныя здѣсь данныя не даютъ намъ полнаго понятія о топографіи Харькова въ XVII и началѣ XVIII в., ибо останавливаются только на томъ, что составляло, такъ сказать,

---

[1]) Д. И. Багалѣя. Харьковъ въ XVII в. Харьк. Кал. на 1895-й годъ, стр. 611—639.

казенную собственность въ городѣ—а таковою являлась крѣпость, нарядъ, т. е. пушки, свинецъ и порохъ, и приказная изба съ государевымъ дворомъ. Само собою разумѣется, что и въ крѣпости кромѣ собора, приказной избы и государева двора были еще дворы и дома черкасъ и великорусскихъ служилыхъ людей—ихъ было много, они то и составляли въ сущности городъ; однако о нихъ по указанной выше причинѣ молчитъ документъ, глухо упоминая только о томъ, что все городище было занято черкасскими дворами.

Но этого мало: дворы поселенцевъ, тогда уже были и внѣ крѣпости. Въ пользу этого говорятъ слѣдующія соображенія. Во 1-хъ, въ острогѣ было тѣсно поселенцамъ. Окружность его равнялась 540 саж. Онъ имѣлъ четыреугольную форму, и если предположить для упрощенія расчетовъ, что это былъ квадратъ, то въ такомъ случаѣ каждая сторона его будетъ равняться 135 саж., а площадь 18225 кв. саж. или 7,6 десятинъ. Другими словами площадь эта приблизительно равняется одному изъ нынѣшнихъ городскихъ кварталовъ. Если на каждое дворовое мѣсто положить по 100 кв. саж., то на этомъ пространствѣ, не считая еще мѣста, необходимаго для улицъ, могло бы помѣститься всего 180 домовъ. Конечно, такая площадь была слишкомъ недостаточна для большой партіи явившихся сюда малороссіянъ, къ которымъ присоединились еще и великорусскіе сведенцы. Во 2-хъ, всякій украинскій городъ того времени обыкновенно состоялъ не только изъ острога, но изъ посада и слободъ, гдѣ жило большинство городскаго населенія. Такую слободу мы видимъ, напримѣръ, въ Суджѣ [2]), посады были въ Ахтыркѣ, Острогожскѣ, въ Сумахъ [3]). Въ 3-хъ, о существованіи посада въ Харьковѣ говорится въ документѣ 1659 года и въ его описаніи 1670 года [4]). Въ 4-хъ, въ болѣе позднее время мы здѣсь находимъ не только посадъ, но и слободы.

Съ самаго перваго момента своего поселенія жители Харькова стали заводить себѣ хутора и пасѣки, гдѣ обыкновенно проживали и занимались хозяйствомъ. Вотъ чрезвычайно важное въ этомъ отношеніи свидѣтельство. Въ 1658 году Харьковскій воевода Офросимовъ жаловался государю на самовольство харьковцевъ, которые не пожелали ѣздить на караулы и въ отъѣзжія сторожи, а „жили всѣ они въ лѣсахъ по хуторамъ и по пасѣкамъ своимъ, а въ городѣ только чуть не пусто“. Многіе, очевидно, только числились городскими жителями, а въ дѣйствительности проживали въ лѣсахъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ тогда Харьковъ. Мѣста эти составляли собственность—окружныя земли города и его жителей, устраивавшихъ здѣсь свои заимки—хутора и пасѣки. Но если въ самомъ началѣ существованія Харькова очень многіе жители его проживали по хуторамъ и пасѣкамъ, то еще естественнѣе было имъ селиться непосредственно за предѣлами городскихъ укрѣпленій, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя составили территорію города въ трехъ частяхъ его, извѣстныхъ и въ болѣе позднее время подъ именемъ Подольской, Залопанской и Захарьковской частей. Новые поселенцы любили просторъ, онъ имъ былъ нуженъ, даже необходимъ для хозяйственныхъ потребностей—нужны были огороды, сады, пасѣки, левады. Съ этой точки зрѣнія были привлекательны и болѣе отдаленныя мѣста, часть которыхъ вошла потомъ въ составъ города.

Топографическою особенностью Харькова повидимому нужно признать ту черту его, что посадъ въ немъ не составилъ особой единицы, а представлялъ дальнѣйшее распространеніе

---

[1]) Д. И. Багалѣя. Матер. II, стр. 216.

[2]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, т. 1-й, стр. 47.

[3]) Головинскаго. Слоб. коз. полки. СПб., стр. 57. Д. И. Багалѣя. Матеріалы, т. 1-й, стр. 57. Д. И. Багалѣя. Очерки по ист. кол. и быта, т. 1-й, стр. 477.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг. ст. № 605: „и въ *посадѣ* во дворѣхъ нашихъ братью черкасъ многихъ били“... Д. И. Багалѣя. Матеріалы, т. 1-й, стр. 41.

поселеній за чертою крѣпости по всѣмъ направленіямъ, что обусловливалось центральнымъ положеніемъ этой послѣдней и отсутствіемъ естественныхъ границъ для такого разселенія. Впрочемъ, исходя изъ послѣдующаго дѣленія Харькова на три части—центральную, залопанскую и захарьковскую и дѣленія центральной части на крѣпость въ собственномъ смыслѣ и предмѣстье, можно предполагать, что сначала заселилось предмѣстье, окружавшее крѣпость, заключавшее между прочимъ и Подолъ и простиравшееся до нынѣшнихъ Харьковскаго и Лопанскаго мостовъ, хлѣбнаго магазина и Мироносицкой церкви, а потомъ уже за мостами Залопанская и Захарьковская части; если предмѣстье было посадомъ, то Захарьковская и Залопанская части являлись въ это отдаленное время (да и позже) слободами.

Существованіе значительныхъ поселеній внѣ предѣловъ крѣпости и острога или форштадта во 2-й половинѣ XVII и первой четверти XVIII в. доказывается еще тѣмъ, что въ это время несомнѣнно были уже приходскіе храмы, находившіеся въ предмѣстьѣ и слободахъ. Уже въ 1659 году существовали въ Харьковѣ кромѣ Соборной Успенской церкви Благовѣщенская и Троицкая, а въ 1663 г.—Михайловская и Рождественская [1]). Судя по упоминанію въ описаніи Харькова 1668 г. Никольскихъ воротъ [2]), можно думать, что въ это время была уже и Николаевская церковь, отмѣчаемая во всякомъ случаѣ документами самаго начала XVIII в. [3]). Въ самомъ началѣ XVIII, а, м. б., и въ концѣ XVII в. уже существовала Дмитріевская церковь [4]), въ 1687 г.—Вознесенская [5]), въ XVIII г.—Воскресенская [6]). Слѣдовательно, въ XVII в. въ Харьковѣ были церкви—Успенская Соборная, Благовѣщенская, Троицкая, Михайловская, Николаевская, Рождественская, Покровская и Вознесенская, въ началѣ XVIII в.—Дмитріевская, Воскресенская. Нѣсколько страннымъ здѣсь является только слишкомъ раннее возникновеніе Вознесенской церкви (оно подтверждается только глухою ссылкою преосвященнаго Филарета на одинъ актъ, текста котораго онъ не приводитъ). Существованіе же остальныхъ храмовъ (предполагаемъ приблизительно на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они стоятъ и нынѣ) не возбуждаетъ нашихъ сомнѣній и является вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ предѣловъ города Харькова во 2-й половинѣ XVII и первой четверти XVIII вѣка. Они захватывали Подолъ (Троицкій приходъ) переходили уже и за р. Лопань (Рождественскій и Благовѣщенскій приходы), доходили во всякомъ случаѣ по нын. Екатеринославской улицѣ до Дмитріевской церкви, переходили и за р. Харьковъ, обнимая Михайловскій и Вознесенскій приходы, касались и Нетечи въ чертѣ Воскресенскаго прихода.

Но въ самое послѣднее время намъ удалось добыть новый по истинѣ драгоцѣнный документъ, дающій намъ полное и отчетливое представленіе о топографіи Харькова въ концѣ первой четверти XVIII вѣка, въ козацкій періодъ его исторіи—это именно описаніе всѣхъ городскихъ приходовъ въ 1724 году. Документъ этотъ оффиціальнаго происхожденія и, конечно, вполнѣ достовѣренъ [7]).

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Стол. Вѣлгор. ст. № 480 и 399.

[2]) См. выше.

[3]) Фил. Ист.-Стат. опис. Харьк. еп. II, стр. 30, 32—33.

[4]) Ibidem, стр. 35.

[5]) Ibidem, стр. 39.

[6]) Ibidem, стр. 43.

[7]) Любопытна исторія находки этого документа. Преосв. Филаретъ первый (Ист.-стат. опис. Харьк. еп., II, стр. 47—49) привелъ краткое (очень краткое) извлеченіе изъ этого документа, но безъ ссылки на его мѣстонахожденіе. С. И. Коваленко въ своемъ „Ист.-стат. опис. г. Харькова“ (Харьк. Губ. Вѣд. за 1859 г. № 7), позаимствовалъ это извѣстіе у Пр. Филарета, не сославшись однако на этого послѣдняго. Проф. о. Тим. Буткевичъ (въ „Историко-статистическомъ описаніи Харьковскаго каѳедральнаго Успенскаго собора“ Х. 1894 г., стр. 242) перечислилъ всѣ улицы Успенскаго прихода 1724 г., но также, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ точнаго указанія на документъ, изъ коего позаимствовалъ свое извѣстіе. Наконецъ, прот. о. Ник. Лащенко (въ неизданной „Цер-

Топографія Харькова по этому документу представляется въ такомъ видѣ. Всѣ городскіе улицы и дворы распредѣлялись между 10 церковными приходами. На долю Соборнаго Успенскаго прихода приходилось 20 улицъ и 273 двора, Николаевскаго 6 улицъ и 118 дворовъ, Вознесенскаго—2 улицы и 107 дворовъ, Покровскаго—одна улица и 87 дворовъ, Рождественскаго—5 улицъ и 121 дворъ, Троицкаго—6 улицъ и 115 дворовъ, Михайловскаго—4 улицы и 130 дворовъ, Воскресенскаго—8 улицъ и 142 двора, Дмитріевскаго—5 улицъ и 100 дворовъ и Благовѣщенскаго—4 улицы и 148 дворовъ. Всего, слѣдовательно было въ 1724 году въ Харьковѣ 61 улица и 1301 дворъ. Но число улицъ въ дѣйствительности нѣсколько меньше, потому что нѣкоторыя изъ нихъ повторяются въ двухъ приходахъ. Ихъ было 57 и вотъ ихъ названія въ алфавитномъ порядкѣ: Безсаловка, Бережная, Бесѣдина, Бибикова, Богодуховская, Бориченкова, Верещаковская, Гребенникова, Гунченкова, Дехтярева, Довгалевка, Дрикги, Еношина, Золотарева, Келебердина, Клименкова, Корабутова, Корсуновская, Котки, Котлярова, Криваго, Крохмалева, Кутитора, Куличина, Куликовка, Максима писаря, Меркула, Миргородовская, Мильникова, Москалевка, Назарцева, Онопрѣева, Опанасовская, Островокъ, Пищальчина, Полковника, Помазанова, въ Пригородку, Пробита, Пѣстунова, Синицкаго, къ Сизіону, Склярова, Смежная съ Николаевскимъ приходомъ, Сотницкая, Судіи, Сушкова, Турчина, Чайчина, Чернаго Ивана, Чугаевская, Шаповалова, Шапрановская, Шеметева, Шилова, Юрченкова, надъ Яркомъ.

Названія эти почти всѣ произошли отъ фамилій, прозвищъ, именъ и званій тѣхъ лицъ, которыя въ нихъ, вѣроятно, поселились раньше другихъ или занимали болѣе почетное положеніе среди остальныхъ уличанъ. Въ большинствѣ случаевъ среди ихъ мы находимъ домовладѣльцевъ, перечисленныхъ въ документѣ. Изъ этихъ названій улицъ въ болѣе позднѣе время только сохранились Опанасовская, названная такъ очевидно по фамиліи проживавшаго на ней Панасенка, Москалевка, Верещаковская, Довгалевка и Куликовка, очевидно по фамиліи проживавшаго на ней Кулика. Названія улицъ по фамиліямъ проживавшихъ въ ней лицъ не могли быть особенно устойчивы и, по всей вѣроятности, одни изъ нихъ нерѣдко замѣнялись другими, тѣмъ болѣе, что они, нужно думать, и не закрѣплялись ни въ какихъ оффиціальныхъ актахъ. Очень характерно названіе улицы—къ Сизіону: оно ясно указываетъ, что улица первоначально представляла изъ себя дорогу, ведущую ко двору этого лица. Да и вообще можно сказать, что улицы въ то время представляли изъ себя дороги. Любопытны размѣры улицъ: однѣ изъ нихъ (напримѣръ) въ Соборномъ Успенскомъ приходѣ были, очевидно, короткія, другія (на окраинахъ) представляли изъ себя цѣлыя слободы, какъ это и было раньше въ дѣйствительности. Любопытны и фамиліи домовладѣльцевъ; среди этихъ послѣднихъ ясно преобладаютъ всѣхъ родовъ ремесленники. Вообще составъ населенія былъ очень демократиченъ. Правда по переписи въ Харьковѣ въ то время было множество „дворцовъ“, но не слѣ-

---

ковно-приходской лѣтописи о Троицкой церкви г. Харькова“) сдѣлалъ выписку изъ переписи 1724 года объ улицахъ Троицкаго прихода, но также безъ ссылки на документъ и мѣсто его храненія. Крайне заинтересованный приведенными у этихъ авторовъ выдерками изъ ненапечатанной нигдѣ описи харьковскихъ приходовъ 1724 г., послѣ тщетныхъ поисковъ этого документа въ Харьковскомъ Каѳедральномъ соборѣ, я сдѣлалъ соотвѣтственныя указанія архиваріусу Историческаго архива Е. И. Иванову и поручилъ ему произвести тщательные розыски въ Консисторскомъ архивѣ. Съ разрѣшенія архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго (нынѣ митрополита Кіевскаго) Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, которому приношу за это глубочайшую благодарность, Е. И. Ивановъ получилъ доступъ въ Консисторскій архивъ и тамъ нашелъ этотъ драгоцѣнный документъ. Начало его не сохранилось—часть листа вырвана—но списокъ домовладѣльцевъ имѣется полный. Сначала указывается приходской храмъ, потомъ перечисляются всѣ относящіеся къ нему дворы, съ прописаніемъ названія тѣхъ улицъ, на которыхъ они находятся, и фамилій домовладѣльцевъ. Происхожденіе документа вызвано было распоряженіемъ Бѣлгородскаго епископа Епифанія Тихорскаго о новомъ распредѣленіи дворовъ по приходамъ и обложеніи сообразно съ этимъ церковныхъ причтовъ извѣстнымъ денежнымъ сборомъ.

дуетъ думать, чтобы это были дворцы въ буквальномъ смыслѣ этого слова; иначе, конечно, нельзя было бы сказать—„дворецъ шинковой“; это были просто обыкновенные дома разныхъ лицъ, не проживавшихъ въ нихъ постоянно, а державшихъ ихъ для своего пріѣзда или отдававшихъ въ наемъ для какихъ нибудь потребностей.

Чтобы не утомлять читателей длиннымъ перечнемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы сохранить этотъ важный документъ для интересующихся, мы помѣщаемъ его въ приложеніи.

Проѣзжавшій черезъ Харьковъ въ 1725 году малороссійскій генеральный подскарбій Яковъ Марковичъ, въѣхавшій въ городъ съ Холодной горы, пишетъ: „Харьковъ имѣетъ положеніе не худое, ибо на пригоркѣ стоитъ; рѣчка съ пріѣзду нашего подъ городомъ течетъ Лопатенъ, а съ другой стороны Харьковка“ [1]).

Въ 1732 году, по переписи Хрущова, въ Харьковѣ было 950 дворовъ съ 1280 избъ. Они были разбросаны въ центральной, Залопанской и Харьковской частяхъ города. Предмѣстье города состояло изъ отдѣльныхъ владѣльческихъ хуторовъ и такъ называемыхъ „пидварковъ“, т. е. отдѣльныхъ и обширныхъ собственныхъ дворовъ—хуторовъ. Всѣхъ дворовъ было въ предмѣстьѣ только 35. Кромѣ того въ чертѣ города находилась особая слободка, называвшаяся Клочковкой; это, очевидно, нынѣшняя Клочковская улица и Пески. Она принадлежала Харьковскому Коллегіуму и была пріобрѣтена основателемъ его епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ. Вѣроятно, основателемъ ея былъ полковой Харьковскій судья Тимофей Лаврентьевичъ Клочко, по имени котораго она и была названа Клочковкой. Въ ней было 67 дворовъ съ 85 избами. Основа въ это время была селомъ, въ которомъ было 56 дворовъ съ 103 избами, а въ слободкѣ Ивановкѣ было 11 дворовъ съ 20 избами [2]).

Плана Харькова въ козацкій періодъ его исторіи мы не имѣемъ: да его, конечно, и не было. Но понятіе о немъ даетъ намъ планъ его 1768 г. [3]), на которомъ пунктиромъ обозначено

---

[1]) Записки генер. подск. Як. Марковича, ч. 1-я М. 1859, стр. 73.

[2]) Харьк. Кал. на 1885-й годъ (перепись Хрущева).

[3]) Планъ Харькова было поручено разсмотрѣть особой коммиссіи—она его одобрила и онъ былъ Высочайше утвержденъ 15 января 1768 г. (П. С. Зак. т. XVIII, № 13051 и планы).

Топографическія описанія и коллекція плановъ Харькова детально изображаетъ намъ постепенныя перемѣны въ его топографіи. Такихъ плановъ XVIII вѣка мы имѣемъ шесть: два изъ нихъ были изданы въ полномъ собраніи законовъ (Высочайше утвержденные планы 1768 и 1786 гг.), третій (1787 г.)—напечатанъ пок. проф. Ю. И. Морозовымъ въ Харьк. календарѣ за 1879-й годъ и вторично секретаремъ Харьк. Губ. Стат. Комитета В. В. Ивановымъ въ „Атласѣ Харьков. Нам.“. Х. 1902 г., четвертый неизвѣстнаго года, заключающій въ себѣ одну крѣпость, хранится въ Военноученомъ архивѣ Главнаго Штаба въ Петербургѣ; тамъ же хранятся еще два рукописныхъ плана XVIII вѣка, изъ коихъ одинъ представляетъ увеличенный масштабъ плана 1768 года, а другой тождественъ съ планомъ 1786 года. Наиболѣе интереснымъ изо всѣхъ этихъ плановъ оказывается планъ 1787 года, потому что онъ, по нашему мнѣнію, воспроизводитъ въ значительной степени дѣйствительный Харьковъ того времени, тогда какъ Высочайше утвержденные планы 1768 и 1786 гг. изображаетъ намъ идеальный Харьковъ, т. е. такой, какимъ онъ долженъ былъ сдѣлаться при осуществленіи новой его планировки. Впрочемъ и эти планы, въ особенности первый, даютъ все таки цѣнный топографическій матеріалъ, потому что составители ихъ старались все таки исходить изъ дѣйствительности и не дѣлать излишней ломки тамъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, безъ нея можно было обойтись. За копировку рукописныхъ плановъ приносимъ искренную благодарность г. М. П. Пискунову.

Планъ Харькова 1787 года вмѣстѣ съ планами другихъ городовъ Слоб. Украин. губ. и картами ея тогдашнихъ уѣздовъ, составляетъ приложеніе къ „Топографическому Описанію Харьковскаго Намѣстничества“ 1787 г., одинъ экземпляръ котораго находится въ библіотекѣ Императорскаго Харьковскаго Университета, а другой въ Военноученомъ архивѣ Главнаго Штаба въ Петербургѣ. По всей вѣроятности, обѣ рукописи оффиціальнаго происхожденія. Хотя первая найдена была на чердакѣ одного частнаго дома, но домъ этотъ принадлежалъ Е. Е. Урюпину, бывшему въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. городскимъ головою въ Харьковѣ и

повидимому направленіе улицъ и расположеніе кварталовъ и деревянныхъ зданій въ самомъ концѣ козацкаго періода въ исторіи города. Оказывается, какъ того и нужно было ожидать, что направленіе и расположеніе это чрезвычайно неправильное, сильно расходящееся съ новою разбивкою ихъ на планѣ, какъ это можно видѣть и на прилагаемомъ снимкѣ съ плана 1768 г. Улицы тянутся не по прямымъ, а по кривымъ линіямъ; кварталы имѣютъ неправильныя формы; въ городѣ была масса пустырей. Городскія поселенія были очень разбросаны и простирались, хотя и не въ сплошномъ видѣ, почти до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они доходили на планѣ 1768 года. Съ западной стороны они уже перешли за валъ и укрѣпленія и положили начало слободѣ Опанасовкѣ и Долгалевкѣ (гдѣ нынѣ Панасовка и Гончаровка). Въ районѣ Воскресенской церкви поселенія также переходили за линію вала; тоже нужно сказать и о Захарьковскомъ районѣ (н. Вознесенскаго и Михайловскаго приходовъ) и о нынѣшнемъ Сумскомъ. Даже еще на Высочайше утвержденномъ планѣ 1786 года мы находимъ кромѣ вновь „прожектированныхъ“ кварталовъ обозначенные пунктиромъ мѣста дѣйствительныхъ деревянныхъ построекъ города и между тѣми и другими замѣчается большое несоотвѣтствіе: новые кварталы имѣютъ правильную, обыкновенно четыреугольную форму, а старые неправильную. Нужно было не малое время, чтобы привести въ большее или меньшее соотвѣтствіе дѣйствительность и планъ: тамъ, гдѣ были усадебныя мѣста и постройки, должны были пройти новыя улицы и наоборотъ. Нужно было выровнять частныя владѣнія и улицы—отрѣзать землю отъ однихъ и прирѣзать къ другимъ. Даже центральная часть города не представляла въ этомъ отношеніи исключеній—и она не имѣла правильной разбивки.

Со введеніемъ губернскихъ учрежденій, съ превращеніемъ Харькова въ административный центръ новой губерніи, въ сильнѣйшей степени должна была измѣниться и его топографія--прежняя неправильность улицъ и кварталовъ должна была замѣниться правильностью и прямолинейностью. Но само собою разумѣется, что замѣна эта не могла произойти вдругъ, а дѣлалась постепенно. Ак. Зуевъ, посѣтившій Харьковъ въ 1781 году, говоритъ, что хотя планъ Харькову и былъ утвержденъ, но постройки по немъ еще не велись. Быть можетъ, это не совсѣмъ точно, но во всякомъ случаѣ и во 2-й половинѣ XVIII в. Харьковъ напоминалъ еще, за исключеніемъ центра, обширную деревню.

Общее топографическое положеніе Харькова въ Щербиновскую эпоху изображается современнымъ документомъ (1767 года) такъ. „Городъ Харьковъ, говоритъ онъ, стоитъ на вышинѣ въ три ангулѣ (триугольникѣ), который составляютъ впадающія одна въ другую двѣ рѣчки—Харьковъ и Лопань; на южно-восточной сторонѣ—форштатъ съ прочимъ селеніемъ занимаютъ оба берега этихъ рѣчекъ и все жилье съ садами въ прямой линіи отъ города простирается къ юго-востоку на 1½ версты и 28 сажень, а къ западу на 1 версту и 12 саж.,

---

рукопись была розыскана его наслѣдниками. Карты уѣздовъ начерчены уѣздными землемѣрами—Николаемъ Драгомиромъ и Ильею Лѣснымъ; планы городовъ, въ томъ числѣ и Харькова—землемѣромъ Василіемъ Барабашовымъ. Оффиціальный характеръ рукописи засвидѣтельствованъ ихъ оффиціальными подписями. Что они не были своевременно напечатаны—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: въ то время изданіе въ свѣтъ подобныхъ памятниковъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Топографическія данныя этого плана подтверждаются и видомъ Харькова 1787 года, помѣщеннымъ въ рукописи топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества, которая принадлежитъ Военноученому архиву Главнаго Штаба. Нужно думать, что этотъ видъ находился также и въ рукописи, принадлежащей нынѣ библіотекѣ Харьковскаго Университета, но только былъ утерянъ.

Планъ Харькова 1787 г. былъ напечатанъ въ 1879 г. проф. Ю. И. Морозовымъ, который далъ къ нему прекрасный комментарій. Мы воспользуемся этимъ комментаріемъ, сдѣлавъ къ нему съ своей стороны необходимыя поправки и дополненія.

соединяясь съ городомъ черезъ рѣчку Лопань посредствомъ деревяннаго моста, и черезъ рѣчку Харьковъ—посредствомъ двухъ плотинъ съ мельницами“ [1]). Другой документъ [2]), относящійся къ тому же 1767 г., подтверждаетъ и дополняетъ свѣдѣнія перваго“ [3]). Если отмѣрить $1^1/_2$ версты отъ границы крѣпости въ юго-восточномъ направленіи, то окажется, что тогда уже эти поселенія въ Захарьковской части города доходили до предѣловъ, отмѣченныхъ на планѣ 1768 г.; на западъ же, т. е. въ Залопанской части, поселенія простирались менѣе чѣмъ на 1 версту, какъ это видно изъ того же плана [4]).

По описанію 1780 года Харьковъ находился между двумя горами: одна восточная и сѣверная (съ Бѣлгорода) называлась Глиняною, а другая западная по Ахтырской дорогѣ—Холодною.

Къ 1781 году относится любопытное общее топографическое описаніе Харькова, составленное путешественникомъ академикомъ Зуевымъ [5]).

Важныя данныя о мѣстоположеніи, пространствѣ и фигурѣ Харькова въ эпоху Намѣстничества мы находимъ въ неизданномъ „Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества 1785 года“ [6]). Губернскій городъ Харьковъ (такъ онъ именовался и во время существованія намѣстничества), читаемъ мы тамъ, имѣетъ положеніе подъ 49′, 59″, 23‴ широты по наблюденію астрономической экспедиціи профессора Иноходцева въ 1783 году и 50′, 2″ долготы по генеральной картѣ Россійской Имперіи. Положеніе его частію на возвышенномъ косогорѣ, частію на низменномъ и ровномъ мѣстахъ между рр. Харь-

---

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, II, стр. 216–217.

[2]) Ibidem., стр. 211—212.

[3]) „Городъ Харьковъ, говорится тамъ, лежитъ отъ угла между двухъ рѣчекъ—Харькова и Лопани, оба берега которыхъ занимаетъ своимъ поселеніемъ форштатъ. Рѣчки Харьковъ и Лопань, соединяясь въ одну рѣку у самаго города, протекаютъ верстъ 6 и потомъ впадаютъ въ рѣку Уды, а та въ Сѣверскій Донецъ..... Въ городѣ городскихъ мельницъ нѣтъ, и имѣется на р. Лопани 2 да на р. Харьковѣ 3 всего 5 мельницъ, которыя за недостаткомъ воды мелютъ хлѣбъ только весною и осенью и принадлежатъ частнымъ владѣльцамъ. Черезъ рѣчки Лопань и Харьковъ какъ городскіе жители, такъ и проѣзжіе проѣзжаютъ по плотинамъ и бродамъ, а для полой воды горожане содержатъ на р. Лопани мостъ, а на Харьковѣ паромъ на своемъ иждивеніи“.

[4]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы II, 236—238.

[5]) „Мы перемѣнили въ Липцахъ лошадей, говоритъ онъ, спустились подъ гору, переѣхали мостомъ рѣчку Липечку, въ Харьковъ впадающую, и поѣхали далѣе ровными мѣстами, имѣя по правую сторону высокій уступъ, а по лѣвую нарочитую и глубокую рѣку Харьковъ, которой займища весьма пространны, а сверхъ того были многія озера, осокою и лѣсомъ заросшія, на коихъ множество водилось дичины. На половинѣ дороги, по причинѣ, что рѣка Харьковъ близко подошла къ уступу, на правой сторонѣ у насъ находившемуся, принуждены мы были на него круто подняться и ѣхали уже почти до самаго города не съѣзжая; въ городѣ она оканчивается опять мысомъ, гдѣ съ правой стороны къ Харькову подходитъ по пространной долинѣ текущая рѣчка Лопань, а мы спустились съ него версты за три или за четыре не доѣзжая города и послѣ *Подольскою слободою* въѣхали въ городъ Харьковъ, гдѣ на нѣсколько дней остановились.

Городъ Харьковъ, составлявшій прежде Слободскую губернію, нынѣ намѣстничествомъ въ 1780 году учрежденный, стоитъ на выдавшемся отъ продолжающагося съ Бѣлгорода до сихъ мѣстъ косогора отъ сѣверовостока къ юго-западу простирающагося ровномъ мѣстѣ между рѣками Харьковомъ съ сѣверовосточной стороны и Лопанью съ полуднезападной.

Въ самомъ городѣ, говоритъ акад. Зуевъ, переѣхали мы рѣку Лопань мостомъ, отъ которой далѣе подымались на высокій косогоръ, между сею рѣкою и Удою, въ которую первая впадаетъ, отъ NO къ SW простирающійся. Онъ почти весь состоитъ изъ красноватой глины, почему и находится по немъ довольное количество кирпичныхъ заводовъ; но имя, которое онъ на себѣ носитъ, откуда происходитъ, не могъ дознаться. По косогору сему, послѣ увидѣли мы, проведенъ былъ нѣкогда межъ Лопанью и Удою вокругъ города валъ и на открытѣйшемъ мѣстѣ возвышенъ курганъ для бывшаго тогда караула“.

[6]) Оно хранится въ Петербургѣ въ Военноученомъ архивѣ Главнаго Штаба; отд. 5, шк. 37, № 468.

ковомъ (по правую сторону) и Лопанью (по лѣвую). Черезъ рѣку Лопань дѣлается каменный о трехъ сводахъ мостъ. Жители во многихъ мѣстахъ между рѣками имѣютъ колодцы и потому не терпятъ никакой нужды въ водѣ. Съ сѣвера и востока онъ оканчивается степью, съ юга—лѣсомъ, съ сѣверо-запада—горою и лѣсомъ. Ландшафтъ его составляютъ горы, воды, раздолья, поля, лѣса и пески. Городъ простирался съ запада, отъ подошвы такъ называемой Холодной горы до крайней улицы на восточной сторонѣ за рѣкою Харьковомъ, считая по прямой, въ длину на 1700 трехъ-аршинныхъ сажень, а въ ширину съ сѣвера отъ выгоннаго косогора до крайнихъ дворовъ и садовъ на лѣвой сторонѣ той же рѣки, къ югу на 1100 саж. Три части города въ совокупности своей вмѣстѣ съ садами, окружающими кое гдѣ городскія усадьбы, составляютъ фигуру, напоминающую луну въ ущербѣ: рога ея дѣлаютъ городскія населенія, тянущіяся къ сѣверу вверхъ по обѣ стороны рѣчекъ, протекающихъ среди города; круглую выпуклость—постройки вокругъ теченія рѣкъ къ югу; а ущербомъ незаселенный съ сѣверной стороны выгонъ, который простирается черезъ хребетъ высокаго косогора изъ одной до другой рѣчки. По новому же плану городъ имѣлъ видъ иррегулярной трапеціи [1]).

Обращаемся теперь къ гидрографіи г. Харькова—къ его рѣкамъ, озерамъ, островамъ и т. п.

На р. Харьковѣ по плану 1786 г. указано 2 большихъ и 3 малыхъ острова: первый большой у нынѣшней Бѣлгородской улицы, второй недалеко отъ впаденія въ р. Харьковъ Нетечи; одинъ малый—у Бѣлгородской улицы, а два остальныхъ у Кузнечнаго моста, который шелъ на одинъ изъ нихъ, упирался въ него и затѣмъ снова продолжался съ противоположнаго его берега. На р. Лопани былъ огромный островъ, образованный двумя протоками или рукавами ея на той территоріи, гдѣ нынѣ Благовѣщенскій базаръ и Пискуновская левада. Въ городѣ показано девять озеръ: изъ нихъ шесть между рр. Лопанью и Харьковомъ, два въ Залопанской части и одно въ Захарьковской; изъ шести озеръ междурѣчья 5 показаны на тѣхъ же мѣстахъ и на планѣ 1787 года (самое большое изъ нихъ имѣло даже островъ), а шестаго расположеннаго въ районѣ Университетской улицы и Рыбной площади, тамъ уже не имѣется; любопытно, что посредствомъ протока оно соединялось съ р. Лопанью недалеко отъ Лопанскаго моста на юго-западъ отъ послѣдняго. Два залопанскія озера также обозначены на планѣ 1787 г., но тамъ имѣется еще третье, съ ними соединенное. Озеро Захарьковской части соотвѣтствуетъ нынѣшнему Попову, которое на планѣ 1787 года не показано. Мостовъ обозначено четыре: три на р. Харьковѣ—нынѣшніе Харьковскій, Кузнечный и Нетеченскій—и одинъ на Лопани—нынѣшній Лопанскій; на Кузнечномъ и Нетеченскомъ показано по двѣ какихъ то постройки, на Лопанскомъ одна; этотъ послѣдній мостъ имѣлъ форму кривой линіи и до 70 саж. длины, между тѣмъ какъ русло рѣки здѣсь было въ нѣсколько разъ уже: очевидно, онъ расчитанъ былъ на большой разливъ; указанная выше постройка обозначена не на руслѣ рѣки, а внѣ его.

„Рѣка Харьковъ, говоритъ акад. Зуевъ, теченіе свое имѣла прежде, какъ уже выше сказано, подлѣ самаго косогора, но пришедши къ городу окружила его съ полуденной стороны

[1]) По даннымъ „Топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества 1787 года“, Харьковъ безъ пригородныхъ слободъ простирался отъ запада къ востоку на 1200, а отъ сѣвера къ югу на 1000 саж.

По даннымъ „Топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества“, изд. въ 1788 году, онъ лежалъ при 49′, 59″ 23‴ сѣверной широты. Простирался съ запада отъ подошвы Холодной Горы до крайней улицы на восточной сторонѣ, по прямой линіи на 1700 саж. въ длину, а сѣвера на югъ отъ выгоннаго косогора внизъ до крайнихъ дворовъ и садовъ на лѣвомъ берегу р. Харькова—на 1100 саж. По вновь же проэктированному плану подъ поселеніе города Харькова отведено 637 десятинъ 20 саж.; а подъ городской выгонъ 1792 дес. 1177 саж. Харьковъ былъ расположенъ въ это время частію на возвышенномъ косогорѣ между рѣчками Лопанью и Харьковомъ, а частію на ровномъ мѣстѣ по обѣ стороны этихъ рѣчекъ, сливающихся въ городѣ и на 5 верстъ ниже его въ видѣ Лопани впадающихъ въ р. Уды.

въ нѣкоторомъ разстояніи и, возвратясь въ самомъ городѣ, впала въ Лопань, текущую въ полдень до рѣки Уды. Нынѣшній Харьковъ течетъ уже по другому мѣсту подлѣ городскаго строенія, гдѣ прежде прорывалась отъ его къ Лопани небольшая протока, называемая Нетечь; а вмѣсто новаго сдѣлался въ самомъ жильѣ подъ горою заливецъ, который вслѣдствіе бывшей нетечи прозвался Нетечью. Въ Харьковѣ вода течетъ быстро, рѣка вездѣ глубока и довольно широка, но на устьѣ, будучи перепружена плотиною для мучной мельницы, почти пропадаетъ; Лопань же хотя больше и шире, но мельче и во многихъ мѣстахъ перепружена также мельницами. Займища у обоихъ большія и вездѣ почти ростетъ осока, однако днища и берега болѣе песчаны, нежели черноземны. При всемъ томъ нельзя сказать, чтобъ вода была въ той и другой хорошая, ибо отъ свинцоваго раствора не только млекнетъ, но и съ нѣкоторою прокраскою, однако послѣднее можетъ быть происходитъ отъ навозу, коимъ плотины здѣсь обыкновенно нагружаютъ".

Но особенно цѣнныя свѣдѣнія о руслахъ Харьковскихъ рѣчекъ заключаются въ планѣ 1787 года. Кромѣ двухъ плотинъ на р. Харьковѣ, говоритъ Ю. И. Морозовъ, въ своемъ объясненіи къ плану 1787 г., была еще третья, съ водяною мельницею, вблизи того мѣста, гдѣ теперь находится Нетеченскій мостъ. Затѣмъ на планѣ 1787 г. показаны два моста, гдѣ нынѣ большой Лопанскій и большой Харьковскій. Помощью извѣстной тушовки указаны также возвышенности и низменности. Между послѣдними особенно интересны обозначенные въ Залопанской части, такъ какъ расположеніемъ своимъ онѣ говорятъ о существовавшемъ когда то значительно отличномъ отъ нынѣшняго расположенія русла р. Лопани. Въ самомъ дѣлѣ, если взять рѣку Лопань возлѣ Рогатинскаго переулка и продолжить ее въ имѣющемся тамъ направленіи къ бассейну на скверѣ на Екатеринославской улицѣ, слѣдовательно, въ серединѣ между Рождественскою и Ярославскою улицами, а потомъ отъ упомянутаго бассейна на скверѣ направиться по среднимъ частямъ кварталовъ между улицами Конторскою и Мало-Гончаровскою до Чугуннолитейнаго завода и оттуда мимо Газовой конторы по низменной части Городскаго (Карповскаго) сада къ рѣчкѣ, то по этимъ направленіямъ проходила въ прежнія времена р. Лопань и образовала рядъ озеръ, которыя и теперь существуютъ на Екатеринославскомъ скверѣ и въ участкѣ, принадлежащемъ Дербергу". Это мѣсто требуетъ поясненій. Говоря объ иномъ расположеніи русла р. Лопани, Ю. И. Морозовъ хотѣлъ сказать повидимому, что кромѣ главнаго нынѣшняго русла существовало еще и другое, проходившее по указанному имъ направленію. Дѣйствительно, на планѣ въ этомъ направленіи указанъ не то протокъ, не то канава—скорѣе послѣдняя, судя по ея прямизнѣ и ломаннымъ линіямъ. Она соединяла 4 озера, изъ коихъ первое находилось въ скверѣ на Екатеринославской улицѣ, съ лѣвой ея стороны, другое приблизительно въ кварталѣ, ограничиваемомъ нынѣ Ярославскою, Дмитріевскою и Конторскою улицами, третье въ кварталѣ, ограничиваемомъ Дмитріевскою, Конторскою (Малою), Гончаровскою ул. и Гончаровскимъ бульваромъ, четвертое приблизительно въ районѣ нынѣшняго Гончаровскаго переулка (это послѣднее было самое обширное). Тамъ, гдѣ эта канава пересѣкала улицы (Екатеринославскую, Ярославскую, Дмитріевскую), устроены были повидимому мостики. Канава эта, вытекая изъ перваго озера (на Екатеринославскомъ скверѣ), впадала въ р. Лопань у конца Конторской улицы. Въ настоящее время озера на Екатеринославскомъ скверѣ уже не имѣется. „Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, продолжаетъ далѣе Ю. И. Морозовъ, рылись канавы для прокладки газопроводныхъ трубъ, то въ низменныхъ частяхъ города, подъ поверхностнымъ слоемъ земли находили массу хвороста, употребляемаго въ прежніе годы для облегченія возможности проѣзда по улицамъ, превращавшимся въ болота въ дождливую пору. Особенно много хвороста находили въ низменной части Московской улицы—

и дѣйствительно, на планѣ 1787 года обозначено 4 озера въ кварталахъ, расположенныхъ возлѣ ближайшихъ къ р. Харькову частей улицъ Московской и Рыбной. Старожилы разсказываютъ, что однажды въ одномъ изъ этихъ озеръ утонула тройка лошадей, заведенныхъ въ озеро для купанья. Эти озера, вѣроятно, также представляли слѣды перемѣщавшагося русла р. Харькова. Помѣщенные въ П. Собр. Зак. планы г. Харькова, Высочайше утвержденные въ 1786 и 1822 годахъ, раскрываютъ одну весьма любопытную подробность о перемѣщеніяхъ р. Харькова между Михайловскою церковью и пунктомъ сліянія съ р. Лопанью. Въ 1786 году р. Харьковъ, миновавъ Кузнецкій мостъ, проходила далѣе на югъ по направленію къ Заиковкѣ и слѣдовала далѣе по тому ряду болотъ, который теперь называется Нетечью. Нѣкоторые старожилы разсказываютъ, что названіе Нетечи было придано ряду озеръ, расположенныхъ по прежнему руслу р. Харькова, когда послѣдняя прошла южнѣе—по Заиковкѣ. Когда же послѣ 1786 года рѣка Харьковъ возвратилась въ прежнее русло, по которому протекаетъ и нынѣ, то названіе Нетечи было придано оставленнымъ на югѣ болотамъ и удержалось за тою частью р. Харькова, которая была на нѣсколько лѣтъ Нетечью. Болота, называемыя теперь Нетечью, названы на планѣ 1822 года „протокомъ Нетечью“; такое же названіе было придаваемо имъ и на планахъ сороковыхъ годовъ; въ настоящее время, кажется, совсѣмъ утратилось воспоминаніе о протокѣ Нетечѣ, а рѣчка Харьковъ возлѣ Нетеченскаго моста неправильно называется Нетечью, въ силу того, что было время, когда здѣсь рѣчка не текла. Мощеніе и нивелированіе улицъ постепенно уничтожаетъ всякіе слѣды прежняго расположенія руслъ Харьковскихъ рѣчекъ и понятіе о немъ можно составить только при помощи такихъ памятниковъ, какъ настоящій. Тѣ мѣстности, на которыхъ происходили перемѣщенія Харьковскихъ рѣчекъ, сохраняютъ однако болотистыя свойства до настоящаго времени; если въ большинствѣ случаевъ бывшія болота и засыпаны, то матеріаломъ для засыпки послужили, какъ извѣстно, навозъ и хворостъ, а потому испаренія земли въ подобныхъ мѣстностяхъ не могутъ быть здоровы для жителей тѣсно застроеннаго большаго города. Поэтому полагаю, что городскому управленію слѣдовало бы принять всевозможныя мѣры для устройства водостоковъ, чтобы весенняя и дождевая вода не застаивалась на впадинахъ, расположенныхъ на мѣстѣ прежнихъ болотъ, и для удаленія изъ города, при перемощеніи улицъ, того гніющаго навоза, которымъ были засыпаны Харьковскія болота“. Прибавимъ къ этому, что кромѣ 4-хъ озеръ, указанныхъ Ю. И. Морозовымъ, было еще пятое, находившееся не далеко отъ нихъ—приблизительно въ нынѣшнемъ саду „Баварія“. На рр. Лопани и Харьковѣ были островки или, можетъ быть, отмели, не говоря о томъ, что кое гдѣ сами рѣки развѣтвлялись на нѣсколько рукавовъ. Что касается Нетечи, то она на планѣ 1787 года ясно обозначена, какъ притокъ рѣки Харькова, впадавшей въ нее недалеко отъ соединенія ея съ Лопанью. Рѣка Харьковъ имѣла здѣсь направленіе съ востока на западъ, а рѣка Нетеча—съ юга на сѣверъ; любопытно, что по ширинѣ своей она мало чѣмъ уступала р. Харькову; впадали въ Лопань рѣки Харьковъ и Нетечь, недалеко отъ ихъ сліянія другъ съ другомъ. Что касается отмѣченнаго Ю. И. Морозовымъ измѣненія русла р. Харькова, то опять таки и здѣсь рѣчь идетъ повидимому о второмъ руслѣ или протокѣ, который отмѣченъ и на планѣ 1787 года восточнѣе рѣки Нетечи, на западъ отъ Кузнечнаго моста. Протокъ этотъ доходилъ до рѣки Харькова въ видѣ узкой канавы, а далѣе на югъ расширялся и образовалъ какъ бы длинное большое озеро или болото. По бокамъ его шла возвышенность, окружавшая его со всѣхъ сторонъ какъ будто кольцомъ и примыкавшая къ пересѣкаемой ею другой возвышенностью, тянувшейся вдоль лѣваго берега р. Харькова. Напомнимъ здѣсь, также, что въ приведенномъ нами выше отрывкѣ изъ Зуева вопросъ о Нетечѣ рѣшается совершенно опредѣленно. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что Основа на планѣ обозначена, какъ село помѣщика Квитки, расположенное на лѣвомъ берегу Лопани—тамъ, гдѣ нынѣ Москалевская улица, шер-

стомойки, Квиткинская площадь, Основьянская улица и т. д.; въ ней показана церковь, постройки, лѣсъ и дорога, шедшая отъ р. Нетечи. Лѣсъ тянулся вдоль всего лѣваго берега р. Лопани почти отъ впаденія въ нее р. Харькова до того изгиба, который дѣлаетъ рѣка по направленію къ юго-западу.

Судоходства по Лопани и Харькову не было. Въ „Экономическихъ примѣчаніяхъ“ къ генеральному межеванію мы читаемъ: судоваго хода и гонки лѣснаго матеріала по рр. Лопани и Харькову, вслѣдствіе устройства на нихъ мельницъ, не было. Рѣчная вода годилась для скота, а колодезная для людей [1]).

Окрестности города представляли изъ себя въ концѣ XVIII в. слѣдующій видъ. Къ сѣверу между рѣчекъ Лопани и Харькова тянулся горный хребетъ, оканчивавшійся внутри самаго города мысомъ при впаденіи одной рѣчки въ другую. Съ сѣверозападной стороны горный хребетъ, называемый Холодной горой, лежащій между рѣками Уды и Лопанью, кончался также мысомъ ниже города, но пространнымъ и отлогимъ, коего отлогіе берега покрыты были частію березовыми рощами, а большею частью тамъ, гдѣ Лопань съ Харьковомъ вливаются въ Уды, сосновымъ боромъ. Оба эти хребта между рѣчками состояли изъ иловатой, большею же частью черноземной и глинистой почвы и покрыты были лѣсами съ обычными здѣсь породами деревьевъ. Правая нагорная сторона р. Удъ, вся поросшая чернолѣсьемъ, имѣла видъ треугольника, стороны котораго равнялись 20 верстамъ. Къ югу и западу тянулся непрерывный лѣсъ. На лѣвой восточной сторонѣ р. Удъ было пространное раздолье, здѣсь на песчаномъ грунтѣ находились сосновые боры, на влажномъ—ольховникъ, а ближе къ городу съ запада и сѣвера нагорные лѣса, отчасти вырубленные еще въ прежнее время. Эти поляны составляли тогда городской выгонъ и часть пахатнаго поля, а также при рѣчкахъ по отлогимъ косогорамъ отъ береговъ сѣнокосы и пахатныя поля и полугорья; самый же городъ на половину своей окружности былъ обсаженъ, со всѣхъ сторонъ, садами. Съ восточной стороны города, по лѣвую сторону р. Харькова на раздолье и вверхъ на хребетъ по плосковатому косогору цѣло верстъ на 30 открытое поле, чрезъ которое съ востока впадала въ р. Харьковъ повыше города малая рѣчка Немышля; берега ея представляли изъ себя некрутыя безлѣсныя горы съ пастбищами и полями. Со всѣхъ сторонъ около города нѣкоторыя равнины были покрыты пескомъ, на которомъ не росло почти никакихъ растеній.

По разсказамъ старожиловъ, этого песку здѣсь на поверхности почвы не было. По ихъ словамъ, раздолья, нынѣ страждущія отъ безплоднаго песку, доставляли прежде сѣно или жатву; но когда начали песчаную почву вспахивать подъ посѣвъ арбузовъ и овощей, то такія нивы скоро обнажились и превратились въ зыбучій песокъ: наружный дернъ состоялъ прежде изъ небольшого количества чернозема и этотъ черноземъ ежегодно освѣжался сгнивавшими внутри его кореньями и стеблями растеній, оставшимися отъ косы и серпа; совершенно иное происходило при разработкѣ его подъ бахчи и огороды: при посадкѣ овощей разсаживали одно зерно отъ другого на значительномъ отдаленіи, а лежащее между зернами пространство пропалываютъ въ лѣто трижды выцарапывая желѣзными кирками съ корнями всякое растеніе, тамъ появлявшееся; почва отдавала свои послѣдніе соки овощамъ, сама лишалась въ жаркое время влаги и дѣлалась безплодной [2]).

По общему характеру своихъ построекъ Харьковъ, и въ концѣ XVIII вѣка былъ похожъ на нынѣшнюю большую малороссійскую слободу. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе производило огромное большинство его домовъ, расположенныхъ въ Захарьковской и Залопанской его

---

[1]) Экон. и камер. прим. въ Межевомъ Архивѣ Губ. Правл.

[2]) Топогр. опис. Харьков. Намѣстн. Х. 1788—1888 гг.

частяхъ. Исключеніе представляла только центральная часть города, гдѣ былъ великолѣпный дворецъ Намѣстника. Вотъ впечатлѣніе путешественника, вполнѣ подтверждающее эту характеристику.

„Пространство города во всѣ стороны, говоритъ Зуевъ, кругло, потому что дома разсѣяны безъ порядку и какъ вдоль, такъ и поперекъ будетъ версты на три или на четыре. Въ срединѣ города, гдѣ между рѣкъ должно бъ было быть скату, оный сравненъ съ горою насыпью, на которой яръ, съ третьей стороны находится буеракъ, а съ четвертой, отъ жилья, тотъ же валъ поднятъ гораздо выше и сдѣланы сквозь его ворота. Въ оной крѣпости имѣется намѣстническій пространный великолѣпный каменный домъ, крытый по всему строенію и службами листовымъ желѣзомъ о двухъ этажахъ; подлѣ его на прямой уголъ построенъ деревянный на подобіе театра домъ, гдѣ открывалось намѣстничество и гдѣ одна половина опредѣлена была для жилья Намѣстнику, а другая для выбора судей; однако когда Генералъ-Губернаторъ Щербининъ, который управляетъ и Воронежскимъ Намѣстничествомъ, избралъ здѣшній городъ своимъ пребываніемъ, ибо онъ и прежде здѣсь долгое время былъ губернаторомъ, то построили ему великолѣпные сіи хоромы, кои прямо дворецъ представляютъ. Губернатору же опредѣлили перестроить тотъ деревянный Намѣстническій домъ. Кромѣ сихъ вышеписанныхъ домовъ, конюшенъ для гусарскихъ командъ, караульныхъ сараевъ и соборной церкви, другого строенія въ крѣпости нѣтъ, а все оно расположено за крѣпостью по горѣ, по косогору, по подолу между рѣкъ и за рѣками: оно низменное, деревянное, или изъ хворосту, вымазанное снаружи глиною и выбѣленное, внутри же расположено по малороссійскому образцу: одна половина хаты для хозяина съ семьею, а другая съ галлереею, поелику наибольшая часть жителей шинкуютъ горячимъ виномъ и другими пьяными напитками, для гостей“.

Обращаемся теперь спеціально къ вопросу о Харьковскихъ постройкахъ и ихъ распредѣленію по разнымъ частямъ города.

Харьковъ дѣлился тогда на городъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (бывшая крѣпость), непосредственно примыкавшее къ нему предмѣстье, которое, по словамъ Зуева, называлось Подоломъ (нынѣшній Троицкій приходъ) Захарьковскую и Залопанскую слободы.

Изъ вѣдомости, приложенной къ описанію Харькова 1767 г., видно, что въ Харьковѣ въ это время было 2 монастыря съ 3 каменными зданіями, одна каменная соборная церковь, 2 каменныхъ и 7 деревянныхъ (всего 9) приходскихъ церквей, 4 двора генералитетскихъ, 6 штабъ офицерскихъ, 8 оберъ офицерскихъ, 9 унтеръ офицерскихъ, 18 старшинскихъ, 11 подпрапорщицкихъ, 18 приказныхъ служителей, 13 великорусскихъ купцовъ, 46 иностранцевъ, священниковъ и причетниковъ, 9 церковно-приходскихъ шпиталей (богадѣленъ), 62 разночинцевъ и 695 войсковыхъ обывателей; всего 899 дворовъ, изъ коихъ на долю войсковыхъ обывателей падаетъ 77%. Улицъ и переулковъ въ Харьковѣ было въ это время 58, торговыхъ рыбныхъ, соляныхъ и мясныхъ лавокъ и прилавковъ 290, винныхъ погребовъ 7, шинковъ 156, винокурень 28 [1]).

О вновь проэктированныхъ и дѣйствительно существовавшихъ постройкахъ спеціально въ центральной части города даетъ понятіе планъ ихъ, представленный на Высочайшее благоусмотрѣніе однимъ изъ Харьковскихъ губернаторовъ (быть можетъ, Щербининымъ). Судя по тому, что губернаторскій домъ на немъ показанъ въ видѣ проэкта, можно думать, что планъ этотъ относится еще къ 60 годамъ XVIII вѣка и близокъ по времени къ Высочайше утвержденному плану 1768 года, но болѣе ранній, чѣмъ этотъ послѣдній. Желтою и красною краскою на немъ обозначены повидимому дѣйствительно существовавшія зданія—каменныя

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, II, стр. 236—238.

(10) и деревянныя (болѣе сотни). На мѣстѣ проэктированнаго въ Высочайше утвержденномъ планѣ Гостиннаго двора стояло, напримѣръ, 10 деревянныхъ построекъ. Проэктировались измѣненія въ слѣдующихъ общественныхъ постройкахъ: 1) Губернаторскомъ домѣ со службами (предположено было отодвинуть его немного къ югу) и 2) Губернской Канцеляріи: ее предположено было воздвигнуть на мѣстѣ, непосредственно примыкавшемъ къ усадьбѣ Губернаторскаго дома почти противъ собора (немного южнѣе его)—а губернаторъ предлагалъ построить ее на мѣстѣ, покупаемомъ за 400 р. у обознаго Ковалевскаго и находившемся приблизительно на нынѣшнемъ Горяиновскомъ переулкѣ, гдѣ было почтовое отдѣленіе. Ратуша, гостинный дворъ, пороховой погребъ и трактирный домъ должны были остаться на прежнихъ мѣстахъ: первая—противъ собора, гдѣ впослѣдствіи была хирургическая клиника университета, а теперь учрежденія историко-филологическаго факультета; второй—гдѣ и нынѣ; третій—гдѣ нынѣ 2-й полицейскій участокъ; четвертый—противъ гостиннаго двора на угольномъ мѣстѣ, принадлежащемъ нынѣ городу.

Къ началу 80-хъ годовъ число строеній въ Харьковѣ значительно увеличилось: въ 60-хъ годахъ ихъ было 900, а при Зуевѣ около 1700. Кажется, однако, что эту цифру нужно признать преувеличенной, ибо она не находится въ соотвѣтствіи съ другими документальными данными.

„Все городское строеніе, говоритъ акад. Зуевъ, раздѣляется на четыре части, означаемыя полицейскими числами, а по народному называются онѣ собственными именами: Городская, Подольская, Захарьковская и Залопанская. Въ каждой части, по полицейскому раздѣленію, считается болѣе четырехъ сотъ дворовъ. Сверхъ того тутъ же между обывательскими дворами имѣются кожевни, пивоварни солодовни, винокурни и кузницы. Въ городской части имѣется изрядной каменной гостинный дворъ и сверхъ того множество деревянныхъ лавокъ. Вообще всѣхъ обывательскихъ домовъ около 1700, кожевень 126, винокурень 14, пивоварень 4, солодовень 7, кузницъ 40; церквей въ городѣ каменныхъ 6 и пять деревянныхъ; сверхъ того въ градской части находится пространной мужской заштатный монастырь при которомъ есть и семинарія или по здѣшнему называемая Коллегіумъ“.

При Покровскомъ монастырѣ было 2 каменныхъ зданія—одно Коллегіумъ, другое сиротопитательный домъ или Бурса, гдѣ обучались сироты и вообще не могшіе содержать себя на своемъ иждивеніи; для монаховъ же было 7 деревянныхъ строеній. Церквей, включая сюда и монастырь, было 10—6 каменныхъ и 4 деревянныхъ; губернаторскій каменный домъ; казенный деревянный домъ, въ которомъ помѣщались Прибавочные классы; деревянный домъ, въ которомъ находилась Губернская канцелярія съ вотчиннымъ департаментомъ и межевою конторою; деревянный домъ, въ которомъ помѣщалось Коммиссарское правленіе съ полиціею; казенный деревянный домъ съ аптекою. Генералитетскихъ дворовъ было 2, штабъ офицерскихъ 8, оберъ офицерскихъ 8, унтеръ офицерскихъ 5, старшинскихъ 13, подпрапорныхъ 3, приказныхъ служителей 48, великорусскихъ купцовъ 42, разныхъ націй иностранцевъ 16, священниковъ и причетниковъ 29, войсковыхъ обывателей 943 [1]).

Вѣрное и наглядное понятіе о раздѣленіи Харькова на части и о постройкахъ его даетъ описаніе его 1788 года.

Харьковъ по своему естественному мѣстоположенію дѣлился и тогда на 3 части: А) городъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; В) Залопань и С) Захарьковъ. Всѣхъ частныхъ дворовъ въ немъ было 1532.

---

[1]) Дѣло объ опис. Слоб. Укр. Губ. 1780 г. № 174.

А. Городъ находился на возвышенномъ косогорѣ и простирался до береговъ Лопани и Харькова; онъ былъ обведенъ двумя земляными, уже обветшалыми рвами. Въ свою очередь онъ дѣлился на 2 части—крѣпость и предмѣстье. Въ крѣпости находились слѣдующія строенія: 1) каменная Соборная церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы съ 4 предѣлами съ каменной же колокольней старинной постройки; 2) новопостроенный казенный каменный домъ съ надлежащими службами, въ коемъ жилъ намѣстникъ; 3) казенный деревянный обложенный кирпичемъ домъ съ тронною залой; 4) присутственныя мѣста съ казенными погребами; 5) училищный монастырь съ каменной 2-хъ этажною церковью во имя Покрова Пресвятой Богородицы и 3-хъ святителей, съ каменными 2-хъ этажными школьными зданіями, каменною на воротахъ библіотекой и прочими пристройками; 6) каменная банковая контора съ погребами и другими пристройками; 7) каменный гостинный дворъ; 8) каменный домъ близь собора для полиціи и магистрата; 9) два каменныхъ флигеля близь тронной залы и полиціи, 10) при въѣздѣ въ городъ вмѣсто воротъ каменныя съ обѣихъ сторонъ караульни, подобно тѣмъ, которыя построены въ предмѣстьяхъ на Московской и Херсонской улицахъ; 11) около городского вала отъ воротъ начаты постройкой каменныя лавки съ погребами; 12) противъ Собора сдѣланъ фундаментъ подъ огромное каменное зданіе Присутственныхъ мѣстъ въ линію съ Генералъ-Губернаторскимъ домомъ; 13) нѣсколько вновь выстроенныхъ частныхъ деревянныхъ домовъ, обдѣланныхъ снаружи глиною съ набивкою кирпичемъ и побѣленныхъ известью или алебастромъ. Важнѣйшія постройки въ предмѣстьѣ были слѣдующія: 1) вокругъ торговая площадь съ деревянными лавками, 2) каменная приходская Троицкая церковь съ однимъ придѣломъ, 3) каменная приходская Николаевская церковь, 4) казенный деревянный домъ для поручика Намѣстническаго Правителя, 5) Губернскій и Городовой Магистраты и полиція, 6) деревянный училищный домъ, зависящій отъ Губернскаго Правленія, 7) каменный Сиропитательный домъ, зависящій отъ училищной Коллегіи; гдѣ жили на казенномъ содержаніи сироты и неимущіе семинаристы, 8) деревянный домъ приказа Общественнаго Призрѣнія, 9) казенный соляной магазинъ; 10) казенный и общественный хлѣбные магазины и каменный запасный хлѣбный казенный магазинъ, 11) новопостроенный деревянный двухъ-этажный домъ для содержанія арестантовъ; 12) на кладбищѣ каменная Мироносицкая церковь; кладбище это предназначено было для трехъ приходовъ первой части города, а смежно съ нимъ расположено было и кладбище для иновѣрцевъ, 13) каменный на р. Лопани о трехъ сводахъ и деревянный на р. Харьковѣ общественные мосты.

В. Залопанской называлась 2-я часть города, лежавшая къ западу отъ крѣпости по правому берегу Лопани на ровномъ частію песчаномъ раздольѣ, простиравшемся на версту къ западу отъ рѣки до Холодной Горы. Въ этой части были слѣдующія общественныя зданія: 1) каменная приходская Рождественская церковь, 2) деревянная приходская Благовѣщенская церковь, 3) деревянная приходская Дмитріевская церковь, 4) каменная губернская аптека съ лабораторіей, 5) на коммуникаціонной Кіевской и Екатеринославской дорогѣ торговая площадь съ вырытыми прудомъ и каналомъ, 6) за городомъ кладбище для этихъ трехъ приходовъ, вѣроятно у Холодной Горы.

С. Захарьковская часть тянулась къ востоку и югу отъ крѣпости и была расположена на лѣвомъ берегу р. Харькова на раздольѣ, частію песчаномъ, частью возвышенномъ. Въ ней находились: 1) приходская деревянная Воскресенская церковь, 2) приходская деревянная Вознесенская церковь, 3) приходская каменная Михайловская церковь, 4) каменный почтовый домъ, 5) хлѣбный общественный магазинъ, 6) за городомъ кладбище для этихъ трехъ приходовъ.

Большая часть этихъ казенныхъ и общественныхъ зданій возникла послѣ Екатерининскихъ реформъ, превратившихъ козацкій полковой городъ Харьковъ въ административный центръ Харьковскаго Намѣстничества или Слободско-Украинской губерніи [1]).

---

[1]) Въ соотвѣтствіи съ этими данными находятся свѣдѣнія и другихъ современныхъ документовъ. Вотъ, напримѣръ, свидѣтельство „Топ. опис." 1785 года.

„По своему мѣстоположенію Харьковъ дѣлился на 3 части: 1-я, называвшаяся преимущественно городомъ, находилась на возвышенномъ косогорѣ и простиралась до береговъ обѣихъ рѣчекъ и была обведена двумя земляными обветшавшими рвами; 2-я, называвшаяся Залопанскою—на западъ отъ нея по правой сторонѣ р. Лопани на ровномъ, отчасти песчаномъ мѣстѣ: 3-я, называвшаяся Захарьковской—къ востоку и югу на лѣвой сторонѣ р. Харькова на раздольѣ, частію песчаномъ, частію возвышенномъ. Деревянныя зданія, выстроенныя для временнаго помѣщенія правительственныхъ учрежденій, находились въ 1-й части города, но вмѣсто нихъ, по Высочайше апробованнымъ планамъ, полученнымъ 23 декабря 1784 года, предположено выстроить тамъ же каменныя. Въ той же 1-й части города находились и частные дома лучшихъ гражданъ, остальныхъ же—во 2-й и 3-й частяхъ. Важнѣйшія зданія въ городѣ были слѣдующія. Каменный Покровскій Коллегіумскій монастырь съ двумя однопрестольными каменными церквями на одномъ фундаментѣ: одна внизу, во имя трехъ святителей, другая наверху во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и съ каменнымъ двухъ этажнымъ училищнымъ зданіемъ Коллегіума, пріобрѣтеннымъ отъ генералъ-маіора Ѳедора Шидловскаго. Каменныя церкви: Соборная, Успенская о 5 престолахъ, Николаевская, Троицкая съ 2 престолами, Рождественская, Мироносицкая на кладбищѣ, Михайловская; деревянныя церкви—Благовѣщенская, Дмитріевская, Воскресенская и Вознесенская; каменные: Генералъ-Губернаторскій домъ и Банковая Контора; деревянный обложенный кирпичемъ Губернаторскій домъ; дома Намѣстническаго Правленія съ приказомъ общественнаго призрѣнія, Палаты уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, верхняго земскаго суда, верхней расправы, уѣзднаго суда съ дворянскою опекою и нижней расправы, уѣзднаго казначейства, архива, казенной кладовой, пороховаго погреба; каменный гостинный дворъ; деревянный домъ губернскаго магистрата и нижняго земскаго суда; домъ полиціи, городоваго магистрата; тюремная изба со смирительнымъ и рабочимъ домами; каменные дома почты и аптеки, дома для больницы приказа общественнаго призрѣнія, два хлѣбные деревянные магазина и третій соляный, каменный сиропитательный домъ для сиротъ и неимущихъ семинаристовъ, построенный тщаніемъ бывшаго Бѣлгородскаго епископа Самуила (Мисляковскаго); два деревянныхъ дома казеннаго училища, въ коихъ проживало до 75 чел. учениковъ; партикулярныхъ (т. е. частныхъ) домовъ было 1810, лавокъ 103, водяныхъ мельницъ 3, пивоварень 6, солодовень 7, кузницъ 4, богадѣленъ 3".

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить дѣленіе Харькова на три части: очевидно, Подолъ, который Зуевымъ отмѣченъ, какъ отдѣльная часть города, уже почти слился съ центромъ. Характерно, что деревянныя церкви находятся въ прежнихъ слободахъ, а въ болѣе центральныхъ частяхъ и на кладбищѣ каменныя.

На планѣ 1787 г. указаны слѣдующія лучшія каменныя зданія въ городѣ: 1) Коллегіумскій (теперь Покровскій) монастырь; 2) гостинный дворъ—гдѣ и нынѣ; разница въ томъ, что на планѣ 1787 г. они имѣли посрединѣ сквозной проходъ и лавки внутри двора; 3) Банковая Контора—гдѣ теперь Суздальскій рядъ бывшій Пащенкова-Тряпкина на Монастырской улицѣ; 4) Соборная церковь—на нынѣшнемъ мѣстѣ; 5) Губернскій магистратъ—противъ собора, гдѣ нынѣ канцелярія попечителя и Историческій Архивъ; 6) Губернаторскій домъ, гдѣ теперь Университетская церковь, библіотека и актовый залъ; 7) Генералъ-Губернаторскій домъ, гдѣ теперь квартира г. Попечителя и университетскія аудиторіи; 8) казенная аптека, возлѣ нынѣшней Рождественской церкви; 9) казенный почтовый дворъ, гдѣ теперь 1-я мужская гимназія; 10) провіантскій магазинъ, гдѣ и нынѣ—тоже зданіе; 11) Рождественская, Троицкая, Николаевская, Мироносицкая и Михайловская церкви; 12) казенныя училища—гдѣ нынѣ зданіе Харьковской Общественной Библіотеки и университетская земля съ постройками (по Петровскому переулку и Московской улицѣ), арендуемая г. Дирбергомъ. Изъ лучшихъ деревянныхъ зданій указаны 4 церкви—Дмитріевская, Благовѣщенская, Воскресенская и Вознесенская, находившіяся тамъ, гдѣ и нынѣ; изъ церквей—Соборная, Благовѣщенская, находились на площадяхъ, а Воскресенская, Михайловская, Вознесенская и Мироносицкая даже за чертою собственно городскихъ владѣній, за валомъ и только Монастырская, Николаевская, Дмитріевская и Троицкая среди построекъ. Къ этимъ зданіямъ слѣдуетъ присоединить еще нѣкоторыя другія, не отмѣченныя въ объясненіи къ плану, но указанныя въ текстѣ, приложенномъ къ Атласу „Топографическаго описанія". Тамъ мы читаемъ „Харьковъ дѣлился на 3 части (городъ собственно, залопанскую и захарьковскую часть). Церквей въ немъ было 11, въ томъ числѣ каменныхъ 7 (соборная съ 4 придѣлами, при Покровскомъ монастырѣ, четыре приходскихъ и одна клад-

Интересно сопоставить населенные пункты и границы Харькова въ 1768 и 1786—1787 гг., по тогдашнимъ планамъ.

По Высочайше утвержденному плану 1768 года, Харьковъ былъ расположенъ при впаденіи р. Харькова въ р. Лопань и занималъ пространство между этими рѣками, а также лѣвый берегъ Лопани, часть лѣваго берега р. Харькова и пространство между рр. Харьковомъ и Нетечью. Границею его съ западной стороны служилъ валъ, пересѣкавшій нынѣшнюю Екатеринославскую и параллельныя ей улицы за Дмитріевской церковью. Валъ этотъ имѣлъ выступы и на двухъ концахъ его находились четыреугольныя башни у р. Лопани. Такъ какъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ западному валу плана 1787 года, то о направленіи его мы скажемъ, когда будемъ говорить объ этомъ послѣднемъ. Южную границу города составляли—рѣка Лопань до впаденія въ нее р. Харькова (на лѣвомъ берегу р. Лопани въ этомъ мѣстѣ не было никакихъ поселеній), затѣмъ пространство между р. Харьковомъ и Нетечью ограждалось новымъ валомъ съ 3 башнями, направленіе котораго вполнѣ соотвѣтствовало валу, обозначенному на планѣ 1787 года. Съ восточной стороны городъ ограничивался также валомъ, упиравшимся двумя концами своими въ лѣвый берегъ р. Харькова; направленіе его вполнѣ сходилось съ направленіемъ вала на планѣ 1787 года. Но въ дѣйствительности пригородныя поселенія выходили здѣсь, на восточной и юго-восточной сторонѣ, далеко за предѣлы вала и ихъ вновь „прожектированный“ планъ еще не касался; крайнимъ предѣломъ ихъ на востокѣ являлось большое озеро, обозначенное на планѣ и соотвѣтствующее повидимому нынѣшнему Попову озеру. Сѣверною границею Харькова служилъ опять таки валъ, упиравшійся двумя башнями своими въ р. Лопань, пересѣкавшій нын. Сумскую улицу у Мироносицкой церкви и соотвѣтствовавшій вполнѣ валу плана 1787 года. Поселенія однако и здѣсь выходили за предѣлы вала почти по всей длинѣ его, хотя и не особенно далеко (maximum на 150 погонныхъ саженъ).

Центральная часть города ограничивалась стѣною, замыкавшею ее однако только съ восточной и отчасти сѣверной и южной стороны, западная же сторона имѣла естественныя укрѣпленія въ видѣ крутыхъ обрывовъ нынѣшней университетской горки и потому стѣны не имѣла. На планѣ обозначены также и другія возвышенія и одно изъ нихъ начиналось неда-

---

бищенская) деревянныхъ четыре (всѣ приходскія). Каменныя публичныя зданія были таковы: школы Коллегіумскаго монастыря, библіотека его, за монастыремъ сиропитательный домъ, Банковая Контора, полиція съ городовымъ магистратомъ, почтовый домъ, губернская аптека, провіантскій магазинъ, четверо городскихъ воротъ съ караульнями, гостинный дворъ, 8 лавокъ съ желѣзными и прочими товарами, казенные жилые дома—генералъ-губернаторскій со всѣми службами, для городничаго со всѣми службами, службы на дворѣ, гдѣ сиропитательный залъ и домъ для Губернатора (послѣдній деревянный, но обложенный кирпичемъ и съ такими же службами); частные каменные дома—церковный домъ вновь заложенный и три обывательскихъ дома; деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ—казенное училище и 50 частныхъ домовъ. Деревянныя—мясной рядъ, рыбный рядъ и другія мелочныя лавки и хотя не болѣе четырехъ лѣтъ, какъ въ этомъ городѣ начали строиться по плану, но порядочно выстроенныхъ домовъ уже 184. Вновь строятся присутственныя мѣста и мелочныя лавки. Домовъ обывательскихъ въ городѣ и предмѣстьѣ считалось 1810. Здѣсь нужно подчеркнуть увеличеніе числа каменныхъ зданій и появленіе 4-хъ каменныхъ городскихъ караулонъ; оказывается также, что по плану начали строиться съ 1781 года, но уже было выстроено порядочныхъ домовъ 184. (Атласъ Харьк. Нам. 1787 года съ топогр. опис. Х. 1902 г., стр. 2).

По „Экономическимъ примѣчаніямъ“ деревянныхъ церквей было 6 (Рождественская, Благовѣщенская, Дмитріевская, Воскресенская, Михайловская и Вознесенская), каменныхъ церквей за крѣпостью 3. Общественныя зданія: деревянный домъ городническаго правленія, казенныхъ классовъ, каменный одноэтажный сиропитательный домъ Харьковскаго Коллегіума. Деревянныхъ купеческихъ дворовъ въ Харьковѣ было 42, мѣщанскихъ 62, владѣльческихъ (т. е. помѣщичьихъ) 41, священно, церковно и канцелярскихъ служителей 77, разныхъ націй (т. е. иноземцевъ) 16, разночинцевъ, положенныхъ въ подушный окладъ 1135, а всѣхъ 1373 двора. (Экон. и камер. примѣчанія въ межевомъ архивѣ Харьк. губ. правл.).

леко отъ нынѣшней Биржи и шло въ сѣверо-восточномъ направленіи, спускаясь къ нынѣшней Бѣлгородской улицѣ; другое направлялось къ сѣверу отъ Университетской горки по нынѣшней Сумской улицѣ; третье занимало часть нынѣшняго Благовѣщенскаго базара—южную половину пространства, образованнаго двумя прежними протоками Лопани; на планѣ 1787 года тамъ показанъ лѣсъ.

Церквей въ междурѣчьѣ было 5 (Коллегіумская, Соборная, Николаевская, Мироносицкая и Троицкая), въ Залопанской части три (Благовѣщенская, Рождественская и Дмитріевская), въ Захарьковской три (Вознесенская, Михайловская и Воскресенская), всего 11. Всѣхъ вновь проэктированныхъ кварталовъ въ междурѣчьи показано 44, въ Залопанской части 29, въ Захарьковской—11, всего 84. Въ соотвѣтствіи съ этимъ намѣчено было и число улицъ и переулковъ. Большіе размѣры имѣли площади—Рыбная, Благовѣщенская, Михайловская, Вознесенская, Рождественская, Воскресенская и Николаевская; всѣ онѣ, за исключеніемъ вновь проэктированной Рыбной, находились при церквяхъ и были, очевидно, стариннаго происхожденія. Центральная часть города также представляла изъ себя какъ бы отдѣльную площадь и не вездѣ имѣла точно обозначенныя улицы. Здѣсь мы находимъ почти тѣ же постройки, какія указаны и на планѣ 1787 года (генералъ-губернаторскій домъ, соборъ и т. п.). Въ другихъ частяхъ города отмѣчены кузницы, мясные и рыбные ряды, торговыя бани, мѣсто для пивоваренъ. Отчасти, нужно думать, это были проэкты, отчасти (напримѣръ, кузницы на нынѣшней Кузнечной улицѣ) постройки, существовавшія въ дѣйствительности. Почти всѣ они находились у берега Лопани и Харькова. Съ запада на востокъ (не считая Захарьковскихъ слободъ) городъ простирался на 1130 саженъ съ сѣвера на югъ на 900 саж.

Высочайше утвержденный планъ 1786 года, (20 апрѣля) заключалъ въ себѣ дѣйствительно существовавшія (каменныя и деревянныя) и проэктированныя постройки. По новому проэкту, Харьковъ долженъ былъ представлять изъ себя городъ съ совершенно прямыми, правильными улицами и кварталами. Только центральная часть города обведена была крѣпостною стѣною, другихъ укрѣпленій не показано, но не потому чтобы ихъ не было (они существовали), а потому что они состояли только изъ земляного вала, котораго не предполагалось поддерживать. Въ междурѣчьѣ проэктировалось теперь 46 кварталовъ (въ томъ числѣ 7 въ крѣпости), въ Залопанской части 9, въ Захарьковской—30; всего 85. Общее число кварталовъ осталось прежнее (сравнительно съ планомъ 1768 г.), но распредѣленіе ихъ иное: въ междурѣчьѣ увеличилось число кварталовъ въ крѣпости и нѣсколько уменьшилось въ остальной части, сильно уменьшилось въ Залопанской (съ 29 на 9) и сильно увеличилось въ Захарьковской (съ 11 на 30). Уменьшеніе числа кварталовъ въ Залопанской части объясняется однако не уменьшеніемъ ея площади (она осталась безъ измѣненія), а увеличеніемъ площади самихъ кварталовъ. Увеличеніе же числа кварталовъ въ Захарьковской части вызвано было вновь прибавленными по проэкту кварталами, изъ коихъ одни пошли по лѣвому берегу р. Харькова въ сѣверо-восточномъ направленіи, а другіе должны были связать Захарьковскія поселенія съ поселеніями у р. Нетечи и образовать сплошную линію поселковъ. На р. Харьковѣ было указано 6 мостовъ у нынѣшнихъ Вознесенской, Московской, Кузнечной, Нетечинской, Марьинской улицъ, на Лопани—одинъ у Екатеринославской улицы. Кромѣ того былъ еще одинъ мостокъ на притокѣ, впадавшемъ въ р. Харьковъ съ правой стороны между нынѣшнимъ Харьковскимъ и Кузнечнымъ мостомъ. Направленіе нынѣшней Сумской улицы обозначено, какъ дорога изъ Бѣлгорода. Въ крѣпости указаны слѣдующія дѣйствительно существовавшія постройки: 1) Покровскій монастырь съ келіями и лавками, 2) Губернаторскій домъ (гдѣ теперь Университетъ), 3) Губернская Канцелярія—на сосѣднемъ съ нимъ усадебномъ мѣстѣ почти противъ собора (нѣсколько южнѣе его), 4) купеческая ратуша—гдѣ теперь учрежденія историко-филологиче-

скаго факультета (противъ собора), 5) гостинный дворъ (на нынѣшнемъ мѣстѣ), 6) пороховой погребъ—гдѣ нынѣ 2-й полицейскій участокъ. Какъ видно отсюда, зданіе Губернской Канцеляріи осталось на томъ мѣстѣ, гдѣ оно было Высочайше утверждено, т. е. приблизительно тамъ, гдѣ теперь присутственныя мѣста. Остальныя общественныя сооруженія также были построены на опредѣленныхъ имъ мѣстахъ. Замѣтимъ въ заключеніе, что на планѣ 1786 г. рѣка Харьковъ имѣетъ русло не похожее ни на нынѣшнее, ни на прежнія, обозначенныя на остальныхъ планахъ. Объясняемъ мы это впрочемъ скорѣе всего неточностью самаго плана.

Но наиболѣе цѣнныя данныя о размѣрахъ и границахъ города Харькова даетъ планъ его 1787 года.

Центральная часть города была обнесена съ трехъ сторонъ крѣпостною стѣною съ 3 полубашнями или, быть можетъ, просто выступами, а съ четвертой—западной стороны защитою служилъ крутой обрывъ, гдѣ и нынѣ возвышенности Университетской Горки, Пащенковскаго пассажа и Покровскаго монастыря; концы крѣпостной стѣны соприкасались съ этимъ естественнымъ укрѣпленіемъ острога. Это—территорія стараго Харьковскаго городища и первой крѣпости. Въ центральномъ укрѣпленіи города находился и пороховой погребъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ домъ полицейскаго управленія; этотъ пороховой погребъ указанъ на планѣ г. Харькова, помѣщенномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и Высочайше утвержденномъ 20 апрѣля 1786 года: центральное укрѣпленіе на этомъ планѣ названо крѣпостью, которая уже не показана на планѣ, Высочайше утвержденномъ 23 марта 1822 года. „Если, говоритъ Ю. И. Морозовъ, нанести крѣпость на современный планъ Харькова, то она запяла бы центральную часть города, на которой помѣщаются нынѣ Соборъ, присутственныя мѣста, пассажъ, гостинный дворъ, Университетъ, монастырь; Николаевская церковь находилась внѣ крѣпости. Кромѣ этого центральнаго укрѣпленія, которое называлось также и „замкомъ“, весь городъ былъ обнесенъ земляпымъ валомъ съ нѣсколькими башнями. Въ Захарьковской части валъ расположенъ былъ на нынѣшнихъ Михайловской и Вознесенской площадяхъ, между двумя башнями, изъ которыхъ одна находилась у рѣчки Харькова, на томъ мѣстѣ, гдѣ была прежде квартира губернатора (въ домѣ Фриде); другая башня была расположена нѣсколько сѣвернѣе Михайловской церкви (эта послѣдняя находилась за валомъ); отъ этой башни крѣпостной валъ продолжался еще до р. Харькова, къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Кузнецкій мостъ, а 90 лѣтъ тому назадъ (теперь 114), т. е. въ 1790 году, существовала плотина съ двумя водяными мельницами, которыя извѣстны нынѣшнимъ старожиламъ подъ названіемъ Барабашовскихъ мельницъ... Церкви Вознесенская и Михайловская находились за валомъ, такъ сказать, внѣ городской черты. Всѣ постройки, расположенныя за этимъ восточнымъ валомъ, входили въ составъ пригородной слободы Немышлянской, подъ какимъ названіемъ обозначена эта часть города Харькова и на оффиціальномъ планѣ 1827 года, имѣющемся въ архивѣ Губернскаго Правленія“. Немышлянская слобода, очевидно, получила свое названіе отъ рѣчки Немышли, впадающей недалеко отсюда въ рѣку Харьковъ. Въ настоящее время здѣсь проходятъ Старо-Московская, Конная, Михайловская, Зміевская, Четинская и нѣкоторыя другія сосѣднія улицы. „Между башнями (выше названными) въ крѣпостномъ валу были ворота, расположенныя на нынѣшней Старо-Московской улицѣ, приблизительно въ томъ мѣстѣ, по сосѣдству съ которымъ въ недавнее время устроена часовня Хорошевскаго монастыря. По другую сторону рѣки Харькова противъ первой башни находилась третья башня, также возлѣ рѣчки, расположенная на той мѣстности, гдѣ былъ садъ Фриде. Отъ этой башни земляной валъ проходилъ прямо къ сѣвернымъ воротамъ г. Харькова, находившимся въ той части Сумской улицы, гдѣ въ нее входилъ Чириковскій переулокъ (у нынѣшняго Приказчичьяго Клуба), на протяженіи этого вала выступали на сѣверъ два люнета; Мироносицкая церковь, въ то время

Кладбищенская находилась за валомъ отъ сѣверныхъ воротъ; валъ проходилъ далѣе прямо на западъ, по мѣстностямъ, нынѣ занятымъ (бывшимъ) Чириковскимъ переулкомъ (теперь продолженіе Рымарской улицы, соединяющее ее съ Сумскою улицею у Приказчичьяго Клуба), садомъ Коммерческаго Клуба и усадьбою Ф. А. Павловскаго, по направленію къ тому изгибу р. Лопани, который находится между концами улицъ Мордвиновской и Рогатинской. На этомъ протяженіи изъ вала выступали на сѣверъ три люнета. Сѣверный валъ оканчивался у самой рѣки Лопани, которая въ прошедшемъ столѣтіи (какъ это ясно видно на планѣ прибавимъ отъ себя) дѣлилась на два рукава, охватывавшіе болотистый островъ между Панасовкою и базарною площадью; островъ имѣлъ около одной версты длины и ½ версты ширины; въ южной части онъ былъ покрытъ лѣсомъ, который помнятъ еще и теперь нѣкоторые изъ старожиловъ. Разсказываютъ, что вслѣдствіе образованія протоковъ на этомъ болотистомъ островѣ, ему присвоено было названіе Клочковъ, сохранившееся и понынѣ въ названіи Клочковской улицы (въ дѣйствительности, прибавимъ отъ себя, происхожденіе названія Клочковской улицы иное). Выше этого острова на Лопани находилась плотина, длиною саженей въ 130, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ подходитъ къ рѣчкѣ Рѣзниковскій переулокъ. У плотины на планѣ показаны три водяныя мельницы". Вышеупомянутый островъ соотвѣтствуетъ мѣстности, занятой нынѣ Благовѣщенскимъ базаромъ и Пискуновской левадой. Съ юга къ нему близко подходили (хотя непосредственно и не соприкасались) Благовѣщенская церковь, а съ запада Панасовка. Понятно, слѣдовательно, почему засыпка этого мѣста въ настоящее время сопряжена съ такими затрудненіями. Таковъ былъ сѣверный валъ. Западный валъ начинался у этой плотины и тянулся прямо на югъ, по направленію къ нынѣшнимъ Москалевскимъ казармамъ, до рѣки Лопани, къ которой подходилъ между нынѣшними улицами Средне-Гончаровскою и Сѣриковскою. (Теперь эти улицы измѣнили свое названіе). Валъ проходилъ, слѣдовательно, пересѣкая Большую Панасовскую улицу между Дмитріевскою и Тюремной улицами вдоль послѣдней и упирался въ Лопань, на противоположномъ берегу которой въ этомъ мѣстѣ находится нынѣ Москалевка; все пространство между Лопанью и Нетечью (нынѣшняя Москалевка) тогда совсѣмъ не было заселено и заключало въ себѣ только дорогу въ селеніе Основу; на планѣ здѣсь въ одной части показаны деревья. Въ средней части этого западнаго вала, противъ Екатеринославской улицы находились третьи крѣпостныя ворота, западныя. Екатеринославская улица дѣлила валъ на двѣ неравныя части: та, которая шла къ сѣверу, къ плотинѣ, была больше той, которая направлялась къ югу. „За описываемымъ валомъ на планѣ 1787 года означены пригородныя слободы—Аѳанасовка и Долгалевка (нынѣ называемая Гончаровка), пространство между которыми было занято болотомъ и двумя озерами; теперь на этомъ болотистомъ пространствѣ находится желѣзнодорожный вокзалъ со всѣми принадлежащими ему частями". Аѳанасовка по топографіи соотвѣтствуетъ нынѣшней Панасовкѣ; да между этими двумя названіями существуетъ, очевидно и полное этимологическое соотвѣтствіе. Панасъ или Опанасъ есть малороссійская форма имени Аѳанасій; нужно думать поэтому, что составитель плана 1787 года предпочелъ литературную или русскую форму этого имени малороссійской; но эта послѣдняя оказалась очень живучей въ народномъ обращеніи, ее приняли поэтому составители послѣдующихъ плановъ и она удержалась до нашихъ дней въ названіи Панасовской улицы. Существованіе озеръ и болотъ въ мѣстности, расположенной между Аѳанасовкой и Долгалевкой, прекрасно объясняетъ намъ нынѣшнюю болотистую почву всего привокзальнаго района до Тюремной площади включительно. „На протяженіи вала существовало 5 люнетовъ. На Холодной Горѣ, въ мѣстности, занимаемой Городскимъ (Карповскимъ) садомъ, планъ 1787 года показываетъ старый земляной валъ, отъ котораго въ настоящее время не имѣется никакихъ слѣдовъ; равнымъ образомъ не сохранилось

слѣдовъ и отъ другихъ земляныхъ валовъ, изображенныхъ на описываемомъ планѣ; а такъ какъ нынѣшніе Харьковскіе старожилы не сохранили воспоминанія о земляныхъ валахъ, то можно допустить, что эти валы были срыты въ концѣ прошедшаго (теперь позапрошлаго) столѣтія".

„Съ южной стороны города, на такъ называемой Занетечи, было только четыре квартала, обнесенные по окраинѣ четвертымъ крѣпостнымъ валомъ съ 3 башнями и воротами (по счету это будутъ четвертыя ворота). Такъ какъ расположеніе этихъ четырехъ кварталовъ совершенно отлично отъ нынѣшняго, то затруднительно описать его въ короткихъ словахъ. Одна изъ башенъ находилась возлѣ рѣки Харькова, противъ нынѣшняго Лопатинскаго переулка; другая была возлѣ рѣки Нетечи, неподалеку отъ конца нынѣшней Екатерининской улицы", приблизительно возлѣ пересѣченія Екатерининской улицы, что на Москалевкѣ, Воскресенскимъ переулкомъ; „а третья башня находилась приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Ващенковскій переулокъ впадаетъ въ Грековскую улицу" (только, прибавимъ, не въ самомъ пересѣченіи ихъ, а нѣсколько западнѣе, на могущемъ быть предположеннымъ продолженіи его). „Четвертыя или южныя ворота находились какъ разъ въ срединѣ между первой и третьей башнями. Неподалеку отъ этихъ воротъ, за крѣпостнымъ валомъ показана на планѣ деревянная церковь, стоявшая восточнѣе нынѣшняго мѣстоположенія Воскресенской церкви; Престольный переулокъ, вѣроятно, названъ такъ потому, что былъ проложенъ вблизи мѣста, занятаго прежнею Воскресенскою церковью. Между первою и второю башнею находился люнетъ. На описанныя здѣсь 4 крѣпостныя ворота указываетъ и текстъ „Топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества". Перечисленныя здѣсь 6 башенъ, вѣроятно, имѣли каждая свое названіе—по крайней мѣрѣ такъ можно судить по нѣкоторымъ архивнымъ дѣламъ Губернскаго Правленія, которыя я имѣлъ случай видѣть. Такъ 18 сентября 1766 года поступила на Высочайшее имя челобитная Харьковскаго войсковаго обывателя Сидора Сѣрепка „объ отводѣ ему, въ силу прежнихъ жалованныхъ въ Слободскіе полки грамотъ, къ пропитанію его, для построенія харчевни состоящаго въ г. Харьковѣ близь Протопопской башни, идучи къ замку, по лѣвую сторону между земляным валомъ и целюрпею Харьковскаго жителя бывшаго цилюрника Григорія Нарвы свободнаго и никѣмъ не занятаго мѣста". Согласно этому архивному дѣлу, полагаю, что замкомъ называлось центральное укрѣпленіе города и что описанныя башни имѣли свои особыя названія". Догадка Ю. И. Морозова весьма правдоподобна, но, быть можетъ, не всѣ башни имѣли свои названія, подобно тому, какъ и не всѣ башни Харьковской крѣпости XVII вѣка, какъ мы видѣли, носили опредѣленныя наименованія. Крѣпость XVII-го вѣка и ея башни не соотвѣтствуютъ по своимъ размѣрамъ остаткамъ тѣхъ укрѣпленій, которыя изображены на планѣ 1787 года: она гораздо меньше ихъ. Но когда устроены были эти укрѣпленія, сказать трудно, по неимѣнію прямыхъ положительныхъ указаній. Въ XVII вѣкѣ ихъ повидимому не существовало: по крайнѣй мѣрѣ въ нашихъ документальныхъ данныхъ, относящихся къ разнымъ годамъ второй половины XVII вѣка, на нихъ нѣтъ никакихъ указаній; правдоподобно поэтому будетъ отнести ихъ происхожденіе къ XVIII вѣку, когда, какъ мы знаемъ, напримѣръ, во времена Петра Великаго, принимались усиленныя мѣры къ укрѣпленію Харькова. Новыя укрѣпленія захватили весьма обширную (говоря относительно) территорію и только незначительная часть городскихъ поселеній и находилась въ 1787 г. за чертою этихъ укрѣпленій. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ той мысли, что они относятся уже къ XVIII вѣку (его началу), когда предѣлы города значительно расширились. Ю. И. Морозовъ съ увѣренностью говоритъ о томъ, что описанныя укрѣпленія представляли изъ себя крѣпостной валъ, въ противоположность тѣмъ, которыя ограждали центральную часть города и представляли изъ себя крѣпостныя стѣны. Быть можетъ, это было дѣйствительно такъ; но изъ самаго плана нельзя сдѣлать такого заключенія; наоборотъ, на планѣ и тѣ, и другія укрѣпленія обозначены совер-

шенно одинаково (тремя параллельными линіями, находящимися близко одна отъ другой), между тѣмъ какъ старый валъ на томъ же планѣ обозначается иначе—одной линіей. Наконецъ, фактъ существованія въ укрѣпленіяхъ 1787 г. башенъ также говоритъ въ пользу того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простымъ валомъ, а съ такимъ, на которомъ прежде стояла деревянная крѣпостная стѣна, которая къ 1787 году, нужно думать, обветшала, а можетъ быть и совершенно уже исчезла. Присматриваясь къ направленію этихъ укрѣпленій, мы замѣчаемъ въ нихъ опредѣленный планъ и цѣлесообразность: они окружаютъ городъ не сплошь со всѣхъ сторонъ, а только тамъ, гдѣ онъ былъ открытъ для нападеній, потому что не былъ защищенъ рѣками; тогдашнія рѣки признавались достаточною защитою. „Замѣчательно, говоритъ Ю. И. Морозовъ, что внутри города, обнесеннаго земляянымъ валомъ, на планѣ 1787 г. показанъ еще редутъ, устроенный на нынѣшней Театральной площади, между вершинными концами овраговъ, превращенныхъ потомъ въ улицы Театральную и Классическую. Провіантскій магазинъ находился между этимъ редутомъ и сѣвернымъ валомъ, но въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ первымъ„ [1]). Собственно это былъ редутъ съ частями вала, одинъ конецъ котораго пересѣкалъ нынѣшнюю Пушкинскую улицу, а другой доходилъ до Сумской. Нужно думать, что это остатки прежнихъ болѣе значительныхъ укрѣпленій.

Таковы богатыя документальныя данныя о топографіи Харькова во 2-ю половину XVIII в., когда онъ сдѣлался центромъ Намѣстничества и Губерніи. Въ эти 35 лѣтъ (съ 1765 по 1800-й годъ) и произошли въ немъ наиболѣе существенныя измѣненія. Крѣпость потеряла свой raison d'être и представляла изъ себя то, чѣмъ является нынѣ Кремль для Москвы, т. е. своего рода военнымъ пережиткомъ. Вмѣсто прежнихъ кривыхъ улицъ, называвшихся по фамиліямъ проживавшихъ въ нихъ обывателей и потому не имѣвшихъ устойчивыхъ наименованій, теперь мало по малу появляются правильные кварталы и прямыя улицы, согласно требованіямъ новыхъ городскихъ плановъ. Впрочемъ число улицъ, получившихъ опредѣленныя названія было невелико. Въ козацкомъ Харьковѣ, нужно думать, почти вовсе не было каменныхъ частныхъ домовъ и даже общественныхъ, исключая Коллегіума: были только каменные храмы; теперь благодаря массѣ новыхъ учрежденій, вызванныхъ введеніемъ Намѣстничества и Губерніи, является и много каменныхъ зданій—не только общественныхъ, но и обывательскихъ. Да и вообще Харьковъ теперь застраивается: въ немъ растетъ число домовъ и самые дома, становятся обширнѣе; предѣлы города раздвигаются, хотя впрочемъ и не особенно замѣтно: должно быть, впрочемъ потому, что это можно было дѣлать на счетъ прежняго простора въ предѣлахъ городской черты и, слѣдовательно, не зачѣмъ было при такихъ условіяхъ раздвигать окраинъ.

Въ 1794 году Харьковъ дѣлился на десять приходовъ—Соборный (нынѣ Покровскій монастырь), Благовѣщенскій, Николаевскій, Троицкій, Воскресенскій, Михайловскій, Дмитріевскій, Соборно-Успенскій, Рождественскій и Вознесенскій. Всѣ эти церкви существуютъ и въ настоящее время. Среди перечисленныхъ здѣсь церквей мы не находимъ только Мироносицкой и Каплуновской, это потому повидимому, что онѣ были кладбищенскими, а не приходскими. Но за то въ этомъ перечнѣ есть такой храмъ, который теперь не представляетъ изъ себя приходскаго—это именно Соборный. Въ настоящее время онъ находится въ составѣ Покровскаго монастыря, а прежде былъ Соборнымъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ Соборнымъ-Успенскимъ [2]).

Всѣхъ улицъ, имѣвшихъ опредѣленныя названія, въ 1794 году въ Харьковѣ было девять: Московская, Екатеринославская, Панасовская, Аѳанасьевская, Рождественская, Долгалевская, Сумская, Подолъ и Москалевская. Нужно думать, что нѣкоторыя изъ осталь-

---

[1]) Ю. И. Морозова. Планъ г. Харькова 1787 года (Харьковскій Календарь на 1879-й годъ, стр. 430—438).

[2]) Архивъ Харьков. Губ. Правл.

ныхъ продолжали носить свои старыя названія, извѣстныя намъ по переписи приходовъ 1724 года. Въ 1792 г. Журавлевка называлась еще деревней и въ ней жили между прочимъ однодворцы.

Всѣхъ дворовъ въ Харьковѣ было тогда 1807, всѣхъ домовладѣльцевъ 1601, а всѣхъ обывательскихъ семействъ 1792; почти всѣ обыватели имѣли тогда собственные дома—не имѣвшихъ было всего 191 сем., что по сравненію съ нынѣшнимъ временемъ составитъ ничтожный процентъ [1]). Каковы были эти дома—это видно изъ сообщенія Зуева. И наканунѣ XIX-го вѣка Харьковъ, за исключеніемъ нѣкоторой части построекъ, сосредоточенныхъ главнымъ образомъ въ центральной части, во многомъ еще напоминалъ по внѣшности большую слободу, сохранившую черты старой козацкой эпохи.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что первоначальнымъ пунктомъ заселенія Харькова была центральная часть его—городище, превращенное въ крѣпость, еще въ XVIII в. называвшуюся по малорусской терминологіи замкомъ. Вокругъ крѣпости былъ посадъ, часть котораго называлась Подоломъ, а за нимъ были расположены слободы (Захарьковская и Залопанская). Всѣ эти части города существовали уже въ XVII в.; въ XVIII ст. онѣ только больше застроились, потеряли свой изолированный характеръ, тѣснѣе сблизились другъ съ другомъ и нѣсколько расширили свои границы. Къ началу XIX ст. Харьковъ простирался съ сѣвера на югъ приблизительно на 2 версты, съ востока на западъ на $3^1/_2$ версты, общая же площадь его равнялась 7 кв. верстамъ или 1750000 кв. саж. Въ среднемъ на каждое домовладѣніе (включая сюда улицы и площади) приходилось, такимъ образомъ, 968 кв. саж.; а если признать, что въ Харьковѣ въ это время было 11000 душъ жителей, то на долю каждаго обывателя пришлось бы приблизительно 160 кв. саж. городской территоріи. При этомъ почти всѣ дома были одноэтажные—слѣдовательно, не только не существовало скученности, а наоборотъ былъ большой земельный просторъ.

---

[1]) Архивъ Харьков. Губ. Правленія.

Планъ центральной части г. Харькова 60-хъ г г. XVIII-го вѣка.
Описаніе назначиваемаго въ городѣ Харьковѣ казенныхъ и публичнаго строенія.
На апробованномъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ планѣ, который я получить удостоился положено быть казенному строенію такъ, какъ назначено пунктирными линѣями подъ номерами слѣдующими:
1 губернаторской домъ, 2, службы 3 губернская канцелярія 4, трактирный домъ, 5, ратуша, 6, погребъ на содержаніе пороха, 7, гостинный дворъ.
Нынѣ, по представленнымъ во всеподданнѣйшемъ моемъ Вашему Императорскому Величеству докладѣ, обстоятельствамъ, то строеніе назначивается на семъ планѣ другимъ положеніемъ подъ номерами
8 губернаторской домъ 9, оного службы 10, губернская канцелярія на покупаемомъ у обознаго Ковалевскаго за 400 рублевъ мѣстѣ, а прочее казенное строеніе остаться имѣетъ такъ какъ въ прежнемъ планѣ положено
Харьковъ. Литографія М. Зильберберга и С-вья, Рыбная 30.

Планъ разбивки Харькова въ 1785 году

При Ген.-Губернаторѣ Чертковѣ.

Харьковъ. Литографія М. Зильберберга и С-ва, Рыбная—30

Высочайше утвержденный планъ города Харькова 1786 года.

На подлинномъ написано собственною Ея Императорскаго Величества рукою

БЫТЬ ПО СЕМУ

Апрѣля 20 дня 1786 года

Изъясненіе

Состоящее нынѣ строеніе каменное,—затушевано, деревянное—въ пунктирныхъ линіяхъ; подъ знакомъ † Церкви, A Крѣпость, B Покровскій монастырь; при немъ лавки и келли, C Губернская Канцелярія, D Губернаторскій домъ, E Купеческая ратуша, F Гостинный дворъ, G Пороховой погребъ.

Харьковъ. Литографія М. Зильберберга и С-ва, Рыбная—10.

План города Харькова 1787 года.

Харьковъ. Типографія М. Зильберберга и С-ви, Рыбная—10

Глава 3-я.

Составъ и движеніе населенія.

Прослѣдимъ теперь составъ и движеніе населенія въ Харьковѣ въ теченіе XVII-го и XVIII-го вѣковъ; составъ населенія мы будемъ изучать въ отношеніи этнографическомъ и соціальномъ, движеніе его—въ отношеніи статистическомъ.

Основаніе Харькову, какъ мы видѣли уже, было положено малороссіянами или, какъ ихъ называютъ московскіе акты, черкасами, переселявшимися въ Слободскую Украйну большею частью изъ Заднѣпровья, т. е. нынѣшней Кіевской, Волынской и Подольской губ., а также отчасти и лѣвобережной Малороссіи, т. е. Черниговской и Полтавской губ. Какія причины побуждали населеніе этихъ мѣстностей двигаться въ нашъ отдаленный край—объ этомъ подробно говорится въ моихъ „Очеркахъ по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“; тамъ же указаны моменты переселеній, разсказана исторія заселенія важнѣйшихъ городовъ и слободъ нашей мѣстности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ точно опредѣлены какъ фамиліи переселенцевъ, такъ и тѣ мѣста, откуда они пришли, составъ ихъ семействъ, количество приведеннаго ими скота и находившагося у нихъ оружія. Что касается харьковцевъ, то о первой партіи поселенцевъ, положившей основаніе городу—объ ея составѣ—сказано нами было уже въ 1-й главѣ настоящей монографіи. Къ этому остается прибавить немногое. Нѣкоторымъ указаніемъ на соціальный составъ этихъ первыхъ поселенцевъ могло служить выраженіе воеводы Офросимова, что все это былъ сбродъ—мужики деревенскіе: очевидно, если не всѣ они, то по крайней мѣрѣ большая часть принадлежала къ крестьянскому сословію. Но мы знаемъ, что во время возстанія Богдана Хмѣльницкаго всѣ классы тогдашняго южно-русскаго общества и особенно крестьяне,—поспольство, стремились окозачиться, т. е. вступить въ ряды козачества, возставшаго противъ Польши. И главная цѣль возстанія заключалась въ томъ, чтобы уничтожить сословныя привиллегіи и перегородки, ставившія въ исключительно выгодное положеніе однихъ и совершенно безправное положеніе другихъ. Терминъ „козакъ“ сдѣлался въ это время синонимомъ свободы (личной, религіозной и общественной), а также извѣстной матеріальной обезпеченности, потому что козаки представляли изъ себя въ Поднѣпровьѣ военную и въ тоже время осѣдлую, промысловоземледѣльческую грушу населенія, въ достаточной мѣрѣ обезпеченную разными угодьями и землями. Такимъ образомъ, по занятіямъ своимъ они въ сущности подходили съ одной стороны къ поспольству, т. е. крестьянамъ, а съ другой—къ мѣщанству; послѣдніе при этомъ также не были свободны отъ воинскихъ обязанностей. Слѣдовательно, разница между козаками, посполитыми и мѣщанами въ Малороссіи была не въ занятіяхъ, а въ юридическомъ, соціальномъ положеніи ихъ—въ крѣпостномъ правѣ, созданномъ дворянами землевладѣльцами и уничтоженномъ теперь возстаніемъ Богдана Хмѣльницкаго. На новыхъ мѣстахъ жительства—въ Слободской Украйнѣ—переселенцы на первыхъ порахъ могли фактически осуществить свой соціальный идеалъ, т. е. безсословность. Если въ Малороссіи еще кое-гдѣ остались прежніе дворяне землевладѣльцы, то въ Слободской Украйнѣ, какъ мѣстности вновь заселяемой, ихъ совсѣмъ не было; слѣдовательно, дворянство, какъ сословіе, отсутствовало всюду, въ томъ числѣ и въ Харьковѣ. Что же касается остальныхъ трехъ грушъ—коза-

ковъ, посполитства и мѣщанства, то онѣ повидимому въ Харьковѣ на первыхъ порахъ слились въ одну массу козачества (если только, конечно, сюда явились представители всѣхъ трехъ названныхъ выше общественныхъ элементовъ, но могли прійти только посполитые и козаки, посполитые и мѣщане и наконецъ одни посполитые).

Въ 1655 году въ Харьковѣ мы видимъ совершенно однообразную группу, очевидно, козацкую. И это понятно: во 1-хъ, всѣ стремились тогда въ Малороссіи окозачиваться; во 2-хъ, на новомъ мѣстѣ жительства можно было легко осуществить это желаніе; въ 3-хъ, Московское правительство больше всего цѣнило козаковъ-воиновъ и, въ 4-хъ, условія жизни въ новомъ мѣстѣ, на дикомъ полѣ, на татарскихъ сакмахъ, перелазахъ и займищахъ требовали также ото всѣхъ воинской службы. Но такое единообразіе въ соціальномъ составѣ населенія не могло долго продержаться. Въ Малороссіи, по выраженію одного древняго акта, послѣ войны Богдана Хмѣльницкаго „можнѣйшіе (т. е. болѣе зажиточные) пописались въ козаки, а подлѣйшіе (болѣе бѣдные) остались въ мужикахъ“ [1]). Такой процессъ дифференціаціи, конечно, долженъ былъ начаться и дѣйствительно начался также и въ Слободской Украйнѣ, въ томъ числѣ и въ Харьковѣ. И въ самомъ дѣлѣ акты XVII в., какъ увидимъ далѣе, говорятъ и о мѣщанахъ, и о крестьянахъ. И это понятно: благодаря приходу весьма значительной партіи переселенцевъ, Харьковъ сразу превратился въ большое поселеніе, въ центральный городъ (т. е. укрѣпленный пунктъ) цѣлаго уѣзда; но этого мало: тоже многолюдство и выгодное географическое положеніе (сравнительная безопасность отъ татаръ) на первыхъ же порахъ превратили его, какъ увидимъ впослѣдствіи, въ торговый ярмарочный центръ, слѣдовательно, способствовали выдѣленію изъ его населенія мѣщанства. Но главнымъ занятіемъ всѣхъ жителей всетаки было сельское хозяйство, а это привело къ созданію особой группы „пашенныхъ крестьянъ“, которые по бѣдности своей или по другимъ причинамъ не могли или не желали быть въ козакахъ, а занимались исключительно земледѣліемъ и другими промыслами. Къ переселенцамъ малороссіянамъ почти немедленно вслѣдъ за основаніемъ города присоединилось великорусское населеніе въ видѣ служилыхъ людей, находившихся въ непосредственной зависимости отъ воеводы; въ противоположность малороссамъ это были уже не вольные переселенцы, а такъ называемые сведенцы, т. е. служилые люди, выведенные, по распоряженію правительства, изъ другихъ городовъ и помѣщенные здѣсь на болѣе или менѣе значительные сроки. Нѣкоторые изъ нихъ могли остаться и на постоянное жительство. Это былъ гарнизонъ при воеводѣ. Харьковскій воевода Офросимовъ въ 1659 году въ своей челобитной писалъ въ разрядъ, что при воеводѣ Селифонтовѣ, въ 1656—1657 гг., въ Харьковѣ были служилые „заставные“ люди по 10 человѣкъ изъ великорусскихъ городовъ—Яблонова, Корочи, Бѣлгорода, Болхова, Карпова, Хотмыжска и Чугуева (всего, слѣдовательно, ихъ было 70 человѣкъ) и они ѣздили по отъѣзжимъ сторожамъ и по вѣстямъ, куда слѣдовало—въ разные города; но потомъ всѣ, по распоряженію Бѣлгородскаго воеводы, были выведены изъ Харькова и теперь при немъ въ Харьковѣ живутъ одни только малороссіяне [2]). Въ отвѣтъ на это воеводѣ велѣно было „прибрать“ въ Харьковъ въ пушкари 10 человѣкъ изъ вольныхъ русскихъ людей [3]). Но изъ челобитной новаго воеводы Сухотина (1661 года) оказывается, что и Офросимовъ пушкарей въ Харьковъ „не прибралъ“, хотя между черкасами, по словамъ воеводы, и проживали „безъ службъ“ многіе русскіе люди [4]).

Приведемъ теперь статистическія данныя о малорусскомъ и великорусскомъ населеніи Харькова за разные годы XVII-го вѣка, по современнымъ московскимъ актамъ, съ

[1]) А. М. Лазаревскаго. Малороссійскіе посполитые крестьяне, стр. 6.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Столбецъ Бѣлгород. стола, № 399.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem, Столбецъ Бѣлгор. стола, № 440.

указаніями этихъ послѣднихъ на соціальный составъ его жителей. Въ 1655 году было въ Харьковѣ, какъ мы знаемъ уже, 587 черкасъ козаковъ, а вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, вѣроятно, 1500—1800 душъ. Въ 1665 году, по смѣтной росписи, дѣтей боярскихъ, отставныхъ и недорослей было 133 чел., пашенныхъ черкасъ 992 чел., мѣщанъ 1290 чел., всего 2415 чел. [1]). Слѣдующая дата относится къ 1666 году; тогда было въ Харьковѣ, по годовой росписи (174 года), черкасъ козаковъ 992 человѣка, дѣтей ихъ, братьевъ и племянниковъ 364 чел., мѣщанъ въ городѣ и уѣздѣ—1205 челов.; великорусскихъ людей: отставныхъ дѣтей боярскихъ и недорослей—133 чел., дѣтей ихъ и братьевъ 18 чел. Всего по расчету документа, 2330 душъ мужскаго пола; слѣдовательно, на долю г. Харькова мѣщанъ приходилось 823 души, всѣхъ малороссовъ было 2179, великороссовъ 151 человѣкъ [2]); жителей обоего пола было 4½ тысячи.

Когда Сытинъ принималъ по описи Харьковъ отъ Торбѣева, то въ немъ было 142 человѣка дѣтей боярскихъ, 4 сотни (съ 4 сотниками) полковыхъ черкасъ (въ одной было 195 чел., въ другой—245, въ третьей—159 и въ четвертой 262 чел.), 6 сотенъ мѣщанскихъ, (въ одной 107 чел., въ другой 96, въ третьей 120, въ четвертой 76, въ пятой 72, въ шестой 268) и еще 18 мѣщанъ и, наконецъ, одна сотня (съ сотникомъ) „пашенныхъ крестьянъ“; всего 1827 чел.; въ томъ числѣ 1685 малороссіянъ и 142 великороссіянина [3]).

При воеводѣ Сытинѣ въ 1668 году въ Харьковѣ было рядовыхъ черкасъ 1465 человѣкъ и мѣщанъ 26 чел.; всего 1491 душа малороссіянъ; великорусскихъ служилыхъ людей было 75 чел., въ томъ числѣ дѣтей боярскихъ 61, житенный голова изъ дѣтей боярскихъ 1, цѣловальниковъ изъ дѣтей боярскихъ 2, пушечныхъ сотниковъ 8 чел., дьячковъ приказной избы 3.

По всей вѣроятности, въ этихъ данныхъ указаны только одни служилые люди малорусскаго и великорусскаго происхожденія, а не отмѣчены ихъ дѣти, братья, племянники, родственники, составлявшіе въ общемъ довольно крупную цифру. Вотъ почему всѣхъ служилыхъ людей въ Харьковѣ въ то время показано только 1566; быть можетъ, также многіе изъ Харьковцевъ были тогда внѣ Харькова на полковой службѣ.

Въ 1670 году въ Харьковѣ было „пашенныхъ“ черкасъ 1423 человѣка, ихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 678 чел. Подъ „пашенными черкасами“ здѣсь, вѣроятно, разумѣются козаки городовой службы или мѣщане, занимавшіеся земледѣліемъ и владѣвшіе отдѣльными хозяйствами; остальные 678 чел. были членами ихъ семействъ, ихъ родственниками. Всего выходитъ, такимъ образомъ, 2101 чел. Приведенныя цифры опредѣляютъ только мужское населеніе, а число женщинъ остается неизвѣстнымъ. Если же допустить, что оно равнялось числу мужчинъ (въ дѣйствительности оно могло быть меньше), то окажется, что жителей обоего пола, включая и малолѣтнихъ, малороссійской національности было въ Харьковѣ 4200 человѣкъ, великорусскихъ служилыхъ людей было 415 человѣкъ, въ томъ числѣ дѣтей боярскихъ городовой службы 80 чел., ихъ братьевъ, дѣтей и племянниковъ 77 чел., подъячихъ приказной избы 3 чел., площадныхъ дьячковъ 2 чел., воротниковъ 3 чел., сторожей приказной избы 8 чел., житенный голова изъ дѣтей боярскихъ 1, цѣловальниковъ изъ дѣтей боярскихъ 2 чел., полковыхъ козаковъ, оставленныхъ въ Харьковѣ для обереганья города отъ прихода воинскихъ людей 135 чел., ихъ дѣтей, братьевъ и свойственниковъ 104 чел. Судя по тому, что у великорусскихъ служилыхъ людей упоминаются также, какъ и у черкасъ, дѣти, можно допустить, что и у нихъ были жены; и если принять для нихъ такую же пропорцію, какую мы приняли для малороссіянъ, то окажется, что женщинъ у нихъ могло быть 400 душъ; слѣдовательно,

---

[1]) Ibidem. Столб. Бѣлг. стола, № 545.

[2]) Ibidem, Столб. Бѣлг. стола, № 471.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Разр. Арх. Бѣлгор. стола, №№ 2, 22—91.

великороссовъ въ Харьковѣ, съ женами и дѣтьми, могло быть въ это время 800 чел.; а всѣхъ жителей 5000 человѣкъ. Конечно, цифра эта проблематичная, но за то мы имѣемъ точную цифру мужскаго населенія: она равнялась 2515 чел. [1]). Сравнительно съ 1668-мъ годомъ произошла слѣдующая перемѣна: число великорусскихъ служилыхъ людей возросло съ 75 до 234 чел., т. е. увеличилось на 159 чел. Это увеличеніе вызвано было, вѣроятно, политическими событіями того времени, а именно возстаніемъ, поднятымъ гетманомъ Брюховецкимъ. Въ 1673 году пашенныхъ пѣшихъ черкасъ городовой службы было 1162 чел., дѣтей, братьевъ и ихъ племянниковъ 111 чел., а тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 1276 чел.; великорусскихъ служилыхъ людей 67 чел., дѣтей ихъ, племянниковъ и братьевъ 51, тѣхъ и другихъ 118 чел.; почти все это были дѣти боярскія городовой службы, полковыхъ же козаковъ, бывшихъ въ 1670 году, теперь не было. Всѣхъ служилыхъ людей было 1229 чел., а съ дѣтьми, племянниками—1394 чел. [2]). Сравнивая эти цифры съ соотвѣтственными предъидущими, открываемъ убыль среди всѣхъ группъ служилыхъ людей обѣихъ національностей (незначительную у великорусской и весьма замѣтную у малороссійской), и у ихъ родственниковъ. Но по всей вѣроятности, у малороссіянъ фактической убыли не было, ибо трудно вообще допустить, чтобы малорусское населеніе въ Харьковѣ не увеличивалось, если не отъ прироста, то отъ новыхъ переселеній—а явленіе это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что въ данномъ документѣ вслѣдствіе его особаго характера исчислена была только одна группа пѣшихъ пашенныхъ черкасъ городовой службы, а не указаны другія. Какія могли быть эти группы, объ этомъ скажемъ ниже. Въ 1675 году [3]) измѣнилось и число великорусскихъ служилыхъ людей, и ихъ составъ: теперь ихъ оказывается 291 человѣкъ, да дѣтей ихъ и родственниковъ 334 чел., тѣхъ и другихъ 625 чел., т. е. число ихъ увеличилось почти въ 6 разъ. Среди нихъ находимъ копейщиковъ (3 чел.), рейтаръ (70 чел.), солдатъ (91 чел.), дѣтей боярскихъ городовой службы (119 чел.); остальные были ихъ дѣти, родственники и свойственники.

Въ 1686 году пашенныхъ городовой службы черкасъ было 1155 человѣкъ; у нихъ дѣтей, братьевъ и родственниковъ 211 чел. Великорусскихъ служилыхъ людей было 242 чел.; въ томъ числѣ рейтаръ 45, солдатъ 52, отставныхъ дѣтей боярскихъ 15, дѣтей боярскихъ городовой службы 118, пушкарей 3, воротниковъ 2, сторожей приказной избы 7. У нихъ дѣтей и родственниковъ 329, въ томъ числѣ у рейтаръ 73 чел., у солдатъ 79, у отставныхъ дѣтей боярскихъ 19, у дѣтей боярскихъ городовой службы 158 [4]). Всего великороссовъ было 571 чел., а вмѣстѣ съ малороссами 1937 чел.

Таковы, можетъ быть, несовсѣмъ точныя статистическія данныя о числѣ жителей въ Харьковѣ въ XVII в., объ этнографическомъ и соціальномъ составѣ его населенія. Эти данныя даютъ только подробныя свѣдѣнія о великорусскихъ жителяхъ Харькова, потому что воеводы интересовались главнымъ образомъ ими, а малорусскіе поселенцы находились не въ ихъ вѣдѣніи, а подъ управленіемъ своихъ полковниковъ и имѣли свой особый соціальный строй, непохожій на таковой же строй населенія Московскаго Государства. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что и число, и составъ проживщаго въ Харьковѣ великорусскаго служилаго класса, часто, можно даже сказать постоянно, измѣнялся, слѣдовательно, онъ не являлся въ такой мѣрѣ устойчивымъ, какъ малорусскій; то въ немъ преобладали дѣти боярскія, то козаки полковой службы, то рейтары и солдаты, число ихъ колебалось болѣе чѣмъ на 500%. И это понятно: великорусскіе служилые люди сводились сюда правительствомъ не для заселенія города,

[1]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, т. I, стр. 41—42.
[2]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, т. I, стр. 42.
[3]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, т. I, стр. 42—43.
[4]) Хар. Кал. на 1885-й годъ, стр. 639.

а для его обороны и защиты отъ внѣшней опасности, которая была не всегда одинакова. Истинными же „насельниками“ считались поселенцы-малороссы, которые пришли сюда на вѣчное жительство, построили дома и крѣпость, распахали пашни и превратились въ полувоенный, полуземледѣльческій и промышленный контингентъ основнаго постояннаго, осѣдлаго харьковскаго населенія. Правда и часть великорусскихъ служилыхъ людей, имѣвшихъ женъ и семьи, остававшихся на мѣстѣ на болѣе или менѣе продолжительное время, должна была обзавестись своими домами и пашнями, но ихъ повидимому было, во 1-хъ, немного, а, во 2-хъ, положеніе ихъ не было достаточно устойчиво, потому что въ виду военныхъ соображеній этихъ „сведенцевъ“ всегда могли перевести (и дѣйствительно переводили) въ другое мѣсто; а такъ какъ колонизація окраинъ въ теченіе XVII-го вѣка продолжалась безостановочно и требовала отъ центральнаго правительства все новыхъ контингентовъ, при чемъ прежніе украинскіе города теряли свой чисто военный характеръ, переходили на болѣе мирное положеніе и, слѣдовательно, не нуждались уже въ столь значительныхъ какъ прежде военныхъ гарнизонахъ, то контингенты эти отличались большою подвижностью и постоянно передвигались, по распоряженіямъ разряднаго приказа, изъ одного мѣста на другое, изъ одного окраиннаго пункта въ другой. Впрочемъ нужно сказать, что и малорусское населеніе также отличалось тогда значительною подвижностью, источникъ которой однако былъ иного происхожденія: великорусскіе сведенцы передвигались по распоряженію правительства, а малорусскіе „сходцы“, т. е. добровольные переселенцы пользовались юридически правомъ вольнаго перехода и примѣняли это право на дѣлѣ въ очень широкихъ размѣрахъ. Быть можетъ, этимъ и объясняются отчасти тѣ колебанія въ численности малорусскаго населенія, которыя отмѣчены приведенными выше документами, хотя весьма вѣроятно, что въ этихъ послѣднихъ есть пробѣлы, которые существеннымъ образомъ вліяютъ на самыя цифры,—на ихъ уменьшеніе за извѣстные годы.

Что касается соціальнаго состава малорусскаго населенія, то о немъ наши акты сообщаютъ мало свѣдѣній; въ нихъ упоминаются только слѣдующія группы: „пашенные черкасы“, „рядовые черкасы“, „мѣщане“, „пѣшіе пашенные черкасы городовой службы“ и „пашенные крестьяне“. Но всѣ эти группы обозначены терминологіей московскихъ актовъ, которая, вѣроятно, не стояла въ соотвѣтствіи съ таковой же терминологіей малорусскихъ документовъ, до насъ отъ этого времени не дошедшихъ; только терминъ „мѣщане“ соотвѣтствуетъ повидимому малорусскому. О самой важной группѣ городскаго населенія въ Харьковѣ—козакахъ,—извѣстной намъ отчасти по другимъ даннымъ, эти документы также не упоминаютъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы козаковъ въ Харьковѣ въ XVII вѣкѣ совсѣмъ не было [1]); они входятъ въ группу, носящую общее названіе „пашенныхъ черкасъ“. Акты говорятъ намъ о пѣшихъ черкасахъ городовой службы, подъ которыми нужно разумѣть мѣщанъ; но гдѣ же черкасы полковой службы, участвовавшіе въ тогдашнихъ войнахъ за Малороссію?

Населеніе Харькова въ XVII в. состояло изъ двухъ основныхъ группъ: козаковъ полковой службы и мѣщанъ, которыхъ московскіе акты называютъ черкасами городовой службы; сюда же входили и „пашенные крестьяне“. Кромѣ того въ XVII-мъ вѣкѣ несомнѣнно существовала уже въ Харьковѣ и группа цеховыхъ, также входившихъ въ составъ черкасъ городовой службы. Существованіе ремесленныхъ цеховъ малороссійскаго типа въ Харьковѣ доказывается доку-

[1]) По разбору полк. Гр. Донца Харьковскій полкъ состоялъ изъ 5055 чел. козаковъ полковой службы, въ томъ числѣ Харьковскихъ было 1402 чел. (далѣе слѣдовали Валковскіе, Мерефянскіе, Соколовскіе, Зміевскіе, Ольшанскіе, Золочевскіе, Печенѣжскіе, Салтовскіе, Волчанскіе, Балаклейскіе, Андреевскіе, Бишкинскіе, Лиманскіе козаки). Для обереганія Харькова оставленъ былъ наказный полк. Ив. Лазченко и судья Тим. Клочко съ 239 чел. (Моск. арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг. стола № 1017).

ментальными данными. Одновременно же съ ними возникли тѣсно связанныя, а, можетъ быть, и слитыя съ ними церковныя братства. Цехи были перенесены сюда первыми черкасскими выходцами изъ правобережной и лѣвобережной украйны и организованы были по образцу малороссійскихъ. Начало ихъ совпадаетъ съ генезисомъ козацкаго устройства Слободскихъ полковъ вообще и Харьковскаго полка въ частности. „По указу великаго Государя Алексѣя Михайловича ближній бояринъ, воевода и намѣстникъ Бѣлгородскій князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій приказалъ Харьковскимъ градодержцамъ—воеводѣ Григорію Васильевичу Грецову и полковнику Григорію Ерофеевичу Донцу—для общаго спокойствія, для всякаго городскаго порядка, для государевой службы, для расширенія въ цехахъ церемоній, для благолѣпія въ храмахъ Божіихъ, для пріобрѣтенія ладона, свѣчей, иконъ, колоколовъ и всего, необходимаго для церкви, всѣмъ городскимъ и уѣзднымъ жителямъ учредить цехи и выбрать для нихъ старшинъ. Тогда же, по указу великаго Государя, разрѣшено было городскимъ и уѣзднымъ ремесленникамъ портняжническаго ремесла (кравцамъ и кушнирамъ) учредить всѣмъ вмѣстѣ цехъ и быть въ немъ цехмистромъ Харьковскому обывателю Демьяну Давыдову, съ тѣмъ чтобы онъ со своею цеховою братіею имѣлъ судъ касательно этого ремесла, согласно стародавнимъ обычаямъ, какъ это бывало у нихъ уже и раньше. Судиться же они должны были на основаніи тѣхъ артикуловъ (т. е. параграфовъ), которые у нихъ раньше были написаны, и ни въ чемъ отъ нихъ не отступать. Но судъ ихъ не могъ распространяться на уголовныя преступленія, касавшіяся убійства и нанесенія ранъ. Преимущественно же они должны были заботиться объ украшеніи храмовъ Божіихъ. А въ подводы ихъ не велѣно было высылать до Государева указа“. Эта грамота написана была въ Харьковѣ въ 1671 году 9 марта и къ ней воеводою сдѣлана слѣдующая ограничительная приписка: быть въ цехѣ до указа, всякую городовую государеву службу служить, подати платить исправно, цехмистру въ судъ и расправу (по уголовнымъ дѣламъ) не входить, а про всякія дѣла извѣщать воеводу въ съѣзжей избѣ [1]). Учреждены были и другіе цехи. Изъ одного документа 1685 года ясно видно, что Харьковцы городовой службы распадались на мѣщанъ, во главѣ которыхъ стоялъ войтъ, и на цеховыхъ, во главѣ которыхъ стояло 5 цехмистровъ [2]).

Многіе неясные вопросы соціальнаго состава харьковскаго населенія XVII в., на которые мы не находимъ отвѣта въ приведенныхъ выше воеводскихъ описяхъ г. Харькова, для XVIII в. уясняются въ высшей степени важнымъ мѣстнымъ документомъ—переписью Слободскихъ полковъ Хрущова, заключающею въ себѣ, между прочимъ, подворный перечень всѣхъ жителей г. Харькова въ 1732 году [3]). Документъ этотъ рисуетъ въ цифрахъ и именахъ соціальный составъ населенія Харькова во 2-й четверти XVIII в., но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, бросаетъ свѣтъ въ этомъ отношеніи и на предшествующую эпоху—XVII-й вѣкъ. Въ XVII в. въ Харьковѣ, какъ мы видѣли, былъ весьма силенъ великорусскій элементъ, состоявшій изъ служи-

---

[1]) Харьк. Сбор. на 1887-й годъ, стр. 193—194.

[2]) Вотъ отрывокъ этого документа: „Царемъ государемъ... бьютъ челомъ холопы ваши Харьковцы городовыя службы черкасы—войтъ Моисѣйка Ильинъ, да сотники—Иванка Погребнякъ, Якушка Захарковскій, Данилка Малинка, Васка Слинченко, Лунка Васильевъ, да цехмистры—Васка Помазынъ, Леонка Здоровецъ, Мартинка Ивановъ, Лавринка Васильевъ, Юраска Ивановъ всѣмъ городомъ до одного человѣка“. Моск. Арх. Мин. Юст. Столб Бѣлг. ст. № 1175).

[3]) Данныя переписи Хрущова, относящіяся къ г. Харькову, извлечены изъ рукописи бывшимъ секретаремъ Харьк. Губернскаго Статистическаго Комитета П. С. Ефименко и обработаны имъ въ прекрасной статьѣ, помѣщенной въ Харьковскомъ Календарѣ на 1885-й годъ. Я широко пользуюсь этою статьею; но вмѣстѣ съ тѣмъ пополняю ее новымъ систематическимъ экстрактомъ изъ переписи, сдѣланнымъ, по моему указанію, архиваріусомъ Харьковскаго Историческаго Архива Е. И. Ивановымъ.

лыхъ людей и стоявшій въ тѣсной, непосредственной связи съ воеводскимъ управленіемъ. Въ XVIII в. воеводское управленіе здѣсь было уничтожено, ибо Харьковъ пересталъ быть украннымъ городомъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ удалились отсюда почти всѣ великорусскіе служилые люди. Въ Харьковѣ, въ 1732 г., такимъ образомъ, жили почти исключительно люди малороссійской націи. Въ составъ населенія Харькова тогда входили: 1) козаки, 2) цеховые, 3) подданные, 4) духовные.

Козаки въ свою очередь дѣлились на двѣ большія группы—рядовыхъ или выборныхъ козаковъ или компанейцевъ и ихъ подпомощниковъ. Это дѣленіе на 2 группы получило свое начало еще при Бѣлгородскомъ воеводѣ кн. Як. Өед. Долгоруковѣ, т. е. въ началѣ XVIII вѣка. Тогда въ Слободскихъ полкахъ велѣно было набрать козаковъ компанейцевъ, а въ помощь къ нимъ подпомощниковъ. Первые обязаны были непосредственно нести военную службу, а вторые помогать имъ въ этомъ; на долю каждаго болѣе зажиточнаго компанейца вышло по разверсткѣ по 2, 3, 4 и по 5, 6, 7 и 8 чѣл. болѣе бѣдныхъ изъ нихъ. Старшины также получили по 6, 10 и 20 человѣкъ, смотря по заслугамъ, т. е., нужно думать, по чину. Выборнымъ компанейцамъ подпомощники оказывали помощь провіантомъ и деньгами, для покупки лошадей, платья, аммуниціи, ружей и на прочія воинскія потребности въ тѣхъ случаяхъ, когда эти выборные козаки бывали на дальнихъ службахъ, а не всякій годъ; кромѣ того подпомощники снабжали провіантомъ и фуражемъ армейскіе полки, доставляли подводы и участвовали въ государственныхъ работахъ; иные вмѣсто денежной помощи и пособія провіантомъ работали на старшину—возили ей сѣно и дрова и являлись къ ней въ качествѣ погонщиковъ. Изъ подпомощниковъ комплектовались и компанейцы. Такъ опредѣляетъ соціальное положеніе компанейцевъ или рядовыхъ козаковъ и подпомощниковъ документъ 1726 года [1]).

„Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ“ 1734 года подтверждаетъ нижеприведенное свидѣтельство и относитъ происхожденіе этого дѣленія козаковъ на двѣ группы—выборныхъ и подпомощниковъ—къ 1700 году. „Въ 1700 году, говорится тамъ, по жалованнымъ грамотамъ изъ Разряда, велѣно въ Слободскихъ полкахъ быть козакамъ въ конной службѣ указному числу, а именно—въ Харьковскомъ—850, которые выбраны и написаны изъ козаковъ и изъ мѣщанъ въ книгахъ, отосланныхъ въ Разрядъ изъ Бѣлгорода кн. Як. Өед. Долгорукимъ въ 170, (т. е. въ 1692 году); а остальнымъ, на которыхъ были положены деньги, велѣно помогать этимъ выборнымъ козакамъ въ службѣ и наложить на нихъ по разверсткѣ, смотря по человѣку, по ихъ черкасскому обыкновенію, столько, чтобы тѣ выборные козаки ихъ подпомогою были „конны и оружейны“ и въ походахъ запасами удовольствованы, а денегъ по 1 рублю съ человѣка, которыя были наложены на нихъ въ 205, (т. е. 1697 году) не брать [2]). На основаніи послѣднихъ словъ можно заключить, что уже въ 90-хъ годахъ XVII в. было положено начало указанному раздѣленію и это послѣднее только окончательно оформлено въ 1700 году, тѣмъ болѣе что отдаленные походы слободскіе козаки должны были предпринимать и въ XVII в. Свою „подпомогу“ подпомощники давали деньгами, на которыя покупались лошади, оружіе и т. п.; размѣръ выдачъ зависѣлъ отъ дальности походовъ; изъ этихъ средствъ шло денежное и хлѣбное жалованье старшинѣ [3]). Въ Харьковскомъ полку полковой сотенной старшинѣ и городничему отведено было по извѣстному числу дворовъ подпомощниковъ [4]).

Разрѣшеніе комплектовать козаковъ изъ мѣщанъ имѣло повидимому очень серьезныя послѣдствія для этого послѣдняго сословія, какъ это видно изъ отписки воеводы Вас. Толстаго

[1]) Д. И Багалѣя „Матеріалы“, т. I-й, стр. 201.

[2]) Д. И. Багалѣя „Матеріалы“, т. II-й, стр. 148—149.

[3]) Ibidem, стр. 153.

[4]) Ibidem, стр. 158.

1705 года. Харьковскій полковникъ Ѳедоръ Донецъ, пользуясь даннымъ ему разрѣшеніемъ выбрать часть харьковскихъ мѣщанъ въ конную службу въ компанейцы на убылыя мѣста, а остальныхъ записать въ ихъ подпомощники, всѣхъ мѣщанъ записалъ въ козаки. Толстой, указывая на этотъ фактъ, замѣчаетъ, что теперь некому будетъ исполнять тѣхъ многочисленныхъ повинностей, которыя лежали на черкасахъ городовой службы, т. е. Харьковскихъ мѣщанахъ. Что же касается русскихъ людей, то ихъ, по словамъ воеводы было мало—всего 177 человѣкъ (39 рейтаръ, 46 солдатъ, 92 дѣтей боярскихъ городовой службы) и то часть ихъ была выбрана въ конную службу—въ драгуны, другіе же частью разошлись изъ города, частію умерли [1]). Самый переходъ мѣщанъ въ козацкое сословіе вызванъ былъ главнымъ образомъ тягостью лежавшихъ на нихъ повинностей (объ этомъ подробнѣе говорится въ главѣ о повинностяхъ). Съ другой стороны могло повліять на этотъ переходъ и желаніе харьковскихъ мѣщанъ уйти изъ подъ власти воеводы подъ полковничій урядъ, а этотъ послѣдній съ своей стороны и сочувствовалъ, и способствовалъ этому переходу. Въ 4-й главѣ мы увидимъ, что Харьковскій полковникъ воспользовался этими неудовольствіями жителей на воеводу и добился въ 1706 году полной отмѣны воеводскаго управленія въ Харьковѣ. И любопытно, что мѣщане, какъ сословіе, были, такимъ образомъ, въ Харьковѣ упразднены: по крайней мѣрѣ, по переписи Хрущова, въ 1732 году мы ихъ здѣсь не находимъ, а видимъ однихъ только цеховыхъ.

Перепись Хрущова сохранила намъ фамиліи всѣхъ жителей г. Харькова за 1732-й годъ, съ указаніемъ соціальнаго положенія каждаго лица. Въ подробной исторіи Харькова, каковою является настоящій трудъ, умѣстно было бы ознакомить читателя съ именнымъ составомъ населенія Харькова въ козацкій періодъ его исторіи, но въ виду того, что такая номенклатура была бы очень обременительна для читателей, мы переносимъ ее въ приложеніе.

Здѣсь же замѣтимъ только, что въ общей массѣ своей фамиліи харьковцевъ того времени вполнѣ малороссійскія и о нихъ можно сказать тоже самое, что сказано было уже мною въ 1-й главѣ по поводу фамилій первыхъ поселенцевъ. Очень много, особенно среди цеховыхъ фамилій, указывающихъ на ремесло извѣстнаго лица. Перечитавъ эти фамиліи, приходится придти къ убѣжденію, что Гоголь и другіе авторы не сочиняли тѣхъ оригинальныхъ прозвищъ, которыми окрещены ихъ герои, а брали ихъ изъ дѣйствительности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только привести здѣсь нѣсколько наиболѣе характерныхъ фамилій: Квитка, Горлица, Незовыбатько, Шпакъ, Рудый, Коробка, Кандыба, Кожушко, Чайка, Чеботарь, Шаповалъ, Шыло, Калюжный, Богомазъ, Кочерга, Шкура, Вареный, Журавель, Дрыга, Рымарь, Пацюкъ, Цымбаленко, Крывоконь, Лупыкобыленко, Варенык, Сухоребрыкъ, Затынъ-кошка, Недерыкутъ, Кадыгробенко, Олійныкъ, Коваль, Гончаръ, Усякъ, Бугай, Отченашка, Кусьвовковъ, Тесля, Маленькій, Штанько, Кривый, Лупыкобыла и многія другія.

Другія фамиліи не носятъ малороссійскаго характера, а имѣютъ наоборотъ великорусское окончаніе на овъ—Ивановъ, Петровъ, Семеновъ и т. п. Но при нѣкоторыхъ изъ нихъ стоитъ отмѣтка—малороссіянинъ. Судя по этому, а также принимая во вниманіе, что и среди малороссійскихъ переселенцевъ въ другіе города попадались подобныя фамиліи, нужно думать, что одни изъ нихъ были просто отчествами въ тотъ моментъ, когда были зарегистрованы, а другія представляли изъ себя тѣ же отчества, но только уже укрѣпившіяся въ нисходящей линіи даннаго лица. При многихъ лицахъ фамилій не приведено: объ однихъ сказано, что это были сыновья такихъ то (приводится имя отцовъ), о другихъ—что это были зятья такихъ то (приводится фамилія тестя), третьи названы просто по именамъ. Попадаются за то, хотя и рѣдко, двойныя фамиліи. Есть фамиліи, указывающія на народность носящихъ ихъ лицъ. Но за то нѣкоторыя

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Разрядная вязка 32, № 168.

лица, относимыя переписью къ инородцамъ, не носятъ фамилій, которыя бы соотвѣтствовали ихъ національности.

Въ 1782 году въ Харьковѣ [1]), по переписи Хрущова, выборныхъ козаковъ было 171, а вмѣстѣ съ подсусѣдками и др. 775. Выборные козаки жили обыкновенно большими семьями. Иногда такія семьи помѣщались въ одной избѣ, но обыкновенно въ одномъ дворѣ бывало у нихъ по нѣсколько хатъ [2]).

Встрѣчались впрочемъ и малосемейные выборные козаки, среди козацкихъ дворовъ; попадаются такіе, которые принадлежали вдовамъ и даже съ малолѣтними дѣтьми. Вѣроятно, эти вдовы приняли на себя обязательство выставлять вооруженныхъ наймитовъ или родственниковъ. Семьи козаковъ—подпомощниковъ были не велики. Всѣ козаки жили въ собственныхъ дворахъ и въ городѣ; только 12 дворовъ подпомощниковъ помѣщались на подворкахъ, т. е. въ предмѣстьѣ; а 21 семья ихъ проживала въ чужихъ дворахъ. Къ такимъ дворамъ, въ которыхъ проживали подпомощники, принадлежали дворы—Николаевскаго священника Кондратія, волощанина Гаврила Константинова, городничаго Леонтія Тимофеевича Голуховича, бывшаго Церкуновскаго сотника Аѳанасія Протопопова, подпрапорнаго Изюмскаго полка Григорія Шаманскаго, два братскихъ двора Рождественской церкви. Остальные дворы, въ которыхъ проживали подпомощники, принадлежали преимущественно вдовамъ разныхъ состояній [3]). „Такимъ образомъ, козаки и ихъ подпомощники составляли главную центральную группу населенія и по своему числу, и по своему значенію, и даже по мѣстожительству“. Въ тѣсной связи съ козаками стояли ихъ подсусѣдки. Такъ назывались лица, не имѣвшія ни собственныхъ дворовъ, ни даже собственныхъ земель. Ихъ было у козаковъ компанейцевъ 85 человѣкъ, да у козаковъ же на Клочковкѣ 12 человѣкъ, всего 97 душъ. „Экстрактъ о слободскихъ полкахъ“ о состояніи ихъ выражается такъ: „подсусѣдки живутъ въ козацкихъ домахъ, помогаютъ своимъ хозяевамъ въ домашнихъ работахъ и съ этого имѣютъ пропитаніе, а никакой „подпомоги“ выборнымъ козакамъ по бѣдности своей не оказываютъ“ [4]).

„Собственно городское сословіе, соотвѣтствующее нынѣшнему мѣщанству, составляли цеховые, т. е. ремесленники разнаго рода, складывавшіеся въ цехи. Цеховое сословіе, состоявшее изъ ремесленниковъ хозяевъ, ихъ работниковъ и учениковъ, было довольно значительно. Ихъ считалось 492 души, жили они въ 65 дворахъ со 190 отдѣльными избами. Всѣ цеховые жили въ своихъ дворахъ, кромѣ 5 хозяевъ, которые помѣщались въ 5 дворахъ, принадлежавшихъ пол-

---

[1]) Сверхъ того въ слободѣ Клочковкѣ было 14 выборныхъ козаковъ и 76 подпомощниковъ.

[2]) Вотъ для примѣра составъ трехъ обширныхъ семействъ. 1-й дворъ. Во дворѣ Иванъ Самойловъ сынъ Гетманенко 40 лѣтъ, у него сынъ Петръ 4 недѣль, братъ Гаврило 8 лѣтъ; на томъ же дворѣ, въ другой избѣ, братъ его родной Григорій 35 лѣтъ, у него сосѣдъ Гаврило Швединъ 50, у него сынъ Константинъ 7; дядя ихъ родной Степанъ Андреевъ сынъ Гетманъ 100 лѣтъ (7 душъ). 2-й дворъ. Во дворѣ Савелій Назаровъ сынъ Назаренко 70 лѣтъ, у него сынъ Андрей 30, работники: Демьянъ Алферовъ 45, Селиванъ Андреевъ 20, Данило Кирилловъ 35, Лаврентій Исаевъ сынъ Исаенко 40, у него пасынокъ Фома Синицкій 7 лѣтъ; въ другой избѣ братъ его Савельевъ родной Кондратій 50, у него работникъ Константинъ Андреевъ сынъ Лебеда 35 лѣтъ, пасынокъ Матвѣй Ивановъ сынъ Коноваловъ 7; съ ними жъ подсусѣдки Мартинъ Никифоровъ сынъ Бердниковъ 60, Гаврило Андреевъ 50, у него дѣти Кирилло 15, Степанъ 6; работникъ Демьянъ Степановъ сынъ Шіяненко 18 лѣтъ (15 душъ). 3-й дворъ. Во дворѣ Романъ Демьяновъ сынъ Ткачевъ 60 лѣтъ, у него дѣти—Ѳедоръ 20, Кондратъ 18; да братья родные—Тихонъ 50, Иванъ 45, Фома 38; у Тихона дѣти: Андрей 20, Василій 18, Самойло 15, Иванъ 13; у Ивана дѣти—Сергѣй 15, Степанъ 8, Тимофей 3 лѣтъ; у Фомы дѣти—Аѳанасій 10, Павелъ 8, Григорій 6, Антонъ 2; у Романа подсусѣдокъ Павелъ Жеденеко 50, у Ивана сосѣдъ Павелъ Дмитріевъ 30, у Степана братъ родной Семенъ 6, у Фомы работникъ Емельянъ Назаровъ 35 лѣтъ (21 чел.).

[3]) Харьк. Кал. на 1885-й годъ, стр. 641—643.

[4]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, II, стр. 157.

ковнику Квиткѣ. Сюда же еще пожалуй можно причислить 122 сидѣльца въ шинкахъ съ ихъ дѣтьми мужескаго пола".

Благодаря главнымъ образомъ военнымъ обстоятельствамъ, цехи, существовавшіе уже, какъ мы знаемъ и въ XVII в., оставлены были безъ вниманія и покровительства и это вызвало необходимость, въ особенности въ силу общаго указа Петра Великаго 1722 года, позаботиться о ихъ судьбѣ и дать особую инструкцію ихъ альдерманамъ, а по мѣстному цехмистрамъ. Эта инструкція была составлена Харьковской полковой канцеляріей и выдана цехмистру рѣзницаго цеха.

По Указу Петра Великаго 1722 года велѣно было въ цехи записывать всякихъ ремесленниковъ—русскихъ и иностранныхъ и во главѣ цеховъ поставить альдермановъ. Въ силу этого указа былъ опредѣленъ такой альдерманъ или, по мѣстному малороссійскому выраженію, цехмистръ и въ Харьковскій рѣзницкій цехъ и ему дана слѣдующая инструкція, чрезвычайно любопытная для характеристики устройства всѣхъ харьковскихъ цеховъ вообще. Каждый цехъ долженъ былъ имѣть записныя книги своихъ ремесленниковъ, куда нужно было вписывать всѣхъ, пожелавшихъ заниматься даннымъ ремесломъ, будь то мѣстный харьковскій гражданинъ или иногородній. Владѣльческіе крестьяне обязаны были предъявлять отпускныя письма отъ своихъ помѣщиковъ или ихъ приказчиковъ. Всѣ должны были выдержать въ присутствіи цеховыхъ альдермановъ соотвѣтственный экзаменъ въ знаніи своего ремесла, въ чемъ получали письменное удостовѣреніе. Два раза въ годъ—въ первый мясоѣдъ послѣ Пасхи и послѣ Успенія—цехмистръ долженъ былъ собрать всѣхъ рѣзниковъ и въ присутствіи полиціймейстера сдѣлать правильную расцѣнку продаваемаго мяса. Для этой цѣли нужно было взять двѣ яловицы—среднюю и меньшую по цѣнѣ—разрѣзать ихъ, свѣсить мясо, а сало и кожи положить въ цехъ и затѣмъ сдѣлать расчетъ, по какой цѣнѣ можно продавать каждую часть, чтобы за покрытіемъ стоимости ихъ, оставалось еще 10% съ рубля на содержаніе рѣзниковъ—сумма вполнѣ достаточная, такъ какъ капиталъ могъ обернуться по крайней мѣрѣ 4 раза въ годъ, т. е. принести въ концѣ концовъ 40%. Сдѣланную сообща съ полиціймейстеромъ расцѣнку, цехмистръ долженъ былъ представить на одобреніе Харьковской полковой канцеляріи и за тѣмъ слѣдить, чтобы мясники не брали лишней цѣны и чтобы у нихъ были лѣтомъ во время продажи мяса бѣлые холщевые фартухи и балахоны, мясо также покрыто бѣлымъ холстомъ, полки, на которомъ оно лежитъ, вымыты и выскоблены. Бойни должны быть въ отдаленности отъ лавокъ, мясо свѣжее и здоровое; за несвѣжее рѣзниковъ штрафовать и брать подъ караулъ, а мясо забирать и закапывать въ землю, чтобы не принести населенію, употребляющему его въ пищу, вреда, въ особенности бѣднымъ людямъ, которые по недостаточности средствъ всегда будутъ покупать его изъ за дешевизны и по незнанію происходящихъ отъ него опасностей. Въ случаѣ нарушенія этого требованія, полиція должна штрафовать хозяевъ на первый разъ двойнымъ штрафомъ сравнительно со стоимостью товара, другой разъ въ четверо, а третій учинить наказаніе; цехмистръ же на первый разъ уплачивалъ двѣнадцатикратный штрафъ въ пользу полиціи, а на второй разъ ему учинялось наказаніе и онъ отрѣшался отъ должности. Подмастерьевъ и мальчиковъ можно было хозяевамъ держать въ неограниченномъ количествѣ, но брать отъ нихъ свидѣтельства, что они не бѣглые, и не записывать ихъ въ число гражданъ; мальчикамъ быть въ ученіи по 7 лѣтъ, а потомъ выдавать имъ удостовѣренія объ окончаніи выучки, какъ это дѣлается въ чужихъ краяхъ и согласно со здѣшними старинными обыкновеніями. Со всѣхъ учениковъ, поступившихъ къ мастерамъ, нужно было брать по 10 коп. и вступленіе ихъ записывалось въ полиціи, при чемъ одна копія этой записи, за подписью полиціймейстера, выдавалась цехмистру, а другая мастеру. Сборы на церковь Божію, т. е. на свѣчи, ладанъ и пр., разрѣшались по старому обыкновенію, но въ меньшемъ размѣрѣ сравни-

тельно съ прежнимъ временемъ, и съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они давались съ согласія всѣхъ мастеровъ и самаго ученика и отнюдь не шли на „партикулярное лихоимство“, такъ какъ въ Харьковѣ въ ученики поступали преимущественно бѣдные, неимущіе сироты и дѣти козачьихъ подпомощниковъ, ежегодно уплачивавшихъ подушный окладъ. Непристойныхъ взятокъ велѣно было не брать, а всякій ученикъ, отбывъ свои урочные годы и получивъ отъ мастера заработанныя имъ деньги, по указанію честныхъ мастеровъ нѣкоторую часть ихъ, но не болѣе 50 коп., отдавалъ на храмъ, при чемъ они записывались въ особую книгу и расходовались съ общаго согласія всѣхъ членовъ цеха. Мастера и ученики всѣхъ харьковскихъ цеховъ уплачивали въ Харьковскую полковую канцелярію по 40¾ коп. подушныхъ денегъ; а о томъ, какъ вести вѣдомости и платить окладныя деньги, долженъ былъ заботиться цехмистръ портняжническаго цеха, сообразно данной ему на сей счетъ инструкціи. Цехмистръ мясницкаго цеха долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы мастера невѣдомыхъ и безпаспортныхъ людей къ себѣ въ ученики ни подъ какимъ видомъ не принимали, обидъ имъ не причиняли и работою чрезмѣрно не утруждали, а ученики въ свою очередь были имъ послушны и къ работѣ прилежны. Въ случаѣ безпорядковъ и столкновеній, въ мелкихъ дѣлахъ, разбирательство принадлежало цехмистру, а въ болѣе крупныхъ—полиціи. Цехмистръ ни подъ какимъ видомъ не долженъ былъ брать взятокъ.

Такова была инструкція. Но дѣйствительность, по всей вѣроятности, значительно отступала отъ нея. По крайней мѣрѣ изъ другой инструкціи, данной городничему Алексѣю Поддубному, видно, что требованіе о невзиманіи поборовъ на частныя издержки плохо исполнялось. Цехмистры, заботясь о своей наживѣ, налагали большіе поборы въ размѣрѣ отъ 1 до 3-хъ и даже 5 рублей и употребляли ихъ на свое пьянство. Въ виду этого городничій долженъ былъ составить вѣдомость всѣхъ мастеровъ, жившихъ въ Харьковѣ и близь лежащихъ сотняхъ безъ различія званія ихъ, съ тѣмъ чтобы изъ всѣхъ ихъ выбрать наиболѣе опытныхъ въ своемъ дѣлѣ лицъ. Каждаго нужно было проэкзаменовать въ присутствіи мастеровъ и цехмистра, осмотрѣть его работу и распредѣлить по статьямъ такъ, напримѣръ, чтобы портные, шьющіе цвѣтное платье, попали въ первую статью, шьющіе простое новое платье, во вторую, перешивающіе и чинящіе старое, въ третью, съ тѣмъ чтобы каждый потомъ уже работалъ по своей спеціальности и за чужую работу не брался подъ угрозою штрафа. При выдачѣ же имъ аттестатовъ приказано было взять съ каждаго изъ нихъ единовременно на содержаніе по обычаямъ цеховъ 1/20 долю заработанныхъ ими денегъ или такъ называемое „вызволенье“; болѣе же того отнюдь ни съ кого и ни на что не брать [1]).

О составѣ семействъ только что отмѣченныхъ нами группъ Харьковскаго населенія въ 1732 г. могутъ дать понятіе слѣдующія цифры: у выборныхъ козаковъ было 156 семействъ и въ этихъ послѣднихъ было 895 душъ мужскаго пола, т. е. въ среднемъ приходилось по 5,7 душъ на семью. Въ составъ семействъ мы включили родственниковъ, свойственниковъ, работниковъ и подсусѣдковъ, жившихъ обыкновенно въ отдѣльныхъ дворахъ. Максимальное число душъ въ семьяхъ было таково: одна семья состояла изъ 21 души, одна изъ 18, двѣ изъ 15, одна изъ 14, двѣ изъ 13, двѣ изъ 12, три изъ 11; минимальное число душъ (одну) имѣло 14 семействъ. Рабочихъ членовъ въ семьяхъ (не считая постороннихъ) было со включеніемъ домохозяевъ 443, т. е. въ среднемъ приходилось на семью по 2,8 души, а не считая главъ семействъ 286 душъ, т. е. по 1,8 душъ на семью. Максимальныя цифры здѣсь будутъ таковы: одна семья имѣла 10 душъ, одна 9, одна 7, двѣ по 6, девять по 5; за то было 43 семьи, у которыхъ кромѣ домохозяина вовсе не было рабочихъ членовъ семейства. Всѣхъ рабочихъ рукъ въ 60 семьяхъ, имѣвшихъ работ-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл.; ср. Харьк. Сбор. на 1887-й годъ, стр. 194—197.

никовъ и подсосѣдковъ, было 220, т. е. въ среднемъ по 3²/₃ на семью. Число семействъ, у которыхъ проживали постороннія лица, составляло немногимъ болѣе ¹/₅ общаго числа ихъ.

У козачьихъ подпомощниковъ было 425 семействъ и у нихъ кромѣ домохозяевъ 296 работниковъ, т. е. въ среднемъ по 0,7 душъ на семью; въ 106 семьяхъ, составлявшихъ ¹/₄ общаго числа ихъ, было 230 работниковъ и подсосѣдковъ, т. е. немногимъ болѣе 2 чел. на семью; всѣхъ же душъ мужскаго пола было 1435, т. е. въ среднемъ приходилось по 3,37 душъ на семью. Такъ же пали здѣсь и максимальныя цифры въ составѣ семействъ.

У цеховыхъ было 167 семействъ и въ нихъ мужскаго пола 528 душъ, т. е. въ среднемъ немногимъ болѣе 3 душъ на семью. Рабочихъ членовъ семьи было 111, т. е. около 0,7 ихъ числа; въ 46 семействахъ было 94 работника и подсусѣдка, т. е. въ среднемъ приходилось по 2 души на семью. Семьи, въ которыхъ были работники, составляли 27% общаго числа семействъ [1]).

Такимъ образомъ, оказывается, что самыми многолюдными были семьи выборныхъ козаковъ, затѣмъ подпомощниковъ и, наконецъ, цеховыхъ. По числу семействъ, у которыхъ жили постороннія лица въ качествѣ рабочихъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ цеховые, потомъ подпомощники и, наконецъ, рядовые козаки; очевидно, цеховые, въ качествѣ мастеровыхъ, наиболѣе нуждались въ трудовой помощи постороннихъ лицъ. По числу рабочихъ, принадлежавшихъ къ семьямъ, выборные козаки далеко превосходили и подпомощниковъ, и цеховыхъ, которые въ этомъ отношеніи были совершенно въ одинаковомъ положеніи другъ съ другомъ. Число постороннихъ рабочихъ было наиболѣе значительно у выборныхъ козаковъ и гораздо меньшее и при томъ совершенно одинаковое у подпомощниковъ и цеховыхъ; очевидно, это преимущество выборныхъ козаковъ вызывалось ихъ большею зажиточностью, дававшею имъ возможность возводить въ своихъ дворахъ большее число построекъ. На составѣ другихъ менѣе значительныхъ и менѣе опредѣленныхъ общественныхъ группъ останавливаться не будемъ.

„Подданными назывались владѣльческіе крестьяне, пользовавшіеся правомъ вольнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому. Такихъ подданныхъ было въ Харьковѣ тогда 102 души; они помѣщались въ 22 дворахъ и 29 хатахъ. Подданные жили въ Харьковѣ не въ центрѣ города, а на подворкахъ, т. е. въ предмѣстьяхъ, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ хуторовъ [2]).

Кромѣ того на Клочковкѣ было также 140 душъ подданныхъ, жившихъ въ 39 дворахъ и 50 хатахъ [3]). Лицъ духовнаго званія было въ Харьковѣ 116 душъ, жившихъ въ 31 дворѣ съ 40 домами. При Соборной Успенской церкви было два протопопа—Андрей и Григорій Александровы, одинъ священникъ—Иванъ Ивановъ, 1 дьяконъ, 1 дьячекъ, 2 дьяка, 5 пономарей, 1 звонарь. При Воскресенской церкви 2 священника—Стефанъ Васильевъ и Іоаннъ Павловъ. При церкви Рождества Христова 2 священника—Алексѣй Бородаевъ и Яковъ Гавриловъ; 1 пономарь. При Троицкой 2 священника—Михаилъ Павловъ и Па-

[1]) Замѣтимъ кстати, что число семействъ, выписанное Е. И. Ивановымъ изъ именныхъ вѣдомостей переписи, не совпадаетъ съ ея итогами, напечатанными въ моихъ „Матеріалахъ“, но эта разница не столь велика, чтобы могла оказать замѣтное вліяніе на наши статистическіе выводы.

[2]) Вотъ списокъ всѣхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ подданныхъ, съ цифрами дворовъ и числомъ ихъ душъ: близъ Харькова хуторъ козака Степана Коваленко 1 дворъ и 9 душъ; хуторъ подпрапорнаго Ивана Черняка 1 дв. и 7 д., хуторъ полковника Григорія Квитки 7 дв. 29 д.; хуторной дворъ Харьковскаго городничаго Леонтія Голуховича; въ немъ скотникъ съ семьей 1 дв. 5 д.; у ландмилицкаго полк. Андрея Дунина 2 дв. 21 д.; у бывшаго Харьковскаго полковника Куликовскаго 1 дв. 2 д., у Харьковскаго монастыря 1 дв. 4 д.; у Троицкаго попа Павла—1 дв. 3 д.; у Угольчанскаго сотника Михайлова 1 дв 2 д., Харьковскаго жителя Навла Любемскаго 1 дв. 4 д., Харьковской жительки крамарки Анны Назаренковой 1 дв. 3 д.; Харьковскаго сотника Григорія Ковалевскаго 2 дв. 4 д., Чернячевскаго сотника Алексѣя Квитки 2 дв. 7 д.

[3]) Они принадлежали: Харьковскому полковнику Квиткѣ (2 двора 8 д.), Деркачевскому сотнику Алексѣю Квиткѣ (14 дв. и 57 д.), Харьковскому сотнику Ковалевскому (1 дв. и 6 д.), Харьковскому Покровскому монастырю (21 дв. и 66 д.), и вдовѣ сотника Марьѣ Борисовой (1 дв. и 3 д.). Всѣхъ подданныхъ было 242 души.

велъ Степановъ и 1 пономарь. При церкви Благовѣщенія Богородицы 2 священника—Иванъ Матвѣевъ и Антонъ Захаровъ. При Вознесенской—1 священникъ Леонтій Григорьевъ, 1 пономарь, 1 причетникъ. При Михайловской—1 священникъ Иванъ Дмитріевъ, 1 дьяконъ, 1 пономарь. При Николаевской—1 священникъ Кондратій Ѳедоровъ, 1 дьякъ. При Дмитріевской—1 священникъ Григорій Петровъ, 1 пономарь. Состоявшіе въ Харьковскомъ монастырѣ монахи не были переписаны; но за то показано 13 душъ монастырскихъ служителей, пришельцевъ изъ разныхъ городовъ Малороссіи. Всѣ поименованныя лица, т. е. священники, церковники и монастырскіе служители жили въ церковныхъ домахъ при церквяхъ. Нѣкоторые же изъ священниковъ кромѣ того имѣли собственные дома, въ которыхъ жили дворники и работники, какъ уже было разъяснено ранѣе. Кромѣ того при церквяхъ находились школы, въ которыхъ жили такъ называемые школьники, т. е. школьные учителя. При нѣкоторыхъ церквяхъ находились также шпитали или богадѣльни, въ которыхъ призрѣвались нищіе, старые и увѣчные Въ Коллегіумѣ помѣщались ученики и школьники“ [1]).

Но гдѣ же, спроситъ читатель, дворянство? Неужели въ Харьковѣ среди его основнаго малорусскаго населенія, не было тогда дворянства? Да, его не было, потому что въ это время не было еще въ Слободской Украйнѣ мѣстнаго дворянства вообще, а была только замѣнявшая его козацкая старшина. „Во главѣ козаковъ и всего мѣстнаго населенія стоялъ полковникъ Харьковскаго Слободскаго полка, за нимъ полковая и наконецъ сотенная старшина. Харьковскимъ полковникомъ былъ въ 1732 г. знаменитый Григорій Семеновичъ Квитка, полковымъ судьею Романъ Григорьевичъ Квитка, полковымъ хорунжимъ Иванъ Яковлевичъ Рыбасенко. Харьковское козачество (собственно городское) подраздѣлялось въ то время на двѣ полковыхъ сотни: сотникомъ первой полковой сотни былъ Григорій Васильевичъ Ковалевскій, второй полковой сотни—Яковъ Ѳедоровичъ Денисевичъ. Здѣсь же жилъ особымъ дворомъ валковскій сотникъ, впослѣдствіи изюмскій полковникъ Иванъ Григорьевичъ Квитка, которому въ то время было всего 26 лѣтъ отъ роду. Къ числу знатныхъ лицъ козацкаго сословія принадлежала и вдова бывшаго харьковскаго полковника Софья Куликовская. Изъ числа канцеляристовъ въ Харьковѣ проживалъ полковой писарь, два писаря полковой канцеляріи, 5 ратушныхъ писарей и 1 таможенный. У всѣхъ этихъ лицъ были дѣти, родственники. Всего лицъ старшинскаго сословія было 38 душъ, жившихъ въ 15 дворахъ [2]). Была еще одна группа лицъ, также принадлежавшая къ малорусской національности—это служителя и работники; у старшины ихъ было 14 душъ, у лицъ разныхъ состояній—95, жившихъ въ 46 дворахъ и 50 хатахъ, на Клочковкѣ 3 души, въ Коллегіумѣ—13 человѣкъ, итого 125 душъ. 95 указанныхъ выше дворниковъ и работниковъ жили въ домахъ тѣхъ владѣльцевъ, которые большею частью сами не проживали постоянно въ Харьковѣ, а пріѣзжали сюда временно. Здѣсь мы видимъ 3 двора Харьковскаго полковника Квитки, 2 ландмилиціоннаго полковника Андрея Дунина, 3 двора Харьковскаго монастыря, 2 двора Салтовскаго сотника Ивана Дробицкаго, затѣмъ по одному двору—Угольчанскаго сотника Семена Михайлова, подпрапорнаго Григорія Вилевскаго, хорунжаго Петра Мечникова, Изюмскаго полковника Шидловскаго, Золочевскаго сотника, Харьковскихъ полковыхъ писарей—Романовича и Ивана Бугаевскаго, Изюмскаго полка писаря Кацустянскаго, Харьковскаго полка есаула Андрея Аксентьева, бывшаго Деркачевскаго сотника Земборскаго, сотника Чернявскаго Алексѣя Квитки, ландмилицкаго полка подполковника кн. Якова Крапоткина, Украинскаго корпуса аптекарей Степана Михайлова и Лифебѣра, Украинскаго корпуса доктора Миліуса, капитана Стремоухова, Курскихъ купеческихъ

[1]) Харьк. Кал. 1885 г., стр. 648–650.

[2]) Ibidem стр. 640–641.

людей Бориса Хлопонина съ братьями, священниковъ Хорошевскаго монастыря, мѣст. Ольшанова, с. Липецъ и Ивановки, кромѣ того 1 дворъ Зміевскаго монастыря; остальные дворы— Харьковскихъ священниковъ, жившихъ въ церковныхъ дворахъ, козаковъ и вдовъ. Число великороссіянъ, постоянно жившихъ въ г. Харьковѣ, было сравнительно не велико. Почти всѣ они проживали по паспортамъ, выданнымъ начальствомъ тѣхъ городовъ, изъ которыхъ они прибыли, хотя въ Харьковѣ и имѣли собственные дома. Къ нимъ принадлежали, во 1-хъ, посадскіе люди разныхъ великороссійскихъ городовъ, которые имѣли пребываніе въ Харьковѣ для торговаго промысла, во 2-хъ, отставные и состоявшіе въ дѣйствительной службѣ разнаго рода военные чины; эти служилые люди занимали разныя должности при украинскомъ корпусѣ, въ составъ котораго входили великороссійскіе полки; въ 3-хъ, великороссіяне, которые прежде служили козацкую службу, а по переписи 1731 года, произведенной капитаномъ Долбиловымъ, присланнымъ отъ генералъ майора Тараканова, назначены въ подушный окладъ и изъ нихъ въ ландмилицію; и въ 4-хъ, крѣпостные люди Харьковскаго судьи Романа Квитки. Лицъ первой категоріи, т. е. разночинцевъ и купецкихъ людей, при чемъ послѣдніе помѣщались для торговаго промысла въ купленныхъ и чужихъ дворахъ, считалось 62 души, и жили они въ 28 дворахъ. Изъ числа посадскихъ людей, жившихъ въ Харьковѣ для торговаго промысла происходили: 1 изъ Вереи, 1 изъ Курска, 3 изъ Бѣлгорода, 1 изъ Чугуева, 2 изъ Тулы, 1 изъ Ельца, 1 изъ Венева [1]). Изъ второй категоріи жили въ Харьковѣ: 1 отставной капитанъ съ пасынкомъ, солдатскимъ сыномъ, 1 отставной поручикъ прежнихъ службъ, при которомъ дворовый человѣкъ польской націи, съ сыномъ, 1 отставной писарь, 4 отставныхъ драгуна, 1 отставной солдатъ Бѣлгородскаго гарнизоннаго полка; затѣмъ изъ состоявшихъ на службѣ Курскаго ландмилицкаго полка капитанъ съ пасынкомъ и тремя служителями; артиллерійскаго корпуса пушкарь, фурлеръ, канониръ и физелеръ и 1 человѣкъ шведской націи. Почти всѣ эти великороссіяне жили въ купленныхъ ими дворахъ. Лицъ третьей категоріи, т. е. тѣхъ, которыя изъ козацкой службы выписаны въ ландмилицкую, жившихъ въ своихъ дворахъ, было 49 дворовъ, 51 изба, 141 душа да жившихъ въ чужихъ дворахъ 16 душъ, у нихъ работниковъ изъ малороссіянъ 9 душъ. Сюда же причислялся 1 дворъ въ 3 души, выписанныхъ въ ландмилицію и числившихся въ с. Основѣ. Во дворѣ Харьковскаго полковаго судьи Романа Григорьевича Квитки, въ самомъ Харьковѣ, проживало 4 души крѣпостныхъ крестьянъ, поступившихъ въ приданое за его женою. Въ подушный же окладъ они были написаны, одинъ въ Галицкомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Чернышовой, а три въ Калужскомъ уѣздѣ, въ селѣ Сергѣевомъ, за помѣщикомъ Львомъ Степановымъ сыномъ Чернышевымъ... Крѣпостные крестьяне (великорусскаго происхожденія) попадали въ Слободскую Украйну случайно: ихъ переводили великорусскіе помѣщики, пріобрѣтавшіе земли въ Украйнѣ, или они поступали въ видѣ приданаго къ тѣмъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, которые женились въ Великороссіи на великороссіянкахъ [2]).

Кромѣ малороссовъ и великороссовъ въ Харьковѣ проживало еще и нѣкоторое количество представителей другихъ національностей [3]). Собственные дворы имѣло изъ иноземцевъ

[1]) Вотъ фамиліи этихъ первыхъ харьковскихъ купцовъ: Василій Мотшинъ (посадскій человѣкъ изъ Верен), Курскій посадскій человѣкъ Ерофей Пчелинъ, Бѣлгородскій посадскій человѣкъ Квасниковъ, Чугуевскій посадскій человѣкъ Емельянъ Посцѣховъ, Тульскій посадскій Степанъ Шелдяевъ, Тульскій посадскій человѣкъ Малафей Моисеевъ, Вѣневскій посадскій Михаилъ Гуляевъ, вдова Бѣлгородскаго посадскаго Ирина Абрамова, Бѣлгородскій посадскій Ѳедоръ Грунинъ.

[2]) Харьк. кал. на 1885-й годъ, стр. 647, 650, 651.

[3]) Отмѣтимъ грека Дмитрія Иванова, грека Константина Иванова, вдову Авдотью Стрѣлецкую („польской націи"), крещеная арапа Павла Иванова, иноземца Петра Брусницкаго. Изъ другихъ иноземцевъ упоминаются— дворникъ цыганъ Герасимъ Ивановъ, дворникъ польской націи Дан. Шекуринъ, дворникъ польской націи Ѳ. Кухаренковъ, гречанинъ Василій Константиновъ (купецъ), работникъ польской націи Ив. Грачевъ, служитель Шведской націи Ѳедоръ Латышъ.

5 человѣкъ: 2 грека, 1 крещеный арапъ, 1 полька вдова и одно лицо, названное просто иностранцемъ; было еще 5 дворовъ вдовъ, отнесенныхъ къ этой же категоріи „разночинцевъ“, но національность ихъ не названа; попадаются иноземцы и въ группѣ дворниковъ и работниковъ: тамъ мы встрѣчаемъ 1 цыгана, 1 волошенина, 5 поляковъ, 1 шведа. Но въ какой мѣрѣ эти этнографическія опредѣленія точны, относительно польской національности, сказать трудно: повидимому нѣкоторыхъ лицъ причислили здѣсь къ полякамъ потому, что они вышли изъ Польши; по крайней мѣрѣ фамиліи ихъ были совершенно не польскія—Данило Игнатовъ Шекуринъ, Ѳедоръ Ивановъ Кухаренковъ. Наконецъ, къ иноземцамъ нужно причислить еще грека купца Василія Константинова и грека купца Дмитрія Челенбу, коего одинъ работникъ былъ татаринъ [1]).

Всего въ Харьковѣ, включая сюда и слободку Клочковку, оказалось, по переписи 1732 года, 950 дворовъ, въ нихъ 1280 отдѣльныхъ избъ, а населенія мужскаго пола 3965 душъ. По церковно-приходскимъ даннымъ въ Харьковѣ въ 1730 году считалось населенія мужскаго пола 3429 и женскаго 3000 душъ. Если принять эту пропорцію и для 1732 г., то окажется на 3965 мужчинъ 3470 женщинъ. Слѣдовательно, всѣхъ жителей въ 1732 году въ Харьковѣ съ Клочковкой было около 7435 душъ обоего пола“ [2]). Одинъ источникъ подтверждается другимъ: перепись Хрущова церковно-приходскими данными.

Таковъ былъ составъ населенія г. Харькова въ козацкій періодъ его исторіи. Во 2-й половинѣ XVIII в. составъ этотъ, въ связи со введеніемъ въ Харьковѣ губернскихъ учрежденій, существенно измѣнился. По реформамъ Щербинина, козачество въ Слободской Украйнѣ вообще и въ Харьковѣ въ частности было уничтожено. Козаки и подпомощники перестали теперь существовать въ качествѣ военнаго сословія и были превращены въ войсковыхъ обывателей, представлявшихъ изъ себя въ сущности поселянъ или крестьянъ. Такихъ войсковыхъ обывателей, уплачивавшихъ однообразную подушную подать и обязанныхъ выставлять рекрутъ въ гусарскіе полки, было въ Харьковѣ въ 1767 году 3426 душъ мужскаго пола, т. е. они составляли огромное большинство всего населенія. Въ 4-й главѣ мы дадимъ общую оцѣнку реформъ Щербинина, остановимся и на той части ихъ, которая касалась измѣненій въ соціальномъ положеніи разныхъ сословныхъ группъ; теперь же только замѣтимъ, что онѣ почти не коснулись цеховыхъ и что косвенно отъ нихъ выиграла бывшая козацкая старшина, получившая теперь возможность вступать въ ряды русскаго дворянства. Что же касается наиболѣе многочисленной въ Харьковѣ группы населенія—войсковыхъ обывателей, то для нихъ существенное значеніе имѣло отнятіе права вольной заимки и замѣна натуральной козацкой службы, которую приходилось нести многимъ, рекрутскими наборами, касавшимися сравнительно малаго числа ихъ. Съ уничтоженіемъ заимки, явилась необходимость въ юридическихъ формахъ для укрѣпленія за городомъ и за отдѣльными лицами земель, составлявшихъ нѣкогда „окружныя“ владѣнія Харькова; а превращеніе воиновъ въ мирныхъ поселенцевъ было чрезвычайно важнымъ шагомъ въ дѣлѣ созданія чисто городскаго, земледѣльческо-промышленнаго и торговаго класса. Но и при Щербининѣ въ Харьковѣ не было всетаки оффиціально существующихъ чисто городскихъ сословій—купечества и мѣщанства и мы до самаго послѣдняго времени даже вовсе не знали, какъ и когда появились въ нашемъ городѣ эти двѣ столь важныя общественныя группы. Перепись Хрущова называетъ только нѣсколько иногородныхъ посадскихъ людей, занимавшихся въ Харьковѣ торговымъ промысломъ, а о мѣщанахъ совсѣмъ не упоминаетъ. Можно было бы пожалуй только сдѣлать догадку, что эти сословія появились у насъ въ связи съ общими областными учрежденіями 1775 года, касавшимися и этихъ сословій. И

[1]) Ibidem, стр. 645—646.

[2]) Ibidem, стр. 653.

[3]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, II, стр. 236.

однако эта правдоподобная догадка оказалась бы невѣрною, а прямое, точное, категорическое разъясненіе по этому чрезвычайно важному вопросу дали только документы, открытые мною въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Оказывается, что созданіе этихъ двухъ сословій вызвано было учрежденіемъ въ Харьковѣ губернскаго магистрата. Магистратъ былъ открытъ въ 1780 году и, такъ какъ онъ долженъ былъ вѣдать купечествомъ и мѣщанствомъ, то передъ нимъ естественно возникъ вопросъ, есть ли такія сословія въ Харьковѣ. Оказалось по справкамъ, что ихъ не было и потому рѣшено было ихъ завести, въ силу требованій областныхъ учрежденій 1775 года [1]), изъ коихъ ясно видно, что власть магистратскихъ правленій распространялась только исключительно на купечество и мѣщанство; необходимо было это сдѣлать, говорится далѣе въ документѣ, и для соблюденія добраго порядка, который указываетъ, что не можетъ быть тамъ правительства, гдѣ нѣтъ ему подчиненныхъ. Вотъ почему Харьковскій губернскій магистратъ отправилъ во всѣ городскіе магистраты (въ томъ числѣ и Харьковскій: въ Харьковѣ кромѣ губернскаго существовалъ еще и городской магистратъ) указы, чтобы они предложили жившимъ въ ихъ городахъ войсковымъ обывателямъ добровольно вступить въ ряды купечества или мѣщанства, смотря по размѣрамъ своихъ капиталовъ; при этомъ нужно было указывать и на имѣющія отъ этого послѣдовать выгоды. Но такъ какъ это было дѣло новое, то Харьковскій губернскій магистратъ представилъ Харьковскому Намѣстническому Правленію проэктъ для практическаго его осуществленія. Сущность его по отношенію къ Харькову сводилась къ слѣдующему. Въ Харьковѣ всѣ войсковые обыватели (а нетолько тѣ, которые раньше сдѣлали это) должны были вступить въ сословіе купцовъ или мѣщанъ и быть отданы подъ вѣдѣніе магистрата. Опредѣливъ повинности обоихъ сословій (объ этомъ будетъ сказано въ 10-й главѣ), проэктъ далѣе предлагалъ причислить къ мѣстному купечеству для облегченія его и тѣхъ иногородныхъ купцовъ, которые проживали въ Харьковѣ для постоянной торговли, а также обложить извѣстными повинностями иностранное купечество и духовенство, имѣвшее въ Харьковѣ лавки и шинки. Новые мѣстные харьковскіе купцы и мѣщане должны были сохранить за собою всѣ неотмѣненныя привиллегіи, пожалованныя имъ Государевыми грамотами, и владѣть по прежнему своими землями, угодьями и хуторами (эта льгота не распространялась на иногороднее купечество). Если у купца капиталъ уменьшится ниже 500 рублевой нормы, его нужно выписывать изъ купечества и приписывать къ мѣщанству и наоборотъ, если у мѣщанина капиталъ превыситъ данную норму, его слѣдовало записывать въ купцы. Наконецъ, 7-я глава регламента Главнаго Магистрата узаконила, чтобы всякое художество и ремесло имѣло свои особенные цехи съ альдерманами во главѣ (цунфты) или собранія ремесленниковъ, а также книги, въ коихъ должны быть записаны регулы или уставы, права и привиллегіи ремесленныхъ людей. Основываясь на этомъ, говорилось въ проэктѣ, необходимо въ каждомъ городѣ завести цехи, служащіе къ общей пользѣ градскихъ жителей, согласно во всемъ съ установленіемъ Главнаго Магистрата, и быть этимъ цехамъ въ вѣдѣніи магистратовъ [2]). Цехамъ даны были особые значки [3]).

---

[1]) Эти послѣднія въ полномъ объемѣ были введены въ Харьковѣ только въ 1780 году при открытіи Намѣстничества.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Дѣла Харьковскаго Магистрата.

[3]) Они состояли изъ древка длиною $4^1/_2$ арш. и прикрѣпленнаго къ верхнему концу его 4-хъ угольнаго куска матеріи длиною въ 2 и пириною въ $1^1/_2$ арш. У мясниковъ на этомъ значкѣ изображался бѣлый быкъ, приготовленный къ убою съ мясникомъ, поднявшимъ надъ нимъ топоръ; у кузнецовъ—наковальня со щипцами и двумя молотами на верху; у портныхъ—ножницы и утюгъ; у сапожниковъ—сапогъ и башмаки; у музыкантовъ—собранные вмѣстѣ инструменты; у маляровъ—палитра и связка кистей; у ткачей—ихъ инструментъ „бердичовникъ“; у гончаровъ—пирамида изъ горшковъ и кафель; у котляровъ—котелъ и вверху круглая кастрюля;

Проэктъ этотъ повидимому получилъ утвержденіе, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ основаніяхъ. Въ Харьковѣ въ январѣ 1781 г. уже перечислено было 2860 душъ войсковыхъ обывателей въ мѣщанство; въ купцы, кажется, въ это время еще никто изъ мѣстныхъ обывателей не записался, въ противоположность другимъ городамъ Харьковской губерніи, гдѣ въ общемъ на 3524 мѣщанъ было 276 купцовъ. Послѣ новыхъ перечисленій въ Харьковѣ оказалось всего три купца (изъ войсковыхъ обывателей) и 2862 человѣка мѣщанъ (изъ войсковыхъ обывателей), 5 купцовъ изъ великорусскаго купечества, 3 купца изъ великорусскихъ мѣщанъ, 3 купца изъ экономическихъ крестьянъ. Нѣкоторыя лица (но число ихъ неизвѣстно) выразили желаніе попасть въ цеховые разныхъ цеховъ. Такимъ образомъ, въ Харьковѣ къ концу 1781 года было 14 купцовъ и 2862 мѣщанина. Обыватели, записавшіеся въ 1788 году въ козаки, просили о перечисленіи ихъ въ разныя званія. По Харькову такихъ просьбъ было подано 117. Какъ видно изъ рапорта Кишенскаго, между гражданскимъ начальствомъ и козацкимъ происходили пререканія по вопросу, кому подвѣдомственны козаки во всѣхъ дѣлахъ. Харьковскіе жители, записавшіеся въ Екатеринославскіе козаки, сотникъ Третьяковъ съ товарищами подали въ 1791 г. въ Сенатъ прошеніе, въ коемъ просили оставить за ними вольную продажу водки, согласно древнимъ привиллегіямъ, каковая была дана на откупъ по указу 3 мая 1783 г. въ пользу городовъ.

Перечисленіе въ харьковское купечество иногороднихъ лицъ, проживавшихъ въ Харьковѣ для торговли, продолжалось весьма успѣшно. Вотъ для примѣра нѣсколько фактовъ.

Въ 1781 г. ходатайствовалъ о зачисленіи его въ харьковскіе купцы волостной крестьянинъ новопостроенной деревни Андроновки Почернева стана Московскаго уѣзда Игнатій Михайловичъ Бѣляковъ; онъ былъ уроженцемъ города Юрьева Польскаго, но десятилѣтнимъ мальчикомъ отецъ его привезъ въ Москву, гдѣ онъ научился столярному мастерству и купилъ въ указанной выше деревнѣ домъ, въ которомъ жилъ болѣе 30 лѣтъ и платилъ тамъ подушный окладъ, былъ такъ же на заработкахъ въ различныхъ городахъ и наконецъ попалъ въ Харьковъ, гдѣ своимъ трудомъ—столярной работой собралъ до 700 рублей капитала и желалъ записаться съ сыновьями въ купцы. Просьба его была уважена. Былъ перечисленъ въ Харьковскіе купцы Кременчужскій купецъ (Новороссійской губерніи) Александровъ, имѣвшій въ Харьковѣ свой домъ и торговавшій разными товарами, а съ Кременчугомъ совсѣмъ порвавшій связи. Были приняты въ Харьковскіе купцы—Курскій купецъ Аксеновъ, имѣвшій свой домъ и торговлю въ Харьковѣ, однодворецъ козачьей слободы г. Курска А. Волобуевъ, съ давнихъ лѣтъ жившій въ Харьковѣ своимъ домомъ и ведшій торговлю, однодворецъ деревни Очкиной Сучкинъ, имѣвшій въ Харьковѣ двѣ собственныя лавки съ торговлей, однодворецъ деревни Муромы волчанскаго округа Иванъ Бѣляевъ, торговавшій въ Харьковѣ въ наемной лавкѣ краснымъ товаромъ и женившійся на дочери бывшаго хорунжаго козачьей службы, Чугаева, житель экономическаго села Каракозова Калужскаго намѣстничества Михайловъ, имѣвшій въ Харьковѣ домъ, семью и торговлю, Елецкій мѣщанинъ Орловскаго намѣстничества Иванъ Вавиловъ, имѣвшій въ Харьковѣ домъ и торговлю, Кременчужскій купецъ Стапоринъ, Елисаветградскій купецъ Петръ Воронцовъ, имѣвшій въ Харьковѣ свой дворъ и торговлю, Воронежскій мѣщанинъ Григорій Горемыкинъ, который и родился въ Харьковѣ, гдѣ также проживалъ и его отецъ, Бахмутскій купецъ (Азовской губерніи) Щербаковъ, имѣвшій въ Харьковѣ дворъ и торговлю, Тульскіе купцы Гребенщиковъ и Мисеевъ, имѣвшіе въ Харьковѣ свои дома и торговлю. Въ 1781 году былъ перечисленъ со своими дѣтьми въ Харьковскіе купцы Харьков-

---

у стекольщиковъ—окошко и сверху связка стекла; у плотниковъ—пила, топоръ и гамбель. (Арх. Харьк. Губ. Правл. Д. Каз. Пал. Харьк. Нам.). Въ г. Сумахъ мнѣ удалось добыть для выставки при Харьковскомъ Археологическомъ Съѣздѣ нѣкоторые изъ такихъ значковъ. Тамъ же я видѣлъ цеховую погребальную колесницу, быть можетъ, устроенную еще по образцу тѣхъ, которыя употреблялись въ цеховыхъ братствахъ Малороссіи.

скій мѣщанинъ Шебунинъ, объявившій капитала 650 р. Въ Харьковскіе мѣщане былъ перечисленъ и казенный (войсковой) обыватель слободы Мерефы Зеленскій [1]).

Въ 1787 году въ Харьковѣ было 9 семействъ купцовъ второй гильдіи и 54 третьей, всего 63 фамиліи со 134 душами мужскаго пола. Такимъ образомъ, въ среднемъ на семью приходилось немного болѣе 2 человѣкъ мужескаго пола. Характерно, что купцовъ первой гильдіи въ Харьковѣ въ то время совсѣмъ не существовало. Мы объясняемъ этотъ фактъ позднимъ происхожденіемъ Харьковскаго гильдейскаго купечества: оно, очевидно, не успѣло еще окрѣпнуть, расширить свои обороты и выдѣлить изъ своей среды группу выдающихся богачей; оно представляло изъ себя тогда только двѣ группы—2-ю и 3-ю гильдіи и должно было пройти нѣкоторое время, чтобы создалась 1-я гильдія.

Первоначальное ядро харьковскаго гильдейскаго купечества составилось большею частью изъ пришлаго элемента и отличалось разнообразіемъ своего состава и происхожденія. Здѣсь было 6 купеческихъ фамилій изъ Кременчуга, 4 изъ Тулы; изъ Бѣлгорода вышло двѣ купеческихъ, три мѣщанскихъ семьи, изъ Курска двѣ купеческихъ; изъ Воронежа одна купеческая и одна мѣщанская, изъ Бѣлева—двѣ купеческія и одна мѣщанская; изъ Калуги—двѣ купеческія и двѣ мѣщанскія; изъ Ельца—одна мѣщанская; изъ Торжка одна мѣщанская; изъ Путивля -одна купеческая; изъ Елисаветграда—одна купеческая; изъ Венева—одна купеческая; изъ Нѣжина—одна мѣщанская; изъ Ростова - одна купеческая; изъ Кашина—одна мѣщанская; изъ Стародуба—одна мѣщанская. На долю великорусскихъ городовъ приходится 25 семействъ, южно-русскихъ—10; изъ этихъ 35 семействъ 23 принадлежало у себя на родинѣ къ купечеству и 12 къ мѣщанству. Изъ остальныхъ 28 фамилій 9 принадлежало къ войсковымъ или казеннымъ обывателямъ, при чемъ относительно двухъ изъ нихъ опредѣленно извѣстно, что они были родомъ изъ Харькова, 6 вышли изъ сословія однодворцевъ, 5—изъ мѣщанскаго сословія, въ томъ числѣ 4 были родомъ изъ Харькова, 3 происходили изъ цыганъ, одна изъ волостныхъ крестьянъ, одна изъ крестьянъ, отпущенныхъ на волю, двѣ изъ иностранцевъ, одна изъ грековъ и одна изъ польскихъ выходцевъ. Группа иностранцевъ въ совокупности своей равняется 7 семействамъ. Изъ Харькова было родомъ 6 семействъ, принадлежавшихъ раньше частію къ войсковымъ обывателямъ, частію къ мѣщанамъ. Но, быть можетъ, къ Харькову слѣдуетъ пріурочить еще и часть тѣхъ семействъ, которыя фигурируютъ просто въ группѣ войсковыхъ обывателей, мѣщанъ или однодворцевъ, потому что въ Харьковѣ проживали не только первые и вторые (послѣ 1781 года), но и третьи.

Всего вышепоименованными купцами было объявлено капитала на сумму 102795 рублей. Посадскихъ въ это время было 60 душъ, объявившихъ 17680 рублей капитала; мѣщанъ (малорусскаго происхожденія)—649 и цеховыхъ (того же происхожденія) 505 (вѣроятно, семействъ). Такимъ образомъ, соціальный составъ харьковскаго населенія къ концу 80-хъ годовъ XVIII вѣка сводится къ слѣдующимъ сословіямъ: купечеству (преимущественно изъ иногородныхъ), къ которому примыкали великорусскіе посадскіе люди, малорусскому мѣщанству—наиболѣе многочисленной группѣ, и цеховымъ—также весьма многочисленному классу.

Что же касается дворянства, то оно въ это время, во 1-хъ, только что формировалось, а, во 2-хъ, проживало преимущественно въ своихъ помѣстьяхъ: въ Харьковѣ же было много чиновниковъ гражданскаго вѣдомства и военныхъ чиновъ, которые являлись кадрами для образованія дворянства. Во время выборовъ депутатовъ въ Екатерининскую Коммиссію для составленія проэкта новаго уложенія въ 1767 году въ Слободско-украинской губ. дворянства почти не оказалось и по необходимости пришлось подставить вмѣсто него ту группу, которая владѣла зем-

[1]) Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Дѣло Харьковскаго Магистрата.

лями и подданными, т. е. бывшую козацкую старшину [1]). Въ наказахъ этого сословія только выражается желаніе о дарованіи потомственнаго дворянства и всѣмъ нынѣшнимъ старшинамъ и тѣмъ подпрапорнымъ, коихъ дѣды служили въ старшинскихъ чинахъ, съ именованіемъ шляхтичами Слободскоукраинской губерніи, со включеніемъ въ герольдію и съ выдачей надлежащихъ дипломовъ и гербовъ [2]).

Но юридически, какъ сословіе Слободскоукраинской губ., дворянство образовалось у насъ, нужно думать, только со времени изданія Дворянской жалованной грамоты, т. е. съ 1785 года. Какъ магистратъ вызвалъ необходимость созданія купечества и мѣщанства, такъ мѣстныя дворянскія учрежденія Екатерины II-й привели къ образованію дворянства, конечно, изъ того зерна, о которомъ мы говорили выше, при чемъ нѣкоторыя отдѣльныя лица, быть можетъ, уже добились сами этого званія и раньше. Во всякомъ случаѣ, какъ 1781 годъ можно считать моментомъ образованія на общихъ началахъ купечества и мѣщанства, такъ 1785 г. былъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи Харьковскаго дворянства.

Изъ указанія одного тогдашняго источника [3]) мы узнаемъ, что въ Слободскоукраинской губерніи была учреждена Дворянская коммиссія, которая должна была разсматривать доказательства разныхъ лицъ, добивавшихся дворянства, и что она въ 1785—1787 гг. еще не окончила своей работы. И дѣйствительно: „Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества“ не указываетъ дворянъ въ Харьковѣ, но мѣстныхъ дворянъ мы находимъ уже въ перечнѣ населенія Харькова за 1794 годъ [4]) (быть можетъ, конечно, они были тамъ уже и нѣсколько ранѣе).

Разсмотрѣвъ образованіе новыхъ сословныхъ группъ въ Харьковѣ во 2-ю половину XVIII вѣка, сообщимъ теперь собранныя нами статистическія данныя объ ихъ численномъ составѣ.

Въ 1767 году въ Харьковѣ было войсковыхъ обывателей 3426 душъ мужскаго пола [5]); въ 1773 году въ Харьковѣ было 10149 душъ обоего пола, въ томъ числѣ служащихъ воинскихъ чиновъ 511 (352 мужескаго и 159 женскаго пола), отставныхъ военныхъ чиновъ 162 (95 муж. и 67 женскаго) статскихъ чиновниковъ 198 (104 муж. и 94 жен.), бывшей козацкой старшины—64 (31 муж. и 33 жен.), духовныхъ—215 (95 муж. и 120 жен.), иностранцевъ—100 (49 муж. и 51 жен.), войсковыхъ казенныхъ обывателей, состоящихъ въ подушномъ окладѣ,—7354 (3702 м. и 3652 жен.), однодворцевъ и другихъ великороссійскихъ обывателей 162 (94 муж. и 68 жен.), торгующихъ и живущихъ здѣсь великорусскихъ купцовъ—213 (105 муж. и 108 жен.), владѣльческихъ подданныхъ малороссіянъ—1084 (575 муж. и 509 жен.), цыганъ, состоящихъ въ окладѣ 76 (46 муж. и 30 жен.), всего мужескаго пола 5258 и женскаго—4891 [6]).

Въ 1780 году въ Харьковѣ было 4524 души жителей (мужескаго пола), въ томъ числѣ дворянъ 15 чел. (изъ великорусскаго родоваго дворянства), духовныхъ 83, великорусскаго купечества 10, мѣщанъ изъ войсковыхъ обывателей, занимавшихся торговлею—1209, войсковыхъ обывателей, занимавшихся земледѣліемъ 2634, владѣльческихъ подданныхъ, занимавшихся земледѣліемъ 503, владѣльческихъ подданныхъ, занимавшихся разными промыслами—70 [7]).

По свѣдѣніямъ неизданнаго „Топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества 1785 г.“ въ Харьковѣ тогда было по ревизіи 10885 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 5480 муж.

---

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы I, стр. 328—341.

[2]) Д. И. Багалѣя. Украинская старина, I, X. 1896, стр. 49.

[3]) Топ. опис. Харьков. Нам. Х. 1888, стр. 79.

[4]) Изъ Архива Харьк. Город. Думы.

[5]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, II, 236.

[6]) Ibidem, стр. 319.

[7]) Дѣло объ опис. Слоб. Украин. губ. 1780 г. № 174.

и 5405 жен. Въ составъ его населенія входили главнымъ образомъ малороссіяне, а отчасти великороссіяне, записавшіеся въ купечество, лютеране, католики и евреи; священно и церковно служителей было 40 и у нихъ 30 душъ дѣтей мужескаго пола [1]). По даннымъ „Топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества 1787 года, въ Харьковѣ было жителей разнаго званія 10512 душъ [2]).

По даннымъ топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества, изд. въ 1788 году, было въ Харьковѣ 10743 души обоего пола, (5338 муж. и 5405 жен. пола); сюда входило духовенство, купцы, мѣщане, цеховые, отставные нижніе чины, иностранцы, войсковые казенные обыватели, однодворцы, владѣльческіе подданные малороссіяне, помѣщичьи крестьяне (великороссы), цыгане и нищіе.

Кромѣ мѣстныхъ уроженцевъ проживали здѣсь чины, находившіеся въ воинской и статской службѣ, также иностранные и иныхъ городовъ великорусскіе купцы въ достаточномъ количествѣ, равно и захожіе мастеровые—столяры, плотники, каменщики, кирпичники, харчевники и наемные рабочіе; къ этому нужно присоединить до 1000 учителей и учениковъ обоихъ Харьковскихъ училищъ [3]).

По ревизіи 1783 года въ г. Харьковѣ за помѣщиками состояло 94 души крѣпостныхъ крестьянъ (великорусскаго происхожденія), а именно: за кол. ас. Евс. Смирницкимъ 12, подполковницей Тевяшовой 9, кол. рег. Каракулинымъ 8, сек. м. В. Норовымъ и губ. стряпчимъ Евст. Барабашевымъ—по 7, пор. Ив. Павловымъ и Өед. Грековымъ по 5, об. келлермейстершей Скриповой, кол. ас. Портнягинымъ. прем. м. Писаржевскимъ, регистр. Б. Лопатинскимъ, поруч. Анадольскимъ, землемѣромъ Д. Вельсовскимъ, поруч. Ивковымъ по 3, поруч. П. Ярославскимъ, Т. Дупиной, секр. Ив. Шишкинымъ, прап. Бѣлашовымъ и регистраторомъ Сурядновымъ по 2, подпоручикомъ Ив. Фесенко, поруч. Н. Ольшанскимъ, кол. рег. Шафоростовымъ, секр. Дибловскимъ, старшинскимъ сыномъ Я. Гуковскимъ, дочерью бывш. сотника Ковалева, по мужу Молчановой, секр. Енохинымъ, женою нѣмца Дорша, пор. Ильею Черкесомъ, М. Распоповымъ по 1 [4]).

Въ 1794 г. населеніе г. Харькова по сословіямъ распадалось на слѣдующія семь группъ: 1) дворянъ—64 семейства, 2) мѣщанъ—275 сем., 3) казенныхъ обывателей—744 сем., 4) купцовъ—136 сем., 5) духовныхъ—36 сем., 6) подданныхъ малороссіянъ—26, 7) не принадлежащихъ къ перечисленнымъ группамъ—320 сем., всего же 1792 сем. [5]). Въ 1799 году купцовъ было 166 сем. (1-й гильдіи 2, 2-й 5, 3-й 159), мѣщанъ 161 сем., цеховыхъ въ 1798 г.—566 душъ [6]).

Изъ этой вѣдомости видно, что въ самомъ концѣ XVIII в. наиболѣе многочисленную группу харьковскаго населенія составляли все таки казенные, т. е. войсковые обыватели, за ними идутъ мѣщане, потомъ купцы, дворяне, духовные и владѣльческіе подданные. Цеховые не перечислены, но они были: быть можетъ они находились въ послѣдней категоріи лицъ, не

---

[1]) Военноученый архивъ главнаго штаба, отд. 5, шк. 37 № 468.

[2]) Атласъ Харьков. Намѣст. съ топограф. описс. Х. 1902 г., стр. 2.

[3]) Топог. опис. Харьк. Нам. 1888, стр. 59. Харьковскіе хлѣбники, сбитенщики и харчевники жаловались въ 1787 году Чернову, что жили они по паспортамъ въ Харьковѣ для своего промысла и съ уплатою казеннаго оклада, нанимая дома и мѣста, удобныя для этого, а нынѣ городовой магистратъ требуетъ съ нихъ невѣдомо почему по 25 руб. за прожитое время и велѣлъ взять подъ караулъ въ полицію ихъ товарищей, не могущихъ уплачивать этой суммы, а у нихъ и торгу на такую сумму нѣтъ.

[4]) Д. П. Миллера. Архивы Харьк. губ. Х. 1902, стр. 178—179.

[5]) Изъ Архива Харьк. Гор. Думы.

[6]) По цехамъ они распадались такъ: кузнецовъ было 81, сапожниковъ 216, бондарей 6, картузниковъ 11, гончаровъ 43, ткачей 25, портныхъ 67, стекольщиковъ 26, музыкантовъ 6, шорниковъ 17, скорняковъ 45, мясниковъ 23. (Х. Г. В. 1878, № 14).

принадлежавшихъ къ перечисленнымъ выше сословіямъ: въ „Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества 1788 г.“ о нихъ говорится, что въ Харьковѣ „всякаго званія ремесленные люди имѣютъ съ начала поселенія распредѣленные цехи. Въ цеховыхъ правленіяхъ вѣдомы бываютъ дѣла и расправы, касающіяся мастерства записанныхъ въ цехъ ремесленниковъ и челядинцевъ“ [1]).

По сравненію съ болѣе ранними свѣдѣніями увеличилось число купцовъ, появилась или, точнѣе говоря, увеличилась въ числѣ группа дворянъ и сильно уменьшилось число владѣльческихъ подданныхъ, по всей вѣроятности, перешедшихъ въ другія группы или переставшихъ числиться по Харькову.

Вообще превалирующее значеніе въ жизни города теперь пріобрѣло купечество, чиновничество и дворянство. Изъ инородцевъ упоминаются цыгане, но были еще и евреи.

Евреи поселились въ Харьковѣ давно, вѣроятно, въ началѣ XVIII вѣка; о давнемъ поселеніи ихъ свидѣтельствуетъ документъ конца XVIII-го вѣка. Они составляли здѣсь особую общину, которая пользовалась извѣстною долею самоуправленія и по обыкновенію представляла изъ себя тѣсно сплоченную въ религіозно-національномъ и экономическомъ отношеніи группу. Можно предполагать, что они перешли сюда изъ сосѣдней Малороссіи, гдѣ издавна играли выдающуюся роль въ торгово-промышленномъ быту населенія, въ особенности городскаго. Въ первоначальный моментъ исторіи Слободской Украйны въ XVII в., когда на первомъ планѣ стояли военные интересы, евреи не имѣли побужденій переселяться въ эти опасныя мѣста. Но въ XVIII в. обстоятельства измѣнились: край этотъ перешелъ на болѣе мирное положеніе; гг. Харьковъ и Сумы стали пріобрѣтать значеніе важныхъ ярмарочныхъ центровъ; на ихъ ярмарки стали стекаться торговцы отовсюду, (въ томъ числѣ и изъ Малороссіи); являлись, конечно, и евреи, часть которыхъ поселилась здѣсь на постоянное жительство, а къ нимъ часто наѣзжали ихъ соплеменники, которые потомъ переѣзжали изъ харьковскихъ ярмарокъ на другія болѣе мелкія, а такъ какъ этихъ послѣднихъ было много, то выходило такъ, что они все время держались въ Харьковской губ. и центромъ для нихъ служилъ Харьковъ, въ которомъ они и осаживались. Постоянное пребываніе однихъ, частые наѣзды другихъ евреевъ и привели къ созданію мѣстныхъ еврейскихъ учрежденій въ Харьковѣ. До 1788 г. у евреевъ не было постояннаго раввина; его обязанности по части судейской исполнялъ нѣкій Харьковскій еврей Моисей Александровичъ. Но въ 1788 г. иностранные евреи, пребывавшіе въ Харьковскомъ намѣстничествѣ, подали Намѣстнику Ив. Дм. Пашкову прошеніе, въ которомъ просили утвердить у нихъ судью для разбирательства дѣлъ на основаніи еврейскаго закона Екатеринославскаго рабина Израиля Больховича. Пашковъ предписалъ бывшему Харьковскому городничему Ал. Звѣреву удостовѣриться, желаетъ ли еврейское общество этого назначенія и хочетъ ли его принять кандидатъ. Но въ то время какъ рѣшался этотъ вопросъ, произошло нѣчто для еврейскаго міра неожиданное: нѣкоторые харьковскіе евреи, во главѣ съ какимъ то Ицкомъ, отказались признавать власть Александровича и предпочли, чтобы ихъ судили по русскимъ законамъ. Самъ Александровичъ объяснялъ впрочемъ это обстоятельство желаніемъ ихъ найти проволочку для своего неправаго дѣла и заявлялъ, что и русскій судъ осудилъ бы ихъ и потому просилъ, ради избавленія русскихъ присутственныхъ мѣстъ отъ излишняго затрудненія, позволить ему разбирать всѣ дѣла (кромѣ уголовныхъ) со старѣйшими евреями [2]). Нужно думать, что Александровичъ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе со стороны единоплеменниковъ, если эти послѣдніе рѣшили предпочесть русскій судъ своему родному еврейскому.

---

[1]) Топ. опис. Х. 1888, стр. 58—59.

[2]) Изъ Архива Харьк. Гор. Думы.

Намъ уже приходилось отмѣчать тотъ фактъ, что въ Харьковѣ первоначально не было рѣзко обозначеннаго торговаго класса: торговлею занимались здѣсь, можно сказать, представители всѣхъ сословій. Екатерининскія учрежденія однако вводили и въ населеніе г. Харькова строгое разграниченіе сословій и спеціализацію промышленно-торговыхъ занятій. Уплачивая городскія повинности и неся налоги спеціально за право торга, купечество претендовало и на исключительную торговую привиллегію. Примирившись съ тѣмъ, что въ торговлѣ принимали участіе харьковскіе же мѣщане и цеховые, гильдейскіе купцы ревниво охраняли себя отъ конкуренціи съ иногороднимъ купечествомъ. Борьба на этой почвѣ велась также между харьковскими и уѣздными обывателями, между коренными жителями и пріѣзжавшими въ Харьковъ для торговли евреями и лицами, провозившими тайно на продажу водку, между промышленно-торговымъ классомъ и привиллегированными сословіями.

Представимъ нѣсколько примѣровъ этой борьбы.

Въ 1790 и 1795 годахъ Харьковскіе купцы и мѣщане—М. Бутенко, И. П. и Г. Косолаповы, Емельянъ Сѣриковъ, С. Гринченко, Я. Деревянко, М. Леоновъ съ товарищами подали въ Городскую Думу жалобу, въ которой писали: „по свойству своего званія и мѣстожительству въ Харьковѣ, мы отбываемъ всякія городскія службы и тягости и для прокормленія своего ведемъ торгъ рыбою. Нынѣ же разныя постороннія лица, закупая оптомъ въ Донскихъ станицахъ и на Волгѣ рыбу, привозятъ ее въ Харьковъ и торгуютъ ею въ розницу, чѣмъ причиняютъ намъ обиду и подрывъ нашей торговлѣ. Вслѣдствіе этого мы, основываясь на 37 пунктѣ Магистратской инструкціи и 11, 16 и 167 статьяхъ I-го отдѣленія Городоваго положенія, просимъ запретить имъ таковую розничную продажу [1]). Жаловались они на мѣстныхъ казенныхъ обывателей, иногороднихъ разночинцевъ и помѣщичьихъ подданныхъ, не записанныхъ ни въ купечество, ни въ мѣщанство. Конкуррентами харьковскихъ торговцевъ, по всей вѣроятности, были здѣсь изъ обывателей и чумаки, которые спеціально занимались покупкою рыбы и соли на Дону. Дума предлагала или вовсе воспретить имъ торговлю, какъ лицамъ, не записаннымъ въ купечество и мѣщанство, или обложить ихъ особымъ сборомъ въ пользу города. Вести такую торговлю иногороднимъ было бы удобно между прочимъ и потому, что они безпрепятственно являлись на ярмарки и, слѣдовательно, могли оставаться на этихъ послѣднихъ и дольше опредѣленнаго на нихъ времени, тѣмъ болѣе что сроки ярмарочной торговли не были точно указаны закономъ, а опредѣлялись повидимому только обычаемъ". Это обстоятельство побудило даже Харьковскую Городскую Думу въ 1787 году войти съ рапортомъ въ Губернскій Магистратъ о точномъ опредѣленіи этихъ сроковъ, потому что отъ этого происходитъ безпорядокъ и подрывъ мѣстнымъ купцамъ и промышленникамъ. Губернскій Магистратъ, согласно предложенію Думы, назначилъ для всѣхъ четырехъ ярмарокъ 12-ти дневный срокъ и 3 дня на „подторжье" и это рѣшеніе было утверждено Намѣстническимъ Правленіемъ. Объ этомъ распоряженіи велѣно было сдѣлать своевременную публикацію.

Стремленіе харьковскихъ коренныхъ купцовъ и мѣщанъ взять исключительно въ свои руки мѣстную торговлю и промыслы встрѣтило въ 1793 г. нѣкоторую оппозицію со стороны Намѣстническаго Правленія, которое дѣйствовало здѣсь во имя болѣе широкихъ общихъ интересовъ. Исходя изъ того положенія, что мѣстное харьковское купечество, посадскіе и цеховые не умѣли еще дѣлать сальныхъ свѣчей, пряниковъ, печь французскій хлѣбъ, варить сбитня, содержать харчевень, а занимались этимъ иногородніе,—оно рѣшило не высылать ихъ изъ Харькова, а оставить въ городѣ до тѣхъ поръ, пока всему этому не обучатся мѣстные торговцы и промышленники, обложивъ только ихъ дома особымъ сборомъ въ пользу города, чтобы

[1]) Изъ Архива Харьковской Городской Думы.

мѣстные жители, и особенно пріѣзжіе не нуждались во всемъ этомъ. За прошлые годы со всѣхъ ихъ велѣно было взыскать 575 руб. 21 коп. Городская Дума должна была составить списокъ всѣхъ такихъ лицъ и обложить ихъ налогами сообразно съ ихъ торговлей. Распоряженіе это было, конечно, не по душѣ купцамъ и мѣщанамъ и они въ 1796 году вошли въ Городскую Думу съ ходатайствомъ, въ которомъ писали: въ Харьковѣ умножилось число экономическихъ и господскихъ крестьянъ и другихъ разночинцевъ, которые, не записываясь ни въ купечество, ни въ мѣщанство, пользуются правами торговли и промысловъ. Между тѣмъ они сами безъ нихъ могутъ доставить горожанамъ все необходимое даже съ избыткомъ, такъ какъ и прежде ихъ было много, а въ настоящее время по послѣдней ревизіи число ихъ еще болѣе возросло и они освоились даже съ тѣми промыслами, кои были предоставлены иногороднимъ до ихъ выучки. На этомъ основаніи они ходатайствовали о запрещеніи даннымъ лицамъ торговли. Ходатайство было подписано купцами и мѣщанами Анд. Аникѣевымъ, М. Ларіоновымъ и Аб. Бакуменкомъ съ товарищами. Городская Дума постановила передать этотъ вопросъ на рѣшеніе Харьковскаго Намѣстническаго Правленія. Нужно думать, что это послѣднее отказало ей въ ходатайствѣ, потому что въ 1799 году харьковскіе купцы и мѣщане снова обратились съ такимъ же ходатайствомъ въ Думу. Довѣренность на это ходатайство они выдали купцу Гр. Каменеву, отъ имени котораго оно и было представлено, при чемъ вмѣсто его неграмотнаго росписался харьковскій же купецъ С. Сыромятниковъ.

Жаловалась Городская Дума, на основаніи полученныхъ ею свѣдѣній, на скупщиковъ, пріѣзжавшихъ изъ разныхъ губерній и закупавшихъ оптомъ какъ въ самомъ Харьковѣ, такъ и въ окрестныхъ селеніяхъ, фруктовые сады еще въ цвѣту и вывозившихъ въ большомъ количествѣ груши и яблоки въ свѣжемъ или засушенномъ видѣ (для этой цѣли они устраивали особыя сушильни). Кромѣ того, они же закупали здѣсь оптомъ пчелъ по пасѣкамъ, медъ и воскъ, чѣмъ причиняли обиду мѣстнымъ торговцамъ. Большая часть этихъ скупщиковъ принадлежала къ сословію помѣщичьихъ крестьянъ, между тѣмъ не только посадскіе, но и купцы 3-й гильдіи не имѣли права ѣздить для торговли въ другія губерніи и даже округи. А если бы такая скупля была запрещена, то цѣна на эти произведенія въ городѣ сдѣлалась бы болѣе умѣренною, ибо сами поселяне начали бы тогда привозить ихъ въ Харьковъ или же этимъ занялись бы харьковскіе жители. Ходатайство это передъ Харьковскимъ Намѣстническимъ Правленіемъ было возбуждено въ 1793 г., но какія оно имѣло послѣдствія, неизвѣстно [1]). Съ другой стороны казенные обыватели Захарьковской пригородней слободы, во главѣ со своимъ волостнымъ головою, подали жалобу въ 1800 г. Губернскому Прокурору Чайковскому на харьковскихъ мясниковъ и рыботорговцевъ, что они въ базарные дни не позволяютъ имъ вести мелочной торгъ мясомъ и рыбой, а требуютъ отъ нихъ оптовой продажи. На основаніи этого заявленія отъ Думы затребовано было объясненіе—и она отвѣтила, что такъ какъ заявленіе губернскаго прокурора основано исключительно на показаніи обывателей Захарьковской слободы и не содержитъ въ себѣ именъ мясниковъ, препятствовавшихъ ихъ торговлѣ, то и отвѣтственности подвергать некого; а если впредь встрѣтятся подобные случаи, то Дума будетъ поступать на основаніи законовъ. Столь самостоятельный отвѣтъ Дума дала въ бытность городскимъ головою знаменитаго Егора Урюпина [2]).

Приходилось вести борьбу харьковскимъ обывателямъ и съ лицами, привозившими тайно въ городъ свою горѣлку. Городъ Харьковъ уплачивалъ сумму въ 4000 руб. таможенныхъ сборовъ за горѣлку—по 20 коп. съ каждаго ведра. Для того-же чтобы не привозилось извнѣ безпошлинной водки, вокругъ всего города были учреждены караулы. Но на эти караулы рѣдко

[1]) Изъ Архива Харьк. Гор. Думы.
[2]) Ibidem.

окрестные жители привозили свое вино, а для того чтобы не оплачивать его пошлиной, провозили его по проселочнымъ дорогамъ, гдѣ не было карауловъ и перекопаныхъ рвовъ. Вслѣдствіе этого за 4 мѣсяца было собрано только 695 руб. вмѣсто 1333 руб. На это обстоятельство указывали въ 1787 году сборщики винной откупной суммы—Долгополовъ и Хильченко Городской Думѣ, а та просила Магистратъ перекопать и тѣ харьковскія пограничныя улицы, гдѣ не было карауловъ [1]).

Приходилось вести борьбу на экономической почвѣ и съ евреями. Харьковскіе купцы въ 1801 году вошли въ Городскую Думу съ такимъ заявленіемъ. Извѣстно имъ, что въ Харьковѣ съ давнихъ временъ живутъ евреи, занимающіеся купеческими и мѣщанскими промыслами; другіе-же пріѣзжаютъ къ нимъ и во время ярмарокъ и безъ нихъ, торгуя и промышляя не только въ Харьковѣ, но и въ другихъ городахъ здѣшней губерніи, причиняя этимъ подрывъ мѣстнымъ обывателямъ, несущимъ и личныя и денежныя повинности въ пользу городовъ. Между тѣмъ по именному Высочайшему Указу 1794 года іюня 23 евреямъ разрѣшено было записываться въ купечество и мѣщанство только въ Минской, Брацлавской, Изяславской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Екатеринославской и Таврической губ., о Харьковской-же ничего не сказано. Въ виду этого они ходатайствовали о запрещеніи торговъ и промысловъ въ Харьковѣ какъ евреямъ, такъ равно и господскимъ крестьянамъ; ибо по 358 пункту 15-й главы Наказа о составленіи Новаго уложенія, эти послѣдніе должны жить въ селахъ и деревняхъ, обрабатывать землю и произведеніями ея питать всякаго званія людей—это и есть ихъ жребій. Городская Дума согласилась съ этими доводами и вошла съ ходатайствомъ къ тогдашнему губернатору Зильбергарнищу и въ Слободско-украинское Губернское правленіе о воспрещеніи въ Харьковѣ торговли евреямъ, помѣщичьимъ крестьянамъ, казеннымъ обывателямъ и разночинцамъ, не имѣющимъ права вести ее по жалованной городамъ грамотѣ. Подписано было это рѣшеніе Думы городскимъ Головою Е. Урюпинымъ и гласными Гр. Яковенко и П. Бѣляевымъ [2]).

Лица привиллегированнаго состоянія также выступали нерѣдко конкурентами харьковскихъ купцовъ и промышленниковъ, потому что владѣли лавками и амбарами. Между тѣмъ по Указу 3 мая 1783 года рекомендовалось Генералъ-Губернатору пріобрѣсти въ пользу городовъ покупкою или обмѣномъ земли, состоявшія въ городахъ за дворянами и чиновниками, „дабы тѣмъ прямые города очистить отъ всего имъ несвойственнаго“. По жалованной городамъ грамотѣ, купечеству и мѣщанамъ предоставлено было право строить для продажи товаровъ гостинный дворъ или же имѣть лавки и амбары въ своихъ домахъ; а кто не будетъ вписанъ въ городскую обывательскую книгу, тотъ не долженъ пользоваться и городскими выгодами, между тѣмъ, вопреки этому, въ Харьковѣ, въ гостинномъ ряду имѣютъ свои каменныя лавки съ погребами дворяне, церкви и духовенство, что мѣшаетъ купечеству пріобрѣтать ихъ покупкою и расширять свою торговлю. Въ виду этого Дума въ 1800 году постановила, по иниціативѣ Городскаго Головы Е. Урюпина, ходатайствовать передъ Губернскимъ Правленіемъ, чтобы въ извѣстный срокъ дворяне и чиновники продали свои лавки и не нарушали интересовъ купечества и мѣщанства [3]).

Наконецъ, борьба между городскимъ и уѣзднымъ населеніемъ урегулирована была Генер. Губернаторомъ Чертковымъ. Въ 1787 году онъ предписалъ Харьковскому Городничему кол. ас. Сонцову не препятствовать уѣзднымъ обывателямъ привозить свои товары на продажу въ Харьковъ. Въ своемъ приказѣ онъ писалъ. До моего свѣдѣнія дошло, что харьковскіе купцы

[1]) Изъ Архива Харьк. Город. Думы.
[2]) Изъ Архива Харьк. Город. Думы.
[3]) Изъ Архива Харьк. Гор. Думы.

и мѣщане препятствуютъ поселянамъ продавать въ Харьковѣ привозимые ими изъ деревень продукты, заявляя свое исключительное право на оптовую покупку ихъ; если же поселяне не соглашаются на это, заставляютъ возвращаться ни съ чѣмъ назадъ. Между тѣмъ таможенный уставъ разрѣшаетъ поселянамъ продавать обывателямъ до полудня на рынкахъ хлѣбъ, живность, рыбу, капусту, скотъ, сѣно, дрова, а лавочникамъ и перекупщикамъ запрещаетъ выѣзжать на дороги и перекупать ихъ или по взаимному уговору повышать цѣны; послѣ же полудня могли покупать уже и скупщики, чтобы пріѣзжимъ излишнято постоя не было. За неисполненіе этого требованія назначался штрафъ и наказаніе, а охранять поселянъ должны были губернаторы, полиціймейстеры, магистраты и ратуши. 24-я статья городоваго положенія разрѣшала свободный доступъ поселянамъ съ ихъ продуктами и покупку городскихъ товаровъ въ здоровое время даже безъ записи ихъ паспортовъ [1]).

Нѣкоторыя лица, не записанныя въ гильдію, вели тѣмъ не менѣе открыто торговлю въ Харьковѣ. Такъ въ 1789 году рядскій староста М. Лепеховъ доносилъ Думѣ, что въ гостинномъ ряду производили торговлю красными товарами Сер. Александровъ и П. Егоровъ, не записанные въ Харьковѣ ни въ какое званіе [2]).

И такъ, въ козацкій періодъ своей исторіи Харьковъ, по составу своего населенія, мало чѣмъ отличался отъ окружавшихъ его слободъ. Единственнымъ городскимъ сословіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова были тогда цеховые, но они проживали не въ однихъ городахъ, а и въ деревняхъ. Въ „Топографическомъ описаніи“ прямо говорится, что цехи были и въ многолюдныхъ селеніяхъ [3]). Созданіе дворянства, чиновничества, купечества и мѣщанства относится ко 2-й половинѣ XVIII вѣка и является результатомъ введенія здѣсь общегубернскихъ учрежденій и связанныхъ съ ними сословныхъ установленій.

---

[1]) Изъ Архива Харьк. Губ. Правленія.

[2]) Изъ Архива Харьк. Гор. Думы.

[3]) Топ. опис. Харьков. Нам. Х. 1888, стр. 58.

Глава 4-я.

Харьковъ, какъ административный центръ.

Важно и интересно прослѣдить судьбу Харькова, какъ административнаго центра, ибо этимъ въ значительной степени объясняется его ростъ и нынѣшнее значеніе. Въ самый первый моментъ своего существованія онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ Слободской Украйны, но очень скоро превратился въ козацкій полковой городъ, т. е. сдѣлался извѣстнымъ административнымъ центромъ небольшаго географическаго района—Харьковскаго Слободскаго козачьяго полка и такое значеніе сохранялъ за собою почти въ теченіе цѣлаго столѣтія, до 2-й половины XVIII в., когда превратился въ губернскій городъ, т. е. сдѣлался административнымъ центромъ цѣлой губерніи. Мало того: въ это время, иногда, онъ являлся мѣстопребываніемъ генералъ-губернаторовъ, власть которыхъ распространялась на нѣсколько губерній.

Разсмотримъ эти послѣдовательныя фазы его административной роли въ связи съ дѣятельностью самихъ представителей этой администраціи, при чемъ, конечно, намъ придется остановиться только на болѣе выдающихся личностяхъ, дѣянія которыхъ оставили слѣдъ въ жизни, а также печатныхъ и архивныхъ матеріалахъ.

Значеніе полковаго города Харьковъ пріобрѣлъ не сразу—первоначально онъ былъ только уѣзднымъ т. е. укрѣпленнымъ пунктомъ, крѣпостью, среди окружавшихъ его слободъ, деревень и хуторовъ. Впрочемъ и уѣзднымъ центромъ онъ сдѣлался не сразу, а спустя нѣкоторое время послѣ устройства въ немъ крѣпости. Въ немъ почти одновременно установились двѣ параллельныя администраціи—одна козацкая, малороссійская, другая—воеводская, великорусская. Первая однако всетаки предшествовала второй, какъ это видно изъ древнѣйшаго документа г. Харькова—отписки воеводы Селифонтова 1657 г. Онъ былъ назначенъ Харьковскимъ воеводою въ 1656 году, а новоприхожіе малороссіяне къ этому времени успѣли уже построить дворы и даже крѣпость по своему малороссійскому образцу, очевидно, подъ руководствомъ „своихъ начальныхъ людей“, съ которыми долженъ былъ совѣтываться, по наказу изъ разряда, и самъ воевода. И такъ, у черкасъ существовали „начальные люди“, т. е. выборные представители власти уже въ самый моментъ основанія Харькова. Мало того: мы знаемъ, что они пришли подъ предводительствомъ своего „осадчаго“ или предводителя Ивана Каркача, а въ 1655 г. имѣли уже особаго атамана, стоявшаго во главѣ сотниковъ, но полковникомъ еще не называвшагося. Малороссійскіе переселенцы на новыхъ мѣстахъ жительства удерживали свои „черкаскія обыкности“, а главной изъ нихъ являлся козацкій строй, господствовавшій у нихъ въ Заднѣпровьѣ. Тамъ его стѣсняло польское правительство, а здѣсь никто ему не мѣшалъ: московское правительство, принявшее въ это время, въ 1654 г., подъ свою протекцію Малороссію и предоставившее ей полную внутреннюю автономію и козацкое устройство, до центральной гетманской власти включительно, не могло задумываться надъ предоставленіемъ слобожанамъ менѣе значительной автономіи и въ особенности военно-козацкой организаціи, которая была необходима въ интересахъ обороны края; благодаря этой организаціи, харьковскіе чер-

касы устроили крѣпость и приняли на себя обязанность защищать и ее, и сосѣднюю территоріи отъ татарскихъ нападеній.

Въ чемъ же состояла эта козацкая организація управленія?

Всѣ новоприхожіе городовые харьковскіе черкасы дѣлились на сотни, во главѣ коихъ стояли сотники, сотни на десятки съ десятниками во главѣ ихъ, а во главѣ всѣхъ ихъ стоялъ атаманъ. Такимъ атаманомъ въ 1655 г. былъ Кривошлыкъ. На первыхъ порахъ у Харьковскихъ козаковъ не было полковника: о немъ не упоминается и въ древнѣйшихъ документахъ о Харьковѣ [1]). Увѣщательная грамота 1659 года по поводу измѣны Ивана Выговскаго была также отправлена просто въ Харьковъ „къ нашимъ Великаго Государя служилымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ, именно черкасамъ“, а не на имя Харьковскаго полковника, котораго, слѣдовательно, и тогда еще не было [2]).

Малороссія сдѣлалась ареною смутъ, поднятыхъ гетманомъ Брюховецкимъ; движеніе распространилось и на Слободскую Украйну, тѣмъ болѣе что къ нему примкнулъ и кошевой атаманъ Запорожскихъ козаковъ знаменитый Иванъ Сѣрко, семья котораго проживала на территоріи Харьковскаго полка подлѣ Мерефы, повидимому въ основанной имъ сел. Артемовкѣ [3]). По воспоминаніямъ старожиловъ и свидѣтельству Орновскаго, Сѣрко былъ Харьковскимъ полковникомъ [4]). И старожилы, и Орновскій категорически называютъ Ивана Сѣрка Харьковскимъ полковникомъ. Орновскій говоритъ, что Иванъ Сѣрко былъ Харьковскимъ полковникомъ до измѣны Брюховецкаго, а Григорій Донецъ въ это время былъ Харьковскимъ сотникомъ. Быть можетъ, такъ это было и въ дѣйствительности и, слѣдовательно, первымъ Харьковскимъ полковникомъ былъ Сѣрко, а, можетъ быть, основаніемъ для этого воспоминанія послужило то обстоятельство, что власть Сѣрка въ 1668 году признали нѣкоторые города Харьковскаго полка: Цареборисовъ, Маяцкъ, Зміевъ, Валки и Мурафа [5]); въ его пользу началось движеніе и въ самомъ Харьковѣ, окончившееся убіеніемъ его противника, соблюдавшаго вѣрность Москвѣ, Харьковскаго полковника Фед. Репки. Въ Чугуевскомъ и Харьковскомъ уѣздахъ сторонники Сѣрка жгли села, деревни, хлѣбъ, умерщвляли жителей. Харьковцы первоначально, по заявленію Бѣлгородскаго воеводы кн. Ромодановскаго, „чинили промыселъ“ надъ бунтовщиками; отрядъ харьковцевъ ходилъ въ Зміевъ и забралъ пушки, оставленныя измѣнившими черкасами. Самъ Сѣрко подошелъ къ Харькову, схватилъ нѣсколькихъ Харьковцевъ, но его встрѣтили выстрѣлами изъ крѣпостныхъ орудій и онъ долженъ былъ уйти обратно [6]). Вскорѣ мятежное движеніе снова началось въ окрестностяхъ Харькова у с. Печенѣгъ; полковникъ Репка выступилъ на помощь Чугуеву и разбилъ мятежниковъ. Гетманъ Дорошенко выслалъ противъ Репки [7]) партію татаръ, а вслѣдъ за тѣмъ вспыхнулъ мятежъ въ Харьковѣ: было сдѣлано внезапное нападеніе на домъ полковника, убили Репку, сотника Ѳедорова, но большинство населенія осталось вѣрно правительству. Число возставшихъ было невелико (по показанію современнаго

---

[1]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, т. 2-й, стр. 77; Полн. Собр. Зак., т. 1-й, № 175.

[2]) В. В. Гурова. Сборникъ, стр. 469.

[3]) Д. И. Багалѣя. „Очерки“, стр. 500—501.

[4]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, т. I-й, стр. 289—290.

[5]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, т. I-й, стр. 64, 65, 67, 71—73.

[6]) Филарета. Ист. Ст. Опис. II, стр. 52; Чугуевскій воевода писалъ въ Бѣлгородъ: „марта 11 пришелъ подъ Харьковъ измѣнникъ Иванъ Сѣрко съ измѣнники черкасы, собрався со многими людьми и переходятъ р. Уды въ 2 вер. отъ Харькова“.

[7]) Фамилію полковника Репки напоминаетъ хуторъ такого же названія вблизи Вертѣевки и Ольшаной (Фил. Ист. Стат. Опис. Харьк. еп., II, стр. 56).

документа,—Ивашка Кривошлыкъ да Степка и Тарасъ—человѣкъ съ 20; но, очевидно, эта цифра значительно пріуменьшена) [1]).

Преосв. Филаретъ, знавшій только о полковничествѣ Сѣрка свидѣтельство Орновскаго, не находитъ возможнымъ признать героя Запорожья Харьковскимъ полковникомъ. Кромѣ того, ссылаясь на Чугуевскую переписку, онъ считаетъ его Зміевскимъ полковникомъ, управлявшимъ Зміевскими, Мерефянскими и Печенѣжскими черкасами, и говоритъ, что это званіе онъ получилъ послѣ января 1668 г., когда кошевымъ атаманомъ въ Запорожской сѣчи былъ избранъ слабый Иванъ Бѣлковскій. Но въ дѣйствительности, можно думать, что слободскимъ полковникомъ Сѣрко сдѣлался еще ранѣе. Сѣрко уже не былъ кошевымъ атаманомъ въ 1664 году—тогда въ Запорожьѣ былъ кошевымъ Иванъ Щербина, а онъ былъ въ Харьковѣ, откуда писалъ извѣстія царю о туркахъ и татарахъ. „Несмотря на всѣ убѣжденія со стороны кн. Рѣпнина-Оболенскаго (Бѣлгородскаго воеводы) вернуться въ Сичь и попрежнему служить царю, Сѣрко остался непреклоненъ и, если вернулся изъ Бѣлгорода, то какъ можно думать, въ Харьковъ, а не на Запорожье. Въ концѣ апрѣля 1665 года Сѣрко по прежнему отстранялся отъ запорожскихъ дѣлъ и явился (нужно думать, изъ Харькова или Зміева) къ Бѣлгородскому воеводѣ съ просьбою о дозволеніи пропустить его зачѣмъ то въ Москву. Только въ началѣ августа 1665 года Сѣрко очутился съ нѣсколькими тысячами калмыковъ въ Сѣчи и выступалъ противъ турокъ и татаръ. Кошевымъ въ это время былъ Леско Шкура, а потомъ Иванъ Жданъ или Рогъ, а еще позже Остапъ Васютенко. Въ октябрѣ 1667 года полковникъ Сѣрко съ кошевымъ Иваномъ Рогомъ сдѣлали блестящее нападеніе на Крымскіе улусы, освободивъ до 2000 русскихъ плѣнниковъ и взявъ сами въ плѣнъ до 1500 чел. Послѣ этого похода, т. е. въ концѣ 1667 года, Сѣрко снова оставилъ Сѣчь и очутился въ Слободской Украинѣ [2]). Очевидно, Сѣрко, устраняясь отъ Запорожскихъ дѣлъ, могъ въ это время заняться дѣлами, касавшимися Слободской Украины, гдѣ проживала его семья и онъ создавалъ ей поземельную собственность. Подлѣ Мерефы онъ заселилъ слободу Артемовку, которую потомъ отдалъ въ приданное за своею дочерью. Конечно, онъ и проживалъ тамъ часто—а потому, быть можетъ, и считался преимущественно какъ бы полковникомъ Мерефянскихъ, Зміевскихъ и Печенѣжскихъ черкасъ. Харьковскаго полка, какъ опредѣленной географической единицы, полагаемъ, въ то время еще не было и городъ Харьковъ также не имѣлъ значенія полковаго центра. Самое званіе полковника у Сѣрка, думаемъ мы, было скорѣе личнымъ титуломъ, вызваннымъ его высокимъ рангомъ бывшаго кошеваго и военнаго героя, лично извѣстнаго царю, отъ котораго онъ получилъ благодарственную грамоту за свой послѣдній подвигъ. И Яцко Остряинъ, основатель Чугуева, какъ извѣстно, удержалъ за собою титулъ гетмана, хотя въ Слободской Украйнѣ этого званія ни раньше, ни позже никогда не было. Извѣстіе о полковничествѣ въ Харьковѣ Фед. Репки не противорѣчитъ сказанному, ибо неизвѣстно, съ какого времени онъ занималъ въ Харьковѣ эту должность—быть можетъ, онъ былъ избранъ тамъ полковникомъ уже тогда, когда Сѣрко поднялъ знамя возстанія противъ московскихъ воеводъ. Возможно, что одновременно въ Харьковѣ занималъ полковничій урядъ Репко, а въ Зміевѣ, Мерефѣ и Печенѣгахъ -Сѣрко, подобно тому, какъ и впослѣдствіи въ Харьковскомъ полку до 1677 года было два полковника: одинъ въ Харьковѣ—Григорій Донецъ, а другой въ Балаклеѣ—Яковъ Черниговецъ, вѣдавшій особымъ Балаклейскимъ полкомъ, вошедшимъ потомъ въ составъ Харьковскаго [3]). Заслуживаетъ также вниманіе то обстоятельство, что въ челобитной харьковскихъ полчанъ 1707 года о Репкѣ не говорится ни слова и первымъ полковникомъ Харьковскаго полка называется Григорій До-

[1]) Филарета Ист. Ст. Опис., II, стр. 53.

[2]) Д. И. Эварницкаго. Ист. Зап. козаковъ, т. 2-й, С.-Пб., 1895, стр. 358, 359, 364, 371—372, 392—393.

[3]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы", I, стр. 180.

нецъ; такую же справку далъ и разрядъ [1]). Такимъ образомъ, и Репка могъ имѣть только титулъ Харьковскаго полковника, но не быть еще полковникомъ Харьковскаго полка или во всякомъ случаѣ владѣть одною частью его территоріи (сѣверной), а другая (южная) могла принадлежать Сѣрку. При такомъ предположеніи будетъ понятно, почему Сѣрка поддержали перечисленные выше южные города (они и раньше признавали его власть), а Харьковъ отказалъ въ этой поддержкѣ. Любопытно, что въ Мерефѣ,—резиденціи Сѣрка, повидимому, не было воеводы [2]); можетъ быть, поэтому онъ и предпочиталъ ее Харькову, ибо и свою измѣну царю объяснялъ потомъ желаніемъ, чтобы въ украинскихъ городахъ не было воеводъ, „а вмѣсто нихъ, по старому украинскому обычаю, поставлены были полковники, сотники и войты [3]). Въ Харьковѣ же воеводы постоянно имѣли большую власть, а претендовали на еще большую. Быть можетъ, не безъ вліянія Харьковскаго воеводы произошла замѣна перваго Харьковскаго атамана Ивана Кривошлыка полковникомъ Репкой. Въ 1668 году этотъ самый Кривошлыкъ является во главѣ возставшихъ. Число повстанцевъ, по современному свидѣтельству, было невелико—человѣкъ 20 и во главѣ ихъ стояли Ивашка Кривошлыкъ, да Степка и Тарасъ,—но они ночью подняли бунтъ, „Харьковскаго полковника Ѳедора Репку убили до смерти, а сотника Константина Ѳедорова покололи рогатиной, а иные Харьковскіе жители заперлись въ городѣ и сидятъ въ осадѣ". Объ этомъ поспѣшилъ дать знать Чугуевскому воеводѣ Харьковскій протопопъ Захарія Филимоновъ да Чугуевскій вѣстовщикъ Ѳеоктистъ Рыбаловъ [4]). Изъ универсала Харьковскаго полковника Григорія Донца 1673 года узнаемъ, что полковникъ Ѳедоръ Репка велѣлъ разстрѣлять въ Харьковѣ Левку Жигалку—мельника и жителя с. Гавриловки за то, что онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Омельяномъ убилъ Бѣлгородскихъ дѣтей боярскихъ, шедшихъ со службы изъ подъ Валокъ (Омельянъ убѣжалъ). По всей вѣроятности, и это убійство стоитъ въ связи съ реакціей противъ воеводскаго режима [5]). Во всякомъ случаѣ изъ этого видно, что Репка былъ вѣрнымъ слугою московскаго правительства. Преемникомъ безвременно погибшаго Репки былъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ, несомнѣнный уже полковникъ Харьковскаго полка, управлявшій имъ съ 1668 по 1691-й годъ, т. е. 22 года. Въ описаніи гор. Харькова 1662—1663 г. мы находимъ въ немъ сотника Логвина Яценка и у него десятниковъ—Лукьяна Краснянскаго, Грыцька Олейника, Грыцька Ковалевскаго, Грыцька Донца и друг. [6]). Интересна личность послѣдняго: очевидно, въ немъ можно видѣть того самаго Григорія (Ерофеевича) Донца (Захаржевскаго), который былъ теперь назначенъ Харьковскимъ полковникомъ. Возвыситься же въ то время, при полномъ господствѣ выборнаго начала, десятнику до чина полковника было вполнѣ возможно. Правда фамильныя преданія выставляютъ Донцовъ Захаржевскихъ стариннымъ дворянскимъ родомъ и выводятъ ихъ изъ Польши; но можно сказать вообще, что генеалогическія притязанія рѣдко подтверждались фактическими данными. Впрочемъ если даже признать, что фамилія Захаржевскихъ дѣйствительно дворянскаго происхожденія, то это, во 1-хъ, еще не доказываетъ дворянства Донцовъ, а, во 2-хъ, обстоятельство это не опровергаетъ возможности того, что въ половинѣ XVII-го вѣка выборнымъ десятникомъ у козаковъ могло быть лицо, записанное въ Заднѣпровьѣ въ дворянскія книги: въ рядахъ козачества нерѣдко попадались лица дворянскаго происхожденія. Что именно этотъ десятникъ Грыцько Донецъ сдѣлался впослѣдствіи полковникомъ, подтверждается тѣмъ, что въ 1668 го-

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы. I, стр. 179—180.
[2]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы. I, стр. 73.
[3]) Д. И. Эварницкаго. Ист. Зап. коз. II, стр. 401.
[4]) Фил. Ист. Стат. Опис. Харьк. еп., II, стр. 55.
[5]) Ibidem, стр. 56.
[6]) Ibidem, стр. 47.

ду онъ былъ, по свидѣтельству Орновскаго [1]), уже сотникомъ Харьковскихъ черкасъ [2]). Когда и какъ былъ избранъ въ полковники Григорій Донецъ, неизвѣстно: по всей вѣроятности, еще въ 1668 году. Во всякомъ случаѣ царская похвальная жалованная грамота 5 мая 7177 года (1669 г.) уже адресована къ Харьковскому полковнику Бѣлгородскаго полка Григорію Донцу, старшинѣ его полка и поспольству. Въ ней царь вспоминалъ прежнія и нынѣшнія службы, разоренье послѣ измѣны Брюховецкаго и ихъ осадное сидѣнье и сдѣлалъ рядъ пожалованій Харьковскому полку [3]). И такъ, здѣсь впервые мы встрѣчаемъ точное указаніе на Харьковскій полкъ, выдѣленный теперь изъ Бѣлгородскаго, и на полковника этого полка, при чемъ этотъ послѣдній терминъ имѣетъ географическое значеніе; почти одновременно съ нимъ являются и другіе слободскіе полки—Ахтырскій, Сумской и Острогожскій.

Центральное правительство нашло въ лицѣ Гр. Донца вѣрнаго и преданнаго дѣятеля. Во время бунта Стеньки Разина „въ Харьковѣ въ народѣ почали быть шатости великія“ и Гр. Донецъ поспѣшилъ изъ Чугуева въ Харьковъ. Всюду получило распространеніе слѣдующее „прелестное“ письмо отъ атамана донскихъ козаковъ. „Пишетъ вамъ Степанъ Тимофеевичъ всей черни, кто хочетъ Богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу. И я выслалъ козаковъ и вамъ бы за одно измѣнниковъ выводить и мирскихъ кровопивцевъ выводить, и какъ мои козаки промыселъ станутъ чинить—и вамъ бы итить къ нимъ въ совѣтъ; и кабальные и опальные шли бы въ полкъ къ моимъ козакамъ“ [4]).

Въ 1671 году воевода Гр. Грецовъ и полк. Гр. Донецъ отправили въ Бѣлгородъ кн. Ромодановскому воровскую „прелестную“ грамоту, присланную на имя Гр. Донца изъ Зміева Донскимъ атаманомъ Григорьевымъ [5]).

Въ одной эпитафіи, составленной въ 1786 г., онъ называется „мужемъ знаменитымъ“, „въ воинствѣ, въ побожности (т. е. благочестіи) мужемъ зѣло избраннымъ“ [6]). И дѣйствительно, управленіе его оставило крупный слѣдъ въ исторіи города Харькова и всего Харьковскаго полка. Онъ неутомимо отражалъ татаръ, дѣлавшихъ внезапныя нападенія на Украйну. Такъ въ 1679 году Григорій Ерофеевичъ разбилъ татарскую орду подъ Харьковомъ и отбилъ у нея плѣнныхъ и скотъ. Въ 1680 г. сдѣлалъ нападеніе на Украйну самъ ханъ, захватившій массу плѣнныхъ и имущества; одинъ изъ его отрядовъ опустошилъ села Харьковскаго уѣзда—Деркачи, Лозовую, Липцы, Жихорь, Борщевое; всего здѣсь было убито и захвачено въ плѣнъ 215 челов., уведено 11299 штукъ скота, сожжено 11 дворовъ и 8 хуторовъ и, наконецъ, пограблено множество хлѣба въ зернѣ и копнахъ (въ дер. самого Донца погибло такимъ образомъ 1294 четверти хлѣба) [7]).

---

[1]) Bogaty Wirydarz.

[2]) Филаретъ. Ист. Стат. Оп. Харьк. еп., II, стр. 47.

[3]) Чижевскаго. Староз. земли, стр. 100—101, ср. П. С. Зак. I, № 449; изъ универсала Гр. Донца узнаемъ, что онъ сдѣлался полковникомъ по указу государя (Фил., I, стр. 72).

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг. ст., № 687.

[5]) „Отъ великаго войска Донскаго и отъ Алексѣя Григорьевича въ городъ Харьковъ полковнику Грицку и всѣмъ мѣщанамъ челобитье. Въ нын. во 179 году октября въ 15 день по указу вел. гос. царя Алексѣя Михайловича и по грамотѣ его великаго Государя вышли мы великое войско Донское съ Дону Донцомъ ему великому Государю на службу, потому что у него, великаго Государя, царевичевъ не стало отъ нихъ измѣнниковъ бояръ. И мы великое войско Донское стали за домъ Пресв. Богородицы и за его великаго Государя и за всю чернь. И вамъ бы атаманамъ молодцамъ Грицку полковнику со всѣми городовыми людьми и съ мѣщанами стать съ нами великимъ войскомъ Донскимъ за едино за домъ Пресв. Богородицы и за его великаго Государя и за всю чернь, потому чтобъ намъ всѣмъ отъ нихъ измѣнниковъ бояръ въ конецъ не погинуть (Ibidem). Сами они опасались появленія подъ Харьковомъ воровскихъ козаковъ и просили помощи у Сумскаго полковника Кондратьева и полк. Голта.

[6]) Филаретъ. Ист. Ст. Опис., I, стр. 57; о Гр. Ер. Донцѣ у Фил. II, стр. 57—63, о подвигахъ его у Орновскаго.

[7]) Д. И. Багалѣя. „Очерки“, стр. 460—461.

Г. Е. Донецъ вышелъ противъ татаръ, разбилъ ихъ и отнялъ добычу. Московское правительство высоко цѣнило воинскую службу Гр. Донца и постоянно награждало его за нее: въ 1680 году велѣно было дать ему сукна и соболей, а писарю Харьковскаго полка Дьякову сукна [1]). Дьякову въ Москвѣ отпускали достаточно корма со дворцовъ. Въ 1682 г. Гр. Донецъ отправилъ въ Москву съ разными ходатайствами полковаго есаула Ѳ. Васильева, которому отпущенъ былъ кормъ. Въ 1677 году самъ Донецъ былъ въ Москвѣ и получилъ подарки—сукно, камку и 40 соболей цѣною въ 30 р. Въ томъ же году ему посланы были подарки въ Харьковъ, а въ 1678 году отправлены новые подарки за Донскую посылку [2]). По словамъ панегириста Орновскаго, Захаржевскій громилъ враговъ въ разныхъ мѣстахъ и острая сабля его плавала въ крови поганыхъ. Въ 1687 г. онъ снова разбилъ Азовскую орду, опустошавшую селенія Харьковскаго полка [3]). Убѣдившись однако, что однихъ сраженій въ чистомъ полѣ недостаточно, Григорій Ерофеевичъ рѣшилъ оградить свой полкъ и его главный городъ Харьковъ съ юга системою непрерывныхъ валовъ, земляныхъ укрѣпленій и острожковъ. Весь этотъ валъ, засѣки и городки были построены, по чертежу воеводы Косогова, но козаками Харьковскаго полка подъ начальствомъ Григорія Донца: ни русскихъ служилыхъ людей, ни другихъ слободскихъ полчанъ на этой работѣ не было [4]). Григорій Ерофеевичъ построилъ также г. Изюмъ, вскорѣ сдѣлавшійся центромъ новаго 5-го Слободскаго Изюмскаго полка; этотъ полкъ онъ получилъ въ свое управленіе, потому что весьма энергично его заселялъ. Въ 1682 г. онъ даже переселился самъ въ Изюмъ, хотя сохранилъ за собою управленіе и Харьковскаго полка, а въ Харьковѣ въ это время былъ наказнымъ полковникомъ сынъ его Константинъ Донецъ [5]). Въ 1685 г. территорія Изюмскаго полка была выдѣлена изъ Харьковскаго [6]). Въ это время Гр. Донецъ жилъ въ Харьковѣ, а Константинъ въ Изюмѣ и въ Москвѣ хлопоталъ о дарованіи ему полковничества въ Изюмѣ. Но заботы Григорія Ерофеевича о своихъ полчанахъ не ограничивались однако военной сферой—онъ заботился и о гражданскомъ ихъ благоустройствѣ: къ его управленію относится, какъ мы уже знаемъ, цѣлый рядъ царскихъ жалованныхъ грамотъ, освобождавшихъ Харьковцевъ отъ оброковъ и предоставлявшихъ имъ безпошлинную торговлю и земельныя заимки. Московское правительство очень цѣнило Григорія Ерофеевича и наградило его чиномъ стольника [7]). Григорій Ерофеевичъ, подобно многимъ представителямъ малороссійскаго козачества, соединялъ воинскій духъ съ благочестіемъ: вмѣстѣ съ Харьковскимъ обывателемъ Логиномъ Ѳедоровичемъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ онъ построилъ недалеко отъ города Куряжскій монастырь и сдѣлалъ ему щедрые вклады [8]). Въ сторонѣ отъ эпитафіи Логина Ѳедоровича, въ Куряжскомъ монастырѣ, есть кружки съ именами благотворителей монастыря и среди нихъ находимъ перваго ктитора Авдія Ерофеевича, полковника Харьковскаго, скончавшагося 18-го іюля 1690 года [9]);

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Ст. Вѣлг., ст. № 1017.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Вѣлг. ст. № 1017.

[3]) Д. И. Багалѣя. „Очерки“, стр. 465.

[4]) Д. И. Багалѣя. „Очерки“, стр. 487.

[5]) Сохранились челобитныя и самого Григорія Донца, и урядниковъ Харьковскаго полка съ полчанами о назначеніи Харьковскимъ полковникомъ Константина Донца въ 1682 году (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Вѣлгор. стола № 1017).

[6]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, I, стр. 179—180; Чижевскаго, Старозаимочныя земли, стр. 105; въ 1685 году Конст. Донецъ со своими старшинами былъ лично въ Москвѣ, гдѣ всѣ они получили награды: сукна, камку, еще соболи и деньги (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Вѣлгор. ст., № 1031).

[7]) Записки о Слободскихъ полкахъ, 1883, стр. 23.

[8]) Филаретъ. Ист. Ст. Опис., I, стр. 53—58.

[9]) Любопытно при этомъ, что самъ онъ повидимому былъ неграмотенъ; подъ челобитной его 1682 года читается: „K sey czełoЪytnoy Alexandr Kulik Dowhomir wmisto Charkowskoho połkownyka Hrihoria Gerofiowa synâ Donca po jaho welenіu ruku prіłozył“ (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Вѣлг. ст., № 1017).

очевидно, это никто иной, какъ тотъ же Григорій Ерофеевичъ, принявшій передъ самою смертью монашество и имя Авдія [1]). Въ Харьковѣ у него былъ собственный домъ, гдѣ онъ жилъ съ сыномъ [2]).

Съ 1677 года онъ присоединилъ къ территоріи Харьковскаго полка область б. Балаклейскаго полка [3]).

Такимъ образомъ, Григорій Ерофеевичъ умеръ въ 1690 году [4]) и его преемникомъ сдѣлался сынъ его Ѳедоръ Григорьевичъ Донецъ, вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ, имѣвшимъ полковничество въ Изюмѣ и умершимъ въ слѣдующемъ году. Ѳедоръ Григорьевичъ занималъ эту должность до самой своей смерти, послѣдовавшей 28 августа 1706 года. Ѳедоръ Григорьевичъ совершилъ также не мало военныхъ подвиговъ, отражая татаръ; между прочимъ при немъ было опустошительное нашествіе татаръ въ 1691 году; въ это время татары взяли массу плѣнныхъ. Въ 1693 г. Нураддинъ султанъ съ 15000 татаръ и янычаръ опустошилъ Харьковскій полкъ, при чемъ отряды его доходили до Мерефы. Ѳедоръ Григорьевичъ напалъ на врага, разбилъ его и освободилъ много плѣнныхъ [5]). Ему съ харьковскими полчанами пришлось также участвовать въ тѣхъ войнахъ, которыя были ведены Россіей, при Петрѣ Великомъ (напримѣръ, въ Азовскихъ походахъ). А этимъ пользовались крымцы и въ 1698 году угрожали самому Харькову. И умеръ Ѳедоръ Григорьевичъ во время похода, вдали отъ родины на р. Самарѣ, но тѣло его было перевезено въ Харьковъ и погребено въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ. Одинъ изъ панегиристовъ—Орновскій—посвятилъ ему цѣлую книгу, въ которой описаны подвиги семьи Донцовъ-Захаржевскихъ и которая напечатана была въ 1705 г. въ Лаврской типографіи [6]). Подобно отцу онъ также получилъ званіе стольника [7]). При немъ и благодаря его ходатайству, состоялась важная мѣра—уничтоженіе въ Харьковѣ воеводскаго управленія. Отецъ и сынъ Донцы пріобрѣли такую популярность въ Харьковѣ, что послѣ смерти Ѳедора Григорьевича полчане подали царю челобитную, въ которой ходатайствовали объ утвержденіи харьковскимъ полковникомъ зятя Григорія Донца—Ѳедора Владиміровича Шидловскаго, занимавшаго въ то время полковничій урядъ въ Изюмѣ; и мотивировали свою просьбу тѣмъ, что послѣ Ѳедора остался только малолѣтній сынъ, который не можетъ занять этого уряда, Изюмскій же и Харьковскій полкъ находятся близко другъ отъ друга и селилъ города ихъ одинъ и тотъ же полковникъ—тесть его Григорій Донецъ, а посторонній полковникъ можетъ ихъ разорить и они принуждены будутъ отъ государевой службы отстать. Челобитная эта въ числѣ прочихъ была подписана слѣдующими Харьковскими урядниками—полковымъ обознымъ Дьяковымъ, полковымъ судьею Аѳанасьевымъ, таможеннымъ головою Глуховичемъ, ларешнымъ Ивановымъ, городовыми сотниками—Земборскимъ и Юрьевымъ, городовымъ атаманомъ Павловымъ. Государь повелѣлъ быть Харьковскимъ полковникомъ бригадиру Шидловскому [8]). Въ

[1]) Филарета. Ист. Стат Оп. Харьк. еп. I, стр. 57.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг. стола, № 1017.

[3]) „Въ прошлыхъ годѣхъ при державѣ блаж. пам. вел. гос. за Бѣлгородскою чертою отъ Крымскія и отъ Нагайскія стороны по рѣчкамъ—по Сѣверскому Донцу, и по Мжу, и по Удамъ, и по Осколу построены многіе городы и населились въ нихъ черкасы многолюдствомъ и два черкасскихъ полка—Харьковской да Булыклейскій. А со 182 (1674 г.) у тѣхъ у обоихъ полковъ служитъ черкасскій полковникъ Григорій Донецъ. А въ полку у него тамошнихъ 20-ти городовъ и слободъ полковые службы черкасъ 5055 чел. (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг. стола № 1017).

[4]) Этому не противорѣчитъ и извѣстіе документа, относящаго его смерть къ 7199 году отъ сотворенія міра; см. мои „Матеріалы“, т. I-й, стр. 180; Орновскій относитъ смерть его къ 1691 году.

[5]) Филарета. Ист. Стат. Опис. II, 63—65; Д И. Багалѣя. „Матеріалы“. I, стр. 180.

[6]) См. извлеченіе изъ этой книги въ приложеніи къ 14-й главѣ.

[7]) Записки о Слободскихъ полкахъ, стр. 23.

[8]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, I, стр. 179.

1708 году наказнымъ Харьковскимъ полковникомъ былъ назначенъ его племянникъ Лаврентій Ивановичъ Шидловскій, въ 1710 г. сдѣланный и настоящимъ полковникомъ [1]), послѣ того какъ Ѳедоръ Владиміровичъ былъ отстраненъ отъ должности и преданъ суду по обвиненію въ грабежахъ, будто бы произведенныхъ имъ въ Польшѣ. Правда по ходатайству всѣхъ полковыхъ и сотенныхъ старшинъ, онъ былъ возстановленъ въ правахъ и получилъ назначеніе въ армію съ генеральскимъ чиномъ, но конфискованныя имѣнія ему возвращены не были—они достались волохамъ, перешедшимъ въ Россію съ Кантемиромъ [2]). „На мѣсто Лаврентія Ивановича Шидловскаго, опредѣленнаго полковникомъ Изюмскаго полка, имяннымъ указомъ Петра, Харьковскимъ полковникомъ былъ пожалованъ Прокофій Васильевичъ Куликовскій, молдаванинъ шляхетскаго происхожденія, находившійся передъ этимъ въ службѣ волосскаго господаря князя Кантемира, въ чинѣ полковника. Куликовскій во время того крайне затруднительнаго положенія, въ которое попалъ Петръ (въ 1711 г.), неосмотрительно начавъ войну съ Турціею, неоднократно пріѣзжалъ къ царю отъ господаря съ секретнѣйшими бумагами. Тогда же въ бытность Петра на Прутѣ при арміи, Куликовскій со всѣмъ своимъ семействомъ, въ числѣ многихъ другихъ чиновниковъ, бывшихъ съ Кантемиромъ, принялъ русское подданство и переселился въ Россію“ [3]). Его управленіемъ были недовольны полчане, подавшіе жалобу царю и обвинявшіе его въ томъ, что онъ смѣщалъ безъ всякихъ причинъ, старшинъ, бралъ себѣ для услугъ большее число работниковъ, чѣмъ это полагалось, и безотчетно распоряжался денежными средствами полка [4]).

Е. И. Альбовскій называетъ Куликовскаго молдаваниномъ, но еще преосв. Филаретъ привелъ выдержку изъ Чугуевской переписки 1668 года, гдѣ говорится: „пріѣхалъ изъ Каменнаго въ Сумы Бѣльскій шляхтичъ Иванъ Куликовскій“; изъ нея онъ заключаетъ, что и Прокофій Васильевичъ Куликовскій былъ не волохъ, а литовскій русакъ [5]). Къ сожалѣнію, г. Альбовскій дѣлаетъ глухую ссылку на документы Военноученаго архива и мы не знаемъ, говорится ли въ нихъ о молдавскомъ происхожденіи Куликовскаго. Онъ могъ выйти даже изъ Молдавіи и не быть молдаваниномъ. Фамилія его скорѣе малороссійская или польская, чѣмъ молдавская. Акты не всегда точно обозначали народность выходцевъ и часто опредѣляли ее той территоріей, откуда они появлялись. Онъ оставался въ своей должности недолго и въ 1714 году его смѣнилъ Григорій Семеновичъ Квитка, сынъ Харьковскаго полковаго судьи Семена Аѳанасьевича Квитки [6]), остававшійся на своемъ посту повидимому до самой своей смерти въ Кіевѣ въ 1734 году [7]). Время его управленія ознаменовано бѣдственными реформами 1732 года и военными тягостями, вызывавшимися внѣшними войнами Россіи. Еще большія тягости пришлось выносить Харьковцамъ въ управленіе преемника Квитки Степана Ивановича Тевяшова, который былъ назначенъ на эту должность Государственной Военной Коллегіей и отставленъ отъ нея въ 1757 г. по ея же докладу, съ чиномъ бригадира [8]). Впрочемъ съ воцареніемъ Императрицы Елисаветы Петровны, и для Украйны настали лучшіе дни, какъ это можно видѣть

---

[1]) Филаретъ. Ист. Ст. Оп. II, 65—66.

[2]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, I, стр. 193.

[3]) Е. Альбовскаго. Исторія Харьк. Слоб. Коз. полка. Х. 1895, стр. 99. Авторъ ссылается на документы. Моск. Отдѣл. архива Гл. Штаба.

[4]) Ibidem, стр. 112, со ссылкою на Полное Собраніе Законовъ.

[5]) Фил. Ист. Ст. Опис. Харьк. еп., II, стр. 68.

[6]) Зап. о Слоб. Полкахъ, стр. 23.

[7]) Въ 1732 году мы видимъ его еще Харьковскимъ полковникомъ, по переписи Хрущова, а умеръ онъ въ 1734 году (Фил. Ист. Ст. Оп., I, стр. 50).

[8]) Зап. о Слоб. полкахъ, стр. 23.

изъ Высочайше пожалованной грамоты на имя Тевяшова. Но его очень тяготилъ чрезмѣрный ростъ натуральныхъ повинностей, падавшихъ на полчанъ. Онъ самъ въ своихъ запискахъ писалъ такъ: „большею частью (русскіе генералы) брали все безъ платы, а когда съ платою, по самымъ низкимъ цѣнамъ и то подъ росписки, по которымъ обыватель хотя и обнадеженъ былъ въ исправномъ полученіи за все, однако и донынѣ (1763 г.) остается на провіантской канцеляріи болѣе 100000 рублей“ [1]). Его преемникомъ былъ послѣдній Харьковскій полковникъ Матвѣй Прокофьевичъ Куликовскій. Конкурентомъ ему выставляли заслуженнаго воина и Харьковскаго полковаго судью Ивана Григорьевича Ковалевскаго—аттестатъ о его службѣ былъ подписанъ 65 старшинами, въ томъ числѣ четырьмя слободскими полковниками, но на это всеобщее желаніе не обратили вниманія—и, по представленію генералъ-аншефа Салтыкова, былъ назначенъ сынъ бывшаго Харьковскаго полковника, чрезвычайно непопулярнаго и нелюбимаго всѣми Прокофія Васильевича Куликовскаго [2]). Имъ также были очень недовольны за многочисленныя злоупотребленія, допущенныя имъ и нѣкоторыми старшинами по отношенію къ простымъ козакамъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ характерные доносы и жалобы на него писаря Непишнаго и его собственное сознаніе [3]). Въ 1765 году всѣ слободскіе полки, въ томъ числѣ и Харьковскій были уничтожены и учреждена Слободскоукраинская губернія.

Въ чемъ же состояло это полковое управленіе? Харьковскій полкъ находился подъ управленіемъ полковника и полковой старшины. Полковникъ, также какъ и полковая старшина, былъ избираемъ всею полковой старшиной, по большинству голосовъ, на всю жизнь. Власть его была очень велика: завѣдывая устройствомъ и благочиніемъ своего полка, онъ имѣлъ право приговора къ наказанію виновныхъ и, управляя всѣми землями своего полка, могъ въ потомственное владѣніе раздавать никѣмъ не занятыя земли тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ, кого считалъ того достойнымъ по заслугамъ, равно и самъ могъ занимать такія земли въ свое собственное потомственное владѣніе. Всѣ распоряженія свои подтверждалъ онъ письменными приказами—универсалами, за собственноручнымъ подписаніемъ, съ приложеніемъ своей гербовой печати, которая употреблялась какъ полковая. Полковникъ имѣлъ въ полку знакъ своей власти—перначъ или шестоперъ изъ металла, украшенный камнями. Полковую старшину, раздѣлявшую съ полковникомъ власть управленія полкомъ, составляли шесть чиновниковъ: полковой обозный, полковой судья, полковой эсаулъ, полковой хорунжій и два полковыхъ писаря. Полковой обозный, старшій послѣ полковника во всемъ полку, былъ начальникомъ пушкарей и всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. На время отсутствія или болѣзни полковника, онъ занималъ его должность, не имѣя впрочемъ власти давать универсалы. Полковой судья завѣдывалъ гражданскими дѣлами. Полковой эсаулъ былъ помощникомъ полковника по военной части. Полковой хорунжій начальствовалъ надъ хорунжевыми козаками и хранилъ полковое знамя—хоругвь. Полковые писари были секретарями въ полку—одинъ по гражданской, другой по военной части. Всѣ эти 6 чиновниковъ составляли постоянную полковую раду, т. е. совѣтъ, совѣщаясь о важнѣйшихъ военныхъ дѣлахъ. Всякій на радѣ имѣлъ равный голосъ, кромѣ полковника или того, кто исполнялъ его должность, этотъ послѣдній имѣлъ два голоса. Распорядителемъ дѣлъ въ радѣ былъ полковой обозный. Что касается до дѣлъ гражданскихъ, то они были рѣшаемы въ полковой ратушѣ, гдѣ засѣдали тѣ же лица и также подъ предсѣдательствомъ полковника, а главнымъ распорядителемъ дѣлъ былъ полковой судья. Устройство каждой сотни походило на устройство полка. Сотня управлялась сотникомъ почти также, какъ полковникомъ полкъ, и сот-

[1]) Филарета. Ист. Ст. Опис., II, стр. 71.

[2]) Е. Альбовскаго. Ист. Харьк. Слоб. ков. п., стр. 191.

[3]) Любопытныя подробности объ этомъ—тамъ-же, стр. 195—203.

никъ выбирался старшиною. Кромѣ сотника въ каждой сотнѣ былъ сотенный атаманъ, вмѣсто судьи, эсаулъ, писарь и хорунжій. Выборъ ихъ зависѣлъ отъ сотника, а равно и отрѣшеніе отъ должности съ обращеніемъ попрежнему въ рядовые козаки. Атаманы и писари имѣли засѣданіе въ сотенной ратушѣ, а эсаулъ и хорунжій распоряжались по военной части.

Такъ изображаетъ устройство Слободскихъ полковъ И. И. Срезневскій на основаніи недошедшаго до насъ оффиціальнаго источника—экстракта о Слободскихъ полкахъ. Но хотя этотъ памятникъ не сохранился и, слѣдовательно, провѣрка сообщенія И. И. Срезневскаго не возможна, однако мы можемъ отнестись къ нему съ довѣріемъ, потому что онъ подтверждается другими документальными данными. Конечно, здѣсь мы имѣемъ только общую схему, которая видоизмѣнялась въ различные моменты, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и въ особенности отъ политики центральнаго русскаго правительства, то съуживавшаго, то расширявшаго автономію края и власть полковаго уряда. Въ частности въ видѣ поправки замѣтимъ, что полковникъ de jure не могъ самъ себѣ пожаловать земли, но, конечно, могъ дѣлать это de facto. Ему принадлежала и высшая судебная власть. Затѣмъ слѣдуетъ внести еще и другую поправку: полковника избирала не только полковая старшина, но и рядовое козачество, какъ это доказывается актомъ выборовъ ахтырскаго полковника Ив. Перекрестова 1692 г.[1]); представителемъ этого „товарищества“ являлись его сотники[2]). Но скоро эти выборы превратились въ фикцію и замѣнились простымъ назначеніемъ. Подчинены были полковнику не одни козаки, но всѣ сословія, жившія на территоріи полка. Такимъ образомъ, полкъ, а равно и сотни, его составлявшія въ Слободской Украйнѣ, какъ и въ Малороссіи, имѣли значеніе территоріальное.

Территорія Харьковскаго полка, административнымъ центромъ котораго былъ Харьковъ, постепенно измѣнялась. Прежде чѣмъ превратиться въ полковой городъ, Харьковъ владѣлъ уже весьма значительной земельной территоріей, которая тянулась на десятки верстъ и граничила съ землями сосѣднихъ городовъ—Зміева и Чугуева. Сохранился любопытный документъ—межевая выпись Харькова 1653 года стольника и воеводы Михаила Васильевича Приклонскаго, который производилъ это межеваніе съ Чугуевскимъ воеводой А. М. Азибаловымъ, Зміевскимъ—С. И. Коведяевымъ, Харьковскимъ—Е. А. Сибилевымъ и отмежевалъ по челобитью Харьковскихъ черкасъ г. Харьковъ отъ Чугуева, Зміева, Валокъ и Хотмыжска, по сказкамъ старожиловъ Бѣлгородцевъ и станичныхъ ѣздоковъ съ ихъ товарищами[3]). Это была территорія Харьковскаго уѣзда. Когда Харьковъ сдѣлался полковымъ городомъ, къ нему тянула сравнительно небольшая часть его будущей полковой территоріи, ибо той частью его, которая вскорѣ вошла въ его составъ и находилась въ южныхъ предѣлахъ Харьковской губерніи, гдѣ впослѣдствіи возникъ Изюмскій полкъ, въ то время вѣдалъ особый полковникъ Яковъ Черниговецъ, засѣлившій Балаклею, Савинскъ, Бишкинь и Андреевы Лозы и сдѣлавшій первый изъ этихъ городковъ своимъ полковымъ центромъ[4]). Въ оффиціальной справкѣ, данной Разрядомъ, прямо говорится, что у Донецкихъ и Оскольскихъ черкасъ было 2 полковника: въ Харьковѣ—Гр. Донецъ и въ Балаклеѣ—Я. Черниговецъ[5]). Но уже въ 1674 году Григорій Донецъ положилъ начало колонизаціи будущаго Изюмскаго полка—построилъ первое укрѣпленіе въ Изюмѣ и 4 слободы и такимъ образомъ расширилъ предѣлы Харьковскаго полка въ южномъ направленіи, а въ 1677 году Я. Черниговецъ отъ полковничества былъ отставленъ и его полкъ присоединенъ къ Харьковскому подъ начальство Гр. Донца. Въ это время въ немъ было 20 городовъ и 4 сло-

[1]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, I, стр. 167—168.
[2]) Ibidem, стр. 179.
[3]) Рукописное собраніе Д. И. Багалѣя.
[4]) Д. И. Багалѣя. „Очерки“, стр. 433.
[5]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“. I, стр. 180.

боды и людей полковой службы 7733 чел. [1]). Въ 1685 г. территорія Изюмскаго полка была выдѣлена изъ Харьковскаго: въ Харьковскомъ, вслѣдствіе этого, за отчисленіемъ 13 городовъ Изюмскаго полка, числилось въ 1692 г. всего 12 городскихъ поселеній съ 43 селами и деревнями—Харьковъ съ 4 селами и деревнями, Волчанскъ съ 2 селами, Салтовъ съ 4 селами и 2 деревнями, Печенѣги съ 8 селами и 8 деревнями, Золочевъ съ 2 селами, Ольшанка съ 2 селами, Валки съ 4 селами, Мерефа съ 3 селами, Соколовъ, Зміевъ съ 4 селами, Маяцкій, Соленый [2]). Въ зависимости отъ измѣненія территоріи, измѣнялось въ полку и число сотенъ. Въ 1732 г. онъ состоялъ изъ 17 сотенъ: Харьковской, Волчанской, Соколовской, Тишковской, Церкуновской, Перекопской, Липецкой, Хорошевской, Валковской, Деркачевской, Люботинской, Салтовской, Золочевской, Огульчанской, Тарановской, Мерефянской и Ольшанской. Во всякомъ случаѣ Харьковскій полкъ занималъ территорію нынѣшнихъ нѣсколькихъ уѣздовъ Харьковской губ.—Харьковскаго, Волчанскаго, Валковскаго, Зміевскаго и отчасти Изюмскаго; впрочемъ этотъ послѣдній, а также и часть Зміевскаго въ XVIII в., отошли къ Изюмскому полку и Харьковскій полкъ въ это время болѣе сконцентрировался подлѣ гор. Харькова, при чемъ многія селенія его теперь превратились въ сотенныя мѣстечки. Въ самомъ концѣ XVII-го вѣка въ Харьковскомъ полку было около 8000 служилыхъ козаковъ, а въ 1732 г.—37756 челов., почти въ 5 разъ болѣе.

Таково было военно-козацкое полковое устройство. Но рядомъ съ нимъ въ теченіе всего XVII-го вѣка держалось въ Харьковѣ и московское воеводское управленіе. Въ 1656-мъ году въ Харьковъ былъ назначенъ особый самостоятельный воевода, извѣстный намъ Воинъ Селифонтовъ „для острожнаго строенья и для береженья отъ прихода воинскихъ людей татаръ“—до того времени ими вѣдалъ Чугуевскій воевода. Такимъ образомъ, главная обязанность воеводы состояла въ воинскомъ, ратномъ и крѣпостномъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ воеводою въ Харьковъ явилось значительное число великорусскихъ служилыхъ людей, составлявшихъ гарнизонъ крѣпости и бывшихъ въ непосредственной зависимости отъ своего воеводы. Первый Харьковскій воевода не ладилъ съ черкасами и, какъ мы знаемъ, жаловался на нихъ. Кто былъ правъ въ ихъ столкновеніи, судить трудно; кажется, что недоразумѣніе коренилось въ разницѣ обычаевъ и взглядовъ. Воевода строго исполнялъ данный ему наказъ; а первые поселенцы Харькова, можетъ быть, не безъ основанія хотѣли предварительно распахать себѣ пашню на дикомъ полѣ, на сыромъ корню, а потомъ уже приступить къ постройкѣ настоящихъ укрѣпленій по московскому образцу. То обстоятельство, что центральное правительство оставляло безъ вниманія (онъ писалъ „многажды“) представленія и жалобы своего воеводы, можетъ быть, указываетъ, что оно не желало поступать круто съ переселенцами, сознавая съ одной стороны всю пользу, приносимую ими дѣлу заселенія края, а съ другой понимая всѣ трудности, которыя приходилось имъ испытывать на первыхъ порахъ. Воинъ Селифонтовъ, бывшій воеводою 3 года (1656, 1657 и 1658) долженъ быть признанъ строителемъ Харьковской крѣпости. Въ описи Харькова 1686 года упоминается о строельныхъ книгахъ города именно этихъ годовъ. Преемниками его на воеводствѣ были: 2) Иванъ Афросимовъ (1659 и 1660-й годы), 3) Василій Сухотинъ (1660—1662), 4) Еремѣй Сибилевъ (1662—1665), 5) Василій Торбѣевъ (1665—1667), 6) Левъ Сытинъ (1668—1669), 7) Григорій Грецовъ (1669—1672), 8) Василій Хорошевъ (1672), 9) Михаилъ Челищевъ (1673—1675), 10) Андрей Щербачевъ (1675—1677), 11) Осипъ Корсаковъ (1677—1679), 12) Иванъ Масловъ (1679—1681), 13) Леонтій Шеншинъ (1682— ?), 14) Василій Сухотинъ (? — ?), 15) Иванъ Барановичъ (? —1686), 16) Михаилъ Сусловъ (? —1688), 17) Се-

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, I, 180.
[2]) Д. И. Багалѣя. „Очерки“, стр. 542.

менъ Дурново (1688— ?), 18) Иванъ Кобяковъ (? — ?); 19) Богданъ Дубенскій (? —1706); 20) князь Василій Гагаринъ (1706 г.).

Наглядное понятіе о дѣятельности Харьковскихъ воеводъ можетъ дать намъ опись г. Харькова составленная вновь назначеннымъ воеводой Ситинымъ, принявшимъ городъ отъ его предмѣстника Торбѣева въ 1668 году. Первою, главною и основною обязанностью его было содержаніе въ должномъ порядкѣ городскихъ укрѣпленій, починка ихъ и устройство новыхъ, храненіе государевой „зелейной“ казны, т. е. пороха, свинца, ядеръ, пушекъ и т. п. Затѣмъ въ его непосредственномъ вѣдѣніи находились русскіе служилые люди и все то, что ихъ касалось. Напримѣръ, въ государевыхъ житницахъ, которыми завѣдывалъ О. Хрущовъ, находилось 151 четверть ржи и 77 четвертей овса, да собрано было воеводою Торбѣевымъ съ русскихъ людей 129 четвертей ржи и 64 четверти овса. Изъ этихъ запасовъ роздано было 274 четверти ржи и весь овесъ. Воевода завѣдывалъ и Харьковской таможней, которая отдана была на 2 года на откупъ посадскому торговому человѣку изъ Тулы Осташову по 130 р. 21 алтынъ и 3 деньги въ годъ. Объ этомъ откупѣ воевода писалъ великому Государю въ Москву и отослалъ въ печатный приказъ подписныя и печатныя пошлины. Съ откупщика при этомъ были взяты 2 поручныя записи, изъ коихъ одна отправлена въ Москву, а другая осталась въ Харьковѣ въ съѣзжей избѣ. Самыя же откупныя деньги отсылались въ Бѣлгородъ. Въ той же съѣзжей избѣ на попеченіи воеводы находился архивъ разныхъ оффиціальныхъ бумагъ—памяти и отписки изъ Бѣлгорода, межевыя книги города Харькова и уѣзда Приклонскаго, межевыя книги села Липцы, Харьковскаго уѣзда Муратова, описныя книги шинкамъ, пивнымъ и винным котламъ Хрущова, описныя книги мельницы и толчеямъ, списки Харьковскихъ дѣтей боярскихъ, Харьковскихъ черкасъ полковыхъ, мѣщанъ и пашенныхъ людей и другія дѣла. Сборы съ шинковъ, пивныхъ и винныхъ котловъ, мельницъ и съ толчей посылались въ Бѣлгородъ, а не расходовались въ Харьковѣ. Наконецъ, въ съѣзжей избѣ хранилось 3 знамени — два кипдячныхъ, а третье—крашенинное. Дѣла вершили въ съѣзжей избѣ три подъячіе Протопоповъ, Бесѣдинъ и Казанцевъ. У казеннаго погреба было 8 сторожей, принимавшихся сообща всѣмъ городомъ, да у городскихъ воротъ 4 воротника. Изъ Бѣлгорода въ Харьковъ было прислано также на кормъ трое Государевыхъ жеребятъ. Въ Харьковѣ палача не было, но была все таки тюрьма и въ ней сидѣлъ единственный „тюремный сидѣлецъ“ бѣглый крестьянинъ стряпчаго Яблочкова Ивашка Еремѣевъ; сидѣлъ же онъ потому, что не могъ найти за себя поручителей, которые бы согласились выдать за него поручную запись. За судныя и сыскныя дѣла собирались подъячими пошлины, записывавшіяся въ книги и расходовавшіяся на мѣстѣ [1]).

Изъ этого документа, а также и изъ другихъ актовъ видно, что дѣятельность Харьковскихъ воеводъ не выходила изъ обычнаго воеводскаго режима и состояла главнымъ образомъ въ поддержаніи крѣпости, въ постройкѣ новыхъ укрѣпленій, въ управленіи великорусскими служилыми людьми и въ собираніи нѣкоторыхъ сборовъ въ Государеву казну, изъ за которыхъ впрочемъ происходили споры съ черкасами. Чтобы дать болѣе наглядное понятіе о дѣятельности и обязанностяхъ Харьковскихъ воеводъ, мы приведемъ еще наказъ одному изъ нихъ, а именно Семену Дурново 1688 года, тѣмъ болѣе что онъ ярко рисуетъ тяжелое положеніе горожанъ, въ виду постоянно тяготѣвшей надъ ними опасности отъ татарскихъ набѣговъ. Семенъ Дурново долженъ былъ смѣнить своего предшественника Михаила Суслова, который обязанъ былъ сдать ему городскіе ключи, денежную казну, мѣдный и желѣзный нарядъ, порохъ, свинецъ, хлѣбные запасы, списки харьковцевъ—служилыхъ и жилецкихъ людей—русскихъ людей

[1]) Моск. Архив. Мин. Юст. Разр. Прик. Бѣлг. стол. № 56, л. 1—21. Дьячекъ Харьковской приказной избы Елизаръ Протопоповъ получалъ въ 1660 г. изъ Харьковскихъ таможенныхъ сборовъ денежнаго оклада 7 руб. въ годъ (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг. ст., № 920).

и черкасъ городовой службы, государевы грамоты и указы о всякихъ государевыхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ, строельныя книги Харькова, приходо-расходныя книги денегъ, хлѣба, пороху и свинцу; во всемъ этомъ новый воевода долженъ былъ „счесть“ стараго и въ случаѣ „начета“ взять съ него этотъ послѣдній; за тѣмъ, составивъ подробную вѣдомость о служилыхъ людяхъ на основаніи личнаго досмотра и описавъ состояніе городскихъ укрѣпленій, составить книги всему этому, а перечневую роспись изъ нихъ отправить въ Москву. Самъ же онъ долженъ былъ въ большихъ дѣлахъ чинить расправу служилымъ и жилецкимъ людямъ, а черкасъ полковой службы ни судомъ, ни другими расправными дѣлами не вѣдать, а отсылать челобитчиковъ на черкасъ полковой службы къ полковнику Григорію Донцу, съ которымъ, а равно и со всѣми козаками держать совѣтъ и ласку. Бѣлгородскаго воеводы во всемъ слушаться. Жить въ Харьковѣ съ великою осторожностью—въ воротахъ и по башнямъ и за острогомъ около посада и на сторожахъ держать караулы день и ночь, перемѣняя ихъ смотря по вѣстямъ и надзирая въ свою очередь постоянно за ними, чтобы служилые люди были съ пищалями въ должномъ числѣ, по всѣмъ мѣстамъ посылать къ урочищамъ станичниковъ и держать на сторожахъ сторожей конныхъ и пѣшихъ, гдѣ необходимо, постоянно наблюдая, чтобы татары и воры черкасы къ Харькову безвѣстно не подошли, людей не побили, въ полонъ не позабирали, стадъ не поотганяли и надъ городомъ съ острогомъ и слободами „какого дурна“ не сдѣлали. На пашни и сѣнокосы и для другихъ дѣлъ отпускать ему русскихъ людей и черкасъ, смотря по вѣстямъ, въ немаломъ числѣ и велѣть имъ остерегаться татарскаго прихода, чтобы ихъ на пашняхъ и сѣнныхъ покосахъ и въ дорогѣ татары не побили и въ плѣнъ не забрали, а были бы всѣ они съ пищалями и со всякимъ оружіемъ и держали бы около пашенъ и сѣнокосовъ отъѣзжія сторожи, которымъ накрѣпко подтвердить, что если ихъ „небереженьемъ, безвѣстно“ подойдутъ къ Харькову воинскіе люди, то имъ будетъ жестокое наказаніе безъ всякаго милосердія и пощады; завидѣвъ воинскихъ людей, имъ нужно было посылать съ вѣстями объ этомъ своихъ товарищей, а самимъ ожидать прямыхъ вѣстей; буде же узнаютъ, что татары идутъ прямо къ Харькову, то съ такими большими вѣстями они должны были поспѣшать днемъ и ночью чтобы упредить татаръ; а если бы кого изъ нихъ взяли въ плѣнъ татары и стали допрашивать, то имъ слѣдуетъ говорить, что въ Бѣлгородѣ и во всѣхъ полевыхъ украинскихъ городахъ стоятъ воеводы со многими ратными людьми и огненнымъ боемъ. Узнавъ о появленіи небольшихъ непріятельскихъ партій въ окрестностяхъ Харькова, воевода долженъ былъ оставить въ городѣ гарнизонъ, а самъ идти вмѣстѣ съ воеводами сосѣднихъ городовъ и, испросивъ у Господа Бога и Пресвятой Богородицы помощи, „промышлять“ надъ ними изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, чтобы не пропустить ихъ черезъ крѣпости на русскую сторону. Если удастся „взять языковъ“ у непріятеля, то распрашивать ихъ и вмѣстѣ съ допросными рѣчами отправлять немедленно въ Бѣлгородъ. Если же ратные люди будутъ убиты, ранены или захвачены татарами въ плѣнъ, то объ этомъ составить вѣдомости и сообщить въ Москву въ Приказъ Великой Россіи и въ Бѣлгородъ къ воеводѣ. Русскимъ служилымъ людямъ и черкасамъ, отправляемымъ для посылокъ, выдавать порохъ и свинецъ, а по возвращеніи ихъ домой, если у нихъ боя съ непріятелями не было, снова отбирать его въ Государеву казну—и все это записывать подробно въ особыя книги и присылать ихъ въ Москву въ Приказъ, а другой экземпляръ въ Пушкарскій приказъ. Порохъ и свинецъ держать за своею печатью „съ великимъ береженьемъ“; смотрѣть, чтобы въ пороховой погребъ никто не ходилъ кромѣ него и тѣхъ русскихъ людей, которымъ будетъ поручена эта казна, и никто бы даже о ней не зналъ, чтобы вблизи ея никакихъ построекъ не было; ключи отъ нея, а также отъ города и острога держать у себя, городъ (т. е. крѣпость) и острогъ на ночь запирать и по утру отмыкать, а стада лѣтомъ изъ города выпускать только, когда будетъ точно извѣстно, что непріятеля вблизи

не имѣется. Выходцевъ изъ Крымской и Ногайской ордъ, плѣнниковъ, ушедшихъ изъ плѣна, козаковъ съ Дона распрашивать за заставою, нѣтъ ли въ этихъ мѣстахъ мороваго повѣтрія и если нѣтъ, то допускать въ городъ, распросить про вѣсти и немедленно отпускать къ Бѣлгородскому воеводѣ, ничѣмъ не тѣснить, ничего у нихъ не брать, „и ничѣмъ къ нимъ для своей бездѣльной корысти не приметываться“ и никакой задержки не дѣлать. Изъ Рязанскихъ, Украинскихъ, Сѣверскихъ, Заоцкихъ и Замосковныхъ городовъ служилыхъ людей, оставившихъ тамъ конную или пѣшую службу, и посадскихъ людей, непожелавшихъ тягла нести, и бѣглыхъ боярскихъ холопей, и крестьянъ и иныхъ пришлыхъ людей не принимать и ни въ какую службу не писать и въ тягло не пристраивать и пашни не давать. Даже лицъ, которыя объявятъ себя вольными и въ тяглѣ не состоящими, безъ государева указа и безъ грамоты изъ Приказа Великой Россіи не принимать, а отсылать на ихъ же подводахъ съ провожатыми въ тѣ города, откуда они вышли. Накрѣпко приказать подъ страхомъ жестокаго наказанія и Харьковцамъ, и уѣзднымъ жителямъ, чтобы и они подобныхъ людей не принимали, а если таковые у нихъ имѣются, то чтобы приводили къ нему воеводѣ для распроса. Черкасъ изъ Украинскихъ городовъ безъ отпуска бояръ и воеводъ не принимать, а явившихся изъ Малороссійскихъ городовъ „пашенныхъ“ черкасъ и мѣщанъ съ отпусками воеводъ записывать въ службу и тягло, приводить къ вѣрѣ. На Донъ для торговаго промысла отпускать только по челобитнымъ, въ которыхъ обозначать, кто именно ѣдетъ, на сколько времени и съ поручными записями по нимъ и ихъ работникамъ, что на Дону они не останутся и вернутся въ срокъ; выдавать имъ „проѣзжія памяти“ за собственноручною подписью, а не за печатью, съ обозначеніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, и велѣть предъявлять ихъ въ Острогожскѣ и въ другихъ понизовыхъ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, ибо и на Дону велѣно такихъ памятей требовать. А если кто проѣзжей памяти не возьметъ, поручныхъ записей по себѣ не дастъ или возьметъ лишнихъ людей, такіе люди подвергнутся торговой казни безъ всякаго милосердія и пощады и будутъ сосланы въ дальніе Сибирскіе города на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, а товары ихъ и всякіе пожитки взяты на Великихъ Государей и розданы на жалованье ратнымъ людямъ. Разборныя книги служилыхъ людей прежнихъ годовъ провѣрить по наличности и составить свой росписной списокъ. Заботиться о мѣрахъ противъ пожаровъ. Служилымъ людямъ и черкасамъ никакихъ налоговъ и обидъ не дѣлать, посуловъ и поминковъ ни у кого не брать и не заставлять никого дѣлать для себя никакихъ работъ безденежно. А если онъ, Семенъ Дурново, окажется оплошнымъ въ государевомъ дѣлѣ и вслѣдствіе его небрежности непріятели безвѣстно придутъ въ Харьковъ или мимо его въ украинскіе города, или онъ самъ начнетъ причинять обиды русскимъ людямъ и черкасамъ, брать посулы и поминки или заставлять дѣлать на себя работы или вообще дѣлать что вопреки Государеву указу для своей корысти и пожитковъ, въ такомъ случаѣ подпадетъ подъ опалу [1]).

И такъ, кругъ обязанностей воеводы былъ довольно обширенъ: онъ имѣлъ военную, полицейскую и отчасти судебную власть. Въ полной и непосредственной зависимости отъ него находились только служилые люди, составлявшіе крѣпостной гарнизонъ. Малорусское населеніе Харькова было подвѣдомственно козацкому полковому уряду. Нельзя не отмѣтить рѣзко бросающейся въ глаза разницы между этими двумя режимами: воеводскій характеризуется послѣдовательной и строго проведенной идеей централизаціи—воевода обязанъ былъ исключительно руководствоваться въ своей дѣятельности данной ему инструкціей, при чемъ дѣятельность эта должна была выливаться въ опредѣленныя формы письменнаго дѣлопроизводства; никакихъ отступленій отъ нея недопускалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ воевода долженъ былъ немедленно сооб-

[1]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, I, стр. 148—154.

щать въ нѣсколько инстанцій о всѣхъ событіяхъ и даже мелочныхъ своихъ распоряженіяхъ и ожидать отъ нихъ инструкцій для отдѣльныхъ случаевъ. Такими инстанціями были—старшій Бѣлгородскій воевода, Великороссійскій, Пушкарскій, Помѣстный и Разрядный приказы и вездѣ въ нихъ царило письменное бумажное производство, тормозившее нерѣдко живое дѣло и личную инціативу. Обо всемъ нужно было представлять отчетъ на бумагѣ, которая, конечно, все терпѣла. Все, казалось, было регулировано и безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія нельзя было сдѣлать шагу—ни выгнать въ поле коровъ, ни затопить печи, ни уѣхать по торговымъ дѣламъ изъ Харькова, ни явиться новому переселенцу въ городъ; даже число выстрѣловъ, которое дѣлали служилые люди въ полѣ противъ врага, должно было учитываться и заноситься въ особыя книги, которыя отсылались потомъ въ двухъ экземплярахъ въ Москву. Но достичь всего этого въ украинномъ городѣ, отдаленномъ отъ центра управленія, было мудрено; контроль былъ затруднителенъ и поневолѣ приходилось въ наказъ тому лицу, которому поручался городъ, которое было почтено, слѣдовательно, довѣріемъ правительства, говорить и его „бездѣльной корысти“ и угрожать ему царскою „опалою“; ту же угрозу „жестокаго“ наказанія приходилось примѣнять и къ населенію: но и къ угрозамъ можно было привыкнуть и отъ наказанія можно было освободиться посредствомъ посула. Самый фактъ частыхъ угрозъ говоритъ въ пользу того, что въ дѣйствительности было нерѣдко отступленіе отъ „наказовъ и инструкцій“, что жизнь положила свою печать на администрацію и ея дѣятелей.

На обязанности воеводы лежала защита горожанъ отъ нападеній воинскихъ людей, каковыми являлись татаре. Но иногда дѣлали грабежи и нападенія и свои „воинскіе люди“. Такъ въ 1659 году прошли мимо Харькова Чугуевскіе дѣти боярскіе въ количествѣ 300 человѣкъ, побили многихъ харьковцевъ, пограбили въ домахъ ихъ платье и оружіе, поотгоняли много лошадей и воловъ, порѣзали свиней, разорили пасѣки со пчелами, потравили немолоченый хлѣбъ и сѣно. Атамана съ черкасами, отправленнаго къ нимъ воеводой, они побили, поотнимали у нихъ оружіе и похвалялись на обратномъ пути плѣнить огнемъ и мечемъ харьковскихъ измѣнниковъ; когда воевода отправилъ къ нимъ подъячаго, то они и его ругали. На обратномъ пути они разграбили многіе хутора у харьковскихъ черкасъ. Послѣдніе, видя такое надругательство и разоренье, разбрелись врознь, а другіе обнищали и стали питаться подаяніемъ. Сами харьковцы въ своей челобитной писали, что такого разоренья они не претерпѣли и тогда, когда сидѣли въ осадѣ отъ Выговскаго. Здѣсь и воевода не могъ охранить населеніе отъ разоренія своихъ же русскихъ воинскихъ людей.

Не ко всѣмъ воеводамъ населеніе Харькова относилось одинаково. Но характерно, что за одного изъ нихъ—Грецова—оно подало даже челобитную Государю, прося его оставить на новый срокъ [1]), ибо онъ защищалъ ихъ отъ Донскихъ воровскихъ казаковъ, судъ и расправу дѣлалъ по правдѣ, налоговъ и обидъ не причинялъ [2]). Извѣстенъ и другой случай аналогичной челобитной въ пользу воеводы Салова, на котораго жаловались великорусскіе обыватели Харькова [3]). Воевода Масловъ причинялъ обиды откупщику Харьковской таможни Аркатову [4]).

Воеводы должны были съ черкасами держать „совѣтъ и ласку“, а вотъ что писалъ въ своей челобитной харьковскій полковникъ Ѳедоръ Донецъ въ 1706 г.: приходятъ ко мнѣ харьковскіе жители и заявляютъ словесно жалобы на своего воеводу, что онъ безпрестанно бьетъ, подати съ нихъ беретъ, заставляетъ ихъ отвозить ихъ лошадьми и волами въ свои помѣстья всякую рухлядь, отъ чего они пришли въ разореніе, иные разбрелись по слободамъ, да и

[1]) Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Столбецъ Бѣлгород. стола, № 605.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола, № 783.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг. ст., № 1175.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг. стола.

остальные мѣщане собираются уходить отъ этого воеводскаго разоренія: въ виду всего этого, а также въ виду того, что русскихъ служилыхъ людей въ Харьковѣ не было, полковникъ ходатайствовалъ объ упраздненіи въ немъ воеводскаго управленія и о причисленіи русскихъ людей, жившихъ въ уѣздѣ, подъ вѣдомство воеводы сосѣдняго Чугуева. И должно быть центральное правительство признало основательность этихъ доводовъ, потому что уничтожило въ томъ же 1706 году воеводское управленіе въ Харьковѣ [1]). Можно впрочемъ думать, что здѣсь оказали свое вліяніе еще два обстоятельства—превращеніе Харькова изъ чисто украинаго города въ болѣе центральный, защищенный пунктъ и несоотвѣтствіе воеводскаго режима съ мѣстной козацкой автономной администраціею, непопулярность его въ городахъ, гдѣ господствовало малорусское населеніе. Съ заселеніемъ Изюмскаго Слободскаго полка, Харьковъ потерялъ свое украинное положеніе, значеніе оборонительной крѣпости. Его военные контингенты стали принимать участіе теперь, въ XVIII в., главнымъ образомъ въ тѣхъ наступательныхъ войнахъ, которыя вела Россія съ сосѣдними державами. Только Карлъ XII-й, но и то по недоразумѣнію, вторгся въ Малороссію. Харьковъ ни разу не видѣлъ подъ своими стѣнами врага и не подвергался осадѣ. Такимъ образомъ, воеводское управленіе дѣлалось ненужнымъ тѣмъ болѣе, что въ Харьковѣ оставался полковникъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась военная сила и которому естественно было взять въ свое вѣдѣніе и оборону крѣпости.

Посмотримъ теперь, каковы были въ сферѣ управленія отношенія центральнаго правительства къ Слободской Украйнѣ вообще и Харькову, какъ центру мѣстной администраціи, въ частности. Въ самое первое время Слободская украйна была въ вѣдѣніи Бѣлгородскихъ воеводъ, потому что нѣкоторые изъ ея городовъ лежали по Бѣлгородской чертѣ, а другія за чертою. Въ Бѣлгородъ поступали съ нихъ оброки. Высшею же инстанціей былъ для нея Разрядный приказъ въ Москвѣ, который вѣдалъ и Бѣлгородской, и Слободской Украйной. Въ „Запискахъ о слободскихъ полкахъ“ сказано, что въ 1668 году Слободскіе полки были переданы въ вѣдомство Посольскаго приказа за вѣрность, оказанную ими правительству во время возстанія гетмана Брюховецкаго. Отсюда это извѣстіе перешло во всѣ сочиненія по исторіи Слободской Украйны. Но на нашъ взглядъ, оно не можетъ быть принято. Авторъ „Записокъ“ ссылается въ подтвержденіе его на „особый имянной указъ“, но не приводитъ его, не указываетъ даже, гдѣ онъ помѣщенъ. Между тѣмъ указа этого мы не находимъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, гдѣ однако помѣщены даже менѣе важные акты, не говоря уже объ имянныхъ указахъ. Если бы Слободскіе полки перешли въ вѣдомство Посольскаго приказа, на это не преминули бы сослаться въ своихъ челобитныхъ полковники Слободскихъ полковъ и эта льгота попала бы въ жалованныя грамоты; но въ нихъ ничего подобнаго мы не находимъ. Мало того: есть положительное свидѣтельство, что до 1688 года Слободскіе полки находились въ вѣдѣніи Разряда—объ этомъ прямо говорится въ экстрактѣ о Слободскихъ полкахъ [2]). А въ 1688 году цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи имяннымъ указомъ отъ 16-го октября, за помѣтою дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, велѣли перевести Слободскіе полки изъ Разряда въ Государственный приказъ и именовать его Приказомъ Великія Россіи [3]). И такъ, слободская Украйна

[1]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, I, стр. 182.

[2]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, II, стр. 146.

[3]) Ibidem; о томъ же говорится и въ современномъ документѣ 1688 года: „октября въ 14 день нынѣшняго 196 года по указу великихъ государей черкасскихъ полковъ полковниковъ тѣхъ полковъ городы и въ нихъ воеводъ и приказныхъ людей и черкасъ полковые и городовые службы... службою всякими дѣлы велѣно вѣдать въ приказѣ Малые Россіи. И потому вел. гос. указу о черкасскихъ всякихъ дѣлѣхъ столпы и разборныя книги изъ разряду въ приказъ Великія Россіи отосланы окт. въ 29 день... А росписался въ тѣхъ черкасскихъ дѣлахъ приказу Великія Россіи подъячій Степанъ Ступинъ (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. ст., № 1095).

была дѣйствительно переведено именнымъ Высочайшимъ указомъ изъ Разряда въ Великороссійскій приказъ, но только не въ 1668 г., а въ 1688 году. Можно думать, что Великороссійскій приказъ, учрежденный при Малороссійскомъ, получилъ свое названіе Великороссійскаго въ отличіе отъ Малороссійскаго, потому что Слободская Украйна поселилась на московскихъ, т. е. великороссійскихъ украйнахъ. Съ этого года и грамоты шли уже изъ Приказа Великой Россіи. Время самостоятельнаго правленія Петра Великаго ознаменовано было для Украйны изданіемъ въ 1700 г. грамоты, по которой полковники утверждены были Государемъ въ своей власти навсегда, безъ перемѣны. Есть извѣстіе и о другихъ мѣрахъ, коими увеличена была въ краѣ власть центральнаго правительства. Слободская Украйна входила въ составъ Азовской губерніи, а въ 1718 г. Харьковъ отошелъ къ Кіевской губ. [1]). Этимъ положено было зерно губернскихъ учрежденій. Въ 1722 г. произведена была здѣсь перепись. При Екатеринѣ I-й Слободская Украйна перешла въ вѣдомство Военной Коллегіи [2]). Въ каждомъ полку учреждена была регулярная рота. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны произведена была кн. Шаховскимъ крутая ломка мѣстнаго самоуправленія во имя чисто армейскаго идеала. Въ 1732 г. произведена была новая перепись гвардіи майоромъ Хрущовымъ, а манифестомъ 23 декабря 1732 г. поручено было генералъ-майору кн. Шаховскому привести состояніе Слободскихъ козаковъ въ лучшій порядокъ. Шаховской поселился въ Сумахъ и учредилъ тамъ канцелярію коммиссіи учрежденія слободскихъ полковъ, которая сдѣлалась главнымъ присутственнымъ мѣстомъ въ краѣ. Въ ней засѣдали подъ предсѣдательствомъ князя два члена изъ великороссіянъ, а полковники (и то не всѣ) могли только приглашаться коммиссіей для совѣщанія въ особенныхъ случаяхъ. Полковыя канцеляріи, преобразованныя изъ ратушъ, должны были теперь рѣшать дѣла по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ, т. е. по великорусскому праву. При полковыхъ канцеляріяхъ были учреждены крѣпостныя конторы для записи земельныхъ документовъ, при чемъ право заимки было уничтожено. Полковники превращены въ премьеръ-майоровъ. Образованъ кромѣ 5 прежнихъ казацкихъ новый шестой драгунскій полкъ. Во главѣ ихъ поставленъ особый бригадиръ, а высшая власть попрежнему принадлежала дивизіонному генералу. Эта реформа въ армейскомъ духѣ не только не улучшила благосостоянія народа, къ чему стремилась, а наоборотъ ухудшила его: по сознанію современника, народъ подъ вліяніемъ усилившихся военныхъ тягостей и податей, вызванныхъ учрежденіемъ новаго полка и содержанія 10 армейскихъ, бѣднѣлъ. Взяточничество не только не уменьшилось, а еще болѣе возросло [3]). Народу еще труднѣе было добиться правды въ новомъ судѣ, который долженъ былъ руководствоваться сложнымъ не кодифицированнымъ, чуждымъ ему кодексомъ.

И даже новое правительство императрицы Елизаветы Петровны осудило и отмѣнило эту реформу—уничтожило Драгунскій полкъ и Канцелярію Коммиссіи. Въ военномъ отношеніи Слободскими полками попрежнему должна была вѣдать Военная Коллегія, а въ дѣлѣ суда нужно было апеллировать на рѣшенія полковыхъ канцелярій губернатору Бѣлгородской губ., оттуда въ Юстицъ Коллегію, а на нее въ Сенатъ [4]). Такимъ образомъ, Елизавета Петровна уничтожила реформу кн. Шаховскаго и возстановила въ началѣ своего царствованія прежнее казацкое управленіе и только въ 1757 г. сформированъ былъ новый Гусарскій полкъ [5]). И мѣстный лѣтописецъ подъ 1747 г. отмѣтилъ это царствованіе, какъ свѣтлую страницу въ исторіи края: „превѣчно признательными имѣютъ пребыть черкасы-слобожане щедрымъ милостямъ государини царицы, понеже отъ ея

[1]) П. Собр. Зак., т. IV, № 2218.
[2]) Полн. Собр. Зак., VII, № 4867.
[3]) Срезневскій. стр. 17.
[4]) Зап. о Слоб. полкахъ, стр. 17—18.
[5]) Зап. о Слоб. полкахъ, стр. 20.

щедротъ вся ихъ благая имъ ниспослана и за ними состоитъ“ [1]). Въ царствованіе императрицы Екатерины II-й все прежнее козацкое устройство края было уничтожено—Слободскіе козачьи полки въ 1765 г. были превращены въ гусарскіе, а Слободская украйна обратилась въ Слободско-Украинскую губернію. Исполнителемъ предначертаній государыни и реформаторомъ Украйны былъ гвардіи сек.-майоръ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, впослѣдствіи первый Харьковскій губернаторъ. Подобно кн. Шаховскому и онъ первоначально (въ 1763 г.) былъ назначенъ въ Коммиссію по Слободскимъ полкамъ, главнымъ образомъ для слѣдствія по жалобамъ на старшинъ въ Острогожскомъ полку; но императрица ему же поручила представить и общія соображенія о непорядкахъ въ этомъ краѣ, и о мѣрахъ къ ихъ пресѣченію. Отъ ихъ представилъ и на основаніи ихъ былъ составленъ сенаторами Шаховскимъ, Олсуфьевымъ и Панинымъ особый докладъ, утвержденный государыней [2]). Сущность реформы состояла въ слѣдующемъ [3]).

Изъ территоріи прежнихъ 5 слободскихъ полковъ была образована Слободско-Украинская губернія, въ которой введены были губернскія учрежденія съ небольшимъ отступленіемъ отъ общеимперскихъ установленій. Харьковъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, а остальные четыре полковые города (Сумы, Ахтырка, Изюмъ и Острогожскъ) превращены въ провинціальные. Губернія дѣлилась на 5 провинцій, соотвѣтствовавшихъ прежнимъ полкамъ, а провинціи на 6 коммиссарствъ. Начальникомъ губерніи сдѣланъ Е. А. Щербининъ и ему предоставлено было право избрать губернскихъ чиновниковъ. При немъ была Губернская Канцелярія. Провинціями управляли провинціальныя канцеляріи, которымъ подчинены были коммиссары, а этимъ послѣднимъ выборные атаманы и десятники отдѣльныхъ селеній. Въ связи со введеніемъ общеимперскихъ учрежденій получили силу и всѣ общіе законы, не противорѣчившіе мѣстнымъ привиллегіямъ. Для руководства въ управленіи новой губерніей была издана особая инструкція губернатору; для коммиссаровъ также издана была особая инструкція.

Вотъ главные пункты этой послѣдней. Коммиссарскія правленія состояли изъ коммиссара, атамана, канцеляриста, подканцеляриста, двухъ копіистовъ, 4-хъ конныхъ разсыльщиковъ

---

[1]) Срезневскій, стр. 20.

[2]) П. Соб. Зак., т. XVII, № 12430; вотъ ея главные пункты: о собираніи налоговъ; о мѣрахъ противъ утайки крестьянъ; объ учрежденіи Вотчиннаго департамента; о межеваніи земель; о показываніи мѣры земли въ крѣпостныхъ актахъ; объ описаніи пустыхъ земель; о сбереженіи лѣсовъ; о заведеніи общественныхъ магазиновъ; объ учрежденіи почтъ; объ охраненіи отъ обидъ войсковыхъ обывателей; о заведеніи въ городахъ полицейскихъ распорядковъ согласно полицмейстерской инструкціи.

[3]) Предполагалось правленіе канцеляріи слободскихъ полковъ уничтожить, а учредить изо всѣхъ слободскихъ полковъ особую Слободско-Украинскую губернію. Она должна была остаться при прежнихъ неотмѣненныхъ привиллегіяхъ, а въ остальномъ управляться губернской и воеводскими канцеляріями по общимъ законамъ. Губернатора, воеводъ и губернскаго прокурора предполагалось опредѣлить на первый разъ изъ великороссіянъ; товарищей же губернатора и воеводъ можно было назначить и изъ мѣстныхъ старшинъ. Императрица утвердила этотъ проэктъ и предписала послать въ Харьковъ впредь до назначенія губернатора со властью губернаторскою премьеръ-майора Е. А. Щербинина (16 дек. 1764 г. Полн. Соб. Зак., т. XVI, № 12293). 28 февраля 1765 года повелѣно было Щербинину преобразовать Слободскіе полки въ Слоб.-Укр. губернію; въ помощь ему было назначено 5 офицеровъ изъ лейбъ-гвардіи и нѣкоторые изъ отставныхъ старшинъ (Пол. Соб. Зак. т. XVII, № 12442). 5 марта 1765 г. вмѣсто 5 Слободскихъ полковъ было учреждено 5 гусарскихъ (Пол. Соб. Зак., т. XVII, № 12344). 20 мая 1765 г. велѣно было вмѣсто уѣздныхъ канцелярій учредить провинціальныя, вотчинный департаментъ и коммиссарства, а при Коллегіумѣ прибавочные классы (П. С. Зак.; т. XVII, № 12397). Въ 1767 году губернаторскими товарищами были бригадиры Яминскій и Гриневъ. Первый съ 1740-го по 1766-й годъ служилъ въ лейбъ-гвардіи въ конномъ полку. Въ 1766 году онъ былъ произведенъ изъ ротмистровъ въ бригадиры и опредѣленъ въ Харьковъ. Его мѣсто занялъ Пѣуновъ. Такимъ образомъ, и въ подручники себѣ Щербининъ избиралъ великороссіянъ. Первымъ прокуроромъ былъ назначенъ Михайловъ, котораго смѣнилъ въ 1768 г. кн. Гр. Вяземскій (Арх. Харьк. Губ. Прав. Журналы Губ. Канц.).

и 4-хъ сторожей; атаманы избирались самимъ обществомъ изъ лучшихъ его людей. Коммиссары вмѣстѣ съ выборными раскладчиками, производили сборы съ населенія, составляли ревизскія сказки, заботились о пресѣченіи побѣговъ, наказуя виновныхъ въ этомъ батожьемъ и обязывая круговою порукою всѣхъ обывателей по десяткамъ въ платежѣ повинностей, за бѣглаго давали устный судъ и расправу, должны были защищать обывателей отъ обидъ, наблюдать, чтобы они не переходили изъ одного мѣста на другое (уничтоженіе права вольнаго перехода); не истребляли лѣсовъ, заводили хлѣбные запасные магазины, учредили у себя ремесленные цехи; наконецъ на обязанности коммиссаровъ лежала и полицейская должность [1]).

При Губернской канцеляріи въ Харьковѣ учрежденъ Вотчинный департаментъ, подчиненный Вотчинной Коллегіи. Теперь заимка, какъ юридическая норма, уничтожалась; всѣ земли должны были быть размежеваны и на всякое владѣніе нужно было имѣть крѣпостной актъ. Общественныя земли должны были быть раздѣлены на 2 категоріи—выгонныя при городахъ и селахъ и степныя или пустопорожнія. Козацкіе слободскіе полки были уничтожены, а на мѣсто ихъ учреждено 5 гусарскихъ полковъ общаго воинскаго типа. Бывшіе Слободскіе козаки съ подпомощниками и семьями превращены въ войсковыхъ обывателей, обложенныхъ подушною податью по 95 коп. съ тѣхъ, кои пользовались правомъ винокуренія, и по 85 коп. съ непользовавшихся этимъ правомъ. Такою же подушною податью въ размѣрѣ 60 коп. съ души обложены были и владѣльческіе подданные, лишенные теперь права вольнаго перехода, которымъ прежде пользовались, т. е. иными словами, превращенные въ крѣпостныхъ. Войсковыхъ обывателей обѣихъ категорій было 177 тысячъ мужскаго пола, владѣльческихъ подданныхъ—328 тысячъ мужскаго пола. Бывшая козацкая старшина освобождена отъ податей и получила впослѣдствіи дворянство и сопряженное съ нимъ право землевладѣнія и крѣпостнаго труда; число лицъ этого привиллегированнаго сословія было не велико [2]).

Какъ видимъ отсюда, реформа Екатерины II-й была полная и рѣшительная—она уничтожила мѣстную автономію края и произвела рѣзкую перемѣну въ его соціальной экономической организаціи. Сама Императрица предвидѣла, что такая крутая ломка прежнихъ порядковъ, съ которыми сроднился народъ, можетъ вызвать неудовольствіе, и потому поручила сенаторамъ, предложившимъ эти перемѣны, составить манифестъ [3]) по поводу ихъ введенія въ краѣ. Въ этомъ Высочайшемъ Манифестѣ указывалось, что Государыня, заботясь о государственной пользѣ и благоденствіи всѣхъ своихъ подданныхъ, не могла оставить безъ вниманія и Слободской Украйны. Съ великимъ сожалѣніемъ узнала она отъ коммиссіи Щербинина о тамошнихъ неустройствахъ, происходящихъ отъ смѣшенія военнаго управленія съ гражданскимъ, о тягостномъ для народа и вмѣстѣ съ тѣмъ безполезномъ содержаніи козачьихъ полковъ. Въ виду этого она рѣшила замѣнить непрочную козачью службу благоустроенной и болѣе полезной для государства гусарской и ввести прочный гражданскій порядокъ наравнѣ съ другими губерніями, чтобы вывести населеніе изъ прежней косности и утвердить среди него общее благосостояніе. Въ заключеніе выражалась надежда, что мѣстные военные и гражданскіе чиновники, получивъ возможность истинными заслугами пріобрѣтать себѣ равное съ другими вѣрноподданными право на чины и жалованье, постараются съ чувствомъ благодарности исполнять свои обязанности и тоже сдѣлаетъ народъ, освободившись отъ налоговъ и тягостей, коимъ до нынѣшняго времени былъ подверженъ. Такіе мотивы выставлены были въ манифестѣ Императрицы, чтобы объяснить новую мѣру, главною цѣлью которой выставлялось благо государства, привиллегированнаго сословія и простаго народа. Государственныя соображенія несо-

[1]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, II, стр. 295—316.

[2]) Д. И. Багалѣя „Матеріалы“, I, стр. 328—341.

[3]) П. С. Зак., т. XVII. № 12440.

мнѣнно стояли у Императрицы на первомъ планѣ и ихъ однихъ въ ея глазахъ было бы совершенно достаточно, чтобы уничтожить тотъ козацкій строй, который она признала не соотвѣтствующимъ общегосударственнымъ интересамъ и недавно передъ тѣмъ уничтожила въ сосѣдней Гетманщинѣ. Съ этой государственной точки зрѣнія ей представлялся коснымъ порядокъ, господствовавшій въ Слободскихъ полкахъ, ибо тамъ держались старины, видя въ ней основу и источникъ своихъ привиллегій. Такъ нѣкогда Іоаннъ III-й смотрѣлъ на Новгородъ и его вѣчевой бытъ; такъ смотрѣла Екатерина II-я на Остзейскія провинціи. Конечно, она была убѣждена въ томъ, что новыя губернскія учрежденія будутъ благодѣтельны для края—и въ губернаторской и коммиссарской инструкціяхъ мы находимъ не мало пунктовъ, свидѣтельствующихъ о добрыхъ намѣреніяхъ ихъ составителей—таковы, напримѣръ, параграфы, трактующіе о расширеніи классовъ Харьковскаго Коллегіума, о заведеніи хлѣбныхъ магазиновъ на случай недорода, о сбереженіи лѣсовъ, о городскомъ благоустройствѣ, о необремененіи народа податями и взятками..... Но далеко не всѣ эти мѣры были осуществлены на дѣлѣ: лѣса продолжали уничтожаться, повинности не только не уменьшались, а наоборотъ увеличились. Манифестъ говорилъ, что отъ новыхъ порядковъ выиграетъ и высшій классъ, и простой народъ. Высшій классъ—бывшая козацкая старшина—въ одномъ отношеніи (соціально-экономическомъ) дѣйствительно выигралъ, потому что пріобщался теперь къ россійскому дворянству и связаннымъ съ нимъ широкимъ сословнымъ правамъ и преимуществамъ. Правда, съ уничтоженіемъ козацкаго строя, старшина теряла прежнее политическое значеніе, но за то могла утѣшиться пріобрѣтеніемъ новыхъ дворянскихъ правъ, а главное прекращеніемъ вольнаго перехода подданныхъ, т. е. осуществленіемъ своей давнишней мечты о крѣпостномъ правѣ. Простые козаки и подпомощники не могли признать для себя благодѣтельной реформу, потому что она была связана со введеніемъ очень непопулярной въ ихъ глазахъ подушной подати, приравнивавшей ихъ къ другимъ податнымъ классамъ, въ томъ числѣ и къ закрѣпощаемому поспольству. Денежные сборы съ нихъ сильно возрасли и должны были поступать теперь главнымъ образомъ въ пользу государства и на содержаніе пяти гусарскихъ армейскихъ полковъ, между тѣмъ въ населеніи эта армейская служба, въ противоположность козацкой (хотя и эта послѣдняя подъ часъ бывала очень тяжела) была весьма непопулярна. При томъ войсковые обыватели лишились теперь одной въ высшей степени важной для нихъ льготы—заимочнаго права, которое и безъ основанія они считали самой основной своей привиллегіей. Наконецъ, простой народъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова—владѣльческіе подданные,—а они составляли, какъ мы видѣли, преобладающую массу населенія,—сильно пострадалъ отъ реформы, потому что она прикрѣпила его къ землѣ, ко владѣльцамъ и лишила личной свободы. Раньше свобода перехода отъ одного владѣльца къ другому гарантировала ихъ отъ неумѣренныхъ требованій помѣщиковъ въ отбываніи работъ въ ихъ пользу. Теперь, съ исчезновеніемъ этого естественнаго, такъ сказать, экономическаго регулятора ихъ взаимныхъ отношеній, открывалась полная свобода для почти безграничнаго увеличенія числа рабочихъ дней въ пользу владѣльца. А одновременно съ тѣмъ владѣльческіе подданные были обложены подушною податью, которая по размѣрамъ своимъ только немногимъ уступала таковой же подати войсковыхъ обывателей и—что также не лишено значенія—должны были отдавать своихъ юношей въ столь тяжелую тогда солдатскую службу.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ, реформа встрѣтила нѣкоторый, правда очень скромный, протестъ, который шелъ частію отъ старшины, частію отъ войсковыхъ обывателей. „Среди старшины враждебное реформѣ движеніе обнаружилось еще во время подготовки преобразованій и должно было выразиться въ посылкѣ депутатовъ въ Петербургъ съ просьбою объ удержаніи status quo; въ массѣ населенія недовольство проявилось послѣ преобразованій

во время сбора новаго оклада и выразилось въ упорномъ нежеланіи платить упомянутый окладъ. Виновникомъ оживленія и броженія среди слободской старшины былъ изюмскій полковникъ Ѳедоръ Фомичъ Краснокутскій“ [1]). Онъ взывалъ къ единодушію и патріотизму и умолялъ поскорѣе прислать въ Петербургъ представителей отъ старшинъ и козаковъ съ ходатайствомъ о сохраненіи старыхъ порядковъ и его партикулярныя письма стали списываться, распространяться между прочимъ и въ Харьковѣ; но вліяніе ихъ было не велико, ибо, какъ выражается самъ Краснокутскій, всѣ „старшинствовать умѣли, а при худомъ случаѣ и перстомъ двигать не хотятъ“. Одинъ изъ главныхъ участниковъ агитаціи донесъ о ней Харьковской полковой канцеляріи; Краснокутскаго сослали въ Казань, а другихъ лицъ даже наказали плетьми. Народъ выразилъ свой протестъ реформѣ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ движеніяхъ, вызванныхъ нежеланіемъ платить вновь положенный окладъ. Во время выбора депутатовъ въ знаменитую Екатерининскую коммиссію для составленія проэкта новаго уложенія, въ одномъ селеніи жители его также отказались платить новую подать и хотѣли возвращенія козачины [2]).

Е. А. Щербининъ былъ энергичный правитель Слободско-Украинской губерніи и пользовался довѣріемъ Императрицы, о чемъ свидѣтельствуютъ Высочайшія повелѣнія и рескрипты, данные на его имя государыней [3]).

Слободско-Украинская губернія, учрежденная въ 1765 году и состоявшая изъ 5 провинцій, 29 сентября 1780 года была преобразована въ Харьковское намѣстничество, центральнымъ городомъ котораго попрежнему оставался Харьковъ. Оно дѣлилось на слѣдующіе 15 уѣздовъ или округовъ: 1) Харьковскій, 2) Золочевскій, 3) Хотмыжскій, 4) Мирополькій, 5) Волчанскій, 6) Чугуевскій, 7) Изюмскій, 8) Валковскій, 9) Богодуховскій, 10) Краснокутскій, 11) Ахтырскій, 12) Лебединскій, 13) Сумской, 14) Недригайловскій и 15) Бѣлопольскій [4]). Округа эти составились изъ четырехъ провинцій бывшей Слободско-Украинской губерніи—Харьковской, Сумской, Ахтырской и Изюмской, съ прибавкою къ нимъ нѣкоторыхъ частей бывшей Бѣлгородской губерніи—Бѣлгородскаго, Корочанскаго, Салтовскаго, Чугуевскаго, Вольновскаго, Хотмыжскаго, Суджанскаго и Путивльскаго. Съ востока на западъ Харьковское намѣстничество простиралось на 290 верстъ (на востокъ граничило съ Воронежскимъ намѣстничествомъ, на западѣ Черниговскимъ), а съ сѣвера на югъ на 350 верстъ (съ сѣвера граничило съ Курскимъ намѣстничествомъ, съ юга съ Екатеринославскимъ). Всего земли было въ немъ 2951619 дес., въ томъ числѣ удобной 2808326 десятинъ [5]). Кромѣ перечисленныхъ выше городовъ въ Харьковскомъ намѣстничествѣ было 289 слободъ, 293 села, 215 деревень и 380 хуторовъ [6]). Всѣхъ жителей въ 1785 году было 797738 душъ обоего пола.

---

[1]) Теличенко. Протестъ Слоб. старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г., стр. 2—3.

[2]) Д. И. Багалѣя. „Къ исторіи Екатерининской Ком.“.

[3]) Эти рескрипты были напечатаны въ газ. „Южный Край“ за 1885 годъ (№№ 1434, 1444 и 1451). Начинаются они съ 1762 года и оканчиваются 1773 годомъ. Еще въ 1762 году Императрица поручила Щербинину, бывшему тогда сек. майоромъ лейбъ-гвардіи, произвести слѣдствіе объ обидахъ, нанесенныхъ слободскимъ козакамъ ихъ командирами. Впослѣдствіи задачи коммиссіи Щербинина были, какъ мы знаемъ, расширены. Императрица иногда подписывалась: „остаюсь къ вамъ доброжелательная“. Щербининъ на одномъ представленіи своемъ подписался: „всеподданнѣйшій и послѣдній рабъ Евдокимъ Щербининъ“.

[4]) Высочайшее повелѣніе Малороссійскому, Курскому и Харьковскому генералъ-губернатору гр. Румянцеву Задунайскому объ учрежденіи Харьковскаго нам. было дано 25 апр. 1780 года, при этомъ мѣстечки—Волчанскъ, Валки, Краснокутскъ, Богодуховъ, Мирополье, Бѣлополье, Лебединъ и Недригайловъ были переименованы въ города (П. С. Зак., т. XX, № 15004). Тогда же утвержденъ былъ и штатъ Харьковской губ. (П. Соб. Зак. Книга штатовъ).

[5]) Топогр. опис. Харьков. Нам. Х. 1888, стр. 18—19.

[6]) Рук. Топ. опис. Харьк. Нам. 1785 г.

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ намѣстничества, значительно увеличилась и та территорія, центромъ которой былъ Харьковъ, слѣдовательно, увеличилось и значеніе этого послѣдняго. Расширилось значеніе его и въ чисто административномъ отношеніи, благодаря тому, что въ немъ сосредоточился, съ учрежденіемъ намѣстничества, цѣлый рядъ правительственныхъ учрежденій, коихъ прежде не было [1]).

Въ немъ тогда были—Губернское Правленіе, въ которомъ засѣдали генералъ-губернаторъ, губернаторъ и два совѣтника, Казенная Палата, въ которой засѣдали—поручикъ правителя или вице-губернаторъ, директоръ экономіи, три совѣтника, пять ассесоровъ и губернскій казначей; Уголовная Палата съ предсѣдателемъ, двумя совѣтниками и двумя ассесорами; Гражданская Палата съ предсѣдателемъ, двумя совѣтниками и двумя ассесорами; при Губернскомъ Правленіи и палатахъ губернскій прокуроръ и два губернскихъ стряпчихъ; Совѣстный Судъ съ судьею, двумя дворянскими, двумя мѣщанскими и двумя сельскими засѣдателями; верхній Земскій Судъ съ двумя предсѣдателями, 10 засѣдателями, изъ которыхъ двое брались въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія; при немъ прокуроръ и два стряпчихъ; Губернскій Магистратъ съ 2 предсѣдателями, 6 засѣдателями, изъ коихъ 2 брались въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, прокуроръ и два стряпчихъ; верхняя Расправа съ 2 предсѣдателями, 10 засѣдателями, изъ коихъ два брались въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, прокуроръ и два стряпчихъ; Приказъ Общественнаго Призрѣнія, въ коемъ засѣдалъ губернаторъ, 2 засѣдателя изъ Верхняго Земскаго суда, два засѣдателя изъ Губернскаго магистрата, два засѣдателя изъ верхней Расправы. Таковы были Намѣстническія учрежденія; за тѣмъ слѣдовали уѣздные или окружные; Уѣздный Судъ съ судьею и двумя засѣдателями; уѣздное Казначейство съ казначеемъ; при уѣздномъ судѣ Дворянская опека, въ которой засѣдали—предводитель, судья уѣзднаго суда и два засѣдателя; Нижній Земскій судъ, въ коемъ засѣдали—земскій капитанъ или исправникъ, два дворянскихъ засѣдателя и два сельскихъ засѣдателя, которыхъ брали изъ нижней Расправы; городовой Магистратъ съ двумя бургомистрами и четырьмя ратманами, изъ коихъ два брались въ Сиротскій Судъ; при Магистратѣ Сиротскій Судъ, въ которомъ засѣдали Городской Голова, два члена изъ городского магистрата и городовой староста; Словесный Судъ съ двумя засѣдателями, избираемыми обществомъ; нижняя Расправа съ расправнымъ судьею, 8 засѣдателями, изъ коихъ два отсылались въ Совѣстный Судъ и два въ Нижній Земскій Судъ; при этихъ присутственныхъ мѣстахъ былъ стряпчій; наконецъ, городничій; всего было въ Харьковѣ 18 присутственныхъ мѣстъ и 103 присутствующихъ члена; сюда же еще нужно причислить предводителя дворянства, землемѣра, архитектора и механика, иначе машиннаго или мельничнаго мастера [2]).

Во времена намѣстничества Харьковъ получилъ и свой гербъ.

Гербъ г. Харькова, по сообщенію неизданнаго „Топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества 1785 г.“, представлялъ изъ себя положенныя въ зеленомъ полѣ крестообразно рогъ изобилія съ находящимися въ немъ плодами и цвѣтами и кадуцею или Меркуріевъ жезлъ; онъ указывалъ на естественныя богатства окружающихъ городъ селеній и на торговлю, производившуюся на мѣстныхъ ярмаркахъ. Кѣмъ онъ былъ первоначально пожалованъ, неизвѣстно, но 21 сентября 1781 года онъ былъ конфирмованъ Государынею, а 20 января 1782 г. присланъ при указѣ Правительствующаго Сената [3]). Гербъ Харькова, вполнѣ согласный съ этимъ описаніемъ, помѣщенъ въ „Атласѣ Харьковскаго Намѣстничества 1787 г. съ топографическимъ описаніемъ“, изданнымъ въ 1902 году Харьков. Губ. Стат. Комитетомъ. Такое же описаніе его мы

[1]) 9 декабря 1780 г. послѣдовало сенатское извѣщеніе объ открытіи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Харьковѣ (П. С. З., т. XX, № 15097).

[2]) Рук. Топог. опис. Харьков. Намѣст 1785 г. Военноученый архивъ Главнаго Штаба отд. 5, шк. 37, № 468.

[3]) Ibidem.

находимъ и въ „Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества", изданномъ въ Москвѣ въ 1788 году [1]). Все это буквально подтверждается и подлиннымъ современнымъ законодательнымъ актомъ [2]).

Гербъ г. Харькова XVIII вѣка.

Въ 1796—1797 году Харьковское Намѣстничество было снова превращено въ Слободско-Украинскую губернію, почти въ прежнихъ ея предѣлахъ, за исключеніемъ земель, лежавшихъ во внутреннихъ частяхъ сосѣднихъ губерній; великорусскія селенія ея вновь отчислены къ Курской губерніи, исключая тѣхъ, кои находились внутри Харьковскаго Намѣстничества [3]). Слободско-Украинская губернія дѣлилась въ самомъ концѣ вѣка на 13 уѣздовъ—Харьковскій, Валковскій, Богодуховскій, Ахтырскій, Лебединскій, Сумской, Зміевской, Изюмскій, Купянскій, Волчанскій, Острогожскій, Богучарскій и Старобѣльскій [4]). Сравнительно съ Намѣстничествомъ въ ней прибавились уѣзды Воронежской губ. и убавились уѣзды Курской губерніи.

Губернаторомъ Слободско-Украинской губерніи былъ съ 1765-го по 1775-й годъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, который много потрудился какъ мы видѣли, для введенія въ краѣ общерусскихъ установленій. Но Слободско-Украинская губернія сохраняла еще нѣкоторыя мѣстныя особенности даже и послѣ 1775 года, когда въ остальной Россіи введены были Губернскія учрежденія; эти послѣднія были примѣнены къ ней, повидимому, только въ 1780 году. Будучи сенаторомъ, Щербининъ исправлялъ должность Смоленскаго и Тульскаго генералъ-губернатора за

---

[1]) Топограф. описан. Харьк. Нам. Х. 1888, стр. 64.

[2]) П. С. Зак., т. XXI, № 15238.

[3]) 12 декабря 1796 г. Харьковская губ (или намѣстничество) была снова переименована въ Слободскую украинскую въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она была учреждена въ 1765 г. (П. С. З., т. XXIV, № 17634).

[4]) П. С. Зак., т. XXIV, № 17948,—Выс. указъ 11 мая 1797 г. о возстановленіи Слоб. Укр. губ.; Опис. Слоб. Укр. губ. 1802 г. съ предисловіемъ Д. И. Багалѣя. Х. 1889 г., стр. 3. 29-го марта 1802 г. велѣно было возстановить въ Слободско-Украинской губ. три заштатные города—Лебединъ, Валки и Волчанскъ и отдѣлить къ Воронежской губ. Острогожскій, Богучарскій и Старобѣльскій уѣзды (П. С. З., т. XXVII, № 20205).

отсутствіемъ кн. Репнина. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 10 іюля 1775 года губернаторомъ былъ назначенъ ген.-майоръ Дмитрій Автономовичъ *Норовъ*. Тогда же генералъ-губернаторомъ Слободско-Украинской губ. и Малороссійскихъ губерній былъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, знаменитый П. А. Румянцевъ-Задунайскій, при чемъ возникъ вопросъ о разграниченіи его власти отъ губернаторской. Предѣлы губернаторской власти были опредѣлены наказами 1728 и 1764 гг., и первымъ генералъ-губернаторомъ былъ сдѣланъ надъ двумя Бѣлорусскими губерніями Чернышовъ. Императрица Высочайше повелѣла предоставить Румянцеву такую власть, какою пользовался намѣстникъ по постановленіямъ объ учрежденіяхъ 1775 года [1]). Румянцевъ оставался Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ до 13 іюня 1781 года. Харьковскимъ губернаторомъ по прежнему былъ Норовъ, который въ мартѣ 1780 года отправился въ Петербургъ, чтобы доложить о приготовленіяхъ къ открытію Харьковскаго Намѣстничества. При открытіи Намѣстничества, помѣщикамъ велѣно было не отлучаться далеко изъ дому и по первому призыву являться въ Харьковъ. Харьковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства назначенъ былъ майоръ Г. Земборскій. По ордеру Румянцева, дворянскій съѣздъ назначенъ былъ на 25 сентября 1780 года. Чиновниковъ для новыхъ присутственныхъ мѣстъ было недостаточно и, по просьбѣ губернатора Норова, преосвященный Аггей прислалъ ему нѣсколькихъ семинаристовъ, которые и были распредѣлены по присутственнымъ мѣстамъ. Вице-губернаторомъ въ 1780 году былъ Фоминцынъ; предсѣдателемъ уголовной палаты—полковникъ Наумовъ [2]).

Румянцева смѣнилъ въ должности генералъ-губернатора послѣ 13 іюня 1781 года Евд. Ал. Щербининъ, которому поручены были Воронежское и Харьковское намѣстничества. Для своего мѣстопребыванія онъ избралъ г. Харьковъ. Въ 1782 году мы видимъ уже въ Харьковѣ ген.-губернаторомъ Черткова, склонявшаго дворянъ къ самообложенію [3]). Губернаторомъ и при Щербининѣ, и при преемникѣ его Василіѣ Алексѣевичѣ *Чертковѣ* [4]) оставался Норовъ; по крайней мѣрѣ оба они въ 1787 году встрѣчали въ Харьковѣ Императрицу Екатерину II-ю; вице-губернаторомъ въ 1787 году былъ Иванъ Дмитріевичъ *Паниковъ*; когда онъ былъ губернаторомъ, мы не знаемъ, по одному извѣстію въ 1788 году [5]). Въ 1789 году Харьковскимъ губернаторомъ, по словамъ Г. Ѳ. Квитки, былъ назначенъ бригадиръ *Ѳедоръ Ивановичъ Кишенскій* пробывшій въ своей должности до 1797 года и заботившійся, какъ увидимъ далѣе, объ увеселеніяхъ харьковцевъ; вице-губернаторомъ въ 1791 году былъ *Шидловскій*.

Въ 1796 году генералъ-губернаторомъ Воронежскаго и Харьковскаго намѣстничествъ былъ назначенъ генералъ-поручикъ *Андрей Яковлевичъ Леванидовъ*, прибѣгавшій ко всякимъ мѣрамъ

---

[1]) П. С. З., т. XX, № 14394.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл.; Харьк. кал. на 1886 годъ, стр. 161.

[3]) П. С. Зак., т. XXI, № 15171, ср. Пут. Зап. Зуева, стр. 188.

[4]) Этотъ Чертковъ—родной прадѣдъ владѣльца Чертковской библіотеки. Митр. Евгеній сообщаетъ о немъ слѣдующія біографическія данныя. Родился онъ въ 1726 году въ дворянской семьѣ; обучался въ кадетскомъ корпусѣ, былъ въ немъ долго учителемъ математики; въ 1761 г вышелъ въ армію майоромъ, а въ 1764 г. былъ сдѣланъ комендантомъ крѣпости св. Елисаветы; съ 1771 г. состоялъ главнымъ командиромъ на Днѣпровской линіи, съ 1775 года—Азовскимъ губернаторомъ и съ 1782 года—Воронежскимъ и Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ. Скончался въ Воронежѣ въ 1793 году. Онъ сочинилъ комедію „Кофейный домъ“, которая была поставлена въ Елисаветградскомъ театрѣ въ 1770 году и напечатана въ Кременчугѣ. Указы и рескрипты къ нему Екатерины II помѣщены въ Воронежскихъ губ. вѣд. (1862 г. № 28 и др.) Въ Харьковѣ 10 іюня 1787 года Императрица поручила ему сверхъ его должности управлять и Саратовскимъ намѣстничествомъ (Вор. губ. вѣд., 1862, № 45). Всѣ эти свѣдѣнія помѣщены при текстѣ „Обряда при Высочайшемъ шествіи Е. И. В. черезъ Харьковское намѣстничество“ въ „XVIII вѣкѣ“ Бартенева.

[5]) Ист. хрон. Щелкова, стр. 141 со ссылкою на 542 № газ. Харьковъ.

Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ.

Василій Алексѣевичъ Чертковъ.

для благоустройства Харькова и въ 1797 г. удаленный отъ этой должности вступившимъ на престолъ Императоромъ Павломъ. Губернаторъ Кишенскій въ томъ же 1797 г. былъ замѣненъ *Алексѣемъ Григорьевичемъ Тепловымъ*, пробывшимъ на своемъ посту всего 2 года [1]). Эти перемѣны, по объясненію Ярославскаго, стояли въ связи съ перемѣною царствованія [2]) и порядковъ. Тепловъ за что то не поладилъ съ вице-губернаторомъ Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ и, по донесеніи его о злоупотребленіяхъ казенной палаты, онъ и всѣ члены были удалены отъ должностей. Онъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Кіевскую губернію [3]). Въ декабрѣ 1799 года былъ назначенъ на его мѣсто *Петръ Ѳедоровичъ Сабуровъ* [4]), пробывшій также всего 6 мѣсяцевъ. „Съ упраздненіемъ Харьковскаго намѣстничества, долженъ былъ оставить службу и послѣдній, третій Екатерининскій намѣстникъ ген.-пор. А. Я. Леванидовъ и въ то же время получено было Высочайшее повелѣніе отъ генералъ-прокурора о высылкѣ изъ Харькова въ Петербургъ имѣющагося въ Намѣстническомъ домѣ (дворцѣ) трона со всѣми принадлежащими къ нему вещами [5]). Такъ Императоръ Павелъ развѣнчалъ Харьковъ, какъ центръ намѣстничества. По словамъ Устинова, устроеніе Харькова губернаторомъ Щербининымъ „ограничилось устроеніемъ лишь дворца и пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ частныхъ домовъ для казенныхъ надобностей. Смѣнившій его второй намѣстникъ Чертковъ, бывшій 11 (въ дѣйствительности больше) лѣтъ въ этой должности, также мало сдѣлалъ для благоустройства города. Только третій и послѣдній намѣстникъ А. Леванидовъ, первый занялся городскимъ устройствомъ въ свое кратковременное исправленіе этой должности“ [6]).

[1]) Тепловъ получилъ отъ Имп. Павла слѣдующій характерный указъ 24 апрѣля 1797 года: „изъ находящихся въ губерніи, вамъ ввѣренной, казенныхъ строеній тѣ, которыя за помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ, останутся праздны, повелѣваемъ обратить на казармы для воинскихъ чиновъ или на госпитали и т. д., донеся намъ, гдѣ какіе и на что именно употреблены будутъ“ (Рук. Румянц. музея въ Москвѣ).

[2]) Харьк. Сборн. I, стр. 33—34.

[3]) Ibidem, стр. 34.

[4]) Тепловъ передалъ своему преемнику Сабурову 5 Высочайшихъ рескриптовъ, доставленныхъ ему Леванидовымъ и 9 секретныхъ отношеній, полученныхъ Кишенскимъ. Въ Именномъ указѣ Сабурову 1800 года Имп. Павелъ запрещалъ вывозить хлѣбъ заграницу. Рук. Румянц. музея.

[5]) Харьк. кал. на 1886 годъ, стр. 81—82.

[6]) Ibidem, стр. 84—85.

Глава 5-я.

Городское самоуправленіе.

Пользовались ли харьковцы городскимъ самоуправленіемъ въ XVII и XVIII вв., до введенія въ городѣ обще-русскихъ порядковъ?

Харьковцы были выходцами изъ Малороссіи, а потому вполнѣ естественно, что они должны были принести съ собою на новыя мѣста и тѣ принципы городского управленія, какіе дѣйствовали въ то время въ малороссійскихъ городахъ. А въ городахъ сосѣдней съ Харьковщиной Украйны, даже въ тѣхъ, которые были „подъ панами", существовало самоуправленіе. Малорусскіе города дѣлились въ то время на два разряда: на города „упривиліованные", которымъ было королевскими, а потомъ и царскими грамотами подтверждено такъ называемое Магдебургское право, и на города, не обладавшіе этимъ правомъ. Первые сравнительно со вторыми пользовались большими привилегіями и большею степенью самоуправленія, но и въ тѣхъ, и въ другихъ оно было. Въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ иравомъ, во главѣ города стоялъ Магистратъ. Это было учрежденіе, вѣдавшее городское мѣщанство въ административномъ, судебномъ и финансовомъ отношеніяхъ. Во главѣ Магистрата стоялъ войтъ съ бурмистрами, райцами и лавниками, выбиравшимися изъ среды горожанъ. Въ распоряженіи Магистрата находилась канцелярія во главѣ съ майстратовымъ писаремъ, а для исполненія своихъ распоряженій Магистратъ употреблялъ „мѣскихъ слугъ", состоявшихъ въ разныхъ должностяхъ до „ката" включительно. Ремесленное населеніе городовъ дѣлилось на цехи, руководимые выборными цехмистрами, и пользовалось также въ предѣлахъ своихъ цеховыхъ отношеній полнымъ самоуправленіемъ.

Въ городахъ, не имѣвшихъ грамоты на Магдебургію, органомъ самоуправленія являлась Ратуша. Здѣсь такъ же, какъ и въ Магистратѣ, засѣдали выборные войты и бурмистры, но наряду съ ними находимъ до Хмельнищины—панскихъ урядниковъ, а послѣ революціи—представителей полкового или сотеннаго уряда. Во главѣ цеховъ и здѣсь стоятъ выборные цехмистры. Самоуправленіе въ этихъ городахъ было значительно уже, чѣмъ въ городахъ, обладавшихъ Магдебургскимъ правомъ, de facto оно иногда и совсѣмъ упразднялось, но это были злоупотребленія, противъ которыхъ горожане не переставали протестовать.

По типу городовъ слагалось и управленіе селъ, населенныхъ „посполитыми": здѣсь тоже были выборные войты, творившіе вмѣстѣ съ „мужами" судъ и расправу надъ селянами въ предѣлахъ своей компетенціи. Въ селеніяхъ козацкихъ во главѣ общинъ стояли выборные атаманы.

Такимъ образомъ первые поселенцы Харькова должны были принести съ собою привычку къ самоуправленію, но указаній на то, что эта привычка въ чемъ нибудь повліяла на организацію управленія новымъ городомъ,—мы въ дошедшихъ до насъ документахъ усматриваемъ чрезвычайно мало. Объяснить этотъ фактъ мы можемъ только рядомъ условій, въ какія было на первыхъ порахъ поставлено населеніе города. Среди первыхъ насельниковъ Харькова, попавшихъ на „дикое поле", которое нужно было защищать съ оружіемъ въ рукахъ, не могло обнаружиться рѣзкой дифференціаціи сословныхъ группъ. Каждый былъ воиномъ, мѣщанинъ мало чѣмъ отличался отъ козака; въ „смотренныхъ спискахъ" за первые годы существованія города мѣщане дѣлятся на сотни такъ же, какъ дѣлились на нихъ и козаки. Всѣ были военными не только въ первыя десятилѣтія существованія города, но и въ Петровскія времена, когда изъ мѣщанъ „прибирались" козаки на мѣсто выбывшихъ. Самоуправленіемъ до извѣстной степени пользовалось козачество. Удивительно ли, что когда каждый былъ воиномъ, идея

мѣщанскаго, отдѣльнаго самоуправленія, принесенная съ родины, тонула въ болѣе широкой идеѣ козацкаго самоуправленія? Присутствіе въ городѣ до самаго XVIII в. московскихъ воеводъ, смотрѣвшихъ на харьковскихъ мѣщанъ, какъ на великорусскихъ „посадскихъ", не могло содѣйствовать развитію идеи объ особенномъ мѣщанскомъ самоуправленіи. Идея, принесенная изъ Заднѣпровья, попавъ на неблагопріятную для нея почву, не проросла и скоро вывѣтрилась.

Но выражалась ли все таки хоть въ чемъ нибудь эта идея въ первые годы жизни переселенцевъ на новомъ мѣстѣ, когда она еще жила въ сознаніи харьковцевъ, не какъ далекое воспоминаніе, а какъ реальный жизненный факторъ? Документы того времени даютъ на этотъ вопросъ не отвѣтъ, а только кое какіе намеки на него. Мы знаемъ по документамъ, что населеніе Харькова дѣлилось на двѣ группы: на козаковъ и на мѣщанъ или, по московской терминологіи, на черкасъ городовые службы. Въ отношеніи отбыванія повинностей разница между тѣми и другими заключалась въ томъ, что козаки ходили въ походы, а мѣщане держали караулы только въ городѣ. Козаки, кромѣ военной службы, не несли никакихъ повинностей, а мѣщане несли всѣ, какія въ то время были, повинности, но за то они не воевали, а только защищались, и то въ случаѣ надобности. И самый терминъ *мѣщане*, неизвѣстный въ восточной Россіи и несомнѣнно принесенный изъ малорусскихъ городовъ, и родъ повинностей, лежавшихъ на мѣщанствѣ, показываютъ, что харьковскіе мѣщане были тотъ самый городской классъ, который въ Малороссіи пользовался большимъ или меньшимъ самоуправленіемъ. Есть намеки на то, что самоуправленіемъ пользовался онъ и въ Харьковѣ. Изъ „росписного списка" 185 г. (1677 г.) мы видимъ, что въ Харьковѣ былъ въ то время войтъ Иванъ Емовъ [1]). Изъ одной челобитной 1685 г. видно, что войтомъ въ это время былъ Моисей Ильинъ [2]).

Войтъ—это глава мѣщанскаго городского самоуправленія, значитъ—было и самоуправленіе, хотя, можетъ быть, и въ самой скромной его формѣ, въ такой, въ какой оно существовало въ малорусскихъ сотенныхъ городкахъ въ родѣ Борисполя. Была, по тѣмъ же документамъ, въ Харьковѣ и Ратуша, но вѣроятно не съ мѣщанскимъ, а со смѣшаннымъ урядомъ изъ представителей мѣщанства и козацкой старшины.

Куда дѣвались харьковскіе войты, какъ перевелись они, а вмѣстѣ съ ними и мѣщанское городское самоуправленіе,—объ этомъ можно только догадываться. Войты и городовое самоуправленіе перевелись, очевидно, тогда, когда перевелось и самое мѣщанство, а случилось это въ самомъ началѣ XVIII в. Въ 1700 г. велѣно было выбрать изъ харьковцевъ 850 конныхъ и оружныхъ козаковъ для военной службы, а остальныхъ превратить въ подпомощниковъ. По донесенію воеводы Толстого, харьковскій полковникъ Донецъ перечислилъ въ козаки и подпомощники всѣхъ харьковскихъ мѣщанъ, такъ что послѣ этого мѣщанъ въ городѣ совсѣмъ не осталось и нести мѣщанскихъ повинностей стало некому [3]). Это донесеніе и даетъ намъ основаніе къ предположенію, что въ это именно время была окончательно рѣшена и судьба городского мѣщанскаго самоуправленія въ Харьковѣ: разъ мѣщанъ въ городѣ не осталось, разъ всѣ они, перечислившись въ военное званіе, попали подъ команду военнаго начальства, не для кого да и не изъ кого было держать и отдѣльное мѣщанское самоуправленіе. Городъ, какъ особое юридическое лицо, державшійся только на мѣщанствѣ, съ исчезновеніемъ мѣщанства пересталъ существовать, поглощенный болѣе крупнымъ юридическимъ лицомъ—Харьковскимъ козацкимъ полкомъ.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Розр. пр. Кн. Бѣлгород. стола № 152.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола № 1175.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Розр. пр. Бѣлгород. стола № 152.

Пока существовало мѣщанство, Харьковъ представлялъ собой городскую общину, хотя въ составъ этой общины входило и не все населеніе города. Съ перечисленіемъ мѣщанства въ военное званіе городская община исчезла, остались только отдѣльныя общественныя группы: козаки съ ихъ подпомощниками, объединявшіеся въ своихъ сотняхъ; цеховые, объединявшіеся въ цехахъ; духовенство, сословнымъ органомъ котораго было Духовное Правленіе, вѣдавшее, впрочемъ, не одно харьковское, но и ближайшее къ Харькову сельское духовенство, точно такъ же, какъ въ составъ двухъ харьковскихъ козачьихъ сотенъ входили не одни только харьковскіе козаки и подпомощники, но и козаки подгородныхъ слободъ, какъ напр. Ивановки, Даниловки и др. Правда, сотникъ, кромѣ козаковъ, имѣлъ касательство ко всему населенію своей сотни, и, можетъ быть, если бы по примѣру XVII в. сотники были выборными, сотня могла бы разсматриваться, какъ самоуправляющееся юридическое лицо, но въ XVII вѣкѣ, когда назначеніе сотниковъ стало зависѣть отъ „команды“, сотня столь же мало напоминаетъ это самоуправляющееся юридическое лицо, какъ мало напоминаетъ его нынѣшній полицейскій станъ со становымъ приставомъ во главѣ. Сотня въ то время была административной единицей, но отнюдь не юридическимъ лицомъ. Къ тому же и сотенъ въ Харьковѣ было двѣ, такъ что отождествить сотню съ городскимъ обществомъ было бы ни въ какомъ случаѣ невозможно. Одного объединяющаго всѣхъ жителей Харькова общегородского органа не было: была полковая канцелярія, отъ которой одинаково зависѣли какъ старшины и козаки съ ихъ подпомощниками и подсусѣдками, такъ и цеховые и даже духовенство, но канцелярія была не городскимъ, а полковымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ не одинъ Харьковъ, а и всю территорію Харьковскаго полка. Объединенія въ одну городскую общину не дала харьковцамъ и реформа Щербинина. Съ учрежденіемъ коммиссарствъ, объединяющимъ общегородскимъ органомъ могло бы явиться Земское Правленіе во главѣ съ атаманомъ. Въ болѣе мелкихъ поселеніяхъ атаманъ былъ, можно сказать, представителемъ всего общества: вѣдалъ онъ всѣхъ войсковыхъ обывателей, а въ составъ этого сословія въ первые годы пореформеннаго періода входили бывшіе козаки, ихъ подпомощники и подсусѣдки, торговцы и промышленники, выдѣлившіеся въ особыя сословія только въ 80 годахъ XVIII в., и наконецъ, цеховые. По коммиссарской инструкціи, атаманъ выбирался „всѣмъ обществомъ, изъ лучшихъ людей того жительства“, срокомъ не меньше, чѣмъ на 2 года, но могъ оставаться и на слѣдующій срокъ, если вновь выбирался и изъявлялъ на то свое согласіе. Во время службы онъ имѣлъ чинъ заурядъ подпрапорнаго, подати во время пребыванія его на службѣ платились за него обществомъ. Онъ наблюдалъ за пріемомъ податей сборщиками, принималъ участіе въ „ревидованіи“ населенія, чинилъ разбирательство между обывателями „въ самыхъ малыхъ дѣлахъ“, при чемъ апелляціонной инстанціей для атаманскаго суда былъ судъ коммиссара. Атаманъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы жители не чинили обидъ проѣзжающимъ, смотрѣть за правильностью рубки лѣсовъ, атаманъ же наблюдалъ, „чтобы жители старались умножить хлѣбопашество“, справедливо дѣлили общія поля и сѣнокосы. Хлѣбозапасный магазинъ находился также „въ точномъ вѣдѣніи атамана“, который велъ записи по расходу и приходу хлѣба и при передачѣ должности другому обязанъ былъ сдать весь хлѣбъ согласно записямъ. Атаману же вмѣнялось въ обязанность смотрѣть за порядкомъ въ цехахъ, блюсти за цѣлостью имѣющихся въ Коммиссарскомъ Правленіи пожарныхъ инструментовъ, распредѣлять, кто изъ обывателей и съ какимъ орудіемъ долженъ явиться на пожаръ. Атаманъ, наконецъ, слѣдилъ за торговыми цѣнами и велъ имъ записи, наблюдалъ за подозрительными домами и непотребными женщинами, докладывалъ коммиссару о подозрительныхъ заболѣваніяхъ на людяхъ и на скотѣ [1]). Атаманъ, такимъ об-

[1]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, т. II-й, стр. 295, 297, 299, 300, 302, 305, 307, 308, 312, 315.

разомъ, соединялъ въ своихъ рукахъ обязанности полицейскія, фискальныя и судейскія. Это былъ коммиссаръ въ миніатюрѣ: чѣмъ былъ коммиссаръ для своего округа, тѣмъ былъ атаманъ для своего селенія. Коммиссаръ былъ первоприсутствующимъ въ Коммиссарскомъ Правленіи, атаманъ—въ Земскомъ (атаманскомъ тожъ). Земское Правленіе и выборнаго атамана п можно было бы признать выраженіемъ объединенія всего населенія города, но такихъ атамановъ и Земскихъ Правленій въ Харьковѣ было два. Разница между старою сотнею и частью города, подвѣдомой атаману, была только въ томъ, что сотникъ назначался, а атаманъ выбирался; что сотникъ держался на мѣстѣ до ласки начальства, а непріятнаго атамана можно было „скинуть“ черезъ два года по желанію самого же общества. Шагъ небольшой къ признанію за обществомъ правъ на самоуправленіе, но все же заслуживающій быть отмѣченнымъ.

Атаманы были заведены въ Харьковѣ съ 1766 г., а уже въ слѣдующемъ году дѣло объединенія городскихъ жителей дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ: въ Харьковѣ является городской голова. Голова—это уже „представитель города, какъ всей совокупности населенія опредѣленнаго пункта, въ немъ городъ олицетворялся, какъ юридическое лицо“. Выбирался онъ всѣмъ городомъ, но къ городскимъ дѣламъ этотъ представитель города вначалѣ ровно никакого касательства не имѣлъ: онъ ничѣмъ не завѣдывалъ. Выбрать голову велѣно было сперва для предсѣдательствованія въ собраніи горожанъ при выборѣ депутатовъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія и составленіи наказа, а затѣмъ онъ держался только „на тотъ случай, если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до общаго разсужденія и положенія всѣхъ живущихъ въ городѣ“. Въ 1768 г. выборы городскихъ головъ приказано повторить, а въ 1771 г. велѣно было должность головы сдѣлать постоянной, но и послѣ этого въ свое „вѣдѣніе“ голова ничего не получилъ. Единственною его обязанностью было предсѣдательствовать въ собраніяхъ городского общества, но бывали ли до учрежденія намѣстничества такія собранія,—по бывшимъ въ нашемъ распоряженіи документамъ не видно. Послѣ введенія въ Харьковѣ учрежденія о губерніяхъ, мы видимъ голову не только предсѣдателемъ въ собраніяхъ городского общества, но и предсѣдателемъ Сиротскаго Суда, а послѣ введенія Городового Положенія 1785 г. голова становится предсѣдателемъ какъ общей, такъ и шестигласной Думы.

Голова выбирался сперва на 2 года, а потомъ, когда его должность сдѣлалась постоянной,—на 3 года. Выборы производились обыкновенно въ декабрѣ, одновременно съ дворянскими выборами. Участвовать въ выборѣ головы, на основаніи Городового Положенія, могъ каждый горожанинъ, принадлежавшій къ составу городского общества, достигшій 25-лѣтняго возраста и располагавшій капиталомъ, процентъ съ котораго не ниже 50 руб. Распоряжался выборами головы Городовой Магистратъ, а за порядкомъ при выборахъ слѣдилъ городничій.

Первымъ городскимъ головою въ Харьковѣ былъ отставной сотникъ Павелъ Гуковскій, которому и пришлось исполнять обязанность предсѣдателя городского общества при выборѣ депутата и сочиненіи наказа въ коммиссію 1767 г.[1]). Затѣмъ въ 1768 г. на должность головы былъ выбранъ подпрапорный Ѳедоръ Афанасьевъ, который въ 1771 г. вновь былъ избранъ на ту же должность. Въ 1779 г. головою былъ Петръ Ивановичъ Артюховъ, о „службахъ“ котораго имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: въ 1762 г. онъ состоялъ при сборѣ подушныхъ съ козачьихъ подпомощниковъ, въ 1769 г. собиралъ для войскъ овесъ и сѣно съ харьковскихъ дворянъ, затѣмъ былъ выбранъ атаманомъ перваго Харьковскаго Земскаго Правленія, потомъ состоялъ головою у казеннаго соляного магазейна, а съ 1777—счетчикомъ по сбору хлѣба въ общественный магазинъ и денегъ. Послѣ службы въ городскихъ головахъ Артюховъ былъ выбранъ бур-

[1]) Списокъ съ наказа г. Харькова, доставленный намъ проф. В. И. Сергѣевичемъ.

гомистромъ Городового Магистрата, а затѣмъ служилъ засѣдателемъ во второмъ департаментѣ Губернскаго Магистрата [1]). Въ 1784 г. городскимъ головою выбранъ купецъ Артемій Карповъ, которому и пришлось быть первымъ предсѣдателемъ Харьковской Городской Думы. Послѣ Карпова, прослужившаго два „термина“, на должность городского головы былъ выбранъ коллежскій регистраторъ Александръ Павловъ, а послѣ него—купецъ Алексѣй Тамбовцевъ. Затѣмъ слѣдовали купцы—Андрей Аникѣевъ, Михаилъ Бутенковъ и Егоръ Урюпинъ.

Сдѣлавъ голову предсѣдателемъ въ собраніяхъ городского общества, законъ тѣмъ самымъ призналъ за этимъ обществомъ право на существованіе, можно сказать даже, создалъ его. Но это былъ еще институтъ безъ опредѣленныхъ функцій. Вся дѣятельность общества выражалась въ томъ, что время отъ времени, по приказу начальства, оно собиралось и выбирало себѣ предсѣдателя, а затѣмъ расходилось до новыхъ выборовъ. Общественными дѣлами не занималось ни общество, ни его предсѣдатель, потому что такихъ дѣлъ и не было. Въ 1780 г., съ введеніемъ въ Харьковѣ учрежденій 1775 г., у общества явились и дѣла. Въ его руки передано распоряженіе городскимъ хозяйствомъ, судъ надъ сочленами, попеченіе о сиротахъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ и взиманіе казенныхъ податей. Органомъ городского общества сталъ Городовой Магистратъ, а съ распространеніемъ на Харьковъ Жалованной Грамоты 1785 г. возникъ и другой органъ—Дума. Городское общество получило въ извѣстныхъ предѣлахъ право самоуправленія.

Что же такое представляло собою городское общество въ Харьковѣ, и кто входилъ въ его составъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ для первыхъ лѣтъ существованія общества даютъ подписи подъ наказомъ г. Харькова, посланнымъ въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что головой является отставной сотникъ Павелъ Гуковскій, человѣкъ по положенію не принадлежавшій къ мѣщанству, т. е. къ тому въ широкомъ смыслѣ понимаемому сословію (купцы, посадскіе и цеховые), которому по духу русскаго законодательства XVIII в. только и принадлежало право числиться въ рядахъ городского общества. Депутатомъ харьковцы выбираютъ опять таки не „мѣщанина“, а отставного сотника Илью Черкеса. Подъ наказомъ харьковскихъ горожанъ мы находимъ подписи 9 сотниковъ, 8 подпрапорныхъ, одного канцелярista, а затѣмъ „обывателей“, просто „жителей“ и, наконецъ, одного грека, торговавшаго въ Харьковѣ [2]).

Въ составъ городского общества на первыхъ порахъ его существованія входятъ, такимъ образомъ, не „мѣщане“, а всѣ вообще жители (такъ они и сами себя называютъ въ наказѣ), т. е. люди, живущіе въ Харьковѣ. Объясняется это явленіе отсутствіемъ въ тогдашнемъ Харьковѣ того именно „мѣщанства“, которое законодатель считалъ „свойственнымъ“ городу населеніемъ. Промышленность и торговля не выдѣляли занимавшихся ими войсковыхъ обывателей

---

[1]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Обывательская книга.

[2]) Такъ какъ Харьковскій наказъ и до сихъ поръ не изданъ, а подписи харьковцевъ 1767 года могутъ представлять нѣкоторый интересъ и для нынѣшнихъ горожанъ, то и приводимъ ихъ полностью. Наказъ заканчивается такъ:

Выборный отъ города Харькова голова, отставной сотникъ Павелъ Гуковскій, скрѣпилъ наказъ по пунктамъ. Сотникъ Федоръ Пантилимоновъ. Отставной сотникъ Иванъ Анастасѣевъ. Отставной сотникъ Григорій Клещевъ. Отставной сотникъ Петръ Моренковъ. Отставной сотникъ Осипъ Фесенко. Отставной сотникъ Иванъ — . Сотникъ Иванъ Фесенковъ. Отставной сотникъ Пантелимонъ Поповъ. Подпрапорный Иванъ Фесенко. Подпрапорный Алексѣй Назаренковъ. Подпрапорные Филиппъ Чугай, Степанъ — , Иванъ Олтанскій, а вмѣсто ихъ, по ихъ прошенію, Харьковскій житель Іосифъ Гавришенко подписался. Отставной подпрапорный Николай Кощичъ. Подпрапорный Федоръ Анастасѣевъ Грековъ Подпрапорный Осипъ Коронецъ. Отставной канцеляристъ Григорій Граминскій. Осифъ Гавришенко вмѣсто себя, Михаила Поддубнаго и Потапа Бутенка по ихъ прошенію подписался. Григорій Сомина, а вмѣсто его сынъ его Николай Сомина по его велѣнію подпи-

въ особое сословіе, потому что и промышлять, и торговать имѣлъ право всякій. Правда, и въ то время были въ Харьковѣ кущцы и посадскіе, но это были люди пріѣзжіе изъ великорусскихъ городовъ, приписанные къ гильдіи гдѣ нибудь въ Тулѣ или Бѣлгородѣ, но такіе и не считались жителями Харькова и въ составленіи наказа не участвовали. Войсковые обыватели и цеховые, жившіе въ городѣ, не имѣвшемъ „мѣщанства“, и не привыкшіе понимать городъ въ смыслѣ общества мѣщанъ, въ правѣ были смотрѣть на себя, какъ на городское общество: они жили въ городѣ, несли всѣ городскія тяготы, и этого было довольно, чтобы считать себя въ правѣ указывать на эти тяготы и просить о ихъ уменьшеніи. Подпись грека Анадольскаго тоже понятна: онъ—житель Харькова и, законно или нѣтъ, пользуется тѣми же правами, какими пользуются и коренные харьковцы. Подпись эта тѣмъ болѣе понятна, что, не смотря на его иноземческое происхожденіе, мы находимъ того же самаго Анадольскаго черезъ нѣсколько лѣтъ обладателемъ офицерскаго чина. Полагать нужно, что и въ 1767 г. онъ уже занималъ какую нибудь должность. Почему участвовали сотники, имѣвшіе право подписать свои имена подъ дворянскими наказами? Да потому, во первыхъ, что они, живя въ Харьковѣ, промышляли въ немъ и тѣсно были связаны съ интересами остальныхъ горожанъ, а во вторыхъ, потому что процессъ сословной дифференціаціи сказался въ то время въ Слободчинѣ еще очень слабо. Старшина, на ея низшихъ ступеняхъ, все еще продолжала считать себя принадлежащей къ козачеству, козачество переименовано въ войсковыхъ обывателей, и она, плоть отъ плоти козачества, признала свою принадлежность къ сословію войсковыхъ обывателей. Можетъ быть, другой сотникъ, имѣвшій гдѣ нибудь внѣ города грунта и подданныхъ, и счелъ бы себя связаннымъ съ интересами дворянства, но какой смыслъ былъ себя связывать съ ними сотнику, жившему продажей горилки, „крамомъ“ или наймомъ коморы подъ лавку пріѣзжему греку? Всѣ его интересы были тѣсно связаны съ интересами горожанъ, и отказываться отъ участія въ ходатайствѣ объ облегченіи положенія горожанъ для него могло быть только невыгодно. Итакъ, въ составъ харьковскаго городского общества въ первое время по его признаніи законодателемъ входили какъ низшіе представители козацкой старшины, такъ и войсковые обыватели и даже осѣвшіе въ Харьковѣ иностранцы.

сался. Иванъ Тереховъ, а вмѣсто его Харьковскій житель Николай Сомина по его прошенію подписался. Яковъ Замановскій подписался. Андрей Шилковскій подписался. Семенъ Баранъ вмѣсто себя, Федора Дощича, Демьяна Пономаренка и Якима Новохатскаго, по ихъ прошенію, подписался. Яковъ Мизерній вмѣсто себя и Андрея Дегтяря, по его прошенію, подписался. Иванъ Дьяковъ, Василій Пшеняникъ подписался. Павелъ Петренковъ, Самойло Деменченковъ, Михайло Таранченко, Трохимъ Шишка, Василій Сомина, Иванъ Хонарной, а вмѣсто ихъ, по ихъ прошенію, харьковскій житель Василій Петренко подписался. Ѳедоръ Жиленко вмѣсто себя и обывателей Остапа Пащенка, Антона Нуниченка, Калину Мариниченка, Павла Романченка, по ихъ прошенію, подписался. Григорія Хороля, Павла Калашникова, Василія Цехмистренка, Ивана Отрѣшка, Лаврентія Радченка, Данила Тупицы, Омельяна Лихторинова, Федора Брѣвки, по ихъ прошенію, вмѣсто ихъ неграмотныхъ, Харьковскаго Коммиссарства копіистъ Яковъ Тупиченковъ подписался. Яковъ Гуковскій вмѣсто себя и обывателей Ивана Гавришенка, Григорія Смоляниченка, Семена Овраменка, Ивана Ветченкина, Ивана Прокопенка, Кондрата Лымаря, по ихъ прошенію, подписался. Омельянъ Босанскій вмѣсто себя и обывателей Михаила Якуба, Филиппа Пацюка, Максима Сѣрика, Степана Сверула да Федора Щербака, по ихъ прошенію, подписался. Иванъ Крохмаль, Евстафій Ващенко, Василій Романченко, Федоръ Демьянченко, Дмитрій Цимбалъ, Григорій Дорошенко, а вмѣсто ихъ, по ихъ прошенію, харьковецъ Григорій Усенковъ подписался. Иванъ Сакма, Ѳедоръ Олещенко. Матвѣй Карабутъ, Николай Нестеренко, Алексѣй Клименко; Григорій Шарпило, Петръ Леусъ, Андрей Полторакъ, Иванъ Сидоренко, Василь Гуринъ, Григорій Босій, Никита Рыбаленко, Иванъ Ковдь, а вмѣсто ихъ, по ихъ прошенію, Ѳедоръ Неиленко подписался. Степана Песоцкаго, Ивана Котка, да Логвина Ласкавца, вмѣсто ихъ, по ихъ прошенію, Харьковскаго Коммиссарства копіистъ Яковъ Тупиченко подписался. Гаврило Лесенко, Григорій Заика. Андрей Гнида, а вмѣсто ихъ, по ихъ прошенію, харьковецъ Василій Гончаровъ подписался. Андрей Слюсаревъ, по прошенію обывателей Павла Пивоваренка, Матвѣя Дощича, Петра Кулинича, Павла Шкурки и Данила Серика, подписался. Грекъ Юрій Анадольскій.

Таковъ былъ составъ харьковскаго городского общества въ переходную эпоху, отъ учрежденія губерніи до введенія въ 1780 г. общерусскихъ порядковъ. Онъ рѣзко отличался отъ состава городскихъ обществъ въ великорусскихъ городахъ. Новый порядокъ засталъ его еще въ старомъ, не дифференцированномъ видѣ. Когда въ 1780 г. на Слободчину было распространено учрежденіе о губерніяхъ съ магистратскимъ самоуправленіемъ для горожанъ, то оказалось, что такихъ горожанъ, которыхъ законъ признавалъ подвѣдомственными Магистрату, въ Харьковѣ, какъ и въ прочихъ городахъ губерніи, совсѣмъ не было. Въ должностяхъ бургомистровъ перваго состава Харьковскаго Городового Магистрата въ 1780 году, очевидно, по отсутствію въ Харьковѣ купцовъ и мѣщанъ, мы видимъ сотниковъ Моренка и Фесенка, не имѣвшихъ по Учрежденію о губерніяхъ даже права принадлежать къ составу городского общества, а тѣмъ болѣе стоять во главѣ его. Въ одномъ изъ первыхъ же своихъ засѣданій, какъ мы знаемъ, Харьковскій Губернскій Магистратъ разсуждалъ о томъ, что Харьковское намѣстничество отличается отъ прочихъ намѣстничествъ Россійской Имперіи тѣмъ, что въ немъ совсѣмъ нѣтъ купечества и мѣщанства. Магистратъ находилъ, что эти сословія слѣдуетъ завести „какъ въ силу учрежденій 1775 г., изъ коихъ ясно видно, что власть магистратскихъ правленій простирается единственно на купечество и мѣщанство, такъ и для соблюденія добраго порядка, который указываетъ, что не можетъ быть тамъ правительства, гдѣ нѣтъ ему подчиненныхъ". И „подчиненные" были заведены По документамъ Магистрата въ 1780 и 1781 годахъ мы видимъ длинный рядъ перечисленій изъ войсковыхъ обывателей въ купечество и мѣщанство. Въ то же время производилось перечисленіе подъ магистратское вѣдомство и многихъ цеховыхъ [1]). Новый порядокъ былъ санкціонированъ указомъ 3 мая 1783 года, однимъ изъ пунктовъ котораго было узаконено, что если кто изъ козаковъ или поселянъ казеннаго вѣдомства пожелаетъ пользоваться въ городахъ промыслами, мѣщанамъ принадлежащими, тотъ долженъ записаться въ мѣщанство, а по капиталамъ и въ купечество.[2]) Въ виду этого приписка къ купечеству или мѣщанству стала обязательной для всякаго, кто желалъ по прежнему заниматься въ городѣ торговлей или промыслами. Правда, законъ этотъ исполнялся въ Харьковѣ плохо—торгами и промыслами занималось не одно „мѣщанство",—но все же онъ побудилъ большое число войсковыхъ обывателей перечислиться въ купечество и мѣщанство. Съ появленіемъ въ Харьковѣ тѣхъ же городскихъ сословій, какія имѣлись въ великорусскихъ городахъ, къ харьковскому купечеству и мѣщанству стали приписываться и великороссы, до сихъ поръ числившіеся въ гильдіяхъ купечества великорусскихъ городовъ. Къ началу 1785 г. харьковское городское общество состоитъ уже не изъ отставныхъ старшинъ и войсковыхъ обывателей, а изъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ. На одной изъ жалобъ городского общества 1785 года мы видимъ подписи купцовъ Ив. Ворожейкина, Бориса Зикѣева, Семена Скибина, Сидора Чернявскаго, Козьмы Аксенова, Ильи Копейкина, мѣщанъ—Семена Виткаленка, Михаила Сердюка, Михайла Литвиненка, Ивана Гринича, Акима Пушкаренко, Петра Устелки „и всего общества" [3]). Кто именно разумѣлся подъ именемъ „всего общества",—сказать не можемъ, знаемъ только, что къ составу этого общества, кромѣ перечисленныхъ лицъ, принадлежали еще купцы Тамбовцевъ и Аникѣевъ и мѣщане Маслянниковъ и Долгополовъ да городской голова Карповъ. Важно то, что изъ перечисленныхъ здѣсь фамилій нѣтъ ни одной изъ тѣхъ, которыя фигурировали въ наказѣ горожанъ 1767 г. Купцы, какъ видно по фамиліямъ,—великороссы, полагать нужно, тѣ самые приписанные къ гильдіямъ великорусскихъ городовъ, которые и прежде жили въ Харьковѣ, но не числились его обывателями, а теперь, когда въ Харьковѣ водворились великорусскіе порядки,

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Харьк. Магистрата 1780—1781 гг.

[2]) Перв. Полн. С. З. № 15724.

[3]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1786 г., стр. 235.

перечислившіеся въ харьковское купечество. Мѣщане, судя по фамиліямъ, мѣстнаго происхожденія, очевидно тѣ, которые успѣли перейти въ мѣщанство изъ войсковыхъ обывателей послѣ 1780 года. Подъ понятіе „всего общества“ входили, какъ видно изъ содержанія самого документа, и цеховые. Что касается войсковыхъ обывателей, то они въ это время были уже отрѣзанный ломоть, и на нихъ „мѣщанскія выгоды“ ни въ коемъ случаѣ не могли распространяться. Войсковые обыватели касательства къ городскому обществу не имѣли, управлялись по прежнему выборными атаманами и зависѣли не отъ Магистрата, а отъ директора экономіи.

1785 годъ, принесшій русскимъ городамъ Жалованную Грамоту, принесъ вмѣстѣ съ тѣмъ точныя правила о томъ, кто именно имѣетъ право на принадлежность къ составу городского общества, а стало быть, и право пользоваться „мѣщанскими выгодами“. По грамотѣ 1785 года къ составу „мѣщанства“ или, что то же, городского общества принадлежатъ слѣдующія группы городского населенія: 1) настоящіе городовые обыватели, т. е. владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ чертѣ города. Въ Харьковѣ въ число настоящихъ городовыхъ обывателей входили всякаго рода разночинцы, владѣвшіе недвижимыми имуществами въ чертѣ города; слобожане, жившіе въ Захарьковской слободѣ, на Афанасовкѣ и Довгалевкѣ, къ горожанамъ не причислялись; 2) купцы всѣхъ трехъ гильдій; 3) ремесленники, состоявшіе записанными въ цехахъ; 4) иногородные и иностранные гости; 5) именитые граждане, т. е. лица, въ теченіе двухъ „терминовъ“ съ похвалою занимавшія должности мѣщанскихъ засѣдателей Совѣстнаго Суда или Губернскаго Магистрата, бургомистра или городского головы, ученые съ академическими аттестатами, архитекторы, живописцы, скульпторы и музыканты, имѣющіе академическіе дипломы, капиталисты съ капиталомъ болѣе 50 тыс. рублей, банкиры, оптовые торговцы, судовладѣльцы. Въ Харьковѣ ни иногородныхъ и иностранныхъ гостей, ни тѣмъ паче ученыхъ не было, не было также вначалѣ и именитыхъ гражданъ. Право на именитое гражданство давала служба по выборамъ, а такъ какъ до 1780 года такой службы (кромѣ должности головы) не было, то не было въ началѣ 80-хъ годовъ и именитыхъ гражданъ. Именитые граждане въ Харьковѣ появляются не ранѣе 1793 года, да и тогда ихъ было очень немного. Именитыми гражданами въ 1793 году были: Артемій Карповъ, Михаилъ Бутенковъ, Степанъ Курдюмовъ, Лаврентій Романенковъ, Осипъ Гавришенко, Максимъ Канцевичъ и Семенъ Маецкой [1]); 6) посадскіе—къ этому разряду принадлежали горожане, кормившіеся промысломъ, ремесломъ или работою. Всѣ эти разряды городскихъ жителей и составляли по грамотѣ 1785 года общество градское. Градское общество собиралось по приказанію и дозволенію генералъ-губернатора и губернатора для выборовъ и для выслушиванія предложеній генералъ-губернатора или губернатора, для обсужденія своихъ общественныхъ выгодъ и пользъ, представленія о которыхъ дѣлались губернатору, для выслушиванія „предлоговъ“ генералъ-губернатора или губернатора и чиненія „пристойныхъ отвѣтовъ, сходственныхъ какъ узаконеніямъ, такъ и общему добру“. Градское общество въ своихъ собраніяхъ черезъ каждые три года выбирало градского голову, бургомистровъ, ратмановъ Городового Магистрата, засѣдателей Губернскаго Магистрата и Совѣстнаго Суда. Старостъ и судей Словеснаго Суда градское общество выбирало ежегодно. Право участія въ городскихъ выборахъ опредѣлялось возрастомъ въ 25 лѣтъ и капиталомъ, процентъ съ котораго не ниже 50 рублей. Обществу городскому дозволялось имѣть свой домъ для собраній, печать, писаря. Оно имѣло право составлять особую казну своими добровольными складками и употреблять ее по общему согласію; въ его власти было исключеніе изъ своей среды опороченныхъ судомъ горожанъ, а также и такихъ, которыхъ явный и довѣріе нарушающій порокъ

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. Прот. 1793 г.

всѣмъ извѣстенъ. На судѣ общество защищалось своимъ стряпчимъ. За незаконныя положенія общество подвергалось штрафу. Членами градскаго общества могли быть только тѣ изъ перечисленныхъ шести группъ обывателей, которые были записаны въ городскую обывательскую книгу, раздѣлявшуюся, сообразно указаннымъ группамъ, на шесть частей [1]).

Несмотря на то, что у градскаго общества были исполнительные и распорядительные органы въ лицѣ Магистрата, а позднѣе и Думы, роль его не ограничивалась одними выборами, а проявлялась и въ другихъ случаяхъ, иногда очень замѣтно. Въ 1785 году градское общество, сдѣлавши постановленіе объ обложеніи своихъ членовъ на городскія надобности, разсматриваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о деньгахъ, поступающихъ въ Магистратъ изъ такъ называемой „винной суммы". Такъ какъ правильность расходованія этой суммы вызывала у горожанъ сомнѣнія, то городское общество дѣлаетъ постановленіе о выборѣ счетчиковъ для учета магистратскаго начальства, а когда Магистратъ не захотѣлъ допустить счетчиковъ къ порученному имъ обществомъ дѣлу, градское общество составляетъ приговоръ о принесеніи жалобы на Городовой Магистратъ Губернскому Магистрату [2]).

Бывали случаи, когда городское общество становилось въ оппозицію не только Городовому Магистрату, но и своему „главному правительству"—Губернскому Магистрату. Отъ 1786—1787 г.г. до насъ дошло цѣлое дѣло объ исключеніи городскимъ обществомъ изъ своей среды купца Алексѣя Тамбовцева, бывшаго передъ тѣмъ бургомистромъ Городового Магистрата. Въ приговорѣ этомъ, составленномъ 12 іюля 1786 года, значилось, что городское общество находило въ Тамбовцевѣ слѣдующіе пороки: Тамбовцевъ былъ выбранъ въ 1783 году городскимъ обществомъ въ бургомистры Городового Магистрата, но въ этой должности находился въ теченіе не болѣе мѣсяца, а потомъ, подъ предлогомъ болѣзни, о которой горожанамъ ничего извѣстно не было, безъ воли и согласія городского общества, просилъ у „главнаго правительства" увольненія отъ должности и былъ уволенъ. Послѣ полученія Жалованной грамоты, городское общество избрало Тамбовцева въ старосты для сочиненія городской обывательской книги, но и тутъ, „не желая обществу послужить", онъ утруждалъ главное правительство о перемѣнѣ его въ этой должности, ссылаясь на то, что выбранъ онъ не по балламъ, да и быть ему старостой невозможно, потому что раньше онъ занималъ высшую должность бургомистра. „Главное правительство" въ лицѣ Губернскаго Магистрата отдало распоряженіе объ увольненіи Тамбовцева отъ должности, а градскому обществу велѣло произвести новые выборы, наблюдая при этомъ, чтобы изъ высшихъ чиновъ не выбирались въ низшіе. Общество, собравшееся въ числѣ 20 человѣкъ, въ отвѣтъ на требованія Губернскаго Магистрата, составило приговоръ о томъ, что оно „не только не увольняетъ Тамбовцева отъ должности, но еще болѣе тѣмъ приговоромъ утверждаетъ". Общество такимъ образомъ оказалось ослушнымъ „главному правительству". „Главное правительство" приказало черезъ Городовой Магистратъ городовому обществу исполнить его указъ безъ отговорокъ, подъ опасеніемъ преданія суду за ослушаніе. Городовой Магистратъ собралъ городское общество въ большемъ противъ прежняго числѣ, прочелъ ему указъ Губернскаго Магистрата и всячески наклонялъ его къ послушанію, „точію оно къ перемѣнѣ Тамбовцева не приступало, а осталось на прежнемъ своемъ приговорѣ". Такъ какъ Тамбовцевъ не хотѣлъ нести должности, ссылаясь на указъ „главнаго правительства", а общество не хотѣло выбирать на его мѣсто другого, городу пришлось остаться безъ старосты, въ виду чего Городовой Магистратъ не могъ исполнить своевременно разныхъ требованій начальства и за это былъ оштрафованъ 25 рублями. Такъ какъ общество и послѣ этого не хотѣло приступать къ выбору старосты вмѣсто Тамбовцева, то городничему было приказано „привести общество къ послушанію".

[1]) Гор. Пол. 1785 г. Ст. 61—69, 29—44, 49—56.

[2]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Вход. 1786 г., стр. 235.

Въ виду этого купечество, мѣщанство и цеховые, которые выбрали Тамбовцева въ старосты, къ перемѣнѣ его были наклоняемы городничимъ, но успѣха не получилось: всѣ, подписавшіе приговоръ, единогласно заявили, что такъ какъ Тамбовцевъ ни въ какой службѣ не прослужилъ городу трехъ лѣтъ и не имѣетъ похвальнаго листа, дающаго ему право не быть выбираемымъ въ низшія должности, то и на перемѣну его они не согласны. Послѣ городничаго обязанность „наклонять“ общество къ перемѣнѣ Тамбовцева взялъ на себя Городовой Магистратъ, но и изъ этого толку не вышло: общество упорно стояло на своемъ. Въ послѣднемъ приговорѣ, подписанномъ уже 100 горожанами, общество высказывая нежеланіе перемѣнить Тамбовцева, напоминало о своемъ правѣ обратиться съ протестомъ противъ дѣйствій Губернскаго Магистрата черезъ стряпчаго къ губернскому прокурору. Этотъ третій приговоръ былъ каплей, переполнившей чашу терпѣнія Губернскаго Магистрата. Въ поведеніи Городового Магистрата онъ усмотрѣлъ „упражненіе въ однихъ перепискахъ“, прикрывающее собою желаніе свалить съ себя отвѣтственность на городское общество, что же касается лицъ, подписавшихся на приговорахъ, то ихъ Губернскій Магистратъ находилъ „закоснѣвшими въ неповиновеніи начальству“ „забывшими долгъ присяги своей, которою обязаны опредѣленному надъ ними Магистрату послушны быть и противными не являться“. По силѣ Генеральнаго Регламента и многихъ указовъ, въ томъ числѣ и 27 артикула Воинскаго Устава, Губернскій Магистратъ находилъ членовъ Городового Магистрата достойными отрѣшенія отъ должностей и преданія суду, а горожанъ, подписавшихся на приговорахъ—повинными штрафу въ 200 рублей, но „по прилежному обозрѣнію обстоятельствъ дѣла“, признавая, что Магистратъ и общество не такъ еще виноваты, потому что дѣйствовали подъ вліяніемъ головы Карпова, постановилъ: взыскать съ Магистрата штрафъ въ суммѣ 50 руб., а обществу, подписавшемуся на приговорахъ, „наистрожайше и публично, черезъ кого надлежитъ, объявить, чтобы оно впредь отъ непристойныхъ состоянію его сужденій воздерживалось и было послушнымъ безъ роптанія благоучрежденнымъ надъ нимъ судебнымъ вѣдомствамъ и правительствамъ“, чтобы „помышляя о государственной и народной пользѣ, препровождало дни свои въ тишинѣ, мирности и покоѣ, а не во враждѣ, зависти и безстрашіи, разрушающихъ общее благо, ибо въ противномъ случаѣ поступлено будетъ съ нимъ неминуемо такъ, какъ законы повелѣваютъ“. Что касается городского головы Карпова, то онъ, по взгляду Губернскаго Магистрата, оказался всѣхъ виноватѣе: ему, яко предводителю, надлежало унимать общество отъ неповиновенія, а онъ, вмѣсто того, „подобравъ подъ свой фарватеръ“ единомышленниковъ, „забывъ присягу и заразившись непристойными умствованіями, противными гражданскимъ правамъ, правительству и издаваемымъ уставамъ“, не постыдился показать примѣръ прочимъ, первымъ расписавшись на приговорахъ, въ противность законовъ и указныхъ вышняго мѣста повелѣній, съ выраженіемъ для Губернскаго Магистрата оскорбительнымъ и еще угрожающимъ. Карповъ, по мнѣнію Магистрата своимъ поведеніемъ подалъ подчиненнымъ поводъ и соблазнъ и поползновеніе къ непокорности и упрямству. Только въ надеждѣ, что Карповъ на будущее время удалится отъ всякихъ вредныхъ разсужденій, нарушающихъ покой и тишину, Губернскій Магистратъ находилъ возможнымъ ограничиться въ отношеніи его однимъ строгимъ выговоромъ.

Перуны „главнаго правительства“ произвели дѣйствіе совершенно обратное тому, какого отъ нихъ ожидали. Городское общество, вмѣсто того, чтобы стать „безъ роптанія послушнымъ благоучрежденнымъ надъ нимъ мѣстамъ и правительствамъ“, пошло еще далѣе по пути неповиновенія. Общество собралось еще разъ и вмѣсто того, чтобы постановить приговоръ о перемѣнѣ Тамбовцева, приговорило исключить его изъ своей среды и впредь ни къ какимъ должностямъ не выбирать. Подъ приговоромъ этимъ подписались городской голова Карповъ, 2 засѣдателя Совѣстнаго Суда, купцы, посадскіе и цеховые, всего 151 членъ градскаго общества.

Дерзкій поступокъ горожанъ, свидѣтельствовавшій объ ихъ полной закоренѣлости въ непослушаніи своему главному правительству, не могъ конечно пройти даромъ. Тамбовцевъ пожаловался на общество Губернскому Магистрату, а Магистратъ потребовалъ объясненія отъ градского головы Карпова, какъ предсѣдателя городского общества. Карповъ отвѣтилъ, что объясненій слѣдуетъ требовать не отъ него, а отъ всего городского общества. Начался опросъ общества. Губернскій Магистратъ вытребовалъ подлинный приговоръ, а затѣмъ черезъ полицію потребовалъ отъ каждаго изъ подписавшихся на приговорѣ горожанъ объясненія, какимъ именно судомъ опороченъ Тамбовцевъ и какой извѣстенъ за нимъ явный и довѣріе нарушающій порокъ; отъ неграмотныхъ, кромѣ того, требовалось объясненіе, давали ли они довѣренность подписаться на приговорѣ тѣмъ лицамъ, которыя за нихъ подписались. Неграмотные отвѣтили городничему, что приговоръ подписанъ по ихъ довѣренности, а о порокахъ Тамбовцева они ничего не могутъ объяснить, кромѣ того, что изложено въ приговорѣ. Губернскій Магистратъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ что голова Карповъ съ товарищами „поступали на безпорядочные и самовластные поступки“, вслѣдствіе чего они „не только изъ предѣловъ добрыхъ гражданъ выступили, но раздѣлились на партіи, привели себя въ раздоръ и несогласіе, родившіеся отъ ссоръ партикулярныхъ“. Считая Тамбовцева исключеннымъ изъ общества незаконно, Магистратъ постановилъ главныхъ виновниковъ этого исключенія—Карпова и засѣдателей Курдюмова и Гавришенкова предать суду Уголовной Палаты, а съ прочихъ членовъ городского общества, подписавшихся подъ приговоромъ, взыскать штрафъ въ 200 р., приговоръ о Тамбовцевѣ уничтожить, а самому Тамбовцеву быть по прежнему въ числѣ благомыслящихъ харьковскихъ гражданъ.

Дѣло Карпова и двухъ засѣдателей Совѣстнаго Суда было передано въ Уголовную Палату. Но здѣсь на него взглянули совсѣмъ иными глазами, нежели въ Губернскомъ Магистратѣ. Палата не усмотрѣла изъ переданнаго ей Магистратомъ дѣла никакихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о преступленіяхъ по должности Карпова и его сотоварищей, а потому и самое дѣло признала не подлежащимъ разбору Губернскаго Магистрата. Такъ какъ Карповъ съ товарищами виновенъ въ исключеніи Тамбовцева не болѣе остальныхъ членовъ общества, а на общество наложенъ штрафъ въ 200 руб., то и отвѣтственность Карпова и двухъ засѣдателей должна заключаться въ уплатѣ причитающейся на ихъ долю части штрафа, наложеннаго на общество. Находя, что главную причину и поводъ къ смутѣ въ городскомъ обществѣ подалъ самъ Губернскій Магистратъ, вмѣшавшись незаконно въ городскіе выборы, Уголовная Палата рѣшила оштрафовать Губернскій Магистратъ въ 150 рублей, изъ коихъ половину отдать невинно потерпѣвшимъ членамъ Городского Магистрата [1]). Губернскій Магистратъ остался этимъ рѣшеніемъ недоволенъ и, находя, что Палатою „преподанъ поводъ и одобреніе впредь къ непослушанію сему Магистрату отъ подчиненныхъ“, обжаловалъ рѣшеніе Палаты въ Сенатъ [2]). Чѣмъ окончилось это дѣло,—не знаемъ.

Были и другіе случаи, въ которыхъ городское общество проявляло свою самостоятельность. Въ 1789 г. Городской Магистратъ предписалъ отставить отъ должности городового старосту Якова Жилу. Городское общество въ лицѣ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ постановило, что не находитъ въ Жилѣ никакихъ недостатковъ, а потому и въ перемѣнѣ его не видитъ резону [3]). Самостоятельность городского общества проявлялась обыкновенно въ тѣ періоды, когда во главѣ его стоялъ предсѣдатель энергичный и способный отстаивать законныя права города. Такимъ предсѣдателемъ былъ А. Карповъ, такимъ же былъ и Егоръ

[1]) Арх. Харьк. Губ. Пр. Дѣла Черткова 1787 г., № 161.

[1]) Арх. Харьк. Губ. Пр. Дѣла Черткова 1787 г., № 13.

[2]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Вход. 1789 г.

Урюпинъ, бывшій городскимъ головою въ послѣдніе годы XVIII и первые XIX вѣка. При Урюпинѣ городское общество проявило такую смѣлость, что рѣшилось протестовать противъ незаконныхъ распоряженій самого „хозяина“ губерніи—губернатора Теплова. Въ 1799 году Тепловъ, заботясь о подысканіи приличной квартиры для шефа драгунскаго полка, уговорился съ помѣщицей и домовладѣлицей г-жей Буксгевденъ о наймѣ ея дома подъ квартиру шефа, при чемъ обѣщалъ, что ремонтъ дома и его отопленіе будутъ отнесены на средства города. Уговоръ этотъ состоялся безъ вѣдома и согласія городского общества и Думы. Когда въ Думѣ было получено губернаторское „повелѣніе“ о починкѣ дома г-жи Буксгевденъ и о доставкѣ дровъ для его отопленія, голова Урюпинъ созвалъ городское общество и изложилъ ему обстоятельства дѣла. Общество постановило, что чинить частный домъ на городскія средства не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что для постоя у города имѣются нарочно имъ пріобрѣтенные дома, а по Жалованной городамъ грамотѣ городскіе доходы должны употребляться на постройку и починку городскихъ, а не частныхъ домовъ; къ тому же и обязательствъ съ городомъ г-жа Буксгевденъ никакихъ не заключала, а за обѣщанія, данныя ей губернаторомъ Тепловымъ, городское общество не можетъ признать себя отвѣтственнымъ.

Хотя въ то же время, когда состоялся этотъ приговоръ, губернаторомъ былъ уже не Тепловъ, а Сабуровъ, тѣмъ не менѣе и послѣдній въ протестѣ противъ распоряженія своего предшественника увидѣлъ покушеніе на умаленіе престижа губернаторской власти и счелъ себя обязаннымъ поддержать этотъ престижъ. Сабуровъ приказалъ Думѣ исполнить приказъ Теплова и не дѣлать „не дѣльныхъ отговорокъ, наводящихъ нареканіе присутствующимъ оной Думы, страшась въ противномъ случаѣ строгаго по закону взысканія“ [1]). Приказъ не оказалъ должнаго вліянія. Въ слѣдующемъ 1800 году Дума рѣшительно отказалась отапливать домъ г-жи Буксгевденъ, ссылаясь на приговоръ городского общества и на то, что въ Городовой Грамотѣ нигдѣ не сказано, чтобы Думѣ вмѣнялось въ обязанность отапливать партикулярные обывательскіе дома, а когда Сабуровъ вновь потребовалъ исполненія своего приказа, предписавъ Думѣ не отговариваться „не дѣльными и вниманія не заслуживающими резонами“, Дума отвѣтила, что она, согласно 38 ст. Городового Положенія, уже учинила губернатору „пристойные отвѣты, сходственные какъ узаконеніямъ, такъ и общему добру“, а потому и по предписанію Его Превосходительства болѣе ничего сдѣлать не можетъ [2]).

„Пристойные отвѣты“ Думы показались губернатору совсѣмъ не пристойными, и въ концѣ концовъ бумажная война между администраціей и городомъ окончилась тѣмъ, что какъ Дума, такъ и члены городского общества, подписавшіе приговоръ, были отданы подъ судъ „заослушность и невыполненіе повелѣній Его Превосходительства относительно отпущенія для отапливанія общественныхъ домовъ, въ коихъ квартируютъ полковые командиры, а также на гауптвахту и на двѣ при въѣздахъ въ городъ караульни дровъ изъ городской суммы“. Отъ Думы отобраны были всѣ губернаторскія распоряженія по этому вопросу, а также приговоры по нимъ городского общества и Думы. Головѣ и членамъ городского общества, подписавшимъ приговоръ, велѣно было явиться порознь для дачи отвѣта передъ Палатою Суда и Расправы. Ссылаясь на 44 ст. Городового Положенія, Дума отвѣтила, что городское общество по закону защищается своимъ стряпчимъ. На этотъ отвѣтъ вниманія не обратили, и новый указъ Губернскаго Правленія гласилъ о томъ, что городское общество и Дума должны повиноваться и давать отвѣтъ передъ судомъ такъ, какъ имъ приказано. Горожане рѣшили повиноваться, но въ тоже время постановили изложить всѣ обстоятельства дѣла имѣющимъ прибыть въ Харьковъ сенаторамъ-ревизорамъ Голохвастову и Багратіону и просить у нихъ защиты. Нача-

[1]) Архивъ Харьк. Город. Думы. Вход. 1799 г.
[2]) Архивъ Харьк. Город. Думы. Подл. пригов. 1800 г.

лось дѣло. Какъ велось оно,—не знаемъ. Извѣстно только, что въ одномъ изъ засѣданій Думы гласные Яковенко, Бутовъ и Шуменко заявили, что Палата почему то не захотѣла принять отъ нихъ доставленныхъ ими отвѣтовъ на вопросные пункты, а потребовала показаній на словахъ, которыя и были записаны судейскими чиновниками. Въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, дѣло окончилось не въ пользу города. Палата постановила наложить на членовъ городского общества, подписавшихъ приговоръ объ отказѣ отъ отопленія и ремонта дома Буксгевденъ, штрафъ въ 200 р. Въ сентябрѣ 1800 г. Думу посѣтили ревизоры Кушелевъ и Алексѣевъ и приняли жалобу на произволъ администраціи и рѣшеніе Палаты [1]), но въ слѣдующемъ 1801 г. 200 руб. съ участниковъ дерзкаго приговора были взысканы [2]).

Значеніе городского общества замѣтно сказывалось въ вопросахъ, касавшихся городскихъ финансовъ. Особенно это нужно сказать о времени, когда во главѣ общества стоялъ Карповъ, и послѣ него, когда денежныя дѣла города, благодаря неудачной операціи съ „винной продажей", были особенно запутаны. Бывали случаи, когда общество собиралось для производства чрезвычайныхъ „складокъ", какъ это бывало, напр., два раза во время приготовленій къ встрѣчѣ Императрицы Екатерины. Городское общество имѣло право исключать изъ своей среды порочныхъ членовъ и, какъ мы знаемъ, пользовалось имъ, но были случаи, когда ему приходилось разсуждать и о болѣе рѣшительныхъ способахъ устраненія негодныхъ гражданъ. Такъ, въ 1796 г. городское общество по предложенію Городового Магистрата обсуждало вопросъ объ отдачѣ въ рекруты купца Петра Кувшинникова „за его скучныя дѣянія, причиняемое обществу безпокойство, а присутственнымъ мѣстамъ подачею частыхъ, но пустыхъ просьбъ затрудненіе" [3]).

Обратимся теперь къ органамъ городского общества—Городовому Магистрату и Городской Думѣ. Городовой Магистратъ былъ открытъ въ Харьковѣ 11 октября 1780 г. Первыми его бургомистрами были сотники Моренко и Ив. Фесенко, а ратманами—Мих. Бутенковъ и Григ. Топчіевъ. Къ сожалѣнію, о дѣятельности этого органа харьковскаго городского самоуправленія мы знаемъ очень немного, такъ какъ старыя дѣла его хранятся теперь не въ Харьковѣ, а въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Магистратъ вѣдалъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, жившихъ въ Харьковѣ, въ финансовомъ, судебномъ и, отчасти, полицейскомъ отношеніи. Магистратъ завѣдывалъ взиманіемъ казенныхъ податей съ купечества и мѣщанства, при чемъ съ купцовъ собиралъ установленный процентъ съ объявленнаго капитала, а съ мѣщанъ и цеховыхъ подушную подать, судилъ купцовъ и мѣщанъ по гражданскимъ и даже уголовнымъ дѣламъ, игралъ роль нынѣшняго Присутствія по воинской повинности въ отношеніи купечества и мѣщанства, при чемъ первое несло эту повинность деньгами (по 300 р. за каждаго рекрута), а послѣднее—натурою, выдавалъ паспорты купцамъ и мѣщанамъ, отлучавшимся изъ Харькова, завѣдывалъ соляным магазиномъ. Два ратмана Городового Магистрата несли, кромѣ того, чисто полицейскія обязанности: они составляли какъ бы совѣтъ городничаго, но въ дѣйствительности роль ихъ была чисто служебная. Къ полицейскимъ функціямъ Магистрата относился выборъ десятскихъ и сотскихъ, наблюденіе совмѣстно съ полиціей за правильностью мѣръ и вѣсовъ, надзоръ за цехами, выдача денегъ на полицейскія надобности и распредѣленіе квартирной повинности между горожанами. Для выполненія этой послѣдней обязанности при Магистратѣ состояли выбираемые городскимъ обществомъ квартиргеры.

Магистратъ собиралъ не только казенные, но и городскіе доходы и производилъ изъ нихъ расходы. Важнѣйшимъ изъ городскихъ доходовъ была такъ называемая винная сумма. Въ

---

[1]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Подл. пригов. 1800 г.

[2]) Тамъ же. Подл. приговор. 1801 г.

[3]) Тамъ же. Подл. приговор. 1796 г.

1783 году прежняя свобода шинкованія была въ Харьковѣ уничтожена, и то, что прежде было правомъ каждаго горожанина, обратилось въ право всего города, какъ юридическаго лица. Доходъ съ винной продажи предоставленъ былъ городу, отъ котораго и зависѣло передать это право одному или нѣсколькимъ откупщикамъ за опредѣленное вознагражденіе. Полученіемъ винной суммы съ откупщиковъ и ея расходованіемъ завѣдывалъ Магистратъ. Были у Магистрата и другіе источники городскихъ доходовъ. Изъ документовъ того времени мы видимъ, что городское общество (купцы, мѣщане и цеховые) каждогодно составляло приговоры, согласно которымъ и облагало себя опредѣленнымъ сборомъ на содержаніе Магистрата и другія городскія надобности. Какъ можно видѣть изъ тѣхъ же документовъ, въ расходованіи городскихъ средствъ Магистратъ не имѣлъ никакой свободы и расходы производилъ только по приказу губернатора или, по крайней мѣрѣ, съ его разрѣшенія [1]).

Присутствіе Магистрата составляли два бургомистра и четыре ратмана. Первые и вторые выбирались на трехгодичный срокъ, при чемъ въ бургомистры могли попасть только купцы, а ратманы выбирались изъ мѣщанства. Важную роль въ магистратскомъ самоуправленіи играли городовые старосты. По магистратской инструкціи городовой староста выбирался ежегодно городскимъ обществомъ изъ первостатейныхъ по баллотировкѣ. Должность его считалась въ 14 классѣ. Староста обязанъ былъ „обо всемъ, что къ гражданской пользѣ надлежитъ, попеченіе и стараніе имѣть“, предлагать объ этомъ Магистрату и совѣтоваться совмѣстно съ нимъ. Къ старостѣ поступали деньги отъ сборщиковъ, взыскивавшихъ съ горожанъ казенные и общественные налоги. Со времени введенія Городового Положенія 1785 г. староста привлеченъ былъ къ составленію такъ наз. городской обывательской книги. Староста, кромѣ того, состоялъ и членомъ Сиротскаго Суда, въ которомъ предсѣдательствовалъ городской голова [2]). Для веденія дѣлъ при Магистратѣ состояла канцелярія изъ секретаря и приказныхъ служителей, получавшихъ такъ же, какъ и присутствующіе Магистрата, жалованье изъ городскихъ доходовъ.

Въ качествѣ апелляціонной инстанціи надъ Городовымъ Магистратомъ стоялъ Губернскій Магистратъ, вѣдавшій всѣ находившіеся въ губерніи Магистраты и ратуши. Въ составъ членовъ Губернскаго Магистрата входили засѣдатели, выбиравшіеся также изъ среды харьковскаго купечества.

Изъ лицъ, принадлежащихъ къ составу магистратскаго самоуправленія, отмѣтимъ тѣхъ, чьи имена сохранились въ немногихъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, магистратскихъ документахъ. Первыми бургомистрами въ Харьковѣ были сотники Моренко и Иванъ Фесенко, а первыми ратманами—Михаилъ Бутенковъ и Гр. Топчіевъ [3]). Изъ бургомистровъ слѣдующаго трехлѣтія мы знаемъ одного Артюхова... Въ 1786 году въ бургомистры выбирается купецъ Алексѣй Тамбовцевъ, занимавшій, впрочемъ, эту должность всего только мѣсяцъ и 5 дней. Въ 1787 году бургомистрами были извѣстный Егоръ Урюпинъ и Василій Топчіевъ, а изъ ратмановъ мы знаемъ Василія Стрѣльникова, Гаврилу Корабьина и Алексѣя Кацавалова [4]). Въ 1790 году бургомистромъ былъ Григорій Топчіевъ, а ратманами—Ив. Клименко и Артемъ Приваловъ [5]).

Перейдемъ теперь къ Городской Думѣ. Этотъ органъ городского самоуправленія былъ установленъ Жалованною Грамотою 1785 года.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Харьк. Город. Магистр. 1780—1783 г.
[2]) Архивъ Харьков. Город. Думы. Вход. 1787 г.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Харьк. Гор. Магистр. 1780 г.
[4]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Журн. 1787 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1790 года.

Городовое положеніе 1785 года различаетъ двѣ думы—Общую и, такъ называемую, Шестигласную. Общую Думу составляютъ городской голова и гласные отъ „настоящихъ городскихъ обывателей, отъ гильдій, отъ цеховъ, отъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей, отъ именитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. Должности гласныхъ, какъ и теперь, замѣщались по выборамъ, но порядокъ выборовъ былъ совсѣмъ не тотъ, что теперь. Теперь выборы гласныхъ производятся всѣми обывателями города, обладающими извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, безъ различія сословій, а городской голова выбирается уже гласными изъ среды своей или изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу гласныхъ. Тогда всѣми обывателями производился только выборъ головы, гласные же выбирались не всѣмъ городомъ, а отдѣльными сословіями, на которыя по Жалованной грамотѣ 1785 года городъ дѣлился.

Сословій, какъ мы знаемъ, было 6: настоящіе городскіе обыватели, гильдейское купечество, цеховые, иногородные и иностранные гости, именитые граждане и посадскіе. Отъ настоящихъ городскихъ обывателей выбиралось столько гласныхъ, сколько въ городѣ частей. Выборами распоряжался городничій. Отъ остальныхъ сословій гласные выбирались въ Магистратѣ. Каждая изъ трехъ гильдій должна была дать по одному гласному. Въ Харьковѣ первогильдейскаго купечества не было, а потому и гласныхъ отъ гильдій было только 2. Изъ цеховыхъ выбиралось по одному гласному на цехъ, всѣхъ же цеховъ въ Харьковѣ было 9. Иногородные и иностранные гости, какъ мы уже видѣли, представителей въ Думѣ не имѣли, что же касается именитыхъ гражданъ, то хотя таковыхъ въ Харьковѣ уже въ 1793 году насчитывалось 7, но участія ихъ въ городскомъ самоуправленіи, въ теченіе XVIII вѣка, мы тоже не видимъ. Выборы гласныхъ отъ пяти городскихъ сословій производились по предложенію городского головы, а выборы отъ „настоящихъ обывателей“—городничаго. Городской голова вмѣстѣ съ гласными отъ шести городскихъ сословій составляли такъ называемую Общую Думу, и уже эта Дума выбирала изъ своей среды Шестигласную Думу, въ составъ которой должны были входить по одному представителю отъ каждаго изъ шести сословій. Этой то Шестигласной Думѣ и принадлежало главнымъ образомъ управленіе городскими дѣлами.

Хотя Городовое Положеніе было опубликовано еще въ 1785 году, въ Харьковѣ не торопились съ введеніемъ новыхъ порядковъ, несмотря на то, что мѣстное начальство дѣлало объ этомъ приказы неоднократно какъ Магистрату, такъ и городскому головѣ. Устройству Думы мѣшала медленность въ сочиненіи такъ называемой городской обывательской книги. Прежде чѣмъ заводить Думу, составляемую изъ представителей шести городскихъ сословій, требовалось опредѣлить, кто изъ обывателей Харькова имѣетъ право принадлежать къ городскому обществу и къ какому именно изъ сословій его. Опредѣлить это могла только обывательская книга. Въ 1786 году сочиненіе книги поручено было городовому старостѣ Алексѣю Тамбовцеву и съ нимъ четыремъ депутатамъ, подъ наблюденіемъ городского головы Артемія Карпова. Вскорѣ, однако, Тамбовцевъ былъ, какъ мы уже знаемъ, уволенъ отъ старостинской должности, а другого на его мѣсто общество выбрать отказывалось. Затѣмъ Карповъ былъ преданъ суду за преступленіе должности, и сочиненіе обывательской книги остановилось. Дѣло поручено было бургомистру Городового Магистрата Артюхову, но послѣдній успѣлъ отговориться „многодѣльствомъ“ по бургомистерской должности. Пришлось вновь обратиться къ Карпову, на котораго и возложена была обязанность сочинить обывательскую книгу [1]). Дѣло подвигалось впередъ очень туго. Требовалось сперва составить списки обывателей, затѣмъ принять отъ нихъ доказательства о ихъ состояніи, провѣрить ихъ и сдѣлать постановленіе о внесеніи въ ту или дру-

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1786 г.

гую часть обывательской книги, въ которой по Жалованной грамотѣ полагалось шесть частей, а затѣмъ выдать обывателямъ удостовѣреніе о внесеніи ихъ въ книгу. Обыватели не спѣшили представлять свои доказательства, а Карповъ и депутаты не спѣшили заниматься разсмотрѣніемъ этихъ доказательствъ, отрывавшимъ ихъ отъ личныхъ дѣлъ. За весь 1786 годъ къ головѣ и депутатамъ поступило всего только 16 заявленій о внесеніи въ обывательскую книгу. Къ тому же у самихъ сочинителей книги по новости дѣла являлись разныя „сумнительства“: какъ, напримѣръ, быть съ людьми не магистратскаго вѣдомства—разночинцами, казенными поселянами и др., которыхъ въ Харьковѣ въ то время было немало? Разрѣшать эти „сумнительства“ приходилось Намѣстническому Правленію и Губернскому Магистрату. Время между тѣмъ шло, а Губернскій Магистратъ торопилъ сочинителей, требуя отъ Карпова еженедѣльныхъ рапортовъ о томъ, какъ идетъ дѣло, дѣлая нагоняи за медленность и ошибки и грозя штрафами и сужденіемъ по всей строгости законовъ. Для ускоренія дѣла рѣшено было перемѣнить депутатовъ. Старостѣ велѣно было составлять списокъ горожанъ, а депутатамъ сочинять книгу, но и теперь дѣло не пошло лучше, потому что Карповъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ изъ города. 30 іюня 1786 года Намѣстническое Правленіе строжайше предписало Карпову окончить книгу къ первому сентября, воспретивъ ему отлучаться изъ города до окончанія возложеннаго на него порученія, а Магистрату не велѣло выдавать паспортовъ никому изъ составителей книги. Строгости, однако, дѣйствовали мало. Списокъ обывателей, составленный городскимъ старостою Ларіоновымъ, оказался неправильнымъ, а съ составленіемъ новаго онъ не торопился. Не торопились и сами обыватели: по списку городового старосты числилось въ Харьковѣ 2014 семей, а между тѣмъ къ апрѣлю 1787 года горожанами было подано всего только 89 доказательствъ. Въ виду того обстоятельства, что доказательства поступали „коснительно“, Намѣстническое Правленіе постановило воспретить отлучки изъ города всѣмъ, кто не подалъ о себѣ требуемыхъ свѣдѣній. Неторопливость обывателей объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что за внесеніе въ книгу приходилось платить, а платить было тяжело: харьковскіе мѣщане, напримѣръ, совсѣмъ отказались отъ уплаты денегъ за право внесенія въ книгу. Другіе не вписывались въ книгу, потому что претендовали на высшее положеніе: коллежскіе регистраторы и другіе разночинцы не хотѣли вписываться въ книгу, потому что считали запись въ горожане для себя унизительной. Съ ихъ взглядами соглашалось и мѣстное начальство, постановившее, что „требовать отъ разночинцевъ представленія доказательствъ нельзя, буде они сами не похотятъ пользоваться выгодами гражданства“. Все это давало поводъ головѣ и депутатамъ отлынивать отъ навязаннаго имъ дѣла, а въ случаѣ нагоняевъ свыше—ссылаться на „коснительность“ обывателей и отсутствіе энергіи со стороны полиціи, которая не принуждаетъ обывателей къ представленію доказательствъ. Начальство, хотя и называло отговорки сочинителей обывательской книги „недѣльными“, но все-таки слало строгія предписанія городничему Звѣреву и дѣлало ему выговоры за недостатокъ энергіи. Ссылался голова и на то, что общество не отпускаетъ ему денегъ на наемъ особаго писаря для сочиненія книги, а потому писать доказательствъ некому [1]).

Съ введеніемъ самоуправленія начали торопиться съ 1787 года, когда, въ виду ожидаемаго пріѣзда въ Харьковъ Императрицы Екатерины мѣстному начальству необходимо было показать, что и харьковцы наслаждаются уже матерними щедротами Ея Императорскаго Величества. Въ мартѣ 1787 года за дѣло принялся уже самъ намѣстникъ Чертковъ. Усматривая, что въ Харьковѣ имѣется немалое число купечества, располагающаго солидными капиталами, мѣщанства и цеховыхъ, а потому завести все то, что требуется по Городовому Положенію 1785 года, здѣсь легче, чѣмъ гдѣ-нибудь, Чертковъ приказалъ Намѣстническому Правленію „наистро-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1786 г.

жайше предписать кому слѣдуетъ, дабы съ полученіемъ о семъ указовъ тотчасъ приступлено было къ открытію Думы въ Харьковѣ, которая бы къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества прибытію въ Харьковъ неизмѣнно и дѣйствительно уже существовала, и о успѣхахъ по сей части черезъ каждые семь дней Намѣстническому Правленію репортовано бы было". О прилежномъ наблюденіи за исполненіемъ своего приказа Чертковъ предписалъ и губернскому прокурору Чайковскому [1]). Благодаря стараніямъ начальства, дѣло скоро пришло къ вожделѣнному концу. Къ началу мая выборы были уже окончены. Въ составъ первой общей Думы вошли слѣдующія лица: изъ купцовъ второй гильдіи Иванъ Павловъ и 3-й гильдіи Григорій Рощиновъ; изъ посадскихъ—Иванъ Клименко, Тимофей Ивахненко и Тимофей Давыденко, изъ цеховыхъ—Герасимъ Романченко (портняжнаго цеха), Иванъ Скляръ (столярнаго), Григорій Сердюковъ (кузнецкаго), Иванъ Решетниковъ (шевскаго), Осипъ Дыбченко (рымарскаго), Петръ Решетниковъ (шаповальскаго), Иванъ Деревянко (гончарскаго), Акимъ Пушкаренко (кушнерскаго) и Павелъ Сухенькій (ткацкаго); изъ гражданъ—отставной солдатъ Матвѣй Усовъ и отъ обывателей—Василій Чаплей и Алексѣй Поспѣлка. Такимъ образомъ, изъ группъ городского населенія, упомянутыхъ въ Жалованной Грамотѣ, въ составѣ Общей Думы совсѣмъ не оказалось представителей отъ именитыхъ гражданъ и гостей. Гласные Общей Думы дали подписку являться въ общія собранія еженедѣльно по понедѣльникамъ и безъ вѣдома Думы не отлучаться изъ города. Оставалось теперь только выбрать органъ для веденія текущихъ дѣлъ, которымъ по Городовому Положенію 1785 года являлась такъ называемая Шестигласная Дума. Выборы состоялись третьяго мая. Въ составъ ея вошли изъ перечисленныхъ выше гласныхъ Общей Думы: Павловъ, Рощиновъ, Ивахненко, Романченко и Чаплей—вмѣсто 6 членовъ 5, потому что какъ мы уже сказали, въ составѣ Общей Думы не было представителей отъ именитыхъ гражданъ и гостей. На первомъ же собраніи 3 мая 1787 года во время выборовъ въ Шестигласную былъ рѣшенъ и вопросъ о времени думскихъ собраній. Шестигласная Дума должна была собираться каждую недѣлю по средамъ, а Общая отъ 8 января до Страстной, затѣмъ отъ Троицы до 27 іюня, а осенью отъ 2 октября по 18 декабря [2]) по одному разу во всякую сессію, „а когда нужда и польза потребуетъ,—и въ другое время, когда имъ будетъ отъ главы города оповѣщеніе".

Одной изъ первыхъ заботъ Общей Думы было пріисканіе дѣлопроизводителя, думскаго писаря. Но несмотря на поиски, такого человѣка, „который бы имѣлъ способность въ заведеніи добраго порядка и разумѣлъ письменныя дѣла", въ Харьковѣ не сыскалось. Въ виду этого Дума обратилась въ Намѣстническое Правленіе съ просьбою о переводѣ въ Думу коллежскаго регистратора Случанскаго, служившаго до тѣхъ поръ въ Харьковскомъ Уѣздномъ Судѣ. Намѣстническое Правленіе рѣшило перевесть Случанскаго въ Думу, но въ то же время не исключать его изъ приказныхъ Уѣзднаго Суда, чтобы онъ могъ во всякое время возвратиться въ Судъ, буде не пожелаетъ служить городу [3]). Это было время, когда понаторѣлыми въ дѣлахъ приказными дорожили. Въ Шестигласной Думѣ должность писаря была поручена нѣкоему Медвѣдеву (изъ казенныхъ обывателей с. Липцы), а его помощникомъ былъ харьковскій мѣщанинъ Базилевскій. Перваго изъ нихъ Чертковъ по просьбѣ Думы произвелъ въ подканцеляристы, а второго въ копіисты [4]).

Таковъ былъ личный составъ первой Харьковской Думы. Во главѣ ея стоялъ, какъ мы уже сказали, голова Карповъ. Артемій Карповъ—типъ далеко не заурядный. Кряжистый и

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло Черткова 1787 г.

[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1787 г.

[3]) Тамъ же.

[4]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1787 г.

своенравный, но въ то же время очень умный и прекрасно знакомый со своими правами и обязанностями, Карповъ умѣлъ, въ случаѣ надобности, отстоять и себя, и городское общество, и Думу, не пассуя ни передъ какою властью. Человѣкъ это былъ очень вліятельный, богатый; по разсказу Г. Ѳ. Квитки, тогдашніе харьковскіе актеры пѣли со сцены:

Я вамъ, дѣтушки, подмога:
У Карпова денегъ много.....

И дѣйствительно, денегъ у Карпова было такъ много, что хватило не только ему, но и его отдаленнымъ потомкамъ.

Головою Карповъ пробылъ шесть лѣтъ, попавъ въ головы еще до введенія Городового Положенія 1785 года. Въ 1786 году Карповъ былъ преданъ суду, и пока дѣло о немъ разбиралось въ Уголовной Палатѣ, Губернскій Магистратъ предложилъ въ замѣстители ему купца Тамбовцева, котораго и представилъ на утвержденіе Намѣстническаго Правленія. Послѣднее, однако, сочло возможнымъ оставить Карпова въ должности головы до окончанія суда. Полагать нужно, изъ Уголовной Палаты Карповъ вышелъ оправданнымъ, ибо послѣ этого пробылъ головой еще 4 года. Въ качествѣ головы Карповъ старался, чѣмъ могъ, насолить своему сопернику. Мы уже говорили о роли Карпова въ дѣлѣ исключенія Тамбовцева городскимъ обществомъ изъ своей среды. Въ концѣ концовъ Карпову торжествовать не удалось, но враждебныя отношенія головы къ его сопернику продолжались и потомъ. Когда Тамбовцевъ представилъ свои доказательства для записки его семьи въ обывательскую книгу, Карповъ отказался ихъ принять. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Уголовной Палаты, и Карпова заставили разсмотрѣть доказательства Тамбовцева. Тогда Карповъ объявилъ, что не находитъ этихъ доказательствъ достаточными и безъ дополнительныхъ отказывается внесть его въ книгу. Губернскій Магистратъ находилъ разсужденія Карпова „затѣйными и незаконными предлогами“ и требовалъ исполненія законныхъ распоряженій „команды“, а Карповъ, не обращая вниманія на „команду“, писалъ объясненія „Намѣстническому Правленію“, въ которыхъ доказывалъ, что Тамбовцева въ обывательскую книгу вписать невозможно [1]). Еще въ 1784 году Карповъ, купно съ другими горожанами, взялъ на себя продажу водки въ городѣ. Самъ онъ, какъ кажется, водкой не торговалъ, но вступилъ въ дѣло потому, что считалъ его сообразнымъ съ достоинствомъ головы, „единственно за порядокъ, что былъ градскимъ головою“, какъ онъ писалъ впослѣдствіи. Сборщиковъ, собиравшихъ деньги съ харьковскихъ шинкарей, Карповъ не учитывалъ и вообще, если вѣрить оффиціальнымъ бумагамъ, велъ дѣло крайне халатно. Результатомъ этого явилась крупная недоимка по сбору винной суммы, за которую начальство признало отвѣтственнымъ не только Карпова, но и все городское общество. Карповъ объяснялъ, что онъ самъ водкой не торговалъ, а сборщиковъ не считалъ своею обязанностью учитывать, полагая, что это дѣло Городского Магистрата. Во взысканіи недоимки Карповъ не проявлялъ никакой энергіи и денежныя дѣла города оставилъ новой Думѣ въ самомъ плачевномъ положеніи. Въ 1790 году, послѣ удаленія Карпова отъ городскихъ дѣлъ, Губернскій Магистратъ обвинялъ его въ томъ, что въ бытность его головой, имѣя единственно у себя приходъ и расходъ общественной суммы, „чинилъ разныя замѣшательства и затмѣнія, примѣчательно въ пользу только его, а не обществу, а напослѣдокъ, при смѣнѣ другимъ, не отдавъ письменныя дѣла и требуемый отъ него отчетъ приходамъ и расходамъ, обнаружилъ себя въ томъ на требованія Думы и прежнимъ повелѣніямъ неоднократно ослушнымъ“ [2]).

Карповъ, а съ нимъ первая Харьковская Дума правили городомъ законный терминъ—3 года и окончили свою дѣятельность неудачно. Камнемъ преткновенія для нея послужили фи-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1786 г.
[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1790 г.

нансовыя дѣла города. Въ 1789 г. въ книгахъ прихода и расхода, отсылавшихся для ревизіи въ Казенную Палату, оказались „нѣкоторыя несходства“, почему и велѣно было думскому писарю, извѣстному уже намъ подканцеляристу Медвѣдеву, привесть эти книги въ пристойный видъ въ самой Палатѣ. Палатскіе чиновники вручили Медвѣдеву и выписку о замѣченныхъ „несходствахъ“, а Медвѣдевъ, „не отдавъ той выписки и книгъ, а равно и захватя рапортъ, при которомъ тѣ бумаги представлены, изъ Палаты бѣжалъ“. На требованіе Палаты о высылкѣ Медвѣдева и книгъ Карповъ не обратилъ вниманія, такъ что въ концѣ концовъ и Медвѣдева, и захваченные имъ документы Палатѣ пришлось требовать „законнымъ порядкомъ“ черезъ городничаго [1]).

Въ августѣ 1790 г. Губернскій Магистратъ приказалъ „неукоснительно сыскать бывшаго голову Карпова и съ нимъ въ Думѣ присутствовавшихъ, равно прежнихъ сборщиковъ и старостъ, въ Городовой Магистратъ и изъ онаго никого, особенно Карпова, не выпускать, пока они во всемъ требуемомъ нынѣшними въ Думѣ присутствующими дадутъ отчетъ, сдадутъ письменныя дѣла и взнесутъ остающіяся за расходомъ въ общественную сумму деньги, въ случаѣ же ослушности требовать помощи отъ городничаго“. О томъ же гласилъ и указъ Намѣстническаго Правленія, а затѣмъ и предписанія правителей намѣстничества Пашкова и Кишенскаго. Карпова и его бывшихъ товарищей по Думѣ неоднократно приглашали въ новую Думу для дачи отчета, но явиться они не сочли нужнымъ. Черезъ годъ послѣ строгаго приказа Губернскаго Магистрата, въ сентябрѣ 1791 года, Шестигласная Дума, въ виду неуспѣха указовъ и предписаній начальства, рѣшается вновь попытать счастія и проситъ Магистратъ о высылкѣ, чрезъ кого слѣдуетъ, Карпова и бывшихъ думцевъ для дачи отчета [2]). Были ли они высланы,— не знаемъ, знаемъ только что въ 1792 г. Дума по прежнему жаловалась, что Карповъ не далъ ей отчета по 18 извѣстнымъ обществу сборамъ, собиравшимся въ теченіе 6-тилѣтняго періода его пребыванія въ должности городского головы [3]). Что касается недоимки по винной суммѣ, то дѣло о ней изъ Губернскаго Магистрата Карповъ перенесъ въ Гражданскую Палату, но какой оно конецъ приняло тамъ,—неизвѣстно [4]).

Слѣдующій составъ Шестигласной Думы вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей съ 1 января 1790 г. Дума этого состава замѣчательна тѣмъ, что въ ней приняли участіе и „благородные“. На должность городского головы былъ выбранъ коллежскій регистраторъ Александръ Павловъ. Это былъ единственный случай за все время дѣйствія Городового Положенія 1785 г. въ Харьковѣ, когда во главѣ города стоялъ „благородный“. Головою Павловъ пробылъ, впрочемъ, недолго: 11 марта слѣдующаго 1791 г. Павловъ былъ уже уволенъ отъ должности головы, а на его мѣсто опредѣленъ извѣстный уже намъ Алексѣй Тамбовцевъ, состоявшій до выбора въ головы засѣдателемъ Губернскаго Магистрата [5]). Былъ „благородный“ и въ составѣ Думы; такимъ явился прапорщикъ Андрей Смородскій, бывшій гласнымъ отъ „настоящихъ городскихъ обывателей“. Гласными отъ гильдій были: Иванъ Ворожеинъ, Михаилъ Сѣрикъ и Григорій Соляниковъ, отъ посадскихъ—Тимофей Софіенко, а отъ цеховыхъ—Иванъ Скляръ. Изъ гласныхъ Общей Думы сюда нужно прибавить Ивана Дорошенка и Петра Рѣшетникова и гласныхъ отъ цеховъ—Гаврилу Лимаря (рымарскаго), Семена Величка (ковальскаго), Ивана Галенка (портняжнаго), Ивана Деревянкина (гончарнаго) и Ивана Буценка (шевскаго) [6]). Письмоводителемъ Общей Думы

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1789 г.
[2]) Тамъ же. Подл. приг. 1791 г.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же. Журн. 1790 г.

былъ уже не Случанскій, а Молчановъ. Случанскій пересталъ ходить въ Думу уже съ выборомъ новаго состава гласныхъ, такъ что новая Дума принуждена была просить губернское начальство вновь отчислить его въ Уѣздный Судъ. Замѣститель Случанскаго, несмотря на назначеніе въ Думу, продолжалъ числиться въ спискахъ приказныхъ Намѣстническаго Правленія[1]): городская служба для тогдашнихъ приказныхъ не представляла привлекательности. Тамбовцеву служить городу долго не пришлось. Головой онъ пробылъ годъ и 10 мѣсяцевъ, да и въ теченіе этого времени не всегда былъ въ городѣ: въ 1791 г. онъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, и должность его отправлялъ по назначенію Губернскаго Магистрата гласный отъ цеховъ Иванъ Скляръ; въ октябрѣ слѣдующаго года на мѣстѣ городского головы мы видимъ безграмотнаго гласнаго Григорія Соляникова, потому что Тамбовцевъ ѣздилъ въ Ахтырку на богомолье. Дума слѣдующаго трехлѣтія, 1793—1796 гг., также заключала въ себѣ представителей отъ „благородныхъ“. Гласнымъ отъ „настоящихъ городскихъ обывателей“ въ ней былъ отставной подпоручикъ В. Гринченковъ. Впрочемъ къ обязанностямъ своимъ Гринченковъ относился настолько беззаботно, что совсѣмъ не посѣщалъ Думы, и на его мѣсто скоро пришлось выбирать новаго, тоже изъ „благородныхъ“: это былъ подпоручикъ Петръ Бѣлашевъ. Отъ второй гильдіи гласнымъ былъ Григорій Сѣриковъ, а отъ третьей—Иванъ Долгополовъ, отъ цеховыхъ—Кирилло Авраменко. Знаемъ, кромѣ того, еще гласнаго Ст. Пушкаренка, остальные въ Думу, судя по ея журналамъ, совсѣмъ не ходили. Городскимъ головою былъ купецъ Андрей Аникѣевъ. Въ 1796 году его смѣнилъ Михаилъ Бутенковъ. Изъ гласныхъ этого состава Думы мы знаемъ: гласнаго отъ цеховъ Ивана Скляра, входившаго, какъ мы видѣли, и въ составъ второй Думы. И на этотъ разъ ему приходилось править должность городского головы за отъѣздомъ Бутенкова въ Стародубъ. Отъ настоящихъ городскихъ обывателей гласнымъ былъ прапорщикъ Гр. Моренко, отъ третьей гильдіи—Макаръ Риндинъ, а отъ мѣщанъ—Илья Володинъ. Окончить столѣтіе и начать новое Харькову пришлось подъ управленіемъ такого выдающагося городского головы, какимъ былъ Егоръ Урюпинъ. Гласными въ Думѣ періода 1799—1801 гг. были: Григорій Яковенко, Петръ Бѣляевъ, Максимъ Бутовъ, Шуменко и Федоръ Тумаковъ.

Кругъ вѣдомства Думы очерчивается Городовымъ Положеніемъ 1785 г. крайне неопредѣленно. По 167 статьѣ этого Положенія Городская Дума обязана: 1) доставлять жителямъ города нужное къ ихъ прокормленію или содержанію; 3) сохранять городъ отъ ссоръ и тяжебъ съ окрестными городами или селеніями; 3) сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе; 4) возбранять все, что доброму порядку и благочинію противно, оставляя, однако-жъ, относящееся къ части полицейской исполнять мѣстамъ и людямъ, для того установленнымъ; 5) посредствомъ наблюденія доброй вѣры и всякими позволенными способами поощрять привозъ въ городъ и продажу всего, что къ благу и выгодамъ жителей служить можетъ; 6) наблюдать за прочностью публичныхъ городскихъ зданій, стараться о построеніи всего потребнаго, о заведеніи площадей для стеченія народа по торгу, пристаней, амбаровъ, магазейновъ и тому подобнаго, что можетъ быть для города потребно, выгодно и полезно; 7) стараться о приращеніи городскихъ доходовъ на пользу города и для распространенія заведеній по Приказу общественнаго призрѣнія; 8) разрѣшать сомнѣнія и недоумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ, въ силу сдѣланныхъ о томъ положеній.

Какъ же исполнялись эти неопредѣленныя указанія закона Харьковской Городской Думой и что, она въ дѣйствительности, вѣдала? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получится, если мы перечислимъ, если не всѣ, то важнѣйшіе вопросы, какіе обсуждались Харьковской Думой за каждый годъ, о

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн 1790 г.

которомъ у насъ сохранились свѣдѣнія. Въ 1787 г., въ первый годъ своего существованія, Общая Дума производитъ выборы Шестигласной, послѣдняя устанавливаетъ время своихъ засѣданій и заботится объ устройствѣ канцеляріи. Новою Думой обсуждаются вопросы: о сборѣ съ ярмарковыхъ, объ обложеніи гостиницъ, трактировъ и т. п., объ отношеніи дворянъ и разночинцевъ къ городскому обществу, о городскихъ вѣсахъ, объ устройствѣ лазарета для больныхъ рекрутъ. Въ 1788 г. Дума разсматриваетъ дѣла: о сборахъ съ ярмарковыхъ; о выборѣ десятскихъ и сотскихъ; о снабженіи рекрутскаго лазарета всѣмъ необходимымъ; о сдачѣ въ монопольное пользованіе торговли сбитнемъ; о доходѣ съ городскихъ вѣсовъ; о починкѣ флигеля во „дворцѣ", гдѣ квартировали плѣнные турки; о пріемѣ въ вѣдомство Думы каменной галлереи и наймѣ ея подъ лавки; объ устройствѣ подлѣ галлереи на площади у рѣки Лопани постояннаго базара и о запрещеніи торговли въ другихъ мѣстахъ города; о починкѣ дома, въ которомъ помѣщалась канцелярія бывшаго Харьковскаго батальона, и приспособленіи его подъ рекрутскій лазаретъ; о постройкѣ на городской счетъ за городомъ военнаго лазарета; объ уступкѣ городскихъ мѣстъ подъ лавки; о выборѣ для одиннадцати приходовъ сборщиковъ для сбора по церквамъ денегъ въ пользу калѣкъ и неимущихъ. Въ 1789 г.: объ уплатѣ жалованья членамъ и канцеляріи Городового Магистрата; о доходахъ съ ярмарокъ и вѣсовъ; о пріобрѣтеніи по требованію Намѣстническаго Правленія 2 пожарныхъ трубъ; о неправильностяхъ, обнаруженныхъ при ревизіи думскихъ приходо-расходныхъ книгъ Казенной Палатой; о недоимкахъ на харьковскихъ мѣщанахъ и цеховыхъ; о налогѣ на торговцевъ виномъ; о выборѣ публичнаго нотаріуса; о постройкѣ деревяннаго моста на Лопани взамѣнъ парома, на которомъ переправлялись черезъ рѣку послѣ разрушенія каменнаго моста; о запрещеніи торговли горожанамъ, не внесеннымъ въ обывательскую книгу; о поврежденіи „Каменной галлереи"; объ уплатѣ по распоряженію губернатора Пашкова за печати для клейменія товаровъ, пріобрѣтенныя для 14 городовъ губерніи; о перестройкѣ почтовыхъ конюшенъ и избы для ямщиковъ (по требованію губернатора Пашкова). Въ 1790 г.: о таксѣ на печеный хлѣбъ, установленной Магистратомъ совмѣстно съ городскимъ головой и городничимъ; о доходахъ съ ярмарокъ и вѣсовъ; о перемѣнѣ письмоводителя; о жалованьѣ засѣдателямъ Совѣстнаго Суда и Губернскаго Магистрата; о монополіи на продажу сальныхъ свѣчей; о монополіи по продажѣ сбитня и кваса; о спорѣ города съ бывшимъ головою Карповымъ изъ-за недоимокъ по винной суммѣ; объ уплатѣ за починку губернаторскаго дома и приведеніи въ порядокъ вала около города; о приведеніи городскихъ площадей и улицъ въ благообразный видъ; о разныхъ нуждахъ города, облегченія которыхъ Дума надѣялась добиться отъ новаго губернатора Кишенскаго. Въ 1791 году: о недостаткѣ денегъ на уплату жалованья засѣдателямъ Совѣстнаго Суда и Губернскаго Магистрата; о постройкѣ сараичка для городскихъ „терезовъ"; объ очисткѣ города полиціей; о недоимкѣ по винной суммѣ и уплатѣ части ея Думою; о надзорѣ по распоряженію Намѣстническаго Правленія за базарною торговлей, чтобы пріѣзжіе изъ деревень продавали свои продукты въ раздробь городскимъ потребителямъ, а не перекупщикамъ; объ отсутствіи у города выгоновъ; о выборѣ нотаріуса Думой и Магистратомъ и объ отказѣ въ его утвержденіи Намѣстническимъ Правленіемъ, назначившимъ на эту должность другое лицо; о починкѣ по распоряженію губернатора на городской счетъ тюрьмы; о наймѣ дома подъ квартиру генералъ-поручика Елагина, по требованію губернатора; о починкѣ потолковъ въ Совѣстномъ Судѣ; объ обмундированіи думскихъ сторожей; о починкѣ стеколъ въ Банковской Конторѣ, гдѣ квартировалъ плѣнный Очаковскій паша; объ устройствѣ шалашей противъ Гостиннаго двора для сдачи въ наемъ торговцамъ; по предложенію губернатора, объ отпускѣ денегъ на освѣщеніе улицъ. Въ 1792 году: о неимѣніи денегъ на жалованье городскимъ служащимъ; о починкѣ деревяннаго моста на рѣкѣ Харьковѣ; о доходахъ съ ярмарокъ и вѣсовъ; по приказамъ губернатора: о постройкѣ 9 городскихъ

лавокъ и объ уплатѣ за колоколъ для часовъ; о назначеніи десятскихъ и сотскихъ изъ домовъ дворянъ, разночинцевъ и духовныхъ, занимающихся торговлей или промыслами; о недачѣ бывшимъ головою Карповымъ отчета по 18 сборамъ; по предложенію губернатора, о выдачѣ награды смотрителю Старо-Харьковскаго монастыря поручику Бонгарту; о доставкѣ лѣса для уличныхъ и мостовыхъ работъ, производимыхъ полиціей, и объ уплатѣ за нихъ; о покупкѣ на общественный счетъ дома для почты. Въ 1793 году: о запрещеніи частнымъ лицамъ взвѣшивать товары въ подрывъ городскимъ доходамъ; о недостаткѣ денегъ для починки Лопанскаго и Харьковскаго мостовъ; ходатайство о дозволеніи обложить въ пользу города дворянъ, разночинцевъ и духовныхъ, занимавшихся торговлей и промыслами; постановленіе объ отказѣ въ поставкѣ дровъ для отопленія квартиры провіантмейстера Грабовскаго, потребованныхъ отъ Думы губернаторомъ; о защитѣ обывателей отъ обидъ, наносимыхъ имъ откупомъ. Въ 1795 г.: по предложенію Намѣстническаго Правленія о выдачѣ городничему денегъ для покупки плетей; о продажѣ общественнаго дома (бывш. Шульца); по предложенію губернатора о займѣ 100 руб. для починокъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ; о выборѣ маклера; о покупкѣ городомъ дома у Чайковскаго; о жалобѣ гласнаго Пушкаренка на обиду его полицейскимъ прапорщикомъ Насеткинымъ; по указу Намѣстническаго Правленія объ обложеніи торгующихъ и промышляющихъ дворянъ и разночинцевъ; о принесеніи жалобы на дѣйствія полиціи, отказывающейся собирать городскіе сборы съ разночинцевъ, пользующихся „мѣщанскими выгодами“; по указу Губернскаго Магистрата о нечиненіи никому запрещенія торговать рыбой и наблюденіи, чтобы мѣстные торговцы не продавали рыбы „несоразмѣрною по ихъ прихотямъ цѣною“. Въ 1796 году: по указу Намѣстническаго Правленія о выдачѣ денегъ за починку часовъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ; о выборѣ двухъ свидѣтелей къ маклеру; по приказамъ губернатора, объ отдѣлкѣ озера за Лопанью и о выдачѣ состоявшему при полиціи штабъ-лекарю Яновскому жалованья; о запрещеніи ярмарковымъ торговать дольше установленнаго срока. Въ 1798 г.: по предложеніямъ начальства объ устройствѣ щита для иллюминацій и объ окраскѣ фонарныхъ столбовъ; объ устройствѣ 20 караульныхъ будокъ, лѣстницы для спуска съ вала (Горки), шлагбаума для городскихъ воротъ, лазарета и манежа для кирасиръ, о постройкѣ казармъ, объ отводѣ квартиры для Врачебной Управы, о займѣ изъ уѣздныхъ городовъ денегъ для расплаты за пріобрѣтенные городомъ постойные дома, о покупкѣ городомъ дома у Мордвинова для квартиры шефа драгунскаго полка, объ устройствѣ галлереи для продажи печенаго хлѣба и фруктовъ близъ вице-губернаторскаго дома. 1799 г.: по предложеніямъ губернатора, объ изготовленіи разныхъ предметовъ для квартировавшихъ въ Харьковѣ кирасиръ, о выдачѣ на думскія надобности заимообразно казенныхъ денегъ изъ почтовыхъ сборовъ, объ иллюминованіи собора по случаю Свѣтлаго Праздника; отвѣтъ губернатору объ отказѣ городского общества отъ починокъ и отопленія дома полковницы Буксгевденъ, нанятаго помимо вѣдома города для квартиры шефа драгунскаго полка; о захватѣ генераломъ Глазенапомъ мебели изъ городского дома; по приказанію губернатора, объ отпускѣ денегъ на колодки арестантамъ; по приказу губернатора, о починкахъ въ квартирѣ генерала Баумана; о полицейскомъ устройствѣ г. Харькова; о выборѣ десятскихъ; объ отводѣ по требованію Врачебной Управы мѣста для устройства ревенныхъ плантацій. 1800 г.: о нарушеніи ярмарковыми установленнаго срока торговли; заявленіе головы по жалобѣ базарнаго Меерова на принужденіе его полиціей показывать высшія справочныя цѣны, нежели тѣ, какія существуютъ въ дѣйствительности; заявленіе головы о подлогѣ полиціи въ вѣдомостяхъ о справочныхъ цѣнахъ; новый отказъ Думы отапливать домъ полковницы Буксгевденъ; заявленіе головы о принужденіи губернаторомъ магистратскаго бургомистра, ратмана и секретаря показывать въ вѣдомостяхъ о справочныхъ цѣнахъ цѣны выше существующихъ; по донесенію смотрителя городскихъ домовъ о поломкахъ,

произведенныхъ въ городскомъ домѣ полковникомъ Шевичемъ; о преданіи городского общества и Думы суду за ослушаніе губернатору; постановленіе о принесеніи Думой жалобы сенаторамъ-ревизорамъ на неправильныя дѣйствія губернской администраціи [1]).

Какія же изъ подлежавшихъ вѣдѣнію Думы дѣлъ вѣдались Общей и какія Шестигласной Думой? На этотъ вопросъ Городовое Положеніе 1785 года отвѣчаетъ опять таки очень неопредѣленно: По 164 ст. Положенія, Общая Дума выбираетъ Шестигласную, а по 175 ст. Шестигласная Дума исполняетъ тѣ же „должности", что и Общая, „въ случаѣ же сомнѣнія по важности или трудности дѣла предлагаетъ оное въ Общей Городской Думѣ". Эта неопредѣленность въ указаніяхъ закона привела проф. И. И. Дитятина къ выводу, что Общая Дума—это только „вторая избирательная инстанція гласныхъ въ Шестигласную Думу" [2]). Не знаемъ, какъ для другихъ городовъ, но для Харькова это заключеніе оказывается невѣрнымъ. Факты показываютъ, что Общая Дума въ Харьковѣ въ первыя десятилѣтія дѣйствія Городового Положенія 1785 года не только избирала членовъ Шестигласной, но и сама вѣдала многія дѣла. Въ 1787 году Общая Дума устанавливаетъ сборъ съ ярмарковыхъ и „тутошнихъ" торговцевъ на Успенской ярмаркѣ [3]). Въ 1789 году Общая Дума слушала указъ Губернскаго Магистрата о непорядкахъ въ сборѣ винной суммы и о покрытіи недобора по этой части всѣмъ городскимъ обществомъ. 17 сентября слѣдующаго 1790 года Общая Дума обсуждаетъ вопросъ о разныхъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ и дѣлаетъ постановленіе о соотвѣтствующихъ ходатайствахъ передъ губернскимъ начальствомъ [4]). 3 января 1791 года Общая Дума имѣла разсужденія о томъ, что 9 гласнымъ отъ цеховъ приходится бывать въ Думѣ ежедневно по 9 часовъ, кромѣ воскресеній и праздниковъ, и черезъ то терпѣть убытки, и постановила уволить 8 цеховыхъ отъ присутствія въ Думѣ, оставивъ въ ней одного гласнаго отъ цеховъ. Въ томъ же 1791 году Общая Дума купно съ Шестигласной выбираютъ городского нотаріуса на мѣсто перешедшаго на службу въ Верхнюю Расправу Малиновскаго. Въ 1792 году Общая Дума разсматриваетъ прошеніе городского старосты объ увольненіи его отъ должности. Въ 1793 г. Общая Дума слушала рапорты ярмарочныхъ сборщиковъ и завѣдывающихъ городскими вѣсами и принимала собранныя ими деньги. Сборщики были изъ числа гласныхъ Общей Думы. Въ томъ же году Общая Дума разсуждала о покупкѣ городскихъ вѣсовъ, выслушивала жалобы городскихъ жителей на обиды отъ откупщиковъ и дѣлала по нимъ постановленія. Какъ слагались отношенія между Общей и Шестигласной Думой, видно изъ рапорта Шестигласной Губернскому Магистрату въ 1795 году. Когда Магистратъ потребовалъ, чтобы Шестигласная выбрала маклера, Шестигласная отвѣтила, что безъ Общей Думы она этого сдѣлать не можетъ. На возраженія же Магистрата, что Шестигласная должна предлагать Общей Думѣ только такія дѣла, которыя „по важности и трудности сомнѣнію подлежатъ", Шестигласная отвѣтила, что безъ Общей Думы она считаетъ себя въ правѣ дѣлать только „заключенія по вступившимъ дѣламъ". Такъ было, впрочемъ, не всегда. Съ 1797 года роль Общей Думы становится мало замѣтной. По журналамъ ея участія въ городскомъ хозяйствѣ не видно. Повидимому, за членами ея осталась только роль агентовъ Шестигласной Думы: сборщиковъ налоговъ, надзирателей за городскими сооруженіями и т. п. Полагать нужно, на умаленіе значенія Общей Думы немало повліялъ режимъ новаго царствованія, когда не только Екатерининское Городовое Положеніе подверглось сильному ограниченію, но и поставленъ былъ на очередь вопросъ о полной реформѣ городского управленія: къ концу Павловскаго царствованія въ Харьковѣ рѣшено было

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журналы указанныхъ городовъ.

[2]) Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. Т. I, стр. 447—450.

[3]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журналъ 1787 г.

[4]) Тамъ же. Журн. 1790 г.

учредить ратгаузъ, согласно указу 29 декабря 1797 г., и только смерть Императора помѣшала окончательному упраздненію Думы. Время было такое, когда разсуждать было не о чемъ, а нужно было только исполнять приказанія начальства, а для этого было достаточно и одной Шестигласной Думы. Впрочемъ и въ это время Общая Дума не умерла еще окончательно. Поддерживало въ ней жизнь присутствіе во главѣ Харьковскаго городского самоуправленія такого энергичнаго головы, какъ Урюпинъ, который опирался на Общую Думу въ своей борьбѣ съ администраціей за законныя права города. Въ 1799 году мы видимъ Общую Думу обсуждающею совмѣстно съ Городовымъ Магистратомъ вопросъ объ устройствѣ полиціи. Въ 1799 году Общая Дума слушаетъ „предлогъ“ Губернскаго Правленія объ отмѣнѣ губернаторомъ составленнаго ею примѣрнаго штата городской полиціи и постановляетъ нѣчто въ родѣ протеста противъ произвольныхъ распоряженій губернатора [1]).

Возлагая на Думу рядъ заботъ о городскихъ пользахъ и нуждахъ, Екатерининское Городовое Положеніе подчиняло въ то же время Думу сильной опекѣ администраціи,—до такой степени сильной, что въ иныя времена Думѣ приходилось играть буквально роль приходорасходчика, принимать и платить деньги за то, что сдѣлано помимо ея иниціативы и даже вѣдома. Во время приготовленій ко встрѣчѣ Екатерины, администрація произвела по собственному усмотрѣнію рядъ построекъ, уплата за которыя была возложена на городъ. Были, напримѣръ, воздвигнуты двѣ тріумфальныя арки на окраинахъ города; подъ землянымъ валомъ по приказу Черткова была устроена галлерея для продажи молочныхъ продуктовъ и горячаго вина. Думѣ, которая къ этимъ постройкамъ не имѣла никакого касательства, велѣно было заплатить подрядчикамъ, а когда у города не хватило собственныхъ денегъ, губернское начальство распорядилось о присылкѣ денегъ изъ другихъ городовъ намѣстничества заимообразно. Обязанность уплачивать по этимъ долгамъ была возложена на городъ [2]). Разрѣшеніе на постройку лавокъ давала обыкновенно Дума въ тѣхъ случаяхъ, если лавки строились на городской землѣ. Но было и такъ, что городская земля отдавалась подъ застройку лавками прямо администраціей, безъ запроса хозяйки города Думы. Въ 1787 году городская земля возлѣ вала, помимо вѣдома и согласія Думы, отдается помѣщику Выродову для застройки лавками. Въ 1800 году, по разсмотрѣнію Думы, оказались расхищенными городскія мѣста около того же земляного вала. Здѣсь, съ дозволенія губернскаго начальства, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ разные обыватели устроили себѣ дома и лавки, изъ которыхъ и извлекали доходъ. Здѣсь построилось 8 дворянъ, одинъ протопопъ, 9 купцовъ и цеховыхъ [3]). Еще болѣе самовластно распоряжалось губернское начальство, разъ дѣло касалось постоя. Въ 1788 году за городомъ содержались въ особомъ сараѣ больные рекруты, и по ордерамъ Пашкова Дума должна была покупать для нихъ ложки, ушаты, котлы и пр., а когда Пашковъ задумалъ выстроить для рекрутъ лазаретъ и аптеку, то не спрашивая согласія Думы, ни даже о ея средствахъ, велѣлъ Думѣ заплатить за матеріалъ для постройки и за постройку рабочимъ [4]). Мѣры противъ пожаровъ принимались собственно губернскимъ начальствомъ а платить за покупку трубъ и содержаніе пожарнаго обоза вмѣнялось въ обязанность Думы, у которой согласія на этотъ расходъ не спрашивали [5]). Освѣщеніе городскихъ улицъ фонарями тоже было введено губернскимъ начальствомъ, безъ согласія Думы, а обязанность выдавать на это деньги возложена была на Думу.

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1799 и 1800 г.
[2]) Тамъ же. Вход. 1788 г.
[3]) Тамъ же. Подл. приг. думы 1800 г.
[4]) Тамъ же. Вход. Думы 1788 г.
[5]) Тамъ же. Вход. Думы 1789 г.

Въ 1789 году Дума получила приказъ отъ Пашкова заплатить за гербовыя печати для клейменія товаровъ для всѣхъ 14 уѣздныхъ городовъ намѣстничества, а деньги за это предоставлялось получить самой Думѣ съ городовъ [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Дума проявляла свою инициативу, ей приходилось съ особенной силой чувствовать свою полную зависимость отъ „хозяина губерніи". При Пашковѣ, напримѣръ, и Кишенскомъ Дума не смѣла безъ дозволенія Его Превосходительства произвесть никакихъ расходовъ. Когда потребовалось построить сарайчикъ для городскихъ вѣсовъ, Дума должна была просить дозволенія начальника [2]). Начальническіе приказы выполнялись во всей точности не только тогда, когда они были „формальные", на бумагѣ, но и словесные. Въ 1791 году Дума по словесному приказанію Его Превосходительства починяла потолки въ помѣщеніи Совѣстнаго Суда, вставляла выбитыя окна въ Банковской Конторѣ, гдѣ квартировалъ Очаковскій паша, обмундировывала въ форменные кафтаны краснаго и синяго сукна думскихъ сторожей [3]). Въ 1792 году Кишенскій предписываетъ Думѣ заплатить за неизвѣстно для кого и чего взятый у купца Аникѣева „колоколъ для битья часовъ", и Дума платитъ. Въ томъ же году Кишенскій приказываетъ Думѣ заплатить 20 рублей поручику Бонгарту, назначенному для смотрѣнія за постройками и садами упраздненнаго Куряжскаго монастыря [4]). Въ 1795 году Дума выдаетъ городничему 2 рубля „на исправленіе двухъ плетей, употребляемыхъ для наказанія преступниковъ" [5]). Въ 1796 году Дума чинитъ на свой счетъ по требованію начальства часы въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Съ наступленіемъ Павловскаго царствованія власть губернскаго начальства, повидимому, еще расширилась. При Тепловѣ Дума не имѣла права произвесть ни малѣйшаго расхода безъ его дозволенія. Губернаторъ былъ полнымъ хозяиномъ города, приказывавшимъ словесно и письменно, Дума лишена всякой инициативы и не дѣлаетъ ни одного постановленія безъ воли начальства, кромѣ распоряженій о сборахъ съ ярмарковыхъ. Ея главная обязанность въ это время—заботы объ уплатѣ денегъ за дома, купленные для квартиръ многочисленныхъ военныхъ постояльцевъ, объ устройствѣ для нихъ рагатокъ, шлагбаумовъ, разныхъ принадлежностей для кордегардій, и все по приказу губернатора [6]). Проявленіе со стороны Думы самостоятельности хотя бы въ дѣлѣ распоряженія возложенными на нее работами строго преслѣдовалось. Въ 1799 году шефъ драгунскаго полка Глазенапъ жаловался губернатору на то, что городскіе рабочіе, строившіе амуничникъ для драгунъ, не окончили его по той причинѣ, что Дума „забрала работниковъ и вовсе не даетъ ихъ съ видомъ невѣжества". Результатомъ этой жалобы былъ губернаторскій приказъ въ Думу объ окончаніи указанной постройки въ двухдневный срокъ, „не отзываясь никакими не дѣльными отзывами". За медленность губернаторъ грозилъ членамъ Думы не только отрѣшить ихъ отъ должности, яко неспособныхъ, но и предать сужденію по законамъ, какъ невыполнителей предписаній начальства [7]).

Самовластныя распоряженія администраціи, шедшія иногда гораздо дальше, чѣмъ позволялъ законъ, приводили къ тому, что даже покорная обыкновенно Харьковская Дума рѣшалась иной разъ на протесты. Такихъ протестовъ въ исторіи Думы за XVIII вѣкъ мы знаемъ два. Въ первый разъ было это въ 1793 году, когда губернаторъ Кишенскій распорядился, чтобы Дума давала дрова для отопленія квартиры провіантмейстера Грабовскаго. И безъ того заваленная хлопотами по содержанію военныхъ постояльцевъ, Дума рѣшительно воспротивилась распоряже-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. Думы 1789 г.
[2]) Тамъ же. Журналы Думы 1791 г.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же. Вход. Думы 1792 г.
[5]) Тамъ же. Подл. Проток. 1795 г.
[6]) Тамъ же. Подл. пригов. Думы 1796 г.
[7]) Тамъ же. Вход. 1799 г. Тоже у Устинова въ „Путеводителѣ", стр. 82.

нію начальства и на его приказъ отвѣтила, что она не находитъ законовъ, по которымъ ей слѣдовало бы доставлять топливо провіантмейстеру, да и доставлять ей дрова никакъ невозможно, ибо своихъ лѣсовъ у города нѣтъ, а какіе есть возлѣ Харькова, тѣ принадлежатъ не городу, а войсковымъ обывателямъ. Какъ принялъ губернаторъ протестъ Думы,—мы не знаемъ, такъ какъ думскихъ дѣлъ за 1794 годъ въ городскомъ архивѣ не оказалось, но знаемъ, что въ 1795 году Дума квартиру Грабовскаго отапливала [1]).

Другое столкновеніе между администраціей и городомъ произошло въ 1799 году по поводу отопленія и ремонта дома г-жи Буксгевденъ. Подробности его мы уже знаемъ изъ предыдущаго изложенія. Здѣсь только мы отмѣтимъ прошеніе, поданное Думой сенаторамъ Кушелеву и Алексѣеву, любопытное въ томъ отношеніи, что въ немъ всесторонне и полно рисуется отношеніе губернскаго начальства къ Думѣ и городскому обществу.

Вотъ содержаніе этого прошенія, какъ оно формулировано въ журналѣ Думы отъ 30-го мая 1800 года.

1) „Указомъ 3 мая 1783 года повелѣно винную продажу по городамъ устроить единственно въ пользу городовъ, на содержаніе магистратовъ и на другія городскія публичныя надобности; устроенная съ того времени въ Харьковѣ винная продажа составляла доходъ, знатно по временамъ увеличивавшійся, принадлежавшій городской Думѣ, какъ для законныхъ городовыхъ расходовъ, такъ и для заведенія городского банка, согласно 153 ст. Городового Положенія. Но съ самаго устройства винной продажи губернское начальство, вошедъ самовластно въ распоряженіе городовыми доходами винной суммы, воспретило выдавать изъ нихъ жалованье лицамъ, состоящимъ на городской службѣ, накопивъ тѣмъ неоплатную недоимку, и употребляло эту сумму болѣе по своему изволенію, а не на тѣ предметы, „на которые по намѣренію Монаршему Дума городская уполномочивается“. Доказательства этому можно усмотрѣть изъ вѣдомостей Городового Магистрата и Думы, отправляемыхъ въ Казенную Палату и Губернское Правленіе. 2) Указомъ 3 мая 1783 года (статьею 12) предписано генералъ-губернаторамъ городъ очистить отъ всего ему несвойственнаго, пріобрѣтая земли, чиновнымъ людямъ принадлежащія, въ пользу городовъ покупкою или промѣномъ, а въ ст. 20 Жалованной городамъ грамоты сказано, что мѣщанамъ отдается на волю въ городахъ имѣть или строить гостинный дворъ для храненія или продажи товаровъ. Но жители городскіе въ Харьковѣ не всѣ этимъ правомъ могутъ пользоваться, а пользуются этимъ правомъ больше церкви, корона, дворяне и люди духовнаго званія, которые, отчуждая настоящихъ гражданъ, несущихъ лично и вещественно городовыя тягости, отъ прямого своего достоянія, вынуждаютъ отъ нихъ за лавки ежегодно налогомъ своимъ едва сносную цѣну. 3) 154-ю статьею Жалованной грамоты предписано: „буде, что городовыя общества усмотрятъ къ пользѣ общей, къ выгодѣ и къ украшенію города нужное, да представятъ губернатору и ожидаютъ позволенія“; но губернское начальство, почитая себя неограниченно дѣйствующимъ въ городскомъ хозяйствѣ, не ожидало отъ Думы представленій, а, утверждаясь на смѣтѣ архитекторской, строило, что хотѣло, а хотя послѣ и были отъ Думы представленія чинимы для существенной пользы города, но они остались безъ должнаго вниманія, а съ тѣмъ городскія выгоды не улучшились понынѣ, вмѣсто же того начальство тратило городскія деньги по своему усмотрѣнію, какъ, напримѣръ, покупало у гражданскихъ чиновниковъ подъ видомъ городской общей пользы высокою цѣною деревянные дома будто бы для полковыхъ шефовъ, а въ самомъ дѣлѣ стояли и стоятъ въ нихъ тѣ же, у кого тѣ дома куплены, какъ-то г. Мордвиновъ и г. прокуроръ Чайковскій. Начальство

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подя. приг. Думы 1793 и 1795 гг.

обратило купленные городомъ дома въ квартирные, требуя при томъ отъ Думы „со угрозительнымъ сужденія настояніемъ“ для отапливанія ихъ дровъ изъ городовыхъ доходовъ, а Городская Дума, имѣя дома для квартирантовъ, дома для собранія своего и архива по нынѣ не имѣетъ. Губернское начальство распоряжается какъ городскими домами, такъ и домами гражданъ въ противность законовъ (устава Главнаго Магистрата, даннаго 1721 года января 16 дня, инструкціи всѣмъ Магистратамъ, данной 1724 года, наказа губернаторскаго, даннаго 1728 года, и другихъ на этотъ случай узаконеній), черезъ что городъ Харьковъ по этой части будучи до сихъ поръ распоряжаемъ постороннею властью безъ соблюденія должнаго порядка и очереди, къ преощутительной тягости и притѣсненію, не можетъ по намѣренію Монаршему цвѣтущаго состоянія достигнуть, и хотя въ 1798 году было Высочайшее повелѣніе о построеніи въ Харьковѣ казармъ, и губернаторъ Тепловъ вслѣдствіе такого повелѣнія, отобравъ желаніе отъ городскихъ жителей, истребовалъ изъ городскихъ доходовъ на постройку казармъ 1338 р. 53 к., но ни построенія казармъ не видно, ни денегъ по сіе время въ городской доходъ не возвращено. 4) Жалованной грамоты 167-ю статьею 6-мъ отдѣленіемъ предписывается Городской Думѣ стараться о построеніи всего нужнаго, о заведеніи площадей для стеченія народа на торгу, пристапей и амбаровъ, магазиновъ и тому подобнаго, что можетъ быть для города необходимо, выгодно и полезно, но это Монаршее соизволеніе своей цѣли не достигло, ибо губернское начальство, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать городской пользѣ дозволеніемъ строить доходныя зданія, пораздавало безденежно городу принадлежащія мѣста разнаго званія людямъ, не отбывающимъ городской повинности, кои, застроивъ тѣ мѣста, а другіе еще нынѣ застрапвая, владѣютъ ими понынѣ и получаютъ знатный себѣ изъ того доходъ. Хотя Городская Дума просила Губернское Правленіе о законномъ удовлетвореніи, но оно того не учинило. 5) Жалованной городамъ грамоты 7 статьею изображено: „власть имѣющія мѣста или лица да не налагаютъ на городъ новыхъ податей или службъ, или тягостей, и буде отъ города кто-либо требовать будетъ въ противность узаконенію, или что городу трудно или тягостно, то Городовой Магистратъ о томъ имѣетъ жалобу приносить Губернскому Магистрату, равномѣрно доносить и Сенату, которому не налагать податей или службъ, или тягостей безъ подписанія руки Императорскаго Величества“. Указомъ Слободского Украинскаго Губернскаго Правленія прошлаго 1799 года іюля 5 дня велѣно Думѣ и Городовому Магистрату сдѣлать расчисленіе для штатовъ учреждаемыхъ по городамъ полицій, на основаніи именного указа. Дума и Магистратъ, держась во всемъ единственно одной настоящей надобности, сдѣлали расчисленіе и препроводили по предписанію для разсмотрѣнія и единообразнаго положенія къ Его Превосходительству Слободскому Украинскому губернатору и кавалеру Петру Ѳеодоровичу Сабурову, который, безъ объясненія прямой надобности и не извѣстивъ Думу о перемѣнѣ того положенія, назначилъ въ своемъ расписаніи вмѣсто 2040 р.—2880 р., вмѣсто двухъ частей въ городѣ—три, присовокупивъ къ городу пригородную слободу и для ней третьяго частнаго пристава и двухъ квартальныхъ надзирателей, съ жалованіемъ на счетъ городовыхъ доходовъ, вмѣсто 120 р., опредѣленныхъ на освѣщеніе города Думою и Магистратомъ, положилъ 700 р. и предложилъ затѣмъ это расписаніе къ исполненію Думѣ и Городскому Магистрату, кои деньги съ того времени и отпускаются Магистратомъ городничему. Городская Дума, видя такое несходство губернаторскаго положенія съ выработаннымъ ею, сочла необходимымъ запросить Губернское Правленіе относительно положенія, учиненнаго Думою съ Городовымъ Магистратомъ, а Губернское Правленіе предписало Думѣ, чтобы она впредь съ таковыми якобы не дѣльными представленіями, служащими къ единому только затрудненію главнаго начальства въ перепискахъ, не входила, опасаясь въ противномъ случаѣ не только взысканія денежнымъ оштрафованіемъ, но и сужденія по законамъ.

„Городская Дума,—такъ оканчивалось прошеніе,—ощущаетъ въ этой перемѣнѣ, единственно по власти учиненной, какъ на это, такъ и на будущія времена для себя великую трудность и тягость и отъ угрозъ Губернскаго Правленія опасность, проситъ господъ ревизоровъ, мощныхъ ходатаевъ предъ Монархомъ, посланныхъ къ достиженію справедливости и правымъ на защиту, возстановить законами опредѣленное право, или обратиться туда, куда слѣдуетъ“ [1]).

Какой результатъ имѣло это прошеніе и какова была его дальнѣйшая судьба? Изъ журнала Думы отъ 14 сентября 1800 г. видно, что сенаторы не взяли съ собою прошенія, а оставили его въ Думѣ для того, чтобы оно было подписано всѣми ея членами и тогда доставлено имъ. Но 14-го сентября въ Думу явился губернскій прокуроръ Чайковскій, потребовалъ отъ имени сенаторовъ думское прошеніе и взялъ его съ собою, будто бы для справокъ въ Губернскомъ Правленіи, а затѣмъ взялъ съ собою изъ думскаго архива и разныя дѣла за 1795 и 1798 гг. Съ какою цѣлью было это сдѣлано, не знаемъ, но изъ того же журнала видно, что о дѣйствіяхъ прокурора рѣшено было сообщить сенаторамъ [2]): такъ мало довѣрія имѣла Дума къ мѣстному начальству.

Случались у представителей городского самоуправленія столкновенія и съ полиціей. Это было тѣмъ болѣе естественно, что законъ возлагалъ на Магистратъ и даже Думу кое какія полицейскія обязанности, да и по существу своему хозяйственныя дѣла не могутъ быть рѣзко обособлены отъ дѣлъ полицейскихъ: взысканіе наложеннаго хозяйственнымъ органомъ налога не всегда возможно безъ воздѣйствія полиціи, соблюденіе установленныхъ Думою правилъ ярмарочной или базарной торговли требуетъ такого же вмѣшательства полиціи и т. п. Столкновенія съ полиціей, какъ и съ высшими органами губернскаго управленія, оканчивались тоже не въ пользу муниципалитета. Первый харьковскій городничій Квитка совершено игнорировалъ права Магистрата въ дѣлѣ наблюденія за мѣрами и вѣсами [3]). Въ 1788 г. голова Карповъ получилъ отъ Намѣстническаго Правленія нагоняй за то, что не захотѣлъ принять какого то „сообщенія“ городничаго. Въ 1795 г. во время Крещенской ярмарки гласный Пушкаренко былъ отряженъ Думой для сбора денегъ съ пріѣзжихъ торговцевъ въ пользу города и для зависѣвшихъ отъ Думы распоряженій по ярмаркѣ. Распоряженія Пушкаренка почему то не понравились состоявшему при полиціи прапорщику Насесткину, и послѣдній „невѣдомо изъ чего, взялъ реченнаго гласнаго на ярмаркѣ, отвелъ въ полицію, гдѣ и задержалъ подъ стражею“ [4]). Вообще полиція энергично отстаивала свои притязанія на роль хозяина города, и подъ ея вліяніемъ и сами обыватели не выказывали къ Магистрату и Думѣ достаточно почтенія. Въ 1793 г. крестьянинъ капитанши Голохвастовой, торговавшій въ Харьковѣ сальными свѣчами, былъ призванъ въ Думу для взысканія съ него недоимки. Въ отвѣтъ на требованіе Думы торговецъ заявилъ: „я Думы не слушаю, ибо есть люди, кои приказуютъ васъ не слушать“ [5]).

Полиція считала себя въ правѣ вмѣшиваться и въ распредѣленіе городскихъ мѣстъ для ярмарковыхъ, и въ вопросъ о времени ярмарочнаго торга. Въ 1800 г. иногородные купцы не хотѣли оставлять занятыхъ ими городскихъ мѣстъ по окончаніи срока Крещенской ярмарки, ссылаясь на дозволеніе, полученное отъ городничаго, разрѣшившаго имъ торговать по истеченіи установленнаго 12 дневнаго срока [6]). Полиція не считала нужнымъ исполнять требованія

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы 1800 г., кн. 3.
[2]) Тамъ же. 1800 г., кн. 3.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Харьк. Гор. Магистр. 1780—1783 г.
[4]) Арх. Хар. Гор. Думы Подл. пригов. Думы 1795 г.
[5]) Тамъ же. Подл. приговоры 1793 г.
[6]) Тамъ же. Подл. приг. 1800 г.

Думы, если они ей почему либо не нравились. Въ 1795 г. Дума многократно требуетъ отъ городничаго взысканія сбора, начисленнаго ею на торгующихъ и промышляющихъ дворянъ и разночинцевъ, а полиція, не взыскивая этого налога, представляетъ въ Думу тѣ „не дѣльныя отговорки“, какія изобрѣтались лицами, подлежавшими обложенію. Объ этомъ знаетъ и Намѣстническое Правленіе, которое Дума проситъ о содѣйствіи и которое само же находитъ постановленіе Думы правильнымъ, но толку изъ этого все же не выходитъ [1]). Къ законной „хозяйкѣ города“ полиція большого уваженія не питала. Въ 1799 г. по случаю Свѣтлаго

Харьковскій Городской Голова Егоръ Егоровичъ Урюпинъ.

Праздника нужно было устроить иллюминацію „дворца“ и соборной колокольни. Вмѣсто того, чтобы потребовать у Думы денегъ на иллюминацію, городничій распорядился прислать въ Думу самыя плошки съ предложеніемъ „соблаговолить налить оныя саломъ“ [2]). При Урюпинѣ Дума находилась въ постоянной враждѣ съ полиціей. Въ 1800 г. Урюпинъ заявилъ въ засѣданіи Думы, что когда онъ былъ въ полиціи, къ нему обратился базарный Мееровъ съ жалобой на то, что городничій Грековъ принуждаетъ его писать въ своемъ показаніи справочныя

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. пригов. 1795 г.
[2]) Тамъ же. Вход. Думы 1799 г.

цѣны овсу и сѣну гораздо болѣе высокія, нежели какія бываютъ въ дѣйствительности, а полицейскіе приказные не хотятъ записывать указанныхъ Мееровымъ справочныхъ цѣнъ только потому, что онѣ низки. Заявленіе Урюпина было занесено въ протоколъ. Въ другой разъ голова заявилъ, что будучи въ апрѣлѣ 1799 г. вмѣстѣ съ предводителемъ Абазою и городничимъ Грековымъ въ полиціи, они установили таксу на овесъ по 2 р. 50 к. за четверть, но когда 26 января 1800 г. онъ прибылъ въ полицію для составленія новой таксы и потребовалъ прежнюю таксу, то увидалъ, что она подчищена, и вмѣсто 2 р. 50 к. за четверть стояло уже 3 р. Въ февралѣ того же года Урюпинъ опять просилъ Думу занести въ протоколъ, что городничій и полицейскіе приказные принуждаютъ Меерова показывать болѣе высокую цѣну овсу и сѣну, нежели базарная. 7 марта Урюпинъ вновь дѣлаетъ заявленіе о томъ, что къ дѣлу о справочныхъ цѣнахъ прикосновенны не только полицейскіе начальники и приказные, но и самъ губернаторъ Сабуровъ, который дважды призывалъ къ себѣ во дворецъ бургомистра Павлова, ратмана Смирнова и магистратскаго секретаря Майстренкова и приказывалъ имъ перемѣнить указанныя ими справочныя цѣны: за четверть овса назначить не 2 р. 50 к., а 3 р., а за лучшее сѣно не четвертакъ, а 35 коп. [1]). Особенно безцеремонно обращалась полиція съ хозяйкой города въ дѣлѣ отбыванія городской постойной повинности, какъ это будетъ видно изъ главы, посвященной вопросу о повинностяхъ горожанъ. Такая же безцеремонность проявлялась полиціей и въ отношеніи къ тѣмъ сооруженіямъ, которыя строились и содержались на городской счетъ. Въ 1800 г. исчезъ мостъ на Лопани. Хозяйка города Дума получила запросъ отъ Губернскаго Правленія о причинахъ исчезновенія моста, но оказалось, что и она объ этомъ ничего не знаетъ. Дума обратилась къ городничему, а сей послѣдній отвѣтилъ, что мостъ разобранъ имъ яко бы по повелѣнію бывшаго губернатора Сабурова, а дерево съ разобраннаго моста перевезено въ находящіяся подъ Харьковомъ конюшни драгунскаго полка для устройства ясель [2]).

Пассовать Думѣ приходилось не только передъ администраціей, но иногда и передъ другими органами того же городского самоуправленія, если послѣдніе успѣвали заручиться поддержкой „главной команды“. Въ 1787 г. Думѣ навязанъ былъ губернаторомъ домъ к. с. Шульца, который было предложено купить въ пользу города для постоя. Для описи этого дома Дума нарядила своихъ гласныхъ, а вмѣстѣ съ ними и городового старосту Ченцова. Ченцовъ обидѣлся, ибо не считалъ себя „подсуднымъ“ Думѣ, и для описи дома не явился. Дума нашла, что Ченцовъ оказался ей ослушнымъ и забылъ, что онъ есть хозяинъ и блюститель всѣхъ городскихъ общественныхъ строеній. Въ виду этого, „дабы таковой незаконный старосты поступокъ противъ Думы не могъ служить поводомъ другимъ да и ему впредь отговоркою въ городскихъ надобностяхъ“, Дума рѣшила сообщить объ этомъ Харьковскому городничему и требовать, дабы благоволилъ, означеннаго старосту Ченцова сыскавъ, призвать въ Думу безъ упущенія времени, и если онъ и за симъ противъ Думы окажется ослушнымъ, представить „главной командѣ“. Ченцовъ былъ вызванъ черезъ полицію въ Думу, но описывать домъ Шульца не пошелъ, заявивъ, что онъ подчиненъ Городовому Магистрату, и Дума для исправленія городскихъ надобностей опредѣлять его не можетъ. Дума, опасаясь, что ослушаніе Ченцова можетъ стать удобнымъ прецедентомъ и для другихъ городскихъ обывателей, „такъ что и слушаться Думы никто не будетъ, а потому и всѣ неустройства оттого произойдутъ“, рѣшила обратиться съ жалобой къ правителю намѣстничества Норову, дабы онъ понудилъ Городовой Магистратъ прислать Ченцова въ Думу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дума просила точнаго наставленія, какъ поступать, если и въ будущемъ кто либо окажется непослушнымъ Думѣ касательно пользы и выгоды городской [3]).

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. пригов. Думы 1800 г.

[2]) Тамъ же. Журн. 1800 г.

[3]) Тамъ же. Журн. Думы 1787 г., стр. 83—85.

Далъ ли Норовъ Думѣ просимое ею „точное наставленіе“,—не знаемъ, знаемъ, однако, что принудить Ченцова къ послушанію ей такъ и не удалось. Ченцовъ пожаловался на Думу Губернскому Магистрату, а Магистратъ усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ Думы нарушеніе цѣлаго ряда указовъ и статей законовъ. Магистратъ нашелъ, что Дума не имѣла никакого права налагать на Ченцова не принадлежащихъ до его должности дѣлъ и подчинять его себѣ, а потому указомъ на имя Думы приказалъ не отягощать Ченцова дѣлами въ противность законовъ подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Губернскій Магистратъ открылъ за Думою и другую провинность: онъ усмотрѣлъ въ поведеніи Думы обиду для городничаго и потребовалъ отъ нея объясненія, по какому законному праву вздумала она сноситься съ городничимъ „сообщеніемъ“, между тѣмъ какъ въ законѣ ясно сказано, что писать городничему „сообщенія“ могутъ только Уѣздный Судъ, Дворянская Опека, уѣздный казначей, Городовой Магистратъ, Сиротскій Судъ, Нижняя Расправа и Нижній Земскій Судъ [1]). Думѣ оставалось только покорно занести въ свои протоколы указъ Магистрата въ той его части, которая касалась Ченцова, что же касается формы сношеній съ городничимъ, то по сему вопросу думскимъ юристамъ пришлось давать длинное объясненіе, сущность котораго сводится вотъ къ чему: если въ Учрежденіи о губерніяхъ не упомянуто, какъ слѣдуетъ Думѣ сноситься съ нижними присутственными мѣстами, то это потому, что Учрежденіе издано тогда, когда Дума еще не существовала; городской голова, засѣдая въ Сиротскомъ Судѣ, сносится съ городничимъ „сообщеніями“; жалобы на Думу идутъ въ Губернскій Магистратъ, а не городничему, да и самъ городничій сносится съ Думой при помощи „сообщеній“, значитъ и ей можно употреблять въ сношеніяхъ съ городничимъ такую же форму [2]).

Какъ относились къ городскому самоуправленію сами харьковцы,—судить трудно, но зато можно твердо установить тотъ фактъ, что на выборныя должности горожане шли съ большой неохотой и всячески старались уклониться отъ службы городу. Тамбовцевъ, бывшій вторымъ головою Харькова послѣ изданія грамоты 1785 года, всячески старался уклониться отъ городскихъ службъ и благодаря связямъ добился того, что вездѣ бывалъ безъ году недѣлю. Въ 1791 году гласные отъ 9 харьковскихъ цеховъ жаловались на то, что, находясь ежедневно въ Думѣ, кромѣ воскресеній и праздниковъ, по 9 часовъ и болѣе, оставляютъ свои ремесла и по неимѣнію у себя работниковъ, держать которыхъ имъ не позволяетъ дороговизна, чувствуютъ убытокъ и боятся „прійти въ несостояніе платежа податей и въ скудость“. Въ виду этого рѣшено было дать довѣренность на веденіе думскихъ дѣлъ гласному Скляру, а прочимъ не ходить въ Думу, за исключеніемъ особенно важныхъ случаевъ [3]).

Въ 1791 году на должность городского старосты былъ выбранъ Гр. Рощиновъ. Ссылаясь на то, что онъ отбылъ уже городскую службу въ должности гласнаго въ теченіе трехъ лѣтъ, Рощиновъ просилъ увольненія, и его уволили. Выбрали Семена Борисенкова, но тотъ отпросился подъ предлогомъ болѣзни. Принялись опять за Рощинова, но этотъ послѣдній нашелъ поддержку въ Магистратѣ, который и отмѣнилъ выборы на томъ основаніи, что производились они не баллотировкой, какъ требовалъ законъ. Въ старосты попалъ Захаръ Безпалый [4]). Въ слѣдующемъ 1792 году пришла очередь и Борисенкова. Ссылка на болѣзнь не помогла, и онъ былъ избранъ. Тогда на выручку новаго старосты пришла его жена, которая подала 5 февраля 1792 года въ Общую Городскую Думу слѣдующее небезынтересное заявленіе:

„Мужъ мой, харьковскій третьей гильдіи купецъ Семенъ Даниловъ сынъ Борисенковъ избранъ здѣшнимъ градскимъ обществомъ на нынѣшній 1792 годъ старостою, но какъ всему

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. Думы 1787 г.
[2]) Тамъ же. Журн. Думы 1787 г.
[3]) Тамъ же. Журн. Думы 1791 г., стр. 24.
[4]) Тамъ же. Журн. 1791 г.

обществу небезъизвѣстно, что онъ обращается во всегдашнемъ пьянствѣ и по нетрезвому своему состоянію не имѣетъ у себя собственнаго своего ни дому, ни товаровъ, ниже никакого торгу, а купеческую коммерцію съ начала заведенія оной и по нынѣ произвожу я, собственнымъ своимъ трудомъ, чѣмъ пріобрѣла какъ домъ, такъ и все имѣющееся въ моемъ владѣніи имѣніе и товары, я, а не мужъ мой, чему доказательно то, что въ разсужденіи нетрезваго его состоянія никто ему не кредитуетъ и ни въ малѣйшей суммѣ ему не вѣритъ, а кредитуюсь отъ купечества я, въ чемъ ссылаюсь не только на самого его, мужа моего, но и на всѣхъ производящихъ со мною купеческую коммерцію здѣшнихъ купцовъ; слѣдовательно по таковымъ несчастнымъ мужа моего обстоятельствамъ и возложенной нынѣ на него должности исправить онъ вовсе не можетъ, какъ то и есть уже таковая его неисправность, ибо когда при начальномъ его, мужа моего, вступленіи въ новую сію должность велѣно ему принять отъ бывшаго въ прошедшемъ 1791 году старосты Захара Безпалова остаточную у него казенную сумму въ свое вѣдомство, то онъ, мужъ мой, будучи пьянъ, не могъ той суммы самъ принять, а я, видя неослабное къ тому пріему понужденіе, принуждена не по своему долгу принять 800 рублей сама, а въ пріемѣ дать отъ себя означенному Безпалову росписку, за подписаніемъ вмѣсто меня работника моего Никиты Решитченка при бывшемъ тогда свидѣтелѣ Изюмскаго легкоконнаго полку кадетѣ Иванѣ Сидоренковѣ, которыя деньги и нынѣ храню при себѣ, мужъ же мой о той должности не только нерадитъ, ниже никакого вниманія не имѣетъ. Какъ же должность градскаго старосты есть принимать казенныя и общественныя не малыя деньги и, по документамъ записывая въ приходъ въ шнуровыя книги, чинить имъ и расходъ, а въ томъ ежемѣсячные отдавать начальству своему отчеты, чего онъ за всегдашнимъ своимъ пьянствомъ исправлять не можетъ, то въ предупрежденіе могущаго послѣдовать имъ отъ какого либо на него начета несчастнаго случая, дабы не могло послѣдовать черезъ то взысканія по силѣ законовъ съ тѣхъ, кто его въ эту должность избралъ, ибо я за то имѣніемъ своимъ не отвѣчаю, а его собственнаго ничего нѣтъ, обо всемъ вышеписанномъ Харьковской градской Общей Думѣ заявляя, прошу онаго мужа моего по нетрезвому его состоянію отъ сей должности увольнить, а выбрать на мѣсто его другого, принятые мною 800 руб. деньги приказать, кому слѣдуетъ, отъ меня принять съ росписки и о томъ учинить разсмотрѣніе“.

Въ 1792 году былъ выбранъ въ аукціонисты купецъ Вороженнъ. Вороженнъ жаловался въ Намѣстническое Правленіе, что его обидѣли выборомъ, ибо въ 1784—1786 гг. онъ былъ засѣдателемъ Губернскаго Магистрата и присутствовалъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, а въ 1790 году былъ выбранъ въ Шестигласную Думу, гдѣ и находился въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ. Отъ должности аукціониста Вороженна не избавили, но зато прислали указъ, въ силу котораго требовалось, послѣ отбытія Вороженнымъ должности аукціониста, сдѣлать ему уваженіе оставленіемъ на нѣкоторое время свободнымъ отъ выборовъ въ городскія должности, „дабы онъ отъ всегдашняго къ должностямъ опредѣленія передъ прочими не чувствовалъ тягости“ [1]).

Въ 1795 году въ городскіе старосты былъ выбранъ купецъ Мих. Литвиненко. Чтобы избѣгнуть службы городу, Литвиненко представилъ губернатору удостовѣреніе отъ соборнаго протопопа Гилевскаго въ томъ, что онъ состоитъ ктиторомъ при соборѣ, а стало быть имѣетъ поэтому право не нести городской службы. Когда это заявленіе было представлено городскому обществу, послѣднее нашло, что Литвиненко человѣкъ имущій, что по гражданству городской службы онъ ни единожды не отбылъ, между тѣмъ какъ другіе отбыли, иные даже по два раза, да и семейство у Литвиненка большое, такъ что старостой ему быть можно. Чтобы избавиться отъ почетной должности, Литвиненку осталось одно средство—заболѣть. Такъ онъ и сдѣлалъ.

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. Думы 1792 г.

Въ старосты пришлось выбирать другого. Въ томъ же 1795 году къ начальству поступило прошеніе отъ другого, виднаго въ городѣ лица, бургомистра Петра Артюхова, въ которомъ тотъ просилъ освободить его отъ всякихъ по гражданству должностей по случаю нахожденія сына его въ придворныхъ пѣвчихъ [1]). Въ 1796 г. купецъ Василій Алаторцевъ, выбранный въ старосты, не хотѣлъ приступать къ сочиненію обывательской книги, ссылаясь на то, что въ Бѣлгородѣ онъ былъ ратманомъ, а потому и въ Харьковѣ старостой ему быть не слѣдуетъ. Основательны ли были „резоны“ Алаторцева,—сомнительно, но только они были приняты „во уваженіе“. Отъ службы Алаторцева освободили, но за ослушаніе „командѣ“ онъ все таки былъ посаженъ Городовымъ Магистратомъ на хлѣбъ и на воду „по силѣ 27 и 28 артикуловъ Воинскаго Устава“ [2]).

Харьковскіе купцы и мѣщане смотрѣли на городскую службу совершенно такъ же, какъ въ оны дни смотрѣла на службу по дворянскимъ выборамъ столбовая дворянка Простакова. Служба была для нихъ одной изъ очень тяжелыхъ повинностей. Прежде всего она отрывала ихъ отъ дома, лавки или мастерской и тѣмъ самымъ лишала значительной части заработка. Воздаянія за службу въ большей части городскихъ должностей не полагалось. Изъ видныхъ должностей, пополняемыхъ по выбору гражданства, платными были только должности бургомистровъ и ратмановъ, да и эти послѣдніе по скудости городскихъ средствъ годами не получали заслуженнаго жалованья. Затѣмъ, съ службою неизбѣжно сопряжена была отвѣтственность, и члены Магистрата и гласные Думы нерѣдко платились крупными по тогдашнимъ временамъ штрафами за то или иное постановленіе, которое юристами Губернскаго Магистрата или Намѣстническаго Правленія истолковывалось какъ противозаконное. А знать законы харьковскимъ купцамъ и мѣщанамъ было не дано. При тогдашнемъ состояніи законодательства, знать, что законно, а что противозаконно, могли только посѣдѣвшіе въ сутяжествѣ приказные, въ совершенствѣ умѣвшіе подбирать указъ на указъ. Да и здѣсь все зависѣло отъ того, кто толковалъ и какъ толковалъ. Дѣло Карпова и Тамбовцева является наглядымъ примѣромъ того, какъ можно было человѣку, признанному кругомъ виновнымъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, оказаться вполнѣ правымъ въ другомъ. Понимать что нибудь въ законахъ городскіе избранники не могли уже потому, что едва ли не въ большинствѣ случаевъ были вполнѣ безграмотны, а если бывали знакомые съ россійской грамотой, то не далѣе умѣнія подписать фамилію. Въ 1787 году при выборахъ гласныхъ въ Думу отъ разночинцевъ грамотнымъ оказался только нѣкій Семенъ Мотузковъ, за остальныхъ подписались писарь 3 части Ф. Мельниковъ и харьковскій житель Трофимъ Лелюковъ [3]). Въ Думѣ, правившей Харьковомъ въ 1792 году, подписаться умѣли голова Тамбовцевъ и гласные Смородскій, Софіенко и Скляръ, гласные отъ 2-й и 3-й гильдіи (Сѣриковъ и Соляниковъ) были совсѣмъ неграмотны [4]). И въ Думѣ, и въ Магистратѣ толкованіе законовъ всецѣло зависѣло отъ письмоводителя, на котораго не всегда можно было положиться. Къ тому же губернское начальство, отъ котораго всецѣло зависѣли городскіе избранники, постоянно напоминало имъ о ихъ неустойчивомъ положеніи, не скупясь, при всякомъ возможномъ случаѣ, на угрозы строгаго по законамъ взысканія. Неграмотный и темный гласный или членъ Магистрата долженъ былъ чувствовать себя прескверно въ теченіе всего термина своей службы. Радъ онъ былъ, когда этотъ терминъ кончался, и онъ получалъ наконецъ возможность не чувствовать Дамоклова меча, висѣвшаго у него надъ головой въ теченіе всего времени его службы городу. Всѣ законныя и незаконныя средства употреблялъ онъ потомъ, чтобы не попасть вновь на эту службу. Оттого и случаевъ, чтобы одно и то же лицо несло службу

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. прот. Думы 1795 г.
[2]) Тамъ же. Подлин. приговоры Думы 1796 г.
[3]) Тамъ же. Журн. Думы 1787 г.
[4]) Тамъ же. Вход. Думы 1792 г.

болѣе одного термина, мы въ Харьковѣ почти не встрѣчаемъ. Въ должности головы два срока прослужилъ только Карповъ, а въ гласныхъ Иванъ Скляръ. Городская служба представляла мало заманчиваго даже для тѣхъ, кто имѣлъ полную возможность отдавать даромъ свой трудъ и время городу. Правда, черезъ нее можно было пройти въ разрядъ именитыхъ гражданъ, но еще больше было шансовъ если не попасть подъ законное сужденіе, то подвергнуться гоненію отъ начальства. Пока купецъ былъ въ своей лавкѣ, онъ былъ далеко отъ свѣта, но за то и отъ огня; какъ только онъ приближался къ свѣту, такъ тотчасъ рисковалъ обжечься. Къ тому же и почетъ городскимъ избранникамъ былъ куда какъ не великъ: городскому головѣ Карпову Намѣстническое Правленіе писало *ты*, и мѣстоимѣніе *вы* было введено въ постоянное употребленіе по отношенію къ главѣ города, кажется, только тогда, когда должность головы занялъ коллежскій регистраторъ Павловъ.

На нерасположеніе харьковцевъ къ службѣ по гражданству имѣла, можетъ быть, свое вліяніе и традиція. Не слѣдуетъ забывать, что большинство харьковскаго купечества, дававшаго главный контингентъ городскихъ избранниковъ, было великорусскаго происхожденія, переселенцы изъ сѣверныхъ городовъ, а переселенцы эти неизбѣжно должны были принести съ собой и тѣ взгляды на городскую службу, какіе выработались на родинѣ. А что могла выработать практика магистратскаго самоуправленія въ городахъ Великороссіи въ теченіе трехъ четвертей XVIII вѣка, кромѣ нерасположенія къ ней?

Если отношеніе харьковцевъ къ службѣ по гражданству не являлось исключеніемъ изъ общерусскаго правила, то исключеніемъ было зато отсутствіе предубѣжденія противъ непочетности городской службы для высшаго класса городского общества—„благородныхъ“. Дворянство Сѣверной Россіи, какъ извѣстно, считало службу въ выборныхъ городскихъ должностяхъ не соотвѣтствующей своему достоинству. Взглядъ этотъ настолько прочно установился, что его должно было принять въ расчетъ и само Городовое Положеніе 1785 года, узаконившее порядокъ, по которому живущіе въ городѣ благородные освобождались отъ личныхъ податей и службъ. Такъ оно и было вездѣ въ исконно-русскихъ городахъ, но не такъ было въ Харьковѣ. Мы видѣли уже, что здѣсь благородные попадали въ гласные Общей и Шестигласной Думы, а въ одномъ случаѣ „благородный“ несъ даже обязанности городского головы, хотя и недолго. Правда, въ составѣ харьковскаго муниципалитета попадали не члены первѣйшихъ благородныхъ фамилій—не Куликовскіе, не Квитки, не Дунины, а только Гринченки, Смородскіе и Павловы, выбившіеся въ поручики и регистраторы изъ простыхъ войсковыхъ обывателей или мѣщанъ, но все же это были люди, имѣвшіе самое законное право на титулъ благородія. Такое смѣшеніе благородства съ „подлостью“, думается намъ, можетъ быть объяснено только чисто мѣстными условіями. Въ Великой Россіи ко временамъ Екатерины дворянство давно уже успѣло сложиться въ рѣзко обособленную сословную группу, отличающуюся отъ другихъ и образомъ жизни, и службою, и предразсудками. Въ Слободской Украйнѣ ничего этого не было. Полковая старшина, изъ которой образовалось мѣстное дворянство, мало чѣмъ отличалась отъ богатаго мѣщанства или козачества: она не стыдилась торговать и промышлять и очень успѣшно конкуррировала на этомъ поприщѣ съ купечествомъ. Богатому простолюдину всѣмъ не былъ закрытъ доступъ въ высшіе слои мѣстнаго общества. Различія между богатымъ мѣщаниномъ и козацкимъ урядникомъ средняго, а тѣмъ паче малаго ранга почти не было. Къ числу „знатныхъ“ харьковцевъ, умершихъ въ 1738 году отъ чумы, фамильная лѣтопись Квитокъ относитъ двухъ поповъ и купца Грунѣна. Харьковскіе сотники подписываются подъ наказомъ горожанъ наряду съ прочими обывателями. Такіе же сотники выступаютъ въ роли первыхъ бургомистровъ Харьковскаго Городового Магистрата, учрежденія мѣщанскаго. Въ то время, когда введено было Городовое Положеніе 1785 года, процессъ обособленія благородныхъ

только что начался. Конечно, на верхахъ соціальной лѣстницы обособленіе уже давно стало замѣтнымъ, но низы все еще смѣшивались. Въ 1786 г. сынъ прапорщика Иванъ Топчіевъ записался въ харьковскіе купцы 3-й гильдіи [1]). Въ 1789 году губернскій регистраторъ Перекрестовъ, потомокъ чиновнаго рода, торгуетъ въ городской лавкѣ водкой [2]). Въ 1787 г. прапорщикъ Волянскій ведетъ знакомство съ шинкаремъ Макаренкомъ и вмѣстѣ съ прочими посѣтителями является въ его шинокъ пить горѣлку, хотя при ссорѣ и не забываетъ крикнуть на своего оппонента: „смѣешь ты со мной, благороднымъ человѣкомъ, говорить!“ [3]) „Благородные“, ни по происхожденію, ни по обстановкѣ жизни не отличавшіеся отъ „подлости“, забывали о своемъ благородствѣ. Сословные предразсудки у нихъ выработаться не успѣли, а потому и на городскую службу у нихъ не могъ сложиться тотъ презрительный взглядъ, какой былъ присущъ потомкамъ фамилій, записанныхъ въ боярскія книги.

Итоги дѣятельности городского самоуправленія въ Харьковѣ поражаютъ своею сравнительною бѣдностью. Магистратъ и Дума имѣли для города главнымъ образомъ то значеніе, что ими были изысканы новые источники доходовъ, остальное, что было сдѣлано для удовлетворенія городскихъ нуждъ, было по большей части сдѣлано помимо ихъ. И въ хорошихъ, и въ дурныхъ сторонахъ городского хозяйства самоуправленіе было мало виновато, ибо дѣйствительнаго самоуправленія въ Харьковѣ почти не было, а были выбираемыя горожанами коллегіи, собиравшія съ горожанъ деньги и тратившія ихъ обыкновенно по приказанію губернскаго начальства. Выйти изъ такого положенія городское самоуправленіе оказалось не въ силахъ, хотя и дѣлало попытки въ этомъ направленіи. Но все же нужно сказать, что харьковское городское общество, благодаря введенію и дѣйствію городского самоуправленія, прошло въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы школу общественной самодѣятельности и, выдвинувъ Е. Е. Урюпина, доказало этимъ свою жизнеспособность и право на дальнѣйшее существованіе. Та самостоятельность, которую оно проявляло въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, является для своего времени замѣчательной.

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. 1786 г., № 1.
[2]) Тамъ же. Вход. 1789 г.
[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Черткова 1787 г.

Глава 6-я.

Городское хозяйство.

Гдѣ нѣтъ органа, вѣдающаго, хотя бы между прочимъ, городское хозяйство, тамъ врядъ ли есть основаніе предполагать наличность такого хозяйства. Существовало ли въ Харьковѣ отдѣльное городское хозяйство въ тотъ ранній періодъ его жизни, когда здѣсь были еще войты и подчиненное имъ мѣщанство,—сказать не можемъ по недостатку данныхъ. Вповлѣдствіи, когда мѣщане превратились въ козаковъ и подпомощниковъ, а о войтахъ не стало слышно, городское хозяйство, если оно и было раньше, было поглощено хозяйствомъ полковымъ. Укрѣпляютъ Харьковъ, строятъ въ немъ публичныя зданія и мосты, гатятъ болота и выравниваютъ улицы не только харьковцы, но и сотняне ближнихъ и дальнихъ сотенъ Харьковскаго полка, а денежные расходы на мѣстныя надобности удовлетворяются изъ общихъ полковыхъ средствъ. Такъ было не только въ тотъ періодъ, когда Харьковъ былъ полковымъ городомъ, но и тогда, когда онъ превратился въ центръ обширной губерніи. Правда, въ документахъ половины XVIII в. мы находимъ указанія и на существованіе кое-какихъ сборовъ, предназначавшихся на чисто мѣстныя, харьковскія нужды. Таковъ былъ, напримѣръ, „мѣстовой“ сборъ, взимавшійся съ „ярмарковыхъ“ и расходовавшійся преимущественно на нужды благоустройства города. Но и этотъ сборъ, бывшій въ распоряженіи мѣстной полиціи, не отдѣлялся отъ казенныхъ доходовъ и часто шелъ на надобности, не имѣвшія къ городу никакого отношенія.

Отдѣльное отъ казеннаго городское хозяйство возникло въ Харьковѣ только со времени открытія здѣсь въ 1780 году Городового Магистрата, предназначеннаго закономъ къ роли хозяина города. Къ сожалѣнію, полныхъ свѣдѣній о томъ, какъ велось этимъ первымъ хозяиномъ Харькова городское хозяйство, мы не имѣемъ за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ архивныхъ и печатныхъ матеріаловъ. Тѣ свѣдѣнія о магистратскомъ хозяйствѣ, которыми мы располагаемъ, мы черпаемъ преимущественно изъ архивовъ учрежденій, съ которыми Магистрату приходилось имѣть сношенія—Губернскаго Правленія и Городской Думы. Тѣмъ не менѣе и по нимъ можно все-таки возсоздать приблизительно вѣрную картину городского хозяйства въ пору веденія его Городовымъ Магистратомъ.

Обсуждая въ 1780 году способъ организаціи городского хозяйства въ Харьковѣ и въ уѣздныхъ городахъ губерніи, Губернскій Магистратъ находилъ, что главнымъ источникомъ средствъ на городскія надобности вообще и на содержаніе Городового Магистрата въ частности должно быть обложеніе купечества и мѣщанства, а такъ какъ мѣстныхъ купцовъ и мѣщанъ въ Харьковѣ было немного, то находилъ необходимымъ привлеченіе къ составу мѣстнаго купечества и мѣщанства иногородныхъ великорусскихъ купцовъ и мѣщанъ съ тѣмъ, чтобы лицамъ, не пожелавшимъ причислиться къ харьковскимъ купцамъ и мѣщанамъ, была запрещена торговля, кромѣ ярмарочной. Затѣмъ Губернскій Магистратъ проектировалъ передать въ вѣдѣніе Городового Магистрата состоящіе въ городской окру́гѣ „порожніе, ни у кого въ дачахъ не состоящіе лѣса, сѣнокосныя и прочія земли и всякія угодья“ съ тѣмъ, чтобы они отдава-

лись въ аренду для извлеченія доходовъ въ пользу города, а изъ лѣсовъ Магистратъ и Сиротскій Судъ могли бы пользоваться дровами для отопленія. Предполагалось, что въ пользу города будетъ поступать и то „пристойное вспомоществованіе“, которое Магистратъ надѣялся получить отъ торговавшихъ въ Харьковѣ разныхъ націй иностранцевъ, а также отъ духовныхъ особъ и разныхъ чиновъ, имѣвшихъ въ Харьковѣ лавки и шинки. Расчисленіе, кому и сколько приходится давать этого „пристойнаго вспомоществованія“, предполагалось передать въ вѣдѣніе Городового Магистрата [1]).

Таковы были первоначальныя предположенія объ источникахъ городскихъ доходовъ. Осуществились, однако, эти предположенія не полностью. Превратить ни у кого въ дачахъ не состоявшіе лѣса и сѣнокосы въ городскія оброчныя статьи не удалось, потому что и лѣса, и сѣнокосы стали принадлежать тогда не городу, а Харьковскому обществу войсковыхъ обывателей. „Пристойнаго вспомоществованія“ отъ духовныхъ и чиновныхъ особъ, занимавшихся въ Харьковѣ торговлей и промыслами, Городовой Магистратъ также не могъ добиться. Главнымъ рессурсомъ его было обложеніе городского общества (купечества, мѣщанства и цеховыхъ), къ составу котораго, согласно первоначальному проекту, дѣйствительно были причислены и великорусскіе купцы и мѣщане, торговавшіе въ Харьковѣ. О томъ, какъ велико было это обложеніе, размѣры котораго опредѣлялись ежегодно общественнымъ приговоромъ, можно судить по приговору городского общества въ 1785 году. Оказывается, что на городскія надобности въ 1785 году каждый купецъ долженъ былъ платить по $^1/_2$% съ объявленнаго имъ капитала, что же касается мѣщанъ и цеховыхъ, то они съ каждой ревизской души обязаны были платить городу по 3 коп. [2]). Въ 1790 г. купцы платили въ пользу города тѣ же $^1/_2$% съ объявленнаго капитала, а мѣщане и цеховые по $2^3/_4$ коп. съ души въ полугодіе [3]). Бывали годы, когда помимо обычныхъ ежегодныхъ платежей горожанамъ приходилось прибѣгать и къ чрезвычайнымъ складкамъ. Такимъ былъ, напримѣръ, 1787 годъ, когда по случаю проѣзда Императрицы Екатерины были собираемы два раза большимъ количествомъ съ общества деньги [4]). Отъ 1796 года до насъ дошелъ любопытный приговоръ объ обложеніи всѣхъ обывателей Харькова налогомъ, имѣвшимъ спеціальное назначеніе,—на мощеніе улицъ фашинникомъ и на содержаніе полиціи и пожарнаго обоза. Подъ этимъ приговоромъ, составленнымъ, очевидно, по внушенію тогдашняго генералъ-губернатора Леванидова, кромѣ законныхъ членовъ градского общества, подписались и чиновные харьковскіе домовладѣльцы, къ составу общества не принадлежавшіе. Подписался и самъ генералъ-губернаторъ Леванидовъ, а также и правитель намѣстничества Кишенскій, при чемъ Леванидовъ, ничѣмъ въ городѣ не владѣвшій, пожертвовалъ на общее дѣло 25 рублей, что же касается мѣстныхъ домовладѣльцевъ, то они рѣшили собрать нужную сумму путемъ обложенія земли, состоявшей подъ ихъ дворами, огородами и садами. Сборъ постановлено было произвести, не обходя никого, кромѣ подгородныхъ слобожанъ, при чемъ съ домовладѣльцевъ центральной части собирать по 2 коп. съ квадратной сажени, а съ жителей Подола за Троицкою церковью, съ жителей нагорной части за Николаевскою церковью и за монастыремъ, а также съ Залопанской, Захарьковской и Занетечинской частей—по 1 коп. [5]). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что случаи обложенія усадебныхъ мѣстъ бывали и раньше. Въ 1790 году Общая Дума въ одномъ изъ своихъ представленій правителю намѣстничества Кишенскому, перечисляя сборы съ горожанъ, указывала на обложеніе въ пользу города дворо-

[1]) Московск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Харьк. Губ. Магистр. 1780 г.
[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Входящ. 1786 г.
[3]) Тамъ же. Подл. пригов. Думы 1790 г., стр. 308.
[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Черткова 1787 года.
[5]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. пригов. 1796 г.

выхъ мѣстъ по полушкѣ съ сажени, а затѣмъ и на другое обложеніе тѣхъ же дворовыхъ мѣстъ—по 6 коп. съ каждаго рубля оцѣнки [1]). Судя по указаніямъ нашихъ источниковъ, нужно полагать, что налогъ на усадьбы имѣлъ характеръ временный и примѣнялся только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Насколько можно судить по указаніямъ нашихъ источниковъ, расходованіе собранныхъ путемъ самообложенія суммъ велось безпорядочно, а можетъ быть, иногда и нечестно. Въ собраніи городского общества 18 января 1785 года городской голова Карповъ прямо обвинялъ Магистратъ въ недобросовѣстномъ распоряженіи городскими средствами. Несмотря на то, что сборы съ горожанъ собирались со времени открытія Магистрата, къ 1785 году въ Магистратѣ не было ни копѣйки остатка, а на самомъ обществѣ числилась недоимка, грозившая обществу „замѣшательствомъ". Общество не могло получить отъ Магистрата свѣдѣній ни о томъ, сколько въ какомъ году собиралось денегъ, сколько и на что употреблено въ расходъ и сколько осталось въ остаткѣ, ни о томъ, у кого хранились остальныя деньги, ни даже о томъ, были ли считаны кѣмъ нибудь старосты и сборщики въ собираемыхъ ими деньгахъ. Такое отношеніе Магистрата казалось для горожанъ тѣмъ болѣе ненормальнымъ, что помимо самообложенія купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, Магистратъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи и такъ называемую винную 4-тысячную сумму, вполнѣ достаточную для содержанія Магистрата и городскихъ потребностей. Въ виду этого общество постановило избрать изъ своей среды счетчиковъ для провѣрки дѣятельности городскихъ сборщиковъ и старостъ. Когда счетчики явились въ Магистратъ и представили уполномочивавшій ихъ документъ, Магистратъ не допустилъ ихъ до провѣрки, заявивъ, что городское общество „не имѣетъ резону" приступать къ такой провѣркѣ. Обществу оставалось одно—жаловаться въ Губернскій Магистратъ, что оно и сдѣлало [2]). Губернскій Магистратъ нашелъ, что горожанамъ есть „резонъ" считать сборщиковъ, и послалъ объ этомъ, куда слѣдуетъ, „повелѣніе". „Повелѣніе", однако, несмотря на многократныя подтвержденія, выполнено не было до самаго 1789 г., когда наконецъ Магистратъ рѣшилъ возложить выполненіе своего приказа на городского голову Карпова и Шестигласную Думу подъ наблюденіемъ казенныхъ дѣлъ стряпчаго. Контроль городскихъ сборщиковъ попалъ, такимъ образомъ, въ руки того самаго Карпова, который и поднялъ вопросъ о злоупотребленіяхъ по городскимъ сборамъ. Но несмотря на это, и съ передачей дѣла Думѣ продолжалась та же медленность и „неисполненіе повелѣній", не взирая на многія о томъ подтвержденія правителя намѣстничества Пашкова и указы Намѣстническаго Правленія. Карповъ такъ и вышелъ изъ состава городского самоуправленія, не окончивъ порученнаго ему дѣла. Губернскій Магистратъ обвинялъ въ этой медленности членовъ Думы и въ особенности Карпова, который, самостоятельно ведя приходъ и расходъ общественной суммы, „чинилъ разныя замѣшательства и затменія въ выполненіи повелѣній, примѣчательно въ пользу токмо ево, а не обществу" [3]). Дѣло о злоупотребленіяхъ городскими сборами окончилось, какъ увидимъ ниже, тѣмъ, что городу пришлось таки въ концѣ концовъ поплатиться.

Къ числу постоянныхъ источниковъ магистратскихъ доходовъ нужно отнести такъ называемую винную сумму. До 1783 года харьковцы по стариннымъ привилегіямъ пользовались правомъ безданно-безпошлинно торговать горячимъ виномъ. 5 мая этого года состоялся указъ, согласно которому „спадающая на города прежняя привилегія обращена въ собственную городовую пользу, а не въ частную". Благодаря этому, право продажи вина стало правомъ города, какъ юридическаго лица. Деньги, выручаемыя отъ винной продажи, шли на содержаніе Городового Магистрата и на прочія городскія надобности. Но и по этой статьѣ городского хозяй-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. Думы 1790 г.

[2]) Тамъ же. Журн. Думы. 1787 г., стр. 235.

[3]) Тамъ же. Вход. Думы. 1790 г., стр. 250.

ства дѣло велось плохо. По кондиціямъ, заключеннымъ 17 іюля 1783 г., право продажи горячаго вина въ Харьковѣ было передано двадцати горожанамъ (Осипу Гавришенку, Ивану и Александру Павловымъ и др.), обязавшимся вносить въ Магистратъ за уступленное имъ право по 4 тысячи рублей ежегодно въ два срока (въ декабрѣ и въ іюнѣ) „неотмѣнно и безъ всякой доимки". Въ 1784 г. право торговли горячимъ виномъ было передано на прежнихъ условіяхъ, т. е. за тѣ же 4 тысячи рублей, городскому головѣ Карпову и съ нимъ 49 товарищамъ изъ мѣстныхъ жителей. Кромѣ самого Карпова, въ числѣ откупщиковъ винной продажи были такіе въ имущественномъ отношеніи солидные представители мѣстнаго купечества и мѣщанства, какъ Петръ Артюховъ, Григорій и Василій Топчіевы, Иванъ и Александръ Павловы, Михаилъ Бутенко, Осипъ Гавришенко, Никита Найденовъ, Кирилло Лелюкъ, Ѳедоръ Сердюковъ (Дворниченко тожъ), Иванъ Клименко и др. Карповъ „съ товарищи" обязались вносить откупную сумму „безпоимочно". Сборъ денегъ былъ порученъ харьковскимъ мѣщанамъ Ивану Клещеву и Ивану Топчіеву, въ помощь къ нимъ „для лучшаго и вѣрнѣйшаго сбору" опредѣлили двухъ выбранныхъ смотрителей. О поступленіи сборовъ сборщики обязаны были рапортовать ежемѣсячно головѣ, а голова обязанъ былъ самъ аккуратно выплачивать деньги въ Магистратъ. Торговать водкой было предоставлено всякому, кто хочетъ, лишь бы только онъ уплачивалъ причитающіеся на его долю сборы. Харьковцы такимъ образомъ вернулись почти къ тому порядку, какой былъ издревле, когда шинковать не возбранялось никому. Разница была только въ томъ, что прежде торговали безданно-безпошлинно, а теперь съ нѣкоторой платой. Скоро оказалось, однако, что пословица „гуртове—чортове" выдумана не даромъ. На откупщикахъ винной продажи накопилась „доимка", происшедшая, по объясненію откупщиковъ, оттого, что многіе изъ пожелавшихъ торговать горячимъ виномъ при ввозѣ его въ городъ не являли для взятія пошлинъ выбраннымъ отъ общества виннымъ сборщикамъ. Кромѣ того, и сами сборщики мирволили шинкарямъ: денегъ, при явкѣ привозимаго въ городъ вина, не требовали, а ограничивались только записку числа ведеръ, получать же деньги, хотя бы впослѣдствіи, не старались. Къ 1787 г. на сборщикахъ винной суммы оказался начетъ въ 781 руб. 10½ коп. Правда, еще въ 1785 г. городское общество назначило коммиссію изъ трехъ лицъ для „счета" сборщиковъ, которая и опредѣлила, сколько слѣдуетъ взыскать съ каждаго сборщика, но взысканія произведено не было за отказомъ Магистрата, находившаго, что это дѣло не его, а откупщиковъ съ Карповымъ во главѣ. А Карповъ бездѣйствовалъ, можетъ быть подъ вліяніемъ самолюбія, задѣтаго кое-какими дѣйствіями Городового Магистрата. Дѣло еще больше запуталось благодаря растратѣ, произведенной городскимъ старостой Ченцовымъ.

Къ началу 1788 г. на старостѣ Ченцовѣ числился начетъ по винной суммѣ въ 1450 р.; кромѣ того, Ченцовымъ не были уплочены числящіеся по расходной книгѣ той же винной суммы 500 руб. подрядчику Чеботареву за разныя городскія строенія. Кромѣ того, на томъ же Ченцовѣ числилось 548 руб. 37½ коп. такъ называемыхъ капитальныхъ денегъ, собиравшихся съ купцовъ (проценты въ пользу казны съ объявленныхъ капиталовъ), и подушныхъ съ мѣщанъ и цеховыхъ, такъ что всего долгу городу и въ казну числилось на Ченцовѣ 2498 руб. 49 коп. Когда въ 1788 г. на мѣсто Ченцова старостою былъ выбранъ Бутенковъ, послѣдній требовалъ отъ Ченцова представленія денегъ, а Ченцовъ отговаривался тѣмъ, что не всѣ получилъ отъ сборщиковъ. Городовой Магистратъ, куда обратился Бутенко, медлилъ рѣшительными дѣйствіями, а когда, наконецъ, послалъ указъ о передачѣ денегъ, Ченцовъ былъ ужъ на смертномъ одрѣ. Ченцовъ умеръ, не передавъ новому старостѣ числившихся за нимъ казенныхъ и городскихъ сборовъ, а сумма, вырученная отъ продажи его имущества, оказалась недостаточной покрыть его долгъ. Въ 1788 г. ко всѣмъ этимъ недоимкамъ прибавилось еще 1160 руб. 40 коп.

Въ виду такого положенія дѣлъ, Губернскій Магистратъ потребовалъ отъ Карпова письменнаго объясненія, почему онъ не „считалъ“ сборщиковъ по хозяйственному своему расположенію, отчего накопилась недоимка, кто сему причиною, и чего ради онъ, видя уже накопленіе недоимки, не постарался пресѣчь оную заблаговременно всякими удобными къ тому способами [1]).

Карповъ отвѣтилъ, что въ накопленіи недоимки онъ ни при чемъ, ибо „считать“ сборщиковъ не его долгъ, а Магистрата, по той причинѣ, что винная сумма оставлена въ хозяйственномъ распоряженіи Магистрата; къ тому же Магистратъ и не стѣснялся, когда ему было угодно, распоряжаться собранными сборщиками суммами помимо его, Карпова, вѣдома: въ 1787 г. Магистратъ помимо Карпова взялъ у сборщиковъ нужныя ему деньги на покупку пожарныхъ трубъ и другія надобности.

Разсмотрѣвъ все дѣло о недоимкѣ вмѣстѣ съ объясненіемъ Карпова, Губернскій Магистратъ нашелъ, что объясненій Карпова „въ резонъ принять не можно“, ибо „считать“ сборщиковъ не входитъ въ обязанность Городового Магистрата, что же касается случая, указаннаго Карповымъ, то онъ не служитъ ему извиненіемъ: пожарныя трубы были доставлены въ Харьковъ во время отлучки Карпова; если бы Магистратъ ожидалъ его возвращенія, то послѣдовала бы остановка въ такомъ важномъ для города дѣлѣ. Магистратъ нашелъ, что недоимка винной суммы (1870 р. 80 коп.), какъ происшедшая отъ небрежности Карпова и другихъ лицъ, подписавшихъ кондиціи, должна быть взыскана съ Карпова и его товарищей по откупу, которые съ своей стороны имѣютъ право искать эти деньги на сборщикахъ, что же касается денегъ, пропавшихъ за покойнымъ старостой Ченцовымъ, всего 2498 рублей, то таковыя должны быть взысканы со всего городского общества, „поелику оно старосту Ченцова въ ту должность выбрало“. Недоимку за 1783—1786 г.г., насчитанную на сборщикахъ коммиссіей, выбранной въ 1785 году, Губернскій Магистратъ приговорилъ взыскать со сборщиковъ, а если они окажутся не въ состояніи,—съ самого городского общества. Городовому Магистрату за явное послабленіе и нерадѣніе, выразившееся въ медленности при посылкѣ указа Ченцову о передачѣ денегъ Бутенку, дать выговоръ [2]).

Въ виду такого оборота дѣла Карпову пришлось оставить политику невмѣшательства въ сборъ винной суммы, которой онъ до сихъ поръ держался. Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія резолюціи Губернскаго Магистрата онъ подалъ въ Намѣстническое Правленіе заявленіе о томъ, что шинкари неаккуратно платятъ деньги въ пользу города за продажу водки, и просилъ произвести съ нихъ взысканіе мѣрами полиціи, причемъ представилъ и реестръ неаккуратныхъ плательщиковъ [3]). Это былъ, впрочемъ, только камень, пущенный въ куръ мельникомъ, у котораго „вода плотину прососала“. И Карпову, и городскому обществу приходилось подумать прежде всего о спасеніи плотины. На приговоръ Губернскаго Магистрата и Карповъ, и городское общество рѣшили жаловаться въ Палату Гражданскаго Суда. Повѣреннымъ своимъ городъ избралъ письмоводителя Думы Случанскаго, который и взялъ за веденіе дѣла 100 руб. Прошелъ годъ, и Харьковская Дума рапортовала въ Намѣстническое Правленіе, что Случанскій, который уже успѣлъ выйти изъ городской службы, деньги взялъ, а „хожденія по дѣлу“ не имѣлъ, чѣмъ и причинилъ городу убытокъ. Дума просила Намѣстническое Правленіе заставить Случанскаго, по крайней мѣрѣ, возвратить тѣ 100 руб., которые онъ получилъ даромъ. Въ отвѣтъ на просьбу Думы Случанскій представилъ объясненіе, въ которомъ

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. Думы 1789 г., стр. 147.
[2]) Тамъ же. Стр. 242.
[3]) Тамъ же. Стр. 407.

писалъ, что деньги онъ взялъ не даромъ, ибо подавалъ въ Палату всѣ нужныя бумаги, а если затѣмъ пересталъ принимать участіе въ городскомъ дѣлѣ, то это потому, что „хожденіе по дѣлу“ онъ обязанъ имѣть не на всегдашнее время, а только на опредѣленный срокъ, который давно миновалъ. Съ своей стороны Случанскій просилъ Намѣстническое Правленіе взыскать въ его пользу съ Думы „пристойную плату“ за то время сверхъ срока, какое онъ потратилъ на городское дѣло. Намѣстническое Правленіе совершенно удовлетворилось этимъ объясненіемъ, а Случанскому отвѣтило, что буде онъ претендуетъ на дополнительное вознагражденіе, пусть представитъ доказательства [1]). Продолжалъ ли послѣ этого городъ свое дѣло въ Палатѣ Гражданскаго Суда,—мы не знаемъ, знаемъ только, что въ томъ же 1790 г. Карповъ просилъ губернатора не взыскивать съ него недоимки по винной суммѣ потому, что онъ самъ виномъ не торговалъ, а на кондиціяхъ подписался „единственно только за порядокъ, что былъ градскимъ головою“; знаемъ и то, что губернаторъ Пашковъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить просьбу Карпова [2]). Въ слѣдующемъ 1791 году городу приходилось расплачиваться за грѣхи предшествовавшихъ недоимочныхъ годовъ. Карповъ былъ неоднократно требованъ въ Думу для дачи отчета относительно винной суммы, но хотя и былъ призванъ въ Думу чрезъ полицію, однако отчета не далъ, а потому и счетъ бывшей въ вѣдѣніи его винной суммѣ Думою все еще не былъ начатъ. Нѣкоторые изъ сборщиковъ, бывшихъ въ періодѣ 1783—1790 гг., поступили въ козачью службу, и усчитывать ихъ Дума не имѣла возможности. Что касается старыхъ недоимокъ по винной суммѣ, то изъ нихъ отправлено въ 1790 г. въ Магистратъ всего только 672 руб. 50 коп. Остальную недоимку положено было пополнить по частямъ, выплачивая въ годъ по 1000 руб. [3]).

Нѣтъ, впрочемъ, худа безъ добра. Свѣжія раны заставляли городское самоуправленіе хорошо помнить о необходимости неукоснительнаго взысканія денегъ съ харьковскихъ шинкарей и сборщиковъ. Теперь деньги взыскивались съ нихъ уже напередъ. Шинкарямъ выдавались полугодовые ярлыки для свободной торговли горячимъ виномъ, и деньги съ нихъ брались въ началѣ полугодій по разверсткѣ. Въ началѣ марта 1791 года въ Думѣ была уже собрана полностью вся винная сумма за первое полугодіе этого года [4]).

Съ учрежденіемъ Думы завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ, сосредоточенное до сихъ поръ въ однихъ рукахъ, раздѣлилось между двумя хозяевами—Думой и Магистратомъ. Въ Магистратъ шли сборы съ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ и такъ называемая винная сумма, въ Думу—остальные городскіе доходы. Собственно говоря, и винная сумма тоже поступала въ Думу, ибо подсчетъ сборщиковъ и пріемъ отъ нихъ денегъ въ первые годы существованія Думы лежали на ея обязанности, но пользоваться этими деньгами Дума не имѣла права, а обязана была передавать ихъ въ Магистратъ, а затѣмъ, когда случалась ей надобность въ деньгахъ,—требовать ихъ изъ того же Магистрата. Порядокъ явно нелѣпый, но логически вытекавшій изъ того неопредѣленнаго положенія, въ какомъ оказались взаимныя отношенія Магистрата и Думы послѣ введенія Городового Положенія 1785 г. Ихъ обязанности Екатерининскимъ Городовымъ Положеніемъ точно разграничены не были. Магистратъ, оставаясь судебнымъ и полицейскимъ органомъ, въ то же время удерживалъ за собой и право распоряжаться городскимъ хозяйствомъ, несмотря на то, что у города была и другая, признанная закономъ, хозяйка въ лицѣ Думы. Несообразность такого положенія была замѣчена Харьковской Думой еще на первыхъ порахъ ея дѣятельности.

---

[1]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Вход. 1790 г., стр. 336.

[2]) Тамъ же. Стр. 46.

[3]) Тамъ же. Журналы 1791 г.

[4]) Тамъ же. Вход. 1791 г.

Въ 1788 году она обратилась въ Губернскій Магистратъ съ просьбой оставить винную сумму въ ея распоряженіи съ тѣмъ, чтобы она отчитывалась въ произведенныхъ изъ нея расходахъ передъ Казенной Палатой и губернаторомъ. Несмотря на согласіе Губернскаго Магистрата съ доводами Думы, ея просьба успѣха все-таки не имѣла. Губернское начальство признало ее не подлежащей удовлетворенію, потому что по указу 5 мая 1783 г. (т. е. въ то время, когда Думы еще не существовало) винная продажа по городамъ установлена „въ пользу городовъ на содержаніе Магистратовъ и другія градскія публичныя надобности", а грамотою 1785 года этотъ указъ не отмѣненъ [1]).

Главный источникъ городскихъ доходовъ, крупная по тому времени сумма въ 4000 рублей осталась въ распоряженіи Магистрата, а въ Думу шли болѣе мелкіе сборы, составлявшіеся главнымъ образомъ изъ обложенія торговцевъ и промышленниковъ. Доходною статьею въ данномъ случаѣ являлись ярмарки, которыхъ на годъ приходилось четыре. Доходъ собирался съ городскихъ мѣстъ, занимаемыхъ временными балаганами торговцевъ, а когда городъ обзавелся собственными лавками,—и съ лавокъ, отдаваемыхъ въ аренду на время ярмарокъ. Собиралась плата въ пользу города не только съ иногородныхъ, занимавшихъ на улицахъ и площадяхъ городскія мѣста, но и съ „тутошнихъ", которые, „оставя собственныя свои или наемныя лавки, дѣлали передъ оными подташки". О размѣрахъ этихъ сборовъ можно судить по распоряженію, составленному Общей Думой передъ Успенской ярмаркой въ 1787 году. Въ Гостинномъ дворѣ въ первомъ кварталѣ съ лавки каждаго хозяина взималось по 10 руб., во второмъ—по 5 р.; съ торговцевъ, располагавшихся на площади, противъ Гостиннаго двора, бралось по 25 коп. за занятую квадратную сажень. За городомъ, т. е. внѣ старой Харьковской крѣпости, съ торговцевъ желѣзомъ, посудой, веревками, мыломъ, виномъ и прочею мелочью бралось по 25 коп. съ квадр. саж.; съ „свитниковъ" и „кушнирей" иногородныхъ съ каждаго хозяина по 25 коп. отъ мѣста; съ пріѣзжихъ „рыбасей" (торговцевъ рыбою)—по 50 коп. отъ мѣста, а съ каждаго воза рыбы—по 5 коп. (съ харьковцевъ этотъ сборъ совсѣмъ не взимался); со сбитенщиковъ—по 50 коп. съ мѣста, а съ иногородныхъ кожевниковъ—по 50 коп. за сажень. Сборъ денегъ поручался рядскому старостѣ, базарному или кому либо изъ гласныхъ. Имъ выдавались отъ Думы шнуровыя книги, въ которыя они и обязаны были записывать всѣ поступавшія къ нимъ деньги [2]).

Какъ велики были размѣры поступленій по этой статьѣ городского хозяйства, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ Успенскую ярмарку 1787 года съ городскихъ мѣстъ, отданныхъ ярмарковымъ, было собрано 181 руб. 61 коп. Въ 1788 году Крещенская ярмарка дала по этой статьѣ 213 руб. 10 коп., Троицкая 177 руб. 94 коп., Успенская 364 руб. 64 коп. и Покровская 264 руб. 39 коп. Въ 1789 году съ Троицкой ярмарки въ городскую кассу поступило 202 руб. 36 коп., а съ Успенской 325 руб. 70 коп. Въ 1790 году Крещенская дала 364 руб. 90 коп., при чемъ размѣръ обложенія за мѣста не превышалъ 2—5 руб. Съ Покровской въ 1791 году было собрано 272 руб., а въ 1792 году—105 руб. Въ 1796 г. сборъ съ ярмарковыхъ за мѣста далъ 863 рубля 85 коп. [3]).

Отыскивая средства къ пріумноженію городскихъ доходовъ, первая Харьковская Дума еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ 1787 году, постановила учредить въ городѣ городскіе вѣсы и мѣры, сборъ за пользованіе которыми поступалъ бы въ пользу города. До тѣхъ поръ такіе вѣсы бывали въ лавкахъ у частныхъ лицъ, которыя и извлекали изъ нихъ выгоды, особенно въ ярмарки [4]). Были такіе вѣсы и у Николаевской церкви. Дума рѣшила просить позволенія поставить городскіе вѣсы возлѣ земляного вала, около котораго „иногород-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1788 г., стр. 108.
[2]) Тамъ же. Протоколы 1787 г. (августа 11).
[3]) Тамъ же. Журналы Думы за соотвѣтствующіе годы.
[4]) Тамъ же. Журн. Думы 1787 г., стр. 21.

ные маркитанты" торговали разными харчами, а частные вѣсы запретить. Оказалось, однако, что мѣсто, просимое Думой, отдано уже помѣщику Выродову подъ застройку лавками [1]), а потому вѣсы были устроены „на Подолѣ". Повидимому, и вѣсы у Николаевской церкви тоже перешли въ собственность города, потому что доходы съ нихъ поступали въ его пользу. Въ 1789 году въ теченіе Крещенской ярмарки эти вѣсы дали 99 руб. доходу, а въ Троицкую 175; въ обыкновенное, не ярмарочное время доходъ съ нихъ былъ невеликъ: въ 1789 году послѣ Крещенской по 19 марта они принесли только 10 руб. Въ 1790 году вѣсы на Подолѣ во время Крещенской дали 137 руб. 50 коп., а у Николаевской церкви 65 руб. 70 коп. Такса за взвѣшиваніе—1 коп. съ пуда. Въ 1792 году, вѣсы дали въ Покровскую 73 рубля 50 коп. Доходы отъ вѣсовъ были меньше, чѣмъ могли быть, потому что, несмотря на думскія запрещенія, частныя лица держали у себя вѣсы на дворахъ, и ими пользовались пріѣзжіе торговцы, черезъ что городъ лишался доходовъ. Въ 1793 году Дума постановила обязать владѣльцевъ вѣсовъ подпискою не вѣсить товаровъ иногороднымъ подъ опасеніемъ въ первый разъ штрафа въ 25 руб. и строгаго выговора въ собраніи городского общества, а во второй—сужденія по законамъ. Помогла ли эта мѣра,—не знаемъ.

Въ числѣ оброчныхъ статей, дававшихъ вѣрный доходъ въ городскую кассу, видную роль играли городскія лавки. Старѣйшія изъ нихъ возникли въ 1787 году. Построены онѣ были по приказу губернскаго начальства подъ „Земляномъ валомъ", тамъ, гдѣ теперь Шубный рядъ. Это была крытая галлерея самой примитивной постройки. Обошлась она городу въ 4800 руб. Лавокъ здѣсь было 28. Были городскія лавки и у двухъ „тріумфальныхъ воротъ", за Харьковомъ и за Лопанью, выстроенныя около того же времени, но приносили ли онѣ городу какой нибудь доходъ,—ни откуда не видно. Въ 1792 г. по приказу губернатора Кишенскаго было выстроено въ Рыбномъ ряду 11 городскихъ лавокъ и при нихъ амбаръ для городскихъ вѣсовъ. Ихъ постройка обошлись городу 1216 руб. 61 коп. Въ томъ же году противъ Гостиннаго двора было выстроено 22 передвижныхъ лавки, которыя съ перестройками обошлись городу 171 руб. 62 коп. Доходъ съ общественныхъ лавокъ былъ по сравненію съ затраченнымъ на ихъ постройку капиталомъ отнюдь не малымъ. Въ 1796 году за наемъ общественныхъ лавокъ городъ выручилъ 767 руб. 50 коп. [2]). Въ 1799 г. сумма эта, повидимому, въ виду того, что многія лавки перестраивались и дохода не приносили, уменьшилась до 464 руб. 47 коп. [3]).

Кромѣ лавокъ, городъ имѣлъ и нѣсколько собственныхъ домовъ, но разсматривать ихъ, какъ одинъ изъ источниковъ городскихъ доходовъ, ни въ коемъ случаѣ не возможно. Пріобрѣтались дома городомъ не для извлеченія изъ нихъ выгодъ, а только въ цѣляхъ доставленія удобныхъ помѣщеній квартировавшему въ Харьковѣ генералитету и другимъ важнымъ особамъ. Нужно сказать, что городскими дома эти можно было назвать развѣ потому, что пріобрѣтались и содержались они на городскія деньги. Ни въ пріобрѣтеніи ихъ, ни въ распоряженіи ими городъ былъ ни при чемъ. „Повелѣніе" о пріобрѣтеніи дома Дума получала отъ губернатора и исполняла его. Первый домъ городомъ былъ пріобрѣтенъ въ 1787 году. Тогдашній намѣстникъ Чертковъ „усмотрѣлъ, что въ Харьковѣ нѣтъ общественнаго дома такого, который былъ бы выгоденъ для квартированія генералитету и другимъ воинскимъ высшимъ чинамъ, черезъ что лучшіе граждане принуждены бываютъ отдавать свои дома, въ которыхъ сами живутъ, и терпѣть помѣшательство въ торгахъ, промыслахъ и упражненіяхъ своихъ". Въ виду этого Городскому Магистрату предложено было купить за 1500 руб. домъ содержателя пансіона, коллежскаго секретаря Шульца, который какъ разъ въ это время оставлялъ Харьковъ по слу-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Входящ. Думы 1787 г. № 9.

[2]) Тамъ же. Журн. 1796 г.

[3]) Тамъ же. Приходная книга Городской Думы 1799 года.

чаю перехода на службу въ другую губернію. Въ Магистратѣ, гдѣ сосредоточивался главный денежный рессурсъ города—винная сумма, денегъ въ наличности было 917 руб. 49 коп., но чтобы выручить Шульца, очевидно, „родного человѣчка“ для мѣстнаго начальства, велѣно было недостающую сумму взять заимообразно изъ доходовъ другихъ городовъ [1]). Домъ былъ переданъ въ вѣдѣніе Думы съ тѣмъ, чтобы она старалась не только содержаніе и починку его производить изъ денегъ, вырученныхъ за наемъ, но и капиталъ, издержанный на покупку дома, выручить сколько возможно скорѣе. Покупка дома повлекла за собою необходимость „для смотрѣнія онаго дому выбрать изъ общества смотрителя изъ здѣшнихъ гражданъ, человѣка достойнаго“ [2]). Доходу домъ Шульца, повидимому, не приносилъ, ибо свѣдѣній о такихъ доходахъ мы не имѣемъ, да и трудно допустить, чтобы, при извѣстномъ намъ порядкѣ распоряженія городскими домами, доходъ этотъ могъ существовать. Домомъ Шульца городъ владѣлъ не болѣе 8 лѣтъ. Въ 1795 г. Дума рѣшила продать его и вмѣсто него пріобрѣсть что нибудь лучшее. Домъ проданъ былъ Павлову за 700 р., т. е. съ очень крупнымъ убыткомъ для города [3]). Вмѣсто дома Шульца, по „повелѣнію“ Ѳ. И. Кишенскаго, купленъ домъ у прокурора Чайковскаго въ центрѣ города, „въ верхней части Московской дороги“. Обошелся онъ городу 3000 р., но приносилъ ли какую пользу,—сказать трудно: въ 1800 г. по отводу полиціи въ немъ квартировалъ самъ бывшій его владѣлецъ, Чайковскій [4]). Въ Павловское время Харьковъ былъ наполненъ военными разнаго рода оружія, во главѣ коихъ стояли шефы и генералитетъ. Въ это время потребность въ домахъ, „выгодныхъ для квартированія генералитету“, чувствовалось особенно сильно. По приказу губернатора Теплова, Думой въ 1798 г. были пріобрѣтены три дома: одинъ у коллежскаго совѣтника Мордвинова (тамъ, гдѣ теперь первая женская гимназія) за 7 тысячъ рублей, другой—у Титова за 1500 р. и третій—у н. сов. Солнцева за 5000 р. [5]). Въ 1800 г., т. е. черезъ два года послѣ покупки, дома эти находились „въ посредственной прочности“. На разныя въ нихъ починки и пристройки было употреблено 925 р. 27 к. [6]). Для покупки трехъ домовъ въ теченіе одного года у города, располагавшаго такими незначительными средствами, какъ Харьковъ, денегъ, конечно, не оказалось. Ихъ пришлось занимать изъ городскихъ доходовъ (винной суммы) Богучара, Сумъ, Изюма, Острогожска, Ахтырки и Лебедина. Траты эти окупались доходомъ, приносимымъ домами, скудно до смѣшного: такъ въ 1799 г. всѣ четыре городскихъ дома дали въ общей сложности доходу 32 р. [7]).

Никакой прибыли, конечно, не извлекалъ городъ и отъ такихъ принадлежавшихъ ему сооруженій, какъ военный лазаретъ и конюшни. Военный лазаретъ былъ выстроенъ городомъ въ 1797 г. по губернаторскому приказу для нуждъ квартировавшихъ въ городѣ войскъ. На его устройство городомъ было истрачено 1019 р. 24 коп., въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ ремонтъ лазарета стоилъ больше, чѣмъ сама постройка. До 1800 г. на разныя починки и поправки городъ израсходовалъ 1281 руб., а доходу отъ лазарета не извлекъ ни копейки, такъ какъ занимался онъ больными солдатами.

Ничего не получилъ городъ и отъ другихъ сооруженій, предназначенныхъ для военныхъ. Такими сооруженіями были двѣ конюшни, выстроенныя въ томъ же 1797 г., при конюшняхъ былъ манежъ, два цейхгауза и двѣ караульни. На постройку ихъ городъ издержалъ 752 р. 91 к., да починка ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ обошлась въ 371 р. 95 коп.

---

[1]) Архивъ Губ. Правл. Дѣла Норова. 1787 г.
[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход Думы. 1787 г. № 26.
[3]) Тамъ же. Подл. приговоры Думы 1795.
[4]) Тамъ же. Вход. Думы 1800 г.
[5]) Тамъ же. Подл. пригов. 1798 г.
[6]) Тамъ же. Вход. Думы 1800 г.
[7]) Тамъ же. Вѣд. доход. и расход. 1799 г.

Мы видѣли уже, что тотчасъ же по своемъ учрежденіи Харьковскій Губернскій Магистратъ, изыскивая источники городскихъ доходовъ для Харькова, обратилъ вниманіе на пригородные лѣса и земли. Объ эксплоатаціи городскихъ угодій заботилась и Харьковская Дума, но эти заботы ни къ чему не привели. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій Городская Дума заинтересовалась вопросомъ, нельзя ли ей извлечь какой нибудь доходъ съ городскихъ мельницъ, но по наведеніи надлежащихъ справокъ оказалось, что мельницъ, принадлежащихъ городу, въ Харьковѣ совсѣмъ нѣтъ. Не было въ Харьковѣ и городскихъ лѣсовъ и выгоновъ. Въ 1789 г. харьковскіе купцы для отапливанія своихъ домовъ, занятыхъ квартировавшими въ городѣ военными постояльцами, вздумали было рубить „общественные“ лѣса. Оказалось, однако, что лѣса эти, хотя и общественные, но принадлежатъ не городскому обществу, а обществу войсковыхъ обывателей [1]). Не лучше было и съ выгонами. Въ 1791 г. губернаторъ Кишенскій, озабоченный пріумноженіемъ городскихъ доходовъ, предложилъ Думѣ сдать неудобные для пастьбы скота выгоны подъ бахчи арендаторамъ. Дума, ничего не знавшая о существованіи у города такой оброчной статьи, собрала городское общество и предложила ему вопросъ, гдѣ и какіе есть у города выгоны и какъ ихъ эксплоатировать. Оказалось, однако, что о городскихъ выгонахъ никто ничего не зналъ. Общество единогласно отвѣтило, что о выгонахъ оно ничего не знаетъ, кромѣ только того, что всѣ прилегающіе къ городу выгоны принадлежатъ окрестнымъ помѣщикамъ. Постановлено было обратиться къ губернскому начальству съ просьбой о наведеніи справокъ по плану относительно городскихъ выгоновъ, но результатовъ отъ этого никакихъ не вышло, такъ какъ выгоновъ городу предоставлено дѣйствительно не было [2]).

Перейдемъ теперь къ обложенію въ пользу города постоянныхъ торговцевъ и промышленниковъ. Насколько можно судить по имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ, облагались не мѣстные, а только иногородные купцы и промышленники, торговавшіе въ Харьковѣ постоянно, но не принадлежавшіе къ составу городского общества. Изъ мѣстныхъ жителей къ обложенію привлекались дворяне, духовные и разночинцы, не принадлежавшіе къ составу городского общества, но пользовавшіеся „мѣщанскими выгодами“. Право города на обложеніе иногородцевъ и мѣстныхъ разночинцевъ было признано еще въ 1780 г. Губернскимъ Магистратомъ, находившимъ, что городъ въ правѣ требовать отъ нихъ „пристойнаго вспомоществованія“, но добиться этого „вспомоществованія“ оказалось далеко не такъ легко. Споръ о правѣ города на „вспомоществованіе“ тянулся почти черезъ всю двадцатилѣтнюю исторію Харьковскаго городского самоуправленія въ XVIII в. Уже въ 1783 г. Губернскій Магистратъ разбиралъ жалобу харьковскихъ купцовъ Артема Карпова, Егора Урюпина, Степана Курдюмова, Алексѣя Тамбовцева, Василія Скибицкаго и мѣщанъ Карпа Володина, Степана Паламаренка и Ивана Татаринова съ товарищи, въ которой они указывали, что, состоя въ харьковскомъ купечествѣ и мѣщанствѣ, они платятъ всѣ государственные налоги и отбываютъ всѣ гражданскія тягости и расходы по Городовому Магистрату, между тѣмъ какъ иногородцы, иностранцы и нѣкоторые изъ харьковскихъ жителей (разночинцы, отставные офицеры, приказные и проч.) ведутъ постоянный торгъ въ розницу на немалую сумму, а налоговъ въ пользу города не платятъ и гражданскихъ тягостей не несутъ, иные изъ нихъ имѣютъ лавки въ Гостинномъ дворѣ и торгуютъ въ нихъ разнымъ товаромъ, другіе содержатъ трактиры, шинки, пивоварни, воскобойни, харчевни, салотопни и свѣчные заводы, торговыя бани, лавки въ мясномъ и въ рыбномъ ряду, мыловарни и кирпичные заводы. Въ реестрѣ, приложенномъ челобитчиками къ жалобѣ, перечислены и имена этихъ вольныхъ харьковскихъ купцовъ и промышленниковъ. Таковы

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1789 г.

[2]) Тамъ же. Журн. 1791 г.

были: поручикъ и братъ его сотникъ Анастасьевы, поручикъ Анадольскій, вдова подпоручица Черкесова, кол. рег. Контаржи, прапорщ. Смирницкій, губ. рег. Черневъ, прапорщ. Фесенковъ, подпоручикъ Моренковъ и его дѣти, записанныя въ службу кадетами, сержантъ Спичинскій. Изъ иногородныхъ въ реестрѣ указаны: курскіе купцы Золоторевы, Мухинъ, Ив. Нифонтовъ, Спасенковы, кременчугскій купецъ Приваловъ и бѣлевскіе купцы Чухринъ и Сѣриковъ. Кромѣ того, челобитчики указывали на тотъ фактъ, что и не принадлежащіе къ составу городского общества крестьяне торгуютъ въ Харьковѣ разными недозволенными имъ товарами и этимъ причиняютъ купечеству и мѣщанству подрывъ въ торгахъ и промыслахъ. Челобитчики, ссылаясь на разные указы, просили Губернскій Магистратъ запретить торговлю всѣмъ, кто не принадлежитъ къ Харьковскому городскому обществу, лавки уничтожить или велѣть продать по вольной цѣнѣ тѣмъ, кто имѣетъ право пользоваться „мѣщанскими выгодами“. Губернскій Магистратъ постановилъ запретить постороннимъ городскому обществу лицамъ торговлю, если они не пожелаютъ вписаться въ харьковскіе купцы или мѣщане; помѣщичьимъ крестьянамъ также запретить торговлю, если они не обяжутся платить гильдейскіе сборы; иногороднымъ купцамъ позволить торговать только на ярмаркахъ, а въ мясномъ ряду только записаннымъ въ цехъ мясникамъ. Что касается лавокъ, бань, заводовъ и проч., то на уничтоженіе ихъ или продажу, согласно просьбѣ челобитчиковъ, Магистратъ не находилъ дозволенія въ законахъ [1]). Постановленіе это иногда выполнялось, а иногда оставалось безъ дѣйствія. Кто былъ посильнѣе, тотъ уклонялся отъ городского обложенія, а кто послабѣе,—платилъ. Такъ въ 1788 году сборомъ въ пользу города были обложены сбитенщики и квасники изъ крестьянъ великорусскихъ губерній. Въ виду того, что они не принадлежали къ Харьковскому городскому обществу, Дума предложила имъ, въ случаѣ нежеланія платить налогъ, прекратить торговлю и даже совсѣмъ выселиться изъ города. Сбитенщики разыскали себѣ заступниковъ въ Намѣстническомъ Правленіи, которое находило, что имъ нужно дать льготы, пока ихъ дѣлу не обучатся сами харьковцы, а когда Дума осталась непреклонной, Намѣстническое Правленіе предложило сбитенщикамъ перечислиться въ харьковскіе мѣщане. Сдѣлать это было, однако, не всѣмъ возможно, потому что большая часть сбитенщиковъ и квасниковъ были крѣпостные, отпущенные на оброкъ. Въ концѣ концовъ Дума поставила на своемъ. Среди харьковцевъ нашлись лица, пожелавшія монополизировать торговлю сбитнемъ и квасомъ въ своихъ рукахъ. Такъ, мѣщанинъ Масленниковъ предложилъ Думѣ вносить ежегодно за право торговли сбитнемъ 60 рублей, а когда Дума нашла эту плату чрезмѣрно низкой, калужскіе крестьяне Степановы и Тихоновы предложили ей 100 рублей. Торговля сбитнемъ и квасомъ стала сдаваться на откупъ тому, кто больше дастъ. Въ 1790 году эта торговля находилась въ рукахъ рязанскаго купца Куликова, который платилъ въ пользу города 300 руб. и въ качествѣ монополиста преслѣдовалъ всѣхъ остальныхъ сбитенщиковъ и квасниковъ.

Нѣчто подобное было и съ иногородными торговцами сальными свѣчами. Въ 1790 г. два крестьянина капитанши Голохвастовой предлагали Думѣ 30 руб. за право торговать въ Харьковѣ сальными свѣчами.

Обложеніе иногородныхъ торговцевъ и промышленниковъ вызывало постоянные споры, нѣсколько пріутихшіе только съ 1794 года, когда право города на обложеніе иногородныхъ было признано Намѣстническимъ Правленіемъ, постановившимъ, что лица, производящія въ городѣ мѣщанскій торгъ, но не имѣющія на то права, платятъ установленный налогъ въ пользу города, кто же платить не будетъ, такимъ воспретить торгъ [2]). Въ послѣдующіе годы мы

[1]) Моск Арх. Мин. Юст. Дѣла Харьк. Губ. Магистрата 1783 г.

[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. Приг. 1795 г.

видимъ, что городъ получаетъ доходъ не только съ иногородныхъ сбитенщиковъ и квасниковъ, но и съ содержателей харчевенъ. Въ 1796 году сборъ со сбитенщиковъ, квасниковъ и содержателей харчевенъ далъ городу 434 р. Въ томъ же году мы видимъ обложеніе сборомъ въ пользу города и иногородныхъ торговцевъ виноградным виномъ. Сборъ по этой статьѣ далъ городу 30 руб. Съ иногородныхъ мясниковъ въ томъ же 1796 году городъ получилъ 100 р. [1]). Въ 1799 году съ иногородныхъ торговцевъ городъ получилъ 130 руб., да съ иногородныхъ промышленниковъ 45 р. [2]).

Гораздо труднѣе было привлечь къ дачѣ „пристойнаго вспоможенія“ городу „благородныхъ“, пользовавшихся „мѣщанскими выгодами“. Привилегированные обыватели Харькова,—дворяне, духовенство и разночинцы во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ уже не могли торговать самолично безъ платежа казенныхъ и городскихъ сборовъ, но зато они имѣли полную возможность содержать въ своихъ домахъ постоялые дворы, устраивать у себя и въ чужихъ домахъ харчевни, амбары, лавки и отдавать ихъ въ наемъ купцамъ и разнымъ промышленникамъ, ничего не платя въ пользу города. Въ 1793 году Городская Дума обратилась въ Намѣстническое Правленіе съ просьбой о разрѣшеніи обложить такихъ лицъ какимъ нибудь налогомъ въ пользу города [3]). Просьба Думы была разсмотрѣна въ 1794 году. На основаніи 30 и 31 ст. Жалованной грамоты дворянству и 13 ст. Городового Положенія Намѣстническое Правленіе заключило, что Дума имѣетъ право облагать сборами лавки въ рядахъ, принадлежащія духовенству, дворянамъ и разночинцамъ. Такихъ въ Харьковѣ было не мало. Въ 1795 году въ Гостинномъ дворѣ были лавки у слѣдующихъ свободныхъ отъ городскихъ налоговъ лицъ: у вдовы протопопа Шванскаго—двѣ лавки съ погребами, отдававшіяся въ наймы за 480 руб., у поручика Федора Грекова было одиннадцать лавокъ и трактиръ, приносившіе въ годъ 1235 р., у вдовы Ирины Христодуловой—одна лавка, дававшая 130 р., у поручика Герасима Буцкаго—три лавки, дававшія 340 руб., у прапорщика Григорія Топчіева—одна лавка, приносившая 130 р. дохода, у подпрапорнаго Якова Гуковскаго—одна лавка (100 р. дохода), у вдовы поручицы Маріи Черкесовой—одна лавка и два трактира съ погребами, приносившіе дохода 340 руб., у вдовы поручицы Татьяны Фесенковой—одна лавка (450 руб. дох.), у протопопа Дмитрія Зимовцова—одна лавка (90 руб.). Дума постановила брать съ этихъ лавокъ въ доходъ города по пяти копѣекъ съ рубля дохода. Общій доходъ отъ такого обложенія ожидался въ 147 р. 70 к. О взысканіи этого налога съ перечисленныхъ лицъ Дума просила городничаго, а передъ Намѣстническимъ Правленіемъ ходатайствовала о подкрѣпленіи ея просьбы особымъ указомъ. Кромѣ показанныхъ лицъ, владѣвшихъ лавками въ Гостинномъ дворѣ, были и такіе дворяне, духовные и разночинцы, которые отдавали въ наемъ лавки, бывшія у нихъ при домахъ, другіе отдавали свои амбары для склада товаровъ, имѣли харчевни и содержали постоялые дворы. Ихъ тоже Дума считала, на основаніи указа Намѣстническаго Правленія, возможнымъ обложить сборами въ пользу города. Въ 1795 году обложены были: прапорщикъ Ив. Фесенко, коллеж. регистр. Павловъ, прапорщикъ Андрей Смородскій, вдова Екатерина Полтавцева, секретарь Ив. Дьяконовъ, секретарь Федоръ Мироновъ, есаулъ Вас. Топчій, подпоручикъ Вас. Гринченко, прапорщикъ Николай Мосцѣвой, казаки Яковъ и Алексѣй Панченки, вдова Кондратова, сапожникъ Макаръ Яковлевъ, казенный обыватель Антонъ Корибутъ, старшинскій сынъ Яковъ Гуковскій, подпоручица Марія Черкесова, поручица Дарья Анадольская, протопопъ Иванъ Гилевскій, коллежск. регистраторъ Сергѣй Комлишен-

[1]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Журналы Думы 1796 г.
[2]) Тамъ же. Приход. книга за 1799 г.
[3]) Тамъ же. Вход. 1793 г.

скій, прапорщикъ Василій Гилевскій, секретарь Иванъ Енохинъ, священникъ Николай Назарьевъ, секретарь Романъ Ковальчукъ, поручикъ Федоръ Грековъ. Кромѣ того, два лица, прапорщикъ Григорій Топчій и протопопъ Дмитрій Зимовцовъ, имѣли въ Харьковѣ бани, пивоварни и мыльный заводъ. Дума обложила всѣ эти предпріятія сборомъ въ пользу города, дававшимъ въ общемъ 498 рублей [1]). Это обложеніе могло бы дать городу солидную прибавку къ его бюджету, но въ томъ же 1795 году Дума жаловалась, что изъ ея неоднократныхъ просьбъ къ правящему въ Харьковѣ городническую должность капитану Эку о взысканіи сборовъ съ лавковладѣльцевъ-разночинцевъ не выходило никакого толку. Полиція „къ одному только затрудненію и напраснымъ перепискамъ“ принимала отговорки, приносимыя тѣми людьми, съ которыхъ слѣдуетъ получить доходъ городу, а должное выполненіе упускается“. Дума находила, что полиція не въ правѣ такъ поступать, потому что по 176 ст. Городового Положенія жалобы на дѣйствія Думы Общей и Шестигласной должны приноситься не въ полицію, а въ Губернскій Магистратъ, а по 178 ст. Дума имѣетъ право на исполненіе ея требованій полиціей. Въ виду этого, чтобы заставить полицію исполнять требованія Думы и не принимать „не дѣльныхъ отговорокъ“, Дума постановила обратиться съ просьбой о понужденіи полиціи къ Намѣстническому Правленію. Но дворяне и разночинцы были слишкомъ сильны, чтобы уступить. Они нашли себѣ заступника въ томъ самомъ Губернскомъ Магистратѣ, за которымъ Дума признавала право принимать жалобы на ея постановленія. Въ 1795 году Губернскій Магистратъ нашелъ постановленіе Думы незаконнымъ и не дозволилъ ей взыскивать въ пользу города сборовъ съ лавокъ и промышленныхъ заведеній разночинцевъ и дворянъ, даже съ тѣхъ, которыя находились въ Гостинномъ ряду [2]).

Таковы были главныя статьи городскихъ доходовъ. Если къ нимъ прибавить кое-какія случайныя поступленія, какъ, напримѣръ, плату за внесеніе въ обывательскія книги, возбуждавшую постоянныя неудовольствія со стороны горожанъ и уплачивавшуюся съ большимъ трудомъ, да еще штрафы, налагаемые Магистратомъ по разнымъ случаямъ на провинившихся купцовъ и мѣщанъ, то этимъ мы исчерпаемъ едва ли не всѣ источники городскихъдоходовъ.

Обратимся теперь къ расходамъ. 152 ст. Екатерининскаго Городового Положенія гласила: „Законные градскіе расходы суть: 1) содержаніе Магистратовъ и прочихъ людей, коимъ по городской службѣ жалованье опредѣлено; 2) содержаніе городскихъ школъ и другихъ заведеній, Приказу Общественнаго призрѣнія предписанныхъ; 3) строеніе городское и починка онаго“.

Что же стоило городу „содержаніе Магистрата и прочихъ людей, коимъ по городской службѣ жалованье опредѣлено“? На это отвѣтъ даетъ вѣдомость о городскихъ доходахъ и расходахъ, представленная Потемкину 20 марта 1789 года. Въ Магистратѣ засѣдали два бургомистра, получавшіе по 120 руб. въ годъ, четыремъ ратманамъ платилось по 100 рублей каждому, секретарю 200 рублей, канцеляристу 80 руб., подканцеляристу 50 руб., двумъ копіистамъ по 40 руб. каждому и двумъ сторожамъ по 15 руб., да на канцелярскіе расходы и отопленіе Магистрату отпускалось 80 рублей въ годъ. Итого Магистратъ стоилъ городу 1160 рублей. Расходы по Думѣ были гораздо меньше: двумъ писарямъ полагалось въ годъ по 200 руб., на канцелярскія принадлежности и отопленіе шло 70 руб., да на двухъ сторожей 48 руб., такъ что все содержаніе Думы обходилось 518 руб. Затѣмъ расходы по Сиротскому Суду: канцелярскія принадлежности и отопленіе стоили 30 руб., писарю въ годъ платилось 60 рублей и сторожу 24 руб., итого 114 рублей. Словесный Судъ стоилъ нѣсколько дороже, потому что кромѣ такихъ же тратъ, какъ и на Сиротскій Судъ, приходилось платить и словесному судьѣ при-

[1]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. 1795 г.
[2]) Тамъ же. Подлин. приг. 1796 г.

мѣрно около 60 руб. въ годъ. Къ расходамъ на содержаніе „прочихъ людей, коимъ по городской службѣ жалованье опредѣлено“, нужно отнести еще сторублевый расходъ на двухъ смотрителей, выбранныхъ къ „соляным магазейнамъ“.

Такимъ образомъ, на жалованье лицамъ, служащимъ городу, уходило 2068 рублей. Если къ этому прибавить расходы на пожарную часть 160 рублей (по табели, утвержденной правившимъ генералъ-губернаторскую должность въ 1784 году, полагалось въ Харьковѣ имѣть 10 пожарныхъ лошадей, на содержаніе которыхъ расходовалось 100 руб. въ годъ, да на четырехъ работниковъ при нихъ 60 руб.); да на обогрѣваніе и освѣщеніе карауленъ и съѣзжихъ домовъ 80 руб., то вся сумма городскихъ расходовъ выразится 2308 рублями [1]). Съ конца 80-хъ годовъ къ этой цифрѣ прибавилась еще небольшая сумма на содержаніе двухъ частныхъ приставовъ и квартальныхъ. Казалось бы, немного, принимая во вниманіе, что одной винной суммы Харьковъ получилъ 4000 руб. Въ дѣйствительности, однако, очень часто бывало такъ, что городскіе излюбленные люди по годамъ не получали довлѣемаго имъ жалованья. Въ 1789 году служащіе Городского Магистрата получали жалованье очень туго [2]). Въ концѣ декабря 1789 года магистратскимъ приказнымъ служителямъ не было заплачено жалованье за майскую треть, да и заплатить было нечѣмъ, ибо остатковъ отъ главнаго фонда — винной суммы въ наличности числилось $^1/_4$ коп. Магистрата во всемъ потребномъ содержать было нечѣмъ. Губернскій Магистратъ представлялъ въ Намѣстническое Правленіе, что въ Городовомъ Магистратѣ не имѣется писчей бумаги на производство дѣлъ и дровъ на отопленіе печей, „зачѣмъ по нынѣшнему холодному времени и дѣлъ исправлять не можно“; что секретарь и приказные служители седьмой уже мѣсяцъ не получаютъ жалованья, черезъ что претерпѣваютъ въ содержаніи себя нужду. Такъ какъ денегъ ни въ Магистратѣ, ни въ Думѣ не было, то Думѣ предписано было выдать вмѣсто требуемыхъ 480 рублей только 80, которые и пошли на удовлетвореніе канцелярской братіи Магистрата, остальные 400 руб. магистратскимъ приказнымъ предложено было подождать до поступленія доходовъ въ 1790 году [4]). Что касается ратмановъ и бургомистровъ, то на просьбы ихъ о выдачѣ жалованья Намѣстническое Правленіе отвѣтило отказомъ. Въ 1791 году недоимки по жалованью служащимъ Городового и Губернскаго Магистрата, а также Словеснаго Суда накопилось уже 4030 руб., денегъ въ городской кассѣ не было, а на жалобы городскихъ служащихъ губернаторъ Кишенскій отвѣтилъ отказомъ, заявивъ, что у города много тратъ, а общественная польза должна быть предпочтена частной. [5]) Въ 1792 году мы видимъ тѣ же просьбы, но не видимъ, чтобы онѣ были удовлетворены. Счастливѣе для городскихъ служащихъ оказался слѣдующій 1793 г., но все ли заслуженное жалованіе было имъ выдано, не знаемъ. По крайней мѣрѣ и въ 1795 г. они просили отъ Думы доплаты. Двумъ городскимъ избранникамъ—Марку Стопорину и Андрею Гавришенкову, жалованье за 1787 г. довелось получить только въ 1793 г. [6]). Въ 1798 г. мы видимъ вновь, что городъ затягиваетъ уплату жалованья бывшему засѣдателю Губернскаго Магистрата Моисееву [7]). Задержка жалованья служащимъ по выборамъ и „приказнымъ“ объясняется недостаткомъ городскихъ средствъ. Причины, вліявшія на скудость городской казны, можно, думается намъ, разбить на двѣ группы: на причины временныя, въ которыхъ повинны были сами горожане, накопившіе такія недоимки, какъ недоимка по винной суммѣ, о которой мы

[1]) Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба. Оп. 194. Св. 225. № 4.
[2]) Архивъ Харьк. Гор. Думы. Вход. Думы. 1789 г.
[3]) Тамъ же. Вход. Думы 1790 г.
[4]) Тамъ же. Вход. Думы 1789 г., стр. 519.
[5]) Тамъ же. Журн. Думы 1791 г.
[6]) Тамъ же. Протоколы 1793 г.
[7]) Тамъ же. Подл. приговоры 1798 г.

уже упоминали, и причины постоянныя, заключавшіяся въ самовластномъ распоряженіи губернаторовъ городскими суммами. Смѣты городскимъ доходамъ и расходамъ, отъ которой нельзя было бы дѣлать отступленій, не составлялось, насколько мы знаемъ, до самого 1795 г. [1]). Только въ этомъ году Казенная Палата составила вѣдомость о городскихъ расходахъ и отдала „повелѣніе“ „не производить расходовъ выше сего“. Но на это „повелѣніе“ мало обращалось вниманія: и послѣ 1795 г. губернаторы дѣлали съ такою же легкостью распоряженія о производствѣ расходовъ, не предусмотрѣнныхъ смѣтой, какъ и до 1795 г.

Харьковскіе губернаторы и генералъ-губернаторы прежде всего заботились о казовой сторонѣ городской жизни,—объ украшеніи соломяннаго и деревяннаго Харькова пристойными публичными зданіями и другими сооруженіями. Особенно большое вниманіе обращалось на эту сторону дѣла въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда ожидаемый пріѣздъ въ Харьковъ Царицы заставилъ мѣстную администрацію напречь всѣ силы для того, чтобы товаръ лицомъ показать. Въ это именно время производились усиленные расходы по послѣднему пункту 152 статьи Городового Положенія 1785 года. „Строеніе городское и починка онаго“ были въ то время едва ли не важнѣйшимъ предметомъ заботъ мѣстной администраціи, не спрашивавшей у горожанъ ни о томъ, желаютъ ли они тратить городскія деньги на пристойныя публичныя зданія, ни о томъ, есть ли у города для этого достаточныя средства. Расходы относились обычно на счетъ городской „винной суммы“, а въ случаѣ ея недостачи забиралась свободная наличность изъ доходовъ уѣздныхъ городовъ. Въ періодъ съ 1785 по 1787 г. въ Харьковѣ на счетъ городской винной суммы воздвигнуты были: каменный домъ о 7 покояхъ для житья городничему и для Словеснаго Суда, обошедшійся въ 7500 руб.; каменная караульня возлѣ желѣзнаго ряда съ воротами и со службами, стоившая 1150 руб.; каменная галлерея съ 28 лавками подъ Земляным валомъ, за которую городомъ было заплачено 4800 руб.; каменный мостъ на Лопани, обошедшійся въ 17669 руб. 96½ коп., но уже въ 1789 г. поврежденный до того, что въ 1790 г. его пришлось замѣнить деревяннымъ; деревянный мостъ на Немышлѣ, стоимость котораго осталась неизвѣстной. Возлѣ „дворца“ на городскія средства были выстроены двѣ караульни, стоившія 2950 руб., столько же стоила караульня за рѣкой Харьковомъ около тріумфальныхъ воротъ; возлѣ караульни была лавка, окруженная оградой, а возлѣ нея два каменныхъ столба. Такая же караульня съ оградой и лавкой воздвигнута была и у Залопанскихъ тріумфальныхъ воротъ и стоила городу тѣ же 2950 руб. Итого всего на перечисленныя постройки городу въ теченіе трехъ лѣтъ пришлось издержать 42319 руб. 96½ коп. [2]). Конечно, покрыть всѣ эти траты на счетъ винной суммы, поступавшей къ тому же „коснительно“, было нельзя. Приходилось поэтому обращаться какъ къ другимъ источникамъ городскихъ доходовъ, такъ и къ „заимообразу“ изъ средствъ уѣздныхъ городовъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти траты были произведены всуе: лавки—статья дохода, мостъ—предметъ необходимости, но горожане, конечно, въ правѣ были желать, чтобы эти городскія сооруженія, строившіяся безъ всякаго участія городского управленія, были прочнѣе, а стоили дешевле. Вообще же можно сказать, что эти траты совсѣмъ не отвѣчали смыслу пословицы: по одежкѣ протягивай ножки.

Крупную сумму отъ городскихъ средствъ отнимали расходы, Городовымъ Положеніемъ совсѣмъ не предусмотрѣнные, или по крайней мѣрѣ не обозначенные ясно. Это расходы на квартировавшія въ городѣ войска. Для нуждъ постоя городомъ въ 1787 г. былъ пріобрѣтенъ домъ к. с. Шульца, а въ 1788 г. городу пришлось понести крупные расходы на больныхъ солдатъ и рекрутъ. Въ 1787 г. городничій предложилъ Думѣ, согласно распоряженію Черткова, выстроить за городомъ для рекрутскихъ и солдатскихъ командъ лазаретъ. Мотивировалось это

[1]) Арх. Харьк. Город. Думы. Подлин. приговоры 1795 г.

[2]) Тамъ же Вход. 1790 г., стр. 226.

предложеніе возможностью распространенія болѣзней среди населенія города [1]). Въ слѣдующемъ году по приказу администраціи для больныхъ рекрутъ былъ отведенъ домъ за р. Харьковомъ, гдѣ прежде помѣщалась канцелярія бывшаго Харьковскаго батальона, а Думѣ велѣно было снабдить это помѣщеніе мебелью и всѣмъ необходимымъ. Скоро, однако, число больныхъ умножилось до 600 чел. Пашковъ распорядился отвести для нихъ новоприобрѣтенный у Шульца городской домъ, который Дума обязана была привесть въ порядокъ и снабдить всѣмъ необходимымъ для лазарета на городской счетъ. Скоро и этого оказалось недостаточно. Въ виду ожидаемаго прибытія новой партіи больныхъ въ 300 человѣкъ, Пашковъ велѣлъ Думѣ изыскать средства, чтобы больные не оставались на частныхъ квартирахъ. Для больныхъ за городомъ былъ устроенъ новый сарай, обитателей котораго городъ на свой счетъ снабжалъ ушатами, ложками, котлами и пр. Сарай, впрочемъ, просуществовалъ недолго. На его мѣсто городу велѣно было выстроить на свой счетъ лазаретъ, сюда же пришлось перенесть и домъ батальонной канцеляріи и аптеку [2]). Въ 1791 году для квартиры генералъ-поручика Елагина былъ нанятъ за 150 р. домъ священника Фотіева въ Вознесенскомъ приходѣ. Губернаторъ велѣлъ Думѣ принять этотъ расходъ на городской счетъ, ибо отъ этого граждане въ постояхъ имѣютъ облегченіе [3]). Въ 1789 году Дума починяла на городскія деньги окна въ домѣ, въ которомъ квартировалъ плѣнный Очаковскій паша, обивала полы войлокомъ и покупала ковры [4]), хотя этотъ домъ былъ не городской, а казенный [5]). Расходы на постойную повинность оказались особенно чувствительными въ Павловское время. Въ 1798 году Дума принуждена была, какъ мы видѣли, пріобрѣсть и содержать для надобностей постоя цѣлыхъ три дома. Въ 1799 году для квартирующихъ въ Харьковѣ полковъ велѣно было выстроить 10 большихъ и 10 малыхъ караульныхъ будокъ. Въ томъ же году городъ выстроилъ для кирасиръ лазаретъ и манежъ. Въ томъ же году съ города взята была крупная сумма съ цѣлью постройки казармъ для квартирующихъ въ Харьковѣ войскъ. Для квартировавшихъ въ частныхъ домахъ военныхъ начальниковъ Дума обязана была давать дрова для отопленія. Вскорѣ, впрочемъ, эта натуральная повинность была замѣнена денежной: Дума получила губернаторскій приказъ, въ силу котораго доставка дровъ натурою была замѣнена выдачею хозяевамъ домовъ, въ которыхъ квартировали военные, денегъ на отопленіе, считая по 4 руб. за квадр. саж. дровъ [6]). Въ слѣдующемъ 1800 году Думѣ пришлось заказывать чаны, лопаты и всякую утварь для кирасирскаго полка кн. Ромодановскаго-Лодыженскаго (въ томъ же году переименованъ въ полкъ Козенса).

Не слѣдуетъ забывать, что наряду съ военными, городу, благодаря своеобразному взгляду на квартирную повинность мѣстнаго начальства, приходилось давать квартиры и отопленіе и лицамъ, не принадлежащимъ къ составу арміи: чинамъ полиціи, врачебному инспектору, форштмейстеру и др. [7]).

Помимо расходовъ на постояльцевъ, городу приходилось нерѣдко тратить деньги и на другіе предметы, не имѣвшіе никакого отношенія къ городскимъ надобностямъ. Въ 1787 году Магистратъ по распоряженію Черткова уплачиваетъ 420 р. харьковскому аптекарю Пискуновскому, очевидно, въ счетъ казеннаго жалованья [8]). Въ 1788 году Дума починяетъ на

[1]) Архивъ Харьк. Город. Думы. Журн. 1787 г.
[2]) Тамъ же. Вход. Думы 1788 г.
[3]) Тамъ же. Журн. Думы 1791 г.
[4]) Тамъ же. Вход. Думы 1789 г., стр. 363.
[5]) Тамъ же. Журн. Думы 1791 г.
[6]) Тамъ же. Подл. приг. 1799 г.
[7]) Тамъ же. Вход. Думы 1799 г.
[8]) Арх. Харьк. Губ. Пр. Рапорты Магистрата Черткову №№ 1787, 2240.

свой счетъ окошки во флигелѣ губернаторскаго дома, гдѣ квартировали плѣнные турки [1]). Въ слѣдующемъ году Дума по приказу губернатора покупаетъ на свой счетъ печати для клейменія товаровъ для 14 городовъ Харьковской губ. и ремонтируетъ домъ Банковой Конторы [2]). Въ 1790 году Дума починяетъ на городской счетъ губернаторскій домъ (казенный) [3]) и зданіе Губернскаго Магистрата. Расходъ городскихъ денегъ на казенныя зданія мотивировался тѣмъ, что „строельная" казенная сумма не отпускалась по случаю военнаго времени [4]). Въ 1791 году городъ на свои средства чинитъ казенный почтовый домъ, помѣщенія Совѣстнаго Суда и тюрьму и вставляетъ выбитыя стекла въ бывшемъ домѣ Банковой Конторы [5]). Въ 1792 году Дума платитъ за взятый куда-то губернаторомъ у купца Аникѣева „колоколъ для битья часовъ". По распоряженію Кишенскаго Дума выплачиваетъ 20 р. поручику Бонгарту за „прилежное смотрѣніе" за постройками и садами упраздненнаго Куряжскаго монастыря, въ которомъ въ то время помѣщался госпиталь для больныхъ рекрутъ. Мотивируется губернаторскій приказъ тѣмъ соображеніемъ, что устройство госпиталя въ монастырѣ приноситъ облегченіе гражданамъ. Въ томъ же году городъ на свой счетъ покупаетъ домъ для почтовой конторы. Старый оказался негоднымъ, а потому по предписанію Намѣстническаго Правленія и ямщиковъ, и лошадей вывели изъ него и расположили по обывательскимъ дворамъ. Постояльцы оказались настолько безпокойны, что горожане рѣшили избавиться отъ нихъ, почему и купили для почты домъ у купца Найденова (за рѣкой Харьковомъ) за 600 руб. [6]). Въ 1795 году по указу Намѣстническаго Правленія Дума выдаетъ два рубля городничему „на исправленіе двухъ плетей, употребляемыхъ къ наказанію преступниковъ", и отпускаетъ по приказу Кишенскаго 100 р. для починокъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ [7]), а въ 1796 г. къ числу городскихъ расходовъ отнесенъ, по приказу Намѣстническаго Правленія, расходъ въ 7 р. 50 к. на починку часовъ въ томъ же генералъ-губернаторскомъ домѣ [8]). На средства города чинились въ томъ же году генералъ-губернаторскій домъ и тюрьма и строился „каменный обелискъ среди города",— повидимому, нынѣшній каменный столбъ на Павловской площади. Въ 1797 г. Дума на свой счетъ ремонтируетъ домъ Шидловскаго для квартиры шефа Харьковскаго кирасирскаго полка, починяетъ флигель въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, тратитъ болѣе 900 рублей на устройство канавы противъ лавокъ Карпова. Въ 1797 и въ 1798 гг. за наемъ дома для Врачебной Управы платитъ не казна, а городъ [9]). Въ 1799 г. Дума выдаетъ городскія деньги за колодки для арестантовъ [10]), перекладываетъ печи въ генералъ-губернаторскомъ домѣ и штукатуритъ его. Вообще въ распоряженіи городскими деньгами губернаторы играли роль полныхъ хозяевъ. Въ 1794 г. надв. сов. Хлопову нужны были деньги, а такъ какъ занять ему было негдѣ, то губернаторъ Кишенскій великодушно разрѣшилъ ему воспользоваться за соотвѣтствующіе проценты свободными деньгами винной суммы [11]).

Губернаторы не дѣлали различія между суммами города Харькова и другихъ городовъ и даже казенными. Мы уже видѣли, что при недостаткѣ денегъ въ кассѣ гор. Харькова постой-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1788 г.
[2]) Тамъ же. Вход. 1789 г.
[3]) Тамъ же. Журн. 1790 г.
[4]) Тамъ же. Вход. 1790 г., стр. 93.
[5]) Тамъ же. Журн. 1791 г.
[6]) Тамъ же. Вход. 1792 г.
[7]) Тамъ же. Подл. Прот. 1795 г.
[8]) Тамъ же. Подл. Приг. 1796 г.
[9]) Тамъ же. Подл. Приг. 1798 г.
[10]) Тамъ же Вход. Думы 1799 г. и подлин. пригов. 1802 г.
[11]) Арх. Губ. Пр. 1794 г., № 95.

ные дома покупались на счетъ винной суммы уѣздныхъ городовъ, которымъ впослѣдствіи Харьковская Дума и Магистратъ обязаны были выплачивать изъ своихъ доходовъ. Въ первые годы дѣйствія Грамоты 1785 г. за недостаткомъ городскихъ средствъ, употребляемыхъ на разные предметы по губернаторскимъ приказамъ, жалованье бургомистрамъ, ратманамъ и мѣщанскимъ засѣдателямъ уплачивалось изъ казенныхъ суммъ Казенною Палатою, и на городѣ за нѣсколько лѣтъ накопился долгъ въ 3687 р. 86½ коп. [1]). Въ 1787 г. на счетъ городской винной суммы велѣно было отнесть произведенную подрядчикомъ Чеботаревымъ пристройку при полиціи и возведеніе стѣны около бастіона. Такъ какъ денегъ у города въ то время не было, Чеботареву было уплачено 975 руб. изъ суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія съ тѣмъ, чтобы деньги эти при первомъ полученіи возвращены были изъ винной суммы [2]). Въ 1799 году, когда городу приходилось особенно круто при расплатѣ за дома, купленные не по его волѣ, губернаторъ Сабуровъ отдалъ приказъ выдать на думскія надобности казенныя деньги изъ почтовой суммы [3]). Конечно, это помогло городу въ трудный моментъ, но зато и связало его долгомъ передъ казною.

Непредвидѣнные расходы по губернаторскимъ „предложеніямъ“, независимо отъ того, что они были велики, были для города тѣмъ тяжелѣе, что падали на городскую кассу, какъ снѣгъ на голову. Губернаторское „предложеніе“, или, какъ называли его члены муниципалитета, „повелѣніе“, заставляло городское самоуправленіе отлагать самыя насущные расходы, напередъ предусмотрѣнные, а то и просто не платить за сдѣланный уже трудъ тому, кому не платить было можно. Въ виду этого положеніе городской кассы очень часто было совсѣмъ плачевнымъ. Въ 1791 году Думѣ нечѣмъ было платить за починку моста на Лопани [4]). Въ 1793 г. въ маѣ Думѣ нужно было разомъ поправлять и Харьковскій, и Лопанскій мосты, поврежденные наводненіемъ, а денегъ въ думской кассѣ было всего 6 руб. 48¾ коп. [5]).

Если изъ суммы городскихъ расходовъ исключить деньги, издержанныя на надобности, не имѣющія прямого отношенія къ городскимъ нуждамъ, то на удовлетвореніе этихъ нуждъ останется немного. А между тѣмъ нужды росли по мѣрѣ роста и развитія города. „Табель“ на 1789 г. еще не знала расхода на освѣщеніе города, а черезъ нѣсколько лѣтъ расходъ этотъ являлся уже постояннымъ. Первый расходъ на это въ думскихъ книгахъ находимъ въ декабрѣ 1791 года, когда губернаторомъ Кишенскимъ велѣно было Думѣ сдѣлать 100 фонарей и отпускать на нихъ по одной денежкѣ на каждый фонарь [6]). Въ 1792 году на освѣщеніе города 66 фонарями тратилось по 10 руб. въ мѣсяцъ, при чемъ деньги эти отпускались по особому всякій разъ распоряженію губернатора. Въ томъ же 1792 году число фонарей было увеличено [7]), а въ 1796 г. фонарей горѣло по городу уже 98 [8]). Въ 1798 году освѣщеніе города стоило уже 205 руб., а по расходной книгѣ Думы за 1799 г. расходъ на освѣщеніе въ этомъ году выразился въ суммѣ 57 р. 50 коп.

Съ пріобрѣтеніемъ домовъ и лавокъ у города явился ежегодный расходъ на починки и передѣлки въ нихъ и по надзору за зданіями. По расходнымъ книгамъ 1799 года на ремонтъ

---

[1]) Архивъ Харьков. Город. Думы. Вход. 1789 г., стр. 512.
[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1788 г., стр. 174.
[3]) Тамъ же. Вход. 1799 г.
[4]) Тамъ же. Журн. 1791 г.
[5]) Тамъ же. Подл. прот. 1793 г.
[6]) Тамъ же. Журн. 1791 г.
[7]) Тамъ же. Вход. 1792 г.
[8]) Тамъ же. Подл. приг. 1796 г.

зданій было употреблено 878 руб. 54 коп. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о довольно крупномъ расходѣ изъ той же винной суммы на содержаніе главнаго народнаго училища. Въ 1789 году городъ обязанъ былъ заплатить въ пользу училища 700 рублей. Расходъ этотъ по городовой грамотѣ 1785 г. принадлежалъ къ числу обязательныхъ, но въ Харьковѣ, повидимому, не имѣлъ постояннаго характера. Не имѣлъ постояннаго характера и расходъ на городского врача. Въ 1796 г. при Харьковской полиціи былъ врачемъ штабъ-лекарь Яновскій, получавшій жалованье отъ города. Несомнѣнно, что лекарь былъ горожанамъ нуженъ, однако-же городской врачъ имѣлся въ Харьковѣ недолго. Въ послѣдніе годы XVIII ст. мы этой должности въ Харьковѣ уже не находимъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о городскомъ хозяйствѣ въ Харьковѣ конца позапрошлаго столѣтія, остановимся подробно надъ книгами прихода и расхода Городской Думы за 1799 годъ. Беремъ этотъ годъ потому, что свѣдѣнія о городскомъ хозяйствѣ за этотъ годъ сохранились въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ за предыдущіе.

Остановимся прежде на доходахъ. Составлялись они вотъ изъ чего:

Въ теченіе Крещенской съ городскихъ мѣстъ въ Гостинномъ ряду, за городомъ и по площадямъ и за наемъ балагановъ противъ Гостиннаго двора было выручено 642 руб. 55 коп., съ городскихъ вѣсовъ 150 руб. Въ Троицкую съ городскихъ мѣстъ 127 руб. 50 коп., съ вѣсовъ 23 руб. 50 коп. Въ Успенскую съ мѣстъ 482 руб. 30 коп., съ вѣсовъ 100 руб. Въ Покровскую съ мѣстъ 276 руб. 69 коп., съ вѣсовъ 50 руб. Кромѣ того, во внѣярмарочное время съ вѣсовъ поступило 9 руб. 20 коп. Такимъ образомъ, доходъ города по этой статьѣ выразился въ суммѣ 1862 руб. 19 коп. Еще болѣе крупная сумма поступила въ Думу изъ средствъ Городового Магистрата: изъ Магистрата разновременно было передано въ Думу въ теченіе года 1952 руб. 88 коп., изъ которыхъ 253 руб. 92 коп. поступило въ погашеніе долга Магистрата Думѣ, сдѣланнаго въ 1798 году, а остальные—для уплаты по разнымъ расходамъ (399 руб. 90 коп.—на заплату мастеровымъ за постройку караульныхъ будокъ для кирасирскаго полка, 478 руб.—за дрова для отопленія назначенныхъ подъ постой домовъ, 230 руб.—на расплату съ мастеровыми, починявшими въ казенномъ „дворцѣ“ печи и штукатурившими его, 421 руб. 56 коп.—на дрова для городскихъ „квартирныхъ домовъ“ и за матеріалы, употребленные на устройство „каналовъ“ противъ „дворца“ и въ прочихъ мѣстахъ, 80 руб. 50 коп.—на ремонтъ полкового лазарета, 59 руб.—на ремонтъ квартиры Врачебной Управы, 30 руб.—на устройство двухъ чановъ и бочки для водопоя драгунскихъ лошадей и на мебель для лазарета). Доходъ съ городскихъ лавокъ въ Рыбномъ ряду и подъ Земляянымъ валомъ выразился цифрой 464 руб. 47 коп. Съ иногородныхъ торговцевъ и промышленниковъ собрано было 175 руб. Доходъ съ городского дома, отданнаго въ наемъ кол. сов. Мордвинову, далъ 32 руб. Остатковъ отъ 1798 г.—20 руб. Таковъ былъ приходъ собственно отъ города Харькова, но гораздо болѣе крупная цифра въ книгѣ прихода падала на поступленія изъ суммъ уѣздныхъ городовъ губерніи, отчисленныя заимообразно въ распоряженіе Харьковской Городской Думы по губернаторскимъ приказамъ на удовлетвореніе чрезвычайныхъ расходовъ города. Такихъ суммъ въ 1799 г. поступило изъ разныхъ городовъ губерніи 4650 руб. 42 коп. Предназначались эти деньги на уплату за пріобрѣтенные городомъ дома и на разныя починки и подѣлки для квартировавшихъ въ городѣ войскъ. Общая сумма прихода, поступившая за годъ въ распоряженіе Городской Думы, равнялась 8969 р. 82 к.

Перейдемъ теперь къ расходамъ. Въ числѣ ихъ отмѣчаемъ видную для тогдашняго харьковскаго бюджета сумму въ 711 р. 13½ коп., употребленную на уплату части старыхъ долговъ города (по позаимствованіямъ изъ доходовъ уѣздныхъ городовъ). Остальные расходы перечисляемъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они указаны въ 152 ст. Жалованной Грамоты 1785 г.

На содержаніе думскихъ служащихъ (секретаря, писца, сторожей и смотрителя городскихъ строеній) израсходовано 365 руб. 50 коп. На жалованье канцеляріи Сиротскаго Суда 118 руб. 80 коп. На канцелярскіе расходы (чернила, бумага, переплетъ думскихъ журналовъ) и отопленіе думы—43 руб. 60 коп. Освѣщеніе думы 8 руб. Такимъ образомъ, по первому пункту 152 ст. Екатерининскаго Городового Положенія весь расходъ выразился въ суммѣ 535 руб. 90 коп. (Полагать, конечно, нужно, что служащимъ Магистрата жалованье выдавалось изъ магистратскихъ же доходовъ). На школы и другія заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія Дума не истратила ни копейки, что, конечно, не исключаетъ расходовъ на тотъ же предметъ со стороны Магистрата.

„Строеніе городское и починка онаго“ поглотили большую часть думскихъ доходовъ. Въ этомъ году Дума уплатила за купленные ею для общественныхъ надобностей дома Мордвинову 2945 руб. 80 коп. и Чайковскому—275 руб. 36 коп. Ремонтъ этихъ домовъ обошелся въ 262 р. 85 коп. Перестройка и ремонтъ городскихъ лавокъ стоили 1000 руб. 22 коп. Затѣмъ идутъ расходы на ремонтъ Думы, Магистрата и Сиротскаго Суда, достигающіе 494 руб. 27 коп. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что расходы на зданія, принадлежавшія собственно городу, были нѣсколько меньше, такъ какъ изъ приведенной нами общей цифры слѣдовало бы исключить то, что было истрачено на ремонтъ „дворца“ и кое какія подѣлки въ военномъ лазаретѣ. Къ сожалѣнію, думская расходная книга не различаетъ въ данномъ случаѣ городской собственности отъ казенной. Къ числу „строенія городского“ нужно отнесть колодезь, устроенный въ этомъ году Думою около острога и обошедшійся въ 50 руб., ремонтъ моста, стоившій только 2 руб., замощеніе улицы около карауленъ при въѣздѣ въ городъ, обошедшееся въ 5 р. 50 к., и проведеніе „каналовъ“ около общественныхъ лавокъ, стоившее 10 р. 30 к. Этимъ собственно и исчерпываются всѣ расходы, опредѣленные 152 ст. Городового Положенія. Къ нимъ, однако, необходимо присоединить кое какіе расходы, хотя и не указанные въ Городовомъ Положеніи, но неизбѣжные. Такъ, на пожарную команду въ этомъ году Думою было истрачено 74 р. 21 к., на освѣщеніе города 55 р., на повозки для городскихъ надобностей 18 руб. 40 коп., на ремонтъ дома, занимаемаго полиціей, и его освѣщеніе 157 р. 40 к., на печатаніе таксы на съѣстные припасы и фуражъ 7 р. 50 к. и на иллюминацію города въ высокоторжественные дни 12 руб. 10 к. Дальше идутъ расходы, ни въ какой статьѣ не указанные. Такъ, на ремонтъ „дворца“ Дума, помимо указанной уже нами суммы, тратить 20 руб., на ремонтъ Врачебной Управы 47 руб. и, наконецъ, на дѣла благотворительности 1 руб. 30 коп.: за эти деньги былъ купленъ ящикъ, въ который сердобольные горожане бросали свои пожертвованія въ пользу больныхъ арестантовъ (собиралъ эти пожертвованія кто нибудь изъ арестантовъ же, посылаемыхъ для этой цѣли тюремнымъ начальствомъ въ сопровожденіи конвойныхъ). Не показанный въ 152 ст., но очень большой расходъ для города составляли траты на военныхъ постояльцевъ, квартировавшихъ въ то время въ Харьковѣ. Думѣ приходилось давать имъ не только помѣщенія, но и хлопотать объ удовлетвореніи ихъ разнообразныхъ потребностей. Отопленіе военнаго лазарета и общественныхъ домовъ, занятыхъ военными чинами, обошлось въ этомъ году городу болѣе, чѣмъ 460 руб. Кирасирамъ приходилось покупать солому для манежа, для драгунъ Дума обязана была доставлять чаны, бочки, ведра, чинить полковыя конюшни, ремонтировать лазареты, давать больнымъ солдатамъ подушки и доставлять солому для матрасовъ, строить кухню при лазаретѣ, починять конюшню у шефа драгунскаго полка, ремонтировать караульни, устраивать кордегардію для драгунъ и чинить цейхгаузъ. Въ общей сложности расходъ на военныхъ постояльцевъ достигъ солидной для тогдашняго думскаго бюджета цифры въ 1605 руб. 98 коп. Если при этомъ вспомнить, что и покупка такъ называемыхъ „общественныхъ домовъ“, равно какъ и ремонтъ ихъ, имѣли въ виду исключительно интересы военныхъ постояльцевъ, то ока-

жется, что расходы города на постойную повинность далеко превышали всѣ другіе расходы, имѣвшіе въ виду удовлетвореніе нуждъ города. Особенный интересъ эти крупныя цифры, истраченныя на постой, пріобрѣтаютъ, если сравнить ихъ съ расходами на благотворительность, выразившуюся въ суммѣ 1 руб. 30 коп.

Изъ сказаннаго очевидно, что городъ тратилъ на общегосударственныя нужды гораздо больше, чѣмъ на городскія, а это, конечно, не могло не служить однимъ изъ сильныхъ тормазовъ въ развитіи его благоустройства.

Глава 7-я.

Благоустройство и полиція.

Нѣтъ основанія думать, что въ козацкомъ Харьковѣ обращалось большее вниманіе на благоустройство города, нежели въ другихъ русскихъ городахъ. Если даже столица государства Москва отличалась полнымъ отсутствіемъ этого благоустройства, что же сказать о маленькомъ степномъ городкѣ, лежавшемъ на окраинѣ Московскаго царства? До насъ дошло нѣсколько наказовъ московскимъ воеводамъ, посылавшимся для управленія Харьковомъ. Въ нихъ подробно перечислены обязанности воеводы, но въ числѣ этихъ обязанностей только двѣ относятся къ области благоустройства: принятіе мѣръ противъ пожаровъ и предосторожности противъ заразныхъ заболѣваній. Да оно и понятно: на большее у населенія, заботившагося только о томъ, чтобы быть сытымъ и не попасть подъ татарскій арканъ, не было ни силъ, ни времени, ни яснаго сознанія необходимости большаго.

Яснѣе всего въ сферѣ благоустройства сознавалась необходимость беречься отъ пожаровъ, а если они случались, умѣть бороться съ ними. О томъ, какія мѣры предосторожности принимались противъ пожаровъ въ первыя десятилѣтія существованія Харькова, можно судить по наказу, данному въ 1688 г. Харьковскому воеводѣ Дурново. Согласно наказу, харьковцамъ всякаго званія, жившимъ въ городѣ, въ острогѣ или на посадѣ и въ слободахъ, запрещалось топить избы и бани въ лѣтніе мѣсяцы, сидѣть по ночамъ при огнѣ или ходить съ огнемъ по городу. Для печенія хлѣба и варки пищи въ лѣтнее время устраивались отдѣльныя печи гдѣ нибудь въ саду или огородѣ, подальше отъ жилого строенія. На случай пожара по городу, по острогу, по башнямъ и стѣнамъ, въ торговыхъ рядахъ—по лавкамъ и амбарамъ, а въ обывательскихъ дворахъ—на крышахъ хатъ въ теченіе всего лѣта до большихъ снѣговъ стояли кади и мѣдники съ водой и помелами. Воевода былъ обязанъ „беречь накрѣпко, чтобы однолично въ Харьковѣ все отъ огня было бережно“ [1]).

Усовершенствовались ли въ чемъ нибудь эти примитивныя мѣры предосторожности отъ „краснаго пѣтуха“ послѣ того, какъ Харьковъ изъ рукъ московскихъ воеводъ перешелъ въ руки мѣстныхъ черкасскихъ полковниковъ,—сказать по недостатку данныхъ не можемъ. Знаемъ только, что Харькову приходилось сильно страдать отъ пожаровъ. Укажемъ, напримѣръ, на пожаръ 3 мая 1733 г., когда въ городѣ выгорѣло 300 дворовъ, церкви соборная и Николаевская и всѣ лавки [2]). Наши свѣдѣнія о противопожарныхъ мѣрахъ относятся уже къ послѣднимъ годамъ козацкаго устройства. Судя по нимъ, трудно предполагать, чтобы въ теченіе первой половины XVIII в. Харьковъ сталъ въ пожарномъ отношеніи городомъ болѣе безопаснымъ, чѣмъ былъ во время управленія Дурново.

Въ 1756 г. 29 марта въ Харьковѣ случился большой пожаръ, захватившій 167 дворовыхъ мѣстъ и истребившій 279 избъ. Оказались и человѣческія жертвы: сгорѣвшихъ и задохшихся

---

[1]) Д. И. Багалѣя Матеріалы исторіи колон. и быта, т. I, стр. 153.

[2]) Филаретъ. Историко-статист. опис. Харьк. епархіи. Отд. II, стр. 70.

отъ дыма нашли 7 человѣкъ. Пожаръ произошелъ отъ неосторожной топки печей въ вѣтряную и сухую погоду. Результатомъ этого бѣдствія явилась дошедшая до насъ инструкція Харьковской Полковой Канцеляріи на имя сотника Гр. Квитки. Квиткѣ предписывалось: приказать всѣмъ харьковскимъ обывателямъ въ своихъ дворахъ держать запасныя бочки съ водой; на пожаръ, если такой случится, каждый долженъ идти съ ведромъ и топоромъ, а кто не пойдетъ, тѣхъ штрафовать, причемъ особенно строгое взысканіе грозило десятникамъ, исправлявшимъ въ Харьковѣ полицейскія обязанности. Сотникъ долженъ былъ „въ нужнѣйшихъ мѣстахъ“ держать караулы для надзора за шатающимися и сомнительными людьми, которыхъ велѣно было ловить и приводить въ Полковую Канцелярію. Обывателямъ строго запрещалось топить въ печахъ и „грубахъ“ и курить вино въ винокурняхъ; послѣднія велѣно было немедленно запечатать. Въ городѣ, за форштадтомъ „и въ прочихъ нужныхъ мѣстахъ“, за исключеніемъ отдаленныхъ отъ жилья, соломенныя крыши приказано сломать и солому вывезти далеко за городъ, а крыши покрыть дранью или, въ крайнемъ случаѣ, землею и дерномъ. Если будетъ замѣчено, что несмотря на запрещеніе, обыватели топятъ въ избахъ или курятъ въ винокурняхъ, виновныхъ „штрафовать“ въ страхъ другимъ при собраніи народа. Для варки пищи и печенія хлѣба приказано было отвести особыя мѣста подальше отъ жилья и въ устроенныхъ здѣсь печахъ топить съ крайнею осторожностью. Для того, чтобы всѣ харьковцы знали о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, указъ Полковой Канцеляріи былъ объявленъ публично съ литавреннымъ боемъ. Указъ сопровождался угрозами по адресу Квитки: если онъ не будетъ присутствовать на пожарахъ, его ждалъ „неопустительный штрафъ“, а если плохо будетъ смотрѣть за исполненіемъ инструкціи, за могущія получиться несчастныя послѣдствія онъ долженъ будетъ отвѣчать своимъ имѣніемъ.

Мѣры, придуманныя Полковой Канцеляріей, были, можетъ быть, и хороши на бумагѣ, но неисполнимы въ дѣйствительной жизни: для превращенія Харькова изъ соломеннаго въ деревянный у жителей не хватало средствъ. Не удивительно поэтому, если изъ этихъ мѣръ не вышло проку. Черезъ годъ послѣ изданія приведеннаго распоряженія Полковая Канцелярія заявляла, что ей не извѣстно, учинено ли какое нибудь исполненіе по ея указу, и находила нужнымъ изданіе новой инструкціи, которая на этотъ разъ дана была на имя сотника Голуховича. Не приводя всего содержанія этой инструкціи, остановимся только на тѣхъ ея пунктахъ, которые въ чемъ нибудь дополняютъ или измѣняютъ инструкцію, данную Квиткѣ.

Новой инструкціей предписывалось обывателямъ: держать во дворахъ, кромѣ бочекъ съ водой, вѣники или метелки; отъ каждыхъ 10 дворовъ выбрать по одному десятскому, которыхъ снабдить желѣзными крючьями, по два на каждаго; десятскимъ и самому „правящему полицеймейстерскую должность“ прилежно наблюдать за аккуратною чисткою трубъ въ обывательскихъ печахъ подъ опасеніемъ штрафа, буде пожаръ произойдетъ отъ самовозгоранія сажи; на воротахъ каждаго двора повѣсить дощечку съ обозначеніемъ орудія, съ какимъ долженъ хозяинъ являться на пожаръ; въ предосторожность отъ зажигателей учредить караулы и пикеты изъ обывателей съ перемѣной посуточно, разъѣзды дѣлать днемъ и ночью безъ упущеній; съ обывателей взять подписку, что не будутъ держать у себя подозрительныхъ людей, а съ десятниковъ—что будутъ имѣть самый бдительный надзоръ. Повторяя прошлогоднее распоряженіе о замѣнѣ соломы на крышахъ дранью, Полковая Канцелярія тѣмъ самымъ какъ бы свидѣтельствовала, что распоряженіе это осталось безъ исполненія. Подтверждалось затѣмъ и распоряженіе о запечатаніи печей и запрещалось курить трубки на дворѣ и въ опасныхъ мѣстахъ. Каждый десятникъ обязанъ былъ имѣть трещетку, которою и долженъ былъ созывать обывателей въ случаѣ пожара. Для опредѣленія подозрительныхъ людей велѣно было переписать всѣхъ обывателей, кромѣ козаковъ, подпомощниковъ и разночинцевъ, и отмѣтить людей по-

чему либо подозрительныхъ. Въ распоряженіе Голуховича назначенъ отставной сотникъ Гуковскій, городничіе Анастасьевъ и Кащенко и подпрапорные Любицкій и Ковалевскій да козаковъ, сколько потребно [1]).

Вѣрили ли сами составители инструкціи въ ея осуществимость,—не знаемъ. Что же касается исполнителей, то они, повидимому, прекрасно понимали, что отъ нея проку не будетъ, и потому подъ разными предлогами уклонялись отъ тяжелой и неблагодарной обязанности, грозившей только непріятностями. Такъ, сотникъ Голуховичъ, на имя котораго дана была инструкція, рѣшительно отказывался отъ „полицеймейстерской должности“, ссылаясь на свою старость и болѣзни. По словамъ Голуховича, для него не только ходить, но и ѣздить по улицамъ было въ тягость, ибо и руками, и ногами онъ, сотникъ, владѣетъ плохо. Единственно, что сдѣлалъ Голуховичъ,—это объявилъ о данномъ ему приказѣ подвѣдомственнымъ ему десятскимъ и сотскимъ 2-й Харьковской сотни. Испуганный возложенными на него обязанностями, Голуховичъ рѣшительно просился въ отставку. Остальные исполнители спѣшили, каждый по своему, отдѣлаться отъ порученной имъ „коммиссіи“.

Примѣнялись ли хоть отчасти въ Харьковѣ предосторожности отъ пожаровъ, рекомендованныя Полковой Канцеляріей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ факты. Когда въ 1760 г. у военнаго портного Принціуса случился пожаръ, никакихъ огнегаспительныхъ снарядовъ не оказалось, да и жители, обязанные, по инструкціи, оказывать помощь, на пожаръ съ положенными инструментами не явились. Осмотромъ установлено, что у Принціуса пожаръ произошелъ вслѣдствіе накопленія сажи въ трубѣ, которая долго не чистилась, хотя и должна была бы чиститься, если бы соблюдалась инструкція, данная сотнику Голуховичу. Не удивительно поэтому, что и въ 1760 г. вновь пишутся приказы и инструкціи, на сей разъ, впрочемъ, уже не Полковой Канцеляріей, а командиромъ Украинской дивизіи, генераломъ Стрѣшневымъ.

Опять мы видимъ распоряженія о еженедѣльной чисткѣ трубъ, о собираніи народа на пожаръ, о точномъ распредѣленіи, кто и съ какимъ инструментомъ долженъ былъ являться. За чисткою сажи велѣно было наблюдать самому „полицейскому командиру“, который еженедѣльно долженъ былъ осматривать обывательскія печи и нерадивыхъ штрафовать. При Полковой Канцеляріи предписывалось имѣть бочки, пожарные инструменты и людей [2]). Предписаніе объ исполненіи генеральскаго ордера, по обыкновенію, было послано городничему и двумъ сотникамъ, а послѣдніе, тоже по обыкновенію, при посредствѣ отписокъ и ссылокъ на свое „многодѣльство“ и болѣзни, старались уклониться отъ тяжелыхъ обязанностей, добросовѣстное исполненіе которыхъ для нихъ было, все равно, не возможно.

При такомъ положеніи дѣла нечего удивляться, что ордеры о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ давались паки и паки. Черезъ нѣсколько времени тотъ же Стрѣшневъ приказывалъ харьковцамъ тушить непремѣнно огни въ домахъ по пробитіи вечерней „тапты“ и заливать огонь въ печахъ послѣ всякаго приготовленія пищи, а „полицейскому чиновнику“ съ козаками дѣлать по ночамъ обязательные обходы города и брать „шатающихся“ подъ караулъ, не разбирая ни пьяныхъ, ни трезвыхъ, военныхъ отправлять на гауптвахту, а обывателей—штрафовать безъ всякаго упущенія. Шинкарямъ строго на строго были запрещены продажа водки въ ночное время и поздній пріемъ любителей зелена вина.

И послѣ Стрѣшнева были многіе инструкціи и ордеры, разъяснявшіе харьковцамъ, что имъ нужно дѣлать въ случаѣ пожара и какъ беречься отъ возможности пожаровъ. Приводить содержаніе ихъ мы не будемъ, потому что они повторяютъ почти тоже, о чемъ говорили и инструкціи

---

[1]) Харьк. Ист. Арх. Отд. 1, № 226.

[2]) Тамъ же. Отд. 1, № 290.

болѣе ранняго времени. Отступленій не много: въ одной, напримѣръ, инструкціи Полковой Канцеляріи, въ отмѣну генеральскаго ордера, не дѣлающаго поблажки ни для кого, „не подлымъ“ людямъ разрѣшалось, въ случаѣ надобности, зажигать свѣчи и послѣ вечерней „тапты“; въ той же инструкціи предписывалось поставить кадки съ водой и вѣники не только на крышахъ домовъ, но и на лавкахъ въ торговыхъ рядахъ и на амбарахъ.

Приведенные ордеры и инструкціи, трактуя о предупредительныхъ противъ пожаровъ мѣрахъ, имѣли въ виду двѣ причины пожаровъ: неосторожное обращеніе съ огнемъ и зажигательство. Но кромѣ двухъ, была и третья причина, заключавшаяся въ расположеніи въ чертѣ города заведеній съ легко воспламеняющимся матеріаломъ или имѣющихъ дѣло съ огнемъ. Изъ одного рапорта городничаго Пантелимонова мы узнаемъ, что въ это время многіе изъ жителей Харькова, особенно дегтяри, имѣли у себя во дворахъ „не малое число куфовъ съ дегтемъ“. На базарѣ въ разныхъ мѣстахъ, особенно подъ оградою Николаевской церкви, дегтяри, подѣлавъ шалаши, поставили въ нихъ дегтярную посуду и куфы съ дегтемъ, а между шалашами складывали сѣно. Тутъ же становились и пріѣзжающіе на базаръ съ соломою и сѣномъ. Площадь засорялась до такой степени, что въ дождливое время не только пѣшему, но и на лошадяхъ съ трудомъ можно было выбраться изъ грязи, а въ сухую и вѣтренную погоду представляла цѣлый костеръ, ждавшій только искры, чтобы вспыхнуть. Къ тому же на Николаевской площади стояли и шинки, торговавшіе товаромъ, способнымъ въ случаѣ пожара только подлить масла въ огонь. Не менѣе опасности представляли и кузни, расположенныя на Подолѣ въ ряду жилыхъ построекъ, въ тѣсномъ и неудобномъ мѣстѣ. Что кузни служили источникомъ пожаровъ,—это видно хотя бы изъ того факта, что въ 1762 году въ одинъ разъ сгорѣло 9 кузенъ. Конечно, лучшимъ средствомъ для устраненія опасности былъ бы переводъ дегтярей, сѣнниковъ и кузнецовъ въ другія мѣста. Въ 1761 г. по распоряженію Полковой Канцеляріи городничій Пантелимоновъ и покушался было устроить переводъ ихъ поближе къ водѣ—къ Лопанской плотинѣ, но безуспѣшно: дегтяри и сѣнники, какъ рапортовалъ Пантелимоновъ, „по упрямству или по другой причинѣ не только не перенесли своихъ шалашей, но еще новыхъ понастроили“. Ближайшее начальство харьковцевъ относилось къ этому довольно равнодушно: сотникъ Квитка никакого распоряженія объ этомъ не дѣлалъ, не смотря на угрозы Полковой Канцеляріи, сотникъ Протопоповъ отговаривался отсутствіемъ необходимыхъ для принятія мѣръ людей, сотникъ Мосцевой заявлялъ, что онъ обязанъ беречь только свою сотню, а подпрапорный Костичъ, которому тоже было поручено бдѣть надъ безопасностью харьковцевъ отъ пожаровъ, отговаривался болѣзнью.

Городничій Пантелимоновъ вышелъ въ отставку, не добившись перевода дегтярей, сѣнниковъ и кузнецовъ, а въ инструкціи, данной ему преемнику Мелетинскому, снова читаемъ распоряженія, объ исполненіи коихъ всуе старался Пантелимоновъ: кузницы, расположенныя на Подолѣ у самой Троицкой церкви, перевесть къ р. Харькову, отвести каждому кузнецу мѣсто и обязать подпиской къ соблюденію осторожности въ обращеніи съ огнемъ; дегтярей и сѣнниковъ вывесть изъ города и расположить такъ, чтобы одна часть ихъ была между рѣками Лопанью и Нетечью, близь мельницы г-жи Дуниной, другая—выше Деркачевской бацни, третья—на Бѣлгородскомъ трактѣ и четвертая—у Молчановской гребли; пріѣзжимъ на базаръ запретить сорить, а домовладѣльцевъ обязать слѣдить за чистотою своихъ дворовъ, дабы проѣзды всюду были „безтрудны, сухи, свободны и невозбранны“. Очевидно, что и Мелетинскій не справился съ кузнецами: въ Щербининскія времена кузни по прежнему находились среди жилыхъ домовъ и по прежнему грозили обывателямъ краснымъ пѣтухомъ. Перевести ихъ на новыя мѣста было вмѣнено въ обязанность Харьковскому коммиссару, но перевелъ ли онъ ихъ,—не знаемъ.

Важнѣйшимъ результатомъ всѣхъ этихъ ордеровъ и инструкцій явилась организація городской пожарной команды. Возлѣ Полковой Канцеляріи въ послѣдніе годы ея управленія Харьковомъ стояли ужъ на роспускахъ бочки съ водою, крючья и еще какіе то инструменты, заведенные едва ли не по распоряженію Стрѣшнева городничимъ Пантелимоновымъ, а въ сотняхъ и десяткахъ были бочки съ водой, крючья и пожарныя лѣстницы. Въ 1764 г. Полковая Канцелярія по рапорту городничаго Бѣлозора пополняетъ городскіе пожарные инструменты: на 6 р. 32 коп. было пріобрѣтено 4 желѣзныхъ багра, семь роспусковъ подъ бочки, 20 топоровъ и 24 ведра. На будущее время рѣшено было отчислять для нуждъ пожарной команды часть денегъ, выручаемыхъ съ „конской площадки“. Это была, впрочемъ, только еще пѣшая пожарная команда, потому что лошадей для перевозки инструментовъ не было, и въ случаѣ пожара ихъ приходилось требовать отъ обывателей. При такомъ положеніи дѣла пожарные инструменты оставались менѣе полезными, чѣмъ бы могли быть. Въ концѣ 1764 г. и эта часть была кое-какъ устроена: Полковая Канцелярія разрѣшила городничему Бѣлозору, въ случаѣ пожаровъ, пользоваться почтовыми лошадьми.

Новому времени, наступившему съ реформъ Щербинина, козацкій Харьковъ, какъ ни какъ, оставилъ наслѣдство, которое нужно было только беречь и пріумножать: городской пожарный обозъ и натуральную, такъ сказать, пожарную повинность обывателей. Наслѣдство было признано стоящимъ вниманія и заслуживающимъ охраны. Новаго къ тому, что уже было, начальство новой губерніи на первыхъ порахъ прибавило мало, но за то берегло старое. Въ коммиссарской инструкціи 1766 г. подтверждено то, что было придумано противъ пожаровъ въ козацкій періодъ жизни Харькова: коммиссаръ обязанъ былъ заботиться, чтобы у обывателей были надворныя печи, о которыхъ упоминаетъ еще наказъ воеводѣ Дурново; чтобы обыватели были раздѣлены на десятки и сотни и являлись на пожаръ съ назначенными каждому орудіями; чтобы на хатахъ въ лѣтнее время стояли бочки съ водой, а въ Коммиссарскомъ Правленіи всегда на готовѣ были бочки съ водой, крючья, вилы и лѣстницы. Новымъ можно признать развѣ приказъ гарнизонному батальону о помощи жителямъ при тушеніи пожаровъ да точное опредѣленіе каръ, грозившихъ обывателямъ за неявку на пожары: за первую неявку былъ назначенъ штрафъ въ 10 коп., за вторую—вдвое, за третью—втрое, а за четвертую—наказаніе батожьемъ [1]). Приказанія и наказанія не всегда, впрочемъ, помогали. Въ одномъ изъ предложеній Харьковской Губернской Канцеляріи въ 1771 г. Щербининъ сообщалъ, что 19 декабря 1770 г., во время пожара въ центрѣ города у земляного вала „не только здѣшнихъ батальонныхъ служителей мало находилось, но и жителей сего города весьма недостаточно было, а коммиссара, поручика Кашинцева совсѣмъ при томъ не было“. Благодаря небрежности карауленаго офицера, не было принято ровно никакихъ предосторожностей для охраны Губернской Канцеляріи, цейхгауза и порохового погреба, не смотря на то, что пожаръ происходилъ отъ нихъ очень близко. Результатомъ этого явились новыя „строжайшія подтвержденія“ по адресу батальоннаго командира и коммиссара. Въ случаѣ пожара въ какой либо части города всѣ наличные батальонные служители, а также жители той части, въ которой случился пожаръ, обязаны были по колокольному звону или барабанному бою бѣжать къ мѣсту пожарища съ назначенными каждому орудіями. Батальонный командиръ долженъ былъ составить росписаніе, кому изъ солдатъ являться на пожаръ съ топоромъ, кому съ лопатой и кому съ ведромъ. Жители города раздѣлены были на части: живущіе въ городѣ и на форштадтѣ—на три, а остальные—на четыре (Захарьковская, Нетечинская, Лопанская и Песковская); части дѣлились на десятки и сотни подъ начальствомъ

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, II, стр. 312.

десятскихъ и сотскихъ, и отъ каждой сотни назначалось по равному числу людей съ ведрами, топорами, лопатами и метлами, а изъ обывателей, жившихъ не подалеку отъ Коммиссарскаго Правленія,—рабочіе при пожарныхъ вилахъ и крючьяхъ. „Лучшихъ“ жителей, имѣвшихъ собственныхъ лошадей, назначали для возки воды. Для охраны Губернской Канцеляріи и цейхгауза отъ каждой части по выбору коммиссара назначалось человѣкъ по 20—30, которые и оставались на своемъ посту до прекращенія пожара. Исключенія допускались только для тѣхъ, у кого былъ домъ въ предѣлахъ части, въ которой произошелъ пожаръ. Жители каждой части обязаны были немедленно являться на происшедшій въ ихъ части пожаръ, сюда же выѣзжали и „лучшіе“ люди съ водовозными бочками и самъ коммиссаръ со своими крючьями и вилами. Обыватели остальныхъ, благополучныхъ частей города обязаны были являться въ „крѣпость“ и ожидать „повелѣнія“, куда они потребуются, отъ караульнаго офицера. Если утушить пожаръ наличными силами одной части оказывалось невозможно, караульный офицеръ посылалъ подмогу изъ числа собравшихся въ „крѣпости“ жителей. По прекращеніи пожара ротные командиры перекликаютъ по именнымъ спискамъ своихъ подчиненныхъ для того, чтобы удостовѣриться, всѣ ли были на пожарѣ и съ тѣми ли орудіями, какія имъ назначены. Тоже дѣлаетъ и коммиссаръ въ отношеніи подначальныхъ ему обывателей. Не явившіеся или явившіеся не съ тѣмъ орудіемъ, какое полагалось по росписанію, штрафовались „по разсужденію коммиссара“.

Для каждой сотни заведены были особые значки, выкрашенные разными красками, съ обозначеніемъ номера сотни. Значки эти носились сотскими, и подъ ними обязаны были соединяться обыватели соотвѣтствующей сотни. Десятскіе имѣли на груди кожанные ярлычки съ обозначеніемъ номера сотни и десятка. Въ колокола звонили во всѣхъ церквахъ до прекращенія пожара, а десятскіе сзывали обывателей своего десятка на пожаръ трещетками [1]).

Черезъ три года къ перечисленнымъ мѣрамъ прибавилась еще одна: велѣно было на случай ночныхъ пожаровъ ставить на высокихъ мѣстахъ города по два караульныхъ изъ обывателей. Обывательскіе караулы располагались въ четырехъ мѣстахъ: на земляномъ валу подлѣ порохового погреба, противъ Николаевской церкви, на третьемъ бастіонѣ противъ двора Юрія Грека и на четвертомъ бастіонѣ противъ строившагося въ товремя губернаторскаго дома. Караульные обязаны были „во всю ночь смотрѣть, не окажется ли гдѣ пожару, и если какъ скоро усмотрятъ,—тотчасъ бить тревогу и давать знать тутошнимъ ближнимъ жителямъ, на гауптвахту и въ полицію и стараться въ тѣхъ улицахъ искать злодѣевъ поджигателей“.

Особенное вниманіе губернскаго начальства было обращено на находившіяся въ центрѣ города казенныя зданія—пороховой погребъ, цейхгаузъ и губернскую канцелярію. Для охраны порохового погреба отъ огня сдѣланъ былъ войлочный щитъ, сверхъ того погребъ засыпался еще пескомъ, возка котораго составляла натуральную повинность обывателей Харькова. Для цейхгауза и губернской канцеляріи устроены 4 лѣстницы, починены старыя и изготовлены новыя бочки для воды. Для охраны казенныхъ сооруженій ежедневно назначался караульный оберъ-офицеръ съ солдатами, а въ случаѣ пожара, какъ мы уже знаемъ, сюда же собиралось отъ каждой части по 20—30 обывателей съ необходимыми инструментами. Тутъ же, въ городѣ располагались и всѣ харьковскіе обыватели, не попавшіе на мѣсто пожара. Охрана дѣлъ Губернской Канцеляріи была поручена самимъ чиновникамъ, которые при первыхъ же звукахъ пожарнаго колокола должны были собираться въ присутственныя мѣста и здѣсь ожидать распоряженій начальника [2]).

Организація мѣръ борьбы съ пожарами была поставлена, такъ сказать, „на военную ногу“. Такимъ же прямолинейнымъ характеромъ, не хотящимъ считаться съ условіями нестроевой

[1]) Архивъ Харьк. Губ. Правл. Изъ дѣла „объ имѣніи отъ пожара предосторожности“.

[2]) Тамъ же.

жизни, проникнута и мѣра, направленная къ устраненію коренной причины харьковскихъ пожаровъ. Въ 1775 г. велѣно было у обывателей, живущихъ на форштадтахъ, сломать соломенныя крыши и замѣнить ихъ гонтовыми, а кто не въ силахъ,—хоть дерновыми. Сроку на это давался одинъ мѣсяцъ. Возможное для солдата оказалось, конечно, не возможнымъ для горожанина. Жизнь не повиновалась ордерамъ начальства даже тамъ, гдѣ она была подъ его ближайшимъ надзоромъ. Не смотря на строгость предписаній, даже присутственныя мѣста, привлекавшія къ себѣ усиленное вниманіе начальства, въ пожарномъ отношеніи были обезпечены плохо. Въ 1778 г. оказалось, что при Губернской Канцеляріи не имѣлось ни лѣстницъ, ни бочекъ, ни чановъ, ни ведеръ; имѣвшіяся на лицо двѣ бочки были безъ роспусковъ, а обыватели, обязанные давать воловьи подводы для возки воды, этой своей повинности не исполняли [1]).

И приказы Полковой Канцеляріи, и распоряженія губернатора мало достигали цѣли, потому что по существу были для обывателей бременемъ неудобоносимымъ, отъ котораго они старались избавиться при первой невнимательности слѣдящаго за ихъ исполненіемъ начальства. Отъ того то такъ часто и начальству приходилось повторять разъ отданное приказаніе. Такъ, напримѣръ, еще съ XVII ст. заведено было, что обыватели Харькова, особливо „подные“, лѣтомъ имѣли право готовить пищу только въ надворныхъ печахъ, а кто не могъ устроить такой печи,—въ избахъ, но не болѣе двухъ разъ въ недѣлю: во вторникъ и въ субботу; заведенъ былъ порядокъ, по которому печи въ домахъ съ наступленіемъ лѣта запечатывались; много разъ повторялось, чтобы въ обывательскихъ дворахъ всегда на готовѣ были бочки съ водой, вѣники и пр., однако едвали не каждый годъ констатировался тотъ фактъ, что „въ г. Харьковѣ въ предосторожности отъ пожарныхъ случаевъ исполненія не чинится“. За время съ 1772 по 1774 г. мы видимъ три „строжайшихъ подтвержденія“ со стороны губернскаго начальства относительно запечатанія печей въ лѣтнее время,—„подтвержденія“, сопровождаемыя угрозами „неопустительнаго штрафа“ для самой полиціи, но въ 1775 г. находимъ новое подтвержденіе „съ упоминаніемъ приличныхъ пунктовъ полицейской инструкціи“, а въ 1776 г. Губернская Канцелярія вновь свидѣтельствуетъ, что по многократнымъ ея указамъ исполненія не чинится, и шлетъ начальнику мѣстной полиціи—коммиссару новый указъ. Въ 1778 г. новый указъ о томъ же... „Предосторожности отъ пожарныхъ случаевъ“ обходились харьковцамъ не дешево, но особенно тяжело ложились онѣ на обывателей въ тѣхъ случаяхъ, когда въ городѣ замѣчались поджеги. Бывало это довольно часто, потому что поджегъ былъ однимъ изъ обычныхъ способовъ мести. Мѣры, принимавшіяся противъ поджигателей въ пореформенный періодъ, ничѣмъ не разнились отъ мѣръ дореформенныхъ. Поимка зажигателей по прежнему ложилась на обязанность самихъ же обывателей. Такъ въ 1774 г. по случаю обнаружившихся въ городѣ поджеговъ, Губернской Канцеляріей учреждены были по всѣмъ улицамъ караулы изъ обывателей, „наряжавшихъ оные со дворовъ по очереди чрезъ шестыя сутки“. Караульные подъ командой своихъ десятскихъ и сотскихъ должны были въ теченіе всей ночи оставаться на своемъ посту, накрѣпко присматривая за шатающимися людьми. Всякаго „подлаго“, а тѣмъ паче безпаспортнаго велѣно было брать подъ стражу и отводить въ полицію. Въ случаѣ пожара караульные обязаны были созывать жителей трещетками. „Въ пристойныхъ мѣстахъ“ велѣно было выстроить будки. Кромѣ этого стоячаго, такъ сказать, караула наряжались „еженощно“ по 4 обывателя, которые обязаны были ходить по городу дозоромъ. Съ своей стороны батальоннымъ командиромъ посылался дозоръ изъ 4 солдатъ подъ начальствомъ оберъ-офицера. Шинкарямъ строжайше запрещалось торговать въ ночное время, а полиціи вмѣнялось въ обязанность слѣдить за безпаспортными и „сумнительными людьми“. Смотрителемъ надъ караулами былъ назначенъ секундъ-маіоръ Колбекъ, что,

[1]) Харьк. истор. арх. Отд. VII, № 528.

впрочемъ, не избавляло коммиссара отъ обязанности имѣть неослабное наблюденіе надъ соблюденіемъ предписанныхъ правилъ. Во исполненіе приказа Губернской Канцеляріи учреждены были караулы и выстроено 24 будки, которыя тщательно „ревидовались“ коммиссаромъ, а поджеги все таки не прекращались. Коммиссаръ Бѣлозоръ объяснялъ неуспѣхъ мѣръ, придуманныхъ губернскимъ начальствомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что „обыватѣли, какъ не регулярные, не могутъ такова содержать порядка и отъ многихъ будутъ имѣть обиды“. Обиды дѣйствительно и были... отъ „регулярныхъ“ караульщиковъ. Въ ночь на 24 октября 1774 г. къ будкѣ, стоявшей около „классовъ“, явились солдаты, назвали себя дозоромъ, хотя шли безъ офицера и безъ ружей, а одинъ даже съ большою дубиною, арестовали 4 нерегулярныхъ караульщиковъ и отправили на гауптвахту, а будка осталась безъ караула. По просьбѣ коммиссара Губернская Канцелярія постановила командировать къ полиціи безсмѣнно 3 солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, которые должны быть распредѣлены по имѣющимся караульнымъ будкамъ „для наблюденія лучшей строгости“ въ отношеніи нерегулярныхъ караульщиковъ. Военные караулы держались въ теченіе всей зимы 1774—1775 г., но въ началѣ весны оказалось, что полиція дѣлаетъ военнымъ караульщикамъ препятствіе къ отправленію ихъ обязанностей, а обыватели не даютъ батальоннымъ солдатамъ инструментовъ, съ которыми они могли бы являться на пожары. Въ сентябрѣ того же года губернскому начальству, въ виду повторенія поджеговъ, вновь приходится подтверждать свои прошлогоднія распоряженія и настаивать на необходимости участія батальона въ ночныхъ обходахъ, для которыхъ назначается 12 солдатъ подъ командой прапорщика.

Въ болѣе благоустроенномъ видѣ представляется пожарная часть съ учрежденіемъ намѣстничества. Въ началѣ 80-хъ годовъ мы видимъ въ Харьковѣ постоянную пожарную команду, имѣющую и своихъ лошадей, и своихъ служителей. Видимъ по прежнему и натуральную повинность обывателей, обязанныхъ по звону колокола являться на мѣсто пожара.

Тѣмъ не менѣе у людей, знакомыхъ съ другими порядками, организація пожарной части въ Харьковѣ вызывала далеко не лестный отзывъ. Такъ въ 1783 г., по случаю пожара въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, предсѣдатель Харьковской Казенной Палаты Фаминицынъ писалъ губернатору Норову: „въ здѣшнемъ мѣстѣ полицейскій обрядъ не имѣетъ того выполненія, которое въ полицейской инструкціи и въ другихъ послѣдующихъ указахъ установлено и которое въ прочихъ великороссійскихъ мѣстахъ соблюдается, тѣмъ паче, что здѣшній народъ хотя имѣетъ отъ полиціи повелѣнія съ назначеніемъ, кому и съ чѣмъ должно во время повѣстки чрезъ набатный колоколъ спѣшить на мѣсто случившагося пожара, но сего почти отъ нихъ въ дѣйствіи нѣтъ, ибо не только въ нынѣшній пожаръ въ собраніи людей мало было, но и тѣ, которые подоспѣли, не имѣли при себѣ того, съ чѣмъ кому назначено быть отъ городничаго, а другіе совсѣмъ такъ, какъ будто не ихъ дѣло, стоя, со стороны только чудились сему пожару“. Пожаръ, по словамъ Фаминицына, былъ потушенъ только благодаря помощи великорусскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ на ярмарку, и дворовыхъ людей Щербинина и Анненкова. Пока явилась пожарная команда, пожаръ приходилось тушить снѣгомъ. Правда, городничій Ковалевскій находилъ отзывъ Фаминицына не вѣрнымъ и заявлялъ, что пожарная часть у него въ исправности, тѣмъ не менѣе и самъ онъ свидѣтельствовалъ, что пожарныя трубы запоздали по случаю поломки осей, а обыватели хотя и бѣжали было на пожаръ съ нужными инструментами, но вернулись съ дороги, потому что, не видя пожара, сочли, что онъ уже утушенъ, въ чемъ были удостовѣрены и попавшимися имъ на встрѣчу харьковцами, шедшими изъ „крѣпости“ [1]).

По табели городскихъ расходовъ, утвержденной генералъ-губернаторомъ Чертковымъ въ 1784 г., для пожарныхъ инструментовъ, стоявшихъ при полиціи, городъ содержалъ 10 лошадей

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1783 г., № 1080.

и 4 работниковъ, на которыхъ тратилъ ежегодно по 160 руб. Въ 1787 г. по требованію Намѣстническаго Правленія Городовымъ Магистратомъ были пріобрѣтены въ Москвѣ новые пожарные инструменты. Въ 1789 г. Магистратъ покупаетъ на городской счетъ еще двѣ пожарныхъ трубы[1]). Въ 1799 г. на содержаніе 10 пожарныхъ лошадей и инструментовъ ассигновывалось 500 руб.

Въ 1788 г. мы встрѣчаемся съ проектомъ грандіознаго, можно сказать, расширенія скромнаго харьковскаго пожарнаго обоза. Въ Харьковѣ было предположено учредить, по образцу Петербурга, Управу Благочинія, усилить составъ полиціи и, сколько можно больше, улучшить пожарную команду. Пожарные инструменты было предположено завести не только при каждой изъ двухъ частей, на которыя дѣлился Харьковъ, но и въ кварталахъ. При каждой части полагалось: 1 большая труба, при ней 24 работника для качанія воды да 20 ведерниковъ; подъ трубу тройка лошадей съ однимъ извозчикомъ, для воды при большой трубѣ 4 бочки, 4 роспуска и 4 дровней, для возки которыхъ назначалось 8 лошадей, при нихъ 4 извозчика. При большой трубѣ полагалось 10 топорниковъ. Кромѣ большой для каждой части требовалось еще и труба средняго размѣра, при ней 12 работниковъ для качанья воды, 10 ведерниковъ, пара лошадей, съ однимъ извозчикомъ, три чана для воды, 3 роспусковъ, 3 дровней, для нихъ 6 лошадей и 3 извозчика. Крючьевъ при каждой части назначено было по 6, и къ нимъ 12 работниковъ съ лошадью и извозчикомъ, двое вилъ большихъ, при нихъ 6 рабочихъ, 6 войлочныхъ щитовъ и при нихъ 6 работниковъ, 6 швабръ и при нихъ 6 рабочихъ. Такимъ образомъ на каждую часть выходитъ 106 работниковъ, 10 извозчиковъ и 20 лошадей. При каждомъ кварталѣ проектировалось имѣть по одной небольшой заливной трубѣ, которую могли бы свободно вносить по лѣстницамъ въ домъ 4 человѣка работниковъ. При такой трубѣ полагалось 4 работника да 4 ведерника. Кромѣ того, въ каждомъ кварталѣ полагалось имѣть: 2 ручныхъ малыхъ трубы, 2 бочки, 2 роспуска, двое дровней, 3 лошади и 2 извозчика.

Управа Благочинія такъ въ Харьковѣ и не открылась, не осуществились и широкіе планы реформы пожарной части[2]). Въ 1799 году реформа состоялась, но совсѣмъ уже въ скромныхъ размѣрахъ. Въ каждой изъ трехъ частей города по новому штату полагался свой пожарный обозъ. На содержаніе 4 лошадей, на починку телѣгъ, хомутовъ, водовозныхъ бочекъ и пр. ассигновывалось по 200 рублей на часть, а всего 600 рублей. Въ 1798 году губернаторъ Тепловъ далъ для Сената такую аттестацію харьковской пожарной команды: „пожарные инструменты, трубы, кадки, крючья, лошади и люди, къ сей части опредѣленные, въ хорошемъ присмотрѣ, и при случаяхъ подается особо поспѣшная и дѣятельная помощь“[3]). Передавая эту лестную аттестацію, не станемъ, однако, забывать, что Теплову приходилось говорить въ данномъ случаѣ pro domo sua, и порицать порядки города, состоявшаго въ его управленіи, при условіяхъ, въ которыхъ онъ въ то время находился, было для него совсѣмъ не выгодно. Подозрѣніе въ преувеличеніи Тепловымъ качествъ пожарной команды подтверждается и фактами. Въ 1800 г. въ домѣ Власовскаго, во 2-й части, случился пожаръ, во время котораго сгорѣло пѣсколько человѣкъ крѣпостныхъ,— фактъ врядъ ли возможный, если бы пожарная часть въ городѣ была дѣйствительно способна къ „особо поспѣшной и дѣятельной помощи“[4]).

Что касается основной причины, дѣлавшей Харьковъ легко воспламеняющимся, а харьковскіе пожары—особенно опустошительными, то, не смотря на многократные приказы мѣст-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1789 г.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Вѣдомости штата благочинія 1788 г.
[3]) Тамъ же. Рапортъ Теплова Сенату 1798 г.
[4]) Тамъ же. Дѣла губерн Сабурова 1800 г.

наго начальства, она такъ и осталась не устраненною. Время губернаторства и намѣстничества ознаменовалось постройкой нѣсколькихъ казенныхъ и частныхъ каменныхъ зданій, но они мало измѣняли общій характеръ города. И въ концѣ XVIII в. Харьковъ продолжалъ оставаться соломеннымъ городомъ, „составленнымъ, по выраженію того же Теплова, изъ деревенскихъ избъ, крытыхъ соломою, плетеныхъ заборовъ, хлѣбныхъ гуменъ и садовъ".

Если такой важный предметъ городского благоустройства, какъ борьба съ пожарами, въ старомъ Харьковѣ заставлялъ желать многаго, то не удивительно, что на внѣшнее, такъ сказать, благоустройство города, на удобство ѣзды и чистоту улицъ, въ дореформенномъ Харьковѣ обращалось еще меньше вниманія. А между тѣмъ эта сторона городской жизни сильно давала себя знать. Харьковъ изобиловалъ болотами, топями и протоками, дѣлавшими многія улицы прямо непроѣзжими. Подолъ, нижняя часть нынѣшней Московской улицы, Залопанская и Захарьковская части въ дождливые мѣсяцы представляли собой едва ли не сплошное болото. Требовалось, конечно, осушеніе и замощеніе, но мѣры въ этомъ направленіи въ періодъ козацкаго управленія принимались только въ экстренныхъ случаяхъ, по особому распоряженію какого нибудь высокаго начальника: такъ въ 1753 г. по требованію генералъ-аншефа П. С. Салтыкова было велѣно устроить на топкихъ мѣстахъ гати, а черезъ протоки—мостки. Вызывалось это присутствіемъ въ Харьковѣ главной квартиры и многаго генералитета [1]). Въ 1760 г. присутствіе генералитета также вызываетъ заботы о превращеніи харьковскихъ улицъ въ удобопроѣзжія. Изъ рапорта подпрапорнаго Пантелимонова видно, что обывателямъ второй сотни было приказано по дорогѣ на выѣздѣ изъ Харькова до Кузнечныхъ рядовъ, а также по Липецкому тракту (нынѣшняя Бѣлгородская улица) подѣлать гати на грязныхъ и топкихъ мѣстахъ и подъ глинищемъ, что по надъ рѣкою Харьковомъ. Топкія мѣста велѣно было гатить хворостомъ, фашинами, пескомъ и соломою и „привести въ такое приличное состояніе, чтобы всѣмъ проѣзжающимъ, а паче генералитету, полкамъ и командамъ былъ свободный проѣздъ" [2]).

Гораздо больше вниманія на благоустройство городскихъ улицъ и площадей было обращено новымъ начальствомъ, принявшимъ Харьковъ отъ козацкихъ полковниковъ. Губернская Канцелярія въ этомъ отношеніи главной своей задачей поставила сдѣлать Харьковъ сухимъ, насколько это было возможно. Первый опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ 1770 г. относительно „большой проѣзжей дороги" (полагать нужно, Московской), которую было приказано выгатить фашинникомъ и пескомъ [3]). „Большую проѣзжую дорогу" по приказу главнокомандующаго Панина велѣно было привести въ такое состояніе, „дабы по оной обыкновенною штатною упряжкой всякую артиллерію безъ надорванія лошадей провозить было можно". Вызывалась, впрочемъ, эта работа не столько интересами обывателей, сколько интересами арміи, имѣвшей тогда здѣсь „генеральную квартиру". Въ какомъ состояніи находилась въ это время „большая проѣзжая дорога", видно изъ отзыва Губернской Канцеляріи, свидѣтельствовавшей, что въ распутицу улица была „не проѣздима и дѣлала совершенную погибель не только казеннымъ въ упряжкахъ, но и собственно обывательскимъ лошадямъ и скоту" [4]).

Лучшимъ средствомъ для осушенія болотистаго и грязнаго Харькова губернское начальство признавало проведеніе „каналовъ". Въ мартѣ того же 1770 г. Губернская Канцелярія приказала всѣмъ городскимъ домовладѣльцамъ, не обходя ни одного, чтобы всякій хозяинъ по улицѣ передъ своимъ домомъ, а также позади дома на другую улицу, сдѣлалъ глубокіе каналы,

[1]) Харьк. Губ. Арх Отд. VII, № 188.

[2]) Тамъ же.

[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл Журн. Губ. Канц. 1770 г.

[4]) Тамъ же. Рапорты Слободск Губ. Канц. 1770 г.

оплелъ плетнемъ или обстроилъ тыномъ для лучшей крѣпости. Каналы каждаго домовладѣльца должны быть соединены съ каналами сосѣда, такъ чтобы всѣ городскіе каналы представляли собою одну непрерывную сѣть. Каналы по возможности должны быть чѣмъ нибудь прикрыты и сдѣланы такъ, чтобы былъ возможенъ стокъ воды съ болѣе высокихъ частей въ низменныя, и чтобы дождевая вода сейчасъ же могла стекать съ улицъ въ каналы. Каналы предписывалось часто чистить, а послѣ дождей, если сама вода не идетъ къ каналу, стараться ее туда спускать, чтобъ она не застаивалась. Проведеніе каналовъ около церквей и надзоръ за ними были возложены на обязанность церковниковъ и церковныхъ сторожей, а на незастроенныхъ мѣстахъ каналы обязаны были проводить обыватели по наряду полиціи. На устройство каналовъ обывателямъ было дано 18 дней, послѣ чего тѣхъ, кто не исполнитъ предписанія, велѣно было штрафовать по силѣ полиціймейстерской инструкціи. Не дѣлалось исключеній и для господскихъ домовъ, въ которыхъ отвѣтственными за господъ являлись дворецкіе или тотъ изъ дворни, кому домъ порученъ въ смотрѣніе. Полиція обязана была наблюдать, чтобы домовладѣльцы не съузили каналами улицъ для проѣзда, а въ предупрежденіе этого велѣно было сломать всѣ заборы и плетни, которые сильно выдавались на улицу, и перенести ихъ въ глубь дворовъ. Лощины и ямы передъ своимъ дворомъ каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ засыпать и выровнять.

Еще больше заботъ о благоустройствѣ городскихъ улицъ стало прилагаться начальствомъ со времени учрежденія намѣстничества. Съ этихъ поръ распоряженія объ осушеніи и замощеніи города повторяются ежегодно. Въ 1783 г. приказано было дать при помощи „канала“ выходъ къ Лопани водѣ изъ болотнаго озера, пересѣкавшаго проектированную въ то время Екатеринославскую улицу, отгородить осушенную часть улицы отъ озера плетнемъ и засыпать навозомъ, пескомъ и землею, а „каналъ“, соединяющій озеро съ рѣкою, обложить для прочности камнемъ [1]). „Каналы“ проводились въ то же время и въ другихъ мѣстностяхъ города, изобиловавшихъ водою.

Вода была стихійною силою, съ которой приходилось энергично бороться, и въ этой борьбѣ побѣда оказывалась далеко не всегда на сторонѣ человѣка. Какъ ни ничтожны были харьковскія рѣки, но и онѣ иногда сводили на нѣтъ результаты всѣхъ усилій начальства по осушенію города. Весеннія половодья вновь водворяли топи и болота на тѣхъ мѣстахъ, которыя еще недавно считались окончательно осушенными. Однимъ изъ наиболѣе вредныхъ для благоустройства харьковскихъ улицъ было половодье 1785 г.

24 марта вода выступила изъ береговъ и стала заливать низменныя мѣста, но опаснаго въ этомъ ничего еще не было, такъ какъ высота воды была обыкновенная. 25 вода начала даже спадать, но въ ночь подъ 26 она вновь прибыла, стала покрывать улицы, площади и дворы, повредила Харьковскій мостъ, сорвавъ съ него контрфорсы и связи и вынеся камень изъ клѣтокъ, отчего мостъ осѣлъ. На Нетечи оказались смытыми мельничная плотина Искры и амбары со всѣми поставами, посудою и хлѣбомъ. На Лопани снесенъ амбаръ Дуниной. Въ ночь подъ 27 вода поднялась необыкновенно высоко и покрыла отверстіе свода и стѣны строившагося въ то время каменнаго моста на Лопани, прорвала плотину на правомъ берегу и обрушила каменный сводъ и правую стѣну моста. 27 прорвала и другую плотину, прорыла правый берегъ въ материкѣ подъ Екатеринославскую улицу. Ночью подъ 28 вода оторвала плотину и правую сторону каменной стѣны моста, еще больше подрыла материкъ праваго берега и снесла караульную будку. 28 вода еще съ большею стремительностью бросилась на правый берегъ, подмыла его и опрокинула домъ основянскаго священника Лукьянова, подмыла домъ совѣтника Каменева и опрокинула часть фундамента. Домъ остался цѣлъ только

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1783 г., № 1080.

потому, что стоялъ на нѣкоторой крутизнѣ, да и вода стала убывать. Послѣ половодья черезъ рѣку возлѣ разрушеннаго моста можно было переправляться только на лодкахъ. Во время половодья площади, улицы и низовые дворы покрыты были водою отъ 26 по 29 марта. Вода изъ Лопани, выступивъ на улицы, проходила черезъ Екатеринославскую каналомъ внизъ до рѣки. Проѣздъ по Екатеринославской и послѣ половодья долго былъ невозможенъ. Низменныя мѣста около р. Харькова, Московская улица и Сѣнная площадь затоплены были водою, доходившей до полиціи и магистрата, т. е. выше нынѣшняго Петровскаго переулка. Разливомъ были захвачены и остальныя части города по рѣкѣ Харькову и по прибрежнымъ мѣстамъ стараго русла рѣки Харькова за Нетечью. Во многихъ мѣстахъ дома были затоплены по окна, а въ нѣкоторыхъ возвышалась вода подъ потолки. Мясные ряды были въ большомъ потопѣ, не залиты были однѣ крыши. По окончаніи половодья отъ „каналовъ“, гатей и мостковъ остались одни воспоминанія. Вода вновь водворилась тамъ, откуда была недавно изгнана. Дѣло осушенія города приходилось начинать съизнова [1]).

Харьковъ не только осушали, но и мостили. Въ 1785 г. Харьковскій Магистратъ отпускаетъ городскія деньги на уравненіе и замощеніе площадей, а улицы вымащиваютъ сами обыватели, каждый противъ своего двора. Проѣздъ черезъ Харьковъ Императрицы Екатерины заставилъ обратить на улицы и площади особенно бдительное вниманіе. Благодаря царскому проѣзду была выполнена такая несомнѣнно полезная для города работа, какъ устройство болѣе удобнаго спуска съ Холодной горы. По приказанію Черткова спускъ этотъ былъ сдѣланъ болѣе покатымъ и болѣе удобнымъ для проѣзда во время грязи. На самомъ возвышенномъ пунктѣ Холодной горы Чертковъ приказалъ землемѣру Буксгевдену сдѣлать поперекъ дороги неглубокую канаву съ плоскимъ дномъ, вымощеннымъ камнемъ, такъ чтобы она служила для стока воды, а черезъ канаву перекинуть каменный сводъ или мостъ съ каменными перилами. Отъ канавы внизъ по горѣ шли глубокіе рвы, оплетенные хворостомъ, черезъ нихъ собравшаяся въ канавѣ вода стекала подъ гору и дѣлала спускъ болѣе свободнымъ отъ грязи, чѣмъ то было раньше. Для этой работы отданы были въ распоряженіе Буксгевдена всѣ узники рабочаго дома и острога съ уплатою имъ, впрочемъ, вознагражденія изъ городскихъ доходовъ [2]). Въ тоже время производились и другія уличныя работы, изъ числа которыхъ упомянемъ выравненіе Екатеринославской и Московской улицъ (въ городѣ и въ слободѣ) и Золочевской площади (подъ крѣпостью). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что при иныхъ уличныхъ работахъ имѣлась болѣе въ виду красота, чѣмъ польза. Такъ передъ пріѣздомъ Царицы въ Харьковѣ явилась даже каменная мостовая. Проходила она по всей Екатеринославской отъ Холодной горы до Лопанскаго моста, затѣмъ по Золочевской и Подольской площадямъ и по всей Московской до тріумфальныхъ воротъ. Обошлась она, конечно, не дешево, но пользы принесла мало, такъ какъ, за неимѣніемъ вблизи города твердаго камня, устроена была не то изъ песчанника, не то изъ простого кирпича. За осень 1787 и весну 1788 г. эта непрочная мостовая настолько изъѣздилась и покрылась грязью, что приходилось подумать о замѣнѣ ея чѣмъ нибудь другимъ. Въ 1788 г. Пашковъ рѣшилъ замостить эти улицы фашинникомъ и пескомъ [3]). Конечно, мостовыя изъ фашинника не могли быть прочными и требовали постоянной починки. Къ тому же постоянно расширялся и раіонъ замощенія. Такъ въ слѣдующемъ 1789 г. кромѣ Екатеринославской и Московской предположено было замостить Сумскую, Благовѣщенскую, Рождественскую и Троиц-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1785 г., № 324, стр. 339.
[2]) Тамъ же. Ордера Черткова 1786 г.
[3]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1788 г.

кую. Продолжались, кромѣ того, работы и по проведенію новыхъ „каналовъ“ и поправкѣ старыхъ и по „загаченію“ низменныхъ мѣстъ. Мостить и выравнивать улицы должны были сами обыватели, каждый противъ своего двора. Относительно площадей и пустыхъ мѣстъ полиція совмѣстно съ Думою составляла росписанія, кому ихъ мостить. Домовладѣльцы, участки коихъ выходили на двѣ улицы, изъ которыхъ одну полагалось мостить, должны были участвовать въ расходахъ по замощенію. Такъ обыватели Рождественской улицы, дворы которыхъ выходили и на Екатеринославскую, обязаны были участвовать въ расходахъ по ея замощенію, ибо пользовались „выгодою въ проѣздѣ“. Пашковъ разсчитывалъ не ограничиться однѣми главными улицами, а съ теченіемъ времени вымостить и остальныя и въ этомъ смыслѣ дѣлалъ распоряженія по полиціи и Думѣ. Успѣхомъ своего плана онъ такъ интересовался, что обязалъ городничаго ежедневно докладывать ему о ходѣ замощенія города [1]).

Пашковъ умеръ, не успѣвъ осуществить своего плана. Его преемникъ Кишенскій продолжалъ его дѣло. Въ 1790 г. губернскимъ архитекторомъ Ярославскимъ былъ составленъ планъ осушенія города, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ находились казенныя и городскія строенія. Расходы на пріобрѣтеніе нужныхъ матеріаловъ исчислены были въ 220 руб. и отнесены на городскія средства. Копать „каналы“ и оплетать ихъ хворостомъ были назначены „колодники“ съ платою каждому по 3 коп. въ день [2]). Думѣ велѣно было построить мостки и гати по большимъ перспективнымъ дорогамъ черезъ прорѣзные каналы, также черезъ грязныя и болотныя мѣста. Такихъ мостковъ было выстроено 11: по Московской, Сѣнной, Подольской, Молчанкиной, Троицкой, Набережной, Нѣмецкой, Никольской, Мѣщанской и Сумской улицамъ и по набережной подлѣ рѣки Харькова. Одновременно съ этимъ велась и очистка улицъ. Арестанты чистили навозъ въ „публичныхъ мѣстахъ“, а городничій занимался составленіемъ проекта мостовой для большихъ улицъ и переулковъ [3]).

Въ 1791 году вновь видимъ распоряженія о замощеніи городскихъ улицъ фашинникомъ и пескомъ. Копались канавы, выравнивались улицы и площади. Главное вниманіе было обращено на Московскую, Сумскую и Николаевскую площадь. Работы велись весною съ 26 марта по 15 мая и осенью въ сентябрѣ [4]).

Работы по замощенію города велись, можно сказать, ежегодно, потому что примитивная харьковская мостовая не могла служить долго. Ежегодно же производились работы и по осушенію города посредствомъ каналовъ. Въ 1796 г. была сдѣлана новая попытка справиться съ такими непроходимыми топями, какими наполнена была Екатеринославская у теперешнихъ скверіковъ. Маленькое озеро, которое и теперь, вѣроятно, многіе еще помнятъ, въ то время было большимъ. Его велѣно было на осень обставить плетнемъ, а съ весны приступить къ обложенію его береговъ, такъ чтобы вода его не сливалась съ уличною грязью [5]).

Въ 1796 году харьковскіе купцы, мѣщане, дворяне и разночинцы, во главѣ съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ и Городскою Думою, дѣлаютъ постановленіе объ обложеніи себя на разныя надобности, въ этомъ числѣ и на мостовыя, сборомъ по 2 коп. съ квадратн. сажени своихъ дворовыхъ мѣстъ. Дѣлается такимъ образомъ попытка перейти отъ подворной повинности по содержанію мостовыхъ къ общегородской. Не къ чести для харьковцевъ, нужно, впрочемъ, отмѣтить, что иниціатива въ этомъ случаѣ исходила не отъ нихъ, а отъ генералъ-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. Думы 1789 г., стр. 399.
[2]) Тамъ же. Вход. Думы 1790 г., стр. 190.
[3]) Тамъ же. Вход. 1790 г., стр. 314.
[4]) Тамъ же. Вход. 1791 г.
[5]) Тамъ же. Подл. пригов. 1796 г.

губернатора Леванидова, который также участвовалъ въ общемъ дѣлѣ, хотя и не принадлежалъ къ мѣстнымъ домовладѣльцамъ [1]).

Въ послѣдніе годы XVIII ст. о замощеніи Харькова распоряженій мы не встрѣчаемъ. Повидимому, сами градоправители, рядомъ дорого стоившихъ опытовъ, убѣдились, что мостить фашинникомъ—значитъ зря бросать въ грязь обывательскія деньги и трудъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ вниманіе начальства преимущественно обращается на „каналы". Губернаторъ Тепловъ въ 1798 г. доносилъ Сенату, что по неимѣнію твердаго камня и даже дерева вблизи Харькова надѣяться на песокъ и фашинникъ и на уравненіе улицъ насыпкою земли невозможно, ибо „по низкому грунту города первый дождь всякую земляную работу въ едино смѣшаетъ и прибавитъ только болѣе грязи". Въ виду этого губернаторъ ограничился тѣмъ, что лучшую часть города, гдѣ казенное каменное строеніе, соборъ и ряды, обрылъ глубокими каналами, утвержденными какъ кирпичемъ, такъ по мѣстамъ и дерномъ, и провелъ спуски, прочія-жъ лучшія по городу улицы также обрылъ каналами и по возможности на время укрѣпилъ. Тепловъ намѣренъ былъ также и въ другихъ частяхъ города, „исподволь и соображаясь съ возможностью, провесть глубокіе каналы, обложенные дерномъ, черезъ что улицы получатъ посреди не малое возвышеніе, а по дерну сдѣлается свободный стокъ воды въ каналы, и жители заготовленіемъ матеріаловъ не будутъ отягчены" [2]).

Кромѣ „каналовъ", изъ уличныхъ работъ того времени слѣдуетъ отмѣтить приведеніе въ нѣкоторый порядокъ теперешней Университетской горки. Называлась она въ то время валомъ, съ котораго велъ внизъ протоптанный прохожими, очень неудобный спускъ. По распоряженію губернатора здѣсь была устроена деревянная лѣстница, обошедшаяся городу въ 130 руб. [3]).

Въ дождливую погоду харьковскіе улицы и площади тонули въ грязи, въ сухую—заваливались соромъ. Хотя инструкціи, вмѣнявшія сотникамъ и городничимъ въ обязанность блюсти за чистотою города, давались еще въ первой половинѣ XVIII ст., но заботъ объ этомъ со стороны тѣхъ, кому дѣло это было поручено, какъ то не замѣтно. Еще меньше заботились объ этомъ сами обыватели, и безъ чистоты обремененные всякими иными заботами, изъ которыхъ главною была забота о выполненіи многочисленныхъ повинностей, отнимавшихъ у нихъ и время, и охоту думать о такихъ сравнительно не важныхъ вещахъ, какъ соръ и навозъ, загромождавшіе городскія улицы и площади.

Въ 1746 г. въ инструкціи, данной городничему Голуховичу, Полковая Канцелярія указывала, что въ Харьковѣ отъ небреженія обывательскаго по улицамъ нигдѣ никакой чистоты не хранится, и не только всякій пометъ, но и мертвечина валяется. Канцелярія поручала Голуховичу приказать, чтобы жители, каждый противъ своего двора, а также въ рядахъ и прочихъ мѣстахъ, соблюдали чистоту, счищали соръ и вывозили за городъ въ поля и въ ямы, куда кому сходнѣе. Особенно строго запрещалось бросать соръ и пометъ въ рѣки Харьковъ и Лопань и протоки. Каждый житель рано утромъ, пока люди по улицамъ не будутъ ходить, или вечеромъ, послѣ прекращенія уличнаго движенія, обязанъ убирать соръ, а особенно мертвечину, съ улицы противъ своего двора, за чѣмъ обязаны смотрѣть выборные отъ каждой улицы десятскіе и сотскіе. У кого изъ обывателей замѣченъ будетъ соръ передъ дворомъ или въ другихъ мѣстахъ, тѣхъ штрафовать по разсчету—двѣ деньги съ каждой квадратной сажени въ ширину дворового мѣста. Особенно строгое наказаніе грозило за засореніе рѣкъ навозомъ и различными нечистотами: виновныхъ, какого бы кто званія ни былъ, пойманныхъ in flagranti delictu, велѣно было бить батогами. Надзоръ городничаго простирался и на торговые

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. пригов. 1796 г.
[2]) Арх. Губ. Правл. Дѣла Теплова 1798 г. № 32.
[3]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. пригов. 1798 г.

ряды: онъ долженъ былъ „смотрѣть на крѣпко“, чтобы въ мясномъ ряду и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ продается съѣстное, не продавалось нездоровыхъ харчей, вонючаго мяса или вонючей рыбы. Залежалое мясо и рыбу предписывалось отдавать собакамъ или закапывать въ землю, а съ виновныхъ брать штрафъ по алтыну съ фунта, а въ случаѣ несостоятельности—бить батогами, тѣхъ же, у кого сыщется мертвечина,—отсылать въ Полковую Канцелярію для учиненія съ ними по указу. Наблюденіе за порядкомъ на базарахъ поручалось базарнымъ.

Рѣзники въ тогдашнемъ Харьковѣ не только продавали вонючее мясо, но и били скотъ въ томъ же ряду, гдѣ и мясо продавали, а пометъ „метали подъ лавками, не зарывая онаго въ ямы, отчего въ томъ мѣстѣ во время лѣтнее такой превеликій смрадъ бываетъ, что оного не токмо купующимъ мясное, но и мимо ходящимъ безъ превеликой трудности претерпѣть никакъ невозможно“. Полковая Канцелярія находила въ виду этого необходимымъ распорядиться, чтобы мясники устраивали свои бойни отдѣльно отъ мясныхъ лавокъ, вдали отъ жилья; для отброса нечистотъ и остатковъ отъ убоя велѣно было выкопать ямы, которыя по наполненіи зарывать, такъ чтобъ отъ того смраднаго духу не было. Въ мясномъ ряду полки или „ляды“ должны быть чистыя, а мясо накрыто бѣлыми холщевыми покрывалами. За исправностью въ бойняхъ и мясныхъ рядахъ отвѣтственность падала на рѣзницкаго цехмистра.

Порядокъ, предписанный Полковой Канцеляріей, былъ по тому времени чуть не идеальный: выше этого по крайней мѣрѣ не знала и сама полиціймейстерская инструкція, имѣвшая въ виду главнымъ образомъ Петербургъ и Москву. Но иное дѣло идеалъ, а другое—дѣйствительность. Въ дѣйствительности ни городничій, смотрѣвшій на себя по старому козацкому взгляду только какъ на начальника харьковскихъ пушкарей, ни обыватели, не понимавшіе значенія предписываемыхъ мѣръ, не могли вмѣстить идеала, воодушевлявшаго составителей полиціймейстерской инструкціи.

Въ 1760 г. генералъ Стрѣшневъ сообщалъ Полковой Канцеляріи, что имъ усмотрѣна въ Харьковѣ на улицахъ, переулкахъ, рынкахъ и рядахъ большая нечистота; мѣста, подлежащія къ проходу, безмѣрно занавожены и, сверхъ того, передъ дворами и на площадяхъ валяются мертвыя собаки, кошки и другое падалище, „слѣдственно—заключалъ генералъ—при нынѣшнемъ весеннемъ, а паче въ лѣтнемъ и жаркомъ времени не только вредительнаго воздуха, но и отъ того въ людяхъ жестокихъ болѣзней опасаться надлежитъ“ [1]). Въ донесеніи городничаго Пантелимонова указывалось, что въ Харьковѣ разнаго званія люди, наипаче великороссіяне и греки, выбрасывали вывозимый изъ дворовъ навозъ прямо на улицы, благодаря чему улицы были такъ загажены, что въ дождливое время „за превеликою грязью“ движеніе по нимъ и на легкѣ совершалось съ большою трудностью, а съ тяжелыми возами и совсѣмъ было невозможно. Въ мясныхъ рядахъ мясники не только торговали мясомъ, но и били скотъ, не заботясь зарывать ненужные имъ остатки въ ямы, отчего являлась „не малая нечистота“, а въ лѣтнее время такой смрадъ, что „не только для купли мяса, но и мимо ходить весьма гнусно“. Въ какомъ видѣ была Николаевская площадь,—объ этомъ мы ужъ знаемъ изъ предыдущаго.

Благоустройство улицъ въ 60-хъ годахъ XVIII в. оставалась въ Харьковѣ въ такомъ положеніи, какъ будто инструкціи 1746 г. совсѣмъ не существовало. Она, очевидно, не примѣнялась. Полковая Канцелярія при полученіи указаній на безобразное состояніе города ограничивалась только повтореніемъ инструкціи 1746 г. да распоряженіемъ о томъ, чтобы эта самая инструкція читалась публично на торгахъ. Да и мудрено было добиться чего нибудь большаго въ виду полнаго равнодушія какъ жителей, такъ и самихъ исполнителей инструкціи къ санитарному благополучію города и его опрятности. Не смотря на угрозы штрафомъ, падаль про-

[1]) Харьк. истор. арх. Отд. I, № 290.

должала по прежнему выбрасываться на улицы. Въ 1761 г. генералъ Стрѣшневъ писалъ въ Полковую Канцелярію: „проѣзжая по Троицкой улицѣ, я замѣтилъ валяющихся дохлыхъ собакъ и въ видѣ наказанія за нерадѣніе велѣлъ самому городничему оттащить ихъ въ пристойное мѣсто“. Тому же самому Пантелимонову, который жаловался на неопрятность грековъ, великороссіянъ и харьковскихъ мясниковъ, Полковая Канцелярія принуждена была писать: „присмотрѣно, что въ г. Харьковѣ не токмо въ улицахъ, переулкахъ, но и противъ твоего двора пометъ и мертвечина валяются, съ чего признается, что по вышеписаннымъ повелѣніямъ ни малѣйшаго радѣнія не имѣешь и ниже въ умѣ о той нужности держишь“. Если городничій и въ умѣ не держалъ заботы о чистотѣ города, то горожане и подавну объ этой „нужности“ не думали. Не думали, конечно, о ней и иногородные люди, пріѣзжавшіе въ Харьковъ на торги и ярмарки.

Въ 1764 городничій Бѣлозоръ рапортовалъ Полковой Канцеляріи, что его старанія о соблюденіи чистоты въ городѣ сводятся ни во что пріѣзжающими на ярмарки купцами и посторонними разнаго званія людьми, которые становятся съ возами и лошадьми какъ вокругъ форштадта по близости „замка“, такъ и въ самомъ „замкѣ“ и держатъ при себѣ лошадей во все время ярмарки. Результаты—занаваживаніе улицъ, „привеликая грязь“ въ дождливую погоду, нечистота и опасность пожара—въ сухую. Полковая Канцелярія, кромѣ повторенія обычнаго напоминанія объ обязанности обывателей бдѣть за чистотою улицъ, придумала на сей разъ новую мѣру: ярмарковые должны были оставлять лошадей и воловъ на квартирахъ, гдѣ кто жилъ, а кто становился съ подводами на форштадтѣ или на базарѣ, съ тѣхъ брать по гривеннику съ каждаго воза. По окончаніи ярмарки городничій на собранныя такимъ образомъ деньги долженъ былъ нанять подводы и вывезти навозъ изъ города въ отведенное для того мѣсто.

Употреблялись ли собранныя съ ярмарковыхъ „мѣстовыя“ деньги на тотъ предметъ, для котораго онѣ предназначались,– не знаемъ. Знаемъ только, что въ 1780 г., когда взиманіе мѣстовыхъ денегъ лежало уже на обязанности коммисара, тратились онѣ не на очистку города, а на разныя другія надобности по городскому благоустройству, а иногда и на посторонніе предметы. Въ первое полугодіе 1780 года въ коммисарствѣ отъ прошлаго года оставалось мѣстовыхъ 57 р. 50 коп. да въ Крещенскую было собрано 21 руб. Израсходована эта сумма на покупку сала для плошекъ во время иллюминацій по высокоторжественнымъ днямъ, на плошки и крючья для нихъ, на устройство фонарей и покупку масла и свѣчей, на пожарныя бочки и роспуски, на починку окошекъ и печей въ Коммисарскомъ Правленіи, обмазку и побѣлку того же Правленія, нитки для Коммисарскаго Правленія и бумагу для Губернской Канцеляріи [1]).

При Щербининѣ видимъ энергичные приказы о соблюденіи чистоты на харьковскихъ улицахъ. Коммисару вмѣнено было въ обязанность наблюдать, чтобы всякій хозяинъ „дистанцію улицы передъ своимъ домомъ осушивалъ и каждую субботу послѣ обѣда, какъ весною, такъ и лѣтомъ и осенью, всякій соръ и нечистоту сметалъ, а зимою сгребалъ спѣгъ въ кучи и вывозилъ за городъ въ поле“. За несоблюденіе этого приказа обывателямъ грозилъ штрафъ, грозилъ штрафъ и полиціи въ размѣрѣ половины получаемаго жалованья, что же касается господскихъ дворовыхъ людей, которымъ помѣщиками поручены въ смотрѣніе ихъ городскіе дома, то ихъ за небрежность въ очисткѣ улицъ велѣно было брать въ полицію, а въ случаѣ дальнѣйшей ослушности—и наказывать, ибо—разъясняло губернское начальство—„содержаніемъ таковой чистоты не токмо облегчается бремя тяжести для всякаго подъ свозъ употре-

[1]) Харьк. истор. арх. Отд. VII, № 573.

бляемаго скота, но и человѣческое здравіе тѣмъ предохраняется отъ многихъ болѣзненныхъ припадковъ [1]).

Очевидно, и Щербинину не удалось пріучить населеніе Харькова къ содержанію въ чистотѣ городскихъ улицъ. Если бы такая привычка дѣйствительно успѣла установиться, начальству, конечно, не приходилось бы прибѣгать время отъ времени къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для поддержанія чистоты въ городѣ. При намѣстникахъ о чистотѣ заботились, такъ сказать, спорадически: проходилъ долгій срокъ, въ теченіе котораго на состояніе улицъ не обращалось вниманія, пока какой нибудь экстренный случай не заставлялъ о нихъ вспомнить. Тогда на улицы выгонялись обыватели съ лопатами и метлами, на базары и площади изъ острога и рабочаго дома присылались арестанты, а иногда и рекруты изъ стоявшихъ въ Харьковѣ полковъ, на ноги ставилась вся полиція съ городничимъ во главѣ, и начиналась генеральная чистка города, а отъ Магистрата или Думы требовались деньги на уплату колодникамъ и рекрутамъ. Затѣмъ наступала реакція, и все успокаивалось до тѣхъ поръ, пока новый экстренный случай не заставлялъ вспоминать, что чистота „человѣческое здравіе предохраняетъ отъ многихъ болѣзненныхъ припадковъ“.

Особенное вниманіе къ предотвращенію „болѣзненныхъ припадковъ“ путемъ содержанія города въ чистотѣ обнаружилось съ 1797 г., когда въ Харьковѣ учреждена была Врачебная Управа, оказавшая городу немаловажную услугу своими заботами о его санитарномъ состояніи. Правда, заботливость Управы въ значительной степени объяснялась дурными отношеніями между ея предсѣдателемъ Миндереромъ и тогдашнимъ губернаторомъ Тепловымъ, но результаты этой заботливости были во всякомъ случаѣ полезны. Отъ 1797—1798 гг. до насъ дошелъ цѣлый рядъ рапортовъ Управы, въ которыхъ она обращала вниманіе мѣстной администраціи на антисанитарное состояніе Харькова. Такъ въ одномъ изъ рапортовъ 1797 г. Управа указывала на результаты произведеннаго ею осмотра харчевень, ларей квасниковъ, сбитенщиковъ, хлѣбниковъ, мясныхъ рядовъ и лавокъ, въ которыхъ производилась торговля съѣстными припасами. Управа вездѣ нашла крайнюю нечистоту и неопрятность. Было, между прочимъ, замѣчено, что квасники держатъ въ квасѣ для его охлажденія мѣдную посуду со льдомъ, „отчего не малый вредъ народному здравію чинить могутъ [2]). Въ одномъ изъ рапортовъ 1798 г. Управа жаловалась на то, что ея неоднократныя представленія о необходимости наблюдать чистоту въ торговыхъ рядахъ и содержать свѣжіе припасы въ рыбныхъ и мясныхъ лавкахъ оставляются мѣстнымъ начальствомъ втунѣ, и требовала содѣйствія полиціи по надзору за доброкачественностью продаваемыхъ жизненныхъ продуктовъ, надѣясь только путемъ ежедневнаго осмотра базара „сію толико важную принадлежность для человѣческаго здравія содержать“. Въ другихъ рапортахъ Управа обращаетъ вниманіе администраціи на засореніе харьковскихъ рѣкъ. Не смотря на увѣренія Губернскаго Правленія, что берега рѣкъ содержатся жителями „въ наилучшей чистотѣ“, Управа свидѣтельствовала, что „полиція сама, грязь съ мостовъ счищая, бросаетъ въ рѣки, въ которыхъ и безъ того вода отъ нечистоты улицъ, стекающейся въ оныя, больше представляетъ навозную настойку“. Обращала Управа вниманіе и на другія обстоятельства, неблагопріятно отражавшіяся на здоровьи харьковцевъ. „Замѣчено, что жители города, для облегченія проѣзда и перехода по грязнымъ улицамъ, бросаютъ навозъ. Выдумка сія, бывъ отраслью обычая, а можетъ быть, и слѣдствіемъ нужды, готовитъ новую матерію гнилости для лѣтнихъ жаровъ, городъ же Харьковъ по одному мѣстоположенію своему чистаго воздуха не имѣетъ“. Не упустила изъ виду Управа и нахожденія въ чертѣ города за-

[1]) Харьк. истор. арх. Отд. VII, № 113.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1797 г., № 6, стр. 3

водовъ, заражающихъ воздухъ. Такъ, „жители Залопанской части, имѣя домы свои прилежащими дому купца Маковскаго, крайне претерпѣвали отъ смрада, происходящаго отъ мыловареннаго его завода". Уѣздный врачъ Рудинскій приписывалъ „тому поврежденію атмосферы" большое число заболѣваній въ Залопанской части. Управа напоминала губернатору обѣщаніе его, данное въ 1797 г., что всѣ заводы терпимы будутъ въ городѣ только до весны, „но—пишетъ Управа—уже лѣто исходитъ, а заводы, на своихъ мѣстахъ оставаясь, жителей крайне заботятъ". Считая себя обязанною по должности пещись о народномъ здравіи, Управа настаивала передъ губернаторомъ на выводѣ за городъ свѣчныхъ и мыловаренныхъ заводовъ и боенъ. Результатомъ вмѣшательства Управы былъ губернаторскій ордеръ городничему, коимъ предписывалось обязать мясниковъ и хозяевъ заводовъ вывести „безъ малѣйшаго замедленія" свои заведенія за городъ подъ угрозой ихъ сломки [1]). Изъ другихъ требованій Управы отмѣтимъ рапортъ о бродячихъ по городу собакахъ, дѣлающихся опасными лѣтомъ. Управа предлагала обязать хозяевъ подпискою держать своихъ собакъ на привязи, а бродячихъ—убивать [2]). Еще въ одномъ изъ рапортовъ Управа требуетъ освидѣтельствованія скота, назначаемаго мясниками на убой.

Антисанитарное состояніе города обусловливалось прежде всего его природнымъ мѣстоположеніемъ, а затѣмъ способомъ размѣщенія жителей на отведенномъ имъ природою мѣстѣ. На это указывалъ и самъ губернаторъ Тепловъ, доносившій Сенату, что „положеніе сего города на низкихъ и болотистыхъ мѣстахъ, по неимѣнію ни лѣса, ни камня по близу для мощенія улицъ и ключевой воды и поселенію при запруженныхъ рѣчкахъ, протекающихъ черезъ городъ, большое вліяніе имѣетъ на здравіе мѣстныхъ жителей [3]). Управа предлагала губернатору произвести новую распланировку города, чтобы избавить его отъ дурныхъ санитарныхъ условій, но присланный ею чертежъ Тепловымъ былъ признанъ „весьма не способнымъ" и оставленъ безъ вниманія. Не больше успѣха имѣло и представленіе о необходимости уничтоженія плотинъ, запружавшихъ городскія рѣки и производившихъ „гнилость воды". Губернаторъ считалъ это требованіе резоннымъ, но не исполнимымъ. Въ рапортѣ своемъ Сенату Тепловъ увѣрялъ, что онъ старался купить водяныя мельницы на городскія средства, но хозяева ихъ или запрашивали высокія цѣны, или и „вовсе по единому упрямству" не хотѣли ихъ продавать. Тепловъ предлагалъ принудительное отчужденіе мельницъ по оцѣнкѣ, произведенной администраціей совмѣстно съ представителями сословій, а затѣмъ—уничтоженіе плотинъ и соединеніе протоковъ „каналами", чтобы „тѣмъ дать водѣ вольное теченіе".

Врачебная Управа простирала свою заботливость о санитарномъ благополучіи не только на горожанъ, но и на арестантовъ, о которыхъ въ то время вообще очень мало заботились. По осмотру одного изъ членовъ Управы оказалось, что въ тюрьмѣ „воздухъ отъ крайней неопрятности, тѣсноты, многолюдства и мокроты заплѣсневѣлыхъ потолковъ весьма испорченный". Этимъ состояніемъ тюремныхъ помѣщеній въ связи съ „недостаткомъ жизненнаго содержанія, согрѣтія и одѣянія" Управа объясняла и большой процентъ больныхъ въ тюремномъ лазаретѣ и, „входя по человѣчеству въ жалостное состояніе содержащихся въ тюрьмахъ", просила губернатора „обратить вниманіе къ облегченію судьбы ихъ лучшимъ пропитаніемъ". Нѣсколько времени спустя Управа вновь обращаетъ вниманіе начальника губерніи на безобразное состояніе тюрьмы и ея окрестностей: „внѣ двора оной въ оставшіяся отъ кирпичныхъ заводовъ ямы извергаются всѣ экскременты человѣческіе, отъ которыхъ вся тамошняя окружность на великое разстояніе, касаясь даже и до города, несноснымъ смрадомъ заражается".

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1798 г., № 50.

[2]) Тамъ же. 1797 г., № 6.

[3]) Тамъ же. Рапортъ Теплова Сенату 1798 г.

Острогъ, стоявшій на мѣстѣ нынѣшней кирхи, находился уже на краю города, но не лучше было и въ центрѣ. Въ упраздненныхъ при Павлѣ присутственныхъ мѣстахъ „не только что либо дѣлать, но ниже войтить не можно по причинѣ вони, ибо они—какъ заявлялъ уѣздный лекарь Рудинскій—съ нѣкотораго времени обращенными стали въ общенародныя нужныя мѣста". Лѣтомъ 1798 г. мимо полотняныхъ лавокъ, находившихся съ восточной стороны Гостиннаго ряда и присутственныхъ мѣстъ, „едва пройтить можно" [1]).

Кое-что изъ того, на что указывала Врачебная Управа, было устранено, а на многое не было обращено должнаго вниманія по недостатку сочувствія въ мѣстной администраціи. Губернаторъ видѣлъ въ рапортахъ Управы преувеличенную требовательность. „Надлежащую чистоту" онъ не находилъ возможнымъ соблюсти въ Харьковѣ безъ крайняго и излишняго отягощенія жителей, которые, въ случаѣ предъявленія къ нимъ строгихъ требованій, могутъ и совсѣмъ выселиться изъ города, отчего произойдетъ накопленіе казенныхъ и общественныхъ недоимокъ. Въ свалкѣ навоза въ ямы и „гаченіи" имъ болотныхъ мѣстъ Тепловъ не усматривалъ вообще ничего дурнаго, тѣмъ паче, что „сіе чинится и въ самолучшихъ, устроенныхъ обширныхъ городахъ, какъ то въ Петербургѣ и Москвѣ". Въ тюрьмѣ, по его мнѣнію, было гораздо лучше, чѣмъ во многихъ людскихъ при господскихъ домахъ. Мясные ряды и бойни найдены имъ тоже „въ порядкѣ весьма изрядномъ", такъ что, встрѣтясь съ членомъ Управы, онъ выражалъ искреннее недоумѣніе, какъ могла Управа усмотрѣть величайшую нечистоту тамъ, гдѣ онъ видѣлъ добрый порядокъ. Ясное дѣло, что на помощь такого администратора Управа не могла много разсчитывать. Взаимныя пререканія привели въ концѣ концовъ къ тому, что Управа пожаловалась на Теплова Медицинской Коллегіи, а послѣдняя представила эту жалобу въ Сенатъ, передъ которымъ губернатору и пришлось отписываться и оправдываться [2]).

Если связь между санитарнымъ состояніемъ города и „болѣзненными припадками" харьковцами сознавалась слабо, то зато гораздо яснѣе должна была сознаваться ими связь между правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ и выгодами покупателей. Мѣры къ упорядоченію отношеній между торгующими и покупающими мы видимъ поэтому гораздо раньше, чѣмъ мѣры, имѣвшія въ виду внѣшнее благообразіе города и его санитарное благополучіе. Но и въ этой области результаты заботливости начальства были не велики. Что дѣлалось по сей части въ Харьковѣ въ первое полустолѣтіе его существованія,—мы не знаемъ. Извѣстно только, что въ 1712 г. въ Харьковѣ впервые были введены въ торговыхъ сношеніяхъ казенные мѣры и вѣсы. Царскимъ указомъ изъ канцеляріи адмирала Ф. М. Апраксина было повелѣно установить въ Харьковѣ хлѣбную и питейную мѣру, чтобъ по торгамъ мѣшками, а по шинкамъ незапечатанными мѣрами ничего не продавалось. Указъ этотъ, какъ свидѣтельствовала Полковая Канцелярія, исполнялся только нѣсколько лѣтъ, а потомъ былъ забытъ, и какъ хлѣбъ, такъ и напитки продавались произвольными мѣрами. Въ 1746 г. Полковая Канцелярія вспомнила объ этомъ указѣ и въ инструкціи, данной городничему Голуховичу, возложила на него обязанность „смотрѣть съ прилежаніемъ", чтобы во всѣхъ торговыхъ рядахъ были вѣрные вѣсы и мѣры „за орломъ" (казенные), и чтобы въ лавкахъ на иные мѣры и вѣсы ничего не продавали да и мѣръ такихъ не держали. Виновныхъ въ употребленіи неправильныхъ вѣсовъ и мѣръ велѣно было штрафовать „по важности торговъ". Кромѣ того, съ цѣлью предупрежденія обмановъ, происходившихъ отъ невѣрныхъ вѣсовъ и мѣръ, Полковая Канцелярія въ томъ же 1746 г. рѣшила построить „публичный амбаръ", въ которомъ и установить, сколько потребно будетъ, вѣсовъ, четвертей, четвериковъ и гарнцевъ указной россійской мѣры за полковою печатью,

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Теплова 1798 г., № 327.

[2]) Тамъ же. Дѣла Теплова 1798 г., № 32.

а для напитковъ—кварты, полкварты и гарнцы (2 кварты), тоже за полковою печатью, которые и раздать по шинкамъ, взыскавъ съ шинкарей ихъ стоимость. Городничему велѣно было публиковать, чтобы какъ харьковцы, такъ и пріѣзжіе не продавали и не покупали хлѣба помимо „публичнаго амбара“, а шинкари не продавали водки иною мѣрою, кромѣ казенной. Виновные въ явномъ или тайномъ нарушеніи этого распоряженія арестовывались и приводились въ Полковую Канцелярію, гдѣ съ ними „поступлено будетъ, какъ съ ослушниками, безъ всякаго упущенія“ [1]). Въ той же инструкціи находимъ указанія на другія мѣры, имѣвшія въ виду огражденіе интересовъ покупателей отъ недобросовѣстности торговцевъ. Полковая Канцелярія замѣтила, что въ Харьковъ на время ярмарокъ и знатныхъ торговъ привозился изъ окрестныхъ селъ и деревень битый скотъ, который и продавался безъ всякаго освидѣтельствованія, не смотря на то, что между нимъ могла быть и мертвечина, и удавленина, и больная скотина. По просьбѣ мѣстныхъ рѣзниковъ привозить битую скотину было запрещено. Позволялось пригонять только живую скотину, которая послѣ освидѣтельствованія ея рѣзницкимъ цехмистромъ убивалась на мѣстныхъ бойняхъ. Какъ цехмистры, такъ и полиція обязаны были слѣдить, кромѣ того, чтобы „мясо продавалось не превосходною противъ покупки цѣною“. На мясные припасы существовала опредѣленная такса, которая устанавливалась городничимъ по опросу рѣзниковъ и по соображенію съ условіями промысла. Нарушеніе ея въ иныхъ случаяхъ, когда дѣло касалось, напримѣръ, казенныхъ интересовъ, грозило виновнымъ серьезными послѣдствіями. Когда съ канцеляріи Борисоглѣбскаго полка взяли въ рѣзницахъ за пудъ сала двугривеннымъ больше, чѣмъ полагалось по таксѣ, возникло цѣлое слѣдственное дѣло, грозившее виновнымъ большими непріятностями. Рѣзники защищали себя ссылкой на вздорожаніе скота и указаніемъ, что о невозможности продавать мясо по таксѣ они заявляли городничему. Полковая Канцелярія, разбиравшая это дѣло, нашла, что мясники повысили самовольно цѣну только „для своего ненасытнаго лакомства“, и что поэтому имъ слѣдовало бы учинить наказаніе, но, въ виду ихъ сознанія и принесенной ими повинной, рѣшено наказать одного цехмистра. Охота къ „ненасытному лакомству“ часто все таки перевѣшивала въ сердцахъ харьковскихъ мясниковъ страхъ передъ наказаніемъ. Въ 1760 г. городничій Пантелимоновъ доносилъ въ Полковую Канцелярію, что мясники покупаютъ скотину дешевою цѣною, а продаютъ мясо очень дорого; что съ битой скотины обрѣзаютъ сало почти до костей, которое и продаютъ отдѣльно, такъ что мясо получается совсѣмъ худое; что гоняясь за прибылью, они иногда оказываются не въ состояніи продать весь имѣющійся у нихъ запасъ мяса и держатъ его иногда по нѣсколько дней, отчего, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, мясо портится и протухаетъ, такъ что его въ пищу употреблять нельзя. Однако, не смотря на это, мясники все же находили и на такое мясо покупателей среди бѣднѣйшей части городского населенія, которой и сбывали мясо по пониженной цѣнѣ. Въ злоупотребленіяхъ и недобросовѣстности были, впрочемъ, замѣчены не одни рѣзники. Харьковскія перекупки, покупая ржаную муку по 8—12 коп., а пшеничную по 15—20 коп., продавали печеный хлѣбъ очень малаго размѣра и по высокой цѣнѣ, а часто и недопеченный, чтобы обмануть покупателя вѣсомъ. Торговцы греки, по донесенію того же Пантелимонова, продавали харьковцамъ виноградное вино и прочія крымскія „бакалеи“ и фрукты неправильными мѣрами и вѣсомъ, а иногда, когда привозъ этихъ товаровъ бывалъ не великъ, продавали и вдвое дороже противъ нормальной цѣны. Въ инструкціи городничему Метлинскому мы видимъ предписанія о наблюденіи, чтобы какъ малороссіяне, такъ и греки, торгующіе въ Харьковѣ виномъ, не продавали испорченнаго и подмѣшаннаго вина, особенно въ томъ случаѣ, если хозяева вмѣсто себя посылаютъ для покупокъ

[1]) Харьк. истор. арх. Дѣла Харьк. Полк. Канц.

слугъ. Отъ торговцевъ потребовали подписку, что они не будутъ употреблять фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ. Ведерковая мѣра должна быть казенная, а око въ три фунта. Установлены были и цѣны на вино такія, чтобы прибыль не превышала 10 коп. на рубль. Для наблюденія за исполненіемъ этихъ требованій торговцамъ предложено было выбрать главнаго или пивного голову.

Не знаемъ, подчинялись ли этому распоряженію туземные торговцы, но греки протестовали. Установленныя Полковой Канцеляріей мѣры они нашли неудобными, такъ какъ и сами они на ведра вина не покупали; отъ подписокъ просили ихъ избавить, ссылаясь на то, что, кромѣ Харькова, торгуютъ они и въ Москвѣ, и въ Нѣжинѣ, и въ Глуховѣ, и нигдѣ отъ нихъ подписокъ не требуютъ; отъ обязательства брать прибыли не болѣе 10% греки рѣшительно отказывались, равно какъ и отъ надзора за ихъ торговлей, ссылаясь напримѣръ тѣхъ же Москвы, Нѣжина и Глухова, а отъ выбора головы уклонялись, такъ какъ ихъ привилегіи даютъ де имъ право не нести гражданскихъ службъ [1]).

Какъ ни заинтересованы были сами харьковцы въ установленіи правильныхъ мѣръ и вѣсовъ, добиться этого не удалось ни полковому, ни даже губернскому начальству. Изъ одного дѣла Харьковскаго Городового Магистрата мы знаемъ объ энергичныхъ дѣйствіяхъ въ этомъ направленіи перваго послѣ учрежденія намѣстничества Харьковскаго городничаго Квитки, отобравшаго у харьковскихъ торговцевъ всякіе мѣры и вѣсы и заставлявшаго продавцевъ и покупателей являться въ полицію для взвѣшиванія товаровъ [2]), но положилъ ли этимъ Квитка окончательный предѣлъ злоупотребленіямъ при взвѣшиваніи и мѣрѣ,—не знаемъ.

Что касается заведенной еще при полковомъ режимѣ таксы на хлѣбъ, муку, мясо и всѣ вообще жизненные припасы и фуражъ, то о сохраненіи ея заботились и въ пореформенномъ Харьковѣ. Такса составлялась на основаніи опроса базарныхъ старостъ и утверждалась полиціей совмѣстно съ представителями городского самоуправленія. Такса имѣла временный характеръ и измѣнялась соотвѣтственно временамъ года, вліявшимъ на цѣны продуктовъ. Такса, какъ увидимъ ниже, давала поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ со стороны наблюдавшей за нею полиціи, что, конечно, предполагаетъ возможность злоупотребленій и со стороны торговцевъ, но распоряженія о ея соблюденіи и объ уловленіи неповиновавшихся ей торговцевъ все таки дѣлались. Образчикомъ такихъ распоряженій является слѣдующій ордеръ харьковскому городничему отъ 31 марта 1798 г.

„По полученіи сего предписываю вамъ всѣмъ харьковскимъ жителямъ по домамъ объявить съ подписками, чтобы они, ежели на случай, кто изъ торгующихъ продавать будетъ жизненные припасы, а особливо мясные, сверхъ положенныхъ за оные въ таксѣ цѣнъ, то бы, заплатя для улики тѣмъ, у кого что куплено будетъ, по требованіямъ ихъ деньги, тотчасъ объявляли о томъ въ полиціи, и по таковымъ объявленіямъ чинить надлежащее изслѣдованіе и, о виновныхъ донося мнѣ, поступать по закону. А сверхъ того, чтобы квартальные офицеры каждый день по очереди имѣли за ними крѣпкое и неослабное наблюденіе, дабы посредствомъ сего всякая могущая послѣдовать непозволительная по запрещеннымъ цѣнамъ продажа на съѣстные припасы при самомъ началѣ пресѣкаема быть могла“ [3]).

Имѣло или, вѣрнѣе, должно было, согласно распоряженіямъ начальства, имѣть мѣсто и наблюденіе за производствомъ торговли въ назначенное для того время. Мы уже упоминали о сдѣланномъ Полковою Канцеляріею запрещеніи шинкарямъ торговать въ ночное время. Тоже блюдетъ и губернское начальство, обращающее, кромѣ того, вни-

[1]) Харьк. истор. арх. Дѣла Харьк. Полк. Канц.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Харьк. Город. Магистрата 1783 г.

[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Теплова 1798 г.

маніе и на другія стороны дѣла. Такъ въ 1766 г. Губернская Канцелярія замѣтила, что въ Харьковѣ, по вольности продажи спиртныхъ напитковъ, въ шинкахъ торгъ производится во всякіе праздничные и воскресные дни, какъ до литургіи, такъ и во время совершенія послѣдней, причемъ въ питейныхъ заведеніяхъ поднимается крикъ и пѣніе. Губернская Канцелярія распорядилась поэтому, чтобы по праздникамъ до обѣдни и во время обѣдни шинки были закрыты [1]). Въ 1771 г. преосвященный Самуилъ, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій, при посѣщеніи своей епархіи усмотрѣлъ, что въ разныхъ городахъ, слободахъ и селахъ близъ церквей построены питейныя заведенія, а въ черкасскихъ селеніяхъ шинки съ горячимъ виномъ и прочими спиртными напитками, куда народъ ходитъ во всякое время, а часто и во время церковной службы и, напиваясь, шумятъ, дерутся, поютъ непристойныя пѣсни и учиняютъ разныя безчинія, а въ церковь не ходятъ. Такія безобразія устраивались и тогда, когда служилъ литургію самъ преосвященный, такъ что онъ едва могъ окончить службу [2]). „Промеморія“ Духовной Консисторіи, изъ которой мы заимствовали только что приведенныя строки, не пріурочиваетъ описанныхъ въ ней фактовъ именно къ Харькову, но что такіе факты бывали и въ Харьковѣ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ распоряженій Губернской Канцеляріи отъ слѣдующаго 1772 г. Обративъ по просьбѣ духовнаго начальства вниманіе на харьковскіе шинки, губернское начальство нашло, что они имѣются близъ самой соборной церкви, и во всѣхъ этихъ шинкахъ днемъ и ночью и во время церковныхъ службъ бываютъ крики, ссоры и драки, а по ночамъ въ лѣтнее время огонь зажигаютъ и печи топятъ безъ всякой осторожности, отчего въ шинкахъ близъ Губернской Канцеляріи неоднократно уже загоралось, такъ что угрожала опасность какъ Канцеляріи и пороховому погребу, такъ и обывательскимъ домамъ. Съ шинкарей велѣно было брать подписку, чтобы въ ихъ шинкахъ не было шума и безчинства, а по ночамъ огня. Виновныхъ велѣно было брать подъ караулъ и подвергать строгому штрафу [3]).

Обращалось нѣкоторое вниманіе и на внѣшнее, такъ сказать, благообразіе торговыхъ помѣщеній. Заботы объ этомъ обнаруживаются, впрочемъ, не раньше превращенія Харькова въ намѣстническій городъ, да и то по экстреннымъ случаямъ. Особенно замѣтны онѣ ко времени, предшествовавшему пріѣзду Императрицы Екатерины. Въ 1787 г. намѣстникъ Чертковъ указывалъ Городовому Магистрату, что въ Гостинномъ дворѣ лавки съ арками построены порядочно и служатъ къ украшенію города, однако торговцы, „видно, привыкнувъ къ неопрятности, оныя арки не только завѣшиваютъ холстинными парусами, но къ общему посрамленію—рогожами“. Магистрату было приказано убрать рогожи и занавѣси и снесть шалаши, въ которыхъ нѣкоторые торгуютъ, а на будущее время шалашей не ставить даже и во время ярмарокъ; исключеніе допускалось только для мелкихъ торговцевъ, продающихъ съ открытыхъ скамей и столовъ [4]). Рогожи изгонялъ Чертковъ не только изъ Гостиннаго двора, но и съ базара. Торговцамъ базара было запрещено употреблять рогожныя занавѣски, выставки и шалаши. Шалаши подъ валомъ оставлены только для сбитенщиковъ и торговцевъ съѣстными припасами, но и то до тѣхъ только поръ, пока будетъ устроена каменная „галлерея“ [5]). Послѣ проѣзда Царицы ни о рогожахъ, ни о шалашахъ заботъ больше не видно.

Перейдемъ теперь къ лицамъ и учрежденіямъ, вѣдавшимъ благоустройство и благочиніе въ Харьковѣ. Высшій надзоръ за полицейскими порядками и распорядками въ городѣ при-

[1]) Харьк. истор. арх. Отд. VII, № 45.
[2]) Тамъ же. Отд. VII, № 320.
[3]) Тамъ же. Отд. VII, № 614.
[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Рапорты магистр. Черткову 1787 г., № 1107.
[5]) Тамъ же. 1787 г., № 1155.

надлежалъ, конечно, высшему мѣстному начальству: воеводамъ, полковникамъ съ Полковою Канцеляріею, а равно и разному генералитету, проживавшему въ Харьковѣ. Что генералитетъ мѣшался въ полицейскую часть,—это видно изъ отмѣченныхъ уже нами распоряженій генерала Стрѣшнева, который въ качествѣ командира Слободской дивизіи имѣлъ de jure очень слабое касательство къ полицейскимъ дѣламъ, но de facto распоряжался ими по своему усмотрѣнію. Главнокомандующій Панинъ имѣлъ къ полиціи еще меньше касательства, а между тѣмъ по его распоряженіямъ, какъ мы видѣли, строились мосты и замащивались улицы. Съ учрежденіемъ губерніи высшій полицейскій надзоръ перешелъ къ губернатору и Губернской Канцеляріи, а съ учрежденіемъ намѣстничества—къ намѣстникамъ и ихъ поручикамъ. На долю высшаго мѣстнаго начальства выпадалъ надзоръ за полиціей и изобрѣтеніе мѣропріятій, исполнять которыя обязаны были уже полицейскіе агенты. Кто же были эти агенты?

Можно думать, что отдѣльныхъ полицейскихъ органовъ въ козацкомъ Харьковѣ совсѣмъ не было. Знакомясь съ наиболѣе ранними изъ дошедшихъ до насъ распоряженій по полицейской части, мы видимъ, что приведеніе ихъ въ исполненіе поручалось то сотникамъ, то городничему, то кому нибудь изъ подпрапорныхъ, и каждый, кому дѣлалось такое порученіе, старался подъ разными предлогами уклониться отъ „полиціймейстерской должности“. Чаще всего несеніе „полиціймейстерской должности“ возлагалось на городничаго. Городничій—это козацкій чиновникъ, обязанный бдѣть за цѣлостью городскихъ укрѣпленій и городской артиллеріи. Въ вѣдѣніи его находились пушкари, помогавшіе ему иной разъ и въ возлагавшихся на него полицейскихъ дѣлахъ. Была, кромѣ того, и обывательская полиція. Въ цехахъ за порядкомъ смотрѣли цехмистры, на которыхъ возлагалась и отвѣтственность за несоблюденіе порядка, въ рядахъ и на базарахъ были рядскіе и базарные старосты. Изъ обывателей выбирались, кромѣ того, десятскіе и сотскіе.

Городничіе и вообще тѣ лица, которымъ поручалось полицейское дѣло въ Харьковѣ, руководились полиціймейстерской инструкціей, впрочемъ не во всемъ ея объемѣ, а только тѣми ея постановленіями, которыя мѣстное начальство признавало необходимымъ и возможнымъ примѣнить въ Харьковѣ. Всякому новому начальнику полиціи при вступленіи его въ должность или по какому другому экстренному случаю давался особый указъ изъ Полковой Канцеляріи съ перечисленіемъ его обязанностей согласно полиціймейстерской инструкціи и съ указаніемъ способовъ осуществленія требованій инструкціи примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Съ содержаніемъ такихъ указовъ мы уже имѣли случай познакомиться изъ предыдущаго изложенія. Здѣсь только можемъ повторить еще разъ, что точное исполненіе этихъ указовъ было не возможно. Нельзя было заставить крыть гонтомъ свою хату того, у кого и на солому едва хватало достатковъ; нельзя было превратить мѣстное населеніе, занятое своими частными дѣлами, въ безсмѣнную стражу, готовую броситься на борьбу съ огнемъ при первомъ звукѣ набатнаго колокола; нельзя было требовать надлежащей чистоты отъ обывателя, у котораго послѣ исполненія многочисленныхъ, лежавшихъ на немъ личныхъ повинностей едва оставалось время для своихъ собственныхъ дѣлъ. При такихъ условіяхъ не возможно было ожидать и большихъ успѣховъ отъ дѣятельности полиціи, смотрѣвшей къ тому же на свои полицейскія обязанности, какъ на нѣчто постороннее, ни къ пушкамъ, ни къ пушкарямъ касательства не имѣвшее. Удивительно ли при такихъ условіяхъ, что не смотря на указы и предписанія Полковой Канцеляріи о соблюденіи полицейскаго порядка, полицейское дѣло было поставлено въ Харьковѣ такъ, какъ будто бы полиціи здѣсь совсѣмъ не было. Въ 1760 г. генералъ Стрѣшневъ серьезно спрашивалъ Полковую Канцелярію, имѣется ли кто нибудь въ Харьковѣ, на комъ бы лежали полицейскія обязанности, а если не имѣется, приказывалъ немедленно кого нибудь для этого назначить.

Въ экстренныхъ случаяхъ, когда въ Харьковѣ появлялись „паліи“ (поджигатели), или заводились шайки „воровскихъ людей“, харьковская полиція оказывалась безсильной, и тогда приходилось прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ охраненія безопасности обывателей. Какія мѣры принимались противъ поджигателей,—мы уже говорили. Еще труднѣе было бороться съ „воровскими людьми“. По большей части это были не коренные харьковцы, а люди пришлые, обыкновенно „великороссійской породы“, часто изъ числа военно-служащихъ. Для борьбы съ ними приходилось обращаться уже къ военнымъ командамъ.

Въ 1745 г. умноженіе „воровскихъ людей“ въ Харьковѣ заставляетъ принимать чрезвычайныя мѣры предосторожности, особенно во время ярмарокъ, когда грабежи и кражи обыкновенно учащались. Для разъѣзда около Харькова по проѣзжимъ дорогамъ назначенъ былъ нарядъ изъ сосѣднихъ съ Харьковомъ сотенъ въ числѣ 50 человѣкъ „доброконныхъ и оружныхъ“ подъ начальствомъ подпрапорнаго. Мѣстная охрана усилена присоединеніемъ къ ней драгунъ, состоявшихъ при „коммиссіи слѣдствія розыскныхъ дѣлъ“ капитана Щелина [1]).

Въ 1760 г. портной изъ нѣмцевъ Принціусъ жаловался на то, что ночью съ 14 на 15 марта пришли къ нему 10 человѣкъ воровскихъ людей изъ великороссіянъ, побили окна и хотѣли было пограбить изготовленное имъ для разныхъ лицъ платье цѣною на 500 руб., а самаго Принціуса убить. Разбѣжаться воровскихъ людей заставило только появленіе разбуженныхъ шумомъ и крикомъ сосѣдей Принціуса. 8 марта того же года шинкарь Корнѣй Новицкій доносилъ Полковой Канцеляріи, что къ нему въ шинокъ ночью, оторвавъ ставни и выбивъ стекла, влѣзъ неизвѣстный человѣкъ и, отперевъ дверь, впустилъ еще двухъ съ дубинами. Воровскіе люди набросились на спавшаго въ шинкѣ Супруна и стали его бить немилосердно, остальные обыватели шинка отъ страха разбѣжались. Разбойники по нарѣчію великороссіяне, въ сѣрыхъ зипунахъ, а одинъ въ бѣломъ колпакѣ. Кромѣ того, и другіе харьковскіе обыватели жаловались своему начальству, что невѣдомо какіе воровскіе люди въ коморахъ замки ломаютъ, а въ хатахъ окошки открываютъ и бьютъ, и потому просили для поимки тѣхъ воровъ и охраны жителей учредить „обвахту въ пристойномъ числѣ козаковъ“. „Невѣдомо какіе воровскіе люди“, повидимому, имѣли близкое отношеніе къ квартировавшему въ то время въ Харьковѣ драгунскому Борисоглѣбскому полку. По крайней мѣрѣ Харьковская Полковая Канцелярія, получивъ извѣстіе о мартовскихъ продѣлкахъ воровскихъ людей, сочла себя въ правѣ обратиться непосредственно къ начальству Борисоглѣбскаго полка съ просьбой учредить просимую населеніемъ „обвахту“, назначить ночные разъѣзды изъ оберъ-офицеровъ и обязать гг. офицеровъ подписками, чтобы они „своихъ подкомандныхъ людей отъ такихъ и другихъ шалостей воздерживали“. Была ли устроена въ Борисоглѣбскомъ полку „обвахта“ и разъѣзды,—не знаемъ, но знаемъ, что въ другомъ квартировавшемъ въ Харьковѣ полку—Рыльскомъ ландмилицкомъ была и „обвахта“, и ночные обходы. Кромѣ того, по распоряженію Стрѣшнева велѣно было производить ночные обходы и харьковскимъ козакамъ подъ наблюденіемъ правящаго полиціймейстерскую должность. Велѣно было слѣдить и за притонами воровскихъ людей—шинками и запрещать шинкарямъ производить торговлю въ ночное время. Но по небреженію Полковой Канцеляріи генеральское повелѣніе осталось не исполненнымъ. Вторичное подтвержденіе этого повелѣнія сопровождалось угрозою разорить шинки, ведущіе ночную торговлю, а мѣстное полицейское начальство подвергнуть штрафу. Велѣно было, кромѣ того, составить точную вѣдомость о числѣ жителей Харькова съ обозначеніемъ, кто и откуда пришелъ, въ своемъ ли домѣ живетъ или въ наемномъ, имѣетъ ли паспортъ, а каждаго вновь поселившагося—представлять къ начальству съ его документомъ. Главное наблюденіе за воровскими людьми было возло-

[1]) Харьк. истор. арх. Отд. II, № 139.

жено на хорунжаго Квитку, сотниковъ Протопопова и Мосцеваго, подпрапорнаго Костича и городничаго Пантелимонова, которому разрѣшалось кромѣ подвѣдомственныхъ ему пушкарей брать, сколько нужно, козаковъ. Днемъ харьковцевъ берегла козацкая „обвахта", а ночью—конные патрули.

Такъ дѣло, однако, продолжалось не долго. Интересы общественной безопасности столкнулись съ интересами военной службы. Командиръ Слободскихъ полковъ генералъ Бринкъ нашелъ, что полицейскіе наряды—не дѣло козаковъ, обязанныхъ военной службой, а потому отмѣнилъ и патрули, и „обвахты". Полицейскую должность велѣно было отправлять самимъ обывателямъ Харькова, безъ участія козаковъ. Результаты не замедлили сказаться: Полковой Канцеляріи стали приноситься жителями жалобы, что въ домахъ ихъ происходятъ постоянные ночные грабежи, а на улицахъ и площадяхъ, особенно въ базарное время, грабятъ и днемъ. Виновниками являлись опять-таки квартирующіе въ Харьковѣ солдаты и другіе не служащіе люди. Безъ козаковъ Полковая Канцелярія не въ силахъ была предпринять противъ грабителей какихъ нибудь существенныхъ мѣръ, въ виду чего, не находя иного способа къ защитѣ жителей отъ дневныхъ и ночныхъ грабежей, просила какого нибудь распоряженія отъ Бѣлгородскаго губернатора Нарышкина, которому Слободскіе полки были подчинены въ гражданскомъ отношеніи [1]).

На смѣну городничимъ, съ учрежденіемъ губерніи, пришли коммисары. Коммисаръ обязанъ былъ „по способности" отправлять въ Харьковѣ, между иными должностями, и полиціймейстерскую должность. Для помощи ему по полицейской части полагался квартиргеръ изъ подпрапорныхъ или унтеръ-офицеровъ. При коммисарѣ имѣлась канцелярія, состоявшая изъ двухъ писарей и 2 писцовъ. Для посылокъ коммисаръ располагалъ 4 верховыми, а для карауловъ 4-мя пѣшими сторожами [2]). Не переставала, конечно, дѣйствовать и обывательская стража въ видѣ сотскихъ и десятскихъ. На коммисара возлагалась масса обязанностей: онъ долженъ былъ слѣдить за раскладкой и сборомъ податей, вести ревизскія сказки, отвращать побѣги, разбирать мелкія дѣла между обывателями и быть аппелляціонной инстанціей для дѣлъ, разбиравшихся въ атаманскихъ правленіяхъ, производить первоначальныя дознанія по уголовнымъ дѣламъ и отсылать арестантовъ въ судъ, смотрѣть, чтобы проходящія команды и проѣзжіе не обижали жителей, принуждать лѣнивыхъ къ работѣ, надѣлять безземельныхъ землею, смотрѣть, чтобы обыватели не закладывали вещей шинкарямъ, опекать сиротъ, искоренять безпаспортныхъ, слѣдить за пріѣзжими и прохожими, выдавать паспорты идущимъ на заработки, истреблять нищенство, искоренять воровъ и разбойниковъ, смотрѣть, чтобы обыватели проѣзжающимъ „являли пристойное благодѣяніе" и за продаваемые съѣстные и питейные припасы и другія вещи требовали настоящей цѣны безъ излишества. Коммисаръ обязанъ хранить у себя крѣпости на общественныя земли, смотрѣть, чтобы обыватели не занимали лишнихъ земель, предотвращать истребленіе лѣсовъ, принуждать нерадивыхъ всевозможными способами къ „домашней экономіи", дѣлить между жителями сѣнокосы и общія поля, пещись о народномъ продовольствіи, устраивать ремесленные цехи, разбирать дѣла по вексельнымъ претензіямъ, завѣдывать пожарною частью, слѣдить за чистотою городскихъ улицъ, за доброкачественностью съѣстныхъ продуктовъ, за правильностью мѣръ и вѣсовъ, за правильностью цѣнъ на продукты первой необходимости, за мостами, гатями, перевозами и непотребными женщинами, пещись о прекращеніи прилипчивыхъ болѣзней, принимать мѣры противъ распространенія эпизоотій, смотрѣть за приблуднымъ скотомъ [3]). Слѣдуетъ замѣтить, что въ

[1]) Харьк. истор. арх. Дѣла Харьк. Полк. Канц.

[2]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, II, стр. 317.

[3]) Тамъ же, стр. 296—316.

раіонъ вѣдѣнія Харьковскаго коммисара входилъ не одинъ Харьковъ, населеніе котораго въ пору существованія коммисарства превосходило 10 тыс. жителей (10.141 по свѣдѣніямъ 1773 г.), но и 55 селъ и деревень въ предѣлахъ уѣзда съ населеніемъ, считая вмѣстѣ съ Харьковомъ, 33.552 чел. [1]). Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ полиціймейстерскую должность въ Харьковѣ коммисаръ могъ отправлять дѣйствительно только „по способности“. Особенныхъ успѣховъ въ благоустройствѣ города при коммисарахъ мы не видимъ. Можно отмѣтить одно: харьковцы въ періодъ коммисарскаго управленія были больше „подтянуты“, чѣмъ въ предшествовавшее время. Виноваты въ этомъ были, впрочемъ, повидимому, не столько коммисары, сколько самъ губернаторъ Щербининъ. Коммисарами въ этотъ періодъ жизни Харькова были Шафоростовъ, Кашинцевъ и Бѣлозоръ [2]).

Съ учрежденіемъ въ Харьковѣ намѣстничества коммисары перестали существовать. На ихъ мѣсто явились городничіе, подъ командою которыхъ находилось два пристава съ квартальными и такъ называемая штатная рота подъ начальствомъ капитана. Въ то же время продолжала функціонировать и обывательская стража въ лицѣ сотскихъ и десятскихъ.

Городничій намѣстническаго времени—это уже не прежній козацкій урядникъ низшаго ранга, а настоящій административный чиновникъ, обыкновенно изъ военныхъ средняго, примѣрно капитанскаго чина. Должность его признавалась „отмѣнной“, ибо городничій „кромѣ градскаго, занимался и воинскимъ упражненіемъ“ въ качествѣ начальника штатной роты, и потому носилъ „на лѣвомъ боку апалету серебряную съ гербомъ г. Харькова“ [3]). Первымъ городничимъ новаго типа былъ въ Харьковѣ Квитка [4]), затѣмъ Максимъ Ковалевскій, на смѣну которому въ 1785 г. былъ назначенъ бывшій Салтовскій расправный судья титулярный совѣтникъ Солнцевъ [5]). Черезъ годъ на мѣстѣ городничаго мы находимъ капитана Звѣрева, а послѣ него Дерюгина, бывшаго передъ тѣмъ капитаномъ мѣстной штатной роты. Въ 1791 г. правящимъ городническую должность мы видимъ пристава уголовныхъ дѣлъ Кудрицкаго, а потомъ секундъ-маіора Закройщикова. Затѣмъ городническую должность нѣкоторое время исправлялъ капитанъ Христофоръ Рудольфъ, а послѣ него секундъ-маіоръ Мукаповъ и опять таки Закройщиковъ, замѣненный временно (въ 1795 г.) капитаномъ Экомъ. Въ 1799 г. городничимъ въ Харьковѣ былъ Александръ Мамышевъ, а послѣ него въ томъ же году должность городничаго исправлялъ Дм. Грековъ, затѣмъ опять капитанъ Рудольфъ, а въ 1800 г. Грековъ былъ уже не „исправляющимъ“, а настоящимъ городничимъ [6]). Такимъ образомъ городничіе въ Харьковѣ XVIII в. долго не уживались. По какимъ причинамъ мѣнялись они такъ часто,—не знаемъ, какъ не знаемъ и о тѣхъ „законопротивныхъ поступкахъ“, въ которыхъ нѣкоторые изъ нихъ обвинялись

Ближайшими помощниками городничаго были два пристава, подъ начальствомъ которыхъ находились квартальные. Городничему же была подчинена и такъ называемая штатная рота, комплектовавшаяся изъ негодныхъ къ строевой службѣ солдатъ. Такія роты имѣлись, впрочемъ, не въ одномъ Харьковѣ, но и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ. Главнымъ начальникомъ надъ ними былъ губернаторъ: онъ производилъ солдатъ въ чины, награждалъ, давалъ отставку. У роты былъ свой капитанъ и субалтернъ-офицеры. Находилась она въ распоряженіи городничаго: караулила арестантовъ и казначейство, употреблялась для посылокъ и разныхъ полицейскихъ надобностей.

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, II, стр. 319—324.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Прот. Губерн. Канц. 1771 г.
[3]) Арх. Харьк. Двор. Депут. Собр. 1783 г. № 2.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Харьк. Гор. Магист. 1781 г.
[5]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1785 г., № 1054.
[6]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Дѣла за разные годы XVIII ст.

По распоряженію Норова къ Харьковской штатной ротѣ было прикомандировано по одному солдату съ лошадью отъ уѣздныхъ городовъ, откуда имъ высылалось и содержаніе. Такимъ образомъ въ Харьковѣ завелись и полицейскіе драгуны. Нужно, впрочемъ, сказать, что штатная рота была полиціей плохой. На поведеніе ротныхъ солдатъ часто жаловалась сама же полиція, а губернаторамъ приходилось примѣнять къ нимъ суровыя мѣры взысканія. Вотъ, напримѣръ, два документа отъ 1791 г. „Посланъ былъ отъ меня,—пишетъ губернаторъ въ ордерѣ городничему—въ с. Ивановку къ колл. совѣтн. Ковалевскому здѣшней штатной роты Ив. Фоминъ, коего черезъ двое сутокъ наѣхавъ секретарь Полтавцевъ пьянаго, привезъ съ собою въ Харьковъ. Предписываю вашему высокоблагородію реченнаго солдата Фомина передъ ротою выбить нещадно палками и посадить въ тюрьму на двѣ недѣли, высылая ежедневно на работу. А какъ и отпускаемые съ колодниками солдаты часто примѣчаются пьяными, черезъ каковую слабость легко могутъ колодники чинить побѣги, то и за сіе имѣете строго и неопустительно взыскивать“. Чего опасался губернаторъ, то дѣйствительно и случилось. Въ томъ же 1791 г., благодаря плохому надзору, изъ тюрьмы убѣжало 4 арестанта. Солдатъ за это наказали батожьемъ, а ихъ начальнику, прапорщику Юрьеву сдѣлали выговоръ. Не лучше были подчасъ и ротные начальники. Вотъ другой ордеръ тому же городничему: „Харьковской штатной роты прапорщика Татаринова за слабое наблюденіе при здѣшней тюрьмѣ караула и за грубости его вамъ, яко начальнику его, оказанныя, имѣете посадить на хлѣбъ и воду на 2 недѣли, о чемъ и въ спискѣ его отмѣтить, когда же и за симъ не исправится—ко мнѣ рапортовать“ [1]). Почему штатная рота вызывала жалобы, это понятно: составлялась она изъ людей, отъ которыхъ старались избавиться полки, т. е. негодныхъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Впрочемъ негодными въ послѣднемъ смыслѣ оказывались иногда и полицейскіе чины повыше ротныхъ солдатъ. Въ 1794 году и. д. городничаго Рудольфъ жаловался на „законопротивные поступки“ пристава 2-й части, подпоручика Енохина: Енохинъ, если вѣрить Рудольфу, посылалъ ночью десятскихъ къ обывателю Пушкаренку воровать сѣно. Во время Успенской ярмарки 1794 г. Енохинъ ходилъ ночью съ дозоромъ, зашелъ къ шинкаркѣ Третьяковой и отнялъ у нея силою 5 руб., а когда на другой день шинкарка явилась къ городничему съ жалобой, сознался и отдалъ ей деньги. Городской голова Аникѣевъ заявилъ, что на съѣзжей у Енохина нашли нѣсколько колесъ, уворованныхъ десятскими у обывателей, а одинъ изъ десятскихъ показалъ, что приставъ эксплоатируетъ пожарныхъ лошадей въ свою пользу: посылаетъ ихъ для возки воды, которую и продаетъ по 4 коп. за бочку [2]). Бывали случаи, когда на „законопротивные поступки“ полиціи жаловались обыватели en masse. Въ 1794 г. общество войсковыхъ обывателей г. Харькова жаловалось директору экономіи Батеэатулу на „фартальныхъ приставовъ“, прапорщика Ускина и корнета Радовича: полагается имъ, войсковымъ обывателямъ, выставлять съ каждыхъ 15 дворовъ по 1 десятскому, и это даетъ поводъ „фартальнымъ“ устраиваться такъ, что нарядъ десятскихъ обращается „не къ общему благоустроенію и пользѣ, но единственно къ ихъ корысти и прихоти“. „Фартальные“ отбираютъ себѣ деньги, которыя обыватели собираютъ на наемъ десятскихъ, а десятскихъ нанимаютъ сами, часто требуютъ ихъ перемѣны, т. е. новаго сбора денегъ; не собираютъ обывателей каждаго десятка для разверстки, а сами опредѣляютъ, съ какого двора нужно брать, и тѣмъ приводятъ обывателей къ немалому въ домашней экономіи разоренію и истязанію; кромѣ казенныхъ надобностей, берутъ при посредствѣ десятскихъ съ обывателей подводы собственно для себя и употребляютъ десятскихъ и подводы для посылокъ въ лѣсъ за дровами и куда только ни угодно; десятскимъ заказываютъ давать обывательскія подводы для общественныхъ надобностей и слушать обще-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Кишенскаго.

[2]) Тамъ же. Дѣло 1794 г., № 3.

ственныхъ старость, подъ угрозой спустить имъ всю шкуру; „фартальный“ Радовичъ, „въ квартирѣ своей по невинности засаждая обывателей въ погребъ и содержа, моритъ голодомъ въ вящшее разореніе“. „И если,—заканчиваютъ свою жалобу обыватели,—и долѣе намъ отъ тѣхъ фартальныхъ таковыя несносныя притѣсненія чинены будутъ, то не только той десятской тяготы отвѣчать и въ платежѣ зависящихъ на насъ казенныхъ податей и прочихъ поборовъ окажемся не въ состояніи, но и дневного пропитанія лишимся и черезъ то придемъ въ всекрайнѣйшее убожество“ [1]).

Не рѣдки были жалобы на злоупотребленія полиціи и въ отношеніи распредѣленія постойной повинности. Объ этомъ мы будемъ, впрочемъ, имѣть еще случай говорить, а о томъ, какъ распоряжался городничій Грековъ съ таксою на жизненные продукты и фуражъ,—уже говорили.

На ряду съ городничимъ по закону полицейскія дѣла долженъ былъ вѣдать и Магистратъ, но въ чемъ выражалось это вѣдѣніе,—ни откуда не видно. Знаемъ только, что въ распоряженіи городничаго постоянно находились два магистратскихъ ратмана, которые и употреблялись имъ „по пристойности“. Касательство къ полицейскимъ дѣламъ имѣла и Дума: она дѣлала постановленія о тѣхъ или иныхъ сторонахъ городского благоустройства и отпускала съ согласія губернатора на это деньги, а чаще всего исполняла „повелѣнія“ губернатора или требованія полиціи, касающіяся этого предмета. Въ 1799 г. Дума, въ силу указа Сената о преобразованіи полиціи, принимала даже участіе въ обсужденіи будущаго полицейскаго устройства г. Харькова: она дѣлала расчисленіе, на сколько частей и кварталовъ слѣдуетъ раздѣлить Харьковъ, сколько въ каждой части и кварталѣ должно быть домовъ, много ли нужно ночныхъ сторожей, а также людей для посылокъ и т. п. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что предположенія Думы встрѣтили оппозицію со стороны губернатора [2]).

На помощь городничему съ его штатомъ полагалась обывательская полиція въ лицѣ десятскихъ и сотскихъ. Выборъ десятскихъ отъ горожанъ производился городскимъ обществомъ, при чемъ, повидимому, примѣнялись два способа несенія повинности: натуральный и денежный. Десятскіе выбирались долгое время только изъ купцовъ, цеховыхъ, мѣщанъ и войсковыхъ обывателей. На дворянъ, разночинцевъ и духовныхъ повинность эта не распространялась. Правда, въ 1788 г. городское общество, по предложенію Магистрата обсуждавшее вопросъ о несеніи полицейской повинности, сдѣлало постановленіе, что повинность эту долженъ отбывать всякій житель города, какого бы званія ни былъ, кромѣ духовенства [3]), но постановленіе это не исполнялось, ибо по городовой Жалованной грамотѣ благородные признавались свободными отъ личныхъ службъ. Уклонялись отъ несенія повинности и войсковые обыватели, слобожане, жившіе за Харьковомъ и за Лопанью, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не граждане Харькова [4]). Въ 1788 г. вопросъ объ отбываніи полицейской повинности слобожанами обсуждался совмѣстно Магистратомъ и Нижнею Расправою. Слобожане просили освободить ихъ не только отъ этой повинности, но и отъ всѣхъ вообще городскихъ тягостей. Прошеніе это не имѣло успѣха, и Норовъ заставилъ слобожанъ давать десятскихъ съ 15 дворовъ по одному. Въ 1793 г. войсковые обыватели обратились къ губернатору Кишенскому съ просьбой освободить ихъ отъ выставки десятскихъ, ибо живутъ они большею частью за городовою чертою, за р. Харьковомъ, на Довгалевкѣ, Панасовкѣ и Ивановкѣ. Освобожденія не послѣдовало, но за то слобожанамъ было объявлено, что, кромѣ полицейской, иныхъ городскихъ повинностей они нести уже не

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло 1794 г.
[2]) Арх. Харьк. Город. Думы. Вход. Думы 1799 г.
[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Рапорты Норову 1788 г.
[4]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. Думы 1788 г.

будутъ [1]). Что касается дворянъ, духовенства и разночинцевъ, то о привлеченіи ихъ къ полицейской повинности не разъ поднимался вопросъ въ Думѣ, но только въ 1792 г., по просьбѣ харьковскихъ купцовъ и другихъ горожанъ, послѣдовало разъясненіе Намѣстническаго Правленія въ томъ смыслѣ, что „не могутъ быть изъяты отъ исправленія городскихъ тягостей всѣ тѣ живущіе въ городѣ разночинцы, духовные люди и находящіеся при должностяхъ чины, кои выстроя особые домы, бани и лавки, отдаютъ оные въ наймы и пользуются прибыткомъ такъ, какъ и прочіе граждане". Въ виду этого велѣно было отъ всѣхъ такихъ привилегированныхъ домовладѣльцевъ и лавковладѣльцевъ брать десятскихъ и сотскихъ, какъ и отъ простыхъ горожанъ [2]).

Впрочемъ у харьковцевъ, не желавшихъ нести полицейской повинности, помимо законныхъ, были и другія средства уклониться отъ этой обязанности. Помогала имъ въ такихъ случаяхъ сама полиція, какъ это, напримѣръ, бывало при городничемъ Звѣревѣ, благодушно освобождавшемъ знакомыхъ ему горожанъ отъ одной изъ самыхъ непріятныхъ обязанностей харьковскаго гражданства [3]).

Нельзя сказать, чтобы полиціи въ Харьковѣ, принимая во вниманіе его тогдашніе размѣры и населеніе, было мало. Однако же въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII в. мы встрѣчаемся съ проектомъ увеличенія полицейскаго штата. Вѣроятно, вслѣдствіе представленія Черткова, 19-го мая 1788 г. былъ полученъ указъ, которымъ генералъ-губернатору предлагалось составить для Харькова и уѣздныхъ городовъ намѣстничества проектъ новаго штата полиціи. По проекту, сочиненному мѣстнымъ начальствомъ, въ Харьковѣ предлагалось учредить, по образцу столицъ, Управу Благочинія, предсѣдателемъ которой долженъ быть городничій въ чинѣ 8-го класса, а членами—приставъ уголовныхъ и приставъ гражданскихъ дѣлъ (въ чинѣ 9-го класса и съ жалованьемъ 250 р.) и два ратмана Городового Магистрата. Дѣлопроизводство поручалось протоколисту 13-го класса (съ жалованьемъ 120 руб.), подъ начальствомъ котораго состоитъ канцелярія (на нее расходъ исчислялся въ суммѣ 238 руб.). Городъ дѣлился на двѣ части, ввѣренныя частнымъ приставамъ изъ чиновъ 10-го класса съ жалованьемъ по 200 руб.. При каждой части полагалось по 2 городовыхъ сержанта съ жалованьемъ по 60 руб., брантмейстеръ съ жалованьемъ 100 руб. и канцелярія, расходъ на которую исчислялся въ 60 руб. При каждой части—воинская команда подъ начальствомъ подпоручика. Въ составъ ея входили: 1 сержантъ, 3 капрала и 28 рядовыхъ, въ томъ числѣ 8 конныхъ драгунъ и 1 барабанщикъ. На содержаніе ихъ, кромѣ аммуниціи, провіанта и фуража, назначалось 319 р. 88¼ коп. Части дѣлились на кварталы, которыхъ въ городѣ предполагалось устроить семь. Въ кварталѣ штатъ полиціи по проекту состоялъ изъ квартальнаго надзирателя 11-го класса съ жалованьемъ въ 150 р., квартальнаго поручика 12-го класса съ жалованьемъ 120 руб. и 8 ночныхъ сторожей. Изъ числа 1799 домовладѣній, бывшихъ въ тогдашнемъ Харьковѣ, на первую часть приходилось 900, а на вторую 899. Кварталовъ въ 1-й части было предположено 4, а во второй 3. На каждый кварталъ приходилось по 257 домовъ. Чертковъ находилъ, что это для штата квартальной полиціи будетъ не обременительно, тѣмъ паче, что дома принадлежали по большей части небогатымъ домовладѣльцамъ (хлѣбопашцамъ), разночинцамъ и церковнымъ причетникамъ и были не велики и „малолюдны". Вообще генералъ-губернаторъ считалъ бы возможнымъ даже сократить нѣсколько полицейскій штатъ противъ своихъ предположеній, но находилъ это неудобнымъ въ виду четырехъ „знатныхъ ярмарокъ, во время которыхъ по стеченію множества народа нужно строгое полицейское наблюденіе".

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Кишенскаго 1794 г.

[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. Думы 1792 г.

[3]) Тамъ же. Вход. Думы 1788 г.

При каждой полицейской части предположено было завести словесный судъ. Въ составъ его должны были входить по 2 судей и 2 выборныхъ, избираемыхъ мѣщанствомъ и купечествомъ ежегодно. Для того же словеснаго суда изъ гражданъ предполагалось выбирать на каждую часть по два присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтеля. На каждую часть полагался, кромѣ того, частный маклеръ, при Управѣ Благочинія предположенъ былъ „городовой маклеръ рабочихъ слугъ“ по опредѣленію Городового Магистрата изъ купцовъ или мѣщанъ [1]).

Управа благочинія въ Харьковѣ учреждена не была, и полиція продолжала оставаться такою же, какою была до 1788 г.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ XVIII в. Харьковская полиція представлялась въ слѣдующемъ видѣ: городничій, получавшій жалованье отъ казны въ размѣрѣ 300 рублей, 2 частныхъ пристава съ жалованьемъ по 200 руб., уплачиваемыхъ Магистратомъ изъ такъ называемой винной суммы, 6 квартальныхъ надзирателей, получавшихъ по 120 руб. изъ того же источника, письмоводитель и 2 канцелярскихъ служителя, содержимые частью на казенный (130 руб.), частью на городской (170 руб.) счетъ. Въ состоявшей при полиціи штатной ротѣ было 134 военныхъ чина, въ томъ числѣ одинъ капитанъ, одинъ поручикъ, одинъ подпоручикъ, три прапорщика, 10 унтеръ-офицеровъ, 116 рядовыхъ, два барабанщика и цирюльникъ [2]). На помощь полиціи городское населеніе выбирало 76 десятскихъ и сотскихъ, а въ качествѣ засѣдателей при полиціи состояло 2 ратмана [2]).

Вопросъ объ увеличеніи состава Харьковской полиціи былъ вновь поднятъ въ 1799 г, когда Сенатомъ былъ составленъ примѣрный штатъ полиціи въ губернскихъ городахъ. Вопросъ о подробностяхъ устройства полиціи былъ переданъ на обсужденіе Городскихъ Думъ и Магистратовъ. Предлагалось самимъ горожанамъ рѣшить: на сколько частей и кварталовъ слѣдуетъ раздѣлить городъ, сколько въ каждой части и кварталѣ должно быть домовъ, много ли нужно ночныхъ сторожей и служителей для посылокъ въ полицію и части и пр. Харьковская Дума вмѣстѣ съ Магистратомъ постановила: такъ какъ въ Харьковѣ 1111(?) дворовъ, а до сего времени городъ дѣлился на 2 части, то примѣняясь къ полицейскому уставу, слѣдуетъ и на будущее время оставить 2 части, причемъ на первую должно приходиться 542 двора, а остальные 569—на вторую; каждую часть раздѣлить на 2 квартала, такъ что въ первой части на кварталъ должно приходиться 271 дворъ, а во второй въ одномъ кварталѣ 285, а въ другомъ 284 двора. Двумъ частнымъ приставамъ опредѣлено жалованье по 200 руб. въ годъ, а четыремъ квартальнымъ—по 120 руб.; сторожей ночныхъ отъ города 70, а отъ слободъ 30. Пожарныхъ лошадей положено на двѣ части 10, на содержаніе ихъ 500 р. въ годъ. На канцелярскіе расходы полиціи 60 руб., на разные другіе расходы и починку пожарныхъ инструментовъ 480 руб., на освѣщеніе города въ темныя ночи 120 руб. Общій расходъ города на полицію, по смѣтѣ Думы и Магистрата, долженъ былъ такимъ образомъ составить 2040 рублей [3]).

Городское росписаніе не было одобрено. Думѣ и Магистрату дано было знать, что „положеніе, учиненное сею Думою о полицейскомъ штатѣ, за росписаніемъ, послѣдовавшимъ отъ его превосходительства (Сабурова), не можетъ существовать“. А по росписанію его превосходительства, вмѣсто двухъ частныхъ приставовъ назначено три, квартальныхъ не 4, а 6, пожарныхъ лошадей не 10, а 12, на полицейскіе расходы не 60, а 90, на освѣщеніе города не 120, а 700 руб., сторожей и сотскихъ не 70, а 100 [4]). Въ общемъ губернаторское росписаніе превы-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Вѣдом. штатовъ благочинія 1788 г.

[2]) Тамъ же. Вѣдом. Харьк. городн. 1800 г.

[3]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1800 г., кн. 3.

[4]) Личный составъ харьковской полиціи въ концѣ 1799 г. Частные пристава: подпоручикъ Вас. Гринченковъ, поручикъ Мазинъ, прапорщикъ Фонинъ. Квартальные надзиратели: прапорщики Шиловъ, Мухинъ, Бондаревъ, Насѣдкинъ и Голышевъ и коллежскій регистраторъ Свѣчинскій. (Арх. Харьк Гор. Думы. Вход. 1799 г.).

шало думскую смѣту на 840 руб., Дума, получивъ отъ Губернскаго Правленія такой „предлогъ“, отвѣтила въ томъ смыслѣ, что право, предоставленное ей Его Величествомъ, не можетъ быть отнято губернаторомъ, и рѣшила даже жаловаться. Но толку изъ этого, повидимому, не вышло никакого. Думское росписаніе осталось безъ дѣйствія [1]). Новые штаты были введены въ Харьковѣ не раньше конца 1800 г.

Однимъ изъ существенныхъ признаковъ благоустроенности каждаго населеннаго пункта является правильная постановка медицинской помощи. Посмотримъ же, какъ была организована эта помощь въ Харьковѣ. Со стороны центральнаго правительства заботы о здоровьѣ харьковцевъ проявляются уже въ XVII ст. Правда, эти заботы не имѣютъ въ виду организаціи медицинской помощи больному населенію, а только предупрежденіе занесенія въ Харьковъ разныхъ повѣтрій. Инструкція С. Дурново вмѣняетъ это въ обязанность Харьковскаго воеводы. Воевода долженъ не допускать въ городъ выходцевъ изъ Крыма и донскихъ станицъ: ихъ велѣно было распрашивать предварительно на отъѣзжихъ сторожахъ, нѣтъ ли въ краѣ, изъ котораго они явились, какого либо морового повѣтрія. Если повѣтріе есть, пришельцы распрашивались за заставами черезъ огонь, ихъ распросныя рѣчи записывались и переписывались, а сами пришельцы отсылались обратно: въ Харьковъ ихъ не пускали. Головамъ было вмѣнено въ непремѣнную обязанность глядѣть за тѣмъ, чтобы никто изъ такихъ пришельцевъ мимо заставы не пробрался въ городъ, чтобы никто изъ жителей ничего не покупалъ въ моровыхъ мѣстахъ и не привозилъ въ Харьковъ [2]).

XVIII вѣкъ оставилъ намъ цѣлый рядъ указовъ о „предосторожностяхъ противъ опасной болѣзни“. Болѣзни такія были не рѣдкость, особенно въ періоды войнъ на южныхъ границахъ государства. Такъ, Миниховскіе походы на Крымъ принесли въ Харьковъ страшную гостью—чуму. По выдержкамъ изъ фамильной лѣтописи Квитокъ, приводимымъ у преосвященнаго Филарета, болѣзнь началась въ августѣ 1738 г., затѣмъ продолжалась въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ. Въ Харьковѣ „з знатныхъ Іоаннъ, попъ Благовѣщенскій, Михаилъ Троицкій и купецъ Грунѣнъ зо всѣми змерли“. Особенно сильно „грясовала“ язва въ октябрѣ: „многіе домы до единой души вымерли, знатныхъ и худородныхъ“. „Въ октовріи воздухъ смрадный былъ и въ прочихъ мѣсецехъ“. Въ ноябрѣ болѣзнь сократила число своихъ жертвъ, а въ декабрѣ и совсѣмъ прекратилась“ [3]). Мѣры предосторожности, принимавшіяся въ такихъ случаяхъ, въ общемъ тѣ же, что и рекомендованныя въ инструкціи Дурново: тотъ же карантинъ, тоже сообщеніе черезъ огонь, новое—развѣ въ окуриваніи разными порошками людей, приходящихъ изъ неблагополучныхъ мѣстностей. Въ первую турецкую войну при Екатеринѣ, когда въ Кіевѣ и Нѣжинѣ проявилась „опасная болѣзнь“, въ Харьковѣ предписано было держать крѣпкую предосторожность: не пропускать проѣзжающихъ черезъ городъ и мимо его безъ надлежащаго осмотра „подъ опасеніемъ жестокаго истязанія“, купцовъ на Покровскую ярмарку не только изъ Малороссіи, но и изъ Великороссіи не пропускать, завалить всѣ улицы и переулки, ведущіе въ городъ, и поставить караулы, пріѣзжихъ брать въ карантинъ и подвергать окуриванію [4]). Въ 1772 году, по случаю появленія моровой язвы, народу читаются по церквамъ указы о „предосторожности противъ опасной болѣзни“, устраиваются караулы и заставы; городъ дѣлится на части, ввѣряемыя попеченію особыхъ надзирателей, обязанныхъ обходить дома и слѣдить за заболѣваніями; стѣсняется продажа пищи и продуктовъ проѣзжающимъ; изъ зараженныхъ мѣстъ запрещается проходъ и проѣздъ. Жителямъ запрещено было брать вещи послѣ

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1800 г., кн. 3.

[2]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы I, стр. 151.

[3]) Филаретъ. Отд. II, стр. 71.

[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло безъ №.

умершихъ; покойниковъ велѣно хоронить, не прикасаясь къ нимъ, въ глубокихъ ямахъ на отдѣльныхъ отъ жилья кладбищахъ; о товарахъ, привозимыхъ даже изъ благополучныхъ мѣстъ, требовалось свидѣтельство о ихъ безопасности, а подводчики подвергались 7-ми дневному карантину; товары изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ язва уже прекратилась, должны быть предварительно очищены и снабжены свидѣтельствомъ. Лица, ѣдущія или идущія изъ такихъ мѣстъ, обязаны были выдерживать предварительно 15-тидневный карантинъ на мѣстѣ отправленія и запасаться свидѣтельствомъ, иначе они подвергались 3-хъ недѣльному полному карантину. Харьковскому лѣкарю Гіорту было приказано надѣлать порошковъ и раздать жителямъ для окуриванья; кромѣ того, рецептъ порошковъ былъ сообщенъ самимъ жителямъ, чтобы желающіе могли и сами составлять ихъ. Ярмарки были запрещены, какъ и въ прошломъ 1771 году, „ибо лучше предпочесть цѣлость общества, нежели прибытки нѣкоторыхъ“. Въ виду возможности занесенія заразы черезъ почту, Харьковская почтовая станція была выведена изъ города и помѣщена внѣ жилья, а для надсмотра за нею былъ опредѣленъ фурьеръ гарнизоннаго батальона Писаревъ. Курьеры, посылаемые изъ Крыма въ Петербургъ, черезъ Харьковъ не пропускались, привезенныя ими депеши отбирались у нихъ на карантинѣ, окуривались, обрызгивались сильнымъ уксусомъ и послѣ этого передавались харьковскимъ курьерамъ для слѣдованія дальше. Какъ велики были заболѣванія въ Харьковѣ въ 1772 году, мы не знаемъ. Въ 1771 г. „опасная болѣзнь“ началась 2 ноября, а пресѣклась 18 декабря, умерли мужчина и женщина. Въ Мерефѣ и Тарановкѣ болѣзнь проявлялась сильнѣе. Въ Мерефѣ началась она 27 октября, а окончилась 7 декабря, при чемъ умершихъ было 10 мужчинъ и 17 женщинъ; въ Тарановкѣ началась 21 декабря 1771 г., а пресѣклась 2 января 1772 г., умершихъ было 5 мужчинъ и 4 женщины [1]).

Такъ бывало въ періоды эпидемій. Что же касается обыкновенныхъ болѣзней, не „повѣтрій“, то о нихъ заботились очень мало, предоставляя харьковцамъ лѣчиться, какъ и у кого сами знаютъ. Лечились либо средствами народной медицины, либо средствами, рекомендуемыми тогдашними лечебниками, которые въ то время были въ большомъ ходу, распространяясь преимущественно въ рукописныхъ спискахъ.

Первый настоящій медикъ, по имѣющимся у насъ даннымъ, появился въ Харьковѣ только въ 1739 г. 10 мая 1737 г. по представленію Медицинской Канцелярій подписанъ былъ Ея Величествомъ указъ, коимъ повелѣвалось въ Харьковѣ, Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ и Острогожскѣ для пользованія обывателей въ ихъ болѣзняхъ содержать лѣкарей съ жалованьемъ отъ ратушъ по 12 р. въ мѣсяцъ. Пока этотъ указъ осуществился, прошло болѣе 2-хъ лѣтъ. Только въ концѣ 1739 г. Коммиссія учрежденія слободскихъ полковъ назначила въ Харьковъ лѣкаремъ нѣкоего Іоганна Винклера. Винклеръ лѣчилъ харьковцевъ до 1747 г., когда умеръ. Послѣ Винклера опредѣленъ былъ лѣкаремъ нѣкій Синькъ (?), но въ противность указу 10 мая 1737 г. онъ былъ сдѣланъ однимъ лекаремъ на всѣ 5 слободскихъ полковъ. Жилъ онъ въ Ахтыркѣ, а потому для харьковцевъ, какъ заявляла Полковая Канцелярія фонъ Бисмарку, его назначеніе осталось „безъ всякаго плода, для того что такой обширной дистанціи, какая есть между слободскими полками, одной персонѣ обнять... невозможно“. „Оный лекарь Синькъ съ начала опредѣленія своего и по нынѣ въ Харьковскомъ полку не бывалъ, ни единаго человѣка не пользовалъ, а уповательно, что и въ другихъ слободскихъ полкахъ тожъ происходило“. А между тѣмъ Харьковскій полкъ, наравнѣ съ другими, платилъ Синьку жалованье и выдавалъ деньги на медикаменты“ [2]). Въ послѣдніе годы существованія Харьковскаго козачьяго полка

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло объ опасной болѣзни 1772 г.

[2]) Харьк. истор арх. Отд. I. № 440.

мы видимъ при немъ въ качествѣ полкового лѣкаря нѣкоего Гринепталя, который, между прочимъ, лѣчилъ и обывателей. Были врачи и при квартировавшихъ въ Харьковѣ регулярныхъ полкахъ, „но за безотсутственнымъ пользованіемъ полковыхъ служителей, на которыхъ и медикаменты отпускались, не имѣли времени лѣчить гражданъ, а инымъ даже и не велѣно". Передъ реформой 1765 г. мы застаемъ въ Харьковѣ городовымъ лѣкаремъ Игнатія Гагемана, опредѣленнаго на эту должность, вѣроятно, въ виду упомянутаго уже нами представленія Полковой Канцеляріи [1]). При обращеніи козацкихъ полковъ въ гусарскіе было велѣно „городовыхъ лѣкарей, которые въ слободскихъ полкахъ по указу 1733 г. нынѣ состоятъ, вмѣстить въ штатъ тамошнимъ гусарскихъ полковъ, а во время выступленія полковъ оставлять изъ каждаго для пользованія городовыхъ жителей изъ лучшихъ лѣкарей по одному, равно и медикаментовъ" [2]).

Въ 1767 г. „въ Харьковѣ и провинціяхъ ни докторовъ, ни медикаментовъ не имѣлось". Врачъ имѣлся при Харьковскомъ гусарскомъ полку, имѣлись и подлекари, но полкъ не всегда находился въ Харьковѣ, лекарь не могъ лечить харьковцевъ по дальности разстоянія и по недостатку времени, а на подлекаря, находившагося при оставляемомъ въ Харьковѣ эскадронѣ не всегда можно было положиться. А между тѣмъ Харьковъ тревожили не только обыкновенныя болѣзни, но и эпидеміи. Въ 1767 г. Губернская Канцелярія обратилась въ Медицинскую Коллегію съ просьбой назначить въ Харьковъ доктора и лекаря, на должности эти рекомендовали слободского дивизіоннаго доктора Детелеса и лекаря Харьковскаго гусарскаго полка Гринепталя, желавшихъ по старости лѣтъ перемѣнить „полевую службу" на болѣе спокойную. Вмѣстѣ съ тѣмъ Канцелярія просила и объ учрежденіи въ Харьковѣ аптеки или по крайней мѣрѣ аптекарскаго гезеля съ надлежащими матеріалами и инструментами, „безъ чего по причинѣ бываемыхъ здѣсь частыхъ болѣзней обойтись невозможно", если же этого нельзя, то хоть объ отпускѣ въ годъ лѣкарю 300—400 руб. на медикаменты. Для содержанія медицинскаго персонала по штатамъ новой губерніи суммъ не полагалось, купечества, на котораго, по примѣру другихъ городовъ, можно было бы взвалить содержаніе врача и аптеки, тоже не было, такъ что оставалось разсчитывать только на казенныя неокладныя суммы, изъ которыхъ Губернская Канцелярія предлагала платить доктору 600 р., лекарю и гезелю по 144 р. да на медикаменты—700 р. [3]). Отвѣтъ на это ходатайство получился неудовлетворительный. Въ 1768 г. Медицинская Коллегія сообщила Щербинину, что Ея Величество находитъ желательнымъ учрежденіе въ губерніяхъ аптекъ и докторовъ, но осуществить это можно бы въ томъ случаѣ, если бы на содержаніе губернскихъ докторовъ согласилось дворянство. Щербинину велѣно было представить объ этомъ свое мнѣніе и, если на дворянство надежды окажется мало, указать средства, изъ которыхъ могли бы содержаться аптеки и медицинскій персоналъ. По разсчету Медицинской Коллегіи, для устойства аптеки требовались: просторный домъ съ садомъ для аптечныхъ травъ, отъ 200 до 400 р. на посуду, отъ 200 до 250 р. на лабораторные инструменты и отъ 300 до 1000 р. на покупку лѣкарствъ, смотря по размѣрамъ аптеки. Содержаніе личнаго персонала Коллегія опредѣляла такъ: провинціальному аптекарю въ годъ отъ 300 до 400 р., провизору 250 р., гезелю отъ 120 до 160 р., ученику 36 р. и 2 работникамъ 18—24 р.; затѣмъ, на дрова, свѣчи, отопленіе и проч.—отъ 100 до 200 р. Содержаніе губернскаго доктора было опредѣлено Коллегіей въ 600 руб. при казенной квартирѣ, а лѣкаря—въ 180, тоже при квартирѣ.

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Журн. Губ. Канц. 1767 г.

[2]) Первое Полн. Собр. Зак. т. XVII, № 12397.

[3]) Харьк. истор. арх. Отд. VII, № 142.

Исполняя предложеніе Коллегіи, Щербининъ черезъ коммисара обратился къ дворянству, отставнымъ козацкимъ старшинамъ и „лучшимъ гражданамъ“ съ предложеніемъ взять на себя содержаніе медицинской части, „точію желающихъ къ тому не явилось“. Въ виду этого приходилось подумать о казенныхъ средствахъ, а значитъ и сократиться противъ плановъ Коллегіи. Щербининъ и Губернская Канцелярія находили, что въ Харьковѣ можно было бы имѣть только доктора и лѣкаря, въ завѣдываніи которыхъ могъ бы быть ящикъ съ лѣкарствами на 500 руб., затѣмъ двухъ учениковъ и одного работника. На первый годъ, когда приходилось обзаводиться лѣкарствами, посудой и инструментами, потребовался бы расходъ въ 1724 р., а въ послѣдующіе—содержаніе медицинскаго персонала и аптечныхъ принадлежностей обошлось бы уже въ 1494 руб.

Согласія на пользованіе казенными суммами, однако, не получалось, а между тѣмъ въ 1769 году Харьковъ рисковалъ лишиться и послѣдней врачебной помощи въ лицѣ лѣкаря Ивана Гіорта. Гіортъ находился лѣкаремъ при состоявшихъ въ командѣ Щербинина эскадронахъ слободскихъ гусарскихъ полковъ, но получилъ предписаніе о переводѣ во 2-й Фридрихсгамскій батальонъ. Такъ какъ кромѣ Гіорта въ Харьковѣ не было ни одного врача, то Щербининъ рѣшилъ не пускать Гіорта къ новому мѣсту службы, о чемъ и увѣдомилъ Медицинскую Коллегію. Рискъ остаться безъ врача, а также, вѣроятно, и убѣжденія Щербинина, заставили наконецъ и дворянъ разщедриться. 17-го февраля нѣсколько мѣстныхъ дворянъ, желая, чтобы въ Харьковѣ былъ городской лѣкарь и при немъ лѣкарства, рѣшили заключить, впредь до полученія резолюціи изъ Сената, договоръ съ Гіортомъ, которому обязались выдавать содержаніе „изъ собственнаго кошта“. Для этого бригадиръ Гриневъ обязывался давать „отъ своего дому“ 20 р., ту же сумму подписалъ и прокуроръ кн. Вяземскій, секундъ-маіоръ Петръ Щербининъ далъ 50 р., Надежда Ивановна Стремоухова—10 р., генералъ-маіоръ Мееръ—20 р., полковникъ Степанъ Тевяшевъ – 30 р., надворные совѣтники Ив. Пѣуновъ, Николай Выродовъ и маіоръ Ив. Ковалевскій—по 10 р., кн. Кантеміръ—40 р., губернаторъ Щербининъ—30 р., секретарь Андрей Портнягинъ и Алексѣй Володимировъ по 5 руб.[1]). Достойно примѣчанія, что лица, подписавшія договоръ съ Гіортомъ,—всѣ почти пришлые, явившіеся въ Харьковъ уже послѣ реформы. Изъ туземцевъ въ приглашеніи врача участвовали только Тевяшевъ и Ковалевскій. Это до извѣстной степени показываетъ, какъ мало въ сущности цѣнило туземное населеніе научную медицинскую помощь.

Постоянныхъ казенныхъ врачей и аптеки харьковцы дождались не скоро, а до тѣхъ поръ имъ приходилось довольствоваться услугами наѣзжихъ лекарей, присылавшихся сюда по случаю эпидемій. Такъ въ 1771 г. въ Слободскую губернію „для предосторожности опасной болѣзни въ Изюмской провинціи“ былъ присланъ нѣкій „штатъ-физикъ“ Крутъ, но оказалось, что по неумѣнію по россійски читать, писать и говорить, онъ не могъ ни лѣчить, ни давать необходимыхъ указаній, такъ что Губернская Канцелярія принуждена была просить Сенатъ убрать куда нибудь „штатъ-физика“, а вмѣсто него прислать другого доктора или хоть умѣющаго говорить и писать по русски лѣкаря и подлѣкаря[2]). Въ 1772 г. „штатъ-физика“ замѣнилъ докторъ Рожалинъ, но и онъ для Харькова былъ мало полезенъ, такъ какъ жилъ преимущественно въ Изюмской провинціи, гдѣ свирѣпствовала эпидемія. При Рожалинѣ былъ лѣкарь Смирницкій и подлѣкарь П. Афанасьевъ. Смирницкому и суждено было окончательно осѣсть въ Харьковѣ, когда здѣсь былъ наконецъ устроенъ постоянный казенный врачебный персоналъ. То, что не удалось Щербинину, удалось Румянцеву: по его представленію 3 іюня 1778 г. состоялся именной указъ объ опредѣленіи врачемъ въ Харьковъ находящагося тамъ отставного штабъ-лѣкаря

[1]) Харьк. истор. арх. Отд. VI, № 184.

[2]) Тамъ же. Отд. VII, № 311.

Смирницкаго и къ нему одного аптекарскаго гезеля, а въ провинціальные города—лѣкарей по выбору Румянцева [1]). Съ учрежденіемъ намѣстничества мы видимъ Смирницкаго „на докторскомъ мѣстѣ", лѣкаремъ—Ив. Романовскаго, а подлекаремъ—сержанта Колѣнкова. „На докторскомъ мѣстѣ" Смирницій оставался до 1788 года, когда за выходомъ его въ отставку докторомъ былъ назначенъ Іоганнъ Фридрихъ Кеппенъ, отецъ одного изъ первыхъ студентовъ Харьковскаго университета, впослѣдствіи академика Кеппена. Не смотря на то, что врачебный персоналъ представлялся теперь въ Харьковѣ уже тремя лицами (докторъ, лѣкарь и подлѣкарь), его все еще не хватало для нуждъ города и уѣзда. Въ 1791 г. докторъ Кеппенъ просилъ назначить двухъ лѣкарскихъ учениковъ изъ числа питомцевъ казенныхъ классовъ, „ибо въ здѣшнемъ городѣ по малоимѣнію лѣкарей общество нуждается во время приключающихся болѣзней въ пущеніи крови и другихъ потребностяхъ" [2]).

Первымъ гезелемъ, заведшимъ въ Харьковѣ казенную аптеку, былъ назначенный въ 1778 г. Иванъ Крестьяновичъ Лидерсъ, а въ 1780 г., когда Лидерсъ вышелъ въ отставку, на его мѣсто былъ назначенъ Медицинской Коллегіей Петръ Пискуновскій, бывшій до тѣхъ поръ гезелемъ Петербургской нижней аптеки [3]).

Съ открытіемъ намѣстничества появилась въ Харьковѣ и первая больница, доступная для лицъ всѣхъ классовъ и сословій. Это была больница Приказа Общественнаго Призрѣнія, состоявшая въ завѣдываніи Харьковскаго уѣзднаго врача. Къ концу столѣтія появилась больница и при тюрьмѣ, поставленная, правда, плохо, но все же существовавшая. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить военные лазареты, постоянные или временные, конечно, не доступные для горожанъ, но за то имѣвшіе для нихъ то значеніе, что они избавляли городъ отъ распространенія болѣзней, заносимыхъ квартировавшими военными чинами.

Еще болѣе врачебныхъ силъ оказалось въ Харьковѣ съ учрежденіемъ здѣсь въ 1796 г. Врачебной Управы. Врачебная Управа состояла изъ трехъ членовъ: инспектора, оператора и акушера. Ей подчинена была медицинская часть не только гражданскаго, но и военнаго вѣдомства. Ея члены обязаны были прежде всего „подавать страждущимъ помощь", а затѣмъ пещись о народномъ здравіи и сбереженіи скота, изслѣдовать мѣстныя причины болѣзней, бороться съ эпидеміями, наблюдать за санитарнымъ состояніемъ края и дѣлать губернскому начальству представленія объ устраненіи всего того, что вредно отражается на народномъ здравіи, а въ случаѣ игнорированья начальствомъ представленій Управы,—доводить объ этомъ до свѣдѣнія Медицинской Коллегіи [4]). Указомъ 1 апрѣля 1797 г. Управамъ, кромѣ того, было поручено слѣдить за состояніемъ больницъ разныхъ вѣдомствъ [5]).

Первымъ врачебнымъ инспекторомъ въ Харьковѣ былъ докторъ Миндереръ, по аттестаціи губернатора Теплова, „не свѣдущій приказнаго обряда, гражданскихъ законовъ и россійскаго языка". Акушеръ Еленскій, по той же аттестаціи, былъ чиновникъ, „имѣющій здѣсь (въ Харьковѣ) свойство и не знающій, сколь слышно отъ обывателей, своей должности, занимающійся сочиненіями и перепискими какъ съ начальствомъ, такъ и съ подчиненными". Губернаторъ жаловался, что Управа держала себя независимо; если одинъ изъ ея членовъ бывалъ въ отлучкѣ по казенной надобности, то другой, ссылаясь на необходимость присутствовать въ Управѣ, отказывался исполнять требованія губернатора, а между тѣмъ каждый имѣлъ практику какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ и на отлучку изъ города губернаторскаго позволенія не

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла 1778 г.
[2]) Тамъ же. Дѣла 1791 г., № 24.
[3]) Тамъ же. 1780 г., № 651.
[4]) I П. С. З. Т. XXIV, № 17743.
[5]) Тамъ же. № 17902.

просилъ; въ такихъ случаяхъ губернатору приходилось обращаться къ „вольноопредѣленному“ врачу и подлѣкарямъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, находившагося подъ его начальствомъ [1]). Дурные чиновники „не свѣдущіе приказнаго обряда“ и занимавшіеся „сочиненіями“, оказались для Харькова очень полезными уже тѣмъ, что обратили вниманіе на безобразное санитарное состояніе города и заставили кое-что сдѣлать для его улучшенія. Но зато почти никакихъ результатовъ не дали заботы Управы объ улучшеніи организаціи медицинской помощи. Больница Приказа Общественнаго Призрѣнія находилась подъ наблюденіемъ уѣзднаго врача, которому и безъ того было много дѣла по уѣзду, и больнымъ за отлучками врача часто приходилось оставаться безъ помощи. О такомъ положеніи дѣла Управа не замедлила донести Медицинской Коллегіи съ просьбой объ увеличеніи врачебнаго штата, но пользы отъ ея представленія не вышло. Коллегія не имѣла суммы на увеличеніе числа врачей при больницахъ Приказа, а предлагала обратиться съ представленіемъ объ этомъ въ мѣстное Губернское Правленіе. Не больше успѣха имѣла и просьба Управы о назначеніи особаго врача для тюремной больницы. На рапортъ Управы Тепловъ отвѣтилъ, что врача въ тюремную больницу онъ не опредѣлитъ, не имѣя особой на то суммы, „тѣмъ паче, что тюрьма не есть больница, въ которой бы всегда находились больные“. Управа съ цифрами въ рукахъ доказывала, что больные бываютъ въ тюрьмѣ постоянно, обращалась и къ тщеславію, и къ состраданію губернатора, указывая, что „злочастные сіи, бывъ лишены всякихъ принадлежностей, прямой человѣческой жизни свойственныхъ, страдаютъ большею частью болѣзнями тяжелыми“, но успѣха все таки не достигла [2]). Въ интересахъ справедливости слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что сдѣлать что нибудь для заключенныхъ было дѣйствительно трудно. Если вѣрить одному губернаторскому донесенію, на содержаніе всѣхъ остроговъ въ Слободско-Украинской губерніи отпускалось въ то время только 200 рублей [3]).

Обращено было Управою вниманіе и на мѣстную казенную аптеку. При ревизіи аптеки оказалось, что находившіяся въ ней лѣкарственныя растенія не имѣютъ надлежащей доброты и силы, такъ какъ собираются и сушатся не надлежащимъ образомъ. Дѣло объяснялось тѣмъ, что при аптекѣ не было мѣста ни для разведенія травъ, ни для сушенія ихъ. Управа обратилась къ губернатору съ просьбой дать не далеко отъ города, „способное мѣсто“ на которомъ можно было бы развести аптечный садъ и огородъ для лѣкарственныхъ растеній, а для сушенія ихъ—приказать устроить приличное строеніе [4]). Повидимому, результатовъ эта просьба также не имѣла.

Къ числу неудавшихся начинаній Управы принадлежитъ и мысль объ организаціи санитарной полиціи въ Харьковѣ. Имѣлось въ виду, если не удастся устроить спеціальную санитарную полицію, то по крайней мѣрѣ пользоваться существующей общей полиціей для санитарно-врачебныхъ цѣлей. Изъ объясненій губернатора Теплова Сенату видно, что Управа требовала прикомандировать къ ней полицейскаго офицера и нѣсколько десятскихъ. Губернаторъ счелъ это требованіе противнымъ порядку и не исполнилъ его. Изъ другихъ документовъ видно, что въ вопросахъ санитарныхъ и врачебныхъ полиція при Тепловѣ находилась по прежнему въ подчиненіи одному губернатору. Въ 1798 г., въ виду появившейся въ Новороссійской губерніи заразительной болѣзни, губернаторъ предписывалъ Харьковскому городничему „имѣть строгое наблюденіе и испытаніе безъ малѣйшей огласки о всѣхъ пріѣзжающихъ въ городъ людяхъ и

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло по репортамъ Слободско-Украинской Врач. Управы о разныхъ матеріяхъ. 1798 г., стр. 55—60.

[2]) Тамъ же. Рапорты Врачебн. Упр., № 36.

[3]) Тамъ же. Рапорты Теплова Сенату 1798 г.

[4]) Тамъ же. Дѣло по рапортамъ Врач. Управы о разныхъ матеріяхъ. 1798 г., № 34

на случай, если между ними окажутся больные, то, задержавъ, отвозить въ особо на то отведенную квартиру, освидѣтельствовать съ городовымъ врачемъ, и если найдутся на нихъ какіе признаки болѣзни, то поступать по силѣ инструкціи“ [1]). Врачебная Управа оказывалась такимъ образомъ ни при чемъ въ дѣлѣ, которое, казалось бы, ей надлежало вѣдать. И послѣ Теплова роль Врачебной Управы въ этой области не расширяется. Въ 1800 году въ Харьковѣ свирѣпствовала какая то болѣзнь. Въ началѣ января больныхъ въ день бывало не болѣе 10 человѣкъ, къ серединѣ мѣсяца 15, а къ концу 37; въ февралѣ были дни, когда число больныхъ ежедневно колебалось между 88 (къ концу мѣсяца) и 114. Для опредѣленія числа больныхъ по обывательскимъ дворамъ утромъ разсылались сотскіе, которые и наводили справки о выздоравливавшихъ и заболѣвавшихъ и рапортовали квартальнымъ, тѣ—приставамъ, пристава—городничему, а городничій—губернатору. Врачебной Управѣ предоставлялось только право забирать изъ полиціи справки о больныхъ [2]).

Гдѣ мало думали объ организаціи медицинской помощи для людей, тамъ еще меньше заботились о здоровьѣ животныхъ, хотя случаи падежа скота и отъ безкормицы, и отъ болѣзней были въ Харьковѣ далеко не рѣдки. Что дѣлалось въ такихъ случаяхъ въ козацкомъ Харьковѣ,—сказать не можемъ, что же касается пореформеннаго періода, то всѣ мѣры противъ падежа ограничивались изоляціей больного скота отъ здороваго. Когда губернаторъ Щербининъ въ одинъ изъ первыхъ годовъ своего управленія новой губерніей извѣстился, что у обывателей лошади болѣютъ отъ парши и коросты, онъ, какъ самъ заявлялъ въ своемъ ордерѣ, обратилъ на это обстоятельство вниманіе главнымъ образомъ потому, что въ селеніяхъ, гдѣ находились паршивыя лошади, стояли эскадроны гусарскаго полка, и губернаторъ боялся, чтобы зараза не перешла и къ „государственнымъ“ лошадямъ. Обывателямъ, подъ опасеніемъ штрафа, было приказано не выпускать больныхъ лошадей въ поле и наблюдать, чтобы онѣ со здоровыми лошадьми, а паче съ казенными, отнюдь сообщенія не имѣли. Безнадежныхъ лошадей велѣно пристрѣливать, а выздоровѣвшихъ представлять начальникамъ для освидѣтельствованія и только послѣ разрѣшенія начальства выпускать въ поле [3]). Въ 1799 г. на хуторѣ Чаплія (въ городскихъ дачахъ) въ одинъ день изъ 200 головъ овецъ пало 90 „отъ неизвѣстной причины“. Дѣло ограничилось тѣмъ, что жителямъ напомнили о необходимости беречь свой скотъ отъ заразы [4]). А въ это время въ Харьковѣ была уже Врачебная Управа, обязанная пещись о сбереженіи скота.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о способахъ сообщенія харьковцевъ съ остальнымъ міромъ,—о почтѣ. Почта въ Харьковѣ, есть основаніе думать, существовала уже въ Петровское время, но это не было еще учрежденіе, функціонирующее постоянно и правильно: и курьеры, и подводы наряжались отъ обывателей, когда того требовала казенная надобность. Первые указы о заведеніи въ Слободской Украинѣ „порядочныхъ“ почтъ относятся ко времени реформъ, заведенныхъ здѣсь Коммиссіею учрежденія Слободскихъ полковъ. Въ послѣдніе годы козацкаго строя въ Харьковѣ была уже и почтмейстерская контора. Повидимому, Харьковская почта служила въ это время только для казенныхъ надобностей: проѣзжающимъ давались лошади только по подорожнымъ, письма по почтѣ посылались только казенныя. Для обывательскихъ нуждъ почта стала приспособляться уже въ пореформенный періодъ. Въ 1765 г. Губернская Канцелярія спрашивала Сенатъ о томъ, какъ ей быть съ частными письмами, посылаемыми по почтѣ. По мнѣнію Канцеляріи, партикулярныя письма слѣдовало принимать къ отправкѣ съ плате-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1798 г., № 18.
[2]) Тамъ же. Дѣла 1800 г.
[3]) Харьк. истор. арх. Отд. VII, № 164.
[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла 1799 г., безъ №.

жомъ вѣсовыхъ денегъ по разсчету со 100 верстъ по деньгѣ, такъ что, напримѣръ, пересылка письма въ 1 золотникъ въ Москву стоила 4 коп., а въ Петербургъ—8 коп. Канцелярія доносила, что раньше письма были отправляемы безъ взиманія вѣсовыхъ, но отсюда только получались жалобы на утрату [1]). Изъ Харькова въ это время почта отправлялась два раза въ недѣлю, въ среду и въ субботу. Изъ Харькова почта отправлялась въ Бѣлгородъ въ 8 ч. утра, а на мѣсто приходила въ 8 ч. вечера. Изъ Харькова письма развозились въ Липцы, Мерефу, Ольшаную и Салтовъ, откуда и отправлялись по соотвѣтствующимъ трактамъ. Можно ли было пользоваться почтовыми лошадьми частнымъ лицамъ, видно изъ „Путешественныхъ записокъ“ академика Зуева, въ которыхъ упоминается, что частныя лица за поѣздку на почтовыхъ лошадяхъ платили двойные прогоны, но изъ тѣхъ же „Записокъ“ видно, что и съ казенной подорожной получить почтовыхъ лошадей бывало иногда не такъ то легко. Къ тому же и поѣздки на почтовыхъ стоили очень дорого. По разсчету, относящемуся къ 1792 г., поѣздка изъ Харькова въ Петербургъ на почтовой тройкѣ стоила 129 р. 81 к., а обратно 90 р. 60 коп. [2]). И это для лицъ, ѣхавшихъ по казеннымъ подорожнымъ.

Подводя итоги тому, что было сдѣлано по части благоустройства въ Харьковѣ въ первыя полтораста лѣтъ его существованія, видимъ, что они гораздо меньше, чѣмъ могли бы быть при другихъ условіяхъ. Черезъ всю исторію харьковскаго благоустройства красною нитью проходитъ принудительный характеръ мѣръ, принимавшихся въ этомъ направленіи. Тѣми сравнительно небольшими результатами, какіе были въ концѣ концовъ достигнуты, харьковцы обязаны не столько себѣ, сколько начальству. Начальство, можно сказать, создало харьковское благоустройство. И именно тѣмъ, что это благоустройство было въ большинствѣ не естественнымъ результатомъ сознанія самимъ населеніемъ его пользы, а искусственнымъ созданіемъ администраціи, не сообразованнымъ со средствами и понятіями населенія, объясняется и непрочность организаціи этого благоустройства, готоваго каждую минуту разсыпаться, какъ только на него не обращено бдительное око начальства. Культура, созданная угрозами „жестокаго истязанія“, не могла быть культурой прочной.

---

[1]) Перв. Пол. Собр. Зак., т. XVII, № 12539.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла 1792 г.

Видъ г. Харькова съ западной стороны 1787 года.

1 Харьковской коллегумской монастырь.
2. Гостинной дворъ.
3. Банковая контора.
4. Соборная церковь.
5. Губернской магистратъ.
6. Генералъ-губернаторскій домъ.
7. Губернаторскій домъ.
8. Казенная аптека.
9. Провіантской магазинъ.
10. Церковь Николая.
11. Церковь Рождества Христова.
12. Церковь Живоначальной Троицы.
13. Церковь Архангела Михаила.
14. Церковь Благовѣщенія.
15. Церковь Димитрія.
16. Тріумфальныя ворота.
17. Кладбищенская церковь.

Масштабъ — въ англійскомъ дюймѣ 20 верстъ.

5 10 15 20 40 80 верстъ.

Харьковъ. Литографія М. Зильберберга и С-вья, Рыбная — 70.

Глава 8-я.

Градостроительство.

Нѣтъ основаній полагать, чтобы первые поселенцы Харькова, прежде чѣмъ осѣсть на отведенномъ имъ судьбою мѣстѣ, получили отъ московскаго правительства планъ будущаго города съ указаніемъ на немъ будущихъ улицъ, церквей и общественныхъ зданій такъ, какъ получали 130 лѣтъ спустя екатеринославцы или херсонцы. Первымъ насельникамъ Харькова если и требовался для чего либо планъ, такъ только для городскихъ укрѣпленій, защищавшихъ ихъ первопачальное жилище. Весьма естественно, что ядромъ поселенія могла быть въ началѣ болѣе безопасная въ стратегическомъ отношеніи возвышенность между Харьковомъ и Лопанью, которую они назвали городомъ, окруживъ ее немудреными укрѣпленіями. Но какъ ни ничтожна была сравнительно съ нынѣшней цифра первыхъ харьковскихъ горожанъ, все же ихъ было слишкомъ много для того, чтобы помѣститься въ „городѣ“ съ необходимыми удобствами. Старые слобожане любили жить свободно не только въ переносномъ, но и въ прямомъ смыслѣ этого слова: не даромъ же шли они на слободы. Кромѣ просторнаго двора съ необходимыми хозяйственными постройками, хорошему хозяину требовалась и огородная земля, и широкая левада для конопли и сѣнокоса, а кому такъ и садовое мѣсто. Коли строили церковь, то отводили выгонъ не только подъ церковь и ограду, но и подъ мѣсто послѣдняго упокоенія будущихъ прихожанъ. Не удивительно поэтому, что почти одновременно съ „городомъ“ Харьковомъ появился и рядъ опоясывавшихъ городъ слободъ. Селились на Подолѣ, между пригоркомъ, на которомъ расположенъ городъ, и рѣкою Харьковомъ, селились и за рѣками, тамъ, гдѣ Харьковъ, Лопань и примыкавшія къ нимъ болота оставляли материковую землю, удобную для жилья. Судя по документамъ съ подписями духовенства харьковскихъ церквей, можно думать, что почти одновременно съ центромъ города началось заселеніе Подола, захарьковской и залопанской частей. Въ одномъ изъ документовъ 1659 г. находимъ указанія на существованіе въ Харьковѣ церквей: Успенской, Благовѣщенской и Троицкой [1]). На челобитьи харьковцевъ 1663 г. вмѣсто прихожанъ своихъ подписались: соборной церкви попъ Іеремій Рождественской—попъ Тимофей, Благовѣщенской—попъ Леонтій, Троицкой—попъ Іосифъ и Архангельской—попъ Василій [2]). Отсюда заключаемъ, что кромѣ соборнаго къ этому времени въ Харьковѣ существовали уже приходы Рождественскій и Благовѣщенскій за Лопанью, Троицкій на Подолѣ и Михайловскій—за Харьковомъ. Если еще для крѣпости могъ требоваться какой нибудь планъ, то онъ совершенно не былъ нуженъ для примыкавшихъ къ ней поселеній. Строились, какъ кому удобнѣе; не заботясь ни о правильности расположенія улицъ, ни о красотѣ зданій. Отъ 1768 г. до насъ дошелъ планъ Харькова такой, какимъ хотѣла его сдѣлать Екатерина. На этомъ планѣ, кромѣ предполагаемаго Харькова, нанесенъ былъ и Харьковъ дѣйствительный: рядъ ломанныхъ улицъ, тупиковъ, широкихъ пустырей между жильями, ни тѣни правильности, ни намека на симметрію. И это въ то время, когда въ городѣ уже нѣсколько десятилѣтій сидѣли и распоряжались генералы изъ нѣмцевъ и изъ русскихъ и регулярные штабъ и оберъ-офицеры, хорошо знавшіе толкъ въ планировкѣ. Въ

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Бѣлг. ст. Св. 52, л. 191—194.

[2]) Тамъ же. Бѣлгор. ст. Столбцы № 399.

XVII в., когда объ астролябіи въ Харьковѣ и слыхомъ не слыхали, Харьковъ не могъ быть распланированъ правильнѣе, чѣмъ въ XVIII в.

Каковы были харьковскія укрѣпленія, объ этомъ говорилось уже въ главѣ, посвященной топографіи города, что же касается собственно общественныхъ и частныхъ построекъ, то о нихъ наши источники почти умалчиваютъ. A priori, можно полагать, что старый Харьковъ былъ городомъ исключительно деревяннымъ и соломеннымъ. Камня вблизи города не было, камень не употреблялся даже для городскихъ укрѣпленій, тѣмъ болѣе не могъ онъ примѣняться при постройкѣ частныхъ домовъ. Матеріаломъ для крышъ служила, конечно, солома, а въ лучшихъ случаяхъ—гонтъ. Соломеннымъ и деревяннымъ былъ почти весь Харьковъ даже во вторую половину XVIII ст., какое же основаніе предполагать, что онъ былъ чѣмъ нибудь инымъ въ XVII в.?

Изъ общественныхъ сооруженій ранняго періода жизни Харькова наибольшее количество историческихъ данныхъ осталось о харьковскихъ церквахъ.

Древнѣйшею церковью въ предѣлахъ Харьковской крѣпости была Успенская. Преосвященный Филаретъ, основываясь на надписи на одномъ ихъ хранящихся въ ней евангелій, относилъ ея основаніе ко времени ранѣе 1659 г. Новѣйшій изслѣдователь судьбы Харьковскаго собора, протоіерей Т. И. Буткевичъ „склоненъ относить начало построенія въ Харьковѣ деревянной Успенской церкви если не къ половинѣ, то къ концу XVI вѣка“ [1]). Основаніемъ для такого предположенія послужили, впрочемъ, не фактическія данныя, а апріорныя, такъ сказать, соображенія. Авторъ знаетъ, что въ 60-хъ годахъ XVII в. Успенская церковь уже обветшала; думаетъ, что церковь эта была выстроена изъ дубоваго лѣса, а такъ какъ подобныя сооруженія могутъ существовать безъ особыхъ поврежденій 100 и болѣе лѣтъ, то и заключаетъ, что временемъ основанія церкви былъ XVI вѣкъ. Документальныя данныя говорятъ другое. Въ 1658 г. воевода Офросимовъ доносилъ въ Москву: „а въ Харьковскомъ, государь, твое царское богомолье построена соборная церковь Успенье Пресвятыя Богородицы краснаго и новаго лѣса, а лѣсъ, государь, на ту соборную церковь возили ратные люди въ прошломъ во 165 (1657) году при Воинѣ Селифонтову“ (первый Харьковскій воевода) [2]). Этимъ донесеніемъ вполнѣ точно опредѣляются какъ годъ постройки церкви, такъ и матеріалъ, изъ котораго она выстроена.

„Первоначальная деревянная церковь—говоритъ о. Буткевичъ—была построена не на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ кафедральный Успенскій соборъ, но къ югу отъ него саженей на 25 или 30, т. е. между теперешними университетскими клиниками и университетскою церковью. Еще въ концѣ XVIII. ст. здѣсь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ придѣлъ этой церкви, стояла деревянная „каплица“. Церковь эта была однопрестольная и холодная“. Размѣры ея были не велики: „межъ углы 4 сажень“. Кости, отрываемыя при земляныхъ работахъ вблизи церкви, даютъ основаніе предположить о существованіи здѣсь въ старыя времена кладбища.

Къ 1685 г. первый Харьковскій соборъ уже обветшалъ. Успѣвшіе къ этому времени прочно усѣсться на новыхъ мѣстахъ и болѣе или менѣе выгодно устроиться переселенцы нашли возможнымъ замѣнить его новымъ, уже каменнымъ. Новый соборъ былъ выстроенъ саженяхъ въ двадцати пяти къ сѣверу отъ стараго деревяннаго; строился онъ въ теченіе 1685—1687 гг. тщаніемъ Харьковскаго наказного полковника Авдія Григорьевича съ прихожанами, освященъ въ 1688 г. бѣлгородскимъ митрополитомъ Авраміемъ [3]). Новый соборъ имѣлъ крестообразную форму и увѣнчивался пятью главами, покрытъ былъ гонтомъ. Отдѣльно отъ него стояла каменная же колокольня, при ней двѣ „коморы“ и погребъ, отдававшійся въ наймы торговцамъ.

[1]) Истор.-статистич. описаніе Харьковскаго кафедр. Успенскаго собора, стр. 3.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола, № 399.

[3]) Филаретъ, отд. II, стр. 8 и 14.

Каменный соборъ просуществовалъ въ Харьковѣ почти полъ-столѣтія. 8 іюля 1733 г. громадный пожаръ, уничтожившій лучшую часть Харькова, оставилъ отъ собора и колокольни однѣ каменныя стѣны. Гонтовая крыша и вся внутренность собора выгорѣли почти безъ остатка. Въ слѣдующемъ году соборъ былъ возстановленъ, вмѣсто гонта крыша была покрыта „аглицкою жестью", кресты вызолочены. Стѣны остались старыя, но камень и известь, пережженные пожаромъ, а послѣ оставленные на жертву дождямъ, оказались непрочными. Стѣны скоро дали трещины, а къ 70-мъ годамъ XVIII в. совершать богослуженія въ соборѣ стало опаснымъ. Потребовался ужъ не ремонтъ, а полная замѣна старой церкви новою [1]).

Другою церковью въ предѣлахъ старой Харьковской крѣпости была Покровская. Была она каменная и освящена въ 1689 г. Бѣлгородскимъ митрополитомъ Авраміемъ. Въ 1726 г., при устройствѣ въ Харьковѣ коллегіума, церковь эта была обращена въ монастырскую, при чемъ подвергалась обновленію и перестройкѣ. [2])

Кромѣ соборной и Покровской, всѣ остальныя харьковскія церкви стояли уже внѣ черты городскихъ укрѣпленій. Возлѣ крѣпостной стѣны въ восточной ея части уже очень рано харьковцами была выстроена Николаевская церковь. Время постройки ея не извѣстно. Судя по надписямъ на извѣстной уже намъ челобитной, можно думать, что въ 1663 г. ея еще не было. Какъ и всѣ старѣйшія харьковскія церкви, была она деревянная. По преданію, записанному преосвященнымъ Филаретомъ, въ 1709 г. во время посѣщенія Харькова Петръ Великій слушалъ въ Николаевской церкви богослуженіе. Въ 1764 г. на мѣстѣ стараго деревяннаго храма заложенъ былъ каменный съ отдѣльно стоящей колокольней, существовавшій почти до нашихъ дней и только недавно замѣненный новымъ.

Еще раньше Николаевскаго возникъ Благовѣщенскій храмъ. Въ 1659 году онъ уже существовалъ. Это была небольшая деревянная церковка, самой простой малорусской архитектуры, въ томъ художественно-архитектурномъ типѣ, по которому въ то время обыкновенно строились деревянныя церкви въ Слободской Украйнѣ: однопрестольная, съ тремя главами, колокольня деревянная „рубленая", вокругъ церкви вмѣсто ограды простой „тынъ". Такою была она еще въ 1775 г., наканунѣ пожара, послѣ котораго была замѣнена каменною.

Основаніе Рождественской церкви преосвященный Филаретъ относитъ къ 1655 году, хотя документальныя данныя о ней, бывшія въ его распоряженіи, не идутъ дальше 1678 г., когда въ Харьковѣ существовала уже „братчина Рождества Христова". По подписи Рождественскаго попа Тимофея на извѣстной уже намъ челобитной 1663 г. съ полной достовѣрностью можно заключить, что Рождественская церковь въ это время уже существовала. Въ 1722 году старая Рождественская церковь была замѣнена новою „преизрядною", какъ называетъ ее фамильная лѣтопись Квитокъ. Послѣ 9-лѣтняго существованія „преизрядная церковь" „згорѣла". Въ 1732 г. начали собирать средства на постройку новой, а въ 1735 г. ее уже освятили. Просуществовала она почти полъ-вѣка, и только въ 80-хъ годахъ XVIII в. была замѣнена каменной.

За Лопанью же находилась и Дмитріевская церковь. По бывшимъ въ нашемъ распоряженіи источникамъ видно, что здѣсь было и кладбище для двухъ залопанскихъ приходовъ. Устройство церкви преосвященный Филаретъ также относитъ къ XVII в.: на основаніи приводимыхъ имъ данныхъ можно допустить, что въ 1689 г. Дмитріевская церковь уже существовала.

Къ первымъ же годамъ существованія Харькова относится и возникновеніе Троицкой церкви, находившейся въ мѣстности, извѣстной въ то время подъ именемъ посада или подола. „Начало ея существованія—говоритъ въ своихъ запискахъ объ этой церкви о. Николай Лащенко—опредѣляютъ слѣдующимъ фактомъ. Прихожане Троицкой церкви въ 1743 г. писали

[1]) Истор.-стат. описаніе Харьков. Успенск. собора, стр. 3—4.

[2]) П. Солнцевъ. Очеркъ исторіи Харьковск. коллегіума, стр. 4.

Бѣлгородскому митрополиту Антонію, что „въ прошлыхъ годахъ, лѣтъ тому з семдесятъ, служилъ въ Харьковѣ въ приходской нашей Троицкой церкви на посадѣ попъ Максимъ Симоновъ Крамаренко года три“. Слѣдовательно, Троицкій храмъ въ 1673 году уже существовалъ. Въ описаніи Харькова, составленномъ воеводою Сухотинымъ въ 1668 г., упоминается о Троицкихъ воротахъ. По всей вѣроятности это названіе они носили по имени уже существовавшей Троицкой церкви“. Назывались ли ворота Троицкими по Троицкой церкви, которая отъ нихъ во всякомъ случаѣ была не близко, или по висѣвшему на нихъ образу св. Троицы, мы не знаемъ, знаемъ только изъ документальныхъ данныхъ, приведенныхъ выше, что въ 1659 г. Троицкая церковь уже существовала, а нѣкоторыя соображенія заставляютъ насъ предполагать, что послѣ собора Троицкая церковь едва ли не была старѣйшею въ Харьковѣ. И въ самомъ дѣлѣ, Троицкая церковь стояла на Подолѣ, а Подолъ лежалъ почти у самой крѣпости и представлялъ, благодаря окружавшимъ его рѣкамъ, болѣе безопасное мѣсто для поселенія, нежели залопанская или захарьковская части города. Если эти части, какъ мы видѣли по датамъ построенія въ нихъ церквей, были заселены уже въ началѣ 60-хъ годовъ XVII в., то нѣтъ основаній допустить, чтобы первые вожаки переселенцевъ, пришедшихъ въ Харьковъ, могли не обратить прежде всего вниманія на такую безопасную, такую удобную для торговли часть города, какъ Подолъ. А разъ было поселеніе, могла быть и церковь. Первая Троицкая церковь, по словамъ о. Н. Лащенко, была деревянная съ однимъ престоломъ. Въ 1758 г. деревянный храмъ былъ замѣненъ каменнымъ, освященнымъ въ 1764 г. Строился онъ „з доброхотныхъ даяній присмотромъ іерея Бориса Янкевича“. Храмъ былъ небольшой съ тремя куполами. Храмъ главный именовался „большою церковью“, а придѣльный—„малою церковью“. Не отдѣленною отъ церкви была колокольня, на верху ея стоялъ шпицъ, а на немъ въ видѣ статуи изображеніе ангела съ трубою въ рукахъ. Церковь была выстроена не на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла деревянная, а вблизи ея; крыта она была дранью [1]).

Изъ захарьковскихъ церквей старѣйшею преосвященный Филаретъ считаетъ Вознесенскую церковь, построеніе которой онъ относитъ къ 1675 г., хотя документальныя свѣдѣнія о ней начинаются только въ 1687 г. Церковь эта въ 1733 г. была замѣнена новою, но тоже деревянною. Болѣе позднее происхожденіе онъ приписываетъ Михайловской церкви, которая, по его словамъ, въ 1711 г. еще строилась. Мы не располагаемъ данными судить о древности Вознесенской церкви, но знаемъ, что Михайловская (Архангельская) въ 1663 г. уже существовала. Въ 1711 г. она уже, очевидно, строилась вновь.

Что касается Воскресенской церкви, то врядъ ли можно согласиться съ преосвященнымъ Филаретомъ, относящимъ время ея основанія къ 1655 г. Статистика первоначальнаго населенія Харькова извѣстна намъ по отпискамъ первыхъ московскихъ воеводъ, и нѣтъ основанія думать, чтобы для небольшого сравнительно числа первыхъ поселенцевъ Харькова потребовалось сразу такъ много церквей. Къ тому же нынѣшній Воскресенскій приходъ представлялъ въ то время островъ, отрѣзанный отъ города рѣками Харьковомъ (старымъ его русломъ) и Нетечью, и селиться здѣсь врядъ ли было удобно. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что о Воскресенской церкви не упоминаетъ и челобитная 1663 г., что во всякомъ случаѣ не говоритъ въ пользу предположенія автора „Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи“. Когда впервые выстроена была Воскресенская церковь,—мы не знаемъ. Знаемъ только, что она помѣщалась не тамъ, гдѣ теперь, а саженей на 100 къ сѣверу, въ мѣстности нынѣшняго Престольнаго переулка. Близъ церкви находилось приходское кладбище, которое просуществовало до 1792 г., когда въ силу указа о перенесеніи кладбищъ внѣ черты городской

[1]) Рукопись о. Н. Лащенка: „Церковно-приходская лѣтопись Троицкой церкви г. Харькова“.

осѣдлости было закрыто. Въ 1742 г. рѣшено было выстроить новую церковь, такъ какъ прежняя „за давностью времени весьма обветшала, отчего службы Божіей въ ней служить не можно". Новая церковь была устроена тамъ же, гдѣ находилась и старая. По описи 1789 г., на которую ссылается свящ. І. Гораинъ въ своей брошюрѣ о Воскресенской церкви, это былъ храмъ трехглавый, имѣвшій крестообразную форму. Колокольня была деревянная, рубленая, крытая гонтомъ, и, какъ тогда водилось въ Малороссіи, стояла отъ церкви отдѣльно. На ней висѣли 6 колоколовъ, изъ которыхъ самый большой вѣсилъ 25 пуд. Церковь была обнесена деревяннымъ частоколомъ [1]). Этотъ деревянный храмъ просуществовалъ болѣе 50 лѣтъ и только въ концѣ XVIII в. былъ замѣненъ каменнымъ, выстроеннымъ уже на новомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ онъ стоитъ и нынѣ.

Кромѣ церквей, въ Харьковѣ въ первые же годы его существованія возникли и казенныя зданія. Къ числу послѣднихъ принадлежали: такъ называемый государевъ дворъ съ погребомъ для „зелья", приказная изба, ратуша, въ которой рѣшались полковыя и городскія дѣла [2]). Помѣщались они въ городѣ, т. е. въ той части Харькова, которая составляла собственно крѣпость. Позднѣе мы видимъ въ Харьковѣ полковую канцелярію, отъ которой въ концѣ 40-хъ годовъ XVIII в. отдѣляется особая „судейская контора", и канцеляріи двухъ сотенныхъ правленій [3]). Была, кромѣ того, особая таможня, просуществовавшая до 1753 г., когда по извѣстному Елизаветинскому указу внутреннія таможни были отмѣнены. Возлѣ таможни въ особомъ амбарѣ стояли полковые вѣсы, на которыхъ взвѣшивались товары во время торговъ и ярмарокъ. Въ послѣднія десятилѣтія козацкаго періода были въ Харьковѣ особыя зданія (двѣ избы), въ которыхъ помѣщались полиція, почтмейстерское правленіе и гауптвахта. Къ числу казенныхъ строеній нужно отнести и полковой пороховой погребъ, находившійся тоже въ крѣпости [4]). По приходамъ были дома „братерскіе", въ которые сходились для разныхъ совѣщаній приходскіе „братчики", „шпитали", призрѣвавшіе больныхъ и калѣкъ, и школы. Всѣ эти зданія были деревянныя, крытыя соломой и только въ рѣдкихъ случаяхъ гонтомъ. Архитектурой не отличались и лавки, которыхъ въ то время въ Харьковѣ было уже не мало. Это были простыя деревянныя „коморы", въ какихъ и по днесь производится торговля въ малорусскихъ селахъ. Въ первой половинѣ XVIII в. едва ли не лучшимъ въ Харьковѣ было зданіе Коллегіума, заведеннаго преосвященномъ Епифаніемъ Тихорскимъ. Для Коллегіума былъ купленъ за 500 руб. у полковника Лаврентія Шидловскаго двухъэтажный каменный домъ, тотъ самый, въ которомъ до послѣдняго времени помѣщалась Духовная Консисторія. Къ Коллегіуму была приписана и сосѣдняя Покровская церковь, обращенная при этомъ въ монастырь и перестроенная. Постройки и перестройки въ Коллегіумѣ и училищномъ монастырѣ продолжались и при преемникахъ преосвященнаго Епифанія. Въ 1732 г. напр. достраивалась коллегіумская церковь, проектировалась постройка каменной ограды и келій для монашествующихъ. Въ 1750 г. перестраивалось самое зданіе коллегіума [5]). При Коллегіумѣ былъ сиропитательный домъ для бѣднѣйшихъ учащихся.

Ко времени превращенія Харькова въ губернскій городъ итоги градостроительства козацкаго періода представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Каменными сооруженіями были: монастырь, Коллегіумъ, соборъ, и двѣ приходскихъ церкви, остальныя приходскія церкви были деревянныя. Дворовъ въ Харьковѣ считалось 897, изъ нихъ иные принадлежали даже „генералитету" (та-

[1]) І. Гораинъ. Харьковская Воскресенская церковь, стр. 5—6.
[2]) Д. И. Багалѣя Матеріалы, т. I, стр. 33.
[3]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 155.
[4]) Тамъ же.
[5]) А. С. Лебедевъ. Бѣлгородскіе архіереи, стр. 40, 88.

кихъ было 4), но каменнаго дома ни у кого не было. Лавокъ и прилавокъ въ Харьковѣ было 290, винныхъ погребовъ 7, шинковъ 156, винокурень 29—всѣ деревянныя [1]).

И по безпорядочному расположенію улицъ, и по постройкамъ козацкій Харьковъ мало напоминалъ городъ. Различіе между Харьковомъ и большимъ селомъ по внѣшности заключалось развѣ въ томъ, что центръ Харькова былъ окруженъ деревяннымъ частоколомъ, именуемымъ крѣпостью, но такой же точно частоколъ имѣлся и въ Ольшаной, и въ Мерефѣ, тоже именовавшихся крѣпостями. Двѣ каменныхъ церкви также мало давали Харькову правъ на титулъ города: каменная церковь была и въ Ольшаной и тоже именовалась соборомъ.

Съ назначеніемъ въ Харьковъ Щербинина съ властью губернатора, окончился для харьковцевъ періодъ вольнаго, такъ сказать, градостроительства, когда казенныхъ зданій въ городѣ почти не существовало, а частныя лица строились, кто какъ зналъ и гдѣ хотѣлъ, лишь бы не на чужой усадьбѣ. Новые порядки выразились въ распланировкѣ города, въ устройствѣ многихъ казенныхъ зданій и во вмѣшательствѣ губернской власти въ строительныя работы гражданъ, для которыхъ устанавливаются разныя предписанія и правила. Планъ города былъ утвержденъ по представленію Щербинина Екатериной въ 1768 г. Съ этого же года начались распоряженія и о разбивкѣ улицъ по этому плану. Лѣтомъ 1768 г. Щербининъ уже даетъ Губернской Канцеляріи предписаніе о расположеніи по плану улицъ, идущихъ отъ воротъ крѣпости. Архитектору Вальянову былъ посланъ указъ, чтобы онъ разрегулировалъ по плану идущія отъ крѣпости улицы и поставилъ, гдѣ нужно, вѣхи, а городскимъ жителямъ было объявлено, что лица, желающія строить новые дома или перестраивать старые, могутъ строиться по утвержденному плану, наблюденіе за выполненіемъ котораго возложено на мѣстную полицію въ лицѣ коммисара. Кварталы въ самой крѣпости велѣно было разбить по новому плану, застроить каменными зданіями, если только постройка таковыхъ не вызоветъ особеннаго обремененія для жителей; имѣющіяся здѣсь деревянныя постройки рѣшено по возможности уничтожать, не допуская до ветхости. Если чьи дворы понадобятся для казенныхъ или общественныхъ построекъ, то владѣльцамъ ихъ либо отводить иныя мѣста для поселенія, либо уплачивать стоимость отчуждаемаго у нихъ участка по вѣрной оцѣнкѣ. Каменныя лавки, принадлежавшія монастырю, и деревянныя келіи, стоявшія на томъ мѣстѣ, гдѣ по плану должна была проходить улица, велѣно было убрать къ тому времени, когда будетъ устроенъ положенный по плану Гостинный дворъ, при чемъ келіи перенесть въ монастырскую ограду, а лавки—въ Гостинный дворъ. Въ виду того, что въ Харьковѣ по причинѣ большихъ ярмарокъ одного Гостиннаго двора будетъ мало, предположено было построить деревянныя лавки и на площади [2]).

Разбивка города по плану, мало соотвѣтствовавшему дѣйствительному расположенію улицъ и построекъ, вызывала, конечно, не мало жалобъ и давала поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны лицъ, наблюдавшихъ за ней. Отставной сотникъ Пантелимоновъ „съ товарищи“ жаловался, что они по распоряженію Губернской Канцеляріи перенесли свои лавки въ показанное имъ мѣсто и оттого лишились покупателей, между тѣмъ какъ другіе торговцы, торгующіе тѣмъ же желѣзнымъ товаромъ, были оставлены на старомъ мѣстѣ и пользовались хорошимъ прибыткомъ. „Великороссійскіе купцы“ Андрей Аникѣевъ съ товарищами просили, чтобы ихъ не тревожили съ насиженныхъ мѣстъ, потому что они уплатили хозяевамъ своихъ лавокъ аренду за нѣсколько лѣтъ впередъ и теперь должны разориться [3]). Изъ прошенія подпоручика Черкеса видно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ обывателямъ не давалось ни отдыху, ни сроку: такъ Черкесу, въ виду того, что по плану на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась его

[1]) Д. И. Багалѣя Матеріалы, т. II, стр. 236—238.

[2]) Харьк. Ист. Арх. Отд. VII, № 614.

[3]) Тамъ же, № 333.

лавка, долженъ быть форштадтъ, приказано было въ три дня перенесть лавку на другое мѣсто [1]). Шинки разныхъ харьковскихъ обывателей, помѣщавшіеся близь собора, въ рядахъ, около Губернской Канцеляріи и порохового погреба и представлявшіе собою рядъ ветхихъ „коморъ", безобразившихъ своимъ видомъ лучшую часть города, въ 1772 г. было приказано сломать въ двухнедѣльный срокъ [2]). Харьковцамъ, при такой стремительности главнаго начальства, пришлось бы очень плохо, если бы младшіе чины администраціи, исполнявшіе приказы Щербинина и Губернской Канцеляріи, не были доступны жалобамъ и просьбамъ. Понимали ли эти чины, что жителямъ исполнять такіе приказы трудно, или ими руководили и другія соображенія, но во всякомъ случаѣ результатъ иной разъ получался такой, какъ если бы строгаго приказа и совсѣмъ не было.

Въ 1769 г. велѣно было снести желѣзныя и шинковыя лавки и „цилюрничьи избы", находившіяся за такъ называемыми Протопоповскими воротами, такъ какъ по плану здѣсь положено быть порожнему мѣсту. Однако спустя годъ оказалось, что „оныя лавки и цилюрьничьи избы и по нынѣ не снесены" [3]).

Въ 1776 году Губернская Канцелярія замѣтила, что не только многіе дома, но и въ городѣ въ рядахъ торговыя лавки перестроены и вновь выстроены на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ были и раньше, „изъ чего видно, что распоряженія о постройкѣ города по плану полиціей не соблюдаются". Въ виду этого было приказано: въ торговый день учинить съ барабаннымъ боемъ публикацію, чтобы никто, подъ страхомъ штрафа, не осмѣливался перестраивать и вновь строить дома и лавки не по плану, а если кому понадобится перестраивать или вновь строить, обращались бы за позволеніемъ въ Губернскую Канцелярію [4]).

Въ 1770 г. торговцамъ, лавки которыхъ находились въ крѣпости, было предложено по взаимному соглашенію построить по плану каменныя лавки вмѣсто деревянныхъ и объявлено, что имъ не будутъ больше давать разрѣшенія на исправленіе или перестройку деревянныхъ лавокъ. Желающимъ строить каменныя лавки предложено явиться въ Губернскую Канцелярію. Желающихъ не явилось, а между тѣмъ, по мнѣнію Губернской Канцеляріи, тѣ лавки, какъ стоящія внутри крѣпости, необходимо было сдѣлать по плану порядочно. Въ результатѣ новая публикація о скорѣйшемъ „соглашеніи" торговцевъ на постройку каменныхъ лавокъ непремѣнно съ лѣта 1777 г.; если же кто строить каменныя лавки не согласится и не начнетъ теперь же заготовлять припасовъ, то ихъ мѣста отдать другимъ подъ условіемъ возведенія требуемыхъ построекъ [5]).

Благодаря разбивкѣ города, многіе обыватели, усадьбы которыхъ отходили подъ площади и улицы, должны были выселяться съ насиженныхъ мѣстъ, другіе—терять часть усадьбы, уступаемой подъ улицу или переходившей во владѣніе сосѣда „для уравненія" участковъ. Все это вызывало споры, порождало недоразумѣнія и жалобы.

Большихъ успѣховъ въ правильной распланировкѣ Харькова и „регулярной" застройкѣ его обывателями начальству новой губерніи достигнуть все таки не удалось. Гораздо болѣе легкой представилась для него вторая часть его задачи—сооруженіе казенныхъ зданій для новыхъ учрежденій, явившихся въ Харьковѣ съ превращеніемъ его въ губернскій городъ. На первыхъ порахъ для помѣщенія губернатора былъ купленъ частный домъ внутри крѣпости у генералъ-аншефа графа Петра Антоновича Девіера, уступившаго его казнѣ послѣ долгаго торга

---

[1]) Харьк. Истор. Арх. Отд. VII, № 346.
[2]) Тамъ же, № 614.
[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Журн. Губ. Канц. 1770 г.
[4]) Харьк. Истор. Арх. Отд. VII, № 436.
[5]) Харьк. Истор. Арх. Отд. VII, № 436.

за 4000 р. Не смотря на увѣренія Девіера, что пристройки къ дому сдѣланы недавно и вообще домъ прочень, черезъ три года послѣ покупки, въ 1770 г., „во внутрѣ покоевъ была великая течь", такъ что пришлось устраивать новую крышу изъ гонта. Въ Девіеровскомъ домѣ и поселился первый губернаторъ новой губерніи въ ожиданіи постройки каменнаго губернаторскаго дома.

Повелѣніе о сооруженіи губернаторскаго дома дано было въ сентябрѣ 1766 г. Его велѣно было построить по тому же плану, какой былъ уже утвержденъ для Новгорода [1]). По недостатку въ крѣпости свободныхъ мѣстъ усадьбу для губернаторскаго дома пришлось пріобрѣсти покупкою отъ разныхъ, жившихъ здѣсь владѣльцевъ: отъ поручика Стремоухова, просившаго за свой дворъ 600 р., прапорщика Буцкаго (125 р.), президента Бѣлгородскаго Магистрата Гринина (500 р.), священника Базилевича (65 р.). Домъ и дворовое мѣсто графа Девіера, какъ мы уже знаемъ, стоили 4000 р. Въ общемъ покупка этого всего участка обошлась казнѣ въ 5040 р. Постройка началась уже въ 1767 г. Какъ видимъ изъ журналовъ Харьковской Губернской Канцеляріи, въ этомъ году архитекторомъ Вальяновымъ составлена была подробная смѣта, и началось пріобрѣтеніе нужныхъ матеріаловъ. Камень для фундамента ломался гдѣ то вблизи Харькова. Раннею весною послѣдовала закладка, такъ что въ 20-хъ числахъ апрѣля строительныя работы были уже на полномъ ходу. Наблюденіе за работами было поручено архитектору Вальянову и его ученику Ярославскому [2]). Строителями и поставщиками матеріаловъ были: секундъ-маіоръ Дунинъ, купецъ Аникѣевъ и помѣщикъ Щербининъ. Постройка затянулась, впрочемъ, на долго, и губернаторскій домъ былъ окончательно готовъ только въ 1777 г. Это было зданіе, служившее въ теченіе ряда лѣтъ лучшимъ украшеніемъ Харькова и являвшееся chef d'oeuvre'омъ казеннаго строительства. Зданіе это, занятое теперь университетскимъ Правленіемъ и квартирой попечителя учебнаго округа, подвергалось не разъ внутреннимъ передѣлкамъ и перестройкамъ, но внѣшняя его архитектура и до сихъ поръ уцѣлѣла почти въ неприкосновенномъ видѣ. Возлѣ губернаторскаго дома выстроены были два флигеля, тоже каменные, крытые желѣзомъ. Амбары и службы, помѣщавшіеся во дворѣ, были деревянные. Дворъ былъ обнесенъ каменной оградой. Постройка обошлась въ огромную по тому времени сумму 80.578 р. 63 к. Меблированъ былъ губернаторскій домъ съ неслыханнымъ въ тогдашнемъ Харьковѣ великолѣпіемъ. Кромѣ столовъ, шкафовъ и стульевъ, изъ Москвы были выписаны кресла, канапе, бюро, комоды, бильярдъ, столовые и стѣнные часы, зеркала, „паникадила", люстры, ломберные столики. Полъ былъ обитъ сукномъ, на окнахъ и дверяхъ висѣли тафтянныя гардины, а стѣны были раскрашены разными красками съ позолотой. Меблировка дома стоила 4502 р. 28 к. [3]).

Губернаторскій домъ былъ наилучшимъ изъ харьковскихъ казенныхъ сооруженій. Остальныя казенныя постройки были деревянныя, много попроще. Внутри крѣпости находилось деревянное зданіе Губернской Канцеляріи и отдѣльно особый деревянный домъ въ 3 комнаты для архива. Затѣмъ выстроенъ былъ цейхгаузъ, въ которомъ хранились пушки, пороховой погребъ, каменная кладовая для денежной казны. Для Харьковской полиціи (Коммиссарское Правленіе) имѣлся особый домъ въ 6 комнатъ. Затѣмъ выстроено было деревянное зданіе для такъ наз. „прибавочныхъ классовъ", заведенныхъ Щербининымъ при Коллегіумѣ. Съ учрежденіемъ въ

---

[1]) Въ описаніяхъ Харькова указывается обыкновенно, что губернаторскій домъ былъ сооруженъ по плану извѣстнаго въ свое время архитектора графа Растрелли На чемъ основано такое утвержденіе? По документамъ, бывшимъ въ нашемъ распоряженіи, участія Растрелли въ постройкѣ или въ составленіи плана совершенно не видно. Какое либо касательство Растрелли къ харьковскому губернаторскому дому можетъ быть доказано только тогда, когда будетъ выяснено, что именно ему принадлежалъ планъ губернаторскаго дома въ Новгородѣ.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Журн. Губ. Канц. 1767 г., Устиновъ, Путеводитель по Харькову, стр. 202.

[3]) Тамъ же. Дѣла 1783 г.

Харьковѣ казенной аптеки для нея былъ пріобрѣтенъ деревянный домъ за Лопанью. Произведены были кромѣ того, и кое какія починки въ старомъ, доставшемся еще отъ полкового начальства, зданіи тюрьмы. Выстроенъ былъ за р. Харьковомъ деревянный домъ для батальонной канцеляріи и едва ли не впервые сооруженъ деревянный мостъ на р. Харьковѣ (1770 г.) [1]).

Таковы были казенныя постройки губернаторскаго Харькова. Изъ общественныхъ сооруженій того времени слѣдуетъ отмѣтить новый Успенскій соборъ и каменный домъ для „бурсы“. Старое каменное зданіе собора было разобрано въ 1771 г., и тогда же начата постройка новаго, существующаго и въ настоящее время. Работа была начата съ капиталомъ 937 р., къ которому впослѣдствіи были прибавлены средства, собранныя „прохатырями“, и многочисленныя пожертвованія отъ разныхъ лицъ, но такъ какъ постройка была не казенная, то и не удивительно, что она обошлась сравнительно очень дешево. За разборку напр. иконостаса въ старой церкви было уплочено всего 20 коп., разборка каменныхъ стѣнъ обошлась только въ 300 руб., рвы для фундамента новаго собора вмѣстѣ съ вывозкой земли за городъ обошлись въ 17 р. 55 к. Ни плана, ни фасада для зданія—говоритъ протоіерей Буткевичъ—не было составлено: храмоздатели взяли за образецъ Московскій храмъ Св. Климента и по его плану начали строить свой новый соборъ—четырехугольный, о пяти главахъ и столькихъ же престолахъ. Въ четырехъ углахъ фундамента были положены огромные гранитные камни, привезенные изъ Бахмута. Для фундамента пошла значительная часть кирпича отъ разобранной старой церкви. Новый кирпичъ поставлялъ изъ своего завода соборный староста Грековъ, каменная кладка поручена была тульскому подрядчику Медвѣдеву. Постройка тянулась шесть лѣтъ. Въ 1778 г. былъ освященъ придѣлъ на хорахъ въ честь Казанской иконы Божьей Матери, въ 1779 былъ освященъ еще одинъ придѣлъ въ нижней церкви, а въ 1780 г., по случаю открытія намѣстничества, пришлось поторопиться и съ устройствомъ главнаго алтаря, который и былъ освященъ 27 сентября [2]).

Каменый „сиропитательный домъ“ при Коллегіумѣ, въ просторѣчіи бурса, возникъ благодаря заботамъ архіепископа Самуила Мислављскаго. При предмѣстникѣ преосвященнаго Самуила питомцы „сиропитательнаго дома“, въ числѣ 80 человѣкъ, помѣщались въ двухъ деревянныхъ избахъ, тѣсныхъ и ветхихъ. Самуилъ обратился къ своей паствѣ съ возваніемъ о пожертвованіяхъ и самъ первый подалъ примѣръ, пожертвовавъ на постройку 100 р. Собранныя деньги дали возможность выстроить для общежитія бѣдныхъ учениковъ Коллегіума большой каменный двухэтажный корпусъ. Начата была постройка въ 1770 г., а закончена въ 1773 г. [3]).

Ко времени открытія въ Харьковѣ намѣстничества результаты всей предыдущей дѣятельности по части казеннаго и частнаго градостроительства выразились въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ городѣ были: каменный училищный монастырь, при немъ каменное зданіе Коллегіума, семь деревянныхъ построекъ для монаховъ и каменный сиропитательный домъ, 6 каменныхъ церквей и 3 деревянныхъ, каменный губернаторскій домъ, 4 казенныхъ деревянныхъ дома (для „прибавочныхъ клановъ“, для Губернской Канцеляріи съ Вотчиннымъ Департаментомъ и Межевою Конторою, для Коммисарскаго Правленія и для аптеки). „Партикулярные“ дома были еще всѣ деревянные. Изъ нихъ генераламъ пренадлежало 2, штабъ и оберъ-офицерамъ по 8, унтеръ-офицерамъ 5, старшинамъ бывшей казачьей службы 13, подпрапорнымъ 3, приказнымъ служителямъ 48, купцамъ изъ разныхъ великороссійскихъ городовъ 42, иностранцамъ 16, духовенству 29 и войсковымъ обывателямъ 943 [4]).

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Журн. Губ. Канц. 1770 г., стр. 367.
[2]) Историко-статист. опис. Харьк. каф. Усп. соб., стр. 4—8.
[3]) Лебедевъ. Бѣлгородскіе архіереи, стр. 148, 169—171.
[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло объ описаніи Слободской губ. 1780 г. № 174.

Гораздо живѣе пошла строительная работа съ тѣхъ поръ, какъ было рѣшено сдѣлать Харьковъ намѣстническимъ городомъ. Въ Харьковѣ нужно было помѣстить всѣ тѣ присутственныя мѣста, какія полагались по Учрежденію о губерніяхъ 1775 г. Приходилось неизбѣжно начать постройку новыхъ зданій. Еще раньше открытія намѣстничества, въ 1779 г. былъ выдвинутъ вопросъ о постройкѣ новаго зданія для Губернской Канцеляріи взамѣнъ того деревяннаго дома, въ которомъ она помѣщалась при Щербининѣ. Губернаторъ Норовъ предлагалъ Румянцеву строить Губернскую Канцелярію съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ новомъ зданіи могли помѣститься всѣ присутственныя мѣста на тотъ случай, если Харьковъ будетъ обращенъ въ намѣстническій городъ. Зданіе для Губернской Канцеляріи предположено было двухэтажное, такъ, чтобы въ немъ, въ случаѣ надобности, могли быть расположены: въ верхнемъ этажѣ—Намѣстническое Правленіе, Палата Уголовнаго Суда, Палата Гражданскаго Суда, Казенная Палата, Совѣстный Судъ и Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Въ нижнемъ этажѣ предполагалось расположить: Верхнюю Расправу, Верхній Земскій Судъ, Губернскій Магистратъ, Уѣздный судъ и чертежную для землемѣра и архитектора, а архивъ – въ погребахъ. По разсчету Норова постройка должна была обойтись въ 37052 р. [1]). Въ распоряженіи казны въ то время имѣлось старое, уже обветшавшее деревянное зданіе Губернской Канцеляріи о 16 покояхъ, съ двумя комнатами для архива, съ цейхгаузомъ, занимавшимъ два чулана, и караульнею съ двумя комнатами. Послѣ разныхъ передѣлокъ въ этомъ зданіи могло помѣститься временно Намѣстническое Правленіе, Приказъ общественнаго призрѣнія и всѣ три Палаты, а въ помѣщеніи Коммисарскаго Правленія предположено было устроить Верхній Земскій Судъ. Предположенная каменная постройка для присутственныхъ мѣстъ не осуществилась. Въ январѣ 1780 г. отъ Румянцева было получено разрѣшеніе на постройку деревяннаго намѣстническаго зала и деревянныхъ же зданій для будущихъ присутственныхъ мѣстъ. Наблюденіе надъ постройками было поручено Сумскому воеводѣ, полковнику Пашкову, который вслѣдъ затѣмъ былъ сдѣланъ директоромъ экономіи въ новоучрежденномъ намѣстничествѣ. Ближайшимъ сотрудникомъ Пашкова явился бывшій ученикъ Вальянова Ярославскій, который уже въ 1776 г. сталъ архитекторомъ, а въ 1780, послѣ представленія Румянцеву, сдѣланъ штатнымъ архитекторомъ Харьковскаго намѣстничества. Ярославскому принадлежатъ едва ли не всѣ важнѣйшія казенныя сооруженія, произведенныя въ концѣ XVIII в., и не только въ Харьковѣ и въ уѣздахъ Харьковскаго намѣстничества [2]), но и въ другихъ городахъ, входившихъ въ то время въ составъ генералъ-губернаторства Румянцева; извѣстно, напр., что онъ строилъ ихъ и въ Курскомъ намѣстничествѣ, и въ Кіевскомъ, и въ Новгородѣ—Сѣверскомъ [3]). При открытіи намѣстничества въ Харьковѣ, Ярославскому пришлось строить присутственныя мѣста и намѣстническій залъ. Присутственныя мѣста строились, впрочемъ, безъ большихъ затѣй: были они деревянныя и состояли изъ пяти корпусовъ. Въ первомъ (изъ восьми комнатъ) помѣщалось Намѣстническое Правленіе, во второмъ, тоже изъ 8 комнатъ,—Казенная Палата, въ третьемъ, въ 15 комнатъ, Палаты Гражданская и Уголовная и Верхній Земскій Судъ, въ четвертомъ, изъ 11 комнатъ, Верхняя Расправа и часть Казенной Палаты; пятый, изъ восьми комнатъ, былъ, повидимому, одно время помѣщеніемъ для губернатора. Въ 1787 г. Намѣстническое Правленіе изъ перваго корпуса было переведено въ пятый, а первый корпусъ перевезенъ къ казенному дому, гдѣ жилъ правитель намѣстничества, обложенъ кирпичемъ и обращенъ въ службы. На мѣстѣ перваго корпуса устроенъ каменный домъ для Банковой Конторы. Всѣ пять корпусовъ присутственныхъ мѣстъ обошлись казнѣ въ 8289 р. 27 к. Кромѣ этихъ пяти корпусовъ, построенъ былъ новый домъ въ восемь комнатъ для помѣщенія въ немъ архивовъ всѣхъ при-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло о строеніи Губ. Канц.

[2]) Бабаевская церковь.

[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло Норова 1783 г., № 3.

сутственныхъ мѣстъ. Обошелся онъ казнѣ въ 808 р. 50 к. [1]). Зданія оказались не прочными. Черезъ 12 лѣтъ ихъ приходилось уже капитально перестраивать, безъ чего „дальнѣйшаго пребыванія въ нихъ имѣть было не можно“, ибо крыши пришли въ ветхость и требовали безотлагательной починки. Сенату дѣлались представленія объ ассигнованія денегъ на ремонтъ или же о продажѣ зданій на сносъ. [2]) Съ грѣхомъ пополамъ зданія присутственныхъ мѣстъ просуществовали до 1805 года, когда, послѣ перехода губернскихъ учрежденій въ новый корпусъ противъ собора, они были проданы на сломъ [3]).

Въ 1780 году началъ строиться и намѣстническій залъ. Часть отведеннаго подъ залъ мѣста принадлежала въ то время соборному священнику Андрею Прокоповичу, получившему за уступку своей усадьбы казнѣ усадебное мѣсто возлѣ Николаевской церкви, купленное у Квитки за 150 руб. Затѣмъ была отчуждена усадьба дѣвицы Дуниной, регистраторовъ Татаринова и Андрускаго и „овощный огородъ“ купца Юрія Анадольскаго. Изъ другихъ владѣльцевъ, усадьбы которыхъ отошли подъ смежныя съ „заломъ“ казенныя постройки, упомянемъ священника Базилевича, какого то Фоншанскаго и иконописца Прокопенко [4]). Отошедшіе подъ постройку намѣстническаго зала усадьбы были оцѣнены въ 1350 р. Закладка зала состоялась 30 мая 1780 г. съ особенной торжественностью: былъ крестный ходъ изъ собора, затѣмъ водосвятіе и наконецъ рѣчь знаменитаго тогдашняго харьковскаго духовнаго оратора, префекта Коллегіума Шванскаго [5]). Залъ былъ выстроенъ деревянный, а въ 1782 г. его обложили кирпичемъ. Въ 1785 г., когда губернаторскій домъ, построенный Щербининымъ, былъ превращенъ въ генералъ-губернаторскій, намѣстническій залъ былъ приспособленъ для квартиры правителю намѣстничества Норову. Къ залу была прибавлена каменная пристройка, вновь выстроены деревянныя службы для людей, конюшни и пр. Въ этомъ помѣщеніи и жилъ Норовъ до своей смерти. Залъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для собраній дворянства. Несмотря на то, что постройка была деревянная, залъ обошелся казнѣ въ 13850 р. 80 к., а на обложеніе его кирпичемъ и на приспособленіе его подъ квартиру правителю намѣстничества потребовалось еще 12725 р. 41 к., такъ что въ итогѣ это не прочное сооруженіе обошлось казнѣ въ 26376 р. 21 к.,—сумма по тому времени очень крупная. Съ 1792 г. намѣстническій залъ былъ отданъ подъ квартиру вице-губернатору [6]).

Къ открытію намѣстничества губернаторскій домъ и присутственныя мѣста были убраны внутри съ большимъ великолѣпіемъ. Въ намѣстническомъ (губернаторскомъ) домѣ стѣны и мебель въ первой гостинной были обиты малиновымъ штофомъ, занавѣски малиновыя тафтяныя, въ спальнѣ стѣны и мебель были обиты зеленымъ штофомъ, а занавѣски—тафтяныя, въ кабинетѣ—обои полушелковые, зеленые съ бѣлымъ, такія же и занавѣски, въ другой гостинной обои были полушелковыя—голубыя съ бѣлымъ и такого же цвѣта тафтянныя занавѣси на окнахъ. Остальныя комнаты были обиты бумажными обоями разныхъ сортовъ. Стѣны украшены большими зеркалами въ золоченыхъ рамахъ (такихъ было 6) и краснаго дерева (тоже 6). Столы для картъ были настоящаго краснаго дерева, нѣкоторые накладные, было нѣсколько столовъ алебастровыхъ „на подобіе мраморныхъ“, съ рѣзными золочеными ножками. Въ намѣстническихъ покояхъ было трое массивныхъ англійскихъ стѣнныхъ часовъ; освѣщались комнаты большими фонарями и цѣнными стѣнными позолоченными подсвѣчниками. Мебели въ намѣстническомъ домѣ было очень много: 68 креселъ, 5 канапе и 481 стулъ съ кожанными подушками.

[1]) Арх. Харьк Губ. Правл. Вѣдом. о казен. строеніи
[2]) Тамъ же. Дѣло 1794 г., № 47.
[3]) Тамъ же. Пространный реестръ Канц Губернатора 1805 г.
[4]) Тамъ же. Дѣло 1785—1786 г., № 166.
[5]) Тамъ же. Представленіе Норова Румянцеву 1780 г.
[6]) Тамъ же. 1792 г., № 47.

Главнымъ украшеніемъ намѣстническаго дома былъ „тронный залъ“. Здѣсь подъ балдахиномъ съ малиновыми бархатными занавѣсями, покрытыми золотымъ газомъ стоялъ Императорскій тронъ—кресло, обитое бархатомъ съ такою же подушкою и газомъ, стѣна около трона обита была тѣмъ же бархатомъ и газомъ. Возлѣ трона, помѣщалось кресла для намѣстника и столикъ, покрытый малиновымъ бархатомъ съ золотою бахромою, на которомъ въ богатомъ переплетѣ лежало Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. [1]).

Харьковское намѣстничество было открыто, новыя присутственныя мѣста были размѣщены въ выстроенныхъ для нихъ деревянныхъ корпусахъ, но это не прекратило казеннаго строительства въ Харьковѣ. Въ послѣдующіе годы оно продолжалось съ особенной энергіей. Въ 1781 г. въ Харьковѣ началъ строиться новый острогъ съ рабочимъ домомъ. Находился онъ тамъ, гдѣ теперь кирха. Зданіе было деревянное въ 2 этажа, заключало въ себѣ 12 камеръ. Закончено оно было въ 1782 г. и обошлось казнѣ 2871 р. 73½ коп. [2]). Въ 1782 г. былъ выстроенъ Казенной Палатой соляной магазинъ. Магазинъ былъ деревянный, постройка его стоила 547 р. 9 к. Въ 1783 г. пріобрѣтенъ каменный двухэтажный домъ и для „Почтмейстерскаго Правленія“. Домъ находился возлѣ нынѣшняго „каменнаго столба“. Купленъ онъ былъ за 7500 р., а службы съ каменною оградою около двора обошлись казнѣ въ 990 р. Въ томъ же 1783 г. начались приготовленія къ постройкѣ дома для Банковой Конторы. До тѣхъ поръ Контора помѣщалась на квартирѣ въ домѣ подпоручика Моренка (въ Захарьковской слободѣ), а ея денежный погребъ въ городѣ, на разстояніи почти двухъ верстъ отъ мѣстонахожденія конторы. Мѣсто для новаго зданія было выбрано сѣвернѣе Гостиннаго двора, тамъ, гдѣ теперь Суздальскій рядъ Пащенко-Трянкина, т. е. возлѣ деревянныхъ корпусовъ тогдашнихъ присутственныхъ мѣстъ. Домъ строили извѣстные въ то время въ Харьковѣ подрядчики по строительной части, елецкіе купцы, Чеботаревы, а планъ составлялъ тотъ же Ярославскій. 22 мая 1784 г. былъ заключенъ контрактъ съ Чеботаревыми, а 15 сентября 1786 г. зданіе было окончательно готово. Представляло оно собою каменный, двухэтажный, крытый желѣзомъ домъ, длиною въ 13, шириною въ 6 саж., высотою въ 13½ арш. Въ первомъ этажѣ его помѣщались: счетная, караульная и банковая кладовая, а во второмъ—присутственныя комнаты для счетчиковъ, двѣ для банковой конторы и одна для присяжныхъ. Во дворѣ построено было два двухъэтажныхъ флигеля подъ желѣзной крышей. Дворъ былъ обнесенъ каменной оградой съ двумя воротами,—одни настоящіе, другіе—фальшивые. По примѣрной смѣтѣ архитектора Ярославскаго, все зданіе должно было стоить 14552 р. 20 к., но въ дѣйствительности почему то обошлось много дешевле (9840 р.) [3]).

Банкъ въ Харьковѣ просуществовалъ, впрочемъ, не долго. Указомъ 13 февраля 1788 г. было повелѣно оставить банковскія конторы, открытыя раньше во всѣхъ намѣстничествахъ, только въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Орлѣ, Херсонѣ, Вышнемъ Волочкѣ и въ Архангельскѣ, въ прочихъ же городахъ закрыть, а дома, занимаемые конторами, продать. За уничтоженіемъ конторы въ Харьковѣ, зданіе ея было продано купцу Карпову [4]).

Одновременно съ банкомъ строился коммиссіей по продовольствію войскъ 2-й дивизіи и военный хлѣбный магазинъ. Вначалѣ предполагалось выстроить его за р. Нетечью „на пустомъ песчаномъ мѣстѣ“, но на это песчаное мѣсто предъявилъ притязаніе владѣлецъ Основы, помѣщикъ Квитка, да и само провіантское вѣдомство нашло его неудобнымъ. Въ концѣ концовъ хлѣбный магазинъ рѣшили выстроить возлѣ новаго зданія острога. Это было каменное зданіе

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1780 г., № 608.

[2]) Тамъ же. 1794 г. Дѣла Кишенскаго, № 229.

[3]) Тамъ же. Дѣло о постройкѣ Банковской Конторы и хлѣбнаго магазина 1784—1786 г., № 112.

[4]) Тамъ же. Опись построеннаго въ Харьковѣ для Банковой Конторы дому и о закрытіи конторы. 1788 г., № 164.

въ 2 этажа, смѣта на которое была опредѣлена отъ 26650 до 32845 р. Зданіе это существуетъ и по днесь, являя собой рѣдкій примѣръ добросовѣстнаго строительства, въ сооруженіяхъ того времени наблюдаемаго отнюдь не часто [1]).

Провіантскій магазинъ.

Къ числу крупныхъ построекъ, задуманныхъ и осуществленныхъ въ тѣ же первые годы существованія намѣстничества, нужно отнести и каменный мостъ на Лопани. Въ началѣ 1782 г. его предполагали сдѣлать, какъ всегда, деревяннымъ. По смѣтѣ, составленной губернскимъ механикомъ Захаржевскимъ, онъ долженъ былъ бы обойтись въ 4102 р. Въ прежнее время постройка моста лежала на обязанности всѣхъ казенныхъ обывателей Харьковскаго округа. Теперь Чертковъ задумалъ привлечь къ дѣлу и дворянство, къ которому и обратился съ просьбой о помощи обывателямъ. Дворяне отвѣтили согласіемъ вмѣсто требуемаго отъ нихъ лѣсного матеріала внести деньгами 1337 р. 50 к. съ тѣмъ условіемъ, чтобы къ расходамъ по устройству моста были привлечены и разночинцы, „которые такъ же, какъ и дворяне, всякими выгодами пользуются и имѣютъ у себя подданныхъ“. Разночинцы согласились, согласилось „по многимъ наклоненіямъ“ и купечество дать 50 р. Обѣщанная сословіями сумма все таки не была достаточна для производства постройки, къ тому же дворянское пожертвованіе, какъ не безъ основанія увѣрялъ Норовъ, было очень не надежнымъ, а Казенная Палата не считала возможнымъ отпускъ недостающей суммы изъ казенныхъ средствъ безъ разрѣшенія Сената. А между тѣмъ Лопанскій мостъ въ такую пришелъ ветхость, „что не только проѣзжающимъ чрезъ оный, но даже и проходящимъ не малую наводилъ опасность“. Конецъ этому былъ положенъ ордеромъ Черткова, рѣшившаго по справкѣ съ разными указами и недавнимъ постановленіемъ Сената, что мостъ долженъ быть выстроенъ на средства самихъ же харьковцевъ (которымъ, впрочемъ, могутъ помочь и помѣщики, если пожелаютъ), и что онъ долженъ быть каменнымъ. По смѣтѣ механика Захаржевскаго мостъ долженъ былъ обойтись въ 3423 руб., т. е. дешевле предположеннаго раньше деревяннаго. Нужно, впрочемъ, сказать, что камня на новый мостъ требовалось мало—только 50 саженей подъ фундаментъ, стѣны моста были кирпичныя, причемъ на

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1788 г. № 164.

кладку ихъ было назначено не болѣе 250 тысячъ кирпича, связнаго желѣза пошло 150 пуд., да полоснаго 50 п. Главную роль играло все таки дерево. Постройку моста было велѣно начать непремѣнно съ весны 1783 г. и окончить въ теченіе лѣта. Постройка была поручена механику Захаржевскому, для помощи которому было назначено нѣсколько человѣкъ изъ купцовъ, мѣщанъ и войсковыхъ обывателей [1]). Камень для фундамента доставлялся изъ Каменной Яруги, а для обкладки береговъ—изъ разрушавшагося вала бывшей Салтовской крѣпости. Деньги, пожертвованныя дворянами, не были собраны. Вмѣсто нихъ выдана запмообразно изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія соотвѣтствующая сумма, а недостающія позаимствованы изъ городской „винной суммы“. Выстроить въ одно лѣто мостъ такъ и не удалось. Осенью постройку пришлось пріостановить, хотя движеніе по мосту было уже возможно [2]).

Новое сооруженіе оказалось, однако, не прочнымъ. Весною 1785 г. мостъ еще не былъ готовъ, а уже полая вода обрушила его своды и унесла правую стѣну [3]). Въ 1786 г. мостъ представлялъ собою развалину, возлѣ которой перекинуты были два малыхъ деревянныхъ моста, но и тѣ были испорчены полою водою, такъ что „прохожіе, а паче проѣзжающіе претерпѣвали не малую тяготу“. Ко времени пріѣзда Екатерины въ Харьковъ каменный мостъ энергично чинился, а берегъ укрѣплялся сваями и камнемъ [3]).

Въ 1790 году по осмотру новаго губернатора Кишенскаго мостъ оказался совсѣмъ безнадежнымъ, несмотря на то, что на его постройку и починки было затрачено болѣе 20 тыс. казенныхъ и общественныхъ денегъ. Кишенскій предлагалъ тогдашнему Харьковскому намѣстнику кн. Потемкину, воспользовавшись остатками каменнаго моста, перекинуть черезъ нихъ деревянный мостъ. Такъ и сдѣлали [4]).

Одновременно съ Лопанскимъ было предположено соорудить каменный мостъ и на р. Харьковѣ. Архитекторомъ Ярославскимъ уже составлена была и смѣта для этого сооруженія, отданы приказы о приготовленіи лѣса и камня и объ укрѣпленіи береговъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы постройку можно было начать съ весны 1784 г. Но въ 1784 г. по представленію Норова работы рѣшено было отложить, а потомъ онѣ и совсѣмъ не состоялись [5]). Въ 1787 г. на Харьковѣ строится уже простой деревянный мостъ подъ наблюденіемъ городового старосты Ченцова и мѣщанина Янковскаго [6]).

Къ числу крупныхъ построекъ тѣхъ же первыхъ лѣтъ намѣстническаго періода относится устройство каменнаго Гостиннаго двора, расположеннаго на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ помѣщается и теперь. Постройка его была частнымъ дѣломъ, но, какъ свидѣтельствуютъ документы, не обошлась безъ энергичнаго понужденія со стороны властей. Лавки здѣсь (между ними и дворовыя мѣста) существовали и раньше, но онѣ были деревянныя. Губернское начальство и при Щербининѣ, и послѣ него много разъ пыталось заставить купечество замѣнить ихъ каменными, но проку изъ этого не выходило. Намѣстникамъ это удалось лучше. Чертковъ твердо рѣшился не давать купцамъ дальнѣйшихъ послабленій. По его распоряженію постройка Гостиннаго двора было разверстана между всѣми владѣльцами лавокъ, и каждый обязанъ былъ выстроить свою часть. Линію по улицѣ, ведущей отъ въѣзда въ городъ мимо собора къ монастырю (верхняя часть нынѣшней Университетской), велѣно было выстроить въ теченіе лѣта 1783 г., а другую—въ слѣдующемъ году. Кто не въ состояніи выстроить, тѣхъ

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло Казенной Палаты о Харьковскомъ и Лопанскомъ мостахъ, 1782—1783 гг.
[2]) Тамъ же. 1783 г., № 1080.
[3]) Тамъ же. 1785 г., № 324.
[4]) Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба. Дѣла Потемкина.
[5]) Тамъ же. 1783 г. № 1088.
[6]) Тамъ же. 1787 г., № 154.

участки приказано отдать другимъ, а если къ устройству каменныхъ рядовъ не сыщется охотниковъ изъ купцовъ и мѣщанъ, отдать свободные участки чиновнымъ людямъ изъ отставной козачьей старшины, штабъ и оберъ-офицеровъ. Все это дѣлалось, „дабы тѣмъ споспѣшествовать скорѣйшему выстроенію города". Дѣло усложнялось еще тѣмъ, что многіе изъ владѣльцевъ дворовъ и лавокъ, предназначенныхъ подъ Гостинный дворъ, совсѣмъ не жили въ Харьковѣ. Нужно было рѣшить, что дѣлать съ ними, разъ ихъ дворы и лавки принадлежали имъ по самымъ настоящимъ крѣпостнымъ актамъ [1]). Какъ бы то ни было, юридическія затрудненія были въ концѣ концовъ побѣждены, и къ пріѣзду Екатерины въ Харьковъ Гостинный рядъ (одноэтажный) не только существовалъ, но и нуждался уже въ ремонтѣ.

Самымъ крупнымъ сооруженіемъ намѣстническаго періода былъ грандіозный для тогдашняго Харькова корпусъ каменныхъ присутственныхъ мѣстъ. Деревянныя присутственныя мѣста, выстроенныя въ 1780 г., не удовлетворяли своему назначенію. Новый корпусъ для нихъ рѣшено было выстроить противъ собора, тамъ, гдѣ онъ находится и теперь. Половина этого мѣста была въ то время занята дворомъ священника Моренко, а другая принадлежала богатой харьковской помѣщицѣ, „надворной совѣтницѣ" Н. П. Дуниной. Дунинскій участокъ пустовалъ, но когда начальство вздумало имъ воспользоваться, Дунина заявила, что это ея садовое и лавочное мѣсто, на которомъ она сама собирается строиться, и что уступить его казнѣ она можетъ не дешевле, какъ за 7 тыс. рублей. Мѣста было всего 970 кв. саж., и по Харькову цѣна, потребованная Дуниной, была рѣшительно баснословная. Несмотря на увѣщанія мѣстнаго начальства, Дунина оставалась непреклонною, такъ что въ концѣ концовъ Черткову пришлось даже пригрозить „Настасьѣ Петровнѣ" плохими послѣдствіями ея упорства. Благодаря твердости характера и, конечно, личному знакомству съ Чертковымъ и прочимъ мѣстнымъ начальствомъ, Дуниной удалось все таки получить за свой пустырь 2500 р. [2]).

Планъ будущаго сооруженія былъ Высочайше одобренъ, и въ февралѣ 1785 г. сдѣлано уже распоряженіе о вызовѣ подрядчиковъ. Для предстоящихъ строительныхъ работъ казна рѣшила завести собственный кирпичный заводъ. Разсчетъ при этомъ былъ тотъ, что помимо казенныхъ надобностей кирпичъ будетъ охотно разбираться обывателями для постройки ихъ домовъ и лавокъ, которые по плану въ опредѣленныхъ мѣстахъ должны непремѣнно быть каменные; на казенныя постройки предполагалось употреблять только одну треть выдѣланнаго кирпича, а остальныя двѣ трети продавать обывателямъ города по цѣнѣ низшей, чѣмъ та, какую брали частные кирпичные заводы. Для работъ на заводѣ рѣшено употреблять колодниковъ изъ смирительнаго и рабочаго дома. Для завода предполагалось въ началѣ выбрать мѣсто или за Харьковомъ, или подъ Холодною горою, но въ концѣ концовъ рѣшили строить его возлѣ острога и рабочаго дома, въ виду того, что, находясь постоянно на глазахъ стражи, работающіе на заводѣ колодники не могутъ чинить побѣговъ. Къ тому же здѣсь, въ какой то канавѣ, имѣлась и вода, нужная для работы. Въ 1784 г. устроены были два сарая подъ соломенною крышею и двѣ печи для выжиганія кирпичу, и работы начались [3]). Съ постройкой корпуса присутственныхъ мѣстъ предполагалось справиться въ три года: въ первый—возвести нижній этажъ съ погребами, во второй—верхній, а въ третій—произвести внутреннюю и наружную отдѣлку [4]). Строителями были елецкіе купцы Чеботаревы, по условію съ которыми вся постройка должна была обойтись въ 88890 р. Корпусъ долженъ быть двухъэтажнымъ: въ нижнемъ этажѣ 26 комнатъ и 4 сѣней, въ верхнемъ 30 комнатъ и тоже четверо сѣней.

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло о постройкѣ Лопанскаго моста. 1782—1783 г.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Черткова, 1785 г. № 166.

[3]) Тамъ же. Дѣло о заведеніи въ Харьковѣ кирпич. зав. 1783—1795.

[4]) Тамъ же Дѣло о постройкѣ полиціи 1785—1787 гг. № 175.

12 іюня 1786 г. Чертковъ велѣлъ Пашкову произнесть закладку зданія. Зданіе торопились довести по крайней мѣрѣ до второго этажа ко времени посѣщенія Харькова Екатериной. Въ 1788 г. былъ построенъ почти весь второй этажъ, но затѣмъ пришлось пріостановиться съ постройкой. Наступила Турецкая война, понадобились деньги, а потому и не оконченныя казенныя зданія велѣно было не оканчивать. Правитель намѣстничества Пашковъ думалъ было пособить дѣлу обращеніемъ къ „свѣтлѣйшему“, бывшему въ то время генералъ-губернаторомъ и Харьковскаго намѣстничества. Въ своемъ представленіи онъ указывалъ, что для полнаго окончанія постройки потребуется только 25984 руб. 50½ коп., между тѣмъ какъ если конецъ дѣла отложить на болѣе продолжительное время, придется истратить далеко больше: матеріалъ испортится, и истраченныя на него казенныя деньги пропадутъ даромъ; каменный корпусъ, хотя и покрытый деревянной крышей, долгое время безъ поврежденій стоять не можетъ. Пашковъ предлагалъ окончить работы, не прибѣгая къ казеннымъ средствамъ; для этого, по его мнѣнію, возможно было бы воспользоваться „винной суммой“, отдавъ ее въ откупъ постороннимъ откупщикамъ болѣе дорогою цѣною, чѣмъ та, какую платили въ то время горожане, а до этого просилъ занять для окончанія постройки до 25 тыс. руб. изъ средствъ Екатеринославскаго намѣстничества. Повелѣнія отъ „свѣтлѣйшаго“ не получилось никакого [1]). Мѣстному начальству въ виду этого оставалось только подвести счеты со строителями да позаботиться о сохраненіи казеннаго добра отъ разрушенія. Подрядчикамъ за постройку и оставшійся безъ употребленія матеріалъ было выдано 59899 руб. 43½ коп. Зданіе ко времени внезапнаго разсчета съ его строителями было доведено только подъ крышу второго этажа, да и то не вездѣ. Для его сохраненія отъ сырости сдѣлана была крыша изъ лубьевъ, за которую заплатили еще 1734 руб. Эта непрочная защита плохо предохраняла зданіе. Въ 1792 г. Казенная Палата доносила въ Петербургъ, что лубочная крыша долго простоять не можетъ; укрѣпить ее прочно, въ виду того, что строеніе не вездѣ доведено до конца, нѣтъ возможности; зимою въ корпусъ присутственныхъ мѣстъ залеталъ снѣгъ, а весною и осенью его затопляли дожди, стѣны сырѣли и портились. Матеріалъ, принятый отъ подрядчиковъ, тоже портился: дерево, мѣлъ и кирпичъ, оставаясь подъ открытымъ небомъ, предоставлены были во власть стихій и рисковали оказаться негодными къ дальнѣйшему употребленію. Кирпичные заводы, устроенные спеціально для постройки зданія, стояли безъ крышъ и разрушались. А между тѣмъ въ то время, какъ казенный недостроенный корпусъ и приготовленные для него матеріалы гнили и портились, казнѣ приходилось тратиться на устройство заплатъ на старыхъ деревянныхъ присутственныхъ мѣстахъ, а казеннымъ учрежденіямъ испытывать всѣ неудобства отъ „мочи дождевой“, проникавшей черезъ потолки, и отъ частыхъ перемѣщеній изъ одного скверная помѣщенія въ другое не лучшее. Деревянная крыша на старыхъ присутственныхъ мѣстахъ, выстроенныхъ въ 1780 г., оказалась совсѣмъ ветхой. Мѣстное начальство требовало ассигновокъ для ея поправки, предвидѣлась близкая необходимость и еще многихъ такихъ же ассигновокъ, потому что приходилось чинить не одну крышу, а и самыя зданія. Казенная Палата доказывала Сенату всѣ выгоды отъ окончанія постройки каменнаго корпуса: казна сохранитъ въ такомъ случаѣ тѣ деньги, которыя тратятся на починку деревянныхъ присутственныхъ мѣстъ; если присутственныя мѣста будутъ переведены въ новый корпусъ, старыя деревянныя зданія можно будетъ продать и, конечно, чѣмъ раньше ихъ продать, тѣмъ за нихъ дадутъ дороже. Деньги на достройку каменнаго корпуса требовались, впрочемъ, не малыя: по смѣтѣ архитектора Ярославскаго для этого нужно было не менѣе 75477 руб. Казенная Палата, вѣдавшая казенныя сооруженія, повидимому, была очень заинтересована въ продолженіи столь капитальной постройки и не скупилась на убѣдительные резоны, но толку изъ этихъ резоновъ не вышло. Сенатъ от-

[1]) Арх. Губ. Правл. 1788 г. № 272.

вѣтилъ, что безъ генералъ-прокурора онъ затрудняется сдѣлать какое либо распоряженіе. Не дѣлалось распоряженія и послѣ. О положеніи недостроеннаго корпуса мы узнаемъ спустя 2 года изъ рапорта городничаго Дерюгина. Изъ рапорта этого видно, что заготовленное для присутственныхъ мѣстъ дерево превратилось уже въ гниль; крыша на недостроенномъ корпусѣ потрескалась и безпрепятственно пропускаетъ воду, „отчего стѣнамъ, сводамъ и потолкамъ слѣдуетъ не малое поврежденіе“; изъ восьми кирпичныхъ сараевъ, пришедшихъ въ ветхость, на однихъ обвалились крыши, а другіе рухнули до основанія; печи для обжиганія кирпича обветшали и разсыпались, желѣзная посуда заржавѣла, а деревянная разсохлась и разсыпалась; сарай для строительныхъ инструментовъ развалился, а крыши на избахъ для работниковъ сгнили; на деревяннной казармѣ близь Лопани крыша сорвана вѣтромъ, а полъ и печь въ половодье 1793 г. разрушены водой „ибо та казарма обнята была водой и въ водѣ стояла до самой крыши дней больше четырехъ“. Казенная Палата вновь представила о положеніи дѣла Сенату, спустя нѣсколько времени она повторила свой рапортъ, но результатовъ отъ ея писаній ровно никакихъ не вышло [1]). А между тѣмъ зданіе гнило, а матеріалъ, помимо небесныхъ стихій, умалялся еще и самымъ мѣстнымъ начальствомъ, забиравшимъ и кирпичъ, и дерево для казенныхъ и партикулярныхъ надобностей. Такъ еще въ 1790 году, вскорѣ послѣ прекращенія работъ, Казенная Палата, по ходатайству причта и крiторовъ строившейся въ то время Благовѣщенской церкви, разрѣшила отпустить заимообразно изъ заготовленнаго строительнаго матеріала 50 тыс. казеннаго кирпича съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ году онъ былъ возвращенъ натурой или деньгами. Губернаторъ Кишенскій широко примѣнялъ систему позаимствованій изъ казеннаго матеріала, раздававшагося при немъ разнымъ чинамъ. Самъ онъ пользовался этимъ матеріаломъ для разныхъ общественныхъ сооруженій. Такъ часть матеріала по его приказанію была употреблена на постройку госпиталя въ Куряжскомъ монастырѣ. Казенный лѣсъ употреблялся при немъ и на постройку театра. Въ 1799 г., когда Кишенскій былъ уже въ отставкѣ, Казенная Палата потребовала было отъ него возврата розданнаго имъ матеріала. Кишенскій кое за что уплатилъ деньгами, а отъ уплаты за лѣсъ, употребленный на госпиталь и театръ, отказался, ссылаясь на то, что госпиталь—сооруженіе казенное, а сдѣланныя имъ затраты на театръ Казенная Палата можетъ пополнить разборкой зданія и продажею кулисъ, костюмовъ и пр. и взысканіемъ съ нѣкоторыхъ посѣтителей театра тѣхъ денегъ, которыя ими не были въ свое время уплачены несмотря на напоминанія полиціи. Пользовался казеннымъ матеріаломъ для разныхъ своихъ и чужихъ надобностей и городничій Закройщиковъ [2]).

Незаконченное зданіе являло видъ разрушенія и наводило унынiе на горожанъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Пора возрожденія для него настала уже въ XIX ст., во время управленія губерніи И. И. Бахтинымъ.

Одновременно съ присутственными мѣстами строился и домъ для полиціи и городового магистрата. Предполагалось, что въ Харьковѣ будетъ не обыкновенная губернская полиція, а управа благочинія, какъ въ Петербургѣ, съ большимъ штатомъ служащихъ, а потому и помѣщенія подъ полицію и магистратъ рѣшено было устроить въ большихъ размѣрахъ. Мѣсто для зданія было отведено между соборомъ и намѣстническимъ заломъ, т. е. тамъ, гдѣ до послѣдняго времени помѣщалась университетская хирургическая клиника. Строили его тѣ же Чебатаревы и окончили осенью 1786 г. Это былъ каменный двухъэтажный домъ въ одной связи, подъ желѣзною крышею, на которой помѣщался шпицъ съ флюгеромъ изъ литого желѣза. Состоялъ онъ изъ 12 комнатъ, освѣщался 27 окнами, обошелся казнѣ въ 8500 рублей, причемъ согласно контракту

[1]) Арх. Губ. Пр. Дѣло 1794 г. № 47.

[2]) Тамъ же. Дѣло о пріемѣ отъ подрядчиковъ Чеботаревыхъ приготовленныхъ на построеніе въ Харьковѣ каменнаго корпуса матеріаловъ и пр. 1789—1802 г. № 272.

подрядчики обязаны были взять у строительной экспедиціи имѣвшійся у нея заготовленный лѣсной матеріалъ по казенной цѣнѣ и 140 тыс. кирпича по 4 руб. 10 коп. за тысячу [1]). Домъ занятъ былъ въ томъ же 1786 г. Такъ какъ полиція „не столь обширнаго пространства потребовала, какъ (не осуществившаяся) управа благочинія“, то найдено было возможнымъ здѣсь же дать пріютъ и Земскому Суду, ибо отведенное для него въ 1785 г. помѣщеніе „въ такую ветшалость пришло, что великая опасность настояла въ немъ быть“ [2]). Въ 1787 г. здѣсь помѣстился и Губернскій Магистратъ [3]).

Столбъ на Павловской площади.

Посѣщеніе Харькова Екатериной вызвало особенное усиленіе строительной дѣятельности мѣстныхъ властей. Нѣкоторыя изъ воздвигнутыхъ въ это время построекъ были очень эфемерными, годными только на время, другія оказались болѣе солидными и просуществовали долго. Къ числу эфемерныхъ принадлежалъ такъ называемый торжественный залъ. Построенъ онъ былъ въ 1786 г. спеціально для пріемовъ, ожидавшихся во „дворцѣ“ по случаю Царскаго проѣзда. Это было деревянное зданіе рядомъ съ казеннымъ генералъ-губернаторскимъ домомъ. Выстроено оно было на спѣхъ и держалось на деревянныхъ столбахъ, къ которымъ были прибиты стѣны изъ шелевки. Помѣщеніе это конечно, нужно было убрать сейчасъ, какъ только миновала въ немъ надобность, просуществовало оно, однако, цѣлое десятилѣтіе, обратившись въ постоянный театръ, возникшій въ Харьковѣ въ концѣ XVIII ст. по иниціативѣ губернатора Кишенскаго. Только въ 1797 г. губернаторъ Тепловъ послѣ личнаго осмотра этого зданія пришелъ къ заключенію о его совершенной ветхости: столбы, на которыхъ укрѣплено строеніе, подгнили, стѣны, потолки и все прочее отъ мокроты превратилось въ гниль, а все зданіе „подвержено было неминуемому паденію, угрожая мимо ходящимъ людямъ“. Торжественный залъ было приказано продать на сносъ. По справкѣ въ экспедиціи о казенныхъ строеніяхъ оказалось, что залъ обошелся казнѣ въ 6498 р. 43 к., а на торгахъ за него дали всего 185 р. [4]). Долговѣчнѣе, но немного прочнѣе оказалась построенная въ одно время съ торжественнымъ заломъ такъ называемая Каменская галлерея. Это были лавки противъ р. Лопани, на мѣстѣ нынѣшняго Шубнаго ряда. Строились онѣ совсѣмъ на живую нитку: „близъ самаго вала прежде бывшей крѣпости возведена каменная стѣна, касающаяся къ тому валу болѣе 50 саж. въ длину; отступя нѣсколько аршинъ впередъ, сдѣланы каменные столбы съ арками, ихъ соединяющими, на таковое жъ въ длину пространство. Сіи арки соединены съ означенною стѣною только обыкновенною желѣзною крышкою безъ сводовъ и безъ поперечныхъ стѣнъ каменныхъ, или такъ называемыхъ перемычекъ, а лавки одна отъ другой раздѣлялись одними досчатыми только перегородками“ [5]). Строилась галлерея подрядчикомъ Алаторцевымъ и обошлась городу въ 4800 р. [6]). Въ 1788 г. галлерея была передана въ вѣдѣніе Думы, которая обязана была извлекать изъ нея доходъ городу [7]). Прошло, впрочемъ, не больше года, какъ

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло о постройкѣ въ Харьковѣ полиціи и магистрата. 1785—1787 гг. № 175.
[2]) Тамъ же. Дѣло Черткова 1785—86 г. № 154.
[3]) Тамъ же. Вѣдом. о состоящемъ въ Харьковѣ строеніи. № 167.
[4]) Тамъ же. Дѣло Теплова № 335.
[5]) Тамъ же. Пространный реестръ исход. губернатора Бахтина 1805 г.
[6]) Тамъ же. Дѣла Норова 1787 г.
[7]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1788 г.

галлерея потребовала починки: въ іюнѣ 1789 г. „великая буря“ унесла съ лавокъ крышу на 30 саж.[1]), а въ 1805 г. „галлерея“ и совсѣмъ разсыпалась. Для встрѣчи же Екатерины были выстроены и „тріумфіальныя ворота“. Были они устроены въ двухъ мѣстахъ: на Екатеринославской, при спускѣ съ Холодной горы, и на Московской, при въѣздѣ изъ слободы въ городъ (примѣрно тамъ, гдѣ теперь часовня Хорошевскаго монастыря на Скобелевской площади). Ворота были каменныя съ караульнями и помѣщеніями, могущими, въ случаѣ надобности, отдаваться въ наемъ подъ лавки. Устроены были ворота и при въѣздѣ въ „крѣпость“: одни на валу близъ дома намѣстника, другія—по улицѣ противъ собора (гдѣ магазинъ Северина въ началѣ Шляпнаго переулка).—Постройка воротъ стоила городу 8850 р.

Благодаря пріѣзду Екатерины поспѣшили и съ отдѣлкою зданія казенной аптеки. Новое каменное зданіе для нея сооружалось на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла и старая деревянная аптека (первый кварталъ между Екатеринославской и Кузинскимъ переулкомъ). Аптека была окончательно готова къ концу лѣта 1786 г., усадьба ея со стороны Екатеринославской улицы была обнесена каменной оградой. Кромѣ ограды на Екатеринославскую ул. аптечная усадьба выходила небольшимъ каменнымъ домомъ, гдѣ помѣщались караульные и аптечные рабочіе [2]). Въ томъ же 1786 г. была предположена и постройка особаго дома для дворянскаго собранія. Для этого, по настоянію Черткова, дворянствомъ приторговывались дворовыя мѣста мѣщанъ Павлова и Балашова, выходившія на нынѣшнюю Торговую площадь. Строеніе предполагалось закончить къ Царскому пріѣзду, хотя бы вчернѣ. Но въ концѣ концовъ предположенія такъ и остались предположеніями. Не пришлось выстроить къ Царскому пріѣзду и проектированную въ то время каменную Благовѣщенскую церковь, не смотря на усиленныя понужденія криторовъ и прихожанъ со стороны генералъ-губернатора. Собранныя прихожанами пожертвованія оказались недостаточными, а ихъ просьба, чтобы свѣтское начальство „подало руку помощи“, большого сочувствія не встрѣтила [3]).

Новое строилось, а то, что было уже выстроено, къ пріѣзду Царицы тщательно ремонтировалось и приводилось въ „пристойный видъ“. Острогъ велѣно было обложить кирпичемъ, строющійся корпусъ присутственныхъ мѣстъ обнести оградой, въ Гостинномъ дворѣ окончить постройкой ворота, оштукатурить лавки и выкрасить крышу темно-синей краской; заборъ съ лавками около собора, ворота и колокольню приказано было „отдѣлать по плану“ и окрасить, а если возможно, то передъ соборомъ подъѣздъ сдѣлать, а самый соборъ и колокольню оштукатурить и крыши выкрасить, внутри собора перемѣнить балясы на галлереѣ и замѣнить „Самсона“, прикрывавшаго входъ въ верхнюю церковь, другою иконою; казенное училище велѣно было оштукатурить, сдѣлать на кровлѣ перила, а крышу выкрасить; во дворцѣ сдѣлана была каменная пристройка и произведенъ былъ цѣлый рядъ передѣлокъ и починокъ внутри зданія, перебиты обои, куплена новая мебель и т. п.; Дмитріевскую церковь и ея деревянную колокольню велѣно было поправить и выкрасить.

При сооруженіи казенныхъ и частныхъ построекъ приходилось, конечно, руководствоваться утвержденнымъ въ 1768 г. планомъ. А между тѣмъ разбивка города, начатая еще при Щербининѣ, далеко не была закончена. Въ виду этого одновременно съ застройкой города пришлось вести и разбивку его по плану, перегонять обывателей съ мѣста на мѣсто, уравнивать ихъ усадьбы и т. п. О работахъ того времени по распланированію города даетъ понятіе слѣдующій ордеръ генералъ-губернатора Черткова на имя архитектора Ярославскаго.

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1789 г.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Вѣдомости и рапорты 1786 г.

[3]) Тамъ же. Дѣла Черткова. 1787 г.

„Здѣшнихъ городскихъ жителей дворы не одинаковой мѣры и положенія: у однихъ слишкомъ просторные, а у другихъ нѣтъ и мѣста, чтобы могли порядочно выстроиться по плану. Постройка зданій не можетъ имѣть пристойнаго вида, если мѣста не будутъ приведены по правиламъ архитектуры въ уравненіе. Это самое служитъ побужденіемъ предписать Вамъ слѣдующее.

1-е. Чтобъ мѣстоположенія не препятствовали здѣшнимъ жителямъ въ новой постройкѣ, имѣете уравнить дворы такъ, чтобы это одно другому сдѣлало порядочное соотвѣтствіе, и у какихъ хозяевъ окажется земля съ излишествомъ, тѣхъ части, по оцѣнкѣ городничимъ вмѣстѣ съ Городовымъ Магистратомъ, отдавать сосѣдямъ, кои и должны уплатить за нее тому, чья земля ему достанется.

2-е. Многіе изъ гражданъ въ предмѣстіи имѣютъ у себя ненаселенныя левады, и, такъ какъ по причинѣ уравненія и назначенія на планѣ дворовъ, городъ долженъ сильно распространиться и слѣдуетъ нѣкоторымъ изъ тѣхъ левадъ населеннымъ быть жителями, владѣльцамъ ихъ объявить, чтобъ они тамъ строились. Если же не желаютъ или не смогутъ это сдѣлать отдавать мѣста ихъ, по такой, какъ выше сказано, оцѣнкѣ, тѣмъ, которымъ въ городѣ недостанетъ мѣстъ, или выводимы будутъ, потому что не могутъ строиться соотвѣтственно другимъ домамъ и положенію. Впрочемъ городничій наблюдать имѣетъ, чтобъ впредь до повелѣнія моего на улицахъ проспективныхъ—Московской, Воронежской, Екатеринославской и другихъ строенія повреждены не были, кромѣ однихъ только заборовъ, подъ линію подходящихъ, которые съ наступленіемъ удобнаго вешняго времени велѣть переставить въ надлежащія мѣста“ [1]).

Въ 1784 г. городничему и Городовому Магистрату было дано руководство, какъ производить разбивку кварталовъ, какимъ образомъ дѣлать описи о раздачѣ дворовъ и планы на нихъ, какъ вести приходо-расходныя книги. Въ 1785 году архитектору Ярославскому было предписано: сдѣлать разбивку города по плану и наблюдать, чтобы частныя постройки производились по одобреннымъ фасадамъ. Особенно энергично пошла разбивка города, когда харьковцы стали готовиться къ пріѣзду Царицы. Повидимому, въ крѣпости было сдѣлано все, что требовалось по плану, но далеко не все было сдѣлано въ городѣ. Рѣшено было въ виду этого какъ можно скорѣе разбить главныя улицы, по которымъ ожидался царскій проѣздъ: Екатеринославскую, Московскую и Золочевскую площадь. Такъ какъ при этомъ „безъ снесенія домовъ, не по плану выстроенныхъ, было никакъ невозможно обойтись“, то хозяевамъ такихъ домовъ приказано было снести ихъ въ самомъ непродолжительномъ времени или выстроить по плану, а „ежели кто черезъ недѣлю по объявленіи о томъ оныхъ не снесетъ, таковые непремѣнно ломать, не пріемля никакихъ отговорокъ“. Большая ломка происходила также и въ мѣстности, прилегающей къ крѣпостному валу, которую предполагалось обратить въ площадь, а за отошедшія отъ домовладѣльцевъ усадьбы вознаградить ихъ по оцѣнкѣ. Торговцамъ желѣзомъ и рыбой, ютившимся на площади подлѣ „города“, велѣно было снести свои лавки и перенесть ихъ на другія мѣста. Бывали случаи, когда перетасовка обывательскихъ усадебъ происходила безъ малѣйшаго даже участія самихъ обывателей. Такъ г-жѣ Дуниной, въ виду того, что не малая часть ея двора отходила подъ Екатеринославскую улицу, а также и „по извѣстному ея недостатку“, велѣно было отпустить авансомъ слѣдуемое ей по оцѣнкѣ вознагражденіе, но денегъ на руки не выдавать, а отдать архитектору, который и обязанъ былъ перенести ея дворовыя постройки на приличное мѣсто и обгородить ихъ по улицѣ „порядочнымъ заборомъ“.

Старое ломалось, новое строилось. Распоряженія о перестройкѣ нѣкоторыхъ частныхъ домовъ мы видимъ уже въ 1783 г. Какъ извѣстно, по плану вокругъ крѣпости полагалась пло-

[1]) Арх. Губ. Пр. 1784 г. № 1080.

щадь, а выходившіе на нее обывательскіе дома „по пристойности городской“ должны были непремѣнно быть каменными двухъэтажными. Въ виду этого въ 1783 г. городничему приказано было потребовать отъ хозяевъ свѣдѣнія, кто изъ нихъ въ состояніи будетъ выстроить себѣ каменный двухъэтажный домъ. Хозяевамъ домовъ, выходившихъ на площадь, было объявлено, что тѣмъ, кто не въ состояніи выстроить сразу двухъ этажей, позволяется второй этажъ выстроить деревянный съ тѣмъ, чтобы со временемъ онъ былъ замѣненъ каменнымъ, а кто не въ состояніи окажется выполнить требованія начальства даже и при такой льготѣ, тѣмъ отвести мѣста въ такихъ частяхъ города, гдѣ допускаются деревянныя постройки, такъ чтобы весною 1784 г. они могли уже перейти на новыя мѣста. Ихъ прежнія усадьбы велѣно было отдавать только тѣмъ, кто окажется въ силахъ выстроить двухъэтажный каменный домъ [1]).

Заботы мѣстнаго начальства о частномъ домостроительствѣ особенно усилились съ тѣхъ поръ, какъ Харьковъ началъ готовиться къ встрѣчѣ Екатерины. Въ это время принимается рядъ энергичныхъ мѣръ. Дѣло ведется безъ послабленій и быстро. Распоряженіямъ о частныхъ домахъ обывателей посвященъ длинный рядъ „ордеровъ“ тогдашняго генералъ-губернатора Черткова. Домовладѣльцы улицъ, по которымъ ожидался Царскій проѣздъ, получили приказъ о приведеніи своихъ домовъ въ „пристойное состояніе“, иные—о постройкѣ новыхъ, а другимъ, побѣднѣе, не имѣвшимъ достатку для постройки приличныхъ зданій, велѣно было и совсѣмъ уходить съ насиженнаго пепелища, чтобы попавъ въ руки людей достаточныхъ, это убогое пепелище обратилось въ памятникъ начальственныхъ заботъ о достиженіи поставленнаго Царицей идеала—„блаженство всѣхъ“. Отъ 1786 г., когда генералъ-губернаторъ Чертковъ и мѣстное начальство особенно усердно заботились о градостроительствѣ, до насъ дошла утвержденная генералъ-губернаторомъ къ исполненію „Вѣдомость, что должно исправить хозяевамъ въ своихъ домахъ по Московской и Екатеринославской улицамъ“. Вотъ что мы въ ней читаемъ:

„По Московской. Поручику Петру Моренку домъ построить вновь каменный. Поручицѣ Марфѣ Протопоповой, (что жительство имѣетъ въ Циркунахъ) домъ построить деревянной съ отдѣлкою снаружи. Купцу Горемикину домъ оштукатурить, кровлю выкрасить и на кровлѣ поставить балясы. Г. маіору Шидловскому домъ поправить, на немъ кровлю выкрасить, службы хворостяныя сломать, заборъ и ворота сдѣлать новые и окрасить. Соборной церкви домъ построить новый со всею отдѣлкою. Прапорщику Мосцѣвому построить домъ съ отдѣлкою. Священнику Сливницкому сломать амбаръ, заборъ сдѣлать новый и окрасить и кровлю окрасить. Купцу Перевозчикову домъ сдѣлать. Поручику Энкуатову достроить заборъ, сдѣлать новую кровлю, окрасить, а домъ оштукатурить. Регистратору Васильковскому домъ построить съ отдѣлкою. Слѣдующее за нимъ мѣсто пустое отдать застроить, когда хозяинъ не найдется, желающимъ.

По Екатеринославской. Священнику Немировскому домъ перестроить, заборъ сдѣлать новый и оный окрасить. Г-жѣ Дуниной службы сломать, заборъ и ворота переставить съ поперечной улицы на большую. Купцу Карнѣеву, домъ оштукатурить, заборъ сдѣлать новый и кровлю окрасить. Регистратору Млодзинскому начатый домъ достроить съ отдѣлкою. Рождественской церкви домъ начатый кончить. Мѣщанину Давыденку построить новый домъ съ отдѣлкою. Казенному обывателю Котьку соломенную кровлю снять, покрыть гонтомъ, домъ выправить, заборъ сдѣлать новый. Купцу Привалову новый домъ построить. Регистратору Копѣйчику домъ оштукатурить, амбаръ и кровлю выкрасить, заборъ исправить и выкрасить. Регистратору Злоцинскому домъ построить. Вдову, живущую на сей улицѣ, перевесть въ слободу, а мѣсто по оцѣнкѣ отдать застроить, кто пожелаетъ. Купцу Стапорину построить домъ. Прапорщику Витинскому домъ оштукатурить, на кровлѣ поставить барьеръ и оную окрасить, заборъ и воро-

[1]) Арх. Губ. Прав. 1783 г. № 1080.

та сдѣлать новые и окрасить. Церковь Св. Димитрія краскою поновить, колокольню переставить дальше отъ улицы, ограду сдѣлать новую, съ гробовъ срубы сломать и мѣста заравнять. Регистратору Титареву домъ оштукатурить, кровлю и заборъ окрасить. За ними слѣдующее пустое мѣсто застроить, кому слѣдовать будетъ. Регистратору Чернушенко домъ оштукатурить, кровлю и заборъ выкрасить. Г-ну маіору Сакмину построенныя службы оштукатурить, кровлю на нихъ выкрасить и выстроить новый домъ. Секретарю Перекрестову на домѣ кровлю покрасить, заборъ сдѣлать новый и все это выкрасить. Мѣщанину Ивану Клѣщову домъ сдѣлать новый съ отдѣлкой. Вдовѣ Прокопихѣ построить домъ. Секретарю Мотренку домъ оштукатурить, кровлю выкрасить, заборъ сдѣлать новый, а старый сломать. Купцу Сердюкову домъ построить. Регистратору Перекрестову домъ оштукатурить, кровлю и заборъ окрасить. Купцу Скибину домъ оштукатурить, кровлю и заборъ окрасить, поставить на кровлю барьеръ. Купцу Ченцову сдѣлать на простѣнкахъ между окнами пилястры, въ амбарѣ сдѣлать фальшивыя стекла съ пилястрами, кровли выкрасить, на кровляхъ поставить балясы, ворота и заборъ выкрасить. Секретарю Албовскому домъ оштукатурить, кровлю и заборъ окрасить и поставить на нихъ балясы. Прапорщику Топчію домъ построить съ отдѣлкою. Казеннаго обывателя Гордѣя домъ сломать. Дьячку Тымареву домъ отдѣлкой кончить. Мѣщанину Кочергѣ домъ обмазать, кровлю выкрасить и заборъ сдѣлать новый. Регистратору Котлярову домъ построить. Церковный домъ Св. Димитрія оштукатурить, кровлю окрасить и заборъ сдѣлать. Мѣщанину Тупицѣ построить домъ. Мѣщанину Довгополову домъ оштукатурить, кровлю окрасить и заборъ сдѣлать. Стоящія на площади около города деревянныя лавки сломать всѣ до самаго двора секретаря Бондаревскаго и цирюльни; домъ казеннаго обывателя Мотузкова сломать.

По набережной рѣки Лопани. Надворному совѣтнику Каменеву домъ оштукатурить, на кровлю поставить барьеръ и заборъ окрасить. Регистратора Бакеева домъ за малостью мѣста долженъ отданъ быть по оцѣнкѣ часть къ двору г-на Каменева, а другая часть къ двору мѣщанина Ивахненка. Мѣщанину Ивахненко построить домъ съ отдѣлкою, а старыя хижины сломать. Мѣщанину Чобѣтку построить домъ, заборъ, ворота и выкрасить. Надворному совѣтнику Куликовскому построить домъ".

Кромѣ „Вѣдомости" мы располагаемъ рядомъ другихъ приказовъ о приведеніи обывательскихъ домовъ въ благообразный видъ. Такъ, купцу Карпову велѣно было исправить лавки, дома противъ Гостиннаго ряда—оштукатурить, а кровли, перила и заборы выкрасить. Дома по Екатеринославской, Московской и Золочевской площади подлежали, согласно такому же приказу, побѣлкѣ, а крыши на нихъ—окраскѣ въ красный цвѣтъ. Над. сов. Каменеву было предложено, принявъ на себя по оцѣнкѣ пустопорожнее мѣсто по Екатеринославской улицѣ, начать на углу каменное строеніе въ соотвѣтствіи и въ симметріи съ домомъ Куликовскаго. Владѣльцамъ домовъ, выходящихъ на площадь передъ крѣпостью, въ началѣ 1786 г. было строжайше подтверждено, „чтобы они непремѣнно каменныя строенія съ наступленіемъ весны производить начали", въ противномъ же случаѣ „безъ всякаго упущенія лицевое ихъ деревянное строеніе сломано и лѣсъ разобранъ будетъ, да и сверхъ того не избѣгнуть въ понужденіи построенія строгаго поступленія по полицейской инструкціи".

Хозяевамъ желѣзныхъ лавокъ на площади передъ крѣпостью было объявлено, чтобы они выстроили себѣ лавки въ валу; середина ихъ можетъ быть деревянная (чтобы не пропадалъ матеріалъ отъ ихъ деревянныхъ лавокъ), крыша должна быть земляная, а лицевая сторона каменная, такъ чтобы онѣ напоминали собою „казематныя амбразуры". Если торговцы не захотятъ строить лавокъ въ видѣ „амбразуръ", то имъ предлагалось выстроить каменныя лавки подъ желѣзною крышей въ назначенномъ для этого треугольникѣ на площади возлѣ р. Харькова (кварталъ между Рыбной и Московской, застроенный теперь частными домами). Торгов-

цамъ рыбой приказано было сдѣлать лавки въ томъ же валу и въ видѣ тѣхъ же амбразуръ, а въ случаѣ ихъ несогласія—выселиться на отведенное для нихъ мѣсто. Кто не возьметъ заблаговременно подъ тѣ лавки мѣсто и при наступленіи весны не начнетъ строиться, лавки такихъ упорныхъ велѣно безъ всякаго послабленія сломать въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Естественнымъ результатомъ излишней стремительности въ дѣлѣ градостроительства было вздорожаніе строительныхъ матеріаловъ и рабочихъ рукъ. Послѣднихъ и совсѣмъ въ концѣ концовъ не хватило для многихъ, чьи дома подлежали перестройкѣ или ремонту. Не смотря на настоянія и угрозы начальства, ко времени пріѣзда Царицы многіе дома даже на Екатеринославской, Московской и Золочевской площади по недостатку плотниковъ остались не окончены, другіе и совсѣмъ не начинались постройкою [1]).

Чьи изъ частныхъ домовъ въ Харьковѣ къ пріѣзду Екатерины были закончены и наиболѣе благоустроены,—объ этомъ можно судить по распоряженіямъ объ отводѣ квартиръ для царской свиты. Если принять въ разсчетъ, что наилучшіе дома отводились для самыхъ важныхъ особъ свиты, то къ числу наилучшихъ нужно будетъ причислить дома: генералъ-провіантмейстера Дьякова, въ которомъ назначена была квартира для самого „свѣтлѣйшаго“ Потемкина, коллежскаго совѣтника Сабурова (квартира Нарышкина и Нелединскаго-Мелецкаго), вице-губернатора Пашкова (квартира Безбородки), Ѳедота Карпова, Ильи Грека (Кобенцель), Артемія Карпова (министрамъ французскому и англійскому). Поплоше этихъ были дома поручика Анадольскаго, священника Моренка и купца Ивана Павлова, коллежскаго регистратора Калиновскаго, коллежскаго секретаря Шульца, а еще плоше, но все таки годными для помѣщенія важныхъ гостей, оказались дома: Собкина, Васильевой, Смирницкаго, Аникѣева, Милованова, Дьяконова, Ворожейкина, Сомина, Сидоренка, Герасименка, Мусѣенка, Басанскаго, Недѣленко, Базилевичей, Коцавала, Люткова, Енохина, Портнягина, Бондаренка, Шишкина, Звонкевича, Сизонова, Краснокутскаго, Мухина и Ковалевскаго. За Лопанью лучшіе дома были: генералъ-маіора князя Кельдищева (квартира Чернышевыхъ), надворной совѣтницы Дуниной (квартира Шуваловыхъ), надворнаго совѣтника Анненкова (квартира Норова) и надворнаго совѣтника Каменева (квартира камеръ-юнкера, будущаго министра, В. П. Кочубея) [2]).

Чтобы покончить съ строительною дѣятельностью въ Харьковѣ въ первые годы существованія намѣстничества, намъ остается еще отмѣтить сооруженіе трехъ новыхъ каменныхъ церквей. Въ 1783 г. на кадбищѣ въ концѣ Сумской ул. былъ воздвигнутъ каменный крамъ во имя женъ Мироносицъ. Въ томъ же году была освящена каменная церковь во имя Рождества Христова за Лопанью, а за Харьковомъ—заложенъ, а въ 1787 г. оконченъ постройкой каменный храмъ —Михайловскій, въ замѣнъ стараго деревяннаго, выстроеннаго въ 1711 г. [3]).

Съ проѣздомъ Царицы строительная дѣятельность въ Харьковѣ утратила свой лихорадочный характеръ, а съ началомъ Турецкой войны казенныя постройки пришлось и совсѣмъ пріостановить. Крупныхъ казенныхъ строительныхъ работъ въ послѣднее десятилѣтіе XVIII в. въ Харьковѣ не производилось. О харьковскихъ казенныхъ и общественныхъ постройкахъ того времени даетъ понятіе слѣдующая краткая лѣтопись строительнаго дѣла въ Харьковѣ. Въ 1790 г. починялся губернаторскій домъ [4]). Въ 1791 г. строятся конюшни для штатной роты и чинятся Лопанскій мостъ и тюрьма [5]). Въ 1792 г. по распоряженію Кишенскаго городъ чинитъ деревянный мостъ на р. Харьковѣ [6]) и строитъ лавки для сдачи въ наемъ. Въ Рыбномъ ряду та-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Пр. Изъ дѣлъ Черткова 1787 г.
[2]) Тамъ же. Ордера Черткова 1787 г.
[3]) Филаретъ, Отд. II, стр. 32, 38, 42.
[4]) Арх. Харьк. Гор. Думы. 1790 г.
[5]) Тамъ же. Журн. 1791 г.
[6]) Тамъ же. Вход. 1792 г.

кихъ лавокъ было выстроено 11, здѣсь же устроили и сарай для городскихъ вѣсовъ. Постройка обошлась болѣе 1200 руб. Противъ Гостиннаго двора было выстроено 22 подвижныхъ лавки, обошедшихся почти въ ту же сумму. Въ томъ же году чинится вице-губернаторскій домъ и устраивается домъ для сумасшедшихъ. Послѣдній былъ выстроенъ подлѣ острога, т. е. возлѣ теперешней кирхи. Это были двѣ круглыя каменныя башни, въ которыхъ помѣщался не только сумасшедшій, но и смирительный домъ [1]). Въ 1794 г. казна строитъ острогъ. Отдѣльнаго острога въ Харьковѣ, собственно говоря, до сихъ поръ не было, а преступники помѣщались въ рабочемъ домѣ. Колодники и ихъ конвойные занимали все помѣщеніе рабочаго дома, такъ что работать было и негдѣ; къ тому же и домъ пришелъ за 15 лѣтъ въ большую ветхость. Кишенскій просилъ у Сената разрѣшенія выстроить каменный острогъ, но въ виду крупныхъ расходовъ на это сооруженіе, разрѣшенія на каменную постройку дано не было, такъ что острогъ въ концѣ концовъ рѣшено было выстроить деревянный [2]). Въ 1796 г. по распоряженію генералъ-губернатора Леванидова былъ выстроенъ „каменный обелискъ среди города“, едва ли не нынѣшній Каменный столбъ на Павловской площади. Въ губернаторство Теплова были вновь выстроены больницы Приказа Общественнаго Призрѣнія и дома для училищъ казеннаго и народнаго. Для городскихъ карауловъ устроены по городу холодныя и теплыя будки. Губернаторскій домъ, лучшее въ городѣ строеніе, пришелъ къ этому времени въ „упалость“. Губернаторъ Тепловъ въ рапортѣ своемъ Сенату хвалился, что губернаторскій домъ, какъ внутри, такъ и извнѣ, приведенъ имъ „въ положеніе, не требующее большого приготовленія и на случай могущаго воспослѣдовать проѣзда Монаршаго“. Для Губернскаго Правленія исправлено обветшалое каменное зданіе, въ которомъ прежде помѣщалась полиція, а каменный флигель, въ которомъ помѣщалось Губернское Правленіе, исправленъ и отданъ для помѣщенія полиціи. Мосты исправлены починкою, устроены колодези, „изъ которыхъ изобильнѣйшій наружною отдѣлкою чинитъ и украшеніе нѣкоторое той части города“ [3]).

Въ 1797 г. городъ строитъ лазаретъ для квартировавшихъ въ Харьковѣ кирасиръ. Лазаретъ обошелся первоначально 1019 р., но разныя починки и подѣлки въ немъ, произведенныя въ теченіе слѣдующихъ же 2 лѣтъ, потребовали расхода въ 1281 р. Тогда же для тѣхъ же кирасиръ выстроены 2 конюшни съ манежемъ, двумя цейхгаузами и двумя караульнями, обошедшіеся городу въ 753 р., а съ починками и передѣлками болѣе 1100 р. Въ эти послѣдніе годы XVIII в. городъ обзаводится собственными домами, но это были не новые, а старые дома, такъ что въ данномъ случаѣ строительная дѣятельность проявлялась только въ починкахъ.

Въ послѣдніе же годы XVIII вѣка старая деревянная Вознесенская церковь замѣняется новою, тоже деревянною (освящена въ 1794 г.) и строятся двѣ каменныхъ церкви—Благовѣщенская и Воскресенская. Благовѣщенская церковь начала строиться въ 1789 г., окончена въ 1794 г. Это былъ, какъ и старая деревянная церковь, храмъ однопрестольный. Внутреннимъ своимъ украшеніемъ Благовѣщенская церковь много обязана подполковнику М. И. Батезатулу [4]). Постройка Воскресенской церкви началась въ 1789 году. Въ 1788 году Воскресенскій священникъ Иванъ Любачинскій, въ виду ветхости старой, выстроенной еще въ 1742 году, церкви, предложилъ прихожанамъ построить каменный храмъ. Церковь, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, предположено было выстроить не тамъ, гдѣ стояла старая, а на новомъ мѣстѣ, за Нетечинскимъ мостомъ, тамъ, гдѣ она стоитъ и теперь. За 5900 руб. подрядчикъ Медвѣдевъ взялся произвесть всѣ работы, кромѣ иконостаса и утвари, „самою

[1]) Арх. Губ. Прав. 1792 г. № 65.

[2]) Тамъ же. Дѣла Кишенскаго. 1794 г.

[3]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Рапортъ Теплова Сенату 1798 г.

[4]) Филаретъ, II, стр. 33—34.

лучшею и прочною работою". Прихожане въ заключенномъ съ нимъ контрактѣ благоразумно выговорили себѣ право требовать отъ Медвѣдева въ теченіи 10 лѣтъ починки ихъ церкви, если въ ней окажется какой либо изъянъ. Постройка тянулась медленно и вяло. Медвѣдевъ не спѣшилъ, да и денегъ у прихожанъ было маловато, и къ концу 1792 г. строеніе выведено было лишь немного выше нижнихъ оконъ. Только благодаря энергіи вновь выбраннаго прихожанами критора Леонтія Пащенка въ слѣдующемъ 1793 г. новая церковь была окончена вчернѣ. Новая церковь не была еще готова, какъ пожаръ истребилъ старую, истребилъ совершенно, такъ что вмѣсто металлическихъ предметовъ прихожане на мѣстѣ пожарища нашли одни слитки. Сгорѣлъ иконостасъ, сгорѣла церковная утварь, которую предполагали было перенести въ новую церковь. Къ довершенію несчастія и новая церковь рухнула. Строившаяся въ теченіе 6 лѣтъ и почти совсѣмъ законченная, она вдругъ совершенно развалилась „по непрочному строенію". Жители Воскресенскаго прихода врядъ ли скоро бы дождались новой церкви, если бы имъ не помогъ предусмотрительный контрактъ, заключенный съ Медвѣдевымъ. Въ силу этого контракта, подрядчику пришлось вновь строить церковь уже „на свой коштъ". Дополнительное условіе, заключенное прихожанами съ Медвѣдевымъ, дало имъ, кромѣ того, возможность нѣсколько расширить церковь противъ первоначальнаго плана и выстроить колокольню, предположенную прежде отдѣльно, въ одной связи съ церковью. Постройка подъ наблюденіемъ того же Пащенка, начата была въ 1795 г., а для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ прихожанъ на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной церкви была выстроена деревянная часовня, въ которой и отправлялись всѣ церковныя богослуженія за исключеніемъ обѣдни. Въ 1797 г. каменная церковь была окончательно отдѣлана. Она имѣла форму креста съ удлиненіемъ къ западу и куполомъ на средней части, колокольня была въ два яруса, ограду представлялъ частоколъ изъ сосновыхъ досокъ. 18 октября 1797 г. церковь была освящена префектомъ Харьковскаго Коллегіума Прокоповичемъ [1]).

О частныхъ постройкахъ послѣдняго десятилѣтія XVIII в. наши документы умалчиваютъ. Знаемъ только, что въ это время былъ застроенъ частными постройками валъ, на которомъ прежде былъ расположенъ частоколъ старой Харьковской крѣпости. Какъ извѣстно, въ Щербининскія времена еще тщательно заботились о сохраненіи этихъ укрѣпленій въ порядкѣ. Даже при Чертковѣ видны еще заботы о крѣпости: при немъ были устроены каменныя крѣпостныя ворота, хотя, впрочемъ, и въ то время ворота эти были нужны больше для виду, чѣмъ для дѣйствительной надобности. Но уже 3 года спустя мѣстное начальство начинаетъ думать не объ улучшеніи укрѣпленій, а объ ихъ уничтоженіи. Въ 1790 году оно дѣлаетъ предположеніе о продажѣ крѣпостныхъ валовъ для устройства селиторныхъ буртъ, а въ 1796 г. мы видимъ уже значительную часть крѣпостного вала застроенной частными домами и лавками: валъ, предназначенный охранять центральную часть города отъ вражескаго нашествія, превратился въ мѣсто наиболѣе удобное для устройства обывательскихъ погребовъ.

Что же въ концѣ концовъ сдѣлано было Харьковомъ въ области градостроительства къ концу XVIII в.? Отвѣтъ на это даютъ три оффиціальныхъ документа отъ послѣднихъ годовъ столѣтія. Первый изъ нихъ—это относящаяся къ 1797 г. „Вѣдомость коликое число въ Харьковѣ казенныхъ и партикулярныхъ строеній, жительствующаго разнаго народа, находящихся при должностяхъ чиновъ, артиллеріи и сборной съ душъ подати". Изъ „Вѣдомости" видно, что въ Харьковѣ въ то время приходскихъ церквей было 9, одна монастырская и одна кладбищенская, изъ нихъ 9 каменныхъ и двѣ (Вознесенская и Дмитріевская)—деревянныя. При монастырѣ было 12 деревянныхъ келлій, каменное зданіе „семинаріи" (коллегіума) и такое же

[1]) Свящ. І. Горанъ. Харьковск. Воскресенская церковь, стр. 6—11.

зданіе для коллегіумскаго общежитія. Затѣмъ идутъ казенныя и общественныя сооруженія: каменный „дворецъ“ о 2 этажахъ съ флигелями и со службами, деревянный „тронный залъ“, деревянный дворянскій залъ съ каменными службами (бывшій намѣстническій залъ), 9 корпусовъ для присутственныхъ мѣстъ, изъ которыхъ два каменныхъ, двѣ каменныхъ и одна деревянная кладовыя для Губернскаго и Уѣзднаго Казначействъ, пороховой погребъ и при немъ деревянный сарай, два деревянныхъ соляныхъ магазина съ тремя погребами, деревянная тюрьма о двухъ этажахъ, каменный смирительный домъ, каменный домъ для сумасшедшихъ, деревянный „классическій домъ“ въ четырехъ корпусахъ, деревянный же домъ главнаго народнаго училища въ двухъ корпусахъ, деревянный домъ малаго народнаго училища, каменный „сиротопитательный домъ“, деревянный домъ типографіи, каменный двухъ-этажный хлѣбозапасный магазинъ, каменное зданіе аптеки, каменный домъ почтовой конторы, каменный домъ дворянскаго собранія, недостроенный каменный корпусъ для присутственныхъ мѣстъ, 4 каменныхъ караульни у воротъ при въѣздѣ въ городъ въ Захарьковской и въ Залопанской частяхъ, галлерея съ 28 лавками подъ валомъ у Лопанскаго моста и деревянное зданіе для богадѣльни. Партикулярныхъ домовъ въ Харьковѣ въ то время было 1826, изъ нихъ только 15 каменныхъ, а остальные деревянные, каменныхъ лавокъ было 152, а деревянныхъ 20, изъ трехъ торговыхъ бань двѣ было каменныхъ, остальныя промышленныя сооруженія (4 пивоварни, 2 солодовни, 29 кузницъ, 3 водяныхъ и 3 вѣтряныхъ мельницъ) были деревяннныя. Но каменными домами и лавками могла похвалиться только центральная часть города. Не только слободы, но и такія близкія къ центру улицы, какъ Благовѣщенская, продолжали оставаться въ своемъ первобытномъ видѣ. Разбивка ихъ по плану производилась уже XIX ст. Въ общемъ, за исключеніемъ центра, Харьковъ по своимъ постройкамъ мало разнился отъ деревни. Въ 1798 году губернаторъ Тепловъ писалъ Сенату, что Харьковъ, кромѣ казенныхъ каменныхъ строеній и разбросанныхъ по городу нѣкоторыхъ дворянскихъ и обывательскихъ домовъ, „наполненъ самымъ простымъ деревяннымъ строеніемъ, по бѣдности обывателей покрытымъ большей частью даже соломенными крышами, предмѣстья же и отдаленныя части не что оное суть, какъ дворы крестьянскихъ хлѣбопашцевъ“. Въ 1800 году въ Харьковѣ числилось: каменныхъ церквей 9, деревянныхъ 2, каменныхъ казенныхъ домовъ 10, деревянныхъ 11, партикулярныхъ каменныхъ домовъ 29 и деревянныхъ 2005 [1]). Если сравнить эти цифры съ цифрами 1780 г., когда казенный каменный домъ былъ только одинъ, а у частныхъ лицъ каменныхъ домовъ совсѣмъ не было, то окажется, что всѣ каменныя сооруженія въ Харьковѣ возникли въ періодъ послѣднихъ 20 лѣтъ. Значительно увеличилось вмѣстѣ съ тѣмъ и число деревянныхъ домовъ. Строительная дѣятельность сдѣлала такимъ образомъ замѣтные успѣхи, но не слѣдуетъ забывать, что эти успѣхи куплены цѣной тяжелыхъ жертвъ для населенія, строившаго для себя „приличныя“ жилища не въ мѣру роста своего благосостоянія, а въ мѣру настояній администраціи. Система принужденія, примѣняемая въ столь широкихъ размѣрахъ,—система благодаря которой бѣдный, ради красоты внѣшняго вида города, приносился въ жертву богатому, несомнѣнно, должна была оказать на населеніе дурное воспитательное вліяніе, распатывая въ немъ уваженіе къ законности и укореняя убѣжденіе, что даже въ своей внутренней домашней жизни гражданинъ не застрахованъ отъ произвола начальства.

---

[1]) Арх. Губ. Прав. Вѣдомость городничаго о числѣ жителей и строеній въ г. Харьковѣ 1800 г.

Покровскій монастырь—современный снимокъ съ передней стороны (зданіе XVII в.).

Старая Благовѣщенская церковь, построенная въ XVIII в.

Покровскій монастырь—современный снимокъ съ задней стороны (зданіе XVII в.).

Успенскій соборъ—современный снимокъ (постройка XVIII в.).

Старая Вознесенская церковь XVIII в., снятая съ картины I-й половины XIX вѣка.

Старая Николаевская церковь, построенная въ XVIII в.

Видъ города Харьнова съ датою конца XVIII вѣка.

На послѣднемъ рисункѣ изображенъ видъ Харькова съ южной его стороны, съ нынѣшней Воскресенской площади. Въ концѣ XVIII в. черезъ Нетечу моста еще не существовало, его замѣняла такъ называемая Буксгевденовская гребля, расположенная ниже нынѣшняго Нетечинскаго моста, примѣрно тамъ, гдѣ теперь Цыганскій мостъ. Гребля и при ней мельничный амбаръ и вырисовываются на первомъ планѣ картины. Черезъ рѣку видъ на центръ города. Прямо передъ собой мы имѣемъ старую колокольню собора, стоявшую отдѣльно отъ церкви, посреди Соборной площади. Правѣе колокольни –соборъ, возлѣ него двухъ-этажное зданіе, занимаемое сперва Магистратомъ, а въ послѣдніе годы XVIII в.—Губернскимъ Правленіемъ, ниже домъ для полиціи и квартира вице-губернатора. По лѣвую сторону улицы въѣздъ въ „дворецъ", обнесенный каменной оградой, на углу которой, тамъ, гдѣ теперь трактиръ „Шипка",—каменная круглая башня. Лѣвѣе „дворца"—недостроенный корпусъ присутственныхъ мѣстъ, а за нимъ видны куполы монастырскихъ церквей. На лѣвомъ планѣ картины видны церкви Благовѣщенская и Рождественская. На правомъ планѣ вырисовывается одинокій куполъ Николаевской церкви, довольно хорошо видна Троицкая церковь, а еще яснѣе—Михайловская.

Всѣ прилагаемые снимки старыхъ Харьковскихъ церквей сдѣланы въ XIX в., т. е. въ то время, когда онѣ уже успѣли достаточно измѣнить свой внѣшній видъ.

Глава 9-я.

Экономическій бытъ—промыслы, торговля и ремесла.

Населеніе Харькова въ XVII в. состояло, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ изъ малороссіянъ, переселившихся сюда подъ вліяніемъ религіозныхъ, соціальныхъ и политическихъ причинъ, изъ южнорусскихъ областей Польши. Жители правобережной Малороссіи, переходя въ Слободскую украйну, приносили съ собою привычку къ тѣмъ занятіямъ, которыя господствовали у нихъ на родинѣ. Мало того: они привозили съ собою свое домашнее имущество и орудія, дававшія имъ возможность и на новыхъ мѣстахъ жительства немедленно предаться излюбленнымъ промысламъ и ремесламъ. Изъ большихъ и малыхъ городковъ, селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными „прочанами“ (переселенцами) съ ихъ семьями и пожитками; уходили не только свѣтскія, но и духовныя лица. Характеристическія особенности малороссіянъ или черкасъ, ихъ матеріальной и духовной культуры, опредѣляются въ московскихъ актахъ терминомъ „старочеркасская“ или просто „черкасская обыкность“, т. е. старинный малорусскій обычай. По своей „черкасской обыкности“, они занимаютъ себѣ участки пахатной и сѣнокосной земли и лѣса, устраиваютъ хутора, заводятъ пасѣки и садки, строятъ мельницы и занимаются всякими промыслами и торговлей. На родинѣ у себя они были земледѣльцами; условія земледѣльческой культуры въ Кіевской и Харьковской губ. мало чѣмъ отличались другъ отъ друга. Неудивительно поэтому, что и на новыхъ мѣстахъ они немедленно стали распахивать пожалованныя имъ земли. Многіе изъ нихъ приводили съ собою значительное количество скота и скотоводство стало самымъ важнымъ (послѣ земледѣлія) ихъ занятіемъ. Вообще можно сказать, что малороссіяне вынесли изъ своей родины знаніе почти всѣхъ тѣхъ промысловъ и ремеслъ, которыя мы у нихъ находимъ, напримѣръ, въ концѣ XVIII вѣка. Великорусскіе переселенцы принесли съ собою въ Слободскую Украйну вообще и въ Харьковъ въ частности ту культуру, которая наблюдается въ то время на украйнахъ среди служилаго сословія; она была нѣсколько ниже той, которая господствовала въ центральныхъ областяхъ Московскаго Государства, но все таки и великорусское населеніе, подобно малорусскому, занималось земледѣліемъ и другими промыслами и ремеслами.[1]). Развитіе матеріальной культуры у слобожанъ на новомъ мѣстѣ ихъ жительства опредѣлилось съ одной стороны естественно-историческими условіями занятой ими мѣстности, а съ другой историческими условіями ихъ существованія. Первыя въ общемъ мало чѣмъ отличались отъ тѣхъ, которыя были у нихъ въ Заднѣпровьѣ, за исключеніемъ того, что новый край представлялъ изъ себя дикое поле и, слѣдовательно, требовалъ много труда на первоначальное поселеніе и устройство колонистовъ. Условія же соціальной, религіозной и политической жизни были здѣсь совсѣмъ не тѣ, что въ Польской Украйнѣ: здѣсь слобожанамъ возможно было въ значительной степени осуществить тотъ соціальный, религіозный, политическій и экономическій строй, который они

[1]) Д. И. Багалѣй. Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Х. 1889.

считали справедливымъ и удобнымъ для себя. Изъ прежнихъ условій ихъ существованія осталось неизмѣннымъ одно—необходимость вести безпрерывную упорную борьбу съ татарами, защищать отъ нихъ и свою Украйну, и быть вмѣстѣ съ тѣмъ оплотомъ и для всего государства; а это служило главнымъ тормазомъ для культуры.

Обращаясь спеціально къ Харькову и экономическому быту его населенія, мы должны вспомнить, что въ теченіе всего XVII-го вѣка и даже въ началѣ XVIII в. онъ главнымъ образомъ является военнымъ пунктомъ—крѣпостью, хотя въ то же время начинаетъ расти и его торговое значеніе, но впрочемъ это послѣднее онъ расширяетъ главнымъ образомъ въ теченіе XVIII вѣка, когда вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ его роль, какъ крѣпости. Но Харьковъ, подобно другимъ городамъ на Украйнѣ, представлялъ изъ себя своеобразную крѣпость—ее защищалъ не гарнизонъ, а постоянное военное и вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльческое городское населеніе, носившее названіе козаковъ и городовыхъ мѣщанъ. Козачество всюду являлось съ такимъ характеромъ—такимъ оно было въ Заднѣпровьѣ, такимъ оно осталось и въ Слободской Украйнѣ; въ этой послѣдней козаками дѣлались и тѣ, кто у себя на родинѣ не могъ осуществить своего стремленія сдѣлаться вольнымъ козакомъ. Польша стремилась уменьшить число козаковъ, Москва была заинтересована въ увеличеніи количества этого нужнаго для государства сословія. Вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья оно отводило имъ дикія „порожжія“ земли, которыхъ было множество, которыя ему ничего не стоили и которыя вслѣдствіе этого пріобрѣтали цѣну и могли слѣдовательно, дать потомъ доходъ и государству. Такова была система Московскаго правительства, совершенно совпавшая со вкусами и стремленіями колонистовъ. Эти послѣдніе почти всѣ безъ различія стремились получить землю и завести пашни. Въ этомъ отношеніи не было почти никакой разницы между городами и слободами, селами, деревнями и хуторами. Городъ въ Слободской Украйнѣ отличался отъ другихъ видовъ поселеній только тѣмъ, что былъ укрѣпленъ (хотя впрочемъ и нѣкоторыя слободы имѣли укрѣпленія), но и жители слободъ были обязаны военною службою и были въ одно и тоже время и земледѣльцами и воинами.

Такимъ образомъ, главнымъ занятіемъ огромнаго большинства населенія Харькова въ XVII в. было земледѣліе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ о г. Харьковѣ—отписка его воеводы Селифонтова 1657 года. Черкасы отказались строить крѣпость по указанному имъ образцу, прежде чѣмъ не распашутъ своихъ полей: „мы людишки бѣдные, отвѣчали они ему, голодные, еще пашню не распахали и хлѣбомъ не обзавелись и дворами не построились, а какъ же мы хлѣбомъ обзаведемся и дворами построимся и мы де противъ Государева указа острогъ новый поставимъ“. Такъ же точно поступали и жители другихъ слободскоукраинскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Чугуева, основаннаго еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Что дѣло касалось здѣсь всѣхъ пововъѣзжихъ черкасъ или по крайней мѣрѣ огромнаго большинства ихъ, видно изъ того, что въ другомъ документѣ они называются „пашенными“ черкасами, т. е. земледѣльцами.

Съ самаго перваго момента поселенія жители Харькова стали заводить себѣ хутора и пасѣки, гдѣ обыкновенно проживали и занимались сельскимъ хозяйствомъ. Вотъ чрезвычайно важное въ этомъ отношеніи свидѣтельство. Въ 1658 г. Харьковскій воевода Офросимовъ жаловался Государю, что „они жили всѣ въ лѣсахъ по хуторамъ и по пасѣкамъ своимъ, а въ городѣ только чуть не пусто“ [1]). Не менѣе важнымъ является и другое свидѣтельство того же воеводы Офросимова 1658 года, что Харьковскіе черкасы креста Государю не цѣловали, ибо крестоприводной записи въ Харьковѣ не было, и что все это „былъ сбродъ—мужики деревен-

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг. стола, № 399.

скіе". Воевода хотѣлъ сказать этимъ, повидимому, что среди новоприхожихъ харьковскихъ черкасъ преобладали не козаки, а крестьяне, обитавшіе у себя на родинѣ въ деревняхъ и занимавшіеся тамъ земледѣліемъ. Можно предполагать, что они, подобно ахтырскимъ поселенцамъ, привели съ собою скотъ.

Обращаясь къ жалованнымъ грамотамъ [1]), въ которыхъ заключаются привиллегіи слобожанъ, мы видимъ, что на первомъ планѣ здѣсь стоитъ право „заимки занимать", т. е. юридически, по закону пріобрѣтать земельную собственность, jure primae occurationis. И по существу дѣла, это была огромная привиллегія, способствовавшая быстрому развитію земледѣльческаго промысла. Не даромъ и весь край получилъ названіе Слободской украйны, украйны, сплошь покрытой слободами, т. е. поселеніями, свободными отъ повинностей. Въ грамотѣ 1686 г., данной на имя Харьковскихъ полковниковъ Григорія и Константина Донцовъ, ясно подтверждается это исконное право Слобожанъ на заимки. Въ 1683 году, говорилось тамъ, была послана грамота къ великорусскимъ украинскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, воспрещавшая безъ Государева указа отводить служилымъ людямъ помѣстья изъ дикихъ и пустыхъ земель, а приказные люди на этомъ основаніи стали запрещать и слободскимъ козакамъ владѣть ихъ заимками; но такого указа нѣтъ и всѣ черкасскіе полковники, урядники, козаки и мѣщане въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, кто гдѣ живетъ, землями и пасѣками и сѣнными покосами и всякими угодьи, которые вы заняли себѣ по своимъ заимкахъ, владѣйте по прежнему, по вашимъ черкасскимъ обыкностямъ" [2]). Одновременно съ земледѣліемъ жители Харькова стали заниматься и другими промыслами. Можно думать, что, подобно другимъ переселенцамъ, они привели съ собою значительное количество крупнаго и мелкаго скота. Изъ жалованныхъ грамотъ, полученныхъ Харьковскимъ полкомъ и относящихся, слѣдовательно, и къ Харькову, видно, что важнѣйшею льготою было право свободнаго винокуренія, которое было исключительною привиллегіею малорусскаго населенія. Чтобы понять важное экономическое значеніе этой привиллегіи, нужно только вспомнить, что она замѣняла нынѣшній отпускъ хлѣба заграницу; „горѣлка" всюду находила себѣ сбытъ, а хлѣбъ былъ чуть ли не у каждаго домохозяина. О развитіи этого промысла у жителей г. Харькова свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: въ 60-хъ годахъ XVII-го вѣка у нихъ былъ 501 винный котелъ, 4 пивныхъ и 73 шинковыхъ двора [3]). Въ 1669 году Царь Алѣксѣй Михайловичъ пожаловалъ жителей г. Харькова—простилъ имъ недоимку за 4 года (съ 1665-го по 1669-й) и оброкъ за 1669-й годъ, которыя они должны были платить въ Государеву казну съ винныхъ и пивныхъ котловъ и шинковъ. До 1665 г. и жители г. Харькова были, вѣроятно, свободны отъ этихъ оброковъ, потому что на первыхъ порахъ поселенцы въ качествѣ слобожанъ вообще получали льготы отъ повинностей. Жители же другихъ городовъ Харьковскаго полка и не были обложены этими оброками. Такимъ образомъ, Харьковцы уплачивали оброки только 4 года, но дѣлали это такъ неаккуратно, что на нихъ накопилась большая недоимка, равнявшаяся почти двухлѣтнему окладу [4]).

---

[1]) Спеціальныхъ городскихъ грамотъ и привиллегій до жалованной Екатерининской грамоты Харьковъ не имѣлъ, но за то пользовался всѣми привиллегіями, предоставленными Харьковскому полку, центромъ котораго онъ былъ. „Городъ, читаемъ мы, въ одномъ документѣ 1767 г., особливо жалованныхъ для себя отъ государей грамотъ и привиллегій не имѣетъ (слѣдовательно, въ немъ не было магдебургскаго городоваго права), а пользуется привиллегіями прежнихъ монарховъ, которые генерально для всего украинскаго вольнаго народа при первоначальномъ поселеніи его и въ послѣдующіе годы были пожалованы всѣмъ Слободскимъ полкамъ; состоятъ же эти привиллегіи въ свободномъ и безпошлинномъ винокуреніи, пиво и медоваренін и продажѣ этихъ напитковъ, а равно и нѣкоторыхъ другихъ льготъ. (Д. И. Багалѣя. Матеріалы, II, стр. 213).

[2]) Чижевскій. Староваимочныя земли. Х. 1883, стр. 105—106.

[3]) Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. столъ. Столб. № 1132.

[4]) Полн. Собр. Зак., т. 1-й, № 449.

Харьковъ выросъ экономически въ XVIII в. главнымъ образомъ благодаря своимъ четыремъ ярмаркамъ; происхожденіе же одной изъ нихъ Успенской и происхожденіе его четверговыхъ торговъ относится къ 1659 году. Въ этомъ году жители Харькова малороссіяне атаманъ Тимофей Лавриновъ, сотники и рядовые черкасы, всѣмъ городомъ, подали царю Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой писали, что сошлись они подъ Его высокую руку въ Харьковъ, а ярмарки въ немъ нѣтъ, между тѣмъ въ такомъ многолюдномъ мѣстѣ можетъ быть большой съѣздъ и потому они просятъ, чтобы Государь разрѣшилъ быть въ Харьковѣ ярмаркѣ на Успенье Пресвятыя Богородицы, съ тѣмъ чтобы сюда могли съѣзжаться въ это время изъ русскихъ и малороссійскихъ городовъ разные люди для торговли и „было бы отъ государя безпенно“. Подписались подъ этою челобитною тогдашніе священники харьковскихъ церквей. И Государь въ томъ же году прислалъ въ Харьковъ на имя воеводы Офросимова отвѣтную грамоту, въ которой, прописавъ вышеприведенную челобитную, приказывалъ воеводѣ разрѣшить мѣстнымъ („тутошнимъ“) жителямъ и пріѣзжимъ людямъ „всякими товарами въ Харьковѣ на тотъ срокъ торговать, а также вести торгъ всякую недѣлю по четвергамъ [1]).

Это свидѣтельство для насъ чрезвычайно важно: оно показываетъ, что торговымъ интересамъ въ Харьковѣ отведено было, благодаря его многолюдству, видное мѣсто сейчасъ же послѣ его основанія. Въ соотвѣтствіи съ нимъ находится и другое свидѣтельство Московскихъ актовъ о поѣздкахъ Харьковцевъ на Торъ, т. е. въ Славянскъ, за солью еще тогда, когда поселенцы не выстроили городскихъ укрѣпленій, а жили на городищѣ—въ 1654 году. Въ немъ слѣдуетъ видѣть, быть можетъ, указаніе на начало чумацкаго промысла. Для этого торговаго дѣла они проложили новую дорогу, которую имъ приказывалъ засѣчь, т. е. уничтожить воевода Селифонтовъ, но они его не послушали [2]). Нужно думать, что характеръ тогдашней ярмарочной харьковской торговли былъ деревенскій, напоминая особенности сельскихъ и слободскихъ ярмарокъ XIX вѣка.

Грамотою 1684 года на имя Харьковскаго полковника Григорія Донца предоставлялась козакамъ Харькова безпошлинная торговля и бывшая въ завѣдываніи великорусскихъ цѣловальниковъ и вѣрныхъ головъ таможня передана старшинѣ и козакамъ; они могли выбирать изъ себя для завѣдыванія ею лицо, которое должно было собирать пошлину съ пріѣзжихъ русскихъ людей и черкасъ и за это уплачивать по 213 рублей въ Бѣлгородъ [3]). Къ числу „старочеркасскихъ“, т. е. древнемалороссійскихъ обычаевъ слѣдуетъ отнести также устройство мельницъ. Въ 1660 году жители Харькова малороссіяне Юрко Василенко и Еремей Бѣлоусовъ подали царю челобитную и въ ней заявили: „служимъ мы Тебѣ, великому Государю, а помѣстьица и вотчинки у насъ нѣтъ; пожалуй насъ—разрѣши намъ построить мельницу въ Харьковскомъ уѣздѣ въ дер. Бабаяхъ на рѣчкѣ Удахъ, чтобы было намъ чѣмъ кормиться и твою государеву службу служить“. Государь разрѣшилъ постройку мельницы въ томъ случаѣ, если земля была пустая и на нее ни отъ кого не было спора [4]). Въ томъ же году харьковскій житель малороссіянинъ Стенька Филипповъ подалъ челобитную о разрѣшеніи ему построить мельницу въ Харьковскомъ же уѣздѣ въ дер. Дергачевкѣ (нынѣшнихъ Дергачахъ) на рѣчкѣ Полномъ Колодезѣ. Въ отвѣтъ послѣдовала царская грамота, разрѣшающая постройку мельницы подъ условіемъ, чтобы она не затопляла ни у кого пахотныхъ земель и угодій.

Въ 1688 году Харьковскій полкъ, а въ томъ числѣ и г. Харьковъ, получилъ освобожденіе отъ оброка на мельницы; объ этомъ ходатайствовали сами полчане и ссылались на жало-

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола, № 480, л. 307—309.
[2]) Ibidem, № 394, л. 149—153.
[3]) Чижевскій. Старозаимочныя земли, стр. 103—104.
[4]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола № 469, л. 198—199.

ванную грамоту царя Алексѣя Михайловича, предоставлявшую имъ свободу промысловъ вмѣсто государева жалованья. Въ числѣ 36 мельницъ Харьковскаго полка были и такія, которыя находились повидимому въ самомъ Харьковѣ на р.р. Лопани и Харьковѣ. Если не ошибаемся, на р. Харьковѣ были мельницы малороссіянина Максима Верещагина и Ивана Миргородскаго, а на р. Лопани—малороссіянина Козьмы Иванова, Степана Ѳедорова и Ивана Прокофьева [1]).

Безоброчное владѣніе мельницами подтверждаетъ и грамота 1695 года, выданная на имя воеводы Сем. Зурова [2])

Общее подтвержденіе права землевладѣнія, безоброчныхъ промысловъ даетъ грамота 1700 года: „промыслами своими, какіе у нихъ есть, въ городахъ, мельницами и рыбными ловлями и всякими угодьями владѣть и всякими промыслами промышлять и шинки держать, безоброчно и безпошлинно“, а таможни, кабаки, мосты и перевозы отданы имъ на откупъ безъ перекупки на ратуши [3]).

И такъ, жители г. Харькова во второй половинѣ XVII вѣка занимались земледѣліемъ, винокуреніемъ, торговлей, имѣли мельницы. Но этимъ, конечно, далеко не исчерпывались ихъ занятія: нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время были у нихъ въ ходу и ремесла, столь необходимыя въ городскомъ быту, при скученности населенія, тѣмъ болѣе что знаніе ихъ они принесли съ собою изъ своего стараго отечества.

Къ XVIII вѣку относится уже цѣлый рядъ документовъ, дающихъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о занятіяхъ харьковскаго населенія. По переписи Хрущова, относящейся къ 1732 г., мы видимъ уже здѣсь нѣсколько торговцовъ великорусскаго происхожденія, отдѣльную группу цеховыхъ ремесленниковъ и даже спеціальную довольно многочисленную группу шинкарей. Купцовъ изъ посадскихъ людей было, какъ мы знаемъ, 62 души и они жили въ 23 дворахъ. Цеховыхъ малороссіянъ было 492 души. „Къ сожалѣнію, въ переписи не противъ всѣхъ хозяевъ показанъ родъ занятій; обозначенные же принадлежатъ къ слѣдующимъ ремесламъ: ткачей—12, „шевцовъ“ (сапожники)—8, „котляровъ“ (котельники)—6, „ковалей“ (кузнецы)—4, „рѣзниковъ“ (мясники), „рымарей“ (шорники), „музыкъ“ (музыканты), „скляровъ“ (стекольщики) и „шаповаловъ“ (шерстобитовъ) по 3, бондарей, гончаровъ (горшечниковъ), „кравцовъ“ (портныхъ) и дехтярей по 2, „кушнеровъ“ (овчинниковъ), „теслей“ (плотниковъ), „олейниковъ“ (имѣющихъ маслобойни), винниковъ (владѣльцевъ винокурень), солодовниковъ (владѣльцевъ солодовень) и коцарей (изготовляющихъ особые ковры)—по одному. Шинкарей съ дѣтьми муж. пола насчитывалось 122 чел. „Шинки помѣщались или отдѣльно, или въ особыхъ дворахъ. Всего дворовъ съ шинками считалось 22 да 3 отдѣльныхъ шинка. Шинковые дворы и въ нихъ шинки принадлежали или козацкой старшинѣ, или духовенству, именно: Харьковскому полковнику Квиткѣ 2, Деркачевскому сотнику Алексѣю Квиткѣ 3, городничему Голуховичу 3, подпрапорному Смороцкому 1, Харьковскому атаману Семену Шаповалу 1, вдовѣ бывшаго протопопа 1, двумъ харьковскимъ протопопамъ 3, священникамъ Николаевской церкви 1, Соборной церкви 1, Харьковскому Покровскому монастырю 1, остальные принадлежали козакамъ [4]). Замѣтимъ кстати, что продажа горячаго вина въ шинкахъ не считалась въ то время неудобнымъ занятіемъ. Но едвали можно допустить, чтобы этими цифрами исчерпывалось число лицъ, занимающихся торговлею и ремеслами. Здѣсь, очевидно, указаны только тѣ группы, занятія коихъ совпадали съ ихъ соціальнымъ положеніемъ. Но торговлей, конечно, занимались не одни

[1]) Чижевскій. Старозаимочныя земли, стр. 107—110; Полн. Собр. Зак. т. 2-й № 1279.

[2]) Чижевскій. Старозаимочныя земли, стр. 113.

[3]) Чижевскій. Старозаимочныя земли, стр. 114 115; Полн. Собр. Зак., т. IV, п. 177; но и въ XVIII в. понадобилось еще подтверждать особой грамотой эту свободу отъ оброковъ; см. у В. В. Гурова. Сборникъ, стр. 521—524.

[4]) Харьк. Календ. на 1885-й годъ, стр. 651, 644, 645.

великорусскіе посадскіе люди, а и проживавшіе въ Харьковѣ иностранцы, и козацкая старшина, и козаки, и цеховые, и подданные, ремеслами—не одни цеховые, но и козаки, разночинцы и т. д. Строгой дифференціаціи занятій еще не было и это прекрасно понято и выражено путешествовавшимъ въ 1781—1782 г.г. по Слободской Украйнѣ академикомъ Зуевымъ. „Земля, будучи наиплодороднѣйшая, составляетъ главнѣйшее жителей упражненіе, такъ что гдѣ не поѣдешь, вездѣ поверхность ея покрыта наибольшею частью хлѣбомъ, а потомъ или бахчами, или плодовыми садами и каждый почти изъ жителей въ городахъ есть и обыватель, и пахарь, и купецъ, и садовникъ и службу отправляющій житель“ [1]). Во 2-й половинѣ XVII вѣка этой дифференціаціи было еще меньше.

Такимъ образомъ, въ первое столѣтіе своего существованія, въ козацкій періодъ своей исторіи (во 2-й половинѣ XVII-го и первой половинѣ XVIII вѣка), по экономическому быту своему, Харьковъ мало чѣмъ отличался отъ другихъ многолюдныхъ тогдашнихъ слободъ и мѣстечекъ. Различіе было, такъ сказать, количественное, а не качественное: и тамъ, и здѣсь была ярмарочная торговля, но въ Харьковѣ она была несравненно интенсивнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ уже въ силу его многолюдства, которое, какъ мы видѣли, и послужило исходнымъ пунктомъ для заведенія въ немъ Успенской ярмарки. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, когда возникли въ Харьковѣ остальныя его три ярмарки—въ XVII или XVIII вѣкѣ. Судя по значительнымъ размѣрамъ торговыхъ оборотовъ Крещенской ярмарки, можно предполагать, что и этотъ зимній съѣздъ возникъ очень рано въ томъ же XVII вѣкѣ. Покровская же возникла позже, замѣнивъ собою таковую же Нѣжинскую. Вообще можно сказать, что ярмарочная торговля въ Харьковѣ расширялась постепенно, по мѣрѣ того какъ падало значеніе Харькова въ качествѣ чисто военнаго пункта—крѣпости, а это дѣлается замѣтно очень рано. Правда и въ первой половинѣ XVIII в. Харьковъ былъ полковымъ, т. е. какъ бы военнымъ центромъ, но мы знаемъ, что козаки и ихъ подпомощники были не только воинами, но и земледѣльцами, и промышленниками, и торговцами, и ремесленниками. Получивъ значеніе центра полка, т. е. извѣстной географической единицы, Харьковъ въ связи съ этимъ могъ даже развить свое промышленно-торговое и ремесленное значеніе: для полковыхъ нуждъ и потребностей, для проживавшихъ въ немъ представителей власти нужны были разнообразные предметы, производимые мѣстнымъ цеховымъ обществомъ или привозимые изъ сосѣднихъ мѣстъ на ярмарки; это же способствовало и зарожденію постоянной торговли. Присутствіе въ составѣ Харьковскаго населенія въ 1732 году (по переписи Хрущова) великорусскихъ торговыхъ людей свидѣтельствуетъ даже о томъ, что и тогда уже начинали проникать сюда товары изъ центральныхъ губерній Россіи. Справедливо общее заключеніе И. С. Аксакова о слободскоукраинскомъ козачествѣ, что оно, какъ растеніе, лишенное питательнаго корня, „не внесло въ построенные имъ города ни Магдебургскаго права, ни Литовскаго статута, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, и такъ какъ само по себѣ не могло создать городовой жизни, то, при постепенномъ ослабленіи духа воинской администраціи, города Слободской Украйны сдѣлались легко доступными вторженію началъ великорусской не только народной, но и правительственной стихіи. Главнокомандовавшіе на Украйнѣ генералы имѣли почти всегда мѣстопребываніе въ Харьковѣ съ 1680 года.

Но эта великорусская стихія въ харьковской торговлѣ должна была серьезно считаться съ малороссійской, иностранной и мѣстной. Малороссія и Слободская Украина до прекращенія ихъ политической автономіи, т. е. до 60-хъ годовъ XVIII. в., были связаны другъ съ другомъ не только этнографическимъ родствомъ, но и общностью торговопромышленныхъ интересовъ:

[1]) Путешественныя записки, стр. 195—196.

торговцы переѣзжали изъ ярмарокъ малороссійскихъ на слободскоукраинскія и наоборотъ; обѣ области обмѣнивались взаимно своими произведеніями. Въ Малороссіи издавна славились своими ярмарками—Кролевецъ, Роменъ и Нѣжинъ. Вызванные въ Нѣжинъ греки были настящими купцами комерсантами, нисколько не уступавшими великорусскому купечеству. Они вносили иностранную стихію и въ самые предметы торговли, да и вообще въ Малороссійской торговлѣ была сильна эта стихія: города Кенигсбергъ, Данцигъ, Лейпцигъ играли видную роль въ Малороссійской торговлѣ; волохи, нѣмцы, наравнѣ съ греками были представителями этой иностранной торговли. И вотъ греки, по переписи Хрущова, оказываются проживающими и въ Харьковѣ и одинъ изъ нихъ Черкесъ былъ впослѣдствіи депутатомъ отъ Харькова въ Екатерининскую Коммиссію и отстаивалъ старинное традиціонное направленіе путей Харьковской торговли.

Но, съ заселеніемъ Новороссіи, съ построеніемъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ, Малороссія, переставъ быть Украйной, теряетъ въ южной торговлѣ свое первенствующее положеніе, которое переходитъ теперь къ Слободской Украйнѣ и въ частности къ Харькову, благодаря непосредственному сосѣдству ихъ съ Новороссійскимъ краемъ. Конечно, и прежняя малорусская стихія даетъ себя еще чувствовать на харьковскихъ ярмаркахъ; но великорусскіе товары теперь пріобрѣтаютъ доминирующее значеніе, также точно какъ сѣверные порты –Петербургъ и Рига являются главными проводниками иностранныхъ товаровъ, а сухопутная торговля съ Германіей падаетъ; Англія и Америка распространяютъ свои мануфактуры на счетъ Германіи.

Понятно, новое теченіе установилось не сразу, и въ тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя мы представимъ о Харьковской торговлѣ во второй половинѣ XVIII вѣка, мы замѣтимъ и черты стараго, и элементы новаго склада жизни; но это новое проявляется очень замѣтно и ярко окрашиваетъ этотъ періодъ въ экономической эволюціи нашего города. Но прежде чѣмъ изложить этотъ матеріалъ, необходимо сдѣлать о немъ одну оговорку ограничительнаго характера. Несомнѣнно, что вторая половина XVIII вѣка является расцвѣтомъ въ торговой дѣятельности Харькова; но блѣдность въ этомъ отношеніи предшествующаго козацкаго періода объясняется, быть можетъ, не только слабою напряженностью торговой дѣятельности, но и скудостью источниковъ, которые не даютъ истиннаго понятія о ея размѣрахъ и характерѣ. Между тѣмъ для второго періода мнѣ удалось разыскать множество цѣнныхъ матеріаловъ, во всѣхъ подробностяхъ изображающихъ торговлю, промыслы и ремесла харьковскихъ жителей. Документы эти отчасти подтверждаютъ, отчасти дополняютъ другъ друга (противорѣчивыхъ данныхъ мы въ нихъ почти не находимъ). Всѣ эти матеріалы отличаются документальнымъ характеромъ и въ общемъ могутъ быть признаны достовѣрными. Конечно, цифровыя свѣдѣнія объ оборотахъ едва ли могутъ претендовать на точность, но извѣстно, что и нынѣшнія знанія наши объ этой сторонѣ торговли едвали удовлетворительны. Наконецъ, пользуясь этимъ матеріаломъ, слѣдуетъ помнить, что онъ собирался не по одинаковой программѣ и не для однихъ цѣлей и потому пробѣлы въ источникѣ, относящемся къ извѣстному году, еще не свидѣтельствуютъ о томъ, чтобы въ это время не было того, о чемъ ничего не говорится, и если въ описаніи ярмарки нѣтъ полнаго перечня товаровъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ не было и въ дѣйствительности.

Обращаемся теперь къ промышленности, торговлѣ и ремесламъ Харьковскихъ жителей во 2-й половинѣ XVIII в. Главнымъ занятіемъ большинства населенія было въ началѣ земледѣліе.

Въ городской и уѣздной округѣ сѣялись слѣдующія породы хлѣбныхъ растеній—рожь, пшеница, ячмень, овесъ, гречиха и просо; озимый хлѣбъ въ лучшее время давалъ самъ четверть и самъ пять, яровой самъ шесть, просо болѣе—самъ десять; такой же урожай давалъ и горохъ; ленъ и конопля родили посредственно [1]).

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы II, 217—219.

По даннымъ 1765 года, земледѣліе здѣсь играло видную роль; безъ особеннаго труда озимый и яровой хлѣбъ, горохъ, ленъ, конопля давали урожай, но почти все это потреблялось на мѣстѣ, за исключеніемъ пшена и ячменнаго солода, которые иногда здѣшними обывателями отвозились въ Бахмутъ и на Донъ, откуда получали за нихъ рыбу и соль [1]).

Въ 1767 году были доставлены о Харьковѣ свѣдѣнія въ знаменитую Екатерининскую Коммиссію для составленія проэкта новаго уложенія. Изъ нихъ оказывается, что земля Харькову была дана округою по урочищамъ. По качеству своему эта земля около города была песчаная, а далѣе шелъ ровный хлѣбородный черноземъ; но теперь особые межевщики отмѣривали для города выгонную землю, а остальная часть должна была остаться въ распоряженіи городскихъ земледѣльцевъ.

Земли было подъ городскими поселеніями 637 десятинъ и 20 кв. саж., вновь отмежеванной подъ выгонъ—1792 десятины и 1197 саж., городской дачи—22544 десятины; всего 24973 десятины 1197 саж. [2]).

По даннымъ 1780 г., основнымъ занятіемъ жителей г. Харькова было земледѣліе—имъ занималось 3137 душъ изъ 4524 душъ мужскаго пола, т. е. около 70% общаго числа ихъ.

Любопытно сопоставить съ этимъ свидѣтельство современника—академика Зуева, проѣзжавшаго черезъ Харьковъ въ 1781 году. „Жители въ городѣ, пишетъ онъ, суть наибольшею частью войсковые обыватели, подданные и другіе разнаго званія, всѣхъ числомъ около шести тысячъ душъ, промыселъ ихъ за городомъ состоитъ въ хлѣбопашествѣ, садахъ и бахчахъ, въ городѣ же отъ винокурень и шинковъ."

Весь національный промыселъ и пропитаніе, говорится въ другомъ документѣ, зависятъ отъ хлѣбопашества, садоводства, огородничества, скотоводства, пчеловодства и винокуренія и свободной продажи питій [3]). Бывшіе же здѣсь ранѣе козаки, ихъ свойственники и подпомощники превратились въ войсковыхъ обывателей и стали заниматься главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, винокуреніемъ и продажей горячихъ питій, скотоводствомъ, пчеловодствомъ.

Жители города занимались земледѣліемъ, а не имѣвшіе земли—заработками, ремеслами, рукодѣліемъ и промыслами—шинковымъ, рыбнымъ и солянымъ.

„Окружающіе Харьковъ лѣса, читаемъ мы въ другомъ документѣ, имѣютъ внутрь себя довольно открытыхъ полянъ, исходящихъ водъ и часть сѣнокосовъ и сіе есть главное начало умноженію жителей и многолюдныхъ селеній въ близости города, гдѣ обитатели отчасти упражняются въ земледѣліи, разведеніи садовъ, въ скотоводствѣ и въ винокуреніи, а отчасти въ ремеслахъ и городскихъ промыслахъ". Сѣнокосы въ отношеніи травы были посредственные. На помѣщиковъ запахивалось до 800 дес., остальную землю войсковые обыватели воздѣлывали для себя.

Наконецъ, цѣнныя свѣдѣнія о промыслахъ харьковскаго населенія заключаются еще въ неизданныхъ „Экономическихъ примѣчаніяхъ" къ даннымъ генеральнаго межеванія [4]).

О промыслахъ жителей г. Харькова въ „Экономическихъ примѣчаніяхъ" говорится слѣдующее. При дворахъ обывателей были овощные огороды, а при нѣкоторыхъ и небольшіе сады съ разными фруктовыми деревьями, плоды съ которыхъ собирались для домашняго обихода и на продажу. Преимущественно же занимались земледѣліемъ на принадлежавшей имъ землѣ и скотоводствомъ, къ чему особенно были склонны.

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав.

[2]) Неизд. топ. опис. Харьк. Нам. 1785 г.

[3]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, II, 212, 213, 218.

[4]) Эти „Экономическія примѣчанія" представляютъ изъ себя по истинѣ драгоцѣнный матеріалъ для сельскохозяйственнаго и экономическаго быта нашего края въ самомъ концѣ XVIII вѣка. Они сохранились по всѣмъ уѣздамъ и находятся въ межевомъ отдѣленіи архива Харьковскаго Губернскаго Правленія. На важность этихъ матеріаловъ я указывалъ еще на Ярославскомъ Археологическомъ Съѣздѣ.

Харьковъ, по даннымъ „Экономическихъ примѣчаній“, имѣлъ земельную дачу, общую съ пригородною слободою Ивановкою и хуторами—Елизаровскимъ, Поповымъ, Штанковскимъ, Остапенковымъ, Борисенковымъ и другими безъимянными, находившимися по рѣчкамъ—Харькову, Немышли и Студенку. Слобода Ивановка лежала на правой сторонѣ рѣки Лопани (гдѣ и нынѣ—почти въ чертѣ города), съ деревянною церковью во имя Іоанна Богослова; хут. Елизаровскій—на лѣвой сторонѣ р. Харькова, Поповъ—на косогорѣ яра Попова на правой его сторонѣ (вѣроятно, недалеко отъ нынѣшняго Попова озера), Штанковскій—на суходолѣ, Остапенковъ и Борисенковъ—при вершинѣ выходящей изъ буерака Поповой долины, а Безъимянныя—по обѣимъ сторонамъ рѣки Харькова, рѣчки Немышли. Всѣ они повидимому находились частію въ предѣлахъ нынѣшней городской черты, частію въ ближайшихъ окрестностяхъ города. Только въ слободѣ Ивановкѣ жили подданные черкасы: у бригадирши Дуниновой ихъ было 18 дворовъ и 51 душа (26 муж. и 25 жен. пола) и у вахмистра Ив. Квитки 22 двора съ 110 душ. (51 муж. и 59 жен.). Хутора основаны были Харьковскими войсковыми обывателями для заведенія скотоводства, но владѣльческихъ подданныхъ тамъ не было. Границы окружной городской земли соприкасались съ владѣніями многихъ черезполосныхъ владѣльцевъ—Норова, Куликовскаго, Логачева, Турченинова, Квитокъ, Ковалевскаго, Романовскаго, Острогожскаго, Ольшанскаго, Дуниной, Дьяконова, Пономарева, Барабашевыхъ, Гонтаревой, Артюхова, Попова, Моренкова, Фесенкова, Назаренкова, Анастасьева, Зашаловскихъ, Киселевой, Сребдольскаго, Гуковскаго, Полтавцева, Павловыхъ, Малиновскаго, Янкевича, Кондратовича, Млодзинскаго, Витинскаго, Коллегіумскаго монастыря и Мартыновой. Перечисленныя лица принадлежали къ сословію дворянъ, военныхъ козацкихъ старшинъ и духовенства. Нѣкоторымъ изъ нихъ, очевидно, принадлежали владѣнія, входившія раньше въ составъ окружной городской земли: о землѣ, принадлежавшей Мартыновой, харьковскіе войсковые обыватели вели споръ.

Всего земли у города Харькова со слободой Ивановкой и хуторами было 24971 десят. 1205 саж., въ томъ числѣ подъ селеніемъ 692 десятины, пахати—16803 дес., сѣнокоса—2500 дес., строеваго и дровянаго лѣса 4270 десятинъ, неудобной—706 дес. 1205 саж. Въ протекавшихъ здѣсь рѣкахъ ловилась рыба—сазаны, щуки, головни, лещи, лини, ерши, караси, плотва, вьюны и раки, употреблявшіяся частію для домашняго обихода, частію шедшія и на продажу; вода была годна не только для скота, но и для людей. Почва была по берегамъ рѣкъ Харькова и Лопани песчаная, а въ прочихъ мѣстахъ черноземная, лучше всего родили рожь, пшеница, ячмень, гречиха, просо и конопля, а также арбузы, дыни и кукуруза. Садоводство также составляло нѣкоторый промыселъ. Въ урожайные годы свѣжія и сушоныя яблоки и груши, а также вишни отпускались въ великорусскіе города и на Донъ. Но садовъ у горожанъ было немного и въ нихъ произрастали плодовыя деревья—яблони, груши, дули, сливы, черносливъ, рябина, вишни, черешни, кустарники—терновникъ, барбарисъ, красная, бѣлая и черная смородина, крыжовникъ и немного малины. Въ огородахъ садили и сѣяли огурцы, рѣдьку, свеклу, морковь, разныхъ сортовъ капусту, волошскую и русскую рѣпу, чеснокъ, горохъ, бобы, петрушку, разныхъ сортовъ салатъ, селдерей, пастернакъ, укропъ, кресъ салатъ, горчицу, немного картофеля и т. п. Въ поляхъ сѣяли пшеницу; на бахчахъ—арбузы, дыни и тыквы. Въ лѣсахъ собирали дикія груши и ягоды (ежевику), а изъ подлѣсья и полей приносили землянику, клубнику и весьма малое количество малины и смородины [1]).

Нельзя не отмѣтить также богатства естественныхъ произведеній въ области фауны и флоры. По лѣсамъ водились волки, зайцы и дикія козы, а мѣстами и медвѣди, куницы и лисицы, но только рѣдко; изъ дикихъ птицъ были голуби, горлицы, перепелки, куропатки,

[1]) Неизд. топ. опис. Харьк. Нам. 1785 г. Ср. извлеченіе изъ межевой книги генеральнаго межеванія г. Харькова, помѣщаемое въ приложеніи.

стрепеты, бекасы, вальдшнепы, воробьи, орлы, ястребы, коршуны, совы, ласточки, кукушки, сои, дрозды, чайки, соловьи, щеглы, дятлы, жаворонки, синицы, кулики, дрохвы, тетерева большіе и малые, утки разныхъ породъ—въ достаточномъ количествѣ, а мѣстами аисты, журавли, огари и даже кречета. Въ рѣкахъ ловились щуки, головни, лещи, окуни, плотва, караси, лины, вьюны, мѣстами коропы; раки же были вездѣ. Большихъ лѣсовъ не было, потому что были вырублены, по небрежности обывателей, но теперь снова начали отростать, благодаря заботамъ губернскаго начальства. Въ лѣсахъ расли—дубъ, липа, осина, береза, кленъ, ольха, вязъ, сосна и между ними въ большомъ количествѣ яблони, груши и теренъ [1]). Таково свидѣтельство современнаго документа.

Этотъ документъ указываетъ на значительныя естественныя богатства городской и уѣздной Харьковской округи, въ особенности въ области фауны—тогда водились еще такія дикія животныя, какихъ въ настоящее время совершенно не имѣется, хотя нужно думать, что онѣ были въ уѣздѣ, а не въ пригородныхъ мѣстахъ, гдѣ лѣса въ значительной мѣрѣ уже порѣдѣли, благодаря хищнической вырубкѣ ихъ главнымъ образомъ для винокуренія; любопытно свидѣтельство о большомъ распространеніи въ лѣсахъ грушевыхъ и яблоневыхъ деревьевъ, а также терновника, плоды коихъ служили предметомъ торговли и доставляли значительный доходъ.

Строевой дубовый лѣсъ по словамъ другого документа имѣлъ толщины въ отрубѣ ¼ аршина, а высоты деревья были до 5 саж. Дровяной лѣсъ состоялъ изъ дуба, осины, клена, ясени, березы, вяза, ольхи, орѣшника и лозы и былъ годенъ для выдѣлки поташа. Среди него были и плодовыя деревья—яблони, груши, терновникъ; въ урожайное лѣто жители собирали плоды съ нихъ и для своего обихода, но больше для продажи. Въ лѣсу водились волки, зайцы, лисицы, куницы, дикія козы, хорьки, бѣлки, горностаи; въ поляхъ и болотахъ птицы—орлы, кречеты, ястреба, коршуны, куропатки, перепелки, стрепета, бекасы, кулики, чайки, дикія утки, тетерева, журавли, дрофы и др.

Промыслы жителей г. Харькова мало чѣмъ отличались отъ таковыхъ же промысловъ сельскаго населенія. Важнѣйшими изъ нихъ послѣ земледѣлія, по даннымъ 1765 года, являлось винокуреніе, продукты котораго шли частію на удовлетвореніе мѣстныхъ жителей, частію отправлялись въ Малороссію и Новороссію, а по временамъ и въ Сѣчь Запорожскую, и въ Донскія станицы. За тѣмъ слѣдовало скотоводство: рогатый скотъ и овецъ скупали здѣсь великорусскіе промышленники и отправляли въ Москву, Петербургъ и прочіе великорусскіе города; коровье и овечье масло отпускалось въ Запорожскую Сѣчь и Крымъ, а по временамъ и въ г. Черкасскъ; бычачьи и овечьи кожи, сало и шерсть—въ великорусскіе города, а свиное сало преимущественно на Донъ и въ Запорожскую сѣчь. Въ Харьковѣ, по полицейскимъ записямъ, въ мясныхъ рядахъ было убито 956 быковъ, 1559 свиней, 11623 старыхъ и молодыхъ овецъ, при чемъ ⅔ кожъ и сала было отпущено внутрь Великороссіи, а ⅓ распродана на мѣстѣ. Необходимо впрочемъ прибавить, что скотъ этотъ былъ купленъ харьковскими мясниками не въ одной Харьковской, но и въ другихъ провинціяхъ. Скотъ—лошади, коровы, овцы, свиньи и козы—разводили въ неособенно большомъ количествѣ. Изъ домашнихъ птицъ были куры, русскіе и идѣйскіе, гуси, утки и голуби.

Фабрикъ и заводовъ тогда въ Харьковѣ не было, кромѣ небольшихъ кирпичныхъ, винныхъ, пивоваренныхъ и солодовныхъ, принадлежавшихъ городскимъ жителямъ, которые употребляли на нихъ свои собственные припасы и затѣмъ продавали солодъ, пиво и вино; мастеровыхъ людей на этихъ заводахъ было очень малое число [2]). Промыслами (винокуреніемъ,

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы. II, 217—219.

[2]) Военноуч. арх. Гл. шт., отд. 5-е, шк. 37, № 468.

пиво и медовареніемъ) здѣшніе жители занимались безпошлинно и безоброчно по жалованнымъ грамотамъ, подтвержденнымъ и Имп. Екатериною II.

О размѣрахъ винокуренія въ Харьковѣ въ 1765 году даетъ понятіе тотъ фактъ, что промысломъ этимъ занималось 26 душъ [1]).

Всего было 93 котла вѣсомъ въ 90 пудовъ 26 фунт. Но изъ нихъ вынуто и опечатано было въ качествѣ излишнихъ 11 котловъ вѣсомъ въ 11 пуд. 26 фун. и такимъ образомъ осталось 82 вѣсомъ въ 79 пудовъ.

Прибыль отъ каждаго котла получалась далеко не въ одинаковомъ размѣрѣ: болѣе крупные заводчики, имѣвшіе, собственную „верстать", т. е. четыре или пять пудовыхъ котловъ, получали хорошій доходъ, а мелкіе, имѣвшіе по одному котлу, должны были соединяться вмѣстѣ, чтобы сообща образовать одну верстать и имѣли только ту выгоду, что выкармливали бардою свой скотъ. Хозяинъ же, имѣвшій полную верстать и добраго мастера, получалъ въ годъ съ каждаго котла отъ 10 до 15 рублей. Можно впрочемъ предполагать, что эта цифра дохода нѣсколько пріуменьшена и что доходъ отъ винокуренія имѣли и тѣ лица, у которыхъ было по 3 и даже по 2 котла. Если положить средній доходъ въ 10 рублей (минимальную сумму), то и тогда отъ этого промысла получалось владѣльцами винокурень болѣе 800 рублей. Вышеуказанное ограниченіе винокуренія вызвано было новою системою взиманія налоговъ, введенной при Щербининѣ—размѣры подушной подати, какъ мы знаемъ, находились въ связи съ правомъ винокуренія. Можно думать, что исчисленными лицами не исчерпывалось сословіе винокуровъ. а кромѣ ихъ была масса мелкихъ, имѣвшихъ по одному котлу и соединявшихся другъ съ другомъ для образованія „верстатей". Это видно изъ того, что въ Харьковѣ было не мало войсковыхъ обывателей, уплачивавшихъ подушную подать въ размѣрѣ, дававшемъ имъ право заниматься винокуреніемъ, а во 2-хъ и изъ того, что такихъ лицъ (имѣвшихъ по одному котлу) вовсе не оказывается въ нашемъ перечнѣ, а между тѣмъ о существованіи ихъ упоминается въ этомъ же документѣ.

Пивоваренныхъ владѣльческихъ заводовъ было 4 и солодовенныхъ—3, на нихъ варилось пиво и дѣлался солодъ частію для помѣщичьяго обихода, но главнымъ образомъ на продажу въ городѣ по вольной цѣнѣ.

Кирпичныхъ заводовъ было 4, на которые хозяева ихъ нанимали рабочихъ. Они находились въ полуверстѣ отъ города и возникли въ виду того, что казна рѣшила здѣсь строить губернаторскій домъ и губернскую канцелярію.

„Экономическія примѣчанія" указываютъ въ Харьковѣ 5 помѣщичьихъ кирпичныхъ заводовъ: первый принадлежалъ майору Петру Андреевичу Щербинину, второй—генералъ-майору Дмитрію Автономовичу Норову, третій—полковнику Матвѣю Прокофьевичу Куликовскому, четвертый—бригадирской дочери Варварѣ Андреевнѣ Дуниной, пятый—премьеръ-майору Александру Андреевичу Дунину. Выдѣланный на этихъ заводахъ кирпичъ употреблялся на

[1]) У подпрапорнаго А. Назаренка винная сидка производилась на 3 котла вѣсомъ въ 3 пуда; у селитрянаго заводчика Я. Зашаловскаго было 4 котла вѣсомъ въ 3 п. 36 ф.; у сотника П. Гуковскаго—4 вѣсомъ въ 3 п.; у подпрап. И. Фесенко—4 вѣсомъ въ 4 п. 10 ф.; у отставнаго канцеляриста К. Мотренка - 3 вѣсомъ въ 2 п. 35 ф.; у отст подпр. С. Гаптаря—3 вѣсомъ въ 3 п.; у отст. подпр. И. Ольшанскаго—4 вѣсомъ въ 4 п.; у Рождественскаго священника Д. Зимовскаго—4 вѣсомъ въ 4 п. 10 ф ; у О. Олещенка—2 вѣсомъ въ 1 п. 25 ф.; у капитана; Гр. Калиновскаго—3 вѣсомъ въ 3 п.; у Д. Якименка—3 вѣсомъ въ 2 п. 20 ф.; у отст. подпр. Ф. Чугая—3 вѣсомъ въ 2 п. 20 фун.; у Г. Сомины—3 вѣсомъ въ 2 п 25 ф.; у отст. сотника О. Фесенка—4 вѣсомъ въ 3 п. 26 ф.; Я. Слюсаря—3 вѣсомъ въ 3 п.; у М. Поддубнаго—4 вѣсомъ въ 4 п. 3 ф.; у П. Топчія—5 вѣсомъ въ 4 п. 26 ф. у подпр. О. Коропца—6 вѣсомъ въ 7 п. 10 ф.; у Г. Кологриваго—3 вѣсомъ въ 2 п. 10 ф.; у Д. и М. Шипкиныхъ—3 вѣсомъ въ 2 п. 10 ф.; у А. Уса—2 вѣсомъ въ 2 п.; у С. Бардака—3 вѣсомъ въ 3 п. 10 ф.; у хорунжаго Г. Артюхова—6 вѣсомъ въ 6 п. 10 ф.; у подпрап. Н. Молчана—6 вѣсомъ въ 6 п.; у С. Молчанова—2 вѣсомъ въ 1 п 30 ф., у М. Молчана—3 вѣсомъ въ 3 пуд.

постройки самихъ же владѣльцевъ, а также продаются жителямъ города Харькова отъ 4 до 5 рублей за тысячу.

По рѣкамъ Харькову и Лопани судоходства не было; а были на рѣкѣ Лопани 2 и на рѣкѣ Харьковѣ 3 мельницы, принадлежавшія не городу, а частнымъ горожанамъ и моловшія хлѣбъ по недостатку воды только весною и осенью [1]). Одна мельница на Лопани—майора Щербинина о 4-хъ поставахъ; съ нея дохода получалось до 70 четвертей; другая на р. Лопани—майора Дунина о 4-хъ поставахъ; съ нея дохода до 60 четвертей, третья также на р. Харьковѣ—полковника Куликовскаго о 4-хъ поставахъ; съ нея дохода до 80 четвертей. Работали онѣ въ весеннее и осеннее время.

Въ дачахъ г. Харькова въ 1765 году на р. Лопани было 6 водяныхъ мельницъ съ 14 мельничными колесами, доставлявшихъ въ совокупности ежегоднаго дохода 66 рублей и принадлежавшихъ помѣщицѣ Варварѣ Дуниной (1), Троицкому діакону Павлу (1), Харьковскому Покровскому монастырю (2), отставному майору Дунину (2). На рѣкѣ Харьковѣ было 8 водяныхъ мельницъ съ 21 колесомъ, приносившихъ въ общемъ 108 рублей дохода; изъ нихъ 4 принадлежали вдовѣ полковника Квитки, 2 подпрапорному Ник. Молчанову съ братьями, 1 прапорщику Григорію Квиткѣ и 1 городничему С. Голуховичу. На колодезѣ Куряжѣ было 2 мельницы съ 4 колесами, принадлежащихъ Харьковскому Преображенскому монастырю; дохода съ нихъ было 16 руб. На рѣчкѣ Немышлѣ—2 мельницы съ 3 колесами, принадлежавшихъ прапорщику Г. Назаренкову съ братомъ; дохода съ нихъ 6 руб. На колодезѣ Сержаномъ—2 мельницы съ 4 колесами, принадлежавшихъ полковнику Куликовскому; дохода съ нихъ 12 р. На колодезѣ Луговскомъ—одна мельница съ 2 колесами, принадлежавшая подпрапорнымъ Ивану и Григорію Квиткамъ; дохода съ нихъ 4 руб. Въ дер. Алексѣевкѣ—одна мельница съ 2 колесами, принадлежавшая дѣйств. стат. сов. Спичинской; дохода съ нея 4 руб. Всего въ дачахъ г. Харькова (слѣдовательно, за предѣлами собственно городской черты) было 22 водяныхъ мельницы съ 48 колесами съ доходомъ въ 216 руб.

Переходимъ теперь къ обзору торговли и прежде всего остановимся на харьковскихъ ярмаркахъ во 2-й половинѣ XVIII вѣка. Всѣхъ ярмарокъ было 4—Крещенская, Успенская, Троицкая и Покровская. Вотъ свѣдѣнія о нихъ въ документахъ, относящихся къ 60-мъ год. XVIII ст.

Изъ четырехъ Харьковскихъ ярмарокъ двѣ было первостепенныхъ—Крещенская и Успенская, двѣ остальныхъ второстепенныхъ. На первыя двѣ привозились иностранные товары, великорусскія издѣлія—мѣдь, желѣзо и чугунъ, въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ, хрустальная и стеклянная посуда, Волжская, Донская и Днѣпровская рыба и икра, лошади, рогатый скотъ, сало, кожи, овчины, смушки, заячьи и проч. шкуры, овчинныя шубы калмыцкаго и украинскаго шитья, сермяги, суконные кафтаны, шерстяные ковры, овечья шерсть, воскъ, медъ, ленъ, деревянная посуда, холстъ, рогожи, конопляное масло, деготь, бичева, сушеныя овощи и проч. Начиналась торговля на ярмарочныхъ площадяхъ дней за 6 до урочнаго дня и продолжалась дней 6 послѣ него. На Троицкую и Покровскую ярмарки кромѣ иностранныхъ товаровъ привозились великорусскія издѣлія, а на площадяхъ велся обширный торгъ скотомъ, шерстью, кожами, деревянною посудою и другими подобными предметами.

Эти данныя дополняются „хроногеографическимъ“ описаніемъ Харькова, относящимся къ тому же 1767 году. Четыре харьковскія ярмарки продолжались отъ 8 до до 12 дней. Пріѣзжали на нихъ купцы изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ, изъ Новороссійской губерніи, изъ Донскихъ станицъ и Запорожской сѣчи, а по временамъ и изъ заграницы—поляки и крымскіе татаре, но не ежегодно. Малороссіяне и поляки привозили большею частью

[1]) Свѣд. о Харьковѣ, доставл. въ Екат. ком.

шленскіе (т. е. Силезскіе) суконные, шолковые и бумажные товары, а также Швабское и Нидерландское полотно. Изъ Великороссіи—серебряную, мѣдную, оловянную и желѣзную посуду и другія вещи; мѣдь и желѣзо не въ дѣлѣ, юфть, волчьи, заячьи и лисьи мѣха, холстъ, набойку и разные галантерейные товары русскаго и нѣмецкаго издѣлія. Изъ Новороссіи, Запорожской Сѣчи и Донскихъ станицъ—разную соленую рыбу, икру, рогатый скотъ, лошадей, овецъ, овечью шерсть, бычачьи конскія и бараньи сырыя кожи, крымскія и бѣломорскія (?) вина, бумагу и разные фрукты, по здѣшнему называемые бакаліей, а именно—грецкіе, волошскіе и миндальные орѣхи, винныя ягоды, изюмъ, финики, соленыя маслины, лимоны и т. п. Татары привозили овчины, сафьяныя кожи и простые бумажные товары. Уѣздные обыватели—хлѣбъ, птицу, рогатый и мелкій скотъ, мясо, сало, масло, кожи, деревянную посуду, медъ, горячее вино, разные садовые, огородные и лѣсные плоды. Національнаго купечества впрочемъ было мало, а отпуска хлѣба и другихъ товаровъ ни къ какимъ портамъ не было [1]).

Чрезвычайно полныя и обстоятельныя данныя о Харьковскихъ ярмаркахъ относятся къ 1779 году [2]). Изъ заграницы—Шліонска (т. е. Силезіи), Гданска (т. е. Данцига), и Лейпцига черезъ Васильковскую заставу, Кіевъ, Нѣжинъ, Ромны Нѣжинскіе греки, полтавская компанія и Калужскіе купцы привозили суконный, парчевый, шелковый, бумажный, льняной, пеньковый, галантерейный, фарфоровый и желѣзный товаръ, а именно—сукна аглицкія тонкія мундирныя, аглицкія штатскія, акнеръ, бреславскіе разныхъ цвѣтовъ, локтевое, тридцатовое, ломберское, венгерское фабричное, сапорфеинъ, полусукна и штингалеты разныхъ сортовъ, аглицкій стаметы разныхъ цвѣтовъ, камлоты разныхъ сортовъ, золотую и серебряную парчу, шолковыя матеріи, грезетъ, люстринъ, полугрезетъ, рецетъ, тафты, имфисы цвѣтные, венеціанскій и флорентійскій бархатъ; золотыя и серебряныя пуговицы; плисъ, полуплисъ, ситцы разныхъ добротъ, полуситцы, муслинки тандурныя, голландское, швабское полотна, батистъ, каморошъ, ситцевые платки, шелковые англійскіе, туринскіе, нѣмецкіе мужскіе и женскіе чулки, флейтроверсы, скрипки разныхъ сортовъ, камышевыя трости, итальянскія струны, саксонскій фарфоръ, состоявшій не изъ сервизовъ, а изъ чайныхъ чашекъ, шоколатныя чашки саксонскаго фарфора, съ крышками и живописью, золотые и серебряные часы, разные галантерейные товары, какъ то золотыя и серебряныя, томпаковыя, черепаховыя, бумажныя, табакерки, готовальни, пряжки и т. п., сѣнокосныя косы въ бочкахъ и въ небольшомъ количествѣ нѣмецкія и французскія ружья. Все это привозилось изъ заграницы и только тонкія англійскія сукна и штаметы шли въ небольшомъ количествѣ изъ Петербурга черезъ Москву. И все это продавалось частію въ розницу мѣстнымъ обывателямъ, а частію оптомъ купцамъ, ведшимъ торговлю въ Малороссіи и Слободской Украйнѣ и занимавшимся постоянно развозкою ихъ по среднимъ и малымъ ярмаркамъ. Покупали ихъ оптомъ здѣсь и тѣ купцы, которые везли ихъ далѣе въ Азовскую и Новороссійскую губ. и въ крѣпость Св. Димитрія (нынѣшній Ростовъ на Дону). Сами же продавцы послѣ Харьковскихъ ярмарокъ везли ихъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Курскъ на Коренную ярмарку. Изъ Крѣпости Св. Димитрія, Таганрога, Херсона, Кинбурна, Станиславова—Новороссійскихъ портовъ, куда перевозилось изъ Константинополя, доставлялось до 40 повозокъ (а иногда и больше) бакалейныхъ товаровъ—финиковъ, винныхъ ягодъ, изюма, волошскихъ и грецкихъ орѣховъ, рожковъ, миндаля, деревяннаго масла, маслинъ, сорочинскаго пшена, чернослива, лимоннаго соку, турецкаго курительнаго табаку, грецкаго мыла; товары эти продавались въ розницу мѣстнымъ купцамъ, имѣвшимъ лавки, а также великорусскому купечеству, отвозившему его въ Курскъ, Бѣлгородъ, Елецъ и Москву.

[1]) Д. И. Багалѣя. Матеріалы, II, стр. 211—216.

[2]) Д. И. Багалѣя. „Матеріалы“, т. 2-й, стр. 398—403. ср. также Д. И. Багалѣя „Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ Харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII в.в“, X 1888 стр. 12—15.

Изъ Москвы частью московскими, а частью бѣлгородскими и другими великорусскими купцами, проживавшими въ Харьковѣ, привозилось множество разнообразнаго товара—книгъ въ переплетахъ церковной и свѣтской печати, оригинальныхъ и переводныхъ, историческихъ, моралистическихъ романовъ и разныхъ сочиненій, мѣдной, оловянной посуды, чайниковъ, кофейниковъ, шандаловъ, подносовъ, люстръ, маленькихъ церковныхъ кадильницъ, каменной и хрустальной посуды россійскихъ фабрикъ, паникадилъ, суконъ синихъ и зеленыхъ (великорусскихъ фабрикъ), шелковой тафты московской фабрики, шелковыхъ платковъ рисованныхъ и шелковыхъ же фабричныхъ, бумажныхъ московской фабрики, тиковъ разныхъ, чулковъ гарусныхъ мужскихъ, теплыхъ валеныхъ, чаю зеленаго и чернаго, кофе, сахару, кенарскаго и россійскихъ фабрикъ, шляпъ, шапокъ, муфтъ, перчатокъ замшевыхъ и лайковыхъ, сапоговъ и башмаковъ опойковыхъ и козловыхъ нѣмецкаго манера, женскихъ башмаковъ изъ шелковыхъ и нитяныхъ матерій, мѣховъ лисьихъ, волчьихъ, бѣличьихъ разныхъ доброть; табаку нетертаго голландскаго въ рулякъ, тертаго изъ папушъ пополамъ съ рульнымъ, французскаго фіале, курительнаго голландскаго въ картузахъ россійской фабрики, пудры, каламенокъ московской фабрики полосатыхъ, платковъ набойчатыхъ, китайки трековой большой руки, ханзъ китайскихъ, разныхъ лентъ московской фабрики, пестрядей, набоекъ московскихъ фабрикъ, хомутовъ, уздечекъ, возжей, дугъ, сѣделъ московскихъ на нѣмецкій ладъ, городскихъ саней московскаго издѣлія, стульевъ, дроби и свинцу. Всѣ эти товары покупались мѣстными обывателями и околичными жителями, а также купцами, торговавшими и развозившими ихъ по среднимъ и малымъ ярмаркамъ; покупали ихъ также тѣ купцы, которые потомъ везли ихъ въ Донскія станицы, въ крѣпость Св. Димитрія, въ Азовскую и Новороссійскую губ. и въ Малороссію.

Изъ Суздаля и прочихъ подмосковныхъ городовъ тамошніе купцы привозили отъ 100 до 200 возовъ холста, тонкаго, трубковаго, средняго, простаго, хрящеваго и разныхъ сортовъ крашенины. Все это отчасти покупалось здѣшними околичными жителями, а большею частью оптомъ купцами, развозившими его въ Донскія станицы, Азовскую и Новороссійскую губ. и Малороссію.

Изъ Тулы проживавшими въ Харьковѣ купцами привозился ременной въ дѣлѣ товаръ—шлеи, уздечки и возжи, гвозди, колясочные и прочіе разныхъ сортовъ, навѣсы къ дверямъ и окошкамъ, дверцы, печныя вьюшки и заслонки желѣзныя и чугунныя, пилы большія для распилки лѣса, малыя садовыя и столярныя, топоры, буравы большіе и малые, заступы и сковороды, желѣзо—полосное, ободное, рѣзное, листовое, веретельное, связное, кузнечныя наковальни, сталь, свинецъ и олово не въ дѣлѣ, ружья, пистолеты, сабли гусарскія, котлы большіе и малые, горшки чугунные, котлы мѣдные и винокуренные, церковные колокола, вѣсы съ чугунными гирями, листовая мѣдь не въ дѣлѣ.

Изъ Павловска тамошними купцами привозились висячіе замки, всякіе ножи—складные и столовые, вилки; изъ Орла орловскими купцами—разная бичева и ременные товары; изъ Бѣлгорода—шерстяные и нитяные вязаные чулки и простое сальное мыло возахъ на 15. И всѣ эти товары продавались какъ во время ярмарокъ, такъ и безъ нихъ мѣстнымъ и околичнымъ жителямъ, а также шли въ Донскія станицы, Азовскую и Новороссійскую губ. и Малороссію. Съ Волги—изъ Царицына и Саратова и съ Дону—изъ Черасска и Донскихъ станицъ привозилась купцами и здѣшними войсковыми обывателями рыба, свѣжепросольная и соленаяосетрина, бѣлуга, севрюга, стерлядь, бѣлорыбица, сомъ свѣжій и соленый, икра зернистая, мѣшечная, свѣжепросольная, вязига, балыки осетровые, бѣлужьи, тешка бѣлужья, чабакъ, бѣлизна, сазанъ, тарань, сеньга, лоскирь, сельди, сула. Соленая и вяленая рыба привозилась къ Троицкой, Успенской и Покровской ярмаркамъ и развозилась также перекупщиками по Малороссіи въ болѣе отдаленные города, а свѣжая и свѣжепросольная шла частію на Крещенскую ярмарку, а большею частью въ февралѣ мѣсяцѣ къ масляницѣ и развозилась отсюда и въ сосѣдніе города и мѣстечки и въ Малороссію.

Изъ Константинополя шло въ Ростовъ, Таганрогъ, Станиславъ и Кинбурнъ, а оттуда въ Харьковъ виноградное вино слѣдующихъ сортовъ —мушкатель, сантуринское, шкапельское и алонское; изъ Молдавіи черезъ Кіевъ и Васильковскую заставу попадали волошскія и монастырскія вина; изъ заграницы тѣмъ же путемъ—венгерское вино; изъ Петербурга черезъ Москву—французскія, испанскія и португальскія вина; черезъ Петербургъ и Москву—аглицкое пиво.

Помѣщики сосѣднихъ мѣстностей приводили изъ своихъ заводовъ въ большомъ числѣ лошадей, которыя покупались купцами, обывателями, а также офицерами, нарочно пріѣзжавшими для этого изъ полковъ; рогатый скотъ и овцы пригонялись только изъ сосѣднихъ мѣстностей на Троицкую и Успенскую ярмарки; его скупали во время Троицкой ярмарки пріѣзжіе изъ великорусскихъ городовъ купцы и гнали его потомъ на продажу въ Москву и Петербургъ. Уѣздные жители также съѣзжались въ большомъ числѣ на Харьковскія ярмарки и привозили хлѣбъ разнаго рода, птицу, мясо, сало, коровье и овечье масло, овечью шерсть, глиняную посуду, медъ, патоку, горячее вино, садовыя и огородныя овощи, конопляное масло и прочіе съѣстные припасы, деревянную посуду, колеса, гонтъ для кровель. Изъ польскихъ областей привозили на лѣтнія ярмарки чистый, березовый и смоляной деготь и продавали оптомъ и въ розницу мѣстнымъ жителямъ, развозившимъ его по среднимъ и малымъ ярмаркамъ. Наконецъ, мѣстные Харьковскіе жители продавали на всѣхъ четырехъ ярмаркахъ приготовляемые ими ковры, называвшіеся по малороссійски коцами, попоны цвѣтныя и ковровыя изъ овечьей шерсти, домашнія шубы, овчинныя шапки лѣтнія и зимнія на малороссійскій манеръ, сукна домашней работы, малороссійскіе мужскіе и женскіе сапоги и приготовленныя изъ добраго сукна на польскій манеръ верхнія одежды, называвшіяся по малороссійски свитами. Они покупались и мѣстными жителями, и пріѣзжими обывателями, но большею частью купцами, отвозившими ихъ въ Малороссію, а оттуда въ Польшу; овечья шерсть, сало, овчина покупались пріѣзжими великорусскими купцами и отвозились въ Москву и Великороссію на фабрики, а сало въ Петербургъ и Архангельскъ. Выкуривавшееся мѣстными обывателями горячее вино—пенное, полугарное и сивуха—раскупалось небольшими бочками и боченками мѣстными жителями для собственнаго обихода и шинкарями, а лицами, имѣвшими большія винокурни, отправлялось въ значительномъ количествѣ на продажу въ Черкаскъ, въ Донскія станицы, въ Ростовъ, въ Крымъ, въ Полтаву, въ Азовскую и Новороссійскую губернію [1]).

---

[1]) Дополняются и подтверждаются эти свѣдѣнія еще слѣдующими данными. Одинъ документъ говоритъ. „Всѣхъ ярмарокъ было четыре: первая на Крещеніе, вторая на Троицынъ день, третья на Успенье, четвертая на Покрову. Сюда привозили хлѣбъ изъ Бѣлгородской губерніи, конопляное масло, деготь и прочіе мелочные припасы—изъ Малороссіи; холстину, желѣзо и мѣдь въ дѣлѣ и другія мелочи изъ разныхъ великороссійскихъ городовъ. Покупали же здѣсь въ великороссійскіе города рогатый скотъ, овецъ, воскъ, сыръ, коровьи кожи, овечью шерсть, сало и другіе сырые продукты. Ак. Зуевъ говоритъ, что ярмарокъ въ городѣ бываетъ въ годъ четыре и каждая продолжается не менѣе, какъ недѣли двѣ или три".

Неизданное „Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества" 1785 года сообщаетъ слѣдующія данныя. Въ Харьковѣ бывало ежегодно 4 ярмарки: первая (6-го января)—Крещенская, вторая (15-го августа)—Успенская; обѣ продолжались дней по 20 и могли назваться первостепенными, потому что на нихъ многіе иностранцы и великорускіе купцы привозили тонкія англійскія сукна, парчу, штофныя матеріи, тафту, плисъ, платки и прочіе шелковые и суконные товары, полотна, люстринъ, овощи, галантерейные товары. На нихъ съѣзжалось также значительное число народа изъ сосѣднихъ городовъ и округовъ Харьковскаго Намѣстничества, привозило мѣдь въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ, желѣзо, чугунъ, хрустальную и фаянсовую посуду, Волжскую, Донскую и Днѣпровскую рыбу и икру, пригоняло лошадей и рогатый скотъ, привозило соленое и топленое сало, выдѣланныя и сырыя лошадиныя и бычачьи кожи, овчины, смушки, заячьи и прочіе невыдѣланные звѣриные мѣха, овчинныя шубы, какъ калмыцкаго, такъ и украинскаго шитья, сермяжную самодѣлку, суконные кафтаны, шерстяные ковры овечьей шерсти, воскъ, медъ, всяческую деревянную посуду, ленъ, холсты россійскихъ рукодѣлій, рогожи, конопляное масло, деготь, бичеву разной толщины, сушоныя овощи и пр. Третья

Чтобы дать понятіе о тѣхъ пунктахъ, съ коими Харьковъ связанъ былъ правильными путями сообщенія, имѣвшими, конечно, вліяніе на развитіе его торговой дѣятельности, мы сообщимъ свѣдѣнія о выходившихъ изъ него большихъ дорогахъ. Главная дорога, лежавшая къ сѣверу и ведшая черезъ Бѣлгородъ и Курскъ къ Москвѣ и оттуда въ Петербургъ, называлась Московскою; отъ нея, на разстояніи 25 вер. отъ Харькова, отдѣлялась вѣтвь въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ Волчанскъ и пр. на Воронежъ, Тамбовъ, Пензу и Казань, носившая названіе Воронежской. Къ западу вела Екатеринославская и Кіевская дороги, которыя раздѣлялись на 34-й верстѣ отъ Харькова въ Сл. Мерчикѣ, одна вѣтвь Екатеринославская шла въ югозападномъ направленіи, черезъ Валки въ Полтаву, въ Кременчугъ и Правобережную Малороссію, а другая изъ Валокъ поворачивала прямо къ югу чрезъ Константиноградъ въ Екатеринославъ, а оттуда въ Херсонъ и Таврическій Херсонесъ. Кіевская дорога шла прямо къ Западу черезъ Богодуховъ, Ахтырку, Гадячъ, Лохвицу и Прилуки въ Кіевъ, Сумская дорога шла изъ Харькова черезъ Золочевъ на Сумы, а оттуда въ Глуховъ и Новгородъ Сѣверскъ. Въ Юговосточную сторону шла Донская или Черкасская дорога черезъ Чугуевъ и Изюмъ во всѣ мѣста, лежавшія внизъ по Донцу, по Дону и побережью Азовскаго моря, а также направлялась и на Моздоцкую линію и въ Кавказское Намѣстничество. Наконецъ, на востокъ вела Волжская дорога—въ г. Саратовъ, Царицынъ и Астрахань. Водными путями Харьковъ у себя пользоваться не могъ, ибо и Лопань, и Харьковъ не были судоходны. Ни одна рѣка Харьковскаго Намѣстничества въ концѣ XVIII в. не была судоходна по причинѣ мельничныхъ плотинъ (водяныхъ мельницъ въ Намѣстничествѣ было 1537, въ то время какъ вѣтряныхъ только 110), а между тѣмъ раньше и Пселъ, и Ворскла и въ особенности Донецъ были судоходны и въ XVII в. по Донцу ѣздили еще суда. Любопытно, что нынѣшніе желѣзнодорожные пути связываютъ Харьковъ именно съ тѣми пунктами, куда вели вышеописанныя дороги [1]). По другому документу черезъ Харьковъ проходили слѣдующія дороги: 1-я Московская, шедшая на Бѣлгородъ и Москву, 2-я на Полтаву, 3-я на Ахтырку и далѣе на Сумы. 4-я на Бѣлевскую крѣпость, т. е. нынѣшній Константиноградъ, 5-я на Изюмъ и крѣпость Св. Димитрія Ростовскаго (т. е. нынѣшній Ростовъ) и 6-я на Острогожскъ и Воронежъ. До Ахтырки считалось 100 в., до Сумъ 150, до Изюма 120, до Острогожска 250, до Полтавы 120, до Чугуева 34, до Бѣлгорода 76, до Салтова 46, до Воронежа 345 вер. [2]) Такія же свѣдѣнія о дорогахъ, проходившихъ черезъ Харьковъ, сообщаетъ „Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества 1787 года“... 1) Московская дорога въ обѣ столицы; въ 20 вер. отъ Харькова отъ нея отдѣлялась дорога въ Воронежъ, Тамбовъ, Пензу и Казань; 2) отъ Харькова черезъ Константиноградъ въ Екатеринославъ, Херсонъ и Тавриду, а черезъ Ахтырку въ

ярмарка Троицкая (въ день Сошествія Святаго Духа) и четвертая Покровская (1-го октября) продолжались дней по 17. На нихъ кромѣ иностранныхъ было также не мало русскихъ товаровъ, произрастеній и рукодѣлій, но главнымъ образомъ торговали скотомъ, шерстью, кожами, деревянною посудою и другими подобными предметами. На нихъ пріѣзжали изъ заграницы, Екатеринославскаго Намѣстничества и Таврической области.

Въ „Экономическихъ примѣчаніяхъ“ говорится слѣдующее. Каждая изъ 4-хъ ярмарокъ продолжалась по 15 дней. На нихъ съѣзжались купцы изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ, изъ Малороссійской и Азовской губерніи, по временамъ пріѣзжали жители Бѣлорусской губерніи и Крымскіе татары. Товары привозили большею частью шленскіе (т. е. силезскіе), суконные, шелковые, бумажные, а также разныя полотна, серебряную, мѣдную, оловянную, желѣзную, чугунную посуду и другія вещи, юфть, желтый и красный сафьянъ, волчьи, лисьи и заячьи мѣха, холстъ, набойки и разную галантерею нѣмецкаго и русскаго издѣлія. Изъ Донскихъ станицъ привозилась разная рыба, икра, рогатый скотъ, лошади, овечья шерсть, кожи, крымскія и бѣлорусскія вина, бумага, фрукты.

[1]) Топогр. Опис. Харьк. Намѣстн. Х. 1888, стр. 54.

[2]) Дѣло объ опис. Слоб.-Украин губ. 1780 г. № 174.

Кіевъ; 3) Донская или Черкасская—въ Донскія станицы и въ Кавказское намѣстничество; 4) Волжская—въ Саратовъ, Царицынъ и Астрахань; 5) Сумская—въ Новгородъ Сѣверское и Бѣлорусское намѣстничество [1]).

Постоянная торговля въ Харьковѣ кромѣ ярмарокъ была также довольно обширна. Здѣшній гостинный дворъ снабжалъ галантерейными, шелковыми, шерстяными, бумажными, полотняными, фарфоровыми, мѣдными, желѣзными и прочими товарами не только Харьковскую, но и сосѣднія губерніи; также точно торговля иностранными напитками, икрою и соленою рыбою распространялась далеко за предѣлы Харькова. Наконецъ, постоянно велась и мелкая торговля, свойственная торговымъ пунктамъ—съѣстными припасами, овощами, плодами, платьемъ и обувью.

По даннымъ „Экономическихъ примѣчаній" въ Харьковѣ были деревянные, а частью и каменные ряды, въ которыхъ купечество и мѣщанство торговало сукнами, парчевыми и шелковыми матеріями, съѣстными припасами и деревенскими продуктами.

Спеціально харьковскаго (или какъ выражается документъ) національнаго купечества однако здѣсь не было, а проживали въ Харьковѣ по паспортамъ купцы изъ разныхъ великорусскихъ городовъ и торговали разными товарами, какъ то—аглицкими и тонкими сукнами, шелковыми матеріями, полотнами, серебряною, мѣдною, оловянною и желѣзною посудою, мѣдью, юфтою, мѣхами, рыбою, икрою и прочими товарами, имѣя капитала отъ 1000 до 2000 руб. и болѣе; изъ мѣстныхъ же харьковскихъ обывателей только очень немногіе занимались купеческимъ промысломъ.

Такъ какъ Харьковъ былъ населенъ вольнымъ малороссійскимъ народомъ, то въ немъ, говоритъ документъ, нѣтъ ни купечества съ гильдіями, ни ремесленныхъ цеховъ, какіе находятся въ великорусскихъ городахъ, а всѣ жители его, какъ земледѣльцы, такъ и ремесленники платятъ въ казну опредѣленный окладъ; изъ иностранцевъ имѣлось до 12 дворовъ грековъ, волоховъ и нѣмцевъ, которые занимались главнымъ образомъ шинкарствомъ; капиталистовъ ни изъ чужестранцевъ, ни изъ мѣстныхъ не было. Важныхъ торговъ жители не имѣли, а торговало человѣкъ до 10 иностранными товарами—сукномъ, матеріями, а греки—ренскимъ (виномъ) бакаліей и прочими мелкими товарами; мѣщане же—горѣлкою, медомъ, пивомъ, рыбою, солью и прочею мелочью; великороссійскіе купцы имѣли въ городѣ свои лавки и вели тамъ постоянную торговлю разными товарами—матеріями, байкою, камлотами, сахаромъ, чаемъ, рыбою, солью и всякою мелочью.

Свѣдѣнія о торговлѣ г. Харькова подтверждаются и данными „Топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества 1787 г." Внутренняя торговля въ Харьковѣ, говорится тамъ, достаточна. На гостинномъ дворѣ торгуютъ товарами галантерейными, овощными, москательными, шелковыми, шерстяными, полотняными, мѣдными, желѣзными, бумажными, фарфоровыми и прочими; такъ же есть достаточные торги иностранными напитками, икрою и соленою рыбою. Сверхъ того здѣшніе промышленники производятъ торгъ въ немаломъ количествѣ разнаго рода скотомъ, саломъ, лошадиными, говяжьими и овечьими кожами, шерстью, щетиною, кожами и мѣхами разныхъ звѣрей, медомъ, воскомъ, хлѣбомъ, анисомъ и древесными плодами.

Чрезвычайно обстоятельныя свѣдѣнія о *постоянной* харьковской торговлѣ, сообщаетъ неизданное „Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества" 1785 г. Харьковскіе купцы отправляли въ Петербургъ и Москву сало, коровье масло, воскъ и медъ, скупая ихъ непосредственно у сельскихъ жителей или во время базаровъ и ярмарокъ въ Харьковѣ, въ Донскія же станицы, въ крѣпость Дмитрія Ростовскаго и Екатеринославское намѣстничество отправляли желѣзо, икру и соленую рыбу, получая икру и рыбу съ Волги—изъ Царицына и изъ Донскихъ

[1]) Атласъ Харьк. Намѣст. и топ. опис. Хар. 1902, стр. 2—3.

станицъ, а желѣзо—изъ Москвы и изъ желѣзныхъ заводовъ; получая сахаръ, кофе, виноградныя вина, брусковую краску, квасцы, овощи и т. п., они перепродавали эти товары какъ въ самомъ Харьковѣ великорусскимъ купцамъ, такъ и по разнымъ другимъ мѣстамъ Россійской Имперіи. Всего оборота по этимъ товарамъ вмѣстѣ съ кредитомъ бывало до 165000 р. Вторую группу товаровъ составляли сукна, бархатъ, плисъ и прочія шелковыя русскія и иностранныя матеріи; русскіе товары привозили греки и великорусскіе купцы, а иностранные—изъ Селезіи, Данцига, Лейпцига черезъ Васильковскую таможню, Кіевъ, Нѣжинъ и Ромны—полтавская компанія; все это частію распродавалось по городамъ, а большею частію отвозилось въ крѣпость Св. Димитрія (т. е. Ростовъ), Таганрогъ, Малороссію и въ Курскъ на Коренную ярмарку. Обороты по этимъ статьямъ вмѣстѣ съ кредитомъ простирались до 250000 р. Въ третьихъ, велась ими торговля въ лавкахъ парчевыми, шелковыми, бумажными и галантерейными товарами, чаемъ, кофе, сахаромъ и прочими предметами, которые они покупали въ Москвѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ. Оборотъ этими товарами вмѣстѣ съ кредитомъ доходилъ всего до 50000 р. Четвертую группу составляли купцы, ведшіе торговлю желѣзомъ и желѣзными товарами, конскою упряжью, обувью, деревянною посудою; все это пріобрѣталось въ Москвѣ и другихъ торговыхъ центрахъ на сумму съ кредитомъ до 40000 р. Пятую группу товаровъ составляли виноградныя вина, которыми торговали въ погребахъ, фарфоровая и хрустальная посуда, столовые припасы и разныя овощи; все это пріобрѣталось въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ на сумму съ кредитомъ до 30000 р. Шестую группу товаровъ составляла рыба и икра мѣстныхъ рѣкъ, Волги и Дона; продавали ихъ въ Харьковѣ и по другимъ городамъ Россійской Имперіи на сумму съ кредитомъ до 165000 р. Седьмую группу составляли рогатый крупный и мелкій скотъ, скупавшійся у мѣстныхъ поселянъ и частію продаваемый великорусскимъ купцамъ, отправлявшимъ его въ Москву и Петербургъ, а частію убиваемый на мѣстѣ для мѣстнаго потребленія. Оборотъ простирался до 90000 р. Кромѣ того они вели мелочную торговлю по селамъ, деревнямъ, ярмаркамъ и базарамъ, гдѣ покупали сало, кожи, овчины, неперепускной медъ, шерсть и прочее и продавали затѣмъ въ Харьковѣ на сумму съ кредитомъ до 20000 р. Наконецъ хлѣбное вино, выкуривавшееся у мѣстныхъ помѣщиковъ и привиллигированныхъ войсковыхъ обывателей, также покупалось ими и частію продавалось въ Харьковѣ и на ярмаркахъ небольшими боченками и бочками на потребу мѣстнымъ обывателямъ и въ шинки, частію же отвозилось (пѣнное и полугарь) въ большомъ количествѣ въ Екатеринославское намѣстничество, Таврическую область и Донскія станицы на сумму съ кредитомъ до 15000 р. Общій оборотъ съ кредитомъ равнялся 825000 рублей.

Развитіе винокуреннаго промысла отражалось на развитіи торговли горячимъ виномъ въ Харьковѣ. Представители всѣхъ классовъ тогдашняго общества владѣли шинками и это занятіе не считалось повидимому неудобнымъ для духовенства. Коренное населеніе Харькова—малороссы—крѣпко держалось за торговлю крѣпкими напитками.

Въ 1766 году въ Харьковѣ было 154 шинка. Церквямъ принадлежало 13 шинковъ—Троицкой 2, Соборной 3, Димитріевской 2, Успенской 1, Михайловской 1, Колегіумскому монастырю 1, Николаевской 1, Вознесенской 1, священникамъ—8, (Св. Калиновскому 2, протопопу Гр. Александрову 3, Основянскому священнику 1, Димитріевскому священнику П. Васильеву 1. Вознесенскому священнику Л. Калиновскому 1); дьячку Титареву 1. За тѣмъ среди владѣльцевъ шинковъ мы встрѣчаемъ много представителей наиболѣе выдающихся мѣстныхъ фамилій—вдову полковницу Квиткину, полковника Матвѣя Куликовскаго, вдову майоршу Шидловскую, статскую совѣтницу Спичинскую, князя Кантемира, майора Ал. Дунина, обознаго Ив. Ковалевскаго, майора Юрія Куликовскаго, полковаго писаря Кирилла Острожскаго. За ними слѣдуютъ сотенные старшины, принадлежавшіе къ прежней козачьей службѣ: сотникъ П. Гуковскій,

вдова сотника Квитки, сотникъ Ив. Мелетицкій, сотникъ Илья Черкесъ, сотникъ Өед. Пантелеймоновъ, подпрапорный Ст. Гантарь, сотникъ Ив. Киселевъ, вдова сотника Назаренкова, подпрапорный Ф. Чугай, сотникъ Осипъ Фесенко, сотникъ А. Сидоренко, хорунжій Г. Артюховъ, сотникъ Пантелеймонъ Поповъ. Далѣе идутъ лица, служившія въ гусарскихъ полкахъ, реформированныхъ изъ козачьихъ—литаврщикъ Харьковскаго гусарскаго полка Гр. Лисенковъ и его мать, прапорщикъ Гр. Буцкій, трубачъ Гусарскаго полка Ив. Щербининъ, вахмистръ Я. Бѣлозеровъ, прапорщикъ Е. Сорочинскій, гусаръ Д. Поддубный, ротмистръ К. Капустянскій, отст. гусаръ А. Ковалевскій, отст. капралъ Д. Становъ, вахмистръ Смирницкій, поручикъ Ив. Нестеровъ, вахм: Ив. Вейсъ. За ними идетъ масса харьковскихъ простыхъ жителей, безъ обозначенія ихъ состоянія, т. е., по всей вѣроятности, казенныхъ войсковыхъ обывателей, владѣльческихъ подданныхъ и наконецъ разночинцевъ. Среди этихъ послѣднихъ мы находимъ грека Кир. Христодулова, портнаго Христофора Фрикціуса, грека Юрія Молдавцева, селитрянаго заводчика Як. Запаловскаго, Курскаго купца Ивана Золотарева [1]).

Отъ этихъ владѣльцевъ шинковъ были затребованы свѣдѣнія о доходности ихъ имуществъ и получены такія данныя. Часть шинковъ (55) пустовала. Отъ остальныхъ же 99 было доходу 391 р. 35 к., т. е. въ среднемъ по 3 р. 95 к. съ каждаго. Но колебанія были весьма значительны—максимальный доходъ равнялся 20 р. (у Шидловской) минимальный—20 коп. Кромѣ этихъ шинковъ было тогда еще 7 погребовъ съ виноградными винами. Они принадлежали сотнику Ильѣ Черкесу, Троицкой церкви, Назару Персіянову, греку Юрію Анадольскому, греку Кир. Христодулову, Харьковскому протопопу Гр. Александрову и вдовѣ сотника Квитки. Послѣдніе два стояли впустѣ; Черкесъ, Персіяновъ и Анадольскій объявили, что вслѣдствіе платежа процентовъ не знаютъ своей прибыли, погребъ Троицкой церкви давалъ 6 руб., а Христодулова—2 руб.

Къ 1779 году относятся любопытныя цифровыя данныя о харьковскихъ шинкахъ. Оказывается, что, по сравненію съ 1766 годомъ, число ихъ сильно уменьшилось, хотя все таки Ген. Губ. Румянцевъ обращалъ вниманіе Харьковскаго губернатора Ген. м. Норова на то, что „шинки въ Слободскоукрайнской губ. безъ числа умножились къ общему вреду безъ всякаго должнаго наблюденія со стороны уряда по законамъ“, и потому онъ просилъ его собрать о нихъ точныя свѣдѣнія. Въ отвѣтъ на это требованіе Норовъ представилъ вѣдомость и о шинкахъ, бывшихъ тогда въ Харьковѣ, съ указаніемъ, кому они принадлежали, кто ихъ содержалъ и въ какихъ домахъ они помѣщались.

Всѣхъ шинковъ въ Харьковѣ было 57 и владѣльцы ихъ распредѣлялись на шесть общественныхъ группъ: харьковскимъ церквямъ принадлежало 11 шинковъ, священно и церковно служителямъ 8, состоявшимъ на военной и гражданской службѣ 19, иностранцамъ 6, владѣльческимъ подданнымъ черкасамъ 5 и разночинцамъ 8. Если соединить первую и вторую группу вмѣстѣ, то на ихъ долю придется 19 шинковъ, т. е. ровно $^1/_3$, другая треть приходится на долю служившихъ въ гражданской и военной службѣ, а третья на долю остальныхъ трехъ группъ. На этомъ частномъ случаѣ харьковскаго торговаго быта ясно обнаруживается характерная черта малороссійской торговли XVIII вѣка вообще. Участвовалъ въ ней не

---

[1]) Фамиліи остальныхъ владѣльцевъ таковы: Сомина, Бутковъ, Касковка, Луговская, Пащенко, Гуковскій, Ольшанскій, Павлова, Топчіева, Калиновская, Поддубный, Шишка, Кологривый, Средбольскій, Сердюковъ, Васильченко, Дьяковъ, Паламаренко, Кухарька, Шкурка, Молчановъ, Сердюкова, Басанскій, Софіенко, Кулиничъ, Старченко, Моргунъ, Гринченко, Ткаченко, Лебедиха, Чугаевъ, Марченко, Жеребилова, Бражникъ, Золотарь, Венецкій, Лымарь, Неиленко, Борисенко, Дорошенко, Чернышовъ, Венецкая, Стриколенко, Гузенко, Литвиненко, Рыбасовъ, Дьяченко, Ключка, Бардакъ, Коропецъ, Панченко, Литвиненко, Водопьянъ, Лисенкова, Безпалая, Володинъ, Луговской, Шеревирка, Топчій, Шитковскій, Гавришенко, Сѣрикъ, Средбольскій, Васкъ и Чочикъ.

одинъ какой либо общественный классъ, а нѣсколько. Въ данномъ же случаѣ выдвинули своихъ представителей на торговую арену всѣ группы мѣстнаго харьковскаго общества—духовенство, гражданское чиновничество, иностранцы, военнослужащіе, казенные обыватели и, наконецъ, даже владѣльческіе подданные. Очевидно, это было выгодное занятіе и эта выгода заставляла забывать несоотвѣтствіе его, напримѣръ, съ обязанностями церковно-служительскими. Въ Малороссіи, какъ извѣстно, даже помѣстное дворянство не брезгало торговлей, не говоря уже о другихъ сословіяхъ, а купечества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова было мало и торговля велась понемногу всѣми. Вотъ почему въ малороссійскіе города устремлялись великорусскіе купцы и въ качествѣ спеціалистовъ своего дѣла забрали въ свои руки значительную часть мѣстной торговли.[1])

Въ Харьковское коммиссарство и г. Харьковъ ввозились: изъ Бѣлгородской губ. ржаной и гречневый хлѣбъ, который покупался въ значительномъ количествѣ для винокуренія; изъ Малороссіи конопляное масло, пенька, ленъ и деготь; изъ Ярославской провинціи холстъ, изъ Тульской—желѣзо и мѣдь въ обработанномъ и необработанномъ видѣ; изъ Поволжья и Черкасска—разныхъ родовъ рыба, въ особенности мелкая и икра[2]).

Любопытныя данныя о числѣ торговыхъ лавокъ въ Харьковѣ и о количествѣ получавшихся съ нихъ хозяевами доходовъ относятся къ 1766 году.

Значительная часть лавокъ принадлежала бывшей козацкой слободскоукраинской старшинѣ, часть духовенству, а остальныя мѣстнымъ обывателямъ и разночинцамъ, въ числѣ которыхъ находимъ иногородныхъ купцовъ. Многія лица имѣли по нѣсколько лавокъ.

Общій доходъ со всѣхъ 176 лавокъ равнялся 1115 р. 40 к., а въ среднемъ на каждую приходится по 6 р. 33 к.; средній доходъ съ каждаго прилавка равнялся 75 коп., а съ рыбной коморы—2 р. 7. к.

Необходимые съѣстные припасы и продукты горожане покупали у пріѣзжавшихъ на базары (базары бывали по понедѣльникамъ и пятницамъ) изъ городовъ и селеній Харьковскаго, Малороссійскаго и великороссійскихъ намѣстничествъ, а также мѣстныхъ купцовъ, мѣщанъ и обывателей.

„Экономическія примѣчанія“ также подтверждаютъ свѣдѣнія о Харьковскихъ базарахъ или торжкахъ. Они бывали по понедѣльникамъ и пятницамъ: съѣзжались на нихъ жители близъ лежащихъ селеній по большей части съ хлѣбомъ, птицею, скотомъ, горячимъ виномъ, коровьимъ и конопляннымъ масломъ, саломъ, кожами, медомъ и разными садовыми и огородными деревенскими продуктами.

Ремесла и мелкіе промыслы въ Харьковѣ были въ концѣ XVIII в. очень развиты. Такъ какъ всѣ жители въ Украйнѣ, не исключая даже и нищихъ, употребляли кожаную обувь, то это способствовало развитію здѣсь кожевеннаго промысла и сапожнаго ремесла. Кожевниковъ и сапожниковъ было много не только въ губернскомъ и уѣздныхъ городахъ, но и въ селеніяхъ. Вычинялись конскія, говяжьи, козлиныя, овечьи и др. кожи. Дѣлали и крашеныя кожи на по-

[1]) Войсковые обыватели занимались большею частію продажею въ своихъ домахъ горячаго вина по вольной цѣнѣ. Иные ѣздили съ горячимъ виномъ въ Донскія станицы, въ Черкасскъ и Азовъ, гдѣ покупали красную рыбу и соль и продавали ихъ въ Харьковѣ и другихъ мѣстахъ его уѣзда. (Очевидно, это были чумаки). Нѣкоторые держали въ своихъ домахъ разныя виноградныя вина, аглицкое пиво, медъ. вишневку и терновку. Небольшая часть занималась содержаніемъ постоялыхъ дворовъ и продажею деревенскихъ продуктовъ, какъ-то — сѣна, овса и прочаго необходимаго для проѣзжающихъ людей. „Прочіе-жъ торговали въ лавкахъ, или питались отъ своихъ заводовъ, межъ коими не послѣднее у нихъ пчеловодство, отъ котораго получаемый медъ и воскъ, который они варятъ и перечищаютъ, сами пропуская сквозь редину въ нарочно сдѣланныхъ къ тому тискахъ, продаютъ пріѣзжающимъ на ярмарки купцамъ“.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл.

добіе сафьяна большею частью для сапоговъ, называвшихся здѣсь „чоботами“ и башмаковъ, называвшихся „черевыками“ и носившихся женщинами. Сапоги шили большею частью „черкасскимъ“ т. е. малороссійскимъ покроемъ, а въ городахъ и нѣмецкимъ; выдѣланныя кожи привозились изъ Москвы, Тулы, Курска и Болхова. Въ торговые дни открывался въ Харьковѣ сапожный рядъ, при чемъ на ту же площадь собирались кузнецы съ готовыми подковами, гвоздями, инструментами и всѣмъ покупателямъ подковывали обувь. Было здѣсь въ ходу и сыромятное кожевенное производство. Кожевники сыромятники назывались здѣсь рымарями. Харьковскіе рымари развозили мездровый клей, кожи и ремни своей работы на ярмарки и торги всего Харьковскаго края, а также въ оба малороссійскія намѣстничества—Черниговское и Новгородъ Сѣверское и Екатеринославское. Товаръ этотъ покупали для упряжи и другихъ домашнихъ надобностей всякіе хозяева, а на обувь -земледѣльцы и пастухи. Довольно было въ Харьковѣ и скорняковъ, называвшихся здѣсь кушнерами. Они вычиняли звѣриныя кожи и овчины, изъ большихъ овчинъ шили шубы, а мелкошерстные и курчавые смушки употребляли на опушку шапокъ. Свои издѣлія они продавали частію обывателямъ, а частію великорусскимъ купцамъ. отвозившимъ ихъ на продажу въ великороссійскія губерніи, а частью въ разныя области за границу Россіи. Кромѣ кожъ подвергалась обработкѣ и шерсть. Существовалъ особый нынѣ вымершій промыселъ коцарство, которымъ занимались женщины, называвшіяся коцарками. Свое названіе онъ получилъ отъ малороссійскаго коць, что значитъ коверъ. Коцарки сами составляли изъ минераловъ и растеній, здѣсь же собираемыхъ, разныхъ цвѣтовъ краски, коими красили приготовленную шерстяную пряжу и послѣ того ткали изъ нея ковры и подстригали ихъ на подобіе трипа. Торговля этими коврами была очень обширна; кромѣ употребленія внутри Украйны многія тысячи ихъ вывозили торговцы въ великорусскія селенія и заграницу. Въ большомъ ходу было также изготовленіе сермяжныхъ кафтановъ или зипуновъ, называвшихся здѣсь свитами. Свитники покупали сермяжныя сукна половинками по большей части въ Валуйкахъ (Ворон. губ.), а отчасти и въ другихъ мѣстахъ и затѣмъ шили свиты просторнаго черкасскаго покроя и продавали ихъ на ярмаркахъ и еженедѣльныхъ торгахъ; они же изготовляли тяжинные простые штаны, называвшіяся шароварами. Эти издѣлія шли также на ярмарки въ Кіевское, Черниговское и Екатеринославское намѣстничества, Шерстобиты или по здѣшнему шаповалы, изъ чистой овечьей шерсти изготовляли отличной доброты войлоки, полсти и большія епанчи. Таковы были промыслы, продуктами которыхъ служили предметы изъ міра животныхъ.

Произведенія растительнаго царства перерабатывали столяры, колесники, бочары и ткачи, Столяровъ было мало, но стекольщиковъ было достаточно, потому что даже поселяне, не говоря уже о горожанахъ, имѣли стекольныя окна. Колесниковъ и стельмаховъ въ Харьковѣ, изготовлявшихъ коляски, сани и всякія повозки, было довольно. Число бочарей, или по здѣшнему бондарей, было соразмѣрно съ числомъ жителей. Значительное количество большихъ и малыхъ бочекъ провозилось въ Харьковъ съ иностранными напитками, конопляным масломъ и дегтемъ—ихъ скупали для домашняго хозяйства хозяева. Ткачей было нѣсколько душъ и они ткали приносимую имъ женщинами пеньковую и льняную пряжу, но и то больше для домашняго употребленія.

Обработкою минераловъ занимались серебрянники, мѣдники, слесаря, кузнецы и гончары. Серебряники были по большей части иноземцы, а мѣдники, слесаря и кузнецы—туземцы. Кузнечныя издѣлія вывозились на ярмарки; большіе сошники (принадлежности плуга), называвшіяся по здѣшнему лемешами и отрѣзки или чересла харьковской работы славились по всей Украйнѣ. Гончары или горчешники дѣлали глиняную посуду и для печей кафли. Посуда здѣсь была двухъ сортовъ—простая и помуравленная; большею частью помуравливали кувшины и блюда.

Кафли изготовлялись также двухъ видовъ: съ лица гладкія и цвѣтомъ зеленыя и бѣлыя, отпечатанныя рѣзными фигурами. Этихъ ремесленниковъ было много, ибо не только въ городахъ, но и въ селахъ и даже хуторахъ хозяева не терпѣли черныхъ, закоптѣлыхъ отъ сажи избъ, а привыкли содержать ихъ и внутри, и снаружи въ чистотѣ; почему жилые покои въ городахъ дѣлали изъ липоваго дерева и мыли, а другіе бѣлили стѣны и потолокъ мѣломъ, сваривъ его съ молокомъ, мездровымъ клеемъ или съ мукою. Въ лучшихъ домахъ печи клали изъ зеленыхъ кафель, а въ другихъ изъ бѣлыхъ; изъ кафель же въ жилыхъ избахъ и поварняхъ дѣлали камины. [1]).

Другіе источники также подтверждаютъ эти свѣдѣнія.

По свѣдѣніямъ неизданнаго „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества“ 1785 года, въ Харьковѣ были слѣдующія ремесла: кожевенное, сыромятное или рымарское, сапожное или чеботарское, корняцкое или кушнирское, коверное или коцарское, портняжное, шерстобойное или шаповальное, стекольное или стеклянное, колесное, столярное, токарное, бочарное или бондарское, плотничье, кузнецкое, кирпичедѣльное, слесарное, горшечное или гончарное, малярное, но все это въ небольшихъ размѣрахъ.

Часть войсковыхъ обывателей занималась ремеслами ткацкимъ, ковернымъ, сапожнымъ, портняжнымъ и кузнечнымъ; дѣлали для уѣздныхъ обывателей шубы, шапки, сермяги и лучшей добротности шерстяные ковры и попоны. Женщины для своего обихода ткали простыя полотна и сукна, пряли плосконь, ленъ, овечью шерсть, ткали изрядные ковры разныхъ сортовъ, продавая ихъ въ Харьковѣ и въ разныхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ мѣстахъ цѣною отъ 1 до 6 рублей.

Ремесла у жителей были слѣдующія: ткацкое, кожевенное, сапожное, портняжеское, кузнечное; кромѣ того для уѣздныхъ жителей дѣлались шубы, шапки, сермяги лучшей добротности сравнительно съ другими здѣшними городами, шерстянные ковры (коцы) и попоны.

Въ заключеніе представимъ любопытныя данныя о распредѣленіи населенія г. Харькова въ самомъ концѣ XVIII вѣка (въ 1794 году) по занятіямъ: это какъ бы итогъ полуторавѣковой экономической эволюціи нашего города.

Общее число семействъ равнялось 1792.

По занятіямъ семьи эти распредѣлялись такъ: торговцевъ 257 семействъ, ремесленниковъ съ промышленниками—834, хлѣбопашцевъ—320, состоящихъ на военной и гражданской службѣ и безъ опредѣленныхъ занятій—381.

Интересны дальнѣйшія подраздѣленія группъ торговцевъ и ремесленниковъ съ промышленниками. Къ первымъ принадлежало 19 лицъ, торговавшихъ съѣстными припасами, 40—горячимъ виномъ, 31—краснымъ товаромъ, 1—деревянной посудой, 3—табакомъ, 6—фруктами, 12—винами и другими напитками, 15—мелкими товарами („дробезкомъ“), 8 конопляннымъ масломъ, 25 рыбой, 19 разными товарами, 2 лошадьми, 13 сѣномъ и овсомъ, 19 дегтемъ, 2 сапожнымъ товаромъ, 1 коврами, 1 шерстяными чулками, 4 пушнымъ товаромъ, 1 колесами, 1 сальными свѣчами, 9 желѣзными товарами, 15 хлѣбомъ, 2 пряниками, 8 занимавшихся мелочной торговлей.

По ремесламъ и промысламъ жители Харькова раздѣлялись такъ: столяровъ было 3, рѣзчиковъ 1, рымарей (т. е. шорниковъ) 13, „мирошниковъ“ (т. е. мельниковъ) 2, дѣлавшихъ телѣги 5, дѣлавшихъ ковры 12, имѣвшихъ свѣчной заводъ (сальный) 2, шапочниковъ 34, ткачей 27, кузнецовъ 55, стекольщиковъ („склярей“) 11, плотниковъ 13, сапожниковъ 173, портныхъ 81, (1), „кушировъ“ 41, мясниковъ 51, механиковъ 1, иконописцевъ 3, „коцарскаго ре-

[1]) Той. опис. Харьк. Нам. Х. 1888, стр. 54—58.

месла“ 3, музыкантовъ 4, рыболововъ 2, перекупщиковъ 3, державшихъ бани 2, пекшихъ бублики 12, варившихъ солодъ 1, винокуровъ 5, „котляровъ“ (котельщиковъ) 5, дѣлавшихъ восковыя свѣчи 2, шившихъ „свиты“ 25, пильщиковъ 5, гончаровъ 30, „фурщиковъ“ (т. е. занимавшихся извозомъ) 13, „шаповаловъ“ (т. е. шерстобитовъ) 16, подрядчиковъ по каменнымъ работамъ 1, шившихъ женскія шапки 1, сѣдѣльниковъ 1, бравшихъ казенные подряды 1, золотыхъ дѣлъ мастеровъ 3, наемныхъ сторожей 3, наемныхъ десятниковъ 7, чернорабочихъ 99, извозчиковъ 17, хлѣбопековъ 17, содержавшихъ студентовъ (Коллегіума) 1, пекшихъ блины для продажи 2, отдававшихъ въ наймы свой домъ 1, переплетчиковъ 1, продавцевъ казенной соли 1, слесарей 1, глазной лекарь 1, часовыхъ дѣлъ мастеръ 1, писарь 1, занимался рукодѣліемъ 1, жестянниковъ 1, „швецъ“ 1, „шмуклеръ“ 1, цирюльниковъ 2, пивоваровъ 1, бондарей 11.

Такимъ образомъ, болѣе всего процвѣтала въ Харьковѣ торговля горячимъ виномъ, краснымъ товаромъ, съѣстными припасами, рыбой, мелкими товарами, виноградным виномъ, дегтемъ, сѣномъ и овсомъ, хлѣбомъ, желѣзными издѣліями, конопляным масломъ. Изъ ремеслъ же и промысловъ на первомъ планѣ стояли— сапожное, портняжническое, кузнечное, кушнирское, мясницкое, гончарное, шапочное, ткацкое, извозное, шорное, стекольное, хлѣбопекарское, бондарское, плотничье, производство ковровъ, печенье бубликовъ, шитье свитъ, и наконецъ, черная работа., Нѣкоторыя, занятія были развиты такъ слабо, что намъ теперь трудно понять, какъ можно было, напримѣръ, обходиться всему населенію однимъ подрядчикомъ по каменнымъ работамъ, 1 подрядчикомъ по казеннымъ работамъ, однимъ квартиронанимателемъ, однимъ слесаремъ, однимъ писаремъ, однимъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ.

Принимая во вниманіе вышеприведенныя данныя, мы можемъ изъ нихъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

На первомъ мѣстѣ, по количеству своихъ представителей, въ концѣ XVIII в., по даннымъ 1794 года должна быть поставлена группа ремесленниковъ и промышленниковъ. Всего въ Харьковѣ проживало тогда 1792 семейства и на долю этихъ группъ приходилось 834 семьи, т. е. около 47% населенія. За ремесленниками слѣдуютъ хлѣбопашцы; ихъ были 320 семействъ, т. е. около 18% общаго числа населенія. За ними идутъ купцы, въ количествѣ 257 семействъ, что составитъ 14%; служащіе на гражданской и военной службѣ и лица безъ опредѣленныхъ занятій составляли 21%. Таковъ былъ составъ харьковскаго населенія въ концѣ XVIII в. по занятіямъ жителей. Мы видимъ, что въ немъ преобладаютъ ремесленники, за ними слѣдуютъ земледѣльцы, купцы и разночинцы. Ремесла въ Харьковѣ развивались въ связи съ ростомъ города. По переписи Хрущова, ремесленники не занимали еще такого виднаго мѣста въ составѣ городскаго населенія, хотя, повидимому, они находились и въ другихъ группахъ (напримѣръ, козачьихъ подпомощниковъ и особенно подсусѣдковъ, работниковъ и дворниковъ). По „Топографическому описанію Харьковскаго Намѣстничества“ 1788 г., ремесла въ Харьковѣ уже играютъ чрезвычайно видную роль. Очевидно, происходитъ процессъ дифференціаціи занятій; въ то время какъ прежде многіе обыватели сами изготовляли для себя необходимыя ремесленныя издѣлія, теперь это дѣло сосредоточивается въ рукахъ спеціалистовъ, число которыхъ возрастаетъ сообразно росту городскихъ потребностей. И въ дѣлѣ ремесла Харьковъ мало по малу перестаетъ быть деревней и превращается въ городъ.

Даже спеціально деревенское занятіе его жителей—земледѣліе—начинаетъ теперь повидимому сосредоточиваться въ опредѣленной группѣ лицъ—хлѣбопашцевъ.

Земледѣліе является еще и теперь виднымъ занятіемъ городскаго населенія. Съ слободой Ивановкой и хуторами Харькову принадлежало болѣе 23000 десятинъ пахатной, сѣнокосной и лѣсной земли. Если принять цифру мужскаго населенія въ 5000 душъ, то на долю каждаго въ среднемъ приходится болѣе 4½ десятинъ; если же исключить тѣхъ, кто къ этой землѣ

отношенія не имѣлъ, то выйдетъ еще болѣе значительное количество. Одного лѣса приходилось немногимъ менѣе одной десятины на мужскую душу и взрослыхъ дѣтей. Но если городскія земли эксплуатировались одною группою хлѣбопашцевъ, то на долю каждой семьи ихъ пришлось бы по 72 десятины или, принимая по 5 человѣкъ въ семействѣ (ибо таковъ долженъ быть въ среднемъ составъ семействъ при населеніи въ 10000 человѣкъ), выйдетъ по 14,4 десятинъ на душу. Рядомъ съ земледѣліемъ мы находимъ огородничество, садоводство, а также скотоводство. Сады и огороды были и непосредственно въ предѣлахъ городской черты и при томъ и у обывателей, не занимавшихся спеціально земледѣліемъ. Видную роль играли также левады, названія которыхъ удержались кое гдѣ до настоящаго времени.

На рубежѣ ремесла и торговли стояли разнообразные промыслы; нѣкоторые изъ нихъ болѣе подходили къ ремесламъ, другіе—къ торговлѣ. Заводовъ было немного и они всѣ перечислены въ представленныхъ выше документахъ. Любопытно, что нѣкоторые заводы (напримѣръ, кирпичные) возникли для удовлетворенія потребностей самихъ владѣльцевъ ихъ. Видное мѣсто въ промышленности занимало винокуреніе, но занятіе это, благодаря ограничительнымъ мѣрамъ правительства и казенной монополизаціи, не развивалось и падало также точно, какъ и связанная съ нимъ продажа горячихъ напитковъ городскими обывателями. Но за то, вообще говоря, развивалась въ городѣ постоянная торговля—росло число лавокъ, появился гостинный дворъ, составлявшій непремѣнную принадлежность всякаго торговаго городскаго центра, увеличивались торговые обороты, расширялась дѣятельность харьковскаго купечества, умножалось число купцовъ и возрастали ихъ капиталы. И конечно, развитіе мѣстной торговли, промышленной и ремесленной дѣятельности способствовало экономическому росту Харькова, превращало его въ городской центръ, выдвигало въ ряду другихъ городовъ своей и сосѣднихъ губерній. Впрочемъ изъ другихъ городовъ Харьковской губ. только одни Сумы нѣкоторое время какъ бы конкурировали съ Харьковомъ по части торговли и то впрочемъ ярмарочной, но скоро должны были уступить первенство Харькову и въ этомъ отношеніи.

На Харьковскія ярмарки товары стекались съ сѣвера—изъ Балтійскихъ портовъ (Петербурга и Риги) и центральнаго промышленнаго района (Москвы, Калуги, Суздаля, Тулы и т. п.), съ юга (Крыма, Ростова, Таганрога, Черкасска, Херсона и др.), востока (поволжскихъ городовъ Саратова и Царицына) и Запада (Кіева, Польши, Силезіи, Молдавіи, Данцига и Лейпцига). Въ извѣстной Екатерининской Коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія происходили любопытные дебаты о сѣверномъ, западномъ и южномъ торговыхъ путяхъ и эти дебаты выясняютъ намъ до нѣкоторой степени ихъ относительное значеніе. Депутатъ Коммерцъ-Коллегіи Меженіновъ предложилъ, чтобы заграничные западные товары (изъ Данцига, Кенигсберга и Бреславля) доставлялись въ Россію исключительно черезъ Петербургскій портъ и не привозились ни на одну сухопутную пограничную таможню—Кіевскую или Васильковскую, такъ какъ въ этомъ случаѣ берутся за нихъ въ Польшѣ большія пошлины. Но противъ этого мнѣнія единодушно возстало все малороссійское и слободскоукраинское купечество. Харьковскій депутатъ И. Черкесъ, который самъ велъ обширную торговлю, говоритъ: „торговый путь чрезъ одно только Балтійское море недостаточенъ для всей Россійской Имперіи. Хотя Силезія и другія мѣста снабжаютъ Петербургскій портъ черезъ Данцигъ нѣкоторыми товарами, но Англія, Голландія, Амстердамъ, Любекъ въ состояніи производить болѣе обширную торговлю. Равнымъ образомъ лучшіе товары привозятся изъ Царьграда, Македоніи и Анатоліи чрезъ Венецію, а особливо сухимъ путемъ изъ Силезіи черезъ Кіевъ. Привозимыми въ этотъ городъ въ большомъ количествѣ товарами довольствуется вся Украйна“. Эту же мысль поддерживали депутаты Нѣжинскій, Кіевскій и малороссійскихъ слободъ. Отсюда видно, какъ дорожилъ представитель Харьковскаго малороссійскаго купечества торговлей съ Западной Европой, торговлей, которая

велась главнымъ образомъ при посредствѣ Нѣжинскихъ грековъ; за этой торговлей было одно значительное преимущество передъ сѣверной—ея древность; Украинскихъ купцовъ не смущала трудность пути. Тотъ же Черкесъ въ Коммиссіи говорилъ: „купецъ предпочитаетъ отдаленность опасностямъ морскаго плаванія“. Такъ могли разсуждать люди, привыкшіе вести сухопутную торговлю съ отдаленными мѣстностями. И дѣйствительно, ихъ не пугала отдаленность Крыма и Азовско-Черноморскихъ портовъ, хотя туда велъ длинный путь, шедшій съ юга черезъ всю Новороссію на таможни Кременчугъ и Переволочную. И. Черкесъ предлагалъ для сокращенія его устроить таможню въ одной изъ крѣпостей Украинской линіи. „Наши купцы, торгующіе въ турецкихъ владѣніяхъ и въ Крыму, говорилъ онъ, купивъ потребные товары, возвращаются въ Россію черезъ Запорожскую Сѣчь. Этотъ путь весьма дальній и къ тому еще опасный, а особливо для тяжелаго товара, ибо нужно переправляться два раза черезъ Днѣпръ, въ опасное время, когда онъ бываетъ покрытъ льдомъ, не весьма крѣпкимъ, по причинѣ ширины этой рѣки и умѣреннаго климата. И такъ, не признано ли будетъ нужнымъ опредѣлить путь для провоза товаровъ, начавъ отъ Перекопа и другихъ Крымскихъ городовъ прямо на Козловскую и Алексѣевскую крѣпости и въ одной изъ нихъ учредить таможню. Этимъ способомъ устранены будутъ значительныя трудности и излишніе расходы купечеству“. Но противъ этого проэкта высказались и Запорожскіе депутаты, и депутатъ Екатерининской провинціи, отчасти потому, что онъ нарушалъ ихъ интересы, а отчасти и потому, что вообще южнорусскіе чумаки (рѣчь шла главнымъ образомъ о нихъ) не охотно измѣняли свои „извѣчные“ шляхи.

Таково было значеніе иностранныхъ товаровъ на харьковскихъ ярмаркахъ; ею было довольно значительно; но съ ними удачно конкурировали произведенія промышленнаго великорусскаго центра, ибо на сторонѣ ихъ было одно огромное преимущество—ихъ дешевизна; это были по большей части дешевые товары и потому они находили себѣ сбытъ среди всей массы слободско украинскаго общества, между тѣмъ какъ иностранные товары покупались очевидно только богатыми людьми; изъ дешевыхъ заграничныхъ товаровъ можно указать только на косы, имѣвшіе повидимому значительный сбытъ. Преимущество великорусской торговли надъ иностранной зависѣло еще и отъ того, что первая велась великорусскимъ купечествомъ, а послѣдняя самими иностранцами, и посредниками этой иноземной торговли—греческимъ и полтавскимъ купечествомъ, не жившими въ Харьковѣ. Хотя, къ сожалѣнію, мы не имѣли точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ торговли всѣми указанными выше товарами, но можно предполагать, кажется, что первое мѣсто занимали здѣсь великорусскія мануфактурныя и металлическія издѣлія (Москвы, Суздаля, Тулы и Павлова). Такимъ образомъ, великорусская промышленность завоевывала себѣ все болѣе и болѣе мѣста на харьковскихъ ярмаркахъ, а, слѣдовательно, и въ домашнемъ быту обывателя, главнымъ занятіемъ котораго все таки было земледѣліе, скотоводство и тѣ промыслы и ремесла, которые не требовали особаго техническаго совершенства и могли удовлетворять неприхотливому вкусу менѣе зажиточныхъ городскихъ обывателей; болѣе же богатые покупали ремесленныя издѣлія на харьковскихъ ярмаркахъ; читая перечень издѣлій, привозившихся въ Харьковъ на его ярмарки, невольно получаешь впечатлѣніе, что зажиточные люди почти всю свою домашнюю обстановку пріобрѣтали на этихъ ярмаркахъ и этимъ, конечно, въ сильной мѣрѣ достигалось распространеніе русскаго вліянія въ малорусскомъ тогда еще по населенію городѣ Харьковѣ. Впрочемъ нужно сказать, что и харьковскій обыватель выставлялъ, какъ мы видѣли, продукты своего производства на ярмаркахъ, и они вполнѣ удовлетворяли вкусамъ мѣстныхъ и уѣздныхъ потребителей изъ низшихъ слоевъ общества и даже расходились за предѣлами края въ Малороссіи, на Дону, въ Польшѣ. Такія издѣлія, какъ свитка и плахты, коцы не боялись конкуренціи великорусскихъ издѣлій, потому что на нихъ еще твердо держалась мода во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ,

гдѣ жило малорусское населеніе. Въ это именно время начинается обособленіе высшаго и низшаго класса слободско украинскаго общества и въ соціальномъ, и въ бытовомъ отношеніи. Развивается крѣпостное право, формируется изъ бывшей козацкой старшины и другихъ элементовъ мѣстное дворянство, развивается землевладѣльческое хозяйство. Вновь народившееся дворянство охотно покупало на ярмаркахъ различные привозные товары, издѣлія, чтобы создать себѣ удобную, а если возможно, то и роскошную обстановку и тѣмъ выдѣлиться изъ остальнаго нѣкогда близкаго ему по условіямъ жизни козацкаго сословія. Теперь уже почти исчезла та патріархальная старосвѣтская жизнь, о которой свидѣтельствуетъ, напримѣръ, опись имущества полковника Перекрестова. Городское населеніе Харькова также охотно обзаводилось всѣми тѣми предметами, которые входили въ моду у знати. Наглядное представленіе о разнообразіи этихъ предметовъ даетъ сдѣланный нами выше перечень ихъ. Прадѣдовскій складъ жизни всецѣло царилъ только среди массы войсковыхъ обывателей и поспольства; но и туда начинали, вѣроятно, проникать мануфактурные товары, благодаря ихъ дешевизнѣ. Великорусское купечество играло первенствующую роль въ ярмарочной торговлѣ. Мѣстные обыватели, какъ мы видѣли, также принимали въ ней участіе, но имъ, конечно, нечего было и думать о конкуренціи съ великорусскимъ купечествомъ въ доставкѣ предметовъ обрабатывающей промышленности изъ центральной Россіи, не только потому, что они отличались меньшею подвижностью, а и потому главнымъ образомъ, что имъ совершенно не были извѣстны производители и самые промышленные округа; между тѣмъ великорусскіе купцы были или постоянными жителями центральной Россіи, или выходцами оттуда, поселившимися въ Харьковѣ, но не прерывавшими связей съ родиной. Развитіе ярмарочной торговли привело къ увеличенію числа осѣдлаго постояннаго великорусскаго купечества въ Харьковѣ.

Закончивъ обозрѣніе экономическаго быта Харькова въ XVII—XVIII в. в., мы хотѣли бы остановиться еще на одномъ вопросѣ, рѣшеніе котораго могло бы намъ уяснить этотъ бытъ — именно на опредѣленіи тогдашнихъ цѣнъ на товары и трудъ. Но такъ какъ вопросъ о цѣнахъ принадлежитъ къ наиболѣе труднымъ задачамъ *экономической* науки и такъ какъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ даже и для постановки его достаточныхъ матеріаловъ (за XVII-й вѣкъ у насъ нѣтъ, напримѣръ, никакихъ данныхъ), то мы ограничимся сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о цѣнахъ, стоявшихъ въ Харьковѣ на разные товары преимущественно во второй половинѣ XVIII вѣка. Полагаемъ, что будетъ небезполезно одно обнародованіе этого сырого матеріала, ибо на основаніи его всякій, установивъ отношеніе цѣнъ на различные товары другъ къ другу и къ цѣнамъ на хлѣбъ и трудъ, можетъ произвести сравненіе цѣнъ прежнихъ и нынѣшнихъ.

Вотъ цѣны разныхъ продуктовъ на харьковскихъ базарахъ въ 1732 году:

четверть ржаной муки	—	р.	70 к.
„ пшеничной	1	„	07 „
„ пшеницы	1	„	06 „
„ гречихи	—	„	56 „
„ муки гречневой	—	„	82 „
„ пшена	1	„	30 „
„ солоду ячнаго	—	„	85 „
„ овса	—	„	25 „
„ гороху	—	„	77 „
„ ячменя	—	„	34 „
возъ сѣна	—	„	44 „
пудъ лою (свѣчнаго сала)	—	„	60 „

пудъ табаку..... — р. 59 к.
кормленый кабанъ.. ... . 1 „ — „
туша кабанья .... — „ 90 „
пудъ сала кабаньяго..... ..... — „ 55 „
„ соли .... — „ 26 „
ведро меду сѣраго..... 2 „ 21 „
гарнецъ меду сиченаго ..... — „ 04 „
„ пива ..... — „ 02 „
кварта конопляпаго масла ..... — „ 08 „
ведро добраго вина..... 1 „ 51 „
„ простого вина ..... — „ 80 „
пудъ коровьяго масла ..... — „ 78 „ [1])

Въ 1779 г. четверть ржаной муки стоила 1 р. 10 к.—1 р. 20 к., а въ августѣ отъ 1 р. 10 до 1 р. 40 к.—1 р. 50 к., въ виду дороговизны предположено было ограничить винокуреніе.

Въ 1788 году сажень дровъ стоилъ 3 р. 50 к., возъ угля 50 коп., ведро уксуса 1 р., пудъ бѣлаго крахмала 4 р., фунтъ синяго 1 р. 20 к., четверть ржаной муки 2 р. 50 к., бутылка для шампанскаго 15 к., простая бутылка 6 к., рюмка 8 к., пивной стаканъ 10 коп. По такимъ цѣнамъ, вѣроятно, преувеличеннымъ покупались эти предметы во время пребыванія Императрицы Екатерины II-й въ Харьковѣ. Въ 1792 г. четверть ржаной муки стоила 1 р. 50 к.—2 р., пшеничной 3 р. 50 к.—4 р., гречневой 1 р. 30 к.—1 р. 40 к., крупы просяной 3 р. 80 к.—3 р. 90 к., гречневой 3 р. 80 к.—3 р. 90 коп., ячменя 80 к.—1 р. 30 коп., овса 20—90 коп., сѣно 10 коп. за пудъ, соль 40 коп. [2]).

Такимъ образомъ, если свести къ цѣнамъ на хлѣбъ цѣны на остальные продукты, то окажется, что ячмень и особенно овесъ цѣнились очень дешево, возъ сѣна стоилъ почти вдвое дороже, чѣмъ четверть овса, пудъ свѣчнаго сала и табаку (конечно простаго) стоялъ нѣсколько дешевле четверти ржаной муки, пудъ свинаго сала стоилъ почти столько же, сколько и четверть гречихи, кормленый кабанъ былъ дешевле четверти пшеницы, а пудъ соли стоилъ даже на 1 коп. дороже четверти овса, пудъ коровьяго масла стоилъ почти столько же, какъ и четверть гороха и немного дороже четверти ржаной муки, ведро меду сѣраго было болѣе чѣмъ вдвое дороже четверти пшеничной муки, ведро простаго (хлѣбнаго вина) на 10 коп. дороже четверти ржаной муки, а добраго (оковытой) цѣнилось почти вдвое дороже.

Цѣны на товары, если не принимать во вниманіе измѣненія цѣнности денегъ, были меньше нынѣшнихъ въ нѣсколько разъ (4—10), но изъ перечисленныхъ выше предметовъ цѣны болѣе чѣмъ въ 10 разъ ниже нынѣшней имѣли—овесъ, сѣно, свиное сало, коровье масло. И только одна соль продавалась по страшно высокой цѣнѣ—равнялась по своимъ размѣрамъ нынѣшней, т. е. въ сущности была въ 4—10 разъ выше теперешней.

Можно было бы сопоставить цѣны на всѣ эти товары съ нынѣшними, но это завело бы насъ слишкомъ далеко и потому ограничимся немногими замѣчаніями. Цѣны на суконные и т. п. товары были очень высоки; особенно дороги, по сравненію съ нынѣшнимъ временемъ, были ситцы. Былъ очень дорогъ чай: фунтъ хорошаго сорта стоилъ столько, сколько и четверть ржаной муки. Фунтъ сахару на тогдашнія деньги стоилъ 25 коп., т. е. столько, сколько 2½ пуда сѣна. За то рыба продавалась дешевле нынѣшняго; пудъ свѣжепросольной икры стоилъ 5 р.—5 р. 50 к., а фунтъ слѣдовательно 14 коп. (на тогдашнія деньги), фунтъ стерляди—6 коп., фунтъ осетрины 8 коп. Вина, какъ и теперь были дешевыя и дорогія: бутылка шампанскаго

[1]) Молодыкъ на 1844 г. X. 1843. Стр. 225 -226.
[2]) Архивъ Харьк. Гор. Думы.

стоила почти столько, сколько ведро мускателя. Лошади были въ цѣнѣ, а волы и коровы сравнительно съ ними очень дешевы: пара воловъ продавалась немногимъ дороже одной крестьянской лошади, а корова въ среднемъ стоила разъ въ 5 дешевле пары воловъ.

Приведемъ теперь нѣкоторыя цѣны на строительныя работы и матеріалы. При постройкѣ новаго каменнаго соборнаго Успенскаго Храма въ 1771 году, за работу иконостаса и выносъ его въ чуланъ при Соборной колокольнѣ уплачено было 20 коп.; „за 57 р. 60 к. плотники разобрали на соборномъ Храмѣ главы крыши, сняли полы, вынули двери и окна“; за 300 руб. Тульскій каменьщикъ Аникей Добрынинъ разобралъ каменныя стѣны, очистилъ и сложилъ кирпичъ въ клѣтки, а щебень въ кучи; діаконъ Китченковъ былъ отправленъ за храмозданною грамотою въ Бѣлгородъ и получилъ на путевые расходы 1 р. 75 к.; на выемку земли для фундаментовъ, съ вывозкою ея за городъ было уплачено 17 р. 55 к., кирпичъ покупали у церковнаго старосты Грекова съ доставкою на мѣсто изъ его кирпичнаго завода по 3 р. 50 к. за тысячу. Известь покупали въ Бѣлгородѣ на заводѣ капитана Выродова, уплачивая за нее по 35 коп. за четверть. Каменьщикъ изъ Тулы Медвѣдевъ получалъ по 1 р. 30 к. за кирпичную кладку отъ 1000; чернорабочимъ уплачивали по 10 коп. въ день. Лѣсъ купили на срубъ у казеннаго обывателя Горбара на Лысой горѣ за 40 руб. „Плотничьи и столярныя работы производили харьковскій обыватель Галенко съ товарищами по 15 коп. въ день. Желѣзные матеріалы соборяне покупали у Бѣлгородскихъ купцовъ Тамбовцева и Лапшина, Елецкаго купца Черникина, у Харьковскаго жителя Мизернаго. Кузнечныя и столярныя работы производилъ Баримовъ за 25 руб. въ годъ на церковныхъ харчахъ, съ прибавкою 3 р. 50 к. за проѣздъ отъ Тулы до Харькова [1]).

Кладка 1000 кирпича стоила почти въ 3 раза дешевле самаго кирпича—такое соотношеніе можно наблюдать и въ настоящее время. Чернорабочій получалъ 10 коп. въ день, а плотникъ и столяръ 15 коп. Много это или мало? Что онъ могъ купить за эти деньги? За 10 коп. можно было купить въ 1732 году 6 фунтовъ свинаго сала, или $^1/_8$ ведра простой водки, или $2^1/_2$ гарнца сиченаго меду, или 5 гарнцевъ пива, или 5 фунтовъ коровьяго масла, въ 1779 году—$^1/_2$ десятка тарани. Хлѣба на 10 коп. можно было купить много фунтовъ. Какъ видимъ отсюда, заработная плата, благодаря дешевизнѣ хлѣба и другихъ жизненныхъ припасовъ, могла поддерживать существованіе тогдашняго рабочаго. Спеціальный ремесленный трудъ цѣнился въ $1^1/_2$ раза выше обыкновеннаго.

Представимъ теперь нѣсколько фактическихъ данныхъ о цѣнахъ на дворовыя мѣста въ городѣ Харьковѣ.

Въ 1781 году было куплено дворовое мѣсто въ Николаевскомъ приходѣ на Проѣзжей улицѣ съ постройками, крытыми гонтой, состоявшими изъ 2-хъ избъ съ чуланами, сѣнями, теплюшкой и погребомъ; въ длину дворъ равнялся 12 пог. саж., въ ширину 6 и 7 (слѣдовательно площадь 70—80 кв. саж.) и за все это было заплочено 220 руб. Въ томъ же году куплено было за 100 рублей дворовое мѣсто въ 560 кв. саж., находившееся за Деркачевскою башнею, огороженное плетневою огорожею, съ деревяннымъ строеніемъ—тремя горницами въ одной связи, съ кладовыми и чуланами; ограничено было съ одной стороны проѣзжей улицей, съ другой водомойнымъ рвомъ. Въ томъ же году куплено было за 250 руб. дворовое мѣсто съ огорожею мѣрою въ 144 кв. саж., находившееся въ Соборномъ Успенскомъ приходѣ съ деревяннымъ строеніемъ, состоящимъ изъ 3-хъ хатъ, „съ прибоками“, кромѣ того на дворѣ отдѣльно стояла камора съ соломенною крышею съ конюшнею.

Въ томъ же году за 120 руб. были куплены—а) въ Дмитріевскомъ приходѣ за рѣкою Ло-

[1]) Ист. Стат. Опис. Харьк. Каѳедр. Усп. Собора X. 1894, стр. 4—6.

панью дворовое мѣсто мѣрою въ 90 кв. саж., выходившее въ проулокъ и б) близь Холодной Горы левада съ плодовыми деревьями, мѣрою въ 2170 кв. саж., находившаяся у столбовой дороги изъ Харькова на Ольшану [1]).

Со стороны администраціи и городскаго управленія были попытки регулировать цѣны на предметы первой необходимости, но онѣ отличались, такъ сказать, внѣшнимъ характеромъ. Въ 1789 году намѣстникъ И. Д. Пашковъ вошелъ въ Думу съ такимъ предложеніемъ. Въ прошломъ году, по благости Божіей, былъ хорошій урожай на хлѣбъ, сѣно и съѣстные припасы; слѣдовательно, цѣны на все это не должны повышаться, если только ихъ искусственно не повысятъ скупщики. Для устраненія этого я поручилъ Харьковскому Городничему за 3 часа до разсвѣта разослать по транспортнымъ дорогамъ, по которымъ обыкновенно везутъ припасы, по 2 человѣка исправныхъ драгунъ мѣстной штатной роты съ порученіемъ убѣдиться, нѣтъ ли гдѣ по этимъ дорогамъ тайныхъ скупщиковъ, и если таковые окажутся, то брать ихъ къ отвѣту; тоже дѣлать поручено на караулахъ и въ будкахъ по улицамъ при въѣздѣ всякой повозки: наконецъ, назначены были особые офицеры, которые вмѣстѣ съ ратманами базарными и 2 гласными Думы и Городскимъ Головою должны были въ теченіе всего воскресенья и въ понедѣльникъ до свѣта во первыхъ записать, сколько будетъ на базарѣ въ привозѣ мѣшковъ всякаго сорта хлѣба, сколько возовъ сѣна, сколько живности, птицъ и разныхъ съѣстныхъ припасовъ числомъ, мѣрою и вѣсомъ, а во вторыхъ, принять рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы никто изъ перекупщиковъ не возвышалъ цѣнъ. Все это нужно было затѣмъ повторить и въ ближайшую пятницу [2]).

Другая мѣра противъ повышенія цѣнъ па хлѣбъ также носила еще болѣе принудительный характеръ. Уѣздный стряпчій Харьковскаго Округа Ал. Соколовъ заявилъ Думѣ, что многіе временно пребывающія въ Харьковѣ лица, а также спеціально для этого пріѣзжающія скупаютъ оптомъ привозной хлѣбъ и вывозятъ его изъ Харькова, чѣмъ повышаютъ цѣны и причиняютъ подрывы мѣстнымъ жителямъ. Городская Дума, основываясь на 167 статьѣ Городоваго положенія, требовавшей попеченія о прокормленіи городскаго населенія, постановила запретить такія покупки, виновныхъ въ этомъ лицъ арестовывать, купленный ими хлѣбъ велѣть продавать на мѣстѣ городскимъ обывателямъ [3]).

Въ 1787 году Городская Дума приняла рядъ мѣръ для упорядоченія городской торговли вообще и ярмарочной въ частности. Рядскому старостѣ Лепехову дана была съ этою цѣлью такая инструкція. Иногородные, пріѣзжая на ярмарки, должны были только за три дня нанимать лавки для своей торговли или дѣлать свои „таши“ (т. е. рундуки) и торговать безпрепятственно только 12 дней, по истеченіи же этого срока немедленно прекращать свою торговлю всѣмъ купцамъ—и мѣстнымъ, и пріѣзжимъ—самовольно въ Гостинномъ ряду мѣсть нельзя было занимать, не „ташоваться“ (т. е. не строить „ташей“) и тѣмъ болѣе не вчинять другъ съ другомъ споровъ и дракъ за мѣста, но дѣлать это всегда съ согласія рядскаго старосты, такъ чтобы одинъ другому не мѣшали, а въ случаѣ споровъ жаловаться Городской Думѣ. Въ лавкахъ всѣмъ имѣть настоящіе, а не поддѣльные товары съ клеймами подъ угрозою законнаго взысканія. Товары, покупаемые на ярмаркѣ, должны были взвѣшиваться на городскихъ вѣсахъ; частнымъ же лицахъ можно было имѣть вѣсы только у себя въ домѣ для домашнихъ потребностей, а въ лавкахъ ихъ нельзя было выставлять. Сборъ за вѣсы долженъ былъ быть безъ упущенія со всѣхъ правильный и его нужно было по окончаніи ярмарки доставлять въ Думу. Мѣры эти приняты были въ бытность Городскимъ Головою Артемія Карпова [4]).

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Харьк. Магистрата.
[2]) Изъ Архива Харьк. Гор. Думы.
[3]) Изъ Архива Харьк. Гор. Думы.
[4]) Изъ Архива Харьк. Гор Думы.

Глава 10-я.

Повинности харьковскаго населенія.

Первые поселенцы Харькова, какъ и всѣ ихъ товарищи, не въ одиночку, а большими партіями пришедшіе на землю Московскаго царя, встрѣтили ласковый пріемъ со стороны правительства ихъ новой родины. Иначе, какъ ласково и не было, впрочемъ, разсчета относиться къ новоселамъ. Защита южныхъ границъ Московскаго царства составляла предметъ вѣковѣчныхъ заботъ и требовала отъ правительства и отъ населенія большого напряженія силъ, и въ Москвѣ могли только почесть за особую милость Божію и царское счастье, когда на помощь царскимъ ратнымъ людямъ Богъ послалъ нежданно-негаданно тысячи людей, захотѣвшихъ осѣсть на мѣстахъ, требующихъ особенной охраны. И какихъ людей! Вооруженныхъ, закаленныхъ въ вѣковыхъ бояхъ съ татарами, воиновъ съ головы до пятъ, и при томъ воиновъ даровыхъ, содержаніе которыхъ ничего не стоило, ибо ничего не стоило занятое ими „дикое поле“, а кромѣ „дикаго поля“ они ничего себѣ и не требовали. Отдать имъ это „дикое поле“—значило обезопасить всю южную половину государства, дать возможность жителю Мценска и даже Курска мирно жить подъ своими смоковницами. Отдать прихожимъ черкасамъ дикое поле—значило и другое: значило въ недалекомъ будущемъ дать казнѣ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества немалый прибытокъ. Пройдетъ немного лѣтъ, и занятое прихожими черкасами „дикое поле“ станетъ культурною землей. Трудъ человѣка, приложенный къ дѣвственной почвѣ пустыни, создастъ благосостояніе, а благостояніе новыхъ подданныхъ неизбѣжно отразится и на дѣлахъ Приказа большія казны. Московскому правительству былъ резонъ ласкать новоприхожихъ черкасъ, и оно ихъ приласкало,—приласкало гораздо больше, нежели тѣхъ московскихъ людей, которые до сего времени попадали въ эти опасныя мѣста. Какъ-никакъ, новоприхожіе черкасы были иноземцы, выходцы изъ-за литовскаго рубежа, принесшіе съ собой свои черкасскія „обыкности“, пріученные „тѣшиться“ такими вольностями, о какихъ московскіе люди понятія не имѣли и на которыя не могли поэтому и претендовать. Къ новымъ подданнымъ нельзя было, стало быть, и относиться такъ, какъ относились къ московскимъ гуляющимъ или даже и служилымъ людямъ. Приходилось поэтому принимать въ соображеніе и черкасскія „обыкности“ и считаться съ ними, если въ Москвѣ не хотѣли, чтобы ея новые подданные снялись съ занятаго ими „дикаго поля“ и вновь ушли подъ начальствомъ своихъ ватажковъ туда же, откуда пришли, какъ это случилось съ чугуевскими черкасами при покойномъ родителѣ царя Алексѣя Михайловича.

Черкасы шли въ Московское государство „на слободы“, шли искать свободы, и Московское правительство охотно предоставляло имъ свободу отъ податей и повинностей, кромѣ, конечно, обязанности „государеву службу служити“. Полное освобожденіе отъ податей и повинностей давалось, впрочемъ, только до тѣхъ поръ, пока новоселы успѣютъ осѣсть и устроиться на новомъ мѣстѣ. Дана была такая льгота и для харьковцевъ, какъ это видно изъ одной челобитной 168 г. (1660 г.), въ которой читаемъ: „а преже сей грамоты (т. е. грамоты 1660 г.), государь, дана твоя, великаго государя, грамота въ Харьковъ намъ, холопемъ твоимъ, чтобы съ

насъ, холопей твоихъ, твоихъ государевыхъ пошлинъ не брать для нашей бѣдности и разоренья и новой селитьбы“ [1]). Впрочемъ царская грамота не всегда могла гарантировать харьковцевъ отъ произвола московскихъ приказныхъ людей. Въ той же челобитной находимъ указаніе на то, что вопреки царской грамотѣ подъячій Харьковской съѣзжей избы Терентій Талаевъ бралъ съ харьковцевъ пошлины при совершеніи актовъ купли-продажи: „которій бѣдній въ Харьковѣ для своей бѣдности продастъ лошадь любо хатку для хлѣба, и тимъ велятъ являться и приходить въ приказъ и записоваться, да съ той продажи отъ лошадей и отъ хатки пошлины по гривнѣ беретъ приказной избы подячей Терентей Талаевъ твои государеви пошлини“.

Въ 1660 г. къ Харьковскому воеводѣ Ивану Офросимову была прислана царская грамота, которою велѣно устроить въ Харьковѣ таможенную избу и для таможеннаго сбора выбрать цѣловальниковъ изъ служилыхъ и изъ жилецкихъ людей двухъ или трехъ человѣкъ добрыхъ, „кого на такое дѣло станетъ“; таможенную пошлину по присланной въ Харьковъ уставной грамотѣ велѣно брать со всякихъ пріѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей „съ покупныхъ и продажныхъ со всякихъ, съ вѣщихъ и не съ вѣщихъ товаровъ и съ лошадей, и со всякой животины и съ хлѣба и съ соли“, „а съ харьковскихъ черкасъ таможенныхъ пошлинъ имать не велѣно“ [2]). Грамота эта настолько встревожила харьковцевъ, что къ царю „всѣмъ городомъ“ были посланы челобитчики—„Осташко Тишковъ съ товарищи“ съ просьбой объ отмѣнѣ таможеннаго сбора. „А какъ сія уставная грамота твоя великаго государя писали челобитчики,—придетъ въ Харьковъ, и намъ большой разгонъ будетъ и врозь разбрестися придется, потому, государь, что городъ Харьковъ далече отъ иныхъ городовъ твоихъ государевыхъ и не схотятъ привозить къ намъ, холопямъ твоимъ, для того“. Ссылались, кромѣ того, челобитчики и на „дорогой годъ“, и на „осадное время“, опасаясь, какъ бы съ установленіемъ пошлинъ имъ не пришлось „голодною смертью помереть и врозь разбрестися“. Государь пожаловалъ харьковцевъ, „съ 12 рублевъ имать пошлины не велѣлъ“ [3]). Очевидно, несмотря на эту милость, въ Москвѣ все-таки считали возможнымъ получить съ Харькова что-нибудь по таможенному сбору, потому что два раза требовали отъ Харьковскаго воеводы Сухотина присылки въ Москву собранныхъ денегъ и таможенныхъ книгъ. Сухотинъ отвѣтилъ, что въ 1660 году, когда было сдѣлано распоряженіе о сборѣ таможенныхъ пошлинъ, воеводой въ Харьковѣ былъ Офросимовъ, который ни таможенной избы не выстроилъ, ни цѣловальниковъ не выбралъ, а почему такъ поступилъ Офросимовъ, того Сухотинъ не вѣдалъ. Таможенная изба и цѣловальники въ Харьковѣ заведены, какъ видно изъ той же отписки Сухотина, въ 1661 году. Въ цѣловальники были выбраны 4 человѣка: изъ русскихъ людей—Филиппъ Сурядной и Назаръ Лебедь, изъ черкасъ—Грицько Лебѣлотъ и Парфенъ Долгополъ [4]). Отъ слѣдующаго 170 (1661—1662) въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи сохранилась „книга таможеннаго сбору денежной казны по г. Харькову“. Собирали этотъ сборъ какъ съ русскихъ, такъ и съ черкасъ. Изъ нѣкоторыхъ записей видно, какъ велика была эта таможенная пошлина. 20 января „черкашенинъ Павликъ явилъ вялой рыбы и ту рыбу продалъ на 50 рублевъ, и съ тѣхъ денегъ государеву пошлину заплатилъ по полъ копейки съ рубля“. Всего въ теченіе перваго года съ таможеннаго сбора въ Харьковѣ было выручено 250 р. [5]). Въ послѣдующіе годы доходъ съ Харьковской таможни замѣтно уменьшился: въ 1670 г. онъ достигалъ только 130 руб. 28 алтынъ 3 денегъ, въ 1674 г.—131 руб. 28 алтынъ

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. ст. Ст. № 424. Л.л. 132—133.

[2]) Тамъ же. Ст. № 463. Л.л. 78—79.

[3]) Тамъ же. Ст. № 424. Л.л. 132—133.

[4]) Тамъ же. № 463. Л.л. 226—227.

[5]) Тамъ же. Денежн. ст. № 325.

5 денегъ. Уменьшеніе произошло, очевидно, потому, что не только харьковцы и ихъ таможенные сборщики, но и самъ бѣлгородскій воевода находили, что ни харьковскіе, ни пріѣзжіе черкасы не подлежатъ обложенію таможенными сборами со своихъ товаровъ. Таможенный сборъ почти никогда не попадалъ въ Москву, такъ какъ большая часть его расходовалась на мѣстѣ. Такъ, изъ доходовъ Харьковской таможни въ 1674 г. взято въ Бѣлгородѣ на жалованье ратнымъ людямъ 107 рублей 14 алтынъ 4 деньги, да въ Харьковѣ взято въ Приказную избу на ругу харьковскому соборному протопопу, попу и причетникамъ 19 рублей 16 алтынъ 4 деньги. Кромѣ того, изъ тѣхъ же таможенныхъ сборовъ уплочено въ Харьковѣ царскому пасѣчнику Еремкѣ Григорьеву 3 рубля, покупались затѣмъ для Приказной избы бумага, дрова, сальныя свѣчи, починялась печь въ таможнѣ [1]).

Кромѣ таможеннаго сбора, собиравшагося къ тому же не съ харьковцевъ, а съ пріѣзжихъ торговцевъ, иныхъ сборовъ въ казну мы не видимъ въ Харьковѣ до самаго 1665 г. Пошлины, взимаемыя подъячимъ Талаевымъ, въ счетъ идти не могутъ, такъ какъ самими же харьковцами сборъ ихъ признавался злоупотребленіемъ. Въ виду этого можно допустить, что въ теченіе первыхъ 11 лѣтъ своего житья въ новопостроенномъ городѣ харьковцы пользовались полной свободой отъ всякихъ сборовъ въ казну, а если отбросить 1654 годъ, когда харьковцы только осаживались на новомъ мѣстѣ, то срокъ льготы, данной первымъ поселенцамъ Харькова, можно опредѣлить въ 10 лѣтъ.

Съ 1665 года харьковцы впервые были обложены оброкомъ съ винныхъ и пивныхъ котловъ и шинковъ, въ которыхъ они до сихъ поръ торговали безданно-безпошлинно. По царской грамотѣ изъ Розряду къ бѣлгородскому воеводѣ кн. Репнину велѣно было построить кабаки и таможни въ тѣхъ городахъ Бѣлгородскаго полка, гдѣ ихъ до сихъ поръ не было, но гдѣ имъ быть „пристойно“. Когда воевода пожелалъ исполнить царскую волю въ черкасскихъ городахъ, черкасы „били челомъ, чтобы по ихъ извычаю быть въ тѣхъ городѣхъ вмѣсто таможенъ и кабаковъ шинкамъ“. Воевода согласился. Шинки были обложены сборомъ по $1^1/_2$ рубля въ годъ, съ каждаго пивного котла велѣно было взимать по 4 руб., а съ виннаго — по рублю. Въ Харьковѣ пивныхъ котловъ оказалось 4, винныхъ 501, а шинковъ 73, такъ что годовой сборъ съ Харькова за шинки и куреніе горѣлки достигалъ 626 руб. съ полтиною. Подчинялись этому распоряженію харьковцы очень не охотно. Въ 1667 г. харьковцы били великому государю челомъ о томъ, что съ ихъ промысловъ (винокуренія и шинкованья) положенъ годовой многій оброкъ, и отъ того оброку многіе черкасы разошлись врозь, потому что имъ такого великаго платежу давать стало не въ мочь, и вмѣсто ушедшихъ весь оброкъ правятъ на оставшихся въ Харьковѣ. Харьковцы просили убавить оброкъ, а положить такой, какой былъ въ черкасскихъ городахъ въ прежнее время, т. е. съ виннаго котла по рублю, съ пивного — по полтинѣ, а съ шинка — тоже по полтинѣ. Результатомъ этого челобитья былъ указъ къ Бѣлгородскому воеводѣ кн. Барятинскому о томъ, чтобы оброкъ брать съ харьковскихъ черкасъ „примѣняясь къ сборамъ иныхъ городовъ, какъ бы великаго государя казнѣ было бы къ прибыли, а имъ бы черкасамъ не въ оскорбленіе и не въ тягость“. Повидимому, воевода ничего не сдѣлалъ для облегченія черкасъ, такъ какъ и въ слѣдующемъ году оброкъ взимался съ нихъ въ прежнемъ размѣрѣ. Уплачивался онъ харьковцами очень неаккуратно: за періодъ времени съ 1665 по 1669 г. харьковцы накопили 1376 руб. съ полтиною недоимки, — сумма по тому времени очень крупная [2]).

Полагать нужно, около того же времени были установлены и другіе сборы. Съ 1666 г. съ харьковцевъ начали собирать сборъ за переѣздъ черезъ мостъ на р. Харьковѣ. Къ 1668 г.

[1]) Арх. Мин. Юст. Бѣлгород. ст. Столб. 754, л.л. 178—186.

[2]) Тамъ же. Столб. 1132, л.л. 1—17.

этотъ сборъ былъ отданъ на откупъ чугуевцу Акинфію Иванову съ уплатой въ казну по 63 р. 32 алтына 5 денегъ въ годъ. Къ счастью для харьковцевъ, откупщика взяли въ плѣнъ татары, и проѣздъ по мосту оказался свободнымъ отъ пошлины. Взимался ли этотъ сборъ и въ послѣдующее время,—на знаемъ [1]). Очевидно, къ той-же второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ относится установленіе въ Харьковѣ и такъ называемаго хлѣбнаго сбора на потребу ратныхъ людей. По царской грамотѣ 1672 г. къ воеводѣ Хорошеву требовалось собрать съ харьковцевъ хлѣбные запасы не только за тотъ годъ, но и недоимки *за прошлые годы:* очевидно, сборъ хлѣба началъ производиться въ Харьковѣ раньше 1672 г. Трудно сказать, взимался ли въ это время хлѣбный сборъ со всѣхъ харьковцевъ,—какъ черкасъ, такъ и русскихъ. По отпискѣ воеводы Хорошева можно предположить, что его уплачивали только „русскіе всякихъ чиновъ люди, за которыми были помѣстныя земли“ [2]), но относительно болѣе поздняго времени (1677 г.) уже съ увѣренностью можно сказать, что онъ падалъ и на черкасъ: изъ отписки воеводы Корсакова видно, что въ это время хлѣбъ собирался „съ градскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей городовыя службы, за которыми пашенная земля есть“. Уплачивали, значитъ, сборъ всѣ тѣ харьковцы, которые не были записаны въ полковую службу. Освобождались отъ сбора только не многіе. Такъ, въ 1678 г. изъ харьковскихъ рейтаръ и солдатъ свободой отъ дачи хлѣбныхъ запасовъ пользовались 11 человѣкъ „за одиночествомъ и для ихъ скудости“; кромѣ того, одинъ человѣкъ бѣжалъ изъ Харькова, помѣстье его пусто, а одинъ умеръ, а жена и дочь взяты въ полонъ [3]). Сборъ производился съ каждаго двора въ размѣрѣ „четверти ржи, овса потому-жъ“. Хлѣбъ собирался для ратныхъ людей. Царскими указами воеводамъ предписывалось перемѣривать его при себѣ, весть счетъ, сколько загнило и залежалось, и разслѣдовать, по чьему нерадѣнію это случилось. Хлѣбъ предписывалось держать въ житницахъ со всякимъ береженіемъ и безъ царскаго указу никому въ расходъ не давать. По зимнему пути собранные хлѣбные запасы отправлялись въ Бѣлгородъ, гдѣ была, такъ сказать, штабъ-квартира Московской украинской арміи [4]).

Приходилось харьковцамъ платить и за мельницы. Когда установленъ былъ этотъ налогъ,—не знаемъ, знаемъ только, что въ 1679 г., при воеводѣ Корсаковѣ, за половину года правительство получило съ харьковскихъ мельницъ 3 рубля 20 алтынъ пять денегъ. Есть основанія думать, что, кромѣ мельницъ, въ Москвѣ разсчитывали получать изъ Харькова оброки „съ лавокъ, съ полковъ, съ кузницъ, съ рыбныхъ ловель и со всякихъ оброчныхъ угодій“, но воеводскія отписки говорятъ только о сборѣ съ мельницъ, такъ что полагать можно, остальныя „оброчныя угодья“ харьковцевъ обложенію не подвергались [5]).

Несмотря на неохоту къ уплатѣ оброковъ, харьковцамъ, вѣроятно, пришлось бы подчиниться необходимости, если бы на помощь къ нимъ не пришли событія, показавшія Московскому правительству, что слободскихъ полчанъ слѣдуетъ щадить и что спѣшить съ подведеніемъ ихъ подъ одинъ уровень съ остальными московскими людьми неблагоразумно. Въ сосѣдней съ Харьковскимъ полкомъ гетманщинѣ вспыхнулъ бунтъ гетм. Ив. Брюховецкаго. Русскіе гарнизоны были перерѣзаны или изгнаны, весь край открыто отложился отъ Москвы, и „прелестные листы“ „Ивашки“ свободно перелетали черезъ границу и съ охотою читались и обсуждались въ Харьковѣ. „Шатость“ въ концѣ концовъ приняла такіе размѣры, что часть харьковцевъ не устояла въ крестномъ цѣлованіи и приняла участіе въ возмущеніи. Правда, остальные

[1]) Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. ст. Столб. 1130, л. 61.
[2]) Тамъ же. Столб. 719, л.л. 355—356.
[3]) Тамъ же. Столб. 744, л.л. 68—70.
[4]) Тамъ же. Столб. 916, л.л. 170—172.
[5]) Тамъ же. Столб. 885, л.л. 134—137.

слобожане показали свое „крѣпкостоятельство“, но происшедшее не могло не научить Московское правительство, что съ новоприхожими черкасами слѣдуетъ обращаться ласково. Въ результатѣ рядъ жалованныхъ грамотъ слободскимъ полкамъ, въ томъ числѣ и харьковцамъ, несмотря на ихъ „шатость“. Въ то время, какъ сумчанамъ и острогожцамъ по жалованнымъ грамотамъ разныя льготы и свободы даются за „крѣпкостоятельство“, харьковцамъ тѣ же самыя льготы и свободы даются за „разореніе“, причиненное смутою. По грамотѣ 1669 года харьковцы были освобождены отъ уплаты оброковъ съ винныхъ котловъ и шинковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ нихъ сложены были и тѣ недоимки по этимъ сборамъ, какія накопились за время съ 1665 по 1669 г., и возвращены назадъ тѣ деньги, какія казнѣ удалось собрать съ харьковцевъ за эти 4 года, всего 849 рублей. На будущее время харьковцамъ былъ позволенъ свободный винокуренный и шинковый промыселъ вмѣсто денежнаго жалованья, „чтобы имъ было съ чего великаго государя полковая служба служить“ [1]). Льготы эти были затѣмъ подтверждены и расширены по просьбамъ харьковцевъ. Особенно усердно домогались они отмѣны таможенныхъ сборовъ, хотя и не падавшихъ на нихъ самихъ, но сильно отражавшихся на ихъ промыслахъ. Харьковцы цѣнили значеніе свободной торговли и понимали, что ихъ промышленныя произведенія только тогда найдутъ широкій сбытъ, когда доступъ покупателямъ въ Харьковъ не будетъ затрудненъ таможенными пошлинами. И вотъ начинается рядъ попытокъ освободиться отъ таможеннаго обложенія. Въ 1670 г. въ сборныхъ таможенныхъ книгахъ по Харькову совсѣмъ не оказалось пошлинъ съ харьковцевъ и съ иныхъ черкасъ, а Харьковскій таможенный голова Санинъ на вопросъ, почему съ черкасъ пошлинъ не бралъ, отвѣтилъ, что „черкасы таможенныхъ пошлинъ не платили, а сказывали у себя государевы жалованныя грамоты“. Въ 1673 г. въ приказную избу къ воеводѣ Челищеву явился полковникъ Донецъ съ харьковцами и подалъ сказку, въ которой было написано, что по государевой жалованной грамотѣ съ черкасъ Харьковскаго полка ни съ какихъ товаровъ таможенныхъ пошлинъ имать не велѣно. Челищевъ потребовалъ указанія, какъ ему быть, отъ Курскаго воеводы кн. Гр. Гр. Ромадановскаго, а тотъ отвѣтилъ, что у кого есть жалованныя грамоты, съ тѣми въ отношеніи таможенныхъ пошлинъ надлежитъ чинить по великаго государя указу. Въ 1675 г. полковникъ Донецъ съ полковою старшиною, казаками и мѣщанами, „всѣмъ городомъ“, билъ государю челомъ: служатъ они многое время безпрестанно полковую и городовую службу, и по государеву указу дана имъ вольность всякая, вмѣсто государева годового жалованья велѣно имъ шинками и всякими вольностями промышлять безпошлинно, но шинками и всякими промыслами промышляютъ они мало, для того что изъ государевыхъ малороссійскихъ городовъ черкасы къ нимъ не ѣздятъ, такъ какъ съ нихъ велѣно брать таможенную пошлину, а они, харьковцы—людишки бѣдные и разоренные отъ частаго приходу воинскихъ людей татаръ, у нихъ хлѣбный великій недородъ, кормиться нечѣмъ, и помираютъ они, харьковцы, голодною смертью; а въ иныхъ украинскихъ городахъ, въ Сумахъ и въ Ахтыркѣ, таможни нѣтъ и таможенныхъ пошлинъ тамъ съ ихъ братьи, съ пріѣзжихъ торговыхъ черкасъ, не берутъ, да и изъ русскихъ городовъ мало къ нимъ ѣздитъ русскихъ людей для торговаго промыслу и хлѣбной продажи. Харьковцы просили: „не вели, государь, у насъ въ Харьковѣ быть таможнѣ и пошлинъ имать, чтобъ пріѣзжающихъ изъ твоихъ государевыхъ малороссійскихъ городовъ нашей братьѣ черкасамъ торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ торговать безпошлинно“. Въ Москвѣ навели справки, имѣютъ ли черкасы изъ малороссійскихъ городовъ право безпошлинно торговать въ предѣлахъ Московскаго государства. Оказалось, что нѣтъ, такъ какъ въ договорныхъ статьяхъ такого права черкасами для себя не выговорено. Харьковцамъ рѣшено было отказать. Челобитчикамъ велѣно было объявить, что „по

[1]) Арх. Мин. Юст. Вѣлгор. ст. Столб. 775, лл 137—138.

указу великаго государя во всѣхъ городахъ со всякихъ чиновъ людей съ торговыхъ ихъ промысловъ пошлину емлютъ, и въ Харьковѣ таможню свесть непристойно, потому что и во многихъ иныхъ новопоселенныхъ городахъ таможенную пошлину сбирають, а что великій государь пожаловалъ ихъ за ихъ службы промыслами—шинками и покотельшиной, тому ихъ промыслу отъ таможеннаго сбора порухи никакой нѣтъ и впредь не будетъ“ [1]).

Борьба харьковцевъ съ таможеннымъ обложеніемъ на этомъ не окончилось. Въ 1684 г. они жаловались въ Москву, что таможенные вѣрные головы и цѣловальники со всякихъ продажъ и съ товаровъ взимаютъ пошлину насильно и позволяютъ въ Харьковскомъ полку торговать виномъ пріѣзжимъ изъ другихъ полковъ черкасамъ въ ущербъ харьковцамъ. Отвѣтомъ на эту жалобу была „память“ отъ 17 марта 1684 года, которою велѣно было сборы таможенные и съ конской площади передать старшинѣ и казакамъ съ тѣмъ, чтобы завѣдывали ими не русскіе люди, а сами черкасы, съ уплатою въ казну ежегодно оброка въ 213 рублей 2 алтына съ одною деньгою. Харьковцамъ позволено было „за ихъ службы и для иноземчества“ торговать безпошлинно, а таможенный сборъ брать только съ товаровъ, привозимыхъ въ Харьковъ для продажи русскими людьми или черкасами. Привозъ вина изъ другихъ полковъ запрещенъ, а тѣхъ, кто явится съ виномъ въ Харьковскій полкъ, велѣно высылать обратно [2]). Въ 1688 году харьковцы добились, кромѣ того, и освобожденія ихъ мельницъ отъ казенныхъ сборовъ, взимавшихся съ нихъ до сихъ поръ. Оброкъ съ 36 мельницъ, бывшихъ въ Харьковскомъ полку, давалъ въ казну 29 рублей 25 алтынъ [3]). Теперь этотъ оброкъ велѣно было сложить.

Въ отношеніи платежа казенныхъ налоговъ харьковцы были, такимъ образомъ, поставлены въ очень льготное положеніе по сравненію съ кореннымъ населеніемъ Московскаго государства. Въ „государеву казну“ съ нихъ собирали только такъ называемый хлѣбный сборъ. Съ кого и какъ онъ собирался,—видно изъ сохранившейся въ дѣлахъ архива Министерства Юстиціи книги хлѣбнаго сбора по Харькову за 200-й годъ (1692 г.). Хлѣбный сборъ собиралъ въ Харьковѣ „житенной голова Потапка Зайцевъ съ цѣловальники“ съ черкасъ всякихъ чиновъ полковой и городовой службы по полуосьминѣ ржи со двора и по столько-же овса. Сборъ этотъ шелъ, повидимому, на содержаніе ратныхъ людей и приказныхъ, бывшихъ при Харьковскомъ воеводѣ, другая часть сбора отдавалась въ качествѣ государева жалованья протопопу и причетникамъ Харьковскаго собора [4]). Льготы давались харьковцамъ подъ условіемъ „государева служба служити“. Отказываясь отъ всякихъ сборовъ со слобожанъ, государство налагало на нихъ обязанность нести военную службу со всѣми тѣми повинностями и тяготами, какія ею вызывались. Въ первые годы существованія Харькова военная служба харьковцевъ оплачивалась жалованьемъ. Такъ, въ 1661 году за участіе 1300 харьковцевъ въ походѣ кн. Гр. Гр. Ромодановскаго, по просьбѣ присланныхъ изъ Харькова депутатовъ Грицька Каркача, Грицька Головки и Ивашки Аѳанасенка, Ромодановскому велѣно было тѣмъ харьковскимъ черкасамъ, которыхъ онъ напишетъ въ полковую службу, дать по 15 руб., а тѣмъ, кто будетъ оставленъ въ городѣ для осадной службы,—по 5 руб. [5]). Послѣ грамоты 1669 г., предоставившей харьковцамъ вмѣсто денежнаго жалованья право промышлять безпошлинно, жалованья имъ больше не дается, и „государеву службу“ они должны были отбивать уже на свой счетъ. Какъ же распредѣлялись обязанности харьковцевъ въ дѣлѣ несенія этой повинности?

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Вѣлгор. ст. Столб. 1132, лл. 1—17.
[2]) Перв. Полн. Собр. Зак. Томъ II, № 1068.
[3]) Тамъ же. № 1279.
[4]) Арх. Мин. Юст. Розр. вязки № 16.
[5]) Тамъ же. Вѣлгор. ст. Столб. № 441. Лл. 37—38.

Уже въ первые годы существованія Харькова населеніе его разбивается на двѣ группы. Изъ приведенной нами грамоты 1661 г. видно, что уже въ то время иные изъ харьковцевъ записаны были въ полковую службу, а другіе въ осадную, иначе городовую службу. Службою, полковою или городовою, были обязаны всѣ харьковскіе черкасы. Исключеніе дѣлалось, кажется, только для духовенства и церковниковъ, но и для этихъ послѣднихъ только до тѣхъ поръ, пока они состояли при церкви. Отъ 1687 г. до насъ дошла челобитная бывшаго дьячка Харьковскаго собора Григорія Иванова. Ивановъ писалъ, что въ прошлыхъ годахъ, лѣтъ тому двадцать, пришелъ онъ въ Харьковъ и „работалъ во дьячкахъ у церкви Успенія Пресвятыя Богородицы лѣтъ съ 15“, а когда пересталъ дьячить и сталъ жить „своимъ дворишкомъ“, его стали „спрашивать въ городовую службу“, а ему той службы служить не въ мочь за дряхлостью и за скудостью. Дабы избавить бывшаго дьячка отъ городовой службы, великіе государи указали приписать его къ служкамъ Куряжскаго монастыря [1]). Харьковцы, записанные въ полковую службу, назывались козаками, харьковцы городовой или осадной службы, именуемые въ московскихъ документахъ того времени и пашенными черкасами, составляли разрядъ мирнаго, такъ сказать, населенія и по малорусской терминологіи, къ которой примѣнялись иногда и московскіе воеводы, назывались мѣщанами. Принадлежностью къ той или иной группѣ населенія и обусловливался родъ повинностей. Козаки обязаны были по первому зову выступать въ походъ въ полномъ своемъ вооруженіи и на полномъ своемъ содержаніи. Мѣщане въ походы не ходили, но за то обязаны были отбывать всѣ повинности, какія вызывались военными нуждами: строить городскія укрѣпленія, держать стражу въ городѣ, доставлять войску провіантъ и фуражъ и т. п. Такъ какъ въ козаки, благодаря издержкамъ, сопряженнымъ съ походною службой, могли, какъ и въ сосѣдней гетманщинѣ, попасть только „можнѣйшіе“, наиболѣе зажиточные, то и число козаковъ не было значительнымъ. Въ началѣ XVIII ст. цифра козаковъ во всемъ Харьковскомъ полку не превышала 850 человѣкъ [2]). Въ 1732 г., во время переписи Хрущева, козаковъ въ Харьковѣ было только 171 [3]).

Своимъ привилегированнымъ положеніемъ козаки пользовались не даромъ. Они покупали свои привилегіи цѣною крови, участвуя въ качествѣ даровыхъ воиновъ во всѣхъ почти войнахъ, какія вела Россія во вторую половину XVII и первые 65 лѣтъ XVIII вѣка. Подробный перечень походовъ, въ которыхъ принимали участіе харьковскіе козаки, даетъ историкъ Харьковскаго козачьяго полка г. Альбовскій и отчасти Головинскій.

Во время возмущенія гетмана Выговскаго харьковцы участвуютъ въ войскѣ Ромодановскаго. Въ измѣну Брюховецкаго Харьковскій полкъ подвергается нападенію бунтовщиковъ, которые производили опустошенія въ селахъ Харьковскаго полка, жгли, грабили и уводили въ плѣнъ жителей. Въ томъ же 1668 году харьковцы отсиживаются отъ кошевого Сѣрка, примкнувшаго къ партіи Брюховецкаго и осаждавшаго Харьковъ, а затѣмъ подъ начальствомъ полковника Репки бьются со сторонниками партіи Дорошенка подъ Чугуевомъ.

Въ теченіе первыхъ десятилѣтій существованія Харькова его жителямъ приходилось выдерживать постоянную борьбу съ татарами, производившими нападенія на поселенія Харьковскаго полка. Въ самомъ Харьковѣ татары ни разу не были, но вѣдаться съ ними харьковцамъ приходилось очень часто. Въ 1672 году харьковцы бьются съ татарами подъ Мерефою, въ слѣдующемъ году татары подходятъ подъ Печенѣги и Малиновку, въ 1678 году харьковцы бьются съ татарами подъ Савинскомъ, въ 1679 году харьковцы разбиваютъ татаръ подъ самымъ Харьковомъ, въ слѣдующемъ году происходитъ одинъ изъ самыхъ опустошительныхъ набѣговъ татаръ, съ ко-

[1]) Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. ст. Столб. 1289, лл. 178—179.

[2]) Перв. Полн. Собр. Зак. Томъ IV, № 1771.

[3]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, Томъ I. Стр. 204.

торыми харьковцы вновь дерутся возлѣ Золочева. Въ 80-хъ годахъ XVII ст., несмотря на устройство Изюма, явившагося оплотомъ для Харьковскаго полка, харьковцамъ приходилось перевѣдываться съ татарами тоже очень нерѣдко. Въ 1682 году они побиваютъ Азовскую орду, въ 1688 г. татары нападаютъ на харьковскихъ козаковъ около Фомина-Рога, въ 1689 г. весь Харьковскій полкъ выходитъ противъ татарской орды, расположившейся около Водолагъ, въ 1691 году татары вновь вторгаются въ Харьковскій полкъ и производятъ въ немъ опустошенія. Въ 1693 г. харьковцамъ пришлось отражать нападеніе Нуреддина, въ слѣдующемъ они гонятся за татарами, собиравшимися напасть на Харьковскій полкъ, и отнимаютъ у нихъ награбленную добычу. Въ 1697 и 1698 годахъ татары вновь нападаютъ на Харьковскій полкъ и, пользуясь отсутствіемъ его защитниковъ, участвовавшихъ въ Перекопскомъ походѣ, едва не овладѣваютъ полковымъ городомъ. Въ 1710—1712 гг. харьковцамъ приходится выдерживать нападеніе Орлика съ татарами, при чемъ серьезная опасность грозила и самому Харькову. Нападеніе отдѣльныхъ татарскихъ отрядовъ и „харцызовъ"—запорожцевъ, оставшихся вѣрными политическому идеалу Мазепы, тянется почти въ теченіе всего второго десятилѣтія XVIII вѣка. Послѣдній набѣгъ татаръ харьковцамъ пришлось претерпѣть въ 1738 году.

Въ первыя десятилѣтія существованія Харькова военная роль харьковскихъ козаковъ ограничивалась только обороною южныхъ границъ: харьковцы дерутся съ татарами и отстаиваютъ права Московскаго царя на занятую ими территорію отъ мятежниковъ черкасъ при Выговскомъ и Брюховецкомъ. Въ „дальніе походы" харьковцевъ покамѣстъ не посылали. Но такъ было недолго. Скоро съ харьковскими черкасами перестали церемониться. Были ли харьковцы въ Чигиринскомъ походѣ вмѣстѣ съ другими слободскими полками,—мы не знаемъ точно, но знаемъ, что уже въ походахъ Голицына на Крымъ харьковцы играли очень видную роль и вмѣстѣ съ остальными участниками походовъ терпѣли всѣ трудности, вызванныя какъ татарами, такъ и неспособностью главнокомандующаго. Въ Азовскихъ походахъ Петра харьковцы въ арміи Шереметева участвуютъ во взятіи Кизикерменя, а въ слѣдующемъ году охраняютъ у Коломака русскія границы отъ нашествія татаръ. Въ 1698 г. харьковцы принимаютъ участіе въ Перекопскомъ походѣ Долгорукова.

Еще серьезнѣе пришлось харьковцамъ расплачиваться за свои привилегіи съ наступленіемъ Сѣверной войны. До сихъ поръ имъ приходилось имѣть дѣло съ непріятелями близкими и хорошо знакомыми, съ тѣми „ворогами", вѣдаться съ которыми имъ было за обычай. Теперь ихъ „погнали" съ родного юга на чуждый сѣверъ сражаться съ невиданнымъ до сихъ поръ врагомъ, съ регулярнымъ войскомъ, считавшимся лучшею арміею въ Европѣ своего времени. Харьковцы не попали подъ Нарву, гдѣ Петровская армія была такъ жестоко разбита. Имъ пришлось зимовать на границахъ Лифляндіи, а затѣмъ участвовать въ разныхъ крупныхъ и мелкихъ „баталіяхъ". На сѣверѣ харьковцы пробыли до конца 1702 года, когда окончательно „обезлошадѣли", и потому были отпущены домой. Жить мирно имъ, впрочемъ, пришлось недолго. Скоро насталъ Булавинскій бунтъ, вызвавшій походъ харьковцевъ противъ мятежнаго атамана, а затѣмъ „Шведскій рокъ", во время котораго харьковцы берегли границы гетманщины.

Смерть великаго реформатора Россіи не дала харьковцамъ желаннаго отдохновенія подъ смоковницами. Новое царствованіе принесло съ собою и новый походъ, извѣстный въ Малороссіи подъ именемъ „Гильянскаго". 257 козаковъ Харьковскаго полка отправились въ далекій Дагестанъ. Три года пробылъ здѣсь харьковскій отрядъ, изнемогая отъ болѣзней и безкормицы. Въ 1728 году его отпустили домой, но на смѣну отпущеннымъ посланы были новые. Эти посылки продолжались по 1731 годъ. Въ Аннинское время харьковскіе казаки ходили въ Литву поддерживать притязанія на Польскій престолъ Саксонскаго курфирста. Харьковцамъ пришлось принять участіе и въ походахъ на Крымъ. Въ 1736 году они теряютъ много коза-

ковъ и старшинъ въ битвѣ при Черной Долинѣ и возвращаются домой изнуренные труднымъ походомъ и болѣзнями, но только для того, чтобы тотчасъ же идти оберегать границы отъ нападенія татаръ. Въ 1737 и 1738 гг. отъ харьковцевъ потребовали такого напряженія всѣхъ силъ и средствъ, какое имъ было рѣшительно не въ моготу. Въ результатѣ получилось положеніе самое бѣдственное: харьковцы шли въ походъ, а ихъ поля оставались не засѣянными, обыватели продавали свои земли и спѣшили бѣжать изъ родины. Въ 1739 году—новый походъ въ Молдавію. Въ первые годы правленія Елизаветы Петровны харьковцы успѣли нѣсколько отдохнуть отъ походной жизни, но уже въ 1746 году имъ пришлось принять участіе въ войнѣ за Австрійское наслѣдство въ качествѣ защитниковъ правъ Маріи-Терезіи. Въ 1757 году харьковскіе козаки сражаются съ войсками Великаго Фридриха при Гроссъ-Эгерндорфѣ и возвращаются домой едва не пѣшкомъ, потерявъ лошадей отъ безкормицы.

Повинности козачества не ограничивались, однако, участіемъ въ войнахъ и сраженіяхъ. Войны бывали не ежегодно, но за то почти ежегодно, особенно въ XVIII в., видимъ мы участіе харьковскихъ козаковъ въ разныхъ „командированіяхъ“, отвлекавшихъ отъ домашнихъ занятій значительное количество рабочихъ рукъ. Не имѣя возможности перечислить всѣ наряды, въ которые посылались харьковцы, отмѣтимъ только нѣкоторые. Въ 80-хъ годахъ XVII в., при полковникѣ Донцѣ, харьковскіе козаки строятъ, въ огражденіе отъ татарскихъ набѣговъ, валъ, тянувшійся отъ Царевоборисова къ Коломаку на разстояніи около 200 верстъ, и проводятъ такъ называемый Перекопскій валъ [1]). Въ 1685 и 1686 гг. Харьковскіе козаки строили земляной городокъ на устьѣ р. Тора и межъ Сѣвернаго Донца у Козацкой Пристани. Для охраны городка посылалось по 20 человѣкъ козаковъ съ перемѣною [2]). Харьковскими же козаками былъ выстроенъ и Изюмъ, превратившійся затѣмъ въ центръ новаго слободскаго полка. Кромѣ того, харьковцамъ постоянно приходилось нести и сторожевую службу въ предупрежденіе внезапнаго нападенія степныхъ хищниковъ—татаръ.

Осебенно чувствительны стали „командированіи“ для харьковцевъ съ Петровскаго времени, когда, съ учрежденіемъ регулярнаго войска, на козацкую службу стали смотрѣть если не презрительно, то свысока, не дѣлая большой разницы между козачествомъ и простымъ мужицкимъ ополченіемъ. Козаковъ стали употреблять не только для военныхъ дѣйствій, но и на „черную работу“. Въ 1697 г. харьковцы фигурируютъ уже въ качествѣ доморощеныхъ саперовъ при возобновленіи укрѣпленій Кизикермена, а съ 1719 г. началась высылка харьковскихъ козаковъ на такъ наз. „канальныя работы“,—работы по проведенію Ладожскаго канала. Работники наряжались отъ каждыхъ 7 дворовъ по одному. Вмѣсто козацкой „зброи“, харьковцамъ приходилось брать теперь изъ дому заступы, лопаты, кирки и топоры. Въ Петербургѣ пришельцы изъ далекой украйны получали провіантъ: по полъ-осьминѣ муки, по одной восьмой четверика крупъ и по два фунта соли на человѣка въ мѣсяцъ. Деньги за это скудное продовольствіе харьковскихъ казаковъ неукоснительно взыскивались съ ихъ земляковъ, оставшихся дома. Съ тѣхъ же земляковъ взыскивались еще и деньги по разсчету 8 руб. 50 коп. отъ каждыхъ шести дворовъ на 8 мѣсяцевъ. „Канальныя работы“ продолжались до 1723 г. и стоили харьковскимъ козакамъ едва ли не дороже, чѣмъ иное опустошительное нападеніе татаръ. Люди гибли отъ суроваго климата, отъ лишеній и болѣзней, а оставшіеся дома страдали отъ поборовъ на продовольствіе и содержаніе невольныхъ строителей канала. Документы не даютъ возможности судить о числѣ погибшихъ на „канальныхъ работахъ“, но судя по одному документу Ахтырскаго полка, изъ котораго видно, что въ одномъ только 1721 г. изъ числа командированныхъ на работы умерло 260 козаковъ, можно думать, что потеря людей на „канальной работѣ“ была огромная.

[1]) Альбовскій. Харьк. казачій полкъ, стр. 59.

[2]) Моск. Арх. Мин Юст. Розр. вязки № II, № 57.

И въ послѣдующіе годы харьковскіе козаки имѣли немного времени и возможности отдавать свои силы устроенію домашняго очага. Отъ 1728 г., времени „Гильянскихъ походовъ“, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія о „командираціяхъ“ харьковцевъ: въ походѣ въ то время уже три года обрѣтались 250 козаковъ, да вновь было назначено 250, въ распоряженіе Саратовскаго воеводы Беклемишева было назначено 60 козаковъ „добрыхъ, доброконныхъ и оружейныхъ“, для охраны Бахмутской крѣпости послано отъ Харьковскаго полка 40 козаковъ, для наблюденія за татарами отряжено было 30 человѣкъ, въ Бахтинѣ было 25, при драгунской почтѣ—75. Кромѣ того, харьковскіе козаки были „на пасахъ“, въ г. Шатиловѣ, въ Изюмѣ (для охраны бударъ) да въ Харьковѣ держали караулы „на баштахъ“ [1]). Въ разгонѣ былъ, такимъ образомъ, едва ли не весь Харьковскій полкъ.

Въ 1731 году началась постройка пресловутой Украинской линіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ежегодныя „командираціи“ на линію харьковскихъ козаковъ, которымъ вновь пришлось вооружиться заступами и лопатами. На 1000 верстъ по степи приходилось копать широкій ровъ и насыпать высокій валъ, а на разстояніи 20—30 верстъ одна отъ другой сооружать крѣпости, копать колодцы тамъ, гдѣ не было воды, и строить плотины тамъ, гдѣ вести линію мѣшали степныя болота, проводить широкія дороги и строить мосты удобные для „марша“ войскъ. Харьковскіе полчане обязаны были давать съ десяти дворовъ по 1 работнику, на каждые 10 работниковъ—по воловой или конской подводѣ, а на партію въ 50 человѣкъ—плугъ съ волами. Кромѣ топоровъ, лопатъ и мѣшковъ для носки земли, козаки должны были захватить съ собою и оружіе, даже пушки, на случай, если татары станутъ мѣшать работать, а также и провіантъ на 3 мѣсяца. Постройка „линіи“ велась и въ слѣдующіе 1732 и 1733 гг. Линейная работа была одною изъ самыхъ мучительныхъ повинностей для населенія слободскихъ полковъ, старавшагося избавиться отъ нея всѣми возможными мѣрами: кто былъ побогаче, давалъ взятки полковому начальству, чтобы не попасть въ нарядъ, кто побѣднѣе,—бѣжалъ, куда могъ. Пока слобожане подъ палящимъ зноемъ степного солнца рыли рвы и насыпали валы, ихъ засѣянныя поля оставались неубранными.

Посіяли, поорали,
Да нікому жати:
Пішли наши козаченьки
Линію копати....

Зимою строителей линіи ждала голодовка, а на лѣто вновь нужно было готовить запасы для новаго наряда на ту же линію.

Линію наконецъ выстроили, но и послѣ этого „командираціи“ на нее не прекращались: нужно было охранять это мало полезное сооруженіе, нужно было и починять его. На угрозы „тяжкимъ Ея Императорскаго Величества гнѣвомъ“ и „жесточайшимъ штрафомъ“, которыми старались принудить харьковскихъ козаковъ къ усердію въ выполненіи „командираціи“, козаки отвѣчали бѣгствомъ: бѣжали съ дороги, бѣжали съ самой ненавистной линіи, какъ только къ этому представлялась возможность.

Выпадали годы, когда за разными командираціями почти всѣ козаки оказывались въ расходѣ. Такъ въ 1738 году, когда за отчисленіемъ 200 козаковъ Харьковскаго полка въ „регулярныя роты“ въ полку было 600 козаковъ, дома оставалось только 188, а прочіе были въ разгонѣ по разнымъ командираціямъ: 100 козаковъ содержали посты между Спѣваковкой и Луганью, 250 держали караулъ на Украинской линіи, 15 состояли для посылокъ за фуражемъ при Сибирскомъ, Ряжскомъ и Ростовскомъ драгунскихъ полкахъ, 8 при

[1]) Альбовскій, стр. 121—122.

генералитетъ для раздачи фуража, 9 были командированы для покупки лошадей, 4 находились за Украинской линіей „для крисовой предосторожности“, 4 посланы были для сбора фуража на стоявшіе въ Харьковщинѣ регулярные полки да 22 находились въ разныхъ мѣстахъ для возки почты. Въ томъ же 1738 г., когда татары появились въ предѣлахъ Слободской Украйны, Харьковскій полковникъ Тевяшевъ едва могъ собрать изъ всего полка 70 козаковъ: остальные всѣ были въ разныхъ командировкахъ, главнымъ образомъ, на той же Украинской линіи.

Когда козаки оставались дома, они тоже не могли много времени отдавать своему хозяйству. Уже въ Петровскія времена, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Харьковскаго козачьяго полка, „служба полковая стала строже“. При Петрѣ II полкъ принималъ уже участіе въ лѣтнихъ сборахъ—„кампаментахъ“, отрывавшихъ козаковъ отъ ихъ полей въ самую горячую пору земледѣльческаго хозяйства. Въ Аннинское время изъ состава Харьковскаго полка была выдѣлена такъ называемая регулярная рота, въ которую было назначено сперва сто, а затѣмъ еще сто изъ лучшихъ полчанъ. Регулярная рота—это уже былъ отрядъ, подчиненный всѣмъ „регуламъ“ воинскаго устава. О „домашней экономіи“ козакамъ, попавшимъ въ составъ роты, уже некогда было думать: если не было похода, рота занималась „муштрой“ по образцу регулярныхъ войскъ и по тѣмъ же методамъ обученія, какіе примѣнялись и въ регулярныхъ войскахъ. Не удивительно, что изъ роты бѣжали не только рядовые, но и капралы. Въ началѣ царствованія Елисаветы регулярная рота была уничтожена, но уже въ 1756 году вновь велѣно было учредить регулярный гусарскій полкъ, въ составъ котораго должны были войти бывшіе солдаты регулярныхъ ротъ и лучшіе изъ выборныхъ козаковъ и подпомощниковъ. Въ качествѣ инструкторовъ новаго полка были командированы офицеры изъ Новосербіи и Славяносербіи. „Приказъ о сформированіи гусарскаго полка—говоритъ г. Альбовскій—полчане встрѣтили недружелюбно. Назначенные въ гусары козаки разбѣгались прежде, чѣмъ ихъ успѣвали обмундировать“ [1]).

Съ Аннинскаго времени къ „регулярству“ стали пріучать и козаковъ, не попавшихъ въ регулярную роту. Въ это время козакамъ, какъ и регулярнымъ войскамъ, назначаются „рандеву“, смотры, на которыхъ испытывается ихъ военная выправка и умѣнье обращаться съ конемъ и оружіемъ. Сотники начинаютъ обучать козаковъ фронту и разнымъ экзерциціямъ, вводится форменная одежда, предъявляются болѣе строгія требованія относительно лошадей, конскихъ уборовъ и оружія.

Безпрерывно отрываемый отъ дома походами и „командираціями“, козакъ не чувствовалъ себя свободнымъ и дома: въ его хатѣ жилъ „консистентъ“-„москаль“ изъ числа квартировавшихъ въ Харьковѣ чиновъ регулярныхъ полковъ. Во время походовъ на южныя границы Харьковъ служилъ этапнымъ пунктомъ для арміи, и тогда подъ квартиры „консистентовъ“ отводилось все, что можно было отвести; въ мирное время Харьковъ служилъ обычною „винтеръ-квартирою“ для стоявшихъ на Украйнѣ регулярныхъ полковъ. Козакамъ приходилось не только тѣсниться для „консистентовъ“, но и „выстачать“ имъ провіантъ и фуражъ какъ во время ихъ пребыванія въ Харьковѣ, такъ и лѣтомъ, когда они выходили въ лагери. Выборныхъ козаковъ въ Харьковѣ было немного, но зато много было ихъ дѣтей, братьевъ и свойственниковъ, еще больше было козачьихъ „подпомощниковъ“, экономически неразрывно связанныхъ съ козачествомъ. Тяготы походовъ и „командираній“ несли на своихъ плечахъ не одни выборные козаки, которыхъ въ Харьковѣ не набиралось и двухъ сотенъ, а можно сказать, все населеніе города.

Положеніе харьковскихъ козаковъ, занятыхъ безпрерывными походами и командировками, было тяжелое и трудное, но едва ли можно назвать болѣе льготнымъ положеніе тѣхъ харь-

[1]) Альбовскій, стр. 179.

ковцевъ, которые въ походахъ участія не принимали. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. съ харьковскихъ „черкасъ городовые службы“, иначе съ мѣщанъ, „ежегодь всякихъ податей многихъ спрашивали“: отъ нихъ, по показанію харьковскаго воеводы Толстого, требовали стоекъ и колесъ для пушекъ, телѣгъ и колесъ подъ перевозку казны, хомутовъ, уздъ, оботей, возжей и дугъ. Они обязаны были давать смолу, деготь, нитки, пеньку, сѣдла, подхомутники, посконное полотно. Тѣ же харьковскіе мѣщане возили въ Бѣлгородъ лубье на покрытіе казенныхъ сараевъ и караульныхъ избъ, они съ подводами наряжались подъ разныхъ посыльныхъ и для перевозки всякихъ полковыхъ припасовъ [1]). Мастеровые люди изъ мѣщанъ—кузнецы, плотники, ткачи, портные, сапожники посылались въ полки и въ городъ на работу и для починки всякихъ казенныхъ припасовъ. Кромѣ того, мѣщане кормили „по вся годы“ полковыхъ подъемныхъ лошадей и возили сѣно въ Бѣлгородъ на кормъ подъемнымъ лошадямъ. Наконецъ, изъ мѣщанъ же наряжались въ Харьковѣ съ перемѣною караулы къ казенному погребу и сараю, къ приказной избѣ и къ проѣзжимъ башнямъ [2]). На мѣщанахъ же (по московской терминологіи черкасахъ пашенныхъ или, что то же, черкасахъ городовые службы) лежало и устройство и содержаніе въ порядкѣ городскихъ укрѣпленій. Первыя городскія укрѣпленія были устроены харьковцами собственными силами и по своему извычаю, хотя и подъ руководствомъ Московскаго воеводы. Изъ „росписного списка“ 185 г. (1678 г.) узнаемъ, что и въ послѣдующее время устройство и починка укрѣпленій лежали на обязанности самихъ же харьковцевъ. Такъ, при воеводѣ Андреѣ Щербачевѣ харьковцами, „уѣздными и грицкими людьми“ русскими и черкасами городовой службы, устроены были новыя городовыя проѣзжія и глухія башни, потому что у старыхъ башенъ верхи сгнили и обвалились. По сказѣ Харьковскаго войта Емина и мѣстныхъ сотниковъ, горожане и уѣздные жители сами возили лѣсъ для постройки башенъ и строили ихъ, а для постройки „обламовъ“, клѣтокъ и верховъ нанимали плотниковъ, которымъ уплатили за работу 14 рублей. На харьковцахъ же лежала обязанность содержать при крѣпости сторожей и воротниковъ. Ихъ, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же „росписной списокъ“, ежегодно нанимали на свой счетъ пашенные черкасы [3]).

Въ самомъ концѣ XVII вѣка, въ 1697 году, ко всѣмъ этимъ повинностямъ харьковскихъ „черкасъ городовые службы“ присоединился еще и денежный сборъ въ пользу казны. Изъ харьковцевъ было велѣно выбрать въ козачью службу 850 человѣкъ конныхъ и оружныхъ, а остальные были обложены оброкомъ по 1 рублю съ человѣка. Оброкъ этотъ, впрочемъ, былъ по просьбѣ харьковцевъ отмѣненъ уже въ 1700 году. По царской грамотѣ въ 1700 году вмѣсто

[1]) О размѣрахъ этихъ повинностей можно судить по „сказкѣ“ Харьковскаго войта Моисея Ильина, сотниковъ и горожанъ. Въ „сказкѣ“ читаемъ: „во 189 (1681) году генваря въ 25 день послано въ Бѣлгородъ 700 бревенъ дубовыхъ, въ длину 4-хъ саженъ, въ отрубѣ 6 вершковъ, съ войтомъ съ Иваномъ Деркачемъ; октября въ 7 день послано въ Бѣлгородъ 486 тесницъ, 200 бревенъ, въ длину 4 саж. въ 3-хъ аршинную саженъ, съ харьковскими черкасы съ Грицкомъ Горкавымъ съ товарищи; генваря въ 20 день послано въ Бѣлгородъ съ войтомъ съ Семеномъ Михайловымъ 160 бревенъ дубовыхъ по пол-трети сажени; 191 г. (1683) марта въ 14 день послано въ Бѣлгородъ съ харьковцомъ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Саминымъ 3 сѣдла съ войлоки, цѣна 40 алтынъ, 5 телѣгъ съ хомуты ременными, дуги и съ веревки, цѣна 5 руб., 3 кожи сыромятныхъ, цѣна 1½ рубли; сентября въ 27 день послано въ Бѣлгородъ 10 колесъ пушечныхъ съ харьковцомъ сыномъ боярскимъ съ Прокофьемъ Рѣдинымъ; 192 г. (1684) іюня въ 11 день послано въ Бѣлгородъ канату 90 сажень, 50 возжей на барабаны, 5 войлоковъ съ крышки, 17 сѣделъ, а тѣ сѣдла присланы въ Харьковъ изъ Бѣлгорода для починки, а за починку сѣделъ и за войлоки дано 1½ рубли; апрѣля въ 17 день послано въ Бѣлгородъ съ Бѣлгородскимъ приставомъ съ Ивашкомъ Кротовымъ 1300 свѣчъ сальныхъ, по цѣнѣ сала на тѣ свѣчи куплено, дано 3 рубли; іюня въ 18 день послано въ Бѣлгородъ 500 лубовъ съ харьковскимъ жителемъ съ Ѳедоромъ Деркачевскимъ“ и т. д.

[2]) Арх. Мин. Юст. Розр. вязки № 32, № 168.

[3]) Тамъ-же. Розр. Пр. Кн. Бѣлгор. стола № 152.

платежа рублевой подати, на населеніе, не вошедшее въ составъ 850 выборныхъ „кумпанейцевъ“, возложена была обязанность помогать выборнымъ козакамъ по службѣ. Подпомощники — такъ назывались обыватели обязанные помогать „кумпанейцамъ“—были разверстаны между выборными козаками, „смотря по человѣку“. Повинность ихъ въ отношеніи выборныхъ козаковъ выражалась въ снабженіи козаковъ всѣмъ нужнымъ для службы, такъ „чтобы тѣ выборные козаки тою ихъ подпомогою были конны и оружейны и въ походѣхъ запасами удовольствованы, а скудости бы имъ никакой не было“ [1]). По годовой смѣтной росписи 1704 г. въ Харьковѣ числилось „мѣщанъ городовые службы“ и пушкарей 516 человѣкъ, а когда въ 1705 году по разбору Харьковскаго полковника Донца изъ числа этихъ мѣщанъ 446 человѣкъ были перечислены въ „кумпанейцы“ и въ подпомощники, мѣщанъ въ Харьковѣ осталось всего 130. На нихъ по прежнему лежала обязанность быть на караулахъ и для посылокъ, но въ виду того, что „карауловъ тѣми достальными мѣщаны и пушкари обнять невозможно“, въ помощь имъ были присоединены и подпомощники, на которыхъ, такимъ образомъ, кромѣ обязанности содержать выборныхъ козаковъ, перешли и всѣ тѣ тяготы, какія лежали на мѣщанствѣ.

130 мѣщанъ, оставшихся въ Харьковѣ подъ вѣдѣніемъ воеводы, кромѣ перечисленныхъ уже нами тяготъ, обязаны были нести на своихъ плечахъ и нелегкое бремя воеводскаго управленія. Отъ воеводъ одинаково тяжело приходилось какъ русскимъ, такъ и черкасамъ. Отъ 1681 г. до насъ дошла любопытная челобитная Харьковскаго таможеннаго откупщика Петрушки Аркатова, въ которой Аркатовъ жаловался великому государю, что „въ прошломъ во 188 и въ нынѣшнемъ во 189 году въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ Харьковской воевода Иванъ Масловъ для своей бездѣльной корысти и взятку держалъ въ Харьковѣ въ тюрьмѣ и тѣснилъ его Петрушку многіе дни напрасно не по одиножды недѣли по 3 и по 4 и больше и взялъ съ него сборныхъ денегъ 10 руб., да дороги красныя, да 2 кумача красныхъ, да кумачъ зеленый, и тому цѣна 5 руб. 4 гривны; да онъ же держалъ въ тюрьмѣ 3 недѣли брата его Трофима и взялъ съ него 3 рубли, да 2 кумача, да шапку съ соболемъ, да кувшинъ муравленный, да 2 осмачки хмѣлю, цѣна 5 руб. 30 алтынъ, да послѣ его держалъ въ тюрьмѣ жъ 5 недѣль брата его меньшого Никиту и взялъ съ него денежной сборной казны 6 руб. 10 алт. да у брата жъ его у Васки взялъ 4 аршина сукна кармазину чернаго, да 2 кумача и за тотъ товаръ денегъ ему не платитъ, и всему цѣна 6 руб. 26 алт. 4 деньги, да брата же-де его Афоньку держалъ въ тюрьмѣ 5 недѣль и взялъ съ него сборной денежной казны 5 руб. 4 алт., да онъ же Петрушка и братья его переносили къ нему воеводѣ приносовъ по воскреснымъ днямъ на 8 руб., а какую недѣлю къ нему приносу не принесутъ, и онъ за то по тѣхъ людей, которые съ товаровъ насильствомъ пошлинъ не платили, имъ приставовъ не давалъ и на дворъ къ себѣ не пускалъ, да онъ же Иванъ Масловъ держалъ въ тюрьмѣ работника Аверчку Маркова 3 недѣли и взялъ съ него 2 руб. съ полтиною, а Ѳедьку по поклепномъ напрасномъ челобитью безъ розыску билъ батоги для своего взятку и корысти и давалъ на него и на братьевъ его и на работниковъ по поклепномъ напрасномъ иску суды и на таможенный дворъ къ нему Петрушкѣ присылалъ для выемки поличнаго Приказные избы подъячего да войту, а поличнаго у него ничего не выняли, и ималъ по немъ Петрушкѣ поручныя многія записи и доправилъ на немъ поклепной напрасной истцовъ искъ 8 руб.“ [2]). Если воевода могъ такъ обращаться съ таможеннымъ откупщикомъ, лицомъ, защищеннымъ отъ воеводскаго произвола особой грамотой (по этой грамотѣ воевода имѣлъ право судить откупщика и его работниковъ только въ случаѣ совершенія ими „татиныхъ и убивственныхъ дѣлъ“), то что же думать о людяхъ, всецѣло подлежавшихъ воеводскому присуду?

[1]) Перв. Полн. собр. зак. Т. IV. № 1771.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Вѣлгор. ст. Столб. 989, лл. 259—265.

На воеводъ жаловались не только русскіе, но и черкасы. Въ 1706 г. Харьковскій полковникъ Донецъ писалъ, что къ нему приходятъ Харьковскіе и Золочевскіе мѣщане съ жалобами, что воеводы „ихъ черкасъ непрестанно бьютъ и подати съ нихъ всякіе емлютъ“, что они, черкасы, „въ помѣстью ихъ всякія рухледи своими коньми и волами возятъ, и оттого де они раззорились, а иные и разбрелись по слободамъ, да и достальные хотятъ итить врознь“ [1]).

Воеводское управленіе въ Харьковѣ было упразднено, и 130 „достальныхъ мѣщанъ“ были переданы въ вѣдѣніе Харьковскаго полковника. Полагать нужно, они слились съ главною массою населенія, составлявшею классъ козачьихъ свойственниковъ и подпомощниковъ. На козачьихъ подпомощникахъ лежали всѣ тяготы, сопряженныя съ особенностями военнаго устройства края. Подпомощники были расписаны по выборнымъ козакамъ и обязаны были давать имъ все необходимое для несенія военной службы. Какъ распредѣлялись подпомощники между козаками и козацкими старшинами, и въ чемъ выражались ихъ обязанности по отношенію къ выборнымъ козакамъ, свѣдѣній для Харьковскаго полка за первыя десятилѣтія XVIII в. у насъ, къ сожалѣнію, не имѣется; но такъ какъ устройство всѣхъ слободскихъ полковъ было одинаковымъ, да и отправленіе подпомощничьей повинности основывалось на „черкасскомъ обыкновеніи“, общемъ для всѣхъ слобожанъ, то думаемъ, что на вопросъ о повинностяхъ харьковскихъ подпомощниковъ, не рискуя ошибиться, можно отвѣтить ссылкою на извѣстныя намъ данныя, относящіяся къ сосѣднему съ Харьковскимъ—Ахтырскому полку. Въ Ахтырскомъ полку, какъ это видно изъ „компута“ его 1726 года, подпомощники между старшинами распредѣлялись „по заслугамъ“: „инымъ по 20, а инымъ по 10 и по 6 человѣкъ“, а козакамъ-„компанейцамъ“ давали тоже не по равному числу, но „смотря по пожиткамъ“: „можнѣйшимъ“ по 2, по 3 и 4, а „худшимъ“—по 5, по 6, по 7, по 8 человѣкъ подпомощниковъ одному компанейцу. Иные подпомощники вмѣсто денежной и провіантской подпомоги доставляли старшинѣ и подпрапорнымъ вспоможеніе возкой сѣна и дровъ. Тѣхъ же подпомощниковъ старшины брали съ собою въ походъ въ качествѣ погонщиковъ при своихъ подводахъ. Выборныхъ козаковъ подпомощники снабжали „по своему обыкновенію и по вольности“ провіантомъ и деньгами для покупки лошадей, платья, оружія и аммуниціи и на прочія всякія воинскія потребы, впрочемъ „токмо въ ту пору, когда бываютъ козаки на службѣ въ дальнихъ годовыхъ походахъ, временно, а не постоянно“ [2]). Въ 1733 г., когда для князя Шаховского понадобились справки о повинностяхъ подпомощниковъ, слободскіе полковники отвѣтили, что подпомощники помогаютъ выборнымъ козакамъ по своему черкасскому обыкновенію деньгами для покупки лошадей, оружія, сѣделъ, платья и во время походовъ собранныя между собою деньги даютъ, смотря по дальности походовъ и по своему разсмотрѣнію. Записей такихъ выдачъ, какъ удостовѣряли сами же полковники, въ то время не велось. Изъ отвѣта тѣхъ же полковниковъ видно, что между старшинами въ Харьковскомъ полку подпомощники распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: судьѣ, эсаулу, ротмистру, полковому писарю давалось по 10 дворовъ подпомощниковъ (въ общемъ 206 душъ); сотникамъ—тоже по 10 дворовъ и подпрапорнымъ по 2 двора [3]). Послѣ реформъ, произведенныхъ Шаховскимъ, на содержаніе старшинъ Харьковскаго полка было положено: полковнику 15 дворовъ подпомощниковъ, полковому обозному—7, судьѣ и старшему эсаулу по 6, ротмистру—5, младшему эсаулу—4, двумъ писарямъ, хорунжему и сотникамъ по 3 двора. Чинамъ сотенной старшины также полагались подпомощники по разсмотрѣнію полковника [4]). Съ учрежденіемъ „регулярной роты“ даны были подпомощники какъ ея офицерамъ, такъ и простымъ драгунамъ.

[1]) Д. И. Багалѣй, Матеріалы, 1, 181—182.

[2]) Тамъ-же, стр. 201.

[3]) Тамъ-же. Т. II, стр. 157—158.

[4]) Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба.

Изъ грамоты 1743 года видно, что на содержаніе офицеровъ, кромѣ „грунтовъ“, селъ и деревень, даны были въ подмогу козачьи братья и ихъ свойственники и подпомощники, „пожиточные и лучшіе люди“, кои были принуждены быть въ ихъ подданствѣ и всякія работы по примѣру крестьянъ несть съ немалымъ отягощеніемъ, а дѣйствительной козачьей службы лишены. Какъ офицерамъ, такъ и драгунамъ регулярной роты по сравненію съ перегулярными была опредѣлена „отмѣнная“ подмога [1]). Съ уничтоженіемъ регулярной роты опредѣленные къ ней подпомощники были вновь расписаны между старшиною и козаками.

Отношенія подпомощниковъ къ тѣмъ, кому они помогали, давали просторъ для разныхъ злоупотребленій со стороны привилегированныхъ „выборныхъ“, особенно, если привилегированные занимали старшинскіе ранги. Въ 1763 г. поручикъ Раевскій, состоявшій въ вѣдомствѣ Коммиссіи о слободскихъ полкахъ, сообщалъ Харьковской полковой канцеляріи, что козаки Харьковской первой сотни, подчиненные ротмистру Нестерову, находятся при немъ безотлучно и употребляются въ партикулярныя его посылки, а опредѣленные къ тѣмъ козакамъ подпомощники—Григорій Турченко, Борисъ Турченко, Павелъ Слесарь и Тихонъ Цыбуля въ теченіе 10 лѣтъ употребляются ротмистромъ въ „партикулярныя работы“. Турченко, ткачъ по профессіи, безденежно и на своихъ харчахъ работалъ для ротмистра полотно, иногда мѣсяца по два безустанно, а окончивъ работу, черезъ какую нибудь недѣлю, опять употребляемъ былъ въ ту же работу, такъ что каждый годъ вырабатывалъ ротмистру не малое число локтей полотна, и за этой работой ему, Турченку, не оставалось времени для своей работы, а когда онъ отказывался отъ работы, Нестеровъ присылалъ за нимъ козаковъ, которые брали его насильно и принуждали къ работѣ побоями. На Страстной въ 1763 году, когда Турченко отказался работать безплатно, ротмистръ присылалъ за нимъ два раза козака, а потомъ прислалъ пушкаря и сторожа, которые взяли его насильно и привели къ ротмистру, который хотѣлъ его бить плетьми и смиловался только послѣ того, какъ Турченко заявилъ, что согласенъ работать за самую малую цѣну,—по 3 коп. отъ локтя, но и тутъ всѣхъ денегъ ему ротмистръ не заплатилъ, а удержалъ полтинникъ. Борисъ Турченко и Цыбуля работали на ротмистра безплатно по его принужденію „земляную работу“, жали хлѣбъ и громадили, на огородахъ у ротмистра копали и пололи, косили сѣно, возили ротмистру на своихъ волахъ хворостъ и прочую домашнюю работу справляли, такъ что совсѣмъ не имѣли времени работать на себя. А Тихонъ Цыбуля, кромѣ того, работалъ на ротмистра и по сапожницкой части: много разъ шилъ самому ротмистру и его сыну и прислугѣ сапоги и башмаки. А какъ они, Борисъ Турченко и Тихонъ Цыбуля, отказывались отъ работы, то ротмистръ присылалъ за ними козаковъ, и ихъ брали насильно и принуждали къ работѣ побоями. Павло Слесарь по своему мастерству работалъ на ротмистра ножи и замки, чинилъ ружья, оковывалъ сундуки, дѣлалъ привѣски и крючки къ дверямъ и окнамъ и проч., а если когда отговаривался идти на работу, битъ былъ плетьми и содержанъ въ тюрьмѣ подъ карауломъ. Прочіе подпомощники козаковъ, подкомандныхъ Нестерову, точно также употреблялись имъ въ работу, вслѣдствіе чего были не въ состояніи нести службу и лишились „домашней экономіи“ [2]).

Были, очевидно, злоупотребленія и со стороны рядовыхъ козаковъ. Въ докладѣ сенаторовъ Шаховского, Панина и Олсуфьева, разсматривавшихъ дѣла и планы, привезенные въ 1764 г. Щербининымъ въ Пететербургъ, указывались слѣдующія неудобства и безпорядки въ отношеніяхъ между козаками и подпомощниками: 1) ежегодныя складки подпомощниковъ и свойственниковъ на содержаніе козаковъ не могутъ быть равными и постоянными; послѣ составленія расписанія, по-

[1]) Перв. Полн. Собр. зак. Т. XI, № 8823.

[2]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 360.

ложенные по расписанію свойственники и подпомощники нерѣдко выбываютъ, а оставшимся приходится нести великую тягость; 2) нѣтъ точнаго учрежденія, въ какую именно цѣну и на какой срокъ давать козакамъ лошадей и иные всякіе козачьи снаряды, 3) снабдѣваются козаки и платьемъ, сколько и когда они потребуютъ, отчего подпомощникамъ происходятъ „великія изнуренія“, тѣмъ болѣе, что „бываютъ между козаками и такіе, кои небреженіемъ или мотовствомъ своимъ умышленно потерявъ или инако утративъ данныя имъ вещи, требуютъ другихъ, коихъ складчики ихъ, несмотря ни на что, давать имъ принуждены“; 4) въ случаѣ походовъ и командировокъ, подпомощники даютъ козакамъ деньги и возятъ запасъ; если козакъ въ походѣ промотается, его отсылаютъ изъ полка домой, гдѣ подпомощники должны вновь снабдить его недостающими вещами; 5) подпомощники несутъ большія тягости вслѣдствіи потери пріобрѣтаемыхъ ими для козаковъ лошадей, которыя часто падаютъ и портятся отъ небрежности козаковъ [1]).

Подпомощники не только помогали выборнымъ козакамъ въ несеніи военной повинности, но и замѣняли ихъ, что случалось очень не рѣдко. При убыли въ выборныхъ для пополненія полкового „компута“ обращались прежде всего, конечно, къ козачьимъ свойственникамъ, а если среди нихъ не оказывалось надлежащаго числа годныхъ, въ выборные козаки верстались и подпомощники [2]). Подпомощники же не рѣдко употреблялись и въ разныя командировки вмѣсто козаковъ. Для защиты Украинской линіи вмѣсто козаковъ посылали и козачьихъ свойственниковъ и подпомощниковъ. Защитники эти являлись иной разъ совсѣмъ безъ оружія, а то и безъ провіанта, какъ это случилось, напр., въ 1738 г. Полковникъ Пассекъ, осматривавшій наряженный на линію отрядъ харьковцевъ, нашелъ въ командѣ изъ 326 человѣкъ только 96 конныхъ и оружейныхъ, у десяти конныхъ защитниковъ все оружіе заключалось въ пикахъ, пѣшихъ оружейныхъ оказалось 36, а пѣшихъ съ подводами 124. Подпомощники лучше умѣли владѣть плугомъ, чѣмъ саблей, да и не у каждаго эта сабля была. Въ какія „командираціи“ назначались иной разъ подпомощники и какъ съ ними при этомъ обращались,—видно изъ одного дѣла Харьковскаго Историческаго Архива, повѣствующаго о томъ, какъ харьковцы ходили охранять Славяно-Сербію. Назначалась „командирація“ по 150 подпомощниковъ одноконныхъ и съ провіантомъ. По прибытіи на мѣсто охраны подпомощники раздѣлялись на мелкія партіи, которыя затѣмъ и попадали въ работники къ сербскимъ офицерамъ—помѣщикамъ. Они обработывали панскую землю, пахали, сѣяли, косили; оружіе, лошади, привезенный изъ дому провіантъ у подпомощниковъ отбирались, и на время командировки они обращались въ настоящихъ крѣпостныхъ, въ обращеніи съ которыми не церемонились. Отъ бою и отъ работъ на сербовъ подпомощники избавлялись только бѣгствомъ, но отъ этого населенію было не легче, потому, что на мѣсто бѣглыхъ требовались другіе, и работать на сербскихъ пановъ, вслѣдствіе этого, шелъ и тотъ, кому очередь давала полное право предаваться заботамъ о „домашней економіи“ [3]).

Въ Ахтырскомъ „компутѣ“ 1726 г., на который мы уже имѣли случай ссылаться, указывалось, что подпомощники „подводы возятъ и приключающіяся всякія государственныя работы... работаютъ“. Тѣже обязанности несли подпомощники и въ Харьковѣ. Въ пору „несчастливаго Шведскаго року“ харьковскіе подпомощники возятъ въ Лебединъ съ нихъ же собранный провіантъ для продовольствія войска. Тоже повторяется и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда харьковскіе козаки посылались въ походы или въ „командираціи“. При постройкѣ Украинской

[1]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. XI, № 12293.
[2]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы I, стр. 201.
[3]) Е. Альбовскій, стр. 192—193.

линіи подпомощники возятъ за козацкимъ отрядомъ провіантъ, плуги, косы, орудія земляныхъ работъ и сами участвуютъ въ этихъ работахъ. Во всѣхъ походахъ подпомощниковъ обычно наряжаютъ въ армію съ воловыми и конскими „фурами", а въ мирное время тѣ же подпомощники многочаснѣ и многообразнѣ посылаются для возки всякихъ казенныхъ припасовъ: аммуниціи, фуража, провіанта, соли и т. п. Чтобы покончить съ повинностями подпомощниковъ, вытекавшими изъ ихъ обязанности помогать выборнымъ козакамъ по службѣ, упомянемъ здѣсь еще о денежныхъ и хлѣбныхъ сборахъ съ тѣхъ же подпомощниковъ на содержаніе полковыхъ учрежденій и полковыхъ служителей. Болѣе подробно говорить объ этомъ намъ прійдется при разсмотрѣніи вопроса о денежныхъ повинностяхъ харьковцевъ.

Перейдемъ теперь къ повинностямъ харьковцевъ, вытекавшимъ изъ ихъ обязанности нести городовую службу. Важнѣйшей изъ повинностей этого вида было содержаніе въ исправности городскихъ укрѣпленій, лежавшее на плечахъ всего населенія, кромѣ выборныхъ козаковъ, ихъ старшинъ и духовенства. Въ работахъ по постройкѣ и ремонту Харьковской крѣпости принимали участіе не одни харьковцы, но и прочіе сотняне Харьковскаго полка. Повинность эта была очень тяжелой. Несмотря на то, что еще указомъ 7 апрѣля 1722 г. Бѣлгородскому воеводѣ было поручено смотрѣть за крѣпостями въ Слободскихъ полкахъ и ежегодно починять ихъ безъ отягощенія жителей [1]), за цѣлостью Харьковской крѣпости въ обыкновенное, не военное время слѣдили плохо. Крѣпостныя сооруженія были въ неисправности, валы полуобрушены, рвы засыпаны и завалены мусоромъ, крѣпостныя пушки не годны къ употребленію. Но зато тѣмъ больше труда приходилось на долю харьковцевъ въ тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда начальство обращало вниманіе на состояніе харьковскихъ укрѣпленій и дѣлало распоряженія о приведеніи ихъ въ исправность. Такихъ случаевъ мы знаемъ нѣсколько. Во время нашествія шведовъ, харьковскія укрѣпленія были „распространены регулярною формою", городъ укрѣпленъ высокимъ валомъ, рвами, брустверами и пятью бастіонами [2]). Починокъ послѣ этого не производилось, и крѣпостныя сооруженія были вновь запущены, а въ 1732 г., во время большого пожара, они и совсѣмъ сгорѣли и не возобновлялись до самыхъ походовъ Миниха. Инженеръ, посланный для осмотра крѣпостей Харьковскаго полка, нашелъ Харьковскую крѣпость въ полномъ упадкѣ: крѣпостныя стѣны представляли собою пепелище, валъ осыпался, приходилось все строить вновь. „Для сооруженія Харьковской крѣпости—разсказываетъ по архивнымъ документамъ г. Плохинскій—было приказано рубить лѣсъ въ полковыхъ дачахъ и во владѣльческихъ имѣніяхъ (въ вотчинахъ, напримѣръ, князя Крапоткина—извѣстный Бабаевскій и Карачевскій лѣсъ). Для постройки крѣпости понадобилась тысяча человѣкъ—цифра, безъ сомнѣнія, солидная. Крѣпость нужно было укрѣпить земляною работою, валы и рвы выложить дерномъ, который нужно было связать колышками, подѣлать рогатки и палисады. Работниковъ приходилось набирать изъ подданныхъ; владѣльцы съ трудомъ отпускали работниковъ: время было лѣтнее, работникъ былъ нуженъ дома для полевыхъ работъ, тѣмъ болѣе, что было приказано засѣвать какъ можно большее количество полей хлѣбомъ для доставки арміи провіанта и заготовить на зиму большое количество сѣна для фуража" [3]). Люди бѣжали съ работъ, а то и совсѣмъ не являлись на нихъ, вопреки распоряженіямъ начальства. Изъ 381 подводъ, потребованныхъ въ Харьковъ, явилось только 206, а изъ 400 пѣшихъ работниковъ—284, изъ этого числа разбѣжалось 83 пѣшихъ работника да съ подводами ушло 113 [4]).

---

[1]) Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Оп. 25, св. 320.

[2]) Д. И. Багалѣй, Матеріалы II, стр. 216.

[3]) Южн. Край, № 4356 (8 сент. 1893 г.).

[4]) Е. Альбовскій, стр. 152.

Не меньшей тяготой была для населенія починка харьковскихъ укрѣпленій и въ 1748 г. Къ крѣпостнымъ работамъ было привлечено все непривилегированное населеніе Харькова и ближайшихъ къ нему селъ и деревень: козачьи свойственники, подпомощники, цеховые и панскіе подданные. Лѣсъ для починки крѣпости жители Харькова и сотенъ Харьковскаго полка должны были доставить натурою. По инструкціи Харьковской Полковой Канцеляріи нарочному козаку Федьку, было велѣно требовать отъ жителей лѣсъ немедленно по составленнымъ заранѣе спискамъ и не выѣзжать изъ селенія до тѣхъ поръ, пока дерево не будетъ выдано. Распоряженіе и надзоръ за работами были поручены харьковскимъ сотникамъ Романовичу и Голуховичу, къ которымъ и обязаны были явиться на смотръ наряжаемые для работъ люди. Работники распредѣлялись по партіямъ, каждая изъ коихъ должна была явиться на работы къ назначенному сотниками сроку. Являлись не всѣ, особенно изъ подданныхъ богатыхъ пановъ. Когда Романовичъ потребовалъ отъ Крапоткинскихъ подданныхъ явки на работы, княгининъ управляющій Щербина отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на принадлежность маетностей ея сіятельства Ахтырскому полку [1]). Деркачевскій сотникъ Яковъ Ковалевскій совсѣмъ отказался давать не только своихъ сотнянъ, но и жившихъ въ раіонѣ его сотни подданныхъ разныхъ владѣльцевъ. Къ нему для поимки работниковъ пришлось назначить изъ Харькова особенную команду, которая изловила 80 деркачевцевъ и привела въ Харьковъ, но черезъ нѣсколько дней деркачевскіе рабочіе убѣжали, а сотникъ Ковалевскій не захотѣлъ возвратить бѣглецовъ. Точно также бѣжали работники, наряженные и отъ Тишковской сотни, причемъ тамошній сотникъ Тихоцкій отказался возвратить ихъ, когда для этого изъ Харькова былъ посланъ особый нарочный. Бѣжали и ближайшіе сосѣди Харькова—основяне и верещаковцы и также не были возвращены по требованіямъ блюстителей крѣпостныхъ работъ Голуховича и Романовича. Въ теченіе всего періода работъ бывало на работахъ человѣкъ по 600, несмотря на то, что должно бы быть не менѣе 1000. Бѣгство рабочихъ мѣстное начальство объясняло недостаткомъ хлѣба у обывателей. Къ тому же нужно принять во вниманіе, что одновременно съ Харьковской чинились крѣпости и въ другихъ сотняхъ Харьковскаго полка; въ Ольшанкѣ, Валкахъ, Перекопѣ, Соколовѣ, Тарановкѣ, Мерефѣ и Золочевѣ. Починка ихъ также производилась натурою. Дѣло велось съ большимъ трудомъ и большимъ отягощеніемъ для жителей, но тѣмъ не менѣе велось скверно. Когда въ Харьковъ былъ присланъ спеціалистъ по сей части, нѣкій оберъ-квартирмейстеръ Свиридовъ, онъ нашелъ починку плохою: и валы осыпались, и брустверъ осѣлъ, и мостковъ на бастіонахъ для постановки пушекъ не оказалось, и ворота ветхи, и мостовъ черезъ ровъ не имѣется. Въ результатѣ, конечно, новыя работы и новыя тягости для жителей [2]). Особенно тяжела была эта повинность для харьковцевъ: присланные изъ сотенъ работники бѣжали, а харьковцамъ, которымъ бѣжать было некуда, приходилось справляться и за себя, и за другихъ.

Къ обязанностямъ, связаннымъ съ „городовой службой“, принадлежала и повинность по устройству и содержанію въ порядкѣ мостовъ и перевозовъ на городскихъ рѣкахъ. Это была тоже одна изъ тяжелыхъ натуральныхъ повинностей, можетъ быть, даже болѣе надоѣдливая, чѣмъ починка крѣпости, потому что крѣпость приходилось чинить все таки не часто, а мосты требовали ежегодной поправки. Какъ и крѣпость, мосты строились и чинились силами не только горожанъ, но и всѣхъ сотнянъ Харьковскаго полка. Мосты, конечно, были деревянные. Большой мостъ въ козацкомъ Харьковѣ былъ, повидимому, только одинъ—на р.

---

[1]) Княгинѣ Крапоткиной принадлежали въ то время Бабаи, Жихорь, Коротичъ и Уды, причислявшіеся почему-то не къ Харьковскому, а къ Ахтырскому полку.

[2]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 124.

Лопани. Что касается Харьковскаго, то о его существованіи опредѣленно извѣстно только съ 1770 г. Изъ одного дѣла 1760 г. видно, что въ это время жителямъ 2-ой Харьковской сотни было приказано или построить мостъ на р. Харьковѣ ниже Молчановской плотины, или же исправить эту плотину. Какъ выполнили харьковцы это распоряженіе, не знаемъ, но знаемъ, что въ описаніи Харькова, представленномъ въ 1767 г. въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія, упоминалось объ одномъ Лопанскомъ мостѣ, что же касается р. Харькова, то на ней, какъ видно изъ описанія, существовали только двѣ плотины, а весною, когда плотины прорывало, черезъ Харьковъ переѣзжали на паромѣ [1]). Но и одинъ мостъ на Лопани рѣдко бывалъ въ исправности. И строился онъ, и чинился плохо. Такъ, въ 1745 г. Полковая Канцелярія дѣлаетъ расписаніе, сколько изъ какихъ сотенъ нужно поставить дерева для Лопанскаго моста. Дерево, однако, не поставляется. Въ 1748 г. новое распоряженіе о томъ же. Дерево на этотъ разъ привозится, но мостъ не строится, а только починяется, большая же часть свезеннаго лѣса употребляется на пристройку къ Полковой Канцеляріи „коморы“ и амбаровъ. Въ 1749 г. мостъ дѣлается настолько плохимъ, что по нему „и пѣшіе отказываются ходить, а ѣздить и совсѣмъ нельзя“. Въ 1749 и 1750 гг. Лопанскій мостъ замѣняется новымъ. Въ 1760 г. половодье вновь портитъ мостъ, и требуется серьезная его починка.

Неудачи, постигавшія Лопанскій мостъ, помимо другихъ причинъ, объясняются прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что его постройка была повинностью, отъ которой всякій старался отдѣлаться какъ можно легче, не прилагая къ дѣлу много труда и старанья. Да и самое дѣло было совершенно чужимъ для большинства лицъ, имъ занятыхъ, ибо, конечно, ни мерефяне, ни золочевцы, ни другіе сотняне, строившіе вмѣстѣ съ харьковцами Лопанскій мостъ, нисколько не были заинтересованы въ его прочности. Они только скрѣпя сердце выполняли тяжелую повинность. А какъ тяжела была эта повинность,—свидѣтельствуетъ рядъ фактовъ изъ дѣлъ о постройкѣ моста. Такъ въ 1749 г. для починки Лопанскаго моста Полковая Канцелярія приказала заготовить потребное число дерева въ слободахъ Соколовской, Мерефянской, Валковской, Угольчанской и Люботинской сотенъ, изъ другихъ сотенъ велѣно было доставлять подводы для перевозки лѣса въ Харьковъ, а изъ остальныхъ (двухъ Харьковскихъ, Тишковской и Липецкой)—работниковъ, такъ чтобы одной сотнѣ передъ другой отягощенія не было. Къ несенію повинности привлекались и владѣльческіе подданные. Сотни, обязанныя заготовить лѣсъ, должны были сдѣлать изъ него и положенныя по расписанію принадлежности для постройки: буртеницы, мостницы, кобылицы, латы и пали, а для того, чтобы „тесли“ работали на мѣстахъ „не каверзно“, а какъ слѣдуетъ—для надзора за ними были посланы подпрапорные съ особыми инструкціями. Строить мостъ обязаны были харьковцы, тишковцы и липчане, всего 100 человѣкъ. Работа шла туго, такъ какъ обыватели не выполняли приказаній начальства. Такъ мерчанскій приказчикъ доносилъ, что въ дачахъ его господина годнаго для работы лѣса не имѣется, и что если даже мерчанскимъ подданнымъ будетъ приказано заготовить и вывезти положенное количество лѣса изъ другихъ мѣстъ, то и въ такомъ случаѣ не будетъ возможно исполнить этотъ приказъ не только въ три дня, какъ требовала Канцелярія, но и въ теченіе всей зимы, такъ какъ жителей въ Мерчикѣ убавилось, а скота не имѣется. Администрація Харьковскаго Коллегіума, подъ вѣдѣніемъ котораго было въ то время 663 подданныхъ (по счету полкового начальства, а по счету коллегіумскаго—всего только 402), отказывалась дать лѣсъ, ссылаясь на необходимость ремонтировать Коллегіумъ и на недостатокъ лѣса даже для этого ремонта. Въ сотняхъ Пересѣчанской, Хорошевской, Золочевской, Деркачевской, Ольшанской, Перекопской и Валковской, несмотря

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы II, 217, 212.

на требованія Канцеляріи и настоянія особо посланныхъ ею нарочныхъ, подводъ для перевозки лѣса въ Харьковъ не давали. Сотникамъ слались указы съ повелѣніемъ немедленно самимъ взяться за дѣло безъ отговорки и перевезть лѣсъ въ Харьковъ подъ опасеніемъ штрафа за ослушаніе [1]). Ослушаніе сотнянъ объяснилось не только тягостью повинности, но, повидимому, и злоупотребленіями, какія при этомъ позволяло себѣ полковое начальство. Въ жалобѣ управляющаго имѣніями Прасковьи Петровны Спичинской, которой въ половинѣ XVIII в. принадлежали Бабаи, Должикъ и др. вотчины, есть указанія, что въ 1751 г. лѣсъ, вывезенный сотнянами на постройку Лопанскаго моста, былъ употребленъ „на разныя исправленія партикулярныхъ домовъ". Труда и хлопотъ по поводу постройки моста было потрачено много, а между тѣмъ уже въ 1753 г. генералъ-аншефъ П. С. Салтыковъ находилъ Лопанскій мостъ до того плохимъ, что по нему ходить почти невозможно. А такъ какъ въ Харьковѣ въ то время „главная команда находилась и бывалъ не малый проѣздъ генералитета, а иногда случалось и полкамъ маршировать", то Салтыковъ приказалъ выстроить на Лопани новый мостъ. По распоряженію бригадира слободскихъ полковъ Капниста мостъ велѣно сдѣлать „добрый и обширный, чтобы обернуться двумъ колякамъ было можно". Мостъ нужно было непремѣнно окончить къ 20 сентября, „дабы въ проходѣ полковъ и въ проѣздѣ высокаго генералитета ни малѣйшей остановки слѣдовать не могло". Кромѣ Лопанскаго моста, приказано было на болотистыхъ мѣстахъ по городу устроить изъ фашинника и земли гати, заплетенныя хворостомъ, оставляя для прохода воды разстояніе въ сажень, чрезъ которое перекидывался небольшой мостокъ. Для неболотистыхъ протоковъ можно было ограничиться одними мостками безъ гатей. Постройка по прежнему была возложена на обязанность сотнянъ Харьковскаго полка, которые должны были доставить 1500 мостницъ дубовыхъ, сосновыхъ или березовыхъ, въ 3 саж. каждая, 86 дубовыхъ кобылицъ, 150 буртеницъ дубовыхъ или сосновыхъ, 250 дубовыхъ 4 саженныхъ слегъ, 150 дубовыхъ 3 саженныхъ паль и 160 четырехъ-аршинныхъ, 250 дубовыхъ, сосновыхъ или березовыхъ латъ и 160 чел. работниковъ. На долю харьковцевъ въ этомъ числѣ приходилось 75 мостницъ, 4 кобылицы, 6 буртеницъ, 16 слеговъ, 13 паль, 15 латъ и 6 чел. рабочихъ. Распоряженіе это вызвало жалобы сотнянъ. Козачьи свойственники Тишковской сотни доносили, что у нихъ не только нѣтъ строевого лѣса, но съ трудомъ находятъ лѣсъ для топки хатъ, и то самый мелкій. Тишковцы указывали, что даже для мостовъ въ своей сотнѣ они за неимѣніемъ лѣса употребляютъ хворостяные плетни, а недавно, когда потребовался лѣсъ для помоста въ конюшняхъ квартирующаго въ Тишкахъ гусарскаго эскадрона, солдаты, за неимѣніемъ лѣса, брали, не минуя ни единаго козака и обывателя, съ немалою обидою и народу отягощеніемъ, лавы и полницы изъ жилыхъ хатъ и употребляли на помостъ лошадямъ. Сотняне Соколовской сотни просили уволить ихъ отъ постройки моста, ссылаясь на то, что они и безъ того отягощены починкою крѣпостей въ Соколовѣ и Тарановкѣ, и если ихъ заставятъ принять участіе еще и въ постройкѣ Лопанскаго моста, то „обывателямъ послѣдуетъ безмѣрное отягощеніе", да и крѣпости починены не будутъ. Управляющій г-жи Спичинской просилъ совсѣмъ освободить его госпожу отъ доставки лѣса, такъ какъ еще съ 1748 года, въ виду ссоры ея съ полковымъ начальствомъ, ея вотчины были переданы платежомъ и поборами въ вѣдомство Ахтырской Полковой Канцеляріи.

Полковая Канцелярія для побужденія сотнянъ къ дѣятельности разсылала особыхъ нарочныхъ, вооруженныхъ энергичными инструкціями. Такъ въ инструкціи одному изъ такихъ посыльныхъ велѣно было ѣхать въ сотни Пересѣчанскую и Люботинскую и „накрѣпко принудить" тамошнихъ сотниковъ Головашича и Петровскаго въ три дня исполнить приказъ Канцеляріи, а пока

[1]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 155.

сотники не исполнятъ своей обязанности, нарочный долженъ былъ жить „на ихъ коштѣ“. Сотники встрѣчали нарочныхъ отнюдь не всегда дружелюбно: такъ козакъ Василій Бибыкъ доносилъ Полковой Канцеляріи, что согласно инструкціи ѣздилъ онъ въ сотни Хорошевскую и Мерефянскую „неотступно требовать“ отъ тамошнихъ сотниковъ Квитки и Щербины высылки лѣсу и работниковъ. Квитка объявилъ Бибыку, что скоро вышлетъ, а Щербина не только отказался исполнить требованіе, но еще и выругалъ Бибыка бранными словами. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ постройка затянулась и къ 20 сентября не была готова. Изъ рапорта завѣдывавшаго работами Гужвинскаго видно, что ко второй половинѣ ноября сдѣлали свою часть моста только сотни—Харьковская вторая, Золочевская и Люботинская, первая Харьковская, Салтовская и Соколовская были на работѣ, тишковцы, липчане и циркуновцы начали было работу, но потомъ бросили и разошлись по домамъ, а сотни Пересѣчанская, Перекопская, Угольчанская, Хорошевская, Волчанская, Ольшанская, Валковская, Мерефянская, Мартовецкая и Деркачевская такъ совсѣмъ на работу и не явились. Немногимъ, впрочемъ, лучше вели себя и лица, приставленныя распоряжаться работами. Изъ опредѣленныхъ для этого подпрапорныхъ дѣлали свое дѣло только четверо, да и изъ тѣхъ одинъ (Вас. Квитка) въ концѣ концовъ объявилъ себя больнымъ, а два остальныхъ—Иванъ Любицкій и Яковъ Ковалевъ на работы ни разу не являлись и, гдѣ были,—осталось неизвѣстнымъ. Изъ полковой старшины, обязанной по приказу Капниста наблюдать за работой, наблюдателей также не оказалось [1]). Въ концѣ концовъ мостъ былъ все таки выстроенъ, а для сохраненія его на будущее время въ цѣлости, сотникамъ подтверждено, чтобы каждый содержалъ свою „дѣланицу“ „въ добромъ и къ проѣзду годномъ состояніи подъ неопускнымъ за неисполненіе штрафомъ“. Угроза „неопускнымъ штрафомъ“ вліяла, однако, слабо. Въ 1760 году Харьковскій городничій Пантелимоновъ рапортовалъ въ Полковую Канцелярію, что 16 февраля, благодаря сильному половодью, Лопанскій мостъ оказался весь испорченнымъ, не малое число мостницъ унесено водою, а слеги и буртеницы, гдѣ были сосновыя и березовыя, сгнили. По обычаю, изъ Полковой Канцеляріи во всѣ сотни были посланы указы, а потомъ и особые нарочные съ наказомъ немедленно явиться въ Харьковъ для починки моста. Сотняне и явились, но съ пустыми руками, безъ лѣсу, и потому вновь были распущены по домамъ, а между тѣмъ 17 марта, благодаря проѣзду по мосту возовъ съ тяжестями и ветхости моста, мостницы обломались, и мостъ сталъ непроѣзднымъ. И это какъ разъ въ то время, когда въ Харьковѣ „главнокомандующій генералитетъ гофъ-квартиру имѣть изволилъ“. Полковая Канцелярія имѣла полное основаніе ожидать за неисправность моста „тяжкаго отвѣта“ и „штрафа“, тѣмъ паче, что и въ недавно полученномъ указѣ изъ „Каморъ-Коллегіи“ за неисправное содержаніе мостовъ грозилъ „немалый штрафъ и тяжкій отвѣтъ“. Въ виду этого Канцелярія вновь шлетъ указы сотникамъ съ приказомъ немедленно самимъ явиться въ Харьковъ съ лѣсомъ и работниками и приступить къ починкѣ злополучнаго моста [2]).

Такой же „городовой службой“, какъ содержаніе въ порядкѣ укрѣпленій и мостовъ, была для харьковцевъ повинность по постройкѣ и ремонту зданій для полковыхъ и сотенныхъ учрежденій—полковой ратуши (канцеляріи), судебной „каморы“, порохового погреба, таможни, сотенныхъ правленій и т. п. Повинность эта лежала, впрочемъ, не на однихъ харьковцахъ, а и на всѣхъ полчанахъ, какъ свободныхъ, такъ и владѣльческихъ, и отправлялась точно такъ же, какъ крѣпостная или мостовая. Среди натуральныхъ повинностей это была одна изъ наиболѣе легкихъ, такъ какъ скромные размѣры тогдашнихъ „казенныхъ“ зданій не требовали

[1]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 188.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Пр. Проток. Полк. Канц. 1760 г., стр. 768.

отъ жителей большой затраты времени, матеріала и рабочихъ силъ; къ тому же бывали случаи, когда такія сооруженія производились не натурою, а на счетъ полковыхъ доходовъ. Такъ, послѣ указа 1734 г., согласно которому сборъ съ такъ наз. „конской площадки“ былъ отданъ на полковыя нужды, въ Харьковѣ на средства, полученныя отъ этого сбора строился пороховой погребъ, при чемъ не только покупался необходимый матеріалъ, но нанимались и рабочіе. Затѣмъ, на суммы того же сбора покупается лѣсъ для перекрытія дома полковой канцеляріи, дѣлаются поправки въ двухъ избахъ, занятыхъ полиціей, почтмейстерскимъ правленіемъ и гауптвахтой, и строится амбаръ для полковыхъ вѣсовъ.

Если къ перечисленнымъ нами повинностямъ мы прибавимъ еще полицейскую, о которой мы уже имѣли случай говорить въ главѣ, посвященной Харьковскому благоустройству, то этимъ мы исчерпаемъ всѣ извѣстныя намъ обязанности харьковцевъ, вытекающія изъ понятія „городовый службы“. Остальныя повинности, какія имъ приходилось нести, не имѣли уже никакого касательства ни къ полковой, ни къ городовой службѣ.

Къ числу такихъ повинностей принадлежали повинности постойная и почтовая. Обязанность давать квартиру и содержаніе стоявшимъ въ Харьковѣ регулярнымъ войскамъ была одною изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, отъ которой харьковцамъ приходилось сильно терпѣть. Какъ велось дѣло въ болѣе ранній періодъ жизни Харькова,—у насъ, къ сожалѣнію, мало свѣдѣній. Знаемъ только, что еще въ тѣ времена, когда Харьковъ не былъ постоянной военной квартирой, даже простой проходъ войскъ черезъ городъ составлялъ для жителей сущее бѣдствіе. Въ 1706 г. Харьковскій полковникъ Федоръ Донецъ жаловался, что полки, посылаемые изъ Бѣлгорода въ Новобогородицкій и Каменный Затонъ и обратно, „непрестанно ходятъ черезъ Харьковъ и великія людямъ обиды и грабительства и разоренія чинятъ, старшину и козаковъ бьютъ до смерти и въ подводы лошадей берутъ и не отдаютъ вовсе, и хлѣбъ въ гумнахъ всякій и сѣно берутъ и травятъ и скотину бьютъ, и всякую рухлядь грабятъ, и отъ того разоренные люди, покинувъ домы свои, пошли врознь“. Результатомъ этой жалобы былъ приказъ воеводы Стрѣшнева о томъ, чтобы полки направлялись другою дорогою, минуя Харьковъ и города Харьковскаго полка [1]).

Постоянные военные постои регулярныхъ войскъ начались въ Харьковѣ со времени нашествія на Украйну шведовъ. Передъ Полтавской баталіей харьковцамъ пришлось давать квартиру, провіантъ, фуражъ и подводы великорусскимъ „консистентамъ“, а послѣ—содержать плѣнныхъ шведовъ. Временная „консистенція“ превратилась затѣмъ въ постоянную. Но указанію „Экстракта о слободскихъ полкахъ“, постоянною „винтеръ-квартирою“ для регулярныхъ войскъ Слободскіе полки, а значитъ и Харьковъ, стали служить съ 1710 г. [2]). Здѣсь—говоритъ П. Головинскій—„расположена была на квартирахъ дивизія русскихъ войскъ подъ начальствомъ П. М. Апраксина“ [3]). Какія тяготы накладывалъ на жителей этотъ постой,—въ дѣлахъ Харьковской Полковой Канцеляріи, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же „Экстрактъ“, даже въ 1732 г. свѣдѣній не имѣлось, потому что полки и команды стояли по квартирамъ у обывателей и получали кормъ себѣ и конямъ безъ записокъ [4]).

Скудныя свѣдѣнія „Экстракта“ о первыхъ годахъ постойной повинности въ Харьковѣ могутъ быть пополнены любопытными данными изъ „Матеріаловъ для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ“. Изъ одного, помѣщеннаго въ „Матеріалахъ“,

[1]) Арх. Мин. Юст. Разр. вязки, № 1, втор. пол., № 6.
[2]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы II, стр. 151.
[3]) Головинскій. Слободскіе козачьи полки, стр. 147.
[4]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы II, стр. 151.

письма харьковской полковой старшины отъ 28 января 1712 года видно, что въ это время на территоріи Харьковскаго полка были расположены три регулярныхъ полка—Пермскій, Нижегородскій и Азовскій. Раздѣливъ полкъ на три части, постояльцы „брали провіантъ и фуражъ и всякую живность по своему хотѣнію на прокормъ“. Кромѣ того, для тѣхъ же трехъ полковъ былъ собранъ на случай похода провіантъ и фуражъ на мѣсячный срокъ. „А сбиранъ тотъ провіантъ и фуражъ—писала старшина—безъ разсмотрѣнія, что у кого нашовши, отъ чего и до конца полку нашего жители разворились и многіе, покиня свои жилища, пошли и нынѣ идутъ въ разныя мѣста“. О размѣрахъ „дачъ“ харьковскихъ полчанъ на постояльцевъ даетъ понятіе „Вѣдомость о сборѣ провіанта на армейскіе полки отъ 23 марта по 31 апрѣля 1712 г.“. Оказывается, что за 37 дней на продовольствіе трехъ полковъ населеніемъ было „выстачано“ 1021 четверть хлѣба „разной пашни“, муки ржаной для сѣчки 477 четвертей—да сѣна 429 пудъ. Кромѣ того, для разныхъ надобностей постояльцами за то же время было взято 61 конская и 483 воловыхъ подводы.

Кромѣ регулярныхъ полковъ харьковцамъ въ то же время приходилось содержать и Волошскаго господаря Кантемира съ его боярами и „жолнерами“. Явившись въ Россію послѣ неудачнаго Прутскаго похода Петра, Кантемиръ въ 1711 году поселился въ Харьковѣ. Кормить его и его людей обязаны были харьковцы пополамъ съ людьми гетманскаго регименту. Харьковцы давали господарю провіантъ и фуражъ, собираемый какъ съ полчанъ, такъ и со старшинскихъ маетностей „по росписаніямъ и сверхъ росписей, чего пожелаетъ“. Налоги на харьковскихъ полчанъ въ пользу „консистентовъ“ и Волошскаго господаря заставляли, если вѣрить полковнику Шидловскому, „многихъ и достойныхъ людей идти врознь“. „Доношу покорне—писалъ Шидловскій въ жалобѣ къ графу Апраксину—что людямъ полку нашего Харьковскаго дѣется отъ сего (налоговъ на „консистентовъ“ и на волоховъ) съ великою тягостью, многіе отнюдь не имѣютъ чего дати и сами помираютъ отъ безхлѣбья“. Въ январѣ 1712 года полковникъ Шидловскій вмѣстѣ съ полковой старшиной писалъ Апраксину: „мы большъ провіанту и фуражу отнюдь не имѣемъ чего дать, и нынѣ за недостаткомъ фуражу взятъ судья нашъ полковый за караулу кн. Волошского, и того ради мы послали старшинъ во весь полкъ и велѣли, въ кого що знайшовши, и послѣднее все взять насильно безъ остатку у старшины и у козаковъ“ [1]). Такія распоряженія могли диктоваться только исключительной крайностью.

Отъ послѣдующаго періода о несеніи харьковцами постойной повинности намъ извѣстно только то, о чемъ говорятъ издававшіеся по сей части указы, но какъ исполнялись эти указы на мѣстѣ,—свѣдѣній у насъ мало.

По указу 18 января 1721 года было запрещено ставить военныхъ постояльцевъ въ домахъ заслуженныхъ особъ: у полковниковъ, сотниковъ и у прочей старшины, у поповъ и церковниковъ въ тѣхъ дворахъ, гдѣ они сами живутъ. Въ инструкціи полковнику Лачинову, назначенному въ 1722 г. воеводой въ Бѣлгородъ на мѣсто Вельяминова, предписывалось наблюдать за тѣмъ, чтобы стоящія въ слободскихъ полкахъ на винтеръ-квартирахъ войска были у всѣхъ безобходно, и никто бы отъ этого выключенъ не былъ; „чтобы ставили солдатъ и офицеровъ, не обходя никого—ни полковничьихъ, ни старшинскихъ, ни козачьихъ, ни великороссійскихъ особъ, ни духовныхъ маетностей, токмо у заслуженыхъ особъ, у полковниковъ и полковой и прочей старшины и у поповъ и у церковниковъ на дворахъ, гдѣ сами живутъ, квартиръ не имѣть, а на загородныхъ дворахъ и у подданыхъ ставить, отнюдь не исключая никого“. Бѣлгородскому воеводѣ было вмѣнено въ обязанность смотрѣть за драгунами, чтобы сами квартиръ

[1]) Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украинѣ. Стр. 176, 178, 171, 175 и 176.

не занимали и лишняго фуража, провіанта и дровъ не имали и никакихъ сверхъ опредѣленныхъ указами запросовъ не запрашивали и ни въ чемъ обывателямъ отягощенія не чинили, а если на кого отъ слободскихъ полковъ или на нихъ будетъ челобитье, воевода обязанъ былъ по тому челобитью судить и рѣшеніе учинить [1]) И указъ 1721 г., и инструкція Лачинову выполнялись, очевидно, не совсѣмъ точно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи духовенства. 25 сентября 1724 г. послѣдовалъ, въ виду этого, новый указъ, которымъ велѣно было свесть постои съ тѣхъ протопопскихъ, поповскихъ и дьяконскихъ дворовъ, на которыхъ они сами живутъ, а ставить только на тѣхъ дворахъ, гдѣ сами они не живутъ. Въ томъ же году (19 октября) этотъ указъ подтвержденъ еще разъ, при чемъ разъяснено, что свободой отъ постоя пользуется только духовенство, дѣйствительно служащее при церквахъ [2]). Сколько постояльцевъ приходилось собственно на Харьковъ—свѣдѣній у насъ не имѣется. Знаемъ только, что по указу 24 февраля 1722 г., имѣвшему общее для всей Россіи значеніе, на каждыя 36 душъ обывателей мужского пола полагалось на содержаніе по одному пѣхотному солдату, а на содержаніе одного кавалериста опредѣлено было 50 ревизскихъ душъ [3]). Изъ другого указа 1723 г. видно, что стоявшія въ Слободской Украинѣ войска продовольствовались въ зимнее время по квартирамъ у обывателей, а въ лѣтніе мѣсяцы, когда войска выступали въ лагери, на ихъ прокормленіе съ жителей собирались деньги, которыя они уплачивали въ два срока [4]). Въ Аннинское время, особенно послѣ реформъ Шаховского, въ пору Миниховскихъ походовъ на Крымъ, тяготы по содержанію „консистентовъ“ значительно усилились. По указу 10 сентября 1733 г. слобожане обязаны были содержать на квартирахъ три драгунскихъ и одинъ гарнизонный полкъ, при чемъ на ихъ же обязанности лежало продовольствіе людей и лошадей. Когда полки были въ отлучкѣ, съ слобожанъ собирались на ихъ продовольствіе деньги. Для сбора „порцій и рацій“ съ владѣльческихъ подданыхъ были назначены особые коммисары изъ великороссійскихъ дворянъ [5]). Съ каждыхъ 50 душъ подпомощниковъ и подсосѣдковъ полагалось въ годъ на содержаніе „консистентовъ“ по одной „порціи“ и по двѣ „раціи“, а если деньгами, то—по 10 руб. 43½ коп., а съ души по 18¾ коп.; съ владѣльческихъ подданныхъ платилось по 21 коп. съ души [6]). Во время Крымскихъ походовъ Миниха Харьковъ превратился въ „гофъ-квартиру“ для „высокаго генералитета“ и предводимой имъ арміи. Послѣ перваго неудачнаго похода на Крымъ, въ Харьковскомъ полку расположился „винтеръ-квартирою“ генералъ Леонтьевъ со своимъ штабомъ и три пѣхотныхъ полка, которыхъ обыватели обязаны были довольствовать провіантомъ [7]). Въ виду необходимости сосредоточить въ краѣ все нужное для арміи, слобожанамъ въ 1736 г. было запрещено продавать за границу хлѣбъ, вино и рогатый скотъ. Вмѣстѣ съ жителями малороссійскихъ полковъ они обязаны были поставить для арміи 100 тысячъ четвертей муки и 50 тысячъ четвертей овса. И муку, и овесъ требовалось не только сдать въ магазины, но и везти изъ магазиновъ въ Крымъ до мѣста расположенія дѣйствующей арміи. Для арміи же малороссіяне и слобожане обязаны были поставить 1000 быковъ. И за провіантъ, и за быковъ обѣщана было плата [8]), но...когда впослѣдствіи слобожанамъ приходилось вспоминать о „борошнѣ“, овсѣ и о своихъ „круторогихъ“, отданныхъ въ армію, они имѣли полное право примѣнить къ этому обѣщанію пословицу: „казавъ панъ: кожухъ дамъ, да и слово его тепле“.

[1]) Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Оп. 25, св. 320.

[2]) Арх. Харьк Губ. Пр. Репорты губ. Канц. 1770 г.

[3]) Головинскій, стр. 150.

[4]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. VII, № 4287.

[5]) Тамъ же. Т. IX, № 6479.

[6]) Тамъ же. Т. XVI, № 11976.

[7]) Е. Альбовскій, стр. 115

[8]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. IX, № 7029.

Въ 1738 г. чума, свирѣпствовавшая въ Харьковѣ, спасла горожанъ отъ штабъ-квартиры Ласси, расположившагося въ Бабаяхъ, но въ декабрѣ чума прекратилась, и харьковцамъ пришлось принять дѣятельное участіе въ размѣщеніи и продовольствіи расквартированныхъ въ Харьковскомъ полку пяти полковъ (четырехъ пѣхотныхъ и одного драгунскаго). Штабъ фельдмаршала, половину людей и казенныхъ лошадей, расположенныхъ въ Харьковскомъ полку, приходилось довольствовать провіантомъ и овсомъ „безъ заплаты“, „безъ заплаты“ же доставлялось и сѣно для лошадей всѣхъ пяти полковъ. Остальныхъ постояльцевъ велѣно было довольствовать изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, но такъ какъ магазины не были построены, то и эта половина перешла на полное содержаніе жителей, которымъ вмѣсто платы выдавались квитанціи. А жителямъ самимъ было ѣсть нечего: годъ выдался неурожайный, а предъидущіе постои, наряды и „командираціи“ окончательно истощили всѣ запасы, какіе у кого были. „Никогда еще—говоритъ Головинскій—Слободскіе полки не были такъ подавлены“... „Безграничное снабженіе русскихъ войскъ провіантомъ, фуражомъ, подводами и прочимъ отъ бумаги и сургуча для канцелярій до дегтя для смазки колесъ въ артиллеріи, при постоянномъ платежѣ податей и содержаніи военно-служащихъ козаковъ, регулярныхъ ротъ и русскаго чиновничества, превышали силы слобожанъ выполнить возлагаемыя на нихъ обязанности“ [1]). Самъ Ласси понималъ положеніе края и, дѣлая распоряженія о сборѣ съ жителей провіанта и фуража, требовалъ отъ своихъ подкомандныхъ, чтобы они не чинили населенію насилія и обидъ [2]). Когда войска Ласси послѣ зимней стоянки выступали въ походъ, слобожане-юмористы провожали ихъ сложившимся въ то время bon mot: „москалики,—соколики поїлы наши волики, а якъ вернетесь здорови, поїсте и корови“. За „воликовъ“ и съѣденный войсками провіантъ, несмотря на выданныя слобожанамъ квитанціи, они такъ почти ничего и не получили. Вспоминая объ этомъ времени въ своихъ запискахъ, Харьковскій полковникъ Тевяшевъ писалъ (въ 1763 г.), что квартировавшія въ Харьковскомъ полку войска „большею частью брали все безъ платы, а когда съ платою,—по самымъ низшимъ цѣнамъ, и то подъ росписки, по которымъ обыватель хоть и обнадеженъ былъ въ исправномъ полученіи за все, однако и донынѣ остается на Провіантской Канцеляріи болѣе 100 тыс. рублей“ [3]). Вина въ неуплатѣ по квитанціямъ падала, впрочемъ, не только на тѣхъ, кто ихъ выдавалъ, но частью и на харьковское начальство. Изъ одного напр. дѣла 1763 г. видно, что благодаря странной разсѣянности полкового начальства Щербининъ никакъ не могъ доискаться, куда дѣвалась сумма въ 8166 р. 27½ коп., присланная для раздачи харьковцамъ за взятый у нихъ въ турецкую войну на разные полки фуражъ, провіантъ и соль [4]).

Въ періоды „марша“ войскъ черезъ Харьковъ и пребыванія здѣсь „гофъ-квартиры“ высокаго генералитета о выполненіи указовъ 1721 и послѣдующихъ годовъ заботиться было некому да и нельзя. Тамъ, гдѣ не стѣснялись брать „безъ заплаты“ у жителей все, что можно было взять, и подавно не стѣснялись вопросомъ о безобидномъ размѣщеніи постояльцевъ по обывательскимъ дворамъ. И солдатъ, и лошадей ставили, гдѣ только было можно, не обращая вниманія ни на какіе указы. А указы объ уравнительномъ и безобидномъ распредѣленіи постоя, между тѣмъ, издавались и присылались въ Харьковъ. 11 ноября 1738 г., въ то самое время, когда Харьковскій полкъ стоналъ отъ тяготъ, вызванныхъ расположеніемъ здѣсь „винтеръ-квартиры“ Ласси, изданъ былъ указъ, коимъ, въ огражденіе обывателей отъ притѣсненій, предписывалось полиціи имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобы постойная повинность распредѣля-

[1]) Головинскій, стр. 169—170.

[2]) Е. Альбовскій, стр. 153.

[3]) Филаретъ II, стр. 71.

[4]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 360.

лась между обывателями уравнительно, и если войскъ въ городѣ меньше, чѣмъ квартиръ, то ставить на квартиры поочередно, переводя постояльцевъ съ одной квартиры на другую черезъ каждую четверть года, чтобы однѣ квартиры не стояли праздно, а другія не были обременены постоянными постоями. За правильнымъ распредѣленіемъ квартирной повинности обязаны были наблюдать опредѣленныя отъ полиціи квартиргеры [1]). Въ Харьковѣ указъ прочли и записали въ реестры входящихъ бумагъ, но объ исполненіи его не могло быть и рѣчи. Объ уравнительности нечего было и думать, потому что войсками были заняты не только обывательскія хаты, отъ постоя не избавленныя, но и дома тѣхъ „заслуженныхъ особъ“ свѣтскаго и духовнаго чина, у которыхъ постояльцамъ и совсѣмъ быть не полагалось.

Отъ 1739 года до насъ дошло прошеніе, поданное харьковскимъ духовенствомъ „высокопревосходительному господину генералъ-фельтмаршалу, надъ Курляндіею губернатору и разныхъ орденовъ кавалеру Петру Петровичу фонъ Лессіи“, въ которомъ „богомольцы его высокопревосходительства“ жаловались: „имѣется у насъ, нижайшихъ, въ городѣ Харьковѣ въ приходскихъ 9 церквахъ Божіихъ жилые наши домы, также и у церковныхъ служителей, точію въ оныхъ домахъ нашихъ, какъ въ лѣтнее время, такъ и въ зимнюю пору штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры имѣютъ постой и нынѣ стоятъ, отъ котораго ихъ постою и занятія домовъ нашихъ чинятся намъ, богомольцамъ вашего высокопревосходительства, немалыя нужды и утѣсненія, паче же во время священнаго служенія къ моленію препятствія и въ покупкѣ дровъ не малые расходы и трата, такожъ и собственныя наши лошади въ подводы берутъ“. Богомольцы просили генерала учинить высокоповелительный милостивый указъ, дабы въ домахъ ихъ и церковнослужителей постою не было [2]).

Постои, соединенные съ другими тяготами военнаго времени, привели наконецъ слобожанъ въ крайнее изнуреніе. А тутъ присоединился еще и неурожай. Не только Ласси, но само центральное правительство сознало наконецъ трудность положенія слобожанъ. Указомъ 26 ноября 1739 года было повелѣно освободить населеніе слободскихъ полковъ на годъ отъ поставки провіанта и фуража на содержаніе квартировавшихъ въ Слободчинѣ регулярныхъ войскъ [3]). Военнымъ постояльцамъ (двумъ драгунскимъ и одному гарнизонному полку) на это время слобожане обязаны были давать только отопленіе. Сколько обидъ было причинено военными постояльцами въ теченіе несчастнаго для слобожанъ времени Крымскихъ походовъ,—объ этомъ даетъ нѣкоторое понятіе донесеніе генералъ-маіора Шипова. Оказывается, что, когда въ 1740 г. населенію было позволено, не боясь никого, жаловаться на обидчиковъ, „обыватели на стоящихъ въ тѣхъ полкахъ винтеръ-квартирами и на проѣзжающихъ генералитетъ, штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ разныхъ починенныхъ обидахъ и во взятьѣ безъ платежа прогоновъ подводъ и въ прочемъ многія подали прошенія“. Прошеній было такъ много, что для ихъ разсмотрѣнія пришлось образовать особую спеціальную коммиссію [4]). Удовлетворила ли эта коммиссія претензіи обывателей,—не знаемъ, знаемъ только, что въ 1743 году указомъ отъ 18 августа было постановлено, чтобы въ Слободскихъ полкахъ, „кто бы какого званія, чина и достоинства ни былъ, какъ изъ регулярныхъ, такъ и изъ нерегулярныхъ войскъ, обрѣтающіеся у дѣлъ и при командахъ, проѣзжающіе, посыльные съ оружіемъ, аммуниціей и другими казенными припасами и матеріалами и стоящіе на квартирахъ, не токмо какихъ взятковъ и нападковъ чинить не дерзали, но и подводъ безъ подорожныхъ и безденежно и излишнихъ сверхъ подорожныхъ отнюдь не брали и ни малѣйшей обиды никому ни подъ какимъ видомъ не чинили и изъ подъ неволи ничего никакими приметками и вымыслы не вымогали“. Гене-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Пр. Репорты Губ. Канц. 1770 г.

[2]) Арх. Харьк. Дух. Консисторіи—Разрозненныя дѣла разн. годовъ.

[3]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. X, № 7958.

[4]) Тамъ же. Т. X, № 8143.

ралитету, штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, которые стояли въ Слободскихъ полкахъ на винтеръ-квартирахъ, указомъ запрещалось занимать квартиры „самимъ собою“, безъ отвода старшинъ и ратушъ. Военнымъ постояльцамъ и проѣзжающимъ военнымъ чинамъ запрещено было также требовать безденежно для своихъ квартиръ уголь и дрова или, какъ это иногда дѣлалось, отвода лѣсныхъ участковъ для рубки дровъ: и дрова, и уголь они были обязаны покупать у обывателей за деньги. Требовать отъ мѣстнаго начальства отвода лѣсныхъ участковъ разрѣшалось только для полковыхъ надобностей, подъ свозку лѣса на мѣсто постройки и подъ постройку велѣно было употреблять полковыхъ лошадей и рядовыхъ. На строеніе конюшенъ и на другія надобности запрещено безденежно пользоваться обывательскими лѣсами и даровыми работниками [1]). Указъ этотъ, если, конечно, онъ исполнялся въ дѣйствительности, а не раздѣлялъ судьбы другихъ благожелательныхъ указовъ, долженъ былъ принесть и харьковцамъ большія облегченія. Требовательность „консистентовъ“ была теперь значительно сокращена. Сами „консистенты“, впрочемъ, остались: по указу 1743 года въ Слободскихъ полкахъ были расквартированы три драгунскихъ и одинъ гарнизонный полкъ [2]), которымъ обыватели по прежнему обязаны были давать квартиры и „выстачать“ провіантъ. Сколько тяготъ приходилось при этомъ на долю собственно харьковцевъ,—изъ бывшихъ въ нашемъ распоряженіи документовъ не видно. Знаемъ только, что къ концу царствованія Елисаветы въ Харьковѣ было расположено на квартирахъ два полка—Борисоглѣбскій драгунскій и Рыльскій ландмилицкій, и что горожанамъ и теперь приходилось терпѣть отъ своихъ постояльцевъ „не малыя обиды“ до воровства и грабежей включительно [3]).

Почтовая повинность точно такъ же, какъ и постойная, не имѣла никакого касательства ни къ полковой, ни къ городовой службѣ. Съ повинностью этою, какъ и съ постойною, харьковцы впервые познакомились, повидимому, съ Петровскаго царствованія. Изъ грамоты 1700 г., которою выборные козаки освобождались, между прочимъ, отъ обязанности возить проѣзжихъ безъ царскаго указа, видно, что почтовую повинность въ то время харьковцы уже несли. Изъ донесенія харьковскаго воеводы Толстого 1706 г. видно, что въ это время харьковскіе мѣщане давали подводы подъ посыльныхъ. Хотя первый указъ о заведеніи „порядочныхъ почтъ“ въ Слободскихъ полкахъ въ Полномъ Собраніи Законовъ встрѣчается не ранѣе 1734 г., но уже въ 1732 г., какъ свидѣтельствуетъ „Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ“, почта въ Харьковѣ существовала. Содержалась она наймомъ отъ обывателей по ихъ межъ себя согласію и общему договору. Въ Харьковѣ въ это время было 33 почтовыхъ лошади, на покупку и содержаніе ихъ давались деньги, сѣно и овесъ, а на почтарей—провіантъ: мука, крупа, соль. Содержаніе почты лежало на обязанности козаковъ и подпомощниковъ. Лошадей иногда покупали, иногда нанимали, погонщики были наемные. Проѣзжіе, имѣвшіе подорожныя съ указаніемъ на уплату прогоновъ, получали лошадей за прогоны, а другіе брали и даромъ [4]). Изъ другого документа видно, что до 1734 года въ Слободскихъ полкахъ содержалось для почтовыхъ надобностей 284 лошади и 113 наемныхъ почтарей, на которыхъ расходовалось въ годъ 2788 руб. 50 коп., не считая „выстачаемаго“ слобожанами хлѣба для почтарей и корма для лошадей. При большомъ разгонѣ почтовыхъ лошадей оказывалось недостаточно, такъ что приходилось брать ихъ у обывателей [5]). Во время командованія Украинскою линіей генералъ-лейтенанта Дебриньи въ Харьковѣ существовала особая ландмилицкая почта, которая возила пакеты и письма съ линіи

[1]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. XI, № 86000.
[2]) Тамъ же. Т. XI, № 8809 и 88023.
[3]) Харьк. Ист. Арх. Дѣло безъ №.
[4]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, II, 156—157.
[5]) Харьк. Ист. Арх., № 165, стр. 150.

и на линію. Несли эту повинность жившіе въ Харьковѣ однодворцы, приписанные къ ландмилиціонерамъ. Потомъ эта повинность была возложена на козаковъ [1]).

29 мая 1734 года послѣдовалъ указъ на имя князя Шаховского объ учрежденіи въ слободскихъ полкахъ „порядочныхъ“ почтъ для случающихся посылокъ; тѣмъ же указомъ предписывалось и подводы давать проѣзжающимъ за обыкновенные прогоны [2]). 3 іюня того же 1734 года видимъ новый указъ, которымъ повелѣвалось учредить въ слободскихъ полкахъ по станціямъ порядочныя почты, на которыхъ курьерамъ, посылаемымъ отъ генералитета, состоящаго при Украинскомъ корпусѣ, и отъ Коммиссіи учрежденія Слободскихъ полковъ, давать отъ одной до 4 подводъ безъ уплаты прогоновъ, а генералитету и прочимъ чинамъ, которымъ для казенныхъ дѣлъ надлежитъ ѣхать съ поспѣшеніемъ,—давать подводы за указанные прогоны [3]). Содержать почту обязаны были не только простые сотняне, но и владѣльцы маетностей. Въ Харьковѣ велѣно было имѣть для почтовыхъ надобностей 26 лошадей [4]). Вѣроятно, правомъ разъѣзда безъ уплаты прогоновъ слишкомъ уже злоупотребляли, потому что въ 1736 году послѣдовалъ новый указъ, которымъ повелѣвалось подводы давать на станціяхъ по подорожнымъ и за обыкновенные противъ другихъ мѣстъ прогоны, а безъ подорожныхъ и безъ платежа прогоновъ подводъ никому не давать [5]). Очевидно, почтовая повинность была тяжела для населенія, если даже само центральное правительство находило необходимымъ облегчить ея несеніе, и указъ 1736 г. является одною изъ попытокъ въ этомъ направленіи. Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы, когда по ходатайству слобожанъ рѣшено было облегчить ихъ тяжелое положеніе, въ числѣ другихъ тяготъ было обращено вниманіе и на почтовую повинность. Указомъ 18 августа 1742 г. велѣно учрежденныя въ минувшую турецкую войну почты уничтожить, а если для нуждъ квартирующихъ въ Слободчинѣ полковъ потребуется особая почта, то ее содержать отъ тѣхъ полковъ подъемными или драгунскими лошадьми, а козацкихъ и обывательскихъ лошадей въ такую почту отнюдь не употреблять и не требовать. Тѣмъ же указомъ запрещалось даже и для казенныхъ надобностей требовать лошадей безъ подорожныхъ и безъ платежа прогоновъ [6]).

Такова была воля законодателя. О томъ, какъ исполнялась она въ дѣйствительной жизни, свидѣтельствуютъ факты. Въ 1747 г. сотникъ 1-ой Харьковской сотни Романовичъ жаловался на то, что его козакамъ „въ возкѣ писемъ, конвертовъ и пакетовъ на линію до генералитетовъ чинится уприкреніе и лошадямъ затрудненіе и падежъ, ибо въ сутки и по дважды, и по трижды до Мерефы посылаются съ письмами“. Полковая Канцелярія просила, въ виду этого, генерала-лейтенанта Философова объ учрежденіи въ пристойныхъ мѣстахъ почтъ отъ ландмилицкаго корпуса, какъ это было при генералѣ Дебриньи [7]). Въ то время какъ харьковскимъ козакамъ чинилось „уприкреніе“, люди, обязанные нести почтовую повинность,—харьковскіе однодворцы, приписанные къ ландмиліціи въ качествѣ вспомогателей—отъ этой повинности уклонялись. Тотъ же сотникъ Романовичъ доносилъ Полковой Канцеляріи, что живущіе въ его сотнѣ однодворцы не чинятъ вспоможенія другимъ обывателямъ сотни въ поставкѣ подводъ подъ проѣзжающихъ изъ Москвы курьеровъ и другихъ чиновъ по подговору нѣкоего унтеръ-офицера Муратова, а между тѣмъ сами они, какъ и другіе харьковскіе обыватели, пользуются

---

[1]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 119.
[2]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. IX, № 4578.
[3]) Тамъ же. Т. IX, № 6610.
[4]) Харьк. Ист. Арх. № 165, стр. 150.
[5]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. IX, № 6891.
[6]) Тамъ же. Т. XVII, № 12430.
[7]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 119.

правомъ безпошлинной торговли, такъ что благодаря этому козачьимъ подпомощникамъ, на которыхъ падала главная тяжесть почтовой повинности, наносится не малая обида. Полковая Канцелярія обратилась къ Философову съ просьбой принудить однодворцевъ нести почтовую повинность [1]).

Въ 50-хъ годахъ привлеченія козаковъ къ отбыванію почтовой повинности мы уже не видимъ. Въ 1751 году почту въ Харьковѣ содержали по договору съ обывателями ямщики Федоровъ и Морозовъ да бѣлгородскій купецъ Боченковъ, а въ 1752—одинъ Боченковъ. Лошадей на Харьковской почтѣ было 30. За каждую лошадь содержателю платилось по 10 руб. и давалось, кромѣ того, 12 четвертей овса да 12 возовъ сѣна да для работниковъ муки ржаной по четверти, а пшена по $^1/_2$ четверти. Въ несеніи расходовъ на почтовую повинность принимали участіе и жившіе въ Харьковѣ иногородные купцы и греки. Козацкимъ лошадямъ отъ возки курьеровъ и пакетовъ изнуренія теперь не происходило [2]). Въ слѣдующемъ 1753 году вновь видимъ жалобы обывателей на то, что тратясь на почту, они принуждены въ то же время „выстачать“ для проѣзжающихъ и собственныхъ лошадей. Виноватъ въ этомъ былъ содержатель почты Боченковъ. По донесенію городничаго Анастасьева, Боченковъ не имѣлъ должнаго числа лошадей и работниковъ, лошади у него были худыя и скоро приставали, такъ что проѣзжающіе офицеры и курьеры требовали лошадей отъ городничаго, а городничему приходилось брать у обывателей. На станціи у Боченкова было всего только 15 лошадей, а такъ какъ самъ содержатель въ Харьковѣ не жилъ, то и работники его были въ постоянномъ разбродѣ. Въ сентябрѣ 1754 года по требованію начальства городничій поразыскивалъ почтовыхъ работниковъ и довелъ число лошадей на станціи до 20, но и теперь лошади были такъ плохи, что подъ курьеровъ не годились. За неисправность харьковцы заставили Боченкова по окончаніи срока контракта „заслуживать“ еще $3^1/_2$ мѣсяца, а затѣмъ передали почту другому. Въ виду неравномѣрности распредѣленія почтовой повинности между харьковцами и прочими сотнянами Харьковскаго полка (Харьковъ лежалъ на большомъ трактѣ и проѣзжающихъ здѣсь всегда было много, а потому на содержаніе почты требовалось больше расходовъ), въ 1754 году, кромѣ харьковскихъ купцовъ—грековъ, въ помощь харьковцамъ были назначены сотни: Салтовская, Волчанская, Мартовецкая, Хорошевская, Люботинская и Перекопская. Платежъ деньгами и припасами былъ разложенъ по числу душъ козачьихъ свойственниковъ и подпомощниковъ. По договору, заключенному съ бѣлгородскимъ купцомъ Прокоповымъ, почтовая гоньба сдавалась ему на 2 года. Прокоповъ обязанъ былъ держать на Харьковской станціи 30 лошадей со всею конскою упряжью, почтарями и писаремъ и возить проѣзжающихъ курьеровъ, колодниковъ, указы и пакеты изъ Полковой Канцеляріи. На Прокоповскихъ лошадяхъ почта возилась до Чугуева, Салтова, Липцовъ, Зміева, Печенѣгъ, Ольшаной, Мерефы, Золочева, Валокъ и Огульцовъ. На каждую лошадь Прокоповъ получалъ по 12 рублей деньгами, 12 возовъ сѣна, 12 четвертей овса, а на работниковъ—по четверти ржаной муки и по 4 четверти пшена. Но и на сей разъ харьковцы не избѣжали непріятностей. Приписными сотнянами платежъ деньгами и хлѣбомъ производился крайне неаккуратно, благодаря чему за Ольшанскою сотнею и за разными владѣльцами накопилась большая „доимка“. Къ тому же лица, распоряжавшіяся веденіемъ счетовъ, относились къ дѣлу крайне небрежно. За всѣ эти грѣхи разсчитываться приходилось харьковцамъ, потому что, въ случаѣ неисправности на Харьковской станціи, за лошадьми не посылали въ Волчанскъ или въ Мартовую, а брали ихъ у перваго подвернувшагося подъ руку харьковскаго обывателя [3]).

---

[1]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 119.
[2]) Тамъ же. Отд. I, № 179.
[3]) Тамъ же. Отд. I, № 209.

Чтобы облегчить харьковцамъ несеніе почтовой повинности, дѣлаются попытки заключенія не сепаратныхъ, такъ сказать, договоровъ отдѣльныхъ сотенъ съ почтосодержателями, а объединенія нѣсколькихъ сотенъ въ договорѣ съ однимъ почтосодержателемъ, который и обязанъ затѣмъ распредѣлять лошадей по станціямъ, согласно указанію начальства. Сотняне несли тяготу по содержанію почты равномѣрно, но лошади распредѣлялись не соотвѣтственно суммѣ уплаченныхъ тою или другою сотнею денегъ, а соразмѣрно надобности въ нихъ. Въ 1763 году двѣ Харьковскихъ, Хорошевская, Мерефянская, Соколовская, Дергачевская, Липецкая и Салтовская сотни заключили „на годовой терминъ“ контрактъ по содержанію почты съ тѣмъ же бѣлгородскимъ купцомъ Боченковымъ и ямщикомъ Ползиковымъ. Остальныя сотни Харьковскаго полка примкнуть къ этому соглашенію не захотѣли. Изъ 100 лошадей, которыхъ были обязаны выставить почтосодержатели, на Харьковскую станцію было опредѣлено 25. На каждую лошадь обыватели должны были вносить по 14 руб. деньгами, 12 четвертей овса и 12 восьмипудовыхъ возовъ сѣна. Деньги и фуражъ разверстывались равномѣрно между всѣми козачьими свойственниками, подпомощниками и владѣльческими подданными. Но Боченковъ и на сей разъ оказался неисправнымъ и былъ отрѣшенъ отъ содержанія почты. Въ 1764 году сотняне контракта уже ни съ кѣмъ не заключаютъ. Почтовая повинность превращается въ общеполковую. На счетъ полковыхъ доходовъ (отъ конской площадки) были пріобрѣтены за 570 руб. 20 коп. 73 лошади, соотвѣтственное количество телѣгъ, хомутовъ и прочаго. Платежъ за содержаніе лошадей и работниковъ (по 10 руб. въ годъ) оставленъ по прежнему на обязанности свойственниковъ, подпомощниковъ и владѣльческихъ подданныхъ. Въ Харьковѣ назначено было держать 25 лошадей. Почтовымъ дѣломъ въ это время распоряжался уже особый почтмейстеръ, назначенный полковымъ начальствомъ [1]). Такимъ образомъ, обыватели не отвѣчали уже больше за неисправное содержаніе почты; каждый изъ нихъ обязанъ былъ только платить опредѣленную съ него сумму почтовыхъ расходовъ, а въ томъ, какъ вело почтовое дѣло полковое начальство, онъ не былъ нисколько заинтересованъ, ибо своими боками за чужіе грѣхи больше не платился.

Почтовая повинность была повинностью смѣшанною—частью натуральной, частью денежной. Но были повинности и чисто денежныя („дачу“ припасами мы тоже относимъ къ разряду денежныхъ, такъ какъ припасы можно было замѣнять денежнымъ взносомъ по разцѣнкѣ). Какъ и большая часть другихъ, падали эти повинности на подпомощниковъ, козачьихъ свойственниковъ и владѣльческихъ подданныхъ.

На подпомощникахъ и свойственникахъ лежало содержаніе полкового управленія, для чего служили взыскиваемые съ нихъ „по прежнему черкаскому обыкновенію“ денежные и хлѣбные сборы. Изъ „Экстракта о Слободскихъ полкахъ“, хранящагося въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ, видно, что передъ реформой Шаховского въ Слободскихъ полкахъ денежное и хлѣбное жалованье изъ подпомощничьихъ сборовъ получали: полковые, канцелярскіе, ратушные и сотенные писари, полковой эсаулъ, полковые хорунжіе, войсковая музыка, „крисовые сторожа“ (т. е. команды, посылавшіяся въ степь „на кресы“), пушкари, полковые конные сторожа, подъэсаулы при полковыхъ канцеляріяхъ, эсаульцы, полковые попы, дьячекъ, ратушные сторожа, цирюльникъ, коновалъ и городничій. Наибольшая часть денежнаго и хлѣбнаго жалованья шла на писарей, кромѣ того, изъ тѣхъ же подпомощничьихъ сборовъ производились и канцелярскіе и ратушные расходы. Хлѣбное жалованье выдавалось мукою, пшеномъ и овсомъ (овесъ шелъ, какъ видно изъ того же „Экстракта“, даже на „канцелярскіе и ратушные расходы“), а „крисовымъ“ и полевымъ коннымъ сторожамъ, кромѣ того,—еще сухарями и солью [2]). Сколько денежнаго и хлѣбнаго жалованья давалось старшинамъ и служителямъ собственно

[1]) Харьк. Ист. Арх. Дѣло безъ №.

[2]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, II, 152 – 153.

Харьковскаго полка и сколько при этомъ приходилось платить каждому подпомощнику,— „Экстрактъ“, къ сожалѣнію, не указываетъ. Изъ другого „Экстракта“, имѣющагося въ Московскомъ отдѣленіи архива Главнаго Штаба, видно, что по свѣдѣніямъ Камеръ-Коллегіи, доставленнымъ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну въ 1726 г., съ харьковскихъ подпомощниковъ и посполитыхъ (во всемъ полку 4244 двора) на полковыя нужды собиралось: на писарей—169 руб. 46 коп., хорунжему, литаврщику и трубачамъ—84 руб. 88 коп., попу, дьячку и пушкарямъ—127 р. 32 коп., полевымъ сторожамъ, стоявшимъ въ степи отъ Крымской стороны и въ прочихъ мѣстахъ—128 руб. Хлѣбные сборы на полковыхъ служителей указаны такіе: муки 305 четвертей 2 четв., пшена 132 четв. 5 четв., овса 305 четв. 2 четв. [1]).

Послѣ реформы Шаховского сборы съ подпомощниковъ не уменьшились, какъ можно было бы предполагать на основаніи указа, объясняющаго мотивы реформы, а увеличились. Когда назначенная въ Слободскіе полки коммиссія подъ предсѣдательствомъ Щербинина заинтересовалась, между прочимъ, и вопросомъ о повинностяхъ подпомощниковъ, Полковая Канцелярія отвѣтила, что съ 1733 года на деньги, собиравшіяся съ подпомощниковъ, производились расходы на жалованье полковымъ писарямъ, хорунжему и канцелярскимъ служителямъ, полковымъ музыкантамъ, сторожамъ, на канцелярскіе и ратушные расходы, цирюльнику, лекарю, на содержаніе бригадировъ слободскихъ полковъ, на содержаніе бригадной канцеляріи, на покупку пороху для полковой артиллеріи и починку артиллерійскаго обоза, на покупку бумаги, сургуча, свѣчей и проч. [2]). Сколько при этомъ расходовалось на содержаніе каждаго изъ перечисленныхъ чиновъ,—объ этомъ у насъ есть только отрывочныя свѣдѣнія. Такъ на каждаго изъ трехъ писарей, кромѣ „подмоги“, доставляемой подпомощниками, полагалось по 25 руб. деньгами, тремъ канцеляристамъ и тремъ канцелярскимъ писцамъ—по 10 р. каждому [3]). Изъ позднѣйшаго (1758 г.) прошенія харьковскихъ пушкарей видно, что имъ полагалось въ то время изъ полковыхъ сбровъ жалованья по 10 руб. въ годъ, муки житной по 4, пшена по 2 четв., сала и соли по 1 пуду на человѣка. Изъ того же документа видно, что жалованье могло въ иныхъ случаяхъ замѣняться и подпомогою, т. е. вмѣсто жалованья назначались подпомощники [4]). Кромѣ перечисленныхъ полковыхъ надобностей (расходы по канцеляріи и полковой артиллеріи), изъ суммъ полковыхъ сборовъ, во избѣжаніе излишняго обремененія населенія натуральными повинностями, производились иногда постройки, не требовавшія особенно большихъ расходовъ. Коммиссія учрежденія Слободскихъ полковъ содержалась также на средства, собираемыя съ подпомощниковъ [5]). Драгуны „регулярныхъ ротъ“ получали мундиръ и аммуницію изъ суммы, собираемой съ козаковъ и подпомощниковъ „съ немалою обидою“ [6]). Кромѣ мундира, нѣкоторымъ чинамъ „регулярныхъ ротъ“ полагались и денежныя „дачи“: такъ литаврщикъ получалъ 20 руб., первый трубачъ—20, второй—18 и третій—16 руб., цирюльникъ—4 руб. [7]). Съ уничтоженіемъ „регулярныхъ ротъ“ въ началѣ царствованія Елисаветы приходящіяся на нихъ „дачи“ прекратились, но съ учрежденіемъ гусарскаго полка возобновились опять. Въ 1759 году было велѣно для содержанія гусарскаго полка обложить подпомощниковъ добавочнымъ налогомъ въ 22½ коп., а владѣльческихъ подданныхъ 19¾ коп. [8]). Платили и козачьи свойственники:

---

[1]) Моск. Отд. Арх. Главн. Штаба, Отд. 25, св. 320.
[2]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 360.
[3]) Головинскій, стр. 169.
[4]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 250.
[5]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. IX, № 6619.
[6]) Тамъ же. Т. XI, № 8823.
[7]) Головинскій, стр. 169.
[8]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. XVI, № 11976.

въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII вѣка съ нихъ взимался такъ называемый десятикопѣечный сборъ [1]). Съ подпомощниковъ и владѣльческихъ подданныхъ собирались, кромѣ того, и денежныя дачи на содержаніе квартировавшихъ въ Слободчинѣ регулярныхъ полковъ. Изъ одного указа 1759 года видно, что съ подпомощниковъ для этой цѣли собиралось по 18 коп. съ ревизской души, а съ владѣльческихъ подданныхъ по 21 коп. [2]).

Кромѣ этихъ окладныхъ, собирались съ населенія и неокладные сборы. Въ послѣдніе годы управленія Харькова козацкимъ начальствомъ неокладные сборы составлялись изъ крѣпостныхъ пошлинъ, печатныхъ пошлинъ по челобитчиковымъ дѣламъ и конскаго сбора. Крѣпостныя и печатныя пошлины были установлены въ 1734 г. по указу 31 іюля. Конскій сборъ такъ-же, какъ и таможенный, существовавшій до 1754 г., были съ давнихъ годовъ по жалованнымъ грамотамъ отданы на откупъ безъ перекупки харьковскому полковому начальству и козакамъ съ платежомъ въ годъ 28 руб. 28¾ коп. Привилегія эта благополучно пережила время реформъ Шаховского и была подтверждена въ 1743 году жалованною грамотою Елисаветы Петровны. 28 руб. 28¾ коп. „повсягодно“ уплачивались въ Бѣлгородскую Губернскую Канцелярію, а остатокъ шелъ на полковыя нужды. Когда по указу 20 декабря 1753 г. внутреннія таможни были уничтожены, прекратилось и собираніе таможенныхъ пошлинъ въ Харьковѣ. Сколько поступало неокладныхъ сборовъ съ харьковцевъ — сказать не можемъ. На запросъ Щербининской комиссіи въ 1763 году Полковая Канцелярія дала неопредѣленный отвѣтъ, сославшись на то, что сборовъ этихъ, какъ неокладныхъ, поступало всякій годъ не по равному числу. Неокладные сборы собирались сборщиками, опредѣленными Полковой Канцеляріей [3]).

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ полчанамъ, а въ томъ числѣ и харьковскимъ козакамъ, свойственникамъ и подпомощникамъ, приходилось прибѣгать къ добровольнымъ складкамъ. Дѣлалось это большею частью въ тѣхъ случаяхъ, когда полчанамъ приходилось хлопотать объ избавленіи ихъ отъ излишнихъ тяготъ или о подтвержденіи старинныхъ привилегій. Бывали такіе случаи и въ XVII, и XVIII в. в. Такъ, въ 1660 г. мы видимъ въ Москвѣ челобитчиковъ Осташку Тишкова съ товарищами, посланныхъ „всѣмъ городомъ“ просить царя объ отмѣнѣ таможенныхъ сборовъ [4]). Въ 1661 году харьковцы Грицько Каркачъ, Грицько Головка и Иванъ Аѳанасенко явились въ Москву просить государева жалованья за участіе въ походѣ кн. Ромодановскаго [5]). Полагать нужно, такія же посылки депутатовъ примѣнялись харьковцами и въ 1684, и въ 1688, и 1700 г. г., словомъ, всякій разъ, когда приносились всѣмъ полкомъ жалобы центральному правительству: не даромъ же въ грамотахъ упоминается, что онѣ даны по челобитью харьковскихъ черкасъ. Бывали посылки депутатовъ и въ XVIII в. Такъ, во время „Гильянскихъ походовъ“ въ Москву посланъ былъ отъ слободскихъ полковъ балаклейскій сотникъ Лисаневичъ „просить милости о всенародныхъ необъятныхъ нуждахъ, паче же о гильянской и саратовской и бахмутской командираціяхъ“. На поѣздку и на „необходимую нужду“ Лисаневичу сбиралось съ каждаго двора по алтыну [6]). При вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы къ ней были посланы депутаты съ просьбою объ отмѣнѣ новшествъ, введенныхъ княземъ Шаховскимъ, а въ концѣ Елисаветинскаго царствованія въ столицу вновь были посланы депутаты съ просьбой объ облегченіи „народныхъ изнеможеній“. Просьбу объ облегченіи „изнеможеній“ удалось подать только императрицѣ Екатеринѣ II по вступленіи ея

---

[1]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 250.

[2]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. XVI, № 11976.

[3]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 360.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. ст. Столб. № 463, л.л. 78—79.

[5]) Тамъ же. Бѣлгор. ст. Столб. № 441, л.л. 37—39.

[6]) Е. Альбовскій, стр. 122.

на престолъ, для чего были посланы новые депутаты. Депутата пришлось послать въ Петербургъ и тогда, когда возникъ вопросъ о реформѣ слободскихъ полковъ. Отъ Харьковскаго полка былъ посланъ сотникъ Бородаевскій, которому на расходы было дано 101 р., не знаемъ только, изъ суммъ ли, собранныхъ по спеціальной раскладкѣ, или изъ полковыхъ сборовъ [1]).

Есть основанія думать, что при сборѣ денежныхъ и хлѣбныхъ „дачъ“ дѣло не обходилось безъ злоупотребленій. Въ 1758 г. нѣкій Пшеняниченко въ жалобѣ своей указывалъ, что состоялъ онъ по городу Харькову въ гончарномъ цехѣ и исправно уплачивалъ причитавшіеся съ него сборы, а въ 1752 году полковымъ есауломъ Земборскимъ записанъ въ свойственники козаку первой Харьковской сотни Неелепку, котораго онъ и „снабдѣвалъ“ съ тѣхъ поръ „всякими принадлежащими воинскими козацкими обрядами“. Когда изъ Полковой Канцеляріи для сбору недоимокъ по „дистриктовымъ деньгамъ“ былъ назначенъ сотникъ Гр. Квитка, онъ взялъ съ Пшеняниченка невѣдомо за какіе годы 2 руб. 10 коп. да еще требовалъ 3 рубля, а сборщикъ Маршалокъ взялъ съ того же Пшеняниченка 70 коп. въ подпомощничью сумму и еще требовалъ 1 рубль 50 коп., хотя Пшеняниченко и не состоялъ подпомощникомъ [2]). Насколько основательна была эта жалоба,—сказать трудно, но зато есть рядъ другихъ фактовъ, указывающихъ, что сборъ и расходованіе суммъ, собираемыхъ съ населенія, велись полковымъ начальствомъ неаккуратно, а иногда, можетъ быть, и нечестно. Мы уже упоминали, что на нѣкоторыхъ „полковыхъ служителей“ собирались сухари или, вѣрнѣе, сухарная сумма. Когда въ 1763 году коммиссія о слободскихъ полкахъ пожелала имѣть свѣдѣнія объ этой сухарной суммѣ, Полковая Канцелярія отвѣтила, что ей неизвѣстно, ни кто состоитъ у раздачи этой суммы, ни гдѣ находятся собранныя деньги, и только ограничилась предположеніемъ, что о сухарной суммѣ знаютъ, вѣроятно, есаулъ Горленскій и писарь Острожскій. Въ другой разъ Полковая Канцелярія отвѣтила незнаніемъ о судьбѣ суммы въ 8166 руб. 27 1/8 коп., присланной харьковцамъ за взятые у нихъ въ турецкую войну на разные полки фуражъ, провіантъ и соль, и предложила коммиссіи обратиться съ этимъ вопросомъ къ обозному Ковалевскому, завѣдывающему раздачей, а если свѣдѣнія объ этихъ деньгахъ будутъ присланы Ковалевскимъ въ Канцелярію или разысканы гдѣ либо въ самой Канцеляріи, то объ этомъ обѣщано было увѣдомить коммиссію. При ревизіи книгъ и денегъ, находившихся у подпрапорнаго Сысоева, собиравшаго денежныя „дачи“ съ подпомощниковъ, оказался недочетъ и отсутствіе записи нѣкоторыхъ поступленій. Сысоевъ избавился отъ ревизіи бѣгствомъ, а потомъ объяснялъ, что, будучи одержимъ тяжкою внутреннею болѣзнью, онъ не бѣжалъ отъ ревизоровъ, а просто выѣхалъ изъ Харькова, желая „проискать къ излѣченію способныхъ людей“. Въ 1763 г. Щербининъ потребовалъ отъ командира Слободскихъ полковъ отрѣшенія отъ команды всѣхъ полковниковъ, полковыхъ старшинъ и писарей, „яко въ разныхъ неуказанныхъ расходахъ и сборахъ и по другимъ дѣламъ подозрительныхъ“, и опредѣленія на мѣсто ихъ не подозрительныхъ и честныхъ людей [3]). Въ томъ же 1763 г. Сенатъ оффиціально свидѣтельствовалъ о „непорядкахъ“ при взысканіи сборовъ съ козачьихъ подпомощниковъ и свойственниковъ и наложилъ временное запрещеніе на имѣнія старшинъ до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣйствія по сбору подпомощничьихъ денегъ не будутъ подвергнуты контролю [4]). Злоупотребленія старшинъ имѣли, впрочемъ, мѣсто не только въ послѣдніе годы козацкаго періода, когда козацкіе порядки находились уже въ состояніи разложенія, а и гораздо раньше. Уже въ 1712 г. харьковскіе старшины и козаки жаловались на своего полковника Куликовскаго за употребленіе

[1]) Головинскій, стр. 199.

[2]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 250.

[3]) Тамъ же. Отд. I, № 360.

[4]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. XVI, № 11866.

полчанъ въ свои „партикулярныя“ работы и самовольное распоряженіе полковыми сборами [1]). Злоупотребленія, очевидно, начались какъ разъ съ той поры, когда полковое начальство эмансипировалось отъ зависимости отъ своихъ полчанъ, и трудно допустить, чтобы эти оба явленія не стояли между собой въ причинной связи. Эту причинную связь, очевидно, понимали и харьковцы, „кроваво-слезне“ жаловавшіеся на присылку въ ихъ полкъ безъ ихъ прошенія въ полковники „сего несвѣдомаго имъ человѣка иноземца, невѣдомо какимъ случаемъ тотъ урядъ похитившаго“. Полчане боялись, что при Куликовскомъ, назначенномъ помимо ихъ воли, имъ придется быть „порабощенными“ не только „иноземцу“, но и его землякамъ-волохамъ, отъ которыхъ, еще прежде прибытія Куликовскаго въ Харьковъ, не только „посполитые люди“, но и старшины имѣли „зневагу, досаду и ругательство, а паче обиды и раззореніе въ грунтахъ и прибыткахъ“. „Если оный Куликовскій—писали харьковцы—у насъ полковниковъ утвердится и не оставленъ будетъ, то затѣвками своими иноземскими, народу нашему незаобычными, всѣхъ остальныхъ людей и насъ, старшинъ, разженетъ, когда жъ обычай ихъ и порядки отнюдь намъ несносны и во всемъ прикры отъ необыкной ихъ гордости и напрасиства, немилосердія и ласкательства и пронырства. И оттого мы опасны, что онъ, принявши совершенно власть, умыслитъ, яко уже и намѣренъ, нашу братію старшинъ отъ урядовъ отдѣлять и истреблять всячески; а своихъ волоховъ умножать и устраивать на старшинствѣ для сладнѣйшаго простонародіемъ владѣтельства и порабощенія“.

Опасенія харьковцевъ были не напрасны. Еще до вступленія во власть Куликовскаго его земляки дали себя харьковцамъ знать. Нѣкій Микулаевичъ, въ предвкушеніи грядущаго торжества; „многихъ изъ старшинъ ругалъ, иныхъ старшинъ пыткою и вязеньемъ (тюрьмою), иныхъ хотѣлъ въ Сенатъ взять, а иныхъ въ Петербургъ“ и увѣрялъ, что у него есть приказъ отъ гр. Апраксина смотрѣть за полковникомъ и старшиною.

Послѣ утвержденія „иноземца“ въ Харьковѣ, онъ дѣйствительно „поработилъ“ полчанъ себѣ и своимъ землякамъ: употреблялъ козаковъ въ свои „партикулярныя работы“, безконтрольно распоряжался полковыми сборами, устранялъ отъ судебныхъ дѣлъ старшинъ и вмѣсто нихъ для всякихъ полковыхъ дѣлъ и для розысковъ посылалъ своихъ дворовыхъ волоховъ, и „оные посланные, не вѣдая русскаго языка и обыкновенія, черезъ толмачей разсуждали и розыски дѣлали невѣдомо по какимъ правамъ и письма владѣтельныя давали на чужіе грунта“. Когда полчане подали царю челобитье на своего полковника, полковникъ составилъ другое челобитье отъ имени всего полка, въ которомъ было написано, что полчане просятъ объ оставленіи Куликовскаго у нихъ, такъ какъ они теперь убѣдились, что ихъ предыдущая жалоба не основательна, ибо полковникъ—человѣкъ добрый и обидъ никому не чинитъ. Куликовскій заставилъ старшинъ подписать это челобитье, „привлекая по одному и по два человѣка, а кто подписываться не хотѣлъ, таковыхъ стращалъ разными способами, похвалялся бить кіями смертно и ухи рѣзать и ноздри пороть и гонять около города невѣдомо по какому обыкновенію“.

Эмансипація полкового начальства отъ полчанъ привела къ тому, что на уряды стали смотрѣть, какъ на нѣчто такое, что можно купить у петербургскихъ „патроновъ“ за деньги.

Послѣ смерти Куликовскаго Лаврентій Шидловскій покупалъ у гр. Апраксина Харьковское полковничество за тысячу червонныхъ, „челомъ билъ тысячею червонныхъ золотыхъ“ [2]). Независимость отъ полчанъ развязывала руки и давала полную возможность съ лихвою возвратить съ подчиненныхъ деньги, заплаченныя за урядъ. Злоупотребленія сдѣлались обычнымъ явленіемъ.

---

[1]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. VI, № 2585.

[2]) Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ, стр. 195—197, 191, 215—219.

Въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка уже и само правительство находило, что за козацкими старшинами нуженъ надзоръ, устраняющій возможность злоупотребленій. Въ инструкціи Бѣлгородскому воеводѣ полковнику Лачинову (1722 г.) читаемъ: „если усмотрѣно будетъ, что полковники козаковъ и посполитыхъ людей впредь отягощать станутъ работами и прочими трудностями, и хотя отъ козаковъ челобитья не будетъ, ихъ въ томъ унимать и поспольству помогать по истинѣ“ [1]). Несмотря на надзоръ, злоупотребленія не прекращались, а только ширились и множились. Армейская реформа Шаховского не улучшила дѣла, а только ухудшила Лица, прикосновенныя къ вершительницѣ судебъ слобожанъ—коммиссіи учрежденія Слободскихъ полковъ—смѣло совершали всякія неправды, а въ канцеляріяхъ, благодаря введенію приказныхъ порядковъ, еще больше стало процвѣтать взяточничество. Жалобы населенія на злоупотребленія старшинъ особенно умножились въ послѣдніе годы существованія Харьковскаго козацкаго полка. Въ это время рѣдкій старшина не былъ подъ слѣдствіемъ или судомъ, а такъ какъ нелицепріятная Ѳемида не всегда склоняла свои вѣсы на сторону обиженныхъ, то случалось, что обиженные прибѣгали и къ „незамѣнимой самораспрaвѣ“, какъ это случилось напр. съ эсауломъ Горленскимъ, у котораго раздраженные харьковцы купно съ деркачевцами разграбили безъ остатка хлѣбъ на поляхъ, вытравили сѣнокосы, вырубили лѣса „въ пень“, перепортили плодовыя деревья въ садахъ, разломали дворы и огорожу разнесли [2]). Полковникъ Куликовскій своими злоупотребленіями вызвалъ даже необходимость назначенія въ Харьковъ особой слѣдственной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ бригадира Титова. Его обвиняли въ томъ, что онъ удерживалъ у служащихъ жалованье, причинялъ обывателямъ разныя обиды, назначалъ ихъ въ „партикулярныя работы“, тѣхъ, на кого былъ недоволенъ, посылалъ безъ очереди въ „командираціи“, билъ и держалъ подъ карауломъ, а тѣхъ, къ кому благоволилъ, покрывалъ и защищалъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершали крупныя уголовныя преступленія. Липецкій писарь Непышный доносилъ на полковника, что онъ насильно принуждаетъ полчанъ продавать свои „грунта“ его, полковника, женѣ низкою цѣною; умышленно бракуя козацкихъ лошадей, заставлялъ козаковъ покупать лошадей у себя по дорогимъ цѣнамъ, а лошадей этихъ полковникъ купилъ самъ не на свои деньги, а на полковой счетъ, якобы для нуждъ полковой артиллеріи; полковникъ установилъ, вопреки царскимъ грамотамъ, сборъ въ свою пользу на ярмаркахъ; во время пребыванія полка въ кампаментѣ заставлялъ козаковъ брать всякіе припасы въ открытой имъ лавкѣ по высокимъ цѣнамъ; удерживалъ у себя часть денегъ, предназначенныхъ на военныя надобности. За свой доносъ Непышный поплатился тяжко, а на судѣ не могъ доказать свою „правость“. Тѣмъ не менѣе фактъ злоупотребленій полковника и старшинъ сомнѣнію подлежать не можетъ; въ силу сенатскаго указа 23 марта 1763 года, съ „извинившихся“ полковника и старшинъ „по народнымъ жалобнымъ дѣламъ“ было велѣно взыскать 6019 р. 40 к. „обидной суммы“. О сообщникахъ Куликовскаго по злоупотребленіямъ—сотникахъ Чернякѣ, Мосцевомъ и полковомъ писарѣ Романовскомъ—дѣло производилось долго еще спустя послѣ того, какъ было отмѣнено и самое козацкое устройство Слободчины [3]).

Въ злоупотребленіяхъ далеко не безупречна была даже высшая власть въ краѣ—командиры Слободскихъ полковъ. 16 марта 1763 г. въ Военной Коллегіи былъ полученъ указъ объ отрѣшеніи генералъ-поручика кн. Кантемира отъ командованія Слободскими полками за то, что онъ 1) отъ подчиненныхъ своихъ безденежно, какъ и самъ признался, укрѣпилъ за женою своею землю, 2) отъ подчиненныхъ бралъ взятки и ихъ самихъ употреблялъ въ собственныя свои работы и услуги, 3) взялъ заимообразно, хотя подъ расписку и за неполученіемъ своего

[1]) Моск. Отд. Арх. Глав. Шт. Оп. 25, св. 320.

[2]) Головинскій, стр. 188.

[3]) Е. Альбовскій, стр. 196—198, 201.

жалованія, однако же въ совершенную противность законамъ, изъ сборовъ своихъ подчиненныхъ 2121 рубль 26 коп., которые самовольно и не возвратилъ. Кантемира не предали суду только изъ милосердія и во вниманіе къ „особливо оказанной вѣрности“ шурина его, камергера Пассека [1]).

Положеніе населенія, приведеннаго „въ несостояніе“ многочисленными повинностями и злоупотребленіями начальства, отягчалось еще отмѣной или нарушеніемъ нѣкоторыхъ старинныхъ вольностей въ области промышленной жизни. Весьма важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣла отмѣна стариннаго права вольной заимки земель, тяжело отозвавшаяся и на населеніи Харькова, главнымъ рессурсомъ котораго было земледѣліе. Послѣ реформъ Шаховского занимать пустопорожнія земли какъ самовольно, такъ и по полковничьимъ универсаламъ было запрещено. Харьковцамъ велѣно выдать крѣпости на имѣвшіяся у нихъ земли, а затѣмъ при всякой новой покупкѣ требовалось уже внесеніе акта о покупкѣ въ крѣпостныя книги съ уплатою соотвѣтствующихъ пошлинъ въ казну [2]). Пошлины же были установлены и для всякихъ челобитчиковыхъ дѣлъ, производившихся въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ [3]). Былъ до нѣкоторой степени стѣсненъ и прежній вольный переходъ населенія изъ Слободскихъ полковъ въ другія мѣста и даже изъ полка въ полкъ [4]). Во время походовъ на Крымъ харьковцамъ, какъ и другимъ слобожанамъ, приходилось терпѣть временныя стѣсненія въ правѣ свободнаго винокуренія: винокуреніе запрещалось въ видахъ сохраненія наивозможно большаго количества хлѣба, необходимаго для нуждъ арміи, для которой слобожане обязывались „выстачать“ провіантъ [5]).

Терпѣло населеніе и отъ конкурренціи разныхъ пришлыхъ людей, не несшихъ одинаковыхъ съ туземцами тяготъ, но пользовавшихся одинаковыми съ ними правами. Жившіе въ Харьковѣ ландмилиціонеры изъ русскихъ однодворцевъ пользовались наравнѣ съ харьковцами свободной торговли [6]). То-же было и въ другихъ областяхъ промышленной жизни. Въ концѣ 40-хъ годовъ XVIII в. харьковскіе козаки жаловались, что въ Харьковѣ, вопреки привилегіямъ, великороссійскіе посадскіе, однодворцы, помѣщичьи крестьяне и люди духовнаго чина держатъ торговые дворы и лавки, мельницы и рыбныя ловли безоброчно и безоброчно же владѣютъ разными угодьями, отчего прежніе козачьи промыслы весьма умалились.

Въ 1760 году городничій Пантелимоновъ доносилъ Полковой Канцеляріи, что харьковцы терпятъ большое утѣсненіе въ торговлѣ, благодаря конкурренціи великороссійскихъ разнаго званія людей, не имѣющихъ права на безпошлинную торговлю. Великороссійскіе разнаго званія люди покупали говяжье мясо, овчинныя кожи, волчьи, лисьи, заячьи, горностаевы и куньи мѣха, а харьковскихъ козаковъ къ покупкѣ тѣхъ вещей не допускали, „и хоть кто могъ бы купить, то изъ рукъ вырываютъ и перекупываютъ“, а во время торговъ и ярмарокъ великороссы и помѣщичьи подданные разсыпались по улицамъ и, недопуская привозный хлѣбъ до базара, закупали его весь безъ остатку и перепродавали подрядчикамъ или увозили на помѣщичьи винокурни въ слободы и села. Городничій жаловался, что греки и великороссійскіе купеческіе люди всѣми промыслами въ г. Харьковѣ завладѣли и оттого получаютъ себѣ немалый прибытокъ и обогащаются, а здѣшніе козаки и обыватели „отнятіемъ у нихъ таковыхъ промысловъ претерпѣваютъ крайнюю обиду и бѣдство“. Городничій многократно чинилъ воспрещенія, „точію оные ослушиваются и того чинить не перестаютъ“.

---

[1]) Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба. Оп. 109, св. 62.

[2]) Головинскій, стр. 167—168.

[3]) Харьк. Ист. Арх. Отд. I, № 360.

[4]) Головинскій, стр. 170.

[5]) Южный Край, № 4356.

[6]) Харьк. Ист. Арх. Дѣло безъ №.

Съ превращеніемъ пяти Слободскихъ полковъ въ губернію, измѣняется и характеръ повинностей, лежавшихъ на населеніи. Изъ чисто военныхъ онѣ превращаются въ общегражданскія. Съ уничтоженіемъ козачьей службы уничтожены и повинности, сопряженныя съ этой службой. Всѣ классы населенія—козаки, ихъ свойственники, подпомощники и подсусѣдки составили одинъ классъ войсковыхъ обывателей, обязанность которыхъ въ отношеніи военной службы ограничена только поставкой рекрутъ для вновь сформированныхъ гусарскихъ полковъ и предоставленіемъ имъ квартиръ. Въ составъ гусарскихъ полковъ вошли гусары Слободскаго гусарскаго полка и гусары изъ полковъ Чернаго, Молдавскаго и Грузинскаго, затѣмъ охотники изъ старшинскихъ дѣтей и владѣльческихъ подданныхъ и, наконецъ, рекруты, набранные изъ войсковыхъ обывателей. На снабженіе гусаръ оружіемъ, мундирами и аммуниціей были отпущены казенныя деньги. Продовольствіе полковъ производилось такъ же на казенный счетъ. „Отъ жителей, говоритъ г. Головинскій, ничего не было требуемо безденежно, напротивъ того, строго было подтверждено, чтобы воинскими чинами ничего безденежно брато не было; а если обывателямъ произойдутъ какія обиды, то разбирать и обиженнымъ дѣлать справедливое удовлетвореніе, также строго запрещено употреблять обывателей на постройку конюшенъ и другихъ зданій для формировавшихся гусарскихъ полковъ“ [1]). Войсковые обыватели поставляли рекрутъ только для гусарскихъ полковъ. Въ рекруты „по мѣрѣ надобности набирались шестивершковые здоровые люди въ возрастѣ отъ 17 до 35 лѣтъ“. На каждаго рекрута обыватели были обязаны давать кафтанъ сермяжнаго сукна, шубу, шапку, рукавицы, 2 рубахи, 2 портковъ, штаны сермяжные, одну пару обуви да на содержаніе каждаго, пока будетъ включенъ въ составъ полка,—по 3 р. деньгами, по 6 четвертей муки, 3 гарнца крупъ и 6 фунтовъ соли. Какъ тяжелы были обязанности харьковцевъ по „квартирному довольствію“ расположенныхъ у нихъ двухъ эскадроновъ Харьковскаго гусарскаго полка, мы не знаемъ, но судя по тѣмъ притѣсненіямъ, на какія жаловались напр. боромляне (Ахтырскаго уѣзда), можно предположить, что благожелательныя распоряженія объ избавленіи обывателей отъ тяготъ, сопряженныхъ съ постоемъ, исполнялись не всегда точно [2]). Семейства, изъ которыхъ брались рекруты въ гусары, освобождались отъ постоя, а дѣти и жены гусаръ ставились подъ особую протекцію губернскаго начальства. Населеніе отнеслось къ гусарамъ съ чувствомъ враждебности, да и сами гусары, не стерпя „регулярства“, бѣжали изъ полковъ, и на смѣну бѣжавшимъ брались ихъ братья и родственники, а за неимѣніемъ таковыхъ—и посторонніе лучшіе по состоянію обыватели—земляки бѣжавшаго. Бѣглыхъ, въ случаѣ поимки, нещадно наказывали всенародно плетьми, чтобы и другимъ бѣжать было не повадно [3]).

Съ учрежденіемъ губерніи центръ тяжести повинностей перемѣстился съ натуральныхъ на денежныя, но и натуральныя продолжали все таки существовать, особенно въ первые годы пореформеннаго періода, изнуряя населеніе своею тягостью.

Пережиткомъ стараго козацкаго строя продолжала оставаться для населенія починка харьковскихъ укрѣпленій. Съ переходовъ Харькова изъ военнаго положенія на мирное нести эту повинность приходилось только въ первые годы существованія губерніи. Она по прежнему была для населенія одною изъ самыхъ тяжелыхъ. Какъ дорого обходилась она обывателямъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся въ Харьковскомъ Историческомъ архивѣ отъ 1769—1770 гг. дѣло о производившихся въ то время починкахъ Харьковской крѣпости. Починка вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Харьковѣ была въ то время „генеральная квартира“ предводительствовавшаго второй арміей гр. П. И. Панина, и „достоинство славы

[1]) Головинскій, стр. 203–205.

[2]) Д. П. Миллеръ. Архивы Харьков. губерніи, стр. 143, 141, 142.

[3]) Головинскій, стр. 207.

оружія ея (арміи) требовало, чтобы состоящіе здѣсь къ виду защищенія противу непріятелей валъ, а на немъ и городская артиллерія въ такое состояніе приведены были, дабы хотя и непріятельскаго опасенія не было, но соотвѣтствовало оное достоинству регулярнаго оружія". Эта безполезная работа ложилась па населеніе необычайно тяжело. Руководителемъ и распорядителемъ работъ былъ инженеръ-генералъ, знаменитый впослѣдствіи Голенищевъ-Кутузовъ; работы велись въ зимнее время (декабрь). Предполагалось для этого воспользоваться колодниками и городскими „подлаго состоянія" жителями по 200 чел., но такъ какъ колодниковъ оказалось мало, то было приказано нарядить отъ пяти коммисарствъ Харьковскаго уѣзда по 40 чел., а отъ Харьковскаго 100 чел. въ такой пропорціи, сообразно общему числу душъ, чтобы отъ панскихъ подданныхъ потребовалось въ половину меньше работниковъ, чѣмъ отъ войсковыхъ обывателей. Изъ Мерефянскаго и Валковскаго коммисарствъ рабочіе должны явиться съ заступами, изъ Липецкаго—съ топорами, изъ Хотомлянскаго—съ мѣшками, а изъ Ольшанскаго—съ лопатами. Харчей велѣно было взять на недѣлю, не считая времени, проведеннаго въ дорогѣ. По прибытіи въ Харьковъ рабочіе поступали подъ команду поручика Алтуфьева. Квартиры для работниковъ, не могшихъ по зимнему времени ночевать подъ открытымъ небомъ, было приказано отвесть въ домахъ харьковскихъ обывателей. Кромѣ работниковъ, паселеніе должно было доставить и матеріалъ для работъ. Мерефянское, Валковское, Ольшанское и Липецкое коммисарства должны были доставить „въ самой крайней скорости" по 1000 фашинъ и по 3000 кольевъ опредѣленнаго размѣра, а Хотомлянское—890 фашинъ и 2670 кольевъ. Для указанія размѣровъ требуемыхъ фашинъ и кольевъ въ коммисарства были посланы инженерные служители. Требовалось затѣмъ доставить необходимый лѣсъ и мастеровыхъ людей къ артиллеріи генералъ-маіору фонъ Вульфу „для приведенія городскихъ пушекъ въ такое состояніе, чтобы изъ нихъ настоящимъ образомъ дѣйствовать было можно". Харьковскому коммисарству, кромѣ того, было приказано, въ виду его близости къ мѣсту работъ, вывезть 183 куб. сажени песку. Впрочемъ, еще до полученія объ этомъ указа отъ своего прямого начальства коммисарское правленіе по распоряженію Кутузова нарядило на работы 200 человѣкъ конныхъ работниковъ, которые, за позднимъ прибытіемъ работниковъ изъ другихъ коммисарствъ, оставались на работахъ въ теченіе 6 дней. Повинность вывозки песку была распредѣлена между 64 войсковыми обывателями и 133 владѣльческими подданными, которыми доставлено всего 14640 возовъ песку. Многіе изъ войсковыхъ обывателей явились для возки песку пѣшими, а другіе оказались малолѣтними и стариками. Не слѣдуетъ забывать, что въ то же время изъ того же Харьковскаго коммисарства ежедневно наряжалось по 30 и по 40 чел. пѣшихъ и конныхъ работниковъ для постройки артиллерійскаго сарая. Изнуреніе жителей было такъ велико, что само ближайшее начальство харьковцевъ, мѣстный коммисаръ, боялось, какъ бы отъ излишнихъ нарядовъ не послѣдовало ущерба для „экономіи" обывателей. Изъ другихъ коммисарствъ наряды были меньше, но и тѣ выполнялись не полностью: то людей присылалось меньше, чѣмъ полагалось по расписанію, то они бѣжали, не стерпя голода и проѣвъ взятыя изъ дому харчи. Изъ Мерефянскаго не явилось на работу 40 чел., а изъ Ольшанскаго 5. Вскорѣ послѣ начала работъ 30 работниковъ изъ Ольшаной и 10 изъ Липецъ бѣжало домой.

Особенно больно должны были почувствоваться харьковцами понесенныя жертвы, когда оказалось, что и жертвы эти были совсѣмъ не нужны. Возили харьковцы, возили песокъ, а оказалось по разсмотрѣнію Кутузова, что и песокъ, и фашины, и колья не нужны, такъ какъ въ виду теплой погоды явилась возможность при устройствѣ земляныхъ укрѣпленій обходиться и безъ нихъ. Приготовленный матеріалъ было велѣно употребить на устилку „большой проѣзжей дороги", нынѣшней Московской улицы. Для устройства ретраншемента Кутузовъ потребовалъ

отъ Губернской Канцеляріи 400 работниковъ на 3 недѣли, а Губернская Канцелярія, несмотря на его настоятельныя требованія, не могла давать болѣе, чѣмъ по 200 человѣкъ въ день, благодаря чему работы сильно затянулись. Каждый работникъ являлся съ топоромъ и мѣшкомъ для носки земли, для рытья которой полагалось на 10 человѣкъ по 3 заступа. Работы продолжались въ теченіе декабря, января и февраля. Весною, когда земля растаетъ, Кутузовъ предполагалъ обдѣлать брустверъ дерномъ и поправить осѣвшую насыпку земли, но была ли исполнена эта работа,—не знаемъ. По нарядамъ Губернской Канцеляріи ни одно коммисарство не выставило требуемаго количества людей. Харьковское коммисарство съ 6 по 13 декабря должно было поставить 490 человѣкъ, а поставило только 206, въ другой разъ отъ харьковцевъ требовалось 200 чел., а явилось на работу 84. Липецкое коммиссарство должно было дать 1435 чел., а дало 1334. Ольшанцевъ должно было явиться 1420 чел., а явилось только 1313, изъ Валокъ явилось работниковъ на 322 человѣка меньше, чѣмъ требовалось, въ Хотомлянскомъ коммисарствѣ недостача равнялась 551 раб., Мерефянское недослало 311 чел., такъ что вмѣсто назначенныхъ 7368 работниковъ на работахъ находилось только 5575 человѣкъ. Недохватка выразилась въ крупной цифрѣ 1896. Губернская Канцелярія грозила коммисарамъ штрафомъ, но сама сознавала, что точное выполненіе ея предписаній налагало неудобоносимую тяготу на обывателей, и безъ того уже „весьма отягощенныхъ“. Въ то время, когда „для достоинства россійскаго оружія“ обыватели починяли Харьковскую крѣпость, они обязаны были: перевезти изъ Харькова въ разные линейные магазейны провіантъ и 7279 четвертей овса, перевезти къ мѣстамъ квартированія воинскихъ частей собранный съ нихъ же фуражъ, наготовить лѣсу и соломы „многимъ-числомъ“ для постройки конюшни, перевезти его въ Харьковъ и выстроить конюшню, привезти лѣсъ и дать работниковъ для постройки Харьковскаго моста, построить въ Харьковѣ сарай для походной артиллеріи, сдѣлать и перевезть въ городъ „немалое число рогатокъ и надолбъ“, содержать „постояльцевъ“ и рубить для ихъ отопленія или покупать дрова, возить въ Харьковъ дрова для квартирующихъ здѣсь воинскихъ командъ, поставлять разсыльщиковъ, сторожей и „не малое число“ пушкарей; нѣкоторые мастеровые, напр. плотники и кузнецы, должны были работать для артиллеріи и возить уголь [1]).

Въ декабрѣ 1769 г. Губернская Канцелярія обратилать къ Щербинину съ просьбою ходатайствовать передъ Сенатомъ о назначеніи вознагражденія обывателямъ, занятымъ крѣпостными работами, но такъ какъ оказалось, что „исправленіе крѣпости нужно къ собственному жителей убѣжищу и до сего времени такія крѣпости починяемы были обывателями безплатно, какъ не состоящія въ штатѣ и не имѣющія никакой сумы на свое содержаніе“, то Щербининъ и не нашелъ удобнымъ просить объ этомъ Сенатъ. Но чтобы хоть чѣмъ нибудь облегчить обывателей, губернаторъ пообѣщалъ отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые выбраны въ пушкари, а затѣмъ разсыльныхъ при коммисарскихъ правленіяхъ, замѣнивъ тѣхъ и другихъ солдатами гарнизоннаго батальона, когда онъ будетъ сформированъ. За дерево, вывозимое изъ обывательскихъ и монастырскихъ лѣсовъ, за уголь и желѣзо рѣшено было платить изъ опредѣленной 27 ноября 1769 г. двухтысячной суммы [2]).

Крѣпостными работами 1769—1770 г. г. харьковцы уплатили послѣдній долгъ по стародавнему обязательству своему передъ государствомъ—нести на своихъ плечахъ военную тяготу „городовой службы“. Послѣ 1770 г. съ харьковцевъ такой службы больше не спрашивали. Остались за то другіе виды „городовой службы“, отправлявшіеся по прежнему обычаю натурою. Осталась, напримѣръ, мостовая повинность, которая съ перемѣной режима не измѣнила своего

---

[1]) Арх. Губ. Правл. Репорты 1770.

[2]) Харьк. Ист. Арх. VII, отд. № 293. Тоже. Арх. Губ. Пр. „Репорты Слоб. Губ. Канц.“, 1770 г.

прежняго характера. Въ 1767 году въ наказѣ своему депутату Ильѣ Черкесу харьковцы объясняли, что отъ построенія и отъ починки мостовъ они „несутъ немалую тягость“, и просили положить отъ „Каморъ-Коллегіи“ сумму на содержаніе мостовъ въ порядкѣ, а если этого нельзя, то повелѣть строить и починять мосты по наряду изъ всѣхъ живущихъ въ провинціи войсковыхъ обывателей и владѣльческихъ подданныхъ безъ изъятія [1]).

Въ архивѣ Харьковскаго Губернскаго Правленія уцѣлѣли отъ 1770 г. журналы Харьковской Губернской Канцеляріи, въ которыхъ остались свѣдѣнія о постройкѣ Харьковскаго моста. Изъ нихъ видно, что въ отношеніи мостовой повинности для населенія эти первые годы пореформеннаго періода ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ временъ. Мостъ строился для военныхъ цѣлей по требованію Панина, который „съ нетерпѣливостью“ ожидалъ окончанія постройки, ибо боялся, чтобы войскамъ его арміи не было остановки въ ихъ „маршѣ“ на Харьковъ, куда они должны были прійти къ 20 сентября. Въ виду этого для окончанія моста, строившагося подъ наблюденіемъ харьковскаго коммисара Шафоростова, наряжены были инженерные офицеры, въ распоряженіе которыхъ были отданы всѣ работники и матеріалы. Работники и матеріалы доставлялись изъ коммисарствъ, но по обычаю очень неаккуратно, несмотря на неоднократныя подтвержденія Губернской Канцеляріи. Коммиссаръ Шафоростовъ доносилъ Канцеляріи, что на постройкѣ моста находятся работники изъ Харьковскаго, Хотомлянскаго и Липецкаго коммисарствъ по 30 человѣкъ, „точію оные работники, кромѣ Харьковскаго, изъ тѣхъ двухъ коммисарствъ, за неприсылкою въ положенные сроки перемѣны, по неимѣнію харчей чинятъ частые побѣги“, и отъ того случаются задержки въ работѣ. За коммисарствами были и другія неисправности. Такъ, изъ Валковскаго, Мерефянскаго и Ольшанскаго коммисарствъ было прислано дерево не обдѣланное и не распиленное на мостницы, а въ Харьковскомъ коммисарствѣ пильщиковъ не было, а если и были, то очень малое число, да и тѣ, благодаря частому употребленію ихъ въ работу, разошлись по разнымъ мѣстамъ. А между тѣмъ Панинъ давалъ Канцеляріи всего одну недѣлю сроку для окончанія моста. Въ виду этого Канцелярія вновь рѣшила налечь на коммисарства. Изъ Мерефянскаго, Ольшанскаго и Валковскаго коммисарствъ потребованы были „тертичники“, по 10 человѣкъ отъ каждаго, а если можно, то и больше, съ инструментами на все время, пока они закончатъ выпилку мостовницъ, а изъ Липецкаго и Хотомлянскаго коммисарствъ—добавочные рабочіе по 20 чел., въ томъ числѣ и пильщики, если послѣдніе найдутся. Шафоростову приказано принять мѣры противъ побѣговъ строителей съ мѣста работъ [2]).

Каменный Лопанскій мостъ, какъ мы уже знаемъ, былъ устроенъ на совмѣстныя средства горожанъ, разночинцевъ и дворянства, но въ послѣдующее время, при его починкѣ, мы видимъ вновь обращеніе къ натуральной повинности. Въ 1790 г., когда отъ каменнаго моста осталось уже одно воспоминаніе, потребовалось сдѣлать плотину между мостомъ и материковой землей. Губернаторъ Пашковъ приказалъ городскимъ жителямъ вывезть для этого „въ самой скорости“ надлежащее количество хворосту изъ ближайшихъ городскихъ казенныхъ лѣсовъ, а для возки песку и прочаго ото всѣхъ жителей города выслать по 30 подводъ и по 20 человѣкъ пѣшихъ рабочихъ, съ перемѣною ежедневно, наблюдая, чтобы жители одни передъ другими не имѣли отягощенія [3]).

Съ превращеніемъ Харькова изъ военной крѣпости въ мирный губернскій городъ, у населенія одною натуральною повинностью стало меньше, но за то прибавилась другая повин-

---

[1]) Наказъ гор. Харькова.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Журн. Харьк. Губ. Канц. 1770 г., № 113.

[3]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1790 г., стр. 79.

ность: прежде приходилось заботиться о цѣлости укрѣпленій, теперь пришлось заботиться о замощеніи улицъ и о ихъ содержаніи въ порядкѣ. Въ первые годы пореформеннаго періода повинность по замощенію города падала не только на харьковцевъ, но и на все населеніе Харьковскаго уѣзда. Когда въ 1770 году начались работы по замощенію фашинниковъ „большой проѣзжей улицы“, къ работѣ, кромѣ харьковцевъ, привлечены были мерефяне и хотомляне, на которыхъ и возложена была обязанность заготовить необходимый матеріалъ. Обыватели Харьковскаго, Мерефянскаго и Хотомлянскаго коммисарствъ обязаны были приготовить дерево изъ общественныхъ лѣсовъ и доставить его въ Харьковъ. Повинность была не легкая, тѣмъ болѣе, что за работу, повидимому, ничего не платилось. Обыватели всячески старались уклониться отъ бремени, наложеннаго на нихъ Губернской Канцеляріей, а Канцелярія слала въ коммисарства энергичные указы, грозила за ослушаніе штрафами и требовала исполненія немедленнаго. Такъ, для устройства мостка черезъ ровъ возлѣ монастыря Канцелярія приказала доставить изъ Мерефы необходимое количество пластинъ и лѣсу не позже 4 дней и не внимала никакимъ доводамъ мерефянскаго коммисара, доказывавшаго, что въ такой короткій срокъ вывезть требуемый матеріалъ никакъ невозможно „за распутицей, неимѣніемъ скотинѣ довольнаго корма и многоупотребленіемъ обывателей въ разныя посылки“ (мерефяне въ то время возили провіантъ для разныхъ командъ, стоявшихъ на винтеръ-квартирахъ, исправляли въ своемъ коммисарствѣ мосты и гати, мостили по мѣстечкамъ „весьма грязныя улицы“, дѣлали фашины и возили колья и употреблялись „для прочихъ многихъ надобностей, отчего обывательскій скотъ, а особливо отъ безкормицы, пришелъ въ несостояніе“ [1]).

Послѣ 1770 года наступилъ періодъ, когда въ Харьковѣ началось усиленное рытье „каналовъ“ для осушенія города, а затѣмъ и замощеніе его. Какія требованія предъявлялись при этомъ къ обывателямъ,—мы уже имѣли случай говорить въ главѣ, посвященной харьковскому благоустройству. Повинность эта падала на харьковскихъ домовладѣльцевъ, и обыватели уѣзда къ ней не привлекались. Бывало такъ, что городъ мостили сами обыватели, каждый противъ своего двора, бывало и такъ, что городъ мостили арестанты или солдаты подъ надзоромъ полиціи, и тогда съ Думы или съ отдѣльныхъ домохозяевъ требовались только деньги на уплату за матеріалъ и работу. При генералѣ губернаторѣ Чертковѣ были сдѣланы попытки совершенно избавить обывателей отъ заботъ по замощенію ихъ участковъ и о переводѣ этой натуральной повинности на денежную.

Вотъ съ какимъ предложеніемъ обратился онъ въ 1786 году къ Харьковскому Городовому Магистрату.

„Всякъ знаетъ и безъ напоминанія, какую представляетъ трудность, безпокойство и убытки неисправность улицъ, особенно въ весеннее и осеннее время, и чего стоитъ, особенно малоимущимъ, одно доставленіе воды, какъ необходимой для каждаго человѣка всегдашней потребности, не упоминая о происходящихъ благодаря грязи и во всемъ прочемъ издержкахъ и дороговизнѣ всякихъ припасовъ. Извѣстно также, что по полицейской инструкціи 1722 года каждый хозяинъ обязанъ противъ всего пространства своего двора до половины улицы исправлять ее. Разсуждая объ обстоятельствахъ, сюда относящихся,—о качествѣ мѣстоположенія, разницѣ въ состояніи обитателей города и что улицы необходимы какъ для каждаго горожанина, такъ и для сельскихъ жителей, доставляющихъ въ городъ всякое продовольствіе и разныя потребности, и приносятъ всѣмъ вообще, всему, такъ сказать, городу выгоды, со спокойствіемъ и удовольствіемъ сопряженныя, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее: какъ извѣстно, при замощеніи города во многихъ мѣстахъ надобно срывать немалыя возвышенія, а въ другихъ выравнивать низкія

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Журн. Губ. Канцеляріи 1770 г.

мѣста, особливо водоемины и рытвины, коихъ въ семъ городѣ довольно, каковыя если случатся противъ домовъ малоимущихъ обывателей, то они черезъ сіе прійдутъ еще въ большее изнеможеніе, иные же черезъ это и домовъ своихъ безвинно лишиться должны будутъ, а притомъ не всякій можетъ имѣть и способность сыскать къ тому исправленію знающихъ работниковъ, да и если отдѣльными хозяевами, а не по порядку вся улица выравниваться будетъ, то, не говоря уже о многихъ затрудненіямъ и неудобствахъ, какой бы ни былъ надъ уравненіемъ надзоръ, легко можетъ случиться, что неоднократно надобно будетъ нѣкоторымъ хозяевамъ не только переправлять улицу, но иногда и совсѣмъ вновь передѣлывать, потому, что передъ однимъ дворомъ можетъ быть улица нѣсколько возвышена, а передъ другимъ низка и со слабымъ грунтовъ. Въ виду этого, такъ какъ строеніе, починка и содержаніе улицъ по Высочайшему о городахъ Положенію суть законные городовые расходы, полагаю удобнѣйшимъ средствомъ предложить Городовому Магистрату съ каждаго двора, разрегулированнаго или неразгулированнаго, собрать по одной четверти копѣйки съ квадратной сажени, каковой платежъ для домовладѣльцевъ отяготителенъ быть не можетъ, а между тѣмъ они избавятся отъ всѣхъ хлопотъ и понужденій въ исправленіи улицъ; деньги эти держать въ Магистратѣ съ надлежащею запискою въ приходъ и расходъ и отпускать изъ нихъ на покупку потребныхъ къ исправленію улицъ припасовъ и къ платежу заработныхъ денегъ по требованіямъ губернскаго землемѣра, на коего сіе исправленіе мною возложено; тѣмъ хозяевамъ, кои для мощенія улицъ заготовили камни, заплатить по стоимости матеріала, который и употребить въ подлежащихъ мѣстахъ къ мощенію улицъ, о чемъ всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ, имѣющимъ собственные свои дома, какого-бы они чина и званія ни были, сіе положеніе черезъ полицію объявить съ подпискою каждаго, дабы невѣдѣніемъ никто не могъ отговариваться, и тѣ подписки препроводить при сообщеніи въ Магистратъ, а Магистрату всячески стараться, чтобъ всѣ тѣ деньги къ будущей веснѣ непремѣнно собраны были, опредѣляя къ тому особаго сборщика, о понужденіи же къ платежу въ случаѣ отказовъ требовать вспоможенія отъ здѣшней полиціи". Если предложеніе Черткова и исполнялось, то только временно, потому что уже въ 1788 г. мы видимъ, что замощеніе вновь ведется натурою, при чемъ къ этой повинности привлекаются не только харьковцы, но и жители уѣздовъ. Для замощенія главныхъ улицъ харьковскимъ казеннымъ обывателямъ велѣно было заготовить 2000 фашинъ, а чтобы эта повинность не отвлекала ихъ отъ домашняго хозяйства, разрѣшено было для рубки и возки дерева пользоваться воскресными и праздничными днями, когда обыватели свободны отъ своихъ земледѣльческихъ работъ. Съ харьковскаго гражданства, подвѣдомаго Магистрату, велѣно было взять 1000 фашинъ. Привлечены были къ мощенію Харькова и тѣ, кому никогда, можетъ быть, не приходилось ѣздить по его мощенымъ улицамъ: приказы о доставкѣ фашинъ были посланы исправникамъ Харьковскому, Чугуевскому, Золочевскому и Валковскому, которые къ 1 октября обязаны были выслать изъ своихъ уѣздовъ положенное по расписанію число подводъ съ лѣсомъ [1]).

Въ 1791 г. къ участію въ благоустройствѣ города вновь привлекаются люди, не пользовавшіеся плодами благоустройства. Для замощенія улицъ изъ Валковскаго уѣзда велѣно было прислать 2000 фашинъ, изъ Богодуховскаго 870, изъ с. Ольшаной 400, изъ Золочевской округи 160 и пр. Сами харьковцы обязаны были доставить 3000 фашинъ, при чѣмъ 2000 фашинъ пришлось на долю войсковыхъ обывателей, жившихъ по большей части не въ городѣ, гдѣ проводились мостовыя, а въ пригородныхъ слободахъ—за Харьковомъ и за Лопанью. Въ концѣ года на войсковыхъ обывателей, не пользовавшихся удобствами мощеныхъ улицъ, было накинуто еще 2000 фашинъ. Въ 1792 г. продолжаются тѣ же работы. На харьковцевъ, впро-

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1788 г.

чемъ, на сей разъ большого бремени не налагали: они обязаны были только доставить тотъ матеріалъ, который числился за ними въ недоимкѣ отъ прошлаго года, да сверхъ того еще 1500 фашинъ (500—купцы и цеховые, а 1000 остальныхъ—войсковые обыватели). Но и это оказалось для харьковцевъ не подъ силу, и требуемый матеріалъ ими доставленъ не былъ. Уѣздные обыватели оказались исправнѣе: изъ Волчанской округи было привезено 2000 фашинъ, а изъ Чугуевской, Валковской, Золочевской и Богодуховской по 1000. Расплачивались за матеріалъ тѣ горожане, противъ чьихъ домовъ проводились мостовыя. Колодникамъ, мостившимъ улицы, платили по 3 коп. въ сутки, а за подводу по 40 коп. [1]).

Для горожанъ, жившихъ по улицамъ, подлежавшимъ замощенію, устройство мостовыхъ отзывалось чувствительными денежными тратами, а для тѣхъ, кому приходилось доставлять необходимый для мощенія матеріалъ, заготовленіе фашинъ и доставка ихъ на мѣсто работъ составляли тяжелую натуральную повинность. Правда, повинность эта значительно облегчалась тѣмъ, что за работу платили, но работа была все таки не добровольная, а обязательная, по приказу начальства, да и платили за нее не по договору съ каждымъ въ отдѣльности, а по общей, обязательной для всѣхъ таксѣ.

Совершенно такъ же, какъ устраивались мостовыя, сооружались и нѣкоторыя казенныя зданія. Когда въ 1770 г. было рѣшено ремонтировать домъ, купленный для губернатора у графа Девіера, и построить пороховой погребъ и цейхгаузъ, какъ лѣсъ, такъ и плотниковъ велѣно было прислать изъ коммисарствъ. Плотникамъ, впрочемъ, платили по 7 коп. въ день „безъ удержанія“. Отъ каждаго изъ 6 коммисарствъ было наряжено по три плотника. Къ обязательному „наряду“ пришлось прибѣгнуть потому, что, по вольной цѣнѣ плотниковъ „не сыскивалось“. Плотники по наряду оказались плохими плотниками, къ тому же страдавшими расположеніемъ къ побѣгамъ. Въ концѣ концовъ рѣшено было замѣнить плотниковъ „мѣрочниками“, конхъ губернское начальство считало болѣе способными къ работамъ по устройству цейхгауза. Велѣно было „нарядить въ скорости“ по 3 мѣрочника отъ каждаго коммисарства, но и мѣрочники умудрились устроиться такъ, что, если вѣрить рапортамъ коммисаровъ, должнаго числа ихъ нигдѣ „не сыскивалось“ [2]).

Такіе же обязательные наряды на работы видимъ мы и при постройкѣ „намѣстнической залы“. Какія натуральныя повинности несли при этомъ харьковцы, мы не знаемъ, но знаемъ, что въ работахъ кромѣ харьковцевъ, должны были участвовать и жители ближайшихъ коммисарствъ. Такъ изъ Липецкаго присылалось 40 человѣкъ съ заступами и лопатами для земляныхъ работъ, 6 плотниковъ и 8 воловыхъ подводъ. То же количество людей и подводъ должны были дать Мерефянское и Ольшанское коммисарства. Изъ Валокъ было прислано на работу 50 землекоповъ, 7 плотниковъ и 10 подводъ, изъ Хотомли—30 землекоповъ, 5 плотниковъ и 6 подводъ, изъ Чугуева 20 землекоповъ, 20 плотниковъ и 20 подводъ, а изъ Салтова по 10 [3]).

При намѣстникахъ обязательныхъ нарядовъ на казенныя постройки мы не видимъ. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что казенныя сооруженія этого періода было почти всѣ каменныя, требовавшія отъ строителей спеціальныхъ знаній. Къ тому же и обращаться къ нарядамъ не было надобности, потому что у Казенной Палаты завелась довольно крупная „строельная сумма“, да и въ самомъ Харьковѣ оказалось достаточное количество подрядчиковъ по строительной части, съ которыми вести дѣло было гораздо проще, чѣмъ съ обывателями, призываемыми по наряду.

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1790 г. Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло 1791 и 1792 г. г., № 34.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣл. Губ. Канц. 1770 г., № 91.
[3]) Тамъ же. Дѣло 1780 г.

Натуральною повинностью для населенія Харькова какъ при губернаторахъ, такъ и при намѣстникахъ продолжала оставаться полицейская повинность. Въ описаніи слободско-украинскихъ городовъ и мѣстечекъ, представленномъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія, указывается, что въ то время харьковцы ежегодно выбирали изъ своей среды сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, 2 земскихъ атамановъ, сторожей и эсаульцевъ для караула и посылокъ при Губернской Канцеляріи и Вотчинномъ Департаментѣ. Всего для несенія такихъ обязанностей требовалось ежегодно человѣкъ 60, а иногда и больше [1]). Въ наказѣ харьковцевъ число обывателей, назначаемыхъ для полицейской службы и для посылокъ, опредѣляется въ 150 человѣкъ [2]),—процентъ очень значительный, если вспомнить, что всего въ Харьковѣ населенія числилось въ то время 3426 душъ м. п. [3]).

Къ этому нужно прибавить обязанность горожанъ принимать участіе въ тушеніи пожаровъ,—обязанность, какъ мы уже имѣли случай говорить, очень не легкую. Въ послѣдующій періодъ, съ учрежденіемъ въ Харьковѣ намѣстничества, отправленіе обязанностей сторожей и эсаульцевъ при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ было съ горожанъ снято, но за то усилились наряды въ полицейскія должности: число десятскихъ и сотскихъ, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, замѣтно возросло. Не повторяя того, что нами уже говорилось въ своемъ мѣстѣ о тяготѣ полицейской повинности, отмѣтимъ только, что распредѣленіе этой тяготы было поставлено крайне неравномѣрно. На эту неравномѣрность обратила вниманіе уже первая Харьковская Дума въ первый же годъ своего существованія. Въ декабрѣ 1787 года Дума представила на разсмотрѣніе правителю намѣстничества Пашкову о томъ, что въ Харьковѣ живутъ многіе купцы и мѣщане и производятъ торгъ и промыселъ „преимущественнѣе другихъ“, но городскихъ службъ и тяготъ не несутъ; затѣмъ, въ такомъ же положеніи находились многіе разночинцы и духовенство: мѣщанскими выгодами они пользовались, но пособія городу никакого не давали и „вещественныхъ тягостей чуждались“. Въ виду наступленія новаго года, а съ нимъ и необходимости выбора въ полицію и для ночныхъ карауловъ сотскихъ и десятскихъ, Дума просила Пашкова о дозволеніи привлечь не несущихъ повинностей купцовъ и мѣщанъ, а также разночинцевъ и духовенство, пользующихся городскими выгодами, къ отбыванію полицейской повинности [4]). Было ли дано просимое Думою разрѣшеніе, не знаемъ, но знаемъ, что при выборѣ сотскихъ городское общество постановило привлечь къ участію въ несеніи этой повинности и чиновниковъ, состоявшихъ въ статской службѣ, даже и тѣхъ, которые не занимались промыслами и торговлей. Проку отъ этого, впрочемъ, вышло немного. Въ февралѣ слѣдующаго 1788 года харьковскій городничій Звѣревъ доносилъ Намѣстническому правленію, что всѣ чиновные харьковцы, состоявшіе на службѣ, при требованіи отъ нихъ людей въ полицейскія должности согласно составленному Магистратомъ списку, отозвались, что имъ, въ силу жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ, нести полицейскую службу не слѣдуетъ. Городничій заявлялъ, что онъ „и способу не находитъ нести должности, поелику теперь въ городѣ и при полиціи ни сотскихъ, ни десятскихъ нѣтъ“. Разсмотрѣвъ постановленіе городского общества, Намѣстническое Правленіе нашло его неправильнымъ: оно противорѣчитъ 14 ст. Городового Положенія, которою узаконено, что состоящіе въ гражданской или военной службѣ люди, кои по должности или же по собственнымъ нуждамъ въ городѣ находятся, или живутъ, или приходятъ, или пріѣзжаютъ на время и мѣщанскимъ промысломъ не промышляютъ, отъ мѣщанскихъ тягостей, податей и службъ должны быть свободны; противорѣчитъ поста-

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы II, стр. 213.

[2]) Наказъ г. Харькова.

[3]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы II, стр. 236

[4]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журналы 1787 г., стр. 137.

новленіе горожанъ и требованію 37 ст. того же Положенія, запрещающей городскому обществу дѣлать постановленія, противныя законамъ, или требованія въ нарушеніе укаконеній. Признавъ необходимымъ отмѣнить постановленіе городского общества, Намѣстническое Правленіе велѣло ему составить новое положеніе о распредѣленіи полицейской повинности, „минуя находящихся въ Харьковѣ при должностяхъ своихъ въ статской службѣ въ домахъ своихъ живущихъ, кои мѣщанскимъ промысломъ не промышляютъ“ [1]). Приведенное распоряженіе показываетъ, что и мѣстное высшее начальство признавало справедливымъ привлеченіе къ несенію полицейской повинности духовенства и разночинцевъ, „пользующихся мѣщанскими промыслами“. Но....въ дѣйствительности ни разночинцы, ни духовенство повинности этой не несли. Въ 1791 году харьковская шестигласная Дума вмѣстѣ съ Нижнею Расправою разсуждали о томъ, что живущіе въ Харьковѣ разночинцы—оберъ-офицеры, секретари и регистраторы, изъ которыхъ нѣкоторые находятся въ службѣ, а другіе въ отставкѣ, а также духовнаго чина люди—протопопы, священники и дьяконы—имѣютъ собственные свои лавки и дома, а иные по два двора и больше, и во время ярмарокъ и безъ ярмарокъ нанимаютъ пріѣзжимъ купцамъ и прочимъ людямъ, а также для извозчиковъ. Съ лавокъ и дворовъ разночинцы и духовенство пользуются доходомъ, а повинностей городскихъ не отбываютъ. Въ виду этого рѣшено было просить правителя намѣстничества Кишенскаго повелѣть, кому слѣдуетъ, въ облегченіе городскому обществу отъ дворовъ духовенства и разночинцевъ нарядить на 1792 годъ пятидесятскихъ и дѣсяткихъ, да и впредь ежегодно таковой нарядъ продолжать [2]). Просимое „повелѣніе“ и было дано Намѣстническимъ Правленіемъ, которое въ 1792 году разъяснило, что „не могуть быть изъяты отъ несенія городскихъ тягостей всѣ тѣ живущіе въ городѣ разночинцы, духовные люди и находящіеся при должностяхъ чины, которые, выстроя особые домы, бани и лавки, отдаютъ оные въ наймы и пользуются прибыткомъ“. Велѣно было отъ всѣхъ владѣльцевъ такихъ домовъ, лавокъ и промышленныхъ заведеній назначить людей въ должности полицейскія [3]). Какъ исполнялось это „повелѣніе“, по бывшимъ въ нашемъ распоряженіи документамъ не видно. Знаемъ только, что между разночинцами и гражданствомъ происходили и потомъ постоянныя пререканія по поводу уклоненія разночинцевъ отъ несенія городскихъ тяготъ.

Почтовая повинность и въ порерформенный періодъ отбывалась почти такъ же, какъ и въ послѣдній годъ управленія Харькова козацкимъ начальствомъ. Въ первый же годъ по учрежденіи губерніи мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми мѣрами, направленными какъ будто бы и къ облегченію обывателей, но чтобы результатомъ этихъ мѣръ было дѣйствительно облегченіе,—этого не видно. По 19 п. инструкціи, данной въ 1765 г. Щербинину при назначеніи его въ Харьковъ „съ властью губернаторской“, для возки писемъ велѣно было учредить почту на полковыхъ подъемныхъ лошадяхъ, „а въ проѣздахъ поступать по плакату“, т. е. давать уѣздныя подводы для денежной казны и для колодниковъ, ссылаемыхъ на каторгу. (Въ этихъ случаяхъ подводы брались съ жителей по очереди, съ платой прогоновъ зимою по денежкѣ съ версты и лошади, а лѣтомъ по копѣйкѣ). Въ силу этой инструкціи обязанность возки писемъ была съ 1 января 1766 года возложена на гусарскіе полки. Въ Харьковъ отъ Харьковскаго гусарскаго полка полагалось выставлять по двѣ подъемныхъ лошади, отъ Ахтырскаго 6, а отъ Изюмскаго 2. Записка писемъ поручена была земскимъ атаманамъ и писарямъ. Учрежденіе гусарской почты очень не понравилось военному начальству. Изъ одного письма Щербинина къ полковнику Сумского гусарскаго полка видно, что гусары считали такое распоря-

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Входящ. 1788 г., стр 51.

[2]) Тамъ же. Журн. 1791. г., стр. 387.

[3]) Тамъ же. Входящ. 1792 г

женіе не только не резоннымъ, но и оскорбительнымъ для чести военнаго сословія: по мнѣнію военнаго начальства, полковыхъ лошадей не слѣдовало употреблять не только для возки почты, а даже для надобностей хотя бы самого полковника; рядовые гусары, еще такъ недавно обращенные въ „регулярство“, должны учиться солдатской, а не почтальонской должности; полковники, на которыхъ инструкція какъ бы возлагаетъ обязанность наблюдать за правильной пересылкой писемъ гусарами ихъ полковъ, тѣмъ самымъ превращаются въ почтмейстеровъ, а передача записки писемъ атаманамъ и писарямъ отдаетъ и рядовыхъ гусаръ въ распоряженіе простыхъ мужиковъ.

Несмотря на протесты полкового начальства, гусарская почта всетаки была учреждена. Въ 1766 году гусарское начальство жаловалось, что стоящія на почтахъ подъемныя казенныя лошади употребляются для возки писемъ ежедневно и этимъ приводятся въ изнуреніе. Въ виду этого всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ въ губерніи было предписано посылать письма только два раза въ недѣлю: на Московскій трактъ по средамъ, а въ прочія мѣста—по воскресеньямъ [1]).

Гусарскія лошади въ 1766 году изнурялись отъ возки писемъ, а въ 1767 году обыватели жаловались на тягость этой же самой обязанности возки писемъ. Въ наказѣ, поданномъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія, харьковцы указывали, что почта содержится у нихъ по найму обывателей, но такъ какъ письма и курьеры въ Харьковѣ противъ другихъ городовъ отправляются несравненно чаще, то и почтовыхъ лошадей и подводъ харьковцамъ приходится содержать гораздо больше, нежели жителямъ другихъ городовъ. Для насъ остается неяснымъ вопросъ, о какихъ письмахъ здѣсь идетъ рѣчь: о тѣхъ ли, которыя въ 1766 году возила гусарская почта—въ такомъ случаѣ придется заключить, что въ 1767 году гусарской почты уже не было,—или же о какихъ нибудь другихъ, перевозка которыхъ, несмотря на существованіе гусарской почты, по прежнему лежала на обязанности обывателей. Такъ какъ на существованіе гусарской почты позже 1766 года мы не находимъ никакихъ указаній, то и приходится предположить, что гусарская почта была очень недолговѣчна. Въ 1767 году харьковцы жалуются на отягощеніе ихъ почтовой повинностью и просятъ объ учрежденіи казенной почты. Въ наказѣ своему депутату Черкесу харьковцы писали, что лошадей рѣдко кто изъ обывателей держитъ, а работаютъ они преимущественно волами, которыхъ употреблять въ почтовую гоньбу никакъ невозможно; для почты содержатся обывателями лошади, но обращаться здѣсь съ ними не умѣютъ, лошади находятся въ изнуреніи и оказываются не въ состояніи довезти пассажира до мѣста назначенія, пристаютъ на дорогѣ, а иногда на дорогѣ же и падаютъ отъ побоевъ, которые имъ достаются отъ ямщика по приказанію нетерпѣливаго пассажира, ѣдущаго „по нужной надобности“, да и сами подводчики, кромѣ излишняго отягощенія, „претерпѣваютъ великіе побои отъ проѣзжающихъ“ [2]).

То, что говоритъ наказъ объ отбываніи почтой повинности харьковцами, дополняется кое-какими данними изъ дѣлъ Губернской Канцеляріи. Изъ нихъ видно, что на содержаніе почты съ харьковцевъ взимался особый денежный сборъ (по 5 коп. съ каждой ревизской души войсковыхъ обывателей и по 3 коп. съ владѣльческихъ подданныхъ [3]), которымъ распоряжалась Губернская Канцелярія. Отъ нея зависѣлъ выборъ почтосодержателя и заключеніе съ нимъ контракта. Въ 1766 году на Харьковской почтовой станціи полагалось содержать 30 лошадей и 15 „почтальоновъ“, при чемъ почта возилась два раза въ недѣлю. Въ 1767 году содержали въ Харьковѣ почту Бобовниковъ и Зикѣевъ, но оказались неисправны: лошадей хорошихъ и

[1]) Харьк Ист. Арх. Отд. VII, № 66.
[2]) Наказъ гор. Харькова, пунктъ 10.
[3]) Д. П. Миллеръ. Архивы Харьк. губ., стр. 145.

способныхъ къ гоньбѣ не имѣли, почему въ пересылкѣ казенныхъ писемъ и отправкѣ курьеровъ была большая остановка. Въ 1768 году содержаніе почты было поручено нѣкоему Бересневу. По контракту, заключенному съ нимъ, Бересневъ обязанъ былъ содержать 30 лошадей, при чемъ за каждую лошадь ему платилось на первый годъ по 28, а на второй по 27 рублей. Лошади должны быть вполнѣ исправными, цѣною не ниже 15 рублей каждая, на каждую пару лошадей полагался одинъ почтальонъ, у котораго должна быть „переметная сумка“ для возки писемъ. Всякія письма курьеровъ и проѣзжающихъ по подорожнымъ разныхъ чиновъ почтосодержатель обязанъ былъ отвозить въ назначенное время и мѣсто по расписанію, для отправленія курьеровъ всегда имѣть готовыхъ 2 пары лошадей, „штафетъ“ отправлять особо со всякою скоростью, денно и нощно, не ожидая почтоваго дня, а въ почтовые дни присылать лошадей въ Губернскую Канцелярію за полъ-часа до отхода почты. Всѣ подорожныя приказано было являть губернатору или его уполномоченному и безъ ихъ аппробаціи лошадей никому не давать. Кромѣ денежнаго вознагражденія, почтосодержатель имѣлъ еще право пускать лошадей въ общія обывательскія пастбища и пользоваться для конюшенъ хворостомъ изъ обывательскихъ лѣсовъ. Обязанности обывателей въ отношеніи почтовой повинности ограничивались уплатой почтовыхъ сборовъ, но въ экстренныхъ случаяхъ, подъ перевозку денежной казны и казенныхъ тяжестей, подъ больныхъ колодниковъ и солдатъ, въ случаѣ недостачи почтовыхъ лошадей, они обязаны были давать своихъ, впрочемъ „со взятіемъ прогоновъ“ [1]). Бывали періоды, когда такихъ экстренныхъ случаевъ оказывалось слишкомъ уже много, и тогда тяжесть отбыванія повинности становилась чрезмѣрно чувствительной. Такъ, въ 1770 г., по причинѣ военныхъ обстоятельствъ, черезъ Харьковъ бывали „ежечасныя“ отправленія денежной казны и разныхъ вещей для арміи, проѣзды генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ что за недостачей почтовыхъ лошадей постоянно проходилось обращаться къ обывательскимъ лошадямъ и подводчикамъ. Обыватели жаловались, да и самъ губернаторъ находилъ положеніе обывателей, и безъ того обремененныхъ другими экстраординарными требованіями военнаго времени, крайне тяжелымъ. Губернской Канцеляріи было предложено привлечь къ несенію почтовой повинности натурою обывателей и другихъ селъ и деревень Харьковскаго комиссарства, не лежащихъ по большимъ трактамъ и, стало быть, не знавшихъ другихъ тяготъ этой повинности, кромѣ уплаты почтовыхъ сборовъ. Для возки казенныхъ вещей и другихъ тяжестей обывателямъ позволено было употреблять не лошадей, которыхъ у нихъ было мало, а воловъ [2]).

Къ отбыванію почтовой повинности натурою приходилось, впрочемъ, прибѣгать и во времена мирныя, когда „военныхъ обстоятельствъ“ не было. Въ 1776 г. харьковскіе обыватели Вас. Гуринъ, Вас. Лимарь, Евстафій Пащенко, Андр. Дегтярь, Фед. Щербакъ, П. Лисенко, Вас. Гринченко со всѣмъ обществомъ представляли, что прежде въ Харьковѣ къ облегченію народа имѣлась почта на полковомъ содержаніи, и что обывателями давались подводы только въ особо экстренныхъ случаяхъ, для курьеровъ по важнымъ дѣламъ. Потомъ хотя и было прибавлено лошадей на общій коштъ, но такъ какъ онѣ даваемы были проѣзжающимъ безъ разбора, то отъ сильной гоньбы многія изъ нихъ пали, и обыватели принуждены были давать подъ проѣзжающихъ своихъ собственныхъ лошадей и несть, такимъ образомъ, двойное отягощеніе. Нынѣ—жаловались обыватели—вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ за недостаткомъ почтовыхъ, они принуждены изнурять своихъ собственныхъ лошадей непосильнымъ разгономъ и даже сами разносить пѣшкомъ пакеты и письма [3]).

---

[1]) Харьк. Ист. Арх. Отд. VII, № 185.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Журн. Губ. Канц. 1770 г.

[3]) Харьк. Ист. Арх. Отд. VII, № 66.

При намѣстникахъ харьковцамъ, повидимому, не приходилось отбывать почтовой повинности натурою, но зато приходилось приплачиваться деньгами. Да оно и понятно: въ 1769—1770 гг. на Харьковской станціи полагалось, какъ мы видѣли, держать 30 лошадей, а въ 1792 году ихъ было уже 60 [1]). При Румянцевѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Харьковскаго намѣстничества войсковымъ обывателямъ приходилось платить до 40 к. почтовыхъ сборовъ. Впослѣдствіи этотъ платежъ былъ значительно пониженъ: съ казенныхъ обывателей взималось по 6 коп., а съ владѣльческихъ подданныхъ по 3 [2]). Эта норма и была въ 1786 году утверждена Сенатомъ. Въ 1790 году, въ виду перехода многихъ казенныхъ поселянъ въ козачье званіе и перечисленія въ козаки всѣхъ мѣщанъ по распоряженію Потемкина, сборы на содержаніе почты пришлось увеличить [3]). Но и кромѣ уплаты почтоваго сбора, харьковцамъ приходилось иногда нести кое какія натуральныя и денежныя тяготы въ пользу почтоваго дѣла. Въ 1789 году, несмотря на „кондиціи", заключенныя съ содержателемъ почты, по которымъ для почтовыхъ ямщиковъ и лошадей полагалось отвести особые дворы, въ Харьковѣ почтовыя лошади помѣщались въ томъ же дворѣ, гдѣ и губернскій почтамтъ. Когда содержатель почты обратился къ губернатору Пашкову съ просьбой о починкѣ обветшавшихъ конюшенъ и избы для ямщиковъ, Пашковъ отвѣтилъ, что давать помѣщеніе для почты—дѣло обывателей, а не казны. Губернаторъ осмотрѣлъ избу и конюшни и нашелъ, что онѣ никуда не годятся, и что для починки ихъ потребуется немалая сумма, особенно для покрытія конюшенъ гонтомъ, къ тому же и содержаніе лошадей при почтамтѣ неудобно, такъ какъ дворъ засаривается навозомъ, да и сама каменная постройка повреждается. Входя, однако, въ положеніе горожанъ, для которыхъ размѣщеніе почтовыхъ лошадей и ямщиковъ по ихъ дворамъ будетъ крайне отяготительнымъ да и неудобнымъ для самой почты, Пашковъ предложилъ городскому обществу выстроить на городской счетъ избу для ямщиковъ и конюшни подъ соломенной крышей, а почтамтскій дворъ, гдѣ стояли конюшни и изба ямщиковъ, выложить камнемъ, пользуясь для этого кирпичемъ, оставшимся отъ постройки Лопанскаго моста [4]). Полагать нужно, это предложеніе не было выполнено. Въ 1792 г. по распоряженію Намѣстническаго Правленія было велѣно вывесть ямщиковъ и лошадей изъ почтамтскаго двора и расположить постоемъ по обывательскимъ домамъ и дворамъ. Для спасенія своихъ дворовъ отъ столь непріятныхъ постояльцевъ, горожане рѣшили пріобрѣсть для почтовой станціи особый домъ, для чего и купили за 600 р. домъ купца Найденова за р. Харьковомъ (мѣсто нынѣшней 1-ой гимназіи) [5]).

Едва ли не самой тяжелой изъ натуральныхъ повинностей пореформеннаго періода была для харьковцевъ повинность постойная. Порядокъ ея опредѣлялся въ то время 33 пунктомъ губернаторской инструкціи и 19 пунктомъ 2-ой главы полковничьей инструкціи 1764 г. Согласно губернаторской инструкціи, солдатъ и прочихъ военно-служащихъ полагалось ставить въ дворахъ всякихъ чиновъ людей, кромѣ лицъ духовнаго званія: протопоповъ, поповъ, дьяконовъ и дѣйствительно служащихъ при церквахъ церковниковъ; свободны отъ постоя были, впрочемъ, только тѣ дворы духовныхъ лицъ, въ которыхъ они сами имѣли жительство, а въ тѣхъ дворахъ, гдѣ сами не жили, постои можно было ставить на ряду съ прочими обывателями. Мѣстное начальство, въ видахъ правильнаго распредѣленія постояльцевъ, должно имѣть вѣдомости съ указаніемъ, сколько у кого покоевъ и печей. Офицерамъ квартиры давать „смотря по

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло 1792 г.
[2]) Д. П. Миллеръ. Архивы Харьк. Губ., стр. 145.
[3]) Перв. Полн. Собр. Зак. Т. XXIII, № 16916.
[4]) Арх. Хар. Гор. Думы. Вход. 1789 г.
[5]) Тамъ же. Вход. 1792 г.

персонамъ". Хозяевамъ давать билеты съ показаніемъ, у кого отведена квартира, во сколько покоевъ и когда отведена, и все это отмѣчать въ особой книгѣ, а когда постоялецъ сойдетъ съ квартиры, хозяинъ обязанъ представить билетъ въ полицію для отмѣтки въ книгѣ. Не полагалось отводить квартиръ только тѣмъ офицерамъ и другимъ чиновнымъ людямъ, которые имѣли въ городѣ собственные дворы.

По полковничьей инструкціи 1764 г., квартиры распредѣлялись по чинамъ: самая лучшая полковнику, потомъ подполковнику, маіору и т. д. до прапорщика, при чемъ указывалось и число покоевъ, полагающихся каждому чину, а когда положенныхъ покоевъ вовсе нѣтъ или недостаточно, въ такихъ случаяхъ предлагалось довольствоваться тѣми, какіе есть, а къ строенію новыхъ помѣщеній обывателей отнюдь не принуждать. Квартирами никого обходить не полагалось. Въ это время освобожденіе отъ постойной повинности разсматривалось, какъ большая льгота, дававшаяся только за особыя заслуги. Такъ, въ 1765 году отъ несенія постойной повинности былъ освобожденъ отставной сотникъ Илья *Черкесъ* потому, что безплатно исполнялъ обязанность переводчика при губернской канцеляріи [1]). Въ 1768 году, въ виду представленія Румянцева, по Высочайше апробованному мнѣнію Военной Коллегіи, отъ постойной повинности были избавлены увольненные отъ нея по указамъ или грамотамъ козацкіе урядники и духовенство.

Таковы были требованія закона. Что они превышали силы обывателей и давали поводъ къ неправильнымъ дѣйствіямъ лицъ, завѣдывавшихъ распредѣленіемъ квартиръ,—объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя жалобы какъ на обременительность, такъ и на неуравнительность квартирной повинности. Въ 1767 году отставной сотникъ Иванъ Анастасьевъ жаловался на частые постои въ его домѣ и на чрезмѣрные расходы по отопленію квартирантовъ, благодаря которымъ онъ рискуетъ остаться безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, тѣмъ болѣе, что не имѣя кромѣ дома иного имущества, принужденъ, благодаря постоямъ, лишиться и того дохода, какой получалъ раньше, нанимая свой домъ пріѣзжавшему въ Харьковъ купечеству. Архиваріусъ Павловъ жаловался на неуравнительное распредѣленіе постойной повинности и просилъ Щербинина освободить на годъ отъ постоевъ его домъ, занятый пятый мѣсяцъ капитаномъ Дмитріемъ Мамоновымъ, вслѣдствіе чего онъ, Павловъ, и жить въ своемъ домѣ не могъ. Харьковская „жителька" Варвара Горемыкина въ томъ же 1767 году жаловалась, что благодаря ея вдовству и беззащитности съ 1758 года, „не пропуская почти ни одного дня", ея домъ занимается постоемъ по отводамъ и безъ отвода мѣстнаго начальства и пришелъ въ разореніе и обветшалость. Квартиранты довольствуются отъ нея дровами, а когда дровъ не случится, то ломаютъ у нея заборы и этимъ топятъ. Горемыкина просила дать ей свободу отъ постоя на годъ [2]).

Кромѣ этихъ частныхъ жалобъ, отъ того же 1767 года до насъ дошли и другіе документы, указывающіе, что не только отдѣльныя лица, но и всѣ харьковцы были очень стѣснены постойною повинностью. Въ описаніи городовъ и мѣстечекъ Харьковской губерніи, доставленномъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія, харьковцы жаловались на „давящую тягость", заключавшуюся въ содержаніи на квартирахъ пребывающаго въ Харьковѣ офицерства и другихъ чиновъ и въ отапливаніи этихъ квартиръ на счетъ обывателей. Возъ дровъ въ Харьковѣ стоилъ въ то время 25—30 коп., а такихъ возовъ каждый хозяинъ, имѣвшій у себя военнаго постояльца, долженъ былъ поставить зимою по 8, а лѣтомъ по 4 въ мѣсяцъ, итого въ годъ 72 воза, а если постоемъ занималось помѣщеніе съ двумя или тремя печами, то и на всякую печь по столько же. „Сія тяжесть—писали харьковцы, тѣмъ чуствительнѣе, что городъ терпитъ

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Журн. Харьк. Губ. Канц. 1768 г., февраль.
[2]) Харьк. Ист. Арх. Отд. VII, № 172.

сущій въ дровахъ недостатокъ, и обыватель, истощивъ себя на сіе продовольствіе постояльца, принужденъ напослѣдокъ видѣть, что его домъ и строеніе обжигается", т. е., въ случаѣ недостатка дровъ въ печь бросался тотъ горючій матеріалъ, какой представляли собою заборы, „хлѣвцы", а можетъ быть и солома съ крыши занятой постоемъ хаты. Для квартировавшаго въ Харьковѣ Борисоглѣбскаго полка и стоявшихъ здѣсь же двухъ эскадроновъ Харьковскаго драгунскаго полка обыватели должны были строить „своимъ коштомъ" ротныя и эскадронныя конюшни и починять ихъ ежегодно „съ немалымъ убыткомъ" [1]). Въ наказѣ своему депутату Ильѣ Черкесу, выбранному горожанами въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія, харьковцы посвятили вопросу о квартирной повинности двѣ статьи, 7 и 9. Въ первой они просили правительство установить, чтобы какъ служащимъ всякаго званія чинамъ, такъ и отставнымъ штабъ, оберъ- и унтеръ офицерамъ и штатскимъ, кои находятся у дѣлъ съ получаемымъ полнымъ жалованьемъ, въ случаѣ ихъ пріѣзда въ Харьковъ по партикулярнымъ дѣламъ, квартиры отводились только за плату. Въ 9 пунктѣ того же наказа харьковцы писали: въ 7 пунктѣ 2 главы полковничьей инструкціи, между прочимъ, напечатано: буде кто изъ полковыхъ чиновъ стоитъ постоемъ у кого изъ обывателей, а не имѣетъ своего дома, то дровами довольствоваться отъ хозяевъ. Въ г. Харьковѣ хозяева, у которыхъ имѣютъ постой штабъ и оберъ-офицеры, не въ состояніи довольствовать постояльцевъ своихъ дровами, по крайней ихъ дороговизнѣ, а постояльцы, нимало не разсуждая о бѣдности хозяйской и не зная того, что хозяевамъ купить дровъ совершенно не на что, жгутъ надворное строеніе. Къ тому же многіе изъ городскихъ обывателей, не имѣя земли или другого какого промысла для своего пропитанія, построили свои дома съ цѣлью отдачи ихъ въ наемъ, употребивъ на это почти всѣ свои средства, и только отъ найма домовъ и пропитаніе свое получали. Лишаясь вслѣдствіе постоя доходовъ отъ найма своихъ домовъ и истощая свои послѣдніе капиталы на довольствіе постояльцевъ дровами, такіе обыватели „наклоняются къ крайней бѣдности" и, наконецъ, бросивъ свои дома на произволъ постояльцамъ и не заботясь объ ихъ охраненіи, стремятся выселиться въ другія мѣста здѣшней губерніи, гдѣ нѣтъ военнаго постоя. Въ этихъ случаяхъ у такихъ хозяевъ главнѣйшее стараніе заключается въ томъ, чтобы продать свои городскіе дома и другія постройки, но ихъ никто не покупаетъ иначе, какъ на свозъ изъ города, „въ какомъ случаѣ черезъ короткое время сей городъ можетъ опустошиться". Въ виду сказаннаго, харьковцы просили правительство „оное довольствіе штабъ- и оберъ-офицеровъ отъ хозяевъ дровами отмѣнить, понеже оное весьма здѣшнимъ жителямъ разорительное" [2]). Ходатайство это успѣха не имѣло, и въ послѣдующее время квартирная повинность стала едва ли не тяжелѣе прежняго. Особенно это нужно сказать о періодѣ 1769 и 1770 гг., когда, по случаю военныхъ обстоятельствъ, обывателямъ въ несеніи квартирной повинности не давалось ни отдыху, ни сроку, и подъ квартиры отводилось все, что можно отвести. Въ 1769 году дьяконъ Троицкой церкви Павелъ подалъ преосвященному Самуилу прошеніе, въ которомъ объяснялъ, что имѣетъ онъ въ Харьковѣ домъ, въ которомъ едва только ему съ домашними помѣститься можно, но, не взирая на его убожество и тѣсноту, отъ харьковской полиціи поставленъ къ нему на квартиру гусарскаго Изюмскаго полка поручикъ Рославлевъ, и оный постоялецъ стѣснилъ его высылкою изъ двухъ бѣлыхъ хатъ, да и въ кухнѣ онъ, діаконъ, съ семействомъ никакого простора не имѣетъ отъ поручичьихъ служителей и кухарей и такъ утѣсненъ, что можетъ лишиться дому своего. Діаконъ просилъ его преосвященство сообщить, куда надлежитъ, объ избавленіи его отъ постояльца. Получивъ это прошеніе, его преосвященство „пастырски пи-

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, Томъ II, стр. 214—215.

[2]) Наказъ г. Харькова.

салъ“ къ губернатору Щербинину о положеніи діакона, „токмо потому онъ, діаконъ, отъ его превосходительства никакой милости не получилъ, паче же и пріумноженіе печали отъ большаго утѣсненія ему послѣдовало, да и прочіе въ Харьковѣ священно-и церковно-служительскіе жилые домы, не обходя ни единаго, отъ харьковской полиціи повелѣніемъ его превосходительства для постоевъ назначены“. Въ виду такого положенія дѣла, его преосвященству вмѣсто „пастырскаго писанія“ пришлось уже писать въ Слободскую Губернскую Канцелярію форменную „промеморію“ съ ссылками на приличные указы (1721, 1724, 1742, и 1768 гг.) и съ „требованіемъ непремѣнно какъ прописаннаго діакона, такъ и всѣхъ священно-и церковно-служителей жилые домы отъ постоя уволить, а за учиненное ему, діакону, еще вящшее противу прежняго утѣсненіе поступить съ учинившимъ оное по силѣ Высочайшихъ указовъ и законовъ“. Ссылка на приличные указы, особенно 1721 и 1768 гг., не мало смутила Губернскую Канцелярію, находившую, что если уволить отъ постоя духовенство, то въ силу тѣхъ же указовъ придется уволить и сотниковъ и всѣхъ вообще старшинъ, а между тѣмъ въ Харьковѣ въ это время квартировалъ самъ главнокомандующій 2-й арміей графъ П. И. Панинъ и при немъ „многіе изъ генералитетовъ, штабовъ и другія коммиссіи къ квартированію въ Харьковѣ назначены“, и если уволить отъ постоя старшинъ и духовенство, то не только недостанетъ „способныхъ квартиръ“, но и совсѣмъ ихъ не будетъ, „ибо достойные домы токмо у священно-и церковно-служителей и у старшинъ имѣются, а окромѣ нихъ домы войсковыхъ обывателей остаются самые подлые“. Указъ 1768 г. Канцелярія была склонна понимать въ томъ смыслѣ, что онъ относится только къ „непремѣннымъ“ квартирамъ, а не къ экстраординарнымъ, какъ въ данномъ случаѣ. Канцелярія велѣла, впрочемъ, дать поручику Рославлеву другую квартиру, а относительно резолюціи на „промеморію“ обратилась къ графу Панину и къ Щербинину, бывшему въ то время въ Петербургѣ [1]). Было ли вмѣстѣ съ Троицкимъ діакономъ освобождено отъ постоя и все духовенство—не знаемъ, но знаемъ, что старшинскіе дома освобождены не были. Въ 1770 году повѣренный полковника Куликовскаго жаловался, что домъ его господина въ теченіе 8 лѣтъ занятъ разными постоями безвыходно. Такъ какъ благодаря этому господинъ его терпитъ не малую обиду, да и домъ нуждается въ починкѣ, то повѣренный Куликовскаго просилъ избавить его домъ отъ постоя. Губернская Канцелярія отказала въ просьбѣ повѣреннаго, ссылаясь на „нынѣшнія военныя обстоятельства“. Повидимому, съ цѣлью уклоненія отъ тяжелой постойной повинности, нѣкоторые обыватели покушались даже на крайнія мѣры: разбирали дома для вывоза ихъ изъ города или ломали въ нихъ печи подъ предлогомъ необходимости починки. Въ 1770 году харьковскому коммисару было предписано осмотрѣть владѣльческіе дома и, если найдутся такіе, которые требуютъ починки, обязать владѣльцевъ починить въ самомъ скоромъ времени, чтобы квартирующимъ въ городѣ „знаменитымъ чинамъ“ не было нужды. Городничій обязанъ былъ не допускать хозяевъ ломать не только домовъ на вывозъ изъ города, но даже и печей и прочаго, а если такіе случаи окажутся, онъ долженъ былъ чинить поврежденія, а потомъ издержанныя деньги принудительно взыскивать съ хозяевъ [2]).

Пребываніе въ Харьковѣ „генеральной квартиры“ Панина настолько тяжело ложилось на горожанъ, что даже само мѣстное начальство задумалось надъ мѣрами къ ихъ облегченію. Наканунѣ прибытія войскъ Щербининъ обратился въ губернскую канцелярію съ предложеніемъ, въ которомъ указывалъ, что, въ виду крайняго стѣсненія горожанъ постоемъ, обязанность отапливать квартиры по дороговизнѣ въ Харьковѣ дровъ будетъ для нихъ очень тяжелой, и

---

[1]) Арх. Губ. Пр. Репорты Слоб. губ. канц. 1770 г.

[2]) Харьк. Истор. Арх. Отд. VII, № 283.

для облегченія горожанъ предлагалъ привлечь къ участію въ повинности и уѣздныхъ обывателей, на которыхъ возложить обязанность рубки для отопленія квартиръ дровъ въ общественныхъ лѣсахъ и доставки ихъ въ Харьковъ. На первый разъ жителямъ шести коммисарствъ Харьковскаго уѣзда велѣно было доставить въ городъ 200 саж. дровъ, при чемъ владѣльческіе подданные при разверсткѣ обязывались доставлять въ половину меньше, чѣмъ войсковые обыватели. Дѣло, впрочемъ, на ладъ не пошло: дрова, привезенныя изъ коммисарствъ, оказались „къ топленію печей неспособными, сырыми и тонкими, какъ будто самый хворостъ“. Въ виду неимѣнія близъ Харькова хорошихъ лѣсовъ, дрова приказано было доставлять еще изъ Балаклейскаго коммисарства, изъ м. Зміева. Лѣса самихъ харьковскихъ обывателей истреблялись въ то время безпощадно. Въ мартѣ 1770 года Губернская Канцелярія разсматривала рапортъ перваго Харьковскаго Земскаго Правленія, которое доносило, что хотя по одному изъ прежнихъ указовъ и велѣно отвести часть заповѣднаго лѣса для отопленія военныхъ постояльцевъ, но онъ уже весь безъ остатку въ минувшую зиму вырубленъ на дрова, и квартиръ топить больше нечѣмъ, тѣмъ болѣе, что дровъ и въ продажѣ на базарѣ нѣтъ. Губернская Канцелярія принуждена была дать для рубки дровъ и еще одинъ участокъ заповѣднаго лѣса [1]).

Съ прекращеніемъ „военныхъ обстоятельствъ“, харьковцамъ стало, конечно, легче, но только относительно. Когда былъ сформированъ гарнизонный баталіонъ, потребовались квартиры какъ для солдатъ, такъ и для баталіонныхъ учрежденій: канцеляріи, цейхгауза, дѣлового двора для мастеровыхъ, госпиталя и бани. Помѣщались эти учрежденія въ обывательскихъ домахъ, отчего обыватели, по признанію самого же баталіоннаго начальства, „терпѣли крайнюю обиду“. Въ виду этого баталіонъ просилъ отдать ему для этихъ учрежденій мѣсто въ Вознесенскомъ приходѣ [2]). Приходилось соображаться съ требованіями баталіона и при размѣщеніи солдатъ по квартирамъ. Въ 1772 году баталіонная канцелярія указывала, что отведенныя баталіоннымъ служителямъ квартиры за Харьковомъ и Нетечью неудобны, потому что въ случаѣ пожара нельзя скоро собрать баталіонныхъ солдатъ. Въ виду этого баталіоннымъ солдатамъ пришлось отвесть квартиры „по Бѣлгородскому тракту“ по сю сторону рѣки Харькова [3]). Для баталіоннаго лазарета обыватели должны были доставлять дрова изъ общественныхъ лѣсовъ; по распоряженію Губернской Канцеляріи (1779 г.) каждую недѣлю коммисарство должно было доставлять въ лазаретъ по 5 возовъ дворъ [4]).

Обывательскіе дома и даже лавки отводились не для однихъ военныхъ постояльцевъ. Въ 1771 году харьковскій житель Василій Рубанъ съ товарищами жаловались, что ихъ дворы, въ которыхъ они имѣли жительство, назначены карантинными домами, и что сами они, оставя свои дома съ имѣющимся при нихъ хлѣбомъ, принуждены проживать у сосѣдей, вслѣдствіе чего терпятъ большое утѣсненіе. Просители указывали, что подъ Холодною горою, въ удаленіи отъ жилыхъ дворовъ, есть мѣсто, на которомъ харьковскіе обыватели согласны построить карантинный домъ. Харьковцамъ разрѣшено было построить карантинный домъ изъ хвороста, но съ тѣмъ, чтобы онъ былъ обложенъ глиною и окопанъ рвомъ [5]). Въ 1772 г. у отставного поручика Буцкаго было въ Харьковѣ два дома: одинъ близъ строившагося тогда губернаторскаго дома, другой—за Протопоповской башней. Оба по нарядамъ полиціи всегда занималась постоемъ, а въ 1772 году одинъ былъ занятъ каменьщиками, строившими губернаторскій домъ, и приставленными къ нимъ гарнизонными солдатами, и весь тотъ домъ заваленъ приготовлен-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Журн. Губ. Канц. 1770 г.
[2]) Харьк. Ист. Арх. Отд. VII, № 315.
[3]) Тамъ же. Отд. VII, № 342.
[4]) Тамъ же. Отд. VII, № 535.
[5]) Тамъ же. Отд. VII, № 303.

нымъ для казенныхъ строеній лѣсомъ, а въ другомъ стоялъ постоемъ протоколистъ Слободской Межевой Канцеляріи Григорьевъ. Сверхъ тѣхъ двухъ домовъ заняты были и лавки Буцкаго въ Рыбномъ ряду: здѣсь сложена была поклажа—аммуничныя вещи гарнизоннаго батальіона. По жалобѣ Буцкаго на „крайнюю обиду“ Губернская Канцелярія приказала одинъ изъ его домовъ освободить отъ постоя [1]).

Съ превращеніемъ Харькова изъ губернскаго въ намѣстническій городъ, постойная повинность не стала легче, несмотря на то, что само высшее краевое начальство высказывало желаніе позаботиться объ облегченіи тяготъ населенія. Такъ, при Чертковѣ, съ цѣлью побудить горожанъ къ застройкѣ города по плану приличными домами, была объявлена временная свобода отъ постоя тѣмъ, кто выстроитъ себѣ домъ по плану соотвѣтственно даннымъ архитекторомъ фасадамъ. Въ 1791 году это распоряженіе было подтверждено съ тою оговоркою, что только въ случаѣ крайней надобности подъ постой могутъ отдаваться и новые дома, но постояльцы неизбѣжно должны подчиняться указаніямъ полковничьей инструкціи. Къ несчастью для харьковцевъ, благія намѣренія начальства плохо осуществлялись въ дѣйствительности. Во вновь выстроенномъ домѣ Пономаренка, имѣвшаго всѣ права на льготу, квартировалъ безсмѣнно въ теченіе двухъ лѣтъ офицеръ, занимавшій 5 комнатъ, амбаръ и конюшню. У нѣкоей Демьяненковой постоемъ были заняты оба принадлежавшіе ей новые дома и т. п. [2]).

Особенно много хлопотъ доставляла обывателямъ обязанность отапливать квартиры военныхъ постояльцевъ, тѣмъ болѣе что повинность эта падала, главнымъ образомъ, на тѣхъ, кто послабѣе. Въ 1786 году старосты пригородныхъ слободъ жаловались директору экономіи н. сов. Норову, что казенные обыватели, несущіе рядъ другихъ повинностей, наряжаются, кромѣ того, для возки изъ общественныхъ лѣсовъ дровъ для квартиръ генералъ-провіантмейстера Діакова по 10 возовъ въ недѣлю, для полковника Воеводскаго—по 12, для подполковника Циммермана—по 10, для городничаго—по 6, въ лазаретъ—по 4, въ полицію—по 4 и въ канцелярію штатной роты—по 4, итого по 50 возовъ въ недѣлю, и что вслѣдствіе этого происходитъ не только опустошеніе общественныхъ лѣсовъ, но и отягощеніе обывателей. Результатомъ этой жалобы было предписаніе городничему не принуждать слобожанъ къ возкѣ дровъ, а Магистрату предписано было объявить горожанамъ, чтобы, согласно законамъ, каждый хозяинъ самъ отапливалъ квартиру своихъ постояльцевъ, но въ виду обременительности этой обязанности для хозяевъ городскому обществу было предложено обсудить, не найдетъ ли оно болѣе удобнымъ сдѣлать съ общаго согласія положеніе, чтобы дрова для квартирующихъ въ городѣ военныхъ постояльцевъ доставлялись на общій счетъ всѣхъ, кто обязанъ нести постойную повинность. Этотъ способъ правитель намѣстничества находилъ выгоднымъ для города въ томъ отношеніи, что хозяева домовъ, занятыхъ постоемъ, въ случаѣ доставки дровъ на общественный счетъ, нимало не сочтутъ себя отягощенными, особенно тѣ, которые выстроили новые дома для постоя, вслѣдствіе чего и другіе, къ которымъ по очереди долженъ быть назначенъ постой, въ тѣхъ домахъ, гдѣ сами живутъ, останутся свободны отъ постоя и не потерпятъ помѣшательства въ торгахъ, промыслахъ и упражненіяхъ своихъ. Обыватели посмотрѣли, однако, на дѣло гораздо болѣе пессимистически, чѣмъ ихъ главное начальство. Горожане два раза собираемы были въ Магистратъ, но ни на какое положеніе не согласились по той причинѣ, что видѣли въ предложеніи начальства только новое покушеніе на ихъ карманъ, и безъ того опустошенный разными поборами. Особенно обиженными чувствовали себя тѣ, кто имѣлъ отдѣльные дома для постояльцевъ и, отдавая ихъ въ полное распоряженіе этихъ послѣднихъ, обязанъ былъ къ тому же еще и продовольствовать ихъ своимъ отопленіемъ. Въ концѣ кон-

[1]) Харьк. Ист. Арх. Отд. VII, № 342.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Губ. Кишенскаго 1791 г.

цовъ вопросъ объ отопленіи пришлось рѣшать генералъ-губернатору Черткову. Соображаясь съ 7 и 8 пунктами полковничьей инструкціи 1764 года, въ которой указано, что военные чины, имѣющіе въ городѣ собственные дома, должны отапливать ихъ сами, пользуясь дровами изъ общественныхъ лѣсовъ, Чертковъ разсудилъ, что тѣ постояльцы, которые живутъ въ особыхъ отъ хозяевъ домахъ, могутъ быть приравнены къ упоминаемымъ въ инструкціи военнослужащимъ, владѣющимъ собственными домами, а потому и обязанность рубки дровъ изъ общественныхъ лѣсовъ и доставленіе ихъ въ квартиры для отопленія должна лежать на нихъ же самихъ, а не на хозяевахъ домовъ, что же касается тѣхъ домовъ, въ которыхъ постояльцы живутъ вмѣстѣ съ хозяевами, то обязанность отопленія такихъ домовъ должна всецѣло падать на хозяевъ [1]).

Мнѣніе Черткова не имѣло, какъ видно, рѣшающаго значенія, а если и имѣло, то не на долго. Изъ дѣлъ Харьковской Городской Думы за 1789 годъ мы видимъ, что отопленіе даже отдѣльныхъ обывательскихъ домовъ, занятыхъ постоемъ, лежало на обязанности хозяевъ. Въ 1789 г. богатые харьковскіе купцы—Павловъ, Хохловъ и др. обратились къ Пашкову съ жалобой на тягость отопленія ихъ отдѣльныхъ домовъ, занятыхъ офицерами, и просили, чтобы имъ въ этомъ отношеніи была оказана помощь. Пашковъ распорядился, чтобы остальные купцы, не столь обремененные постоемъ, помогали владѣльцамъ отдѣльныхъ домовъ, занятыхъ постоемъ, дровами. Рѣшено было воспользоваться общественнымъ лѣсомъ, но оказалось, что лѣсъ принадлежалъ не купцамъ и даже не городу, а обществу войсковыхъ обывателей, которые, конечно, не могли смотрѣть равнодушно на расхищеніе ихъ добра. Купеческимъ поползновеніямъ пришлось положить запретъ [2]).

Квартиры въ частныхъ домахъ отводились не только военно-служащимъ и военнымъ учрежденіямъ, но и нѣкоторымъ учрежденіямъ гражданскаго вѣдомства. При устройствѣ въ 1783 г. въ Харьковѣ банковой конторы, для нея былъ отведенъ домъ подпоручика Петра Моренка, находившійся не въ городѣ, а уже въ слободѣ. Дворъ былъ ветхій, и Моренку было приказано его исправить подъ угрозой, что если онъ не произведетъ въ скоромъ времени необходимыхъ починокъ, то самъ будетъ выведенъ изъ своего городского дома, въ которомъ живетъ, въ тотъ ветхій домъ, гдѣ отведена квартира банку, а банкъ будетъ переведенъ въ его городской домъ. Моренко кое какъ позадѣлалъ дыры въ крышѣ, а отъ прочихъ починокъ (печи, двери, пола, окна,) рѣшительно уклонился, несмотря на многократныя напоминанія ему директора конторы Абрамова черезъ посланныхъ присяжныхъ гвардіи сержантовъ, а напослѣдокъ въ самой конторѣ объявилъ, что онъ больше никакихъ починокъ на свой счетъ исправлять не будетъ, ибо „онъ содержаніемъ въ томъ его домѣ болѣе 40 лѣтъ безпрерывнаго постоя претерпѣваетъ крайнее отягощеніе и передъ другими согражданами обиду“ [3]).

Со времени введенія въ Харьковѣ городского самоуправленія постойная повинность, бывшая до сихъ поръ личною тяготою каждаго обывателя, распредѣляется между городомъ, какъ юридическимъ лицомъ, въ лицѣ его хозяйки Думы и отдѣльными горожанами. Хозяйка города должна была содержать на свои средства приличныя квартиры для старшаго военнаго начальства и полковыхъ учрежденій, отдѣльные обыватели—давать помѣщеніе и отопленіе для офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Такимъ распредѣленіемъ постойной повинности имѣлось въ виду облегчить положеніе отдѣльныхъ горожанъ, особенно лучшихъ, дома которыхъ постоянно приходилось занимать подъ генеральскія и шефскія квартиры. Этимъ именно соображеніемъ

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Пр. Дѣла Черткова 1786 г.

[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1789 г.

[3]) Арх. Харьк. Губ. Пр. 1783 г., № 1080.

и мотивировались извѣстныя уже намъ распоряженія о пріобрѣтеніи городомъ домовъ Шульца, Мордвинова, Чайковскаго, Титова и Солнцева.

Къ концу столѣтія былъ даже возбужденъ вопросъ о полномъ освобожденіи отдѣльныхъ горожанъ отъ квартирной повинности и о переводѣ ея на общегородскія средства. Въ 1797 г. состоялся Высочайшій рескриптъ на имя Харьковскаго губернатора Теплова, которымъ повелѣвалось „изъ находящихся въ губерніи казенныхъ строеній тѣ, которыя за помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ останутся праздны, обратить въ казармы для воинскихъ чиновъ или на шпитали и т. п.“ [1]). „Праздныхъ“ казенныхъ зданій въ Харьковѣ, вѣроятно, не оказалось, потому что уже въ слѣдующемъ 1798 г. по новому повелѣнію городскому обществу приказано было высказать свое мнѣніе объ устройствѣ въ Харьковѣ на общественный счетъ казармъ для помѣщенія всѣхъ военныхъ постояльцевъ: казармы должны были окончательно освободить горожанъ отъ тяготъ, соединенныхъ съ несеніемъ постойной повинности натурою [2]).

Мысль о казармахъ, для устройства которыхъ предположены были „добровольныя складки“ дворянства и отчисленія изъ винной суммы, не была осуществлена, хотя для нихъ изъ городской винной суммы, было взято 1338 р. 53 коп., которые такъ и не были возвращены городу.

Устройство и содержаніе на общественный счетъ военныхъ учрежденій легло на обязанность городского управленія съ первыхъ же лѣтъ существованія Городской Думы. Въ 1787 г. начальство предложило городу построить лазаретъ для рекрутскихъ и солдатскихъ командъ [3]). Въ 1788 г. Дума на городской счетъ пріобрѣтала всѣ принадлежности для лазарета, помѣщеннаго въ канцеляріи бывшаго харьковскаго батальона, а когда число больныхъ умножилось до 600, отвела для него домъ, купленный у Шульца, снабдивъ его всѣмъ для больницы необходимымъ. Когда и этихъ помѣщеній оказалось мало, больные рекруты были переведены за городъ въ особо устроенный сарай, а потомъ для нихъ былъ выстроенъ на городской счетъ лазаретъ, для котораго воспользовались зданіемъ бывшей баталіонной канцеляріи. Какъ постройка лазарета, такъ и снабженіе его ушатами, ложками, котлами и проч. произведены на городскія средства. Благодаря военнымъ обстоятельствамъ, постойная повинность была въ это время особенно тяжела для города. Это сознавало и само мѣстное начальство: для плѣнныхъ турокъ, въ видѣ облегченія города, оно отдало флигель губернаторскаго дома, а на городъ возложило обязанность отапливать его и снабжать всѣмъ необходимымъ [4]). Съ тою же цѣлью облегченія горожанъ, занятъ былъ подъ рекрутскій госпиталь въ 1791—1792 гг. и упраздненный Куряжскій монастырь [5]).

Въ Павловское время постойная повинность составляла для города особенно большую тяготу. Въ 1798 г. Дума выстроила на городской счетъ для кирасиръ 20 караульныхъ будокъ, лазаретъ и манежъ и пріобрѣла нѣсколько домовъ для квартиръ полковыхъ шефовъ. Въ 1799 г. шефъ драгунскаго полка ген. маіоръ Глазенапъ потребовалъ для вахтъ-параднаго караула постройки кордегардіи, будокъ, шлагбаумовъ и сошекъ для ружей. Хотя для вахтъ-парада можно было бы воспользоваться тѣми приспособленіями, какія еще раньше были устроены Думой для драгунскихъ парадовъ, но губернаторъ нашелъ, что требованія Глазенапа нужно выполнить полностью, при чемъ и отъ себя прибавилъ нѣкую тяготу къ отяготительнымъ генеральскимъ требованіямъ: кордегардію губернаторъ приказалъ выстроить каменную, такъ чтобы

---

[1]) Румянцевскій музей. Отд. рук., № 3048.

[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. приг. Думы 1798 г.

[3]) Тамъ же. Вход. 1787 г.

[4]) Тамъ же. Вход. 1788 г.

[5]) Тамъ же. Вход. 1792 г.

сверхъ надобности, для которой она будетъ построена, она могла въ числѣ другихъ городскихъ строеній служить для украшенія города [1]). Распоряженіе это тѣмъ болѣе было отяготительно, что на выполненіе его былъ данъ только 6-ти дневный срокъ [2]).

Постойная повинность, даже въ той ея части, которая лежала на обязанности городского управленія, давала поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ. Несмотря на то, что городъ владѣлъ собственными домами, предназначенными для постоевъ, его иногда заставляли прибѣгать и къ найму частныхъ квартиръ для военныхъ постояльцевъ. Такъ, въ 1791 г. для генералъ-поручика Елагина былъ нанятъ на городской счетъ домъ священника Фотіева, за который Дума должна была заплатить 150 р. по распоряженію губернатора, мотивировавшаго свое „предложеніе“ выгодами горожанъ [3]). Въ 1793 г. губернаторъ Кишенскій обязалъ Думу отапливать квартиру генералъ-провіантмейстера Грибовскаго, не имѣвшаго никакого права пользоваться общественными дровами, и несмотря на протестъ Думы, настоялъ на исполненіи своего требованія [4]). Въ 1798—1799 г. г. помѣщеніе для Врачебной Управы и ея инспектора Миндерера нанималось на городской счетъ. Тоже было и съ квартирой форштмейстера [5]). Самъ губернаторъ Кишенскій жилъ на частной квартирѣ, плата за которую вносилась изъ городскихъ средствъ. Въ частномъ же домѣ жилъ и губернаторъ Тепловъ, а Магистратъ и Дума платили за его квартиру изъ городскихъ денегъ. На городской счетъ содержалась почему то и квартира г-жи Елены Неклюдовой. Городскіе дома, купленные у Мордвинова и Чайковскаго, по распоряженію полиціи отведены были подъ постой тѣмъ же Мордвинову и Чайковскому. На запросъ, почему въ городскихъ домахъ квартируютъ ихъ бывшіе владѣльцы, Дума такъ и не была удостоена отвѣтомъ [6]). Въ 1799 г. Думѣ предложено было оплачивать и отапливать квартиру шефа драгунскаго полка, нанятую безъ вѣдома Думы у полковницы Буксгевденъ. Оказалось, что домъ для квартиры шефа губернаторъ нанялъ „самъ собою“, безъ согласія и приговора городского общества. Домъ былъ нанятъ на одинъ только годъ, буде же шефъ возвратится изъ похода, то наемъ продолжать въ теченіе 4-хъ лѣтъ, съ заплатою по 400 р. въ годъ и ремонтомъ на счетъ Думы [7]). Въ 1800 г. губернаторъ приказалъ городничему отвесть домъ, купленный городомъ у Титова, полковнику 2-го чугуевскаго регулярнаго козачьяго полка, а Думѣ—очистить его и заготовить дровъ для отопленія,—распоряженіе это Дума признавала совершенно не законнымъ, хотя и подчинилась ему [8]).

Постойными городскими домами всецѣло распоряжалась полиція, отводившая ихъ подъ квартиры по собственному усмотрѣнію, а отъ города требовавшая при всякой перемѣнѣ постояльца новыхъ расходовъ. Сами постояльцы распоряжались городскими домами крайне безцеремонно. Шефъ драгунскаго полка, генералъ-маіоръ Глазенапъ, выбравшись изъ общественнаго дома, въ которомъ онъ занималъ квартиру, забралъ съ собою всю находившуюся въ немъ мебель, вырвалъ изъ потолка и увезъ съ собою кольца, на которыхъ висѣли люстры, ведра, даже доски изъ конюшни. Губернаторъ, къ которому было обратилась Дума, отвѣтилъ, что забранныя вещи генералу нужны и будутъ возвращены Думѣ при его отъѣздѣ изъ города. Генералъ дѣйствительно скоро выѣхалъ изъ города, но вещей такъ и не возвратилъ. Военные

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1799 г., № 161.
[2]) Тамъ же. Подл. Приг. 1800 г., кн. 3.
[3]) Тамъ же. Журн. 1791 г.
[4]) Тамъ же. Подл. Приг. 1793 и 1795 г.г.
[5]) Тамъ же. Подл. Приг. 1799 г.
[6]) Тамъ же. Подл. Приг. 1800 г., кн. 3.
[7]) Тамъ же. Подл. Приг. 1799 г.
[8]) Тамъ же. Подл. Приг. 1800 г.

страшно портили городскіе дома, которые занимали квартирою. Въ 1800 г. смотритель городскихъ строеній доносилъ Думѣ о многихъ поломкахъ въ городскомъ домѣ (б. Солнцева), въ которомъ квартировалъ драгунскій полковникъ Шевичъ. Несмотря на просьбы Думы, испорченное не было исправлено. Полковникъ Чемесовъ, жившій въ городскомъ домѣ, обратилъ избу возлѣ воротъ въ конюшню. Самъ городничій (Грековъ), квартировавшій тоже въ общественномъ домѣ, при выѣздѣ изъ него забралъ съ собою и всю городскую мебель. Такъ какъ городъ не имѣлъ никакого касательства къ распоряженію своими домами, а иногда даже и не зналъ, кто въ нихъ квартируетъ, то и описей имущества, по которымъ дома эти принимались отъ одного квартиранта и сдавались другому, въ Думѣ не было, и знать, что увезено или испорчено квартирантами, она не могла, а потому при всякой перемѣнѣ квартиранта требовались новые расходы на пополненіе расхищеннаго или испорченнаго. При отводѣ напр. квартиры шефу Чугуевскаго полка въ бывшемъ домѣ Мордвинова отъ Думы потребовали новую мебель, такъ какъ прежней въ домѣ не оказалось. Тоже было и съ выстроеннымъ городомъ лазаретомъ. Со времени его постройки онъ былъ занимаемъ больными сперва кирасирскаго, потомъ драгунскаго, а потомъ Чугуевскаго козачьяго полковъ, но полки эти лазарета „на отчетъ свой не принимали, а только безпрестанно требовали исправленій". Военные чиновники, жившіе въ городскихъ домахъ, требовали для отопленія дровъ „не по чинамъ своимъ, а по числу печей". Бывали случаи, когда для надобностей военныхъ постояльцевъ уничтожались цѣлыя городскія сооруженія. Такъ въ сентябрѣ 1800 г. городскому головѣ Урюпину сдѣланъ былъ изъ Губернскаго Правленія запросъ, гдѣ дѣвался Лопанскій мостъ. Навели справку по дѣламъ Думы, изъ которой оказалось, что съ такимъ запросомъ сама Дума уже обращалась къ городничему, который отвѣтилъ, что Лопанскій мостъ разобранъ по повелѣнію бывшаго губернатора Сабурова, и дерево изъ него перевезено въ конюшни драгунскаго полка на починку яслей [1]).

Несмотря на снятіе съ горожанъ части бремени постойной повинности и передачу его на плечи городского управленія, отдѣльнымъ обывателямъ постой обходился все-таки не легче прежняго, а можетъ быть, даже и тяжелѣе, потому что распоряженіе назначеніемъ постоевъ съ 1787 г. перешло всецѣло въ руки полиціи. До 1787 года распредѣленіемъ постоевъ между обывателями вѣдали квартирмистры, мѣстные жители, выбираемые и вознаграждаемые за свой трудъ (30 руб. въ годъ) городскимъ обществомъ и потому проявлявшіе меньше произвола въ отношеніи своихъ согражданъ. Въ 1787 году, по приказу Черткова, распоряженіе постойной повинностью всецѣло передано въ руки городничаго, казеннаго чиновника, ровно ничѣмъ съ горожанами не связаннаго. Участіе горожанъ въ распредѣленіи квартирной повинности выражалось только въ томъ, что Магистратъ командировалъ въ распоряженіе городничаго одного или двоихъ ратмановъ, присутствіе которыхъ, впрочемъ, не давало никакой гарантіи горожанамъ, такъ какъ ратманъ самостоятельнаго значенія не имѣлъ, а былъ только подручнымъ лицомъ, исполнявшимъ распоряженія городничаго. Отсюда рядъ жалобъ на произволъ полиціи и самихъ постояльцевъ при распредѣленіи постойной повинности.

Въ 1787 коллежскій регистраторъ Александръ Павловъ (будущій городской голова) жаловался Черткову: „21 марта городничій Дерюгинъ, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Германомъ (полицейскій чиновникъ), пришедъ ко мнѣ въ домъ для осмотра квартиры кн. Кантемиру и находящимся при немъ офицерамъ, нашли ее тѣсною и неудобною, а сего 2 апрѣля нечаянно пріѣхалъ упоминаемый князь съ бывшими при немъ офицерами, людьми и караульными солдатами къ дому моему и, нашедъ квартиру не очищенну, по прибытіи прапорщика Германа

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подл. Приг. 1800 г.

строжайше изъ жилыхъ 2 покоевъ совсѣмъ вонъ приказалъ выходить, почему не имѣвъ на то времени и по принужденію приступающихъ къ очищенію солдатъ, не могъ себя расположить, и все имѣющееся въ домѣ моемъ, какъ платье, такъ и сундуки и разныя вещи тѣми солдатами на дворъ вынесены, почему многихъ вещей изъ оныхъ не является, а сверхъ того нахожусь хотя въ томъ же дворѣ, но не имѣя и для нужнаго жительства средствъ, претерпѣваю съ семьею непосильную нужду, хотя жъ особо отъ сего двора имѣю одну маленькую избу, гдѣ также г. прапорщикомъ Германомъ поставлено прежде 8, а нынѣ 5 солдатъ въ крайнее мнѣ разореніе и невыносимую обиду“ [1]). Въ 1788 году вдова поручика Ильи Черкеса жаловалась на то, что домъ ея былъ занимаемъ многіе годы генералитетомъ и штабъ офицерами, несмотря на состоявшійся въ 1765 году и подтвержденный въ 1768 году указъ Губернской Канцеляріи объ освобожденіи ея дома отъ постоя въ виду заслугъ мужа [2]). Привлекалось къ несенію постойной повинности не только „гражданство“, но и не принадлежавшіе къ городскому обществу слобожане и даже уѣздные жители. Въ 1789 году въ домахъ харьковскихъ казенныхъ поселянъ, „людей скудныхъ“, стояли квартирами рекрутскія и другія команды. Кромѣ того, тѣ же казенные поселяне обязаны были доставлять въ городъ дрова для отапливанія квартиръ плѣнныхъ турокъ [3]). Въ 1789 году уѣзные жители жаловались директору экономіи Батезатулу на крайнее свое отягощеніе вслѣдствіе обязанности доставлять въ Харьковъ дрова для рекрутскаго госпиталя и квартиръ плѣнныхъ турокъ. Рѣшено было повинность эту всецѣло возложить на городское общество и казенныхъ обывателей, жившихъ въ Харьковѣ и подгородныхъ слободахъ, но такъ какъ городское общество не изъявило согласія на доставку дровъ, то плѣнныхъ велѣно было разставить по квартирамъ у купцовъ и мѣщанъ [4]). Переложеніе тяготъ постойной повинности съ плечъ горожанъ на плечи слобожанъ видимъ не разъ. Въ 1791 году губернаторъ Кишенскій писалъ къ директору экономіи Батезатулу: „Государь мой Михайло Ивановичъ. Какъ въ здѣшнемъ городѣ для казенныхъ штатной роты лошадей конюшни не имѣется, то во избѣжаніе отягощенія жителямъ, коихъ дворы подъ постой лошадямъ заняты быть должны, васъ, милостиваго государя моего, покорно прошу приказать харьковскимъ обывателямъ оную конюшню нынѣ немедленно выстроить, о потребныхъ же на нее матеріалахъ съ архитекторской смѣты копію при семъ прилагаю“ [5]).

Какъ тяжела была постойная повинность для горожанъ и какія злоупотребленія имѣли при этомъ мѣсто,—видно изъ слѣдующаго коллективнаго прошенія, поданнаго въ 1792 г. въ Городскую Думу харьковскимъ купечествомъ и цеховымъ обществомъ.

„Мы, нижепоименованные, имѣя въ городѣ собственные свои дома, отбываемъ за нихъ всякія вещественныя и личныя тягости, между которыми съ великою трудностію несемъ и находимъ для себя ощутительнымъ помѣшательствомъ и разореніемъ постои, ибо отводятся квартиры въ домахъ нашихъ не только воинскимъ, но безъ разбору и статскимъ высшимъ и низшимъ чинамъ, а также и проѣзжающимъ всякимъ людямъ, которые иногда стѣсняютъ хозяина по своей прихоти, занимая въ домѣ по два или три покоя самыхъ лучшихъ со службами, въ то время, когда бы имъ довольно было и одного покоя, какой имъ самъ хозяинъ отведетъ, да и тотъ должны бы они нанимать за деньги. Въ несеніи такой тягости нисколько не участвуютъ разночинцы, пользующіеся городскимъ правомъ и имѣющіе

[1]) Арх. Губ. Пр. Дѣла Черткова. 1787 г.
[2]) Тамъ же. Дѣла Черткова 1788 г.
[3]) Тамъ же. Дѣла 1789 г.
[4]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1789 г.
[5]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Кишенскаго 1791 г.

свои дома въ городѣ, вслѣдствіе чего мы въ сравненіи съ ними чувствуемъ себя обижинными. А происходитъ это отъ того, что расположеніе въ городѣ постоевъ зависитъ непосредственно отъ полиціи, а не отъ Городового Магистрата, какъ бы слѣдовало по закону.—Магистратъ къ этому касательства не имѣетъ,—а затѣмъ и отъ того, что мы, не имѣя квартирмистра изъ своихъ собратій, не можемъ быть между собой уравнены въ отношеніи постоя, но иной отягощается излишне, а другой бываетъ облегченъ или вовсе освобожденъ, хотя имѣетъ по сравненію съ прочими большія средства и пользуется преимущественно передъ другими городскими выгодами". Далѣе просители ссылались на законы [1]), на предыдущую практику организаціи постойной повинности въ Харьковѣ (которая раньше, согласно законамъ и распоряженіямъ мѣстнаго начальства, находилась въ вѣдѣніи мѣстнаго Магистрата; въ это время домовладѣльцы, выстроившіе дома по плану, пользовались свободой отъ постоя въ теченіе трехъ лѣтъ) и въ заключеніе просили: представить, куда надлежитъ, о передачѣ постойной повинности по прежнему въ вѣдѣніе Магистрата, о привлеченіи къ этой повинности разночинцевъ, имѣющихъ свои дома въ городѣ и пользующихся городскимъ правомъ, о запрещеніи полиціи мѣшаться въ расположеніе постоевъ и о дозволеніи горожанамъ выбрать одного достойнаго человѣка, или сколько потребуется, въ квартермистры [2]).

Просьба горожанъ не была уважена. Квартирная повинность не сдѣлалась легче, а скорѣе наоборотъ: въ 1798 г. губернаторъ Тепловъ приказалъ, чтобы хозяева домовъ, въ которыхъ жили кирасирскіе офицеры, вмѣсто поставки натурою дровъ для отопленія квартиръ,

[1]) Чтобы показать, насколько дѣйствительность расходилась съ требованіями закона, приводимъ тѣ ссылки на законы, которыя сдѣланы въ жалобѣ купцовъ и цеховыхъ. *Регламентъ Главнаго Магистрата*, 13 глава: „Понеже когда въ городахъ армейскіе и гарнизонные полки имѣютъ квартиры у городскихъ жителей, тогда онымъ отъ не порядочнаго отводу квартиръ бываетъ не безъ тяжкихъ обидъ и въ торгахъ и промыслахъ не безъ остановки, того ради Главному Магистрату для порядочнаго разводу квартиръ, дабы одинъ передъ другимъ никто отягощенъ и облегченъ не былъ, велѣть во всѣхъ городахъ Магистратамъ выбрать изъ гражданъ особыхъ квартирмистровъ". *Магистратская инструкція* 1724 г., 71 п.: „Когда случится въ городѣ полкамъ по указу имѣть квартиры, и о томъ надлежащее учрежденіе чинить, и имѣть въ своемъ вѣдомствѣ опредѣленныхъ городовыхъ квартирмейстеровъ, дабы все было уравнено и гражданамъ противъ бѣломѣстцевъ отъ прочихъ по неимѣнію покоевъ и паче такожъ между гражданами одному противъ другого излишняго отягощенія не было". *Губернаторскій наказъ* 1728 г., 48 пунктъ: „Губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ жить по прежнему, гдѣ есть, въ губернаторскихъ и воеводскихъ и прочихъ казенныхъ свободныхъ дворахъ, гдѣ прежде воеводы жили, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то на монастырскихъ городовыхъ подворьяхъ, а канцеляріи содержать въ приказныхъ избахъ, служителямъ имѣть свои дворы или нанимать, а квартиръ отнюдь не давать, буде же пріѣдетъ на время или въ проѣздѣ, также и во время полковой станціи, тѣмъ отводить изъ ратушъ по очереди, а не по прихотямъ постояльцевъ, и стоять имъ въ тѣхъ покояхъ, въ коихъ хозяинъ покажетъ, а съ квартиры на квартиру самовольно не переходить, дровъ и свѣчей, кромѣ унтеръ-офицеровъ, солдатъ, матросъ и драгунъ, не давать, а довольствоваться своими". *Полковничья инструкція* 1764 г., 2 глава, 19 пунктъ: „Въ непремѣнныхъ квартирахъ никого не обходити, брать же квартиры по слѣдующему росписанію: полковнику, подполковнику и маіорамъ каждому по три покоя, капитану 2, а прочимъ офицерамъ по одному, а когда таковыхъ покоевъ вовсе нѣтъ или недостаточно, то довольствоваться тѣми, какіе случатся". *Городовое положеніе*, ст. 7: „Власть имѣющія мѣста или лица да не налагаютъ на городъ новыхъ податей или службъ, или тягостей, а буде кто-либо требовать будетъ въ противность узаконенію, или что городу трудно и тягостно, то Городовой Магистратъ имѣетъ о томъ жалобу приносить Губернскому Магистрату, равно доносить и Сенату". Ст. 10: „Мѣщанскія подати, службы и тягости, какъ личныя, такъ и вещественныя, всякъ въ городѣ мѣщанскимъ торгомъ, ремесломъ и промысломъ промышляющій повиненъ несть наравнѣ съ мѣщанствомъ". Ст. 13: „Дворяне, кои имѣютъ собственные дома или сады, или землю, или мѣста въ городѣ или предмѣстьи, хотя сами въ нихъ живутъ или въ наемъ отдаютъ, отъ мѣщанскихъ тягостей не освобождаются".

[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Вход. 1792 г.

вносили своимъ постояльцамъ по 4 рубля за квадратную сажень дровъ [1]). Ожидать отъ такихъ распоряженій прекращенія жалобъ на обременительность постоевъ было, конечно, нельзя. И жалобы не прекращались.

10 ноября 1799 года харьковское городское общество, собравшись въ Думѣ, разсудило о томъ, что многіе изъ горожанъ, имѣя въ Харьковѣ свои дома, отбываютъ постой съ великою трудностью, а нерѣдко и съ ощутительнымъ разореніемъ, такъ какъ отводъ квартиръ дѣлается полиціей не по очереди, и квартиры отводятся не только военнымъ и штатскимъ высшимъ и низшимъ чинамъ, но даже и пріѣзжающимъ, являющимся въ городъ по собственнымъ надобностямъ, а между тѣмъ какъ послѣднимъ, такъ и штатскимъ чинамъ по закону должно бы нанимать квартиры, а не пользоваться даровыми по отводу полиціи. За постояльцами, разставленными по квартирамъ у обывателей, со стороны полиціи нѣтъ надлежащаго присмотра, вслѣдствіе чего они, вопреки указа 11 сентября 1775 года и 48 пункта губернаторской инструкціи, занимаютъ не по чинамъ по 2 и 3 покоя самыхъ лучшихъ, а иногда и больше, а если отведенныя имъ квартиры не нравятся, то сами выбираютъ по городу лучшія и изъ одной переходятъ въ другую. Отъ этой тяготы свободны, однако, живущіе въ городѣ своими домами дворяне и разночинцы, такъ какъ у нихъ постой бываетъ рѣдко, а если иногда и бываетъ, то съ уплатою денегъ изъ суммъ городскихъ доходовъ. Вслѣдствіе неуравнительнаго распредѣленія постойной повинности, горожане считали себя крайне обиженными и думали, что всѣ непорядки происходятъ не отъ чего другого,какъ отъ того, что отводомъ квартиръ распоряжается не Городовой Магистратъ, а полиція, чиновники которой, не будучи настоящими жителями города, а часто людьми въ городѣ совсѣмъ новыми, не имѣютъ возможности ни быть освѣдомлены о состояніи каждаго горожанина порознь, ни знать о всеобщихъ нуждахъ цѣлаго города, къ тому-же и дѣйствуютъ они несогласно съ законами. Горожане находили, что всѣ эти непорядки и тяготы не имѣли бы мѣста, если бы, согласно законамъ, квартиры отводились квартирьерами, выбираемыми изъ среды городского общества, а потому постановили еще разъ отнестись, куда слѣдуетъ, отъ лица Харьковской Городской Думы съ представленіемъ о томъ, чтобы въ Харьковѣ право распоряженія квартирной повинностью было передано по прежнему въ вѣдѣніе Городового Магистрата, а полиціи запрещено было вмѣшиваться въ распредѣленіе квартиръ, потому что она „не имѣетъ къ тому законнаго права“. Единственнымъ закономъ, указывавшимъ на право полиціи мѣшаться въ распредѣленіе квартирной повинности, горожане признавали 270 ст. Учрежденія о губерніяхъ, въ которой сказано: „буде случится войскамъ Императорскаго Величества, полку или командѣ пройти черезъ городъ, тогда, когда надобно, городничій велитъ отвести квартиры“, но и это указаніе они толковали въ томъ смыслѣ, что относится оно только къ случаямъ прохода черезъ городъ полковъ или командъ, а не къ постояннымъ квартирамъ [2]).

Иллюстраціей къ заявленіямъ городского общества о тягости квартирной повинности являются жалобы отдѣльныхъ горожанъ. Въ 1800 г. купецъ Ив. Ворожейкинъ объявлялъ Городской Думѣ, что имѣетъ онъ за рѣкою Харьковомъ особый для постоя домъ, въ которомъ всегда постой находился, но при комендантѣ Челисовѣ въ домѣ этомъ постои ставить перестали, а начали ставить въ томъ домѣ, въ которомъ онъ самъ живетъ. Здѣсь къ нему былъ поставленъ на квартиру маіоръ чугуевскаго полка Инагинскій, который и нанесъ Ворожейкину „обиды чувствительныя“. Новый постоялецъ не захотѣлъ стать въ отведенныхъ ему покояхъ, а выгналъ самого хозяина изъ занимаемаго имъ помѣщенія и расположился въ немъ „по своимъ прихотямъ“. Случилось это въ то время, когда Ворожейкинъ былъ очень боленъ. На просьбы

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Подлин. Приг. 1798 г.

[2]) Тамъ же. Подл. Приг. 1799 г., № 241.

не выгонять его, больного, постоялецъ грозилъ запереть его въ погребъ. Маіоръ принималъ къ себѣ неизвѣстныхъ помѣщиковъ, слуги коихъ вмѣстѣ съ людьми маіора въ отсутствіи Ворожейкина обидѣли его жену и работницу, а по прибытіи Ворожейкина домой опять тѣ же маіорскіе люди „обидѣли грубостями и боемъ“ его жену и невѣстку. Ворожейкины, мужъ и жена, жаловались на обиды маіорской прислуги сперва самому маіору, а потомъ городничему и прочимъ начальникамъ, но результатъ былъ только тотъ, что маіоръ выбранилъ его жену непотребными словами, а мужа „съ угрозами за руку взявши, хотѣлъ вывесть изъ покоевъ, говоря, чтобы впредь на его слугъ жалобъ не заносили“. Отъ городничаго же и прочихъ начальниковъ никакого удовлетворенія не послѣдовало, а отъ маіора послѣдовала еще горшая обида, ибо маіоръ безъ отводу полиціи принялъ къ нему на квартиру еще какого то маіора, отъ чего Ворожейкинъ и его семья терпятъ обиду и утѣсненіе, тѣмъ болѣе, что послѣ постройки имъ по плану дома въ теченіе уже болѣе 10 лѣтъ отъ постоевъ ни на малое время ему не сдѣлано облегченія. Ворожейкинъ просилъ Думу о выводѣ изъ его дома обоихъ маіоровъ и о „защищеніи“. Дума могла только занести жалобу Ворожейкина въ протоколъ да обратиться съ просьбой о его защитѣ къ тому же городничему, отъ котораго Ворожейкинъ не получилъ никакого удовлетворенія по своей жалобѣ [1]).

Несмотря на тягость натуральныхъ повинностей, роль ихъ въ пореформенный періодъ жизни Харькова была все таки второстепенная. Превалирующее значеніе получили денежные сборы въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Съ учрежденіемъ губерніи всѣ войсковые обыватели и панскіе подданные были обложены однообразнымъ налогомъ—„подушнымъ“. Съ войсковыхъ обывателей, пользовавшихся правомъ свободнаго винокуренія, „подушное“ взималось въ размѣрѣ 95 коп. съ ревизской души, съ „непривилегированныхъ“, т. е. не имѣвшихъ права курить горѣлку, бралось въ казну по 85 коп., съ экономическихъ и панскихъ подданныхъ—шестигривенный окладъ. Отъ платежа „подушнаго“ были свободны дворяне, бывшіе козацкіе старшины и всѣ вообще служилые люди и духовенство. Сколько собственно платили харьковцы, это видно изъ вѣдомости 1767 г. Въ то время въ 95-копеечномъ окладѣ числилось по Харькову 3426 душъ войсковыхъ обывателей, уплачивавшихъ въ казну 3254 р. 70 коп. Изъ неокладныхъ сборовъ вѣдомость упоминаетъ о сборахъ съ паспортовъ, штрафныхъ за небольшія обывательскія преступленія и сборахъ съ продажи и мѣны лошадей [2]). Полагать нужно, уплачивались, кромѣ того, харьковцами и тѣ неокладные сборы, какіе существовали въ послѣдніе годы управленія Харькова козацкимъ начальствомъ,—пошлины крѣпостныя и печатныя. Думаемъ такъ потому, что распоряженій объ отмѣнѣ этихъ сборовъ не было.

Съ учрежденіемъ намѣстничества платежи харьковцевъ по окладнымъ и неокладнымъ сборамъ замѣтно возвысились. Такъ войсковые обыватели, пользовавшіеся правомъ винокуренія, согласно указу 3 мая 1783 года, стали платить не 95 коп., а уже 1 руб. 20 коп., непривилегированные обыватели—не 85 коп., а рубль, мѣщане, которыхъ до открытія намѣстничества въ Харьковѣ не было, и цеховые по тому же указу платили по 1 руб. 20 коп. съ души. Кромѣ того, сверхъ „подушнаго“, какъ мѣщане, такъ и войсковые обыватели уплачивали еще и такъ называемые „накладныя“ по 2 коп. съ рубля. Купцы (сословіе для Харькова тоже новое) обязаны были уплачивать въ казну по одному проценту съ объявленныхъ по совѣсти капиталовъ [3]).

Изъ неокладныхъ сборовъ, собиравшихся въ намѣстническое время, мы знаемъ слѣдующіе: сборъ съ купчихъ и закладныхъ, установленный по „крѣпостнымъ статьямъ“ 1705 года и указамъ 1763 и 1775 г. г.; явочныя, исковыя и апелляціонныя, съ челобитенъ по указу 15 декабря

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Проток. Думы 1800 г., кн. 3.

[2]) Д. И. Багалѣй. „Матеріалы“, т. II, стр. 236—237.

[3]) Перв. Полн. Собр. Зак. Томъ XXI, № 15724.

1763 года; кромѣ того, съ челобитчиковыхъ дѣлъ брались пошлины и печатныя по 31 и 36 пунктамъ 18 главы Уложенія; сборъ съ плановъ и межевыхъ книгъ, установленный указомъ 1764 года и межевою инструкціею; штрафныя по дѣламъ, согласно указу 31 іюля 1766 года; сборъ съ печатныхъ паспортовъ и восковыхъ печатей по указу 15 декабря 1763 года; съ гербовой бумаги и за употребленную вмѣсто нея простую (по указамъ 15 декабря 1763 года и 18 іюня 1764 г.); складочныя рекрутскія деньги и штрафы за недоставку рекрутъ въ срокъ по указу 3 мая 1783 года; за проданный пригульный скотъ и найденныя вещи (по „сыщиковой инструкціи“ 19 ноября 1756 года); проценты со сборовъ, не внесенныхъ въ положенный срокъ (по указу 13 мая 1754 года); за препровожденіе бѣглыхъ людей, штрафы за небытіе на исповѣди, за повышеніе въ чинахъ. вычеты на госпиталь, вычеты на медикаменты. Въ числѣ неокладныхъ сборовъ, собиравшихся въ Харьковскомъ намѣстничествѣ, документы того времени упоминаютъ еще о штрафахъ за корчемное вино, сборахъ за проданную соль, за „сочиненіе пергаментовыхъ книгъ“, за клейменіе картъ и сборъ съ патентовъ, но давали ли что нибудь по этимъ статьямъ въ казну собственно харьковцы,—не знаемъ [1]).

Если къ этимъ сборамъ, шедшимъ на общегосударственныя надобности, прибавимъ городскіе налоги, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить въ главѣ, посвященной городскому хозяйству, сословные (войсковые обыватели содержали на свой счетъ атаманское правленіе, цеховые тоже что нибудь давали, конечно, для содержанія своего сословнаго управленія), сборы на содержаніе почты, то придемъ къ заключенію, что въ общемъ сумма платежей, падавшихъ на каждаго горожанина въ отдѣльности, должна была составлять не малое бремя. Уже одно „подушное“ въ 1 руб. 20 коп. должно показаться очень не легкимъ налогомъ, если вспомнить, что годовая цѣна взрослому работнику въ то время равнялась четыремъ рублямъ, и что, стало быть, для оплаты одного только подушнаго требовалось служить болѣе трехъ мѣсяцевъ. „Подушное“, кромѣ того, что было велико, было и не всегда справедливо: инымъ приходилось платить за „мертвыя души“, за родичей, внесенныхъ въ ревизію и не исключенныхъ изъ оклада послѣ смерти, а инымъ и за живыя души ничего платить не было нужно, потому, что эти души появились на свѣтъ послѣ ревизіи и въ окладъ не попали. „Подушное“ не считалось съ достаткомъ плательщика, и тѣже 1 руб. 20 коп., которые платилъ богатый мѣщанинъ, долженъ былъ платить и его односословникъ, ютящійся въ чужой хатѣ. Указаній на то, чтобы „подушное“ разверстывалось пропорціонально достаткамъ отдѣльныхъ плательщиковъ, въ документахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, никакихъ не имѣется.

Чтобы покончить съ вопросомъ о повинностяхъ, намъ остается только упомянуть о судьбѣ тѣхъ привилегій по промышленной и торговой части, какія обусловливались въ козацкій періодъ повинностями населенія, а послѣ уничтоженія козачества уцѣлѣли на нѣкоторое время, какъ пережитокъ стараго строя. Наибольшее значеніе имѣло для харьковцевъ право безпошлиннаго куренія горѣлки и продажи ея. Оно и понятно: главнымъ богатствомъ населенія былъ хлѣбъ, и населеніе болѣе всего дорожило этой привилегіей.

Въ 1767 году, подавая свой наказъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія, харьковцы прежде всего просили подтвержденія ихъ старыхъ правъ на свободное винокуреніе и шинкованіе. Право это по давнимъ привилегіямъ было предоставлено старшинѣ, козакамъ и всему поспольству, т. е. свободному населенію, но на ряду съ этими свободными классами правомъ винокуренія пользовались и подданные великороссійскихъ и другихъ помѣщиковъ, жившіе какъ въ Харьковѣ, такъ и по слободамъ. Харьковцы разсматривали это какъ нарушеніе ихъ права. Въ наказѣ своемъ они жаловались, что подданные—черкасы не только

[1]) Топографическое описаніе Харьковск. намѣстнич. 1785 года. Рукопись.

въ Харьковѣ, но и въ уѣздѣ для винокуренія имѣли „множественное число котловъ, такъ что и у войсковыхъ обывателей столько ихъ нѣтъ, и черезъ то въ лѣсахъ, по недостатку здѣсь оныхъ, совершенное опустошеніе, а въ цѣнѣ хлѣбу немалую дороговизну производятъ", а харьковцамъ отъ этого слѣдуетъ въ промыслахъ подрывъ и уменьшеніе. Другимъ препятствіемъ къ пользованію своей привилегіей харьковцы считали „напрасныя примѣтки и отягощенія", какія причинялись имъ при провозѣ ихъ вина черезъ великорусскія селенія, лежащія въ предѣлахъ Слободской губерніи [1]). Были, такимъ образомъ, злоупотребленія, но нарушенія привилегіи еще не было. По коммисарской вѣдомости того же 1767 года въ одномъ Харьковѣ насчитывалось 27 винокурень, 156 шинковъ и 7 винныхъ погребовъ [2]).

Но уже 2 года спустя начинаютъ приниматься мѣры къ ограниченію свободы въ куреніи горѣлки установленіемъ нормы. Въ 1769 году Слободская Губернская Канцелярія установила правила, кому и сколько можно курить горѣлки. Согласно этимъ правиламъ, полной свободой винокуренія пользовался только „генералитетъ", которому дозволено было курить вино „по ихъ благоразсужденію"; полковникамъ позволялось имѣть четыре котла, штабъ-офицерамъ, а также полковникамъ, обознымъ и судьямъ бывшей козачьей службы—3 котла, оберъ-офицерамъ и эсауламъ, ротмистрамъ, полковымъ писарямъ, хорунжимъ и сотникамъ—2 котла, унтеръ-офицерамъ, капраламъ, канцелярскимъ нижнимъ служителямъ и подпрапорнымъ—по одному котлу, войсковымъ обывателямъ на каждую тысячу душъ—20 котловъ, а владѣльческимъ подданнымъ—по одному котлу на 200 и менѣе душъ. Совершенно воспрещалось винокуреніе духовенству, великороссійскимъ купцамъ, отставнымъ унтеръ-офицерамъ и офицерамъ и всѣмъ тѣмъ, кои „въ обществѣ Слободской губерніи никакихъ маетностей не имѣютъ и въ обществѣ слободскомъ не состоятъ" [3]).

Съ теченіемъ времени винокуреніе въ Харьковѣ стало и совсѣмъ выводиться. Въ силу какого указа оно было запрещено харьковцамъ,—мы не знаемъ. Знаемъ только, что въ 1787 году жители Харькова и Сумъ просили намѣстника Черткова о дозволеніи имъ виннаго куренія по 1 мая 1788 года, ссылаясь на то, что они заблаговременно запаслись уже хлѣбомъ и дровами, смѣшали хлѣбъ и сдѣлали его негоднымъ къ употребленію въ пищу и, не перекуривъ его, потерпятъ большіе убытки и будутъ принуждены лишиться скота по неимѣнію барды для корма ему. Чертковъ приказалъ провѣрить показанія жителей, и если хлѣбъ у нихъ дѣйствительно перемѣшанъ и заготовлены дрова, то удовлетворить ихъ просьбу, но при этомъ наблюдать всѣми мѣрами, чтобы не было злоупотребленій, т. е. чтобы жители вновь не прикупали хлѣба и дровъ для винокуренія [4]).

О послѣдующей судьбѣ винокуренія въ Харьковѣ намъ ничего не извѣстно. Въ описаніяхъ Харькова конца XVIII столѣтія перечисляются разныя промышленныя заведенія, существовавшія въ то время въ городѣ, но среди нихъ винокурень не встрѣчается, и можно думать, что съ 1788 года свобода винокуренія была у харьковцевъ окончательно отнята.

Въ свободномъ шинкованіи горѣлкой харьковцы не встрѣчали до самыхъ 80-хъ годовъ сколько-нибудь серьезныхъ препятствій. Ограничительныя постановленія по части шинкованія касались преимущественно торговли водкой въ „непоказанное время"—во время церковныхъ богослуженій и по ночамъ. Держать шинки фактически имѣлъ право всякій, въ томъ числѣ даже иностранцы и великороссіяне.

---

[1]) Наказъ города Харькова.
[2]) Д. И. Багалѣй. „Матеріалы", т. II, стр. 238.
[3]) Д. П. Миллеръ. Арх. Харьк. губ. Стр. 143—144.
[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣла Черткова 1787 г.

Первое серьезное стѣсненіе въ торговлѣ водкой принесъ харьковцамъ указъ 3 мая 1783 года, въ силу котораго винная продажа въ городахъ Слободско-Украинской губерніи передана въ пользу городовъ на содержаніе Магистратовъ и другія городскія надобности, такъ что, выражаясь языкомъ одного тогдашняго документа, „прежняя привилегія обращена въ собственную городовую пользу, а не въ частную". Первое время харьковцы мало чувствовали тягость новыхъ порядковъ. Винную продажу взялъ на себя городской голова Карповъ съ товарищи, шинковать по прежнему можно было всякому, конечно, съ разрѣшенія Карпова и его товарищей и съ уплатою въ пользу города извѣстной суммы, для каждаго шинкаря не стѣснительной, такъ какъ общій доходъ города отъ винной продажи не превышалъ 4 тысячъ рублей. Къ тому же, какъ мы знаемъ, и уплата шинкарями денегъ въ пользу города производилась плохо, харьковцы продолжали смотрѣть на шинкованіе по прежнему, какъ на „вольный торгъ". Но когда Карповъ и его товарищи не согласились на наддачу, соразмѣрную доходу отъ шинковъ, откупъ былъ предоставленъ уже другимъ—помѣщикамъ Харьковскаго намѣстничества Лосеву и Зарудному, которые отнеслись къ предоставленному имъ праву совсѣмъ по хозяйски. Харьковцы почувствовали, что ихъ стародавняя привилегія у нихъ совершенно отнята. Въ 1791 году козацкое общество города Харькова, т. е. бывшіе войсковые обыватели, перечисленные въ 1790 году въ Екатеринославское козачье войско, подали въ Намѣстническое Правленіе жалобу на новые порядки. Козаки ссылались на свои старыя привилегіи, подтвержденныя царскими грамотами, и на теперешнюю свою службу, которую они несли честно въ надеждѣ никогда не лишиться своихъ заслуженныхъ правъ. Отдача шинкованія на откупъ Лосеву и Зарудному харьковцамъ, особенно козакамъ, казалась „крайней обидой и сущимъ раззореніемъ". Но указъ 1783 года нужно было исполнять, и харьковцамъ пришлось въ концѣ концовъ примириться съ мыслью объ окончательной утратѣ одной изъ самыхъ доходныхъ для нихъ привилегій [1]).

Откупа были приняты харьковцами съ тѣмъ большимъ неудовольствіемъ, что они не только лишали ихъ стародавняго права шинкованія (по контракту, заключенному съ откупщиками, положено было, что за продажу помимо откупа водки виновные горожане подлежатъ суду, а за найденное у нихъ вино взыскивается его стоимость) [2]), и удорожали цѣну горѣлки, но и стѣсняли ихъ при каждомъ выѣздѣ и въѣздѣ въ городъ, что, конечно, особенно чувствительно должно было было сказываться на войсковыхъ обывателяхъ, принужденныхъ, особенно лѣтомъ, ежедневно, часто по нѣсколько разъ, проѣзжать черезъ заставы, охраняемыя откупными надсмотрщиками, и подвергаться ихъ безцеремонному обыску. Откупные надсмотрщики позволяли себѣ, впрочемъ, и большее, чѣмъ обыскъ на заставахъ.

Въ 1793 г. харьковскіе купцы Трофимъ и Гаврило Ващенковы и цеховые Андрей и Иванъ Рыбальченковы жаловались Городской Думѣ, что къ нимъ явились объѣздчики откупщика Титова и стали искать въ ихъ домахъ подвознаго вина. Вина они не нашли, но хозяевамъ своимъ обыскомъ причинили обиду. Иванъ Рыбальченко прибавлялъ, кромѣ того, что объѣздчики явились къ нему со своими ключами, которыми отперли его амбаръ, искали вина и ругали при этомъ его, Рыбальченка, непристойными словами. Челобитчики просили Думу объ избавленіи ихъ отъ обидъ и притѣсненій и о представленіи, куда надлежитъ, просьбы о томъ, чтобы объѣздчики по чужимъ дворамъ вина не искали. Дума представила жалобу Ващенка съ товарищи Намѣстническому Правленію, которое, справившись съ контрактомъ, заключеннымъ съ откупщиками, нашло, что откупщикамъ не предоставлено право ѣздить по домамъ жителей

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. 1791 г.
[2]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. 1793 г.

искать у нихъ горячаго вина, да и особыхъ на то повелѣній ни отъ кого не было, а потому приказала городничему отвращать объѣздчиковъ отъ такихъ поступковъ и „впредь приказать имъ на то отнюдь не поступать подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго по законамъ сужденія“ [1]).

Бывали случаи, когда обыски на заставахъ кончались совсѣмъ трагически. Въ маѣ 1800 г. Харьковскій городничій рапортовалъ губернатору: „27 мая въ 12 часовъ ночи прибѣжавшій десятскій объявилъ мнѣ, что откупные объѣздчики, поймавъ съ корчемнымъ виномъ человѣка, побили. Явившись на мѣсто, я засталъ его уже умирающимъ“. По разслѣдованію оказалось, что убитый человѣкъ—подданный помѣщика Квитки [2]).

Что касается правъ харьковцевъ на безпошлинную торговлю, то съ возникновеніемъ мѣстнаго купечества, обязаннаго платежомъ гильдейскихъ пошлинъ, и мѣщанства, право это само собою исчезло. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ производство торговли лицами, не пользовавшимися мѣщанскими привилегіями, разсматривалось, какъ нарушеніе закона. Постоянная торговля стала правомъ только тѣхъ, кто за него платилъ государству.

---

[1]) Арх. Харьк. Гор. Думы. Журн. и вход. Думы 1793 г.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Дѣла Сабурова 1800 г,

Глава 11-я.

Церковь и духовенство.

Намъ приходилось уже раньше касаться нѣкоторыхъ сторонъ харьковской церковной жизни, напримѣръ, въ главѣ о градостроительствѣ. Но необходимо посвятить этому вопросу отдѣльную главу, потому что церковь и духовенство сыграли очень видную роль въ исторіи нравственной и умственной культуры города Харькова. Мало того: онѣ оказали несомнѣнное вліяніе и на матеріальную жизнь мѣстнаго общества, отчасти потому, что духовенство представляло изъ себя отдѣльное сословіе городского общества, принимавшее участіе въ экономической жизни города, а также и потому, что оно вмѣстѣ съ прихожанами заботилось о благотворительности, имѣвшей въ виду нищихъ и убогихъ.

Городъ Харьковъ въ XVII—XVIII вѣкахъ входилъ въ составъ *Бѣлгородской* епархіи: самостоятельная Харьковская епархія была учреждена только въ концѣ 1799 года. Впрочемъ въ самые первые годы своего существованія до 1667 года, т. е. до учрежденія Бѣлгородской епархіи, Харьковъ вмѣстѣ съ другими городами Бѣлгородской черты и Слободской Украйны, находился въ церковномъ отношеніи въ вѣденіи Московскаго патріарха. Преосвященный Филаретъ говоритъ, что „иные переселенцы изъ-за Днѣпра съ нуждами о храмахъ и священникахъ относились прямо въ Москву, другіе въ Кіевъ“ [1]), но въ доказательство послѣдняго извѣстія (о Кіевѣ) не приводитъ никакихъ данныхъ. Да и едва ли это было въ дѣйствительности, если принять во вниманіе, что слобожане, селившіеся на Украйнѣ Московскаго государства, съ одной стороны должны были признать власть послѣдняго, а съ другой разорвать связи со своимъ прежнимъ отечествомъ—правобережной Малороссіей. Юго-западная церковь несомнѣнно наложила рѣзкую печать на церковную общественную жизнь Слободской Украйны вообще и города Харькова въ частности и это вліяніе оказалось столь сильнымъ и прочнымъ, что просуществовало 2½ вѣка и пережитки его можно наблюдать еще даже и нынѣ. Строй западнорусской церкви во многомъ отличался отъ такого же строя сѣверорусской, ибо Великой и Малой Руси пришлось жить въ разныхъ историческихъ условіяхъ, которыя, конечно, наложили свою печать на ту и другую во всѣхъ сферахъ жизни, въ томъ числѣ и церковной. Выходцы изъ правобережной Малороссіи приносили съ собою на слободы свои „старочеркасскія обыкности“, т. е. старинные малороссійскіе обычаи и въ числѣ ихъ видное мѣсто занимали ихъ церковныя особенности. Среди же этихъ послѣднихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить живое участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, нашедшее себѣ выраженіе въ выборѣ прихожанами священно и церковно-служителей и въ учрежденіи братствъ, школъ и шпиталей (т. е. богадѣленъ). Все это было перенесено переселенцами и на новыя мѣста ихъ жительства и заботливо охранялось ими въ качествѣ стариннаго дѣдовскаго и прадѣдовскаго церковнаго обычая. Сохраненіе его поддерживалось еще тѣмъ, что слобожане, переселявшіеся часто массами, цѣлыми деревнями и обозами, приводили съ собою своихъ прежнихъ священниковъ и

[1]) Истор. Статист. Описан. Харьковск. епархіи, т. I, стр. 5.

дьячковъ, привозили свои иконы и богослужебныя книги западнорусской печати, церковную утварь, колокола и т. п. Да и впослѣдствіи къ нимъ могли приходить „черкасскіе“ священно и церковнослужители, т. е. выходцы изъ право или лѣвобережной Малороссіи. Приходы твердо отстаивали свое старинное право выбора и приглашенія священниковъ и, естественно, что заключали въ этомъ смыслѣ договоры съ людьми „малороссійской породы“. Естественно, что и богослужебныя книги чаще всего покупались все той же Кіевской, Львовской, Виленской, Черниговской и вообще западнорусской печати. Всѣмъ этимъ сильно поддерживалась старая церковная традиція.

Священники первыхъ харьковскихъ церквей были повидимому южнорусскаго происхожденія. И можно предполагать, что они вмѣстѣ со своими будущими прихожанами принимали живѣйшее участіе въ построеніи храмовъ.

Постройка же храмовъ произошла по иниціативѣ самихъ харьковцевъ, не могшихъ долго обходиться безъ совершенія таинствъ и церковныхъ службъ. Мы знаемъ уже, что Соборная Успенская церковь была окончена постройкою въ 1658 г., а лѣсъ на нее возили „ратные люди“, т. е. харьковцы въ 1657 году.

Но подобно тому какъ крѣпость, сооруженная на первыхъ порахъ самими харьковцами по ихъ „извычаю“, показалась воеводѣ Селифонтову недостаточной, такъ точно и построенный ими храмъ-Успенскій былъ признанъ воеводою Офросимовымъ тѣснымъ и лишеннымъ всего самого необходимаго—иконъ и богослужебныхъ книгъ. Мы приводили въ главѣ о градостроительствѣ эту любопытную отписку Офросимова о тѣснотѣ храма, отсутствіи иконъ и книгъ и присутствіи бумажныхъ листовъ литовскаго письма. Но при пользованіи этимъ документомъ необходимо, однако, имѣть въ виду, что краски здѣсь сильно, хотя, быть можетъ, и невольно сгущены. Воевода Офросимовъ, привыкшій къ благолѣпію московскихъ храмовъ, относившійся, подобно всѣмъ московскимъ людямъ, чрезвычайно подозрительно къ православію западнорусцевъ, бывшихъ подъ властью католическихъ польскихъ королей, признававшій настоящею христіанскою вѣрою только то православіе, которое онъ видѣлъ у себя, не успѣвшій еще ознакомиться съ бытовыми особенностями малорусскихъ переселенцевъ и привыкнуть къ нимъ, естественно, былъ смущенъ и малыми размѣрами храма, занимавшаго повидимому площадь всего въ 16 саженъ, и отсутствіемъ иконъ по стѣнамъ его, и замѣною ихъ бумажными листами литовскаго письма, и отсутствіемъ богослужебныхъ книгъ. И вотъ онъ считаетъ „*маловѣріемъ*“ то, что черкасы поклонялись этимъ листамъ и стѣнамъ и „ложью“ передъ Богомъ то, что, благодаря отсутствію необходимыхъ церковныхъ книгъ, они не могли совершать всѣхъ видовъ богослуженія въ должной полнотѣ, даже не имѣли возможности по той же причинѣ совершать молебствія за Государево здравіе. Но, конечно, здѣсь ни маловѣрія, ни лжи передъ Богомъ не было: бумажные листы литовскаго письма представляли изъ себя тѣ же иконы, только съ изображеніями на бумагѣ, а не деревѣ или металлѣ; харьковцы не поклонялись стѣнамъ, а просто вынуждены были молиться въ церкви, которую пока еще не имѣли возможности украсить священными живописными изображеніями или иконами, ибо не было въ ихъ военной средѣ художника и негдѣ было имъ купить готовыхъ иконъ; неполнота богослуженія также, конечно, не являлась ложью передъ Богомъ и была вынуждена обстоятельствами, объ устраненіи которыхъ, какъ увидимъ далѣе, уже заботились черкасы. Въ словахъ воеводы Офросимова ярко выразился взглядъ великорусскихъ людей XVII вѣка на православіе, которое они представляли себѣ почти исключительно съ внѣшней обрядовой стороны: молитвы внутренней безъ иконъ или даже передъ иконами необычнаго для нихъ вида они не признавали; навѣрное, въ Успенскомъ храмѣ были какія нибудь церковныя книги, по которымъ совершалось богослуженіе, но это были, по всей вѣроятности, также книги „литовскаго письма“, т. е.

западнорусской печати—и ихъ воевода игнорируетъ, онъ знаетъ и признаетъ только перечисленныя имъ изданія московской печати. Для подобнаго рода людей все, маломальски, непохожее на свое, представлялось уже чуждымъ, страннымъ, невѣрнымъ; и понятно, съ другой стороны, какъ на подобной почвѣ развилось „стояніе за единую *буквy* азъ“, т. е. старовѣріе.

И такъ, въ самый первый моментъ церковной жизни города Харькова, въ ней проявилась юго-западная стихія. Первымъ священникомъ у харьковцевъ, вѣроятно исполнявшимъ у нихъ требы и таинства еще до построенія перваго храма и быть можетъ пришедшимъ съ первыми поселенцами въ Харьковъ, былъ малороссіянинъ Еремеище—такъ онъ называетъ себя въ современныхъ московскихъ актахъ. Такого же малороссійскаго происхожденія, очевидно, были новопоставленный священникъ Василище и діаконъ Іосипище. Въ 1657 году они втроемъ явились въ Москву для челобитья о „церковномъ строеньѣ“, т. е. для полученія денегъ и церковныхъ предметовъ, необходимыхъ для начатаго въ это время постройкою Успенскаго храма, а можетъ быть и другихъ намѣченныхъ къ постройкѣ церквей. Воевода Офросимовъ писалъ въ Москву объ Успенскомъ Соборѣ: „образовъ Государь, мѣстныхъ и Деисусовъ нѣтъ; нѣтъ, Государь, евангелія напрестольнаго, ни служебника, ни потребника, ни тріоди постной, ни трихолоя, ни Апостола, ни минеи общей, ни Октои, ни шестоднева, ни псалтыря съ слѣдованіемъ, ни Евангелія толковаго“. На Москвѣ они подали челобитную слѣдующаго содержанія. „Царю Государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великой и малой и бѣлой Россіи Самодержцу. Бьютъ челомъ богомольцы Твои бѣдные Государевы Украинскаго дальняго города Харькова черкасскій попъ Еремѣище и новоставленные попъ Василище и діаконъ Іосипище... Приволоклися мы, богомольцы Твои, къ Тебѣ, Государю, бити челомъ о церковномъ строенью; и мы на Москвѣ волочимся четвертую недѣлю и чрезъ тые часы спроѣлися, пыть и исты нечего, и скуфіей у насъ нѣтъ. Милосердный Государь... Самодержецъ, пожалуй насъ, богомольцевъ своихъ, вели, Государь, намъ бѣднымъ своего Государева жалованія кормъ дати, чимъ тебѣ, Государю, объ насъ Богъ извѣститъ. Царь-Государь, смилуйся“. Царь приказалъ выдать изъ разряда челобитчикамъ—попамъ по рублю, а діакону 20 алтынъ. Въ 1656—1657 г. подали любопытную челобитную б. соборный діаконъ Іосифъ и о. Иванъ Аѳанасьевъ [1]). Царское жалованье на Успенскій Соборъ, было отпущено въ 1659 году—и оно состояло изъ церковныхъ облаченій („ризъ зендининныхъ, епитрахили, под-

[1]) Царю государю.. Алексѣю Михаиловичу.... бьетъ челомъ богомолецъ твой твоего государева новаго города Харькова собору Успенія Пресвятыя Богородицы бывшій дьяконъ Іосифъ бѣдной до конца разореной. Посланъ я б. т. въ черкаскіе городы для ради церковнаго вина и для ради иныхъ церковныхъ потребъ, а какъ я б. т. искупя то церковное вино и всякую церковную потребу поѣхалъ изъ тѣхъ черкаскихъ городовъ назадъ и на дорогѣ меня б. т. ограбили Выговскаго полку казаки и сербьянѣ, то церковное вино и всякую церковную потребу они у меня отняли да коня отняли съ санми да съ меня же сняли однорядку и скуфью, и всего государь грабежомъ взяли съ меня на 20 рублевъ; а нынѣ я б. т. приволокся къ Москвѣ пѣшъ обо всякихъ нуждахъ а назадъ сволочься мнѣ ко дворишку нечѣмъ грабленъ безъ остатку. Милосердный государь царь.... пожалуй меня б т. вели государь мнѣ дать своего государева жалованья чѣмъ бы сволочься къ домишку чтобъ мнѣ скитаючись на Москвѣ голодною смертью не помереть. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: 166 г. августа въ 4 день государь пожаловалъ велѣлъ ему дать доброе сукно одинецъ какое платно нынѣ попы носятъ послать память изъ Разряду.

Царю государю.... бьетъ челомъ б. т. государевъ *новаго города* Харькова соборной церкви Успенія Пресвятые Богородицы да твоего государева ангела святаго и праведнаго Алексѣя человѣка Божія попъ Иванище Аѳанасьевъ. По твоему государеву указу поставленъ я богомолецъ твой къ тому твоему государеву богомолью въ попы а служитъ государь и за тебя великаго государя Богу молить не по чему—книгъ не дано. Милосердный государь царь.... пожалуй меня б. т. вели государь къ тому своему богомолью въ Харьковъ въ соборную церковь книгъ дать и антиминсы чтобъ было по чему за тебя великаго государя Богу молить и чтобъ то твое богомолье соборная церковь безъ пѣнія не была и безъ службы. Царь государь смилуйся пожалуй.

ризнаго стихаря, поручей и пояса"), покрововъ для церковныхъ сосудовъ, воздуховъ, срачицы на престолъ и 6 фунтовъ ладона [1]). Но этимъ дѣло не ограничилось. Очень скоро (когда въ точности, не извѣстно, но во всякомъ случаѣ до 1663 г.) было дано новое Царское жалованье па ту же церковь Успенія: пожалованы, престольный образъ Успенія Богоматери шестилистовый съ 2 серебряными позолоченными вѣнцами, благословенный крестъ, царскія двери со столбцами, мѣдное кадило и 4 богослужебныя книги изъ числа тѣхъ, о коихъ ходатайствовалъ Офросимовъ. Въ 1659 г. было пожертвовано въ Соборъ напрестольное евангеліе, выхваченное рабомъ Божіимъ Михаиломъ изъ Михайловской церкви сел. Плисскаго, зажженной во время бунта гетмана Выговскаго. Быть можетъ, и все это—что очень вѣроятно—было пожаловано въ отвѣтъ на челобитную Офросимова. Въ 1659—1660 гг. кромѣ Соборной въ Харьковѣ существовали уже Благовѣщенская, Троицкая и Николаевская церкви, а до 1668 года, до открытія Бѣлгородской епархіи, кажется, была построена уже и Рождественская. Построены были эти церкви, нужно думать, по иниціативѣ и на средства самихъ харьковцевъ, которые доказали этимъ не „маловѣріе", а наоборотъ свое религіозное усердіе, такъ какъ храмы эти находились на близкомъ разстояніи другъ отъ друга и, при религіозномъ индиферентизмѣ, тогдашнее населеніе Харькова могло бы ограничиться и гораздо меньшимъ ихъ числомъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно извѣстно изъ документовъ, что Николаевскій храмъ былъ построенъ исключительно самими харьковцами во главѣ со священникомъ о. Стефаномъ, пришедшимъ съ партіею ихъ изъ заднѣпровья. Вотъ свидѣтельство объ этомъ документа [2]).

Въ 1659 году священникомъ Соборной Успенской церкви былъ о. Иванъ Афанасьевъ или, какъ онъ самъ себя называетъ, Иванище. Онъ обратился въ этомъ году къ Государю съ такою челобитною. „Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу.... Бьетъ челомъ богомолецъ твой Государевъ Харькова города Соборныя церкви Успенія Пресвятыя Богородицы да Твоего Государева Ангела Святаго и Праведнаго Алексія человѣка Божія попъ Иванище. По твоему великаго Государя указу велѣно мнѣ богомольцу Твоему быть у того твоего Государева богомолья въ соборной церкви, а Твоего Государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья годовыя руги давать мнѣ богомольцу твоему не указано и приходу, Государь, мирскихъ людей

На оборотѣ: Августа въ 21 день государь пожаловалъ велѣлъ дать книгъ—евангеліе напрестольное, апостолъ, псалтырь, минею общую, шестодневъ и послать о томъ память во дворецъ.

Лѣта 7166 августа въ день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича.... указу окольничему Ѳедору Михаиловичу Ртищеву да Григорью Михаиловичу Аничкову да дьякамъ Давыду Дерябину да Игнатью Матвѣеву да Андрею Селину. Великій государь царь.... указалъ послать изъ приказу Большаго дворца въ новый городъ въ Харьковъ въ соборную церковь Успенія Пречистые Богородицы книги евангеліе напрестольное, апостолъ, псалтырь со возслѣдованіемъ, минею общую, шестодневъ тое жъ соборные церкви съ попомъ Иваномъ Аѳанасьевымъ. И по государеву цареву ... указу окольничему Ѳедору Михаиловичу Ртищеву да Григорью Михаиловичу Аничкову да дьякамъ Давыду, Игнатью и Андрею учинить о томъ по сему великаго государя указу (Бѣлг. столъ. Столбецъ 598, лл. 91, 275, 283—284).

[1]) Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. столъ. Связка 167, № 20.

[2]) Царю государю.... Алексѣю Михаиловичу.. бьетъ челомъ бѣдный и разоренный отъ крымскихъ людей и отъ черкасъ богомолецъ твой государевъ твоего государева Харькова города новоставленный попъ Стефанище. Пришелъ я б. т. съ прихожены своими изъ розныхъ литовскихъ городовъ съ черкасы въ твой государевъ Харьковъ городъ и построили церковь святаго чудотворца Николая а я богомолецъ твой человѣкъ бѣдный и отъ черкасъ разоренъ и у той государь церкви нѣтъ книгъ и ризъ, не по чемъ въ той церкви пѣти а купить мнѣ бѣдному нечѣмъ—человѣкъ бѣдный. Милосердный государь царь.... пожалуй меня б. т. вели государь дать своего государева жалованья къ своему царскому богомолію къ той церкви книги и ризы по чему бъ въ той церкви было пѣть и чтобъ твое царское богомолье безъ пѣнія не было. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: 168 г. генваря 14 дня государь пожаловалъ велѣлъ сдѣлать ризы и подризники и на престолъ одѣяніе и дать память. Ср. также Д. И. Багалѣй. Матеріалы, I, 40.

нѣтъ, кормиться нечѣмъ, потому, что *Харьковъ городъ построенъ вновь*, а Украинныхъ, Государь, городовъ попамъ и діаконамъ, и пономарямъ и просвирницамъ и діячкамъ соборныхъ церквей даютъ твое, Государь, денежное и хлѣбное жалованье, годовую ругу попамъ на Валкахъ и на Болховцѣ по 7 рублей, въ Карповѣ, Чугуевѣ и Бѣлгородѣ по 6 рублей и по инымъ городамъ изъ таможеннаго приходу, а хлѣбъ даютъ изъ твоихъ государевыхъ житницъ по 12 четей и приходъ, Государь, у нихъ—мирскіе люди—есть и твоимъ государевымъ жалованьемъ—подгороднею и дальнею землею и сѣнными покосами и всякими угодьями построены (т. е. удовольствованы)... Пожалуй меня, Государь, богомольца твоего своимъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ—годовою ругою, чѣмъ тебѣ, великому Государю, о мнѣ богомольцѣ твоемъ Милосердный Богъ извѣститъ, и вели, Государь, то свое государево денежное и хлѣбное жалованье—годовую ругу въ Чугуевѣ давать—денежное изъ таможеннаго прихода, а хлѣбное изъ своихъ государевыхъ житницъ, чтобы мнѣ, богомольцу твоему, было чѣмъ питаться. Великій Государь, смилуйся, пожалуй".

Въ разрядѣ по поводу этой челобитной была сдѣлана слѣдующая справка. Въ новыхъ городахъ соборнымъ попамъ велѣно давать государева жалованья: годовой руги въ Карповѣ денежной по 6 рублей, хлѣба ржи и овса по 10 четвертей, земли дано по 10 четвертей, въ Болховѣ—денегъ по 8 руб., хлѣба ржи и овса по 10 четв., земли дано на весь соборный причтъ 45 четей, въ Олешнѣ—денегъ по 6 руб., земли по 10 четей. Государь внялъ просьбѣ и въ Курскъ отправлена была объ этомъ слѣдующая грамота. „Пожаловали мы, великій Государь, *новаго* города Харькова соборнаго Успенскаго попа Ивана Афанасьева для церковныя службы велѣли ему нашего, великаго Государя, жалованья давать по 5 четей ржи и по 5 четей овса по сему нашему, великого Государя, указу сполна *безъ Московской волокиты* въ Курскѣ и изъ иныхъ великаго Государя хлѣбныхъ запасовъ погодно. И какъ харьковскій попъ Иванъ Афанасьевъ въ Курскъ пріѣдетъ и ты-бъ на нынѣшній на 167-й (1659-й годъ) наше великаго Государя годовое денежное жалованье ему далъ и впредь давалъ въ Московскую таможенную мѣру и ту дачу въ расходныя книги писалъ особою статьею, а прочитавъ эту грамоту и списавъ съ нея списокъ держалъ его въ приказной избѣ за своею рукою, а подлинную отдалъ попу Ивану для иныхъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей [1]) (1659 г.).

Въ томъ же году священникъ Иванъ Афанасьевъ обратился съ челобитною объ отводѣ ему въ Харьковѣ мѣста подъ дворъ и огородъ. Государь велѣлъ Харьковскому воеводѣ Офросимову отвести ему земли подъ дворъ и огородъ, сколько окажется возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ [2]).

Нужно замѣтить, что Соборная церковь, помѣщавшаяся обыкновенно въ крѣпости и входившая какъ бы въ составъ казенныхъ сооруженій этой послѣдней, пользовалась особеннымъ покровительствомъ со стороны правительства. Когда украинные города устраивались самою центральною властью, то эта послѣдняя въ числѣ другихъ казенныхъ построекъ воздвигала и соборный храмъ. Въ Харьковѣ дѣло происходило совсѣмъ иначе—здѣсь церковь устроили сами жители—но священникъ о. Иванъ, смѣнившій о. Еремѣя, рѣшилъ воспользоваться льготою, касавшеюся украинныхъ городовъ, къ которымъ, конечно, можно было причислить и Харьковъ, по его географическому положенію, и добиться казеннаго жалованья. Само собою разумѣется, что ссылка его на отсутствіе прихожанъ не имѣла фактическаго основанія. Правда „мирскихъ" людей, т. е. не ратныхъ у него въ приходѣ можетъ быть и не было, но ихъ было мало и позже, а между тѣмъ въ это время въ Харьковѣ возникло еще нѣсколько церквей, прихожанами которыхъ были тѣ же „ратные люди". И причтъ этихъ церквей казеннаго жало-

[1]) Архивъ Министер. Юстиціи. Столб. Бѣлгород. столъ, № 481.

[2]) Ibidem.

ваньи не получалъ, а между тѣмъ, очевидно, не голодалъ, потому что пользовался содержаніемъ отъ прихожанъ. Въ другихъ Харьковскихъ церквяхъ въ это время были слѣдующіе священники: въ Благовѣщенской—о. Алексѣй, въ Троицкой—о. Іосифъ, въ Николаевской—о. Стефанъ; подписи первыхъ двухъ мы видимъ на челобитной харьковцевъ 1659 года объ открытіи Успенской ярмарки [1]), а имя третьяго упоминается въ грамотѣ 1660 года [2]). Быть можетъ, о. Іосифъ былъ тѣмъ самымъ лицомъ, которое сопровождало въ 1657 г. въ Москву о. Еремѣя подъ именемъ діакона Іосифища.

Въ чьемъ вѣденіи былъ въ это время причтъ первыхъ Харьковскихъ церквей и эти послѣднія, документы не говорятъ. Во всякомъ случаѣ ими вѣдала Москва, а не Кіевъ. Но однѣ изъ церквей Московскаго государства находились въ непосредственномъ вѣденіи Московскаго патріарха (Патріаршая область), другія—мѣстныхъ епархіальныхъ владыкъ. Спрашивается: отъ кого же зависѣли Харьковскія церкви съ 1657 до 1667 года?

Города Бѣлгородской Украйны входили въ составъ Патріаршей области, которая по мѣрѣ постройки ихъ расширяла свою территорію въ юго-восточномъ направленіи. Послѣ патріарха Филарета въ нее вошли города Бѣлгородской черты: Яблоновъ, Усердъ, Верхососенскъ, Ольшанскъ, Коротоякъ, Короча, Болховъ, Новый Осколъ; при патріархѣ Никонѣ въ 1655 г. въ нее включены—*Чугуевъ*, Карповъ, Хотмыжскъ, Обоянскъ, Вольный, Алешня, Каменный и Недрыгайловъ; нѣкоторые изъ этихъ городовъ находились уже въ предѣлахъ Слободской Украины. Съ 1653 года началась перепись Патріаршей области, распространившаяся и на города Слободской Украйны. Въ 1657 году при Никонѣ, въ составъ Патріаршей области входили города Бѣлгородской и Слободской Украинъ [3]).

На Соборѣ 1657 года рѣчь шла о переводѣ въ Бѣлгородъ митрополита Крутицкаго Питирима и объ учрежденіи новой Бѣлгородской епархіи; но Соборнаго опредѣленія на сей счетъ не состоялось. Питиримъ получилъ титулъ митрополита Бѣлгородскаго, но въ Бѣлгородъ не поѣхалъ и Бѣлгородская епархія учреждена не была. Это объясняется тѣмъ, что съ одной стороны Никонъ такимъ образомъ надѣялся освободиться отъ опаснаго для него митрополита, бывшаго какъ бы патріаршимъ викаріемъ, а съ другой и его враги не хотѣли допустить этого изъ соображеній политическихъ, самъ же Питиримъ, естественно, не желалъ мѣнять своей богатой и близкой къ Москвѣ епархіи на бѣдную Украинскую [4]). Пріуроченіе же Бѣлгородскаго края къ Крутицкой митрополіи объясняется тѣмъ, что эта послѣдняя нѣкогда фактически включала въ свой составъ епископію Сарскую (т. е. Сарайскую-Золотоордынскую или Подонскую). „Изъ городовъ, назначенныхъ (было) въ составъ новой епархіи, одни по прежнему остались въ Патріаршей области, другіе, вновь образовавшіеся на Украйнѣ, едва-ли имѣли какое опредѣленное церковно-административное устройство“ [5]). Харьковъ въ 1657 году былъ именно однимъ изъ такихъ вновь устроенныхъ городовъ и церковно-административная зависимость его должна была выясниться и опредѣлиться, такъ сказать, фактическимъ путемъ, т. е. въ связи съ нуждами его приходскихъ храмовъ, нуждами, дѣлавшимися извѣстными правительству. Не здѣсь ли слѣдуетъ искать причины того, что попъ Еремѣище съ товарищами нѣсколько недѣль безъ успѣха для своего дѣла волочился на Москвѣ? Не потому ли и ходатайство Офросимова долго не имѣло результатовъ, что первый Харьковскій храмъ не былъ

---

[1]) Ibidem, № 480.

[2]) Ibidem, № 463.

[3]) Шимко. Патріаршій казенный приказъ (Опись документовъ и бумагъ, хранящихся въ Москов. архивѣ М-ва Юстиціи, книга девятая, М. 1894, стр. 85, 117, 120).

[4]) И. Покровскій. Русскія епархіи въ XVI—XIX в.в. К. 1897, стр. 252—253.

[5]) Ibidem, стр. 253.

пока приписанъ ни къ какой епархіи? И можетъ быть потому вся переписка по данному дѣлу велась Разряднымъ приказомъ по его Бѣлгородскому столу, точно также какъ и выдача жалованья соборному священнику была поручена подвѣдомственнымъ ему воеводамъ и приказнымъ. „Медлить фактическимъ открытіемъ и замѣщеніемъ каѳедры *Бѣлгородской* епархіи на Украйнѣ становилось, однако, невозможнымъ. Церковнымъ неустройствомъ края задерживалось его гражданское устройство. Тревожное состояніе Украйны заставляло стягивать туда войска и новые города сдѣлались военными обширными поселеніями. Отцы собора, открывая Бѣлгородскую епархію, мотивировали это тѣмъ, что украинскіе города многонародны и ратными людьми преполнены. Туда постоянно посылаются воеводы великаго государя, бояре и иные честные люди отъ его царскаго синклита со многимъ воинствомъ. По этому самому и ради дальняго разстоянія... Соборъ постановилъ учредить тамъ митрополію, „да многая жатва безъ дѣлателей не будетъ“. Митрополитомъ Бѣлгородскимъ назначенъ былъ Сербскій митрополитъ Феодосій. Въ составъ новой епархіи вошло 37 городовъ, изъ коихъ 20 принадлежало раньше къ Патріаршей области, а 17 было новыхъ городовъ, находившихся почти исключительно въ предѣлахъ Слободской Украйны, а именно—*Харьковъ*, Колонтаевъ, Городня, Краснокутскъ, Валки, Двурѣчный, Салтовъ, Печенѣги, Зміевъ, Маяцкій, Цареборисовъ, Ахтырка, Боровное, Острогожскъ и Урывъ. Въ 20 городахъ, отходившихъ въ Бѣлгородскую епархію отъ Патріаршей области, было съ предѣлами и часовнями 300 церквей. Въ 1679 году во всей епархіи было 542 церкви; по числу ихъ и по территоріи она занимала видное мѣсто среди другихъ епархій [1]). До 1721 года Бѣлгородскіе архіереи носили титулъ митрополитовъ—это также свидѣтельствуетъ о томъ, что новой епархіи придавалось важное значеніе.

Мы не будемъ, конечно, останавливаться на біографіяхъ и дѣятельности Бѣлгородскихъ епископовъ, а только перечислимъ ихъ и сообщимъ кое какія данныя о тѣхъ изъ нимъ, дѣятельность которыхъ касалась непосредственно Харькова.

Вотъ въ какомъ порядкѣ смѣняли другъ друга Бѣлгородскіе владыки—1) митроп. Феодосій (1667—1671 г.), 2) митроп. Мисаилъ (1672—1684 г.), 3) митроп. Авраамій (1684—1702 г.). 4) митроп. Іустинъ Базилевичъ (1702 —1709 г.), 5) митроп. Иларіонъ Властелинскій (1711—1720 г.), 6) еписк. Епифаній Тихорскій (1722—1731 г.), 7) архіеп. Досифей Богдановичъ-Любимскій (1731—1733 г.), 8) еписк. Арсеній Берло (1735—1736 г.), 9) арх. Петръ Смѣличъ (1736—1742 г.), 10) митроп. Антоній Черновскій (1742—1748 г.), 11) еписк. Іоасафъ Горленко (1748—1756 г.), 12) еписк. Лука Конашевичъ (1756—1758 г.), 13) еписк. Іоасафъ Миткевичъ (1758—1763 г.), 14) Порфирій Крайскій (1763—1768 г.), 15) еписк. Самуилъ Мисловскій (1768—1771 г.), 16) еписк. Аггей Колосовскій (1774—1786 г.), 17) арх. Феоктистъ Мочульскій (1787—1818 г.) [2]). При Феоктистѣ произошло раздѣленіе Бѣлгородской епархіи на Бѣлгородско-Курскую и Слободско-украинскую или Харьковскую.

Первые Бѣлгородскіе митрополиты обращались къ своей паствѣ съ увѣщательно обличительными посланіями. Одинъ изъ нихъ Авраамій запрещалъ практиковавшееся у малороссіянъ обливаніе, а требовалъ погруженія крещаемаго младенца; онъ же сдѣлалъ общее распоряженіе относительно обложенія всѣхъ новыхъ церквей въ пользу архіерейской казны. Съ именемъ питомца Кіевской Духовной Академіи еписк. Епифанія Тихорскаго связывается великое дѣло учрежденія въ Харьковѣ Коллегіума. Послѣ него въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ осталось значительное денежное имущество. Въ виду существованія Коллегіума преемникомъ Епифанія былъ назначенъ арх. Досифей, славившійся своею ученостью. Онъ заботился о нуждахъ Коллегіума—входилъ съ прошеніемъ объ отпускѣ суммъ, необходимыхъ для него, въ

[1]) Ibidem, стр. 279—282.

[2]) Професс. А. С. Лебедева. Бѣлгород. архіереи. Х. 1902 г.

Синодъ и ходатайствовалъ передъ Императрицей Анной Іоанновной о передачѣ Коллегіуму библіотеки Стефана Яворскаго, каковое ходатайство и было уважено. Онъ выступилъ также противъ тѣхъ, кои добивались священническихъ мѣстъ не на основаніи своего образовательнаго ценза, а въ силу наслѣдственныхъ правъ. И наконецъ, ему же принадлежитъ обличи-

Митрополитъ Бѣлоградскій Аврамій.

Досиѳей Архіепископъ

тельная грамота противъ языческихъ сувѣрій, допускавшихся въ бракахъ. Не довольствуясь церковными брачными обрядами, народъ дополнялъ ихъ еще, по его словамъ, „своими бабьими и діавольскими забобонами“ — теща выѣзжала на встрѣчу на волахъ, въ вывернутомъ кожухѣ, нарядившись въ шапку и посыпая молодыхъ овсомъ; нѣкоторые зажигали на воротахъ огонь,

чтобы черезъ него проходили новобрачные и Богъ вѣсть, прибавлялъ архіепископъ, нѣтъ ли здѣсь какихъ бабьихъ приговорокъ или діавольскихъ чародѣяній. Кромѣ того пѣли скверныя и непристойныя пѣсни, вмѣсто того, чтобы хвалить и прославлять святое Божіе имя. Этотъ „универсалъ“ былъ отправленъ и въ Харьковъ протопопу соборной церкви Григорію Александрову, который долженъ былъ его разослать всѣмъ градскимъ и уѣзднымъ священникамъ [1]). Преосвящен. Досифей отличался запальчивостью, которая проявилась между прочимъ въ изгнаніи изъ его епархіи евреевъ. Въ силу той же запальчивости онъ предалъ анафемѣ архимандрита Харьковскаго Преображенскаго (Куряжскаго) монастыря Іосифа Зайкевича и игумена Харьковскаго Покровскаго монастыря (онъ же былъ и ректоромъ Коллегіума) Митрофана Слотвинскаго за то, что они отправились безъ его разрѣшенія жаловаться на него въ Петербургъ. Въ своемъ донесеніи Синоду онъ обвинялъ ихъ въ бѣгствѣ изъ монастырей, а арх. Іосифа сверхъ того въ зазорномъ житіи—прелюбодѣяніи съ разными женщинами, въ доказательство чего ссылался на показаніе этихъ послѣднихъ, скрѣпленное подписями присутствовавшихъ при этомъ допросѣ 9 монаховъ. Обвиняемые въ свою очередь жаловались на своего архипастыря Синоду, обвиняя его въ расхищеніи харьковскаго Коллегіума. Синодъ за анафему и „непристойныя рѣчи“ призналъ Досифея подлежащимъ запрещенію въ управленіи епархіей еще до заключенія наряженной для слѣдствія коммиссіи, а затѣмъ сослалъ его послѣ отрѣшенія отъ должности въ Курскій Знаменскій монастырь, гдѣ онъ умеръ въ утѣсненіи и крайней бѣдности. Рубанъ въ своемъ „Любопытномъ мѣсяцесловѣ“ отзывается впрочемъ о немъ съ симпатіей и видитъ въ немъ жертву клеветы и Бироновщины: „многострадальный сей пастырь отъ своихъ овецъ снѣденъ, отъ клеветниковъ, а именно—отъ архимандрита харьковскаго и ректора Коллегіума обнесенъ Святѣйшему Синоду, отъ котораго слѣдствію преданъ и въ Курскій Знаменскій монастырь прежде всякаго изобличенія сосланъ, гдѣ въ утѣсненіи умре 1736 г.“ [2]).

Петръ Смѣличъ—родомъ сербъ—стяжалъ себѣ добрую славу устройствомъ въ разныхъ городахъ подготовительныхъ школъ для Коллегіума. Въ Харьковѣ ему пришлось отстаивать представителей чернаго духовенства отъ сотника Леонтія Голуховича. Въ 1741 году игуменъ Харьковскаго Покровскаго монастыря (онъ же и ректоръ Харьковскаго Коллегіума), Варлаамъ Тищинскій и намѣстникъ стараго Преображенскаго (Куряжскаго) монастыря Венедиктъ Чигиринскій жаловались его преосвященству, что „полковой сотникъ Л. Голуховичъ въ 1738 и 1739 гг. обоимъ монастырямъ наглыя и несносныя обиды разорительныя учинилъ, именно—неоднократно присылалъ въ вотчины и хутора тѣхъ монастырей по нѣсколько подводъ съ подводчиками, якобы для прокормленія Государевыхъ коней, отчего за недостаткомъ корма въ то время погибло много монастырскаго скота, да имъ же Голуховичемъ хуторъ и мельница Покровскаго монастыря разорены въ конецъ“; всѣхъ убытковъ, причиненныхъ Голуховичемъ обоимъ монастырямъ, показано на 2284 руб. Преосвященный, въ бытность свою въ Харьковѣ, памятуя и ревнуя о томъ, да „ни единъ сынъ его паствы отъ истиннаго пути заблудився злѣ погибнетъ“, послалъ къ Голуховичу протопопа съ увѣщаніемъ и приглашеніемъ или принести оправданіе, если невиновенъ, или просить прощеніе, если виновенъ; но Голуховичъ, презрѣвъ архіерейскую власть, явиться къ архіерею не захотѣлъ, объявляя, что не пойдетъ потому, что архіерей имѣетъ на него гнѣвъ. Тогда преосвященный сообщилъ „о выше объявленныхъ наглыхъ и безсовѣстныхъ обидахъ въ полковую канцелярію съ требованіемъ сатисфакціи, а за презрѣніе епископской власти предалъ Голуховича „единою персоною“, т. е. не касаясь его домашнихъ, отлученію отъ входа церковнаго, съ запрещеніемъ и на дому править для него

[1]) А. С. Лебедева. Бѣлгород. архіереи, стр. 8—10, 21, 37, 39—40; Филаретъ. Истор. статист. описан. Харьк. епархіи, I, 7—10.

[2]) Ibidem, стр. 42—47: Филаретъ. Истор. стат. опис. Харьк. епархіи, 1, 10.

какія либо христіанскія требы. Мотивировалъ свое рѣшеніе епископъ тѣмъ, что Голуховичъ обидѣлъ училищные монастыри и высказалъ гордыню и строптивость по отношенію къ архіерею [1]). Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, насколько былъ виновенъ Голуховичъ въ приписанныхъ ему проступкахъ; по всей вѣроятности, онъ силою обстоятельствъ вынужденъ былъ ставить тяжкіе постои въ монастырскихъ имѣніяхъ—мы знаемъ, что эта повинность нерѣдко ложилась и на тѣхъ, кто по закону былъ отъ нея освобожденъ, напримѣръ, на духовенство и что 1738—1739 годы были наиболѣе тяжелыми въ этомъ отношеніи—во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ право и основаніе не желать подвергать себя добровольно юрисдикціи епископа, который, конечно, едва ли могъ соблюсти въ столь близкомъ для него дѣлѣ полное безпристрастіе. Вообще притязаніе П. Смѣлича на юрисдикцію въ этомъ случаѣ не имѣло за собою законнаго права—и онъ поступилъ правильнѣе, обратившись съ жалобою на Голуховича въ полковую канцелярію, и у него не было достаточныхъ основаній для такой тяжкой мѣры, какъ отлученіе отъ церкви. Быть можетъ, и для Петра Смѣлича, какъ и для одного изъ его предшественниковъ, его слишкомъ рѣшительная мѣра не прошла даромъ. Едва ли Голуховичъ примирился съ наложеннымъ на него суровымъ наказаніемъ. Во всякомъ случаѣ инцидентъ съ Голуховичемъ относится къ 1741 году, а въ слѣдующемъ году архіепископъ былъ уволенъ отъ должности, потому что „за старостію престолоуправленія снести не могъ“. Извѣстно также, что противъ него выставлены были какія то обвиненія и по нимъ велѣно было произвести слѣдствіе. Проф. А. С. Лебедевъ сообщаетъ еще одно характерное распоряженіе архіепископа о собраніи ставленныхъ священническихъ грамотъ для подкрѣпленія ихъ его собственноручною подписью, съ тѣмъ, чтобы за эту подпись священники дѣлали добровольный денежный взносъ въ его пользу. „Протопопъ Харьковской протопопіи Григорій Александровъ, прописавъ этотъ указъ священникамъ своего вѣдомства, прямо предписывалъ имъ—пріѣхать въ Харьковъ на духовный дворъ и привезти грамоты и деньги сполна, чтобы противъ прежней дачи было за подписаніе грамотъ и антиминсовъ, такожъ и келейникамъ *непремѣнно*. Прежняя дача такимъ образомъ сохранялась—отнималась только у дающихъ всякая возможность жалобы на взиманіе, такъ какъ они должны были давать, *что требовалось добровольно*, что и обязывались удостовѣрить собственноручнымъ подписомъ“ [2]).

Полную противоположность съ митрополитомъ молдавскаго происхожденія Антоніемъ, ведшимъ совершенно не монашескую жизнь, представлялъ аскетъ Іоасафъ Горленко, происходившій изъ стариннаго малороссійскаго рода и имѣвшій близкія родственныя связи съ семействомъ Квитокъ. Отецъ его былъ полковникомъ Прилуцкаго козацкаго полка, а мать дочерью гетмана Даніила Апостола. Учился онъ въ Кіевской Духовной Академіи, но не окончилъ курса, потому что постригся въ монахи. До назначенія епископомъ Бѣлгородскимъ, управлялъ Троицко-Сергіевскою лаврою [3]). Дѣятельно заботился онъ о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня своей паствы—духовенства и мирянъ, для чего часто посѣщалъ свою епархію. Борясь главнымъ образомъ духовнымъ оружіемъ, преосвященный не останавливался и передъ суровыми тѣлесными наказаніями. Его дѣятельность касалась и самаго строя мѣстнаго церковнаго управленія, и образовательнаго уровня священниковъ, которымъ онъ вмѣнилъ въ обязанность по крайней мѣрѣ выучить выписанную изъ Москвы книжицу о церковныхъ таинствахъ. Въ 1750 году онъ предписалъ Соборному протоіерею Харькова Григорію Александрову выслать въ Бѣлгородъ 27 священниковъ его вѣдомства, оказавшихся незнающими даже содержанія этой книжки, съ тѣмъ, чтобы они за нерадѣніе исполняли послушаніе въ хлѣбной,

[1]) А. С. Лебедевъ. Бѣлгородскіе архіереи, стр. 59—60.

[2]) Ibidem, стр. 61—62.

[3]) Ibidem, стр. 79—82.

пока не выучатъ катехизиса и каѳедральный экзаминаторъ письменно не засвидѣтельствуетъ объ ихъ знаніи. Ревнуя о чистотѣ богослуженія и зная, что большинство священниковъ не имѣло должной образовательной подготовки, преосвященный велѣлъ выслать въ Бѣлгородскую

Петръ Архіепископъ Бѣлгородскій

Іоасафъ Епископъ Бѣлгородскій.

(Іоасафъ Горленко).

Консисторію изъ церквей Слободской Украйны богослужебныя книги Львовской и вообще западно-русской печати и замѣнить ихъ изданіями Московскими и Кіевскими. Консисторіи доставлены были, однако, не только служебники Львовской и вообще юго-западной печати, но

и нѣкоторыя другія старинныя книги, бывшія въ церквяхъ Слобожанъ Говорятъ, прибавляетъ преос. Филаретъ, что „всѣ эти книги долго хранились въ Бѣлгородѣ подъ куполомъ Соборной церкви, но нынѣ тамъ уже ихъ нѣтъ. Эти распоряженія отчасти объясняютъ, почему въ слободскихъ церквахъ не столько сохранилось книгъ юго-западной печати, сколько бы надлежало ожидать". „Заботясь о приличіи богослуженія и благолѣпіи храмовъ, святитель не разъ предписывалъ, дабы причетниками были лица, посвященныя въ стихарь. Это относилось преимущественно къ церквямъ Слободской Украйны, гдѣ должность причетниковъ дотолѣ исправляли большею частью не посвященные на служеніе храму и даже не опредѣленные духовнымъ начальствомъ, а служившіе временно по найму прихожанъ. Понятно, что, при всеобщемъ распространеніи этого обычая, распоряженіе преосвященнаго Іоасафа о недопущеніи впредь никого безъ указа духовнаго начальства къ причетнической должности особой силы не имѣло. Любопытно указаніе преосвященнаго на существованіе языческихъ обычаевъ; „усмотрѣно, писалъ онъ въ своемъ указѣ, во *многихъ городахъ* и селахъ, что народъ, храня слѣды языческаго празднованія и идолослуженія, дѣлаетъ колыски, называющіяся *рѣли*, и въ недѣлю Св. Пасхи и Ап. Петра и Павла на нихъ качается, также въ недѣлю Св. Троицы празднуетъ бѣсовскій праздникъ „нѣякойсь" березы и въ день рождества Св. Іоанна Предтечи Купала, и вечерницы и пѣсни скверныя; всѣ эти слѣды идолопоклонства празднуетъ народъ отъ неразумѣнія своего, а священники этого имъ не возбраняютъ".

Преосвященный Іоасафъ посѣщалъ нерѣдко и Харьковъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ фамильная лѣтопись Квитокъ. „6-го августа 1748 г. онъ прибылъ въ Бѣлгородъ, а въ началѣ октября явился въ Харьковъ и встрѣченъ былъ при знаменахъ двумя сотнями казаковъ. Имѣлъ квартиру у Квитокъ на Основѣ... Въ 1751 году преосвященный погребалъ въ Харьковскомъ Успенскомъ Соборѣ полковника Ивана Григорьевича Квитку и квартировалъ на Основѣ; въ другой разъ прибылъ на 6-й недѣлѣ великаго поста и отправлялъ въ четвертокъ священный обрядъ умовенія ногъ въ Соборной церкви, а въ Пасху литургисалъ въ Коллегіумской церкви; на другой день переѣхалъ на Основу. На Сошествіе Святаго Духа литургисалъ въ Соборной церкви и въ недѣлю всѣхъ святыхъ отправился въ Бѣлгородъ. Въ іюнѣ опять былъ въ Харьковѣ по случаю экзамена въ Коллегіумѣ и прибытія матери своей Маріи Даниловны Апостоловой-Горленковой. Стояли на Основѣ по августъ. Въ проѣздъ въ Изюмъ, для осмотра епархіи, провожаемъ былъ военною громадою до Хорошева, гдѣ 1-го августа служилъ, 2-го отъѣхалъ въ Зміевъ. Въ 1752 году прибылъ въ Харьковъ къ Троицѣ и въ Троицынъ день служилъ въ Коллегіумской Покровской церкви, посвятилъ брата (Квитки) монаха Наркиса въ іеродіакона. Въ 1753 г. къ новому году прибылъ въ Харьковъ, квартировалъ въ Коллегіумѣ. Къ каковому году прибыли въ Харьковъ губернаторъ Воронежскій Мусинъ-Пушкинъ, генералъ-маіоръ кн. Кантемиръ, графъ Девьеръ, Петръ Семеновичъ Салтыковъ для нѣкотораго консиліума. 6 января преосвященный служилъ въ Коллегіумѣ и нарочитая церемонія была на Іорданѣ. Іюня 29, во 2-й разъ, былъ въ Харьковѣ и отправляемы были (при немъ) диспуты философскіе генеральные" [1]). Нужно замѣтить, что преосвященный Іоасафъ относился къ Харьковскому Коллегіуму съ большимъ сочувствіемъ и оказывалъ ему свою поддержку. Такъ, когда въ Коллегіумѣ должна была начаться перестройка и понадобились подводы для доставки лѣсныхъ матеріаловъ, онъ, по просьбѣ ректора Антонскаго обратился къ Харьковскому и еще 2-мъ протопопамъ съ просьбою о высылкѣ ихъ подводъ для этого общественнаго дѣла и подписался такъ: „Пречестности вашей нашего по Духу Святому благопослушнаго сына вседоброжелательный пастырь". Не всегда впрочемъ святитель проявлялъ такую кротость: иногда даже духовныхъ

[1]) Филаретъ. Истор. Стат. опис. Харьков. епархіи, I, стр. 10—25.

лицъ онъ присуждалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Таковы были нравы времени. Послѣ смерти онъ не оставилъ никакого почти имущества. Изъ реестра книгъ, взятыхъ имъ для чтенія изъ Коллегіумской библіотеки видно, говоритъ проф. А. С. Лебедевъ, что любознательность преосвященнаго

Іоасафа обнимала широкій кругъ предметовъ богословскаго вѣдѣнія: церковную исторію, литургику, изъясненіе писанія, церковное краснорѣчіе, полемическое богословіе. А значащіеся подъ 4

номерами книги даютъ поводъ думать, что любознательность эта, не ограничиваясь богословскими предметами, простиралась и на другія области человѣческаго знанія [1]).

Епископъ Лука Конашевичъ также заботился о Коллегіумѣ и для лучшаго порядка учредилъ при немъ хозяйственный комитетъ, куда вошли учителя піитическаго, риторическаго, философскаго и богословскаго классовъ [2]).

Іоасафъ Миткевичъ—питомецъ Кіевской Академіи—издалъ строгій указъ, чтобы священники непремѣнно выслали своихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ для опредѣленія ихъ въ Харьковскій Коллегіумъ [3]).

Епископъ Порфирій Крайскій—питомецъ Московской Аакадеміи—извѣстенъ уже намъ своею борьбою со Щербининымъ по поводу учрежденныхъ этимъ послѣднимъ „прибавочныхъ классовъ“; послѣ него осталось значительное состояніе [4]).

Епископъ Самуилъ Миславскій является однимъ изъ наиболѣе образованныхъ Бѣлгородскихъ іерарховъ. Уроженецъ Малороссіи, онъ блистательно прошелъ курсъ Кіевской Духовной Академіи, хотя уступалъ всетаки своему товарищу Г. С. Сковородѣ, былъ профессоромъ Академіи (философіи и богословіи), префектомъ и ректоромъ ея. „Архипастырское служеніе Самуила въ Бѣлгородѣ, не смотря на кратковременность (менѣе 3 хъ лѣтъ), было въ высшей степени благотворно для епархіи, особенно въ просвѣтительномъ отношеніи. Духовныя школы болѣе всего испытали на себѣ эту благотворную силу его просвѣщеннаго управленія, и прежде всего—Харьковскій Коллегіумъ. Памятникомъ плодотворной заботливости преосвященнаго Самуила о подъемѣ образовательнаго значенія этого учрежденія служитъ между прочимъ инструкція ректору, данная въ 1769 году для приведенія въ цвѣтущее состояніе Коллегіума; въ ней всѣмъ учебнымъ предметамъ, преподаваемымъ въ Коллегіумѣ, дана, по тогдашнему времени, широкая и солидная постановка, съ обстоятельнымъ объясненіемъ для каждаго класса учебныхъ руководствъ, объема и методовъ преподаванія. Онъ прекратилъ борьбу съ губернаторомъ Щербининымъ изъ за прибавочныхъ классовъ и старался пользоваться преподавательскимъ персоналомъ этого новаго учебнаго заведенія для лучшей постановки иностранныхъ языковъ въ самомъ Коллегіумѣ. Посылалъ питомцевъ Коллегіума для усовершенствованія въ наукахъ заграницу. Въ то же самое время возвысилъ и значеніе въ программѣ русскаго языка. Благодаря его призыву къ пожертвованіямъ, былъ выстроенъ новый каменный 2-хъ этажный корпусъ для общежитія бѣдныхъ учениковъ (сиропитательный домъ). При немъ возобновлены были въ разныхъ мѣстахъ школы, служившія какъ-бы приготовительными классами для Харьковскаго Коллегіума. Заслуживаютъ вниманія принятыя имъ мѣры для насажденія въ Харьковѣ проповѣдничества. Харьковскій губернаторъ Щербининъ съ 2 своими товарищами писалъ святителю въ 1769 году. „Пятый годъ течетъ, какъ городъ Харьковъ сдѣланъ губернскимъ, однако же все это время въ высокоторжественные, господніе, богородичные и храмовые праздники *не слыхать было ни единожды проповѣдническаго гласа*, ибо хотя въ соборѣ кромѣ протоіерея Флоринскаго имѣются еще 2 священника—Стефанъ Базилевичъ, да Михаилъ Шванскій, но изъ нихъ первые два—Флоринскій и Базилевичъ—какъ начальники въ Харьковскомъ Духовномъ Правленіи, при обширности этого вѣдомства, отвлекаются отъ проповѣди Слова Божія трудами Управленія, а Михаихъ Шванскій, хотя и состоитъ преподователемъ и префектомъ въ Коллегіумѣ, но все это, при его извѣстныхъ способностяхъ и рачительности, не отвлекало бы его отъ проповѣди Слова Божія, если бы предшественникомъ вашимъ не было вмѣнено ему въ

[1]) Бѣлгород. архіереи, стр. 88, 113—114.
[2]) Ibidem, стр. 119.
[3]) Ibidem, стр. 128.
[4]) Ibidem, стр. 143—161.

обязанность во всѣ торжественные дни, при публичныхъ моленіяхъ, присутствовать въ Коллегіумскомъ, а не въ соборномъ храмѣ". Въ заключеніе своего представленія Щербининъ просилъ опредѣлить въ соборные протоіереи Шванскаго на мѣсто Флоринскаго, но сдѣлать „человѣколюбивое" опредѣленіе и о послѣднемъ. Епископъ Самуилъ поступилъ во всемъ согласно

Порфирій Епископъ Бѣлградскій

Самуилъ Епископъ Бѣлгородскій

ходатайству гражданскаго начальства. Раздѣлилъ Харьковскую протопопію на двѣ—Харьковскую и Валковскую, при чемъ во главѣ первой поставилъ Шванскаго, а второй—Флоринскаго; засѣдателемъ въ первой остался Базилевичъ. Всѣ эти лица были оставлены соборными священно-служителями, но Шванскому въ виду его ученыхъ заслугъ дано было первенство не только надъ ними, но и надо всѣми протопопами Бѣлгородской епархіи. Согласно требованію губернатора, велѣно было Шванскому съ товарищами „учинить расположеніе для высокоторжественныхъ дней, кому, когда, въ какомъ порядкѣ и сколько въ годъ говорить проповѣдей“ и присылать его ежегодно на утвержденіе преосвященному; для остальныхъ же праздниковъ назначать проповѣдниковъ изъ подходящихъ священниковъ самому Шванскому, съ тѣмъ, чтобы онъ прочитывалъ и исправлялъ ихъ до произнесенія въ церкви. Любопытно, что священниковъ проповѣдниковъ въ Харьковѣ оказалось всего четыре—Шванскій, намѣстникъ Стефанъ Базилевичъ, священникъ Николаевской церкви І. Гилевскій и Рождественской Ф. Немировскій. Епископъ Самуилъ, подобно своимъ предшественникамъ, боролся противъ распространеннаго въ Украйнѣ выбора священниковъ прихожанами, хотя выступалъ здѣсь не очень рѣзко. Не останавливаясь на другихъ сторонахъ архипастырской дѣятельности преосвященнаго, замѣтимъ только, что и послѣ удаленія изъ Харькова (Самуилъ былъ на Крутицкой епархіи въ Москвѣ, въ Ростовѣ архіепископомъ и въ Кіевѣ митрополитомъ) епископъ выказывалъ заботу о Харьковскомъ Коллегіумѣ“ [1]).

Епископъ Аггей учился въ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ дошелъ до философскаго класса; по отзыву Самуила „это былъ мужъ довольно просвѣщенный и любящій науки, очень хорошо говорившій по французски“. Онъ неохотно увольнялъ учениковъ Коллегіума для опредѣленія ихъ на гражданскую службу и когда къ нему обратился вице-губернаторъ Харьковскаго намѣстничества Фаминцынъ съ просьбою подать руку помощи и разрѣшить 20 ученикамъ поступить въ казенную палату, то онъ позволилъ уволить для этого питомцевъ, но не выше риторическаго класса и при томъ неспособныхъ къ ученію. И такъ какъ учениковъ Коллегіума не увольняли для поступленія въ гражданскую службу, то они стали бѣгать изъ училища. Одного изъ нихъ, Василія Мальцова, поймали и епископъ постановилъ послѣ публичнаго наказанія, снова принять его въ училище, но тотъ, очевидно, твердо рѣшился не возвращаться въ Коллегіумъ и когда его вели подъ конвоемъ консисторскаго пристава въ школу, то онъ подъ самимъ Харьковомъ у мельницы и рва выскочилъ изъ повозки, ударилъ пристава въ грудь и, перебѣжавши ровъ, скрылся въ саду, гдѣ его уже не могли отыскать; видѣли все это солдаты съ арестантами, копавшіе этотъ ровъ.

Заботился преосвященный и о расширеніи дѣла церковной проповѣди, поощрялъ сочиненіе проповѣдей учениками Коллегіума и въ воздаяніе заслугъ проповѣдника Шванскаго распорядился о выдачѣ ему на содержаніе изъ монастыря—2-хъ четвертей ржаной муки, 2-хъ четвертей пшеничной, одной четверти пшена, шести барановъ, 35 ведеръ пива, 10 ведеръ меду,

---

[1]) Ibidem, стр. 163—203. Сохранился рукописный сборникъ проповѣдей XVIII в., который заключаетъ въ себѣ повидимому проповѣди различныхъ священниковъ Харьковской епархіи. Здѣсь мы находимъ, напримѣръ, Слово въ 5-ю недѣлю Великаго поста, Слово на освященіе храма, Слово въ день Благовѣщенія, въ недѣлю Закхея, десятую недѣлю по Сошествіи Св. Духа и др. праздники. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываются годы: есть слова на 1771 (2), 1772, 1774, 1775 (3), 1779 годъ, на заключеніе мира съ Портою Оттоманскою. Попадаются указанія и на авторовъ: есть слово іеромонаха Тарасія Вербицкаго, сказанное 10 іюля 1759 года, свящ. Даніила Бѣлогорскаго—1 октября 1769 года; есть указанія и на мѣста, гдѣ говорились проповѣди: одно въ Харьковѣ въ Соборной Успенской церкви, другое въ той же церкви, сказанное свящ. Іоанномъ Тишковскимъ въ 1775 году, въ слободѣ Артемовкѣ, говоренное І. Тишковскимъ въ 1775 году, въ Рождественской церкви гор. Харькова, сказанное священникомъ этой церкви Ѳеодоромъ Немировскимъ 26 декабря 1775 года.

Алексій Ѳедоровъ Бѣлоградскій

Досиѳей Епископъ Бѣлоградскій

6 ведеръ пеннаго вина и по одному ведру разныхъ „сочковъ“ (наливокъ); кромѣ того для поѣздокъ въ Бѣлгородъ и другія мѣста ему была дана коляска, 3 лошади и кучеръ, а его ледникъ набивался льдомъ монастырскими людьми. Самъ епископъ Аггей, какъ свидѣтельствуютъ документы, любилъ получать къ разнымъ праздникамъ „презенты“ (т. е. подарки) отъ монастыря, въ числѣ коихъ были различныя вина до шампанскаго включительно [1]).

Послѣдній іерархъ Феоктистъ—родомъ изъ заднѣпровья—получилъ образованіе въ Кіевской Духовной Академіи. Онъ заботился о матеріальныхъ нуждахъ Харьковскаго Коллегіума, но особенное вниманіе обратилъ на спеціальную подготовку учащихся къ будущему прохожденію ими священнической должности (на составленіе проповѣдей, на объясненіе катехизиса и евангелія, на участіе въ богослуженіи, на церковное пѣніе и уставъ). Сначала велъ объясненія по катехизису и евангелію съ учениками богословскаго класса преподаватель Коллегіума Андрей Прокоповичъ, а потомъ рекомендованный имъ и самъ пожелавшій этого священникъ Вознесенской церкви Василій Фотіевъ. Преосвященный допустилъ его къ исправленію этой обязанности и въ поощреніе велѣлъ ему занимать въ церемоніяхъ мѣсто выше всѣхъ Харьковскихъ священниковъ, исключая протопоповъ. „Это назначеніе было въ высшей степени удачно. На первыхъ же порахъ истолковательныя бесѣды священника Фотіева привлекли кромѣ учениковъ Коллегіума множество обоего пола людей и со стороны“; многіе во время этихъ бесѣдъ становились на столахъ и подоконникахъ и по чрезвычайной тѣснотѣ ломали столы и разбивали окна; въ виду этого начальство Коллегіума ходатайствовало о перенесеніи бесѣдъ въ церковь, что и было разрѣшено. Но любопытно, что дѣло церковнаго проповѣдничества въ Харьковѣ къ этому времени заглохло. Въ 1790 г. арх. Феоктистъ писалъ: „Четвертый уже годъ какъ я прибылъ въ Бѣлгородскую епархію и во все это время ни изъ рапортовъ Харьковскаго Духовнаго Правленія, ни изъ получаемыхъ отъ него копій со сказываемыхъ проповѣдей, ни въ многократную бытность мою въ Харьковѣ, я не примѣтилъ, чтобы когда либо первоначальнѣйшіе харьковскіе священнослужители говорили проповѣди, въ чемъ прочіе учительные (т. е. ученые) священнослужители здѣшней епархіи достохвально упражняются“; въ виду этого въ Харьковское Духовное Правленіе посланъ былъ строжайшій указъ о сказываніи проповѣдей въ Харьковѣ—и результатъ по началу получился блестящій: въ сентябрѣ 1793 г. въ Харьковѣ, Валкахъ и Золочевѣ сказано было 22 проповѣди; копіи съ нихъ были присланы Феоктисту, который высказалъ о нихъ такое сужденіе: „присланныя проповѣди читалъ я съ особливымъ любопщаніемъ; всѣмъ протоіереямъ и священникамъ засвидѣтельствовать отъ Духовнаго Правленія именемъ моимъ пастырскую признательность, отличную же—отлично потрудившемуся отцу протоіерею Андрею Прокоповичу; сообщить объ этомъ въ семинарское правленіе, чтобы и прочіе учители и въ высшихъ классахъ ученики подражали ему“. Но долго ли продолжалось такое усердіе, неизвѣстно. Важное значеніе здѣсь, конечно, имѣло поощреніе самаго архипастыря; но не могъ же онъ такимъ образомъ каждый мѣсяцъ поощрять авторовъ, хотя бы уже потому, что у него не хватило бы времени на прочитываніе этой огромной рукописной литературы: если одно Харьковское Духовное Правленіе доставило за одинъ мѣсяцъ 22 проповѣди, то сколько ихъ могло накопиться за цѣлый годъ ото всѣхъ духовныхъ правленій, которыхъ былъ, вѣроятно, не одинъ десятокъ? Нѣсколько тысячъ. Очевидно, указъ, не принявшій во вниманіе условій жизни, дѣйствовалъ до тѣхъ поръ, пока за его исполненіемъ слѣдилъ его творецъ—Щербининъ, а выбылъ онъ изъ Харькова—и о строжайшемъ требованіи его забыли. Наученный опытомъ, арх. Феоктистъ вступилъ на болѣе практическій путь: сталъ пріучать къ составленію проповѣдей будущихъ священнослужителей еще въ бытность ихъ учениками семинаріи.

[1]) Ibidem, стр. 205—223.

Въ виду предстоявшаго выдѣленія изъ Бѣлгородской епархіи Харьковской, преосвященный учредилъ новую семинарію въ Бѣлгородѣ и началъ культивировать среди питомцевъ обѣихъ семинарій практическую, такъ сказать, риторику и піитику, т. е. составленіе торжественныхъ рѣчей—прозаическихъ и поэтическихъ. Въ 1791 г. ожидали въ Харьковѣ князя Потемкина—и архіепископъ сдѣлалъ немедленно распоряженіе о составленіи привѣтствій, но съ тѣмъ, чтобы они были кратки, витіеваты, приличны, а самые привѣтствующіе были благообразны, сладкогласны, въ движеніяхъ искусны и отъ ногъ до головы хорошо одѣты. Въ день тезоименитства свѣтлѣйшаго князя долженъ былъ быть въ Коллегіумѣ актъ по такой программѣ: 1) при входѣ въ богословскую аудиторію пѣвчіе поютъ кантъ, 2) послѣ канта россійская рѣчь для посѣтителей, 3) кантъ, 4) большая рѣчь передъ диспутами, 5) кантъ во время раздачи тезисовъ, 6, 7, 8) словопренія, разговоры и кантъ, 9) разговоръ двухъ лицъ, 10) ода, 11) разговоръ трехъ лицъ, 12) благодарный кантъ. Въ виду такого пристрастія Феоктиста къ торжественнымъ рѣчамъ, начальство Харьковскаго Коллегіума встрѣчало ими и самого преосвященнаго, когда онъ пріѣзжалъ въ Харьковъ. Въ 1791 году составлена была такая программа по случаю ожидаемаго прибытія его въ Коллегіумъ: 1) *на прибытіе его:* изъ 1-го класса—россійскіе стихи, изъ высшаго грамматическаго—латинскіе стихи, изъ піитическаго—коротенькая латинская и россійская рѣчь, изъ философскаго—латинская рѣчь, изъ высшаго греческаго—греческая рѣчь, изъ богословскаго—латинская и россійская рѣчь; 2) *на приходъ въ классы:* изъ 1-го класса и высшаго грамматическаго—россійскіе стихи, изъ піитическаго—латинскіе стихи, изъ риторическаго—латинская рѣчь и краткій разговоръ, изъ философскаго -россійская рѣчь, изъ греческаго низшаго класса—россійская рѣчь, изъ греческаго высшаго и 3-го—греческая рѣчь, изъ богословскаго—россійская рѣчь; 3) *на праздникъ Воскресенія Христова:* изъ 1-го класса—россійскіе стихи, отъ учителя россійскаго класса—ода, изъ высшаго грамматическаго—латинскіе стихи, изъ піитическаго—соотвѣтственный разговоръ россійскими стихами, изъ риторическаго—латинская и россійская рѣчь, изъ высшаго греческаго класса—греческая рѣчь, изъ философскаго—россійская рѣчь, изъ богословскаго—латинская рѣчь; сочиненія должны были быть кратки, чистаго стиля и остромысленны, словомъ таковы, каковы нравятся его преосвященству". Интересно его пастырское увѣщаніе, направленное въ Харьковское Духовное Правленіе, но на содержаніи его мы остановимся ниже [1]).

Таковы были Бѣлгородскіе епископы и ихъ отношеніе къ Харькову, какъ видному городу ихъ епархіи. Мы видимъ, что главное ихъ вниманіе сосредоточивалось въ немъ на Коллегіумѣ и это служитъ новымъ доказательствомъ того, что это училище придавало Харькову значеніе центра духовнаго образованія еще тогда, когда онъ не былъ центромъ административнымъ.

Изъ Коллегіума выходили молодые люди съ образовательнымъ цензомъ, достаточнымъ для занятія священнослужительскихъ мѣстъ. Но, не смотря на значительное число учащихся и оканчивавшихъ курсъ, Коллегіумъ не могъ подготовить достаточнаго контингента кандидатовъ на должности священниковъ для всей обширной Бѣлгородской епархіи—и епископамъ этой послѣдней приходилось принимать разнообразныя мѣры для сообщенія хотя бы самой элементарной подготовки „неученымъ священникамъ". Такъ какъ Коллегіумъ представлялъ изъ себя учебное заведеніе всесословнаго характера, то значительный контингентъ лицъ поступалъ туда просто для полученія образованія, не имѣя въ виду будущаго священства. Съ другой стороны и обучавшіяся въ немъ дѣти священно и церковнослужителей, не имѣвшія влеченія къ духовному званію или по другимъ какимъ либо побужденіямъ, иногда уходили изъ этой школы и поступали на гражданскую службу, гдѣ, какъ мы видѣли, на нихъ былъ большой спросъ

[1]) Ibidem, стр. 225—255.

Если въ 1679 году, черезъ 11 лѣтъ послѣ открытія, въ Бѣлгородской епархіи было 542 церкви, то что же сказать о XVIII вѣкѣ, о второй половинѣ его, когда колонизація края сдѣлала уже огромные успѣхи,—увеличилось и число населенныхъ пунктовъ, и число жителей въ нихъ, что, конечно, отразилось самымъ замѣтнымъ образомъ и на количествѣ церквей? Въ самомъ Харьковѣ число храмовъ къ концу XVIII вѣка значительно возросло сравнительно съ количествомъ ихъ въ 1679 г. Наконецъ, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ неудовлетворенной потребности въ священно-служителяхъ служитъ фактъ открытія второй семинаріи въ Бѣлгородѣ, которая также быстро наполнялась учащимися. Харьковъ, обладая Коллегіумомъ, находился, такъ сказать, въ привиллегированномъ положеніи относительно образовательнаго уровнясвоихъ пастырей. Но мы видѣли, что и въ его церквяхъ не было проповѣдей до тѣхъ поръ, пока объ этомъ не позаботился энергичный представитель администраціи Щербининъ. Да и тогда способнымъ къ церковной проповѣди оказался сравнительно небольшой процентъ Харьковскихъ священниковъ.

Бѣлгородскіе архіереи, какъ мы видѣли, заботились и о своей харьковской паствѣ, одни въ большей, другіе въ меньшей степени. Но въ виду обширности епархіи не могли лично наблюдать за всѣми ея уголками. Для южной части этой епархіи необходимъ былъ новый центръ и таковымъ могъ быть только Харьковъ. Выдѣленіе Слободско-Украинской епархіи изъ Бѣлгородской являлось совершенно естественнымъ и необходимымъ.

Но и до открытія особой Слободскоукраинской епархіи Харьковъ былъ церковно-административнымъ центромъ довольно значительной территоріи. Руководящее значеніе въ первое время принадлежало Соборному протопопу. „Настоятель Харьковскаго Собора, говоритъ преосвященный Филаретъ, до учрежденія Харьковскаго Духовнаго Правленія (въ 1744 году) былъ главнымъ мѣстнымъ представителемъ духовной власти въ *Харьковскомъ полку*; онъ назывался духовнымъ управителемъ, а правленіе его называлось то *протопопіею*, то *духовнымъ дворомъ*; чрезъ него проходили всѣ распоряженія архипастыря по церквамъ Харьковскаго полка и къ нему обращались мѣстныя военно-гражданскія власти по дѣламъ церковнымъ“ [1]). Такой строй церковной администраціи находился въ полномъ соотвѣтствіи съ военно-гражданскимъ управленіемъ Слободской Украйны того времени. Въ Слободской Украйнѣ, какъ извѣстно, не было единаго главнаго административнаго центра, каковымъ въ лѣвобережной Малороссіи являлась гетманская резиденція, также точно, какъ не было единаго высшаго представителя мѣстной власти, каковымъ въ Малороссіи былъ гетманъ. Городъ Харьковъ былъ только центромъ одного Харьковскаго Слободскаго полка, но кромѣ этого послѣдняго было еще 4 другихъ, отъ него независимыхъ, съ 4 другими центральными полковыми же городами. Понятно, слѣдовательно, почему значеніе Харькова, какъ церковно-административнаго центра, не распространялось на территорію сосѣднихъ полковъ. Мѣстная церковно-административная власть въ Харьковѣ была необходима и она воплотилась на первыхъ порахъ въ лицѣ протопопа. Почему именно въ его лицѣ? Потому что онъ былъ самымъ старшимъ изъ Харьковскихъ священниковъ и потому что Соборная церковь считалась какъ бы правительственнымъ мѣстомъ, необходимою принадлежностью казеннаго „города“, т. е. крѣпости. „Со времени учрежденія Харьковскаго (Духовнаго) Правленія, въ немъ присутствовали кромѣ Соборнаго протоіерея два другіе члена, но главнымъ лицомъ оставался протоіерей. Такъ было до открытія архипастырской каѳедры въ Харьковѣ. Въ Харьковской протопопіи, заключавшей въ кругѣ своего вѣденія кромѣ Харьковскаго почти весь Валковскій уѣздъ [1]) и часть Волчанскаго [2]), въ 1725 году было 86 приходскихъ церквей, въ 1758 г.—94 соборныхъ и приходскихъ церквей и при нихъ: про-

[1]) Истор. стат. опис. Харьков. епарх., II, стр. 18.

[2]) Коломакъ, Алексѣевка и Высокополье состояли въ Ахтырскомъ полку.

[3]) Именно—Волчанскъ, Ефремовку, Андреевку и Николаевку.

тоноповъ—3, священниковъ 114, діаконовъ—5, дьячковъ—62, пономарей—23 [1]). Весь округъ Харьковскаго Духовнаго Управленія раздѣлялся на 5 отдѣленій: кромѣ Харьковскаго вѣдомства, непосредственно завѣдываемаго самимъ протоіереемъ, были намѣстничества—Валковское, Нововодолажское, Ольшанское и Золочевское, надъ которыми ближайшими надзирателями были намѣстники изъ старшихъ священниковъ" [2]). Соборный протопопъ, а потомъ Духовное Правленіе представляли съ одной стороны какъ бы передаточную инстанцію по церковнымъ дѣламъ между Бѣлгородской консисторіей и подвѣдомственными имъ священниками, а съ другой—нѣкоторыя болѣе мелкія дѣла рѣшали и самостоятельно. Въ 1790 г. преосвященный Феоктистъ далъ такое предписаніе: „наблюдать, при избраніяхъ на духовныя должности, всѣ обстоятельства, въ консисторскихъ указахъ объясненныя, и неискусныхъ въ чемъ либо или неиспытанныхъ въ благонравіи и ищущихъ священнослужительскаго сана подлыми способами, отнюдь не присылать и одобреній имъ не давать и для того діаконамъ, желающимъ священства, и церковнослужителямъ, желающимъ діаконства, чрезъ благочинныхъ подтвердить, чтобы они подготовляли себя къ тому при своихъ приходахъ заблаговременно и не надѣялись бы ни на какія ходатайства и не извинялись бы сиротствомъ или другими какими несчастными случаями, потому что сиротство и несчастные случаи недостойнаго достойнымъ учинить не могутъ и потому сироты и по какимъ либо другимъ случаямъ претерпѣвающіе злосчастіе наиболѣе должны прилагать стараніе къ отличію себя въ церковномъ причтѣ примѣрнымъ искусствомъ и достоинствомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ семинаріяхъ, гдѣ семинаристы—сироты и неимущіе болѣе успѣваютъ въ наукахъ и благонравіи, нежели тѣ, которые на имущество родителей своихъ уповаютъ". Другимъ указомъ Харьковскому Духовному Правленію предписывалось строго испытывать ставленниковъ и священно и церковно-служителей, имѣвшихъ свои школы для обученія дѣтей духовенства русской грамотѣ, имѣютъ ли они правильный выговоръ при чтеніи, ибо замѣчено, что въ Харьковскомъ намѣстничествѣ многіе выговариваютъ ы, какъ и, а и, какъ ы и ѣ, вопреки великорусскому произношенію, и при этомъ не соблюдаютъ оксій (т. е. знаковъ препинанія), отчего теряется пріятность въ чтеніи. Въ третьемъ указѣ онъ снова обращалъ вниманіе на неудовлетворительное чтеніе и пѣніе. „Являются ко мнѣ, писалъ владыка, ставленники въ церковномъ чтеніи и пѣніи не искусны: иной дробитъ, иной заикиваетъ, иной гугнивитъ, иной выговариваетъ ж, р, ч, ш и пр. не по надлежащему; иной читаетъ не по оксіямъ и не по точкамъ; поютъ же почти всѣ неискусно по одной только наслышкѣ и то разнячо и въ тонъ голосомъ не берутъ; все это происходитъ отъ того, что священнослужители за чтеніемъ и пѣніемъ не смотрятъ и дѣтей церковнаго причта отъ молодыхъ лѣтъ къ тому не пріучаютъ". Для избѣжанія всего этого преосвященный рекомендовалъ священникамъ имѣть наблюденіе въ этомъ смыслѣ за діаконами, дьячками и пономарями, а также пріучать къ чтенію и пѣнію дѣтей духовнаго званія. Посылая 13 экземпляровъ печатнаго ирмолайнаго пѣнія для раздачи благочиннымъ, преосвященный рекомендовалъ выбрать діяконовъ или дьячковъ, искусныхъ въ нотномъ пѣніи, съ тѣмъ чтобы они обучали ему остальныхъ [3]). Эти указы опредѣляютъ намъ до нѣкоторой степени и кругъ дѣятельности Харьковскаго Духовнаго Правленія, подтверждая высказанное нами раньше положеніе о ея двойственномъ характерѣ.

Теперь мы должны перейти къ Харьковскимъ церквямъ, причтамъ и прихожанамъ, и сообщить о нихъ фактическія данныя, могущія пролить свѣтъ и на общее ихъ положеніе. Начнемъ

[1]) Въ числѣ дьячковъ и пономарей вѣдомость разумѣетъ только тѣхъ, которые посвящены были въ стихарь; иначе должность дьячка и особенно пономаря исполняли по найму способные изъ простыхъ черкасъ.

[2]) Филаретъ. Истор. стат. опис. Харьков. епархіи, II, стр. 18—19.

[3]) Бѣлгородскіе архіереи, стр. 253—255.

свое обозрѣніе съ Покровскаго монастыря. Харьковскій Покровскій монастырь былъ основанъ въ 1726 г. Епифаніемъ Тихорскимъ въ центрѣ города Харькова „на берегу рѣки Лопани, значительно возвышенномъ, внутри бывшей Харьковской крѣпости. Потому видъ его съ другого берега Лопани живописенъ. Внутри его былъ нѣкогда подземный ходъ на Лопань, на случай осады Харькова татарами. До 1799 г. онъ былъ училищнымъ монастыремъ; ректоръ Харьковскаго Коллегіума былъ вмѣстѣ и настоятелемъ этого монастыря и Коллегіумъ находился въ стѣнахъ монастыря... Монастырскій Покровскій храмъ назывался *Соборнымъ кафедральнымъ* до 1846 года, пока Городской Успенскій Соборъ не переименованъ въ кафедральный Соборъ“ [1])... Мы не будемъ перечислять настоятелей Покровскаго монастыря, потому что, говоря о Коллегіумѣ, назовемъ его ректоровъ, а они въ то же самое время были и его игуменами. Замѣтимъ только, что 2-й настоятель Варлаамъ Тищинскій былъ произведенъ въ архимандриты Куряжскаго монастыря и управлялъ обоими, но жилъ въ Покровскомъ. Афанасій Топольскій „былъ первый посвященъ въ архимандриты Покровскаго монастыря и ему съ преемниками дана мантія со скрижалями и крестъ“ по примѣру архимандрита Спасскаго училищнаго монастыря и ректора Московской Духовной Академіи. Впослѣдствіи архимандритамъ монастыря дозволено было носить панагію и рипиды „въ большую честь училищнаго монастыря“ [2])... „Монастырскій храмъ *Покрова Пресвятыя Богородицы*—прекрасное зданіе послѣднихъ временъ патріаршества. Онъ освященъ былъ въ *1689 году* митрополитомъ Авраміемъ. Какъ и многіе другіе храмы этого времени, онъ построенъ въ два этажа четырьмя ярусами. Возвышаясь на 23 сажени, онъ увѣнчанъ 3 фонарями большихъ размѣровъ съ вызолоченными главами и крестами; бока его украшены арабесками и карнизами. При массивной толщинѣ стѣнъ постройка его весьма легка. Въ восточномъ алтарномъ окнѣ находился гербъ Имперіи, а въ нижней половинѣ стекла металлическія буквы: Б. М. Е. Т. Е. Б. О., т. е. „Божіею милостью Епифаній Тихорскій, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій“. Это памятникъ того, что заботливостію основателя Коллегіума храмъ былъ возобновляемъ [3]). Такимъ образомъ, и въ настоящее время это самое древнее зданіе въ Харьковѣ... На верху его мы видимъ тѣ же самые три фонаря большихъ размѣровъ, на бокахъ его тѣ же самые арабески, карнизы, коими онъ красовался до 200 лѣтъ тому назадъ [4]), храмъ древнѣе монастыря. Въ XVII и первой четверти XVIII-го вѣка онъ долженъ былъ представлять изъ себя приходскую церковь. И дѣйствительно мы видѣли въ главѣ о топографіи, что въ 1724 году это была приходская церковь, имѣвшая 87 дворовъ прихожанъ. Въ приложенномъ къ Атласу Харьковскаго намѣстничества видѣ г. Харькова 1787 года имѣется и изображеніе Покровскаго храма съ четырехъ-ярусной же колокольней. Они стоятъ у обрыва и съ нихъ открывалась чудесная панорама всего Харькова, Во дворѣ выдѣлялось обширное 2-хъ этажное зданіе Коллегіума. Въ нижнемъ храмѣ Покровскаго монастыря престолъ былъ въ честь трехъ святителей [5]).

„Монастырскій храмъ, говоритъ проф. Е. К. Рѣдинъ [6]), является весьма характернымъ по своей архитектурѣ; наряду съ другими церквами Харьковской епархіи онъ представитель южно-

[1]) Пр. Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. епар., I, стр. 35.

[2]) Ibidem, стр. 39.

[3]) Ibidem, стр. 41.

[4]) Прот. Н. Лащенко. Двухсотлѣтіе Покровскаго храма (Харьк. Сборн. на 1889 г., стр. 201—202).

[5]) Филарета. Ист. стат. опис. Харьк. епархіи, I, стр. 42.

[6]) По моей просьбѣ профессоръ исторіи искусствъ въ Харьковскомъ университетѣ, извѣстный спеціалистъ въ области христіанскихъ памятниковъ, Е. К. Рѣдинъ систематически изслѣдовалъ церковныя древности во всѣхъ храмахъ г. Харькова и представилъ вмѣстѣ съ фотографическими снимками описаніе ихъ, которое и вносится въ настоящую главу. Такимъ образомъ, благодаря отзывчивости почтеннаго профессора, исторія гор. Харькова обогащается не только перечнемъ всѣхъ сохранившихся до настоящаго времени въ его церквяхъ па-

русской, или малорусской архитектуры. (См. видъ монастыря на стр. 223). Весьма важно и интересно именно то обстоятельство, что храмъ, хотя каменный, но построенъ по образцу деревянныхъ именно этойюжно-русской архитектуры. Изъ наиболѣе близкихъ къ нему и по времени, и по общему характеру работы—можемъ назвать соборъ въ г. Изюмѣ, построенный во время царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, и имѣющій не три купола, какъ Харьковскій, а пять, но отличающійся тѣми-же простыми формами, той-же орнаментальной отдѣлкой въ обрамленіяхъ оконъ, куполовъ и т. п. Храмъ двухъ этажный: верхній посвященъ Покрову Пресвятой Богородицы. Чрезъ притворъ съ невысокимъ сферическимъ потолкомъ проходимъ въ первую часть храма—квадратъ съ плоскимъ потолкомъ; на Востокѣ громадная арка, ведущая во вторую небольшую часть храма, имѣющую раструбъ, нынѣ закрытый, безъ оконъ. Арка изъ этой части ведетъ въ центральную; противоположная арка закрыта иконостасомъ. Въ центральной—выше арки восьмиугольный раструбъ безъ оконъ; слѣдующій такой-же раструбъ съ восемью окнами, а еще выше уже барабанъ съ восемью окнами. Алтарная часть храма равна второй части. Въ общемъ, какъ сказали уже, здѣсь видимъ повтореніе формъ деревянной архитектуры, особенно въ куполахъ.

На престолѣ храма серебряная, позолоченая гробница—гробница 1847 года; она громадныхъ размѣровъ, въ видѣ ротонды на четырехъ колоннахъ; подъ крышей Гробъ Господень; на ньедесталахъ, по сторонамъ Гроба, по Ангелу съ рипидами. Вверху колпакъ, уже на крышѣ,— сидящіе Евангелисты.

Въ нижней церкви – Крестовоздвиженской имѣется: 1) евангеліе Московской печати 1789 г. въ окладѣ новѣйшей работы, 2) серебряный крестъ XVIII в. съ рельефнымъ изображеніемъ Распятія Христа: типъ Христа—грубый, голова приподнята вверхъ, глаза закрыты, ноги изогнуты; по четыремъ сторонамъ медальоны съ сильно поврежденной финифтью. На ручкѣ креста—(длина съ ручкой 28 сант.; въ поперечн. 13 см.) надпись: сооружисѧ крестъ сей власни кошьто... Ѳеодосія гавоинскаго архидіакона".

Въ новомъ храмѣ монастыря хранится святыня края, переносимая сюда изъ Куряжскаго монастыря на время съ 30 сентября по 22 апрѣля, *икона Пресвятой Богородицы Озерянской*, признаваемая чудотворной и очень чтимая не только харьковскими жителями, но и всѣмъ окрестнымъ населеніемъ. „Она, по словамъ преосвященнаго Филарета, писана на холстѣ кистію древняго малороссійскаго художника; на холстѣ примѣтны еще складки—слѣды путевого храненія святыни. Всѣ эти особенности подаютъ мысль, что Св. Икона писана однимъ изъ страдальцевъ православія, орошавшимъ слезами молитвы изображаемый имъ ликъ Богоматери и взывавшимъ о помощи небесной для гонимыхъ чадъ православія и что она принесена была изъ за Днѣпра" [1]). Трудно, по отсутствію данныхъ, подтвердить или отвергнуть эту догадку преосвященнаго Филарета. Старожилъ Мерефы далъ о ней въ 1762 году слѣдующее письменное свидѣтельство: „видѣлъ и помню я, въ церкви Озерянской пустыни стояла чудотворная икона; а откуда и кѣмъ поставлена, вѣдать не могу. Первое чудо отъ нея явилось о. архимандриту Севастіану и при строителѣ іеромонахѣ Варсонофіи Хвастиченкѣ" [2]). Севастіанъ былъ архимандритомъ Святогорскаго монастыря и получилъ въ 1710 году Озерянскую пустынь или пустошь отъ священника Богородицкой церкви въ Мерефѣ о. Феодора и соорудилъ въ ней также Богородичную

мятниковъ XVII - XVIII в.в, но и снимками съ нихъ, являющимися въ свѣтъ впервые, и *первымъ научнымъ* описаніемъ ихъ, котораго не было и у Нестора мѣстной исторіи архіепископа Филарета. Приношу за это самую искреннюю, сердечную благодарность проф. Е. К. Рѣдину; выражаю также глубокую признательность архіепископу Харьковскому и Ахтырскому Арсенію и настоятелямъ Харьковскихъ храмовъ за разрѣшеніе сдѣлать снимки.

[1]) Филаретъ. Ист. стат. опис. Хар. епарх., I, стр. 41.

[2]) Ibidem, стр. 42.

церковь. Священникъ же Феодоръ былъ выходецъ изъ за Днѣпра, послѣ бунта Брюховецкаго (1668 г.) пришелъ въ Мерефу, много лѣтъ состоялъ священникомъ тамошней Богородичной церкви, купилъ себѣ подъ Мерефою пасѣку съ садомъ на р. Озеряной (отсюда и названіе пустыни) и занялъ (путемъ заимки) греблю (т. е. плотину) на ставъ (т. е. прудъ), въ лѣсу криницу и часть лѣса; въ 1696 г. все это было утверждено за нимъ харьковскимъ полковникомъ Ф. Донцомъ [1]). Изъ этихъ документальныхъ данныхъ преосвященный Филаретъ дѣлаетъ выводъ, что „храмъ Рождества Богородицы, перестроенный въ 1711 г. въ Озеряной, существовалъ еще прежде 1671 г., называясь Мерефянскимъ по близости къ Мерефѣ“ [2]). Но документы ясно и опредѣленно говорятъ, что о. Феодоръ былъ священникомъ Богородичнаго храма въ самой Мерефѣ и что онъ уступилъ принадлежавшую ему землю архим. Севастьяну, который построилъ храмъ и основалъ Озерянскую пустынь, въ 3-хъ верстахъ отъ Мерефы на лѣвомъ берегу р.

Чудотворная икона Озерянской Божіей Матери
(по фотографическому снимку съ иконы).

Чудотворная икона Озерянской Божіей Матери
(по снимку съ копіи иконы новѣйшаго происхожденія).

Озерянки [3]). Изъ документовъ не видно также, чтобы Озерянская икона принадлежала священнику Феодору и была вывезена имъ заднѣпровья; малороссійскій же характеръ ея живописи, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что слобожане вообще усвоили себѣ такую манеру письма, какъ это видно изъ многихъ памятниковъ иконографическаго искусства, собранныхъ въ предѣлахъ харьковской епархіи на церковно-археологическую выставку при XII-мъ археологическомъ съѣздѣ. Но приводя эти соображенія, мы отнюдь не придаемъ имъ рѣшающаго значенія, и очень можетъ быть, что въ дѣйствительности Озерянская икона была вывезена изъ за Днѣпра и именно священникомъ о. Феодоромъ. Мы только хотѣли разобрать основанія, которыми подтвердилъ свою гипотезу преосвященный Филаретъ. По закрытіи Озерянской пустыни въ 1787 г., Озерянская икона Божіей Матери была перенесена сначала въ Куряжскій монастырь, а, по

[1]) Ibidem, стр. 192—194.
[2]) Ibidem, стр. 193.
[3]) Ibidem, стр. 194.

упраздненіи его въ 1788 г.,—въ Харьковскій Покровскій, гдѣ оставалась до 1797 года, когда, по возстановленіи Куряжской обители, была снова возвращена туда. Высочайшій указъ о перенесеніи иконы на зимнее время изъ Куряжа въ Покровскій монастырь состоялся только въ 1843 году [1]). „Икона, говоритъ проф. Е. К. Рѣдинъ, дѣйствительно писана на холстѣ, прикрѣпленномъ къ доскѣ. Письмо, какъ справедливо замѣчаетъ преосвящ. Филаретъ, кисти древняго малороссійскаго художника, въ томъ смыслѣ, конечно, что икона мѣстнаго, южно-русскаго происхожденія; исполненіе ея довольно посредственное и она писана, по всей вѣроятности, простымъ мастеромъ, копировавшимъ хорошій образецъ; контуры фигуръ грубые, краска, обычная въ памятникахъ южно-русскихъ для XVII—XVIII в.—красная, голубая. Икона дошла до нашего времени въ плохой сохранности, но все же ясно очерчивается ликъ Богоматери, Младенца, ихъ положеніе, цвѣтъ ихъ одеждъ. Богородица изображена повернувшей лицо въ сторону Младенца, на ней красный хитонъ и голубой мафорій, на головѣ корона; правая рука ея въ позѣ молепія, а лѣвой она поддерживаетъ Младенца Христа, сидящаго у нея какъ бы на колѣняхъ у лѣвой руки; Младенецъ одѣтъ въ красную рубашку-хитонъ, на головѣ у него такая-же корона, какъ у Богородицы, въ лѣвой рукѣ онъ держитъ небольшое Евангеліе, а правой благословляетъ. Нимбы у обоихъ желтые. Начиная отъ плечъ кругомъ нимбовъ Богородицы и Христа на фонѣ иконы шли звѣзды, видныя и теперь. Вверху иконы, справа и слѣва облака. Размѣры иконы: высота 40 см., ширина 34 см.

Озерянская Божія Матерь—одинъ изъ многочисленныхъ переводовъ типа Одигитріи Божіей Матери, извѣстнаго и въ аѳонской иконописи и въ русской, въ такихъ иконахъ напр., какъ Влахернской (въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ), Смоленской Божіей Матери, Тихвинской, Святогорской, Колочской, Межецкой, Ѳедотьевской, Казанской, Грузинской и др. [2]). Отличіе ея отъ другихъ—въ нѣкоторыхъ лишь деталяхъ и самомъ характерѣ исполненія, обусловленныхъ временемъ и происхожденіемъ ея. Она стоитъ въ ближайшей связи со многими иконами, происходящими также изъ Харьковской епархіи и несомнѣнно находившимися подъ вліяніемъ западныхъ памятниковъ искусства иконописи. Къ такимъ деталямъ, кромѣ характера ликовъ Богородицы и Христа, отличающихся отъ такихъ-же въ сѣверно-русскихъ памятникахъ, относятся: короны на головахъ Богородицы, Христа, одежда Христа-Младенца, Евангеліе въ рукахъ послѣдняго [3]).

Изъ ряда многочисленныхъ памятниковъ, происходящихъ изъ Харьковской епархіи и имѣющихъ ближайшее сходство съ иконой Озерянской Божіей Матери и по общему характеру работы и даже по многимъ деталямъ—укажемъ на икону Ченстоховской Божіей Матери XVII в. въ церкви Вознесенія Хорошевскаго монастыря, на икону того же имени, но безъ многихъ деталей, имѣющихся въ первой, и чрезъ то еще болѣе близкую къ Озерянскому образу, въ церкви св. Троицы въ Сумахъ; далѣе на иконы: въ церкви св. Николая въ Замостьѣ близь Зміева, въ церкви Воскресенія г. Лебедина [4]), въ церкви Рождества Богородицы въ с. Двурѣчный Кутъ Харьковскаго уѣзда и др.

Икона Озерянской Божіей Матери—времени не раньше XVII вѣка.

Другіе древніе памятники монастыря, имѣющіе значеніе для культурной исторіи края, состоянія церковно-религіознаго искусства XVII—XVIII в., хранятся въ его ризницѣ. Они почти всѣ, какъ и многія изъ иконъ, въ большей части мало интересныхъ, поступившихъ въ

[1]) Ibidem, стр. 42, 71.

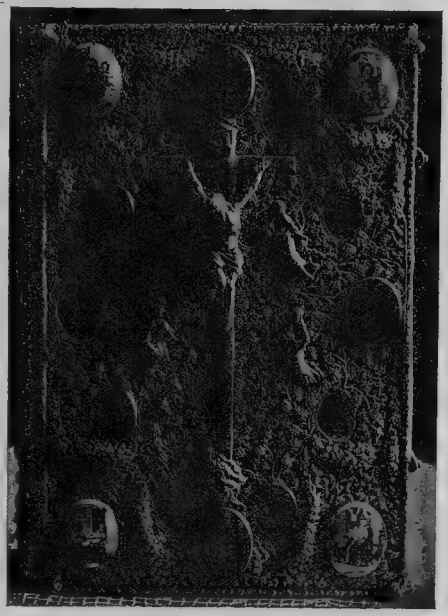
[2]) *Н. П. Кондаковъ.*, Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ, 142.

[3]) Книга въ лѣвой рукѣ Младенца въ извѣстной иконѣ Одигитріи Маріи Маджіоре въ Римѣ—вліяніе итальянской живописи XIV—XVI в. (*Н. П. Кондаковъ*, О. с., 155).

[4]) Альбомъ выставки XII археол. съѣзда, табл. VII, рис. 18 и 20.

ризницу изъ Духовной Консисторіи (въ виду тѣхъ или иныхъ изъятій изъ обращенія) были на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, составляя украшеніе ея церковнаго отдѣла. Опишемъ первые памятники, изъ которыхъ нѣкоторые восходятъ, какъ видимъ, по своей древности, къ начальной порѣ существованія монастыря.

Древнѣйшій памятникъ—Евангеліе, in folio, Московской печати 1698 г. На переплетѣ Евангелія замѣчательный окладъ: серебряная позолоченая доска, на которую наложенъ прорѣзной рельефный орнаментъ въ видѣ вѣтвей виноградной лозы съ кистями на одной (передней) сторонѣ и въ видѣ вѣтвей съ цвѣтками на другой; кромѣ того на одной сторонѣ длинный серебряный крестъ, на которомъ статуарно прекрасное изображеніе распятаго Христа. По сторонамъ креста четыре фигуры ангеловъ съ орудіями страстей. На этой же передней сторонѣ въ медальонахъ финифтью изображенія Евангелистовъ и сценъ страстей Христа. На оборотной сторонѣ въ рель-



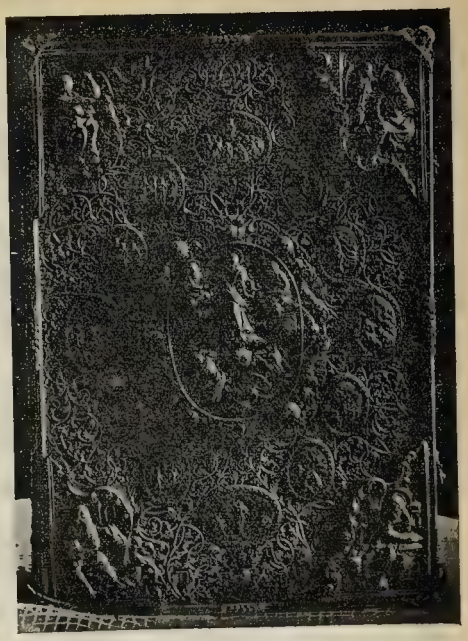
Окладъ евангелія 1698 г. Покровскаго монастыря.

Оборотная сторона оклада евангелія 1698 г. въ Покровскомъ монастырѣ.

ефѣ-же древо Іессево съ Богородицей поверхъ него, съ сидящими пророками и четырьмя ангелами, поклоняющимися Христу-Младенцу.

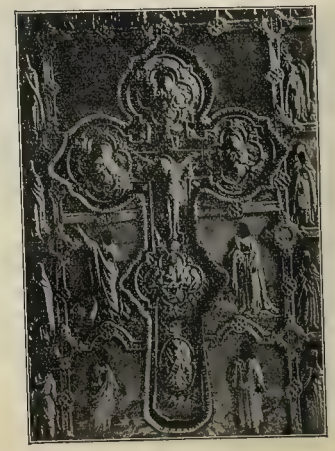
Описанное Евангеліе—даръ князя Потемкина. Другое Евангеліе также громадныхъ размѣровъ, in folio, Кіевской печати, 1707 г., съ выходнымъ листомъ, украшеннымъ гравюрой съ символическими изображеніями, характерными для искусства XVIII в. По сторонамъ заглавія Евангелія, помѣщеннаго какъ бы въ кіотѣ—Евангелисты; вверху кіота олицетвореніе любви: женщина съ дѣтьми; по сторонамъ—олицетворенія вѣры и надежды; выше на

Гравюра евангелія 1707 года въ Покровскомъ монастырѣ.



Окладъ евангелія Кіевской печати 1707 года Покровскаго монастыря.

Оборотная сторона оклада евангелія 1707 года въ Покровскомъ монастырѣ.



Серебряный крестъ съ мощами, XVII в., въ Покровскомъ монастырѣ.

облакахъ Спаситель, сидящій на колесницѣ, въ которую впряжены символы Евангелистовъ; подъ колесницей попираемая ею смерть; впереди въ звѣздѣ по грудь Предтеча. На переплетѣ Евангелія вновь—прекрасный, цѣнный памятникъ ювелирнаго искусства—окладъ. (См. рис. на стр. 345). На серебряной доскѣ цвѣтной прорѣзной орнаментъ. По угламъ четыре серебряныхъ наугольника, позолоченныхъ, съ изображеніемъ въ высокомъ рельефѣ Евангелистовъ. Въ центрѣ—большой медальонъ, также позолоченный, съ изображеніемъ въ рельефѣ Преображенія Господня. Вокругъ этого медальона идутъ малые медальоны съ изображеніями: Входа въ Іерусалимъ, Несенія креста, Положенія во гробъ, Воскресенія Христа, Распятія, Снятія со креста, Поклоненія волхвовъ младенцу, Отреченія Петра, Моленія о чашѣ, Вознесенія, Христа предъ Пилатомъ, Бичеванія Христа. На оборотной сторонѣ рельефно изображенъ Покровъ Пресвятой Богородицы.

Изъ древнихъ памятниковъ выдѣляется серебряный крестъ XVII в. съ мощами св. Печерскихъ угодниковъ: рельефное изображеніе Христа Распятаго, Бога Отца, предстоящихъ и др. (См. рис. на стр. 345).

Далѣе отмѣтимъ слѣдующіе памятники.

1) Четырехконечный кипарисовый крестъ весьма тонкой рѣзьбы, съ миніатюрными фигурами, XVIII в.; на одной сторонѣ изображенія: Благовѣщеніе, Введеніе во храмъ Богородицы, Крещеніе Христа, Срѣтеніе, Исцѣленіе слѣпого, Невѣріе Ѳомы. На другой сторонѣ: Преображеніе, Воскрешеніе Лазаря, Положеніе во гробъ, Жены у Гроба, Сошествіе Христа въ адъ. Болѣе интересна, прекрасной работы, серебряная оправа, украшенная ленточной филигранью, равно подставка и ручка. Выс. 12 см., перекр. $6^1/_2$ см., толщ. $1^1/_2$ см.

2) Большой четырехконечный серебряный крестъ въ значительной части своей позолоченный. Фонъ насѣчкой оставленъ не позолоченнымъ; по немъ рельефомъ цвѣточный орнаментъ, образующій собою и родъ медальоновъ, въ которые вставлены другія выпуклые же медальоны—уже финифтяные. Громадное подножіе овальной формы имѣетъ также орнаментъ въ видѣ цвѣточныхъ разводовъ и особыхъ медальоновъ, нижняя часть подножія украшена рельефнымъ цвѣточнымъ орнаментомъ, тянущимся гирляндой вокругъ его и четырьмя херувимскими головками. На самомъ крестѣ съ одной и другой стороны по пяти медальоновъ финифтяныхъ, изъ коихъ средніе большіе, а остальные малые. На среднихъ изображено—Распятіе Христа и Воскресеніе по западнымъ образцамъ, прекрасной работы, а на малыхъ Бичеваніе, Возложеніе терноваго вѣнца, Снятіе со креста, Жена мѵропосница, Христосъ и два апостола на пути въ Эммаусъ, Несеніе Креста, Невѣріе Ѳомы. На подножіи: Тайная вечеря, Цѣлованіе Іуды, Моленіе о чашѣ, Положеніе во гробъ. Свѣтлыя краски, прекрасныя формы фигуръ. Выдающійся памятникъ ювелирнаго искусства пол. XVIII в. На ручкѣ креста выгравированы слѣдующія надписи: „Вѣсу в нем 15 ф. 12 л. 1742 год. мца декабря сооружися кртъ сей коштомъ преосвященнаго Митрофана еппа Тверскаго". Высота съ подножіемъ 82 см., выс. креста 44 см., перекр. 36, толщ. $3^1/_2$, шир. $6^1/_2$ см.

3) Серебряный позолоченный восьмиконечный крестъ, украшенный на передней сторонѣ финифтяной пластинкой съ изображеніемъ Распятія Христа, совершенно по западному образцу, въ терновомъ вѣнцѣ, съ закрытыми глазами. Вверху финифтью-же надпись на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ; внизу финифтью Адамова голова. Ниже по рукояткѣ рельефомъ колонна съ пѣтухомъ, копье и губка. На задней сторонѣ въ трехъ медальонахъ орудія страстей. Крестъ работы 1785 г. Длина—30 см., перекр. 16 см., шир. 3 см., толщ. $1^1/_2$ см. (См. рис. на стр. 347).

4) Серебряный шестиконечный крестъ, позолоченный, XVIII в., хорошей работы. На крестѣ высокимъ рельефомъ изображено Распятіе Христа. (У Христа, склонившаго голову направо, старческій типъ лица, большая продолговатая борода, глаза закрыты). Въ перекрестьѣ: стоящія фигуры Богородицы, Іоанна, Магдалины и сотника; вверху креста: сошествіе въ адъ, а внизу Адамова голова, Іоаннъ Предтеча, крылатый, держащій въ чашѣ голову. Всѣ фигуры

короткія, плотныя, лица грубоватыя, оконечности уродливыя. Ниже Предтечи колонка съ пѣтухомъ и орудія страстей. Ножки и подножіе украшены рельефнымъ цвѣточнымъ орнаментомъ и херувимскими головками. На оборотной сторонѣ медальоны и цвѣточный орнаментъ. Высота креста съ подножіемъ 72 стм., креста 36 стм., перекр. 21½ стм., толщ. 2 стм., шир. 3½ стм. (См. рис. на этой страницѣ, снизу).

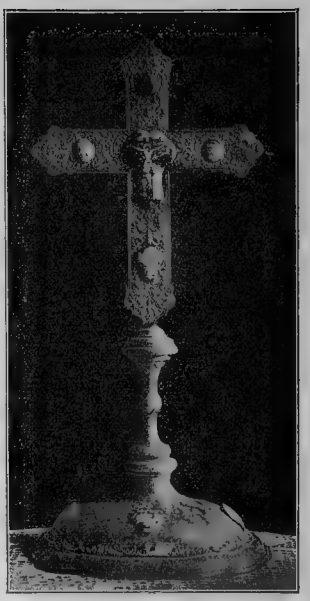
5) Серебряный позолоченный крестъ, шестиконечный, западной работы, вывезенъ, вѣроятно, изъ заграницы. На немъ гравировкой изображено распятіе Христа (ноги не сближены, а раздвинуты), по четыремъ концамъ евангелисты съ символами. Изображенія сопровождаются латинскими надписями. На перекрестьѣ орудія страстей, а ниже образованы гравировкой и на оборотной сторонѣ креста, при чемъ на одномъ концѣ сдѣланъ Нерукотворенный образъ, а на другомъ агнецъ со знаменемъ. На ножкѣ шаръ, на которомъ гравировкой надпись: IHESVS. Высота съ подножіемъ 49½ стм., перекр. 18 стм., шир. 3 стм.

6) Серебряный крестикъ, четырехконечный, украшенный на передней сторонѣ рельефнымъ изображеніемъ Распятія Христа и орнаментомъ прекрасной работы XVIII в. Дл. 9 стм., перекр. 6½ стм., толщ. 1,2 стм., шир. 1½ стм.

7) Серебряный, позолоченный крестикъ, четырехконечный, украшенный на передней сторонѣ гравированными изображеніями, грубой работы, уродливыя формы и оконечности: Распятіе Христа; въ перекрестьѣ: Богородица, Іоаннъ по грудь, и вверху Богъ-Отецъ, благословляющій на обѣ стороны. XVIII в. Длина 8½ стм., пер. 6½ стм., шир. 2½ стм., толщ. 1 стм.

8) Дарохранительница изъ плохого серебра; нижняя часть имѣетъ видъ параллелограма, верхняя меньшаго параллелограма, поверхъ котораго усѣченная крыша; сверхъ послѣдней куполъ, увѣнчанный крестомъ. По крышкѣ нижняго ящика идетъ слѣдующая надпись: „во гробѣ, плотски во адѣ же съ душею яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси Христе со отцомъ и духомъ вся исполняя неописаны“. XVIII в.

9—10) Два серебряныхъ подсвѣчника, съ широкимъ основаніемъ, на которомъ высокимъ рельефомъ изображены херувимскія головки и фрукты. Ножкой подсвѣчника служитъ ангелъ, литая фигура въ видѣ каріатиды, поддерживающая на головѣ самый подсвѣчникъ. Хитонъ на лѣвой ногѣ у ангела оставляетъ ногу открытой; рукава хитона загнуты. Фигура въ общемъ уродлива, грубовата,



Серебряный крестъ съ финифтью XVIII в. изъ Покровскаго монастыря.

Серебряный крестъ XVIII в. въ Покровскомъ монастырѣ.

работа этой фигуры не соотвѣтствуетъ работѣ подножія. По нижнему краю основанія надпись: „Сіи подсвѣчники сдѣланы 1756 года, мца марта 7 дня в битность архимандрита Рафаила Мокринскаго, вѣсу в нихъ десятъ фунтовъ и сорокъ золотниковъ. За работу дано пядесять рублей за денегъ суммы жалованной". На другомъ подсвѣчникѣ надпись: „Ея Императорскаго Велычества Благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Велыкія горины-нашея Императрицы Елисаветы Петровны". (См. рис. на этой страницѣ).

Серебряный подсвѣчникъ 1756 г. въ Покровскомъ монастырѣ.

11—12) Два серебряныхъ блюда; у одного края имѣютъ характерный рельефный орнаментъ въ видѣ завитковъ съ насѣчками и чешуйками; другое блюдо болѣе тяжеловѣсное, массивное, имѣетъ на днѣ углубленія—медальонъ, на которомъ какія-то, повидимому лунныя исчисленія, въ кругѣ и въ полукругѣ цифры, гравировкою надпись: „Казенне блюдо, крутицкаго дому". Оба сосуда XVIII в. Діам.—35 стм.

Въ библіотекѣ монастыря имѣлись слудующія рѣдкія книги: Библія—Острожской печати 1581 года, Маргаритъ Іоанна Златоустаго 1596 г., октоихи Московской печати 1618, 1683 и др., Евангеліе Московской печати 1636 г., требникъ Петра Могилы 1646 г., Апостолъ Львовской печати 1666 г., ирмологъ Московской печати 1682 г., тріодь постная Кіевской печати 1648 г., тріодь цвѣтная Львовской печати 1664 г., тоже Московской печати 1648 г., евангеліе учительное Московской печати 1652 г., евангеліе Московской печати 1735 г., „Трубы словесъ"—Лазаря Барановича и мног. другія. Въ древнее время, говоритъ преосвященный Филаретъ, въ нижней церкви Покровскаго монастыря погребались многіе изъ знатныхъ фамилій Слободской Украйны. Каменные склепы многихъ понынѣ (1852 г.) цѣлы подъ поломъ нижняго храма. На одной металлической дощечкѣ написано: „року (т. е. года) 1706, августа 28 дня, въ среду преставился рабъ Божій Федоръ Григорьевичъ Захаревскій полковникъ Харьковскій, въ полку на Самарѣ, и погребенъ въ Харьковѣ"... На другой дощечкѣ читаемъ: „року 1721, іюня 15, въ субботу по полудни преставися раба Божія Марфа Федоровна Квиткина; Христе Боже, душу ея упокой". По фамильной лѣтописи Квитокъ видимъ, что это была дочь Феодора Григорьевича Донца-Захаржевскаго, бывшая въ замужествѣ за сыномъ полковника Григорія Семеновича Квитки, Романомъ и только одинъ годъ жившая въ супружествѣ. По той же лѣтописи видимъ, что въ томъ же храмѣ былъ фамильный склепъ *Квитокъ*. Здѣсь по лѣтописи погребены въ одномъ гробу умершіе въ одинъ и тотъ же день (22 октября 1734 г.)—Василиса Еремѣевна, урожденная *Красновская*, супруга полковника Григорія Семеновича Квитки, 56 лѣтъ, и сынъ ея Василій Григорьевичъ Квитка, 25 лѣтъ. Мать и сынъ умерли черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ самъ полковникъ Григорій, отправляясь на богомолье въ Кіевъ, умеръ тамъ 65 лѣтъ. Въ 1735 г., августа 24, умеръ капитанъ Стефанъ Григорьевичъ Квитка, 23 лѣтъ, и погребенъ въ училищномъ монастырѣ въ нижней церкви трехъ Святителей, предъ лѣвымъ крылосомъ". Наконецъ, здѣсь же погребенъ еще одинъ представитель рода Квитокъ, внукъ харьковскаго полковника Григорія Семеновича Квитки, принявшій монашество подъ именемъ Наркисса въ 1751 г. и бывшій архимандритомъ въ Куряжѣ; скончался онъ, проживая на покоѣ въ Покровскомъ монастырѣ, въ 1792 г. Изъ фамиліи Квитокъ вышли и другіе дѣятели на почвѣ монашества: двѣ дочери полковника Гр. Сем. Квитки были игуменіями Хорошевскаго монастыря [1]).

[1]) Ibidem, стр. 49—50.

„Въ началѣ средства монастыря были довольно ограничены. Собираніе 20-й доли дохода съ монастырей и 30-й доли съ приходскихъ церквей на Коллегіумъ встрѣчало разныя затрудненія; а весь этотъ сборъ не простирался выше 1000 рублей. Начальнику Коллегіума и Покровскаго монастыря отданы были въ управленіе пустыни—Озерянская, Аркадіевская и Чугуевская и церковь Каплуновская. Пустыни получали доходы только съ земли и хозяйственныхъ заведеній и, слѣдовательно, для пріобрѣтенія этихъ доходовъ надлежало имѣть много умѣнья, терпѣливости и способныхъ людей. Точно такъ управленіе экономіей имѣній самаго Покровскаго монастыря, впослѣдствіи увеличившихся, соединялось со множествомъ заботъ: заводили сады, скотъ, хлѣбопашество, винные заводы. Съ одной стороны надлежало за всѣмъ этимъ смотрѣть зорко и имѣть людей, знающихъ сельское хозяйство; съ другой стороны открывались сношенія и переписки съ разными свѣтскими лицали. Оттого настоятель монастыря долженъ былъ имѣть значительную канцелярію и много помощниковъ, которыхъ не совсѣмъ легко выбирать“ [1]). Во время секуляризаціи имѣнія Покровскаго монастыря были отобраны въ казну и ихъ оказалось довольно много. „Ему принадлежало въ это время 3076 десятинъ земли, 650 душъ подданныхъ малороссіянъ, 50 мельничныхъ колесъ, 3 винокуренныхъ завода, скотные дворы, сады (были хозяйственныя угодья и въ самомъ Харьковѣ). Имѣнія его были: въ Валковскомъ уѣздѣ дер. Рубановка—даръ вдовы Валковскаго сотника и эсаула Рубана, слоб. Песочки и Замосскій Кутъ—даръ фельдмаршала кн. Голицына; въ харьковскомъ—хутора Клочки, Липецкій, Немышлянскій, Шаповаловскій, Даниловскій, Череватый, пустоши—Уставникова и Куленговская, Гринцовъ Рогъ и деревня Гуки, пріобрѣтенная за деньги преосвященнымъ Епифаніемъ; въ Зміевскомъ уѣздѣ—хуторъ Воняховскій“ [2]). О числѣ монашествующей братіи мы подробныхъ свѣдѣній не имѣемъ; знаемъ только, что въ 1751 г. здѣсь было 11 іеромонаховъ, 4 іеродіакона и 10 монаховъ [3]).

Такимъ образомъ, Покровскій монастырь достигъ своего матеріальнаго благосостоянія съ одной стороны благодаря сочувствію къ нему общества—а это сочувствіе вызывалось главнымъ образомъ просвѣтительною дѣятельностью существовавшаго при немъ Коллегіума—а съ другой—благодаря своимъ неусыпныхъ заботамъ о монастырскомъ хозяйствѣ. Голицыны положили начало матеріальному обезпеченію монастыря, затѣмъ ихъ дѣло продолжали представители мѣстныхъ фамилій. Вліятельная мѣстная фамилія Квитокъ была близка къ монастырю и эта близость отчасти объясняется родственными связами ея съ Іоасафомъ Горленкомъ (сестра святителя была женою полковника Ивана Григорьевича Квитки), покровительствовавшимъ монастырю. Часть монашествующей братіи занималась преподаваніемъ въ Коллегіумѣ, остальные — а ихъ было немного—должны были посвящать свои труды на веденіе обширнаго монастырскаго хозяйства и на сношенія со свѣтскими лицами, имѣвшими различныя дѣла съ монастыремъ, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній находился въ предѣлахъ городской черты, и, конечно, все это должно было наложить свою печать на монастырскую жизнь. Къ сожалѣнію, о внутренней жизни Покровскаго монастыря и его монашествующей братіи мы свѣдѣній не имѣемъ, за исключеніемъ только тяжелыхъ обвиненій, возведенныхъ на его игумена Митрофана Слотвинскаго Бѣлгородскимъ архіепископомъ Досиѳеемъ... По его словамъ, онъ расхищалъ монастырскую казну и велъ зазорную жизнь съ разными женщинами, что подтвердили эти послѣднія въ присутствіи намѣстника и монаховъ. За это и самовольную отлучку въ Петербургъ для жалобы на епископа, этотъ послѣдній, какъ мы знаемъ, предалъ его анафемѣ. Но едва ли можно съ

---

[1]) Ibidem, стр. 36.
[2]) Ibidem, стр. 40—41.
[3]) Ibidem, стр. 36.

полною вѣрою отнестись къ этимъ обвиненіямъ, если принять во вниманіе ту степень озлобленія, которую питалъ вообще не сдержанный епископъ къ игумену.

И такъ, свѣтскія лица не мало помогли Харьковскому Покровскому монастырю въ его матеріальномъ обезпеченіи. Но былъ еще другой монастырь, правда не въ самомъ Харьковѣ, но въ 8 верстахъ отъ него—Куряжскій, называвшійся, однако, харьковскимъ Преображенскимъ, обязанный своимъ происхожденіемъ религіозному усердію харьковскаго полковника Григорія Ерофеевича Донца, его полчанъ и, какъ выражается царская грамота, всѣхъ жителей г. Харькова. Несомнѣнно, что первые харьковскіе поселенцы принесли съ собою изъ за Днѣпра это живое религіозное усердіе, внутреннюю теплоту, духъ иниціативы и активную дѣятельность въ созданіи различныхъ церковныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и монастырей. Всѣ эти свойства и особенности ихъ были созданы историческими условіями ихъ жизни въ юго-западной Руси. Тамъ имъ приходилось вести борьбу за православную вѣру, отстаивать ее всяческими средствами—и народными возстаніями, и литературной полемикой, и созданіемъ такихъ учрежденій, какъ типографіи, школы, братства. На новомъ мѣстѣ жительства переселенцевъ ихъ православная вѣра была вполнѣ обезпечена, но осталось еще прежнее религіозное настроеніе, усердіе и ревность, которыя и нашли себѣ исходъ въ самостоятельномъ устройствѣ, по иниціативѣ самого населенія, церквей, монастырей, школъ, братствъ, шпиталей, въ приглашеніи самими прихожанами священниковъ и причетниковъ и т. п. Проявленіемъ такого общаго настроенія и было основаніе Куряжскаго монастыря, строителями котораго явились харьковскій полковникъ, харьковскій житель Логинъ Федоровичъ, извѣстный намъ протопопъ Захарій Филимоновичъ, судья Иванъ Лазченко, сотникъ К. Парасочичъ, полковой судья Т. Клочко, атаманъ М. Кременецкій, войтъ И. Осиповичъ и другіе „боголюбивые особы“, помощники полковника въ основаніи монастыря. Основаніе монастырю было положено въ 1673 г. [1]).

Логину Федоровичу посвящена слѣдующая эпитафія въ монастырѣ.

Горекъ зѣло часъ смерти, но Бога любящимъ
Сладокъ есть и ко нему всѣмъ сердцемъ горящимъ.
Таковъ сей во истину человѣкъ избранный
Логинъ именемъ бяше, мужъ отъ Бога данный.
Усну сладкимъ сномъ смерти, исполнь благостыни,
Исполнь добродѣтелей, исполнь милостыни.
Поживе лѣта долга, красенъ сѣдинами,
Краснѣйшій же пребывши добрыми дѣлами.—
Логина *градъ Харьковъ* и церкви святія
Доселѣ не престали жалѣти, которія
Онъ своимъ даяніемъ вспомогалъ премного,
Чая себѣ заплату отъ Бога единаго....

„По сторонамъ эпитафіи находятся бордюры съ именами другихъ благотворителей монастыря и съ обозначеніемъ дня ихъ смерти: ктитора Ивана Танскаго (умеръ въ 1713 г. и погребенъ въ монастырѣ), ктиторши, жены полковника Евдокіи Григорьевны Донецъ-Захаревской (умерла въ 1721 г. и погребена въ монастырѣ), сына ея ктитора Ивана Григорьевича Донецъ-Захаревскаго (умеръ въ 1723 г. и погребенъ въ монастырѣ), вкладчика полковника Іевлева (умеръ въ 1719 г. и погребенъ въ монастырѣ), Квитокъ, Сабуровыхъ, Дунина [2]). Сынъ Логина былъ ктиторомъ, а внукъ его Василій Андреевичъ, будучи ученикомъ Коллегіума, сдѣлалъ вкладъ въ Куряжскій

[1]) Ibidem, стр. 54—55.
[2]) Ibidem, стр. 57—58.

монастырь. Потомки Григорія Ерофеевича были щедрыми вкладчиками въ монастырь". „Листъ полковника, записи на имѣнія и надписи на книгахъ обители даютъ возможность видѣть, что всѣ чиновныя лица харьковскаго полка—есаулы, сотники, писаря не только желаніями, но и разными пожертвованіями принимали участіе въ построеніи и украшеніи обители" [1]). На евангеліи Московской печати 1681 г. мы читаемъ слѣдующую надпись: „сію книгу я рабъ Божій Тимофей Лаврентьевичъ Клочко, харьковскаго полку судья, съ женою своею, Вѣрою Максимовою, отдаемъ въ Харьковскій Преображенскій монастырь при архим. Герману въ вѣчные часы нынѣшняго 1678 року, апрѣля 1 дня". На тріоди цвѣтной (К. 1702 г.) пмѣется такая надпись: „полковн. Гр. Семен. Квитки Афанасьева, подарована попамъ отцамъ—арх. харьковскому Сильвестру въ монастырь". На Минеѣ общей (М. 1687 г.) написано: „1690 г. Октября 1-го сію книгу обмѣнили есмо по обѣщанію харьковской полковой писарь Феодоръ Осиповичъ съ прикладомъ денегъ Семена Панасовича да Прокопа Васильевича, сотника Мерефянскаго, три рубля за серебряныя деньги на Москвѣ и отдаемъ въ Харьковскій Преображенскій монастырь которой то книги отъ онаго монастыря отдаяти не позволяемъ". На требникѣ Петра Могилы надпись: „Монастырю Харьковскому Преображенскому надалъ сію книгу Павло Леонтьевичъ Крамарь". На требникѣ Московской печати 1658 г. надпись: „сія книга надана есть Михаиломъ Тимофеевичемъ Шеличевымъ, воеводою Харьковскимъ съ Тулова съ подъ Москвы до монастыря Харьковскаго Преображенскаго, иже въ Куряжѣ зостаеть *въ мысь при иляху*". На „вѣнцѣ Христовомъ" Антона Радивиловскаго надпись: „надана Андреемъ Логвиновичемъ до монастыря Харьковскаго Преображенскаго за архимандрита Онуфрія; *почитати ю и внимати*". На „Бесѣдахъ Іоанна Златоустаго" надпись: „сію книгу обмѣнилъ рабъ Божій Тимофей Лаврентьевъ Клочко до обители харьковскаго всемилостивѣйшаго Спаса". Благодаря усердію харьковцевъ, монастырь обогатился не только богослужебными, но и учительными книгами, заключавшими въ себѣ между прочимъ и духовно-литературныя произведенія южно-русскихъ писателей (Петра Могилы, Плетенецкаго, Радивиловскаго, Епифанія Славинецкаго) [2]). Характерна вышеприведенная надпись Андрея Логвиновича: онъ самъ, очевидно, ознакомился съ содержаніемъ этой книги и рекомендовалъ ее также вниманію другихъ. Слѣдовательно, въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ и среди свѣтскихъ лицъ было распространено знаніе духовной литературы. И рядомъ съ этими книжными вкладами харьковцевъ находимъ даръ Царя Феодора Алексѣевича—Шестодневъ Москов. печати 1678 г. съ надписью: „подана отъ Благочестиваго государя нашего царя Феодора Алексѣевича архим. Іоасафу для монастыря Харьковскаго Преображенскаго".

Тотъ же духъ живого религіознаго усердія характеризуетъ и отношеніе харьковцевъ къ ихъ приходскимъ храмамъ. Къ обозрѣнію этихъ послѣднихъ мы теперь и переходимъ.

„Въ 1685—1687 г. г., говоритъ преосвященный Филаретъ, внутри крѣпости, саженей на 25 къ сѣверу отъ деревяннаго уже обветшалаго тогда Успенскаго собора, построенъ *каменный*, крестообразный соборъ съ 5 главами, наказнымъ полковникомъ Авдіемъ Григорьевичемъ (Донцомъ) съ соборянами и освященъ въ 1688 году митрополитомъ Авраміемъ. Такъ показываетъ опись харьковскаго Успенскаго собора 1724 года" [3]). Авторъ новѣйшей исторіи Успенскаго собора, профессоръ Т. Буткевичъ, ссылаясь на ту же опись 1724 г., составленную по его словамъ по волѣ преосвященнаго Епифанія намѣстникомъ І. Сенютовичемъ и протопопомъ Гр. Александровымъ, прибавляетъ къ тому еще слѣдующія подробности: отдѣльно отъ собора была построена каменная же колокольня съ 2 коморами и погребомъ; идею о постройкѣ новаго храма поддерживалъ и ревностный тогдашній протопопъ Петръ Андреевичъ съ соборянами.

[1]) Ibidem, стр. 58.

[2]) Ibidem, стр. 63—68.

[3]) Ibidem, II, стр. 8—9.

Средства были найдены при помощи пособія отъ правительства [1]). Это послѣднее извѣстіе очень важно, но трудно понять, почему его опустилъ преосвященный Филаретъ; къ сожалѣнію, не смотря на всѣ мои попытки розыскать въ Соборной библіотекѣ и ризницѣ рукопись, на которую ссылается профессоръ Т. Буткевичъ, усилія мои не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1733 году огромный пожаръ коснулся и Соборной церкви; по фамильной лѣтописи Квитокъ она сгорѣла; по словамъ профессора Т. Буткевича, „сгорѣла гонтовая крыша, погорѣли всѣ главы какъ на храмѣ, такъ и на колокольнѣ; внутри храма также почти все было уничтожено; остались лишь каменныя соборныя стѣны. Въ слѣдующемъ году, *стараніемъ* соборнаго протоіерея Григорія Александрова храмъ былъ возстановленъ и приведенъ даже въ лучшій видъ, чѣмъ какой имѣлъ онъ до пожара: главы были устроены вновь, крыша покрыта бѣлою аглицкою жестью, кресты вызлащены“ [2]). Но въ 70-хъ годахъ стѣны Собора всюду дали трещины, его разобрали и, по словамъ преосвященнаго Филарета, „на мѣстѣ его, 14 мая 1771 года заложенъ нынѣшній храмъ, по плану и фасаду Московскаго храма Св. Климента, квадратный о пяти главахъ и столькихъ же престолахъ попечительностью протоіерея Михаила Шванскаго и церковнаго старосты поручика Федора Анастасьевича Грекова, вся постройка его окончена въ 1778 г. (См. видъ Собора на стр. 223). Въ 1780 г. 27 сентября освященъ главный престолъ Успенія Пресвятыя Богородицы преосвященнымъ Аггеемъ. При освященіи присутствовалъ генералъ-фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, прибывшій въ Харьковъ для открытія Харьковскаго намѣстничества и присутственныхъ мѣстъ“ [3]). „Средства на построеніе новаго храма соборяне добывали главнымъ образомъ отъ доброхотныхъ подаяній, а иногда и весьма щедрыхъ пожертвованій соборныхъ прихожанъ; немало пользы приносили и „прохатыри“—Гаврило Липка, Кондратъ Сагоденко и Давидъ Шаповалъ, которые на 2-хъ конныхъ подводахъ съ однимъ погонщикомъ были отправляемы внутрь Бѣлгородской епархіи въ города, въ войсковыя казенныя и владѣльческія слободы и другія поселенія для подаянія. Въ этомъ отношеніи особенно много потрудился Давидъ Шаповалъ—Харьковскій житель и соборный прихожанинъ. Оставивъ семью и довольно значительное хозяйство, онъ въ теченіе 10 лѣтъ – съ 1770 по 1780 года постоянно ходилъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, собирая доброхотныя подаянія на построеніе храма Божьяго. И его трудами было собрано до 18000 руб,—деньги и для нашего времени весьма значительныя“ [4]). Въ 1780 г. новая соборная церковь была уже освящена; внѣшній видъ ея сохранился донынѣ, какъ и иконостасъ, сдѣланный изъ пожертвованныхъ Краснокутской липовыхъ хатъ. Отличіе внѣшняго вида храма было въ томъ, что нижніе своды были покрыты не желѣзомъ, а гонтою; но купола всѣ съ самаго начала покрыты были чернымъ желѣзомъ и выкрашены масляною краскою, а главы не только были покрыты чернымъ желѣзомъ, но и вызолочены „книжнымъ золотомъ“. Мѣсто съ храмомъ было обнесено сначала деревянною, а потомъ каменною оградою, на восточной сторонѣ которой было устроено 8 каменныхъ лавокъ, приносившихъ собору значительный доходъ“. Соборная колокольня уцѣлѣла отъ пожара, имѣла древнюю архитектуру [5]).

„Съ внѣшнимъ видомъ собора, говоритъ проф. Е. К. Рѣдинъ, тѣмъ, который онъ имѣлъ вскорѣ послѣ построенія его, мы знакомимся по рисунку 1787 г., гдѣ онъ изображенъ наряду съ другими зданіями того времени,—представляющему видъ города Харькова, сдѣланный внизу плана Харьковскаго Намѣстничества [6]). Колокольня въ то время находилась спереди; она

[1]) Истор. стат. опис. Харьк. каеед. Успен. Соб. X, 1894 г., стр. 3.

[2]) Ibidem, стр. 3—4.

[3]) Ист. стат. опис. Харьк. епархіи, II, стр. 9.

[4]) Ист. стат. опис. Харьк. Соб., стр. 6—7.

[5]) Ibidem, стр. 9—10.

[6]) См. Альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ, изданный подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина, табл. LII и XXVIII.

имѣла башенную форму; въ южной части ея—родъ аркадъ. Эту колокольню, совершенно почти тождественную прекрасно видимъ и на акварельномъ рисункѣ, находящемся въ Музеѣ Изящныхъ Искусствъ Харьковскаго Университета [1]). Впослѣдствіи, какъ извѣстно, колокольня была замѣнена другой, высоко возвышающейся надъ соборомъ; произведены также и нѣкоторыя другія измѣненія. Но самый храмъ въ общемъ сохранилъ почти тотъ же внѣшній видъ, что имѣлъ въ XVIII в. Онъ выстроенъ по плану Московскаго храма св. Климента [2]). Иконостасъ собора сдѣланъ по рисунку Растрелли [3]), и представляетъ собою дѣйствительно—украшеніе собора, являясь лучшимъ образцомъ памятника искусства въ стилѣ рококо (См. рис. на этой стран.).

Иконостасъ Успенскаго Собора—современный снимокъ (устроенъ въ XVIII в.).

Онъ близокъ по характеру работы украшеній, къ иконостасу въ Ахтырскомъ соборѣ, приписываемому также Растрелли [4]). Фонъ трехъяруснаго иконостаса золотой, колонны іоническаго стиля; обрамленія иконъ безъ нагроможденія деталей, изящны. Согласно съ общимъ характеромъ украшеній иконостаса находятся и урны, стоящія поверхъ пилястровъ во второмъ и третьемъ ярусѣ.

---

[1]) См. Альбомъ выставки, табл. XXX, рис. 80.
[2]) Истор. статистич. описаніе, 5.
[3]) Ibidem, 9.
[4]) Филаретъ. О. с. Ш, 14.

Изъ иконъ, современныхъ иконостасу—сохранились въ немъ: во второмъ ярусѣ—Невѣріе Ѳомы, а въ первомъ имѣются иконы Христа и Богородицы [1]).

Въ соборѣ имѣются цѣнные памятники религіознаго искусства изъ различныхъ предметовъ церковнаго обихода; наибольшее вниманіе привлекаетъ святыня собора, икона Елецкой Божіей Матери. (См. два рисунка съ нея на стр. 355).

Какъ извѣстно—Елецкая икона находится въ Черниговѣ въ елецко-успенскомъ мужскомъ монастырѣ. Когда св. Антоній печерскій въ 1060 г., изгнанный изъ Кіева Великимъ княземъ Изяславомъ, удалился въ предѣлы Чернигова и ископалъ себѣ на необитаемомъ мѣстѣ пещеру для уединеннаго своего пребыванія, въ это время имъ была обрѣтена икона Божіей Матери стоящею на ели. На мѣстѣ явленія онъ основалъ обитель; и икона и обитель названы Елецкими. Въ первыхъ годахъ XVII столѣтія, во время разоренія монастыря полководцемъ польскаго короля Сигизмунда III—Горностаемъ, образъ утратился и въ 1676 г. присланъ былъ списокъ съ образа и замѣнилъ подлинный [2]). Преданіемъ сокрытіе иконы связывается съ именемъ князя Барятинскаго. „Скарбница“ Іоанна Голятовскаго говоритъ, что списки съ св. иконы между святыми образами продавались въ то время въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ и одинъ изъ такихъ списковъ былъ доставленъ Мазепетою въ 1675(6) г. въ Елецкій монастырь.

Мѣстное (Харьковское) преданіе связываетъ появленіе иконы Елецкой Богоматери въ Харьковскомъ соборѣ вновь съ именемъ князя Барятинскаго: „въ 1687 г. окольничій князь Даніилъ Барятинскій, командиръ новгородскихъ полковъ, былъ въ походѣ противъ Крыма, на возвратномъ пути изъ похода сдѣлался болѣнъ въ Харьковѣ и находясь близъ смерти отдалъ бывшую съ нимъ въ походѣ св. Елецкую икону пр. Богородицы въ Харьковскій Успенскій соборъ“ [3]). Преосв. Филаретъ, исходя изъ этого преданія, подтверждаемаго показаніями XVIII в., повидимому, склоненъ считать Харьковскую икону Богородицы за подлинную, т. е. ту, что была взята въ Москвѣ Барятинскимъ и что такимъ образомъ принадлежала XI вѣку. Конечно, такое отождественіе иконъ невозможно уже въ силу одного того обстоятельства, что оригиналъ XI в. представлялъ обычный образъ Богородицы, лишь явившійся на ели, а Харьковская икона представляетъ собою изображеніе Богородицы на ели. Самая композиція изображенія и характеръ исполненія отмѣчаютъ въ иконѣ—болѣе поздній памятникъ; мы полагаемъ, что онъ относится къ XVII в.

Икона—какъ бы особый переводъ явленія купины—съ явно выраженной символизаціей, хотя здѣсь, конечно, отмѣчается собственно явленіе иконы на деревѣ [4]). Богородица съ продолговатымъ оваломъ лица (блѣднаго цвѣта), въ красномъ хитонѣ и мафоріи и сапожкахъ, стоящихъ на кругломъ подножіи; типъ ея лица—очень напоминаетъ тотъ, что въ западныхъ иконахъ. Богородица поддерживаетъ обѣими руками Христа-Младенца, одѣтаго въ красную одежду, благословляющаго на обѣ стороны. Нимбъ у него и Богородицы красный. Вокругъ Богородицы огненный ореолъ съ пламенемъ по концамъ, сдѣланнымъ рельефомъ на фонѣ иконы. Ореолъ этотъ помѣщенъ на деревѣ среди листьевъ, ниже видно ясно стволъ дерева. Фонъ иконы темно-красный, въ верхней части отъ времени перешедшій въ черный. Нижняя

---

[1]) Икона Богородицы въ церкви села Бабаевъ, очевидно, копія соборной.

[2]) *Дебольскій*, Дни богослуженія, I, 175.

[3]) Филаретъ, О. с., II, 12.

[4]) Изображеніе Богородицы, сидящей на деревѣ безъ огненныхъ языковъ или съ огненными языками извѣстно въ западныхъ памятникахъ уже въ XV—XVI в. *Л. Воронцова*, Икона Богоматери „Неопалимая купина“, Ж. М. Н. П., 1904, III, 71. *Bouchot*, L'esposizione dei Primitive Francesi ed i suoi risultati, *L'Arte*, VII (1900), рис. на стр. 231. Икона Владимірской Божіей Матери, кисти Симона Ушакова (1668), также изображаетъ Богородицу съ младенцемъ на деревѣ въ ореолѣ, но безъ огненныхъ языковъ.

Риза съ иконы Елецкой Божіей Матери въ Успенскомъ Соборѣ.

Икона Елецкой Божіей Матери XVII в. (безъ ризы) въ Успенскомъ Соборѣ.

Переплетъ евангелія 1636 г. въ Успенскомъ Соборѣ.

Окладъ евангелія 1794 г. въ Успенскомъ Соборѣ.

часть иконы плохо сохранилась. Однако ясно видны зданія по обѣимъ сторонамъ дерева. Справа—церковь—трехкупольная, съ фасадомъ въ два этажа; слѣва башня и домъ. Съ лѣвой стороны читается надпись, сдѣланная крупнымъ шрифтомъ: „ѡбраз прс҃тыѧ Бц҃а елецкиѧ чернѣговско“. Икона, какъ полагаемъ, южно-русскаго происхожденія. Размѣры ея: 59×46 см., толщ. 2 см.

Перечислимъ теперь древніе памятники, имѣющіеся въ соборѣ изъ числа осмотрѣнныхъ нами, при изученіи его древностей.

1) Евангеліе Львовской печати, 1636 г., безъ выходного листа, со множествомъ гравюръ. Начиная со 2-го листа Евангелія по низу его идетъ слѣдующая сдѣланная отъ руки надпись, читаемая не во всѣхъ мѣстахъ ясно и не сохранившаяся цѣликомъ, благодаря обрѣзамъ листовъ при переплетѣ книги:

(Молитвами) „Пребл҃гословнѡе вл҃дчицы н҃шей Бц҃и и҆ п҃рно д҃ви марія и ѵсѣ с҃тыхъ аминь. Сию книгу рекомаѧ Ев҃лі́е напрестолное .... Борзенскій ѡбыватель плисецкій до храму с҃тго архистратига миха҆ла ц҃ркви плисецко҆ в маетности....... старосты Рожа҃ско хоружого коронного надворно кролѧ его милости ѿменин за ѿпущені грѣхов своих жонке своеѧ N и҆мѧ Екатери́ны и҆ до҆ки ҆его N пелагиѣ, и҆ всѣх роди҃чов ҆его имает лежати на трапези г҃не не порушна ? с престола г҃нѧ на вѣки вѣков. А хто буди важилсѧ еѣ ѿ храма ? Архистратига Гд҃нѧ Миха҆ла да буди анаѳемѣ проклѧтъ ѿлученъ на вѣки вѣковъ аминь. ахми (1648) м҃ца февруаріѧ гдн҃ѧ двадцат третіѧго днѧ на ст҃го свщ҃енно мученіка Поликарпа“.

Другая надпись блѣдными чернилами: „во҆ мѧ ѿца і с҃на҆и с҃тго дух҃а Млт҃ѳами преблагословвеноѣ вл҃чицы..................Сию книгу рекомую Ев҃ліе напрітолное................ и҆ на потоптание ногам невѣрним в плѣнению люде҆ ѿ измѣнника Ивашки ви....?... палили ѡгнем храм Бжи҆ архистратига Михаила х҃ва въ селѣ плисскахъ бжіимъ изволеніемъ......... Михайло и дах то еу҃гелие......аби тое еѵ҃ агеліе ѿдалъ ц҃ркви Успениѧ пр҃ты б҃ца пр҃но двы маріи.....(обрѣзано) грѣхов своих......(не разб.). Эта надпись обрывается.

Начинается 3-ья надпись: Сию книгу глаголемую еѵ҃геліе в храм.....рок ахнѳ....и т. д. проклят а отдалъ ей при тимоѳеѣ атаманѣ харковском“.

Евангеліе въ простомъ переплетѣ, покрытомъ зеленымъ бархатомъ, наугольники серебряные съ гравированными изображеніями грубой работы Евангелистовъ, а въ центральномъ медальонѣ Христа по грудь, благословляющаго. На оборотной сторонѣ серебряная доска съ гравированнымъ изображеніемъ Богородицы, держащей на лѣвой рукѣ Младенца Христа. На этой доскѣ сверху вырѣзано: А К ɡlosa ekcelsior deo w harkow. Внизу доски: Романь швець Васико въ Соборѣ. (См. рис. на стр. 355).

2) Евангеліе въ большой александрійскій листъ Московской печати, 1689 г. Окладъ Евангелія, серебряный, позолоченый, позже самого Евангелія, онъ 1783 г. На немъ въ медальонахъ финифтью—въ центрѣ Христосъ воскресшій; по четыремъ угламъ Евангелисты; вверху Богъ Отецъ; по сторонамъ—въ меньшихъ медальонахъ: моленіе о чашѣ, снятіе со креста, положеніе во гробъ (рис. на стр. 357). На оборотной сторонѣ высокимъ рельефомъ—древо Іессево съ пророками на вѣтвяхъ и Богомъ Отцемъ вверху. Въ центрѣ этой же стороны на серебряной доскѣ чернью—Успеніе Богородицы. Подъ этимъ изображеніемъ на позолоченномъ медальонѣ—надпись: Харьковскаго Успенскаго Собора коштомъ прихожанъ, за бытность протоіерея Харьковской Коллегіи префекта и Богословіи учителя Михаила Шванскаго, стараніемъ тоя церкви строителя прихожанина порутчика Ѳедора Анастасіева Грекова 1785 г., мѣсяца числа. Въ Евангеліи вѣсу 1 п. 28 фун. По описи 1724 г. о Евангеліи сказано: „подъ серебромъ позолоченнымъ, укладъ бывшаго полковника Ѳедора Григорьевича Донца“. Такимъ образомъ, надо полагать, Евангеліе было пожертвовано въ соборъ Донцомъ, а въ 1785 г., послѣ перестройки собора, оно было обдѣлано заново роскошно уже на счетъ прихожанъ, какъ значится въ подписи (рис. на стр. 357).

3) Евангеліе Московской печати, въ малый листъ, 1794 г., съ гравюрами болѣе старыми (1764 г.). Интересенъ окладъ серебряный съ выпуклыми медальонами, на которыхъ гравировкой изображенія Евангелистовъ и въ центрѣ Воскресенія Христа; на оборотной сторонѣ оклада изображеніе св. Дмитрія—юноша съ крестомъ и вѣтвью. Даръ купца Дмитрія Ковалева. (См. рис. на стр. 355).

4) Евангеліе Московской печати, 1753 г. [1]), окладъ его серебряный позолоченный, съ накладной, болѣе поздней прорѣзной рѣшеткой. На передней сторонѣ въ медальонахъ чернью изображенія Евангелистовъ и Воскресенія Христа. Чернь хорошей работы, но лица изображенныя грубыхъ типовъ. На оборотной сторонѣ чернью-же въ медальонѣ Успеніе Пресв. Богородицы. Ниже чернью надпись: „1799 года Августа 15 дня зделано сіе Евангеліе Слоботцкой Украинской губерніи губеского города Харкова въ соборную Успеніе прістыя Вдцы церковъ коштомъ

Окладъ 1783 года на евангеліи 1689 г. въ Успенскомъ Соборѣ.

Окладъ 1783 г. на евангеліи 1689 г. (обор. сторона) въ Успенскомъ Соборѣ.

прихожанъ тоя церкви стараниемже Харковскихъ училищъ префекта и богословіи учителя тогожа собора Андрея Проковевич". Размѣръ оклада 50×33 см. (См. рис. на стр. 358).

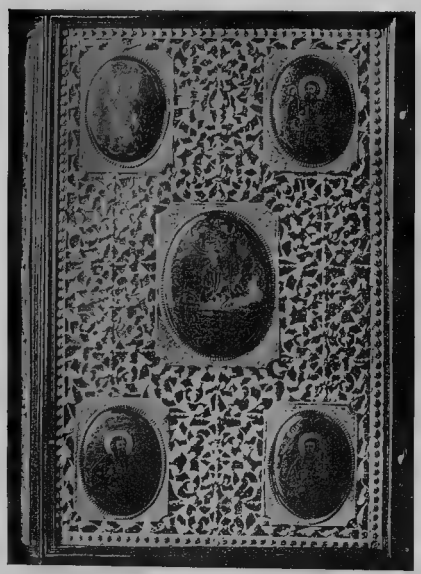
5) Чаша (потиръ) большая, серебряная, позолоченная, 1777 года. Орнаментъ по подножію, съ цвѣтами. По подножію-же четыре медальона съ изображеніями финифтью: моленія о чашѣ, несенія креста, мученія Христа, надѣванія терноваго вѣнца. По стѣнамъ самого сосуда серебряная рѣшетка и медальоны съ изображеніями финифтью: Христосъ благословляющій именословно, со сферою, Іоаннъ Предтеча со свиткомъ, Распятіе, Богородица. Весьма цѣнный и характерный памятникъ ювелирнаго искусства XVIII вѣка [2]). (См. рис. на стр. 359).

[1]) Выходной листъ вырванъ.

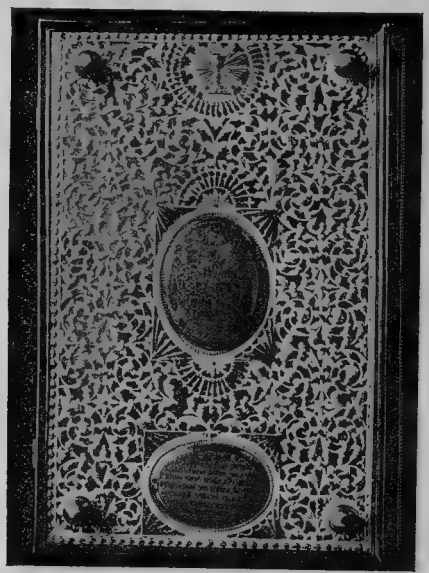
[2]) Діам. основ. 23½ стм., діам. чаши 15¼ стм., выс. 36 стм. По матер. описи соб. № 3.

6) Чаша серебряная, позолоченная. По основанію грубой работы гравировка, словно подражаніе плохимъ гравюрамъ XVIII вѣка: Тайная вечеря, Моленіе о чашѣ, Цѣлованіе Іуды, Христосъ предъ Каіафой, Умовеніе рукъ, Умовеніе ногъ Апостоламъ. Рисунокъ совершенно какъ бы дѣтскій.

Ручка сосуда въ нижней части украшена серебряной скапью, а выше и нижняя часть самого сосуда—плохой финифтью; послѣдняя—сдѣлана позже, что видно и изъ прикрытія ею гравировки въ верхней части сосуда. По стѣнамъ сосуда въ медальонахъ изъ вѣнка—гравировкой: Мученіе Христа, Бичеваніе, Несеніе креста, Распятіе Христа, Положеніе во гробъ, Воскресеніе. Потиръ [1])—даръ Ивана Григорьевича Захаржевскаго. (См. рис. на стр. 359 справа).



Окладъ евангелія 1753 г. въ Успенскомъ Соборѣ.



Окладъ евангелія 1753 г. въ Успенскомъ Соборѣ (обор. сторона).

7) Чаша серебряная позолоченная, 1777 г. [2]). На основаніи сосуда орнаментъ; въ немъ четыре выпуклыхъ медальона съ изображеніемъ чернью: 1) пѣтуха на колоннѣ, 2) чаши, 3) лѣстницы, 4) молотка, клещей, гвоздей. По стѣнкамъ сосуда густая рѣшетка серебряная позолоченная и четыре выпуклыхъ медальона; фонъ ихъ подъ золото точками, почва серебро чернью и самыя фигуры чернью: 1) Христосъ съ сферой, благословляющій именословно, 2) Іоаннъ Предтеча—старецъ со знаменемъ, 3) Богородица, держащая руки у груди, 4) пятиконечный крестъ, а по сторонамъ копье и губка. (См. рис. на стр. 360).

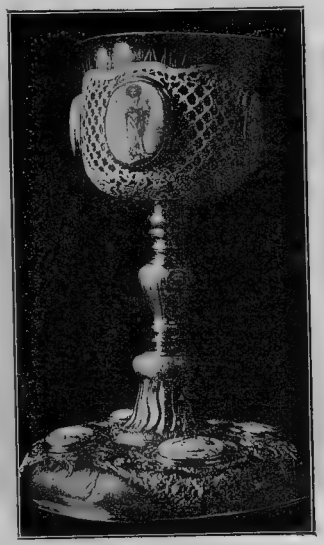
8) Блюдо серебряное съ орнаментомъ ввидѣ гирлянды, съ тремя сосудами и подсвѣчникомъ. Блюдо 1779 г., діам. его 49 стм. (См. рис. на стр. 360).

---

[1]) По описи № 5. Діам. основ. 16½ стм., діам. сосуда 11 стм., выс. 35 стм.

[2]) По описи № 7; выс. 28 стм., діам. осн. 17 стм., діам. сосуда 11½ стм.

„Хоръ пѣвчихъ сталъ пѣть въ Успенскомъ соборѣ только съ 1780 года“, т. е. учрежденія намѣстничества. Но и это былъ хоръ собственно не соборный, а намѣстническій или губернаторскій, содержавшійся на средства харьковскихъ намѣстниковъ и губернаторовъ и отъ нихъ исключительно зависѣвшій. Хоръ этотъ пѣлъ въ Успенскомъ соборѣ въ теченіи 23 лѣтъ. До 1779 года богослуженіе совершалось въ соборѣ только по воскреснымъ, праздничнымъ и субботнымъ днямъ; годовой расходъ на богослуженіе поэтому (да и по тогдашней дешевизнѣ) былъ не великъ—не доходилъ до 20 рублей: за 200 просфоръ уплачивался одинъ рубль, за двѣ бутылки вина—30 коп. Во время пріѣзда Бѣлгородскихъ владыкъ, въ соборѣ бывало архіерейское служеніе, въ великіе праздники богослуженіе совершалось соборне, а царскіе молебны—всѣмъ городскимъ духовенствомъ“ [1]). О произнесеніи проповѣдей мы уже говорили выше.



Потиръ 1777 года съ изображеніями финифтью въ Успенскомъ Соборѣ.

Потиръ XVIII в., подаренный И. Г. Захаржевскимъ въ Успенскомъ Соборѣ.

Съ 1780 года стали совершаться уже ежедневныя богослуженія. Первоначально штатъ соборнаго причта былъ таковъ—протопопъ, священникъ, діаконъ, два дьячка и два пономаря; иногда назначались временно еще нештатные священники; по штату 1780 г. въ немъ были—протоіерей, два священника, два діакона, два дьячка и два пономоря [2]).

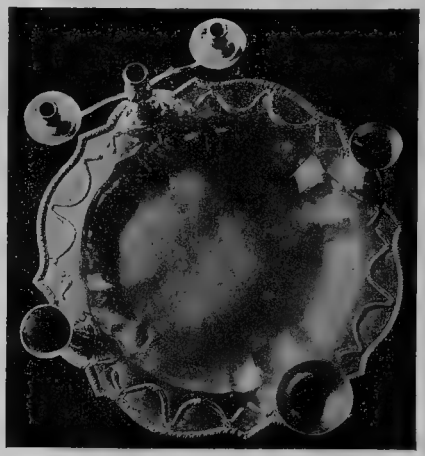
Настоятелями собора были слѣдующія лица: 1) от. Еремѣй, 2) от. Иванъ (1659 г.), 3) Захарій Филимоновичъ, проявившій вѣрность во время убійства харьковскаго полковника Репки въ 1668 году и участвовавшій въ основаніи Куряжскаго монастыря въ 1673 году; 4) протопопъ Панкратій Филимоновичъ, 5) прот. Петръ Андреевичъ, получившій вмѣстѣ съ братіей изъ таможеннаго харьковскаго оклада въ 1692 году по 17 рублей въ годъ жалованья; 6) прот.

[1]) Ист. Стат. Опис. Успен. Собора, стр. 54—56.

[2]) Ibidem, стр. 134—135.

Яковъ Ревковскій, бывшій раньше (въ 1699 г.) Харьковскимъ сотникомъ, а протоіереемъ въ 1707—1716 г. г.; 7) Яковъ Петровичъ Сенютовичъ „бывшій священникомъ и поповскимъ старостою при прежнемъ настоятелѣ, съ 1719 года протопопъ, умершій, по словамъ записки прот. Александрова, въ 1722 году"; 8) Андрей Александровъ, „бывшій настоятелемъ собора съ 1732 г., но не духовнымъ управителемъ"; 9) Григорій Александровъ, въ 1719 г. переведенный священникомъ въ соборъ, а съ 1722 г. ставшій тамъ протопопомъ и много сдѣлавшій въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія причта; оставался въ соборѣ до 1764 г., а умеръ въ 1774 г. на 92 году жизни; имѣлъ хуторъ и 19 крѣпостныхъ, коихъ передалъ собору; 10) Стефанъ Флоринскій—питомецъ харьковскаго Коллегіума и зять Александрова—былъ сначала священникомъ (съ 1756 г.), потомъ протопопомъ (съ 1764 по 1769 г.), наконецъ снова священникомъ (до 1800 г.); причиною пониженія было то, что онъ не говорилъ проповѣдей и потому для этой цѣли былъ опредѣленъ, какъ мы видѣли, Шванскій. У него были прекрасныя матеріальныя средства и

Потиръ 1777 года съ изображеніями чернью въ Успенскомъ соборѣ.



Серебряное блюдо 1779 г. въ Успенскомъ соборѣ.

онъ велъ крупныя дѣла; 11) прот. Михаилъ Ивановичъ Шванскій—выдающійся дѣятель; питомецъ Кіевской Духовной Академіи; преподаватель и префектъ Коллегіума; съ 1764 г. священникъ, а съ 1769 г.—протоіерей; строитель храма; умеръ въ 1790 году; 12) Іоаннъ Андреевичъ Гилевскій—священникъ съ 1779 г., а протоіерей съ 1790 года; онъ былъ учителемъ философіи и префектомъ Коллегіума; былъ человѣкъ кроткій, тихій, болѣзненный и нестяжательный; послѣ него остались долги, которые были прощены его семьѣ городскимъ обществомъ и церквями; 13) Андрей Семеновичъ Прокоповичъ—съ 1795 года протоіерей собора; выдающійся преподаватель и ректоръ Коллегіума, проповѣдникъ и писатель. Сюда слѣдуетъ также присоединить нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихъ только священническія мѣста въ соборѣ,—Василія Орловскаго, Симеона Фонтанскаго (носившаго титулъ проповѣдника), Василія Степановича Даневскаго, Стефана Базилевича, Стефана Иванова, Іоанна Крышинскаго. Изъ діаконовъ извѣстенъ К. Федоровъ, Герасимъ Сливицкій, занимавшійся чумачествомъ и привозившій въ Харьковъ соль

и доброе венгерское вино, Николай Поповъ, Ф. Фонтанскій, Андрей Кириловъ—питомецъ харьковскаго Коллегіума, Евдокимъ Проскурненковъ, Феодоръ Прокоповичъ.

Псаломщиками и причетниками были такія лица, какъ Илія Александровъ, бывшій 3 года въ инфимѣ—низшемъ классѣ харьковскаго Коллегіума, но „за непонятіемъ и болѣзнію очей“ уволенный оттуда и служившій съ 1734 года соборнымъ дьячкомъ и ктиторомъ, наблюдавшимъ за церковными доходами, І. Кіенченко, красиво писавшій всѣ церковныя книги и документы“ [1]).

О предѣлахъ соборнаго Успенскаго прихода въ 1724 г. мы говорили уже въ главѣ о топографіи. Число прихожанъ обоего пола въ Успенскомъ соборѣ было таково: въ 1728 г.—654, въ 1748—1475, въ 1754—1352, въ 1779—2345, въ 1780—2548, въ 1782—2721, въ 1784—2271, въ 1787—2266, въ 1791—2407, въ 1792—1928, въ 1794—2019, въ 1795 - 2038, въ 1796—1894, въ 1797—2141, въ 1798—2058, въ 1799—2071. Въ этомъ году по сословіямъ они распредѣлялись такъ: духовныхъ 22 мужчинъ и 22 женщины, военныхъ 71 муж. и 90 жен. пола, статскихъ—136 муж. и 112 жен., разночинцевъ 16 муж. и 10 жен., питомцевъ училища 31, купцовъ и мѣщанъ 251 муж. и 240 жен., посполитыхъ 356 муж. и 442 жен., крѣпостныхъ—132 муж. и 134 жен. [2]). Дѣлать заключенія о ростѣ населенія по этимъ цифрамъ трудно, потому что колебанія ихъ находились въ зависимости и отъ разныхъ внѣшнихъ причинъ, напримѣръ, отчисленія отъ прихода нѣкоторыхъ улицъ и домовъ. Наиболѣе многочисленную сословную группу представляли посполитые, подъ коими нужно разумѣть крестьянъ малороссійскаго происхожденія, въ отличіе отъ крѣпостныхъ, куда принадлежали велико-русскіе крѣпостные крестьяне; затѣмъ идутъ купцы съ мѣщанами и т. д. О движеніи населенія даетъ понятіе таблица о числѣ родившихся и умершихъ. Въ 1774 году родилось 114, умерло 88, въ 1775 г. род. 85, умер. 111, въ 1776 г. род. 74, умер. 67, въ 1777 г. род. 110, умер. 79, въ 1778 г. род. 98, умер. 119, въ 1779 г. род. 101, умер. 87, въ 1780 г. род. 118, умер. 99, въ 1781 г. род. 135, умер. 96, въ 1782 г. род. 124, умер. 105, въ 1783 г. род. 118, умер. 119, въ 1784 г. род. 112, умер. 117, въ 1785 г. род. 122, умер. 104, въ 1786 г. род. 126, умер. 86, въ 1787 г. род. 95, умер. 144, въ 1788 г. род. 109, умер. 142, въ 1789 г. род. 121, умер. 133, въ 1790 г. род. 130, умер. 131, въ 1791 г. род. 87, умер. 109, въ 1792 г. род. 161, умер. 90, въ 1793 г. род. 135, умер. 82, въ 1794 г. род. 126, умер. 111, въ 1795 г. род. 141, умер. 76, въ 1796 г. род. 139, умер. 74, въ 1797 г. род. 119, умер. 100, въ 1798 г. род. 119, умер. 128, въ 1799 г. род. 149, умер. 82, въ 1800 г. род. 109, умер. 88 [3]). Выходитъ, что въ 27 лѣтъ всѣхъ родившихся было 3167 душ., умершихъ 2767 д., общій приростъ 400 д., что составляетъ около 8% общаго числа или 0,3% ежегодно. Но были годы, когда число умирающихъ значительно превышало число раждающихся.

Въ числѣ соборныхъ прихожанъ XVII—XVIII вѣковъ можно отмѣтить: харьковскихъ полковниковъ—Григорія Ер. и Федора Григорьевича Донцовъ, Федора и Лаврентія Шидловскихъ, Прокопія Куликовскаго, Григорія Семеновича Квитку, Степана Ивановича Тевяшова; харьковскихъ губернаторовъ и намѣстниковъ—Евдокима Алексѣевича Щербинина, Норова, Черткова, Леванидова, Теплова, Пашкова, Кишинскаго; другихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ—князя Крапоткина, кн. Д. М. Голицына, Мордвинова, Прокопія Чайковскаго; козаковъ—Песоцкаго, Топчія, Воронцова, Неретенка, купцовъ, посадскихъ и мѣщанъ—Карпова, Ворожейкина, Бѣляева, Павлова, Бутова, Пащенка, Урюпина, Кушинникова, Ковалева, Щелкова, Манухина, Хлѣбникова, Сѣрикова, Ломакина, Каменева и др. [4]).

---

[1]) Филаретъ. Ист. Опис. Харьк. епарх., II, стр. 19—23; Ист. Стат. опис. Успен. собора, стр. 153—241.

[2]) Ист. Стат. Опис. Успен. Собора, стр. 243.

[3]) Ист. Стат. Опис. Успен. Собора, стр. 252—253.

[4]) Ibidem, стр. 259—261.

„Первоначально церковнымъ хозяйствомъ и церковными суммами завѣдывало соборное духовенство непосредственно чрезъ причетниковъ „лѣваго клироса“. Но съ 1711 года соборные прихожане, по предложенію духовенства, стали постоянно избирать для этого изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, которыя назывались различно: церковными ктиторами, церковными старостами, смотрителями, попечителями, приставниками, распорядителями. Первымъ старостою харьковскаго собора былъ „харьковецъ Василій Цыбуля“, за тѣмъ слѣдовалъ Осипъ Кнышъ, который служилъ до 1751 года, Афанасій Пономаревъ—отъ 1751 до 1768 года, Афанасій Ключка—отъ 1768 до 1772 г., Михаилъ Литвиненко—отъ 1772 до 1807 года.... Они заботились о храмѣ, собирали для него средства и сохраняли капиталы. Эти послѣдніе хранились „въ самомъ соборѣ въ особомъ желѣзомъ окованномъ сундукѣ. Ключъ отъ этого сундука хранилъ усебя соборный староста, а протопопъ, перевязавъ сундукъ шнуромъ, прикладывалъ къ нему церковную печать. Печать собора была довольно оригинальна; на ней были изображены: всевидящее око вверху, четырехконечный крестъ посрединѣ, а по бокамъ его—евангеліе и якорь; кругомъ печати слова: „печать харьковскаго градскаго собора“ [1]).

Что касается соборнаго имущества, то въ XVIII вѣкѣ оно было довольно значительно. „По описямъ церковныхъ имуществъ 1724 и 1769 г. г. видно, что соборному харьковскому храму жертвуемы были гражданами и чиновниками Харькова земли, дворы и лавки, что протоіерей Александровъ пріобрѣлъ для церкви покупкою съ законными актами не мало дворовъ и мѣстъ, что соборъ имѣлъ въ то время во владѣніи своемъ мельницу на р. Лопани ниже Деркачей съ 19 человѣками рабочихъ черкасъ [2]). По показанію причта, собору была пожалована свободная земля съ сѣнными покосами подъ названіемъ Кривая Лука на рѣкѣ Удахъ, между сел. Хорошевымъ и Безлюдовкой, еще во 2-й половинѣ XVII вѣка; но въ 1702 г. ею завладѣлъ харьковскій полковникъ Федоръ Донецъ, послѣ котораго она перешла къ зятю его кн. Якову Ник. Крапоткину, а этотъ послѣдній вмѣсто нея уступилъ соборянамъ Бесѣдинскую или Воеводскую луку при р. Лопани (65 десят.). Она была временно взята въ казну при секуляризаціи, а затѣмъ въ 1799 г. снова возвращена Собору; Деркачевская же мельница и крестьяне остались въ казенномъ вѣдомствѣ [3]). Въ Харьковѣ Собору принадлежали: 1) братскій дворъ, 2) низовой дворъ, 3) мироносицкій поповскій дворъ, 4) харчевая изба, 5) пономарская изба съ подваломъ (нын. университетскою горкою), 6) большой школьный дворъ, 7) шпитальная (богадѣльная) изба, 8) дворъ Лукашевичинъ, 9) Иванчишина изба, 10) изба возлѣ валу, 11) броварня (пивоварня) и шинковая комора на проѣздѣ, 12) флигель въ оградѣ, гдѣ помѣщалась меньшая церковно-приходская соборная школа, 13) Кацаваловская церковная изба, 14) третій мироносицкій шинковый дворъ, 15) Терешкова изба [4]). Наконецъ, собору принадлежалъ участокъ земли, на которомъ находился храмъ съ колокольней, и въ концѣ XVIII вѣка каменныя лавки. По свидѣтельству старожиловъ, заявленному въ 1803 году, дворъ этотъ былъ прежде обширнѣе (границы его доходили до старыхъ проѣзжихъ дорогъ) и на немъ было кладбище, гдѣ съ давнихъ временъ погребали покойниковъ [5]). Существованіе кладбища, повидимому, подтверждается тѣмъ, что при подведеніи фундамента подъ зданіе Историческаго архива (противъ собора) выкапывались кости покойниковъ. Три дворовыя мѣста, принадлежавшія собору (школьное, шпитальное и торговое) отошли отъ церкви и постройки на нихъ были уничтожены полиціей (вѣроятно, по несоотвѣтствію съ планомъ или по ветхости) и 2 изъ нихъ поступили въ вѣдѣніе

[1]) Ibidem, стр. 265 – 266.

[2]) Филаретъ. Ист. Стат. Опис. Харьк. епарх., II, стр. 16—17.

[3]) Ист. Стат. Опис. Успен. Собора, стр. 267—271.

[4]) Ibidem, стр. 271.

[5]) Ibidem, стр. 10.

магистрата. Такъ писали прихожане въ 1785 году. Впослѣдствіи соборъ лишился и остальныхъ своихъ городскихъ участковъ за исключеніемъ перваго, который и нынѣ принадлежитъ ему и находится на углу Московской улицы и Николаевской площади, простираясь на 15 саж. по первой и 8½ саж. по второй. Въ XVIII вѣкѣ онъ назывался братскимъ дворомъ и на немъ стояло съ давнихъ поръ 2 избы, изъ коихъ одна была обветшалою уже въ 1768 году; въ 1770 г. этотъ дворъ съ постройками заарендовалъ одинъ арендаторъ за 16 рублей въ годъ, но въ виду ветхости помѣщенія вышелъ раньше срока. Тогда свѣтлица и изба были сломаны и на мѣстѣ ихъ выстроенъ новый домъ, существовавшій до 1837 года [1]). До постройки каменныхъ лавокъ у ограды устраивались во время ярмарокъ мелкія временныя лавчепки, называвшіяся „ташами“, за право устройства которыхъ при соборной оградѣ причтъ взималъ извѣстные доходы. „Двѣ постоянныя соборныя лавки или коморы и одинъ погребъ, приносившій собору 100 руб. ежегоднаго дохода въ XVIII вѣкѣ, были устроены еще въ старой соборной колокольнѣ въ 1685 году [2]). „Таши“ и коморы несомнѣнно обезображивали зданіе собора, придавая ему крайне неприглядный видъ; но ихъ крѣпко отстаивалъ церковный причтъ изъ побужденій исключительно матеріальнаго свойства.

Всѣ перечисленныя выше имущества приносили извѣстный доходъ, который и шелъ въ пользу церкви и причта. Наиболѣе значительный доходъ давали каменныя лавки у ограды.

Но главнымъ источникомъ обезпеченія причта являлись все таки доброхотныя пожертвованія прихожанъ за исполненіе требъ. О размѣрахъ этихъ доходовъ свѣдѣній нѣтъ, но во всякомъ случаѣ они были больше, чѣмъ въ другихъ приходахъ, ибо среди соборныхъ прихожанъ было больше богатыхъ людей. Нѣкоторые изъ священнослужителей собора были очень состоятельными людьми, иные умерли, не обезпечивъ семействъ. Любопытна одна черта эпохи—священно-служители не считали предосудительнымъ заниматься разными промышленными и торговыми операціями: Григорій Александровъ и его зять Флоринскій и Моренковъ имѣли земли, крѣпостныхъ, дома, въ широкихъ размѣрахъ вели торговлю; имъ подражали и нѣкоторые церковно-служители: пономарь Сочинъ занимался ростовщичествомъ; діаконъ Сливицкій—чумачествомъ и продажею венгерскаго вина, дьячекъ Венедиктъ—разрисовкою артосовъ, пономарь Радогинскій—портняжничествомъ, дьячекъ Кіенченко—печнымъ дѣломъ, дьячекъ Любовскій—мѣсною торговлею, церковникъ Рыбасовъ—копаніемъ могилъ для покойниковъ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ иныхъ случаяхъ эти посторонніе занятія вызывались недостаточностью получаемаго содержанія, въ другихъ—они просто являлись послѣдствіемъ мѣстнаго обычая, подкрѣплявшагося тѣмъ, что большая часть церковниковъ служила по найму и принадлежала къ различнымъ группамъ свѣтскаго общества; третьими, наконецъ, руководило желаніе сколотить себѣ состояніе.

О просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ при Успенскомъ соборѣ скажемъ позже.

Раньше мы говорили о первомъ Троицкомъ храмѣ. Въ 1764 г. онъ былъ замѣненъ новымъ каменнымъ храмомъ, заложеннымъ въ 1758 г. [4]). Въ надписи на каменной доскѣ, которая вдѣлана въ стѣну при входѣ въ церковь съ правой стороны говорится такъ (см. сним. съ надписи на стр. 364): „во славу Святыя, единосущныя, животворящія и нераздѣльныя Троицы, а въ предѣлѣ Рождества Пре-

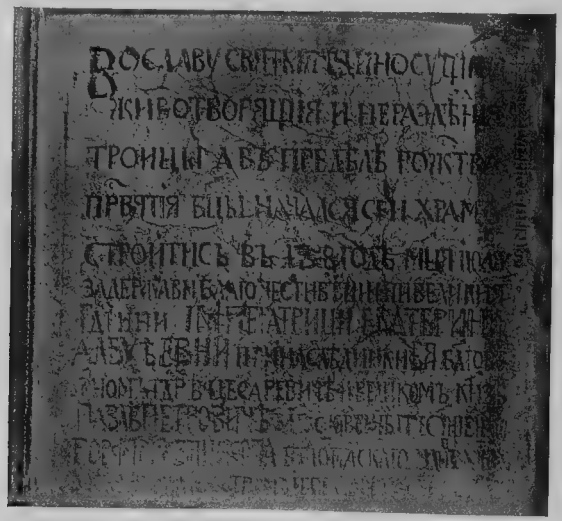
[1]) Ibidem, стр. 272—273.

[2]) Ibidem, стр. 281—282.

[3]) Ibidem, стр. 140.

[4]) Всѣ данныя о Троицкой церкви мы заимствуемъ изъ рукописной неизданной „Церковно-приходской лѣтописи Троицкой церкви г. Харькова“ покойнаго протоіерея ея, глубокаго знатока мѣстной церковной исторіи о. Николая Лащенка.

святыя Богородицы начался сей храмъ строитись въ 1758 годѣ мѣсяца іюня 27, за державы благочестивѣйшія и великія государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны [1]), при наслѣдникѣ ея благовѣрномъ государѣ Цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, благословеніемъ преосвященнаго Порфирія, епископа Бѣлгородскаго, зъ доброхотныхъ даяній, присмотромъ іерея Бориса Янкевича. А окончень и освященъ 1764 года мѣсяца мая [2]). Храмъ былъ небольшой съ тремя куполами. Главный храмъ именовался „большою церковью". Колокольня не была отдѣлена отъ храма; вверху ея былъ шпицъ, а на немъ въ видѣ статуи изображеніе ангела, съ трубою въ рукахъ. По старымъ описямъ значится, что храмъ сооруженъ на доброхотныя даянія прихожанъ и сторонніхъ людей, но какихъ именно не сказано. На нѣкоторыхъ церковныхъ документахъ конца XVIII вѣка встрѣчается только слѣдующая надпись: „Прихожанинъ колл. ассес. Иванъ Будянскій, строитель каменной Троицкой церкви". По одному древнему преданію денегъ не хватило и пришлось одинъ изъ предѣловъ временно покрыть вмѣсто драни *соломой*. 2-й Троицкій храмъ стоялъ до 1857 года, т. е. 93 года.



Плита-надпись въ стѣнѣ Троицкаго храма.

„Такимъ образомъ, говоритъ проф. Е. К. Рѣдинъ, современный храмъ ничего не сохранилъ въ архитектурномъ отношеніи отъ XVIII вѣка [3]). Изъ другихъ памятниковъ—иконъ, упоминаемыхъ преосв. Филаретомъ [4]), какъ перешедшихъ изъ древняго храма— также ничего не осталось.

Къ XVIII вѣку относятся двѣ иконы, упоминаемыя и преосв. Филаретомъ, какъ извѣстныя по описи 1817 года: это, какъ сказано выше, Св. Николая и Смоленской Божіей Матери.

[1]) Выходитъ, какъ будто въ 1758 г. уже царствовала Императрица Екатерина II-я, а не Елисавета Петровна но это—неясность редакціи надписи.

[2]) Доска эта вдѣлана теперь въ стѣну новаго храма при входѣ въ него съ лѣвой стороны.

[3]) Съ внѣшнимъ видомъ ея въ 1787 г. мы знакомимся по извѣстному рисунку на планѣ Харьковскаго Намѣстничества. (Альбомъ выставки XII арх. съѣзда, табл. XXVIII, рис. 76, фиг. 12).

[4]) О. с., II, стр. 25.

Икона Св. Николая писана въ сѣромъ тонѣ; лицо старца съ небольшой бородкой. Письмо иконы сухое, жесткое, но старательной выписки всѣхъ деталей. Риза красная съ золотыми цвѣтами и бордюрами, нижняя одежда голубая; рельефомъ: евангеліе, украшенія, кресты, набедренникъ. На золотомъ фонѣ въ верхней части иконы—рельефомъ золотые цвѣты. По сторонамъ головы Святителя обычныя изображенія въ маломъ размѣрѣ Христа и Богородицы [1]). (См. рис. на этой стр.).

Икона св. Николая въ Троицкой церкви.

Икона Богородицы Смоленской—живописнаго характера, въ широкомъ стилѣ; благодаря перепискѣ заново лика Богоматери и Младенца Христа, икона утратила научный интересъ [2]).

Изъ другихъ древностей церкви XVIII в. выдѣляются по своей сохранности, красотѣ—два памятника ювелирнаго искусства.

1) *Дарохранительница* — серебряная позолоченная, 1781 г., изящной работы. (См. рис. на этой стр.). Она имѣетъ видъ надгробнаго памятника съ гробницей, урнами по четыремъ угламъ вверху, съ изящными пилястрами на каждой сторонѣ. Поверхъ памятника стоитъ серебряный крестъ съ прекрасными изображеніями финифтью Распятаго Христа, Бога Отца, Богородицы и Іоанна. Цвѣта финифти: голубой, эмалевый, зеленый. (Высота креста 37×21 см.; гробницы выс. 21½ см., ширина 22 см.).

На гробницѣ выгравировано: „стараніемъ с̃щенніка Павла Моренкова“.

Дарохранительница 1781 года въ Троицкой церкви.

2) *Сосудъ для пшеницы, вина и елея*, серебряный съ широкимъ круглымъ основаніемъ. На этомъ основаніи ножка для блюдца, на которомъ рельефно—снопъ колосьевъ. Слѣва и справа на основаніи вѣтвь съ сосудами для вина и елея. Центральная ножка держитъ большое блюдо, на которомъ гравированный шестиконечный крестъ, копье, губка и зданіе Іерусалима. Сзади рельефная фигура Ангела, поддерживающаго три серебряныя вѣтви, оканчивающіяся углубленіями для свѣчей [3]). (См. рис. на стр. 366).

Въ ризницѣ церкви имѣется множество драгоцѣнныхъ предметовъ: сосудовъ, крестовъ, чашъ, иконъ 30—40 гг. XIX ст., изъ нихъ послѣднія въ прекрасныхъ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ.

Въ часовнѣ церкви имѣется нѣсколько иконъ, происходящихъ, полагаемъ, изъ второй церкви, т. е. относящихся также къ XVIII вѣку. Таковы: 1) Іисусъ Христосъ, въ малиновомъ хитонѣ, голубомъ гиматіи, со сферой, благословляющій именословно. Вмѣсто нимба вокругъ головы—сіяніе; стоитъ на облакахъ, у ногъ херувимскія головки [4]). (Рис. на стр. 366).

[1]) Размѣръ иконы: 118×70 стм. [2]) Размѣръ иконы: 145×77 стм. [3]) Высота сосуда 44 стм.; діам. основанія 25 стм. [4]) Размѣръ 115 с.×43 стм.; одинаковаго размѣра и икона Богородицы.

Икона Спасителя XVIII в. въ часовнѣ Троицкой церкви.

Сосудъ для пшеницы, вина и елея 1781 г. въ Троицкой церкви.

Богородица—въ голубомъ хитонѣ и розовомъ мафоріи; красивое лицо; Младенецъ, котораго Она держитъ на лѣвой рукѣ, со сферой, въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, въ красномъ гиматіи. (Рис. на стр. 367). Икона—живописнаго характера, академическаго письма, несомнѣнно конца XVIII вѣка.

Такого-же письма, такого-же характера работы—большая икона [1]) сложной композиціи, символическаго характера по сопоставленію въ ней лицъ различнаго времени, объединенныхъ Христомъ, идеею о его милосердіи, благодаря которому получаютъ прощеніе кающіеся грѣшники. Такого рода иконы, повидимому, были популярны въ XVIII в. на югѣ Россіи, и одна изъ нихъ, описанная нами,—произведеніе южно-русскаго искусства, изъ церкви въ селѣ Бабаевъ, только меньшихъ размѣровъ и съ незначительными отличіями, была на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ [2]).

На иконѣ Троицкой церкви Христосъ стоитъ на ступенькахъ нагой, прикрытый лишь краснымъ гиматіемъ, лѣвой рукой онъ поддерживаетъ крестъ, а правой указываетъ на рану въ боку. Надъ нимъ Св. Духъ. У ногъ его слѣва на колѣняхъ Марія Магдалина—прекрасная фигура въ зеленомъ платьѣ, съ распущенными волосами по открытымъ плечамъ. Рядомъ съ ней на колѣняхъ благоразумный разбойникъ, прикрытый лишь по чреслamъ; онъ стоитъ на крестѣ. Справа на колѣняхъ, въ красной порфирѣ стоитъ царь Давидъ; у его ногъ корона, лира, скипетръ. Возлѣ него стоитъ юноша—блудный сынъ, въ гиматіи на крестѣ, съ посохомъ.

Надъ этой иконой—другая, представляющая Бога Отца, сходнаго письма, XVIII в.

Въ часовнѣ-же имѣются небольшія иконы въ медальонахъ съ нижняго яруса иконостаса и средняго (праздничные): Срѣтеніе, Крещеніе, Жертвоприношеніе Авраама, Благословленіе Давида—всѣ XVIII в., живописнаго характера.

По слабымъ остаткамъ памятниковъ живописи въ Троицкой церкви мы можемъ судить, какого характера она была въ XVIII в. въ церквахъ г. Харькова, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ иконамъ, и къ ряду таковыхъ—въ украшеніи иконостасовъ. Съ незначительными по количеству памятниками этой религіозной живописи XVIII в., носящей по преимуществу черты мѣстнаго, южнаго происхожденія, съ отмѣчаемымъ въ ней вліяніемъ западныхъ образцовъ, встрѣтимся и въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ г. Харькова, о которыхъ скажемъ далѣе“.

---

[1]) 156×121 стм.

[2]) Альбомъ выставки XII арх. съѣзда, табл. XV, рис. 43.

Настоятелями Троицкаго приходскаго храма были слѣдующія лица: 1) о. Іосифъ, извѣстный по документу 1659 года: 2) Максимъ Степановичъ Крамаренко, извѣстный по документу 1673 года и скончавшійся въ 1676 г.; 3) Павелъ Степановичъ Крамаренко 1676—1736 гг.—родной братъ предъидущаго, священствовалъ здѣсь 60 *лѣтъ;* по переписи 1732 г. П. Крамаренко имѣлъ въ предмѣстьѣ г. Харькова дворъ и поданныхъ малороссіянъ; при немъ въ 1724 г. былъ установленъ сборъ въ государственную казну пошлинныхъ денегъ—съ Троицкой церкви въ размѣрѣ одного рубля, 5 алтынъ, 2 денегъ; 4) Михаилъ Павловичъ Крамаренко (1715—1738 гг.)—сынъ предъидущаго, задолго до смерти отца принятый въ качествѣ помощника его по приходу. Слѣдовательно, въ теченіе 21 года при Троицкой церкви было 2 священника. Онъ умеръ отъ свирѣпствовавшей въ 1738 г. въ Харьковѣ моровой язвы; въ фамильной лѣтописи

Икона Богородицы XVIII в. въ часовнѣ Троицкой церкви.

Сложная символическая икона XVIII в. въ Троицкой церкви.

Квитокъ читаемъ: „въ 1738 г. во время моровой язвы въ Харьковѣ изъ людей знатныхъ померли—Іоаннъ попъ Благовѣщенскій и Михаилъ Троицкій и купецъ Грунинъ со всѣми смерлъ"; 4) Павелъ Григорьевичъ Копейчикъ (1738—1749)—зять священника Михаила Крамаренка; это былъ первый священникъ Троицкой церкви, окончившій курсъ въ харьковскомъ Коллегіумѣ. Священникъ от. Михаилъ еще при жизни своей принялъ его въ домъ свой, какъ кандидата на свое мѣсто, съ согласія прихожанъ и благословенія преосвященнѣйшаго Петра; будучи священникомъ, онъ въ то же время состоялъ преподователемъ въ Коллегіумѣ; въ 1743 г. онъ овдовѣлъ, а въ 1746 г. преосвященный выдалъ ему на 3 года грамоту для продолженія іерейскаго служенія (овдовѣвшіе священники должны были получать такія грамоты); священникъ Копейчиковъ пользовался расположеніемъ своихъ прихожанъ, которые въ 1743 году писали

Бѣлгородскому митрополиту Антонію такъ: „нынѣ годъ тому пятый, какъ при Троицкой церкви попъ Копейчикъ служитъ добропорядочно, церковныя правила и мірскія требы исполняетъ безъ упущенія, его служеніемъ и наставленіемъ всѣ мы нижайшіе довольны и нуждъ намъ никакихъ не находится"; 5) Борисъ Ивановичъ Янкевичъ (1744—1788 гг.)—внукъ священника II. Копейчика; въ древнихъ церковныхъ актахъ онъ подписывался Лопатинскимъ, назывался и Лопатою, а фамилію Янкевича принялъ якобы вслѣдствіе своего происхожденія отъ этого дворянскаго рода; родился въ 1724 г. въ Сумахъ; отецъ его былъ тамошній посполитый крестьянинъ; образованія былъ домашняго: „русскому письму, чтенію и пѣнію обученъ былъ отцомъ своимъ, кромѣ того инымъ никакимъ наукамъ и мастерству не ученъ"; до опредѣленія въ священники былъ „при келліи его преосвященства митрополита Бѣлгородскаго Антонія въ *должности лакейской* [1]), а больше нигдѣ не бывалъ". Священникъ Янкевичъ владѣлъ очень хорошимъ достаткомъ: онъ былъ награжденъ отъ отца своего движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ; по гражданскимъ дѣламъ 1761 г. видно, что онъ владѣлъ хуторомъ на р. Немышлѣ; принималъ онъ живое и горячее участіе въ постройкѣ новаго храма; въ 1780 году онъ былъ сдѣланъ „десятоначальникомъ" т. е. начальникомъ 8 городскихъ и 2-хъ сельскихъ церквей; 6) Протопопъ Павелъ Іосифовичъ Моренко (1766—1800); родился въ 1731 году; отецъ его былъ козакъ прихожанинъ Троицкой церкви; школьнаго образованія у него не было; въ 1759 году былъ посвященъ діакономъ къ Троицкой церкви, а въ 1761 году—священникомъ соборной, откуда долженъ былъ уйти, потому что не умѣлъ говорить проповѣдей; сдѣлавшись священникомъ въ Троицкой церкви (на діаконской вакансіи), онъ все таки, по той же причинѣ, стоялъ въ церковныхъ процессіяхъ ниже всѣхъ остальныхъ; такъ какъ его самолюбіе отъ этого сильно страдало, то онъ постарался добиться назначенія протопопомъ; преосвященный Феоктистъ назначилъ его протопопомъ въ Недригайловъ, но потомъ по настоятельной просьбѣ оставилъ при Троицкомъ храмѣ протопопомъ на діаконскомъ мѣстѣ—онъ былъ первымъ протопопомъ приходской церкви въ Харьковѣ и сильно кичился этимъ, какъ доказываетъ слѣдующій случай. Харьковская купчиха Аксенова въ прошеніи своемъ духовному правленію жаловалась, что протопопъ Моренко, бывши съ нею въ гостяхъ въ домѣ купца Андрея Панкова, громогласно упрекалъ ее за дурную якобы жизнь, при чемъ прибавлялъ: „признайся де во всемъ—и я могу теперь простить тебя во всемъ, бо я теперь съ именемъ протопопа"; дѣло это было прекращено по взаимному соглашенію обѣихъ сторонъ; Моренко имѣлъ довольно значительное состояніе: у него былъ собственный домъ „въ земляномъ замкѣ близь соборной церкви", а также хуторъ, граничившій съ соборною церковною землею; въ 1776 году соборяне жаловались, что онъ произвольно перерѣзалъ канавами ихъ луки и спустилъ съ нихъ весеннюю воду въ свой прудъ, чѣмъ причинилъ церковной землѣ не малый вредъ; 7) священникъ Стефанъ Ивановъ (1788—1790)—окончившій курсъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ и бывшій тамъ учителемъ; скоро перешелъ на штатное мѣсто въ соборъ; 8) священникъ Іоаннъ Яковлевичъ Любочинскій (1790—1811), окончившій курсъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ; былъ искусенъ въ чтеніи и произнесеніи проповѣдей; 10 лѣтъ состоялъ присутствующимъ въ Харьковскомъ духовномъ правленіи.

До 1745 года діаконовъ не было. Первымъ діакономъ былъ Тимофей Ивановичъ Лавровскій, опредѣленный на эту должность въ 1746 году, но неизвѣстно, исполнялъ ли онъ ее фактически или нѣтъ, ибо противъ его назначенія послѣдовала жалоба священниковъ; въ нѣсколько неопредѣленномъ положеніи находился и второй діаконъ Моренковъ; діаконъ Па-

[1]) Въ ту пору архіереи лакеямъ своимъ, стоявшимъ на запяткахъ, предоставляли иногда лучшія священническія мѣста; бывали и такіе случаи, что лакеи, получивъ просимое мѣсто, потомъ продавали его другимъ; такимъ образомъ, богатые и безграмотные дьячки получали лучшіе приходы, а окончившіе успѣшно курсъ семинаріи ожидали ихъ и получали худшіе (Русск. Старина 1894 г., октябр., стр. 105). Н. Л—ко.

велъ Китенко „искусный въ чтеніи катехизиса и церковныхъ поученій“ и состоятельный—имѣлъ недвижимую собственность въ уѣздѣ и обширный домъ въ Харьковѣ о пяти покояхъ, который сдавалъ въ наемъ, а жена его вела торговлю постнымъ масломъ и сальными свѣчами.

Причетниками состояли разныя лица по найму прихожанъ. Образовательный цензъ ихъ былъ очень разнообразенъ; были и такія, которыя учились въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, но не окончили въ немъ курса. Число ихъ было не одинаково: въ 1732 году ихъ было 8, въ 1742 году—4 дьячка и 1 пономарь, въ 1758 г.—1 пономарь, съ 1779 г.—1 пономарь и 1 дьячокъ.

Въ 1-й половинѣ XVIII вѣка кругъ обязанностей церковныхъ старостъ былъ ограниченъ и потому о дѣятельности ихъ за это время мы не встрѣчаемъ почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что въ 1743 году церковнымъ старостою былъ Петръ Кожинъ, а преемникомъ его Пшеничный. Оба они были неграмотны. Послѣдній передалъ преемнику своему Василію Андреевичу Топчіеву 1175 руб. 69 коп. остаточныхъ денегъ. Василій Топчій извѣстенъ своимъ самовластіемъ въ веденіи церковнаго хозяйства. Священникъ Янкевичъ и прихожане жаловались Харьковскому духовному правленію на Топчія, что онъ не уплачивалъ денегъ подрядчику, принявшему на себя ремонтъ церкви, вслѣдствіе чего тотъ пріостановилъ работу, что онъ вовсе не покупалъ тѣхъ матеріаловъ, кои показалъ купленными, и что онъ имѣлъ намѣреніе „покорыстуваться“ церковными деньгами. Духовное правленіе предписало причту и прихожанамъ потребовать денежнаго отчета отъ старосты, но тотъ уклонялся и въ концѣ концовъ духовная власть должна была прибѣгнуть къ содѣйствію свѣтской—намѣстническому правленію, которое предписало городскому магистрату, гдѣ Топчій служилъ бургомистромъ, поступить съ нимъ по законамъ. Конецъ дѣла къ сожалѣнію неизвѣстенъ.

Съ давняго времени, по словамъ о. Николая Лащенка, Троицкому приходскому храму принадлежало нѣсколько домовъ съ дворами, но на чемъ основывалъ покойный ученый это извѣстіе, неизвѣстно; въ документахъ же конца XVIII вѣка упоминается, по его словамъ, о двухъ дворовыхъ мѣстахъ, кои и нынѣ находятся во владѣніи прихода (одно, на сѣверной, другое—на южной сторонѣ храма).

Троицкій приходъ былъ одинъ изъ малочисленныхъ по числу прихожанъ: въ 1730 году въ немъ было 484 души обоего пола, въ 1750 г.—556, въ 1770 г.—698, въ 1790 г.—800. Очень тяжелыя утраты понесъ приходъ во время чумы 1738 года: „у насъ нижайшихъ, писали прихожане въ 1743 году митрополиту Антонію, въ 1724 году было приходскихъ дворовъ 116, а нынѣ только 70, понеже въ моровое повѣтріе людей много вымерло и приходъ умалился“. Преосвященный Филаретъ указываетъ въ Троицкомъ храмѣ нѣсколько старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ [1]).

Объ остальныхъ храмахъ извѣстно не много.

„Древнѣйшая *Николаевская церковь*, говоритъ проф. Е. К. Рѣдинъ, была деревянная. Она была устроена въ одно время съ основаніемъ города у самой его стѣны. Въ 1733 г. церковь сгорѣла и на мѣсто ея былъ выстроенъ новый каменный, заложенный въ 1764 г., а освященный въ 1770 г.; придѣлы и престолы въ верхнемъ ярусѣ устроены были уже въ XIX в. На планѣ 1785 года церковь значится находящейся внѣ центральнаго укрѣпленія, по неподалеку отъ крѣпостной стѣны. Деревянная колокольня, стоявшая отдѣльно отъ церкви, уцѣлѣла отъ пожара и существовала до 20-хъ гг. XIX стол. Какой видъ имѣла церковь въ XVIII в., можемъ судить по рисунку 1787 г.; какъ видно—въ этомъ году она подвергалась реставраціи, или передѣлкѣ; по фасаду представлены лѣса. Лучшее понятіе имѣемъ объ архитектурѣ храма по фотографіи съ нея, сдѣланной Досѣкинымъ, до сломки ея въ 1886 г. (См. рис. на стр. 224).

[1]) Ист. Стат. Опис. Харьк. епарх., II, стр. 25.

Въ современномъ храмѣ не осталось ни одного памятника XVIII в.; предметы церковной утвари наиболѣе древніе—30—40 гг. XIX в.

Первый храмъ *во имя Благовѣщенія Божіей Матери* былъ—деревянный, построенный около 1655 г. [1]), однопрестольный, съ тремя главами; вмѣсто ограды онъ былъ обнесенъ тыномъ; колокольня его была также деревянная, рубленная. Вмѣсто деревянной церкви въ 1789 г. былъ заложенъ каменный храмъ, освященный въ 1794 г. Мы не знаемъ, по какой причинѣ деревянная церковь была замѣнена каменной; но въ 1787 г. она, судя по рисунку на извѣстномъ планѣ, еще не была разрушена; этотъ рисунокъ и знакомитъ насъ съ внѣшнимъ видомъ первой Благовѣщенской церкви [2]).

Вторая церковь, каменная была однокупольная, имѣла богатый иконостасъ, устроенный въ 1844—1846 г. (См. рис. на стр. 223).

Третья новѣйшая церковь заложена въ 1888 г. [3]).

Отъ первой церкви въ современной сохраняется два Евангелія Кіевской печати 1697 г. и 1773 г., но въ новыхъ окладахъ, и крестъ и чаша.

Крестъ серебряный 1782 г., четырехконечный, не литой. На немъ чернью: Распятіе Христа, Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, пожилой; въ небольшихъ медальонахъ чернью: Богъ Отецъ на облакахъ, Богородица, Іоаннъ—въ медальонахъ, фонъ золотой, насѣчкой. На ручкѣ колонна съ пѣтухомъ, копье, рука, мечъ, гвозди, и др. предметы страстей [4]). (См. рис. на стр. 371).

Чаша, небольшая, изящная, 1779 г., съ серебряной сѣтчатой рѣшеткой по стѣнкѣ сосуда; все-же остальное пространство позолочено. На стѣнкахъ сосуда медальоны съ изображеніями гравировкой—словно съ образцовъ Кіевскихъ гравюръ XVIII в.: 1. Христосъ Вседержитель на облакахъ, поднявшій вверхъ въ благословеніи руку и держащій сферу; типъ старческій, съ длинной бородой; 2. Богородица на облакахъ, держащая у груди руки въ моленіи; 3. Іоаннъ Предтеча на облакахъ, указывающій на Христа и держащій знамя; 4. шестиконечный крестъ съ копьемъ и губкой; по сторонамъ надписи: ІС ХС НИКА. Красивое подножіе—большой кругъ съ орнаментомъ въ видѣ звѣзды въ медальонахъ изъ гирляндъ. Въ медальонахъ гравировкой—орудія страстей [5]).

Къ первой-же церкви относится икона Казанской Божіей Матери въ прекрасной, серебряной позолоченной ризѣ, 1776 г. (См. рис. на стр. 371).

Изъ священниковъ церкви извѣстны: о. Алексѣй, упоминаемый въ Куряжскихъ актахъ 1659 года, от. Павелъ, упоминаемый въ Куряжскихъ актахъ 1701 и 1713 годовъ, Іоаннъ Матвѣевъ, умершій отъ чумы въ 1738 г., Автономъ Захарьевъ, его сослуживецъ, умершій въ 1779 г., Герасимъ Сливицкій и Петръ Рожанскій, его сослуживецъ прот. Матѳей Рожанскій, бывшіе во время закладки храма въ 1789 г.

Первый храмъ *Рождества Христова*, бывшій уже въ XVII в., (основанъ не позже 1655 г.) [6]) существовалъ до 1722 г., когда былъ замѣненъ новымъ, который сгорѣлъ въ 1731 году: „съ 12 на 13 февраля въ полночь, говоритъ Квитка, прежняя церковь Рождества Христова въ Харьковѣ за рѣкою Лопанью згорѣла“; новый (третій) храмъ освященъ въ 1735 году; четвертый каменный нынѣ существующій храмъ освященъ въ 1783 году (см. рис. на стр. 372); но въ немъ произведены съ того времени измѣненія: колокольня съ теплою церковью внутри построены въ 1801 г., а въ 1860 г. церковь расширена—пристройкой колокольни съ двумя теплыми придѣлами; неизмѣненной въ храмѣ осталась средина храма съ куполомъ и алтарь.

[1]) Филаретъ, О. с., II, 33.

[2]) См. этотъ рисунокъ въ главѣ о строительной дѣятельности.

[3]) Объ этой церкви см. подробно у св. *І. Филевскаго*, Благовѣщенская церковь гор. Харькова. Харьковъ 1901 г.

[4]) Выс. креста 36 стм., шир. 22 стм., толщ. 2½.

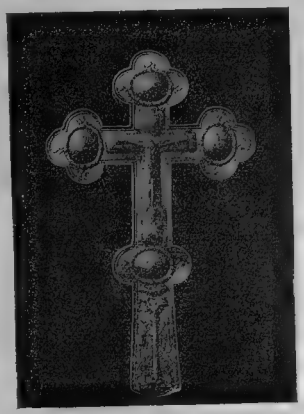
[5]) Выс. 25 см., діам. основ. 15½ см., діам. сосуда 10 см.

[6]) Филаретъ, О. с. II, 38.

Съ видомъ четвертаго храма, какой онъ имѣлъ вскорѣ послѣ его построенія, знакомимся по извѣстному виду Харькова въ 1787 г.[1]); а по рисунку Шепфлинга этотъ же храмъ пред-

Окладъ евангелія въ Благовѣщенской церкви.

Чаша въ Благовѣщенской церкви 1779 г.



Крестъ въ Благовѣщенской церкви 1782 г.

Икона Божіей Матери въ Благовѣщенской церкви 1776 г.

стаетъ предъ нами такимъ, какимъ онъ былъ въ началѣ XIX в.[2]).

[1]) См. рисунокъ этотъ въ главѣ о строительной дѣятельности.

[2]) Альбомъ, табл. XXXI, рис. 81.

Изъ памятниковъ XVIII вѣка въ храмѣ сохранилось Евангеліе 1748 г.; окладъ на немъ 1834 г.; но древній окладъ даннаго Евангелія перенесенъ на Евангеліе 1833 года. Остались только наугольники съ изображеніемъ (литыхъ) Евангелистовъ и центральный медальонъ съ изображеніемъ Рождества Христова: поклоненіе волхвовъ Христу Младенцу. На оборотной сторонѣ въ центральномъ медальонѣ Рождество пресв. Богородицы въ оригинальной композиціи: Іоакимъ подаетъ руку Аннѣ, лежащей на ложѣ. (См. рис. на стр. 373).

Изъ священниковъ извѣстны—от. Григорій (1713 г.), Андрей, Феодоръ (1724 г.), Алексѣй Бородаевъ и Іаковъ (1735 г.).

Первый храмъ *Вознесенія Господня*, деревянный, построенъ не раньше 1675 года. По Куряжскимъ записямъ онъ извѣстенъ въ 1687 и 1703 г.[1]). Второй храмъ, повидимому, былъ освященъ въ 1733 г.[2]), такъ какъ въ этомъ году арх. Досифеемъ былъ выданъ въ новую деревянную церковь антиминсъ. Храмъ этотъ, по преданію, между 1780—1785 г. сгорѣлъ и на мѣсто его воздвигнутъ въ 1794 г. большой деревянный, на каменномъ фундаментѣ, съ хорами внутри, съ тремя престолами (Вознесенія внизу и Св. Іоанна Богослова и Трехъ Святителей на хорахъ)[3]).

Храмъ Рождества Христова (современный снимокъ).

Въ 1862 г. этотъ храмъ вмѣстѣ съ иконостасомъ проданъ въ село Георгіевскъ, Колленико-во-тоже, Валковскаго уѣзда, за 1700 руб.

Вмѣсто проданнаго деревяннаго построенъ уже современный четвертый храмъ (заложенъ въ 1863 г., оконченъ въ 1876 г.) о пяти куполахъ, съ высокою колокольнею.

На извѣстномъ планѣ 1787 г. Вознесенская церковь не показана, что объясняется, вѣроятно, какъ и видѣли по историческимъ справкамъ, что ея въ это время, послѣ пожара (1780—1785 г.) до 1794 г. дѣйствительно и не было.

Отъ второго храма сохранилось Евангеліе московской печати 1735 г. (in fol.) съ прекраснымъ серебрянымъ, позолоченымъ окладомъ, съ рельефнымъ цвѣточнымъ орнаментомъ, окружающимъ пять выпуклыхъ медальоновъ, на которыхъ чернью четыре Евангелиста и въ центрѣ въ обычной композиціи Вознесеніе Христа. На оборотѣ рельефомъ крестъ съ копьемъ и губкой.

Отъ третьяго храма сохранилось нѣсколько иконъ, развѣшенныхъ нынѣ въ притворѣ, высоко на стѣнахъ.

1) *Рождество Христово*—икона, писанная на холстѣ хорошимъ мастеромъ по западнымъ образцамъ; весьма характерна для XVIII в. и по композиціи сюжета, и по стилю, и по типамъ,

[1]) Филаретъ., II, 39.

[2]) По свидѣтельству церковной лѣтописи, въ 1862 г. при сломкѣ храма 1794 г., при выемкѣ фундамента церкви найдена надпись 1723 г.; такимъ образомъ ясно, что храмъ Вознесенія на настоящемъ своемъ мѣстѣ находился и прежде, по крайней мѣрѣ второй.

[3]) Преданіе гласитъ, что этотъ храмъ построенъ настоятелемъ Вознесенской церкви протоіереемъ Василіемъ Фотіевымъ. Видъ этого храма по старинному рисунку 1841 г. см. у Гусева, Харьковъ, его прошлое и настоящее табл. у 57 стр., рис. 8. Альбомъ выставки XII арх. съѣзда рис. 74 (Народное гуляніе 4 мая 1841 г. по поводу бракосочетанія Наслѣдника Алекс. Никол.), и см. также этотъ-же рисунокъ увеличенный въ настоящей книгѣ на стр. 224.

по костюму, выпискѣ лицъ и деталей. (См. рис. на стр. 375) Христосъ—Младенецъ, нагой, лежитъ на бѣломъ полотнѣ, въ ясляхъ, у изголовья бабка Соломія; впереди Богородица въ красномъ хитонѣ, голубомъ гиматіи, бѣломъ покрывалѣ стоитъ на колѣняхъ, сложивъ руки у груди. Ея лицо красиво, съ краснымъ оттѣнкомъ, шея открытая. За Богородицей стоитъ старецъ Іосифъ въ голубомъ хитонѣ и красномъ гиматіи, съ палкой. Справа сидитъ на камнѣ изумляясь Ангелъ въ бѣлой рубашкѣ (съ открытыми плечами), голубомъ гиматіи и съ голубыми крыльями. Вверху по парѣ херувимскихъ головокъ въ облакахъ.

Это изображеніе занимаетъ большую часть иконы. Внизу слѣва „с҃тыѧ мученицы Анисіи“: св. дѣва съ непокрытой головой, въ голубомъ длинномъ платьѣ, короткомъ верхнемъ желтомъ

Окладъ XVIII в. на евангеліи 1748 г. (передняя сторона) въ Рождественской церкви.

Окладъ XVIII в. евангеліи 1748 г. Рождественской церкви (обор. сторона).

и въ красномъ гиматіи, застегнутомъ на груди фибулой; въ одной рукѣ она держитъ цвѣты, а въ другой опущенной внизъ—мечъ. Изображеніе ея заключено въ рамку стиля рококо. Справа въ такой-же рамкѣ „св. архидіаконъ Стефанъ“—юноша въ голубомъ подризникѣ и верхнемъ стихарѣ, съ цвѣтами по бѣлому фону, въ одной рукѣ у него камень, въ другой кадило. Вокругъ его головы, какъ и св. Анисіи—красный фонъ вмѣсто нимба. Между этими святыми въ рамочкѣ слѣдующая характерная стихотворная надпись съ датой 1788 года:

Сеи младенець увисеѧетъ насъ своимъ рожствомъ.
Хотѧ обновити плоть нашу своимъ божествомъ.
Сего и сватии Стефанъ прославѧетъ
Фарисей и садукей о немъ увѣрѧетъ.

Wниже слушатъ ѿ него правди не хотѧху
Разѧрившисъ камениемъ его побиваху.
Сего Хр҃та с҃таѧ мученица Анисиѧ прославлѧетъ.
За что воинъ ѿ ѧрости мечемъ ея пронзаетъ.

1788 год.

П. ИРИНА.

105×80 см.

На оборотѣ черниломъ написано: „Грода Славянска протоіерея Стефана Башинскаго и супруги его Анисіи Семеновой дочери по отцу Бардаковой.... въ Харьковскую Вознесенскую церковь 1807 года Августа 2 дня при сынѣ приходской церкви священникѣ Харьковскаго Коллегіума Учителѣ Александрѣ Башинскомъ“ [1]).

2) *Богородица съ Младенцемъ*—икона, писанная на холстѣ, южно-русской работы, XVIII в., по западнымъ образцамъ. У Богородицы красивое округлое лицо, голубой хитонъ и красный мафорій. У Христа—Младенца также такое округлое лицо съ румянцемъ, коричневыми волосами, въ бѣлой рубашкѣ, подпоясанной краснымъ поясомъ, въ желтомъ гиматіи. Вмѣсто нимбовъ—свѣтложелтое сіяніе. Прекрасной выписки и сохранности [2]).

3) Богородица съ Младенцемъ, на холстѣ, копія хорошей картины русской работы, XVIII в. [3]).

Изъ священниковъ извѣстны: от. Іаковъ (1725 г.), Леонтій Калиновскій (1762 г.), Іоаннъ Калиновскій (сынъ Леонтія) и Лаврентій Кореницкій [4]).

Михайловскій храмъ. „Изъ просьбы прихожанъ Михайловской церкви 1740 года видно, что деревянный храмъ Архангела Михаила въ Харьковѣ строился въ 1711 году и строителями его были—ктиторы Иванъ Усъ, Петръ Миргородъ и ключникъ Василій Савченко; харьковецъ Андрей Молчанъ и изюмскій судья Андрей Скочковъ пожертвовали притомъ по 100 рублей каждый. На мѣстѣ этого храма, на сѣверной сторонѣ нынѣшней церкви стоитъ каменный памятникъ.... Каменный храмъ во имя Св. архистратига Михаила строился четыре года; основаніе ему было положено въ 1783 году 10 сентября, по благословенію преосвященнаго Аггея, протоіереемъ Михаиломъ Шванскимъ, а освященіе совершено тѣмъ же протоіереемъ 6 сентября 1787 года; строителемъ его былъ маіоръ Гр. Мосцѣвый“.

Вносимъ еще нѣкоторыя данныя о Михайловскомъ храмѣ, сообщенныя намъ священникомъ его о. Георгіемъ Введенскимъ. „Священники и прихожане Михаиловской церкви, пишетъ въ своей запискѣ о. Георгій Введенскій, получали чрезъ благочинныхъ указы Императоровъ и Императрицъ, а также изъ Святѣйшаго Синода, которые объявляли прихожанамъ въ храмѣ и такимъ образомъ напоминали о связи своего прихода съ русскимъ государствомъ и русскою церковію. Интересно знать намъ, что предписывалось и объявлялось прихожанамъ Михаиловской церкви указами 18 вѣка. Сентября 14 дня 1728 года въ Михаиловскую церковь присланъ былъ печатный манифестъ императора Петра II, содержавшій въ себѣ строгое повелѣніе, дабы нигдѣ въ городахъ и селахъ, воровъ и разбойниковъ, также бѣглыхъ солдатъ, драгунъ, рекрутъ и крестьянъ не скрывать и пристанищъ имъ не давать. Манифестъ повелѣно священникамъ читать во дни воскресные и праздничные во храмѣ всенародно. Манифестъ печатанъ въ Москвѣ, при Сенатѣ.

Въ 1737 году былъ полученъ указъ изъ Святѣйшаго правительствующаго Синода объ обязанности исповѣдываться и пріобщаться Тѣла и Крови Христовой всякому православному хри-

[1]) Башинскій, какъ священникъ церкви извѣстенъ по описямъ 1809, 1817 и 1828 гг.

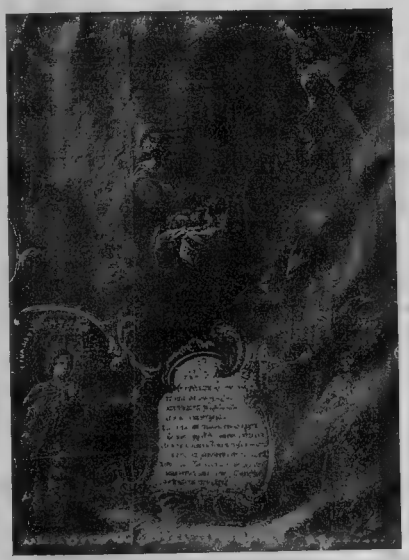
[2]) Размѣръ 109×70 стм.

[3]) 82×68 стм.

[4]) Филаретъ, II, стр. 39—40.

стіанину, чтобы не отходили въ крайнее заблужденіе и не впадали въ раскольническія прелести кто не будетъ говѣть въ посты, съ тѣхъ взыскивать штрафы по реестру; чтобы раскольники не избѣгали двойныхъ штрафовъ; чтобы при исповѣдяхъ побуждать изображать на себѣ крестное знаменіе и наблюдать—двоеперсное оно или троеперсное, а о двоеперсномъ доносить архіерею, чтобы тайные раскольники не избѣгали двойныхъ окладовъ.

Въ 1751 году изъ Харьковскаго духовнаго правленія данъ указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской о томъ, у кого имѣются на нѣмецкомъ и прочихъ иностранныхъ языкахъ печатныя книги, въ которыхъ упоминаются имена бывшихъ правленій извѣстныхъ персонъ; таковыя книги объявлять. Если не будетъ объявлено двѣ недѣли, то подвергать такихъ штрафамъ.



Икона Рождества Христова 1788 года въ Вознесенской церкви.

Икона Божіей Матери XVIII в. въ Вознесенской церкви.

1765 года, февраля 17, докладъ Святѣйшаго Синода Екатеринѣ II о платѣ за требы: за молитву родильницѣ 2 копѣйки, крещеніе младенца 3 коп., за свадьбу—10 коп., за погребеніе взрослыхъ по 10 коп., младенцевъ—3 коп., за исповѣдь и причастіе не брать, за молебны и поминовенія—по соглашенію.

1766 г., ноября 4 дня. Кто не былъ на исповѣди три года, того отправлять на двѣ недѣли на казенныя и полицейскія работы.

Духовенство Михаиловской церкви въ теченіи 18 столѣтія выписывало въ церковную библіотеку нужныя для себя и для проповѣдей прихожанамъ книги, особенно свято-отеческіе сборники, а именно: Отвѣты архіепископа Никифора Словенскаго и Херсонскаго. Изданія 1713 года. Собраніе разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни, 1755 года, въ кожаномъ переплетѣ. Поученія въ святую и великую четыредесятницу, епископа Иліи Минятія,

1759 года. Книгу краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдей Божіихъ; изъ разныхъ святыхъ отецъ собраны 1781 года, въ кожаномъ переплетѣ. Творенія святого *Василія Великаго*. Изд. 1787 года. Сколько было прихожанъ въ Михаиловскомъ приходѣ и какъ они относились ко храму?

Въ 1730 году прихожанъ было 280 душъ муж. пола, 230 душъ женскаго; въ 1750 году 360 муж., 312 женск.; въ 1770 году—655 муж., 610 женск.; въ 1790 году 810 муж., 798 женск.

Въ собраніи указовъ, хранящихся въ архивѣ Михаиловской церкви, есть драгоцѣнный указъ въ копіи объ основаніи и времени построенія каменнаго храма въ честь Архистратига Михаила. Это—храмозданная грамота 1783 года, сентября 31 дня, присланная отъ епископа бѣлгородскаго и обоянскаго Аггея на имя харьковскаго протоіерея Михаила Шванскаго. Вотъ ея подлинный текстъ.

Божіею милостію смиренный Аггей, епископъ бѣлгородскій и обоянскій.

„Дана сія храмозданная граммота епархіи нашей харьковскому протопопу, Харьковскаго Коллегіума префекту Михаилу Шванскому сего 1783 года, августа 31 дня, по присланному къ нашей мѣрности изъ харьковскаго духовнаго правленія доношенію, а въ то правленіе поданному города Харькова, церкви архангела Михаила отъ приходскихъ людей маіора *Григорія Мосцъваго*, порутчика *Герасима Артюхова* съ товарищи прошенію о устроеніи въ оном городѣ Харьковѣ на мѣсто обветшалой старой деревянной церкви архангела Михаила вновь на другомъ способнѣйшемъ мѣстѣ каменнымъ зданіемъ во имя тожъ архангела Михаила; на устроеніе которыя всякихъ принадлежащихъ матеріаловъ пріуготовлено довольное число, денегъ въ наличіи *тысяча сто рублей*. По собраніи потребныхъ справокъ представлено нашей мѣрности съ прописаніемъ касательныхъ къ тому дѣлу обстоятельствъ отъ нашей консисторіи докладомъ".

Бѣлгородская консисторія прописала въ докладѣ епископу подробный планъ каменнаго храма: а) на основаніи указа изъ Свят. Правительств. Синода отъ 1770 года, декабря 31, консисторія не нашла препятствія къ построенію каменной церкви, но указала, чтобы алтарь былъ въ длину и ширину по 8 аршинъ, настоящая церковь въ длину 12 аршинъ, въ ширину 9 аршинъ; если прихожане пожелаютъ сдѣлать церковь пространнѣе, отдать на ихъ волю, но недозволять дѣлать меньше; б) на основаніи указа 1771 года, октября 29, при оной церкви сдѣлать колокольню; в) согласно съ церковными указами устроить алтарь, церковь убрать иконами по примѣру другихъ греко-россійскихъ церквей, а при писаніи новыхъ иконъ наблюдать, чтобы на нихъ небыло рукъ съ двуперснымъ изображеніемъ, по раскольнически; г) на основаніи указа 1742 года, октября 9, устроить престолъ въ алтарѣ въ вышину 1 аршинъ 6 вершковъ, въ длину 1 аршинъ 8 вершковъ, въ ширину 1 аршинъ 4 вершка; д) по указу 1722 г., апрѣля 12, чтобы не было *рѣзныхъ, отливныхъ* иконъ на главахъ церковныхъ, а были святые кресты безъ *полумѣсячій*. Церковь обнести пристойною оградою. По окончаніи всей постройки духовное правленіе освидѣтельствуетъ церковь, составитъ опись и, представивъ ее епископу, будетъ просить его благословенія на освященіе ея.

Получивъ указъ отъ 31 августа, протоіерей Шванскій заложилъ каменный храмъ 10 сентября того же года. Церковь строилась четыре года и была освящена тѣмъ же протоіереемъ Шванскимъ 6 сентября („Церковная лѣтопись", самая древняя въ архивѣ).

Каменная церковь была построена въ нѣсколькихъ аршинахъ на югъ отъ деревянной, что показываетъ памятникъ на мѣстѣ алтаря и престола деревянной церкви, стоящій теперь на сѣверной сторонѣ каменнаго храма и оштукатуренный въ 1829 году.

Когда оконченъ постройкой каменный храмъ, деревянная церковь еще существовала, около нея была деревянная колокольня. Изъ деревяннаго храма въ каменный былъ перенесенъ и вставленъ шестиярусный иконостасъ. Какъ по бѣдности прихожанъ, такъ и по желанію ихъ

воспользоваться до времени готовой колокольней, при каменномъ храмѣ въ первые годы его существованія колокольни не было, и прихожане собирались на богослуженія по звону колоколовъ, висѣвшихъ на деревянной колокольнѣ. Не видно также и того по документамъ,—была-ли каменная церковь окружена „приличною“ оградой, или она была въ оградѣ деревянной церкви. Вообще въ первые пять лѣтъ существованія каменной церкви мы не имѣемъ о ней почти никакихъ свѣдѣній. Свѣдѣнія о каменной церкви начинаются съ 1793 года, когда начинаются приходныя и расходныя книги о ней. Въ началѣ приходной книги на 1793 годъ записано имя и фамилія старосты, бывшаго въ прежніе годы.

10 генваря 1793 года ктиторъ Іоаннъ Жила получилъ изъ духовнаго правленія приходную и расходную книги съ требованіемъ отъ правленія, чтобы въ книгахъ записывать приходъ и расходъ, неоставляя безъ записи ничего, а по окончаніи года являться для отчета въ духовное правленіе. Ни объ обязанностяхъ священниковъ, ни прихожанъ по отношенію къ доходамъ и расходамъ по церкви въ предписаніи правленія не упомянуто. Староста собиралъ доходы на храмъ съ церковнаго кирпичнаго завода, съ церковной пасѣки, съ воска и меда, отъ жертвователей, отъ аренды церковнаго дома и избы, отъ продажи выдѣланныхъ свѣчей,—а во храмѣ съ кошелькомъ. Собираемые доходы онъ подробно записывалъ въ приходную книгу и расходовалъ деньги на потребности богослуженій и храма, на священныя вещи, ремонты храма и особенно на пристройки къ созданному храму. Такъ въ 1794—5 годахъ онъ трудился надъ пристройкой каменнаго притвора съ западной стороны храма и къ нему каменной колокольни. Для приставки притвора нужно было вынуть западную стѣну, положить въ землѣ основаніе изъ камня, вывести стѣны, сдѣлать окна на сѣверной и южной сторонѣ, покрыть притворъ деревянной крышей и гонтой. Непосредственно къ притвору приставлена была колокольня и открытъ чрезъ нее входъ въ храмъ. Кромѣ двухъ новыхъ частей храма, притвора и колокольни, староста построилъ камору для сторожа на южной сторонѣ церкви и обстроилъ церковь деревянной оградой въ 1797 году. Дорогія пристройки къ новому храму повели къ продажѣ церковнаго дома и займамъ денегъ у стороннихъ лицъ. Такъ въ 1800 году записано: за проданную *изъ общаго согласія* церковную школьную избу 50 р.; продано *изъ общаго согласія* старый церковный домъ и икона (вѣроятно въ томъ же домѣ отдѣленіе) за 48 рублей“.

„Изъ иконъ XVIII в., говоритъ Е. К. Рѣдинъ, въ церкви имѣются: 1) Арх. Михаила, академическаго письма, на деревѣ; Архангела съ продолговатымъ лицомъ въ кирасѣ, въ воинскомъ одѣяніи, въ красномъ гиматіи, съ огненнымъ мечемъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой у него щитъ. Фонъ иконы зеленый [1]). Одна изъ храмовыхъ иконъ прикрывается серебряной ризой.

Имѣются двѣ иконы св. Николая, типа самыхъ распространенныхъ на югѣ Россіи, съ моложавостью въ лицѣ, красноватымъ оттѣнкомъ; одна—по грудь, въ серебряной ризѣ 1797 года (32×26½ см.); другая представляетъ святителя во весь ростъ; въ ризѣ 1706 г. (43×31 см.).

Икона Богородицы въ типѣ Оранты съ младенцемъ Христомъ на груди. Лицо съ красными тѣнями, бѣлыми бликами на лбу, на рукахъ. Фонъ иконы зеленый. Серебряная риза на иконѣ 1773 года (31½×26 см.).

Изъ старопечатныхъ книгъ въ церкви наиболѣе интересны: требникъ Моск. печ. 1658 г. (изъ Троицкой церкви), проповѣди Антонія Радивиловскаго, Ев. М. п. 1794, Ев. М. п. 1764, отрывки дѣяній Апостольскихъ Львовской печати XVII в., Минея Львовской печати XVII в. (безъ выход. листа), „Акаѳистъ, печатанный въ Кіево-Печерской лаврѣ 1702 года тщаніемъ всечестнаго отца архимандрита Іоасафа Краковскаго, при счастливомъ владѣніи гетмана и ясневельможнаго пана Ивана Степановича Мазепы“.

---

[1]) 44×36½ стм.

Изъ священниковъ извѣстны: Іоаннъ Дмитріевъ (1711—1740), Лаврентій Кореницкій, Андрей Зимовской, Герасимъ Каневскій (съ 1760 г.)—изъ питомцевъ Кіевской Духовной Академіи и письмоводителей преосвященнаго Іоасафа (Миткевича); служилъ около 40 лѣтъ. „При немъ и товарищѣ его Стефанѣ Млодзинскомъ, который служилъ храму съ 1743 по 1795 годъ, т. е. около 52 лѣтъ, строился нынѣшній каменный храмъ. Каневскій былъ духовникомъ градскаго духовенства".

Первая деревянная церковь во имя *Воскресенія Христова*, въ Нетечинской части, построена не позже 1655 г.; простоявъ около ста лѣтъ, церковь пришла въ ветхость и вмѣсто нея въ 1742—1743 г. была выстроена новая деревянная. Изъ описи 1789 года видно, что церковь была трехглавая и имѣла крестообразную форму. Въ 1795 году начата третья каменная церковь, оконченная въ 1797 году.

Изъ памятниковъ XVIII в. въ церкви сохранился серебряный *крестъ 1786 г.*, четырехконечный, съ изображеніями чернью Распятія Христа съ предстоящими, прекрасной работы, характерный для XVIII в., съ явнымъ подражаніемъ лучшимъ западнымъ образцамъ (размѣръ 14×11½ см.).

Имѣются и иконы XVIII в.: 1) Воскресеніе Христово, сложной композиціи, въ ризѣ 1801 г. (53×45 см.), 2) Ахтырской Божіей Матери, въ ризѣ 1767 г. (36×26 см.), 3) Св. Троицы, сѣверно-русскаго письма, въ сложной композиціи, въ ризѣ 1801 года (54×45 см.), 4) такого-же письма св. Харлампія, въ серебряной, позолоченной ризѣ (31×21 см.), 5) Богородицы Млекопитательницы, XVIII в., въ окладѣ 1866 г. (37×30 см.).

Первая церковь *во имя св. Димитрія* была деревянной. Въ 1764 г. она была разобрана и вмѣсто нея воздвигнута новая, сгорѣвшая въ 1804 году.

Икона Женъ Мироносицъ XVIII в. въ Мироносицкой церкви.

На извѣстномъ планѣ 1787 года представлена, очевидно, вторая церковь деревянная, простой архитектуры; судя по выдѣляющейся части на западной сторонѣ, можно предполагать что такая-же часть была и на восточной, и храмъ былъ такимъ образомъ трехкупольный; на западной сторонѣ видна отдѣльно невысокая, надо полагать, колокольня [1]).

При Дмитріевской церкви въ XVIII в. было кладбище для трехъ залопанскихъ приходовъ [2]).

Изъ священниковъ ея извѣстны: Петръ Федоровичъ Витинскій, служившій въ церкви Св. Дмитрія въ Харьковѣ, *на посадѣ* (началъ служеніе съ конца XVII вѣка, а окончилъ его въ 1731 г.), Григорій Петровичъ Витинскій (сынъ предъидущаго—съ 1719 г.).

Церковь во имя *св. Женъ Мироносицъ*, каменная, была освящена въ 1783 г. Она была кладбищенскою, подъ такимъ именемъ и помѣчена въ рисункѣ плана 1787 г., гдѣ она имѣетъ видъ небольшого однокупольнаго зданія.

Храмъ, не смотря на свои измѣненія, все-же сохранилъ отъ времени своего основанія три памятника: 1) храмовую икону св. Женъ Мироносицъ, 2) Евангеліе и 3) чашу.

Икона писана на деревѣ; предварительно на послѣднее положенъ холстъ, а поверху бѣлый грунтъ. Живопись академическаго характера, красивыя фигуры, пейзажъ, свѣтлый коло-

[1]) См. выставки XII арх. съѣзда, рис. 76, фиг. 15. Ср. также рисунокъ въ главѣ о градостроительствѣ.

[2]) Филаретъ II, 37. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета хранится надгробная плита XVIII в., найденная на мѣстѣ этого кладбища, нынѣ застроеннаго зданіями.

ритъ. Въ выраженіи лицъ, въ позахъ изысканность, слащавость. Фонъ иконы коричневый, почва съ цвѣтами. У пещеры Ангелъ въ желтой короткорукавной рубашкѣ съ зеленымъ поясомъ, желтый гиматій на колѣняхъ. Двѣ жены въ одеждахъ зеленаго и желтаго цвѣтовъ дѣлаютъ жесты изумленія; на заднемъ фонѣ видна голова третьей жены [1]). (См. рис. на стр. 378).

Евангеліе Московской печати 1782 г., въ малый листъ. На голубомъ бархатѣ большой медальонъ съ рельефнымъ изображеніемъ Воскресшаго Христа со знаменемъ; по четыремъ угламъ Евангелисты: грубые типы, однообразные, старцевъ. Плохая работа, штамповая, 1783 г. (См. рис. на этой стр.).

Окладъ 1783 г. на евангеліи 1782 г. въ Мироносицкой церкви.

Серебряная чаша 1784 г. въ Мироносицкой церкви.

Чаша серебряная, позолоченная, 1784 г., небольшая, но красивой формы. По подножію въ медальонахъ гравировкой—орудія страстей; на сосудѣ, по бокамъ его рѣшетка и на выпуклыхъ медальонахъ, какъ бы подражаніе кіевскимъ гравюрамъ: Христосъ со сферой, Іоаннъ Предтеча со свиткомъ, крестъ, копье, губка, Богородица; всѣ на облакахъ [2]). (См. рис. на этой стр.).

Въ XVIII в. было въ городѣ и третье кладбище тамъ, гдѣ теперь церковь въ честь Каплуновской Божіей Матери. Но была-ли тогда же тамъ и церковь, неизвѣстно; извѣстно только, что она освящена въ 1810 г.; въ 1841 г. она обновлена и освящена въ честь Рождества Пресв. Богородицы. Храмъ—небольшой, однокупольный.

Въ церкви изъ памятниковъ XVIII в., есть этого времени икона Воскресенія Христа, сложной композиціи, но она поступила въ церковь недавно [3]).

[1]) Размѣръ $1^1/_2$ арш.$\times$11 верш.

[2]) Размѣръ выс. $5^1/_2$ вер., діам. основ. $3^1/_2$ в., діам. чаши $2^1/_2$ вер.

[3]) Размѣръ ея 70$\times$55 стм.

Всего въ XVII—XVIII вѣкахъ въ Харьковѣ было, какъ видимъ отсюда, 10 церквей, въ томъ числѣ 8 приходскихъ, одна монастырская и одна кладбищенская. На видѣ гор. Харькова 1787 г., какъ видѣли, нѣтъ только одной изъ нихъ—Вознесенской и Каплуновской, освященной значительно позже".

Изложивъ фактическія данныя о харьковскихъ церквахъ, мы теперь остановимся на нѣкоторыхъ характерныхъ чертахъ устройства тогдашняго *церковнаго прихода*.

Приходъ представлялъ въ то время глубоко жизненную общественную организацію, въ которой прихожане проявляли духъ широкой иниціативы, внутренняго самоуправленія и самодѣятельности; это была черта, принесенная харьковскими переселенцами изъ заднѣпровья, одна изъ „старочеркаскихъ обыкностей", т. е. старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ. Малорусская колонизація Слободской Украйны, какъ это доказано мною въ другомъ сочиненіи [1]), носила вольный, свободный характеръ и требовала большой самодѣятельности и энергіи отъ населенія. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, новые поселенцы приняли на себя и заботы о храмахъ, служившихъ для удовлетворенія важнѣйшей ихъ духовной потребности—религіозной—объ ихъ постройкѣ, снабженіи всѣмъ необходимымъ, приглашеніи священно и церковно-служителей. Приведенныя выше свѣдѣнія о харьковскихъ церквахъ вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль въ отношеніи заботъ прихожанъ о матеріальномъ обезпеченіи храмовъ. Мы могли замѣтить при этомъ, что и самое содержаніе приходскаго духовенства также въ сущности лежало на приходахъ, ибо только одно соборное духовенство, да и то, вѣроятно, не долго, получало жалованье отъ казны; въ XVIII-мъ же вѣкѣ харьковскія церкви сами были обложены извѣстнымъ налогомъ въ пользу государства. Но дѣло не могло ограничиться заботами объ одной матеріальной сторонѣ: сами прихожане должны были обезпечивать себя штатомъ священниковъ и причетниковъ,—это соотвѣтствовало ихъ старой традиціи; это вызывалось условіями ихъ быта; и это, наконецъ, находило себѣ оправданіе въ той матеріальной помощи, какую они получали отъ прихожанъ: на этой почвѣ и возникли договоры прихожанъ со священниками, нашедшіе себѣ широкое распространеніе въ лѣвобережной Малороссіи [2]) и, нужно думать, попадавшіеся и въ Харьковщинѣ.

Бѣлгородскіе архіереи вели борьбу съ приходами вообще и харьковскими въ частности на этой почвѣ, не хотѣли признавать за ними правъ избранія хотя бы и въ скрытой формѣ ходатайствъ о посвященіи излюбленнаго священнослужителя; но все это было напрасно: трудно было бороться противъ обычая, который имѣлъ подъ собою такую тверду почву. Вотъ нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что и въ Харьковѣ еще въ XVIII вѣкѣ прихожане имѣли рѣшающее вліяніе въ вопросѣ о выборѣ священника. Священникъ Троицкой церкви Михаилъ Крамаренко принялъ къ себѣ въ качествѣ своего будущаго преемника Павла Копейчика, на что дали свое *согласіе* прихожане и благословилъ преосвященный Бѣлгородскій Петръ. *По просьбѣ же прихожанъ*, поддержанной харьковскимъ полковникомъ Степаномъ Ивановичемъ Тевяшевымъ съ полковою старшиною, онъ былъ посвященъ во священники въ 1738 г. Въ 1743 году одна часть прихожанъ просила Бѣлгородскаго Митрополита Антонія посвятить во священники его лакея Борисa Янкевича, другая же часть въ своемъ прошеніи возражала противъ необходимости имѣть вторымъ священникомъ Янкевича, ибо въ указѣ Петра Великаго сказано, что двумъ священникамъ нужно быть только въ такомъ приходѣ, гдѣ не менѣе 250 дворовъ, а гдѣ 150—тамъ одному, въ Троицкомъ же приходѣ ихъ всего 70, а вслѣдствіе сего трудно имѣть пропитаніе даже одному Павлу Копейчику. Борисъ же Янкевичъ, писали прихожане, въ словянолатинскихъ школахъ не обучался и не только дьячкомъ, но и никакимъ церковни-

[1]) Очерки по исторіи колон. и быта степной окраины Москов. Государст. томъ I-й. Исторія колонизаціи.

[2]) Данныя объ этомъ можно найти въ спеціальной статьѣ профес. И. В. Лучицкаго.

комъ не бывалъ и что знаетъ и какого онъ обычая и постояннаго ли нынѣ и впредь будетъ, про то мы незвѣстны и свидѣтельствовать о немъ не можемъ. Посему, архіерей Божій, просимъ вышеозначенному Борису отъ производства въ нашей церкви во діакона или попа отказать и быть нынѣшнему Павлу Копейчику одному, служеніемъ и всякими мірскими требами котораго мы нижайше довольны". Однако, просьба эта не была уважена, вѣроятно, потому что митрополитъ Антоній хотѣлъ вознаградить Янкевича за его усердную службу, а можетъ быть и потому, что при Троицкомъ храмѣ и раньше было два священника. По смерти Янкевича, прихожане Троицкой церкви ходатайствовали передъ преосвященнымъ Феоктистомъ объ утвержденіи избраннаго ими священника Стефана Иванова; по штату, писали они, и числу дворовъ и душъ (102 двора и 679 душъ обоего пола) полагается у насъ одинъ священникъ, діаконъ, пономарь и дьячекъ, но раньше у насъ было два священника, изъ коихъ одинъ на діаконскомъ мѣстѣ; штатный священникъ Янкевичъ умеръ и потому мы въ присутствіи нашего мѣстнаго благочиннаго протопопа Андрея Прокоповича *избрали* въ священники Стефана Иванова. Преосвященный положилъ слѣдующую резолюцію: „поелику означенный священникъ учительный (т. е. образованный) и назначенъ былъ учителемъ въ высшей грамматическій классъ харьковскаго Коллегіума и впредь къ учительской должности благонадеженъ, того ради опредѣлить его штатнымъ священникомъ въ Троицкую церковь".

Въ 1745 году трое прихожанъ Троицкой церкви—Стефанъ Яковлевичъ Гуковскій, Иванъ Трофимовичъ Софіенко и Терентій Савельевъ подали митрополиту Антонію челобитную, въ которой писали: „имѣется у насъ, нижайшихъ, въ г. Харьковѣ *на посадѣ* при церкви Троицы два священника—вдовый попъ Павелъ Копейчикъ и Борисъ Янкевичъ, а діакона не имѣется. Архіерей Божій! Внукъ перваго священника Павла Степановича Крамаренка, строившаго своимъ коштомъ церковь, дьячекъ Тимофей Ивановичъ Лавровскій божественному писанію обученъ и живетъ во всякомъ постоянствѣ. Съ покорностью нашей просимъ этого дьячка своимъ рукоположеніемъ посвятить въ діакона, дабы въ нашей Божіей церкви въ воскресные, праздничные и торжественные дни священнослуженіе совершалось съ діакономъ"... Но эта челобитная вызвала контръ-челобитную, поданную священникомъ Борисомъ Янкевичемъ, который писалъ: „При Троицкой церкви имѣется два священника (я и Павелъ Копейчикъ), которые исполняютъ безъ порока всѣ требы. А въ нынѣшнемъ 1746 году мы узнали, что сынъ Воскресенскаго священника о. Ивана Тимофей Лавровскій произведенъ вашимъ преосвященствомъ во діакона, а куда и къ какому престолу незнаю; только просимъ у вашего преосвященства о невыдачѣ ставленной діаконской грамоты къ нашей приходской Троицкой церкви безъ *вѣдома нашего и приходскихъ людей*, котораго какъ я, такъ и товарищъ мой и *приходскіе люди* отнюдь не желаемъ, чего ради вашему преосвященству отъ *прихожанъ* и подана спорная челобитная, по которому челобитью ему, Тимофею, отъ приходской нашей церкви и отказано, а велѣно искать другого мѣста. А хотя издавна при Троицкой церкви два священника, но діакона никогда не бывало и теперь ему прокормиться при 80 дворахъ прихожанъ будетъ невозможно. По этому прошу Лавровскому и въ его вторичной челобитной отказать" [1]).

Должность причетниковъ исправляли большею частью лица, не посвященныя на служеніе храму въ стихарь и даже не опредѣленныя духовнымъ начальствомъ, а служившія временно по найму прихожанъ, хотя еще архіепископъ Петръ требовалъ, чтобы никто не могъ быть причетникомъ безъ его указа и тоже подтвердилъ потомъ святитель Іоасафъ Горленко. „Въ 1742 году Харьковскій протоіерей Григорій Александровъ, донося о праздныхъ мѣстахъ, писалъ: „по *черкасскому обыкновенію*, при церквахъ бываютъ дьячки и пономари по найму прихо-

[1]) Рук. церк. приходская лѣтоп. Троицкой церкви г. Харькова.

жанъ и, когда желаютъ, живутъ погодно, а ежели имъ неугодно или не *по нраву они прихожанамъ*, бываютъ временно—по мѣсяцу и меньше 2-хъ недѣль. И затѣмъ (т. е. и потому) ихъ въ штатѣ священно-церковнослужителей положить не возможно" [1]). И это дѣлалось, не смотря на существованіе синодальнаго указа (1725 г.), коимъ предписывалось не посвящать во священники и діаконы тѣхъ причетниковъ, которые уволены изъ духовнаго званія и причислились къ крестьянамъ или къ другимъ сословіямъ. Въ Слободской Украйнѣ вообще и въ Харьковѣ въ частности церковнослужители по большей части не принадлежали къ духовному сословію, а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ достигали потомъ священнослужительскихъ должностей, выслуживались изъ дьячковъ въ священники. Въ особенности часто это должно было случаться во 2-й половинѣ XVII-го и 1-й четверти XVIII-го вѣка, когда въ Харьковѣ не было еще Коллегіума, т. е. такого учебнаго заведенія, которое со 2-й четверти XVIII вѣка стало давать законченную подготовку лицамъ, искавшимъ священства. До открытія Коллегіума, большая часть священниковъ, наравнѣ съ церковнослужителями, нужно думать, получала образованіе въ тѣхъ народныхъ церковно-приходскихъ школахъ, которыя были разсѣяны по всей Слободской Украйнѣ, въ томъ числѣ были и въ Харьковѣ. Это подтверждаетъ и преосвященный Филаретъ, который говоритъ: „по ставленническимъ дѣламъ видимъ, что въ церковно-приходскихъ школахъ учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ *иные* поступали и въ священники [2]). Да и послѣ основанія харьковскаго Коллегіума было не мало такихъ священниковъ, которые не знали ничего кромѣ часослова и псалтыря. Мы знаемъ, что и въ Харьковѣ въ это время было недостаточное число „учительныхъ" священниковъ, т. е. окончившихъ курсъ Коллегіума. Понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, въ XVII и началѣ XVIII вѣка рѣшающее значеніе при выборѣ священника или причетника долженъ былъ играть не столько его образовательный цензъ, сколько опытность въ дѣлѣ церковнаго богослуженія и исполненіи таинствъ и требъ, а также нравственныя качества кандидата и его отношеніе къ паствѣ; компетентными же судьями въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ могли быть главнымъ образомъ сами прихожане, бывшіе въ постоянномъ общеніи со своими священно и церковнослужителями; причемъ, конечно, какъ добрая, такъ и худая молва о нихъ распространялась и за предѣлы прихода и служила основаніемъ для выборовъ въ новыхъ приходахъ. Итакъ, мы полагаемъ, что роль прихожанъ въ дѣлѣ выбора священниковъ и причетниковъ въ XVII вѣкѣ была значительнѣе, чѣмъ въ XVIII-мъ, въ началѣ XVIII-го—замѣтнѣе, чѣмъ въ концѣ его. Въ обратномъ отношеніи съ этимъ находится, какъ намъ кажется, власть церковныхъ старостъ: въ началѣ они не играли особенно видной *личной* роли, потому что рѣшающее значеніе имѣла *коллегія*,—собраніе прихожанъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ завѣдываніи своимъ храмомъ, его причтомъ и учрежденіями, а потомъ, когда значеніе прихода, какъ живой самоуправляющейся церковной единицы, понизилось, на первый планъ выступили церковные старосты, избираемые прихожанами.

Живая дѣятельность всѣхъ членовъ церковнаго прихода нашла себѣ выраженіе въ первый болѣе древній періодъ ихъ существованія въ учрежденіи братствъ со школами и „шпиталями" (т. е. богадѣльнями), братствъ, перенесенныхъ изъ заднѣпровья и получившихъ широкое распространеніе во всей Слободской Украйнѣ, въ томъ числѣ и въ Харьковѣ.

Братства не ставили здѣсь себѣ такихъ широкихъ цѣлей и задачъ, какія они начали преслѣдовать въ Заднѣпровьѣ, сдѣлавшись тамъ главнымъ оплотомъ православной вѣры и южнорусской народности; онѣ получили здѣсь такой характеръ, какой имѣли и въ Заднѣпровьѣ въ первое время своего существованія, т. е. дѣйствовали въ ограниченной сферѣ цер-

[1]) Филаретъ. Истор. Стат. Описан. Харьков. епархіи, I, стр. 19—20.

[2]) Истор. стат. опис. Харьков. епархіи, I, 14.

ковнаго прихода въ качествѣ религіозно-благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Въ Заднѣпровьѣ такого рода братства были тѣсно связаны съ ремесленными цехами. Что же касается Слободской Украйны, то здѣсь, можно думать, связь эта была менѣе значительна. При колонизаціи Слободской Украйны прежняя сословная организація жителей Заднѣпровья, естественно, уже нарушалась и цеховые ремесленники правобережной Малороссіи нерѣдко должны были превращаться на новомъ мѣстѣ жительства въ казаковъ-слобожанъ. Но это не мѣшало новымъ выходцамъ ходатайствовать передъ Московскимъ правительствомъ о дозволеніи имъ, по ихъ черкасскому обыкновенію, ставить свѣчу передъ образомъ, варить медъ, пиво и бражку къ храмовымъ праздникамъ, т. е. устраивать братскія трапезы, выручка съ коихъ шла въ пользу храма. Просить же объ этой льготѣ нужно было потому, что въ Московскомъ государствѣ не было вольной продажи крѣпкихъ напитковъ. Впрочемъ во многихъ случаяхъ и въ Слободской Украйнѣ братства могли устраиваться ремесленными цехами, ибо эти послѣдніе, какъ мы знаемъ, рано возникли въ этомъ краѣ; но каково было ихъ происхожденіе въ Харьковѣ, неизвѣстно. Быть можетъ, начало ихъ связано было въ немъ съ цехами, а быть можетъ—что мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ—съ перваго момента своего существованія они получили здѣсь всесословный характеръ—церковно-приходскихъ попечительствъ, принявшихъ на себя заботу о благолѣпіи храма и судьбѣ его просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій.

Судя по тому, что переселенцы иногда ходатайствовали о братчинахъ въ моментъ своего появленія въ новомъ краѣ, можно думать, что и въ Харьковѣ большая часть братствъ была учреждена очень рано—въ 3-й четверти XVII вѣка, быть можетъ, одновременно съ постройкою тѣхъ храмовъ, при коихъ они были основаны. Во всякомъ случаѣ братство при Рождественской церкви существовало уже въ 1678 году. „По актамъ Куряжскаго монастыря въ 1678 году, говоритъ преосвященный Филаретъ, видимъ *братчика Рождества Христова* Андрея Рудія. Въ переписи приходовъ 1724 года показанъ при Харьковскомъ храмѣ Рождества Христова *„братерскій дворъ“*. Братчикъ и братерскій дворъ—несомнѣнные свидѣтели тому, что при Рождественскомъ храмѣ, съ самаго его основанія, существовало братство. По актамъ Куряжскаго монастыря 1700 года извѣстенъ „харьковецъ Григорій Ивановъ Голинскій *братчикъ соборной церкви*“; въ описи собора 1724 года видимъ „брацкой дворъ на Торговищѣ, на предмѣсцѣ, въ ряду смежно со дворомъ Троецкимъ церковнымъ“. Въ переписи 1732 г. при соборѣ „шпиталь“, гдѣ призрѣваются нищіе и двѣ *школы*.... Въ *Благовѣщенскомъ* приходѣ по переписи 1724 г. показанъ на Набережной улицѣ *дворъ братскій*; въ переписи 1732 г. видимъ *дворъ церковный съ хатою*. Въ 1778 году старостою Иваномъ Ветнисенкомъ церковный дворъ укрѣпленъ за церковью купчею крѣпостью, гдѣ сказано, что дворовое мѣсто съ постройками куплено для церкви на братское; а что этотъ домъ принадлежалъ церкви и прежде, чѣмъ укрѣпленъ купчею, показываетъ церковная опись 1775 года, гдѣ этотъ домъ поставленъ между принадлежностями церкви. И въ приходѣ *Дмитріевской церкви* по переписи 1732 г. видимъ *„дворъ братерскій“*; этотъ дворъ безъ сомнѣнія есть тотъ самый, который понынѣ составляетъ собственность Дмитріевской церкви и который въ переписи 1724 г. названъ *церковнымъ дворомъ*, а мѣсто его показано на улицѣ Китеревой.... Между дѣлами 1740 г. видимъ просьбу прихожанъ *Архангельской* (т. е. Михайловской) церкви, просьбу, въ которой они пишутъ, что съ 1711 г. между ними существуетъ братство, имѣютъ они *братскій церковный дворъ*; дворъ этотъ занимается частію членами причта, частію же отдается въ наймы, на этомъ дворѣ продавался, особенно въ храмовой праздникъ *медъ* и деньги должны поступать въ пользу храма, въ 1739 г. члены братства собрали за медъ 20 руб. [1]). По переписи

[1]) Филаретъ. Истор. стат. опис. Харьков. епархіи, II, стр. 44—46.

1732 г. послѣ дворовъ священниковъ *Троицкой* церкви показанъ дворъ „*братерскій*“ той же церкви и ниже ея „шпиталь“. Съ „братерскимъ“ дворомъ связано было слѣдующее старинное обыкновеніе: передъ праздникомъ св. Троицы, а также Рождества Христова и Пасхи на собранныя церковнымъ старостою подаянія готовился медъ и братскій столъ, къ которымъ приглашался причтъ церковный и прихожане; при этомъ для всѣхъ прихожанъ на братскомъ дворѣ продавался медъ и деньги поступали въ пользу храма съ отдѣленіемъ нѣкоторой части для нищихъ. Изъ приходо-расходныхъ записей за 1785 годъ видно, что братство за продажу меда выручило 63 р. 72 к., въ 1786 году—64 руб., въ 1787 г.—58 р. 20 к. По переписи 1724 г. братскій дворъ находился на Юрченковой улицѣ (нынѣ такой улицы нѣтъ). Въ описи Успенскаго соборнаго прихода того же года Троицкій братскій дворъ названъ церковнымъ дворомъ. Тамъ, какъ мы видѣли, сказано было, что онъ находился на Торговицѣ, на предмѣстьѣ смежно съ братскимъ соборнымъ дворомъ. А братскій соборный дворъ съ 2 избами былъ тамъ, гдѣ нынѣ высится огромный домъ соборнаго причта, т. е. на углу Николаевской площади и Московской улицы [1]). Такимъ образомъ, и братскій дворъ Троицкой церкви долженъ былъ находиться смежно съ нимъ по нынѣшней Московской улицѣ или Николаевской площади. Этимъ опровергается мнѣніе преосвященнаго Филарета [2]), принятое и о. Николаемъ Лащенкомъ. Отличіемъ Троицкаго братства служило то, что на его содержаніи былъ *шпиталь*, т. е. богадѣльня, въ которой содержались приходскіе нищіе, слѣпые, хромые, увѣчные. Въ метрической книгѣ 1774 г., хранящейся въ архивѣ Троицкой церкви, въ 3-й части (гдѣ говорится объ умершихъ) мы встрѣчаемъ имена лицъ, жившихъ въ Троицкомъ шпиталѣ. Такъ какъ подобныя записи послѣ 1785 г. не встрѣчаются, то можно думать, что въ этомъ году онъ былъ закрытъ. Въ этихъ записяхъ слово шпиталь нерѣдко замѣняется равнозначущимъ ему словомъ богадѣльня. Судя по числу ежегодно умиравшихъ въ богадѣльнѣ лицъ (отъ 2-хъ до 4-хъ), можно думать, что здѣсь призрѣвался не одинъ десятокъ нищихъ. Призрѣваемые назывались нищими и были разныхъ возрастовъ и половъ (отъ 18 до 75 лѣтъ). Бывали примѣры, что здѣсь доживали свой вѣкъ нѣкоторые изъ отставныхъ солдатъ. Есть указаніе на то, что въ богадѣльнѣ жили нищіе съ дѣтьми. Такъ въ записи за 1781 годъ сказано, что 28 мая въ богадѣльнѣ „умре нищій Иванъ Ивановъ сынъ Дубованъ 40 лѣтъ“, а „29 іюня того же года у шпиталѣ Ивана Иванова сына Дубована умре сынъ Михаилъ полугода“. Бывали случаи, когда епархіальное начальство опредѣляло въ богадѣльни лицъ, зараженныхъ расколомъ съ цѣлью содержать ихъ вблизи храма подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго священника. Такъ 13 декабря 1779 года десятоначальникъ и настоятель Троицкой церкви Борисъ Янкевичъ рапортовалъ харьковскому духовному правленію, что опредѣленный по силѣ указа правленія подъ его смотрѣніе въ Троицкій шпиталь прежде бывшій въ расколѣ слѣпецъ Федоръ Сердюковъ въ Троицкую церковь ежедневно на всякое славословіе ходитъ и во всѣ четыре поста истекшаго года исповѣдывался и пріобщался Святыхъ Тайнъ, и нынѣ находится въ добромъ состояніи и никакого подозрѣнія въ расколѣ за нимъ не имѣется. Въ 1784 году Янкевичъ доносилъ тому же правленію, что Сердюковъ съ 1-го октября 1783 г. въ церковь Божію на словословія ходить пересталъ и въ томъ же году въ Филипповъ постъ не исповѣдывался и Святыхъ Тайнъ не пріобщался. Въ 1785 г. Янкевичъ писалъ правленію, что Сердюковъ попрежнему не ходитъ въ церковь и увѣщаній его объ исповѣди и причащеніи исполнять не хочетъ. Очевидно, шпиталь могъ хорошо выполнять только свое прямое назначеніе—быть пріютомъ для нищихъ и увѣчныхъ. Какъ мы знаемъ, при Троицкомъ храмѣ существовала еще и обширная школа [3]).

[1]) Истор. стат. опис. Кафедр. Собора, стр. 272.

[2]) Филаретъ. Истор. стат. опис. Харьков. епархіи, II, стр. 45.

[3]) Рукописн. церковно-приходская лѣтопись Троицкой церкви Г. Харькова о. Николая Лащенка.

И такъ, при 6 харьковскихъ приходскихъ церквахъ было, по дошедшимъ до насъ документамъ, шесть братствъ и при двухъ изъ нихъ упомянуты шпитали; но въ дѣйствительности, надо полагать, и братствъ и особенно шпиталей было больше, потому, что свѣдѣнія о нихъ мы должны были заимствовать изъ случайныхъ упоминаній въ разнаго рода источникахъ.

Между прочимъ, благодаря такимъ случайнымъ указаніямъ, мы узнаемъ о существованіи въ Харьковѣ чрезвычайно любопытнаго женскаго религіознаго общества—*сестеръ Мироносицъ*; очевидно, вполнѣ соотвѣтствующаго мужскимъ церковнымъ *братствамъ*. Это женское религіозное общество, вѣроятно, находится въ извѣстной связи съ кладбищенскою церковью *женъ Мироносицъ*. „Надобно при этомъ вспомнить, говоритъ преосвященный Филаретъ, что въ 1701 году для Куряжскаго монастыря куплена была книга“ на общіе гроши сестеръ мироносицъ, жителей г. Харькова“—такъ говоритъ надпись на книгѣ. Какъ долго и въ какомъ видѣ существовало это общество благочестивыхъ женъ послѣ 1701 года, неизвѣстно. Но почти несомнѣнно, что живая память объ этомъ обществѣ подала мысль построить на кладбищѣ храмъ въ честь святыхъ женъ мироносицъ“ [1]). Быть можетъ, это общество ближайшею своею задачею ставило участіе въ похоронахъ, что, какъ извѣстно, входило и въ задачи братствъ; быть можетъ, потому оно и пріурочило себя къ кладбищенской Мироносицкой церкви.

Приведенные здѣсь факты свидѣтельствуютъ о развитіи среди харьковскаго населенія XVII—XVIII вѣковъ теплаго религіозно-нравственнаго чувства и настроенія. Церковный приходъ того времени представлялъ изъ себя живую общественную единицу, дѣйствовавшую безъ внѣшней стѣснительной регламентаціи, искренно, активно и сознательно на пользу своей церкви, приходского духовенства, элементарнаго образованія народа, матеріальной помощи нищимъ и калѣкамъ. Братства, школы и шпитали являлись учрежденіями, созданными и содержимыми самими прихожанами при храмѣ—прекрасными памятниками ихъ христіанскихъ добрыхъ чувствъ и заботы о меньшей братіи. И можно только пожалѣть о томъ, что они подъ вліяніемъ какихъ то неблагопріятныхъ обстоятельствъ должны были исчезнуть подъ часъ даже безъ замѣны новыми. Слабое развитіе нашей русской культуры вообще и нравственной въ частности въ значительной степени объясняется тѣмъ, что культурное наслѣдіе не всегда переходило отъ одного поколѣнія къ другому. Такъ было и съ проповѣдью нравственныхъ началъ Г. С. Сковороды: его идеи надолго оставались погребенными подъ спудомъ и явились на свѣтъ Божій уже въ видѣ ученія, извлеченнаго антикварнымъ путемъ изъ старинныхъ рукописей. Братства, школы и шпитали также не перешли путемъ естественной эволюціи въ новыя учрежденія и эти послѣднія приходилось насаждать искусственно какъ бы на почвѣ, совершенно къ нимъ не подготовленной, между тѣмъ, какъ раньше эта почва сама по себѣ безъ всякаго воздѣйствія сверху, давала богатый урожай...

О религіозномъ усердіи харьковцевъ свидѣтельствуетъ раннее появленіе храмовъ въ Харьковѣ, а также сравнительное обиліе ихъ въ нашемъ городѣ въ XVII—XVIII вѣкахъ. Мы видѣли, что большинство ихъ возникло во 2-й половинѣ XVII столѣтія, нѣкоторые же въ самые первые годы послѣ основанія Харькова. Роспись всѣхъ приходовъ 1724 года также приводитъ къ благопріятнымъ въ этомъ отношеніи выводамъ. Въ 10 тогдашнихъ приходахъ оказалось 1340 дворовъ, т. е. въ среднемъ по 134 двора на каждый приходской храмъ—цифра сравнительно незначительная. Самымъ малолюднымъ былъ приходъ Покровскаго монастыря (87 дворовъ), самымъ большимъ—Соборный приходъ (273 двора); остальные немного отступали отъ средней нормы.

Въ заключеніе намъ остается сообщить нѣсколько фактовъ, рисующихъ нравы тогдашняго духовенства и столкновеніе его съ прихожанами въ ферѣ тѣхъ же бытовыхъ отношеній. Факты

[1]) Истор. стат. опис. Харьков. епархіи, II, стр. 32. ср. I. стр. 64.

эти отрицательнаго характера, но безъ нихъ нарисованная нами картина получила бы одностороннее и потому неправильное освѣщеніе. Въ 1746 году харьковскій житель козакъ Якимъ Новицкій подалъ въ харьковское духовное правленіе жалобу, въ которой писалъ, что въ 1744—1745 г.г. его многократно ругалъ священникъ Михайловской церкви Лаврентій Кореницкій, называлъ его волшебникомъ, воромъ, шелвиромъ и другими непотребными словами; въ 1746 г. передъ многими людьми снова называлъ воромъ, заклиналъ его домъ и всячески ругалъ, чѣмъ причинялъ напрасный позоръ и обиду.

На того же священника Кореницкаго подалъ рядъ жалобъ его товарищъ по приходу священникъ Стефанъ Млодзинскій, ссылаясь на многихъ свидѣтелей. Въ 1745 г. былъ, онъ Стефанъ, у прихожанки Анны для составленія духовной; туда пришелъ и священникъ Кореницкій и началъ его несносно бранить, что слышали свидѣтели—Новицкій, Усъ, Коваль и Колачиха. Другой разъ онъ приходилъ въ его отсутствіе въ домъ и бранилъ несносными словами его жену, что слышалъ Таранецъ. Третій разъ, когда его жена шла мимо двора священника Кореницкаго, послѣдній выскочилъ со двора, снова началъ ее ругать непотребными словами, что слышали женщины—Молочна, Романиха и Грицайка. Въ 1746 году, при раздѣлѣ „кропила“ священникъ Кореницкій снова бранилъ и безчестилъ его непотребными словами, что слышали пономарь Стефанъ и дьячекъ Семенъ и въ чемъ утромъ онъ самъ извинялся въ присутствіи прихожанина Пековца. Другой разъ они, хотя съ молитвою, сошлись у прихожанина Артюха, гдѣ снова въ присутствіи послѣдняго его бранилъ священникъ Кореницкій. Еще разъ бранилъ его за церковную псалтырь, доказывая, что она принадлежитъ его матушкѣ, въ присутствіи прихожанъ Ковганца, Ганенка, Раяки, Сулы, Теслы и его товарищей. Снова бранилъ его непотребными словами за то, что въ церкви не было свѣчей, а потомъ просилъ за него письменно извиненіе духовникъ Дмитріевской церкви священникъ Григорій Петровъ. Опять бранилъ его несносно за то, что онъ будто-бы допытывался, кто ему, Кореницкому, далъ кожухъ; слышалъ это Верещаковскій обыватель Теличенко. Послѣдній разъ бранилъ его въ присутствіи Новицкаго, Торскаго и Удода.

Но скоро отъ словъ священникъ Кореницкій перешолъ къ дѣлу. Священникъ Млодзинскій пришелъ въ домъ Новицкаго, гдѣ въ это время съ хозяиномъ полудновали его мастера—гончары. Туда же явился и священникъ Кореницкій и началъ его ругать непотребными словами. Напрасно Млодзинскій его останавливалъ и усовѣщевалъ, говоря: „перестань, ради Бога, ссориться, дай мнѣ съ людьми посовѣтоваться“. Когда же это не привело ни къ чему, то Млодзинскій взялъ его за плечи, вывелъ съ хаты и хотѣлъ запереть дверь, потому что уже въ третій домъ вслѣдъ за нимъ ходилъ Кореницкій и бранилъ его, но Кореницкій съ великою яростью началъ драться и недопускалъ запирать дверей. Тогда Млодзинскій оттолкнулъ его отъ дверей—а онъ, уцѣпившись за полу Млодзинскаго, вытащилъ его за порогъ и, схвативши за волоса и бороду, упалъ на землю и рвалъ у него волосы. Хозяинъ хаты Новицкій и его гончары, видя такое нападеніе Кореницкаго на Млодзинскаго, съ великимъ трудомъ оторвали его руки отъ волосъ послѣдняго, при чемъ вырванные волосы съ бороды и головы Кореницкій спряталъ себѣ за пазуху.

Всѣ эти преслѣдованія вызывались, повидимому тѣмъ, что Кореницкій смотрѣлъ на Михайловскій приходъ, какъ на свой наслѣдственный, и не желалъ допускать въ него конкурента. Въ 1748 г. оба противника помирились съ „такимъ договоромъ, чтобы впредъ другъ другу ни подъ какимъ видомъ обиды и озлобленій не чинить“. Но въ концѣ года снова возникли распри на почвѣ дѣлежа доходовъ отъ хожденія съ молитвою, кропиломъ и за исповѣдь и въ утаиваніи денегъ Млодзинскій обвинялъ Кореницкаго. Въ 1749 году Млодзинскій снова жаловался, что Кореницкій часто угрожалъ ему смертью; будучи на поминовеніи грека

Николая, снова напомнилъ о неожиданной смерти въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „хотя ангелъ хранитель и сохранитъ разъ или два человѣка отъ безвременной смерти, однако, онъ отъ него не уйдетъ“.

Были столкновенія у священника Кореницкаго и съ прихожанами. Одинъ изъ нихъ, канцелярист Шишка, жаловался, что онъ хотѣлъ къ себѣ переманить его крѣпостную женщину. Другая прихожанка жаловалась, что онъ не хотѣлъ ее пріобщить Святыхъ Таинъ. По поводу послѣдней жалобы обвиняемый объяснилъ, что сама обвинительница оскорбила его, а онъ, не называя ее по имени, только громко въ присутствіи всѣхъ совѣтовалъ, чтобы „пребывающія въ злобѣ не дерзали впредь приступать къ причастію“.

Въ 1752 году казакъ первой сотни Андрей Топчей пригласилъ къ себѣ на свадьбу Харьковскаго городового атамана Петра Булгакова. Когда же всѣ встали изъ-за стола и *пошли на дворъ танцевать*, гдѣ для гостей поставили „ослончикъ“, на которомъ усѣлся и Булгаковъ, то вдругъ священникъ Николаевской церкви отецъ Иванъ ударилъ его рукою въ груди, сшибъ на землю съ „ослончика“, такъ что онъ Булгаковъ ударился головою о мерзлую землю; за тѣмъ не довольствуясь этимъ, снова ударилъ его въ груди, при чемъ „ослончикъ“ упалъ на него и поранилъ ему кожу; послѣ этого началъ ругать непотребными словами, называя богомерзкимъ некрещенымъ бусурманиномъ.

Въ 1749 году вдова Священника Рождественской церкви Агафія должна была, на основаніи судебнаго рѣшенія, получить со священника той же церкви о. Іоанна 50 рублей за „бой и увѣчье“, но онъ ихъ ей не уплачивалъ. Тогда она пожаловалась Бѣлгородскому епископу Іоасафу (Горленку), а тотъ указомъ Духовной Консисторіи на имя протопопа Харьковской Соборной церкви Григорія Александрова повелѣлъ немедленно взыскать съ него эту сумму, а если таковой въ наличности не окажется, то вычитывать ее изъ церковныхъ доходовъ этого священника и получать при этомъ по гривнѣ съ рубля пошлины въ пользу консисторіи.

Извѣстенъ по документамъ въ средѣ Харьковскаго духовенства одинъ случай того порока, которымъ страдали, нужно думать, очень многіе и въ свѣтской средѣ—пьянства.

„Въ 1752 году, говоритъ профессоръ А. С. Лебедевъ, Харьковской Рождественской церкви священникъ Іоаннъ Млодзинскій (вѣроятно тотъ самый, о которомъ говорилось выше) подалъ въ Харьковскую полковую канцелярію на Харьковскую жительницу Анну Кочержиху жалобу въ томъ, что она во время отправленія вечерняго пѣнія била его въ означенной церкви по щекамъ и за волоса за то, что онъ высылалъ ея дочь, дѣвку Федосью, изъ церкви, „понеже увѣдомился онъ, священникъ, отъ соборнаго звонаря Григорія, что показанная дѣвка родила трехъ дѣтей, прижитыхъ блудно и покрыла сама собою голову“ (извѣстно, что въ Малороссіи покрывали голову только замужнія женщины). На доношеніи протопопа о семъ происшествіи преосвященный Іоасафъ (Горленко) положилъ такую резолюцію, что по силѣ указа Императора Петра Великаго отъ 7 іюля 1722 года, дѣло о дѣтяхъ, прижитыхъ въ блудодѣйствѣ, подлежитъ свѣтскому суду, а о боѣ священника Кочержихою предписалъ протопопу обстоятельно наслѣдовать. Но при слѣдствіи оказалось, что по подачѣ жалобы священникъ успѣлъ уже съ Кочержихою помириться. Кочержиха дала именно слѣдующее показаніе: „9-го іюня пошла она съ дочерью своею Феодосьею въ церковь къ вечернѣ и пришедши стала на мѣстѣ своемъ близъ дверей; священникъ, по прочтеніи эктиніи, замѣтивъ въ церкви Федосью, направился къ ней съ книгою и сталъ говорить ей: „зачѣмъ ты въ церковь пришла, недостойно тебѣ въ церковь Божію ходить, понеже ты въ недавнемъ времени дитя родила“; затѣмъ, взявъ Федосью за плечо, началъ ее изъ церкви выводить; тогда Кочержиха, услыхавъ такія порочныя на ея дочь слова, побѣжала къ священнику и ударила его правою рукою, одинъ только разъ по щекѣ, а лѣвою схватила за волоса; подоспѣвшій къ священнику на помощь пономарь ото-

рвалъ отъ священника Кочержиху, и она съ дочерью пошла вонъ. А 15-го того же іюля просила она, Кочержиха, вмѣстѣ съ Харьковскими обывателями (поименованы) священника о прощеніи и потому ихъ прошенію онъ, священникъ, за свое безчестіе взялъ на церковь Божію три рубля да себѣ сукна тонкаго 6 локтей, сафьянъ и козлину и, по взятіи этихъ вещей, простилъ ее, Кочержиху, и дочь ея Федосью съ тѣмъ, чтобы впредь на нихъ нигдѣ челомъ не бить". Преосвященный Іоасафъ, сославшись на правило святыхъ, отецъ въ кормчей книгѣ въ главѣ 42-й напечатанное: „аще кто, во святую церковь вшедъ, епископу и причетникамъ или инымъ слугамъ церковнымъ досаду нанесетъ, такового муками казнить и въ заточеніе послать", а также и въ номоканонѣ: „аще кто ударитъ священника, да запретится лѣто едино; аще дастъ ему заушеніе или древомъ, да запретится три лѣта, аще и священникъ проститъ ему прегрѣшеніе", указомъ отъ 5 ноября 1753 года повелѣлъ: „упомянутую жонку Анну Кочержиху, сыскавъ въ Харьковское духовное правленіе, *учинить* ей, по силѣ прописаннаго церковнаго правила, *жестокое плетьми наказаніе* и по наказаніи отослать съ нарочнымъ на ея коштѣ въ Старооскольскій дѣвичій монастырь въ монастырскую работу на годъ [1]).

Кулачная расправа всегда ведетъ къ огрубѣнію нравовъ и часто вызываетъ реакцію со стороны тѣхъ, на коихъ направляется. Такъ было отчасти и въ данномъ случаѣ: священникъ побилъ вдову Агафью, другая женщина осмѣлилась поднять на него руку въ церкви. Очевидно, къ нему не было должнаго уваженія со стороны прихожанъ: и дѣйствительно, изъ одного оффиціальнаго документа мы узнаемъ, что онъ велъ постоянно нетрезвую жизнь.

Въ 1759 году Іоасафъ (Миткевичъ) отстранилъ священника Іоанна Млодзинскаго отъ должности и велѣлъ отправить на исправленіе въ Святогорскій Успенскій монастырь „за непрестанное пребываніе въ пьянствѣ, отъ каковой страсти, не смотря на многократныя обѣщанія, онъ никакъ не могъ освободиться, во избѣжаніе соблазна прихожанъ" [2]).

Къ тѣлеснымъ наказаніямъ прибѣгала иногда епархіальная власть и по отношенію къ монахамъ. Въ 1749 году преосвященный Іоасафъ (Горленко) постановилъ лишить іеромонашескаго и монашескаго чина двухъ монаховъ Харьковскаго Покровскаго монастыря, жестоко наказать ихъ плетьми и сослать въ пожизненную ссылку въ монастыри за то, что они убѣжали изъ монастыря и подѣлали себѣ фальшивые паспорты [3]).

---

[1]) А. С. Лебедева. Бѣлгородскіе архіереи, стр. 101—102.

[2]) А. С. Лебедева. Бѣлгород. архіереи, стр. 103—104.

[3]) Всѣ эти факты взяты изъ дѣлъ архива Харьков. Духовн. Консисторіи.

Глава 12-я.

Школы и образованіе.

На развитіе образованія и культуры въ Харьковскомъ краѣ оказали могущественное вліяніе два фактора, изъ коихъ одинъ имѣлъ положительныя, а другой отрицательныя послѣдствія. Главными колонизаторами его были малороссіяне, выселившіеся изъ Заднѣпровской Украины — они принесли съ собою довольно значительные культурные зачатки и между прочимъ любовь и расположеніе къ школьному образованію. Дальнѣйшее развитіе этихъ зачатковъ зависѣло уже отъ мѣстныхъ условій, но среди этихъ послѣднихъ одно основное дѣйствовало въ этомъ отношеніи задерживающимъ образомъ—это именно татарскіе набѣги, заставлявшіе населеніе затрачивать свои силы не на созиданіе культуры, а на защиту ея отъ кочевниковъ; въ особенности это нужно сказать о второй половинѣ XVII-го вѣка, когда Слободская Украина являлась передовымъ оплотомъ Московскаго государства отъ татаръ. Въ такомъ же положеніи были и жители г. Харькова. Первоначальное основное ядро его населенія вышло изъ Заднѣпровья и принесло съ собою любовь къ школѣ, духовному образованію и литературѣ, любовь, развившуюся тамъ благодаря необходимости бороться литературнымъ путемъ съ уніей; разсадниками школъ, типографій и литературы являлись тамъ церковныя братства, членами которыхъ были не только духовныя, но и свѣтскія лица и даже, можно сказать, преимущественно эти послѣднія.

Великорусское населеніе Харькова въ XVII в. въ общемъ, какъ мы видѣли, незначительное, состояло изъ служилаго элемента, который не имѣлъ прочныхъ связей съ городомъ и почти исключительно преданъ былъ военнымъ занятіямъ; его выводили изъ украинныхъ великорусскихъ городовъ, гдѣ онъ также несъ трудную службу воиновъ-порубежниковъ. При такихъ условіяхъ общій тонъ культуры давало малорусское населеніе города и Харьковъ выступаетъ передъ нами съ обычными чертами малорусской духовной жизни, носящими въ московскихъ актахъ характерное названіе „старочеркасскихъ обыкностей“.

Въ сферѣ умственной жизни „эта обыкность“ выражалась въ устройствѣ школъ, братствъ и шпиталей. Основная причина для устройства этихъ общественныхъ учрежденій исчезала (унія), но осталась и на новыхъ мѣстахъ привычка къ нимъ, поддерживаемая впрочемъ до извѣстной степени потребностью жизни: нужно было заботиться о храмѣ, призрѣвать убогихъ и калѣкъ, учить грамотѣ дѣтей; когда появились въ Харьковѣ братства и школы, мы къ сожалѣнію не знаемъ, но предполагаемъ по аналогіи, что еще въ XVII-мъ вѣкѣ, потому что въ это время существовала уже школа при Николаевскомъ храмѣ въ Ахтыркѣ; Харьковъ былъ также тогда полковымъ городомъ и имѣлъ такую же нужду въ школѣ, какъ и Ахтырка; говоримъ „нужду“, потому что въ такихъ школахъ получали образованіе и лица, готовившіяся къ занятію священно и церковно служительскихъ мѣстъ. Попадались среди нихъ и такія, вся жизнь которыхъ проходила въ странствіяхъ; таковъ, напримѣръ, былъ Козьма Порадинъ, бродившій 50 лѣтъ и побывавшій кромѣ Харьковской и въ Воронежской губ. и на Дону то въ должности

дьячка и учителя, то въ должности частнаго преподавателя въ помѣщичьихъ семьяхъ. Совершенно аналогичное явленіе имѣло мѣсто и въ Малороссіи. „Школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный“ гласитъ старинная народная пословица. Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ навсегда въ качествѣ дьяковъ или же помощниковъ мѣстнаго дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ треволненій и злоключеній. Такъ изъ самыхъ условій жизни выработалась въ старинной Малороссіи своего рода передвижная школа изъ бродячихъ школьниковъ, которые быстро превращались въ мандрованныхъ дьяковъ [1]). Программа преподаванія въ этихъ школахъ была несложна: она ограничивалась обученіемъ „граматкѣ“ (букварю), письму, чтенію часослова и псалтыря и восьми гласному церковному пѣнію; но она удовлетворяла тогдашней потребности народа. Все въ этихъ школахъ было близко народу—и самое школьное зданіе, и личность учителя—дьячка, который представлялъ переходную ступень между духовенствомъ и свѣтскимъ обществомъ, и програма ученія, и языкъ преподаванія (родной населенію—малорусскій), и бытовая обстановка, и школьные обычаи—эти спѣвки школяровъ, эта обрядовая каша по случаю окончанія ученія, эти отпуски въ лѣтнее время для ловли рыбы, собиранія орѣховъ, это распѣваніе учениками данныхъ учителемъ праздничныхъ виршей. Конечно, съ нашей современной точки зрѣнія школы эти были весьма несовершенны, но для своего времени онѣ были удовлетворительны и принесли огромную пользу. Не слѣдуетъ забывать также, что онѣ возникли внѣ всякой правительственной помощи, по иниціативѣ самого народа, сознавшаго тогда уже пользу грамоты, и были обязаны, слѣдовательно, своимъ происхожденіемъ тому духу общественности, который выработалъ въ себѣ малорусскій народъ подъ вліяніемъ опасностей, грозившихъ въ Польшѣ.

Впрочемъ нужно замѣтить, что школы эти не были духовными училищами, какъ предполагалъ Г. П. Данилевскій, а народными или, точнѣе говоря, всесословными. Въ XVIII в. ими усѣяна была уже вся Слободская Украина: онѣ были не только въ городахъ, но и въ селахъ и при томъ не однихъ казачьихъ, но и во владѣльческихъ. Въ 4-хъ полкахъ ихъ было болѣе 129: одна школа приходилась въ 1732 г. на 2373 чел., а въ 1884 г.—на 4270 душъ. Значитъ процентное отношеніе числа учащихся къ населенію въ серединѣ 80-хъ годовъ XIX-го вѣка было почти такое же, какъ и во 2-й четверти XVIII вѣка. Въ Харьковѣ въ 1732 году было 5 школъ при четырехъ церквахъ. При нихъ жили такъ называемые „школьники“, т. е. школьные учителя, каковыми были особые дьячки и ихъ помощники, обучавшіеся у нихъ искусству преподаванія. „Школьники“ или иначе „молодыки“, прошедшіе школьный курсъ, часто переходили съ одного мѣста на другое, отъ одного дьячка къ другому, чтобы усовершенствоваться въ педагогической премудрости того времени, тѣмъ болѣе что учителя открывали ее не сразу да и сами владѣли ею не въ одинаковой степени; тоже дѣлали и дьяки, которые по большей части не были посвящены въ стихарь, не были утверждены въ своей должности духовнымъ начальствомъ и исправляли свои обязанности по договору съ прихожанами. Такъ выработался типъ мандрованаго дьяка учителя (отъ нѣмецкаго слова wandern—странствовать) [2]).

Школьныхъ учителей—„молодыковъ“ жило въ Харьковскихъ школахъ 19 душъ, не считая тѣхъ дьячковъ, которые занимали эту должность при церквахъ. При Успенской Соборной церкви было двѣ школы; при одной изъ нихъ было три дьячка—Матвѣй Никитичъ Бакушевъ

[1]) Мысли о нар. малорус. думахъ П. Житецкаго. К. 1893, стр. 45.

[2]) Д. И. Багалѣя. Заселеніе Харьк. края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Х. 1889 стр. 23—28; Д. И. Багалѣя. Опытъ исторіи Харьк. Универс. т. I-й, Х. 1893—1898, стр. 1093—1100.

22 лѣтъ, Гордѣй Зиновьевъ—20 лѣтъ, Тарасъ Павловичъ Коросевичъ 20 лѣтъ; при другой—одинъ дьякъ Игнатъ Климовичъ Четвертакъ—30 лѣтъ съ 2 малолѣтними сыновьями; при Троицкой церкви была третья школа съ 8 дьяками—Лаврентіемъ Васильевымъ 35 лѣтъ, Павломъ Ѳедоровымъ 20, Тимофеемъ Богдановымъ 40, Игнатомъ Ивановымъ 15, Яковомъ Петровымъ 10, Ефимомъ Лавриновымъ 15, Павломъ Михайловымъ 30, Лукьяномъ Степановымъ 16; при Благовѣщенской церкви четвертая школа съ однимъ дьячкомъ Степаномъ Максимовичемъ Лупикой 25 лѣтъ; при Воскресенской церкви пятая школа съ однимъ дьякомъ Иваномъ Мироновичемъ Волковскимъ 25 лѣтъ, и тремя „школьниками"—Степаномъ Ивановичемъ Самойленкомъ 20 лѣтъ, Матвѣемъ Тимофеевичемъ Абухомъ 40 лѣтъ и Лукьяномъ Павловымъ 40 лѣтъ [1]). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно число учащихся въ этихъ школахъ. Но мы возьмемъ самую умѣренную цифру 30 человѣкъ на школу (такое число было въ одной изъ сельскихъ школъ, а Харьковскія городскія должны были, конечно, быть многолюднѣе). Число жителей въ Харьковѣ въ это время было приблизительно $7^1/_2$ тысячъ человѣкъ обоего пола; слѣдовательно, одна школа въ немъ приходилась ровно на 1500 человѣкъ; по такому расчету въ настоящее время, при 200000 жителей, должно было бы быть въ Харьковѣ 133 элементарныя школы съ 3990 человѣкъ учащихся. Въ 1732 году одинъ учащійся приходился на 50 душъ жителей. Какъ долго просуществовали эти Харьковскія школы и какова была дальнѣйшая судьба ихъ, не извѣстно. Изъ одного только случайнаго указанія открывается, что школа при Троицкомъ приходѣ была еще повидимому въ 1787 году, потому что въ это время на ремонтъ школьнаго зданія было израсходовано 27 р. 60 к. [2]). Въ другихъ случаяхъ, эти школы исчезли подъ давленіемъ (прямымъ или косвеннымъ) новыхъ школъ Екатерининскаго и Александровскаго царствованія, съ ихъ регламентаціей, новыми программами, новыми порядками, новыми учителями и новой администраціей. Какъ бы то ни было, историкъ Харькова долженъ съ чувствомъ глубокой признательности вспомнить о заслугахъ въ дѣлѣ первоначальнаго народнаго образованія харьковскихъ приходскихъ школъ. Эти послѣднія возникли по иниціативѣ самого населенія, содержались на его счетъ и были созданы тогдашними церковными приходами, при дѣятельномъ, живомъ участіи приходскаго духовенства, поддержавшаго прочныя нравственныя связи съ прихожанами. На почвѣ этого единенія и выросли три симпатичныя и полезныя приходскія учрежденія—школы, братства и шпитали, тѣсно связанныя также и другъ съ другомъ.

Кромѣ пяти элементарныхъ школъ въ Харьковѣ существовала перенесенная съ Бѣлгорода архіерейская школа, получившая названіе Харьковскаго Коллегіума [3]) и переименованная

---

[1]) Харьк. Кал. на 1885-й годъ, стр. 649.

[2]) Неизданная рукописная „Церковноприходская лѣтопись Троицкой церкви" прот. О. Н. Лащенка.

[3]) О Харьк. Коллегіумѣ существуетъ нѣсколько изслѣдованій и статей. Самыя древнія свѣдѣнія о немъ находятся въ Топографическомъ описаніи Харьков. Намѣстничества, изданномъ въ 1788 году и перепечатанномъ Харьк. Губ. Стат. Ком. въ 1888 году подъ моей редакціей (стр. 59—63). Здѣсь разсказана исторія возникновенія Коллегіума и приведена жалованная грамота ему Имп. Анны Іоановны. Затѣмъ въ Харьковскомъ календарѣ на 1809 годъ, переведенномъ съ польскаго языка, есть двѣ статьи, посвященныя Харьковскому краю, и одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ исторію Харьковскаго Коллегіума. Она любопытна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ въ хронологическомъ порядкѣ краткія свѣдѣнія о всѣхъ ректорахъ Коллегіума до 1809-го года и всѣхъ выдающихся воспитанникахъ его. Третья статья („Основаніе Харьк. Коллегіума, нынѣшней духовной семинаріи") помѣщена въ „Молодыкѣ" Бецкаго. Х. 1843 г., стр. 1—32; это также нѣчто вродѣ оффиціальной записки. Здѣсь любопытны письма въ Коллегіумъ князя А. Голицына, свѣдѣнія о библіотекѣ и списокъ ректоровъ (съ обозначеніемъ времени ихъ управленія) и префектовъ. Въ описаніи Харьк. Покровскаго монастыря. Пр. Филарета (въ его Историко-Стат. описаніи Харьковской епархіи, изданномъ въ 1852 г., Отдѣл. 1-е, стр. 35—52) немного свѣдѣній о Коллегіумѣ. Значительное количество новыхъ данныхъ заключается въ статьѣ священника о. Дми-

въ XIX в. въ духовную семинарію. Хотя она была учреждена Бѣлгородскимъ епископомъ и представляла изъ себя духовную школу для воспитанія будущихъ священниковъ, но въ ея внутреннемъ строѣ были особенности, дѣлавшія ее какъ бы всесословною среднею школой и въ сильной степени расширявшія ея образовательное вліяніе на мѣстную среду. Духовный регламентъ Петра Великаго обязывалъ архіереевъ учреждать школы при ихъ домахъ и монастыряхъ и одна изъ нихъ была устроена въ 1722 г. въ Бѣлгородѣ, который служилъ мѣстопребываніемъ Бѣлгородскихъ епископовъ, управлявшихъ въ то время и Слободской Украйной; въ основу преподаванія въ ней положена была программа, царившая въ духовныхъ школахъ югозападной Руси. Въ 1726 г. Главнокомандующій на Украйнѣ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ убѣдилъ основателя Бѣлгородской школы епископа Епифанія Тихорскаго перевести ее въ Харьковъ, что, конечно, должно было сильно возвысить этотъ послѣдній. Главными устроителями новаго училища были—епископъ Епифаній и Кн. М. М. Голицынъ. Для помѣщенія училища отведенъ былъ купленный Епифаніемъ домъ Шидловскаго [1]), къ которому сдѣланы были необходимыя пристройки. Затѣмъ къ училищу приписана бывшая приходская каменная Покровская церковь, обращенная въ Покровскій монастырь. Такъ возникъ Коллегіумъ, состоявшій при Покровскомъ училищномъ монастырѣ. На содержаніе этого училищнаго монастыря, учителей и учениковъ школы шла, во 1-хъ, 1/20 доля доходовъ съ монастырей и 1/30 съ приходскихъ по епархіи церквей, но главный доходъ стали давать собственныя имущества, которыми щедро наградили его Кн. М. М. Голицынъ, еп. Епифаній и другіе жертвователи.

Харьковъ и вся Украйна отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ новому учебному заведенію, которое должно было учить „всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только піитикѣ, реторикѣ, но и философіи, богословіи, славянскому, греческому и латинскому языкамъ“ и вести преподаваніе на русскомъ языкѣ (выраженіе жалованной грамоты Имп. Анны

трія Ѳедоровскаго, помѣщенной въ Петербургскомъ журналѣ „Духовная Бесѣда“ за 1863 г. (№ 23, стр. 169—202, № 24, стр. 224—234 и № 27, стр. 344—360). Авторъ (воспитанникъ и наставникъ Коллегіума) пользовался архивомъ Коллегіума, хотя въ очень недостаточной степени. Онъ подробно останавливается на матеріальныхъ средствахъ Коллегіума, говоритъ о роли въ судьбѣ его князей Голицыныхъ, о программѣ его въ XIX в., о наставникахъ его—Сковородѣ, Шванскомъ и Прокоповичѣ и наконецъ перечисляетъ замѣчательныхъ питомцевъ его. Богатствомъ фактическихъ данныхъ, но несистематичностью изложенія отличается брошюра П. С—ва, первоначально появившаяся на страницахъ „Харьк. Епарх. Вѣд.“ 1880 г. и основанная почти исключительно на матеріалахъ Коллегіумскаго архива. Въ ней особенно подробно говорится о матеріальныхъ средствахъ Коллегіума, о помѣщеніи и содержаніи учителей и учениковъ, о количествѣ этихъ послѣднихъ; есть данныя о жизни Коллегіума въ XIX в. Но самымъ интереснымъ трудомъ по исторіи Коллегіума является прекрасное, вполнѣ ученое изслѣдованіе о немъ проф. Харьк. Универ. Амфіана Степановича Лебедева „Харьковскій Коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ Университета“, Изданіе Имп. Общ. Исторіи и древностей Рос. при Моск. университетѣ. М. 1886 (изъ 1-й книги „Чтеній за 1886 годъ“,) 103 страницы (въ томъ числѣ 31 стр. текста, остальное документы). Оно основано на неизданныхъ документахъ Х. Духовной семинаріи, Харьковской и Курской духовныхъ консисторій и Курскаго Знаменскаго монастыря. Авторъ, не желаетъ повторять сказаннаго другими, а имѣетъ цѣлью только восполнить недостающее. Авторъ останавливается на матеріальныхъ средствахъ Коллегіума, подробно говоритъ о его программахъ и методахъ и особенно много о его просвѣтительномъ вліяніи. Въ приложеніи помѣщены любопытные неизданные матеріалы, послужившіе основаніемъ для заключеній А. С. Лебедева. Въ Дух. Бес. за 1863 годъ была помѣщена еще замѣтка проф. Чистовича. Мы пользовались всѣми этими трудами, взаимно пополняющими и отчасти исправляющими другъ друга (напримѣръ, въ вопросѣ о матеріальныхъ средствахъ Коллегіума), а также новыми неизданными матеріалами.

[1]) Домъ этотъ купленъ былъ у полк. Лаврентія Шидловскаго за 500 р. ассигнаціями, какъ это видно изъ купчей крѣпости 1726 г. (О. Д. Ѳеодоровскаго. Очеркъ Исторіи Харьк. Дух. Кол. въ Дух. Бес., 1863 г., № 23, стр. 171). Въ этомъ домѣ Коллегіумъ находился до 1850 года (Ibidem).

Іоанновны) [1]). Кн. М. М. Голицынъ пожаловалъ Коллегіуму подданическое село Песочки съ хуторами въ Валковскомъ уѣздѣ, а Епифаній на свои средства покупалъ для него владѣнія и приписалъ пустыни. „Изъ копій крѣпостныхъ актовъ на недвижимыя имущества, принадле-

Епіфаній Епископъ Бѣлгородскій

жавшія Коллегіуму, видно, что въ самомъ городѣ Коллегіуму и училищному монастырю въ то время принадлежало болѣе 30 дворовыхъ мѣстъ, съ разными постройками, садами, огоро-

[1]) Подлинная грамота эта на пергаментѣ хранится въ Семинарской библіотекѣ (Ibidem); напечатана впервые она была въ „Топогр. описаніи Харьк. Нам.".

дами, левадами, что въ числѣ ихъ были постоялые дворы, питейные дома, пивоварни и другія заведенія и угодья. Большая часть изъ нихъ была пожертвована Харьковскими жителями, какъ духовными, такъ и свѣтскими на вновь заводимыя славяно-греко-латинскія школы съ 1726 по 1736 г., чтобы питомцы за это поминали своихъ благотворителей. Лучшія угодья, въ окрестностяхъ г. Харькова, также принадлежали Коллегіуму, какъ-то: луги, левады, вишневые сады, огороды; изъ нихъ часть сохранилась донынѣ подъ Холодною Горою, подъ именемъ „архіерейскихъ левадъ". Харьковскому Покровскому монастырю въ Харьковѣ принадлежала слободка Клочковка, находившаяся тамъ, гдѣ теперь Клочковская улица [1]). Кромѣ того, по его же ходатайству, Коллегіуму были предоставлены доходы отъ Каплуновской Иконы Богоматери [2]). Правда сейчасъ послѣ смерти Епифанія нѣкоторыя изъ этихъ доходныхъ статей были присвоены архіерейскимъ домомъ, но Синодальнымъ Указомъ снова возвращены ему. Впрочемъ собственникомъ недвижимыхъ имѣній сталъ считать себя монастырь, удѣлявшій на Коллегіумъ только часть доходовъ, а съ 1764 г., когда Коллегіуму назначено было содержаніе Правительствомъ, и вовсе прекратившій такую выдачу. Во время секуляризаціи церковныхъ имуществъ, всѣ имѣнія Покровскаго монастыря были отобраны въ казну. 1/20 и 1/30 доли поступали также неисправно: не только бѣдные, но и богатые церкви и монастыри ходатайствовали объ освобожденіи ихъ отъ этого налога въ виду того, что Коллегіумъ обезпеченъ земельными имуществами [3]). Такимъ образомъ, не смотря на кажущуюся матеріальную обезпеченность, Коллегіумъ все таки нуждался въ средствахъ; въ особенности это нужно сказать относительно его воспитанниковъ. Высочайшимъ Указомъ 1765 года 1/20 и 1/30 доли были отмѣнены и вмѣсто того велѣно отпускать изъ Коллегіумской экономіи по 816 р. 39 3/4 коп. Послѣ секуляризаціи Коллегіумъ былъ совершенно отдѣленъ отъ Покровскаго монастыря и помѣщался только въ двухъ дворовыхъ мѣстахъ, именно въ Коллегіумскомъ, пріобрѣтенномъ отъ Изюмскаго полковника Лаврентія Шидловскаго (бывшемъ дворовомъ мѣстѣ Свѣтлѣйшаго Князя Димитрія Константиновича Кантемира) и въ другомъ, гдѣ нынѣ находятся Харьковскія Духовныя Уѣздныя училища подъ именемъ бурсы. Изъ древнихъ актовъ на владѣнія Коллегіумскія видно, что дворовое мѣсто бурсы было пожертвовано вдовою сотника Данінла Леонтіева Черняка, Агаѳіею Григорьевою, дочерью 1729 года въ вѣчное богомолье къ новоустрояемымъ Славяно-греколатинскимъ школамъ и самый актъ на уступку ихъ совершенъ въ ратушѣ села Тишковъ. Вѣроятно, что съ теченіемъ времени дворовыя мѣста и угодья Коллегіума, въ городѣ и внѣ его, проданы были для устройства болѣе удобнаго помѣщенія училища. Самый дворъ былъ расширенъ пріобрѣтеніемъ дворовыхъ мѣстъ отъ Харьковскихъ жителей: Шаповала, Чигиринскаго, Кисиленка и другихъ. На другомъ дворовомъ мѣстѣ стараніемъ преосвященнаго Самуила Бѣлгородскаго въ 1770 году построенъ большой одноэтажный каменный корпусъ, извѣстный подъ именемъ Бурсы для помѣщенія въ немъ воспитанниковъ—сиротъ духовнаго званія. Постройка эта была произведена какъ на счетъ доходовъ, получаемыхъ отъ Каплуновской иконы Божіей Матери, такъ и другихъ суммъ, испрошенныхъ преосвященнымъ для этой цѣли отъ доброхотнаго подаянія. Впослѣдствіи доходы, получаемые отъ иконы Каплуновской Божіей Матери въ пользу Коллегіума, съ 1780 года отошли въ казенное вѣдомство, а взамѣнъ ихъ положено было, по новымъ штатамъ, отпускать на Коллегіумъ только по 2000 рублей въ годъ на всѣ расходы". И эти средства отпускались до 1817 года. Особую заботу о матеріальныхъ

[1]) Дух. Вес. 1863, № 23, стр. 176; Харьк. Кал. на 1885 г., стр. 652—653.

[2]) Ежегодный доходъ по этой статьѣ простирался до 600 рублей (Очеркъ исторіи Харьковскаго Коллегіума И. С—ова Х. 1881, стр. 39).

[3]) Сначала этотъ сборъ поступалъ натурою (хлѣбомъ), потомъ деньгами; денегъ собиралось ежегодно по 1000 и болѣе рублей (Очеркъ Харьковскаго Коллегіума И. С-ова. Х. 1881, стр. 38).

нуждахъ Харьковскаго Коллегіума проявляла фамилія Князей Голицыныхъ, продолжавшая традицію основателя Коллегіума фельдмаршала Кн. М. М. Голицына. Сынъ его Дмитрій Михайловичъ пожертвовалъ 10000 р., Марья Петровна Шереметьева, урожденная княжна Голицына, пожертвовала 10000 р. въ пользу бѣдныхъ учениковъ Коллегіума и еще 10000 р. для нихъ и для поощренія наставниковъ (французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики и рисованія). Двоюродный братъ Димитрія Михайловича Александръ Михайловичъ пожертвовалъ 5000 р. въ пользу бѣдныхъ учениковъ. Знаменитый меценатъ просвѣщенія графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, родной племянникъ по матери Кн. М. М. Голицына, пожертвовалъ 2000 р., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нихъ чеканились серебряныя медали для учениковъ и покупались учебныя пособія. Изъ всего этого составился особый фондъ въ 35000 р., изъ котораго получалось 1750 р. процентовъ. На нихъ содержалось 15 лучшихъ учениковъ въ Сиропитательномъ домѣ, преимущественно изъ дворянскихъ дѣтей [1]). Въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ Коллегіума стояло матеріальное обезпеченіе его преподавателей и казеннокоштныхъ питомцевъ: оно было скудно и колебалось въ связи съ доходами Коллегіума. При Епифаніи Тихорскомъ учителя 1-й и 2-й школы получали, при готовомъ содержаніи отъ монастыря, по 5 р. въ годъ, 3-й, 4-й и 5-й—по 8 р., 6-й—по 12 р. учитель философіи по 14 р., итого расхода было на жалованье 60 р. въ годъ. При архіепископѣ Досифеѣ ректоръ получалъ 100 р., учитель богословія 60 р., философіи 40 р., риторики 25 р., остальные по 15 р., итого 300 р. При епископѣ Лукѣ Конашевичѣ въ 1757 г. расходовалось на жалованье учителямъ 335 р., при Іоасафѣ Миткевичѣ—445 р. На содержаніе бурсы за 8 лѣтъ (съ 1745 по 1753-й годъ) было издержано всего 82 р., т. е. по 8 р. съ копѣйками въ годъ. Въ 1757 г. на бурсу и пропитаніе жившихъ въ ней бѣдныхъ учениковъ, на ихъ одежду, дрова и свѣчи положено было 200 р. При Іоасафѣ Миткевичѣ издерживалось на нее уже по 290 рублей въ годъ. Съ 1765 года, т. е. со времени реформы Щербинина, увеличено было жалованье учителей: имъ выдавалось теперь 566 р., но они лишены были за то монастырскаго содержанія; на казеннокоштныхъ питомцевъ бурсы истрачено было 250 р. и сверхъ того отпущена была натурою часть продуктовъ изъ монастыря, а всѣхъ ихъ бывало тогда отъ 50 до 80 человѣкъ, т. е. на каждаго приходилось maximum 5 рублей. Въ концѣ вѣка нѣкоторые учителя стали получать серьезную прибавку изъ процентовъ на капиталы, пожертвованные Голицыными [2]).

Такова была матеріальная сторона въ жизни Коллегіума. Обратимся теперь къ постановкѣ учебнаго дѣла и просвѣтительному вліянію Коллегіума. Программа преподаванія была въ Коллегіумѣ очень широка. „Уже при Епифаніи, говоритъ проф. А. С. Лебедевъ [3]), изъ Коллегіума отправлено было заграницу—въ Германію нѣсколько молодыхъ людей для приготовленія ихъ къ учительскому званію въ Коллегіумѣ. Нѣсколько позднѣе, при Петрѣ Смѣличѣ, кругъ преподаванія Коллегіумскаго расширенъ введеніемъ въ него математики и геометріи, а также

[1]) Дух. Бес. 1863 г. № 23, стр. 179 и др.

[2]) Очеркъ исторіи Харьковскаго Коллегіума П. С-ова. Х. 1881, стр. 39, 40, 42, 43, 52, 53, 69.

[3]) Харьк. Кол., какъ просвѣтительный центръ Слоб. Укр., стр. 9.

языковъ французскаго и нѣмецкаго, для преподаванія которыхъ вызваны и особые учителя изъ заграницы, а также выписаны потребныя для преподаванія книги и инструменты. Въ это время Коллегіумъ, какъ учебное заведеніе, стоялъ уже высоко и составлялъ гордость не только края, но и всей Россіи. Когда въ 1739 году названный архіепископъ Петръ Смѣличъ, по причинѣ свирѣпствовавшей въ Харьковѣ эпидеміи, перевелъ Коллегіумъ въ свою архіерейскую слободу Грайвороны, помѣстивъ его тамъ въ своихъ архіерейскихъ хоромахъ, и хотѣлъ было оставить тамъ и по минованіи эпидеміи, Св. Синодъ писалъ ему, что „таковымъ знатнымъ училищамъ въ селахъ быть весьма неприлично, а найпаче отъ внѣшнихъ странъ имѣетъ быть не безъ зазрѣнія“. Введеніе, при томъ еще такое раннее, въ составъ Коллегіумскаго преподаванія названныхъ предметовъ составляетъ выдающуюся особенность Харьковскаго Коллегіума предъ другими школами духовнаго вѣдомства, въ которыхъ новѣйшіе языки являются въ качествѣ преподаваемыхъ предметовъ только съ половины, болѣе уже къ концу XVIII вѣка, а математика и геометрія и совсѣмъ были почти невѣдомы до самаго преобразованія (въ 1808 г.) духовныхъ училищъ. Въ дальнѣйшемъ существованіи Коллегіумъ неуклонно слѣдовалъ по пути, намѣченному для него Петромъ Смѣличемъ, всегда съ особеннымъ вниманіемъ относясь къ практически примѣнимымъ знаніямъ“.... Въ своей иструкціи (1769 г.) Преосвященный Самуилъ высказываетъ большую заботу объ изученіи въ Коллегіумѣ новыхъ языковъ. Съ цѣлью пріобрѣсти искусныхъ преподавателей по этимъ предметамъ онъ отправилъ на свой счетъ въ Германію двухъ воспитанниковъ старшаго богословскаго класса. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ заботились и о подъемѣ русскаго языка: по программѣ былъ классъ россійской грамматики, риторики и поэтики. На этомъ языкѣ (а не на латинскомъ) велись диспуты, говорились проповѣди. Изъ двухъ классическихъ языковъ большое вниманіе удѣлялось греческому и при томъ въ его практическомъ примѣненіи: нѣкоторые ученики не только писали на этомъ языкѣ, но владѣли разговорною рѣчью и пѣли вмѣстѣ съ природными греками по гречески на клиросѣ во время совершенія богослуженія на этомъ языкѣ, а съ цѣлью практическаго изученія новогреческаго языка ѣздили въ Нѣжинъ, гдѣ была греческая колонія. Въ 1768 г. программа преподаванія въ Коллегіумѣ расширилась, благодаря учрежденію такъ называемыхъ „прибавочныхъ классовъ“, предназначенныхъ для дворянскихъ дѣтей; классы эти могли посѣщать и питомцы Коллегіума, а въ программѣ ихъ царила математика и новые языки. Въ 1795 году архіепископъ Ѳеоктистъ ввелъ въ программу преподаванія Коллегіума еще физику и естественную исторію. Въ самомъ концѣ XVIII-го вѣка въ Коллегіумѣ, такимъ образомъ, преподавались—богословіе, философія, естественная исторія, физика, риторика, піитика, математика, ѳика, исторія, географія, музыка, рисованіе, русскій, латинскій, греческій, французскій и нѣмецкій языки. Нѣкоторые изъ предметовъ, преподававшихся въ Коллегіумѣ, не были обязательны для учащихся, но тѣмъ не менѣе изучались ими. Вотъ нѣкоторыя цифровыя данныя въ этомъ отношеніи. Въ 1772 г. въ классѣ латинской поэзіи былъ 61 ученикъ; изъ нихъ добровольно обучалось греческому языку 3, французскому 3, нѣмецкому 2, ариѳметикѣ 6, рисованію 4, всего 24; россійской же элоквенціи, поэзіи, исторіи и географіи всѣ 61; въ классѣ риторики было 58; изъ нихъ обучались добровольно греческому языку 7, французскому 17, нѣмецкому 4, ариѳметикѣ 9, всего 38, россійской элоквенціи, исторіи и географіи всѣ; въ классѣ философіи былъ 81 уч.; изъ нихъ греческому языку обучалось 8, нѣмецкому 21, французскому 7, ариѳметикѣ 8, геометріи 1, всего 45. Въ 1779 году въ классѣ поэзіи было 116 человѣкъ, изъ коихъ греческому языку обучалось 3, нѣмецкому и французскому—по 1, ариѳметикѣ 3, всего 8, исторіи и географіи—всѣ. Въ 1781 году всѣхъ учащихся было 529, въ томъ числѣ слушавшихъ добровольно греческій языкъ 46, нѣмецкій 21, французскій 18, ариѳметику 15, геометрію 9, всего 109, слушавшихъ исторію и географію 241; въ философ-

скомъ классѣ было 52 ученика, изъ коихъ греческому языку обучалось 6, нѣмецкому 4, французскому 2, ариѳметикѣ 8, геометріи 3, рисованію 2. Въ 1783 году въ богословскомъ классѣ было 61, изъ коихъ греческому, французскому языку и ариѳметикѣ училось по 4, нѣмецкому языку—1. Въ 1787 году общее число учащихся равнялось 561; изъ нихъ греческому языку училось 38, нѣмецкому 34, французскому 20, ариѳметикѣ 83, геометріи 6, рисованію 6, геодезіи 1, всего 188; исторіи и географіи 292. Въ 1790 году учившихся ариѳметикѣ было 67, нѣмецкому языку 40, рисованію 23, геометріи 3. Въ 1791 году всѣхъ учениковъ было 459, изъ коихъ греческому языку обучалось 159, нѣмецкому 33, ариѳметикѣ 26, рисованію 22, французскому 4, геометріи 2, стереометріи 1, всего 247 человѣкъ. Въ 1793 году греческому языку училось 57 душъ, ариѳметикѣ 42, рисованію 40, геометріи 3, французскому языку 2, нѣмецкому 8 [1]). Какъ видно изъ этихъ цифръ, исторіи и географіи обучались всѣ; изъ необязательныхъ предметовъ наибольшимъ расположеніемъ учащихся пользовались ариѳметика, греческій, французскій и нѣмецкій языкъ, при чемъ въ выборѣ этихъ предметовъ замѣчаются большія колебанія по классамъ и годамъ.

Что касается способовъ преподаванія, то здѣсь останавливаетъ на себѣ наше вниманіе правило, высказанное архіеп. Ѳеоктистомъ: „отрокамъ и юношамъ излишнія правила—какъ слабому желудку излишняя пища“. Еп. Самуилъ заявилъ такое же раціональное требованіе въ дѣлѣ преподаванія латинскаго языка и грамматики: „учениковъ, какъ малолѣтнихъ дѣтей, не мучить наустнымъ изученіемъ правилъ и изъятій и у нихъ чрезъ то склонности къ ученію съ самаго начала и обыкновенно навсегда не отбивать, но всемѣрно стараться познаніе правилъ вперять въ нихъ посредствомъ употребленія и упражненія въ нихъ“. Съ полнымъ основаніемъ придавалось также рѣшающее значеніе сочиненіямъ, какъ мѣрилу умственной зрѣлости учениковъ [2]).

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, въ особенности же всесословному характеру Коллегіума, число учащихся въ немъ было очень велико. „Главный контингентъ, говоритъ проф. А. С. Лебедевъ, давали дѣти духовенства, но и свѣтскихъ было не мало, при томъ не только дворянскихъ дѣтей, но и дѣтей купцовъ, мѣщанъ, козаковъ, крестьянъ. Разночинцы эти рѣдко впрочемъ проходили полный Коллегіумскій курсъ; обыкновенно они останавливались у порога богословія, т. е. заканчивали свое образованіе философіей; затѣмъ выходили на разныя поприща государственной и общественной службы, напутствуемые рекомендательными аттестатами. Дѣти духовенства воспитывались главнымъ образомъ въ надеждѣ священства; но это однако не мѣшало и имъ, подобно свѣтскимъ ихъ сотоварищамъ, при случаѣ выходить на службу по гражданскому вѣдомству. Особенно много вышло ихъ на эту службу при Екатеринѣ II послѣ учрежденія губерній и открытія намѣстничествъ. Новоучрежденныя присутственныя мѣста въ Намѣстничествѣ харьковскомъ, а частію и сосѣднихъ были бы рѣшительно безпомощны безъ Коллегіумистовъ. Такъ въ 1784 году уволенныхъ для поступленія на статскую службу по Курскому и Харьковскому Намѣстничествамъ значится 3 учителя, 4 студента богословія, 19 учениковъ философіи, 21 риторики, 2 поэзіи, 4 грамматическихъ классовъ; всего 53. Даже служба при русскихъ миссіяхъ въ иностранныхъ государствахъ имѣла себѣ нѣкоторую поддержку отъ Коллегіума. Помимо этого непосредственнаго выхода воспитанниковъ Коллегіума на гражданскую службу прямо изъ Коллегіума еще большее число ихъ являлось на этой службѣ вслѣдствіе перехода изъ Коллегіума въ другія учебныя заведенія, которыя потомъ и открывали уже имъ, соотвѣтственно получаемому образованію, разныя поприща государственной и общественной дѣятельности. Медицинскія школы, народныя училища, практическая школа земледѣлія

[1]) Рукописныя замѣтки, сообщенныя проф. А. С. Лебедевымъ.

[2]) Харьк. Кол., какъ просв. центръ Слоб. Укр., стр. 15—20.

и хозяйства, университетъ постоянно получали отъ Коллегіума значительный контингентъ“.... въ 1787 году, напримѣръ, поступило изъ Коллегіума въ медико хирургическую академію 28 человѣкъ. Наконецъ, еще будучи питомцами школы Коллегіумисты распространяли свѣтъ просвѣщенія во всемъ „полуденномъ“ Краѣ Россіи. Они поступали на кондиціи и занимались домашнимъ обученіемъ. „Нужно имѣть въ виду, говоритъ проф. А. С. Лебедевъ, то время, скудное просвѣтительными средствами, когда Коллегіумъ былъ единственнымъ общеобразовательнымъ учрежденіемъ въ краѣ и помимо его неоткуда было здѣсь брать учителей, чтобы понять все громадное значеніе этой дѣятельности. Со всей Украйны и даже, можно сказать, со всего Юга Россіи лица разныхъ общественныхъ положеній—дворяне, купцы, мѣщане, духовенство—обращались въ Коллегіумъ съ просьбами объ отпускѣ въ ихъ дома учителей изъ воспитанниковъ Коллегіума и воспитанники высшихъ классовъ—философскаго и богословскаго дѣйствительно въ значительномъ числѣ всегда живали на этихъ такъ называемыхъ кондиціяхъ не только въ вакантное, но и въ учебное время. Начальство Коллегіума, въ виду настоятельной нужды въ этихъ педагогахъ, обыкновенно не отказывало въ просьбахъ на счетъ этихъ отпусковъ, наблюдая только, чтобы отпуски были не болѣе какъ на одинъ годъ и чтобы отпускаемые имѣли съ собою потребныя для нихъ самихъ учебныя книги какъ изъ философіи, такъ и богословія“.

Среди ректоровъ, префектовъ и учителей харьковскаго Коллегіума мы встрѣчаемъ нѣсколькихъ выдающихся дѣятелей. Первымъ ректоромъ его былъ Платонъ Малиновскій, изъ Московской Заиконоспасской Академіи, впослѣдствіи архіепископъ Московскій; вторымъ—Варлаамъ Тицинскій, открывшій чтеніе богословія въ Коллегіумѣ (съ 1728 г.); ему дозволено было именоваться архимандритомъ Старо-Харьковскаго Куряжскаго монастыря и жить въ Покровскомъ училищномъ монастырѣ; такое же званіе имѣли его преемники до 1742 года; третьимъ—Митрофанъ Слотвинскій, впослѣдствіи ректоръ Заиконоспасской Академіи и Тверской архіепископъ; при немъ расширена программа коллегіумскаго преподаванія; четвертымъ—Аѳанасій Топольскій, занимавшій раньше должность учителя и префекта въ Коллегіумѣ; онъ первый посвященъ былъ въ архимандриты Покровскаго училищнаго монастыря (въ 1742 г.) и ему велѣно носить мантію со скрижалями и крестомъ; пятымъ—Гедеонъ Антонскій; ему разрѣшено было носить посохъ и панагію; шестымъ—Рафаилъ Мокренскій изъ префектовъ Коллегіума; седьмымъ—Константинъ Бродскій изъ префектовъ Заиконоспасской Академіи; осьмымъ—Іовъ Базилевичъ, бывшій дотолѣ учителемъ и префектомъ въ Коллегіумѣ, а впослѣдствіи Переяславскимъ епископомъ; онъ устроилъ помѣщеніе для библіотеки и пожертвовалъ въ нее много книгъ; девятымъ—Лаврентій Кордетъ изъ учителей и префектовъ Коллегіума; при немъ построенъ каменный Сиропитательный домъ для бѣдныхъ учениковъ; десятымъ—Варлаамъ Мисловскій изъ учителей Коллегіума, впослѣдствіи ректоръ Кіевской Духовной Академіи; одинадцатымъ—Василій Базилевичъ; двѣнадцатымъ—архим. Досифей изъ учителей Коллегіума; онъ управлялъ Коллегіумомъ до 1800 года, когда была учреждена самостоятельная Слободскоукраинская епархія и Покровскій училищный монастырь превращенъ въ архіерейскій домъ [1]). Префектами Коллегіума были іеромонахи—Иларіонъ Григоровичъ, Митрофанъ Слотвинскій, Кириллъ Галичъ, Аѳанасій Топольскій, Гавріилъ Зарудинскій, Амвросій Попель, Рафаилъ Мокренскій, Епифаній Бѣлогородскій, Іакинѳъ Карпинскій, Ѳеофанъ Ѳедоровскій, Іовъ Базилевичъ, Лаврентій Кордетъ, Филаретъ Финевскій, Михаилъ Шванскій (священникъ, а потомъ протоіерей Успенскаго харьковскаго собора), Іераксъ Емельяновъ (іеромонахъ), Андрей Прокоповичъ (протоіерей) [2]).

[1]) „Календарь на лѣто Господне 1809-е“, Х. 1809, стр. 60–79; „Молодыкъ“ на 1844 г. Х. 1843, стр. 29—31.
[2]) „Молодыкъ“ на 1844 годъ, стр. 31—32.

Изъ наставниковъ Коллегіума на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороду; но о немъ мы будемъ говорить подробно въ главѣ о наукѣ. Большимъ уваженіемъ современниковъ пользовался также Шванскій. Онъ былъ родомъ изъ Черниговской губ. и происходилъ изъ старой малороссійской дворянской фамиліи. Онъ учился въ Кіевской Духовной Академіи съ 1745 по 1760-й годъ и выказалъ отличные способности и успѣхи. „Долговременныя его занятія по Коллегіуму показали на опытѣ, что онъ былъ однимъ изъ способнѣйшихъ наставниковъ, одинъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ образованіи юношества. Имѣя отъ природы счастливыя способности, при основательномъ образованіи и любознательности, онъ по справедливости пользовался искренними уваженіемъ и любовію отъ всѣхъ коллегіумцовъ и имѣлъ счастіе развить способности такихъ питомцевъ Украйны, изъ которыхъ многіе, впослѣдствіи времени, оказались достойными слугами отечества на церковномъ, гражданскомъ и военномъ поприщахъ. Этого мало, даже простой народъ, особенно жители г. Харькова, питали высокое уваженіе къ Шванскому, какъ отличному народному проповѣднику. Онъ умеръ въ 1790 году „сопровождаемый до могилы непритворными слезами всего города“, погребенъ онъ на городскомъ кладбищѣ гдѣ теперь Крестовоздвиженская церковь“.

Протоіерей Шванскій.

Такимъ же уваженіемъ пользовался и Прокоповичъ, но такъ какъ дѣятельность его захватываетъ и всю первую четверть XIX вѣка, то о немъ мы скажемъ во 2-й части своего труда.

Степень просвѣтительнаго вліянія учебныхъ заведеній опредѣляется числомъ ихъ воспитанниковъ. Харьковскій Коллегіумъ имѣлъ всегда большое число учащихся. Вотъ нѣкоторыя цифры. Въ 1727 году въ немъ было уже 420 душъ, въ 1759 г.—441. Въ 1770 году въ Харьковскомъ Коллегіумѣ было 422 ученика, въ томъ числѣ протопопскихъ дѣтей было 23, священническихъ—248, діаконскихъ—16, дьячковскихъ—51, пономарскихъ—30, причетническихъ—5 и вольныхъ (т. е. свѣтскихъ)—52; послѣдніе, такимъ образомъ, составляли нѣсколько болѣе 12% общаго числа. По классамъ вольные или разночинцы были распредѣлены такъ: въ богословіи ихъ было 7 душъ на 47, въ философіи—10 на 46, въ риторикѣ—11 на 62, въ піитикѣ—2 (это былъ самый малолюдный классъ; въ немъ было 23 ученика), въ латинской грамматикѣ—8 на 71, въ россійской грамматикѣ—14 на 173. Слѣдовательно, и дѣти свѣтскихъ лицъ проходили полный курсъ до богословія включительно.

Въ 1772 году въ піитическомъ классѣ былъ 61 ученикъ, въ томъ числѣ протопопскихъ дѣтей—7, священническихъ—36, дьяконскихъ—4, дьячковскихъ—8, пономарскихъ—1, разночинцевъ—5; въ философскомъ 81, изъ коихъ протопопскихъ дѣтей 4, священническихъ—56, діаконскихъ—5, дьячковскихъ—5, пономарскихъ—2, разночинцевъ—9; всего въ 2-хъ классахъ разночинцевъ было 14 на 142 человѣка, т. е. почти 10%. Въ 1779 году въ піитическомъ классѣ на общее число 116 учениковъ было 17, т. е. болѣе 14%. Въ 1781 году было 58 разночинцевъ на 529 учениковъ, т. е. около 11%. Въ 1787 году общее число учащихся было 561, въ томъ числѣ разночинцевъ 79, т. е. болѣе 14%. Въ 1791 году всѣхъ учениковъ 446, изъ коихъ 70 разночинцевъ, т. е. болѣе 15%. Въ 1793 году въ риторическомъ классѣ было 113 чел., въ томъ числѣ свѣтскихъ 29, т. е. болѣе 25%; въ 1794 году въ философскомъ—45,

въ томъ числѣ свѣтскихъ 9, т. е. 20% [1]). Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, цифра свѣтскихъ лицъ въ Коллегіумѣ была довольно устойчива и равнялась 10—20% общаго числа учащихся. Въ 1799 году въ Харьковскомъ Коллегіумѣ былъ 531 ученикъ, изъ коихъ въ грамматическомъ классѣ 85, синтаксическомъ—118, піитическомъ—67, риторическомъ—129, философскомъ—75, богословскомъ—57.

Всѣ эти свѣтскіе питомцы принадлежали къ различнымъ классамъ общества—дворянству, чиновничеству, мѣщанству и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ проживали въ Харьковѣ и принадлежали къ сословію городскихъ обывателей.

Свидѣтельствомъ важнаго просвѣтительнаго вліянія Коллегіума можетъ служить значительное число его питомцевъ, достигшихъ почетной извѣстности на различныхъ поприщахъ жизни и службы. Въ числѣ ихъ отмѣтимъ Алексѣя Могилянскаго, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго Арсенія, Григорія Каменецкаго, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго Гавріила, любимаго ученика, біографа и друга Гр. Сав. Сковороды,—Михаила Ивановича Ковалѣнскаго, Рязанскаго губернатора, сенатора и куратора Московскаго Университета Петра Ивановича Ковалѣнскаго тайнаго совѣтника, Захарія Яковлевича Карнѣева, впослѣдствіи попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Василія Яковлевича Савицкаго,—впослѣдствіи оберъ-сенатора Святѣйшаго Синода, Василія Ивановича Крамаренка,—впослѣдствіи предсѣдателя Харьковской гражданской палаты, Никона Карповича Карпинскаго,—впослѣдствіи генералъ штабъ доктора, Семена Ивановича Лебединскаго,—впослѣдствіи Сильвестра, архіепископа Астраханскаго, Марка Леонтьевича Малинскаго,—впослѣдствіи Нижегородскаго губернатора, Семена Андреевича Портнягина,—впослѣдствіи генералъ-лейтенанта, Андрея Яковлевича Добачевскаго,—впослѣдствіи генеральнаго консула въ Лисабонѣ, Михаила Даниловича Скибиневскаго,—впослѣдствіи генеральнаго консула въ Персіи, Петра Ѳедоровича Ставицкаго,—впослѣдствіи генералъ-лейтенанта, Ѳедора Петровича Лубяновскаго,—впослѣдствіи сенатора и мемуариста, Ѳедора Петровича Татарскаго,—впослѣдствіи архимандрита Ѳеофила, ректора Архангелогородской семинаріи, Ивана Башинскаго,—впослѣдствіи протоіерея и ректора Екатеринославской семинаріи, Ивана Савченка,—впослѣдствіи ректора Курской семинаріи, Ивана Алексѣевича Двигубскаго, друга Г. С. Сковороды, учителя риторики въ Коллегіумѣ, а впослѣдствіи выдающагося ученаго и профессора Московскаго университета, Михаила Трофимовича Каченовскаго,—впослѣдствіи знаменитаго историка Россіи и публициста, Ефрема Осиповича Мухина,—впослѣдствіи выдающагося професора Московскаго университета, Николая Ефремова и Егора Назарьева,—впослѣдствіи докторовъ философіи, Григорія Ивановича Базилевича, сына Боромлянскаго священника,—впослѣдствіи перваго изъ русскихъ профессора клиники и, наконецъ, Николая Ивановича Гнѣдича—знаменитаго переводчика Гомеровой Иліады [2]).

Одинъ изъ этихъ питомцевъ сенаторъ Лубяновскій оставилъ намъ любопытныя воспоминанія о Коллегіумѣ. „Отецъ, говоритъ Лубяновскій, училъ меня русской и латинской грамотѣ, самъ большой латинистъ; по десятому же году моего возраста отвезъ меня въ Харьковъ (изъ м. Опошни Полтавской губ.), гдѣ въ Коллегіумѣ по экзамену я поступилъ въ 3-й классъ, чѣмъ отецъ мой, помню, былъ очень доволенъ. Учился я, говорили, не безъ успѣха, съ учителями и товарищами болталъ по латыни, сочинялъ хріи и рѣчи; присталъ потомъ къ отцу—отправь онъ меня въ Москву въ университетъ. Превосходное учебное заведеніе былъ Харьковскій Коллегіумъ, не взирая на всѣ недостатки его въ сравненіи съ нынѣшнимъ образованіемъ семинарій и вообще всѣхъ духовныхъ училищъ. Въ мое время управлялъ имъ пре-

[1]) Изъ документовъ, сообщенныхъ проф. А. С. Лебедевымъ.

[2]) Календарь на лѣто Господне 1809-е, стр. 61, 64, 70, 72, 74, 75; преосв. Филарета Ист. Стат. Опис. Харьк. еп., I, стр. 37; Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона.

фектъ Шванскій, мужъ равно почтенный и по жизни, и по учености. Былъ онъ особенно счастливъ въ выборѣ учителей; они имѣли рѣдкій даръ развить въ молодыхъ людяхъ здравый смыслъ и внушать имъ охоту, страсть къ наукѣ, не умирающую, когда возбудится. Съ такимъ домашнимъ учителемъ и вышедши изъ школы чему не научишься. Предметовъ ученія было немного, но преподавались ревностно и основательно. Латинскій языкъ пріучалъ къ простому, ясному и благозвучному изложенію мыслей. Всѣ мы были поэты: безъ поэзіи, безъ воодушевленія ума и сердца проповѣдь и въ храмѣ Божіемъ будетъ мертвая буква. Семинаріи нынче богаты, а въ мое время Харьковскій Коллегіумъ помѣщался въ большомъ каменномъ зданіи съ трубою: такъ назывался длинный и широкій во второмъ этажѣ корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго огромныя аудиторіи безъ печей были ничто иное, какъ сараи, гдѣ зимою отъ стужи не только руки и ноги, но и мысли замерзали. На поправки строеній, на содержаніе до 150 студентовъ въ бурсѣ и на жалованье всѣмъ учителямъ отъ инфимы до богословіи (90 р. былъ высшій окладъ) Коллегіумъ получалъ не болѣе 1500 р. въ годъ. Но ни холодъ, ни голодъ не охлаждали охоты къ ученію; привыкали мы сверхъ того къ нуждѣ и пріучались довольствоваться малымъ, въ какомъ ни были бы состояніи впослѣдствіи времени“ [1]). Авторъ пріуменьшилъ матеріальныя средства Коллегіума: въ дѣйствительности суммы, отпускавшіяся на его содержаніе, были болѣе значительны—но не въ этомъ заключается значеніе этого отрывка; онъ интересенъ, какъ правдивый голосъ коллегіумскаго питомца, у котораго, несмотря на всѣ пережитыя имъ лишенія и невзгоды, осталось въ душѣ самое свѣтлое воспоминаніе о Коллегіумѣ, какъ „о превосходномъ учебномъ заведеніи“. Это—лучшій приговоръ, какого могъ ожидать Коллегіумъ за свою плодотворную просвѣтительную дѣятельность, за свою постоянную заботу объ умственномъ преуспѣяніи учащихся и внушеніе имъ любви къ знанію.

Хорошій отзывъ о Коллегіумѣ даетъ и другой современникъ,—проѣзжавшій черезъ Харьковъ академикъ Зуевъ. Сказавъ, что въ немъ обучалось тогда (въ 1781 году) болѣе 500 человѣкъ, Зуевъ продолжаетъ: „возстановленіемъ и учрежденіемъ новаго порядка, со введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ наукъ—какъ исторіи и географіи, вслѣдствіе чего начали посѣщать Коллегіумъ изъ уѣзда помѣщичьи дѣти, обязано это училище нынѣшнему Бѣлгородскому епископу Аггею“ [2]). Здѣсь цѣнно указаніе, что введеніе въ программу Коллегіума новыхъ свѣтскихъ предметовъ привлекло туда помѣщичьихъ дѣтей; но приписано это преосвященному Аггею безъ достаточныхъ основаній [3]).

Слѣдуетъ здѣсь также привести замѣчаніе о Коллегіумѣ Василія Назарьевича Каразина, ссылающагося на еще болѣе старое свидѣтельство путешественника Юнкера. „Коллегіумъ, говоритъ онъ, остался въ большомъ каменномъ домѣ, первоначальномъ изъ каменныхъ домовъ въ Харьковѣ,—Шидловскаго. Что въ Коллегіумѣ занимались науками еще въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, тому нашелъ я доказательство въ письмѣ путешественника, Академіи Наукъ адъюнкта Юнкера, къ тогдашнему президенту Академіи барону Корфу. Ученый этотъ хвалитъ просвѣщеніе ректора и префекта и проситъ содѣйствовать ему къ доставленію, въ сходство желанія ихъ, физическихъ инструментовъ, именно воздушнаго насоса и электрической машины. Я увѣренъ, что столь ранніе успѣхи въ Харьковѣ, козацкомъ полковомъ городѣ не болѣе за 100 лѣтъ и меньше нежели во 100 лѣтъ отъ первоначальнаго его заселенія среди пустынь, удивитъ читателей. Коллегіумъ воспиталъ многихъ государственныхъ мужей, архіереевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ, ибо дворянство въ немъ училось совмѣстно съ духовенствомъ. Правда, что большая часть даровитыхъ студентовъ оканчивала свое образованіе въ Петербургѣ, Москвѣ или чужихъ краяхъ. Между учителями замѣтимъ Сковороду и протоіерея Шванскаго. Я имѣлъ еще честь въ моей моло-

[1]) Воспоминанія Өед. Петр. Лубяновскаго. М. 1872, стр. 9—14.

[2]) Путешествен. записки СПБ. 1787, ст. 189.

[3]) О дѣятельности еп. Аггея см. у проф. А. О. Лебедева „Бѣлгородскіе архіереи“, стр. 205—223.

дости видѣть сихъ почтенныхъ мужей, которые въ свое время могли бы занять мѣсто между германскими учеными наиболѣе уважаемыми“ [1]).

Говоря о значеніи Харьковскаго Коллегіума, нельзя не отмѣтить его внутренней связи съ тогдашними народными церковно-приходскими школами. Внѣшней связи между ними не существовало, но Коллегіумъ несомнѣнно давалъ для этихъ школъ часть преподавательскаго персонала, выходившаго изъ его низшихъ классовъ, а главное программа его преподаванія была какъ бы прямымъ продолженіемъ программы этихъ училищъ и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторые изъ учениковъ ихъ поступали потомъ для продолженія ученія въ Коллегіумъ. Такимъ образомъ, до основанія университета Коллегіумъ игралъ роль этого высшаго учебнаго заведенія въ городѣ и краѣ; не даромъ и въ оффиціальныхъ актахъ онъ называется иногда Академіей [2]). Благодаря широкой программѣ, онъ соединялъ въ себѣ и среднюю, и какъ бы высшую школу. „Народныя школы возникали внѣ всякой правительственной организаціи и помощи и были обязаны своимъ происхожденіемъ тому духу общественности, который выработалъ въ себѣ малороссійскій народъ подъ вліяніемъ опасностей, грозившихъ его религіи и національности. Оплотомъ для него послужило духовное образованіе въ видѣ цѣлой системы высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ—и въ этомъ единствѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ тремя типами училищъ, въ ихъ внутренней нравственной связи, коренилась между прочимъ сила такъ называемой югозападной образованности. Въ виду старой традиціи нѣкоторая связь между Академіей (Кіевской), Коллегіумами и народными школами сохранилась и въ XVIII в. и дала силу и устойчивость этимъ послѣднимъ. Связь эта нашла себѣ выраженіе какъ въ характерѣ, программахъ и методахъ преподаванія, такъ и въ личностяхъ учителей и учащихся. Благодаря этому, бѣдныя разбросанныя по деревнямъ народныя школы стояли не совсѣмъ одиноко, а представляли какъ бы части великаго цѣлаго, какъ бы отдѣльные элементы особаго цикла образованія“ [3]).

Въ частности, для города Харькова учрежденіе и существованіе Коллегіума имѣло въ XVIII в. чрезвычайно важное значеніе: оно дѣлало его образовательнымъ центромъ всей Слободской Украйны тогда еще, когда онъ не былъ ни центромъ гражданской, ни центромъ духовной администраціи. Таковымъ тогда являлся Бѣлгородъ—Харьковъ же былъ, какъ мы знаемъ, однимъ изъ пяти полковыхъ городовъ, которые были равноправны другъ съ другомъ. Правда онъ выдѣлялся среди нихъ развитіемъ торговой дѣятельности, но и Сумы также славились своими ярмарками. Теперь же Харьковъ, съ перенесеніемъ въ него Коллегіума изъ Бѣлгорода, начинаетъ соперничать съ этимъ городомъ, служившимъ мѣстопребываніемъ архіереевъ (Харьковской епархіи тогда еще не было и ею управляли Бѣлгородскіе епископы). Харьковскіе горожане охотно отдавали своихъ дѣтей въ Коллегіумъ, такъ какъ онъ по составу учащихся былъ всесословнымъ училищемъ. Тоже дѣлали и иногородніе—и это увеличивало населеніе Харькова (число учениковъ въ Коллегіумѣ было весьма значительно), имѣло нѣкоторое значеніе и въ смыслѣ экономическихъ рессурсовъ, притягивало въ городъ родителей и родственниковъ учениковъ, лицъ, искавшихъ репетиторовъ для своихъ дѣтей въ ихъ средѣ, т. е. такихъ людей, которые безъ этого, быть можетъ, и не заглянули бы въ него. Бывшій временно преподавателемъ въ Коллегіумѣ Гр. Сав. Сковорода и другіе наставники его положили начало въ Харьковѣ научнолитературной дѣятельности (объ этомъ скажемъ въ особой главѣ), а Коллегіумская библіотека была первой въ Харьковѣ. Библіотека заведена была стараніемъ Преосв. Епифанія Тихорскаго, пожертвовавшаго много своихъ книгъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Умножилъ ее Бѣлгородскій архіепископъ Досифей, предоставленіемъ собственныхъ книгъ и особенно передачею библіотеки извѣстнаго Стефана Яворскаго—эта пере-

[1]) Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 42—43.

[2]) Дух. Бесѣда 1863 г. № 23, стр. 175.

[3]) Д. И. Багалѣя. Опытъ Исторіи Хар. Универ., I, стр. 1102.

дача состоялась по его ходатайству передъ Императрицей Анной Іоанновной [1]). Дѣлали пожертвованія въ эту библіотеку также епископы Іосафъ Миткевичъ и Самуилъ Мислављскій, ректоры Коллегіума и другія лица. Кромѣ книгъ въ библіотекѣ имѣются рукописи, среди коихъ слѣдуетъ отмѣтить собственноручную лѣтопись Митр. Димитрія Ростовскаго [2]). По каталогу 1769 года въ библіотекѣ состояло 1892 книги, въ томъ числѣ на латинскомъ языкѣ 1569, на русскомъ 181, на польскомъ 142 [3]). Въ 1776 году число книгъ возрасло до 2237 экземпляровъ, преимущественно по богословію, риторикѣ и поэтикѣ и въ незначительной степени по философіи [4]). Библіотека помѣщалась въ особомъ каменномъ зданіи надъ воротами. Въ ней были также фамильныя бронзовыя медали, присланныя изъ Вѣны отъ чрезвычайнаго посланника при тамошнемъ дворѣ Кн. Дмитрія Михайловича Голицына на память объ его отцѣ, бывшемъ однимъ изъ основателей Коллегіума.

На сколько обстоятельны наши свѣдѣнія о Харьковскомъ Коллегіумѣ, на столько скудны и отрывочны печатныя данныя о Казенномъ училищѣ, открытомъ первоначально при томъ же Коллегіумѣ въ видѣ такъ называемыхъ Прибавочныхъ классовъ.

Въ монографіи проф. А. С. Лебедева объ открытіи этихъ классовъ находимъ слѣдующее извѣстіе. Въ 1765 г., по ходатайству сенаторовъ Шаховскаго, Олсуфьева и Панина, въ виду болѣе и болѣе умножавшагося въ Коллегіумѣ числа учениковъ изъ дворянскихъ дѣтей, Императрица Екатерина II-я въ инструкціи, данной губернатору Слободскоукраинской губерніи, опредѣлила: „къ преподаваемымъ нынѣ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ наукамъ прибавить классъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи и рисованія, а особенно инженерства, артиллеріи и геодезіи, на что и сумма до 3000 р. изъ не окладныхъ доходовъ опредѣляется и у кого тотъ Коллегіумъ въ вѣдомствѣ состоитъ, съ тѣмъ Губернской канцеляріи о лучшемъ возстановленіи и распространеніи, учиня сношеніе, употребить общее стараніе. Классы дѣйствительно были открыты при Коллегіумѣ въ 1768 г. и хотя учреждены они были собственно для дѣтей дворянскихъ и предоставлены были даже вѣдѣнію особаго директора отъ Губернскаго Правленія, но посѣщать ихъ могли и должны были и дѣти духовенства, учившіеся въ Коллегіумѣ, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ сдѣлано было и росписаніе учебныхъ часовъ въ Коллегіумѣ и прибавочныхъ классахъ. Изъ этого росписанія, составленнаго въ 1768 г. по нарочитому предписанію Преосвященнаго Самуила такъ, чтобы ничто не могло быть препятствіемъ для учениковъ Коллегіума къ хожденію въ прибавочные классы, видно, что кромѣ обычныхъ въ духовныхъ школахъ классовъ существовали еще классы языковъ французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, ариѳметики, геометріи, архитектуры, живописи, рисованія, исторіи и географіи. Чрезъ учрежденіе этихъ прибавочныхъ классовъ въ учебную жизнь Коллегіума, очевидно, вносилась уже обильная струя реальныхъ знаній. Одни предметы такого характера вводились вновь; другіе, знакомые уже Коллегіуму, но преподававшіеся повидимому не безъ перерывовъ, поставлены были теперь прочнѣе. Особенно преподаваніе иностранныхъ языковъ возвысилось и оживилось". Далѣе проф. А. С. Лебедевъ сообщаетъ свѣдѣнія объ учителѣ французскаго языка въ прибавочныхъ классахъ Аттонѣ и въ заключеніе говоритъ: „двадцать лѣтъ существовали прибавочные классы при Харьковскомъ Коллегіумѣ. За тѣмъ, по открытіи въ Харьковѣ, въ 1789 г. Главнаго Народнаго училища, присоеденены были къ нему" [5]). Этими

[1]) На каждой такой книгѣ была сдѣлана надпись: mandato Augustissimi Russorum Imperatricis Annae hic liber applicatus est Bibliotecae Collegii Charcoviensis, anno 1732.

[2]) Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 27—28.

[3]) Очеркъ исторіи Харьк. Коллегіума, М. С—ова. Х. 1881, стр. 21.

[4]) Ibidem, стр. 25.

[5]) Харьк. Коллег., какъ просв. центръ Слоб. Укр. М. 1886, стр. 10, 11, 13 и 16. Въ своемъ новѣйшемъ трудѣ „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности". Х, 1902 г, проф. А. С. Лебедевъ сооб-

словами опредѣляется значеніе прибавочныхъ классовъ для Коллегіума. Но какова была самостоятельная роль этого учебнаго заведенія? Какъ оно возникло? Въ какой мѣрѣ оно было связано съ Коллегіумомъ? Каковъ былъ его учительскій персоналъ? Какова была въ немъ программа преподаванія? Каковъ былъ въ немъ составъ и контингентъ учащихся? Все это вопросы, на которые даютъ отвѣты только новые собранные нами архивные матеріалы [1]).

Остановимся прежде всего на учрежденіи этого училища. Высочайшее повелѣніе объ его основаніи дѣйствительно относится къ 1765 г. и помѣщено въ Полномъ Собраніи Законовъ. Намъ удалось найти проэктъ этихъ прибавочныхъ классовъ, составленный въ Слободскоукраинской губ. канцеляріи и утвержденный Правительствующимъ Сенатомъ въ 1767 году. Изъ него видно, что, учреждая новое училище, правительство имѣло въ виду главнымъ образомъ дѣтей бѣдняковъ, которыя принимались на казенный счетъ; кромѣ того сюда можно было принимать дѣтей всѣхъ сословій въ качествѣ своекоштныхъ съ платой за правоученіе; наконецъ, разрѣшалось посѣщать преподававшіеся въ этомъ училищѣ предметы и питомцамъ Коллегіума. Интересны наставленія, касающіяся учителей, дисциплины и заведенія типографіи. Помѣщаться новые классы должны были во дворѣ Коллегіума. Вообще можно сказать, что новое училище, по своей программѣ, должно было явиться какъ бы спеціальной технической школой, съ хорошей постановкой новыхъ иностранныхъ языковъ [2]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что иниціатива въ учрежденіи училища принадлежала свѣтской власти и стояла въ связи съ реформами перваго Харьковскаго губернатора Евд. Ал. Щербинина. Создавая здѣсь новыя учрежденія общегубернскаго типа и желая доказать ихъ преимущество передъ прежними мѣстными, Правительство, естественно, пожелало высказать свое попеченіе и о дѣлѣ народнаго образованія. Щербининъ же явился исполнителемъ этого распоряженія и по точному смыслу его долженъ былъ вести это дѣло совмѣстно съ Коллегіумскимъ начальствомъ. Высшимъ же начальникомъ Коллегіума былъ управлявшій тогда Бѣлгородской епархіей епископъ Порфирій Крайскій. Повидимому въ характерѣ Щербинина были такія черты деспотизма, которыя вооружили противъ него епископа Порфирія, въ свою очередь имѣвшаго преувеличенное понятіе о своей власти. Щербининъ вмѣшивался въ дѣло Коллегіумскаго преподаванія и принималъ слишкомъ рѣзкія, крутыя мѣры по отношенію къ лицамъ, непосредственно имъ завѣдывавшимъ [3]). Такъ 28 февраля 1767 года онъ отправилъ епископу Порфирію письмо, въ которомъ рекомендовалъ вести преподаваніе философіи и богословія въ Харьковскомъ Коллегіумѣ вмѣсто латинскаго на русскомъ языкѣ, ссылаясь въ этомъ случаѣ на слова Государини Императрицы, которая, отправляя его въ Слободскоукраинскую губернію, выразила свое Высочайшее соизволеніе, если это окажется возможнымъ, подобно тому какъ это введено было въ уставъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса. Изысканіе способовъ для приведенія въ исполненіе Высочайшаго соизволенія Щербининъ предоставлялъ „благоусмотрѣнію“ Преосвященнаго; съ тѣмъ однако, чтобы и текущая преподавательская дѣятельность въ Коллегіумѣ не пріостанавливалась [4]).

щаетъ еще новыя свѣдѣнія объ отношеніи къ дѣлу учрежденія прибавочныхъ классовъ Бѣлгородскаго епископа Порфирія Крайскаго—оно было чрезвычайно отрицательное. Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ архивнаго дѣла о директорѣ классовъ Горленскомъ, хранящагося среди рукописей Харьковскаго Историкофилологическаго Общества. Въ нашемъ распоряженіи также имѣются аналогичныя данныя и мы воспользуемся тѣми и другими въ дальнѣйшемъ изложеніи.

[1]) Матеріалы эти открыты въ старыхъ дѣлахъ архива Харьк. Губ. Правленія архиваріусомъ Харьковскаго Историческаго Архива Е. М. Ивановымъ, разыскивавшимъ, по моему порученію, въ разныхъ хранилищахъ документы для исторіи г. Харькова.

[2]) Полный текстъ положенія объ училищѣ мы помѣщаемъ въ приложеніи.

[3]) А. С. Лебедева. Бѣлгородскіе архіереи. X. 1902, стр. 149—150.

[4]) Архивъ Харьков. Губерн. Правл. Дѣло о прибавочныхъ классахъ 1768 г.

Выступая съ этимъ предложеніемъ, Щербининъ, вѣроятно, желалъ сдѣлать Коллегіумъ еще болѣе доступнымъ для учащихся изъ среды свѣтскаго общества—а это, быть можетъ, было истолковано, какъ прямое его вмѣшательство во внутреннюю учебную дѣятельность Коллегіума. Какъ бы то ни было вмѣсто дружной, общей, совмѣстной работы на пользу образованія представителей свѣтской и духовной власти, мы находимъ пререканія между ними, оттянувшія дѣло открытія классовъ на три года. Губернская канцелярія представила преосвященному составленный ею проэктъ устройства „прибавочныхъ классовъ“ для разсмотрѣнія и согласнаго постановленія, но потребовала при этомъ свѣдѣній о доходахъ и расходахъ Коллегіума, что ей было необходимо для составленія штата прибавочныхъ классовъ и что вполнѣ согласно было съ Высочайшей конфирмаціей. Губернская канцелярія поручила составленіе проэкта и штата прибавочныхъ классовъ полковому есаулу, исполнявшему тогда должность Харьковскаго коммисара Горленскому, который нѣсколько разъ обращался за этими свѣдѣніями къ Коллегіуму, но начальство этого послѣдняго безъ разрѣшенія Преосвященнаго ихъ дать не осмѣлилось. И только на требованіе Щербинина, чтобы Преосвященный сообщилъ Горленскому необходимыя этому послѣднему данныя, получился просимый отвѣтъ, что доходы съ Каплуновской церкви идутъ на содержаніе Покровскаго монастыря и школьныхъ зданій и не могутъ быть предназначены для новыхъ прибавочныхъ классовъ, на которые велѣно отпускать по 3000 р. и потому самое требованіе свѣдѣній о нихъ представляется излишнимъ, тѣмъ болѣе что составленіе штата должно быть сдѣлано съ согласія и его епископа; по этому во избѣжаніе излишней переписки, онъ предлагалъ Губернской Канцеляріи назначить для этого дѣла подходящаго человѣка и прислать его къ нему въ Бѣлгородъ для скорѣйшаго его окончанія. Губернская Канцелярія послала съ проэктомъ въ Бѣлгородъ Горленскаго, но, какъ видно изъ отчета этого послѣдняго, еписк. Порфирій вмѣсто обѣщаннаго совмѣстнаго разсмотрѣнія этого дѣла, заявилъ, что оно требуетъ внимательнаго изученія, результаты котораго онъ самъ сообщитъ Губернской Канцеляріи. Горленскій пріѣзжалъ въ Бѣлгородъ въ началѣ мая, а въ началѣ іюля преосвященный отправилъ Щербинину отвѣтъ, сущность котораго сводилась къ тому, что онъ не можетъ одобрить штата, такъ какъ трехътысячная сумма предназначается въ немъ исключительно на прибавочные классы, которыхъ еще нѣтъ, а обойденъ Коллегіумъ, давно уже существующій съ славяно греколатинскими науками, отъ которыхъ ощутительная всѣмъ очевидная польза замѣтна для святой церкви; поэтому онъ согласится на этотъ проэктъ только въ томъ случаѣ, когда означенная выше сумма будетъ равномѣрно распредѣляться между Коллегіумомъ и прибавочными классами; а если бы ея оказалось не достаточно, въ такомъ случаѣ Губернская Канцелярія должна будетъ войти съ ходатайствомъ объ ея увеличеніи. Губернская Канцелярія на это отвѣтила, что по точному смыслу Высочайшаго повелѣнія трехтысячная сумма должна идти исключительно на прибавочные классы, Коллегіумъ же можетъ содержаться на доходы Покровскаго монастыря отъ недвижимыхъ имуществъ, отъ Каплуновской церкви и на добавочную ассигновку отъ Коллегіи Экономіи, которая уже и прислала 544 р. для этой дѣли. Всѣ перипетіи этого дѣла были доведены Щербининымъ до свѣдѣнія Сената, который подтвердилъ, что трехътысячная сумма должна издерживаться только на прибавочные классы и потребовалъ скорѣйшаго ихъ открытія, а отъ Епископа Порфирія свѣдѣній о Коллегіумскихъ доходахъ (15 окт. 1767 г.)[1]). Въ силу такого предложенія Губернаторъ Щербининъ сталъ теперь уже независимо отъ архіерея подготовлять открытіе прибавочныхъ классовъ, предлагая Слободскоукраинской Губернской канцеляріи „сыскать учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ и рисованія, учениковъ же при-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло о прибавочныхъ классахъ.

нимать изъ семинаристовъ Харьковскаго Коллегіума безъ всякаго платежа, а прочихъ съ платежомъ, допускать также въ качествѣ вольнослушателей учениковъ Коллегіума и отвести для нихъ покои въ этомъ послѣднемъ". Преосвященный употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать этому отводу покоевъ для прибавочныхъ классовъ въ Коллегіумѣ—онъ представлялъ въ Синодъ, что имѣющіяся въ Коллегіумѣ пустыя обветшалыя келліи, которыя Губернаторъ имѣлъ въ виду для прибавочныхъ классовъ, разобраны и передѣлываются для бурсаковъ, ибо въ Бурсахъ только двѣ избы, а учениковъ 80, и требовалъ, чтобы Губернаторъ до харьковскаго Коллегіума, какъ не въ его командѣ состоящаго, никакого дѣла не имѣлъ и какъ до строенія не касался, такъ и въ вотчинахъ его участія не имѣлъ, но Святѣйшій Синодъ указомъ къ Преосв. Порфирію опредѣлилъ: „что касается учрежденія при Харьковскомъ Коллегіумѣ новыхъ классовъ, то въ этомъ не только никакого препятствія ни подъ какимъ видомъ не чинить, но еще, сообразуясь съ Высочайшимъ Е. И. В. благоволѣніемъ о лучшемъ ихъ установленіи и распространеніи имѣть крайнее попеченіе и стараніе, дабы отъ излишнихъ переписокъ не послѣдовало какого препятствія къ исполненію намѣренія Ея Императорскаго Величества" [1]). Вопросъ о помѣщеніи новыхъ классовъ въ покояхъ Коллегіума чрезвычайно обострился. Щербининъ хотѣлъ приспособить для своего училища деревянный на каменномъ фундаментѣ домъ, находившійся въ саду Коллегіума, и въ такомъ смыслѣ сдѣлалъ представленіе въ Сенатъ, который утвердилъ его и разрѣшилъ отпускъ необходимой для этого суммы, а Преосвященный сдѣлалъ распоряженіе о сломкѣ этого дома и приспособленіи его для помѣщенія бурсаковъ; ректоръ же Коллегіума Іовъ, исполняя его приказъ, поставилъ монастырскихъ работниковъ и въ теченіе 6 часовъ разламывалъ зданіе, пока Губернаторъ не пріостановилъ этой ломки, сославшись, во 1-хъ, на Высочайшую конфирмацію о приспособленіи этого зданія для классовъ, а, во 2-хъ, на Высочайшее повелѣніе,—не производить никакихъ построекъ и перестроекъ безъ разрѣшенія Губернской Канцеляріи и безъ соотвѣтствія съ Высочайше утвержденнымъ планомъ; такимъ образомъ, писалъ губернаторъ, во всемъ этомъ дѣлѣ видны одни Ваши прихоти и борьба противъ полезныхъ распоряженій; поэтому я приказалъ Кол. Ас. Выродову означеннаго дома къ перестройкѣ монастырю не давать, а взять его въ свое вѣдомство для приспособленія подъ прибавочные классы; и такъ какъ училищному монастырю принадлежатъ въ числѣ прочаго недвижимаго имѣнія и лѣса, относящіеся такимъ образомъ къ разряду казенныхъ, то, въ виду того, что новое казенное училище прибавлено къ Коллегіуму, на постройку его я велѣлъ описать и взять весь пригодный заготовленный доселѣ монастырскій лѣсной матеріалъ. Требуя, чтобы архимандритъ отнынѣ не имѣлъ никакого касательства къ дому, принадлежавшему Коллегіуму, Щербининъ приказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы безъ его разрѣшенія въ монастырѣ не производилось никакихъ передѣлокъ (27 апр. 1768 г.) [2]).

Здѣсь мы наблюдаемъ чрезвычайно своеобразное отношеніе представителя административной власти къ праву собственности Коллегіума. Только потому что новая школа учреждалась при Коллегіумѣ, онъ счелъ возможнымъ взять у этого послѣдняго его собственный домъ, предназначавшійся для неотложныхъ нуждъ этого учебнаго заведенія, находившагося въ то время въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, благодаря секуляризаціи монастырскихъ имуществъ. Правда онъ получалъ теперь деньги на свое содержаніе изъ Коллегіи Экономіи, но эта сумма равнялась всего 816 р. и на нее нужно было содержать многолюдное училище съ нѣсколькими сотнями учащихся. Исходя изъ того положенія, что монастырское имущество является казеннымъ (послѣ секуляризаціи), Щербининъ конфисковалъ для постройки новой казенной школы весь коллегіумскій лѣсной матеріалъ, не вникая въ способъ

[1]) А. С. Лебедева. Бѣлгородск. архіер. Х. 1902, стр. 148—149.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло о прибавоч. классахъ.

его пріобрѣтенія: монастырь могъ пріобрѣсть его и въ бывшихъ своихъ лѣсахъ, но на извѣстныхъ условіяхъ и во всякомъ случаѣ затратилъ свои собственныя значительныя средства на доставку его въ Харьковъ. Имѣя право пріостановить сломку Коллегіумскаго дома до представленія плана перестройки, Щербининъ на этомъ основаніи взялъ въ свое вѣдѣніе чужое имущество и потребовалъ, чтобы владѣлецъ отъ него совершенно отказался. Очевидно, Щербининъ былъ убѣжденъ, что объединяетъ въ своемъ лицѣ и власть административную, и власть судебную и руководствовался правиломъ: „sic volo, sic jubeo: sit pro lege voluntas". Духовенство тогда чувствовало себя очень слабымъ послѣ секуляризаціи—и губернаторъ пользовался этимъ для проявленія самовластія. Преосвященный Порфирій жаловался на дѣйствія губернатора въ Синодъ, который, положивъ приведенную нами выше резолюцію—объ оказаніи всякаго содѣйствія администраціи въ дѣлѣ скорѣйшаго открытія классовъ и объ отводѣ для нихъ помѣщенія въ зданіи Коллегіума, въ то же время требовалъ, чтобы Щербининъ и его подчиненные не касались внутренняго управленія Коллегіума и его имуществъ, тѣмъ болѣе что на новоприбавочные классы ассигнована была спеціальная сумма. Сенатъ, разсмотрѣвъ въ подробностяхъ это дѣло, также подтвердилъ Щербинину, чтобы онъ не вступался въ доходы монастыря и Коллегіума и не требовалъ отъ него дровъ на отопленіе классовъ, такъ какъ для этого назначена особая сумма по штату [1]). Однако самое дѣло отъ этого страдало и весь 1766-й и 1767-й годы прошли въ пререканіяхъ, сильно замедлившихъ ходъ подготовительныхъ мѣръ для открытія училища.

Еще въ 1766 году Щербининъ обратился къ извѣстному всесильному вельможѣ Гр. Гр. Орлову съ просьбою отпустить двухъ знающихъ математику унтеръ-офицеровъ фузелернаго полка, „для заведенія этой науки въ Харьковѣ"—и получилъ отъ него хотя и вѣжливое, но поучительное разъясненіе, что для подобной должности годятся только лица, желающія занять таковую добровольно, а не опредѣленныя помимо своего желанія начальствомъ; поэтому и онъ, Гр. Орловъ, охотно отпуститъ въ Харьковъ на это мѣсто не только унтеръ, но и оберъ-офицеровъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они сами выразили желаніе въ этомъ смыслѣ своему полковнику Тургеневу [2]). Занимался подыскиваніемъ учителей и извѣстный намъ Выродовъ, назначенный директоромъ прибавочныхъ классовъ и сообщавшій Щербинину, что онъ имѣетъ на примѣтѣ двухъ кандидатовъ въ учителя нѣмецкаго языка, объ учителѣ французскаго языка просилъ Петра Андревича Щербинина—мѣстнаго помѣщика, а въ учителя рисованія предлагалъ И. С. Саблукова, который самъ учился въ школѣ и потому могъ быть полезенъ въ заведеніи новаго училища и прекрасно зналъ свое искусство; что же касается преподавателя архитектуры, то онъ, Выродовъ, просилъ самого губернатора подыскать на эту должность въ Москвѣ какого либо ученика или подмастерья, а директоромъ этого архитектурнаго класса могъ бы быть Иванъ Малхичъ; и если явится кто либо изъ этихъ учителей, тогда могутъ быть открыты и классы. Письмо помѣчено 16 декабря 1767 года и, слѣдовательно, въ это время училище еще не было открыто. На учебныя пособія полагалось по штату въ новую школу всего 50 р. Ректоръ Коллегіума отвѣтилъ, что у него въ училищѣ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ историческихъ книгъ не имѣлось—и потому Выродовъ просилъ губернатора исходатайствовать у Государини ассигновку на первоначальное обзаведеніе учебниками новой школы [3]).

Новое училище было открыто 2 февраля 1768 года при Коллегіумѣ, но находилось въ исключительномъ вѣдѣніи Губернскаго Правленія. Ученики Коллегіума однако могли без-

[1]) Архивъ Харьков. Губ. Правл. Связка о классахъ 1769 г.

[2]) Арх. Харьков. Губ. Прав. Дѣло о прибавочныхъ классахъ.

[3]) Ibidem.

платно посѣщать его классы, а прочіе должны были вносить умѣренную плату, неимущіе же не только ничего не платили, но даже получали полное казенное содержаніе. Преподаваться въ немъ должны были французскій и нѣмецкій языки, математика, геометрія, рисованіе и преимущественно инженерство, геодезія и артиллерія. Въ 1773 году прибавленъ былъ классъ вокальной и инструментальной музыки; въ 80-хъ годахъ въ новой школѣ обучали французскому и нѣмецкому языку, геометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, рисованію, исторіи, географіи, музыкѣ и танцамъ. На содержаніе училища назначено было первоначально 3000 р., а потомъ на классъ музыки прибавлено еще 1000 руб. [1]).

Нѣкоторые изъ учениковъ Коллегіума стали слушать, какъ мы видѣли выше, уроки по кое какимъ предметамъ и въ прибавочныхъ классахъ, но нелады между Коллегіумскимъ начальствомъ и администраціей прибавочныхъ классовъ продолжались по прежнему. Инспектору прибавочныхъ классовъ Паули дана была инструкція, касавшаяся поведенія учащихся, но преосвященный положилъ резолюцію, чтобы она отнюдь не распространялась на учениковъ Коллегіума, слушавшихъ нѣкоторые предметы въ прибавочныхъ классахъ; они должны были по прежнему зависѣть въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи отъ Коллегіума,—его ректора—ахимандрита и конторы [2]). Еще болѣе серьезное разногласіе возникло по вопросу о преподаваніи. Инспекторъ школъ Паули доносилъ Выродову, что многіе изъ питомцевъ Коллегіума, посѣщавшихъ уроки въ прибавочныхъ классахъ, замѣтно преуспѣли въ такихъ предметахъ, какъ французскій и нѣмецкій языки, ариѳметика и рисованіе, но ихъ отвлекали все таки отъ нихъ занятія латинскимъ языкомъ и потому онъ предлагалъ ходатайствовать у Преосвященнаго Порфирія объ освобожденіи ихъ отъ слушанія Коллегіумскихъ предметовъ и переводѣ въ новоприбавочные классы, отъ чего произойдетъ для общества существенная польза. Преосвященный, какъ того и слѣдовало ожидать, отнесся къ этой просьбѣ вполнѣ отрицательно и заявилъ, что питомцы Коллегіума, „самопроизвольно слушающіе разныя предметы въ прибавочныхъ классахъ, отнюдь не должны оставлять прежняго ученія, отъ котораго святой церкви и государству давно уже приносится большая польза, тѣмъ болѣе что они положили не мало труда на усвоеніе славяногреколатинскихъ наукъ“ [3]).

Однако это рѣшеніе только усилило взаимныя неудовольствія. Инспекторъ классовъ Паули сообщалъ директору Выродову, что до послѣдняго времени питомцы Коллегіума, въ количествѣ до 100 человѣкъ, слушавшіе науки, преподаваемыя въ прибавочныхъ классахъ, оказывали въ нихъ значительные успѣхи и вмѣстѣ съ тѣмъ вели себя очень добропорядочно. Но съ 8—9 іюня съ ними произошла рѣзкая перемѣна. Два студента богословія, хорошо учившіеся, не указавъ никакихъ причинъ, оставили свои книги учителю нѣмецкаго языка и вовсе отказались посѣщать его уроки, заявивъ при этомъ, что другіе сдѣлаютъ тоже самое. Изъ разслѣдованія дѣла оказалось, что одинъ изъ студентовъ обидѣлся на учителя нѣмецкаго языка Амона за то, что тотъ стыдилъ его успѣхами его малолѣтнихъ товарищей; другой отказался посѣщать классы, потому что сказался больнымъ, а въ дѣйствительности при провѣркѣ найденъ былъ спящимъ; третій пересталъ учиться изъ лѣности; имъ стали подражать и малолѣтніе питомцы Коллегіума, потому что услышали распоряженіе Преосвященнаго Порфирія о томъ, что начальство прибавочныхъ классовъ надъ ними не должно имѣть никакой власти. Мы въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ, продолжалъ далѣе Паули, руководствуемся духомъ кротости и нравственнаго воздѣйствія, между тѣмъ какъ ректоръ и учителя Коллегіума даже двадцатилѣтнихъ учениковъ за самые малые проступки, которые и жестокихъ выговоровъ не стоятъ, сѣкутъ нещадно

[1]) Топ. опис. Харьк. Нам. Х. 1888, стр. 63.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло о прибавочныхъ классахъ.

[3]) Ibidem.

лозами и, очевидно, угрозами отзлекаютъ юношество отъ посѣщенія прибавочныхъ классовъ; въ виду этого мы, на общей конференціи, рѣшили просить васъ или предоставить намъ наблюденіе и за учениками Коллегіума, слушающими разные предметы въ прибавочныхъ классахъ, или же изъять отъ насъ питомцевъ Коллегіума, а предоставить намъ однихъ только постоянныхъ учениковъ—дѣтей дворянъ и другихъ свободныхъ сословій, дѣтей, которыхъ теперь у насъ имѣется до 100 человѣкъ.

Въ 1773 г. губернаторъ сдѣлалъ новую попытку къ мирному рѣшенію вопроса о совмѣстной дѣятельности свѣтской и духовной власти въ прибавочныхъ классахъ. Онъ писалъ о. архимандриту-ректору, что успѣхъ этихъ классовъ не соотвѣтствуетъ его ожиданіямъ и въ этомъ повинны съ одной стороны учащіе, а съ другой учащіеся. И такъ какъ ученіе въ Коллегіумѣ связано съ преподаваніемъ въ классахъ и требуетъ совмѣстнаго вниманія, то онъ проситъ, чтобы ректоръ совмѣстно съ префектомъ и директоромъ классовъ, составили правила для учителей и учениковъ [1]). Такъ трудно было, при антагонизмѣ свѣтскаго и духовнаго вѣдомствъ, вести успѣшно дѣло преподаванія.

И такъ, для новаго училища отведено было помѣщеніе Коллегіумомъ. На содержаніе школъ отпускалось ежегодно по 3000 рублей. Сумма эта была довольно значительна по сравненію съ тѣми средствами, которыми располагалъ Коллегіумъ, въ которомъ было нѣсколько сотъ учащихся, въ томъ числѣ и казенно коштныхъ. Сумма эта должна была распредѣляться такъ: на жалованье 5 учителей 1050 р., на жалованье (содержаніе) 50 ученикамъ 900 р. (по 18 р. на каждаго), директору, 3 инспекторамъ, интенданту, 8 служителямъ, повару и его двумъ помощникамъ—653 р., на книги и инструменты, чернило и бумагу, перья, краски и свѣчи для учениковъ 130 р., подканцеляристу при директорской конторѣ, копіисту, сторожу—истопнику, капралу или ундеръ офицеру, приставленному для храненія казенныхъ вещей, 4-мъ прачкамъ и на канцелярскіе расходы—187, на дрова 80 р., всего 3000 р. На первыхъ порахъ Сенатъ давалъ право Щербинину ограничиться и меньшимъ числомъ учениковъ, а если бы оно возрасло, тогда онъ могъ войти съ представленіемъ и объ увеличеніи штатной суммы до выяснившейся на практикѣ нормы [2]). Въ дѣйствительности опредѣляемая на содержаніе классовъ 3000 сумма цѣликомъ не издерживалась и изъ нея образовался запасный капиталъ. По 1-е сентября 1776 года получено было въ приходѣ 31000 р. Расходы же были таковы. Купленъ былъ у бригадира Гринева домъ и къ нему сдѣланы пристройки. Сохранилось современное описаніе этого новаго помѣщенія прибавочныхъ классовъ, когда они, очевидно, отдѣлились уже отъ Коллегіума. Дворъ былъ огороженъ плетневымъ заборомъ. Деревянное зданіе его было покрыто „гонтовою“ крышею. Подъ одною кровлею было 8 комнатъ, 2 небольшихъ чулана и двое маленькихъ сѣней съ подъѣздами; подъ другою кровлею—5 комнатъ и одни небольшіе сѣни; подъ третьею поварня, состоявшая изъ 2-хъ комнатъ и чулана, подъ четвертою—квартира интенданта, состоявшая изъ 3-хъ комнатъ съ сѣнями; канцелярія состояла изъ двухъ комнатъ и сѣней, изъ службъ были—ледникъ, два амбара, погребъ, баня съ сѣнями и напротивъ нея маленькая избушка [3]). Все это имѣло, какъ видимъ, въ значительной степени деревенскій видъ.

Въ 1783 году директоръ училища ходатайствовалъ передъ губернаторомъ Норовымъ о постройкѣ новаго небольшаго помѣщенія (площадью 56 кв. саж.) для спаленъ питомцевъ, прибавляя, при этомъ, что всѣ прежнія постройки пришли уже въ такую ветхость, что представляютъ опасность для жительства и должны быть снесены; но временно необходимо во всякомъ случаѣ сдѣлать то, что онъ проситъ. По свидѣтельству В. Н. Каразина, прибавочные классы

[1]) Архив. Харьк. Губ. Правл. (7 ноября 1773 г.).

[2]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Связка о классахъ 1769 г.

[3]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Сдаточная опись губерніи 1775 г.

были переведены въ домъ, купленный для нихъ у полковника Тевяшова[1]). Изъ другихъ данныхъ можно прійти къ убѣжденію, что этотъ домъ казеннаго училища находился приблизительно въ томъ кварталѣ, гдѣ теперь высится монументальное зданіе Общественной библіотеки.

Помѣстить 20 казеннокоштныхъ питомцевъ училища предполагалось въ 1771 году въ казенномъ домѣ, который раньше занималъ Харьковскій Гарнизонный лекарь Гіартъ; къ нимъ велѣно было пригласить учителя, 2-хъ субъинспекторовъ, повара, служителей и т. п.[2]).

Но расходы по содержанію школы было издержано 19409 р. 67 к. Кромѣ того изъ остатковъ выдано 10000 р. въ ссуду изъ 6% мѣстному помѣщику Петру Щербинину и 1500 р. прокурору Московскаго Суднаго Приказа князю Вяземскому и получено за 1774 и 1775-й годы 1380 р. процентовъ.

Трехтысячная сумма въ это время расходовалась такъ: жалованье директору 250 р., интенданту 100 р., учителю французскаго языка 400 р., нѣмецкаго 300, математики 200, рисованія и живописи 100 р., архитектуры 80 р., 3 адъюнктамъ изъ учениковъ—90 р. (по 30 р.), 2-мъ канцелярскимъ служителямъ 72 р. (48 и 24), 5 сторожамъ 60 р. (одному 16, остальнымъ по 11), истопнику—10 р., 26 казеннокоштнымъ ученикамъ нѣмецкаго и французскаго классовъ 700 р., состоявшимъ при нихъ 2 инспекторамъ—90 р. (по 45 р. каждому), 7 служителямъ 32 р. (по 8 р. каждому), двумъ кухаркамъ 24 р. (по 12 р. каждой), прачкѣ 15 р., на отопленіе 80 р., на письменныя принадлежности и краски ученикамъ—40 р., на канцелярскіе расходы 15 руб., дядьку французу 70 р., дядьку нѣмцу 50 р., всего 2678 рублей[3]).

По первоначальному примѣрному штату полагалось на содержаніе каждаго казеннокоштнаго воспитанника по 18 руб. въ годъ и только по ходатайству новаго директора прибавлено еще около 10 р. Раньше же ему отпускалось по 18 р. на человѣка и при томъ объявлено было, что если онъ допуститъ передержку, то она взыщется изъ его собственныхъ средствъ. На дрова также отпускалась половинная противъ штата сумма. Между тѣмъ цѣны на одежду и съѣстные припасы сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда составлялись эти штаты, повысились почти вдвое, возвышались постоянно также цѣны и на дрова и потому назначенныхъ суммъ не доставало даже на 8 мѣсяцевъ. Въ виду этого директоръ просилъ, чтобы на каждаго питомца отпускалось по столько, по сколько велѣно было давать на содержаніе учениковъ новаго вокальнаго класса[4]). По смѣтѣ 1776 года отпущено было на прибавочные классы 2760 р., въ томъ числѣ на содержаніе 26 питомцевъ вмѣсто 700 р. 624 р. (по 24 р. на каждаго) и это сокращеніе мотивировалось значительнымъ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ[5]).

Съ 1773 года прибавлена была еще одна тысяча рублей спеціально на содержаніе вокальнаго класса. По смѣтѣ 1775 года отпущено было на его содержаніе 642 рубля, въ остаткѣ было 358 р.[6]). Изъ смѣты 1784 года видно, что и тогда отпускалось на училище 4000 р. и къ нимъ прибавлялось 100 р., собираемыхъ въ качествѣ платы за слушаніе уроковъ съ учениковъ дворянскаго званія. Распредѣлялась эта сумма такъ: директору 250, эконому или интенданту 225, двумъ канцелярскимъ служителямъ 105 р. (75 и 30), учителю французскаго синтаксическаго класса 200 р., учителю французскаго грамматическаго класса, Закона Божія и русскаго правописанія 200 р., учителю нѣмецкаго синтаксическаго класса 250 р., грамматическаго 160,

---

[1]) Взглядъ на Украинскую старину (Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 42).

[2]) Архивъ Харьк. Губ. Прав. Протоколы Губ. Канц.

[3]) Архивъ Харьк. Губ. Правл.

[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло Губ. экспедиціи о новозаведенныхъ въ г. Харьковѣ разныхъ наукъ классахъ 1774 года.

[5]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Связка о классахъ 1776 года.

[6]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Сдаточная опись губерніи 1775 г.

первоначальнаго 100, географіи и исторіи 60 р., живописи и рисованія 200, фортификаціи и артиллеріи 200, геометріи 60, архитектуры 70, ариѳметики и клавикордъ 100, геодезіи 30, танцевъ 50, вокальной и инструментальной музыки 300, на поты 30, ученикамъ инструментальнаго и вокальнаго класса (7 человѣкамъ) 340 р. (отъ 40 до 100 р. каждому), 6 канцеляристамъ — 250 р. (40—50 р. каждому), сторожамъ и работницамъ 150 р., на содержаніе 60 казеннокоштныхъ питомцевъ 850 р. (т. е. по 14 р. на каждаго [1]).

Изъ представленныхъ данныхъ оказывается, что смѣта на казенное училище была увеличена только на 1000 р., но эта тысяча предназначалась на новый вокальный и музыкальный классъ. Наибольшее жалованье получали учителя новыхъ языковъ и музыки, имѣвшіе, очевидно, максимальное число уроковъ. Предназначенная на содержаніе учениковъ сумма оставалась безъ измѣненія, хотя число питомцевъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое: нужно думать поэтому, что и казеннокоштные воспитанники прибавочныхъ классовъ испытывали такую же нужду, какъ и питомцы Сиропитательнаго дома при Коллегіумѣ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, воспользовалось ли казенное училище тѣми суммами, которыя составили его сбереженіе и въ качествѣ таковаго отданы въ ссуду подъ проценты Щербинину и Вяземскому. Въ печальное состояніе пришли также къ началу 80-хъ годовъ и зданія казеннаго училища, но были ли они заново перестроены, неизвѣстно.

Посмотримъ теперь, какова была учебная и воспитательная сторона въ жизни казенныхъ классовъ. Мы видѣли, что еще въ въ 1766 и 1767 г. г. заботились о привлеченіи въ нихъ учителей. Въ маѣ 1768 года Щербининъ обратился къ Преосвященному Порфирію съ просьбою о назначеніи особаго учителя, который могъ бы преподавать катехизисъ ученикамъ Коллегіума и прибавочныхъ классовъ. Преосвященный вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что такой преподаватель для малолѣтнихъ необходимъ, высказалъ желаніе опредѣлить его съ сентября мѣсяца, т. е. съ начала учебнаго года [2]). Выборъ подходящаго для этого лица, опредѣленіе часовъ и т. п. бралъ на себя преосвященный; но едва ли Щербининъ не имѣлъ тогда уже въ виду своего собственнаго кандидата—и этимъ кандидатомъ былъ никто иной, какъ знаменитый украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. Онъ до того времени преподавалъ въ Коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ. Щербининъ зналъ Сковороду, любилъ бесѣдовать съ нимъ, цѣнилъ его и, по всей вѣроятности, рѣшилъ пригласить въ свои классы во уваженіе къ его учености, широкой популярности и талантамъ. Сохранилось любопытное прошеніе Г. С. Сковороды, адресованное Щербинину, о предоставленіи ему этой должности, имъ самимъ подписанное, хотя и не имъ написанное. Почему Г. С. Сковорода не написалъ собственноручно этого прошенія, когда своею рукою переписывалъ для друзей цѣлые томы своихъ трудовъ? Не служитъ ли это доказательствомъ того, что прошеніе по формѣ, съ прописаніемъ полнаго титула Щербинина, было продиктовано „старчику Варсавѣ“ самимъ Щербининымъ, который не разъ убѣждалъ его, по свидѣтельству Ковалинскаго, принять какую либо подходящую должность? Вотъ текстъ этого прошенія. „Я предъ симъ находился въ здѣшнемъ коллегіумскомъ монастырѣ учителемъ школы піитики; нынѣ же освѣдомился, что надобность есть во вновь прибавочныхъ здѣсь классахъ въ учителѣ для толкованія вступившимъ во оные классы ученикамъ катехизиса, то къ симъ трудамъ желаніе имѣю быть того катехизиса учителемъ; чего ради Вашего Превосходительства прошу объ опредѣленіи меня въ тѣ классы въ учители и о произвожденіи жалованья въ годъ пятидесяти рублевъ со свободною квартирою учинить разсмотрѣніе. Къ сему доношенію учитель Григорій Сковорода руку приложилъ. (7 іюля 1768 года)“. На это прошеніе на слѣдующій день (т. е. 8 іюля) была положена Щербининымъ

[1]) Архивъ Харьк. Губ. Правленія.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Изъ дѣлъ экспедиціи Щербинина о прибавочныхъ классахъ 1768 года.

слѣдующая резолюція. „Опредѣленный въ Слободскую украинскую губернію съ властію губернаторскою генералъ маіоръ лейбъ гвардіи премьеръ маіоръ и кавалеръ Щербининъ, по доношенію учителя Григорія Сковороды, которымъ объявляетъ, что онъ предъ симъ находился въ здѣшнемъ коллегіумскомъ монастырѣ учителемъ школы пінтики, нынѣ же освѣдомился, что надобность есть во вновь прибавочныхъ здѣсь классахъ въ учителѣ для толкованія вступившимъ во оные классы ученикамъ катехизиса, то къ симъ трудамъ желаніе имѣетъ онъ, Сковорода, быть того катехизиса учителемъ и тѣмъ доношеніемъ проситъ объ опредѣленіи его въ тѣ классы и о произвожденіи жалованья въ годъ пятидесятъ рублевъ со свободною квартирою, приказалъ онаго Сковороду, причисля въ учители, жалованье производить ему съ числа сего опредѣленія по пятидесяти рублевъ въ годъ, поопредѣленіямъ губернской канцеляріи, съ запискою въ расходную книгу съ росписками изъ входящихъ на содержаніе оныхъ прибавочныхъ классовъ, получаемыхъ со вступающихъ въ тѣ классы для наукъ вольныхъ дворянскихъ и протчихъ дѣтей противъ учиненнаго и въ правительствующій сенатъ представленнаго проэкта штата 16 пункта денегъ, о чемъ въ Слободскую губернскую канцелярію предложить и къ имѣющему въ дирекціи тѣ классы коллежскому ассесору г-ну Выродову ордеръ дать, съ тѣмъ чтобы распоряженіе времени, въ которое ему Сковородѣ въ толкованіи онаго катехизиса упражняться учинилъ онъ г-нъ Выродовъ отъ себя, не повреждая нынѣшняго въ протчихъ наукахъ тамо теченія и о томъ генералъ маіору и кавалеру рапортовалъ бы. Въ подлинномъ подписано тако: Евдокимъ Щербининъ“ [1]).

И Гр. С. Сковорода открылъ порученный ему курсъ катехизиса или христіанскаго добронравія, но читалъ его дворянскимъ дѣтямъ столь своеобразно и оригинально, что привелъ въ смущеніе коллегіумскихъ богослововъ и долженъ былъ оставить преподаваніе. Объ этомъ преподаваніи и его вступительныхъ лекціяхъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ, когда будемъ вести рѣчь о Сковородѣ, какъ представителѣ мѣстной науки. Теперь же только замѣтимъ, что преслѣдовать Г. С. Сковороду за направленіе его ученія сталъ именно преосвященный Порфирій, которому, очевидно, было очень непріятно, что губернаторъ, помимо его воли, назначилъ Григорія Саввича преподавателемъ богословскаго предмета въ прибавочные классы; мы знаемъ, что право назначенія учителя для этой науки преосвященный оставилъ за собою. Такимъ образомъ, Г. С. Сковорода сразу попалъ въ тяжелое положеніе человѣка, противъ котораго должно было вооружиться Коллегіумское начальство, за то, что онъ былъ избранникомъ губернатора. Г. С. Сковорода явился, конечно, гордостью и украшеніемъ всего учительскаго персонала новаго училища.

Учителемъ рисованія былъ приглашенъ Щербининымъ академикъ живописи Иванъ Семеновичъ Саблуковъ, обучавшійся въ Академіи живописи, скульптурѣ и архитектурѣ. По контракту онъ обязался обучать рисованію съ рисунковъ и эстамповъ, а если оказались бы годные и понятливые ученики, то и съ гипсовъ и съ натуры. Губернаторъ предлагалъ опредѣлить въ классъ Саблукова преимущественно уроженцевъ харьковскаго края, которые бы, оставаясь въ немъ, могли своимъ искусствомъ принести пользу мѣстному обществу [2]). (1768 г.). Обратился за учителями Щербининъ и въ Московскій университетъ, который отвѣтилъ, что среди студентовъ его имѣются молодые люди, знающіе хорошо русское правописаніе и слогъ, но нужно имѣть свѣдѣнія, какія условія имъ будутъ предложены; что же касается преподавателя юриспруденціи, то кандидата на эту должность трудно будетъ найти, потому что изъ студентовъ юридическаго факультета болѣе 30 человѣкъ было взято въ коммиссію для составленія проэкта но-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правленія. Изъ дѣла экспед. Щербинина о прибавочныхъ классахъ 1768 года.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правленія.

ваго уложенія и осталось всего на лицо 4 человѣка; впрочемъ если сдѣлать публикацію въ Московскихъ вѣдомостяхъ, то, быть можетъ, найдется желающій занять и это мѣсто [1]). Учителемъ французскаго и итальянскаго языковъ былъ приглашенъ по контракту на 3 года итальянецъ Алексѣй ди Кастеллій, обязавшійся за жалованье 150 р. въ годъ по 6 часовъ въ день обучать французскому и итальянскому языкамъ,—говорить, читать, писать и переводить по грамматическимъ правиламъ и сверхъ того преподавать на французскомъ языкѣ исторію и географію; вести себя онъ долженъ былъ прилично—согласно требованію учительской инструкціи; а если бы онъ пріобрѣлъ въ Харьковѣ домъ, то этомъ послѣдній былъ бы свободенъ отъ всякихъ налоговъ и постоя [2]). Однако повелъ себя Ди Кастеллій не совсѣмъ прилично: 4 октября 1770 года онъ ночью бѣжалъ и увезъ съ собою бывшаго у него ученика нѣмецкаго класса сына полтавскаго помѣщика, Дмитрія Занковскаго, за коего долженъ былъ внести въ кассу училища 12 рублей да съ него самаго надлежало взыскать за ученика французскаго класса Павла Левенца 12 рублей, за взятый имъ геометрическій инструментъ 3 и за утерянный нѣмецкій лексиконъ 2 р. Послѣ своего бѣгства Дикастеллій поселился у Занковскаго и не явился, не смотря на вызовъ, въ Харьковъ для взысканія съ него указанныхъ долговъ; поэтому товарищъ губернатора Ст. Тевяшовъ просилъ Щербинина, пребывавшаго въ это время въ Полтавѣ, настоять на его прибытіи въ Харьковъ [3]).

Учителемъ музыки былъ приглашенъ итальянскій музыкантъ Францъ Мартини, обязавшійся въ 1771 году по контракту съ Щербининымъ обучать 17 учениковъ игрѣ на скрипкѣ, басѣ, флейтѣ, гобоѣ и на волторнѣ по 4 часа до обѣда и по 3 часа послѣ обѣда за исключеніемъ праздничныхъ дней, за жалованье 200 р. въ годъ [4]). Въ 1773 г. губернаторъ представилъ Государинѣ докладъ объ учрежденіи при Харьковскомъ казенномъ училищѣ новаго пѣвческаго класса, въ которомъ ученики подготовлялись бы между прочимъ и въ Императорскую капеллу. На содержаніе этого класса необходима была дополнительная сумма въ 1000 рублей, изъ которой часть должна была идти на жалованье учителю пѣнія и ноты, а остальная на содержаніе 12 учениковъ этого класса, которыхъ предполагалось набирать изъ питомцевъ Харьковскаго Коллегіума и другихъ славяно-латинскихъ малороссійскихъ школъ, а также дѣтей священно и церковно служителей и низшихъ сословій. Преподавателемъ Щербининъ предполагалъ пригласить придворнаго музыканта Максима Канцевича, который изъявлялъ на это согласіе за 300 р. въ годъ жалованья и за квартиру и офицерскій чинъ, о которомъ онъ ходатайствовалъ въ виду своей долговременной службы въ соотвѣтствіи съ его должностью придворнаго уставщика; онъ принималъ на себя обязанность обучать кромѣ учениковъ своего класса и учениковъ Коллегіума, обладающихъ соотвѣтственными голосами; но въ его классъ эти послѣдніе могли бы поступать только въ томъ случаѣ, если бы кто изъ учениковъ выбылъ въ придворный хоръ или вообще освободилась бы въ немъ вакансія [5]). Императрица утвердила докладъ Щербинина о пѣвческомъ классѣ.

Въ 1783 году директоръ училища Фонъ Буксгевденъ вошелъ къ Черткову съ представленіемъ о необходимости открытія новаго архитектурнаго класса. Въ штатахъ училища сказано, писалъ онъ, что если училищное управленіе найдетъ нужнымъ что либо прибавить для пользы ученія или учащихся, то это можетъ быть сдѣлано съ утвержденія генералъ-губернатора или губернатора; по нынѣшнему же положенію при училищѣ не имѣется архитектур-

[1]) Арх, Харьк. Губ. Правл. Дѣло о приб. классахъ 1768 г.
[2]) Ibidem.
[3]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Связка о новоприб. классахъ на 1770-й годъ.
[4]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Журналъ Слоб. Укр. Губ. Канцеляріи.
[5]) Арх. Харьк. Губ. Правленія. Связка о классахъ 1773 года.

наго класса, который для общественной пользы необходимъ, а такъ какъ здѣшній архитектурный помощникъ Максимъ Калиновскій изъявилъ желаніе взять на себя въ немъ преподаваніе, а онъ по свидѣтельству губернскаго архитектора поручика Ярославскаго свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ, то я прошу опредѣлить его къ этой должности съ производствомъ 60 р. жалованья въ годъ, за которое онъ обязуется преподавать ежедневно по 2 часа. Чертковъ согласился съ этимъ представленіемъ, съ тѣмъ чтобы Калиновскому были назначены часы, когда бы онъ, не мѣшая преподаванію другихъ предметовъ, обучалъ своей наукѣ казенныхъ и своекоштныхъ питомцевъ, которые будутъ признаны для этого способнѣе другихъ [1]).

Кромѣ учителей при ученикахъ казеннаго училища состояли еще особые дядьки гувернеры, наблюдавшіе за поведеніемъ учащихся и говорившіе съ ними на иностранныхъ языкахъ. Таковъ былъ, напримѣръ, отставной капралъ Венгерскаго Гусарскаго полка Михайло Станиславъ, принадлежавшій къ Саксонской націи и проживавшій въ Харьковѣ; онъ былъ признанъ довольно свѣдущимъ въ нѣмецкомъ языкѣ и по своему добропорядочному поведенію способнымъ къ занятію такой именно должности съ жалованьемъ по 50 р. [2]) въ годъ.

Такую же обязанность во французскомъ классѣ принялъ на себя Конъ, проживавшій въ качествѣ домоправителя и гувернера у преподавателя французскаго языка Аттона.

Директоръ классовъ Горленскій предлагалъ сдѣлать его гувернеромъ—дядькою при ученикахъ училища для упражненія ихъ во французскомъ языкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить ему присматривать за поваромъ, такъ какъ онъ нѣсколько знакомъ съ поваренымъ искусствомъ; жалованья предполагалось платить ему по 70 р. [3]) въ годъ. Въ 1787 году Чертковъ нашелъ Харьковское казенное училище въ прекрасномъ состояніи по успѣхамъ учениковъ и, объяснивъ это хорошимъ управленіемъ его и рвеніемъ учителей, рачительно исполняющихъ свои обязанности, для вящшаго поощренія ихъ трудолюбія и для того чтобы отличить ихъ отъ простыхъ гражданъ, предоставилъ право носить мундиры и шпаги Харьковскаго Намѣстничества и тѣмъ изъ нихъ, которые не имѣли оберъ офицерскаго чина [4]).

Учителями въ казенномъ училищѣ разновременно состояли: нѣмецкаго языка Фаддей Амонъ, Өед. Ольденборгеръ (съ 1789 г.), Ив. Барзинъ (съ 1796 г.), французскаго языка—Иванъ Паули, Петръ Аттонъ и Алексѣй Ди Кастеллій (онъ же и итальянскаго), ариѳметики, геометріи, стереометріи, тригонометріи, фортификаціи и артиллеріи,—фузилернаго полка сержантъ Иванъ Николаевъ, живописи и рисованія—академикъ Иванъ Саблуковъ, потомъ, за его отказомъ, его ученикъ Харьковскій обыватель Василій Неминущій, съ 1776 года—Семенъ Маяцкій, архитектуры—архитекторскій помощникъ Ярославскій, русскаго письма—инспекторъ Кудрицкій, Закона Божія и русскаго краснорѣчія—прот. Василій Фотіевъ (съ 1796 г.), русской грамматики и ариѳметики—Ив. Золотаревъ (съ 1789 г.), геометріи, геодезіи, архитектуры и танцевъ Ив. Гриневъ (съ 1793 г.); адъюнктами состояли: Максимъ Калиновскій и Григорій Дмитріевъ; впослѣдствіи учитель французскаго чтенія, письма, а также исторіи и географіи, студентъ Александръ Ставровскій во французскомъ классѣ, Василій Прокоповичъ—въ нѣмецкомъ, Андрей Лукьяновъ—въ рисовальномъ и Николай Драгомиръ—въ математическомъ. Первымъ учителемъ музыки былъ, какъ мы видѣли, придворный музыкантъ Канцевичъ (съ 1773 г.). Капельмейстеромъ вокальной музыки былъ съ 1796 года Артемъ Ведель, инструментальной—Яковъ Цихъ, дядьками—французъ Кохъ, нѣмецъ Яганъ Клейнкъ и др.

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав.

[2]) Ibidem.

[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло губернатор. экспедиціи о ново заведенныхъ въ Харьковѣ разныхъ наукъ классахъ 1774 года.

[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Подлинное письмо Черткова къ правителю Харьк. Нам. Норову.

Въ пѣвчихъ въ 1797 г. состояло трое басовъ, трое теноровъ, 7 музыкантовъ. Регента Веделя, славнаго композитора капельмейстера Цихе и нѣсколько пѣвчихъ, въ числѣ которыхъ былъ Петръ Турчениновъ (бывшій потомъ въ Петербургѣ протоіереемъ при больницѣ бѣдныхъ на Литейной—сочинитель трехъ-голоснаго пѣнія каноновъ) привезъ въ Харьковъ генералъ-губернаторъ А. Я. Леванидовъ [1]).

Мы видѣли, что приглашеніе учителей въ казенные классы было сопряжено съ значительными затрудненіями. Не менѣе трудно было доставать необходимыя учебныя пособія. Аудитору Изюмскаго гусарскаго полка Меркулову Щербининъ поручилъ пріобрѣсти въ Москвѣ учебники и тотъ купилъ въ 1767 году въ Москвѣ въ Университетской лавкѣ 50 нѣмецкихъ азбукъ по 15 к., 50 грамматикъ по 50 к., 50 французскихъ азбукъ по 30 к. (всѣ безъ переплета); у коммиссара академической петербургской лавки Волкова онъ пріобрѣлъ 50 французскихъ грамматикъ по 1 р., лексиконъ за 2 р. 50 к., у университетскаго переплетчика Риднера 8 нѣмецкихъ географій по 1 р. 50 к., 6 французскихъ географій по 1 р., атласъ съ ландкартами за 12 р., 4 исторіи Боссюэта по 1 р. 50 к. Переплетчикъ Московскаго университета Дмитріевъ взялъ за переплетъ этихъ книгъ 24 р.; сундукъ для книгъ обошелся въ 2 р. 30 к.; всего истрачено было 162 р. 30 к. [2]). Всѣ необходимыя для учениковъ учебныя пособія—книги, математическіе инструменты, бумагу, эстампы—нужно было выписывать самому училищу изъ Москвы и заграницы и затѣмъ продавать учащимся. Въ 1768 г. директоръ Выродовъ составилъ каталогъ такихъ предметовъ на сумму въ 700 р. Онъ же предлагалъ, по рекомендаціи учителя Паули, выписать изъ Голландіи армилярную сферу за 150 р. и 2 глобуса (земной и небесный) за 50 р. Выписка ихъ и была поручена Паули за его формальнымъ поручительствомъ [3]). Изъ Москвы выписано было 2 экземпляра Эйлеровой ариѳметики, 10 экземп. русской грамматики Ломоносова, 200 экзем. французскихъ грамматикъ съ вокабулами, 5 экземп. лексикоповъ—вояжировъ на французскомъ, русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, 1 экземпляръ меморій артиллерійскихъ, 10 экземп. „Наставленій, какъ сочинять и писать всякія письма къ разнымъ особамъ съ пріобщеніемъ примѣровъ и разныхъ авторовъ“, 10 экземпляровъ начальныхъ основаній математики Муравьева, 5 экз. книги „Основательное и ясное наставленіе въ миньятюрной живописи, посредствомъ котораго можно сему искусству весьма легко и безъ учителя обучиться, съ пріобщеніемъ многихъ рѣдкихъ и особливыхъ способовъ, какъ разныя краски, золото, серебро и китайскій лакъ дѣлать и золотить“, 2 экз. геометріи и тригонометріи Румовскаго, 3 экз. Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества, 4 экз. Флориновыхъ экономій со многими фигурными листами, 4 экз. нѣмецкорусскихъ лексикоповъ, по 200 экз. нѣмецкихъ и французскихъ азбукъ, 10 экзем. ариѳметики, переведенной Аничковымъ, 10 экземп. его же геометріи и тригонометріи, 150 экз. нѣмецкихъ грамматикъ, 1 экз. „Дружескихъ совѣтовъ молодому человѣку, который начинаетъ жить въ свѣтѣ“ на французскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, 4 экз. нѣмецкихъ риторикъ Готтштедта, 1 экз. его же большой нѣмецкой грамматики, 2 экземп. риторики Ломоносова; аспидныхъ досокъ и грифилей по 200 штукъ, геометрическихъ инструментовъ 25 штукъ; для рисованія 50 французскихъ раскрашенныхъ рисунковъ, 25 большихъ рисунковъ рукъ и ногъ, 25 рисунковъ цѣлыхъ фигуръ; синей французской бумаги стопу, сѣрой полъ стопы, голландскаго чернаго карандаша 1 пудъ [4]). Въ книжной лавкѣ Московскаго университета не было полнаго списка иностранныхъ книгъ, которыя оттуда можно было выписать. Въ виду этого директоръ прибавочныхъ классовъ Горлен-

[1]) Харьк. Сбор. на 1887-й годъ, стр. 33.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правленія.
[3]) Ibidem.
[4]) Арх. Харьк. Губ. Правленія.

скій просилъ о присылкѣ каталога и этихъ изданій. Равнымъ образомъ онъ предлагалъ запросить Московскій университетъ, на какихъ условіяхъ типографія его можетъ печатать переводы питомцевъ казеннаго училища съ иностранныхъ языковъ на русскій, такъ какъ часть ихъ была уже приготовлена для этой цѣли [1]).

Любопытно отмѣтить вообще, что Московскій университетъ XVIII вѣка игралъ видную роль въ жизни Харьковскаго казеннаго училища, а, слѣдовательно, и самаго города Харькова. Въ 1771 году онъ опубликовалъ требованіе, чтобы въ его округѣ иностранные учителя не вели преподаванія безъ печатныхъ аттестатовъ и особыхъ его наставленій—и директоръ Харьковскаго казеннаго училища немедленно предложилъ распространить примѣненіе этой мѣры и на его школу, что было принято также Губернской Канцеляріей [2]). Когда открытъ былъ спеціальный рисовальный классъ, то для него выписали по 10 гипсовыхъ головъ, рукъ и ногъ (по 50 к. каждая), статуи—царицы Дидоны (10 р.), Геркулеса (9), группа Петра Великаго и Минервы, съ планомъ Петербургской крѣпости и со знаками зарожденія наукъ и художествъ (10 р.), богини юности, въ видѣ дѣвицы, державшей въ одной рукѣ сосудъ съ нектаромъ, а въ другой крышку отъ него (6 р.), группу Зефира и Флоры, сидящихъ на пригоркѣ (6 р. 50 к.), Венеры съ колесницею (5 р. 50 к.), Милона, отрока съ лирою (5 р.), Сивилы, египетскаго идола, женщины съ палитрою (олицетвореніе живописи), Минервы, Люкреціи, Бахуса съ Сатиромъ, Валдайки съ баранками, орѣшницы съ орѣхами, сбитенщика со сбитнемъ, бюсты Флоры, Дружбы, Любви и нѣкоторыхъ друг. всего на 122 р. 50 к.; кромѣ того бумаги и карандашей и желѣзную лампаду [3]).

Академикъ Саблуковъ, по порученію училища, купилъ въ Петербургѣ разныхъ принадлежностей для рисовальнаго класса (статуй, бюстовъ) на 132 р. 15 к., матеріаловъ на 66 р., укупорка и перевозка обошлась въ 137 р. Когда Саблуковъ спускался съ Валдайскихъ горъ, лошади не сдержали экипажа, понесли и завезли академика въ болото, изъ котораго его едва освободили, при чемъ онъ потерялъ часы и записную тетрадь своимъ покупкамъ [4]).

Шесть болѣе подготовленныхъ учениковъ рисовальнаго класса стали обучаться живописи масляными красками и для нихъ заготовлено было все необходимое (кисти, палитры и т. п.) на 24 р. 50 к. Написанныя ими картины Щербининъ велѣлъ продавать и этимъ приходомъ погасить сдѣланный расходъ [5]).

Одновременно съ заботою о приглашеніи учителей Губернская Канцелярія старалась и о привлеченіи въ прибавочные классы учениковъ. На основаніи положенія объ училищѣ ученики Коллегіума могли обучаться въ немъ разнымъ наукамъ безплатно, а дѣти дворянъ, мѣщанъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, должны были вносить по одному рублю, прочіе разночинцы по 50 коп., а штабъ и оберъ-офицеры, не имѣвшіе недвижимаго имущества по 25 к. въ мѣсяцъ; деньги эти нужно было записывать въ приходъ и употреблять на нужды школы. Объ имѣющемъ состояться открытіи классовъ французскаго и нѣмецкаго языка объявлено было Коллегіуму, по провинціямъ и Коммиссарствамъ [6]). Но этому призыву приданъ былъ повидимому какъ бы принудительный характеръ. По крайней мѣрѣ въ предложеніи губернатора говорится, что передъ открытіемъ ученія въ классѣ „со всей губерніи требовались, штабъ, оберъ-офицерскія и старшинскія дѣти къ смотру и опредѣленію въ тѣ науки“, при чемъ многіе изъ нихъ по малолѣтству были отпущены по домамъ

---

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Протоколы Губ. Канц. 1771 года.
[2]) Ibidem.
[3]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Св. о новоприб. классахъ на 1770 г.
[4]) Ibidem.
[5]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Связка о классахъ 1773 года.
[6]) Арх. Харьк. Губ. Прав.

для изученія русской грамоты и письму, а о другихъ Коммисарства доносили, что они по болѣзни и разнымъ причинамъ высланы быть не могутъ, а явятся позже. Въ дѣйствительности же и изъ прежде бывшихъ малолѣтними, и изъ вовсе не явившихся поступило впослѣдствіи очень немного. Принимая во вниманіе, что школа давала имъ подготовку къ ожидавшей ихъ военной службѣ въ необходимыхъ для того наукахъ, какъ-то—ариѳметикѣ, геометріи, артиллеріи и воинской архитектурѣ, а болѣе способные могли бы и продолжать свое образованіе, Губернская Канцелярія въ 1770 году требовала, чтобы представлены были директору грамотныя офицерскія и старшинскія дѣти въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ и опредѣлены въ классы къ тѣмъ наукамъ, къ коимъ окажутся способнѣе [1]). Изъ вѣдомости о числѣ учащихся въ прибавочныхъ классахъ въ 1769 году оказывается, что во французскомъ классѣ Ив. Паули дворянскихъ дѣтей, упражнявшихся въ переводахъ съ французскаго языка на русскій и обратно, было 9, разночинцевъ 2, питомцевъ Коллегіума 30, дворянскихъ дѣтей, обучавшихся французской грамматикѣ 28, разночинцевъ 4, дворянскихъ дѣтей обучавшихся французскому чтенію и письму 7, разночинцевъ 1; въ нѣмецкомъ классѣ Фаддея Амона было дѣтей дворянскихъ, обучавшихся синтаксису и переводамъ 15, разночинцевъ 2, дворянскихъ дѣтей, обучавшихся грамматикѣ 17, чтенію и письму 18, разночинцевъ 4, питомцевъ Коллегіума, обучавшихся синтаксису и переводамъ 28; въ рисовальномъ классѣ (академика Ив. Саблукова) питомцевъ Коллегіума, рисовавшихъ фигуры 5, дворянъ 2, разночинецъ 1, рисующихъ большія головы дворянъ 5, разночинцевъ 2, меньшія головы—дворянъ 2, руки и ноги питомцевъ Коллегіума 3, дворянъ 4, уши, носы и губы—дворянъ 18, разночинцевъ 2; въ математическомъ классѣ Ив. Николаева—дворянъ, обучавшихся ариѳметикѣ 74, разночинцевъ 10, питомцевъ Коллегіума 16, дворянъ обучавшихся геометріи 9, питомцевъ Коллегіума 8; въ итальянскомъ классѣ (Ал. ди Кастелли) дворянъ, выучившихъ склоненія и дошедшихъ почти до мѣстоименій 5, разночинецъ 1, питомцевъ Коллегіума 28; въ классѣ географіи, преподаваемой на нѣмецкомъ языкѣ Ф. Амономъ, дворянъ обучавшихся начальнымъ основаніямъ географіи 13, разночинецъ 1, питомцевъ Коллегіума 12; въ классѣ исторіи, преподававшейся на нѣмецкомъ языкѣ Ф. Амономъ—дворянъ, обучавшихся начальнымъ основаніямъ 13, разночинецъ 1, питомцевъ Коллегіума 12; въ классѣ россійской географіи Ди Кастелли дворянъ, обучавшихся начальнымъ основаніямъ географіи было 14, разночинецъ 1, питомцевъ Коллегіума 36; въ классѣ русской исторіи того же Ди Кастелли было дворянъ 14, разночинецъ 1, питомцевъ Коллегіума 36. Всего дворянскихъ дѣтей было 93 человѣка, разночинцевъ 16, питомцевъ Коллегіума 99 человѣкъ. Среди учениковъ прибавочныхъ классовъ были въ то время представители многихъ мѣстныхъ дворянскихъ фамилій—Ковалевскихъ, Шидловскихъ, Боярскихъ, Захаржевскихъ, Банческуловъ и др. Состоялп учениками Захарій (Яковлевичъ) Карпѣевъ—впослѣдствіи попечитель Харьковскаго учебнаго округа, Михаилъ Двигубскій, впослѣдствіи профессоръ московскаго университета, Яковъ Гнѣдичъ [2]). Изъ вѣдомости за 1773 годъ видно, что въ этомъ году учениковъ въ казенномъ училищѣ дворянъ, разночинцевъ и питомцевъ Коллегіума было 125 человѣкъ, вновь вступило въ классы 7 человѣкъ, а не явилось послѣ вакацій изъ отпуска 48 человѣкъ. Такимъ образомъ, число учениковъ въ казенномъ училищѣ въ 1773 году сравнительно съ 1769 годомъ значительно убавилось; вѣроятно, это слѣдуетъ объяснить примѣненіемъ приказовъ объ отдачѣ учениковъ въ школу: на первыхъ порахъ они подняли цифру учащихся, а затѣмъ когда перестали примѣняться, то сразу ее понизили. Тогда для увеличенія числа учениковъ устроено было, по примѣру Коллегіумскаго сиропитательнаго дома, общежитіе для казеннокоштныхъ неимущихъ

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Св. о новоприб. классахъ 1770 г.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Связка о классахъ 1769 г.

питомцевъ и въ него въ 1773 году, напримѣръ, было принято 11 сиротъ и бѣдныхъ дѣтей. Они снабжались пищею и одеждою; къ нимъ опредѣленъ былъ для обученія русской и французской грамотѣ и письму Ѳед. Кудрицкій, состоявшій до того ученикомъ у преподавателя французскаго языка Аттона; ихъ же затѣмъ предполагалось распредѣлить по соотвѣтственнымъ классамъ [1]). Въ 1774 году такихъ питомцевъ было 24 человѣка [2]). Въ 1775 году 26 казенно-коштныхъ питомцевъ распредѣлялись между классами французскаго и нѣмецкаго языка такимъ образомъ: въ первомъ было 14, во второмъ 12 человѣкъ [3]). Въ томъ же 1775 году въ музыкальномъ классѣ было трое дискантовъ, четыре альта, трое теноровъ и двое басовъ [4]).

Въ 1785 году въ училищѣ было 237 учениковъ, въ томъ числѣ 120 дворянъ, 67 разночинцевъ и 50 семинаристовъ; въ 1795 г.—215, въ томъ числѣ 80 дворянъ и 135 разночинцевъ; въ 1796 г.—261, въ томъ числѣ 144 дворянъ и 117 разночинцевъ; въ 1797 г.—241, въ томъ числѣ 143 дворянъ и 98 разночинцевъ [5]). Въ 1797 году въ музыкально вокальномъ классѣ было 19 учениковъ, 12 малыхъ пѣвчихъ и 7 музыкантовъ, а въ общежитіи 38 казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Среди нихъ встрѣчаемъ Вас. Ярославскаго, Ольховскаго, 3-хъ Квитокъ (Ник., Вас. и Ивана), 2 Сохансквхъ, Подкользина, Ив. Шиманова [6]). Они принадлежали къ различнымъ сословіямъ: здѣсь были дѣти казенныхъ обывателей, купцовъ, солдатъ, священниковъ, пономарей, гусаръ, козаковъ, дворянъ, чиновниковъ, офицеровъ, однодворцевъ, приказныхъ, но преобладали дворяне: ихъ было болѣе 75 человѣкъ, былъ одинъ полякъ и два нѣмца. Возрастъ ихъ колебался отъ 8 до 18 лѣтъ [7]).

Слѣдуетъ отмѣтить одну симпатичную черту въ отношеніяхъ администраціи училища къ учащимся—заботу о болѣе талантливыхъ ученикахъ, желаніе дать имъ возможность дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранной ими спеціальности. Въ училищѣ, какъ мы видимъ, господствовала не курсовая, а предметная система слушанія уроковъ: каждый ученикъ выбиралъ себѣ для изученія извѣстную группу предметовъ, именно тѣхъ, къ которымъ чувствовалъ наибольшую склонность или считалъ ихъ болѣе важными для своей будущей службы. Нѣкоторые предметы считались какъ бы общими подготовительными, а за тѣмъ ученикъ особенно сосредоточивался или на военныхъ наукахъ, или на архитектурѣ, или на живописи.

Въ 1774 году войсковой обыватель г. Лебедина Сумской провинціи Ѳедоръ Лукьяновъ отдалъ директору училища своего сына Андрея для обученія рисованію и живописи на его собственномъ содержаніи. Директоръ, замѣтивъ въ этомъ ученикѣ охоту и способности къ этому искусству, поручилъ его особымъ заботамъ преподавателя этого предмета Немпущаго. По истеченіи двухъ лѣтъ Лукьяновъ на столько успѣлъ въ живописи, что директоръ училища могъ представить губернатору въ доказательство его успѣховъ двѣ картины, скопированныя съ гравированныхъ „куншговъ“, и просилъ для дальнѣйшаго поощренія его и другихъ исключить его изъ подушнаго оклада [8]).

Не менѣе важной чертой новоучрежденнаго училища являлась забота о такихъ ученикахъ, которые, по сиротству и бѣдности, не могли бы сами попасть въ него и окончить въ немъ курсъ.

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Связка о классахъ 1773 г.

[2]) Ibidem. О новозавед. клас. 1774 г.

[3]) Вотъ ихъ фамиліи: Соколовскій, Сухопаровъ, Степаненковъ, Ткаченко, 3 Тревогина, 2 Богословскихъ, Трипольскій, Щербина, Татарчуковъ, Конотопскій, Костенко, Ром. Цебриковъ, 2 Высочина, Рядчинъ, 2 Майстренкова, Сѣдельниковъ, 2 Кохановскихъ, Иваницкій, Бондаревъ, Золотаревъ.

[4]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Сдаточная опись Губерніи 1775 года.

[5]) Харьк. Унив. архивъ. Дѣло Сов. 1805 г. № 19.

[6]) Арх. Харьк. Губ. Правленія.

[7]) Арх. Харьк. Губ. Правленія.

[8]) Арх. Харьк. Губ. Правл. О новозавед. классахъ 1774 г.

Среди этихъ бѣдняковъ попадалось не мало способныхъ и трудолюбивыхъ дѣтей, которыя потомъ приносили пользу обществу и съ любовью вспоминали о своей alma mater.

Въ доказательство этого можно привести свидѣтельство одного изъ питомцевъ казеннаго училища Василія Ивановича Ярославскаго, который оставилъ намъ о немъ любопытныя воспоминанія, относящіяся къ 1789—1797 году. Родной дядя его Петръ Антоновичъ Ярославскій былъ губернскимъ архитекторомъ и къ нему то и привезли малолѣтняго племянника въ надеждѣ, что онъ „можетъ вѣрнѣе устроить его счастіе“. „По утру рано, разсказываетъ Вас. Ярославскій, въ самый Покровъ Пресвятыя Богородицы я былъ привезенъ въ Харьковъ и приведенъ въ домъ Петра Андреевича за Лопанью. Распрося обо мнѣ подробно (у В. И. Ярославскаго былъ дискантъ и онъ раньше пѣлъ въ церковномъ хорѣ), онъ велѣлъ оставить меня въ передней комнатѣ, а самъ поѣхалъ съ поздравленіемъ къ губернатору и въ церковь. Сидя долго одинъ въ комнатѣ, я соскучился; когда вошла горничная дѣвушка, то я обрадовался и просилъ ее провести меня отъ собакъ. Выйдя со двора я старался дойти до каменнаго моста и отыскать на ярмаркѣ близь Лопани возъ, гдѣ дядя мой остановился съ прочими людьми, пріѣхавшими изъ Писаревки. И какъ онъ того же дня располагалъ выѣхать изъ Харькова, то выругавши меня за то, что не остался, отвелъ меня въ классы (бывшее казенное училище, въ родѣ кадетскаго корпуса) и отдалъ меня родному старшему брату Ивану Ивановичу; братъ мой хотя и негдѣ было помѣстить меня, обрадовавшись, кормилъ меня приносимою имъ изъ общаго стола пищею и я на одной кровати спалъ съ нимъ до воскресенья. А въ воскресенье онъ отвелъ меня къ дядѣ Петру Антоновичу, которому при разговорѣ объяснилъ, что объ опредѣленіи меня теперь въ классы нельзя сдѣлать представленія губернатору и что регентъ поѣхалъ по губерніи набирать пѣвчихъ, по привозѣ которыхъ и я могу быть вмѣстѣ съ ними опредѣленъ. Дядя велѣлъ мнѣ остаться въ его домѣ, по тѣснотѣ котораго я жилъ въ кухнѣ. Почти каждый день ходилъ учиться нотному пѣнію; въ Рождественскій мясоѣдъ 1789 года совсѣмъ перешелъ въ классы, когда были привезены другіе пѣвчіе. И такъ, переходя отъ многихъ моихъ родственниковъ, которые тяготились содержать меня, наконецъ, достигши надежнаго жилища, могущаго образовать меня и открыть мнѣ вѣрную дорогу къ счастію—я совершенно испытывалъ на себѣ пословицу: „за сиротою Богъ съ калитою“. Теперь вспоминая, сколько въ дѣтствѣ я нуждъ и горестей претерпѣлъ, ясно вижу, что безъ всеблагого Божія Промысла я не могъ бы перенесть всего и остаться живымъ.... По утру я занимался пѣніемъ и только послѣ обѣда могъ заниматься изученіемъ наукъ. Отъ природной наклонности моей къ задумчивости и размышленію, я былъ невнимателенъ и непонятливъ къ тому, чему учили меня; а отъ этого каждая наука стоила мнѣ немалаго труда и времени, чтобы сказанное учителемъ или самимъ прочитанное могъ твердо помнить. Понятіе во мнѣ и разсудокъ поздно открылись. Но я всегда твердо помнилъ, что въ моемъ сиротскомъ и бѣдномъ состояніи не на кого мнѣ падѣяться и оттого былъ всегда прилеженъ къ наукамъ. Напротивъ того братъ мой Иванъ Ивановичъ имѣлъ отъ природы счастливую память: бывало прочитаетъ нѣсколько разъ въ вечеру, какъ бы ни длиненъ былъ урокъ изъ французскаго языка или какой науки, то и поутру твердо помнилъ его; но за то не въ осужденіе, а по правдѣ говоря, онъ былъ лѣнивъ къ наукамъ, не кончилъ полнаго ихъ курса; болѣе занимался пѣніемъ, а послѣ игрою на флейтраверсѣ, въ театрѣ, гдѣ каждый разъ платили музыкантамъ и этимъ самымъ отвлекали его отъ наукъ. Въ 1793 году по выходѣ изъ училища, чтобы быть учителемъ народнаго училища въ Лебединѣ, онъ вовсе тамъ оставилъ французскій языкъ и забылъ его. А я, по потерѣ голоса въ 1794 году, могъ только начать учиться французскому языку. Помню, что учитель Дмитріевъ, у котораго я учился исторіи и географіи, сказалъ мнѣ: „учись прилежнѣе этому языку; хотя и поздно началъ учиться ему, онъ будетъ тебѣ полезенъ“. Желая отблагодарить

теткѣ Аннѣ Васильевнѣ за попеченіе о моемъ сиротствѣ, я писалъ, чтобы она прислала въ Харьковъ своего сына для опредѣленія въ училище. Она сама его привезла; по просьбѣ моей директоръ Густавъ Борисовичъ Буксгевденъ его опредѣлилъ. Но этому баловню не понравились ни пища, ни строгость содержанія, и онъ вскорѣ тайно ушелъ въ Писаревку. И такъ, я ничѣмъ не отблагодарилъ теткѣ и доселѣ остаюсь ея и ея матери должникомъ. Въ 1795 году, по желанію директора училища и по указанію нашего учителя фортификаціи и артиллеріи Ивана Николаевича Николаева, всѣ казенные воспитанники строили подъ Холодною горою крѣпость, рыли шанцы для подступленія къ ней. И какъ мы носили мундиръ, имѣли тесаки и ружья и насъ учили военной экзерциціи, а лучшіе изъ учениковъ каждый день ходили къ губернатору на ординарцы, то мы маршировали правильно черезъ городъ къ Холодной горѣ для взятія этой крѣпости; многочисленныя толпы гражданъ слѣдовали за нами и присутствовали при взятіи крѣпости до самыхъ сумерокъ. Тамъ случилось несчастіе: изъ числа сучениковъ моихъ Степанъ Чернышовъ стоялъ съ банникомъ, а братъ его Борисъ, не сказавъ ему, чтобы посторонился, выстрѣлилъ изъ пушки, отъ чего Степану опалило лицо порохомъ, такъ что едва черезъ нѣсколько недѣль уничтожились на лицѣ порошины посредствомъ примазыванія сметаною. Я стоя все время близь пушки, подавая снаряды, оглохъ было также на нѣсколько недѣль. Не помню, въ этомъ ли году или прежде случилось, что опредѣленный въ училище по повелѣнію губернатора единственно изъ сожалѣнія изъ числа взятыхъ въ Липцахъ духоборцевъ мальчикъ, по прозванію Логвинъ, былъ отпущенъ экономомъ на вокаціонное время въ домъ его родственниковъ въ надеждѣ что, какъ онъ выучилъ уже катехизисъ, оставилъ ересь своихъ родителей, то непремѣнно возвратится въ училище. Но эта надежда не сбылась: Логвинъ не явился на срокъ; а гораздо позже услыша, что онъ въ острогѣ, нѣкоторые ученики ходили къ нему и упрекали его въ сдѣланной глупости тогда, когда онъ самъ въ разговорѣ неоднократно издѣвался надъ своими земляками въ слѣпотѣ ихъ заблужденій. „Чтожъ, отвѣчалъ онъ, я притворствовалъ съ вами; отецъ мой и братъ сосланы за вѣру и я хочу жить вмѣстѣ съ ними“. Вотъ какъ сильно вкоренилось въ невѣжественныхъ умахъ черни суевѣріе и какъ трудно его истребить! И теперь въ Таврической губерніи при Молочныхъ водахъ находятся обширныя селенія духоборцевъ, гдѣ нѣтъ ни церквей, ни священниковъ, а хитрѣйшіе между ними и грамотные сами отправляютъ духовныя должности и поддерживаютъ ихъ ересь“.... Генералъ-губернаторъ Андрей Яковлевичъ Леванидовъ говоритъ далѣе авторъ, приказалъ вымостить улицы Харькова фашинникомъ: „я и прочіе старшіе ученики, прибавляетъ Ярославскій, были посылаемы для измѣренія дворовъ..... Въ нижнемъ этажѣ дворца учреждена была чертежная, куда собирались каждый день всѣ уѣздные землемѣры и губернскій архитекторъ; я и еще четыре старшихъ ученика были прикомандированы для помощи въ эту чертежную. Помню, что въ это то время пріѣхалъ изъ Сумъ купецъ Бочаровъ и просилъ у дяди моего Петра Антоновича планъ на Николаевскую церковь; по назначенію дяди, я сдѣлалъ на бѣло планъ, по которому и теперь осталась въ натурѣ таже колокольня, какая была назначена по сдѣланному мною плану.... Въ 1797 году генералъ-прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ прислалъ губернатору Высочайшее повелѣніе о составленіи атласа Слободскоукраинской губерніи съ подробными камеральными, экономическими и стастистическими описаніями всѣхъ городовъ, селъ, деревень съ ихъ заведеніями. Въ отдѣлкѣ этого атласа вмѣстѣ съ землемѣрами участвовалъ и я съ 4 моими старшими сучениками. 14-го декабря этого 1797 года я былъ вовсе изъ училища уволенъ и того же числа причисленъ въ губернское правленіе съ производствомъ въ канцеляристы. По докладу князя Куракина, землемѣры пожалованы были двойными чинами, потому что слѣдующіе они заслужили, а я со своими сотоварищами за участіе въ дѣланіи атласа произведенъ по Имянному указу 1798 года, коллежскимъ регистраторомъ“. Далѣе В. И. Яро-

славскій проживалъ у разныхъ помѣщиковъ Харьковской губерніи въ качествѣ архитектора, землемѣра и гувернера учителя; служилъ въ Петербургѣ, былъ въ Херсонѣ губернскимъ архитекторомъ, былъ совѣтникомъ Казенной Палаты и Губернскаго Правленія. Вышедши въ отставку, проживалъ въ Сумахъ. Кромѣ службы Ярославскій занимался и литературой и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ мѣстными литературными и общественными дѣятелями—напримѣръ, А. А. Палицынымъ, Ив. Ф. Вернетомъ, С. Н. Глинкой, Е. П. Станевичемъ. Такимъ образомъ, школа дала В. И. Ярославскому очень много: бѣдный сирота нашелъ въ ней пріютъ, содержаніе; она дала ему и знанія, приспособленныя къ требованіямъ жизни; она познакомила его съ французскимъ языкомъ и дала ему возможность заняться впослѣдствіи переводами. Вотъ почему, несмотря на бѣдность и скудость содержанія, не смотря на строгость дисциплины, у него сохранилось о ней благодарное воспоминаніе [1]). Воспоминанія автора вводятъ насъ въ складъ жизни этой оригинальной школы, которая, очевидно, удовлетворяла запросамъ на образованіе свѣтскаго общества. Это послѣднее volens nolens должно было до открытія этой школы довольствоваться Харьковскимъ Коллегіумомъ, который во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ цѣли духовнаго образованія и подготовку пастырей церкви. Такую же подготовку, но только къ гражданской и военной службѣ давало и казенное училище, которое самъ Ярославскій сближаетъ съ кадетскимъ корпусомъ. И оно дѣйствительно по программѣ своей близко стояло къ этому послѣднему, ставя на первомъ планѣ военныя науки. Другою особенностью „Классовъ“ нужно признать то, что они давали, вообще говоря, законченное образованіе: большинство учащихся, нужно думать, ими и ограничивалось. Полученный въ нихъ аттестатъ открывалъ дорогу къ службѣ гражданской и военной. Въ 1783 году предводитель дворянства Роменскаго уѣзда Полтавской губерніи Андрей Полетика выдалъ свидѣтельство, въ которомъ просилъ оказывать всякую поддержку сиротѣ Андрею Ефимовичу, сыну покойнаго Роменскаго священника о. Александра, обучавшемуся въ прибавочныхъ классахъ; при этомъ онъ прибавлялъ, что его старшіе братья, состоявшіе вахмистрами въ Новотроицкомъ Кирасирскомъ полку, заявили ему о своемъ твердомъ намѣреніи дать образованіе своимъ младшимъ братьямъ въ училищѣ, чтобы они могли потомъ служить въ военной службѣ [2]).

Объ успѣшности занятій учениковъ прибавочныхъ классовъ свидѣтельствуетъ оффиціальный рапортъ директора Горленскаго Губернатору Щербинину въ 1769 году. Тамъ Горленскій говоритъ, что питомцы Коллегіума, обучавшіеся въ классахъ французскому и нѣмецкому языку, на столько преуспѣли въ нихъ, что имъ можно уже поручить дѣлать переводы для изданія ихъ въ свѣтъ, для чего желательно завести типографію; ученики рисовальнаго класса своимъ экзаменомъ (на которомъ присутствовалъ Щербининъ и новый Бѣлгородскій епископъ Самуилъ Мисловскій) доказали, что могутъ перейти уже къ живописи; ученики геометрическаго класса на столько усовершенствовались въ теоріи, что семь человѣкъ изъ нихъ были взяты на практику для производства генеральнаго межеванія и состояли при опредѣленныхъ для этого офицерахъ [3]). Въ виду достигнутыхъ успѣховъ, начальство классовъ, соревную въ этомъ дѣлѣ съ Коллегіумомъ, посылало наиболѣе способныхъ своихъ учениковъ въ столицы и даже заграницу для усовершенствованія въ избранной ими спеціальности. Такъ въ Москву былъ командированъ Щербининымъ бывшій питомецъ Классовъ архитекторскій помощникъ Петръ Ярославскій „для основательнаго познанія гражданской архитектуры“. И онъ дѣйстви-

[1]) Отрывки изъ воспоминаній Ярославскаго, рукопись которыхъ была открыта покойнымъ прот. Н. Лащенко, напечатаны были б. секретаремъ Харьк. Стат. Ком. П. С. Ефименко въ Харьк. Сборникѣ на 1887-й годъ, а затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ воспроизведены на страницахъ „Кіевской старины“.

[2]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Дѣло о классахъ.

[3]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Дѣло о новозавед. классахъ 1774 г.

тельно занимался тамъ своею спеціальностью, хотя по неблагопріятному для него стеченію обстоятельствъ, изъ Москвы уѣхали въ это время архитекторы—Баженовъ и князь Макуловъ для представленія Государынѣ модели Кремлевскаго дворца и объясненій по поводу постройки Головинскаго дворца. Между тѣмъ у Ярославскаго и бывшихъ съ нимъ учениковъ прибавочныхъ классовъ осталось только 30 рублей, на которые они могли просуществовать въ Москвѣ при тогдашней дороговизнѣ не болѣе мѣсяца. Обо всемъ этомъ увѣдомлялъ Щербинина изъ Москвы Епископъ Крутицкій Самуилъ Миславскій, управлявшій прежде Бѣлгородской епархіей и находившійся повидимому, въ противоположность Порфирію Крайскому, въ дружественныхъ отношеніяхъ съ харьковскимъ губернаторомъ [1]). Ученики прибавочныхъ классовъ—Лаврентій Калиновскій и Семенъ Маяцкій—настолько преуспѣли въ живописи, что были отправлены для дальнѣйшаго усовершенствованія своего въ Петербургъ и отданы въ обученіе извѣстному тогдашнему художнику академику Дмитрію Григорьевичу Левицкому, которому уплачено было за ихъ содержаніе и за ученіе 160 р.; кромѣ того отпущено было имъ на платье и обувь 40 р. и на проѣздъ отъ Харькова до Петербурга 6 рублей. Все это позаимствовано было изъ 3000-й суммы, отпускаемой на прибавочные классы, и потому оказалось весьма скуднымъ и недостаточнымъ. Сохранились письма Калиновскаго и Маяцкаго къ Щербинину, ярко рисующія ихъ бѣдственное положеніе въ Петербургѣ: „Ваше Высокопревосходительство, писалъ Маяцкій, изволите писать къ моему учителю, чтобы онъ обучалъ меня рисовать съ натуры; но гдѣ мнѣ взять денегъ для матеріаловъ, я того не знаю. Надобно, во 1-хъ, для натуры купить красокъ въ годъ по крайней мѣрѣ рублей на 10, ибо кромѣ простыхъ нужно имѣть и тѣ, которыхъ золотникъ стоитъ не менѣе 3-хъ рублей и безъ которыхъ невозможно обойтись. Холста нужно рублей на 10, ибо здѣсь всякая грудная картина обходится не менѣе 40 коп.; кистей и другихъ живописныхъ принадлежностей нужно не менѣе какъ на 5 р. Я же не имѣю денегъ и матеріаловъ, теряю напрасно большую часть своего времени, ибо тогда только и учусь, когда работаю для учителя, а когда нѣтъ у него работы, то гуляю. Во 2-хъ, можно было бы намъ ходить въ Императорскую Академію Художествъ учиться рисовать съ хорошихъ эстамповъ, статуй и натуры, равно копировать съ картинъ, что безъ сомнѣнія могло бы способствовать нашимъ успѣхамъ, и наконецъ, посѣщать Императорскій Эрмитажъ для изученія работъ славнѣйшихъ художниковъ—такимъ способомъ можно выучиться столько же, какъ и работая съ натуры. Но мы не имѣемъ для этого ни опредѣленныхъ сроковъ, ни потребныхъ матеріаловъ, ни даже такого платья, въ которомъ не стыдно было бы войти въ эти освященныя мѣста. Я дѣлалъ объ этомъ представленіе въ прежнемъ письмѣ къ Вашему Высокопревосходительству, но вы изволили отвѣтить, чтобы я объ этомъ переговорилъ со своимъ учителемъ; а учитель не договаривался давать намъ всегда матеріалы для работъ съ натуры—онъ только обязался дѣлать это тогда, когда мы будемъ работать для него или же учиться заправлять краски. Въ 3-хъ, если писать съ натуры, то нужно будетъ позирующему подарить за труды его портретъ, а онъ въ свою очередь, наблюдая благопристойность, можетъ возвратить расходы за краски и холстъ—иначе никакъ нельзя рисовать съ натуры. Теперь Вашему Высокопревосходительству всѣ наши нужды извѣстны, а обстоятельнѣе обо всемъ увѣдомитъ васъ бывшій здѣсь маіоръ Иванъ Степановичъ Лисаневичъ, который видѣлъ, какъ намъ надобно обучаться“. Щербининъ постановилъ выдать просителю 50 рублей. Калиновскій съ своей стороны писалъ губернатору. „Считаю долгомъ донести Вашему Высокопревосходительству, что теперь обучаюсь писать красками и для образца своихъ работъ посылаю при сей оказіи картину, а впредь постараюсь преуспѣвать въ этомъ дѣлѣ; только не могу ходить въ такія мѣста, какія необходимо посѣ-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Связка о классахъ 1769 г.

щать всякому художнику, желающему познакомиться съ картинами хорошихъ мастеровъ, ибо не имѣю не только платья, но даже рубашекъ и обуви; а потому осмѣливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство, не соизволите ли вы мнѣ пожаловать что нибудь на платье, дабы я могъ ходить въ такія мѣста; на полученныя отъ Васъ деньги я могу сдѣлать себѣ только пару платья, а другихъ вещей, въ томъ числѣ зимнихъ, не имѣю". Щербининъ приказалъ Губернаторской Канцеляріи выдать Калиновскому на краски и прочія принадлежности для живописи 20 руб. и послать эти деньги съ курьеромъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ [1]). Калиновскій такъ успѣшно занимался живописью, что его отправили для дальнѣйшаго усовершенствованія въ ней въ Италію. Вернувшись оттуда въ 1783 году въ Петербургъ, Калиновскій просилъ Губернатора о присылкѣ ему 250 р. для расплаты съ долгами и на его потребности. Сообщая объ этомъ директору Буксгевдену, Губернаторъ просилъ его выслать эту сумму, въ надеждѣ, что онъ будетъ полезенъ для училища своимъ искусствомъ, въ которомъ несомнѣнно пріобрѣлъ въ чужихъ краяхъ большія познанія [2]).

Директорами казеннаго училища состояли—Горленскій, Выродовъ, Буксгевденъ и наконецъ съ 1796 года Кудрицкій, бывшій раньше съ 1792 года помощникомъ директора; при немъ же помощникомъ состоялъ Бѣлозеровъ. Первымъ инспекторомъ классовъ былъ учитель Паули. Этотъ послѣдній въ 1768 г. получилъ отъ Выродова слѣдующую инструкцію. Онъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы учителя во время приходили на уроки; сообща съ учителями выбрать лучшую систему преподаванія; ежемѣсячно разсуждать объ успѣхахъ учениковъ; особенное наблюденіе имѣть за ученіемъ, поведеніемъ, образомъ жизни и содержаніемъ учениковъ изъ дворянскихъ дѣтей; ежемѣсячно представлять вѣдомости директору о числѣ учащихся по классамъ изъ питомцевъ Коллегіума и если кто нибудь и вообще изъ учащихся не явится въ школу по болѣзни, то освѣдомляться о такихъ и посылать къ нимъ врача, а если они станутъ пропускать уроки по лѣности, таковыхъ съ общаго согласія конференціи штрафовать; распредѣлять вновь поступающихъ дворянскихъ дѣтей и разночинцевъ по классамъ; производить въ годъ два экзамена въ присутствіи директора; переводить успѣвающихъ съ согласія конференціи и ранѣе полугодія въ высшій классъ; инспекторъ могъ сдѣлать представленіе о пополненіи этой инструкціи. Щербининъ распорядился теперь сообщить ее ректору Коллегіума, дабы учителя его могли дѣйствовать согласно съ преподавателями прибавочныхъ классовъ [3]).

Въ 1773 году составлены были „Пункты", которыми должны были руководствоваться какъ учащіе, такъ и учащіеся. Вотъ ихъ сущность. Необходимо соблюдать методъ изученія иностранныхъ языковъ, предписанный Московскимъ университетомъ. Директоръ обязанъ присылать въ губернскую канцелярію ежемѣсячные рапорты о состояніи училища. Учителя должны имѣть неослабное наблюденіе за адъюнктами и порученными имъ учениками, снабжать ихъ своими наставленіями во всемъ томъ, что можетъ служить къ лучшему успѣху обученія, памятуя, что всякая неисправность будетъ взыскиваться съ нихъ. Пріемъ въ классы отнынѣ можно дѣлать только два раза въ году—въ сентябрѣ и февралѣ мѣсяцѣ, дабы безпрестанными пріемами не нарушать порядка ученія. Естественное право велитъ оказывать наставникамъ всякое почтеніе и потому ученики должны внимательно слушать то, что говоритъ учитель всему классу или одному изъ нихъ. Объ успѣхахъ учениковъ нужно было подавать ежемѣсячныя вѣдомости, прописывая въ нихъ результаты произведенныхъ каждый мѣсяцъ экзаменовъ; для генеральныхъ же экзаменовъ назначено было два срока—въ началѣ февраля и въ концѣ іюня. Питомцамъ Коллегіума, вступившимъ въ прибавочные классы, нужно было оставаться въ нихъ

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Дѣло о новозавед. классахъ 1774 г.
[2]) Арх. Харьк. Губ. Правленія.
[3]) Арх. Харьк. Губ. Правл Дѣло о прибавочныхъ классахъ 1768 г.

четыре года, какъ это было установлено по взаимному соглашенію начальствомъ обоихъ учебныхъ заведеній; окончившій курсъ наукъ могъ расчитывать преимущественно передъ посторонними на занятіе извѣстной должности при училищѣ. Съ разрѣшенныхъ отпусковъ ученики должны были возвращаться своевременно подъ угрозою соотвѣтственнаго наказанія [1]).

Изъ всего изложеннаго видно, что казенные классы сыграли видную роль въ умственной жизни г. Харькова, въ исторіи его школьнаго образованія. Одинъ изъ преподавателей ихъ учитель французскаго и нѣмецкаго языка Вилликье ходатайствовалъ въ 1779 г. о разрѣшеніи ему устроить пансіонъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Если то правда, писалъ онъ въ объявленіи о своемъ пансіонѣ, что воспитаніе есть источникъ какъ собственнаго, такъ и чужого благополучія, то не менѣе справедливо и то, что достиженіе этого благополучія зависитъ отъ выбора хорошо воспитанныхъ, добронравныхъ, правильно ученыхъ и теорически искусныхъ учителей. А такъ какъ, будучи самъ воспитанъ, употребилъ уже не мало времени на воспитаніе благороднаго юношества и для обученія его разнымъ языкамъ и наукамъ, то мнѣ казалось полезнымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе планъ воспитанія въ моемъ будущемъ пансіонѣ тѣмъ болѣе, что поступая въ здѣшнюю гимназію (sic), я обязался по контракту учредить при ней пансіонъ.

Обучаться будутъ въ немъ французскому, нѣмецкому, а желающіе и латинскому языку, по грамматическимъ и риторическимъ правиламъ. Исторія преподаетъ наилучшія правила жизни и является какъ бы ея философіей; поэтому и она будетъ преподаваться съ полною тщательностью и въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ причинъ явленій, на сколько ихъ возможно будетъ выяснять въ зависимости отъ возраста ученика и со внушеніемъ нравоучительныхъ правилъ, изъ нея почерпнутыхъ. Но такъ какъ правильно учить исторіи безъ географіи невозможно, то будетъ преподаваться и послѣдняя (древняя и новая); къ географіи же каждаго государства будетъ присоединяться его исторія, родословіе государя и геральдика; введеніемъ будутъ служить общія понятія о сферѣ или глобусѣ. Будутъ изучаться также и математическія науки, приносящія великую пользу, возбуждающія нашъ умъ и совершенствующія его. Но математика не должна состоять въ рѣшеніи однихъ задачъ; въ такомъ случаѣ она будетъ безполезна; необходимо преподавать въ извѣстномъ порядкѣ, а главное съ доказательствами, ариѳметику, геометрію и прочія части чистой математики. Съ такимъ же неусыпнымъ стараніемъ будутъ обучать логикѣ, изощряющей разумъ, россійскому правописанію, музыкѣ и танцамъ. Росписаніе уроковъ можетъ быть выслано всѣмъ желающимъ. Училище будетъ состоять изъ 3-хъ классовъ. Въ 1-мъ классѣ будутъ преподаваться начальныя правила французскаго и нѣмецкаго языка; чистаго и правильнаго правописанія, ариѳметики и танцевъ. Во 2-мъ будутъ упражняться во французской и нѣмецкой грамматикѣ и синтаксисѣ, переводахъ съ этихъ языковъ на русскій и обратно, въ исторіи, географіи, сферѣ или глобусѣ, геральдикѣ, ариѳметикѣ, геометріи и танцахъ. Въ 3-мъ ученикамъ будутъ объясняться правила сочиненій, по требованіямъ риторическаго стиля, глобусъ, логика, математика и другія свободныя науки, нужныя во всякомъ состояніи.

Обращая вниманіе на возрастъ и таланты каждаго ученика, я въ тоже время буду заботиться и о надлежащемъ воспитаніи ихъ, которое должно имѣть своею цѣлью просвѣщеніе сердца и разума, обогащеніе памяти, являющейся, такъ сказать, казною знаній и наукъ, изощреніе разсудка, чтобы практика потомъ всю жизнь опиралась на теоріи, вкорененія политичныхъ обычаевъ и добрыхъ нравовъ, которые для молодаго кавалера значатъ болѣе, нежели великія познанія въ наукахъ, усовершенствованіе въ благопристойности, словомъ раз-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Дѣло о прибавочныхъ классахъ 1773 г.

витіе душевныхъ силъ и разума съ тою единственною цѣлью, чтобы воспитываемые сдѣлались современемъ полезными для общества и вѣрными сынами отечества, ибо въ этомъ и состоитъ истинное понятіе о благородствѣ. Въ помощь мнѣ будутъ приглашены особые учителя, коль скоро я замѣчу благосклонное вниманіе ко мнѣ публики. Ежегодно будетъ происходить публичный экзаменъ, который родителямъ дастъ доказательства успѣховъ ихъ дѣтей, а мнѣ утѣшеніе въ томъ, что я споспѣшествовалъ просвѣщенію и добронравію своихъ питомцевъ. Съ каждаго живущаго въ моемъ пансіонѣ будетъ взиматься плата въ 130 р. въ годъ, а съ тѣхъ, кто только будетъ обѣдать въ немъ, а ночевать дома 110 руб., и наконецъ съ приходящихъ—80 р. Плату вносить нужно за 1/3 года впередъ. Пища будетъ здоровая, не простая—чаще всего будетъ 3 блюда, а иногда и больше; во всемъ будетъ наблюдаться чистота; утромъ и вечеромъ пансіонерамъ будетъ даваться чай съ французскимъ хлѣбомъ, а обѣдать они будутъ за однимъ столомъ со мною; въ посты, по ихъ желанію, имъ можетъ готовиться постный обѣдъ. Прошу почтенныхъ родителей не опредѣлять къ своимъ сыновьямъ такъ называемыхъ дядекъ—не критичныхъ и злонравныхъ служителей, ибо дѣти привыкаютъ съ ними къ непристойнымъ для благороднаго человѣка правамъ, лживымъ трудно искоренимымъ мнѣніямъ; могутъ произойти отъ этого и другія вредныя неудобства, какъ для меня, такъ и для дѣтей. Съ своей стороны буду выбирать надежныхъ, добропорядочныхъ и безпорочныхъ учителей. Никого изъ учащихся не буду отпускать домой безъ письменнаго разрѣшенія родителей. Если бы, чего Боже сохрани, кто либо изъ пансіонеровъ заболѣлъ, то немедленно дамъ родителямъ обстоятельное сообщеніе и попрошу ихъ распорядиться—или взять больного ребенка, или поручить мнѣ лѣчить его съ уплатою необходимыхъ для этого издержекъ. Для хорошаго воспитанія необходимы награды и наказанія; я не буду подвергать дѣтей рабскимъ наказаніямъ, но буду стараться разумными представленіями и дѣйствіемъ на самолюбіе достичь того, чтобы всякая подлость была искоренена и возбуждено было благородное честолюбіе. Каждую субботу достойные будутъ получать аттестаты въ хорошихъ успѣхахъ и и поведеніи. По окончаніи занятій позволено будетъ ученикамъ въ присутствіи учителей забавляться пріятными, разумными и полезными для здоровья играми. Каждый пансіонеръ долженъ будетъ доставить, поступая въ пансіонъ, учебники, одинъ рубль за столикъ для занятій, бумагу и перья, перочинный ножикъ, чернильницу съ песочницей, карандашъ и линейку, аспидную доску и грифель, чайную чашку, серебряную ложку, ножъ, вилки и нѣсколько салфетокъ, стаканъ, стулъ, 5 рублей на 1/2 года для служителя. Послѣдняя моя просьба заключается въ томъ, чтобы родители сохраняли со мною искреннее, непрерывное и тѣсное согласіе, которое является фундаментомъ при воспитаніи дѣтей; надѣюсь, что они не прежде повѣрятъ жалобамъ на меня своихъ дѣтей, чѣмъ объяснятся со мною; этимъ устранятся многія опасности. Училище помѣщается въ домѣ генералъ-маіора Мейера [1]).

По всей вѣроятности, пансіонъ этотъ былъ открытъ, хотя опредѣленныхъ данныхъ объ этомъ мы не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ мы сочли своимъ долгомъ изложить въ подробностяхъ его уставъ, потому что этотъ послѣдній чрезвычайно характеренъ, заключая въ себѣ не только пункты, касающіеся ученія и воспитанія, но и обстоятельную мотивировку ихъ. Пансіонъ Виллекье долженъ былъ явиться типичною школою—интернатомъ для дворянскихъ дѣтей того времени. Такая цѣль обусловила и выборъ наукъ до геральдики включительно, и мягкіе педагогическіе пріемы (отсутствіе тѣлесныхъ наказаній), и наконецъ сравнительную роскошь обстановки и содержанія. Виллекье правильно расчитывалъ, что въ такого рода пансіонѣ существовала потребность, такъ какъ интернатъ при казенномъ училищѣ предназначался только для бѣдныхъ и сиротъ и не могъ удовлетворять даже скромнымъ требованіямъ относительно помѣщенія и питанія.

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Связка о прибавочныхъ классахъ 1779 г.

За два года до учрежденія мужскаго пансіона иностранца Виллекье—а именно въ 1777 году—должно было состояться открытіе въ Харьковѣ женскаго пансіона для благородныхъ дѣвицъ. Его желала открыть мадамъ Мондоваль, выпустившая слѣдующее объявленіе. Въ этомъ пансіонѣ будутъ учить французскому языку по правиламъ, исторіи, географіи и ариѳметикѣ. Каждая благородная дѣвица будетъ жить съ нею (директрисою) въ домѣ; имѣть пищу и все необходимое для такого рода дѣтей. За все это платить должно въ годъ 130 руб. ото всякой персоны, а половинную часть денегъ уплачивать впередъ за полъ года. Она (директриса) соглашается также кормить опредѣленную къ дитяти горничную (крѣпостную), но только съ тѣмъ, чтобы она въ домѣ услуживала и находилась бы совсѣмъ подъ ея вѣдомомъ; если будетъ изъ одного дома двѣ дѣвицы, то довольно будетъ для обѣихъ дѣтей и одной горничной. Тутъ будутъ также учить читать и писать по россійски, а кто пожелаетъ учиться танцевать, тому надобно платить 20 р. за танцы, такъ что всего выйдетъ 150 руб. Госпожа Мондовиль обѣщаетъ тѣмъ, кто довѣритъ ей своихъ дѣтей, приложить всевозможное стараніе о хорошемъ ихъ воспитаніи и содержаніи [1]).

Въ 1780—1790 г. въ Харьковѣ былъ пансіонъ Ивана Петровича Шульца, въ которомъ получилъ образованіе Василій Назарьевичъ Каразинъ, вспоминающій о немъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, говоря „что онъ внушилъ ему любовь къ Россіи“ [2]). Сем. Ив. Кованько сообщаетъ, что въ Харьковѣ во время юности В. Н. Каразина было два пансіона, изъ коихъ въ одномъ онъ получилъ образованіе [3]).

Такъ положено было въ Харьковѣ начало иностранному образованію, которое, конечно, и нѣсколько раньше здѣсь находило себѣ примѣненіе, но только не въ формѣ общественныхъ пансіоновъ, а личнаго гувернерства. Впрочемъ, судя по тому успѣху, какимъ пользовались у помѣщиковъ и горожанъ въ качествѣ воспитателей юношества питомцы Харьковскаго Коллегіума, можно думать, что въ козацкій періодъ исторіи Харькова иностранцы почти не выступали въ немъ въ роли педагоговъ: если помѣстное дворянство отдавало своихъ дѣтей въ Коллегіумъ, то еще съ большимъ удобствомъ могли это дѣлать коренные жители Харькова, въ которомъ и находилось это училище. Спросъ на исключительно свѣтскую программу ученія, въ основу которой положено было преподаваніе новыхъ языковъ, долженъ былъ увеличиться въ связи съ превращеніемъ козацкой старшины въ россійское дворянство, а это превращеніе началось со введеніемъ общегубернскихъ учрежденій въ связи съ реформами Щербинина. Для этого то вновь нарождавшагося Харьковскаго дворянства и созданы были главнымъ образомъ прибавочные классы съ ихъ новыми языками и военными науками; прибавочные же классы подготовили почву и для пансіона Виллекье, тѣмъ болѣе что къ концу 70-хъ годовъ стремленіе къ пріобрѣтенію права русскаго дворянства въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ еще болѣе усилилось; завершился этотъ процессъ ассимилированія изданіемъ жалованной дворянской грамоты въ 1785 году. Другою общественною группою, дававшею значительный контингентъ учащихся для казеннаго училища, были разночинцы. Что же касается до питомцевъ Коллегіума, то на первыхъ порахъ ихъ было много въ прибавочныхъ классахъ, а въ концѣ XVIII вѣка они оттуда совершенно исчезаютъ. Коллегіумъ и казенное училище все болѣе и болѣе разъединяются и, такъ сказать, спеціализируются: первый изъ всесословнаго учебнаго заведенія превращается въ спеціальное—семинарію, а второе эмансипируется отъ Коллегіума не только по программѣ, но и по составу учащихся.

Гр. Ѳед. Квитка въ своей статьѣ о г. Харьковѣ оставилъ намъ извѣстіе о прибавочныхъ классахъ, вполнѣ соотвѣтствующее свидѣтельству Ярославскаго: „бывъ помѣщеніемъ отдѣлены

[1]) Къ исторіи нар. просвѣщ. въ Харьков. губ. (Харьк. Сбор. на 1887-й годъ, стр. 259).

[2]) Г. П. Данилевскаго. Украинская старина, стр. 134—135.

[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1859, № 20.

отъ Коллегіума, они были подчинены особому директору подъ вѣдомствомъ губернатора. Кромѣ Коллегіумскихъ всякаго состоянія дѣти имѣли право приходить въ классы для ученія... Изъ такъ называвшихся „питомцевъ“ классныхъ или воспитанниковъ и пансіонеровъ „Классическаго Пансіона“ составлена была рота кадетъ въ полныхъ мундирахъ (синихъ кафтанахъ съ малиновымъ суконнымъ воротникомъ и обшлагами; исподнее палевое) и аммуниціею приличною. Въ лѣтнее время за городомъ они практически занимались военными экзерциціями: кромѣ различныхъ тогдашнихъ построеній фронта, стрѣляли изъ имѣвшихся у нихъ ружей въ цѣль, залпомъ повзводно и бѣглымъ огнемъ, строили редуты и осаждали ихъ, проводя траншеи и подводя мины по всѣмъ правиламъ военныхъ наукъ. Имъ отпускались отъ начальства пушки меньшихъ калибровъ изъ имѣвшейся въ городѣ артиллеріи прежде бывшей козачьей службы для практическаго обученія артиллерійской наукѣ. Классы сіи произвели великое число людей на службу государственную въ разныхъ званіяхъ, а наиболѣе—хорошихъ инженеровъ, артиллеристовъ и землемѣровъ. Наконецъ „классы“ сіи и „главное народное училище, существовавшее съ 1789 года, сообразно общему въ государствѣ плану объ училищахъ, преобразованы въ 1805 г. въ губернскую гимназію“ [1]).

Путешествовавшій по Харьковской губерніи въ 1781 году Зуевъ говоритъ о казенномъ училищѣ слѣдующее. „Кромѣ семинаріи есть въ городѣ другое училище, называемое „классы“, гдѣ больше 20 чел. сиротъ содержится на казенномъ иждивеніи; учителя опредѣлены хорошіе, но, кажется, не достаетъ здѣсь присмотру“ [2]).

Прибавочные классы или казенное училище просуществовало до 1798 года, когда слилось съ основаннымъ въ 1789 году въ Харьковѣ главнымъ народнымъ училищемъ.

Заботы Екатерины II-й о созданіи училищъ нашли себѣ выраженіе въ 2-хъ указахъ: въ „Учрежденіи для управленія губерній“ 1775 года, посвященномъ реформѣ областного управленія, и въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 5 августа 1786 г. Первый указъ остался мертвою буквою, представляя изъ себя, по мѣткому выраженію гр. Д. А. Толстого, „бюрократическій обрывокъ многосложнаго законодательства о губерніяхъ, вошедшій въ него какъ бы мимоходомъ, для вида и приличія“ [3]). Второй указъ положилъ начало устройства школьнаго дѣла въ разныхъ губерніяхъ. Теперь была организована хозяйственно административная часть училищъ: во главѣ дѣла поставлены губернаторы и приказы общественнаго призрѣнія, за ними слѣдовали директора народныхъ училищъ и смотрителя. Во всѣхъ губернскихъ городахъ должны были появиться главныя народныя училища, въ другихъ малыя народныя училища. Въ главномъ народномъ училищѣ полагалось 4 класса, но въ послѣднемъ курсъ ученія былъ двухлѣтній. Преподавались здѣсь—чтеніе, письмо, Законъ Божій (объясненіе евангелія, катехизисъ, священная исторія), добронравіе, грамматика, ученіе о должностяхъ человѣка и гражданина, всеобщая исторія, математическая и всеобщая европейская географія, географія Россіи, русская исторія, ариѳметика, геометрія, механика, физика, естественная исторія, рисованіе, гражданская архитектура съ черченіемъ плановъ; желающіе продолжать ученіе въ гимназіяхъ и университетѣ могли еще слушать латинскій и одинъ изъ новыхъ языковъ. Учителей полагалось 6, въ томъ числѣ отдѣльные преподаватели рисованія и новаго языка. „Малыя народныя училища соотвѣтствовали по своему курсу первымъ двумъ классамъ главныхъ, съ тою только разницею, что въ нихъ оканчивалась вся ариѳметика; и здѣсь употреблялись учебники, изданные для низшихъ классовъ главныхъ народныхъ училищъ. Въ малыхъ училищахъ полагалось по 2 учителя, но въ случаѣ незначительнаго числа учащихся можно было ограни-

[1]) Сочиненія Г. Ѳ. Квитки, изд. Харьк. уѣзд. Земствомъ, IV, стр. 182.

[2]) Путеш. Зап., стр. 189.

[3]) Д. А. Толстого. Городскія училища въ царствованіе Имп. Екатерины II. С.-П.-Б. 1886, стр. 2, 3.

читься и однимъ преподавателемъ. Обучались здѣсь слѣдующимъ предметамъ: чтенію, письму, первоначальнымъ основаніямъ Христіанскаго Закона и добронравія, сокращенному и пространному катехизису, священной исторіи, первоначальнымъ правиламъ грамматики, ученію о должностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметикѣ... Помимо общеобразовательныхъ цѣлей главныя народныя училища преслѣдовали и двѣ частныя: подготовлять нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ въ высшія училища (гимназіи и университеты) и на должности учителей малыхъ народныхъ училищъ; стремившіеся къ этому должны были обучаться методамъ преподаванія, чтобы получить соотвѣтственное свидѣтельство на званіе учителя.....Ученіе было безплатное". Не будемъ останавливаться на оцѣнкѣ училищнаго устава 1786 г.—отсылаю интересующихся къ другому своему труду [1]), изъ котораго позаимствованы и приведенныя здѣсь данныя. Замѣчу только, что въ Харьковѣ главное народное училище открыто было въ 1789 г. [2]). Главное народное училище учреждено было въ Харьковѣ по мысли и желанію самой Императрицы Екатерины II-й, какъ это видно изъ ея рескрипта на имя Харьковскаго намѣстника И. Д. Пашкова отъ 3-го ноября 1788 года. Коммиссія объ учрежденіи училищъ, писала Императрица, продолжая по волѣ нашей свои труды къ снабженію Имперіи народными училищами, приготовилась къ открытію ихъ въ другихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Харьковскомъ намѣстничествѣ. Уставъ, штатъ, учителя и учебныя книги будутъ присланы Коммиссіей. Вслѣдствіе этого возлагаемъ мы на васъ приготовить все, что необходимо для открытія ихъ. Правда приказы общественнаго призрѣнія не вездѣ имѣютъ достаточные капиталы, чтобы изъ процентовъ ихъ содержать эти училища, но доходы ихъ при усердныхъ стараніяхъ начальства и общества могутъ увеличиться, а кромѣ того здѣсь могутъ оказать содѣйствіе и города, которымъ мы доставили по жалованной грамотѣ разные выгоды и доходы на ихъ надобности; а между этими надобностями народное просвѣщеніе должно считаться одною изъ первыхъ потребностей; при томъ содержаніе народныхъ училищъ не требуетъ, какъ то видно изъ штата, большаго иждивенія, а на первое время можно будетъ ограничиться открытіемъ въ губернскомъ городѣ главнаго, а въ другихъ болѣе важныхъ городахъ малыхъ училищъ. Въ виду этого мы увѣрены, что вы изыщете необходимыя средства на содержаніе училищъ, не отягощая казну издержками, необходимыми для другихъ полезныхъ заведеній. Обо всемъ этомъ снесется съ вами предсѣдатель коммиссіи о народныхъ училищахъ Завадовскій.

Дѣйствительно въ декабрѣ того же года гр. Завадовскій обратился къ Пашкову съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ просилъ подвинуть мѣстное общество на благотворительность по отношенію къ училищамъ, позаботиться объ отводѣ для нихъ на первое время хотя бы казенныхъ или монастырскихъ зданій, посылалъ учебныя книги, прибавляя, что впослѣдствіи онѣ должны пріобрѣтаться на средства приказа общественнаго призрѣнія изъ книжной лавки училищной коммиссіи и отправлялъ 4-хъ учителей для главнаго народнаго училища—Сем. Туранскаго (для преподаванія въ 3-мъ и 4-мъ классахъ математики и языковъ), Ив. Ефебовскаго (для преподаванія въ 3-мъ и 4-мъ классѣ исторіи и географіи), Г. Одинцова (для преподаванія всѣхъ предметовъ во 2-мъ классѣ) и П. Вакуловскаго (для преподаванія всѣхъ предметовъ въ 1-мъ классѣ). Учебныхъ книгъ и пособій отправлено было всего на 791 р. Здѣсь были—буквари, руководства къ чистописанію, катехизисы, учебники священной исторіи, ариѳметики, грамматики, естественной исторіи, землеописанія, всемірной исторіи, книги о должностяхъ

[1]) Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Томъ I-й, стр. 1075—1082.

[2]) Главное Народное училище открыто въ Харьковѣ 1789 г. и при немъ Малое Народное училище, которые 1 марта 1798 г. соединились въ одно, а 3-го сентября 1805 г. преобразованы въ гимназію—Г. П. Данилевскаго. Украинская старина со ссылкою на рукопись Харьк. Унив. архива, стр. 320; ср. также Арх. Мин. Нар. Пр. Д. № 38574/1290.

человѣка, географическія карты, архитектурные чертежи, геометрическія тѣла, фигуры къ естественной исторіи, готовальни, камера обскура и т. п. Въ директоры училища Намѣстникъ представилъ на утвержденіе Гр. А. Потемкину Харьковскаго коллежскаго протоколиста Ивана Переверзева за его способности, познанія въ наукахъ и безпорочную жизнь—и Свѣтлѣйшій Князь утвердилъ его въ этой должности [1]). Помѣщеніе для главнаго народнаго училища было отведено, по распоряженію кн. Потемкина, въ домѣ прежняго казеннаго училища. На содержаніе училища было опредѣлено ежегодно—изъ суммъ приказа общественнаго призрѣнія 909 р. съ коп., изъ городовыхъ доходовъ Харьковскаго Намѣстничества 2090 р.; единовременно той и другой—3000 рублей; при открытіи училища, внесено дворянами и гражданами 471 руб.

Въ 1797-мъ году въ главномъ народномъ училищѣ въ Харьковѣ было всего 83 ученика, въ томъ числѣ 26 дворянъ и 57 разночинцевъ. Но 1 марта 1798 года оно соединилось съ казеннымъ училищемъ [2]). Коммиссія объ учрежденіи училищъ согласилась на это соединеніе подъ условіемъ, чтобы въ программу этой новой общей школы было внесено преподаваніе механики, физики и естественной исторіи, не преподававшихся въ казенномъ училищѣ и къ этому привлечены учителя главнаго народнаго училища, за тѣмъ чтобы преподаваніе шло по учебникамъ, изданнымъ коммиссіей, и чтобы Директоръ его завѣдывалъ и школами, находившимися въ уѣздахъ. Всѣ эти требованія были исполнены. Всѣ учителя главнаго народнаго училища получили мѣста въ соединенной школѣ. (Туранскій, Ефебовскій, Орда, Вакуловскій). Къ новому училищу было присоединено и малое народное училище. Въ немъ въ 1797 году было 42 ученика (одинъ дворянинъ и 41 разночинецъ) [3]). Число учащихся въ этой соединенной школѣ достигло въ этомъ же году 380 душъ, въ томъ числѣ было 272 дворянина и 108 разночинцевъ; въ 1799 году было въ немъ 382 ученика (142 дворянина и 240 разночинцевъ), въ 1800 году—306 (дворянъ 102, разночинцевъ 204). По составу учащихся училище можетъ быть названо всесословнымъ. На содержаніе главнаго народнаго училища отпускалось 5295 р. и къ этой суммѣ присоединено было 4000 р., выдававшіеся раньше казенному училищу, такъ что съ прибавкой оказывалось болѣе 10000 р., изъ коихъ 4812 р. шло на содержаніе казенныхъ питомцевъ (бывшихъ прибавочныхъ классовъ), 4520 р. на жалованье директору и учителямъ, 1340 р. на пѣвческій классъ и 200 р. на отопленіе. Преподавались въ немъ—французскій и нѣмецкій языки, россійская грамматика, риторика, логика, богословіе, исторія, географія, ариѳметика, геометрія, артиллерія, фортификація, физика, механика, гражданская архитектура и рисованіе; кромѣ того былъ вокальный классъ, въ которомъ состоялъ учитель и его помощникъ, 6 басовъ и 3 тенора [4]). Сравнивая эту программу съ программою главныхъ народныхъ училищъ, замѣчаемъ, что первая была значительно шире второй; и это, конечно, потому что казенное училище имѣло болѣе широкую программу, чѣмъ главныя народныя училища; свою программу оно

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв. Д. № 38574/1290.

[2]) Соединеніе двухъ училищъ въ одно было вызвано предложеніемъ губернатора Теплова, который указалъ, что въ Главномъ Народномъ училищѣ, несмотря на безплатность обученія, состояло гораздо меньше учениковъ, чѣмъ въ Казенномъ училищѣ, гдѣ взималась плата, между тѣмъ предметы преподованія у нихъ почти одинаковые, а расходы, достигающіе по Казенному училищу 3000 р. и по Главному Народному—1000 р., идутъ главнымъ образомъ на содержаніе и починку ихъ деревянныхъ строеній (Архивъ Мин. Народн. Просв. Д. № 38574/1290).

[3]) Харьк. Унив. архивъ. Дѣло Сов. 1805 года, № 19.

[4]) Въ самомъ началѣ XIX в. были еще геодезія, полевое инженерство, тригонометрія и для желающихъ латинскій языкъ (Д. И. Багалѣя. Опытъ Исторіи Харьк. Университета. Т. I-й, стр. 42); инженерство и геодезія, вѣроятно, только случайно пропущены въ программѣ, ибо они преподавались въ казенномъ училищѣ.

удержало и послѣ слiянiя съ главнымъ народнымъ училищемъ и даже отчасти послѣ превращенiя того и другого въ губернскую гимназiю.

Директоромъ главнаго народнаго училища въ Харьковѣ состоялъ до его слитiя съ казеннымъ (онъ же былъ директоромъ и всѣхъ народныхъ училищъ Харьковской губернiи) кол. сов. Ѳедоръ Севастьяновичъ Рыкманъ; учителей было пятеро: учитель 1-го класса Иванъ Никитичъ Вакуловскiй, учитель 2-го класса Гаврило Васильевичъ Орда, 3-го—Иванъ Васильевичъ Ефибовскiй, 4-го—Семенъ Андреевичъ Турансkiй, и нѣмецкаго языка—Емельянъ Трофимовичъ Ходовскiй [1]).

Кромѣ главнаго въ Харьковѣ было еще два малыя народныя училища—Рождественское съ 34 и Архангельское съ 22 учащимися. Учителями въ нихъ состояли въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка—въ 1-мъ Василiй Курдюмовъ и Иванъ Ситницкiй, во 2-мъ Петръ Фесенковъ [2]). 2-е было закрыто въ 1797 году приказомъ общественнаго призрѣнiя съ тѣмъ, чтобы ученики его могли перейти въ 1-е; мотивировалъ свое рѣшенiе приказъ желанiемъ сократить расходы [3]).

Сем. Ив. Кованько въ своемъ „Историко-статистическомъ описанiи г. Харькова“ сохранилъ намъ правда нѣсколько смутный разсказъ о главномъ народномъ училищѣ со словъ бывшаго учителя его Ефибовскаго, котораго онъ видѣлъ совершенно глухимъ и потерявшимъ память столѣтнимъ старцемъ, проживавшимъ въ качествѣ пансiонера въ Благотворительномъ Обществѣ. Съ 1789, говоритъ С. И. Кованько, учреждены въ Харьковѣ—главное народное училище, а какъ здѣсь, такъ и въ прочихъ городахъ Намѣстничества еще малыя народныя училища. Харьковскiя народныя училища помѣщались въ балаганахъ, гдѣ теперь (въ 1859 г.) домъ дворянскаго собранiя. Первый учитель и открыватель малаго народнаго училища въ Харьковѣ, дворянинъ Ефибовскiй, былъ ученикомъ въ классахъ при открытiи намѣстничества. Онъ разсказывалъ, что по открытiи народныхъ училищъ Екатерина Великая, получивъ докладъ о помѣщенiи училища въ балаганѣ и объ опредѣленiи учителями молодыхъ людей, повелѣла, чтобы до пріобрѣтенiя дома, были въ балаганѣ построены печки и собственноручно писала къ (какому то) отцу Василiю, чтобы онъ озаботился переженить всѣхъ педагоговъ. Повелѣнiе исполнено: невѣстами были преимущественно поповны“ [4])... Ефибовскiй, какъ мы знаемъ, былъ дѣйствительно учителемъ, но не малаго, а главнаго народнаго училища. Быть можетъ, это неточность въ разсказѣ С. И. Кованька, а, можетъ быть, онъ позже перешелъ изъ малаго въ главное. Извѣстiе о женитьбѣ учителей отзывается анекдотомъ.

Въ 1800 году учителями главнаго казеннаго и малыхъ училищъ состояли—прот. Вас. Фотiевъ, преподававшiй Законъ Божiй, русское краснорѣчiе и логику, Гр. Дмитрiевъ—синтаксисъ французскаго языка, В. Курдюмовъ—элементарную грамматику французскаго языка, Е. Ходовскiй—синтаксисъ нѣмецкаго языка, О. Ольденборгеръ—грамматику нѣмецкаго языка, И. Николаевъ—полевое инженерство, фортификацiю и артиллерiю, Ак. Назаровъ—тригонометрiю и геодезiю, С. Турансkiй—геометрiю, стереометрiю, архитектуру, физику и механику, Е. Ефибовскiй—всеобщую, россiйскую исторiю, естественную исторiю и географiю, Ордынскiй—россiйскую грамматику, правописанiе и чистописанiе, И. Золотаревъ—ариѳметику, О. Андрiевскiй—рисованiе, С. Никитинъ—рисованiе, И. Вакуловскiй—россiйскiй букварь, катехизисъ, священную исторiю и цифры, И. Снисаревскiй—вокальную музыку, С. Гласчастый—тоже [5]).

---

[1]) Архив. Харьк. Губ. Правленiя.

[2]) Ibidem.

[3]) Арх. Мин. Нар. Просв. Д. № 38574/1290.

[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г. №·20.

[5]) Арх. Харьк. Губ. Правленiя.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, существовали ли въ это время въ Харьковѣ тѣ истинно народныя, церковноприходскія школы, которыя тамъ были въ козацкій періодъ его исторіи или и здѣсь онѣ испытали ту же печальную судьбу, какая постигла ихъ въ Малороссіи и Слободской Украйнѣ вообще [1]). Извѣстно, что тамъ онѣ исчезли подъ вліяніемъ различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, хотя могли бы еще, нѣсколько приспособившись къ новымъ требованіямъ жизни, приносить и впредь огромную пользу народу. Исчезли онѣ или продержались до конца XVIII в., а можетъ быть и позже въ Харьковѣ, мы не знаемъ (выше приведено было извѣстіе о существованіи въ концѣ вѣка одной изъ нихъ при Троицкой церкви). По духу своему онѣ были близки къ Харьковскому Коллегіуму, являясь его предшественниками и представляя изъ себя потомъ какъ бы приготовительный классъ для этого послѣдняго.

Новыя же свѣтскія училища, положивъ въ основу своей программы новые языки, математику и военно-техническія науки, вступили въ борьбу съ Коллегіумомъ и со всѣмъ складомъ его образованія, ибо источники этого послѣдняго у него и у нихъ были совершенно различные. Также точно и программа малыхъ народныхъ училищъ Екатерины II-й была совсѣмъ не похожа на программу народныхъ харьковскихъ школъ козацкаго періода. Спрашивается: мыслимо ли было бы преподавать въ этихъ послѣднихъ „ученіе о должностяхъ человѣка и гражданина“, которое читалось въ Екатерининскихъ школахъ? Съ другой стороны, кромѣ разницы программъ важное значеніе имѣлъ утилитарный характеръ новой школы. Въ козацкій періодъ, когда еще не произошло дифференціаціи духовной и свѣтской школы, образованіе цѣнилось само по себѣ, независимо отъ того, каково оно было, гдѣ и какъ оно пріобрѣталось, ибо требовались только его основы, а все то, что нужно было для службы (военной и гражданской), пріобрѣталось уже на этой послѣдней, путемъ опыта и упражненія. Вотъ почему дѣти козацкой старшины такъ охотно поступали въ Харьковскій Коллегіумъ и даже въ Кіевскую Духовную Академію. Но этотъ же Коллегіумъ, и эта же Академія давали вмѣстѣ съ тѣмъ и профессіональную подготовку тѣмъ своимъ питомцамъ, которые готовились къ священнической должности. И о такой профессіональной подготовкѣ стала теперь заботиться козацкая старшина, превращавшаяся послѣ введенія общегубернскихъ установленій въ чиновничье и дворянское сословія. Средствомъ для достиженія этого дворянства являлась военная и гражданская служба и эта служба для скорѣйшаго прохожденія табели о рангахъ требовала спеціальной школьной подготовки. Этимъ и вызваны были къ жизни прибавочные классы, съ профессіональнымъ характеромъ ихъ программы.

И такъ, уже первые харьковскіе поселенцы принесли съ собою изъ заднѣпровья любовь къ школѣ, которая тамъ служила могучимъ орудіемъ борьбы за вѣру и народность. Первыя народныя школы при церквяхъ возникли въ Харьковѣ въ XVII в. Во 2-й четверти XVIII в. въ немъ основанъ былъ Коллегіумъ, представлявшій изъ себя среднюю школу, но съ такою широкою программой, что назывался подъ часъ Академіей и дѣйствительно до открытія въ Харьковѣ университета онъ игралъ роль высшаго просвѣтительнаго центра для весьма обширнаго района. Благодаря ему и Харьковъ сталъ пріобрѣтать центральное значеніе среди остальныхъ четырехъ полковыхъ городовъ Слободской Украйны. Особенно важное значеніе имѣло здѣсь то обстоятельство, что Коллегіумъ былъ, можно сказать, всесословнымъ учебнымъ заведеніемъ и, слѣдовательно, удовлетворялъ запросы на образованіе всего общества. Во 2-й половинѣ XVIII в. онъ въ значительной степени потерялъ свой прежній всесословный характеръ, но за то Харьковъ обогатился новымъ учебнымъ заведеніемъ, предназначеннымъ для свѣтскаго общества, это опять таки дѣлало его притягательнымъ центромъ для населенія всей гу-

[1]) М. И. Сухомлинова. Училища и народное образованіе въ Черн. губ. (Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CXXI, 1864 г., отд. III, стр. 7—8); ср. Д. И. Багалѣя. Опытъ Исторіи Харьк. Университ. Томъ I-й, стр. 1093—1104.

берніи: административный центръ слился съ просвѣтительнымъ. Само собою разумѣется, что учрежденіе Коллегіума, затѣмъ прибавочныхъ классовъ и наконецъ главнаго народнаго училища должно было въ сильнѣйшей степени способствовать и экономическому, и культурному росту Харькова. Общее число учащихся, превышавшее въ концѣ XVIII вѣка тысячу человѣкъ, составляло замѣтный процентъ (болѣе 10%) въ общей массѣ городскаго населенія. На содержаніе этихъ школъ затрачивались крупныя суммы духовнымъ вѣдомствомъ и губернскою администраціей; привлекались и пожертвованія частныхъ лицъ, проживавшихъ внѣ Харькова. На содержаніе учащихся тратились въ общей массѣ большія деньги ихъ родителями. И почти все это оставалось въ Харьковѣ, въ пользу мѣстнаго населенія, увеличивало его матеріальные достатки. А какъ измѣрить вліяніе школъ въ чисто культурномъ отношеніи? Онѣ внесли въ жизнь козацкаго городка совершенно новый для него культурный элементъ: Коллегіумъ явился какъ бы новой колоніей въ городѣ, выдвинувшей новые запросы культурной жизни—явилась потребность въ образованныхъ учителяхъ, учебникахъ, первыхъ зачаткахъ научно-литературной дѣятельности; съ учрежденіемъ казеннаго училища, начались сношенія съ Московскимъ университетомъ, появились иностранцы-учителя, стали выписываться иностранныя книги и переводиться на русскій языкъ, стало преподаваться искусство рисованія, живописи, пѣнія и музыки, появился хоръ и капелла, свои регенты и капельмейстеры, живописцы, сдѣлалось такимъ образомъ возможно появленіе мѣстнаго театра (о чемъ скажемъ ниже), стали выписываться статуи и бюсты, зародились иностранные пансіоны и зазвучала французская рѣчь. Русскій языкъ въ качествѣ литературнаго и разговорнаго дѣлалъ также все большіе и большіе успѣхи. Со 2-й четверти XVIII вѣка систематическимъ проводникомъ его въ общество сдѣлался Коллегіумъ, потомъ еще въ большей степени—прибавочные классы и реформы Щербинина. Послѣднія, по выраженію В. Н. Каразина, довершили то, что начали школы Коллегіума Голицыныхъ. Но отмѣчая это послѣднее вліяніе школы, мы не должны впадать въ крайность: эти перемѣны захватывали только верхній слой харьковскаго общества; это все таки были колоніи; а масса городскаго населенія продолжала жить по старому и говорить своимъ языкомъ; ее только слегка касались эти новыя формы культурной жизни и образованности; она получала о нихъ только случайное и поверхностное понятіе. Тѣмъ не менѣе отдѣльные представители ея могли пріобщаться къ новой культурѣ, благодаря нахожденію нѣсколькихъ школъ въ Харьковѣ и существованію при нихъ казенныхъ интернатовъ. Еще въ большей степени пользовалась школой многочисленная группа разночинцевъ, а также дѣти дворянъ, чиновниковъ и духовныхъ, проживавшихъ въ Харьковѣ.

Во всякомъ случаѣ харьковскія школы XVIII вѣка явились могучимъ факторомъ въ его ростѣ и культурномъ развитіи. Онѣ же, наконецъ, подготовили въ немъ до нѣкоторой степени почву для возникновенія высшаго учебнаго заведенія—Харьковскаго университета.

Глава 13-я.

Наука.

Слободская украйна вообще и Харьковъ въ частности заселились главнымъ образомъ выходцами изъ Заднѣпровья. Въ Правобережной украйнѣ научнолитературная дѣятельность явилась такимъ же могучимъ средствомъ для защиты вѣры и народности; какъ и мечъ. Кіево-Могилянское училище—Духовная Академія—была высшею и центральною школою того времени—половины XVII в. Главное мѣсто среди преподаваемыхъ здѣсь предметовъ занимало богословіе; обращали вниманіе тамъ также на піитику, риторику и философію. Все образованіе было проникнуто духовнымъ характеромъ, хотя доступъ въ Академію былъ широко открытъ и

Старчикъ, Грнт. Сковороды

для свѣтскихъ лицъ. Научно-литературныя произведенія, написанныя главнымъ образомъ въ защиту православія, также, конечно, имѣли религіозно-нравственное содержаніе. И братства, и школы, и многочисленныя типографіи служили преимущественно той же цѣли, ибо вѣроисповѣдный вопросъ былъ центромъ, вокругъ котораго группировались и съ которымъ были связаны и другія первостепенныя задачи времени. Свѣтское общество и при томъ всѣ его слои—и дворянство, и козачество, и мѣщанство, и крестьянство—были глубоко, внутренно и сознательно заинтересованы религіозными дѣлами и вопросами, имѣвшими для нихъ столь жизненное значеніе и тѣсно связанными съ сохраненіемъ ихъ народности.

Все это, подъ видомъ хорошо извѣстной намъ „старочеркасской обыкности“, переносилось переселенцами на новыя мѣста и нашло себѣ выраженіе въ братствахъ, шпиталяхъ, народно-церковно-приходскихъ школахъ и, наконецъ, Коллегіумѣ, представлявшемъ собою какъ бы умень-

шенную копію Могилянскаго Коллегіума и культивировавшемъ ту же, что и онъ, школьную западнорусскую науку. Составъ библіотеки Харьковскаго Коллегіума ясно подтверждаетъ намъ, что научные интересы его преподавателей были если не тождественны, то по крайней мѣрѣ очень сходны съ таковыми же интересами Кіевской Духовной Академіи; къ этому слѣдуетъ только прибавить еще вліяніе и Московской Духовной Академіи, которая давала, напримѣръ, Харьковскому Коллегіуму своихъ питомцевъ въ качествѣ его ректоровъ. О научной дѣятельности преподавателей Харьковскаго Коллегіума намъ ничего неизвѣстно; но это еще не значитъ, чтобы ея вовсе и не было. Въ то время часто научные труды не попадали въ печать; при жизни такого глубокаго ученаго философа, какъ Гр. Сав. Сковорода, не было напечатано ничего изъ его многочисленныхъ трудовъ. Но въ нашихъ рукописныхъ собраніяхъ (и Харьковскихъ, и Кіевскихъ) хранятся труды наставниковъ Харьковскаго Коллегіума и нуждаются въ спеціальномъ изслѣдованіи для уясненія этой важной, но оставленной втѣ ни стороны его жизни. Укажемъ въ видѣ примѣра на рукописи ректора Коллегіума Кордета въ библіотекѣ Харьковскаго университета.

Къ счастію, сохранились, хотя и не вполнѣ, рукописные ученые труды бывшаго одно время преподавателемъ въ Коллегіумѣ, а потомъ въ Казенномъ училищѣ знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды, который усвоилъ въ совершенствѣ южнорусскую богословскую науку первой половины XVIII-го вѣка и путемъ самостоятельной работы попытался переформировать ее въ духѣ самобытной, настоящей философской системы. Такимъ образомъ, Г. С. Сковорода, являясь единственнымъ украинскимъ философомъ, можетъ быть названъ въ тоже время и первымъ русскимъ самостоятельнымъ философомъ, тѣмъ болѣе что писалъ онъ не по малороссійски, а по русски. По размѣрамъ своихъ умственныхъ дарованій и по другимъ качествамъ, онъ долженъ быть поставленъ чрезвычайно высоко—не только выше всѣхъ современныхъ ему украинскихъ писателей XVIII вѣка, но и выше наиболѣе выдающихся харьковскихъ дѣятелей XIX в.—В. Н. Каразина, Г. Ѳ. Квитки и др. И только одинъ покойный проф. А. А. Потебня въ исходѣ XIX в. является такимъ же глубокимъ философомъ-реформаторомъ въ его научной области филологіи, какимъ былъ „старчикъ Варсава“ въ своей богословіи. Конечно, мы отнюдь не приравниваемъ одного къ другому по степени, такъ сказать, ихъ научности: въ этомъ отношеніи между ними цѣлая пропасть; сходство же заключается въ томъ, что оба они не удовлетворялись современнымъ состояніемъ своей науки, занялись ея реформой, указали пути новаго плодотворнаго ея движенія и сами осуществили значительную часть реформы. Харьковъ можетъ и долженъ гордиться Г. С. Сковородой, какъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ выдающихся своихъ дѣятелей, какъ единственнымъ украинскимъ философомъ, какъ первымъ русскимъ мыслителемъ. И первый памятникъ въ сущности долженъ былъ бы быть поставленъ ему. Но если онъ не дождался принадлежащаго ему по праву перваго памятника, то пусть по крайней мѣрѣ будетъ поставленъ ему памятникъ вообще и лучше всего, чтобы этимъ монументомъ „философу—изъ народа“ было какое либо народопросвѣтительное учрежденіе, напримѣръ, Народный Домъ или Народный Университетъ. Было бы актомъ справедливости передъ его памятью, чтобы Харьковскій Народный Домъ названъ былъ въ честь его Сковородинскимъ. Правда имя это звучитъ слишкомъ простонародно; но было бы глубоко прискорбно, если-бы по этому мотиву рѣшились отклонить самое названіе. Если же руководствоваться, какъ то и должно быть, заслугами Г. С. Сковороды въ дѣлѣ науки и просвѣщенія, то вопросъ безъ всякаго сомнѣнія долженъ быть рѣшенъ въ его пользу.

Я здѣсь не могу по недостатку мѣста входить въ подробную оцѣнку значенія Г. С. Сковороды—его личности и дѣятельности, не смогу остановиться съ должнымъ вниманіемъ даже на его научныхъ трудахъ—для всего этого понадобилась бы большая книга—я только въ общихъ чертахъ скажу о немъ, какъ объ ученомъ богословѣ и мыслителѣ философѣ, пользуясь

для этого его трудами, мною же преимущественно открытыми и изданными, своими собственными изслѣдованіями и, наконецъ, всею нынѣ уже обширною литературою о немъ [1]). Цѣль моя заключается въ томъ, чтобы дать общее понятіе о немъ, какъ о представителѣ научной мысли XVIII в. въ Харьковѣ и напомнить нынѣшнимъ харьковцамъ о его выдающихся заслу-

[1]) До 1894 года существовало въ печати только Петербургское весьма неудовлетворительное изданіе сочиненій Г. С. Сковороды 1861 года. Въ виду же приближавшагося 100 лѣтія со дня смерти этого замѣчательнаго дѣятеля я рѣшилъ розыскать его рукописи и отпечатать ихъ новымъ изданіемъ. Въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ я нашелъ богатѣйшее собраніе рукописныхъ сочиненій и писемъ Г. С. Сковороды и такой же автографъ „житія“ его, составленнаго Ковалинскимъ. Собраніе это было пополнено другими рукописями, розысканными мною въ разныхъ хранилищахъ, редактировано и затѣмъ издано на средства Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ видѣ 7-го тома его Трудовъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ „Сочиненія Г. С. Сковороды“, съ приложеніемъ портрета, вида могилы, снимковъ съ почерка, біографіи, составленной другомъ его Ковалинскимъ и критико-библіографической статьи проф. Д. И. Багалѣя X. 1894. CXXXI, 132, 352. Кромѣ напечатанныхъ здѣсь сочиненій Г. С. Сковороды часть осталась еще въ рукописяхъ неизданными и притомъ такихъ, которыя существенно были важны для уясненія его взглядовъ на Библію. Къ сожалѣнію, моя попытка издать ихъ при посредствѣ Общества любителей древнерусской письменности не увѣнчалась успѣхомъ, препятствіемъ послужили соображенія цензурнаго свойства, хотя сочиненія эти въ настоящее время представляютъ только одинъ историко-литературный интересъ и, слѣдовательно, едва ли справедливо ставить выпускъ ихъ въ свѣтъ въ зависимость отъ полнаго соотвѣтствія ихъ со взглядами науки православнаго богословія въ ея современномъ состояніи. Вѣдь для выясненія историческаго процесса мысли необходимо знать не только ея правильное теченіе, но и уклоненія въ сторону. А. Г. С. Сковорода всею душею своею любилъ Библію и только кромѣ буквальнаго ея смысла старался постигнуть еще высшій, духовный, аллегорическій. Въ предисловіи къ изданію напечатаны двѣ главы моего изслѣдованія о Г. С. Сковородѣ.—1) Изданія сочиненій Г. С. Сковороды и изслѣдованія о немъ (историко-критическій очеркъ) и 2) библіографическій обзоръ сочиненій Г. С. Сковороды. Въ 1-й главѣ я сдѣлалъ полный критическій обзоръ многочисленныхъ трудовъ, посвященныхъ Г. С. Сковородѣ и изданій его сочиненій. Въ ней мною разсмотрѣны статьи о Г. С. Сковородѣ—Гесъ де Кальве, Вернета, Снегирева, Хижděу, Срезневскаго, арх. Гавріила, Костомарова, Данилевскаго, проф. Н. Ѳ. Сумцова, Д. Я. Ефименко (1-я статья въ „Недѣлѣ“) и проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго. Во 2-й главѣ сдѣланъ былъ краткій обзоръ содержанія всѣхъ сочиненій Г. С. Сковороды, какъ вошедшихъ въ нынѣшній сборникъ, такъ и ненапечатанныхъ.

Къ столѣтію со дня смерти (т. е. въ 1894 году) напечатана была вторая статья А. Я. Ефименко „Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя“ (въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ 1894, ноябрь, кн. 25-я), первоначально прочитанная въ видѣ реферата въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ. Содержаніе ея основано было на непосредственномъ изученіи рукописей Г. С. Сковороды и касалось главнымъ образомъ уясненія его философской системы въ ея цѣльномъ видѣ. Авторъ пришелъ къ заключенію, что Г. С. Сковорода имѣлъ чрезвычайно цѣльное и законченное философское міровоззрѣніе, представлялъ изъ себя монолитъ безъ примѣсей и трещинъ—и что философію свою онъ буквально отожествлялъ съ религіей. Весьма важной и любопытной является статья проф. А. С. Лебедева „Г. С. Сковорода, какъ богословъ“ (въ Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества 1895 г.); это—рѣчь на юбилейномъ чествованіи памяти Г. С. Сковороды въ Харьковѣ 13 ноября 1894 г. Въ ней затронутъ и разработанъ вопросъ о вліяніи на складъ философскихъ воззрѣній Г. С. Сковороды ученія восточныхъ отцовъ церкви. На томъ же юбилейномъ чествованіи была прочитана мною рѣчь „Гр. Сав. Сковорода. Его ученіе, жизнь и значеніе“. Она будетъ положена и въ основу настоящаго изложенія. Эта рѣчь послужила какъ бы канвою и для моего новаго изслѣдованія „Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода“ (Кіевская Старина 1895 г, №№ 2, 3, 6). Оно является прямымъ продолженіемъ изслѣдованія, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ сочиненіямъ Г. С. Сковороды и заключаетъ двѣ главы—1) ученіе и жизнь, 2) значеніе—изъ коихъ вторая осталась незаконченной. Во 2-й главѣ я устанавливаю на Г. С. Сковороду свою точку зрѣнія, какъ на религіознаго реформатора, и потому сущность ея введу и въ нынѣшній очеркъ. Основные выводы и 1-й, и 2-й главы я считаю непоколебленными послѣдующими работами. Такихъ работъ было двѣ и обѣ являются крупнымъ вкладомъ въ литературу вопроса о Г. С. Сковородѣ. Одна принадлежитъ Ѳ. Кудринскому и носитъ полемическое названіе „Философъ безъ системы“ (Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды) въ Кіевской старинѣ за 1898-й годъ, №№ 1, 2 и 3. Написана она бойко, живо, со знаніемъ дѣла, но недостаточно спокойно. Многія отдѣльныя мнѣнія, наблюденія и замѣчанія автора заслуживаютъ полнаго вниманія и могутъ быть приняты критикой. Но основной выводъ его, что у Г. С. Сковороды не было опредѣленной философской системы, на нашъ взглядъ, не доказанъ. Если современные

гахъ въ дѣлѣ науки, просвѣщенія и нравственнаго усовершенствованія мѣстнаго общества. Для настоящаго очерка я буду пользоваться и тѣми новѣйшими изслѣдованіями о Г. С. Ско-

---

изслѣдователи расходятся другъ съ другомъ по отношенію, напримѣръ, къ раціонализму Г. С. Сковороды, то разногласіе заключается только во взглядахъ на степень, на размѣры раціоналистической пытливости; если у самого Г. С. Сковороды можно подмѣтить кое гдѣ какъ будто противорѣчіе, напримѣръ, въ вопросѣ о началѣ міра (путемъ творенія или вѣчнаго существованія матеріи—пантеизмъ), то и это еще не даетъ основанія для подобнаго вывода. Быть можетъ, это объясняется эволюціей его взглядовъ или характеромъ трактуемыхъ имъ вопросовъ (философскихъ или богословскихъ), или, наконецъ, самою цѣлью того или иного труда, ибо онъ, какъ мы думаемъ, придерживался педагогическаго правила, что должны быть разныя степени совершенства въ воспріятіи истины, находящіяся въ зависимости отъ степени подготовки того или иного лица. Г. Кудринскій говоритъ о многогранномъ умѣ Сковороды, что „это былъ сложный, неупорядоченный умъ, который едва ли когда либо зналъ силу цѣпей неумолимо систематическаго вывода; однихъ выводовъ требовала отъ него метафизическая философія, другихъ нравственная, этика. Но гдѣ же эти противорѣчія? И почему непремѣнно его метафизика должна была стать въ противорѣчіе съ этикой? Г. Кудринскому нужно было опровергнуть фактами противоположное заключеніе трехъ авторовъ—А. Я. Ефименко, проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго и мое; а онъ почти совсѣмъ не останавливается на такомъ опроверженіи. Приведя основное положеніе А. Я. Ефименко о цѣльности міросозерцанія Сковороды, онъ только замѣчаетъ: „эта тирада невольно наталкиваетъ на вопросъ—былъ ли когда нибудь на землѣ философъ, міросозерцаніе котораго представляло бы „монолитъ безъ примѣсей и трещинъ“? Отмѣтивъ, что Ѳ. А. Зеленогорскій представилъ цѣлую систему ученія Сковороды, г. Кудринскій прибавляетъ: опъ забылъ, что къ мыслямъ Сковороды по существу нельзя подходить съ требованіями строгой системы. Почему же, спросимъ мы, когда не доказано противное? Наиболѣе стройную и выдержанную систему философіи Сковороды, говоритъ г. Кудринскій, даетъ проф. Багалѣй. Вотъ схема этой системы. Вѣчно существуетъ одно міросозданіе (монизмъ Сковороды). Оно состоитъ изъ трехъ міровъ: космоса (большаго міра), человѣка (малаго міра) и Библіи (міра символическаго). Въ каждомъ отдѣльномъ мірѣ два начала: вѣчность (духъ) и тлѣнность (матерія)—(дуализмъ Сковороды). Духъ въ каждомъ мірѣ беретъ перевѣсъ надъ матеріей (спиритуализмъ Сковороды). Изъ ученія о духѣ вытекаетъ нравственное ученіе философа и т. д. Такая система идей, говоритъ далѣе г. Кудринскій, въ отношеніи къ Сковородѣ намъ представляется однако произвольной, примѣнимой скорѣе къ доктринерамъ теоретикамъ, а не такому живому подвижному уму, какимъ былъ Сковорода.... Можно смѣло сказать, что если бы Сковорода философствовалъ по такой системѣ, то мы неимѣли бы философа. Въ данномъ случаѣ дѣло, кажется, болѣе выиграетъ, если при изложеніи и оцѣнкѣ мыслей Сковороды отрѣшиться на время отъ тенденцій систематизаціи и смотрѣть на его философскія произведенія, какъ на выраженіе процесса различныхъ философскихъ умонастроеній, т. е. видѣть въ его мысляхъ не столько систему, сколько самыя мысли, не лишенныя въ общемъ, конечно, относительной цѣльности и законченности, но не чуждыя многихъ противорѣчій, недомолвокъ и неточностей“. Г. С. Сковорода самъ не сдѣлалъ попытки изложить свои философскія идеи въ полной стройной системѣ въ одномъ какомъ либо общемъ трудѣ и потому эта обязанность выпадаетъ на долю современныхъ изслѣдователей, которые, изучивъ сочиненія Сковороды, постарались опредѣлить въ нихъ наиболѣе существенныя мысли и взгляды. Эти мысли и взгляды, высказанные въ разныхъ трудахъ философа, сами собой, безъ всякаго тенденціознаго подбора или умолчанія, уложились въ опредѣленную систему—это служитъ доказательствомъ существованія у Сковороды такой системы. Такимъ путемъ обыкновенно опредѣляется сущность философскихъ системъ всякаго философа, а не доктриперовъ-теоретиковъ: по отношенію къ послѣднимъ такая работа излишня, потому что ее дѣлаютъ они сами. Но понятно, что всякое схематическое изложеніе философской системы будетъ до нѣкоторой степени условно, ибо оно будетъ представлять результатъ обобщенія многихъ частныхъ мыслей, изъ коихъ каждая имѣетъ свои оттѣнки. Однако условность эта обычна и систематическое изложеніе имѣетъ въ практическомъ отношеніи для уясненія общаго характера міросозерцанія изучаемаго лица—большія удобства, тѣмъ болѣе что она можетъ сопровождаться, какъ это сдѣлано у меня, и болѣе детальнымъ изложеніемъ каждаго изъ его сочиненій въ отдѣльности. Впрочемъ и самъ г. Кудринскій прибѣгаетъ къ отвергаемой имъ систематизаціи и пытается опредѣлить и метафизику Г. С. Сковороды, и его этику, и его богословское ученіе, и его мистицизмъ, и его обличеніе общественныхъ пороковъ, и его воспитательное значеніе, только слишкомъ рѣзко подчеркивая противорѣчія (иногда мнимыя) и вовсе не пытаясь дать имъ объясненія. Такимъ образомъ, и послѣ изслѣдованія г. Кудринскаго мы не отказываемся отъ своей схемы философскаго міросозерцанія Г. С. Сковороды.

Дальнѣйшій шагъ въ изслѣдованіи религіозно философскихъ воззрѣній Г. С. Сковороды представляетъ обстоятельная ученая работа г. М. Краснюка (Вѣра и Разумъ. 1901 года, т. 2-й, часть 2-я, стр. 132—152, 217—236,

вородѣ, которыя вышли въ свѣтъ послѣ изданія моихъ трудовъ и находятся съ ними въ извѣстной связи и соотношеніи. Во 2-й главѣ своей вступительной статьи къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды я сдѣлалъ библіографическій обзоръ всѣхъ его трудовъ съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія. Съ того времени до нашихъ дней новыхъ сочиненій Украинскаго философа не открыто [1]). Такимъ образомъ и теперь намъ можно ограничиться краткимъ извлеченіемъ изъ указанной выше работы. Труды Г. С. Сковороды по формѣ своей могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: научные—философско-богословскіе и литературные; но по содержанію своему обѣ эти категоріи близко подходятъ другъ къ другу: въ основѣ чисто литературныхъ его сочиненій также лежитъ обыкновенно какая либо серьезная мысль.

Первыми богословско-философскими трактатами Г. С. Сковороды были „Наркисъ“ и „Асхань“, посвященные развитію одной и той же мысли о самопознаніи, которая служитъ исходнымъ пунктомъ философіи Г. С. Сковороды. Въ первомъ развивается текстъ: „плоть

365—382, 401—420). Изслѣдованіе это состоитъ изъ 4-хъ главъ: въ 1-й главѣ изложенъ взглядъ Г. С. Сковороды на источники познанія въ связи съ основными положеніями его умозрительной философіи, во 2-й раскрыты теологическія воззрѣнія его въ связи съ древнегреческой и святоотеческой литературой, въ 3-й разсмотрѣны нравственно философскія его наставленія и въ 4-й сдѣлана оцѣнка ихъ значенія и опредѣлено ихъ мѣсто въ исторіи русской мысли. Выводы автора не опровергаютъ моихъ основныхъ положеній, а только ихъ дополняютъ и подтверждаютъ, а кое гдѣ смягчаютъ и благодаря этому, ученіе Г. С. Сковороды оказывается, по изложенію автора, въ бо́льшемъ соотвѣтствіи съ принятымъ церковно-теологическимъ воззрѣніемъ, чѣмъ это было, повидимому, въ дѣйствительности. Очень интересны и довольно убѣдительны сближенія ученія Г. С. Сковороды съ ученіемъ отцовъ церкви: здѣсь авторъ продолжилъ то, что начато было проф. А. С. Лебедевымъ. Да и вообще 2-я глава изслѣдованія отличается богатствомъ содержанія и систематичностью изложенія; здѣсь авторъ проявляетъ наибольше самостоятельности. Въ 4-й главѣ авторъ старается нѣсколько ограничить мой выводъ о широкомъ распространіи философскихъ идей Сковороды въ современномъ ему обществѣ и когда рѣчь идетъ о препятствіяхъ, съ которыми ему приходилось бороться, то я могу согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что они несомнѣнно служили значительнымъ тормазомъ. Что касается русскаго національнаго характера философіи Сковороды, то я не могу ни признавать, ни отрицать его, потому что основою для признанія этого положенія являются почти исключительно выдержки изъ сочиненій Сковороды, приводимыя Хиджеу, а я документально установилъ скептическое отношеніе къ нимъ еще въ предисловіи къ изданію сочиненій Сковороды и теперь не имѣю основаній отказываться отъ своего мнѣнія. Но Г. С. Сковорода можетъ быть названъ первымъ національнымъ русскимъ философомъ въ томъ смыслѣ, что у него перваго изъ русскихъ мыслителей мы встрѣчаемъ настоящую философскую систему.

Были еще и другія статьи о Г. С. Сковородѣ послѣ 1894 года, но мы упомянемъ о четырехъ изъ нихъ, потому что только онѣ вносятъ новое въ изученіе сочиненій Сковороды: 1-я замѣтка посвящена была Сковородѣ, какъ лингвисту, и принадлежала перу спеціалиста проф. И. В. Нетушила; 2) нѣсколько замѣчаній о языкѣ Г. С. Сковороды и недоступности его сочиненій народу высказалъ П. И. Житецкій въ своемъ изслѣдованіи „Энеида“ И. П. Котляревскаго и старѣйшій списокъ ея (Кіев. Старина 1899, ноябрь, 135—152); 3-я статья С. Р. касалась педагогическихъ идей Сковороды и 4-я новѣйшая, „Первый (малороссійскій) періодъ жизни и научно-философскаго развитія Гр. Сав. Сковороды“ принадлежитъ перу извѣстнаго знатока исторіи южнорусской литературы проф. Кіевской Духовной Академіи Н. И. Петрова и помѣщена въ 12-й книжкѣ „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1902-й годъ“. Это прекрасное начало критической біографіи Г. С. Сковороды и можно только пожелать, чтобы оно было продолжено и закончено. Здѣсь мы находимъ рядъ цѣнныхъ разъясненій по поводу отдѣльныхъ моментовъ въ жизни и дѣятельности Г. С. Сковороды. Первоначально эта работа была доложена въ качествѣ реферата на Харьковскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. Дополненіемъ къ ней является его же замѣтка „Къ біографіи укр. фил. Гр. Сав. Сковороды“ (Кіев. Старина 1903 г., апрѣль, стр. 10—18).

Не называю другихъ статей и замѣтокъ, хотя ихъ было не мало. Обращу вниманіе только на краткій отзывъ о сочиненіяхъ Г. С. Сковороды Снегирева, цензуровавшаго ихъ въ 1836 году (Русскій Арх. 1902 г. № 10, стр. 167—168; о Г. С. Сковородѣ тамъ же, въ №№ 6 и 7).

[1]) Правда среди рукописей, принадлежащихъ Библіотекѣ Императорскаго Харьковскаго университета, мною найденъ лѣчебникъ, приписываемый Г. С. Сковородѣ (см. каталогъ выставки XII-го Археол. съѣзда; отдѣлъ рукописей, стр. 33), но думаю, что едва ли его сочинителемъ былъ нашъ философъ.

ничтоже, духъ животворитъ"; содержаніе второго исчерпывается эпиграфомъ его: „духъ вся испытуетъ и глубины Божія"; и тамъ, и здѣсь доказывается превосходство въ человѣкѣ духа надъ плотью. Въ трактатѣ „Разглаголъ о древнемъ мірѣ" выясняется отношеніе древняго міра къ новому—т. е. нашего тлѣннаго къ Господнему вѣчному. Говорится, что философствовать нужно во Христѣ, т. е. Вѣчности. „Бесѣда, нареченная Двое" также трактуетъ о двухъ мірахъ и двухъ началахъ—тлѣнномъ и вѣчномъ, при чемъ доказывается, что сдѣлаться блаженнымъ, т. е. счастливымъ не трудно. Наиболѣе просто и удобопонятно Г. С. Сковорода развилъ свои взгляды на христіанскую религію въ „Начальной двери по христіанскому добронравію", именно потому что это было не спеціальное изслѣдованіе, а общій курсъ его лекцій. И оно начинается съ основного положенія, что нужное не трудно, а трудное не нужно. Самое нужное—счастіе, а счастіе—въ сердцѣ—въ любви, любовь въ законѣ Вѣчнаго, въ Богѣ, который въ сердцѣ человѣка. Всѣ народы признавали Бога; это и есть вселенская вѣра. Богъ по своей волѣ, которая зовется всеобщимъ закономъ, управляетъ міромъ и открылъ себя между прочимъ въ 10 заповѣдяхъ Моисея, которыя и истолковываются Г. С. Сковородою. Здѣсь онъ далъ сущность своего христіанско-философскаго міросозерцанія. Къ этому трактату примыкаютъ двѣ его проповѣди, въ которыхъ аллегорически толкуется Преображеніе и Воскресеніе Христово. Аллегорически философскому изслѣдованію Библіи посвящены три наиболѣе важные трактата Г. С. Сковороды доселѣ еще не изданные—Израильскій Змій, Жена Лотова и Потопъ Зміинъ. Въ первомъ сочиненіи Г. С. Сковорода представляетъ опыты, какимъ образомъ можно входить въ точный смыслъ Библіи; толковать ее слѣдуетъ, по его мнѣнію, аллегорически, какъ поэму Моисея. Во второмъ сочиненіи проводится та же мысль о ветхомъ и новомъ свободномъ, духовномъ человѣкѣ. Также духовно нужно понимать и Библію, а не спорить о происхожденіи Духа, о таинствахъ, о вѣрѣ, о церемоніяхъ, объ ангелахъ, о мукахъ, о блаженствѣ и т. п. Въ „Потопѣ Зміинѣ" говорится о трехъ мірахъ—вселенной, человѣкѣ и Библіи. Каждый изъ нихъ состоитъ изъ матеріи и формы; послѣдняя у Платона называется идеями, т. е. видами, вѣчными образами. Въ Библіи тоже эти два начала и нужно заботиться объ открытіи второго, т. е. вѣчнаго духа подъ матеріей Г. С. Сковорода и представляетъ рядъ примѣровъ „Потопа Зміина", т. е. невѣроятныхъ и невозможныхъ съ его точки зрѣнія разсказовъ, если ихъ понимать буквально (напримѣръ, о твореніи міра). Два трактата Г. С. Сковороды „Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ" и „Алфавитъ мира" посвящены одному и тому же вопросу его практической философіи—въ чемъ заключается счастіе человѣка. Оно оказывается не внѣ, а внутри насъ—это нашъ внутренній душевный миръ, живущій въ согласіи съ Божьимъ. 2-й трактатъ служитъ развитіемъ идей 1-го; здѣсь разъясняется, что значитъ жить по натурѣ—это значитъ не входить въ несвойственное человѣку состояніе, не брать должности, противной его природѣ, не обучаться тому, къ чему нѣтъ склонности, не дружить съ тѣми, къ кому нѣтъ расположенія.

На рубежѣ научныхъ и литературныхъ трудовъ Г. С. Сковороды стоятъ его сочиненія—„Борьба архистратига Михаила съ сатаной" и „Пря бѣса съ Варсавой"; къ первымъ они примыкаютъ по своей идеѣ (легко быть благимъ), а ко вторымъ по сильному религіозному чувству, переходящему въ экстазъ. Это—борьба, которую ведутъ въ человѣкѣ два начала, два царства—ангельское и сатанинское, т. е. вѣчность и тлѣнь. Здѣсь опять доказывается мысль, что нужное не трудно. Наконецъ, Г. С. Сковорода занимался и переводами твореній Плутарха, Цицерона, содержаніе коихъ также соотвѣтствовало его идеямъ.

И такъ, Г. С. Сковородѣ принадлежало 12 богословско-философскихъ трактатовъ, которыми однако не исчерпывается его научная дѣятельность: нѣкоторые изъ его трудовъ затерялись и до насъ не дошли. Во всякомъ случаѣ они даютъ намъ полное право разсматривать Г. С. Сковороду, какъ выдающагося ученаго своего времени, который въ своей наукѣ—христіанской филосо-

фіи—съумѣлъ сказать новое слово, отрѣшившись отъ традиціонныхъ взглядовъ, проложивъ въ ней новые пути и создавъ въ ней свою оригинальную и цѣльную теорію. Обыкновенно Г. С. Сковороду называютъ философомъ, но мы бы скорѣе назвали его философствующимъ богословомъ; это значитъ, что въ своихъ трудахъ богословіе онъ старался освѣтить свѣтомъ философіи.

Обращая вниманіе на темы, которыхъ касался Сковорода въ своихъ ученыхъ трактатахъ и литературныхъ произведеніяхъ, на ихъ содержаніе, мы невольно приходимъ къ заключенію, что нашъ украинскій философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ мыслителемъ, т. е., другими словами философія была для него религіей и религія философіей. Нельзя указать ни одного сочиненія у него, которое не было бы проникнуто этимъ религіознымъ направленіемъ. Съ этой точки зрѣнія, сочиненія Сковороды, въ общей совокупности своей, отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью. Такимъ же характеромъ проникнуто и его религіозно-философское міросозерцаніе. Вотъ почему этого послѣдняго нельзя расчленить на философію и богословіе: оба элемента органически сливаются у него и образуютъ нѣчто цѣльное и единое. Да и самъ Сковорода отожествлялъ одинъ элементъ съ другимъ, объединялъ ихъ въ общемъ понятіи „христіанской философіи“, которую онъ проповѣдывалъ и которую онъ считалъ единственно истинной философіей. Философія или любомудріе, по опредѣленію Сковороды, ставитъ своею цѣлью „дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего“ [1]). А когда его спросили, чему учитъ Библія, онъ отвѣтилъ: „Библія учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце“. Философія Сковороды оказывается самопознаніемъ, дающимъ счастіе человѣку, и Богопознаніемъ—любовію къ Нему, исполненіемъ Его воли. Она, какъ нельзя лучше опредѣляется приводимымъ имъ текстомъ: „блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ своихъ уразумится“. Философствовать нужно, по его словамъ, во Христѣ, а не въ стихіяхъ,—иначе это будетъ пустая философія. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, Сковорода въ то же самое время оставался истиннымъ философомъ, ибо ставилъ цѣлью своей жизни единственно разъисканіе истины. „Изъясняетъ, говоритъ онъ, боговидецъ Платонъ: нѣтъ сладчае истины. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше.... Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ“ [2]).

Въ чемъ же заключается сущность христіанской философіи Сковороды, ея индивидуальная особенность? Опредѣлить ее не трудно; она проходитъ красною нитью чрезъ всѣ его сочиненія. Сковорода проводилъ идею о двухъ началахъ въ мірѣ—вѣчномъ и тлѣнномъ и о превосходствѣ перваго надъ вторымъ. Этими двумя началами проникнуты всѣ три міра—большой или космосъ, состоящій въ свою очередь изъ множества другихъ, малый или микрокосмъ (т. е. человѣкъ) и символическій (т. е. Библія). Въ великомъ и маломъ мірѣ, по его ученію, вещественный видъ даетъ знать объ утаенной подъ нимъ формѣ или вѣчномъ образѣ; также точно и въ символическомъ мірѣ или Библіи собраніе тварей составляетъ матерію, но Божье естество, куда ведетъ тварь знаменіемъ своимъ, есть форма или образъ. Такимъ образомъ, въ мірѣ собственно два міра—невидимый и видимый, живой и мертвый, какъ яблоня и ея тѣнь; но между ними та разница, что древо жизни вѣчно стоитъ и пребываетъ, а тѣнь его измѣняется—то уменьшается, то увеличивается, то родится, то умираетъ. Такъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ: въ немъ также два начала—ветхое и новое, временное и вѣчное; они совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ; но въ тлѣнномъ отражается нетлѣнный;

[1]) См. Сочиненія Г. С. Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 гг.) Харьк. Истор.-Филол. Общества. X. 1894 г. отд. 1, стр. 30.

[2]) 2 отд., стр. 252.

въ немъ можно найти слѣды Божіи. Въ Библіи подъ буквальнымъ ея смысломъ (матеріей) таится высшій духовный (начало вѣчности, самъ Богъ). Изъ этихъ двухъ началъ во всѣхъ трехъ мірахъ имѣетъ значеніе только одно—Вѣчность, Богъ, но люди очень часто отдаютъ предпочтеніе видимому надъ невидимымъ, тлѣни надъ вѣчностью. И Сковорода старается опровергнуть это заблужденіе—къ этому направлены всѣ его сочиненія, въ этомъ центръ его философіи и богословіи; въ этомъ его новый взглядъ на вещи, діаметрально противоположный тому, который господствовалъ въ современномъ ему обществѣ. Указавъ, что и въ природѣ господствуетъ надъ матеріей духъ, Сковорода переходитъ къ человѣку и доказываетъ, что и въ немъ царитъ надъ тѣломъ духъ или мысль. Сковорода придавалъ огромное значеніе этой человѣческой мысли, съ ея вѣчнымъ движеніемъ; къ ней онъ сводилъ сущность жизни. „Огонь угасаетъ, рѣка остановится, говоритъ онъ, а невещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую бренность. какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣ тѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномолнійное своего летанья стремленіе чрезъ неограниченіи вѣчности, милліоны безконечія. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости покою. Покой ея не въ томъ, чтобы остановиться и протянуться, какъ мертвое тѣло живой ея натурѣ или природѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она будто въ странствіи находясь, отъ раболѣпной вещественной природы возносится къ вышней господственной натурѣ, къ родному своему и безначальному началу. „Въ Библіи, наконецъ, также должно искать духовнаго начала; кто не возвышается надъ буквальнымъ ея пониманіемъ, тотъ подвергается страшнымъ опасностямъ; не всякій, подобно Самсону, раздеретъ пасть этого льва и найдетъ тамъ въ горькомъ сладкое, въ жесткомъ нѣжное. Двѣ стороны имѣетъ Библейское море: на нашемъ берегу все ветхое, жалкое, на томъ все новое: тамошній горній человѣкъ безпредѣльно летаетъ въ высоту, въ глубину, въ ширину; не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни; провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядаетъ въ прежде бывшее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана“.....

Въ какомъ же отношеніи находятся эти два начала другъ къ другу? Оба они пребываютъ въ одномъ и одно въ обоихъ нераздѣльно, но и не слитно, будто яблоня и тѣнь ея, древо живое и мертвое, истина и ложь. „Поколь яблонь, потоль съ нею тѣнь ея. Тѣнь значитъ мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но древо вѣчности всегда зеленѣетъ, и тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть то тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго дерева, и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: materia aeterna,—вещество вѣчно есть, т. е. всѣ мѣста и времена наполнила“.

И такъ, Сковорода весьма настойчиво проводитъ начало дуализма; вездѣ онъ видитъ форму и матерію, иначе вѣчность и тлѣніе; а изъ послѣдней цитаты получается такое впечатлѣніе, что какъ будто онъ признаетъ и за матеріей самостоятельное значеніе, считаетъ и ее неограниченной ни временемъ, ни пространствомъ. Но было бы вопіющей несправедливостью считать его матеріалистомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Наоборотъ все его міровоззрѣніе направлено на борьбу съ матеріей, которая, съ его точки зрѣнія, ничто, въ противоположность духу, который одинъ только представляетъ изъ себя настоящую силу. Слѣдовательно, Сковорода является яркимъ, цѣльнымъ, убѣжденнымъ, даже пожалуй, крайнимъ спиритуалистомъ, который всѣ явленія жизни сводитъ къ духу. Онъ признаетъ только единую субстанцію—духъ, и съ этой точки зрѣнія его нельзя назвать послѣдовательнымъ дуалистомъ; онъ признавалъ два начала во времени, но творческимъ, по его мнѣнію, было только одно изъ нихъ—Богъ, Вѣчность; другое же является его постояннымъ, неизмѣннымъ спутникомъ,

аттрибутомъ. Такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ въ ученіи Сковороды былъ все таки монизмъ, т. е. началомъ всего оказывается единая вѣчная субстанція. „Божественные мистагоги или тайноводители, говоритъ Сковорода, приписываютъ начало единственно точію Богу. Да оно и есть такъ точно, если осмотрѣться. Начало точное есть то, что прежде себя ничего не имѣло. А какъ вся тварь родится и исчезаетъ, такъ конечно вѣчность прежде ея была и послѣ ея остается. И такъ, ничто началомъ и концомъ быть не можетъ. Начало и конецъ есть тоже, что Богъ или Вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде Ея, ни послѣ Ея“ [1]). Ковалинскій объясняетъ намъ, какъ Сковорода представлялъ себѣ этотъ первоначальный актъ происхожденія матеріи, ея созданіе изъ ничего. „Какое есть основаніе первоначальное тварей? Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы“. Каждое существо въ мірѣ есть „изліяніе невидимаго во временной видимости“; совершивъ свой земной кругъ, оно снова вступаетъ въ свое начало, т. е. ничто—это и есть смерть; только Богъ пребываетъ во вѣки, а вселенная есть постоянно обветшающаяся и возрождающаяся риза Его [2]). Но существуетъ огромная разница между человѣкомъ и другими тварями—ихъ отличаетъ свободная воля человѣка и нравственная отвѣтственность за выборъ жизненнаго пути. „Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ Верховнаго Существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну, и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее“ [3]).

Цѣль человѣка состоитъ въ самопознаніи и Богопознаніи, но оба эти процесса сводятся къ одному—Богопознанію; самопознаніе приводитъ насъ къ Богопознанію и наоборотъ Богопознаніе необходимо для самопознанія и даже міропознанія. Познать Бога можно прежде всего въ Библіи, которая заключаетъ въ себѣ слѣды Божіи; она же служитъ и источникомъ самопознанія: „взявъ тебя самого за руку, вводитъ въ твой же внутренній чертогъ, котораго ты отъ роду не видывалъ“. Другимъ источникомъ Богопознанія является самъ человѣкъ, его внутреннее самопознаніе, которое открываетъ въ немъ также присутствіе Божіе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимъ разумъ, мудрствованіе, стремленіе разъискать истину. Этому разуму Г. С. Сковорода отводилъ такое видное мѣсто, чтоего не безъ нѣкотораго основанія признаютъ раціоналистомъ. Но на ряду съ разумомъ Сковорода отводитъ мѣсто и вѣрѣ, какъ источнику познанія, ибо только эта послѣдняя могла познавать невидимаго Бога, Духа. Видѣть того Богочеловѣка, говорилъ Сковорода, котораго мы являемся тѣнью, можно только вѣрою. „Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая. Она видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣтящійся“ [4])..... Тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума, должна начаться вѣра: „если чего не понимаешь (въ Библіи), говоритъ Сковорода: закричи съ Варухомъ—„какъ великъ домъ Божій“ [5]). Вѣра же, по мнѣнію Сковороды, необходима и для любви, которая лежитъ въ основаніи всей христіанской нравственности. Отсюда видно, что Сковороду нельзя назвать чистѣйшимъ раціоналистомъ.

Изъ такого міросозерцанія Сковорода логически выводилъ и свою практическую философію, свою теорію счастія. Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ есть Вѣчность, Сковорода заключаетъ, что счастіе свое всѣ мы должны основывать на немъ, какъ на единственно

[1]) 2 отд., стр. 256.
[2]) 1 отд., стр. 19—20.
[3]) Ibidem, стр. 23.
[4]) 2 отд., стр. 55.
[5]) 1 отд., стр. XC.

прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются утверждать свое благополучіе (богатство, чины, здоровье и т. п.) непрочное, неустойчивое и не всеобщее: только тогда счастіе окажется достижимымъ для всѣхъ и даже нетруднымъ. Здѣсь Сковорода развиваетъ положеніе Эпикура, что природа сдѣлала нужное не труднымъ, а трудное—не нужнымъ. Счастіе заключается внутри насъ; вникнувъ въ себя, познавъ себя, мы найдемъ въ себѣ душевный миръ, сердечное веселіе; оно достигается мудростью и добродѣтелью: первая скажетъ, въ чемъ оно состоитъ, а вторая поможетъ найти его. Чтобы достичь его, нужно слить свою волю съ волей Божіей: что тогда можетъ тревожить сердце? Все дѣлается премудро, по волѣ Божіей; но я съ нею согласенъ—и она уже моя воля. Отдаться въ волю Божію значитъ подмѣтить свои склонности и способности и сообразно съ этимъ выбрать себѣ занятіе; такое занятіе, во 1-хъ, будетъ плодотворно для общества, а, во 2-хъ, явится источникомъ внутренняго удовольствія; природныя же способности даетъ намъ Богъ—это и значитъ Царствіе Божіе внутри насъ есть; къ этому внутреннему голосу нужно прислушиваться и не браться за такое дѣло, къ которому не способенъ. Всѣ занятія хороши, если только дѣлаются по склонности: Богъ никого не обижаетъ. Сковорода картинно изображаетъ это въ слѣдующемъ сравненіи: „Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды по ихъ вмѣстимости. Надъ фонтаномъ надпись: неравное всѣмъ равенство. Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вкругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большему, что равно есть полный“. Какое глубокое пониманіе доступнаго всѣмъ права на счастіе! Путь Царствія Божія признаетъ труднымъ только тотъ, кто самъ на раменахъ своихъ несетъ эту трудность; онъ не видитъ того, что онъ легокъ и, подобно слѣпому и хромому, спотыкается на гладкой дорогѣ. Исходя изъ такого пониманія счастія, Сковорода, естественно, восхвалялъ простоту жизни, бѣдность и лишенія, (но не аскетизмъ) и удовольствія, вытекавшія изъ непосредственнаго общенія съ природой. Изъ своей мысли о самопознаніи и о врожденности природныхъ способностей Сковорода выводитъ систему воспитанія, которая развита въ притчѣ о благодарномъ Ородіѣ. И здѣсь онъ выступаетъ на защиту того внутренняго начала, которое должно господствовать вездѣ и которое скрывается и въ сердцѣ ребенка—его только нужно развить и тогда оно предохранитъ его навсегда отъ увлеченія мірской суетой; оно доставитъ ему душевный миръ, т. е. истинное счастіе. Такимъ образомъ, здѣсь на первомъ планѣ стоитъ нравственное воспитаніе. Но и тутъ Сковорода избѣжалъ односторонности: рядомъ съ нимъ онъ ставитъ умственное, физическое и даже эстетическое развитіе. Ребенокъ долженъ родиться въ здоровой, нравственной атмосферѣ и тогда къ такому „рожденному на добро“ не трудно уже будетъ привить науки и добродѣтель; тутъ главное сдѣлаетъ природа; наука сама собою спѣетъ изъ природныхъ дарованій. Природа—это единая и истинная наставница. Не мѣшай ей, а только очищай дорогу; не учи яблони родить яблока—уже сама природа ее научила; огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень; учитель—это служитель природы; учиться нужно тому, къ чему влекутъ способности; это даетъ сердечное спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ, какъ бы низко оно не было, ибо въ сердцѣ каждаго человѣка—въ этой убогой хижинѣ, подъ его убогою одеждою (тѣломъ) можно найти царя своего, домъ свой, начало Вѣчности.

Эту же идею господства духа надъ внѣшностью онъ проводитъ и въ тѣхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, гдѣ ему приходится говорить о христіанствѣ вообще и въ частности о состояніи его въ современномъ ему русскомъ обществѣ. Источникомъ христіанской религіи онъ признаетъ Библію, въ которой, также какъ и вездѣ, нужно искать духа, скрытаго подъ ея буквальнымъ смысломъ. Противъ буквальнаго толкованія Библіи Сковорода вооружается очень рѣзко; но между нимъ и французскими скептиками XVIII в. цѣлая пропасть

его отрицаніе формы являлось результатомъ глубокаго увлеченія духомъ Священнаго Писанія. Для него Библія—это даже болѣе чѣмъ Священная книга, эта основная, можно сказать, единственная книга познанія; это Самъ Богъ, говорящій здѣсь къ людямъ образнымъ языкомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что и здѣсь Сковорода не впалъ въ крайность. Ставя такъ высоко Библію и вмѣстѣ съ нею духовную науку, ей посвященную, онъ не только не возстаетъ противъ свѣтскихъ книгъ, но относится къ нимъ наоборотъ съ большимъ уваженіемъ. „Я наукъ не хулю"; „свѣтскія книги, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, безспорно всякой пользы и красоты суть преисполненныя". Онъ только ставитъ ее выше этихъ послѣднихъ, ибо она учитъ главнѣйшему—Богопознанію. Отсюда естественно вытекала мысль Сковороды, что каждый долженъ быть въ этомъ смыслѣ богословомъ. Онъ приводитъ возраженіе тѣхъ, которые говорили: богословская наука къ чемуона? Я де не священникъ и не монахъ; и отвѣчаетъ имъ: будто душевное спасеніе не всѣмъ нужное. Сковорода мечталъ о такомъ апостольскомъ христіанскомъ обществѣ, для членовъ котораго идеаломъ служилъ бы самъ высшій богословъ Христосъ. „Измученный дорогой сидитъ Онъ при источникѣ, томимый голодомъ и жаждою. Было около полудня. Не было съ кѣмъ завести ему бесѣду о Царствіи Божіемъ. Пришла жена за водою—вотъ и случай. Попросилъ у нея напиться не для утоленія жажды, а для того, чтобы начать бесѣду. Вода стихійная подала ему поводъ говорить о водѣ живой. Не устыдился, не поопасался Мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать въ надеждѣ, что авось либо приведетъ ее изъ суевѣрія въ истинное Богочтеніе, которое не привязано ни къ полу, ни къ состоянію, ни къ мѣсту, ни ко времени, ни къ обрядамъ, а только къ одному сердцу. Возвратились ученики его съ пищею и, зная, что онъ ничего еще не ѣлъ, просятъ покушать. Моя пища, сказалъ имъ учитель, да сотворю волю пославшаго мя. И голоденъ, и жаждетъ, и не веселъ, если не дѣлаетъ и не говоритъ о томъ, къ чему его предназначилъ Отецъ Небесный. Въ этомъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учитъ въ сонмищахъ, учитъ въ домахъ, учитъ на улицахъ, учитъ въ кораблѣ, учитъ на травѣ зеленой, на горахъ, на вертоградахъ, на ровномъ мѣстѣ, стоя, сидя и ходя, ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ. Въ несродное себѣ дѣло не мѣшается. „Кто мя постави судію или дѣлателя? Мое дѣло учить о Царствіи Божіи", отвѣчаетъ онъ одному лицу, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о наслѣдствѣ" [1]). Ратуя за духовную сторону христіанства, Сковорода сильно вооружался противъ тѣхъ, которые сводили его къ одной обрядности, ибо обрядъ, самъ по себѣ, безъ тайнаго смысла, въ немъ вложеннаго, безъ глубокой вѣры и любви недостаточенъ. Извѣстны его обличенія противъ современнаго ему монашества, далеко отступившаго отъ той жизни, которую вели истинные монахи отшельники. Когда другъ Гервасій уговаривалъ его принять монашескій санъ, указывая на славу, честь и изобиліе всего, его ожидающія, онъ возревновалъ объ истинѣ и сказалъ: „развѣ вы хотите, чтобъ и я умножилъ число фарисеевъ? Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте", и за тѣмъ объяснилъ, какъ онъ самъ понимаетъ монашество (нестяжательная жизнь, воздержаніе и т. п.). Но это было не отрицаніе идеи монашества, а только той формы, въ которую оно тогда выродилось; истинное же монашество Сковорода ставилъ чрезвычайно высоко—рядомъ съ проповѣдничествомъ. Не менѣе сильно вооружается Сковорода и вообще противъ ханжей и лицемѣровъ. Вотъ сатирическое изображеніе этихъ послѣднихъ. „Пятерица человѣковъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ на 5 локтей по пути влекущихся. На головахъ капишоны. Въ рукахъ не жезлы, а дреколіе. На шеѣ каждому по колоколу съ веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣшены. Едва, едва движутся, аки быки, пароxіальный колоколъ везущіе. Вотъ развѣ прямо труждающіеся и обремененныи. Горе имъ,

[1]) 2 отд., стр. 140.

горе сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. Мартышки истинныя святости. Они долго молятся на костелахъ. Непрестанно въ псалтырь барабанятъ. Строятъ кирки и снабдѣваютъ. Бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбивы, ласкатели, сводники, немилосердны, непримирительны“ [1]).

Таково въ общихъ чертахъ міросозерцаніе Сковороды: въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога, гармонически слились умозрѣніе и мораль; одно логически вытекало изъ другого.

Спрашивается теперь—какъ дошелъ Г. С. Сковорода до такихъ выводовъ, каково было его научное спеціальное образованіе, каковы были воздѣйствія на него другихъ теченій мысли и въ какой мѣрѣ его ученіе является оригинальнымъ и самобытнымъ.

Уроженецъ Малороссіи (родился въ 1722 г.) сынъ козака, Г. С. Сковорода получалъ свою научную богословско-философскую закваску въ Кіевской Духовной Академіи; слѣдовательно, здѣсь и нужно искать перваго генезиса его ученыхъ трудовъ. Высшая школа создала фундаментъ его богословско-философскаго образованія. Въ бытность студентомъ Академіи онъ уже соприкасался съ богословской наукой. Его товарищемъ былъ Сам. Миславскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій. „Человѣкъ отличной остроты разума и рѣдкихъ способностей къ наукамъ“; но и тотъ оставался во всемъ ниже его, при величайшемъ соревнованіи своемъ [2]). Такъ говоритъ біографъ, свидѣтельствуя этимъ о необыкновенныхъ умственныхъ дарованіяхъ Г. С. Сковороды. Въ Кіевской Академіи Г. С. Сковорода пробылъ въ 2 періода не менѣе 8 лѣтъ, пройдя всѣ классы, со включеніемъ богословскаго, но не окончивъ только курса въ послѣднемъ, потому что представилась возможность поѣхать заграницу [3]). Существенную реформу въ дѣлѣ преподаванія произвелъ въ 1-й четверти XVIII вѣка въ Кіевской Духовной Академіи знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, состоявшій въ ней профессоромъ піитики, риторики, философіи и богословіи. Въ этихъ гуманныхъ наукахъ онъ „явился однимъ изъ лучшихъ, а въ Россіи первымъ и почти единственнымъ представителемъ возрожденія наукъ или классицизма, съ которымъ онъ хорошо ознакомился во время заграничнаго своего образованія..... Этотъ же принципъ возрожденія классицизма Ѳеоѳанъ Прокоповичъ примѣнилъ и къ богословію, руководствуясь самъ и рекомендуя другимъ руководствоваться въ богословіи священнымъ писаніемъ и древними классическими въ своемъ родѣ твореніями отцовъ и учителей православной церкви—Григорія Назіанзина, Августина, Аѳанасія Вел., Василія Вел., Кирилла Александрійскаго“.... Взгляды Прокоповича сначала встрѣчены были враждебно, а потомъ нашли себѣ послѣдователей и въ профессорахъ Академіи; таковы были знаменитый Георгій Конисскій и Самуилъ Миславскій. „Въ одинъ изъ просвѣтовъ этой эпохи и учился Гр. Сав. Сковорода“. По философской наукѣ онъ былъ духовнымъ сыномъ Георгія Конисскаго, этого горячаго почитателя научныхъ трудовъ Ѳ. Прокоповича и, слѣдовательно, духовнымъ внукомъ этого послѣдняго. Онъ слушалъ у него лекціи по философіи, въ томъ числѣ и этику; самъ Конисскій „цѣлью философіи считалъ блаженное человѣческое житіе и въ частности этику средствомъ къ познанію человѣкомъ самого себя и своихъ обязанностей“. Такимъ образомъ,

---

[1]) 2 отд., стр. 205.

[2]) Сочиненія Г. С. Сковороды, стр. 2. Въ дѣйствительности школьнымъ товарищемъ Гр. Сав. былъ не Самуилъ или какъ онъ назывался въ свѣтскомъ званіи Симеонъ Миславскій, а Тимофей Миславскій; Самуилъ же Миславскій былъ по ученію на 4 курса моложе Г. С. Сковороды (Кіев. стар. 1903, апрѣль, стр. 11—12).

[3]) Н. И. Петровъ полагаетъ, что онъ поступилъ въ Академію въ 1-й разъ въ 1738—1739 учебн. году, пробылъ въ ней 4 года, пройдя классы—фару, инфиму, грамматику и синтаксиму, въ 1742 г. переѣхалъ въ Петербургъ въ придворную капеллу, а въ 1744/5 учебн. году вернулся въ Академію въ классъ піитики, прошелъ риторику, философію и часть курса богословіи въ 1749—1750 уч. году (Кіев. стар., 1903, апрѣль, стр. 12).

Кіевская Академія могла несомнѣнно повліять на развитіе философско-богословскихъ стремленій Г. С. Сковороды [1]). Отъ Георгія Конисскаго Г. С. Сковорода могъ получить также теоретическій и практическій интересъ къ піитикѣ, духовнымъ стихамъ и духовной драматической литературѣ [2]). Богословскія лекціи онъ слушалъ у Сильвестра Ляскоронскаго [3]).

Но само собою разумѣется, что не слѣдуетъ преувеличивать значенія школьной подготовки Г. С. Сковороды, въ особенности въ области философіи. Философія читалась Георгіемъ Конисскимъ по Аристотелю и онъ самъ сожалѣлъ, что не могъ въ свое время преподавать философію по Баумейстеру—представителю Лейбнице Вольфіанской школы, которымъ пользовался его преемникъ по каѳедрѣ, побывавшій заграницей [4]). Едва ли Г. С. Сковорода могъ уже въ Академіи ознакомиться съ твореніями философовъ. Бо́льшую подготовку, хотя только общаго характера, онъ могъ получить здѣсь по богословію—познакомиться съ твореніями отцовъ церкви, хотя этому должна была нѣсколько мѣшать кратковременность пребыванія его въ богословскомъ классѣ.

Дальше начинается періодъ самообразованія у Г. С. Сковороды, распадающійся на 2 части—пребываніе его заграницей, въ Венгріи и Австріи, гдѣ онъ старался знакомиться съ учеными людьми и пріобрѣлъ познанія, коихъ не могъ бы получить въ своемъ отечествѣ. Онъ могъ это дѣлать, благодаря знанію латинскаго, нѣмецкаго и греческаго языка; на 1-мъ и 2-мъ онъ свободно говорилъ [5]). Правдоподобно, что здѣсь онъ непосредственно могъ ознакомиться и съ классическими философами и, быть можетъ, съ нѣкоторыми нѣмецкими богословскими трудами. Въ это время онъ сталъ внимательно изучать и Библію; тогда ему было 30 лѣтъ, а онъ самъ говоритъ, что сталъ ее изучать около 30 лѣтъ отроду. Вернулся онъ въ отечество, по словамъ Ковалинскаго, „наполненный ученостію, свѣдѣніями, знаніями“. Но и здѣсь, конечно, продолжалъ читать и изучать интересовавшихъ его писателей—отцовъ церкви и философовъ. Любимыми писателями Г. С. Сковороды, по словамъ Ковалинскаго, были изъ древнихъ—Плутархъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіанъ, Филонъ Іудеянинъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Нилъ, Діонисій Ареопагитъ, Максимъ Исповѣдникъ; изъ новыхъ—соотвѣтственные имъ, глава всѣмъ—Библія. Но Г. С. Сковорода самъ еще такъ сказать пополняетъ этотъ списокъ, составленный его ученикомъ, цитируя въ своихъ сочиненіяхъ Платона, Аристотеля, Діогена, Эпикура, Сенеку, Блаженнаго Августина, Іеронима, Эразма Роттердамскаго, Боэція, Виргилія, Галена, Гипократа, Демосѳена, Еврипида, Эзопа, Коперника, Корнелія Непота, Овидія, Персія, Пиѳагора, Плавта, Плинія, Сократа, Теренція, Цезаря, Баронія, Златоуста и нѣк. др.

Какъ видимъ отсюда, это были съ одной стороны представители классической литературы—философы и писатели, а съ другой отцы церкви и нѣкоторые новые ученые. Владѣя древними и нѣмецкимъ языками, онъ могъ знакомиться съ этими авторами непосредственно по первоисточникамъ; такое знакомство его съ Цицерономъ, Плутархомъ и Гозіемъ доказывается его переводами ихъ на русскій языкъ. Книги онъ могъ доставать въ монастырскихъ и помѣщичьихъ библіотекахъ (вспомнимъ, напримѣръ, о библіотекѣ Харьковскаго Коллегіума).

Эти сочиненія опредѣляютъ намъ и кругъ вліяній на Г. С. Сковороду. Проф. Ѳ. А. Зеленогорскій, на нашъ взглядъ, убѣдительно доказалъ знакомство Г. С. Сковороды съ идеями Платона и стоиковъ. „У Платона и Аристотеля онъ нашелъ глубокую умозрительную философію. У стоиковъ, кромѣ умозрительной философіи, онъ нашелъ начертаніе общечеловѣческаго

[1]) Первый (Малороссійскій) періодъ, стр. 16, 17, 18, 23, 24, 25.

[2]) Ibidem, стр. 18—20.

[3]) Кіев. Стар. 1903, апрѣль, стр. 13.

[4]) Первый (Малорос.) періодъ, стр. 23—24.

[5]) Первый (Малороссійскій) періодъ, стр. 29—30.

нравственнаго идеала, и не только начертаніе, но и стремленіе осуществить его въ жизни. Особенно привлекалъ его римскій стоицизмъ“ [1]). Конечно, Г. С. Сковорода былъ знакомъ также и съ Сократомъ, но мы не считаемъ возможнымъ пользоваться для доказательства этого знакомства указаніями Хиждеу, на которыя ссылается проф. Ѳ. А. Зеленогорскій. Далѣе проф. Ѳ. А. Зеленогорскій отмѣчаетъ вліяніе Филона Іудеянина [2]). Проф. А. С. Лебедевъ [3]) приводитъ взгляды восточныхъ учителей церкви (преимущественно Климента Александрійскаго), весьма близкіе къ ученію Сковороды о христіанской философіи и о библіи и говоритъ: „въ твореніяхъ богослововъ восточной церкви съ такимъ направленіемъ богословской мысли, въ особенности Александрійцевъ, несомнѣнно и заключается источникъ богословствованія Сковороды; здѣсь полное объясненіе его богословскаго метода, а вмѣстѣ съ нимъ въ значительной степени и самихъ воззрѣній“.

Новѣйшій изслѣдователь ученія Г. С. Сковороды г. Краснюкъ съ своей стороны приводитъ рядъ аналогій въ ученіи Г. С. Сковороды и разныхъ учителей церкви.

Но всѣ эти аналогіи, конечно, не говорятъ еще объ отсутствіи самостоятельной системы у Г. С. Сковороды: онъ могъ быть знакомъ со всѣми вышеназванными писателями и все таки самостоятельно продумать свою христіанскую философію. И онъ дѣйствительно работалъ надъ своими сочиненіями не какъ компиляторъ или эклектикъ и даже не какъ кабинетный ученый, а какъ мыслитель философъ. Многія изъ своихъ сочиненій онъ написалъ въ глубокомъ уединеніи, на пасѣкахъ, безъ книгъ, съ одною Библіей. Это былъ, очевидно, самородокъ, какимъ подъ часъ даритъ насъ геній нашего народа, вдумчивый, глубокій мыслитель, развивавшій послѣдовательно свою систему христіанской философіи, свободную отъ существенныхъ противорѣчій и носящую на себѣ печать самобытной оригинальности. Но это не былъ только мыслитель: въ немъ ясно чувствуется и проповѣдникъ. Онъ не успокоился на созданіи извѣстнаго ученія, а страстно стремился провести его въ жизнь. И прежде всего онъ постарался примѣнить созданное имъ ученіе къ своей собственной жизни, понимая, что живой примѣръ является лучшимъ назиданіемъ. Затѣмъ онъ стремился проповѣдывать свои идеи въ обществѣ устно, живымъ словомъ и посредствомъ сочиненій. Онъ далъ своеобразное толкованіе 10 заповѣдей, въ видѣ извѣстной намъ „Начальной двери ко христіанскому добронравію“, которое не понравилось епископу; но Г. С. Сковорода отвѣтилъ: „дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ; для чего же не имѣть ему и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни и о Верховномъ Существѣ?

Оставивъ училище онъ создалъ для себя еще большую аудиторію: этой аудиторіей была вся Украйна.

Но является вопросъ—на сколько ученіе это было примѣнимо къ жизни? Говоря вообще, оно, по существеннымъ свойствамъ своимъ, должно быть названо идеальнымъ, далекимъ отъ условій дѣйствительности. Хотя самъ Сковорода и доказывалъ, что царствіе Божіе не трудно (ибо оно нужно), но осуществить вполнѣ начертанный имъ идеалъ жизни было на самомъ дѣлѣ очень не легко: онъ былъ доступенъ только избраннымъ, ибо требовалъ, съ житейской точки зрѣнія, огромныхъ жертвъ, хотя въ замѣнъ ихъ давалъ нѣчто еще болѣе значительное—счастіе. И вотъ Сковорода осуществилъ этотъ идеалъ, во всемъ его объемѣ, во всей его полнотѣ и неприкосновенности, въ собственной жизни. Такимъ образомъ, въ немъ мы видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей гармоніи между ученіемъ и жизнью: онъ жилъ такъ, какъ училъ и училъ такъ, какъ жилъ. Конечно, такая проповѣдь, подкрѣпленная примѣромъ

[1]) Вопросы Философіи и Психологіи, 1894, май, кн. 23, стр. 200—201.

[2]) Ibidem, стр. 231—233.

[3]) Г. С. Сковорода, какъ богословъ, стр. 2—5.

собственной жизни, была доступна и убѣдительна для каждаго. Сковорода сознательно, по принципу, съ полнымъ убѣжденіемъ, избралъ себѣ путь жизни и шелъ по немъ прямо до самой смерти, ни разу ни свернувъ ни на право, ниналѣво. Его широкое образованіе, умъ, краснорѣчіе открывали передъ нимъ возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней въ церковной іерархіи, а онъ добровольно выбралъ себѣ званіе нищаго странника, чтобы сохранить внутреннюю свободу и быть учителемъ народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Ему нѣсколько разъ дѣлали разныя заманчивыя, съ точки зрѣнія житейскихъ выгодъ, предложенія, но онъ рѣшительно отъ нихъ отказывался и оставался по прежнему бездомнымъ бѣднякомъ, безсемейнымъ „старчикомъ“, мудрецомъ, говорившимъ однако постоянно, что избранный имъ жребій дастъ ему то, чего не могло бы дать ни богатство, ни высокій чинъ— именно счастіе. Онъ самъ пошелъ по тому пути, который указывалъ другимъ, и убѣдился, что онъ дѣйствительно далъ ему душевный миръ, сердечное веселіе. „Признаюся, други мои, передъ Богомъ и передъ вами, что въ самую сію минуту, въ которую съ вами бесѣдую, брошу нынѣшнее мое статье (званіе), хотя въ немъ состарѣлся, и стану послѣднѣйшимъ горшечникомъ, какъ только почувствую, что доселѣ находился въ немъ безъ природы, имѣя сродность къ скудельничеству. Повѣрьте, что съ Богомъ будетъ мнѣ веселѣе и удачнѣе лѣпить одни глиняныя сковороды, нежели писать безъ натуры“ [1]). Нѣкоторыя лица упрекали его за то, что онъ не избралъ опредѣленной должности; и вотъ для опроверженія ихъ онъ выступаетъ съ 2-мя письмами, гдѣ развиваетъ идею „недѣланія“, т. е. внутренняго самопознанія—иначе внутренней работы сердца. „Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лечился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣря, тогда бы я казался занятымъ дѣломъ... Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, воевать, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣря? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего душу. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, и не всѣмъ ли мы изобильны? Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ— совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ: одной только души нашей не имѣемъ. Есть правда въ насъ и душа, но таковая, каковы у подагрика ноги“ [2]).

Сковорода до такой степени отвлекался отъ всего земнаго и погружался въ духовное, что приходилъ иногда въ состояніе, напоминающее экстазъ. „Бесѣда двое“ заканчивается именно такимъ сильнымъ лирическимъ заключеніемъ; это радостная пѣснь души, страстно искавшей правды и нашедшей высокую цѣль своего существованія. „Прощайте на вѣки дурномудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены, съ вашими тлѣнными очами, съ вашею старѣющеюся младостью, съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашею рыданія исполненною гаванью (смертью).... Пятидесятое лѣто плаваю по морю сему и се достигохъ ко пристанищу тихому въ землю святую, юже мнѣ открылъ Господь Богъ мой“ [3]). Его жизнь требовала сильнаго подъема духа, ибо была безпрерывнымъ подвигомъ. Отсюда его сны и видѣнія, имѣющіе часто психологическое объясненіе: они свидѣтельствуютъ не о мистицизмѣ, а о религіозномъ воодушевленіи его; въ такомъ настроеніи онъ, очевидно, создалъ и свою „Борьбу архистратига Михаила съ сатаною“, гдѣ вывелъ и себя самого (подъ именемъ странника Варсавы). „Онъ шествуетъ со жезломъ веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣваетъ: пришлецъ азъ есмь на землѣ.... Воспѣвая обращаетъ очи то надесно, то налѣво, то на весь горизонтъ, почиваетъ то на холмѣ,

[1]) 2 отд., стр. 119—120.

[2]) Письмо къ нѣкоему Артему Дорофеевичу.

[3]) 2 отд., стр. 80.

то при источникѣ, то на травѣ зеленѣй, вкушаетъ пищу безприправную, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно.... Возстаетъ заутра свѣжъ и исполненъ надежды... День его вѣкъ ему и есть яко 1000 лѣтъ и за 1000 лѣтъ нечестивыхъ не продастъ его. Онъ по міру паче всѣхъ нищій, но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ веселіе сердца, животъ человѣку"? Тутъ, въ этомъ признаніи, мы находимъ не только вполнѣ точную характеристику той жизни, какую велъ Сковорода, но, что еще важнѣе, его настроенія: оказывается, что ни въ ученіи, ни въ жизни онъ не былъ мрачнымъ пессимистомъ; его міросозерцаніе и жизнь гармонически примиренныя, давали ему внутреннее счастіе, столь далекое по существу отъ пессимизма. Конечно, онъ достигъ такой полной гармоніи не сразу, хотя стремился къ ней съ самыхъ первыхъ шаговъ своего самостоятельнаго жизненнаго поприща. Переходнымъ, критическимъ моментомъ въ его жизни было то время, когда онъ оставилъ педагогическую дѣятельность и предался въ „пустынѣ" философскимъ размышленіямъ и сочиненіямъ. Онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ окончательномъ выборѣ своего жизненнаго пути—странническої жизни, посвященной внутреннему самопознанію и широкой всенародной дѣятельности проповѣдника и учителя и пріурочиваетъ его къ 1770 г., указываетъ даже ближайшій поводъ къ нему—свое спасеніе отъ Кіевской чумы. Съ этого момента онъ, подобно Сократу, окончательно увѣровалъ въ своего добраго генія, т. е. другими словами, сталъ постоянно прислушиваться къ внутреннему голосу своей совѣсти и только ею руководствоваться во всѣхъ своихъ поступкахъ. Создавъ своимъ разумомъ міровозрѣніе, онъ окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ, сдѣлавъ изъ него религію, которою весь проникся и которую поставилъ единственною цѣлью своей жизни. Но представляя себѣ образъ жизни Сковороды, необходимо помнить, что это не былъ суровый аскетизмъ, а только полное отрицаніе излишествъ. Вотъ какъ жилъ Сковорода по сказанію Ковалинскаго: „Онъ одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе 4-хъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожность безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести" [1]). Въ этихъ словахъ ученика своего Сковорода выступаетъ передъ нами какъ живой; здѣсь всякая фраза рисуетъ намъ или образъ жизни его, или нравственную физіономію, или характеръ. Къ этому слѣдуетъ только прибавить, что онъ былъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова безсребренникомъ, т. е. лично не принималъ денегъ даже отъ своихъ друзей, хотя и не отрицалъ ихъ вообще: онѣ только не были ему нужны при томъ образѣ жизни, который онъ себѣ усвоилъ; и тутъ, какъ и въ своемъ вегетаріанствѣ, онъ относился къ дѣлу просто, смотрѣлъ на сущность, а не форму его. Искренность и прямодушіе опредѣляютъ весь его необыкновенно цѣльный характеръ: такимъ онъ являлся и въ своей педагогической дѣятельности, и въ своемъ отношеніи къ религіи.

Сосредоточившись исключительно на духовномъ Богопознаніи устремивъ всѣ свои чувства, помышленія и волю къ служенію этому невидимому Духу, онъ считалъ обряды только внѣшнею формою, подъ которою должна скрываться внутренняя сила, и потому лично для

[1]) 2 отд., стр. 10.

себя отрицалъ необходимость ихъ; но это не мѣшало ему, напримѣръ, горячо молиться всякій день въ глубокую полночь; не мѣшало всю жизнь посвящать живой, дѣятельной любви къ Богу и ближнему. Мало того: мы должны отмѣтить еще одну въ высокой степени симпатичную черту, которую онъ проявилъ въ дѣлѣ религіи—это полное отсутствіе религіознаго фанатизма и уваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ. Когда то Сковорода проживалъ въ г. Острогожскѣ (Воронеж. губ.); туда же прибылъ и епископъ Тихонъ, который пожелалъ познакомиться лично съ малороссійскимъ философомъ, извѣстнымъ ему по сочиненіямъ. Знакомство состоялось; начался оживленный разговоръ, причемъ вскорѣ коснулись и религіи. „Почему вы не ходите никогда въ церковь“, спросилъ Преосвященный. Если Вамъ угодно, я завтра же пойду“, отвѣчалъ философъ.—и дѣйствительно пошелъ [1]). Когда Сковорода заболѣлъ въ усадьбѣ Ковалевскаго, который „предложилъ ему нѣкоторые обряды для приготовленія къ смерти“, то на первыхъ порахъ онъ отказался было отъ нихъ, но „представляя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному“ [2]). Отсюда видно, какая огромная пропасть отдѣляетъ Сковороду отъ тѣхъ нашихъ раскольниковъ и сектантовъ, которые желали умереть изъ за единой буквы азъ! И умеръ онъ такъ, какъ долженъ былъ умереть философъ, никогда не боявшійся смерти и смотрѣвшій на нее, какъ на средство сбросить съ себя ветхую, временную ризу и слиться съ вѣчностью. „Былъ прекрасный день. Къ помѣщику, у котораго онъ гостилъ (это былъ его пріятель Ковалевскій, владѣлецъ сел. Панъ Ивановки, гдѣ похороненъ Сковорода), собрались гости. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствованія, испытанія. Послѣ обѣда онъ скрылся въ садъ. Подъ вечеръ хозяинъ пошелъ искать его и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ рылъ узкую, длинную могилу. „Что это, другъ Григорій? Чѣмъ ты занятъ“. „Пора, другъ, кончить странствіе, отвѣчалъ Сковорода: и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы. Пора успокоиться“. Пошли въ домъ. Сковорода отправился въ свою „кимнатку“, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, подложивши подъ голову свои сочиненія и сѣрую „свитку“, легъ—и мирно почилъ, завѣщавъ, чтобы на могилѣ его сдѣлали надпись: „міръ меня ловилъ, но не поймалъ“ [3]).

Г. С. Сковорода желалъ распространенія своихъ идей въ современномъ ему обществѣ, употреблялъ для этого извѣстныя средства и достигалъ своей цѣли, съ одной стороны, посредствомъ устной проповѣди, а съ другой—посредствомъ своихъ сочиненій. Правда Скововорода при жизни не печаталъ своихъ трудовъ, но это зависѣло главнымъ образомъ помимо цензурныхъ условій отъ условій его жизни и отъ свойствъ его характера. Тѣмъ не менѣе сочиненія его находили себѣ широкое распространеніе въ рукописяхъ и выходили такимъ путемъ далеко за предѣлы Украйны. У многихъ лицъ были цѣлыя коллекціи его рукописей, и они въ свою очередь давали ихъ списывать другимъ. Мало того: точно такимъ же образомъ распространялись и его письма, которыя списывались и перечитывались наравнѣ съ учеными трактатами, къ которымъ они впрочемъ и подходили по своему характеру и содержанію. Ведя въ теченіе 30 лѣтъ странническую жизнь, Сковорода сталкивался съ массою людей изъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества. У него были друзья и знакомые, у которыхъ онъ останавливался и проживалъ подолгу или захаживалъ въ гости, и среди духовенства, и среди свѣтскаго общества: съ этими лицами онъ велъ переписку, присылалъ и посвящалъ имъ свои сочиненія, велъ устныя бесѣды—и всѣмъ этимъ пользовался для распространенія своего ученія,

[1]) Москвитянинъ, 1849, № 24, стр. 68.

[2]) 1 отд., стр. 39.

[3]) Украинск. стар., стр. 69.

для борьбы съ закоренѣлыми привычками и предразсудками. Коллекцію Сковородинскихъ трудовъ имѣлъ протоіерей Θед. Залѣсскій. Усердно заботился о собраніи рукописныхъ трудовъ Г. С. Сковороды свящ. Іаковъ Правицкій, какъ это видно изъ ихъ переписки, опубликованной Вс. Изм. Срезневскимъ. „Если ты уже переписалъ мои новыя сочиненія, пишетъ Сковорода Правицкому, то верни ко мнѣ оригиналы; также пришли вмѣстѣ съ оригиналами и тотъ мой діалогъ, который ты обыкновенно хвалишь болѣе другихъ; по перепискѣ онъ будетъ присланъ тебѣ обратно [1]). Г. С. Сковорода, отдавая своимъ друзьямъ автографы, самъ подъ часъ долженъ былъ просить о возвращеніи ихъ, чтобы сдѣлать для себя новый списокъ. Но этимъ, конечно, далеко не исчерпываются коллекціи рукописей Сковороды; ихъ было въ старину несравненно больше, но только мы не знаемъ именъ собирателей; рукописи Сковороды были у очень многихъ священниковъ Харьковской губерніи, гдѣ главнымъ образомъ дѣйствовалъ Сковорода. По всей вѣроятности, изъ этого источника составили свои собранія сочиненій Сковороды знаменитые харьковскіе преосвященные—Иннокентій (Борисовъ) и Филаретъ (Гумилевскій), столь высоко цѣнившіе память Сковороды. Во всякомъ случаѣ изъ всего того, что намъ извѣстно о рукописяхъ Гр. Сав. Сковороды, можно прійти къ заключенію, что друзья охотно собирали его труды, ибо и самая эта дружба въ значительной степени основывалась на уваженіи къ учености Сковороды. При томъ и самъ Сковорода обыкновенно посвящалъ свои труды пріятелямъ: и понятное дѣло, что тотъ, кто получилъ одно сочиненіе, хотѣлъ имѣть и списывалъ для себя и другія. Сковорода желалъ распространенія своихъ рукописей среди сочувствующихъ его возврѣніямъ лицъ и не безъ основанія боялся, чтобы они не попадали къ его врагамъ, которые могли извратить его мысли и придать имъ такой смыслъ, какого онѣ не имѣли, что могло повлечь за собою серьезныя для него непріятности. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, читатели Сковороды были по большей части и почитателями его; враги же его мнѣній судили о немъ повидимому больше по слухамъ и, какъ увидимъ далѣе, выставляли противъ него такія обвиненія, въ которыхъ онъ былъ неповиненъ. Это, конечно, объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что сочиненія Сковороды не печатались при его жизни и, слѣдовательно, не могли вызвать печатной же критики. Въ силу этого, съ одной стороны, и въ силу ореола, которымъ была окружена его личность, съ другой, явилось у многихъ почитателей его благоговѣйное, хотя далеко не всегда сознательное, отношеніе къ его идеямъ и трудамъ, желаніе хранить эти послѣднія, какъ драгоцѣнность, какъ источникъ мудрости, какъ дань уваженія къ своему родному философу.

Спрашивается теперь: въ чемъ заключалась сущность идейной проповѣди Сковороды, ея вліяніе на современное ему общество. Намъ кажется, что мы едва ли ошибемся, если выразимъ ее въ двухъ основныхъ положеніяхъ: съ одной стороны, Сковорода пробуждалъ критическую мысль своихъ современниковъ, съ другой—настойчиво проводилъ въ обществѣ нравственный идеалъ. Правда, его критика была направлена исключительно на библейскіе повѣствованія и вовсе, можно сказать, не затрогивала другихъ интересовъ тогдашняго общества—политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ. Сковорода отмежевалъ себѣ извѣстную сферу жизни—религіозную и въ ней одной почти замкнулся (говоримъ почти, потому что по связи съ религіей онъ касался и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, напримѣръ, воспитанія). Но не слѣдуетъ забывать, что эта религіозная сфера имѣла первенствующее значеніе въ тогдашней культурной жизни. Необходимо вспомнить, какое огромное значеніе имѣли во всемъ слободскоукраинскомъ обществѣ XVIII в. (какъ духовномъ, такъ и свѣтскомъ) религіозные интересы, какъ тѣсно связаны они были съ просвѣщеніемъ, начальнымъ народнымъ образованіемъ и дѣлами

[1]) Письма Г. С. Сковороды къ св. Я. Правицкому, стр. 9 –10.

благотворительности. И вотъ Сковорода является со своимъ новымъ словомъ въ этихъ именно религіозныхъ вопросахъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе, вноситъ критическій духъ въ изученіе и пониманіе основного источника Богопознанія Библіи, другими словами является въ извѣстномъ смыслѣ этого слова религіознымъ реформаторомъ. Ему были присущи нѣкоторыя черты, свойственныя религіознымъ реформаторамъ вообще. Самъ онъ лично шелъ въ разрѣзъ со всѣми господствовавшимъ тогда внѣшнимъ, обрядовымъ отношеніемъ къ православной вѣрѣ и весьма замѣтно уклонился въ сторону чисто духовнаго пониманія христіанства. Но этого мало: если бы онъ остановился на этомъ, онъ остался бы только религіознымъ мыслителемъ, а между тѣмъ онъ сознательно стремился къ проповѣди своего ученія, къ живой и дѣятельной его пропагандѣ, какъ посредствомъ устныхъ бесѣдъ, такъ и посредствомъ сочиненій и писемъ. Такимъ образомъ, благодаря этому, ему удалось создать историческую обстановку для своего ученія—найти послѣдователей, выдерживать нападки оппозиціи и, наконецъ, оставить свое духовное наслѣдіе ученикамъ и почитателямъ. Прежніе изслѣдователи преимущественно придавали значеніе этической сторонѣ въ проповѣди Сковороды; теперь, познакомившись со всѣми его сочиненіями, мы убѣждаемся, что самъ онъ ставилъ на первый планъ умозрительную часть своей философіи; такое мѣсто она занимаетъ у него и въ дѣйствительности. Вотъ съ такой то двухсторонней проповѣдью (умозрительнаго и этическаго характера) онъ обращался къ представителямъ всѣхъ классовъ слободско-украинскаго общества—и къ духовенству (черному и бѣлому), и къ дворянству, и къ городскому сословію, и къ козачеству, и къ крестьянству.

Связи его съ духовенствомъ были весьма прочны: можно сказать, что это была та общественная группа, къ которой у него было наиболѣе тяготѣнія, съ представителями которой онъ чувствовалъ себя лучше всего, какъ будто въ собственной семьѣ. Хотя самъ Сковорода былъ козацкій сынъ, вышелъ изъ козацкаго сословія, но по воспитанію своему онъ совершенно сроднился съ духовенствомъ: сюда ввело его пребываніе въ Кіевской Духовной Академіи и послѣдующая педагогическая дѣятельность въ Переяславскомъ и Харьковскомъ духовномъ коллегіумахъ. Характерно въ этомъ отношеніи и то, что нѣкоторые изслѣдователи даже считали его сыномъ священника. Не менѣе характерны настойчивыя просьбы со стороны его друзей монаховъ о принятіи имъ монашества; очевидно, что его считали вполнѣ подходящимъ кандидатомъ на какую либо изъ церковно-іерархическихъ должностей. Да это и понятно; не нося монашескаго клобука, онъ по жизни своей былъ болѣе монахъ, чѣмъ настоящіе монахи. Живя въ мірѣ, онъ, можно сказать, вполнѣ удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ, которыя составляли основу монастырской жизни (полная нестяжательность, постъ, умерщвленіе плоти, удаленіе отъ женщинъ, молитва, благочестивыя размышленія, проповѣдь чистой любви къ Богу, матеріальная и нравственная помощь ближнему). Монастыри вообще привлекали его къ себѣ, въ особенности такіе, въ которыхъ онъ находилъ расположенныхъ или сочувствующихъ себѣ настоятелей и монаховъ. Таковъ былъ, напримѣръ, настоятель Троицко-Сергіевской Лавры Кириллъ. По всей вѣроятности, къ этому Кириллу адресовано и напечатанное нами подъ № 15 письмо на латинскомъ языкѣ. Оно весьма характерно, ибо свидѣтельствуетъ о томъ, что Сковорода не стѣснялся излагать свои идеи, далеко не сходныя съ господствующими взглядами, и передъ такими высокостоящими въ церковной іерархіи личностями, какъ намѣстникъ Троицко-Сергіевской лавры. Достаточно замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ, чтобы искать Бога не въ однихъ храмахъ, а и внутри себя, чтобы проникать въ сокровенный смыслъ таинствъ. И любопытно, что Кириллъ поддерживалъ переписку со Сковородой, считалъ его своимъ другомъ, желалъ имѣть его у себя преподавателемъ. Онъ уважалъ Сковородинскую ученость, и это уваженіе, и эта дружба, конечно, были хорошо извѣстны лаврскимъ

монахамъ, передъ которыми Сковорода также, очевидно, не скрывалъ (это не было въ его натурѣ) своихъ воззрѣній. Проживая въ Лаврѣ, Сковорода предавался тутъ своимъ любимымъ занятіямъ, на это намекаетъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ латинскихъ писемъ къ Ковалинскому. Вообще нужно сказать, что Сковороду уважали и цѣнили наиболѣе образованные и ученые представители церковной іерархіи.

Точно также прямо и откровенно высказывался Сковорода во время пребыванія своего въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ, куда онъ поѣхалъ съ Ковалинскимъ. Не ограничиваясь Ковалинскимъ, Сковорода велъ бесѣды и излагалъ свои воззрѣнія и передъ многими другими. „Многіе изъ соучениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно бродить по свѣту, пора пристать къ гавани; намъ извѣстны твои таланты, Святая Лавра приметъ тя, аки свое чадо; ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители“. И что же отвѣтилъ имъ Сковорода? „Ахъ, преподобные, возразилъ онъ въ горячности, я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ, столбовъ не отесанныхъ въ храмѣ Божіемъ“. Старцы замолчали, а Сковорода продолжалъ: „Риза! риза! Коль немногихъ ты опреподобила! Коль многихъ окаянствовала“!

Оставивъ учительскую должность, порвавъ связи съ монахами въ педагогической сферѣ, устроивъ себѣ окончательно странническій образъ жизни, Сковорода любилъ останавливаться въ монастыряхъ, находя тамъ для себя пріютъ и уединеніе и дружескую привязанность. Удалившись изъ Кіева, онъ поселился въ Ахтырскомъ монастырѣ у своего пріятеля архимандрита Венедикта; прекрасное мѣстоположеніе монастыря и расположеніе этого добродушнаго монаха дѣйствовали на него успокаивающимъ образомъ: тутъ онъ углублялся въ себя и предавался самопознанію [1]). По словамъ Ковалинскаго, онъ проживалъ въ слѣдующихъ монастыряхъ - старохарьковскомъ, харьковскомъ училищномъ [2]), ахтырскомъ [3]), сумскомъ [4]), святогорскомъ [5]), сеннянскомъ [6]), и, прибавимъ отъ себя, куряжскомъ [7]), т. е. во всѣхъ важнѣйшихъ обителяхъ Харьковской губерніи. Естественно, что пользуясь большимъ авторитетомъ въ глазахъ настоятелей и братіи и привыкнувъ всегда на всякомъ мѣстѣ высказывать свои убѣжденія, Сковорода велъ себя здѣсь такъ, какъ и въ Кіево-Печерской Лаврѣ, т. е. говорилъ, что думалъ, поучалъ, проповѣдывалъ.

Съ бѣлымъ духовенствомъ у Сковороды также были постоянныя и дружескія знакомства и отношенія. Это былъ тотъ общественный слой, съ которымъ у Сковороды могло быть не мало точекъ соприкосновенія. Подобно Сковородѣ, священники жили въ мірѣ, но должны были служить примѣромъ для свѣтскаго общества; это были наставники народа, руководители его въ дѣлѣ религіи и нравственности; та духовная школа, которую они проходили, должна была вызвать въ нихъ живой интересъ къ богословско-философскимъ вопросамъ, волновавшимъ Сковороду. Само собою разумѣется, что далеко не всѣмъ имъ были доступны всѣ тонкости Сковородинской христіанской философіи; но были и такіе, которые усвояли и ихъ, а большинство во всякомъ случаѣ съ глубокимъ интересомъ слушало его живое устное слово, а потомъ

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, I, стр. 27—28.

[2]) При немъ возникъ Коллегіумъ.

[3]) Ахтырскій Троицкій монастырь въ 4-хъ верстахъ отъ г. Ахтырки (уѣздный городъ Харьк. губ.); отличается своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи только Святогорской обители.

[4]) Нынѣ упраздненный; прежде находился недалеко отъ г. Сумъ.

[5]) И нынѣ существующій.

[6]) Упраздненный, нынѣ Сеннянскій Покровскій мон. въ 7 в. отъ б. гор. Сѣннаго въ Богодуховскомъ уѣздѣ.

[7]) О пребываніи въ этомъ послѣднемъ говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому. (Сочиненія Г. С. Сковороды, 1 отд., стр 103).

переходило и къ рукописнымъ трудамъ, воспринимая изъ нихъ болѣе доступное и понятное. Священники были близки Сковородѣ и по своему образу жизни: извѣстно, что онъ не былъ и не хотѣлъ быть аскетомъ; вслѣдствіе этого его долженъ былъ болѣе всего привлекать къ себѣ простой, близкій къ народному, бытъ священниковъ, гдѣ подъ часъ находили себѣ мѣсто и пирушки, приправленныя домашнею наливкою и тихою назидательною бесѣдою. Ближе другихъ стоялъ къ Сковородѣ священникъ Іаковъ Правицкій. Іаковъ Правицкій былъ священникомъ въ селѣ Бабаяхъ, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова и принадлежавшихъ въ XVIII в. П. А. Щербинину. О. Іаковъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ со Сковородой: объ этомъ свидѣтельствуетъ дружескій тонъ ихъ переписки, встрѣчающіеся въ ней эпитеты, и, наконецъ, собственное признаніе Сковороды. Такимъ образомъ о. Іаковъ былъ, очевидно, не только почитателемъ самого Сковороды, но и почитателемъ и читателемъ его сочиненій. Мы узнаемъ между прочимъ изъ ихъ переписки, что онъ выше другихъ ставилъ его „Марка препростаго“ (до насъ недошедшаго). И конечно, вслѣдствіе этого Сковорода и посвятилъ ему одинъ изъ своихъ трактатовъ—„Жену Лотову“, въ особомъ письмѣ, которое должно было явиться какъ бы предисловіемъ къ самому сочиненію. Для того, чтобы оцѣнить ту степень довѣрія, какую оказывалъ Сковорода къ Правицкому, слѣдуетъ вспомнить, что „Жена Лотова“ посвящена критикѣ священнаго писанія и заключаетъ въ себѣ рядъ положеній, которыя не гармонируютъ со строго-ортодоксальнымъ направленіемъ религіозной мысли. И въ другихъ письмахъ Г. С. Сковорода излагалъ Правицкому свои задушевныя воззрѣнія и убѣжденія, которыя стояли въ органической связи съ основами его ученія, развитыми въ писанныхъ его сочиненіяхъ. Григорій Саввичъ обращался впрочемъ въ своихъ письмахъ не къ одному І. Правицкому, а къ цѣлому кружку его добрыхъ знакомыхъ, сочувственно и доброжелательно относившихся къ ихъ общему пріятелю „старчику Сковородѣ“. Кружокъ этотъ состоялъ въ дружеской перепискѣ и съ ученикомъ Сковороды М. И. Ковалинскимъ. Г. С. Сковорода всегда въ своихъ письмахъ къ Правицкому передавалъ привѣтствія ихъ общимъ друзьямъ—священникамъ сосѣднихъ селеній. „Отцу Василію, отцу Евстаѳію, отцу Гуслистѣ отъ мене лобзаніе искреннее“. Вообще у него существовала сильная, можно сказать, непреодолимая потребность духовнаго единенія съ о. Іаковомъ и его друзьями. О. Іаковъ и его друзья, сосѣдніе священники, были друзьями и братьями Сковороды „во Господѣ“ (какъ онъ самъ выражается), т. е. по духу, по внутреннему родству; они раздѣляли, слѣдовательно, его убѣжденія, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ. И самъ Г. С. Сковорода отчасти намекаетъ на это, говоря, что одно письмо о. Іакова сильно порадовало его своимъ христіанскимъ духомъ. Но не всегда между Сковородой и Правицкимъ съ его кружкомъ существовало единеніе мыслей; подъ часъ, очевидно, Сковорода высказывалъ передъ этими іереями такія положенія, которыя смущали ихъ и вызывали оппозицію съ ихъ стороны. Сковорода въ такихъ случаяхъ не уступалъ, дѣлался рѣзокъ; въ результатѣ являлись размолвки. Глубоко продумавъ свою религіозно философскую систему, онъ еще укрѣпилъ ее въ себѣ чувствомъ; и понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, у него являлось страстное желаніе распространять ее въ обществѣ. Вотъ почему онъ такъ стремился пріобрѣтать себѣ друзей, хотя дѣлалъ это съ большимъ разборомъ, руководствуясь при выборѣ ихъ преимущественно своимъ личнымъ впечатлѣніемъ, тѣмъ внутреннимъ голосомъ, къ которому онъ постоянно прислушивался и который его почти никогда не обманывалъ.

Мы объяснили размолвку Сковороды съ Правицкимъ тѣмъ, что они не сошлись во взглядахъ на извѣстные религіозно-философскіе вопросы. Подтвержденіемъ этого можетъ служить другой аналогичный случай, съ подобною же подкладкой. О. Іакову Правицкому до такой степени пришелся не по мысли трактатъ его пріятеля „Іараильскій Змій“, что онъ отказался

отъ списка его, сдѣланнаго собственноручно Григоріемъ Саввичемъ. Не только самъ Правицкій писалъ письма къ Сковородѣ, а и его сынъ, воспитанный, очевидно, отцомъ въ уваженіи къ старчику Варсавѣ. Не даромъ и этотъ послѣдній просилъ у о. Іакова сочиненія Іоанна Златоустаго; это также указываетъ на сходство ихъ литературныхъ вкусовъ: Правицкій имѣлъ у себя въ библіотекѣ труды этого церковнаго писателя, котораго особенно уважалъ и любилъ Сковорода. Самъ Сковорода объясняетъ намъ, почему ему такъ сильно хотѣлось видѣться съ Правицкимъ – онъ желалъ насладиться съ нимъ бесѣдою во Христѣ, и самое содержаніе его письма (о противоположности плоти и духа) находится въ полномъ соотвѣтствіи съ основною мыслію его богословско-философской системы.

Въ такомъ родѣ, очевидно, были отношенія Сковороды и къ другимъ его пріятелямъ изъ среды бѣлаго духовенства, хотя о нихъ мы не имѣемъ уже подробныхъ данныхъ. Здѣсь намъ слѣдуетъ назвать свящ. о. Залѣсскаго, который переписывался со Сковородой и у котораго было собраніе его сочиненій.

Этими лицами однако далеко не исчерпывался кругъ сношеній Сковороды съ бѣлымъ духовенствомъ; было, очевидно, множество другихъ священниковъ, съ которыми онъ также былъ въ переписк‌ѣ или въ личныхъ дружественныхъ связяхъ. Въ пользу такого предположенія говорятъ апріорныя соображенія—широкая популярность Сковороды въ Украйнѣ, какъ философа, странника и чудака, еще болѣе возраставшая отъ того, что въ немъ, въ его лицѣ сосредоточивались, главнымъ образомъ, всѣ высшіе, духовные интересы того времени; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и апостеріорныя данныя—отрывочныя указанія на дружескую переписку и личныя отношенія съ нѣкоторыми духовными особами; такъ напримѣръ, когда онъ былъ еще преподавателемъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, то у него былъ другъ, пользовавшійся его полнымъ довѣріемъ, какой то священникъ о. Борисъ. Сковорода велъ переписку и съ преподавателями Бѣлгородской семинаріи и, что самое важное для насъ, опять таки излагалъ тутъ не стѣсняясь свои взгляды на вопросы религіи, хотя нѣкоторые изъ нихъ шли въ разрѣзъ съ общепринятыми въ церкви мнѣніями.

Тоже самое нужно сказать и относительно тогдашняго дворянства: самые видные и лучшіе представители его находились въ живыхъ сношеніяхъ со Сковородой: принимали его у себя, читали сочиненія и глубоко уважали его; таковы были—Ковалинскій, Тевяшовъ, Донецъ-Захаржевскій, Ковалевскій, Розальонъ-Сошальскій [1]) и масса другихъ лицъ. Дворянство Сковорода прямо призывалъ къ дѣлу умственнаго и нравственнаго просвѣщенія всего общества, къ борьбѣ съ суевѣріями. И его призывъ не остался безплоднымъ: его ближайшіе друзья и ученики, впослѣдствіи вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ хотѣли внести 1.000.000 руб. на основаніе въ Харьковѣ университета. Сковорода дѣйствовалъ смягчающимъ образомъ на нравы своихъ друзей въ ихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ. Въ Харьковской городской средѣ также было весьма замѣтно вліяніе старчика Сковороды: и тутъ онъ былъ въ общеніи съ лучшими людьми—купцомъ Е. Е. Урюпинымъ, бывшимъ впослѣдствіи городскимъ головою и оказавшимъ большое сочувствіе и помощь дѣлу учрежденія Харьковскаго университета, Курдюмовымъ, аптекаремъ Пискуновскимъ и др. Сковорода бывалъ на пирушкахъ у Е. Е. Урюпина, встрѣчался тамъ со многими другими харьковскими обывателями, велъ съ ними бесѣды и развивалъ передъ ними свои излюбленныя идеи, какія выражены, напримѣръ, въ его письмахъ къ Урюпину [2]). Но особенно онъ любилъ простой народъ. Его нравственная пропо-

[1]) Вернетъ сообщаетъ, что болѣе всѣхъ ему удивлялись М. М. Донецъ-Захаржевскій и А. Ю. Сошальскій (Укр. Вѣстн. 1817, ч. 6-я, стр. 122). Самъ Вернетъ хотѣлъ подражать ему.

[2]) Вотъ что писалъ Г. С. Сковорода своему возлюбленному другу Урюпину изъ сел. Бурлука 10 іюня 1790 года. „Миръ сердцу твоему и дому! Благодарю Богу и тебѣ, друже, за твое мнѣ страннопріимство. Седмицу

вѣдь нашла себѣ благодарную почву у этого послѣдняго. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя изъ его стихотвореній перешли въ народъ, подверглись дополненіямъ, передѣлкѣ и распространились до самихъ Карпатъ. Память о немъ долго жила въ Харьковщинѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ сенаторъ Лубяновскій. Ему старикъ крестьянинъ, помнившій Сковороду, сказалъ, что этотъ послѣдній былъ человѣкъ добрый и разумный и наставлялъ ихъ добру, страху Божьему и упованію на милосердіе Распятаго [1]). Съ народомъ онъ говорилъ о доступныхъ его пониманію вопросахъ и понятнымъ ему языкомъ. О замѣтномъ вліяніи Сковороды на мѣстное общество свидѣтельствуетъ и та сильная оппозиція, которая шла противъ него со стороны „схоластиковъ“, покоившихся на Библіи, обличаемыхъ имъ лицемѣровъ, суевѣровъ и т. п. Противъ нихъ онъ долженъ былъ, между прочимъ, выступить съ особымъ письмомъ-посланіемъ, въ которомъ разобралъ и блистательно опровергъ выставленныя противъ него обвиненія въ манихейской ереси. Прежніе изслѣдователи не придавали важнаго значенія въ дѣлѣ распространенія идей сочиненіямъ Сковороды, а говорили только о вліяніи его живой устной проповѣди; но это большое заблужденіе, ибо его ученые трактаты являются воспроизведеніемъ его устныхъ бесѣдъ. Вліяніе Сковороды не ограничивалось только одной Украйной: оно распространялось и за ея предѣлы; оно не окончилось также смертью Сковороды, потому что и впослѣдствіи было не мало любителей его сочиненій. Мы утверждаемъ, вопреки недавно высказанному взгляду, что Сковорода родился и въ свое время, и въ своемъ мѣстѣ. Онъ явился, какъ естественная реакція противъ исключительнаго господства матеріальныхъ интересовъ въ слободско-украинскомъ обществѣ,

---

у тебе почилъ старецъ Сковорода, аки въ матернемъ домѣ. Да воздастъ же тебѣ той, иже на свой счетъ пріемлетъ все даемое нищимъ. Я вашимъ виномъ не только въ дорогѣ, но и въ дому пользовался. Прошу покорнѣйше отдать низенькій поклонъ Петру Ѳедоровичу Аптекарю (Пискуновскому) и показать на оборотѣ вашего письма мои строки латинскія, Артему Дорофеевичу и Рощину съ товарищемъ усердное мое почтеніе, такожде и Стефану Никитичу Курдюмову и всему его дому, а я пребуду, возлюбленный друже, вамъ искреннимъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою старецъ Григорій Варсава Сковорода“. Это было просто благодарственное письмо за гостепріимство. Второе же письмо отъ 2-го іюля того же 1790 года заключало въ себѣ рядъ нравственныхъ наставленій. „Любезный друже, Георгій Георгіевичъ! Да будетъ миръ тебѣ и твоему дому! Не забывай, друже, что нынѣ точетъ первая четверть небесныя луны августа... Даждь премудрому поводъ и премудрѣйшій будетъ... Не дремай! Жизнь наша есть то море. Блюдитеˌ, како опасно ходите. Господь да сохранитъ правая теченія своя! Тако плови: да достигнеши въ гавань благоумащенныя старости оныя—вѣнецъ хвалы—старость. А кое то есть, масло, умащающее счастливую старость. Ахъ! Что лучше возможетъ усладити старость, какъ не Божіе сіе масло? Добрая слава лучше мягкаго пирога. Не думай же, друже, что добрая слава есть тоже, что пустозвонній мирскій газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. Отъ сего елея утекаетъ Давидъ... Симъ елеемъ мажутся нечестивыи. Они украшаютъ стѣны и тѣлеса, а не сердца своя... Умѣй же различить ложную славу отъ истинныя, якоже воровску монету—и будеши блаженный оный Христомъ похваляемый купецъ, который... надъ все свое имѣніе предпочелъ дражайшій нѣкій маргаритъ: хоть тратою всего, только бы достать оный. А кій той толь странный и чудный маргаритъ? Вотъ онъ—заповѣдь Господня свѣтлая... Слава волія послѣдовати Богу. Лучше голъ—да правъ, нежели богатый беззаконникъ. Не убоюси отъ обнажающихъ тѣло, души же обнажить не могущихъ... Пришлите мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью не кстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего елення, когда я у васъ въ Харьковѣ пировалъ и буянилъ. Достойно. Бочоночки оба отсылаются—вашъ и Дубровина. И сей двойцѣ отдайте отъ меня низесенькій поклонъ и г. Прокопію Семеновичу“ (Укр. Вѣст. 1817 г., ч. 6-я, 126—131). Если обратить вниманіе на необычайное правдолюбіе, которое проявилъ въ своей общественной дѣятельности Е. Е. Урюпинъ, то невольно придется объяснить его вліяніемъ проповѣди и живаго примѣра старчика Сковороды. Въ Харьковѣ у Г. С. Сковороды, какъ видимъ изъ этихъ двухъ писемъ, былъ цѣлый дружескій кружокъ среди городскихъ обывателей. Едва ли нужно прибавлять, что нельзя выраженій „пировалъ“ и „буянилъ“ понимать буквально—Г. С. Сковорода никогда не предавался излишествамъ, но и не воздерживался отъ участія въ дружеской компаніи, гдѣ ходила круговая чарка съ „оковитой“ или наливкой.

[1]) Воспоминанія, М. 1872 г., стр. 23—24.

и самая проповѣдь и жизнь его вылились въ ту форму, которую давно уже выработала Малороссія, съ ея „мандрованными“, т. е. странствующими учителями. Самъ Сковорода былъ такимъ именно мандрованымъ народнымъ учителемъ въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Ученіе Сковороды не умерло вмѣстѣ съ нимъ; онъ могъ сказать о себѣ: не всуе текохъ. Онъ нашелъ себѣ по сердцу ученика въ лицѣ Ковалинскаго (да и не одного его, а многихъ). Онъ самъ воспиталъ, или правильнѣе перевоспиталъ его въ своемъ духѣ и могъ сказать умирая: се умираю не безчаденъ. Къ Ковалинскому Сковорода примѣнилъ свои педагогическіе пріемы и доказалъ на дѣлѣ ихъ жизненность и полезность.

Таковъ былъ Сковорода, которому принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи умственнаго и нравственнаго возрожденія своего края, и въ частности г. Харькова, гдѣ онъ былъ учителемъ, Сковорода, который долженъ занять мѣсто въ исторіи русской мысли и литературы вообще. Мы, ученые спеціалисты, теперь освѣтили его съ этой, такъ сказать, антикварной точки зрѣнія.

Но точно ли его идеи имѣютъ въ настоящее время только одно антикварное значеніе? Многіе, очень многіе скажутъ: „да, какое намъ дѣло до какого то чудака, жившаго во 2-й половинѣ XVIII в.“, теперь у насъ совсѣмъ иные умственные и нравственные интересы, теперь у насъ широкіе общечеловѣческіе идеалы. И къ сожалѣнію, подобныя разсужденія направлены не по отношенію къ одному только Сковородѣ, а ко многимъ другимъ историческимъ общественнымъ дѣятелямъ на Руси. Это наша историческая привычка—забывать о томъ, что сдѣлали выдающіеся люди нашей земли; вслѣдствіе этого теряется историческая нить творческаго процесса жизни и новое поколѣніе пользуется далеко не всѣмъ культурнымъ наслѣдіемъ стараго; отсюда отсутствіе живой преемственной связи между поколѣніями, причемъ подъ видомъ новаго является старое.

Такъ было и со Сковородой. Прошло 111 лѣтъ со дня его смерти и только теперь мы издали его сочиненія (да и то не всѣ). Плоды глубокаго, оригинальнаго ума, служившаго свѣточемъ для цѣлаго огромнаго района, мирно покоились въ архивахъ, забывались и могли совсѣмъ затеряться. Между тѣмъ, если привести богатое содержаніемъ идейное наслѣдіе Сковороды къ общимъ формуламъ, то окажется, что онъ проводилъ общечеловѣческіе идеалы: стремленіе къ нравственному возрожденію, неуклонное исканіе истины, какъ цѣль жизни всякаго человѣка, стремленіе сочетать съ разумомъ вѣру, принципъ широкой религіозной терпимости, но не индифферентизмъ, борьба съ суевѣріями, демократизмъ, выражавшійся въ желаніи дать просвѣщеніе и низшимъ классамъ общества, полное соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ—вотъ основныя черты ученія и жизни Сковороды, имѣющія общечеловѣческое значеніе. И съ этой точки зрѣнія мы пожалуй найдемъ значительную аналогію между концомъ XVIII в. и нашимъ временемъ.

Мы замѣтно двинулись по пути прогресса; сильно измѣнились формы нашей жизни; но не тѣ же ли вопросы, какіе ставилъ 100 съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ Сковорода, волнуютъ насъ и теперь? Мало того: не повторяется ли кое что изъ прежняго почти съ буквальнымъ сходствомъ? Не указывается ли теперь на необходимость личной этики? Не повторяется ли теперь то просвѣтительное движеніе, которое одиноко велъ у насъ въ степной глуши бѣдный странникъ Сковорода и которое въ болѣе широкихъ размѣрахъ у себя въ культурномъ центрѣ, среди цвѣта тогдашней русской интеллигенціи, организовалъ Новиковъ? Помянемъ же добрымъ словомъ „старчика“ Сковороду, работавшаго для своего края, но внесшаго свою лепту и въ культурное богатство всей Россіи и даже въ сокровищницу общечеловѣческаго знанія и этики!

Глава 14-я.

Литература.

Въ основѣ харьковской литературы XVIII в. лежала та же западнорусская стихія, какую мы наблюдали въ наукѣ; и она, очевидно, входила въ составъ извѣстныхъ намъ „старочеркасскихъ“ обыкностей, т. е. бытовыхъ чертъ, вынесенныхъ харьковскими переселенцами изъ Задпѣпровья. Первымъ литературнымъ произведеніемъ, имѣвшимъ близкое отношеніе къ г. Харькову, было сочиненіе *Орновскаго*, который составилъ исторію извѣстной харьковской фамиліи Донцовъ-Захаржевскихъ (въ формѣ панегирика), напечаталъ его, вслѣдствіе отсутствія въ то время типографіи въ Харьковѣ, въ Кіевѣ, въ типографіи Печерской Лавры въ 1705 году. Правда, мы ничего не знаемъ о происхожденіи и мѣстожительствѣ этого автора и у насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ пріурочивать его къ Харькову. Но если принять во вниманіе содержаніе его книги—чрезвычайное богатство въ ней фактическихъ данныхъ о военныхъ подвигахъ и вообще о дѣятельности Донцовъ-Захаржевскихъ въ предѣлахъ Слободской Украйны, то невольно придется прійти къ заключенію, что авторъ былъ близокъ къ современнымъ ему представителямъ этого рода и почерпнулъ у нихъ и свѣдѣнія объ ихъ предшественникахъ. А извѣстно, что Донцы-Захаржевскіе проживали частію въ Харьковѣ, частію въ построенномъ ими Изюмѣ и были полковниками Харьковскаго и Изюмскаго полковъ.

Сочиненіе Яна Орновскаго написано на польскомъ языкѣ, которымъ, какъ извѣстно, не рѣдко пользовались западнорусскіе писатели, и носитъ слѣдующее заглавіе: „Bogaty Wirydarz herbownemi wielmożnych ich mˉsciow panow Zacharzewskich zasadzony rozami iego zarskiego naijasnieyszego maiestatu stolnikowi y polkownikowi Charkowskiemu jego mˉsci panu Theodorowi Zacharzewskiemu w panegyryczny prezencie oddany. W. S. cudotworney wielkiey Laurze Kiiowopieczarskiey. Roku 1705“. Въ книгѣ этой 158 непомерованныхъ страницъ длиннаго большаго формата. Кромѣ текста есть нѣсколько гравюръ. По содержанію сочиненіе распадается на 2 части—въ первой говорится вообще о родѣ Захаржевскихъ и его первыхъ представителяхъ. Родъ этотъ принадлежалъ къ гербу Доливы, и Орновскій перечисляетъ всѣхъ выдающихся личностей, принадлежавшихъ къ многочисленнымъ родамъ этого стариннаго герба. Но собственно о родѣ Захаржевскихъ говорится мало—упоминается только о ротмистрахъ Янѣ и Матвѣѣ Захаржевскихъ, на основаніи извѣстной геральдической книги Папроцкаго. Къ нимъ былъ близокъ по крови и Григорій Захаржевскій—полковникъ Харьковскій. Неясныя, неопредѣленныя генеалогическія указанія 1-й части книги служатъ, конечно, доказательствомъ того, что только уже у Ѳедора Григорьевича Донца явилась мысль связать свой родъ со старымъ дворянскопольскимъ родомъ Захаржевскихъ—эту задачу и долженъ былъ взять на себя и разрѣшить авторъ на основаніи генеалогическихъ польскихъ сочиненій Папроцкаго, Окольскаго и др. Вотъ почему онъ и останавливается на подвигахъ представителей этого рода въ Польшѣ. Но вопросъ заключался не въ томъ, былъ ли родъ Захаржевскихъ въ Польшѣ—тамъ онъ дѣйствительно существовалъ—а въ томъ, вышелъ ли изъ этого рода Григорій Ерофеевичъ Донецъ и были ли у него доказательства такого происхожденія. И вотъ этотъ то основной пунктъ

нашъ авторъ, можно сказать, совершенно обходитъ, ограничивается голословнымъ заявленіемъ, что такая связь дѣйствительно существовала.

Вторая часть сочиненія, посвященная воспѣванію подвиговъ харьковскихъ Захаржевскихъ, начиная съ Григорія Ерофеевича, отличается болѣе опредѣленнымъ историческимъ содержаніемъ. Въ основу ея положены достовѣрныя фактическія данныя. Подробно говорится о подвигахъ Григорія Ерофеевича на Дону, при чемъ авторъ утверждаетъ, что именно за эти подвиги Захаржевскій получилъ прозвище Донца. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, дѣло происходило совсѣмъ не такъ: Григорій Ерофеевичъ всегда назывался Донцомъ и никогда не назывался Захаржевскимъ. Быть можетъ, фамилію или прозвище Донца онъ получилъ за свои ранніе подвиги на Дону,—этого отрицать нельзя, хотя для этого мы и не имѣемъ данныхъ, кромѣ указанія Орновскаго—но во всякомъ случаѣ Захаржевскимъ онъ самъ никогда не именовался; не называло его такъ и московское правительство, имѣвшее съ нимъ постоянныя сношенія. Орновскій говоритъ, что онъ крещенъ былъ по римско-католическому обряду и названъ Адамомъ; затѣмъ въ очень юномъ возрастѣ принялъ крещеніе по православному обряду и получилъ имя Авдія; наконецъ, на Дону же онъ назвался Григоріемъ. Едва-ли извѣстіе точно. Зачѣмъ ему было 3 раза перемѣнять свое имя. Затѣмъ мы знаемъ уже, что имя Авдія онъ принялъ при постриженіи передъ смертью въ монашество: такое постриженіе принимали и нѣкоторые другіе дѣятели старой Малороссіи. Наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ является изложеніе военныхъ подвиговъ и административной дѣятельности Григорія Ерофеевича, его сыновей Константина и Ѳеодора Донцовъ-Захаржевскихъ. Въ виду важности этихъ извѣстій и въ виду того, что книга Орновскаго представляетъ величайшую библіографическую рѣдкость [1]), мы помѣщаемъ извлеченіе существенной ея части въ приложеніи и приносимъ искреннюю благодарность Еленѣ Петровнѣ Радаковой, исполнившей, по нашей просьбѣ, этотъ трудъ.

Вторымъ писателемъ является козакъ Харьковскаго полка Климовскій, о которомъ къ сожалѣнію мы имѣемъ мало свѣдѣній. По словамъ м. Евгенія, онъ сочинилъ книгу въ стихахъ въ 1724 году *„О правдѣ и великодушіи благодѣтелей“*. Книга эта (въ рукописи) хранится въ Имп. б-кѣ. О ней упомянуто кратко въ „Пантеонѣ россійскихъ писателей“, изд. Бекетова; тутъ же приложенъ и портретъ автора. Климовскому приписывается, а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ имъ сочинена народная пѣсня „Не хочу я никого, только тебя одного“. Сулакадзевъ приводитъ еще списокъ будто-бы его сочиненій: 1) О дивныхъ всероссійскаго монарха (Петра I) дѣлахъ, 2) О пришествіи короля Шведскаго Карла XII внутрь Украйны и объ измѣнѣ Мазепы (писано также стихами, золотомъ). Въ Харьковскомъ „Молодыкѣ“ 1843 г. изданъ портретъ Климовскаго (ранѣе напечатанный Бекетовымъ) и тамъ же помѣщено стихотвореніе Я. И. Щеголева „На згадуванье Климовскаго“.

Климовскій былъ выведенъ въ качествѣ героя въ оперѣ-водевилѣ кн. А. А. Шаховскаго „Козакъ стихотворецъ“. Онъ во время явился съ войны и спасъ отъ насильственной выдачи замужъ за тысяцкаго Прудіуса свою невѣсту Марусю [2]). Климовскій по показанію Карамзина жилъ около 1724 года, оставилъ рукописное сочиненіе „О великодушіи и правдѣ“, въ которомъ много хорошихъ чувствъ и даже хорошихъ стиховъ (безъ опредѣленнаго теченія стопъ).

---

[1]) Я тщетно въ теченіе 16 лѣтъ разыскивалъ этотъ трудъ во всѣхъ важнѣйшихъ книгохранилищахъ—въ Имп. публ. Б-кѣ, Б-кѣ Имп. Академіи Наукъ, Румянц. музеѣ, Б-кѣ Кіево-Печерской Лавры, Кіевской Духовной Академіи, Моск. и Харьк. у-та, Харьк. Дух. Семинаріи и только въ послѣднее время экземпляръ ея мнѣ указалъ въ Библіотекѣ Тверской Духовной Академіи академикъ А. И. Соболевскій. Приношу ему за это искреннюю благодарность, также точно какъ и Тверской Духовной Семинаріи за присылку въ университетъ этой книги.

[2]) Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи (Изв. отдѣл. рус. яз. и слов., т. VIII, кн. 4-я 1903 г., стр. 104—111).

Сказываютъ, что Климовскій не менѣе 7 греческихъ мудрецовъ былъ славенъ и почтенъ между его собратьями козаками; что онъ, какъ вдохновенная Пиѳія, говаривалъ въ бесѣдахъ высокопарными стихами, давалъ пріятелямъ благоразумные совѣты, твердилъ часто пословицу: „намъ добро и никому зло—то законное житье и любопытные приходили издалека слушать его...“ Малороссійская пѣсня: „Не хочу я ничего, только тебя одного“, которую поютъ наши любезныя дамы, есть также, какъ увѣряютъ, сочиненіе Климовскаго, *ученика природы*, къ сожалѣнію *недоученнаго* искусствомъ“. Эти выдержки г. Перетцъ приводитъ изъ „Пантеона россійскихъ авторовъ“, изд. П. Бекетова. М. 1806 г. Полный текстъ пѣсни, въ которой находится вышеупомянутый стихъ (не хочу я ничего, только тебя одного) въ древнѣйшемъ изданіи 1806 года почти совпадаетъ съ текстомъ, находящимся въ оперѣ кн. Шаховскаго.

Ѣхавъ козакъ за Дунай,
Сказавъ: дивчина, прощай.
Вы коники вороненьки
Несить да гуляй.
Постой, постой, козаче,
Твоя дивчина плаче.
Якъ ты мене покидаешъ
Тилько подумай.
Билыхъ ручекъ не ламай
Сѣрыхъ очекъ не зтырай
Мене зъ войны со славою
Къ соби ожидай.
Не хочу я ничего
Тилько тебе одного;
Ты будь здоровъ мій миленькій
А все пропадай.

„Пѣсня, замѣчаетъ проф. Перетцъ, написана 7 сложнымъ силлабическимъ размѣромъ съ правильной строфой. Такой размѣръ—не рѣдкость въ старой силлабической поэзіи, какъ и другіе, перешедшіе также въ народъ“.

Въ настоящее время открыты и напечатаны Всев. Изм. Срезневскимъ два сочиненія, несомнѣнно принадлежащія Сем. Климовскому или, какъ онъ называется въ рукописи, Климову. Они хранятся въ Библіотекѣ Имп. Академіи наукъ, называвшейся раньше Императорскою, и носятъ слѣдующія заглавія: 1) *о правосудіи начальствующихъ, правдѣ и бодрости ихъ* (посвящено Петру Великому) и 2) *о смиреніи высочайшихъ*. Вс. Изм. Срезневскій снабдилъ изданіе этихъ рукописей предисловіемъ, въ которомъ представилъ библіографическій обзоръ замѣчаній о Климовскомъ и далъ краткую характеристику указанныхъ выше его сочиненій. „Въ противоположность обычному раболѣпному тону южно-русскихъ виршъ XVIII в. сочиненія Климова представляютъ, говоритъ онъ, нѣчто совершенно иное. Описывая качества, необходимыя для монарха, добродѣтели, ему присущія и восхваляя эти добродѣтели, авторъ далекъ и отъ похвалъ монархамъ вообще, и отъ прославленія того, кому онъ подноситъ свою книгу“ [1]). Въ предисловіи къ читателю авторъ говоритъ о власти царской: „аще и височайшею отъ Бога почтенъ властію и царскою преукрашенъ короною, но и смиренія одѣянъ порфирою и не возносится яко смертенъ, благоразсуждая, что существомъ тѣлеси равенъ есть всякому человѣку царь, властію же достоинства подобенъ есть Богу, господинъ есть надъ всѣми, рабъ же со всѣми есть Божій, благоявленно свѣдущъ, что порфирою и діадимою облеченніи и въ нищетѣ на гноищахъ поверженніи едино отчество имѣютъ—персть земную, чаетъ же со всѣми обладаемыми явитися предъ судище Христово, о всѣхъ болѣзнуетъ сердцемъ, аки о своемъ спасеніи мыслитъ, трудится, печется отеческо... [2])

Въ стихотворномъ текстѣ мы читаемъ между прочимъ слѣдующія строки о правосудіи царей:

Нѣсть достоинъ престола той царь и короны
За неправосудіе здѣ и въ Горномъ Сіонѣ,
Не достоинъ явится вѣнецъ царскій зрѣти,
Яко вожделѣвъ въ судахъ на лица смотрѣти.

[1]) Климовскій-Климовъ, стр. 4.
[2]) Ibidem, стр. 10.

О благословенъ творяй вся дѣла благолѣпно,
Да присно цвѣтетъ правда въ судахъ краснолѣпно,
Самъ призираяй вездѣ, да судъ хранится правый
Его же всякъ чуждъ милости творяй судъ
лукавый...
Лучше въ нищихъ съ правдою гладъ и хладъ
терпѣти,
Нежели, царемъ бывъ, правды не имѣти.
Правда покровъ есть царству, грады защищаетъ
Паче стѣнъ каменныхъ и церковь сохраняетъ,
Украшеніе царемъ, свѣтлый лучъ короны,
Блистающій на землѣ и въ Горнемъ Сіонѣ.
О бодрости властителей авторъ говоритъ такъ:
Всякъ многотрудный властелинъ *бодрственный*
Есть мученикъ и вѣнецъ пріиметъ торжественный
Вѣнецъ мученическій, о мнозѣхъ стенящій,
Какъ отецъ утробою о дѣтяхъ болящій...
Носитъ бремя крестное крѣпко не стеняя,
Трудъ, потъ, варъ, зной любезнѣ пріймая,
Всяку горесть за сахаръ, за покой всѣ труды
Всѣми тако боляще, какъ своими уды,
Здравія не щадя, прохлады презирая,
Труды о всѣхъ паче всѣхъ утѣхъ почитая,
Бодрствуетъ яко журавъ да всѣмъ сонъ бываетъ
Безпечальный и мирный.
О смиреніи властителей онъ выражается такъ:
Образъ царскій—смиреніе; симъ самъ украсися
Царь небесный, егда даже до смерти смирися...
Смиреннаго благословитъ превышня десница,
На смиренна призираетъ Христова зѣница...
Сія вся кто отъ царей всегда размышляетъ
И себе смиренными очима познаетъ,
Что отъ земли и пепелу ничимъ есть разнственный,
Кромѣ власти царскія и всѣмъ соравненный,
Той премудро научись скипетръ содержати
Здѣ и въ безсмертной будетъ коронѣ сіяти“ [1].

Особенно сильно отличаются по своему независимому тону эти произведенія отъ мѣстныхъ панегириковъ Екатерининской эпохи и здѣсь нельзя не видѣть вліянія двухъ историческихъ моментовъ въ жизни Слободской украйны: начала XVIII-го вѣка, когда внутренняя независимость края была еще довольно значительна, и конца его, когда ей нанесенъ былъ тяжелый ударъ.

„Учрежденіе Коллегіума, говоритъ проф. А. С. Лебедевъ, тогда же было воспѣто въ похвальномъ словѣ преосвященному Епифанію, написанномъ нѣкіимъ авдиторомъ риторскаго ученія Ильею Филипповичемъ въ 1727 году. Сочиненіе это сохранилось [2] въ библіотекѣ Харьковской духовной семинаріи; это—брошюра въ 58 страницъ in quarto очень крупнаго письма съ 5 лицевыми изображеніями, иллюстрирующими текстъ слова“. Главная часть этого похвальнаго слова прозаическая; но есть и стихи. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ нихъ. Вотъ похвала основателю Коллегіума Епиф. Тихорскому.

Что ти принесу, пастырю дражайшій,
Кій гласъ воспою съ музами сладчайшій?
Или кую пѣснь предложу достойну,
Тебѣ пристойну?
Или чрезъ кіе образы слагати
Начну тебѣ пѣснь похвальную звати,
Кіи въ помощь прійдутъ ко мнѣ гласи
Собрати класы
Похвалъ пастырю и воспѣти красно.
Воспой днесь Паллясъ съ нами велегласно,
Съ трубными гласы сице вопіюще
Гласно зовуще:
Создателю нашъ, Творче всего свѣта
Даждь Тихорскому, воздаждь много лѣта,
Храни подъ кровомъ своей благодати,
Изволь подати,
Да живетъ еще, еще златы вѣки,
Да множитъ мудрость между человѣки“;
И т. д.

А вотъ какъ изображается ликованіе Украйны.

Да слышатъ прилежно днесь сія вси языцы,
Да зрятъ премудрыхъ мужей краснѣйшія лицы:
Притецыте сѣмо вси окрестныя страны,

[1] Ibidem, стр. 21, 24, 30, 32, 33, 35, 38.

[2] Теперь его нѣтъ: оно сгорѣло во время пожара.

Да увидите домъ сей мудрости безъ брани,
Епископомъ Тихорскимъ въ Харьковѣ преславно
Созданный тако вскорѣ всей Россіи явно.
Днесь паче Украйна свѣтися малѣйша
Иногда суща мала, нынѣ же честнѣйша,
Сицевый премудрости домъ въ себѣ имуща
Прославляйся днесь всяко въ веселіи суща.

Въ 1739 году въ типографіи Имп. Академіи Наукъ напечатана была пѣснь побѣдительная Эпиникіонъ—въ честь и славу оружія Имп. Анны Іоанновны, посвященная фельдмаршалу и составленная проф. философіи Харьковской „Славянолатинской коллегіи“ *Стефаномъ Витынскимъ* [1]).

Чтобы дать понятіе о ней, мы приведемъ изъ нея нѣсколько наиболѣе характерныхъ выдержекъ.

„Слава тожъ однакъ гремитъ все не умолкая,
Радостную рѣчь свою удостовѣряя:
Востокъ, западъ, сѣверъ, югъ, брега съ океаномъ
Новую слушайте вѣсть, что надъ мусульманомъ
Полную россійскую мечь, коль храбрый, толь славный,
Викторію получилъ и авантажъ главный.
Высокимъ щастьемъ Ея Величества Анны,
Которымъ враги уже толики попранны;
Храбростію же и умомъ фельдмаршала славна,
Сперва который вступилъ въ брань, что толь исправна:
Богъ бо милостиво толь хранилъ вѣрныхъ части,
Что едва кому отъ рукъ далъ поганскихъ пасти.
По побѣдѣ и Хотинъ городъ взятъ столь славный,
Коль стѣнами огражденъ крѣпкими, коль давный.
О гласъ славы, гласъ драгій, но дражайше дѣло
Совершенно побѣдить, а воинство цѣло!
Кто доволенъ описать, кая нынѣ радость
Въ армеѣ и торжество? Кую въ сердцѣ сладость
Чувствуетъ вѣрный солдатъ, видя предъ собою
Побѣжавшаго врага съ вѣчной срамотою?
Се жъ въ оставленномъ корысть лагерѣ богата,
(Много турчинъ отбѣжалъ тутъ сребра и злата),
Коликую принесла радость и пріятство?
Теперь наживай, теперь вѣрное солдатство:
Чего въ походъ не беретъ толь народъ сей нѣжный
Что къ роскошной жизни онъ одинъ есть прилежный?
Тутъ весь воинскій уборъ, тутъ платье всекрасно,
Оружіе дивно толь, что смотрѣть ужасно;
Пребагатый тутъ запасъ, тутъ пища драгая,
Тутъ все, дивится чему натура самая.
Указавъ на взятіе Хотина, поэтъ продолжаетъ:
Не токмо же самимъ тѣмъ, но и христіанскимъ

[1]) Эту рѣдкую брошюру мы нашли въ библіотекѣ Харьковской Духовной Семинаріи, № 1751—1752.

Всѣмъ народамъ, что живутъ подъ игомъ поганскимъ
(Есть за что благодарить Бога)
Чувствуютъ нынѣ и тѣ велику отраду:
Общая то благодать есть Христову стаду.

Заканчивается это стихотвореніе такъ:

Слава, видя русскій въ томъ народъ увѣренный
Видя повсюду тріумфъ, тріумфъ совершенный,
Летитъ далѣ, вся дабы вселенна внушила,
Какъ Россія Порты рогъ гордыя сломила".

Какъ видимъ отсюда, это неуклюжее по формѣ произведеніе не заключаетъ въ себѣ ни капли ни поэзіи, ни чувства. Оно, очевидно, являлось только актомъ благодарности Харьковскаго коллегіума къ Имп. Аннѣ Іоанновнѣ за учрежденіе ею этого разсадника наукъ въ Харьковѣ.

Но самымъ виднымъ представителемъ харьковской литературы нужно считать все того же „старчика Варсаву", т. е. Г. С. Сковороду. Многіе представители западнорусской науки были въ тоже самое время и поэтами; таковъ былъ, между прочимъ, учитель Г. С. Сковороды по Кіевской Академіи Георгій Конисскій. Подражая ему, Г. С. Сковорода, вѣроятно, написалъ и свою „трагедо-комедію" (до насъ не дошедшую). Преподавая въ Переяславской Духовной Семинаріи піитику, Г. С. Сковорода началъ и самъ писать стихи, давать образчики своего поэтическаго творчества. Впослѣдствіи изъ этихъ стихотвореній составился цѣлый сборникъ изъ 30 пѣсенъ, которому онъ далъ названіе „Садъ божественныхъ пѣсней"; и это названіе вполнѣ точно опредѣляетъ ихъ основной—религіозный характеръ. 26-я пѣсня относится еще къ 1750 году, 1-я—къ 1757 г.; въ 1758 г. онъ сочинилъ 19-ю и 25-ю пѣсни; другія относятся къ началу 60-хъ годовъ; есть впрочемъ и восьмидесятыхъ годовъ; большая же часть безъ хронологическихъ датъ. Но можно полагать, что поэтическая или піитическая дѣятельность Г. С. Сковороды относится преимущественно къ тому времени, когда онъ былъ препода-

вателемъ піитики въ Переяславскомъ, а потомъ Харьковскомъ Коллегіумѣ; она какъ бы вызывалась самою должностью его, такъ какъ преподаватели этого предмета, согласно съ тогдашнимъ обычаемъ, должны были и сами давать образцы своего искусства и упражнять въ стихосложеніи своихъ слушателей. Слѣдуетъ впрочемъ прибавить, что это былъ только внѣшній толчокъ для Г. С. Сковороды, но кромѣ того внутреннимъ побужденіемъ для него служило его собственное настроеніе и потребность передать свои думы и чувства другимъ; вѣрнѣе будетъ сказать, думы, потому что поэтическія произведенія Г. С. Сковороды представляютъ въ стихотворной формѣ развитіе его богословско-философскихъ идей. Въ основѣ ихъ лежало священное писаніе; самъ Сковорода называетъ ихъ Садомъ божественныхъ пѣсней *„прозябшимъ изъ зернъ священнаго писанія“*. И дѣйствительно—въ основу каждой положенъ тотъ или иной текстъ.

Чтобы дать понятіе объ этихъ духовныхъ стихахъ, приведемъ нѣсколько болѣе типичныхъ образцовъ.

Пѣснь первая произросла изъ слѣдующаго зерна—*„блаженны непорочны въ путь ходящіи въ законѣ Господнемъ“* и идея эта выражена была въ начальныхъ строфахъ такъ:

Боится народъ сойти гнить во гробъ,
Чтобъ не былъ послѣ участный,
Гдѣ горитъ огнь неугасный;
А смерть есть святая, кончина наша злая,
Изводитъ злой войны въ покой.
О смерть сія свята.

Небоится совѣсть чиста ниже Перуна огниста, ни!
Сей огнемъ адскимъ не жжется,
Сему жизнь райска живется.
О грѣхъ то смерть родитъ, живу смерть наводитъ
Изъ смерти адъ; душу жжетъ гладъ.
О смерть сія люта.

2-я пѣснь развиваетъ текстъ: *„по земль ходяще, обращеніе имамы на небесахъ“*. Оно начинается такъ:

Оставь, о духъ мой, вскорѣ всѣ земные мѣста!
Взойди, духъ мой, на горы, гдѣ правда живетъ свята,
Гдѣ покой, тишина отъ вѣчныхъ царствуетъ лѣтъ,
Гдѣ блещетъ та страна, въ коей неприступный свѣтъ.

3-я пѣснь, въ основу которой положенъ текстъ *„прорасти земля быліе травное, сирѣчь, кости твоя прозябнутъ, яко трава и разбопъютъ“*, отличается поэтическимъ характеромъ и совершеннѣе другихъ по формѣ—въ ней мы находимъ, между прочимъ, риѳмы. Вотъ она:

Весна люба, ахъ, пришла.
Зима люта, ахъ, пройшла.
Уже сады расцвѣли
И соловьевъ навели!
Ахъ ты, печаль, прочь отсель!
Не безобразь красныхъ селъ.
Бѣжи себѣ въ болота,
Въ подземныя ворота.
Бѣжи себѣ прочь во адъ!
Не для тебя рай и садъ!
Душа моя процвѣла
И радостей навела.
Щастливъ тотъ и безъ утѣхъ,
Кто побѣдилъ смертный грѣхъ.

Душа его—Божій градъ,
Душа его—Божій садъ.
Всегда сей садъ даетъ цвѣты,
Всегда сей садъ даетъ плоды,
Всегда весною тамъ цвѣтетъ
И листъ его не падетъ.
О, Боже мой, ты—мнѣ градъ,
О, Боже мой, ты—мнѣ садъ!
Невинность мнѣ—то цвѣты,
Любовь и миръ—то плоды.
Душа моя есть верба,
А Ты еси ей вода.
Питай мене въ сей водѣ,
Утѣшь мене въ сей бѣдѣ.

Я ничего не боюсь; Убій во мнѣ всякій грѣхъ:
Однихъ грѣховъ я страшусь. Се ключь моихъ всѣхъ утѣхъ!

Любовь къ природѣ и стремленіе къ сельской уединенной жизни нашли себѣ выраженіе въ 18-й пѣснѣ, въ основу которой положенъ текстъ изъ пѣснь пѣсней—*прійди, брате мой, водворишся на селѣ.*

Ахъ поля, поля зелены, Ахъ, ваши волоса,
Поля цвѣтами распещрены! Вы кудрявые лѣса!
Ахъ, долины, яры, Жайворонокъ межъ полями,
Круглы могилы, бугры! Соловейко межъ садами;
Ахъ вы водъ потоки чисты! Тотъ выспрь летя сверчитъ,
Ахъ вы, берега трависты! А сей на вѣтвяхъ свиститъ.
А когда взойшла денница, И на свою свирѣль
Свищетъ въ той часъ всяка птица, Выдаетъ дрожливой трель.
Музыкою воздухъ Пропадайте думы трудны
Растворенный шумитъ вкругъ. Города премноголюдны!
Только солнце выникаетъ А я съ хлѣба кускомъ
Пастухъ овцы выгоняетъ Умру не мѣстѣ такомъ.

Тоже стремленіе къ тихой скромной жизни и пренебреженіе къ шумной городской нашло себѣ выраженіе въ 12-й пѣснѣ, въ основу которой положены стихи—*„блаженни нищіе духомъ“* и *„умаляйся въ дѣяніяхъ своихъ упремудрится“* (Сирахъ).

„Не пойду въ городъ богатый. Я буду на поляхъ жить.
Буду вѣкъ мой коротати, гдѣ тихо время бѣжитъ.
О дуброва, о зелена, о мати моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна, въ тебѣ покой, тишина.
Города славны, высоки на море печалей пхнутъ;
Ворота красны, широки въ неволю горьку ведутъ.
О дубрава, о зелена и пр.
Не хочу ѣздить на море, не хочу красныхъ одежъ:
Подъ сими крыется горе, печали, страхъ и мятежъ.
Не хочу за барабаномъ идти плѣнять городовъ.
Не хочу и штатскимъ саномъ пугать мелочныхъ чиновъ.
Не хочу и наукъ новыхъ кромѣ здраваго ума,
Кромѣ умностей Христовыхъ, въ коихъ сладостна душа.
Ничего я не желатель кромѣ хлѣба да воды;
Нищета мнѣ есть пріятель; давно съ нею мы сваты.
Со всѣхъ имѣній тѣлесныхъ покой да воля свята
Кромѣ вѣчностей небесныхъ—одна се мнѣ жизнь свята.
А если до сихъ угодій и грѣхъ еще побѣдить,
То не знаю, сей выгоды возможетъ ли лучше быть.
Здравствуй, мой милый покою! Во вѣки ты будешь мой,
Добро мнѣ быти съ тобою; ты мой вѣкъ будь, а я твой.
О дуброва, о свобода! Въ тебѣ началъ я мудрѣть
До тебе моя природа, въ тебѣ хощу и умрѣть.

Ту же излюбленную тему развиваетъ Г. С. Сковорода въ 18-й пѣснѣ, которая по характеру своему представляетъ какъ бы переложенную на русскій литературный языкъ народную

малорусскую пѣсню; въ основу ея положенъ текстъ: *„Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать“.*

Ой ты, птичко желтобоко,
Не клади гнѣзда высоко!
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
Отъ ястребъ надъ головою
Виситъ, хочетъ ухватить,
Вашею живетъ онъ кровью,
Отъ, отъ кохти онъ остритъ!
На чтожъ мнѣ замышляти,
Что въ селѣ родила мати?
Нехай у тѣхъ мозогъ рвется,
Кто высоко въ гору дмется.

Стоитъ яворъ надъ горою,
Все киваетъ головою.
Буйны вѣтры повѣваютъ
Руки явору ламаютъ.
А вербочки шумятъ низко
Волокутъ мене до сна.
Тутъ течетъ поточекъ близко;
Видно воду ажъ до дна.
А я буду себѣ тихо
Коротати милый вѣкъ.
Такъ минетъ мене все лихо,
Счастливъ буду человѣкъ.

Та же идея спокойной жизни развивается въ 24-й пѣснѣ, представляющей подражаніе Горацію (Otium divos rogat)...

О покою нашъ небесный!
Гдѣ ты скрылся съ нашихъ глазъ?
Ты намъ обще всѣмъ любезный,
Въ разный путь разбилъ ты насъ.
За тобою то вѣтрила
Простираютъ въ корабляхъ,
Чтобъ могли тебе тѣ крыла
По чужихъ съискать странахъ.
За тобою маршируютъ,
Разоряютъ города,
Цѣлый вѣкъ бомбандируютъ,
Но достанутъ ли когда?
Повдержимо духъ несытый!
Полно мучить краткій вѣкъ!
Чтоль намъ дастъ край знаменитый?
Будешь—тоже человѣкъ.
Вить печаль вездѣ летаетъ
По землѣ и по водѣ:
Сей бѣсъ молній всѣхъ быстрѣе,
Можетъ насъ съискать вездѣ.

Будьмо тѣмъ, что Богъ далъ, рады,
Разбиваймо скорбь шутя;
Полно насъ червямъ снѣдати;
Вѣдь, есть чаша всѣмъ людямъ.
Кажется, живутъ печали
По великихъ большъ домахъ;
Большъ спокоенъ домикъ малый,
Если въ нужныхъ сытъ вещахъ.
Ахъ, ничѣмъ мы недовольны:
Се источникъ всѣхъ скорбей!
Разныхъ умъ затѣевъ полный—
Вотъ источникъ мятежей.
Славны, напримѣръ, герои,
Но побиты на поляхъ.
Долго кто живетъ въ покоѣ,
Страждетъ въ старыхъ тотъ лѣтахъ.
Васъ Богъ одарилъ грунтами,
Но вдругъ можетъ то пропасть,
А мой жребій съ голяками,
Но Богъ мудрости далъ часть.

Наиболѣе удачнымъ стихотвореніемъ Г. С. Сковороды нужно однако признать 10-ю пѣсню, проникнутую сатирическимъ духомъ и потому, быть можетъ, особенно понравившуюся современникамъ. Популярность ея была столь велика, что она проникла въ народную среду и ее доселѣ распѣваютъ подъ именемъ Сковородинской Думы слѣпые бандуристы и лирники [1]). Въ основу ея положенъ стихъ изъ Сираха: *„блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ“.*

[1]) Мною лично записана была эта пѣсня въ Харьковѣ въ началѣ 80-хъ годовъ отъ бандуриста, но и теперь ее постоянно распѣваютъ Харьковскіе бандуристы и лирники, хотя нѣкоторыхъ выраженій (напримѣръ, Венеринъ Амуръ) и не понимаютъ.

Всякому городу нравъ и права;
Всяка имѣетъ свой умъ голова;
Всякому сердцу своя есть любовь;
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума.
Петръ для чиновъ углы панскіе третъ.
Федька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ.
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума.
Тотъ панегирикъ сплетаетъ со лжей,
Лекарь въ подрядъ ставитъ мертвыхъ людей,
Сей образы жировыхъ чтетъ тузовъ,
Степка бѣжитъ какъ на сватьбу въ позовъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума.
Тотъ непрестанно стягаетъ грунта.
Сей иностранны заводитъ скота.
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума.
Строитъ на свой тонъ юриста права.
Съ диспутъ студенту трещитъ голова.
Тѣхъ безпокоитъ Веперинъ Амуръ.
Всякому голову мучитъ свой дуръ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только нейдетъ съ ума.
Смерте страшна! Замашная коса,
Ты не щадишь и царскихъ волосовъ,
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь,
Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ.
Кто жъ на ея плюетъ острую сталь?
Тотъ, *чія совѣсть, какъ чистый хрусталь.*

Извѣстно, что эту пѣсню передѣлалъ и вставилъ въ свою „Наталку Полтавку“ и И. П. Котляревскій: это также свидѣтельство о ея популярности.

Кромѣ „Сада Божественныхъ пѣсней“ Г. С. Сковорода написалъ еще нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній. Среди нихъ выдѣляется „разговоръ о премудрости: Мудрость и Человѣкъ“, проникнутый глубокой идеей всеобщности истины и возможности достиженія ея для всѣхъ народовъ, не только христіанскихъ, но и языческихъ. Стихотвореніе это имѣетъ характеръ какъ бы сатирической басни.

Человѣкъ. Любезная сестра иль какъ тебя назвать?
Доброты всякой ты и стройности ты мать.
Скажи мнѣ имя ты, скажи свое сама;
Вѣть всяка безъ тебе дурна у насъ дума́.
Мудрость. У грековъ звалась я Софіа въ древній вѣкъ,
А мудростію зоветъ всякъ русской человѣкъ,
Но римлянинъ мене Минервою назвалъ,
А христіанинъ добръ Христомъ мнѣ имя далъ.
Человѣкъ. Скажи—живешь ли ты и въ Хинскихъ сторонахъ?
Мудрость. Уже мнѣ имя тамъ въ другихъ стоитъ словахъ.
Человѣкъ. Такъ ты и въ варварскихъ вѣдь сторонахъ живёшь?
Мудрость. Куда ты мнѣ, другъ мой, нелѣпую поёшь!
Вѣдь безъ мене, другъ мой, одной чертѣ не быть!
И какъ же мнѣ, скажи, межъ Хинцами не жить?
Гдѣ ночь и день живетъ, гдѣ лѣто и весна,
Я правлю это всё съ моимъ отцомъ одна.
Человѣкъ. Скажи жъ, кто твой отецъ? Не гнѣвайсь на глупца?
Мудрость. Познай впередъ меня—познаешь и отца.
Человѣкъ. А съ Хинцами ты какъ обходишься, открой?
Мудрость. Такъ точно, какъ и вдѣсь: смотрю, кто мой, то мой.
Человѣкъ. Тамъ только вѣдь одни погибшіе живутъ.

Мудрость. Сестра вамъ это лжетъ: такъ точно, какъ и тутъ.
Человѣкъ. А развѣ жъ есть сестра твоя?
Мудрость. Да, у меня сестра моя родна, какъ точно ночь у дня.
Человѣкъ. И лжетъ она всегда, хотя одной родни?
Мудрость. Вѣть одного отца, но дѣти не одни.
Человѣкъ. Зовутъ же какъ?
Мудрость. Ей сто именъ. Она однакъ у россіянъ есть безтолковщина.
Человѣкъ. Съ рогами ли она?
Мудрость. Дуракъ!
Человѣкъ. Иль съ бородой? Иль въ клобукѣ?
Мудрость. Ты врёшь. Она войдетъ и въ твой составъ, если хотишь.
Ахъ ты! Исчезни прочь! Вѣть я возлѣ тебе, какъ возлѣ свѣта ночь.
Человѣкъ. Исчезни лучше ты! Бѣжи съ моихъ прочь глазъ!
Вѣдь глупа ты сама, если въ обманъ далась.
Чего здѣсь не слыхать нигдѣ, ты всё то врешь
И подлинно сказать нелѣпую поешь.
Родился здѣсь народъ и воспитанъ не такъ,
Чтобъ дикихъ могъ твоихъ охотно слушать вракъ.
Чуть развѣ сыщется одинъ или другой,
Чтобъ могъ понравиться сей дикой замыслъ твой".

Г. С. Сковорода совершенно, можно сказать, не затрогивалъ политическихъ и соціально-экономическихъ вопросовъ своей родины—это ставитъ ему въ вину современный изслѣдователь. И дѣйствительно Г. С. Сковорода не касался ни крѣпостного права, ни уничтоженія козачества и Запорожской сѣчи, ни превращенія малорусскаго панства въ русское дворянство—а между тѣмъ всѣ эти крупныя событія совершились при немъ. Мы однако не видимъ здѣсь никакой аномаліи. Г. С. Сковорода не говорилъ ничего объ этомъ, потому что избралъ себѣ другую сферу для своей проповѣди—область духа, освобожденія его отъ всякихъ пороковъ—ото всего матеріальнаго, что привязывало человѣка къ землѣ и мѣшало ему воспарить въ горняя. То была переходная печальная эпоха, не могшая дать примиренія и нравственнаго удовлетворенія—и Г. С. Сковорода боролся съ духомъ времени, стремленіемъ къ наживѣ, къ власти, выражавшимся въ несдержанномъ и ничѣмъ неприкрытомъ стремленіи къ наживѣ, власти, но только исключительно во имя умственной свободы и нравственнаго усовершенствованія индивидуума. Мы видѣли, какъ въ пѣснѣ „Всякому городу" онъ противополагалъ, этому духу алчности, корыстолюбія, чинолюбія, роскоши и вообще житейскихъ заботъ чистоту сердца. Но его свободный духъ не могъ сочувствовать какому бы то ни было рабству—и онъ это ясно выразилъ въ стихотвореніи о вольности (De libertate).

Что то за вольность? Добро въ ней какое?
Ины говорятъ, будто золотое („золотая воля").
Ахъ, не златое: если сравнить злато,
Противъ вольности еще оно блато (болото),
О когда бы же мнѣ въ дурни не пошитись,
Дабы вольности не могъ какъ лишитись.
Будь славенъ во вѣкъ, о муже избранне,
Вольности отче, герою Богдане.

Кто знаетъ, чѣмъ навѣяно стихотвореніе. Здѣь однако таилась благодарная память о Богданѣ Хмельницкомъ, высоко поднявшемъ значеніе козачества и даровавшемъ ему личную

свободу, которую не могло отъ него отнять и надвинувшееся при Г. С. Сковородѣ крѣпостное право: не забудемъ, что самъ старчикъ Григорій былъ козацкаго происхожденія, гарантировавшаго ему личную свободу, и не допускавшаго возможности закрѣпощенія.

Кромѣ указанныхъ стихотвореній Г. С. Сковорода еще сочинилъ цѣлый сборникъ (30) басенъ, названныхъ имъ *Харьковскими*. Харьковскими онѣ названы въ честь г. Харькова, который Г. С. Сковорода очень любилъ и писалъ ихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ его. Въ письмѣ къ пріятелю онъ такъ объясняетъ ихъ составленіе. „Въ седьмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учительской должности и уединясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библіи; при томъ благопристойными игрушками забавляясь написалъ полтора десятка басенъ; а сего года въ с. Бабаяхъ (подлѣ Харькова) умножилъ ихъ до половины... Мудрая игрушка утаиваетъ въ себѣ силу... Разумную шутку важный печатлѣетъ конецъ... Люблю то, что сверху ничто, но въ серединѣ чтось, снаружи ложь, но внутри истина... Не презирай баснословіе... Басня тогда бываетъ скверная и бабья, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины... Этотъ забавный и фигурный родъ писаній былъ домашнимъ у самыхъ лучшихъ древнихъ любителей мудрости. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудрые и въ игрушкахъ умны и во лжи сохраняютъ истину. Истина острому ихъ взору и издали представлялась ясно, какъ въ зеркалѣ, и они, увидѣвъ живой ея образъ, уподобили ея различнымъ земнымъ образамъ. Отсюда родилиєь эмблемы, символы, таинства, притчи, басни, пословицы. И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренній ангелъ, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать стихи, избралъ Езоповы басни... Самое солнце всѣхъ планетъ и царица—Библія—изъ тайно образующихъ фигуръ притчей и подобій Богомъ создана... Не мои это (въ баснях̀ъ) мысли и не я ихъ измыслилъ: истина безначальна. Но ихъ люблю и потому они—мои; полюби ихъ—и они станутъ твоими [1]).

Что касается самихъ басенъ, то ихъ нельзя признать удачными въ литературно-художественномъ отношеніи. Авторъ и въ фабулѣ остается въ сущности мыслителемъ и моралистомъ. Фабула мало чѣмъ отличается отъ вытекающаго изъ нея нравоученія, которое нерѣдко разростается въ цѣлый трактатъ.

Вотъ для образца одна басня „Жаворонки“.

Еще въ древніе вѣка, въ то самое время, какъ у орловъ черепахи летать учились, молодой жаворонокъ сидѣлъ недалече того мѣста, гдѣ одна изъ упомянутыхъ черепахъ, по сказкѣ мудраго Езопа, летанье свое благополучно на камнѣ окончила съ великимъ шумомъ и трескомъ. Молодчикъ испугавшись пробрался съ трепетомъ къ своему отцу. Батюшка! Конечно, возлѣ той горы сѣлъ орелъ, о которомъ ты мнѣ когдась говорилъ, что эта птица всѣхъ страшнѣе и сильнѣе... А почему ты догадуешься, сынокъ, спросилъ старикъ? Батюшка! Какъ онъ садился, я такой быстроты, шуму и грому никогда не видывалъ. Мой любезнѣйшій сынокъ, сказалъ старикъ: твой молоденькій умокъ. Знай, другъ мой и всегда эту пѣсеньку себѣ пой: не то орелъ, что высоко летаетъ, но то, что легко сѣдаетъ.

Сила. Многія безъ природы (т. е. способностей) изрядные дѣла зачинаютъ, но худо кончаютъ. Доброе намѣреніе и конецъ всякому дѣлу есть печать [2]).

Въ нравоучительной части басенъ развиваются тѣже положенія, что и въ философскихъ трудахъ Г. С. Сковороды, въ особенности въ сочиненіи о душевномъ мирѣ; во 2-й, 17-й и 29-й баснях̀ъ доказывается, что въ человѣкѣ главное—его сердце и нравы, а не внѣшность; въ 5-й,—

[1]) Соч. Г. С. Сковороды, стр. 151—153.

[2]) Ibidem, стр. 154.

что кто не любитъ хлопотъ, долженъ жить просто; въ 13, 18, 21, 24, 26, 27, 28 и 30,—что природа, т. е. склонность даетъ душевный миръ, въ 10-й,—что способности расширяются упражненіемъ, но сама по себѣ практика безъ сродности ничто, въ 16-й,—что всякое изобиліе можетъ оскудѣть, а честное ремесло есть неоскудѣвающій родникъ истиннаго довольства. Къ баснямъ примыкаютъ двѣ притчи Г. С. Сковороды—„*Благодарный Еродій*“ и „*Убогій жайворонокъ*“. Первая посвящена вопросу о воспитаніи, вторая—о спокойствіи и довольствіи малымъ.

Наконецъ, Г. С. Сковородѣ принадлежитъ цѣлый рядъ стихотворныхъ писемъ, въ особенности же къ ученику его, а впослѣдствіи другу и біографу Михаилу Ивановичу Ковалинскому. Здѣсь говорится о смерти въ жизни, о значеніи причастія, объ отрѣшеніи отъ плотскаго и мірскихъ заботъ, о веснѣ природы и весеннемъ возрожденіи сердца, о счастіи, о бѣдности, какъ источникѣ счастія и т. п. Часть стихотвореній была написана по латыни и по гречески.

Впрочемъ произведенія эти предназначались только для одного Ковалинскаго, въ то время какъ указанныя выше, хотя и не были въ свое время напечатаны, но получили широкое распространеніе въ многочисленныхъ спискахъ; слѣдовательно, оказали извѣстное вліяніе на современное общество. Не представляя такихъ трудностей для усвоенія, какъ философскіе трактаты, духовныя пѣсни, стихотворенія и басни Г. С. Сковороды могли найти себѣ и болѣе широкій кругъ читателей: въ то время какъ научныя произведенія читались только болѣе развитыми представителями духовенства и дворянства, литературныя были расчитаны и на народную массу, которую Г. С. Сковорода постоянно имѣлъ въ виду, но поучалъ ея болѣе простымъ и доступнымъ ей истинамъ и наставленіямъ. Въ то время было только два образованныхъ сословія—дворянство и духовенство—и Г. С. Сковорода долженъ былъ считаться съ этимъ фактомъ: не разъ онъ проводилъ рѣзкую разницу между образованными читателями и простымъ народомъ, доказывая, что первое, вооруженное знаніемъ, должно стремиться къ воспріятію самыхъ смѣлыхъ истинъ, совершенно очищенныхъ отъ предразсудковъ, а второе никоимъ образомъ не можетъ подняться на такую высоту и должно по необходимости довольствоваться немногимъ. И Г. С. Сковорода достигъ своей цѣли—сдѣлался извѣстенъ и украинскому образованному обществу, и простому народу—козакамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ.

Такимъ образомъ, значеніе литературныхъ произведеній Г. С. Сковороды опредѣляется не ихъ художественнымъ значеніемъ—они являются весьма слабыми и по содержанію, и по формѣ, и по языку—а ихъ основными идеями, ихъ вліяніемъ на мѣстную среду, ихъ близкимъ родствомъ со всею умственною и нравственностью культурою харьковцевъ, вынесенною нѣкогда изъ заднѣпровья и бережно сохраняемою на новомъ мѣстѣ жительства. Неуклюжія по формѣ стихи Г. С. Сковороды, его тяжелыя басни могли даже нравиться мѣстному обществу, потому что соотвѣтствовали его вкусамъ, воспитаннымъ на аналогичныхъ памятникахъ западнорусской литературы XVII и XVIII вв.

Есть много общаго въ складѣ стихотвореній Г. С. Сковороды и его предшественника по преподаванію въ Коллегіумѣ и по піитическимъ опытамъ Филипповича, но произведенія Сковороды стоятъ все таки несравненно выше ихъ не только по содержанію, но и по формѣ. Далеко уступалъ Г. С. Сковородѣ и другой выдающійся преподаватель Коллегіума Шванскій. Въ приложеніи мы помѣщаемъ одно его слово.

Сохранился цѣлый рукописный сборникъ литературныхъ произведеній Харьковскаго Коллегіума, списанный, вѣроятно, какимъ нибудь любознательнымъ его питомцемъ [1]). Въ него внесены были между прочимъ и тѣ привѣтствія, которыя составлены были въ Харьковскомъ

---

[1]) Эта рукопись пожертвована была Харьковскому Историко-Филологическому обществу ученикомъ 1-й Харьковской гимназіи Башинскимъ.

Коллегіумѣ по случаю прибытія Императрицы Екатерины II-й въ Харьковъ и напечатаны въ Москвѣ [1]). На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ ода учителя риторики Василія *Двигубскаго* малосодержательная, отличающаяся напыщенностью. Вотъ ея текстъ.

Среди торжественныхъ плесканій
Среди народныхъ голосовъ,
Среди усердныхъ восклицаній
Окрестныхъ здѣшнихъ селъ, градовъ,
Возвыси, Кліо, гласъ твой звучный,
Воспой сей день благополучный,
Взнесись на Гемъ, превыси Пиндъ,
Оттолѣ устремися въ долы,
Гдѣ бурные шумятъ эолы,
Забывъ, являютъ кроткій видъ.
Собравъ пѣвицъ Парнасскихъ лики
При токѣ Иппокренскихъ водъ
И радости узрѣвъ толики,
Рази въ небесъ пресвѣтлыхъ сводъ.
Иди поспѣшно въ слѣдъ Невтоновъ,
Декартовъ быстрыхъ и Назоновъ,
Превысь природой данный даръ!

Удвоить днесь потребно силы
Потребны Куріи Камиллы,
Дабы открыть сердечный жаръ.
Красуйся Эрато судьбою,
Что Вышній для Тебя послалъ,
Ефирною промчись страною,
Цвѣты разсыпли всѣхъ похвалъ!
Пусть древняя умолкнетъ лира
Творца Элладскаго Омира
Да арфа возшумитъ твоя
Въ Парнасской лирѣ доброгласной
Съ усердной ревностью согласной,
Приходъ Монархини поя.
Отъ Норда новый свѣтъ блистаетъ,
Разливъ лучи по симъ мѣстамъ,
Се алчущимъ себе являетъ
Богиня Росская очамъ.

Далѣе слѣдовалъ цѣлый рядъ кантовъ. Вотъ для примѣра три изъ нихъ. Первый.

Гремящи арфы взявъ въ десницу,
Вѣнчанный славой Аполлонъ,
Спѣши, срѣтай Императрицу,
Грядущую во Геликонъ!
Ни полъ, ни возрастъ не коснѣйте
Екатерины зрѣть приходъ;
Усердій жаромъ пламенѣйте
Къ богинѣ правды и добротъ.

Парнасскихъ музъ соборъ священный!
Вѣнки безсмертія сплетай,
На верхъ премирныхъ мѣстъ взнесенный
Мольбы ко Богу возсылай:
Да будутъ дни Екатерины,
Дни яко солнца и луны,
Да процвѣтутъ Россіи сыны
Среди покоя, тишины.

Вотъ второй.

Коль кратъ мы простирали очи
На полдень, западъ и востокъ!
Мы обращаемъ взоръ къ полночи
Чтобъ ощутить отличной рокъ.
И се пріятный свѣтъ блистаетъ
Съ превыспреннихъ небесныхъ горъ!
Въ щастливо время къ намъ сіяетъ,
Монархиня, твой кроткій взоръ.

О слава, счастіе, отрада!
Обильну зримъ въ щедротахъ мать
Парнассъ и церковь, стогны града
Въ восторгѣ, въ радости гласятъ.
Кто жъ сіи милости забудетъ
Которы твой явилъ приходъ?
Благословенно имя будетъ
Екатерины въ родъ и родъ.

[1]) Вотъ заглавіе этой брошюры: „Торжество Харьковскаго духовнаго училища въ день вожделѣннѣйшаго въ оный городъ прибытія всепр. держ. вел. Гос. Имп. Екатерины Алексѣевны, самод. всерос., со всеподан. благоговѣніемъ и искреннѣйшимъ усердіемъ въ разныхъ сочиненіяхъ изображенное 1783 года. Москва. Въ тип. компаніи типографической, съ указнаго дозволенія. 1787 г.

А вотъ третій.

На верхъ блаженства вознесеннымъ
Сей почитаетъ градъ себя,
Что въ день сей, день всевожделѣнный
Сподобился узрѣть тебя.
Монархиню свою преславну
Премудростью и правотой
Отъ Бога Россамъ преизбранну
Доставить мирной вѣкъ златой.
Счастливую сію судьбину
Сердцами изъявляемъ днесь.
Богъ да Хранитъ Екатерину
Во вѣкъ какъ зѣницы очесъ.

Такіе же оды и канты сочинялись въ Коллегіумѣ сотрудникамъ Екатерины II-й, Харьковскимъ губернаторамъ и Бѣлгородскимъ архіереямъ, посѣщавшимъ свой вертоградъ духовный.

Вотъ ода кн. Потемкину.

Се паки новое начало
Свѣтлѣйшаго героя лѣтъ
Къ отрадѣ общей возсіяло
Какъ солнца утренняго свѣтъ.
О день, исполненный отрады,
О вожделѣннѣйшій сей часъ!
Питомцы юныя Паллады
Къ Творцу вѣковъ возвысьте гласъ,
Да князя онъ пріосѣняетъ
Благословеніемъ своимъ,
Да въ счастьи князь жизнь провожаетъ,
Россія, къ подвигамъ твоимъ.

А вотъ кантъ Харьковскому Намѣстнику Леванидову, сказанный ему 29 ноября 1796 г. въ день его рожденія, отличающійся, какъ и другіе, неумѣренностью похвалъ.

Сокрылись звѣзды, Фебъ пріемлетъ
Свой скиптръ, прогнавъ ночную тѣнь;
Восторгъ, восторгъ весь градъ объемлетъ
Въ сей благознаменательный день.
Всѣхъ лица радостію сіяютъ
Какъ въ утренни часы весны
Преданность душъ тебѣ являютъ
О мирный ангелъ сей страны!
И музы юны прославляютъ
Драгихъ твоихъ начало дней,
И музы истинно желаютъ
Всѣмъ сердцемъ и душею всей.
Герой! Для общія отрады
Живи, будь, счастливъ и здоровъ,
Да красятся тобою грады
Подъ твой врученные покровъ.

Хорошо жилось харьковцамъ подъ властію намѣстниковъ и губернаторовъ, если судить по этому стихотворенію и двумъ послѣдующимъ. Это была не жизнь, а идиллія. Но панегирики не справлялись съ дѣйствительностью, которая была далека отъ этой идилліи.

Губернаторамъ посвящено два поздравительныя стихотворенія. Вотъ первое.

Благоустройства гдѣ блюдутся,
Права порядкомъ гдѣ текутъ,
Струи блаженства тамо льются,
Народы въ счастіи цвѣтутъ.
Правитель мудръ ты учреждаешь
Благоустройство въ градѣ семъ
И тѣмъ блаженство учреждаешь,
Тобой цвѣтутъ народы въ немъ.
И мы, во ономъ пребывая,
Представъ къ тебѣ въ сей свѣтлый день
Тебя патрономъ поздравляя
Гласимъ: да будешь ты блаженъ.

А вотъ второе.

Премрачная печалей ночь
Скоряе подіймайся прочь
И ты отходь густѣйшій мракъ
Душевной помрачаяй зракъ.
Мы видимъ все пріятный свѣтъ,
Кой въ въ души наши лучи льетъ
Дабы печалей ночь прогнать
Дабы сердца всѣхъ облистать.
Свѣти жъ пріятной свѣтъ всегда
И незаходь ты никогда
И не скрывай своихъ лучей
Отъ сихъ кавалѣрскихъ очей.

Своему ректору Іову (.....) въ день его ангела питомцы Коллегіума поднесли такіе стихи.

Святая церковь православна
Іова славя память днесь
Терпѣнія его преславна
Возноситъ подвигъ до небесъ.
Мы жъ подвигъ зря въ тебѣ подобный
Поемъ пѣснь съ радостью сердецъ
Науки правишъ какъ свободны
Всѣхъ насъ свѣтило и отецъ.

Шесть лѣтъ уже гласишъ трубою
Ученій богословскихъ звукъ
И большъ того—другихъ тобою
Красился цвѣтъ другихъ наукъ.
Несижъ съ терпѣньемъ подвигъ знатной,
Полезной отправляй трудъ свой
Одаренъ здравьемъ благодатно
Надѣйсь въ блаженъ внійти покой.

По поводу пріѣзда владыки въ Харьковъ, было составлено слѣдующее поздравленіе.

Приходъ твой, пастырь, днесь плѣняетъ
Учащихся духъ и сердца
Веселу мысль всякъ ощущаетъ,
Что видитъ своего отца.
Въ тебѣ мы зримъ изображенну
Къ наукамъ ревностну любовь

И мысль желаніемъ возженну
Чтобъ нашихъ видѣть плодъ трудовъ.
Къ верховному владыкѣ свѣта
Потщись взнести, о муза, гласъ:
Да пастырь нашъ долгайши лѣта
Живя благословитъ Парнасъ.

На отъѣздъ ректора Іова было составлено слѣдующее стихотвореніе.

Принесть тебѣ благодаренье
Нашъ долгъ теперича велитъ
И въ знакъ любви свое почтенье
Тебѣ мы должны нынѣ явить.
Трудился долгое ты время
Чтобъ украсить ученьемъ насъ
Носилъ нелегкое ты бремя

Съ трудомъ тебѣ былъ всякой часъ.
Теперь же какъ ты отлучаться
Намѣреваешь, мужъ драгой,
Да наградить святой создатель
Принесенны твои труды,
Да будетъ онъ тебѣ податель
Желаемыхъ благъ на всегда.

Епископу Аггею было посвящено слѣдующее привѣтствіе.

Когда прекрасно неба око
Оставивъ брегъ Кафферскихъ водъ
Простретъ въ часть норда взоръ высоко,
Играютъ рѣкъ брега и Понтъ.
О пастырь, зракъ твой, зракъ священный
Подобной Фебу красотой

Соборы музъ зря восхищенны
Возносятъ къ небу гласъ такой:
Царю царей, создатель свѣта
Даждь, чтобы пастырь нашъ Аггей
Жилъ въ благоденствѣ многи лѣта
Для вящшей славы нашихъ дней.

Извѣстному своею любовью къ просвѣщенію и литературѣ архіепископу Ѳеоктисту Мочульскому посвящена большая ода.

Въ протекши лѣта взоръ склоняя
Я вижу быстрыхъ тамъ пѣвцовъ
Сиренъ, которы превышая
Въ пространствѣ чистыхъ красныхъ словъ
Дѣла героевъ возносили
Побѣды славны въ міръ гласили
Что грекъ и Дардане творятъ,
Омиръ пріятно воспѣваетъ
Подобно и Маронъ вѣщаетъ
Энееву со Турномъ рать.

Но ты моя смиренна муза!
Оставь итить героямъ въ слѣдъ,
Ищи пристойныхъ словъ союза,
Чтобъ пастырю хвалу воспѣть.
Ты будешь тѣмъ однимъ счастлива,
Коль Ѳеоктиста прозорлива
Опишешь ревность и труды,—
Труды, которые подъемлетъ,
Чтобъ возрастить наукъ плоды,
Гдѣ знанія слѣдовъ не зрится,

Наукамъ гдѣ втеченья нѣтъ,
Единъ тамъ мрачный хаосъ тмится,
Тамъ мгла, невѣжество живетъ,
Слѣпецъ слѣпца за руку водитъ,
Тамъ смертный аки въ безднѣ бродитъ,
Не знаетъ истинныхъ путей,
О всемъ превратно, странно судить,
Вездѣ, какъ въ лабиринтѣ, блудитъ,
Грѣшитъ въ познаніи вещей.
Тамъ грады, села какъ пещеры
Лишенны солнечныхъ лучей,
Нѣтъ правой, истинной тамъ вѣры
И нѣтъ тамъ истинныхъ людей.
Тотъ жертвы камнямъ посвящаетъ,
Тотъ Божій промыслъ отвергаетъ,
Не умъ страстьми, но страсть умомъ
Владѣетъ, обладаетъ, правитъ:
Буянство, глупость мысли травитъ;
Глаза сомкнуты вѣчнымъ сномъ.
О наши времена блаженны,
Щастливы дни и вѣкъ златой.
Наукъ въ нихъ олтари зажженны;
Въ нихъ мудрость тронъ воздвигла свой.
Заря порфировидна блещетъ,
Лучи прекрасно солнце мещетъ,
Сгущенны облака разитъ.
Сіяетъ ведро постоянно,
Вездѣ лѣется свѣтъ багряной
И нощь и сумракъ прочь бѣжитъ.
Въ дому Господнемъ, во святыняхъ
Гремятъ священны словеса,
Какъ древле Моисей въ пустыняхъ
Вѣщаютъ Божьи чудеса.
Мужъ, отрокъ и покрытъ сѣдиной
Своею хвалятся судьбиной,
Что о Творцѣ вселенной всей
Посильно чувствіе имѣютъ,
Законъ божественъ разумѣютъ
И прямой шествуютъ стезей.
Сидящій въ славѣ на престолѣ
Превознесеннѣйшихъ круговъ!
Коликихъ по своей ты волѣ
Творишь участныхъ насъ даровъ?
Ты въ сладкомъ счастьи насъ покоишь,
Что бодрыхъ іерарховъ строишь,
Которы ревностнымъ трудомъ
Руно златое досягаютъ,
Въ градахъ науки насаждаютъ,
Симъ райскимъ красятъ ихъ плодомъ.
Но что мои плѣняетъ взоры?
Склонивъ на сѣверъ зракъ очей,
Я зрю прекрасные соборы
Вѣнчанныхъ славою мужей.
Здѣсь Ѳеоктиста зрю стояща,
Жезлъ мудрости въ рукахъ носяща.
О Ѳеоктистъ, мужъ меценатъ!
Тобой одолжены науки,
Они къ тебѣ простерши руки
Съ усердіемъ благодарятъ.
Какой божественный высокой
Пречудной умъ открылъ на свѣтъ,
Чтобъ можно подъ едино око
Моря и сушу обозрѣть?
Что сроднѣе умомъ снабдѣнну
Вещей какъ силу сокровенну
Изслѣдовать и постигать?
О коль предметы превосходны
Души способности природны
Натуры зрѣлищемъ питать!
Пріятно зрѣть протекши годы
Тьмы перемѣнъ между вѣковъ;
Какъ пали сильные народы,
Опустошеніе градовъ;
Какъ персъ, какъ Македонъ, Помпеи
Побѣдны ставили трофеи—
Непостоянство въ мирныхъ дняхъ;
Какъ воевали Тамерланы,
Какъ правили Юстиніаны,
Что было въ прежнихъ временахъ.
Толико знанія полезны,
О пастырь, подъ твоимъ жезломъ,
Сіяютъ намъ, какъ свѣтъ небесный.
Но что я зрю моимъ умомъ?
Не токмо въ Харьковѣ сіяетъ—
Еще въ градахъ двухъ возникаетъ
Прекраснѣйшихъ ученій свѣтъ.
И Курскъ, и Бѣлградъ ощутили
Отличной видъ и новы силы,
Чего желали много лѣтъ:
Какъ вертоградарь прозорливый,
Воззрѣвъ на празныя мѣста,
Тамъ мирты садитъ, тамъ оливы,

Земля чтобъ не была пуста,
То вновь раститъ, то прививаетъ,
Наполнить вертоградъ желаетъ.
Подобно, пастырь, ты творишь,
Твоими бодрыми руками
Златы науки межъ градами
То умножаешь, то растишь.
И се ужъ радостна Паллада
И благочестіе грядутъ;

Тебѣ начальникъ мирна стада
Съ благоговѣніемъ рекутъ:
Ты въ нѣдрѣ отческомъ насъ грѣешь,
Отличну къ намъ любовь имѣешь;
Мы хощемъ быть всегда съ тобой,
Живи, живи, какъ ангелъ мирно,
Какъ блещетъ свѣтъ въ странѣ эѳирной
Прославленъ вѣчною судьбой.

Отмѣтимъ также оду Е. А. Щербинину, составленную „студентомъ“ учрежденнаго этимъ намѣстникомъ казеннаго училища Ив. Короставцевымъ (она была напечатана въ 1775 году въ Москвѣ). Вотъ ея заключительный стихъ:

Покуда въ славѣ градъ сей будетъ
Верхъ возносить свой къ облакамъ,
Усердный житель не забудетъ
Честь отдавать твоимъ дѣламъ.
Великолѣпіе строеній

И польза новыхъ учрежденій
Рекутъ во всѣ грядущи дни,
Коль благотворное начало
Отъ мудрости твоей пріяло
Правительство сея страны.

Но рядомъ съ этими одами и личными поздравленіями въ большомъ ходу были различные праздничные канты.

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ образчиковъ Рождественскаго привѣтствія.

Коль станетъ дождь весною нивы
Своею влагой орошать
И какъ взойдутъ съ земли засѣвы,
Всякъ можетъ духъ увеселять.
Сошелъ теперь какъ бы весною
Съ небесъ пріятнѣйшій намъ дождь

И благодатной насъ росою
Облилъ Христосъ—нашъ царь и вождь.
Я вамъ съ его плоды дражайши
Плоды веселія пожать
И жизнь свою въ лѣтахъ долгайшихъ
Желаю съ сердца провождать.

А вотъ поздравленіе на Свѣтлый Праздникъ какому то графу.

Уже теперь мы къ совершенству
Чрезъ трудные пути прошли;
Христомъ къ небесному блаженству
Изъ ада въ небо вознеслись.
Печалей мракъ уже сокрылся
Изсохли рѣки нашихъ слезъ

На радость вопль перемѣнился
Христосъ Спаситель нашъ воскресъ.
Къ тебѣ усердіемъ пылая
Превосходительнѣйшій графъ
И торжествомъ симъ поздравляя,
Тебѣ желаемъ вѣчныхъ благъ.

Въ заключеніе приведемъ еще одно стихотвореніе, напоминающее по характеру своему сатирическія произведенія старчика Г. С. Сковороды до такой степени, что невольно является мысль о его принадлежности этому именно писателю.

Ахъ! Еву не вини, Адаму не пеняй;
Когда бы не они, ты-бъ самъ утратилъ рай.
Люблю однихъ дѣтей, люблю однихъ дѣвицъ.
Почтожъ? на небесахъ иныхъ не будетъ лицъ.
Коль изъ Содомскаго ты города исходишь,
Блаженъ, когда очей обратно не возводишь.
Ты старую жену коль можешь такъ любить,
Какъ дѣву юную, блаженнымъ можешь быть.
Блюдися юноша отъ женъ и отъ вина:

Ахъ, не одна душа отъ нихъ погублена.
Что нужно для тебя, то все въ тебѣ лежитъ,
Коль ты не дѣйствуешь, все то въ тебѣ и спитъ.
Не можно ничего меня чуднѣй найтить:
Могу я по дѣламъ иль Богъ иль дьяволъ быть.
Коль Богъ есть огнь, такъ будь костромъ, о сердце, ты,
Въ которомъ древеса сожгутся суеты.
Кто съ Богомъ съединенъ, не гибнетъ сей во вѣки,
Хоть въ смерть низверженъ онъ, хоть въ Тартаровы рѣки.
Здѣсь тако дорогъ часъ, какъ вѣчность для меня,
Здѣсь все еще мое, тамъ нѣтъ къ поправкѣ дня.
Когда любовь нова, мутится какъ вино,
Но чище видится, чѣмъ старѣе оно.
Ничто не шлетъ во адъ такъ наше бытіе
Какъ гнусныя слова—твое или мое.
Ахъ! Для чего, мой другъ, ты міромъ такъ тучнѣешь?
Ты къ лаврамъ, отолстѣвъ, небеснымъ не поспѣешь.
Коль свѣта мудрецы о суетахъ пекутся,
Что дѣлаютъ они? Челомъ о стѣну бьются.
Сначала человѣкъ прелстился отъ жены:
Мы тѣми-жъ прелестьми доднесь окружены.
Гоненіе сносить, за зло не дѣлать злова,
Въ обидахъ не роптать, наука есть Христова.
Въ насъ сердце есть алтарь, а воля жертва есть,
Священникъ въ насъ душа, чтобъ волю въ даръ принесть.
О Дѣва! Убѣлись, зажги свѣтильникъ твой
Иль никогда женихъ не вступитъ въ бракъ съ тобой.
Смиренныхъ самъ Господь не судитъ никогда,
Смиренный былъ судимъ отъ грѣшныхъ завсегда.
Брегися самъ себя; ты первый врагъ себѣ
И паче врагъ, чѣмъ всѣ діаволы тебѣ.
Жестокій человѣкъ погибнетъ средь грѣховъ
За агнцовъ умеръ Богъ, не умеръ за волковъ.
Изъ разныхъ жительствъ домъ у Господа устроенъ.
О еслибъ хоть въ одно былъ я войти достоинъ.
Премудрости искать не должно за морями:
Имѣй любовь ко всѣмъ,—премудрость будетъ съ нами.
Когда украсишь ты такъ душу, какъ царицу,
Тогда со Божествомъ сольешься въ единицу.
При соблазнахъ мирскихъ, когда ты недвижимъ,
Чиста любовь твоя, со духомъ Богъ твоимъ.
Зараза зависть есть для братскія любви
Тьму сѣетъ во умахъ, отраву—во крови.
Свобода насъ губитъ, свобода избавляетъ,
Свобода вяжетъ насъ, свобода и вѣнчаетъ.
Работа какова, такая и награда—

За доброе вѣнецъ, за злое—терны ада.
Погибъ тотъ стражъ, уснетъ который на часахъ,
Погибла и душа, отвергнувъ Божій страхъ.
Безумствуемъ мы всѣ; мы вѣчности хоть вѣримъ,
Но наши всѣ дѣла по временности мѣримъ.
Когда бы отъ себя ты, гордой, отдѣлился,
Чтобъ видѣлъ ты въ себѣ? Тебѣ-бы скотъ явился!
Подобна Библія есть солнечнымъ лучамъ:
Безъ Божьей помощи вредитъ она очамъ.
О Лотовой женѣ, о грѣшникъ, вспомяни:
Изъ міра вышедъ, обратно не взгляни.
За деньги Божій даръ не можно покупать,
Тѣмъ горе, станетъ кто закономъ торговать,
Не прячь таланта ты, которымъ одаренъ—
Иль вѣрой на пескѣ ты весь сооруженъ.
Чью душу ангелы въ Сіонѣ веселятъ,
Не тужитъ тотъ, когда—распни, распни! кричатъ.
Безумствуемъ мы всѣ; мы вѣчности хоть вѣримъ,
Но наши всѣ дѣла по временности мѣримъ.
Ты съ Богомъ не дѣлись—раздѣлу пѣтъ причины:
Все сердце проситъ Богъ, не проситъ половины.

Послѣднее произведеніе по своему содержанію и значенію далеко оставляетъ за собою всѣ предъидущія, вмѣстѣ взятыя.

Заканчивая обозрѣніе научно-литературной дѣятельности въ г. Харьковѣ въ XVIII в., мы въ заключеніе должны замѣтить, что важнымъ тормазомъ для развитія ея оказывалось отсутствіе въ немъ долгое время *типографіи*. До послѣдняго времени полагали даже, что первая Харьковская типографія возникла только въ началѣ XIX ст. и что это была именно университетская типографія. Но въ дѣйствительности оказывается, что въ Харьковѣ были напечатаны нѣкоторыя книги уже въ концѣ XVIII в. и, слѣдовательно, тогда уже въ немъ существовала типографія.

У Геннади мы находимъ указаніе на 2 календаря, напечатанные въ Харьковѣ въ самомъ концѣ XVIII вѣка—1) *Мѣсяцесловъ на лѣто господне 1797*, которое есть простое, содержащее въ себѣ 365 дней, *переведенный съ польскаю*, соч. въ Бердичевѣ по градусу сѣв. шир. 50, котораго климатъ сходенъ съ мѣстами Кіевской, Подольской, Волынской и Слободскоукраинской губ., дополненный при томъ хронологіей и многими любопытными и въ общежитіи потребными примѣчаніями, съ показаніемъ восхожденія и захожденія солнца. Въ Харьк. дух. учил. печат. въ Харьк. 4° 25 и 16 нен. стр.; 2) *Мѣсяцесловъ на лѣто господне 1799*, которое есть простое, содержащее въ себѣ 365 дней, сочин. въ Бердичевѣ, *переводъ съ польскаю яз.*, въ Харьковѣ. Харьк. уч. прот. П. А. П. 4°, XVI и 1 нен. стр. [1]). Авторъ статьи о старинныхъ Харьковскихъ календаряхъ [2]) правильно раскрываетъ намъ иниціалы, помѣщенные во 2-мъ мѣсяцесловѣ: дѣло идетъ здѣсь дѣйствительно о префектѣ Харьковскаго дух. учил., т. е. Коллегіума Андреѣ Прокоповичѣ, который, оказывается, былъ переводчикомъ 2-го, а также, нужно думать, и 1-го мѣсяцеслова. Но онъ ошибается говоря: „очевидно, что при коллегіумѣ еще раньше открытія

[1]) Справочный словарь, II, стр. 365 со ссылкою на Имп. Публ. Б—ку, гдѣ хранятся эти книги.
[2]) Харьк. кал. на 1886 годъ, стр. 144—145.

университета существовала своя типографія" [1]). На существованіе при коллегіумѣ типографіи нѣтъ никакихъ указаній; былъ только проэктъ открытія при коллегіумѣ типографіи, но онъ не былъ приведенъ въ исполненіе ни въ XVIII, въ XIX вв. Извѣстный намъ Горленскій въ 1769 г. предлагалъ Е. А. Щербинину учредить для прибавочныхъ классовъ коллегіума, типографію, которую имѣлъ въ виду и проектъ объ учрежденіи этихъ классовъ 1767 года. Предполагалось, что каждый оканчивающій классы переведетъ съ иностраннаго языка какую либо книгу или самъ сочинитъ что либо на немъ—и тогда эти рукописи будутъ напечатаны, а вырученныя деньги послужатъ фондомъ для заведенія типографіи, которая здѣсь весьма необходима [2]). Щербининъ писалъ о заведеніи типографіи еп. Самуилу Мисловскому; „Сколь необходима типографія для всякаго публичнаго училища и какая изъ нея и всему обществу польза, о томъ Вашему преосвященству болѣе нежели мнѣ, извѣстно". Далѣе, сообщивъ о внесеніи предложенія объ этомъ въ правительствующій сенатъ, Щербининъ продолжалъ: ученики уже начали дѣлать переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій и если ихъ поощрить изданіемъ въ свѣтъ этихъ трудовъ съ обычнымъ вознагражденіемъ, то здѣшняя библіотека скоро получила бы значительное приращеніе, а общество большую пользу. Въ заключеніе Щербининъ замѣчаетъ, что у него въ канцеляріи найдутся для этого средства, и предлагаетъ архіерею сообща возобновить въ сенатъ его представленіе. Самуилъ Мисловскій вполнѣ раздѣлялъ мысль губернатора о пользѣ типографіи, но прибавлялъ, что онъ объ этомъ долженъ сдѣлать самостоятельное представленіе въ Святѣйшій Синодъ. Сообщивъ текстъ этого письма, проф. А. С. Лебедевъ прибавляетъ: не видно, чтобы въ это уже время учреждена была въ Харьковѣ типографія, а силы, на которыя разсчитывали губернаторъ съ преосвященнымъ по части переводныхъ работъ, повидимому дѣйствительно могли бы найтись въ коллегіумѣ: иностранные языки изучались здѣсь съ неослабною ревностію и несомнѣннымъ успѣхомъ [3]).

Тѣ два календаря, о которыхъ мы сообщили выше, и были переведены съ польскаго языка въ Харьковскомъ коллегіумѣ или лично префектомъ его А. Прокоповичемъ, или, быть можетъ, питомцами коллегіума подъ его редакціей. Но напечатаны они были не въ коллегіумской типографіи, которая не осуществилась, а, по всей вѣроятности, въ типографіи, учрежденной губернскимъ начальствомъ при одномъ изъ его учрежденій—приказѣ общественнаго призрѣнія: это видно изъ обозначеній на первыхъ страницахъ печатавшихся тамъ изданій. Въ это типографіи напечатана была между прочимъ въ 1795 году и ода кн. А. М. Голицыну сиротъ Харьковскаго Коллегіума [4]).

---

[1]) Ibidem, стр. 145

[2]) Арх. Харьк. губ. правл. Связка о классахъ 1769 г. Приложеніе къ 12 главѣ.

[3]) Харьк. Кол., стр. 11—12.

[4]) На обложкѣ брошюры прямо напечатано: „въ типографіи Харьковскаго приказа общественнаго призрѣнія" (Б-ка Харьковской Дух. Сем).

Глава 15-я.

Искусство.

Въ исторіи Харьковскаго искусства XVIII в. еще ярче, чѣмъ въ другихъ сторонахъ мѣстной жизни, нами разсмотрѣнныхъ, отразились два періода исторіи самого города—козацко-малороссійскій и обще русскій. Въ козацкій періодъ здѣсь и въ области искусства дѣйствовала повидимому та стихія, корни которой лежали въ юго-западной образованности, вынесенной первыми переселенцами вмѣстѣ со школой и братствами изъ Заднѣпровья. Поддержку же себѣ она нашла въ Коллегіумѣ, представлявшемъ изъ себя въ миньятюрѣ Кіевскую Духовную Академію. Такъ точно и новый чисто русскій театръ, появившійся въ Харьковѣ во 2-ю половину XVIII вѣка, послѣ превращенія Харькова въ центръ намѣстничества, нашелъ поддержку въ школѣ новаго типа, обязанной своимъ происхожденіемъ новому строю жизни—казенному училищу. Это послѣднее доставляло музыкантовъ для театральнаго оркестра и актеровъ любителей изъ бывшихъ питомцевъ его, теперь занимавшихъ разныя должности въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Да и вообще, при устройствѣ постояннаго театра, ему могли принести пользу извѣстные намъ „Классы“ и по архитектурной, и по художественной части. Театръ требовалъ музыки и живописи; та и другая получили прочное развитіе въ Харьковѣ благодаря казенному училищу. Новыя учрежденія вызывали и новыя потребности: въ 1780 году при открытіи харьковскаго намѣстничества, понадобилось сдѣлать портреты для новыхъ присутственныхъ мѣстъ—и они были заказаны крѣпостному художнику московскаго помѣщика майора Мих. Желябужскаго Ивану Половцову. Сохранилось обязательство Ив. Половцова, скрѣпленное собственноручной его подписью (отмѣтимъ кстати, что почеркъ Половцова—твердый, увѣренный и свободный—свидѣтельствуетъ о достаточной его грамотности). За каждый портретъ,—а ихъ должно было быть отъ 12 до 16—онъ согласился взять по 10 руб. Это образчикъ тогдашнихъ цѣнъ [1]). Къ сожалѣнію мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, давались ли въ Харьковѣ вертепныя драмы и школьныя мистеріи, жарты и т. п. произведенія юго-западной образованности, хотя въ пользу такого предположенія можно привести нѣкоторыя косвенныя данныя, да и по существу оно является весьма правдоподобнымъ, ибо складъ жизни въ Слободской Украинѣ мало чѣмъ отличался отъ склада жизни въ Малороссіи, гдѣ все это процвѣтало въ обществѣ и школѣ. Харьковскій Коллегіумъ представлялъ изъ себя такую же славяногреколатинскую школу, какою была и Кіевская Духовная Академія, въ которой сочинялись и разыгрывались разныя трагедокомедіи. Бывшій учителемъ въ Коллегіумѣ Г. С. Сковорода, получившій образованіе въ Кіевской Духовной Академіи, видѣвшій тамъ эти представленія, любившій музыку и пѣніе, самъ пѣвшій и игравшій, написалъ трагедо-комедію (въ силлабическихъ стихахъ), которая, къ сожалѣнію, до насъ не дошла, хотя можетъ еще современемъ отыскаться, такъ какъ ее прислалъ покойному біографу украинскаго философа Гр. Петр. Данилевскому въ свое время извѣстный архіеп. Иннокентій (Борисовъ). Другіе учи-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Прав. Дѣла каз. палаты Харьк нам.

теля Коллегіума также были питомцами Академіи и, слѣдовательно, любителями комедійныхъ дѣйствъ. Въ Бѣлгородской семинаріи ученики писали комедіи и, конечно, изображали ихъ на сценѣ. Въ 1815 году въ Харьковѣ, въ университетской типографіи, былъ напечатанъ Преосв. Ѳеоктистомъ (Мочульскимъ) цѣлый сборничекъ литературныхъ упражненій учениковъ Бѣлгородской семинаріи, гдѣ были помѣщены рѣчи, разговоры и священныя комедіи, подъ заглавіемъ „Майская рекреація“.

Духовный регламентъ требовалъ подобныхъ упражненій отъ духовныхъ школъ вообще; [1]) слѣдовательно, объ этомъ долженъ былъ заботиться и Харьковскій Коллегіумъ. Питомцы его, подобно ученикамъ Кіевской академіи, ходили по домамъ и распѣвали канты и псалмы, т. е. духовные стихи. Василій Снѣсаревъ, по словамъ Преосв. Филарета, поступая въ Коллегіумъ, едвали не прежде всего выучилъ канту того времени: „радуйся россійскій орле двоеглавый, ты бо еси во всемъ мірѣ славный“! Сынъ звонаря поневолѣ долженъ былъ твердо знать эту канту; ею оглашалъ онъ окна жителей Харькова, чтобы выпросить пищи дневной, нѣсколько полѣнъ дровъ и въ праздничные дни вожделеннаго пирога [2])....

При открытіи Харьковскаго Коллегіума въ 1726 году аудиторъ риторики Илья Филипповичъ говорилъ привѣтственное и похвальное слово его основателю Преосв. Епифанію (Тихорскому), рукопись его украшена лицевыми изображеніями епископа; стихотворная часть его совершенно напоминаетъ кантъ—быть можетъ, ее и дѣйствительно пѣли; въ ней имѣется стихъ, близкій къ тому, который пѣлъ В. Снѣсаревъ, а именно:

„Восплещи нынѣ крили, орле двоеглавній,
Превозноси свой скипетръ высокодержавній“ [3]).

Были, по всей вѣроятности, въ Харьковѣ и „жарты“ скомороховъ. Можетъ быть, ихъ именно имѣлъ въ виду К. П. Щелковъ [4]), сообщая со словъ какого то старожила, что въ день открытія намѣстничества на валу, гдѣ теперь находится Университетская Горка, были народное гулянье съ фейерверкомъ и иллюминаціей и театральныя представленія. Извѣстно, что „жарты“ носили такой же общедоступный характеръ и устраивались, подобно нашимъ народнымъ праздничнымъ гуляньямъ, въ балаганахъ.

Начало же Харьковскаго общественнаго театра относится къ концу XVIII в. Свѣдѣнія о немъ сохранилъ Гр. Ѳед. Квитка-Основьяненко въ спеціальной статьѣ, посвященной исторіи театра въ Харьковѣ въ XVIII и первыхъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка. О театрѣ 90-хъ годовъ XVIII в. Григорій Ѳедоровичъ могъ писать по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, потому что въ это время ему было уже 13—18 лѣтъ и онъ числился на службѣ, которая не требовала отъ него никакихъ занятій—„состоялъ не у дѣлъ при департаментѣ Герольдіи“, проживая въ Харьковѣ и не побывавъ ни разу въ Петербургѣ [5]). Если принять во вниманіе его любовь, можно сказать, страсть къ театру, благодаря которой онъ впослѣдствіи даже попалъ въ директоры театра и былъ самъ актеромъ, то сдѣлается понятнымъ его интересъ къ Харьковской сценѣ, въ моментъ ея зарожденія, когда ею увлекались, какъ новинкою, всѣ; наконецъ, въ пользу того, что мы здѣсь имѣемъ дѣло со свидѣтельствомъ очевидца, говоритъ его собственное признаніе, живость, ясность, точность, подробность разсказа. Статья Г. Ѳ. Квитки [6]) является первоисточникомъ и потому мы и положимъ ее въ основу своего разсказа, дополняя ее

[1]) Южный Край 1893 г. № 4460.

[2]) Филаретъ Ист. Стат. Опис. Харьк. еп. II, 214—215.

[3]) А. С. Лебедева. Харьк. кол., прилож., стр. 36.

[4]) Историческая хронологія Харьк. губ., стр. 132.

[5]) Г. П. Данилевскаго. Украинская Старина. X. 1866, стр. 178.

[6]) Первоначально въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841 г. и „Литер. Газ.“, нынѣ въ 4-мъ томѣ его сочиненій. X. 1890.

нѣкоторыми другими данными и коментаріями Н.-И. Черняева, который посвятилъ исторіи Харьковскаго театра цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ спеціальныхъ изслѣдованій [1]).

„Видя со свойственнымъ каждому жителю Харькова удовольствіемъ отстраивающійся у насъ обширный и красивый театръ, подумалъ я, что свѣдѣнія объ учрежденіи въ разныя времена здѣсь театра будутъ сколько нибудь занимательны, почему и рѣшился написать о немъ все, что знаю по наслышкѣ, что видѣлъ подростая и что узналъ по опыту, живши всегда въ Харьковѣ. Съ открытія намѣстничества въ 1780 году, когда въ Харьковѣ изъ переселившихся по службѣ дворянъ и изъ разныхъ мѣстъ прибывшихъ чиновниковъ для занятія по новому учрежденію должностей составилось общество, между прочими заведеніями для веселости и разсѣянія устроенъ былъ и театръ. Кто были актеры, изъ какого званія, какія пьесы были даваемы, къ свѣдѣнію моему не дошло, а слышалъ, что давались и балеты, устроенные отставнымъ С.-Петербургскаго театра дансеромъ Иваницкимъ. Полагаю, что эти балеты были просто дивертисменты; но слышалъ, что труппа состояла изъ двадцати лицъ, все изъ харьковцевъ. Конечно, были между ними и женщины, потому что вспоминавшіе объ этомъ веселомъ для Харькова времени съ восхищеніемъ разсказывали объ одной изъ танцовщицъ—„маляривнѣ“ (дочери маляра), плѣнявшей всѣхъ посѣтителей ловкостью и легкостью въ танцахъ, а еще болѣе привлекательной наружностью. Гдѣ, въ какомъ домѣ и какъ устроена была сцена, не знаю, какъ равно, зачѣмъ, когда и почему все это разстроилось: все это было не на моей памяти. Подростая и бывая иногда въ обществѣ, слышалъ ото всѣхъ сожалѣніе, что нѣтъ у насъ театра. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ чиновниковъ придумывали, какъ бы пособить горю, приступали, устраивали по временамъ спектакли, но все это послѣ перваго представленія и разрушалось. Не было мѣста, гдѣ бы можно было хотя кое-какъ устроить сцену и собрать актеровъ, сколько нибудь понимающихъ дѣло“.

Въ 1789 году, продолжаетъ далѣе Г. Ѳ. Квитка, назначенъ былъ въ Харьковѣ губернаторомъ или какъ тогда называли, правителемъ губерніи, бригадиръ Ѳедоръ Ивановичъ Кишенскій, до того служившій въ штатѣ свѣтлѣйшаго Потемкина, генералъ-губернатора Харьковскаго. Съ пріѣздомъ новаго начальника, у насъ все одушевилось. Къ умноженію увеселенія, губернаторъ предложилъ основать театръ, всѣ приступили съ усердіемъ и тутъ же для первоначальнаго заведенія внесена значительная сумма—именно сто рублей!... И этой суммы весьма достаточно было... и не прошелъ мѣсяцъ, какъ театръ огромный для Харькова, съ ложами и другими принадлежностями былъ открытъ... Вотъ какъ это было. По случаю проѣзда Государыни Императрицы Екатерины II въ 1787 году черезъ Харьковъ, къ такъ называвшемуся съ открытія намѣстничества, дворцу, гдѣ теперь помѣщается правленіе университета и квартира попечителя, пристроена была внутри двора временная изъ досокъ, но обширная зала, кругомъ съ хорами въ два яруса, внутри росписанная. Въ этомъ залѣ дворянство, намѣстничество и чиновники удостоены были счастія быть на балѣ, для нихъ Ея Величествомъ данномъ. Послѣ того зала не была ничѣмъ занимаема. Въ ней то и устроили театръ. „Ярославскій въ своихъ воспоминаніяхъ объ этой залѣ говоритъ слѣдующее. „Ко дворцу тогда (во время проѣзда Екатерины II) пристроена была обширная деревянная зала въ два этажа; потолокъ ея поддерживался вокругъ, внутри всей залы столбами, между которыми находились хоры, самая зала соединя-

[1]) Для исторіи Харьковскаго театра въ XVIII в. имѣютъ значеніе слѣдующія его работы: 1) Старинный Харьковскій театръ. (Древняя и Новая Россія, 1881, февраль); 2) Харьковскій театръ до 1780 года (Южный Край 1893, № 4460); 3) Харьковскій театръ съ 1780 до 1796 г. (Южный Край 1893 г. № 4463); 4) Харьковскій иллюстрированный театральный альманахъ. Матеріалы для исторіи Харьковской сцены. Х. 1900. 106 стр. Въ этой послѣдней работѣ помѣщена цѣликомъ статья Г. Ѳ. Квитка съ комментаріями автора 2-я и 3-я статья повторяютъ съ нѣкоторыми дополненіями первую.

лась съ дворцомъ галлерею... Въ 1791 году губернаторъ Кишинскій велѣлъ моему дядѣ (архитектору Ярославскому) устроить въ этой деревянной залѣ театръ, по устроеніи котораго два раза въ недѣлю бывали представленія для увеселенія Харьковской публики [1])".

„Немного потребовалось, продолжаетъ далѣе Г. Ѳ. Квитка, чтобы въ готовомъ залѣ поставить сцену, на ней кулисы—расписать ихъ. Мастеровые взяты были изъ губернской роты, приказано имъ—и они все сработали: все это смастерилъ губернскій механикъ Лука Семеновичъ Захаржевскій. Онъ росписалъ двѣ декораціи—комнату и лѣсъ, и на мѣста поставилъ, занавѣсъ умудрился такъ устроить, что онъ поднимался и даже свободно опускался: надъ плошками прехитро придумалъ навѣсить доску которая дѣлала на сценѣ въ случаѣ надобности ночь. Едва ли кто изъ харьковцевъ помнитъ его; онъ имѣлъ много природныхъ способностей. Онъ готовъ былъ съ услугами каждому. Черепаховое ли колечко выточить, заготовить ли фейерверкъ къ семейному празднику, починить ли вѣеръ, устроить ли китайскія тѣни, онъ на все мастакъ. Онъ сдѣлалъ даже какъ то лодку на колесахъ и ѣздилъ въ ней по нашимъ рѣчкамъ. При открытіи намѣстничества его наименовали губернскимъ механикомъ. Сей то великій искусникъ на маленькія дѣла устроилъ театральную сцену, по тогдашнему времени довольно порядочную. Затѣмъ затѣялъ сдѣлать машину, чтобы по свистку перемѣнялись декораціи, но сколько ни мудрилъ, сколько ни дѣлалъ приступовъ къ тому, не доказалъ своего искусства и отложилъ затѣю въ сторону. Сцена готова. Между тѣмъ и репертуарная часть устроилась быстро. По убѣжденію губернатора, молодые люди, служившіе въ канцеляріяхъ, въ чертежной, не окончившіе еще курса наукъ въ тогдашнихъ училищахъ, объявили желаніе играть на театрѣ безъ всякаго вознагражденія, а единственно для удовольствія публики. А какъ не нашлось охотницъ вступить въ актрисы, то изъ нихъ же способные занимали женскія роли: „Боже меня сохрани быть актершею"! говорила каждая дама, которой по обстоятельствамъ и предполагаемой способности предлагали вступить на театръ. „Съ нуждою буду вырабатывать кусокъ хлѣба, а на безславіе не пойду". И вотъ театръ готовъ къ открытію. Двѣнадцать ложъ были абонированы первыми чиновниками по 50 руб. на цѣлый годъ. Въ каждой ложѣ могло свободно помѣститься до 20 особъ. Цѣна установлена за входъ: кресла 1 рубль (годовые 25 руб.), партеръ 60 коп., галлерея 25 коп. мѣдью". Входная плата эта отнюдь не можетъ быть признана для своего времени дешевой: она относительно была выше нынѣшней. „Тогда существовало училище подъ непосредственнымъ распоряженіемъ губернатора, не имѣвшее другого наименованія, какъ только классы (при образованіи училищъ, оно переименовано въ гимназію безъ всякой прибавки въ предметахъ). При классахъ изъ воспитанниковъ былъ полный оркестръ музыки и хоръ пѣвчихъ, все подъ управленіемъ знающаго дѣло учителя Максима Прохоровича Концевича. Духовные концерты и другія пьесы, имъ сочиненныя, славились въ свое время и далѣе Харькова. Классическій оркестръ, по приказанію губернатора, обязанъ былъ играть въ каждомъ представленіи безвозмездно [2]). Дни представленія были вторникъ и пятница, если не случался въ этотъ день праздникъ. Въ праздничные и воскресные дни представленія закрывались. Зимою и лѣтомъ представленія начинались неотложно въ шесть часовъ вечера. Директоромъ театра былъ избранъ одинъ изъ чиновниковъ только на одинъ годъ. Типографіи не было и писанная афиша, прибитая къ фонарному столбу у воротъ дворца, извѣщала любопытствующихъ, какая пьеса въ тотъ день будетъ представлена. Въ продолженіе Успенской ярмарки театръ открытъ комедіею Княжнина: „Безъ обѣду домой ѣду". Зрители наполнили весь обшир-

[1]) Харьков. Сбор. на 1887 годъ, стр. 31—32.

[2]) Послѣднее извѣстіе повидимому не совсѣмъ точно: музыканты изъ учащихся получали если не опредѣленное жалованье, то денежныя награды: всякій разъ платили музыкантамъ, какъ объ этомъ сообщаетъ Ярославскій (см. выше).

ный театръ и рукоплесканіямъ не было конца. Кромѣ абонемента первый спектакль принесъ 120 руб. Собранная сумма съ небольшимъ остаткомъ отъ первовзнесенныхъ ста рублей и поступившая за абонементъ составили театральный капиталъ и любители этого увеселенія съ удовольствіемъ замѣтили, что театръ въ Харьковѣ уже могъ существовать самъ по себѣ. Вслѣдъ затѣмъ представленія пошли постоянно. Въ первые дни послѣ открытія театра явился къ директору „настоящій актеръ“. Не распрашивали, кто онъ такой и откуда, довольно, что актеръ, вызвавшійся поставить нѣсколько превосходныхъ комедій и даже оперъ. Его приняли съ радостію, не заботясь знать о немъ ничего болѣе, какъ то, что онъ „Дмитрій Москвичевъ“. Для перваго дебюта его представлена была пьеса—„Князь трубочистъ, трубочистъ князь“ (переводъ съ итальянскаго Дмитревскаго, музыка Портогалли), за неимѣніемъ партитуры передѣланная въ комедію. Началось представленіе. Москвичевъ въ видѣ трубочиста выпадаетъ изъ камина на сцену, упалъ, приподнялся.... и остолбенѣлъ!... Не можетъ выговорить слова.... готовъ бѣжать со сцены.... отъ чего же? Проѣзжавшій губернаторъ Орловскаго намѣстничества былъ приглашенъ въ театръ и сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ. Актеръ Москвичевъ былъ въ Орловской губернской ротѣ сержантомъ и въ нѣкоторые именитые дни, составя изъ любителей какую либо пьеску, потѣшалъ тамошнюю публику. По этому губернаторъ зналъ его лично, а Москвичевъ еще болѣе зналъ губернатора. Услышавъ, что въ Харьковѣ устраивается театръ и почувствовавъ въ себѣ призваніе, Москвичевъ тайно оставилъ знамена Орловскаго губернскаго Марса и предложилъ услуги свои Харьковской Таліи. И такъ, замѣтивъ своего губернатора, онъ постигнулъ слѣдствія за самовольную перемѣну службы, потерялся совсѣмъ и едва не убѣжалъ со сцены, но начальникъ его, сжалясь надъ нимъ и чтобы не лишить публики удовольствія, закричалъ ему: „не робѣй, Дмитрій, не робѣй!... Продолжай, не бойся ничего!“ И Дмитрій оправился и кончилъ пьесу ко всеобщему удовольствію. Въ тотъ же вечеръ оба губернатора кончили на бумагахъ, что сержантъ Дмитрій Москвичевъ переведенъ изъ Орловской губернской роты въ таковую же Харьковскую. Москвичевъ ожилъ и приступилъ къ постановкѣ уже настоящей оперы: „Мельникъ“. Актеры пѣли по слуху, т. е. за скрипкою дирижера, а для Анюты былъ выбранъ мальчикъ изъ классной пѣвческой. Механикъ устроилъ мельницу съ вертящимся колесомъ, лошадь съ движущимися ногами, было чего посмотрѣть! Но когда въ продолженіе представленія изъ за зеленой горы выдвинутъ былъ большой красный шаръ и дѣйствующія лица сказали, что это „мѣсяцъ взошелъ“, тутъ рукоплесканія потрясли воздухъ!... Вотъ какія вольности терпимы были на сценѣ! Москвичевъ, представляя мельника, а въ этой роли онъ точно былъ отличенъ, запѣлъ:

„Я вамъ, дѣтушки, помога,
У Сабурова денегъ многа“.

(Сабуровъ былъ одинъ изъ первыхъ чиновниковъ, славился богатствомъ). Рукоплесканія раздались.... Сабуровъ захохоталъ... и болѣе ничего. Москвичевъ, чтобы поправить свою неудачу, въ другой разъ запѣлъ:

„Я вамъ, дѣтушки, помога,
У Карпова денегъ многа“.

Карповъ (богатый купецъ) покраснѣлъ, утерся....и болѣе ничего. Рукоплесканія подтверждали, что актеръ пѣлъ правду. Москвичеву надо было добиться до своего и онъ запѣлъ:

„Я вамъ, дѣтушки, помога
У Макухина денегъ многа“.

(Макухинъ купецъ, если не богатый, то тароватый). Вслѣдъ за этой остротой полетѣлъ на сцену кошелекъ съ рублевиками, и мельникъ поднялъ его, манерно выступилъ, сдѣлалъ три

поклона съ должнымъ шарканьемъ ногъ....и ободренный успѣхомъ снова вступилъ въ роль. Никто не винилъ актера, всѣ смѣялись находчивости его.... Часто бывали и потомъ подобныя сцены и также проходили безъ взысканія....но до времени. Представленія продожались постоянно. Комедіи даваемы были большею частію Сумарокова: „Вздорщица“ славилась за остроты. Гардеробъ былъ изъ стамеди и мишуры. Костюмъ „скупаго“ (комедія Сумарокова) былъ какой то необыкновенно курьезный. Комедія Веревкина „Такъ и должно“ дана съ приготовленіями; къ „Недорослю“ же приступили съ большимъ обдумываніемъ и соображеніями. Едва ли не цѣлый мѣсяцъ продолжались репетиціи. Изъ оперъ были: „Мельникъ“, нѣсколькими представленіями сряду умножившій значительно театральную кассу, потомъ „Два охотника“ и „Говорящая картина“. Оперы же „Добрые солдаты“ и Сбитенщикъ“ какъ требовавшія большихъ приготовленій, поставлены на другой годъ существованія театра. Все это было въ сущности не настоящія оперы, а полуоперы. Во всѣхъ этихъ операхъ, говоритъ Н. И. Черняевъ, музыкальные номера чередовались съ діалогами и монологами, которые произносились безъ музыки, какъ въ драмахъ и комедіяхъ. Короче сказать demie оперы были тѣмъ, что назвали бы теперь операми или водевилями (прибавимъ отъ себя—съ пѣніемъ). „Когда дѣлалъ выписной живописецъ, читаемъ мы далѣе у Г. Ѳ. Квитки, декорацію улицы, то знатоки съѣзжались въ свободные отъ представленія вечера въ театръ, освѣщали его, судили картину, дѣлали свои замѣчанія, требовали поправокъ и, наконецъ, одобряли; приготовленіе новой пьесы, хотя бы и не оперы, а обыкновенной комедіи, было извѣстно заблаговременно и ее давали въ обреченные дни; въ прочее же время продовольствовались прежними уже наизусть всѣмъ намъ извѣстными.

Проходило время, а все еще не было ни одной актрисы на нашемъ театрѣ, какъ вотъ актеръ Москвичевъ женился на дочери одного изъ цыганъ, постоянно живущихъ въ Харьковѣ. Лизавета Гавриловна была хорошенькая, молода, ловка, нравилась видѣвшимъ ее. Скоро послѣ женитьбы Москвичева объявлено было, что жена его будетъ играть Анюту въ оперѣ „Мельникъ“... Нѣсколько дней передъ такимъ необыкновеннымъ событіемъ только и рѣчи было, что наконецъ явится на сценѣ „настоящая актриса“, т. е. не мужчина въ женскомъ платьѣ, а именно женщина. А кто знавалъ „Лизку“, тотъ предугадывалъ, что должно ожидать отъ появленія ея на сценѣ. Въ вечеръ представленія театръ ломился отъ множества зрителей... Но вышла Анюта, О Аполлонъ, Чего тутъ не было! Единственная женщина на сценѣ, и женщина молодая, съ черными, живыми глазами, ловко играющая, очень мило, прелестно поющая, быстрымъ взоромъ озирающая сидящихъ въ креслахъ.... все было въ изступленіи. Рукоплесканія, фора (замѣнявшее теперешнее bis до 40-хъ годовъ XVIII в.), кошельки съ червонцами и рублевками летѣли на сцену, то справа, то слѣва... Тогда еще не были извѣстны вызовы, такъ много льстящіе нынѣшнимъ актерамъ и актрисамъ (вызовы актеровъ стали входить въ обычай въ Петербургѣ въ началѣ царствованія Имп. Александра I, а въ провинціи, вѣроятно, нѣсколько позже). Оперный репертуаръ умножился. Тутъ то явились оперы: „Добрые солдаты“, „Сбитенщикъ“, „Несчастіе отъ кареты“, „Скупой“, „Розана и Любимъ“, „Любовная ссора“, „Аркасъ и Ириса“ и пр. Все это по большей части были сочиненія русскихъ писателей (напр. Княжнина) и съ музыкой, написанной русскими же композиторами. Во всѣхъ операхъ и всегда отличалась „Лизка“. Понабралось и актеровъ и актрисъ, кто съ борка, кто съ сосенки“. Представленія пошли чаще. Пріѣзжавшіе изъ столицы увѣряли, что и тамъ въ праздничные и воскресные дни даютъ представленія. Вотъ и у насъ начались они въ эти дни... Молва о харьковскомъ театрѣ шла далеко. Порядокъ, устройство были отличные, доходы очень хороши, и какъ издержки были весьма не важны, то и капиталъ театра значительно умножился. Не для чего было издерживать денегъ: пьесы тогдашняго времени были не затѣйливы, изъ дѣйствующихъ на сценѣ (лицъ) были на жалованьи только два военные актера и три актрисы.

Первыя лица отъ нихъ получали по 70 р. ас. въ годъ, а прочія 50, 30 рублей. Бенефисовъ не было. Музыка и вся прислуга по театру была даровая изъ присяжныхъ казенной палаты и сторожей другихъ судовъ. Гардеробъ шелъ прежній съ небольшими поправками и добавками, изъ китайки, стамеди и мишуры, и то при новой пьесѣ, которыя, какъ сказано, являлись рѣдко.

По распространившимся слухамъ, прибылъ въ Харьковъ отставной придворный актеръ Константиновъ [1]) и, на предложеніе его принять театръ на собственное содержаніе, публика согласилась. Къ имѣвшимся уже при театрѣ носящимъ названіе актеровъ и актрисъ онъ добавилъ еще привезенныхъ съ собою. Труппа была небольшая—шесть актеровъ и три актрисы только, но они были сгармонированы какъ нельзя лучше; сцену начали застилать сукномъ. Актеры выступали въ пышныхъ французскихъ кафтанахъ, вышитыхъ золотомъ, блестками, каменьями; заблистали пуговицы, пряжки.... что за роскошь! Декораціи не только поновлены, но написаны новыя: улицы съ огромными строеніями, которымъ и конца не было видно; лѣсъ, точно живой, непроходимый лѣсъ; комната съ колонами, карнизами и пышными зеркалами, другая поскромнѣе, но маленькая. И какъ изумлены были зрители, когда въ одной пьесѣ, по содержанію дѣйствующее лицо вдругъ провалилось подъ полъ, якобы земля пожрала его!... Вотъ штука!... Три дня занимала всѣхъ такая невидальщина! Пьесы прежнія были замѣнены вновь вышедшими: „Тщеславный“, „Счастливый волокита“, „Честное слово“, „Наника“ (Вольтера), „Менехмы или близнецы“, „Братомъ, проданная сестра“, „Хвастунъ“ и другими. Оперы игрались всѣ тогдашняго времени и, наконецъ—nec plus ultra трагедія, послѣ которой Константиновъ, игравшій первую роль, бывалъ боленъ дня по три (Беверлей—это переводъ Дмитревскаго французской передѣлки Мура „Игрокъ“; остальныя пьесы—тоже переводы, одна Нанина-Вольтера, Хвастунъ—комедія въ стихахъ Княжнина). Примадонна Лизка получала уже 300 рублей и бенефисъ; прочіе отъ 250 до 75 р. въ годъ: бенефисовъ имъ не было. Абонементъ на мѣста возвышенъ: ложа 120 и 100 рублей и все по прежнему на годъ. Абонирующіе должны были сами отдѣлывать ложи: разныхъ цвѣтовъ бархатъ, атласъ съ блестящими украшеніями дѣлали въ залѣ, хотя при сильно тусклomъ освѣщеніи, отличный видъ. Для прочихъ мѣстъ цѣны были также высокія: кресла 2 р. 50 к. (годовыя 50 р.); стулья за креслами 1 р. 50 к., партеръ 1 р., галлерея 50 к. Для абонемента положены были представленія по воскресеньямъ и четвергамъ. Въ прочіе дни, не исключая и субботы, въ случаѣ ярмарокъ и съѣзда дворянства, играли не въ счетъ абонемента и тогда давались новыя или изъ прежнихъ отличныя пьесы. Несмотря на возвышеніе цѣнъ и на безпрестанное повтореніе однихъ и тѣхъ же пьесъ (особливо „Нанины“, „Честнаго Слова“ и нѣкоторыхъ оперъ) театръ, кромѣ лицъ, выходившихъ отъ губернатора, наполнялся посѣтителями очень усердно. Зная каждую пьесу наизусть, они повторяли слова за дѣйствующими лицами и съ постояннымъ жаромъ рукоплескали при любимыхъ ими выраженіяхъ. Константиновъ былъ принятъ въ обществѣ и отъ доходовъ театра, за удовлетвореніемъ уже значительныхъ расходовъ по немъ, жилъ очень изрядно. Не было надобности съ труппою скитаться по другимъ гордамъ и ярмаркамъ, зашибать копѣйку, какъ дѣлаютъ въ иныхъ мѣстахъ содержатели театровъ.

Государственный трауръ (т. е. смерть Екатерины II, скончавшейся 6 ноября 1796 года) прекратила существованіе нашего театра. Театральную залу по какимъ-то расчетамъ новое мѣстное начальство придумало сломать, декораціи, гардеробъ и все, принадлежащее къ театру, продано съ аукціона. Константиновъ и труппа его разъѣхались въ разныя стороны. Чиновни-

[1]) См. о немъ до перехода въ Харьковъ въ ст. Н. И. Черняева „Харьковск. театръ съ 1780 до 1796 года“ (Южный Край 1893 г. № 4463).

ковъ въ губернскомъ городѣ уменьшилось до одной трети; начальники губерніи смѣнялись часто; потребовалась дѣятельность по службѣ, занялись серьезно, некогда было думать о разсѣяніяхъ [1]).

Къ превосходному, обстоятельному мемуару Г. Ѳ. Квитки едва ли что можно прибавлять: онъ вѣрно, точно и картинно рисуетъ намъ Харьковскій театръ XVIII в. съ его помѣщеніемъ, актерами, антрепренерами, публикой, репертуаромъ, финансовой стороною дѣла и бытовыми подробностями. Театръ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ губернатору Кишенскому, который представлялъ изъ себя типъ добродушнаго, патріархальнаго хозяина города, хлѣбосола, заботившагося о насажденіи новаго вида развлеченій, до которыхъ онъ самъ былъ повидимому большой охотникъ. Прекращеніе театральныхъ представленій въ Харьковѣ нужно поставить, кажется, въ связь не только съ перемѣною губернатора, но и съ измѣненіемъ общаго режима въ государствѣ, съ воцареніемъ Императора Павла Петровича: въ это суровое царствованіе чиновникамъ было не до театра; весь городъ въ это время покрылся заставами, шлаугбаумами, будками, гаубгтвахтами, ордонансгаузами и имѣлъ вполнѣ казарменный видъ. Въ это время одинъ петербургскій чиновникъ, уроженецъ Харькова, Цебриковъ уже отзывался съ невыгодной стороны о Кишенскомъ именно за то, что онъ „завелъ въ Харьковѣ маскарады, частые балы, разныя увеселенія, слѣдовательно, волокитства, подозрѣнія, ревность, ссоры и раздоры“ [2]).

Г. Ѳ. Квитка далъ намъ яркое описаніе театральнаго дѣла въ Харьковѣ въ XVIII в., но оставилъ безъ оцѣнки тогдашній репертуаръ; не коснулся этого вопроса и новѣйшій историкъ Харьковскаго театра Н. И. Черняевъ. А между тѣмъ вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ для опредѣленія вліянія театра на общество, поэтому мы постараемся выяснить его, конечно, не въ деталяхъ—это завело бы насъ слишкомъ далеко, а въ основѣ. Одинъ изъ современниковъ (Цебриковъ) видѣлъ въ тогдашнемъ Харьковскомъ театрѣ только одно веселое времяпрепровожденіе. Но дѣйствительно ли театръ имѣлъ только такое значеніе? Спектакли въ Харьковскомъ театрѣ открыты были, какъ мы знаемъ, комедіей Княжнина, потомъ давались и другія его пьесы, чаще всего комедіи Сумарокова, ставились пьесы Фонъ Визина, Веревкина, Аблесимова, Вольтера, Реньяра (въ переводѣ Лукина) и др. Оказывается, что всѣ эти авторы были типическими и выдающимися представителями драматической литературы Екатерининской и отчасти предшествующей эпохи.

Во главѣ ихъ стоялъ Сумароковъ—и его комедіи въ первое время давались чаще другихъ; подчеркиваемъ слово „комедіи“, потому, что вообще репертуаръ Харьковскаго театра состоялъ, главнымъ образомъ, почти исключительно изъ комедій и оперъ (употребляемъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно встрѣчается у Квитки). Другимъ любимымъ авторомъ былъ Княжнинъ—писатель Екатерининскаго времени, но опять таки ставились только его комедіи и оперы. Они не блистали оригинальностью сюжетовъ и характеровъ, но интересны въ томъ отношеніи, что заимствованный сюжетъ и фабула въ нихъ приспособлялись къ русской жизни и нравамъ. Въ этомъ, очевидно, кроется и причина ихъ успѣха и широкой популярности. Подъ иностранными именами зрители легко могли открыть русскихъ людей. Сатира, которою проникнуты всѣ эти пьесы, придавала имъ живой интересъ русской современной дѣйствительности. Комедія Княжнина „Неудачный примиритель или безъ обѣду домой ѣду“, которой открылся театръ въ Харьковѣ, изображаетъ намъ картину изъ французской жизни, которую легко было перенести и на русскую почву. Здѣсь выведены супруги помѣщики, которые по простому упрямству вѣчно ссорятся другъ съ другомъ; къ нимъ пріѣзжаетъ въ гости ихъ другъ, пожелавшій ихъ примирить, но дѣло оканчивается тѣмъ, что его самаго они про-

[1]) Д. И. Багалѣя. Украинская старина X. 1896, стр. 220—221. Рукопись Цебрикова въ Импер. публ. библ.
[2]) Ibidem.

гоняютъ изъ дому; въ комедіи еще выведенъ философъ поваръ, который старался угодить и мужу и женѣ, но въ концѣ концовъ заявилъ: „какъ теперь жить на свѣтѣ, не знаю. Когда двѣ власти равносильны, одной угодить—другая бьетъ, обѣимъ угодить—обѣ бьютъ. Живи просто, т. е. дуракомъ—дурно; живи съ политикою моралью и того дурнѣе“ [1]).

Мужъ и жена вѣрны своимъ характерамъ; послѣдняя между прочимъ, признавая себя виноватой передъ мужемъ, который не хочетъ признать ее таковой, говоритъ ему слѣдующую характерную фразу: „Боже мой! Въ кои вѣки случилось мнѣ захотѣть быть виноватой, ты и тутъ упорствуешь [2])! Пріѣхавшій съ другомъ помѣщикомъ ученый грекъ Синекдохосъ, въ дѣйствительности не знающій ничего по гречески, напоминаетъ какого нибудь семинариста, желавшаго пустить пыль въ глаза своею несуществующею ученостью. Въ общемъ комедія должна была очень понравиться публикѣ.

Комедія Княжнина „Хвастунъ“ принадлежитъ къ лучшимъ его пьесамъ. „Главное лицо въ ней хвастунъ Верхолетъ изъ породы тѣхъ вралей и обманщиковъ, которыхъ впослѣдствіи Гоголь такъ превосходно изобразилъ въ типѣ Хлестакова. Ничтожный человѣкъ Верхолетъ выдаетъ себя за графа, хвалится тѣмъ, что ѣздитъ ко двору и находится въ перепискѣ съ разными дворами и королями, обѣщаетъ возвести въ сенаторы всякаго, кого только захочетъ, раздаетъ всѣмъ губернаторства „какъ щепки“, представляетъ себя владѣльцемъ такихъ огромныхъ селъ, которыя больше большихъ городовъ. О такомъ важномъ значеніи Верхолета твердитъ всѣмъ его слуга Полистъ, совершенный невѣжда, не знающій даже грамоты; Полистъ выдаетъ себя за секретаря самозваннаго графа и также хвалится, что и онъ можетъ раздавать „мелкіе чины“. Явленіе и успѣхи такихъ вралей и обманщиковъ совершенно понятны въ томъ обществѣ, которое, при страшномъ невѣжествѣ и лѣни, выше всего на свѣтѣ ставило чины, служившіе для него источникомъ власти и богатства. Полистъ говоритъ:

„Люди всѣ рехнулись на чинахъ
Портные, столяры, всѣ одинаковой вѣры;
Купцы, сапожники, всѣ мѣтятъ въ офицеры;
И кто безъ чина свой проводитъ темный вѣкъ,
Тотъ кажется у насъ совсѣмъ не человѣкъ.
Портной что былъ, теперь стараніемъ Полиста
Желаетъ чинъ достать себѣ протоколиста“.

На обманъ Верхолета попадаетъ его дядя, сельскій дворянинъ, Простодумъ, который пріѣхалъ изъ деревни въ столицу также поискать чиновъ. Онъ узнаетъ отъ Полиста, что племянникъ его Верхолетъ, получивъ графское достоинство, сдѣлался такимъ сильнымъ при дворѣ, что можетъ возвести своего дядю въ сенаторы. Что за личность Простодумъ, это можно видѣть изъ слѣдующихъ его разсужденій. Предлагая Верхолету свои деньги, онъ говоритъ:

„Три тысячи скопилъ я дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми,
Сіятельнѣйшій графъ! пожалуй все возьми,
Я послѣ получу“.

А получить эти деньги онъ надѣялся тогда, когда самъ сдѣлается сенаторомъ и будетъ имѣть возможность также величаться надъ деревенскими сосѣдями, властвовать и прижимать другихъ, какъ до сихъ поръ его прижимали.

[1]) Сочиненія Княжнина. Т. 2-й С. П. Б. 1848, стр. 399.
[2]) Ibidem, стр. 408.

Но обманъ Верхолета и козни слуги и служанки обнаруживаетъ Честонъ. Честонъ составляетъ подражаніе Стародуму въ Недорослѣ. Подобно Стародуму, Честонъ всѣхъ поучаетъ и объясняетъ, въ чемъ заключается истинная знатность и дворянство:

„И всякій человѣкъ, породой отличенный,
Быть долженъ гражданинъ заслугами отмѣнный;
А впрочемъ родъ мечта и что дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.
Но въ чемъ она? мой сынъ, ты это точно знаешь,
Чтобы должность исполнять; а ты не исполняешь.
Ступай же въ полкъ, служи ты, взявъ съ меня примѣръ“.

Въ комедіи очень многое подмѣчено вѣрно и изображено характерно, напримѣръ, страсть къ чинамъ и свойства деревенскаго вельможества и знатности; но много вышло и преувеличено. Нѣкоторыя сцены напоминаютъ фонъ-визиновскія каррикатуры, хотя въ художественномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже ихъ. Нѣкоторыя мѣста и выраженія хотя и грубоваты, но довольно характерны: напр.

„Кто прежде звался плутъ
Того уже теперь искусникомъ зовутъ“.

Замѣчаніе Верхолета о просьбѣ танцора на мѣсто судьи:

„Вотъ на еще какой! онъ мастеръ танцовать,
За то въ судьи; нѣтъ другъ, тутъ надо разсуждать
И дѣло головой вертѣть, а не ногами“.

Или—просьба стихотворца:

„Я разными стихами
Лѣтъ сорокъ всѣмъ служу, вельможей тѣшу, дворъ.
Я старѣ всѣхъ теперь въ Россіи стихотворъ,
А старшинство мое другіе отнимаютъ
И болѣе меня ужъ нравиться дерзаютъ,
Нельзя ли, государь, мнѣ выходить указъ,
Чтобъ мнѣ лишь одному принадлежалъ Парнасъ“ [1])?

Содержаніе оперы Княжнина „Сбитенщикъ“ уже прямо самимъ авторомъ пріурочивается къ русской жизни. Здѣсь изображаются—купецъ Волдыревъ, переселившійся въ Петербургъ изъ другого города, гдѣ онъ назывался иначе, Паша—дочь другого купца, которая была отдана ему въ опеку и которую онъ держалъ взаперти, чтобы на ней жениться, 2 офицера, влюбленныхъ въ Пашу, при чемъ одинъ изъ нихъ и женится на ней и, наконецъ, умный, плутоватый, сбитенщикъ Степанъ, напоминающій цирюльника Фигаро. Онъ сообщаетъ о себѣ такую автобіографію. Сначала служилъ въ солдатахъ, затѣмъ опредѣлился въ аптеку, гдѣ сдѣлался искусенъ во многихъ вещахъ. „Больше всего былъ я силенъ толочь миндаль, сахаръ и прочее, такъ что отъ моего искусства всегда большая часть убывала того, что ко мнѣ въ ступу попадало. Но какъ вездѣ много завистливыхъ людей, то и назвали они это, между нами сказано, кражею. Однако я тогда уже имѣлъ моимъ искусствомъ нажитый изрядный достаточекъ; и потому мнѣ, какъ обыкновенно у людей водится, никакого вреда не сдѣлали, а только въ чистую отпустили, т. е. обобравъ меня, отставили. Такимъ образомъ окончивъ въ аптекѣ мои науки, вступилъ я въ большой свѣтъ. Служилъ у знатныхъ, у судей, у военныхъ, у иностранныхъ и пр. Все прошелъ, всего насмотрѣлся, все наскучило. Узналъ, что все на свѣтѣ вздоръ... и удалился

[1]) Порфирьева. Исторія русской словесности. Часть 2-я, отд. 2-е. Казань 1888, стр. 220—224.

отъ свѣта. Сильная привычка къ наукѣ составлять лекарства заставила меня составлять сбитень и имъ торговать. Сбитень мой во всемъ городѣ въ великомъ почтеніи, т. е. у бѣдныхъ да у скупыхъ. Волдыревъ имъ довольно нахвалиться не можетъ. Этимъ напиткомъ поитъ онъ и Пашу, которая достойна пить кофе [1]). „Служить любовникомъ для меня не ново. Такая должность въ нынѣшнее время прибыльнѣе торга сбитнемъ. Есть дураки, которые стыдятся этого. Пустое! Какъ подумаешь, такъ дѣлаютъ и не паша братья, да только умѣючи, такъ и все гладко. Все отъ искусства зависитъ“ [2]). Далѣе эта же мысль развивается въ слѣдующей стихотворной аріи.

„Кажется не ложно,
Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать;
Только должно
Осторожно
Поступать.

Правда, честенъ буди,
Только какъ всѣ люди;
Отъ ума
Не до дна
Вчетвертину,
Вполовину.
Не сполна.

Люди всѣмъ торгуютъ
Да и въ усъ не дуютъ.
И Степанъ—не болванъ:
Только должно
Осторожно
Класть въ карманъ.
Чтя корысть едину,
Всякъ свою скотину

То сосетъ,
То стрижетъ:
И кто умѣетъ,
Тотъ и брѣетъ
Весь заводъ....
Что бы выйти въ люди,
Что плыветъ, все уди!

Въ другой разъ онъ поетъ такую сатирическую арію.

Счастье стропъ все на свѣтѣ,
Безъ него куда съ умомъ.
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ.

Знаемъ мы людей довольно,
Знаемъ съ головы до ногъ;
Говорить—такъ будетъ больно
Вдоль спины и поперекъ.

Но сказать о нихъ не ложно
Потихоньку можетъ всякъ:
Безъ ума такп жить можно,
А безъ счастія никакъ [3]).

Ярко звучитъ сатирическая нотка и въ аріяхъ полицейскихъ:

Не бось: мы знать себя дадимъ,
Не бось, что въ руки къ намъ прижато,
То все ужъ будетъ виновато [4]);

Заканчивается пьеса хоромъ, который поетъ гимнъ смѣху.

Прочь отсюда грусть, досада!
Нѣтъ ни малыхъ въ нихъ утѣхъ:
Сердцу лишь онѣ надсада
И сто кратъ полезнѣй смѣхъ [5]).

---

[1]) Сочинен. Княжнина. Томъ 2-й. С.-П. Б. 1848, стр 6—7.
[2]) Ibidem, стр. 9.
[3]) Ibidem, стр. 9—37.
[4]) Ibidem, стр. 100.
[5]) Ibidem, стр. 108.

Такое же близкое отношеніе къ русской дѣйствительности имѣла опера Княжнина „Несчастіе отъ кареты“. Сюжетъ ея взятъ изъ тогдашняго помѣщичьяго быта и здѣсь уже ясно слышится протестъ противъ крѣпостнаго права [1]). Помѣщики Фирголины, мужъ и жена, побывавши во Франціи, вывезли оттуда только глупое пристрастіе къ французскому языку и презрѣніе къ Россіи и всему русскому. На Россію они смотрятъ какъ на варварскую страну, потому что простой народъ здѣсь не говоритъ по французски. Отношеніе же ихъ къ крѣпостнымъ наглядно выражается въ томъ, что, задумавъ пріобрѣсти къ празднику новую Парижскую карету, Фирголинъ пишетъ своему прикащику, чтобы тотъ во чтобы то ни стало досталъ для этого денегъ. „Мало ли есть способовъ достать денегъ. Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты. И такъ нахватай ихъ и продай“ [2]). „Пользуясь такимъ приказаніемъ, прикащикъ схватываетъ одного молодаго крестьянина Лукьяна, чтобы отдать въ солдаты и отнять у него невѣсту, на которой онъ собирается жениться“. „Боже мой! восклицаетъ по этому поводу Лукьянъ, какъ мы несчастливы! Намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученьемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли“ [3]). „Не зная, какъ помочь своему горю, Лукьянъ и Анюта (его невѣста) обращаются за совѣтомъ къ шуту помѣщика и задаривая его разными подарками, просятъ заступиться за нихъ передъ господами. Шуту пришло на мысль воспользоваться пристрастіемъ господъ къ французскому языку. Когда они пріѣхали въ деревню на охоту, то онъ, указывая на Лукьяна, который былъ скованъ, какъ назначенный для продажи въ солдаты, сказалъ помѣщику, что этотъ молодецъ назначенъ въ солдаты, а между тѣмъ онъ знаетъ по французски (Лукьянъ и Анюта, живя при старомъ баринѣ, запомнили нѣсколько французскихъ словъ) [4]). Помѣщики освободили Лукьяна отъ солдатчины, разрѣшили ему жениться на Анютѣ и обоихъ взяли къ себѣ. „Такимъ образомъ, въ крѣпостномъ быту отъ одной прихоти или извѣстнаго пристрастія помѣщиковъ зависѣло все счастіе и несчастье крестьянъ. Эта мысль, составляющая основную идею пьесы, и выражена въ заключительныхъ ея словахъ, которыя поютъ дѣйствующія лица:

Насъ бездѣлка погубила,
Но бездѣлка и спасла [5]).

Такимъ образомъ, на Харьковской сценѣ пріобрѣла гражданство не трагедія ложно классическаго характера, съ ея условностью, а легкая комедія и опера (т. е. водевиль съ пѣніемъ), близкія къ русской дѣйствительности и осмѣивавшія нравы тогдашняго общества. Постановка фонъ-Визинскаго „Недоросля“ была цѣлымъ событіемъ и эта пьеса, выхваченная изъ русской жизни и изобразившая два поколѣнія и два воспитанія грубое невѣжественное Простаковой, съ ея недорослемъ—Митрофанушкой, братцемъ Скотининымъ, учителями, и идеальное новыхъ людей—Софьи, Стародума, въ духѣ просвѣтительныхъ идей „Наказа“, дѣйствительно имѣла огромное воспитательное вліяніе на общество. Здѣсь уже былъ не только смѣхъ, но и негодованіе. Здѣсь обличеніе язвы крѣпостнаго права было сдѣлано гораздо смѣлѣе, чѣмъ въ другихъ тогдашнихъ пьесахъ. Здѣсь невѣжество и дикое самодурство выставлены во всемъ ихъ возмутительномъ безобразіи. Бить и тиранить крѣпостныхъ они считали обязанностью своего дворянскаго званія.

Среди переводныхъ пьесъ, которыя могутъ быть отнесены къ драмѣ или даже трагедіи, болѣе нравились такъ называемыя „мѣщанскія драмы“, которыя опять таки представляютъ въ

[1]) Порфирьевъ, стр. 228.
[2]) Соч. Княжнина, стр. 120.
[3]) Ibidem, стр. 117.
[4]) Порфирьевъ, стр. 229--230.
[5]) Порфирьевъ, стр. 230.

европейской литературѣ реакцію противъ ложноклассической трагедіи дворянства и рыцарства и знаменуютъ собою возрастающее значеніе третьяго сословія. Въ нихъ воспроизводилась жизнь мѣщанъ, купцовъ, ремесленниковъ и чиновниковъ, съ ихъ чувствами, и мыслями и желаніями; здѣсь уже былъ зародышъ будущаго сантиментальнаго направленія. Таковы были драмы Мура, Дидро, Бомарше и Лессинга, появившіяся и въ русскомъ переводѣ. „Игрокъ“ англійскаго писателя Мура былъ передѣланъ во французскую драму „Беверлей“, а она въ русскомъ переводѣ была поставлена въ Харьковѣ и здѣсь производила фуроръ. Княжнинъ въ „Сбитенщикѣ“ и „Несчастіи отъ кареты“ подражалъ этимъ новымъ образцамъ. Представителемъ этого направленія въ Россіи явился Лукинъ. Переведенная имъ комедія Реньяра „Менехмы или близнецы“ также была поставлена въ Харьковѣ. Сюда же примыкалъ и Аблесимовъ, котораго комедія (переводная) „Мельникъ“ также была поставлена на харьковской сценѣ. Такимъ образомъ, харьковскій театръ не былъ одной простой забавой, а могъ и долженъ былъ имѣть и благотворное воспитательное вліяніе на мѣстную среду.

Глава 16-я.

Бытъ и нравы харьковскаго общества.

Въ XVII вѣкѣ вся масса городскихъ жителей, не успѣвшая еще дифференцироваться на группы, которыя бы болѣе или менѣе рѣзко различались другъ отъ друга въ соціально-экономическомъ отношеніи, нужно думать, жила почти въ одинаковой обстановкѣ: различіе было не большее, чѣмъ теперь, напримѣръ, въ деревняхъ между крестьянами разныхъ степеней зажиточности, сохраняющими, не смотря на это различіе, общій бытовой типъ. И въ 1-й половинѣ XVIII вѣка, когда сословная дифференціація сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, общій складъ жизни оставался еще въ значительной степени неприкосновеннымъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что наиболѣе значительныя группы городского населенія—казаки и мѣщане съ цеховыми—были близки другъ къ другу и даже нерѣдко переходили одна въ другую. Важное значеніе имѣло также то обстоятельство, что въ Харьковѣ долго не могла установиться спеціализація профессій и занятій: мы знаемъ, что торговлей и ремеслами здѣсь занимались не одни купцы и цеховые, а понемногу всѣ.

Впервые бытовая разница должна была обнаружиться въ жизни рядового казачества и казацкой старшины, но на первыхъ порахъ, въ XVII вѣкѣ, она не могла быть особенно ощутительна, потому, что въ средѣ казацкой старшины еще не было положено зерна сословной наслѣдственности: Репка изъ простого казака превратился въ полковника. Григорій Донецъ—изъ десятника также въ полковника. Однако, уже Григорій Ерофеевичъ Донецъ, сдѣлавшись крупнымъ помѣстнымъ землевладѣльцемъ, указалъ какъ бы тотъ путь, шествуя которымъ, казацкая старшина могла исподоволь и постепенно превратиться въ особое привиллегированное сословіе; при такихъ условіяхъ онъ могъ даже добиться для своей фамиліи какъ бы наслѣдственнаго полковничества. Занимая отвѣтственную должность хозяина цѣлой полковой территоріи, имѣя постоянныя и непосредственныя сношенія съ центральнымъ русскимъ правительствомъ, воеводами и воинскими начальниками русскаго происхожднія, полковники раньше другихъ представителей казацкаго управленія усвоили русскій языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ знакомились и съ общерусскимъ бытомъ. Царствованія Петра Великаго и Императрицы Анны Іоановны, превращавшія Харьковъ какъ бы въ главный штабъ русской арміи, сильно выдвинули значеніе новой русской стихіи въ Харьковѣ вообще и въ быту казацкой старшины въ частности. Не меньшимъ проводникомъ этой новой стихіи явились харьковскія ярмарки, на которыхъ дѣлали себѣ все большія и большія завоеванія московскіе товары: эти послѣдніе, а также и иностранные въ сущности и вызвали главнымъ образомъ дифференціацію разныхъ общественныхъ группъ въ сферѣ бытовой обстановки. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, съ какого момента началось это мирное завоеваніе харьковскихъ обывателей многоразличными привозными предметами домашняго комфорта и удобствъ. Нужно думать во всякомъ случаѣ, что одѣлалось это не сразу и что старинный общій бытъ харьковцевъ разлагался и дифференцировался постепенно подъ вліяніемъ указанныхъ мною обстоятельствъ, причемъ въ первую очередь попали представители его общественныхъ верховъ, а затѣмъ были отчасти тронуты и низы.

Въ такомъ видѣ представляется намъ общій ходъ эволюціи частнаго быта харьковскаго населенія до 2-й половины XVIII вѣка. Но эту схему мы можемъ заполнить въ нѣкоторой ея части и фактическими, документальными данными. Мы можемъ описать въ подробностяхъ домашнюю обстановку трехъ харьковскихъ полковниковъ—Федора Донца, Ф. В. Шидловскаго и паказнаго полковника Л. И. Шидловскаго, жившихъ въ Харьковѣ въ первой четверти XVIII вѣка. Она должна быть признана *типической*, потому что въ общемъ сходится съ обстановкой Ахтырскаго полковника Перекрестова. Описаніе наше будетъ основываться на замѣчательномъ сборникѣ документовъ о родѣ Шидловскихъ, изданномъ въ 1896 г. С. И. Шидловскимъ и до сихъ поръ еще никѣмъ не использованномъ въ нашей исторической литературѣ [1]). Помѣщенные здѣсь документы извлечены главнымъ образомъ изъ архива Морского министерства, частію изъ архива департамента Герольдіи Правительствующаго Сената. Нахожденіе матеріаловъ, касающихся служебной дѣятельности Шидловскихъ, въ архивѣ Морского министерства объясняется близкими отношеніями одного изъ нихъ В. Ф. съ адмиралтейцемъ Ф. М. Апраксинымъ, бывшимъ губернаторомъ въ Азовѣ; всѣ дѣла его канцеляріи хранятся въ архивѣ Морского министерства.

Полковникъ Ф. В. Шидловскій былъ богатымъ человѣкомъ того времени: у него было много имѣній, разныхъ заводовъ (въ томъ числѣ стекляный), на которые онъ затратилъ почти всѣ свои наличныя деньги; онъ велъ обширную торговлю; у него была роскошная домашняя обстановка. Тоже самое нужно отчасти сказать и о его племянникѣ Лавр. Шидловскомъ и шуринѣ Федорѣ Донцѣ.

Не будемъ останавливаться на описаніи имѣній Ф. В. Шидловскаго, находившихся въ предѣлахъ Слободской Украйны и въ Курскомъ уѣздѣ [2]), замѣтимъ только, что ему принадлежало 11 селъ и деревень, населенныхъ вольными малороссіянами и русскими крестьянами, съ массою хозяйственныхъ заводовъ и принадлежностей, и что они послѣ конфискаціи перешли къ волохамъ, вышедшимъ при Петрѣ Великомъ въ Россію и поселеннымъ въ Слободской Украйнѣ. Въ Харьковѣ Ф. В. Шидловскому принадлежало дворовое мѣсто съ постройками, о которомъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія въ описи 1711 года. Всѣ постройки были деревянныя и состояли: изъ 4-хъ свѣтлицъ съ мыльнею, 4-хъ свѣтлицъ людскихъ съ коморками (въ томъ числѣ и поварня), хоромъ, въ которыхъ жилъ полковникъ Лаврентій Шидловскій, свѣтлицы съ 2-мя комнатками, трехъ хатокъ людскихъ съ сѣнями и кухни. Каковы были размѣры „хоромъ“ въ которыхъ жилъ Лаврентій Шидловскій, неизвѣстно; если же отнести къ нимъ стоящую за извѣстіемъ о нихъ фразу (знаковъ препинанія между ними никакихъ нѣтъ, слѣдовательно, изъ текста не видно, какое между ними существовало отношеніе), то окажется, что они состояли изъ одной свѣтлицы и 2-хъ комнатокъ. Конечно, такое помѣщеніе представляется слишкомъ тѣснымъ для полковника. Но тогда, очевидно, даже жилища знатныхъ лицъ не отличались особымъ просторомъ: раньше было упомянуто о 4-хъ свѣтлицахъ; быть можетъ, въ нихъ проживалъ Ф. В. Шидловскій, если только не предположить, что онъ помѣщался въ хоромахъ, которые уступилъ послѣ своего перехода въ Изюмъ Лаврентію Шидловскому. У Ф. В. Шидловскаго были, по видимому, настоящія хоромы въ его сельцѣ Рождественскомъ на Донцѣ—дворъ его тамъ былъ огороженъ стоячимъ тыномъ и укрѣпленъ 4 башнями, представляя изъ себя настоящую крѣпость; и что же? Въ этомъ домѣ было всего 9 свѣтлицъ. Впрочемъ Ф. В. Шидловскій, повидимому, уже не довольствовался скромными размѣрами своихъ харь-

[1]) Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловскимъ. СПБ., 1896 г., XX, 266.

[2]) Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 153—170.

ковскихъ деревянныхъ построекъ, а началъ дѣлать „каменныя палаты“, но успѣлъ только вывести 8 кладовыхъ, изъ коихъ въ трехъ были устроены и печи; въ окнахъ у нихъ были подѣланы рѣшетки, а у дверей навѣшаны два желѣзныхъ запора. При домѣ Ф. В. Шидловскій сталъ разводить яблоневый садъ (замѣтимъ кстати, что въ с. Рождественскомъ былъ разведенъ имъ и *виноградникъ*). На площади противъ вороть выходъ былъ сдѣланъ внутри деревянный, а сходъ съ него надъ лѣстницею кирпичный со сводами. Окна во всѣхъ свѣтлицахъ были стекляныя. Изъ надворныхъ построекъ были ледникъ съ сушиломъ, амбаръ, 2 конюшни съ сараемъ, подъ сараемъ деревянный погребъ [1]).

Но не отличаясь обширностью размѣровъ и наружной отдѣлкой, полковничьи хоромы внутри были обставлены и украшены довольно богато и роскошно, хотя меблировка ихъ была опять таки весьма скудная и простая.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить у всѣхъ трехъ Харьковскихъ полковниковъ большое число иконъ и другихъ священныхъ предметовъ. У Ф. В. Шидловскаго оказалось 47 иконъ [2]).

У полковника Лаврентія Шидловскаго оказалось 16 иконъ, 9 окладныхъ и 7 на полотнѣ въ черныхъ рамахъ [3]).

Объ иконахъ у полковника Федора Донца свѣдѣній не имѣется. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что тогдашняя козацкая старшина въ дѣлѣ вѣры и религіозныхъ обрядовъ стояла близко къ народу, для котораго и нынѣ иконы составляютъ предметъ особеннаго вниманія, заботы и поклоненія.

Украшала свои покои харьковская полковая старшина и картинами. У Ф. В. Шидловскаго оказалось, по переписи, 7 разныхъ картинъ въ рамахъ, у полковника Лаврентія Шидловскаго—портретъ Императора Петра Великаго съ изображеніемъ Полтавской баталіи, пор-

---

[1]) Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 153.

[2]) 7 въ серебряныхъ позолоченыхъ окладахъ съ вѣнцами, въ томъ числѣ 4 образа Святыя Троицы, образъ Богородицы Одигитріи, Рождества Богородицы и Николая Чудотворца; 5 иконъ *малороссійскаго* письма въ деревянныхъ „өлемованныхъ“ рамахъ (2 образа Спасителя и 3 Богородицы); 3 писанныхъ по полотну въ черныхъ деревянныхъ рамахъ; 3 писанныхъ на жести (Спаса, Богородицы и Архистратига Михаила); 6 на полотнѣ безъ рамъ; небольшой образъ Георгія въ золоченомъ чеканномъ окладѣ; образъ Воскресенія Христова и 3 Богородицы въ рамахъ; 2 образа Богородицы; 4 образа Ченстоховской Богородицы на жести; образа св. мч. Федора и Уліаніи въ деревянныхъ золоченыхъ рамахъ; образъ Николая Чудотворца; 3 мѣдныхъ дощечки, на конхъ нарѣзаны были образа Успенія Пресвятой Богородицы, Варвары и Іуліаніи; образъ Богородицы окладной круглый на серебряной цѣпочкѣ; образъ Федоровской Богородицы въ створчатомъ позолоченномъ кіотѣ, къ нему подвѣшено 4 червонца, 8 нитокъ жемчуга, да на китайскихъ перлахъ (жемчужинахъ) крестъ съ разными каменьями, и 2 серьги изъ нанизаннаго жемчуга; окладной образъ Успенія Богородицы въ рѣзныхъ рамахъ; образъ Богородицы Одигитріи въ окладѣ, образъ Богородицы Владимірской въ окладѣ съ короною; большой образъ Неопалимой Купины въ окладѣ съ позолотою; образъ страстей Христовыхъ въ золоченыхъ рамахъ; 1 образа въ рамахъ; образъ Почаевской Божіей Матери въ деревянной позолоченой рамѣ, съ серебянымъ кованымъ позолоченнымъ окладомъ, по угламъ котораго четыре херувима, а внизу надпись: истинное изображеніе и мѣра образа чудотворнаго Пресвятой Богородицы Почаевской; изображеніе Апостола Петра въ рамѣ; притчи Евангельскія въ рамахъ; серебряный позолоченный крестъ *съ мощами*; золотой ковчегъ *съ мощами святыхъ*; мѣдная позолоченая лампада. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 87—88).

[3]) Образъ Спасителя, Владимірской Богородицы, Крестителя Іоанна, Николая Чудотворца, Спасителя и Богородицы, Казанской Божіей Матери въ кіотѣ, поля и вѣнцы обложены серебромъ и позолочены, на створахъ кіота, укрѣпленныхъ бѣлымъ желѣзомъ, изображены были разные святые; образъ архидіакона Лаврентія, образъ Іоанна Богослова на большой „цкѣ“ (т. е. доскѣ) (всѣ поясненія этихъ и послѣдующихъ терминовъ позаимствованы нами изъ прекрасной книги П. И. Савваитова: „Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора. СПБ., 1896 г.); влмч. Георгія на жести; образъ Богородицы въ зеленой рамѣ живописный; образъ Спасителя; Рождества Христова; Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ; образъ *Нерукотворенный*. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 135).

третъ свѣтлѣйшаго князя Меньшикова съ Каляжскою битвой и листъ родословной Шереметьевыхъ [1]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ сюжетовъ этихъ картинъ. Для удовлетворенія эстетическаго чувства служили также „органы сундушные“ въ рѣзномъ позолоченомъ корпусѣ. Они были у Ф. В. Шидловскаго и у Лаврентія Шидловскаго [2]). У Ф. В. Шидловскаго оказались также и книги. Вотъ составъ его библіотеки, которая въ послѣднее время хранилась у Воронежскаго посадскаго человѣка Сахарова: 14 духовныхъ книгъ, Евангеліе толковое воскресное ветхое, Апостолъ Кіевской печати, Шестодневъ, Тріодь Цвѣтная, три служебника Кіевской печати ветхіе, псалтирь Кіевской печати ветхая, Минея общая рукописная ветхая, Новый Завѣтъ со псалтырью, часословъ маленькій ветхій, два ірмолая нотныхъ и ирмосы съ октоихомъ, 10 свѣтскихъ книгъ, изъ коихъ одна на латинскомъ языкѣ (переводъ съ нѣмецкаго) и 9 на польскомъ [3]); одно Евангеліе было впрочемъ и въ харьковскомъ домѣ Ф. В. Шидловскаго. На одной доскѣ его были изображены евангелисты, на другой „репы“ [4]), посреди образъ Успенія; застежки серебряныя; обволочено было краснымъ бархатомъ. Комнаты украшались *зеркалами;* у Ф. В. Шидловскаго ихъ было 3: одно одностѣнное въ черной рамѣ, другое столовое „астандійское“, оба въ лаковыхъ рамахъ съ золотыми травками; третье въ черной рамѣ. У Ѳедора Донца были также зеркала въ серебряныхъ позолоченныхъ сканныхъ рамахъ съ краснымъ и лазуревымъ каменьемъ.

Мебели было не много. Быть можетъ, впрочемъ обыкновенная мебель домашняго производства въ опись не вошла. Указывается только въ хоромахъ трое столовъ, 4 стула, обитыхъ кожей, столярная простая кровать, одинъ поставецъ и два поставца въ каменныхъ палатахъ.

Предметомъ особеннаго попеченія являлась *кровать.* У Ф. В. Шидловскаго она была деревянная, черная столярной работы, оклеенная позолоченной рѣзьбой. Къ ней относился цѣлый рядъ „кроватныхъ уборовъ“ [5]).

---

[1]) Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 88, 135.

[2]) Ibidem, стр. 102, 141.

[3]) Ibidem, стр. 248.

[4]) Репей—маленькая металлическая зубчатая чашечка, въ которую вставлялся камень или жемчугъ.

[5]) Кроватный штофный уборъ, который притыкался вмѣсто простыни, съ золотыми травами по темно-брусничному фону и былъ отороченъ красной шелковой бахромой, расшитой золотомъ и серебромъ; 8 завѣсовъ, которыми, очевидно, драпировалась кровать; сдѣланы они были изъ тафты (шелковая ткань), объяра (плотная шелковая волнистая ткань съ узорами), штофа (шелковая ткань), камки (шелковая цвѣтная ткань съ узорами), атласа съ бархатомъ, луданы (сортъ камки съ лоскомъ), гаруса; у одной завѣсы былъ „подзоръ“ (край подола) изъ китайской шелковой бахромы разныхъ цвѣтовъ; другая была опушена желтымъ штофомъ съ серебряными травами; третья опушена желтымъ киндякомъ (киндякъ—бумажная набойчатая ткань, употреблявшаяся обыкновенно на подкладку), а подложена краснымъ; четвертая—круглая въ видѣ трехграннаго балдахина; пятая—китайская расшитая золотомъ и шелками, загривокъ ея (обшивка) былъ расшитъ по красному бархату золотомъ и шелками, по бокамъ вставлены были полосы изъ разныхъ матерій и подложена она была зеленымъ кумачемъ; шестая—также китайская расшитая разными шелками. Близко подходили къ завѣсамъ *пологи;* ихъ было три—алеровый съ травками, красный тафтяной и шелковый персидскій рудожелтый съ травками. *Одѣяла* было 7 изъ штофа, камки, луданы и выбойки (выбойка—крашеный холстъ съ набивнымъ узоромъ); одно было опушено штофомъ съ серебряною травкою, обложено галуномъ изъ серебра и золота, подбито голубою тафтою; другое и третье стегано на бумагѣ, обложено желтою камкою и подбито зеленымъ кумачемъ; четвертое подбито лисьимъ мѣхомъ; пятое опушено зеленымъ объяриннымъ штофомъ съ золотою и серебряною травкою, подпушено „дорогами“ двоеличными (дорога—шелковая ткань, б. ч. полосатая или клѣтчатая; двоеличный—разные рисунки съ обѣихъ сторонъ), стегано на кумачѣ, подбито киндякомъ; шестое—съ камчатнымъ подоломъ, подбитое песцовымъ голубымъ хребтовымъ мѣхомъ; седьмое—самое простое подбитое крашениною. Наконецъ, былъ еще одѣяльный верхъ изъ полотна, расшитаго шелками. *Подушекъ* было 7, причемъ наволочки были сдѣланы изъ камки зеленаго, лазуреваго, рудожелтаго, краснаго и таусиннаго (темновишневаго) цвѣтовъ. *Перины* была бѣлая съ кружевомъ; *простыня* алая луданная, отороченная чернымъ кружевомъ; наконецъ, и атласный, желтый кроватный „*бумажникъ*“, т. е. бумажный (набитый хлопчатой бумагой или ватой) матрацъ, подкладывавшійся подъ перину. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 96—98).

У полковника Лаврентія Шидловскаго оказалось 3 одѣяла и 1 завѣса [1]).

Столы, скамьи, стулья и, вѣроятно, стѣны украшались еще *коврами*. У Ф. В. Шидловскаго было 13 разныхъ ковровъ *персидской*, *турецкой* и *малороссійской* работы, изъ коихъ одинъ маленькій предназначался на столъ въ „крестовой“ (комнатѣ); кромѣ того было еще 2 *„килима“* малороссійскихъ, по всей вѣроятности, мѣстнаго харьковскаго производства (одинъ изъ нихъ узорчатый). У полковника Лаврентія Шидловскаго оказалось 10 ковровъ, въ томъ числѣ два *персидскихъ* и восемь малороссійской работы; сверхъ того два полосатыхъ „килима“, по всей вѣроятности, харьковскаго издѣлія.

Обращаемся теперь къ столовому бѣлью. У Ф. В. Шидловскаго наплось 12 скатертей, въ томъ числѣ *7 шведскихъ*, *4 малороссійскихъ* „съ заполочью“ и одна голландская, двое *шведскихъ салфетокъ*, 30 платковъ и полотенецъ—турецкихъ и малороссійскихъ, вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ, одно кисейное полотенце, концы и бока котораго затканы были золотомъ, и 6 сувоевъ малороссійскихъ „рушниковъ“ (полотенецъ) съ заполочью [2]).

Въ большомъ изобиліи была *посуда*, отличавшаяся при томъ богатствомъ и разнообразіемъ. Она служила отчасти для употребленія, а отчасти, наполняя „погребцы“, и для украшенія хоромъ.

У Ф. В. Шидловскаго было 4 погребца, изъ коихъ одинъ орѣховый *„шленской“*, т. е. силезской работы, обложенный чеканною мѣдью съ 6 хрустальными „скляницами“, два оклеены орѣховымъ, а третій яблоневымъ деревомъ. *Серебряная* посуда состояла—изъ 18 кружекъ, 41 стакана, 11 кубковъ, 81 ложки, 2 чарокъ, 4 чашекъ, 3 четвертинъ, разсольника, солонки, горшечка, подноса, жаровника [3]).

---

[1]) Одно изъ нихъ было сдѣлано изъ штофа и подбито кумачемъ, другое—изъ луданы и подбито лисьимъ хребтовымъ мѣхомъ, третье представляло изъ себя собственно медвѣжью полость для саней, покрытую свѣтло-лазуревымъ сукномъ. Завѣса была изъ штофной матеріи съ золотомъ и серебромъ.

[2]) Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 99—100.

[3]) Четыре кружки имѣли по „мужичку на конѣ“, на другихъ были „персоны“, просто и съ крыльями лебеди, левики, яблони, личины, полумѣсяцъ; одна была большая гладкая на 3-хъ ножкахъ; въ крышку ея былъ вставленъ золоченый ефимокъ; съ обѣихъ сторонъ были личины; въ серединѣ, гербъ и подножки ея были вызолочены. Вѣсъ кружекъ былъ различный: отъ 4 фун. 60 зол. до 1 фун. 22 зол. Изъ стакановъ 4 было *шведскихъ*, каждый вѣсомъ въ 65 зол. И они, подобно кружкамъ, были позолочены; 6 было чеканныхъ съ личинами (изъ нихъ 2—женскихъ); часть была на ножкахъ. Дюжина стакановъ вѣсила отъ 3 фун. 39 зол. до 4 фун. 24 зол.; отдѣльные стаканы вѣсили больше, чѣмъ тѣ, которые находились въ дюжинахъ. Интересны кубки. Одинъ съ поддономъ, между верхомъ и поддономъ была персона (человѣческая фигура); вѣсомъ онъ былъ въ 3 ф. 45 з.; другой также имѣлъ поддонъ, крышку и фигуру съ палкою, вѣсилъ 2 ф. 90 з.; третій маленькій также имѣлъ фигурку человѣка, рубящаго дрова; четвертый имѣлъ стоячую человѣческую фигуру, державшую въ одной рукѣ вѣнецъ, въ другой—вая; всѣхъ серебряныхъ, вызолоченыхъ кубковъ было 11. Ложекъ было 6³/₄ дюжины, въ томъ числѣ 2 большихъ. На многихъ ложкахъ были изображенія: на одной дюжинѣ были по концамъ „персоны“, въ другой—„личины“ (лица), на третьей—рука съ палашомъ, на четвертой—по 4 личины и по рукѣ съ палашомъ, на пятой—по 3 „личинки“ и по гербу, на шестой—по 4 личинки, на 8 ложкахъ по личинкѣ на концахъ. Изъ другой серебряной посуды въ описи отмѣчены: разсольникъ съ рельями на поддонѣ и цвѣткомъ по серединѣ, солонка съ личинками, чеканный горшечекъ съ крышкою, подносъ, 2 чарки съ 2 ручками, *шведская* чашка съ 2 ручками и крышкою, 3 чашки винныя, разводникъ „жаровникъ“ съ 3 чашечками на 3-хъ ножкахъ, 3 четвертины (посуда для вина): одна витая на 3-хъ ножкахъ съ кольцомъ, цѣпью и крючкомъ, другая на четырехъ ножкахъ, третья въ видѣ мѣднаго чеканнаго, посеребреннаго яблока, висящаго на цѣпи съ обручикомъ и кольцомъ. Хрустальной посуды было немного: 8 рюмокъ съ крышечками, 1 кувшинъ, 8 стакановъ, 9 хрустальныхъ кувшинцевъ и другихъ сосудовъ силезскихъ,—мѣдной: одинъ поломанный фонтанъ, кувшины, цѣдники, всего 7 пуд.; 4 стѣнныхъ чеканныхъ шандала и 5 точеныхъ съ поддонами, 2 таза, 2 мѣдныя золоченыя лампады; 7 пуд. 12 фун. *оловянной* посуды въ блюдахъ, тарелкахъ и т. п.; 2 жестяныхъ писанныхъ *голландской* работы рукомойника и дюжина такихъ же ложекъ; 8 паръ столовыхъ ножей, изъ коихъ у пяти черенки бѣлые костяные, а у 3-хъ черные хрустальные: дюжина ножей *Бутлеской* работы съ желѣзной оправой; *китайскій* ножъ съ позолоченными же ножками китайской работы; *2 слюдяныхъ* жестяныхъ фонаря. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 105—110).

У полковника Лаврентія Шидловскаго оказалось также значительное количество посуды [1]). Очень видное мѣсто занимало также оружіе, отличавшееся богатствомъ и разнообразіемъ [2]).

---

[1]) 2 кубка, при чемъ на крышкѣ была фигура „мужичка“ съ гербомъ и палкою въ рукахъ, 4 кружки—2 изъ нихъ съ „персонами“ и лебедемъ, 2 большихъ стакана на ножкахъ съ крышками съ 6 „персонами“ и „яблокомъ“ на нихъ, дюжина чеканныхъ меньшихъ стакановъ, рассольникъ съ рѣзными „персонами“, 2 солонки, 3 дюжины ложекъ, причемъ на одной дюжинѣ имѣлась надпись о принадлежности ихъ старому Сумскому полковнику Андрею Кондратьеву. (Ibidem, стр. 78—79). Мѣдная посуда была такова: 4 жаровни, 2 большихъ котла, 4 турецкихъ и 2 малыхъ, 4 горшка, сковородка, цѣдникъ; кромѣ того оказался мѣдный колоколъ вѣсомъ въ 1½ пуда. Оловянной посуды оказалось—23 блюда, 20 тарелокъ; хрустальной—2 кувшинчика, 2 сулеечки, 5 стакановъ, 4 блюдечка *кофейныхъ*, чашка; кромѣ того зажигательное стекло, 7 паръ ножей съ бѣлыми костяными черенками, *5 польскихъ* ножей съ черными роговыми черенками. (Ibidem, стр. 141—142).

У полковника Федора Донца оказалось серебряной посуды—11 кубковъ; на 5-ти изъ нихъ были различныя „персоны“ (стоячая, съ палкою, со щитомъ и палкою, рубящая дерево, съ крыльями), 11 кружекъ: одна съ планетами, другая съ планетами и лебедемъ, 6 съ яблоками, одна со львомъ, 38 стакановъ, изъ коихъ 4 съ „личинами“ и 8 чеканныхъ „польской“ работы, 7 чарокъ, изъ коихъ одна на трехъ ножкахъ позолоченная съ финифтью (эмалью) „усольской“ сканной работы, одна черневая (т. е. съ чернью—черною эмалью); одна рюмка, 6 чашекъ, „ковшъ жалованный съ надписью“, 1½ дюжины ложекъ, 5 крышекъ отъ стакановъ и солонокъ, *4 бунчужныхъ* наконечника съ серебряными позолоченными поясками, 2 шандала съ позолоченными поясками, 3 коробочки, изъ коихъ 2 граненыхъ съ крышками, а третья сканная съ финифтью *„усольскаго“* дѣла на ножкахъ, „досканъ“ позолоченный, крышка его съ финифтью, *нѣмецкой* работы, съ „личинами“. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 80—84).

[2]) У полковника Ф. В. Шидловскаго было такое оружіе: *3 пищали* (т. е. ружья) *турецкихъ*; одна изъ нихъ съ золотою насѣчкою, со станкомъ яблоневаго дерева съ серебряными „обоймицами“ (т. е. металлическими обручиками, прикрѣплявшими стволъ къ станку), замокъ и обушникъ (т. е. прикладъ) были обложены серебромъ съ чернью; другое—также съ золотою насѣчкою; обоймицы и оправа были серебряныя съ чернью и позолоченныя; у третьяго—стволъ и замокъ были выложены серебромъ съ чеканными травками, куда вставлены были красные кораллы, съ костяными и черепаховыми инкрустаціями, обоймицы, поддульникъ, кольца, скобка и затравка были серебряныя съ чернью; пара *„скуцарей* винтовальныхъ, осьмерковъ, *шкоцкой* (шотландской) работы“—это были тѣ же небольшія пищали—винтовки; 4 пары *пистолетовъ*, всѣ голландской работы въ орѣховыхъ ложахъ; сабля турецкая; въ ней оправа, черенокъ, крыжъ (т. е. эфесъ) и бряцала (бряцальцы—побрякушки) были серебряные позолоченные, поясъ наборный (ремень съ серебряными позолоченными бубенчиками); наузольники, т. е. бляхи, служившія для прикрѣпленія помочей—серебряныя, позолоченныя, зелцало (клинокъ)—булатное (стальное) *персидской* работы, оправа (ножны) серебряная, позолоченная съ бирюзой; далѣе въ отдѣлѣ сабель слѣдуетъ предметъ, который описывается такъ: „мисюрка булатная, бурмичка мелкаго кольца, наручи булатныя, оправа серебряная персидской работы“. Предполагаемъ, что это шлемъ съ прикрытіемъ для рукъ. „Мисюрки“ или шапки „мисюркія“ это египетскіе или арабскіе шлемы, имѣвшіе видъ черепа, къ вѣнцу (нижней части—околышу) котораго прикрѣплялась вмѣсто наушекъ и затылка бармица; наручи—это металлическія выгнутыя пластины, закрывавшія руку отъ кисти до локтя, сдѣланы они были изъ стали; „бурмичка“ есть, очевидно, испорченное слово—бармица, состоявшая изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ. Далѣе слѣдовала *цапага* съ серебряными—эфесомъ, крючкомъ и наконечникомъ и *кортикъ* съ опаловымъ эфесомъ, мѣдной оправой и желѣзными накладками *Берлинской* работы.

У полковника Лаврентія Шидловскаго оказалось слѣдующее оружіе: *3 пищали* „винтованныя“, изъ коихъ 2 тульской работы, стволы—краснаго желѣза съ мѣдною насѣчкою, въ ложахъ у приклада врѣзаны были кости съ раковинами (т. е. перламутромъ), въ третьей—замокъ турецкій, ложа—кленовая; 2 пары *„пистолей“* (пистолетовъ) въ орѣховыхъ ложахъ; *сабля* булатная „черкасская“ (т. е. малороссійская), ножны „ящуровыя“, т. е. изъ кожи, покрытой зернистыми бугорками (шагрень), оправа серебряная позолоченная, украшенная каменьями и мелкой бирюзой; сабля *греческой* работы, полоса, т. е. клинокъ булатный съ насѣченными на немъ двумя „персонами“ и греческой надписью, ножны хозовыя, т. е. козовыя козловыя—сафьянныя черныя, черенокъ яшмовый, оправа серебряная позолоченная съ чернью, поясъ наборный съ серебряными позолоченными бубенчиками и наконечниками съ чернью; сабля булатная съ насѣчкою, эфесъ съ золоченою надписью, ножны сафьянныя черныя, черенокъ черепаховый, оправа серебряная позолоченная, украшенная каменьями, поясъ изъ шелка—сырца; сабля булатная, черенокъ ящуровый, оправа мѣдная, поясъ ременный; одиннадцать *панцырей*; четыре мисюрки (шлема); одни наручники; серебряный *перначъ*, т. е. шестоперъ—знакъ полковничьей власти, родъ бу-

Предметомъ особаго вниманія служилъ также *конскій уборъ* [1]).

лавы, у которой головка имѣла видъ перьевъ стрѣлы (отсюда и названіе перначъ)—глухихъ или прорѣзныхъ; въ серединѣ онъ былъ обложенъ бѣлымъ яшуромъ, а на концѣ серебромъ, мѣстами позолоченнымъ; „обушекъ мѣдный, обложенъ серебромъ съ чернью, вставлены каменки"; обушкомъ или брусью называлась булава, т. е. жезлъ съ шаромъ на концѣ, данная булава была сдѣлана изъ мѣди, обложена серебромъ и украшена чернью и каменьями; *сагайдакъ*, т. е. полный наборъ лука и стрѣлъ; лукъ былъ въ налучьѣ или лубьѣ, стрѣлы—въ колчанѣ; здѣсь оправа колчана была серебряная позолоченная, *поясъ* наборный съ серебряными позолоченными наконечниками; въ лубьѣ или налучьѣ оправа была серебряная позолоченная съ бирюзою, поясъ наборный, съ серебромъ, золотомъ и бирюзою; „лукъ турецкій, рога бѣлые, кибить зеленая, наведена травками золочеными"; здѣсь описываются составныя части лука: кибить—все деревцо лука, рогъ—каждая половина кибити и каждая оконечность ея. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 143—144.

У полковника Федора Донца оказалось: 13 ножей и ножиковъ булатныхъ, изъ конхъ *3 турецкой* и одинъ *польской* работы; черенки были опаловые, или костяные, или серебряные, ножны серебряныя позолоченныя или сафьянныя, оправа серебряная позолоченная, иногда съ каменьями; булатный кинжалъ съ серебряной позолоченной оправой на ножнахъ; „кисть бунчужная алаго китайскаго шелка, дротикъ съ *бунчуга* мѣдный прорѣзной золоченъ, хвостъ боболевъ укрѣпленъ въ яблоко серебряное, подвѣшенъ кистьми съ бахромою разныхъ шелковъ"; здѣсь описывается *бунчукъ*—знакъ военачалія у казаковъ, состоявшій изъ древка съ набалдашникомъ или яблокомъ, т. е. шаромъ, изъ коего выходилъ конскій хвостъ. Шаръ у даннаго бунчука былъ серебряный; „боболевъ хвостъ"—это конскій хвостъ; онъ былъ прикрѣпленъ къ шару кистью съ бахромою разныхъ шелковъ; кисть была изъ алаго китайскаго шелка; дротикъ (т. е. древко бунчука) былъ мѣдный прорѣзной позолоченный. (Ibidem, стр. 86).

[1]) У полковника Ф. В. Шидловскаго было: 8 сѣделъ, изъ конхъ *2 нѣмецкихъ*, *5 русскихъ* и *польскихъ* и *одно гусарское*; нѣмецкія сѣдла были съ „олстрами", т. е. чехлами; одно изъ нихъ было обтянуто чернымъ сафьяномъ, другое кожей; къ нимъ—мундштукъ, къ одному „наперсь и пахвы" наборныя по ремню; подъ наперсью здѣсь нужно разумѣть ремень и узды на нижней части конской груди, пахвы—ремень съ петлею на концѣ, въ которую продѣвался хвостъ лошади, а другой конецъ прикрѣплялся къ серединѣ задней сѣдельной луки; къ другому—наперсь и пахвы безъ набору; русскія и польскія сѣдла всѣ окованы были серебромъ чеканной и рѣзной работы, мѣстами позолочены; въ числѣ ихъ были 2 сѣдла съ вышитыми серебромъ подушками—лазуревой суконной и зеленой бархатной; гусарское оковано серебромъ и позолочено, гладкой работы, крыльца бархатныя красныя, расшитыя золотомъ, пахвы—набраны по ремню серебряными бубенчиками, напахонникъ рѣзной серебряный, мѣстами позолоченный; *наметовъ* суконныхъ расшитыхъ и гаруспыхъ и *попонъ*, которыми покрывались нѣмецкія сѣдла, было 8; *чапраковъ* (чушекъ или попонъ) было 4—всѣ суконные красные или зеленые, обложенные золотымъ или серебрянымъ позументомъ: 2 подложены крашениной, одна попона была подбита медвѣжьимъ мѣхомъ и обложена зеленою шелковою бахромою; затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ мундштуковъ, наперсей и пахвъ: серебряныхъ позолоченныхъ, набранныхъ сплошь или съ промежутками по красному сафьяну, или ремню, или тесьмѣ, иные съ серебряною строчкою по краямъ, другіе подложенные краснымъ сафьяномъ; одни были *арабской* работы, у другого мундштука „вмѣсто ухвата" (т. е. конскаго убора, надѣвавшагося поверхъ узды и закрывавшаго ее съ круглыми бляхами по обѣимъ сторонамъ его—у налобника и у переносья) была серебряная цѣпь съ подвѣсомъ; въ плащѣ и подвѣсѣ были красные кораллы и серебро съ кистью и шемахинскимъ шелкомъ; у мундштука была „лысина", т. е. бляха или пластинка, прикрѣплявшаяся къ налобнику узды; наперсь также имѣла серебряныя украшенія; четыре *уздечки*, изъ конхъ одна была наборная по сафьяну серебряная позолоченная, другая строчена золотомъ по черному сафьяну, двѣ изъ тесьмы—серебряной по голубому шелку и золотой по красному шелку; два „*саадачка пистолетныхъ*", т. е. футляра для пистолетовъ, одинъ краснаго бархата, другой голубого сафьяна; „*бенды*" (т. е. округленные углы) и наконечники у нихъ были серебряные позолоченные, пояса къ нимъ наборные съ серебряными позолоченными пряжками; „*лядовница*"—лядунка, оклеенная голубымъ сафьяномъ, закрышка ея набрана была мишенями, т. е. металлическими пластинками; по угламъ и въ серединѣ ея была корона, вокругъ серебро съ позолотой; пороховой рогъ, оклеенный чернымъ сафьяномъ съ серебряною позолоченною оправою на шелковой тесьмѣ; *сумка* для пуль такой же работы, какъ и лядовница, къ ней поясъ наборный по ремню съ серебряными позоченными пряжками; олстры съ сафьянными отворотами, на которыхъ мишени и наугольники серебряные мѣстами позолоченные, а наконечники мѣдные. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 102—104).

У полковника Лаврентія Шидловскаго описаны были слѣдующіе конскіе уборы: 4 сѣдла; у одного луки были обложены позолоченнымъ серебромъ, верхнія крыльца—зеленымъ шелковымъ аксамитомъ, т. е. золотою или серебряною тканью, и золотымъ позументомъ, *тебенки*—(четыреугольный отрѣзокъ кожи у сѣдла для защиты ногъ отъ тренія о стременной ремень)—въ немъ (какъ и въ остальныхъ) были турецкіе, *арчакъ* (т. е. де-

Переходимъ теперь къ экипажамъ, которыхъ также было не мало. У полковника Ф. В. Шидловскаго было: 3 кареты [1]); *2 колмски* на дрогахъ и на ремняхъ [2]); *2 возка*, внутри обитые краснымъ сукномъ, въ одномъ окна изъ слюды, другой—безъ оконъ; *8 фурмановъ*, изъ коихъ 4 съ кожаными кровлями, а *4 черкасскіе*—малороссійскіе безъ кровель; и тѣ, и другіе съ колесами, окованными желѣзомъ [3]). Лошадей Ф. В. Шидловскій имѣлъ и въ Харьковѣ—до 200 кромѣ молодыхъ, но ради тревогъ угналъ ихъ въ село Уколово; среди нихъ были породы—волошская, персидская, черкесская, польская, нѣмецкая, рыбинская, татарская. Шидловскому приходилось, конечно, не рѣдко ночевать въ полѣ и поэтому у него было двое палатокъ шатровъ или *наметовъ* и одинъ „ставочный дворъ полевой“ [4]).

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь вещей у харьковскихъ полковниковъ было много еще запасныхъ товаровъ, изъ которыхъ можно было изготовлять эти же предметы.

У полковника Ф. В. Шидловскаго оказались значительные запасы разныхъ матерій [5]).

ревянный остовъ сѣдла) оклеенъ ящуромъ, края луки обложены мѣдью, крыльца были бархатныя; другое также было обложено серебромъ, подушка и крыльца его были расшиты по красному бархату золотомъ и серебромъ; третье расписано было „поталью“, т. е. тончайшими мѣдными листиками, употреблявшимися вмѣсто позолоты; подушка и крыльца были расшиты золотомъ и серебромъ по брусничному бархату; 4-е было расписано, какъ предъидущее; подушка и крыльца были суконныя свѣтлолимоннаго цвѣта, стремена мѣдныя; два „плата“, которыми покрываютъ сѣдла, въ томъ числѣ одинъ бархатный красный, другой суконный свѣтлолимоннаго цвѣта, по угламъ вышиты золотомъ и серебромъ травы; три круглые потника съ крышками изъ краснаго сафьяна, по угламъ вышиты золотомъ и серебромъ травы; четыре *уздечки* съ наперсями и пахвами съ серебрянымъ позолоченнымъ наборомъ по ремню или сафьяну, серебряными позолоченными пряжками и серебряною строчкою или серебрянымъ шарикомъ у нѣкоторыхъ. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 142—143).

[1]) Одна на дрогахъ обитая мѣдными гвоздями и внутри цвѣтнымъ трипомъ, полы, которыми завѣшивали окна, были подбиты синею саржею; другая *польской* работы на ремняхъ, по краямъ кисти съ бахромою, внутри обита кожею и цвѣтнымъ трипомъ, ящикъ ея—расписной, колеса окованы желѣзными обручами; третья также на ремняхъ, обивка такая же, какъ у предъидущей.

[2]) Одна подбитая зеленымъ стамедомъ (шерстяная ткань вродѣ сукна), другая *шленскаго*, т. е. силезскаго издѣлія, обитая внутри свѣтлолимоннымъ сукномъ, по бокамъ подушечки изъ такого же сукна.

[3]) Упряжь: шоры цуговыя и четвериковыя; 3 цуга; 3 пары четвериковъ; 2 пары одиночекъ; двѣ пары полушорковъ; уздечки на 3 цуга; 27 простыхъ хомутовъ; 10 сѣрыхъ суконныхъ попонъ, въ томъ числѣ одна черкасская (малороссійская), 7 ременныхъ треногъ или путъ для лошадей. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 110—111).

[4]) Изъ крашенины, расшитый краснымъ кумачемъ; къ нему по угламъ вмѣсто башенъ приставлено было 4 небольшихъ шатра; одинъ изъ наметовъ былъ расшитъ и подложенъ краснымъ кумачемъ, другой—шатрикъ турецкій—подложенъ зеленою крашениною и расшитъ разнымъ кумачемъ; двѣ большихъ *крышки* брезента, которыми закрывались сверху наметы и палатки, изъ коихъ одна была изъ паруснаго полотна, другая изъ крашенины; клозетъ изъ крашенины. (Ibidem, стр. 112).

[5]) Изарбаеу, т. е. золотой или серебряной ткани съ узорами, штофу *венецейскаго*, т. е. венеціанскаго бархату, тафты, „дорогонъ“ Кашанскихъ (полосатой или клѣтчатой шелковой ткани съ золотыми, серебряными травками; извѣстны дороги Гилянскія, Турскія, Кашанскія и т. п.), луданонъ разныхъ цвѣтовъ, камки, турецкаго бархату, штофу, стамеду, гаруса, коломонки, китайки разныхъ цвѣтовъ, полотна разныхъ сортовъ—швабскаго, черкасскаго, т. е. малороссійскаго, Ивановскаго; (между прочимъ для скатертей и салфетокъ) нѣмецкой пестряди, т. е. ткани изъ разноцвѣтныхъ нитокъ—крашеной основы и бѣлаго утока или наоборотъ; англійскаго сукна; мѣховъ собольихъ, горностаевыхъ, куньихъ, бѣличьихъ, лисьихъ, рысьихъ кожъ; кружевъ—золотныхъ, серебряныхъ по красной камкѣ съ серебряною бахромою на концахъ; нитянаго широкаго для простынь, турецкаго сафьяна; пуговицъ. У полковника Федора Донца также были запасы изарбаеу, штофу, байберску, камки, дороги, лудана, обломковъ и слитковъ золота и серебра, позументу, тесьмы. У полковника Лаврентія Шидловскаго оказались мѣха—лисьи, соболи, полотна (черкасскаго и шленскаго) на 50 женскихъ рубахъ, на платки и полотенца, на скатерти „бранныя“, т. е. изъ брашны—узорчатой ткани, у которой нити основы прибирались особеннымъ счетомъ для составленія желаннаго узора, сукна. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 92, 98—101, 84—85, 140—141).

Денегъ у Ф. В. Шидловскаго нашлось не много: 90 золотыхъ червонцевъ и 180 рублей, но это потому, что весь его капиталъ былъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ—кожевенномъ заводѣ, винномъ подрядѣ въ г. Азовѣ и т. п. Для этого послѣдняго онъ кромѣ своего собственнаго купилъ еще 359 кубъ вина, затративъ на это 6060 руб. да на провозъ, покупку бударъ и рабочимъ 400 руб., всего 6460 руб. [1]).

Въ большихъ размѣрахъ Шидловскій велъ также торговлю за счетъ князя А. Д. Меньшикова.

Теперь перейдемъ къ описанію одежды харьковскихъ полковниковъ. По словамъ Г. Ѳ. Квитки, который конечно, могъ видѣть старые казацкіе костюмы въ родительскомъ домѣ въ сундукахъ и по стѣнамъ, мужчины, служившіе въ полкахъ, имѣли платье казацкое или національное малороссійское: широкіе шаровары, полукафтанье, подпоясанное по таліи поясомъ; сверху черкеска съ откидными рукавами; шапка высокая изъ бараньихъ смушекъ, съ суконнымъ цвѣтнымъ верхомъ; за поясомъ, на цѣпочкѣ, ножъ и при поясѣ же на портупеѣ кривая сабля, опоясуемая только въ походѣ или и на мѣстѣ передъ собравшимся полкомъ. Полковники и старшины, по состоянію и вкусу своему, окладывали черкески галунами или снурками по борту, а также иногда и мѣхомъ. На портретахъ первоначальныхъ полковниковъ видимъ еще, сверхъ всего, накинутую суконную мантію съ аграфомъ или пряжкою на груди изъ драгоцѣнныхъ камней; но какъ въ рукѣ его видимъ тутъ же „перначъ“—знакъ его достоинства, то и полагать должно, что эта мантія надѣваема имъ была только передъ полкомъ или въ большой парадъ, для отличія отъ всѣхъ подчиненныхъ ему. Съ переформированіемъ казаковъ въ гусары, измѣнились въ полкахъ мундиры, а молодые дворяне, не попавъ въ свои гусарскіе полки, опредѣлялись въ армію и, выходя въ отставку, не обращались къ первоначальной своей одеждѣ, которая сходствовала съ одеждою служащихъ чиновниковъ, кромѣ сабли и можетъ быть цвѣта, а принимали общеупотребительную одежду“ [2]).

Это свѣдѣніе дополняется и подтверждается Головинскимъ, сообщающимъ, что въ 1743 г. „Слободскіе полковники, съ общаго согласія, *впервые* учредили для своихъ полковъ мундиры. Верхнія черкески, съ откидными рукавами, и обложенныя серебряными тесьмами и шнурками во всѣхъ пяти полкахъ были синія, а чекмень и шаровары въ Харьковскомъ—желтые [3]). „Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ подтверждаетъ, что въ XVII вѣкѣ одежда служащихъ козаковъ ничѣмъ не отличалась отъ одежды прочихъ слобожанъ, вооруженіе казака состояло изъ пики, сабли, ружья и пары пистолетовъ [4]), а перначъ или шестоперъ (шестигранная булава) былъ изъ золота или серебра и украшался дорогими каменьями [5]). Отсюда видно, что одежда казацкой старшины, если не считать полковничьей мантіи, по своему виду и формѣ мало чѣмъ отличалась отъ одѣянія простыхъ казаковъ. Свѣдѣнія эти подтверждаются и дополняются описью одеждъ 3-хъ харьковскихъ полковниковъ, которою мы будемъ пользоваться въ полномъ видѣ. За тѣмъ необходимо оговориться, что терминологія описи носитъ на себѣ печать великорусскую, а не мѣстную малорусскую, такъ какъ ее производилъ великороссъ; изрѣдка впрочемъ попадаются и мѣстныя названія и для объясненія этихъ предметовъ мы воспользуемся вышеуказанною прекрасною книгою П. Савваитова.

У Ф. В. Шидловскаго оказалось 5 теплыхъ и 5 холодныхъ мужскихъ *кафтановъ*. Изъ 5 теплыхъ кафтановъ четверо было суконныхъ песочнаго, краснаго, коричневаго и зеленаго

[1]) Ibidem, стр. 71—73.
[2]) Соч. Г. Ѳ. Квитки, т. IV, стр. 461—462.
[3]) Слободскіе казацкіе полки, стр. 179.
[4]) Ibidem, стр. 66.
[5]) Ibidem.

цвѣта, а одинъ курпейчатый (барашковый). Всѣ они были обшиты золотымъ и серебрянымъ позументомъ и подбиты мѣхомъ [1]).

За кафтанами слѣдуетъ *10 камзоловъ*, вѣроятно, соотвѣтствующихъ сподникамъ кафтанамъ, въ то время какъ подъ кафтанами слѣдуетъ разумѣть черкески; а, быть можетъ, это были настоящіе камзолы [2]).

У Лаврентія Шидловскаго оказалось 4 теплыхъ и 2 холодныхъ кафтана (черкески) [3]).

„Исподніе кафтаны“ соотвѣтствовали, вѣроятно, полукафтаньямъ терминологіи Г. Ѳ. Квитки. Ихъ было 5 [4]).

О женскомъ костюмѣ старшинскихъ женъ и дочерей Г. Ѳ. Квитка сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. „Какъ мужчины высшаго сословія носили національную одежду, такъ равно жены ихъ и дочери сохраняли долго ее. Жены полковниковъ и старшинъ носили такъ называемый *„куптушъ“* изъ штофа, парчи, люстрина, объяра, гродетуру и другихъ плотныхъ матерій, по

[1]) Мѣхъ былъ въ одномъ пластинчатый соболій, а подъ рукавами бѣличій, въ другомъ всюду пластинчатый соболій, въ третьемъ соболій пупчатый, а на обшлагахъ и воротникѣ пластинчатый соболій, на четвертомъ вездѣ пластинчатый соболій, на пятомъ мѣхъ былъ изъ туркменскихъ овчинъ, а обшлагъ и воротникъ подбиты и обшиты были въ немъ бархатомъ, изукрашеннымъ травянымъ орнаментомъ. Пуговицы на нихъ были частію съ волоченаго золота, частію серебряныя позолоченыя, частію мѣдныя позолоченыя. Къ одному кафтану были шаровары и портупея изъ того же сукна, съ позументомъ и пуговицами; портупея подложена была лазоревою камкою. 5 холодныхъ кафтановъ были изъ сукна гвоздичнаго, песочнаго, лимоннаго, дымчатаго и коричневого оттѣнковъ. Одинъ изъ нихъ былъ расшитъ пряденымъ золотомъ, полы его подбиты полосатымъ штофомъ съ золотымъ и серебрянымъ травянымъ орнаментомъ, а станъ—красною камкою. Другой былъ подбитъ штофомъ, орнаментированнымъ золотыми травами по красной землѣ, обложенъ золотымъ и серебрянымъ позументомъ. Третій обшитъ золотымъ позументомъ и подбитъ зеленою камкою, а обшлага и воротникъ подложены зеленымъ бархатомъ. Четвертый обшитъ золотымъ позументомъ, подбитъ клѣтчатымъ байберекомъ (ткань изъ крученаго шелка гладкая или съ золотыми и серебряными узорами), а обшлага съ воротникомъ золотою матеріею съ разными шелками. Пятый отороченъ золотымъ позументомъ, обшлага, воротникъ и полы его подбиты штофомъ: по бѣлому атласу золотыя травы съ разными шелками, станъ—лазоревою камкою. Пуговицы у всѣхъ были изъ волоченаго золота.

[2]) Камзолы эти были изъ разныхъ матерій—преимущественно золотой, частію штофа и бархата. Подбиты они были большею частью камкою разныхъ цвѣтовъ съ золотыми позументами, байберекомъ; нѣкоторые подпушены тою же матеріею, изъ которой были сдѣланы и имѣли пуговицы волоченаго золота или серебряныя позолоченыя и золотыя обшивки и петли изъ сканнаго золота. Шаровары были изъ камки и сукна голубого, гвоздичнаго, краснаго и коричневаго цвѣта и подбиты камкою, красною крашенною или полотномъ; нѣкоторые расшиты золотомъ и были съ позументомъ и съ пуговицами волоченаго золота. Было также 4 шелковыхъ турецкихъ *пояса* разныхъ цвѣтовъ (малиноваго, васильковаго, зеленаго).

[3]) Три теплые были покрыты сукномъ желтаго, свѣтло-гвоздичнаго и свѣтло-коричневаго цвѣта и подбиты мѣхомъ—куньимъ пластинчатымъ, лисьимъ хребтовымъ и черевьимъ и обшиты одинъ серебрянымъ тоненькимъ снуркомъ съ серебряными завязками, другой и третій золотымъ снуркомъ съ золотыми завязками, съ клиньями, обшитыми золотымъ позументомъ; у послѣдняго было 8 серебряныхъ позолоченыхъ пуговицъ. Четвертый теплый кафтанъ представлялъ изъ себя тулупъ сѣренькихъ овчинъ, подбитый мѣхомъ горскихъ лисицъ. Два холодные кафтана были покрыты сукномъ свѣтлолазоревого и дымчатаго цвѣта, обшиты тонкимъ золотымъ снуркомъ, полы подбиты были темнымъ штофомъ съ золотымъ и серебрянымъ травянымъ орнаментомъ; въ одномъ около воротника и завязки былъ золотой галунчикъ и 7 маленькихъ серебряныхъ позолоченыхъ пуговицъ; въ другомъ 7 пуговицъ литыхъ, 7 серебряныхъ позолоченыхъ петель изъ снурка, а клинья въ немъ были обшиты золотымъ позументомъ.

[4]) Три штофныхъ, 1 атласный (свѣтло-малиновый) и 1 бумажный изъ бѣлой парчи. По штофному темнолазоревому и голубому полю раскинуты были серебряныя и золотыя травы. Обшиты кафтаны были тонкимъ серебрянымъ или золотымъ снуркомъ или золотымъ галуномъ или позументомъ, или серебрянымъ кружевцомъ (около воротника, пуговицъ и петель), подбиты краснымъ или зеленымъ кумачемъ или тонкою холстиною. На первомъ было 26 серебряныхъ позолоченыхъ пуговицъ, на второмъ—18, на третьемъ—29, на четвертомъ—30, на пятомъ—20; въ рукавахъ нѣкоторыхъ было по нѣсколько серебряныхъ „гапелекъ“. Къ этимъ кафтанамъ былъ кушакъ—поясъ—шелковый турецкій малиновый съ травянымъ орнаментомъ; по концамъ его золото съ серебромъ и съ разными шелками. (Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ. СПБ., 1896 г.; стр. 136—137).

состояпію и вкусу каждой. Покрой „кунтуша“ на подобіе такъ называвшихся „русскихъ шубокъ:“ талія и рукава въ обтяжку, безъ всякихъ сборовъ, кромѣ что назадъ въ таліи были маленькіе сборы, покрывавшіеся сверху широкимъ золотымъ или серебрянымъ гасомъ. Кунтушъ этотъ имѣлъ лежачій воротникъ, на груди откидные клапаны, а на рукавахъ такіе же обшлага, что все дѣлалось изъ богатѣйшей и лучшаго цвѣта матеріи, нежели кунтушъ. На груди онъ былъ открытъ и только на таліи схватывался, пола на полу, крючкомъ, безъ всякаго пояса. На груди видѣнъ былъ парчевой или другой какой *корсетъ*, подъ душу; полы были распашныя и видна была *юбка*, называвшаяся „спидныцею“ богатѣйшей передъ прочимъ парчи или матеріи, и по ней сверху напередъ „запаска“ (передникъ) матеріи яркаго цвѣта. Дѣвушки высшаго сословія носили кунтуши со всѣми принадлежностями. Домашній уборъ дѣвушекъ былъ: *корсетъ* длинный (называемый „юбка“) безъ рукавовъ, при обыкновенной юбкѣ и запаскѣ, изъ за которыхъ видна была рубашка, низъ и рукава коей пышные, кисейные, миткальные и т. п. вышиты были золотомъ, серебромъ, цвѣтными нитками, все, смотря по достатку родителей.... Платья, бывъ изъ богатѣйшихъ парчей и другихъ прочныхъ матерій, переходили отъ матери къ дочери, внукамъ и далѣе, по всей цѣлости и неизмѣнности фасона“ [1]). Здѣсь дается прекрасное описаніе одежды женъ и дочерей старшинъ. Этому описанію соотвѣтствуетъ въ общемъ и опись одеждъ харьковскихъ полковниковъ.

У Ф. В. Шидловскаго оказалось 6 женскихъ кафтановъ [2]). По всей вѣроятности, это были тѣ самые „кунтуши“, о которыхъ мы привели свидѣтельство Г. Ѳ. Квитки, ибо хотя объ одномъ кунтушѣ въ перечнѣ говорится отдѣльно, но по описанію онъ подходитъ къ тѣмъ же кафтанамъ [3]). Затѣмъ упоминается двое штофныхъ *шлафроковъ* желтокраснаго и краснаго цвѣта [4]).

Споднюю одежду составляли *юбки*, по мѣстному „спидныци“, въ описи Перекровскихъ одеждъ называвшіяся „саянами“ [5]). Далѣе слѣдуетъ *6 „шамурлуковъ“ и 3 бострои*. Быть можетъ, это названіе представляетъ варіантъ слова „смурлукъ“—татарское ячмурлукъ отъ татарскаго слова ячмуръ—дождь; такъ называлась верхняя одежда отъ дождя, хотя такому назначенію „шамурлуковъ“ не соотвѣтствуетъ матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы (штофная матерія). Судя по тому, что одинъ изъ шамурлуковъ описывается вмѣстѣ съ юбкой, какъ будто одна одежда, можно бы предполагать, что онъ напоминалъ „корсетку“ [6]). Бострогъ—это таже кор-

---

[1]) Соч. Г. Ѳ. Квитки, т. IV, 462—463.

[2]) 5 изъ шелковой штофной матеріи, обложенныхъ золотымъ или серебрянымъ позументомъ или золотымъ и серебрянымъ кружевомъ или опушенныхъ собольими огонками (огонки—хвосты и обрѣзки, остающіеся отъ пригонки мѣховъ), подшитыхъ горностаевымъ, собольимъ, бѣлымъ лисьимъ мѣхомъ. Цвѣтъ матерій былъ золотой, голубой, зеленый, лимонный, красно-желтый, красный, съ травянымъ серебрянымъ, золотымъ или коричневымъ орнаментомъ.

[3]) По малиновому фону были на немъ золотыя трубы; онъ былъ обшитъ серебрянымъ кружевами съ городами, опушенъ собольими хвостами и подбитъ бѣличьимъ чешуйчатымъ мѣхомъ.

[4]) Они были подбиты брусничнаго цвѣта китайскимъ байберекомъ и голубымъ травчатымъ штофомъ; по красному фону во второмъ были золотыя травы съ разными шелками.

[5]) Ихъ было по описи 6; три изъ нихъ были изъ штофа, одна байберековая, одна объяринная и одна бархатная (дѣтская)—песочнаго, зеленаго, чернаго, лазуреваго и вишневаго цвѣта; въ трехъ по фону были золотыя и шелковыя травы; четыре были оторочены золотымъ и серебрянымъ кружевомъ; три подбиты краснымъ кумачемъ, чернымъ кумачемъ и дымчатою крашениною.

[6]) Вотъ какъ описывается въ документѣ этотъ костюмъ: „шамурлукъ и юбка бархатные темнозеленые, кружево—золото съ серебромъ, подложены—шамурлукъ лазоревою камкою, а юбка—красною“. Остальные шамурлуки не имѣли юбокъ и были сдѣланы изъ штофной матеріи голубого, зеленаго, гвоздичнаго и коричневаго цвѣтовъ съ травянымъ орнаментомъ, обшиты золотымъ или серебрянымъ позументомъ или шелкомъ съ золотомъ, или темнозеленымъ бархатомъ, подложены малиновою или красножелтою тафтою или голубою или брусничною камкою, или собольимъ пластинчатымъ мѣхомъ съ собольею же опушкою.

сетка, безрукавка. „Онъ иногда пришивался къ юбкѣ, но чаще надѣвался отдѣльно. Бострогъ, подходя подъ горло, былъ видѣнъ изъ подъ кунтуша“ [1]).

У Федора Донца было 2 штофныхъ кунтуша краснаго цвѣта съ травянымъ золотосеребрянымъ орнаментомъ [2]).

У Лаврентія Шидловскаго оказалось 14 женскихъ кафтановъ и кунтушъ; изъ нихъ 10 кафтановъ, названныхъ *польскими* [3]).

Странно, что не говорится о „запаскахъ“; впрочемъ среди вещей Ф. В. Шидловскаго упоминается *о фартушкѣ* изъ разныхъ бѣлыхъ шелковыхъ лентъ, подъ которымъ и нужно разумѣть „запаску“ [4]). Любопытно упоминаніе *о 16 плахтахъ* разныхъ шелковъ съ гарусомъ, которыя носили на казацкихъ *саянахъ*“ [5]) (т. е. юбкахъ или „спидныцяхъ“). Это послѣднее свидѣтельство очень любопытно: оно указываетъ, что плахты носились и въ старшинской средѣ, но только дѣлались изъ шелка.

Такова была полковничья одежда—мужская и женская. Необходимо, однако, пополнить ея составъ еще и другими принадлежностями тогдашнихъ костюмовъ. Головные уборы состояли у Ф. В. Шидловскаго изъ 2-хъ шляпъ и 3 шапокъ [6]).

Изъ принадлежностей обуви упоминаются: *подвязки*—однѣ изъ тканнаго золота и серебра и шелка, другія—изъ вишневаго атласа, расшитаго травками изъ волоченаго золота; *чумки*—шелковые и гарусные. Изъ принадлежностей женскаго убора упоминается 5 паръ женскихъ бархатныхъ нѣмецкихъ *башмаковъ* съ галунами и позументомъ, въ томъ числѣ одни были вынизаны жемчугомъ; три женскія *шапки*, изъ коихъ 2 расхожія съ бархатными верхами и съ чер-

---

[1]) Изъ трехъ бостроговъ два были сдѣланы изъ штофа и одинъ изъ объяри, одинъ былъ подбитъ брусничною байкою, другой зеленою тафтою; объярный былъ усыпанъ золотомъ. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 92—94).

[2]) Ibidem, стр. 80.

[3]) Они были сдѣланы изъ бархата, серебряной матеріи (парчи), штофа, атласа, объяри, оксамита, (аксамитъ—золотная или серебряная ткань съ травами и разводами, плотная и ворсистая, какъ бархатъ), сукна, камки и лудана; цвѣтъ матерій былъ малиновый, бѣлый, красный, темнобрусничный, желтокрасный, зеленый, темно-лимонный, голубой, свѣтлокоричневый; большая часть ихъ была на мѣху: собольемъ, а въ рукавахъ бѣличьемъ, бѣличьемъ съ опушкою изъ собольихъ хвостиковъ, лисьемъ; оторочены—золотнотосеребрянымъ кружевомъ или штофомъ, а иногда обшиты и тонкимъ золотымъ снуркомъ, или обложены галуномъ; одинъ (аксамитный)—холодный былъ подложенъ кумачемъ... Кунтушъ описывается такъ: „штофъ зеленый, травы серебряныя съ разными шелками, кружево, золото съ серебромъ, на бѣльемъ хребтовомъ мѣху“. Но какъ сказали выше, и остальные кафтаны, вѣроятно, представляли изъ себя тѣ же кунтуши, только, быть можетъ, нѣсколько иного покроя.

Изъ 8 бостроговъ (корсетокъ), трое было бархатныхъ, трое штофныхъ, одинъ атласный и одинъ объярный; цвѣта матерій были—красный, желтокрасный, свѣтломалиновый, зеленый; всѣ они были расшиты кружевомъ—„золото съ серебромъ съ городки“. Изъ 5 *юбокъ* двѣ было объярныхъ, 2 штофныхъ и одна атласная, цвѣтовъ—зеленаго, малиноваго, брусничнаго и темнобрусничнаго. Обшиты онѣ были узенькимъ золотносеребрянымъ кружевцемъ, подложены (4)—синею крашениною—(крашеный холстъ) или зеленымъ кумачомъ.

Затѣмъ называется еще какой то *„рукавецъ“* изъ малиноваго штофа, съ травяными узорами, обложенный серебрянымъ кружевомъ и опушенный собольими хвостиками.

[4]) Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 73.

[5]) Ibidem, стр. 140.

[6]) Одна изъ шляпъ была съ краснымъ плюмажемъ и обшита золотнымъ позументомъ; другая—простая. Одна шапка была изъ штофа съ золотыми травами, опушена штофомъ же съ серебряными полосами по зеленому фону, подбита зеленою тафтою. Вторая шапка красная суконная съ опушкою изъ лисьяго мѣха. Третья красная бархатная съ 4 собольими полками и золотою лентою завязкою. Къ головнымъ уборамъ можно еще причислить 3 парика—два бѣлыхъ и темнорусый.

ною заячьею опушкой и одна соболья съ бархатнымъ зеленымъ верхомъ; два „*шлычка*“ [1]) одинъ байберековый съ травянымъ золотосеребрянымъ узоромъ по малиновому фону, обшитый золотою лентою, обложенный золотосеребрянымъ кружевомъ; другой такой же изъ атласа; *4 чепца* [2]), *2 муфты*—черная лисья и соболья, подложенная куньимъ мѣхомъ; женскія рукавицы (перчатки)—опушенныя соболемъ и шитыя золотомъ по зеленому бархату [3]).

Теперь перейдемъ къ предметамъ украшенія. Мужчины носили не много украшеній. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены—„*клейноты Царскаго Величества* [4]). Женскія украшенія были таковы: 2 золотыхъ литыхъ монеты на золотыхъ же цѣпочкахъ вѣсомъ въ 77 червонцевъ; серебряная позолоченая цѣпочка длиною въ 1 аршинъ съ 3 серебряными колечками; „*вынецъ*“, который надѣвали во время свадьбы, унизанный мелкимъ жемчугомъ съ половинчатыми китайскими зернами; жемчужное ожерелье изъ 71 зерна, съ привѣшенной къ нему алмазной короной изъ 16 алмазовъ; жемчужное ожерелье изъ 73 зеренъ, съ золотымъ крестомъ, 5 алмазами и зеленымъ изумрудомъ; зарукавья и ожерелье жемчужное въ 2 нитки изъ 145 зеренъ.

У полковника Федора Донца оказалось еще больше женскихъ украшеній [5]).

И такъ, домашняя обстановка представителей харьковскаго высшаго круга въ началѣ XVIII вѣка (и конечно, нѣсколько ранѣе, напримѣръ, въ концѣ XVII вѣка) отличалась разнообразіемъ и богатствомъ. Можно сказать, что она составляла по своей стоимости видную часть

---

[1]) Шлычекъ—женская шапочка.

[2]) Изъ нихъ 2 черкасской, т. е. малороссійской работы, шитые волоченымъ золотомъ по красной объярн третій—красножелтый, низанный жемчугомъ, съ алмазною запоною по серединѣ и короною изъ 64 большихъ и малыхъ алмазовъ и алмазныхъ искръ; четвертый—пгофный зеленый съ золотыми травками; нижняя часть его была украшена жемчугомъ, нанизаннымъ на серебряной проволокѣ; среди его было 19 изумрудовъ, четыре лала (рубина) и 10 „зеренъ бурмицкихъ“ (персидскихъ).

[3]) Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 91—92, 94—96.

[4]) Ихъ было у Ф. В. Шидловскаго три—1) золотая медаль, усыпанная алмазами, на золотой цѣпи (значитъ нѣчто въ родѣ гривны); всѣхъ алмазовъ было 56; на цѣпи по серединѣ былъ красный яхонтъ, а на концахъ ея по бѣлому лалу; 2) другая золотая медаль съ 61 алмазами вокругъ и алмазной въ золотѣ короной; 3) третья тисненая золотая медаль, равная по вѣсу 12 червонцамъ, съ коронкою и 40 алмазами.

[5]) Золотая цѣпь изъ 34 звеньевъ вѣсомъ въ 11 золотниковъ; ожерелье крупнаго жемчуга въ 14 нитокъ съ 2 черными камнями—агатами по концамъ вѣсомъ въ 1/2 фунта; ожерелье жемчужное въ 4 нитки съ золотою греческою запоною съ финифтью, двугланымъ орломъ, 3 изумрудами и 32 искрами красныхъ яхонтовъ; ожерелье жемчужное изъ 24 нитокъ вѣсомъ въ 30 1/2 золотниковъ съ 2 серебряными ворворками съ финифтью (ворворка—шарикъ на шнуркѣ или тесьмѣ надъ вотолкою кисти; вотолка—головка или чашечка кисти); жемчужное ожерелье изъ 20 нитокъ съ 2 красными „корольками“ (королекъ—кораллъ, будучи выточенъ въ видѣ шарика, употреблялся въ видѣ пуговицъ) и 2 „ворворками“ на концахъ вѣсомъ въ 36 золотниковъ; ожерелье изъ серебряной „волоки“ вѣсомъ въ 6 золотниковъ; пара золотыхъ серегъ, съ 24 алмазами и финифтью; другая пара серегъ съ 8 красными яхонтами и 6 алмазными „искрами“ съ кольцами; 9 золотыхъ перстней съ яхонтами, изумрудами и алмазными искрами; 5 золотыхъ греческихъ запонъ, т. е. застежекъ или бляхъ для украшенія одежды, съ яхонтовыми искрами, изумрудами и лалами; серебряная позолоченая цѣпочка съ камнями вѣсомъ въ 68 золотниковъ; золотая монета съ изображеніемъ портрета на одной сторонѣ и герба на другой, вѣсомъ въ 24 золотника. (Матеріалы для очерка Шидловскихъ, стр. 84—85).

У полковника Лаврентія Шидловскаго—3 жемчужныхъ ожерелья: одно въ 4 нитки, низанное въ 8 пучковъ и вмѣсто пронизей обогнутое золотыми черноцами съ 3 красными корольками и 2 лентами, вѣсомъ въ 12 золотн.; другое изъ 6 нитокъ съ агатами по концамъ въ 12 золотн.; третье изъ мелкаго жемчуга изъ 4 нитокъ съ красными корольками по концамъ, вѣсомъ въ 4 1/2 золотн.; черная лента, вышизаная жемчугомъ съ 10 лалами и 12 изумрудами, обведенными золотою сканью; золотая цѣпь изъ 6 нитей въ 6 звеньевъ, которую носятъ вмѣсто ожерелья съ 2 красными лентами по концамъ, вѣсомъ въ 15 3/4 золотн.; 16 золотыхъ перстней, изъ конхъ 4 съ алмазами или яхонтами; золотая запона, т. е. золотая ткань: по серединѣ ея 5 алмазовъ, 4 яхонта, кругомъ 15 яхонтовъ, 3 изумруда, сверху золотое колечко, съ нижней стороны котораго наведенъ финифтью Образъ Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ.

ихъ матеріальныхъ средствъ. И на нее, очевидно, и смотрѣли какъ на лучшее средство помѣщенія своего капитала. Разница между домашнимъ обиходомъ того времени и современнымъ намъ строемъ жизни огромная. „Разница эта, по справедливому замѣчанію автора статьи „о старинной одеждѣ и принадлежностяхъ домашняго быта слобожанъ“ г-жи А. Я. Ефименко, прежде всего, конечно, обусловливается тѣмъ, что называютъ различіемъ въ нравахъ и обычаяхъ. Но нигдѣ такъ отчетливо, какъ въ этой сферѣ, не выступаетъ связь между обычаемъ общества и его экономическимъ строемъ. Всѣ эти сундуки съ безчисленными кафтанами, саблями, кусками матерій и т. п. есть яркіе симптомы того хозяйственнаго строя, который принято называть патріархальнымъ. Отдѣльное хозяйство есть законченная экономическая единица, которая производитъ для собственнаго потребленія, а избытокъ обращаетъ въ предметы роскоши. Деньги цѣнятся почти столько же, сколько и всякій другой предметъ, составляющій богатство, и понятно стремленіе поскорѣе обращать ихъ въ вещи: онѣ еще не выросли въ капиталъ, своимъ ростомъ и оборотомъ постоянно создающій новыя и новыя цѣнности. Полковнику пріятнѣе видѣть на полкѣ въ своей горницѣ лишній десятокъ драгоцѣнныхъ кубковъ, чѣмъ знать, что въ мѣдной „передачѣ“ (мѣдный ящикъ для храненія денегъ), запертой въ его кладовой, лежитъ лишняя сотня червонцевъ: богатство въ такой формѣ доставляетъ ему несравненно больше удовольствія, пользы, даже уваженія. Неподвижность обычая, крѣпко защищеннаго отъ вліяній капризной и скоропроходящей моды, неподвижность, которая была результатомъ патріархальнаго экономическаго строя, поддерживала его въ свою очередь: всякій спѣшилъ обращать деньги въ вещи, между прочимъ и потому, что вещамъ не угрожало обезцѣненіе, вслѣдствіе измѣнившихся требованій вкуса. Полковникъ былъ увѣренъ, что сабля, снятая его дѣдомъ съ польскаго шляхтича въ битвѣ при Збаражѣ, будетъ точно также украшать нарядный кафтанъ его внука. Увы. Они не предчувствовали, какъ близки иныя времена: внуки выломали драгоцѣнные камни изъ эфесовъ, чтобы украсить ими пряжки своихъ французскихъ башмаковъ, перелили серебряную посуду, побросали парчевые кунтуши—въ лучшемъ случаѣ пожертвовали ихъ въ церковь на ризы и другія украшенія. Медленными, но неотразимыми шагами надвигался иной экономическій строй и въ то же время вторгались иные обычаи, нравы, вкусы, моды, для которыхъ мѣняющіяся экономическія условія все болѣе и болѣе расчищали почву. И вотъ уже и любитель старины, составитель археологической коллекціи, съ трудомъ отыщетъ какую нибудь вещь изъ полковничьихъ сундуковъ и только архивъ вѣрно хранитъ свою запись“ [1]).

Къ этому нужно прибавить только нѣкоторую оговорку на счетъ чистоты и цѣльности патріархальнаго экономическаго строя. Въ основѣ быта лежало натуральное хозяйство, которое и доставляло большую часть продуктовъ, необходимыхъ для потребленія. Нѣкоторые изъ нихъ фигурируютъ и въ полковничьемъ домашнемъ обиходѣ; таковы—ковры, скатерти, платки, полотенца, чепцы, полотна, попоны, сабли, фурманы *малороссійскаго издѣлія*; это были предметы, завоевавшіе себѣ почетное мѣсто на харьковскомъ и вообще южно-русскомъ рынкѣ и находившіе себѣ сбытъ даже за предѣлами Слободской Украйны и Малороссіи. Мало того: мы встрѣчаемъ и образа *малороссійскаго письма*. Все это свидѣтельствуетъ объ устойчивости основного малорусскаго элемента въ харьковской культурѣ конца XVII и начала XVIII в., ибо онъ находилъ себѣ выраженіе и въ другихъ важныхъ сторонахъ тогдашней жизни—какъ матеріальной, такъ и умственной—напримѣръ, въ пищѣ, обычаяхъ (свадебныхъ и другихъ), воззрѣніяхъ и т. п.

Но въ эту основную малорусскую стихію проникали и постороннія вліянія, находя отраженіе себѣ, между прочимъ, и въ бытовой обстановкѣ. У тѣхъ же харьковскихъ полковниковъ

[1]) Харьковскій Сборникъ на 1887 г., стр. 180—181.

мы находимъ русскія (т. е. великорусскія) сѣдла, въ частности—тульскія пищали, Ивановскія полотна, Бѣлевскіе ножи, Усольскія чарки и коробочки; *польскіе* ножи и ножики, стаканы, сѣдла, кареты, *нѣмецкія* сѣдла и шестрядь и въ частности—*шленскіе*, т. е. силезскіе погребцы, полотна, коляски, Берлинскіе кортики, швабскія полотна, скатерти, салфетки; *шведскіе* стаканы; *англійскія* сукна, *шотландскія* пищали, *голландскія* скатерти, рукомойники, пистолеты, *греческія* сабли, *турецкіе и персидскіе* ковры, полотенца, сабли, пищали, луки, шлемы, ножи, сѣдла, сафьяны, шатры; *китайскіе* шелкъ, ножи, завѣсы.

Всѣ эти постороннія вліянія распредѣлялись болѣе или менѣе равномѣрно и мы не можемъ сказать, чтобы одному изъ нихъ принадлежало руководящее значеніе. Въ этомъ мы видимъ наиболѣе характерную особенность жизни высшаго слоя харьковскаго общества въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Впослѣдствіи обстоятельства измѣнились: харьковскія ярмарки, на которыхъ прежде доминировали иностранные товары,—что находилось въ соотвѣтствіи съ отмѣченною мною основною чертою харьковской культуры—сдѣлались проводниками главнымъ образомъ великорусскихъ издѣлій и товаровъ, какъ это мы видѣли въ главѣ объ экономическомъ бытѣ.

Переходя теперь къ характеристикѣ бытовой жизни большинства харьковскаго населенія—его средняго и низшаго слоя, мы должны отмѣтить сходство ея съ только что изображенной нами жизнью высшаго круга. Это сходство замѣтнѣе всего проявляется въ жилищѣ, его обстановкѣ, въ одеждѣ и въ духовныхъ потребностяхъ. Прототипомъ панскаго „будынка“ служила обыкновенная малороссійская хата; разница—и то не особенно значительная—была въ размѣрахъ; матеріалъ для постройки былъ одинъ и тотъ же—дерево, гонтъ, очеретъ, солома; печи и здѣсь и тамъ были кафельныя. Въ меблировкѣ и вообще обстановкѣ было не мало общаго: обиліе иконъ, скудная меблировка, килимы, скрыни-сундуки съ массою вещей характеризуютъ и панскій, и обывательскій домъ. И у простыхъ обывателей мы найдемъ извѣстные намъ по полковничьему обиходу—черкески, куртуши, бостроги, саяны, плахты, сафьянныя черевички, мониста изъ перловъ и т. п., тѣ же любимыя общемалороссійскія кушанья и напитки, тѣ же свадебные обычаи—только въ большей чистотѣ, простотѣ и неприкосновенности, тѣ же, наконецъ, духовно-религіозныя книги, жертвуемыя въ церкви и монастыри.

Мы подробно разсмотрѣли домашнюю обстановку представителей высшаго слоя казацкаго общества. Теперь намъ остается дать краткую характеристику частнаго быта низшей и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе многочисленной группы харьковскаго населенія до 2 половины XVIII в. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ такого драгоцѣннаго источника, каковымъ была опись имущества трехъ харьковскихъ полковниковъ. Но этотъ недостатокъ отчасти восполняется однимъ источникомъ, который хотя относится и ко 2-й половинѣ XVIII вѣка, рисуетъ бытъ и нравы населенія современнаго ему Харькова и Харьковской губерніи, но при этомъ отмѣчаетъ такія бытовыя черты, которыя являются остаткомъ стараго казацкаго времени. Очевидно, перемѣны, совершившіяся въ управленіи и соціально-экономической жизни Харькова, находили себѣ отраженіе главнымъ образомъ въ бытѣ верхняго слоя общества и мало затрогивали частную жизнь огромнаго большинства населенія. Типическою особенностью стариннаго уклада мѣстной жизни является ея *однообразіе:* города въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличались отъ деревень; положеніе высшаго класса общества—казацкой старшины—отъ низшаго; разница въ ихъ обстановкѣ была, такъ сказать, количественная, а не качественная. Вотъ почему авторъ того памятника, о которомъ мы говорили выше—Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества 1785 г.—даетъ намъ въ своемъ сочиненіи характеристику быта слобожанъ, общую въ значительной степени и для городовъ, и для селъ, и для Харькова, и для губерніи.

О жилищѣ авторъ „Топографическаго описанія“ сообщаетъ такія свѣдѣнія. Малороссіяне любятъ во всемъ чистоту и опрятность. Ихъ избы, называемыя хатами, будь онѣ рубленыя изъ дерева или сплетенныя изъ хвороста, обмазывались вмѣстѣ съ просторными сѣнями, съ обѣихъ сторонъ, т. е. снаружи и извнутри глиною, которою набивались также и полы; заваленки (прызьба) возлѣ хатъ, сплетенныя изъ хвороста и набитыя землею почти до самыхъ оконъ, также обмазывались глиною. Пространство около стѣнъ и печей и по печному фундаменту покрывали бѣлою или желтою, рѣдко красною или черною краскою. Заваленки служили на дворѣ вмѣсто скамеекъ, а чтобы онѣ не размывались, да и для прикрытія стѣнъ вообще дѣлали кровлю съ большимъ спускомъ или навѣсомъ, особенно на поперечныхъ стѣнахъ. Печи, называемыя *грубами*, дѣлались изъ *кафель* (изразцовъ), или кирпича, при чемъ топка дѣлается въ сѣняхъ съ глинобитнаго очажка, который былъ не выше 1/4 аршина; надъ нимъ въ видѣ шатра дѣлалась изъ прутьевъ, обмазанныхъ глиною, труба, называвшаяся *„комыномъ“*. У болѣе зажиточныхъ кафли были зеленыя, а у другихъ просто обоженныя, побѣленныя бѣлою глиною или мѣломъ; эту побѣлку возобновляли каждую субботу, особенно же къ большимъ праздникамъ, зимою только внутри, а лѣтомъ и снаружи. Въ рѣдкой хатѣ бывало менѣе трехъ стекольчатыхъ оконъ по большей части изъ круглыхъ стеколъ. По этому всегда можно было найти у малороссіянина чистую, свѣтлую не угарную хату, не угарную, потому что печи почти весь день понемногу протапливались, трубы въ нихъ не закрывались. Топили печи соломою, камышемъ, называемымъ по мѣстному очеретомъ, кизякомъ, т. е. высушеннымъ навозомъ, рѣдко мелкими дровами. Печи, благодаря тонкости своей, накалялись очень быстро, такъ что нетопленную хату зимою можно было нагрѣть въ полчаса, причемъ, однако, она быстро охлаждалась и требовала новой топки. Въ хатѣ обыкновенно около стѣнъ устраивались скамьи, а вдоль той стѣны, къ которой примыкала печь, дѣлались нары, служившія вмѣсто кровати; а запечокъ служилъ мѣстомъ для ссыпки и сушки зерна. Въ переднемъ углу, гдѣ находятся иконы, стоялъ обыкновенно длинный и узкій чисто вымытый столъ, накрытый у зажиточныхъ „килымомъ“ (т. е. ковромъ мѣстной харьковской работы), а у небогатыхъ чистымъ рядномъ и на немъ клался цѣлый ситный хлѣбъ и солонка или просто кучка соли, какъ символъ гостепріимства; у болѣе богатыхъ вмѣсто столовъ на низенькихъ ножкахъ, вбитыхъ въ землю, бывалъ сундукъ (скрыня) или выдвижные ящики въ столѣ, окованные желѣзомъ и то и другое со внутренними замками; сундукъ покрывался ковромъ, а поверхъ его скатертью. Крыши крыли камышомъ, изъ котораго, при недостаткѣ дерева, дѣлали и потолки на тонкихъ но частыхъ перекладинахъ, укрѣпляя ихъ въ матицу (сволокъ), которая шла по серединѣ черезъ всю хату, и обмазывали съ обѣихъ сторонъ глиною. Но кромѣ камыша харьковцы употребляли для кровли еще солому и гонтъ. Дворы окружались плетневыми заборами. Это описаніе подтверждается и извѣстнымъ намъ сообщеніемъ академика Зуева, который говоритъ, что строеніе г. Харькова было деревянное или хворостяное, вымазанное снаружи глиною и выбѣленное, внутри же расположенное по *малороссійскому* образцу, причемъ иногда одна половина дома предназначалась для хозяина съ семьею, а другая съ галлереей для гостей, покупавшихъ горѣлку.

Болѣе зажиточные изъ войсковыхъ обывателей, живущихъ въ *городахъ* и большихъ селеніяхъ (мужчины и женщины) читаемъ мы далѣе, особенно въ праздничные дни, носятъ кафтаны нѣмецкаго сукна, если не на борту, то на бокахъ отороченные золотымъ или серебрянымъ позументомъ, при чемъ покрой мужскаго платья мало чѣмъ отличался отъ женскаго; только женскіе *куптуши* были длиннѣе мужскаго *полукафтанья*; у женщинъ кромѣ того были шелковыя *бостроги* и *юпки*, обложенныя иногда позументомъ. Юпки или по мѣстному „спидньци“ назывались еще иначе саянами. Бострогъ—иначе „корсетъ“ (кирсетка) безъ рукавовъ;

онъ иногда пришивался къ саяну, но чаще надѣвался отдѣльно. Бострогъ, подходя подъ горло, былъ видѣнъ изъ подъ кунтуша. Кунтушъ имѣлъ талію и рукава въ обтяжку (только назади въ таліи были маленькіе сборы), лежачій воротникъ, откидные отвороты на груди и обшлага на рукавахъ. На груди онъ былъ открытъ и только на таліи схватывался крючкомъ безъ пояса [1]). Сапоги у того и другого пола были кожаные или *сафьянные*—красные и желтые—съ желѣзными скобками или подковами вмѣсто каблуковъ. На шеяхъ женщины носили нитки мониста или красныхъ коралловъ, называвшихся *перлами*, и чѣмъ кто былъ зажиточнѣе, тѣмъ большее количество низокъ было у него; къ этимъ низкамъ привѣшивались по одной или по нѣсколько золотыхъ медалей, называвшихся *талерами*, а болѣе зажиточные украшали свои ожерелья червонцами, свернутыми въ трубочку и нанизанными между кораллами; когда же они оказывались нужными, то ихъ снимали. На головахъ женщины носили шапочки, называвшіяся *кораблики*, у коихъ обыкновенно бывала черная бархатная опушка, а верхняя часть парчевая или штофная; подъ эту шапочку подчесывались и всѣ волосы. Многія же вмѣсто шапочекъ стали уже носить на головѣ платки и „сборники“, а на ногахъ обыкновенные женскіе башмаки и туфли. Дѣвушки одѣвались также, какъ и женщины, съ тою только разницею, что надѣвали на голову ленты, свивали волосы въ косу, дѣлая изъ нея на маковкѣ головы подобіе вѣнчика, что было красиво, въ особенности когда при этомъ украшали еще косу цвѣтами. Тѣ же, которыя повязывались платками, выпускали косу изъ подъ платка и заплетали въ конецъ ея широкую ленту; нѣкоторыя прикалывали косу къ платку. Рѣдко у людей средняго достатка не было кафтана изъ нѣмецкаго сукна; полукафтанья по большей части были изъ такого же сукна или изъ китайки. Женщины носили *бострои* шелковыя или бумажныя, а вмѣсто юпокъ *плахты* своего издѣлія, т. е. такое разноцвѣтное шерстяное шахматнаго рисунка портище, которымъ можно было обвернуть безъ всякой сшивки все тѣло до поясницы; плахту съ запаской подвязывали или шелковымъ передникомъ, или шерстянымъ кушакомъ, или поясомъ съ опущенными лопастями, концы коихъ обшивались ленточкою, позументомъ или бахромою; иногда же пришивались и кисточки. Иногда также въ эти плахты вшивали съ боку камлотовый, кумачевый, китайчатый или крашенинный клинъ—и тогда онѣ напоминали юбки, хотя все таки опоясывались поверхъ запасокъ поясомъ или кушакомъ. Сапоги же носили подчасъ изъ черной кожи съ желѣзными подковами, женщины же и дѣвушки—башмаки и туфли. *Сельскіе* жители одѣвались иначе: въ ихъ уборѣ сохранилось еще болѣе остатковъ отдаленной малорусской старины. Такова была одежда.

Пища у малороссіянъ, по словамъ нашего автора, была лучше, чѣмъ у великороссовъ. Рѣдко у кого не было пшеничныхъ пампушниковъ, называемыхъ „паляницями и книшами“; ржаной хлѣбъ у всѣхъ почти просѣянный на ситѣ, а не на рѣшетѣ; варили пищу 2 раза въ день—утромъ и вечеромъ; пустыхъ щей и кашицы никогда не бывало, а ѣли обыкновенно *борщъ* изъ свеклы и капусты, затертый пшеномъ, а сваренный на „сыровцѣ“, т. е. очень кисломъ квасѣ, со свинымъ саломъ; по праздникамъ рѣдко у кого не бывало баранины, домашней птицы, а иногда и дичи. Вечеромъ же обыкновенно варились *вареники* изъ пшеничной или гречневой муки съ творогомъ, называемымъ здѣсь „сыромъ“. Варили также похлебку съ клецками или „галушками“ изъ гречневой муки съ саломъ и пшенную крутую кашу съ саломъ или масломъ и укропомъ; лѣтомъ приготовляли ботвинью подъ именемъ „холодца“. Всякій почти разводилъ огородныя овощи и имѣлъ бахчи или по мѣстному *баштаны*.

Затѣмъ авторъ „Топографическаго описанія“ останавливается на обычаяхъ, обрядахъ и нравахъ слобожанъ. Отмѣчаетъ обиліе излишнихъ празднествъ. Такъ, напримѣръ, говоритъ

[1]) Старинная одежда и принадлежности домашняго быта Слобожанъ (Харьковскій Сборникъ на 1887 г., стр. 173—174).

онъ, слобожане празднуютъ цѣлую недѣлю послѣ праздника Сошествія Св. Духа. Мужчины и женщины ходятъ при этомъ компаніями по улицамъ съ оркестромъ музыки, состоящимъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ скрипокъ и *цимбалъ* [1]); послѣдній инструментъ представляетъ изъ себя небольшой ручной ящикъ, въ которомъ натянуты наподобіе клавикордовъ струны изъ мѣдной проволоки, по которымъ ударяютъ нарочно сдѣланными для этого деревянными „палцатами“. Заходя въ каждый встрѣчающійся по пути шинокъ, компанія вышивала тамъ горѣлку маленькою чаркою и при этомъ пляшутъ либо малороссійскій, либо польскій танецъ. Есть цѣлый рядъ и другихъ мѣстныхъ народныхъ праздниковъ, напримѣръ, Палыкопы (т. е. Пантелеймона цѣлителя). Къ храмовымъ праздникамъ являлось множество народа, особенно женщинъ, и изъ сосѣднихъ мѣстъ. Свадебныя празднества отнимали много времени, стоили очень дорого и у простолюдиновъ бывало при нихъ больше обрядовъ, чѣмъ у горожанъ.

О свадебныхъ обычаяхъ слобожанъ сообщаетъ подробныя и любопытныя свѣдѣнія современникъ Калиновскій въ своемъ сочиненіи, напечатанномъ еще въ 1776 г. Здѣсь говорится о сватовствѣ при посредствѣ двухъ сватовъ—„старостивъ“, которымъ вручались символы ихъ полномочія—хлѣбъ и *посохи*; при чемъ испрашивалось согласіе невѣсты, которая выражала его подаваніемъ „рушниковъ“, иногда вышитыхъ шелкомъ или золотомъ. Если предложеніе принималось, женихъ получалъ право навѣщать невѣсту и проводить съ нею время. Наканунѣ свадьбы назначался въ домѣ невѣсты *дывичникъ*, куда собирались по ея приглашенію подруги—„дружки“, при чемъ одна изъ нихъ, называвшаяся *„свѣтилкою“* во время свадебнаго стола сидѣла въ большомъ углу и держала на увитой калиновыми вѣтвями и ягодами казацкой саблѣ зажженную восковую свѣчу—„тройчатку“. Къ ужину пріѣзжалъ женихъ съ *„боярами“*—пѣли пѣсни и танцевали. Послѣ вѣнца, происходившаго обыкновенно днемъ послѣ обѣдни, новобрачные уѣзжали каждый въ свой домъ со своею „бесѣдою“, т. е. компаніей. Послѣ обѣда новобрачный получалъ разрѣшеніе отъ своихъ родителей ѣхать къ новобрачной. Его съ разными церемоніями встрѣчаютъ; онъ сходитъ съ лошади, на которую садится братъ невѣсты и мчится по улицѣ во всю конскую прыть, а за нимъ гонятся бояре и поймавъ приводятъ во дворъ; онъ беретъ денежный *выкупъ* за сестру отъ бояръ, а потомъ и отъ дружка. Новобрачные садятся вмѣстѣ за столъ и раздаются подарки; затѣмъ начинались на дворѣ танцы подъ музыку, а потомъ обѣдъ и снова танцы и ужинъ, послѣ котораго новобрачная отправляется въ домъ родителей мужа, который ѣдетъ верхомъ съ боярами, какъ бы охраняя свою жену. Въ воротахъ они должны были проѣзжать черезъ разложенный огонь. Новобрачная, при входѣ въ спальню, разувала мужа, который билъ ее (символически—въ знакъ своей власти) голенищемъ по спинѣ. Затѣмъ происходили разные обряды, связанные съ фактомъ цѣломудрія невѣсты. Празднества продолжались цѣлую недѣлю и обходились, какъ это видно изъ приводимыхъ Калиновскимъ цифръ, довольно дорого.

Конечно, трудно сказать съ полною опредѣленностью, имѣлъ ли примѣненіе въ полномъ объемѣ описанный Калиновскимъ свадебный ритуалъ у простолюдиновъ г. Харькова. Можно думать, однако, что онъ былъ въ общемъ распространеніи не только у сельскаго, но и городского населенія лѣвобережной и Слободской Украинъ въ старину, а въ описываемый моментъ, т. е. во 2-й половинѣ XVIII вѣка, въ Харьковѣ сохранился преимущественно у простолюдиновъ, занимавшихся земледѣліемъ, но при этомъ утратилъ уже кое что изъ своихъ подробностей. Но что жители Харьковскихъ слободъ крѣпко еще держались старинныхъ свадебныхъ обычаевъ, убѣдительно доказывается пьесой Г. Ѳ. Квитки-Основяненко „Сватанье на Гончаривци“ (т. е. на нынѣшней Гончаровкѣ), ибо въ этой пьесѣ, на основаніи личнаго наблюденія писателя,

[1]) Недавно мнѣ удалось пріобрѣсти цимбалы въ Харьковской губ. для этнографическаго университетскаго музея.

проживавшаго на Основѣ, подробно описываются свадебные обряды харьковцевъ-гончаровцевъ и это описаніе близко подходитъ къ только что приведенному. Правда, у Квитки мы не находимъ уже отзывающагося глубочайшею стариною обряда разуванія (еще Рогнѣда, какъ извѣстно по лѣтописи, не хотѣла разувать рабычича Владиміра язычника), но и авторъ „Топографическаго описанія“ сообщилъ намъ, что горожане справляли свадьбы съ меньшимъ числомъ обрядностей, чѣмъ селяне. Тотъ же авторъ далѣе говоритъ о весеннихъ празднествахъ у слобожанъ, о колядкахъ, о купальскихъ огняхъ и пѣсняхъ; все это могло быть и въ Харьковѣ и доказывается это тѣмъ, что еще до сихъ поръ удержался здѣсь старинный малороссійскій обычай хожденія на Рождество со звѣздою.

Пережитки старыхъ языческихъ воззрѣній находили себѣ выраженіе не только въ древнихъ обрядахъ, но и въ вѣрованіяхъ въ волшебство. „Харьковскій житель Рибасовъ, запьянствовавшись въ шинкѣ, остался ночевать въ коморѣ у шинкарки Морозихи. Мѣстный атаманъ, обходившій городъ съ ночнымъ дозоромъ, вторгся съ козаками часа за 2 до разсвѣта въ комору, забралъ Рибасова и Морозиху и препроводилъ ихъ въ Харьковскую полковую канцелярію. У Морозихи въ кошелькѣ нашли сушеную жабу, о которой Морозиха сказала, что дала ей ту жабу нѣкая баба Агафья, дабы успѣшнѣе торговать винными напитками. Держаніе у себя сушеной лягушки было уже важное дѣло о чародѣяніи, по которому Морозиха съ Агафьей и отправлены были въ Харьковское Духовное Правленіе „для учиненія съ ними по духовнымъ правамъ“. Въ Духовномъ Правленіи опредѣлено: „хотя Агафья въ дачѣ Морозихѣ жабы и запиралась, но такъ какъ изъ ея словъ усмотрѣна ея виновность, то повелѣть ей ходить въ церковь Соборную въ теченіи недѣли *съ набитою на ногу колодкою*, а Морозихѣ опредѣлить отъ отца духовнаго епитимію—молитву, постъ и колѣнопреклоненіе; жабу бросить въ скрытое мѣсто [1]).

О свойствахъ характера слобожанъ авторъ „Топографическаго описанія“ говоритъ не много: онъ указываетъ на приверженность ихъ къ церкви, на склонность къ послушанію, если начальникъ обходится съ ними ласково, а „при строгости, говоритъ онъ, хотя и повинуются, но съ негодованіемъ“. Разбои хотя и бывали, но весьма рѣдко дѣло доходитъ до убійства. И дѣйствительно, въ характерѣ слобожанина была, повидимому, нѣкоторая мягкость, свойственная человѣку, котораго больше привлекалъ мирный земледѣльческій трудъ, чѣмъ военное ремесло. Намъ извѣстенъ за всѣ полтораста лѣтъ только одинъ случай народнаго движенія въ Харьковѣ—это возстаніе, поднятое при Иванѣ Сѣркѣ, окончившееся убійствомъ вѣрнаго правительству полковника Репки. Изъ уголовныхъ преступленій намъ извѣстна только поддѣлка монеты. Въ 1660 году двое харьковскихъ малороссіянъ—Оска Иконникъ и Васька Золотарь—занялись изготовленіемъ мѣдныхъ фальшивыхъ денегъ, начали этимъ заниматься за недѣлю до Рождества, при чемъ Золотарь ковалъ и дѣлалъ монету, а Иконникъ вырѣзывалъ буквы и знаки на обѣихъ сторонахъ, но успѣли изготовить ее только на 3 рубля и затѣмъ попались [2]). Что же касается разбоевъ и воровства, то они, конечно, должны были случаться; но въ козацкій періодъ исторіи Харькова, повидимому, главными дѣйствующими лицами въ нихъ были не столько туземные, сколько пришлые элементы. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Шинкарь Новицкій, проживавшій въ домѣ отставного сотника Якова Калиновскаго, дворъ котораго находился на Подолѣ, въ Троицкомъ приходѣ, жаловался Харьковской полковой канцеляріи, что ночью неизвѣстные ему люди, разбивъ окно и открывъ двери, съ дубинками напали на спавшаго тамъ работника его Супруна, а самъ онъ съ другимъ работникомъ Запарою скрылся отъ нихъ. Разбойники эти были въ сѣрыхъ зипунахъ, а одинъ и въ бѣломъ колпакѣ и по нарѣчію своему—великороссы. Нѣмецъ портной Фикціусъ также жаловался, что въ 6 часу утра

[1]) А. С. Лебедева. Бѣлгородскіе архіерен, стр. 97.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлг., ст. № 920.

болѣе 10 человѣкъ великороссіянъ съ дреколіемъ, ворвавшись въ его домъ, побили окна и хотѣли забрать вещи и убить его самого, но ихъ отогнали прибѣжавшіе на шумъ постороннія лица. Фикціусъ просилъ на будущее время охранить его отъ разбойниковъ или не быть въ претензіи, если для самозащиты онъ будетъ стрѣлять. Харьковскіе обыватели какъ прежде, такъ и теперь словесно жаловались, что неизвѣстные имъ воровскіе люди въ коморахъ замки ломаютъ и въ хатахъ окна бьютъ и открываютъ. Въ виду этого полковая канцелярія просила, чтобы квартировавшій въ Харьковѣ драгунскій полкъ учредилъ ночные караулы строго подтвердивъ солдатамъ воздерживаться отъ подобныхъ палостей“ [1]). Съ нарушителями общественной тишины офицеры, повидимому, не церемонились. Во дворѣ поручицы Волошки произошли шумъ и драка, обвиняемые, въ числѣ коихъ оказался и пономарь, были взяты обходомъ на гауптвахту и наказаны—одни *батогами*, другіе –*палками* [2]). Полковая канцелярія приносила жалобу Бѣлгородскому губернатору, что ночью происходятъ частыя нападенія на дома обывателей отъ проходящихъ и расквартированныхъ воинскихъ командъ и отставныхъ солдатъ, днемъ же отъ нихъ бываютъ грабежи на базарахъ и площадяхъ [3]).

Что же касается туземнаго элемента, то здѣсь мы знаемъ только одинъ, но за то очень характерный случай нападенія *студентовъ* Харьковскаго коллегіума на домъ капитана Назарьева, назначеннаго для производства ревизіи въ Харьковскомъ полку (въ 1745 г.). Онъ жаловался полковой канцеляріи, что въ полночь въ его отсутствіе на отведенную ему квартиру напали студенты Харьковской Академіи и постороннія лица, въ числѣ коихъ люди его доподлинно признали студентовъ—Евфима Лохвицкаго, Константскаго, Новгородскаго, Максимовича и харьковскаго жителя Демьяненка, при чемъ всѣ они не только разбойнически штурмовали его квартиру, но, проникнувъ въ сѣни и покои, побили одного солдата и деньщика, которые находятся при смерти, а унтеръ-офицеру и одному козаку перебили руки, у унтеръ-офицера отняли палашъ, ворота разломали, окна побили и кричали въ нѣсколько голосовъ: „выдайте де намъ его, Назарьева, и мы убьемъ его до смерти“. Вслѣдствіе этого онъ и теперь опасается ходить по городу для исполненія своей коммиссіи и проситъ отправить кого нужно для освидѣтельствованія квартиры, прислать ему для караула 5 козаковъ, розыскать Демьяненка и другихъ виновниковъ. Полковая канцелярія исполнила его просьбу, но къ сожалѣнію слѣдствія по этому дѣлу не сохранилось и мы не знаемъ, чѣмъ вызвано было это „гвалтовное“ нападеніе учащихся на капитана—ревизора. Во всякомъ случаѣ, невозможно допустить, чтобы здѣсь было нападеніе съ цѣлью грабежа, очевидно, мотивомъ тутъ была месть за какое то дѣйствіе Назарьева по отношенію къ ученикамъ Коллегіума [4]). Этотъ случай указываетъ, однако, на то, что кулачная расправа въ то время не считалась чѣмъ то нетерпимымъ, антиобщественнымъ, особенно предосудительнымъ. Ее допускали всѣ высшіе по отношенію къ низшимъ. Въ 1706 г. Харьковскій полковникъ Ѳедоръ Донецъ оффиціально заявлялъ, что воеводы *непрестанно* били подвѣдомственныхъ имъ черкасъ—мѣщанъ [5]). И, очевидно, его жалоба была признана основательной, если послѣ этого въ Харьковѣ было совершенно уничтожено воеводское управленіе. Своимъ выборнымъ козацкимъ начальствомъ харьковцы были довольны. Но обстоятельства измѣнилась, когда полковникомъ имъ былъ назначенъ Матвѣй Прокофьевичъ Куликовскій. На него было подано множество жалобъ. „Канцеляристъ Довбня доносилъ (слѣдственной коммиссіи), что однажды привели его въ домъ полковника, били палками и топтали ногами,

[1]) Харьковскій Историческій Архивъ.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) Харьков. Историч. Архивъ, II отдѣл., № 139.
[5]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы I, стр. 182.

а послѣ содержали безъ причины подъ карауломъ“ [1]). Тотъ же Куликовскій, какъ это видно изъ жалобы на него Непышнаго, всячески притѣснялъ своихъ полчанъ; но этого жалобщика полковникъ велѣлъ страшно избить и посадить подъ караулъ [2]). Даже и командиръ Слободскихъ полковъ князь Кантемиръ бралъ взятки, захватывалъ земли и требовалъ работъ отъ козаковъ, за что и былъ отстраненъ отъ должности. Притѣсняемые харьковцы, не находя законной охраны, позволяли себѣ самоуправную расправу: такъ они вмѣстѣ съ Деркачевцами захватили весь хлѣбъ съ поля полкового есаула М. Горленскаго, „вытравили сѣнокосы и собравшись большою толпою, явно вырубили его лѣсъ до послѣдняго дерева и не довольствуясь этимъ, видимо, мстя ему за что-то, перепортили въ саду плодовыя деревья, разнесли огорожи и разбили его дворъ [3]).

Превращеніе Харькова въ центральный городъ намѣстничества и губерніи въ сильной степени отразилось на бытѣ и нравахъ его населенія. Явился высшій слой городского общества въ лицѣ его чиновничества и онъ началъ задавать тонъ мѣстной жизни. Правители намѣстничества, исправлявшіе генералъ-губернаторскую должность, и губернаторы сдѣлались фокусомъ этого общества, проводниками столичныхъ обычаевъ, модъ, времяпрепровожденія. За ними тянулись и другіе чиновники, занимавшіе высшія должности или обладавшіе независимыми средствами. Къ чиновничеству естественно примкнуло и дворянство, или постоянно проживавшее въ Харьковѣ или же пріѣзжавшее сюда частію на знаменитыя харьковскія ярмарки для продажи своего сырья и покупки различныхъ товаровъ, а частію на выборы.

Конечно, не всѣ намѣстники и губернаторы въ одинаковой степени обладали искусствомъ „объединять харьковское общество“: это въ значительной степени зависѣло отъ личныхъ свойствъ ихъ характера, вкусовъ и привычекъ къ открытой или замкнутой жизни; но не подлежитъ сомнѣнію, что каждый изъ нихъ дѣлалъ шагъ впередъ по части пріобщенія харьковцевъ къ общерусскому складу жизни. Особенно же видную роль въ этомъ отношеніи сыгралъ губернаторъ Кишенскій—тотъ самый, которому обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ харьковскій театръ. „Предсѣдатели, говоритъ Г. Ф. Квитка, совѣтники, прокуроры, стряпчіе разныхъ присутственныхъ мѣстъ, большая часть которыхъ нынѣ уже забыта и по названіямъ, со своими семействами составляли многолюдное общество. Супруга и двѣ дочери губернатора поддерживали въ немъ единодушіе: съ каждымъ были ласковы, ко всѣмъ привѣтливы; обращеніе искреннее, русское, безъ гордости, безъ чванства; всѣ любили ихъ, безпрестанно посѣщали или угощали у себя. Начались въ Харьковѣ балы, маскарады, благородныя сборанія, называвшіяся тогда „клубами“... И какъ все было хорошо въ это безъэтикетное, искреннее, патріархальное время. Каждое воскресенье, каждый праздникъ, торжественный день—а тогда всѣ торжества были табельныя—утромъ всѣ служащіе чиновники, всѣ почему либо прибывшіе въ городъ дворяне съѣзжались къ губернатору. Съ нимъ отправляются въ соборъ. Оттуда опять къ губернатору и, какъ не было тогда приглашеній къ обѣду, а каждый почиталъ должною вѣжливостію пріѣхать на обѣдъ къ начальству, то почти всѣ оставались у него обѣдать. Въ высокоторжественные дни этикетный обѣдъ самъ по себѣ. Въ прочіе праздничные дни, обѣдъ начинался въ часъ. На столѣ сервизъ серебряный, массивный съ гербами, царскимъ и намѣстническими. Такой сервизъ выданъ былъ отъ казны каждому губернатору при открытіи намѣстничества. При столѣ всегда играетъ музыка, поютъ пѣвчіе; въ каждое торжество, при открытіи заздравнаго кубка, пальба изъ городскихъ пушекъ отъ 21 даже до 101 выстрѣла, смотря по предмету торжества.

[1]) Альбовскій, стр. 196.

[2]) Ibidem, стр. 198.

[3]) Ibidem, стр. 195.

Послѣ обѣда рѣдко кто уѣзжалъ. Вмѣстѣ всѣмъ такъ пріятно было. Ласковость хозяекъ, привѣтливость ровная ко всѣмъ, свобода... что этого лучше.... Губернаторъ уходилъ отдыхать и не возвращался; а приходилъ радушный, занимающій всѣхъ хозяинъ. Дамы и дѣвицы въ своихъ кругахъ; около нихъ увиваются любезники съ распудренными тупеями, длинными въ пучокъ связанными косами, въ полосатыхъ фракахъ, вышитыхъ жилетахъ, въ чулкахъ, башмакахъ съ огромными пряжками или въ сапогахъ со скрипомъ, съ большими отворотами и длинными ушами изъ бѣлой кожи; въ петлицѣ фрака букетъ цвѣтовъ. Посеріозпѣе ихъ мужчины, особыми группами расположась, трактуютъ гдѣ о дѣлѣ, гдѣ о театрѣ, объ охотѣ... Хозяинъ, какъ бы въ своемъ семействѣ, принимаетъ участіе въ разговорахъ, сужденіяхъ, возражаетъ и снисходительно выслушиваетъ противорѣчія... Рѣдко, рѣдко, и то для почетныхъ старичковъ, разложитъ одинъ карточный столъ въ рокамболь, ломберъ.

Но вотъ пять часовъ. Глядимъ въ окна... стройно маршируетъ взводъ „классныхъ кадетъ“, въ красивыхъ мундирчикахъ съ легкою аммуниціею. (Ихъ была рота на всемъ положеніи, какъ въ корпусахъ кадетскихъ. Лѣтомъ выходили они за городъ, дѣлали укрѣпленія, штурмовали; у нихъ были свои пушки). Взводъ этотъ ведетъ офицеръ изъ нихъ же и часто моложе ихъ лѣтами, но за успѣхи въ наукахъ удостоенный отъ начальства повелѣвать товарищами. Придя къ театру, офицеръ разставляетъ по два кадета съ ружьецами у каждаго входа и особаго для отбиранія билетовъ. Отъ пяти часовъ, съѣзжаются къ губернатору прочіе чиновники и дворяне съ семействами; тутъ же являются проѣзжающіе чрезъ Харьковъ изъ столицъ или другихъ намѣстничествъ, знакомятся съ губернаторомъ, съ чиновниками, говорятъ о разныхъ предметахъ, новостяхъ... какъ вотъ шесть часовъ. Директоръ театра докладываетъ, что время идти въ театръ. По покойно устроенной лѣстницѣ всѣ сходятъ и идутъ по своимъ мѣстамъ. Съ появленіемъ губернатора въ его ложѣ, оркестръ загремитъ симфонію, непосредственно за нею начинается представленіе. Послѣ спектакля всѣ опять къ губернатору. Тутъ музыка, пѣвчіе начинаются танцы для молодыхъ, продолжаются бесѣды солидныхъ, а картъ все невидно; къ 12 часамъ легкій ужинъ, и всѣ по домамъ. И такихъ дней два, три въ недѣлю... Въ высокоторжественные дни, обѣдъ и балъ у губернатора по билетамъ. Въ театръ свободный для всѣхъ входъ. Изъ высшаго общества не бывало тамъ никого. Послѣ театра фейерверкъ.

Именины губернатора праздновались отлично. Всѣ присутственныя мѣста, по случаю тезоименитства его превосходительства и проч. и проч., закрывались. Всеобщій съѣздъ у губернатора съ поздравленіями. Являлись начальства „классовъ и коллегіума“ съ отборными учениками. Они тезоименитому говорили на всѣхъ преподаваемыхъ въ училищахъ языкахъ поздравительныя рѣчи, стихи, діалоги. Губернская типографія подносила стихи, напечатанные на розовомъ атласѣ. Послѣ полнаго титула, именованія чина, должности, орденовъ, имени, отчества, причины праздника, начинались они такъ:

„Для совершенія предметовъ благостройныхъ
Даютъ цари градамъ правителей достойныхъ“.

и л и

„Градъ Харьковъ, распростри внимательнѣе очи,
Пройди чрезъ цѣлый годъ, пройди всѣ дни, всѣ ночи,
Монаршихъ милостей познай число и вѣсъ.
Начальникъ данъ тебѣ“... (болѣе непомню).

Въ такіе дни въ театръ былъ входъ такъ же свободный. Медвѣдь въ оперѣ „Два охотника“, всегда даваемой въ эти дни, потѣшалъ ликующую публику.

Хорошо и весело жилось харьковскому чиновничеству и дворянству при Кишенскомъ. Личное добродушіе, общительность, гостепріимство губернатора создали ту патріархальную

идиллію, какую рисуетъ намъ Г. Ѳ. Квитка въ своихъ воспоминаніяхъ. Добродушіемъ, но, повидимому, съ примѣсью простоватости отличался и другой губернаторъ И. Д. Пашковъ. По словамъ его потомка Пашкова, онъ долго и счастливо управлялъ губерніей. Харьковъ, какъ и уѣзды, при немъ начали быстро благоустраиваться: засыпались болота, дѣлались мосты и переправы, рылись канавы для спуска воды и строились каменные храмы, дома и лавки, чего *дотолѣ не было*. Послѣднее извѣстіе не вѣрно, да и вообще воспоминанія изобилуютъ ошибками и идеализируютъ личность Пашкова. Авторъ ихъ, напримѣръ, говоритъ, что „по разсказамъ стариковъ, всѣ благоденствовали отъ изобилія и благополучія, ибо изобиліе даровъ природы и дешевизна ихъ были баснословны“. А въ доказательство этого приводится разсказъ о томъ, что Пашковъ „цѣлые обозы разнородной дичи въ бочкахъ, залитыхъ коровьимъ масломъ, ежегодно отправлялъ ко двору и своимъ сѣвернымъ друзьямъ. Въ числѣ дичи были отправляемы и дикія козы, которыхъ ливили въ Святогорскихъ лѣсахъ, бывшихъ тогда Юсупова, и Маяцкой засѣкѣ, гдѣ и медвѣди водились еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія и одинъ изъ нихъ во время облавы почти оторвалъ руку Святогорскому управляющему Беру“.

Пашковъ былъ очень красивъ и занимался своею красотою, для чего выписывалъ изъ Парижа все, что только было лучшаго въ то время по косметической части, и одѣвался весьма изящно.

Въ Харьковѣ И. Д. Пашкову принадлежалъ цѣлый кварталъ отъ Лопанскаго моста до монастырскихъ владѣній и отъ Университетской горки до Лопани. Даже по другую сторону Лопани принадлежалъ ему домъ, который былъ въ наше время пожертвованъ Бородаевскимъ Харьковскому Обществу грамотности. На этомъ обширномъ мѣстѣ стоялъ и губернаторскій обширный домъ Пашкова съ флигелями на берегу рѣки. Въ домѣ онъ жилъ самъ, а во флигеляхъ родные и прислуга [1]).

Нужно замѣтить, что эти родные—братья и сестры губернатора были простыми крестьянами, но онъ выхлопоталъ имъ дворянство. Интересенъ разсказъ о превращеніи этихъ крестьянъ, явившихся въ Харьковъ къ своему именитому брату, въ дворянъ. „Трудно повѣрить, говорится въ воспоминаніяхъ Пашкова, что это были родные братья губернатора. Старые мужики съ длинными сѣдыми бородами, волосы въ скобку и съ проборомъ по серединѣ, въ длинныхъ поярковыхъ свитахъ, подпоясанные красными кушаками и въ смазныхъ сапогахъ. По распоряженію губернатора ихъ не сразу допустили къ нему, а сначала постригли, обрили бороды, вымыли въ банѣ и одѣли. Когда имъ пришлось разставаться со своими бородами, они начали молиться и рыдать... А между тѣмъ болѣе десятка разныхъ мастеровыхъ поспѣшно шили для каждаго изъ нихъ полный костюмъ—длинные сюртуки изъ тонкаго англійскаго сукна, бархатные камзолы, голландскія рубахи съ манжетами и нѣмецкіе сапоги съ кисточками. Дня черезъ два старики были прилично костюмированы и началась выправка точно рекрутъ, т. е. прохожденіе курса образованія, необходимаго для дворянина, да еще и губернаторскаго брата. Французовъ въ Харьковѣ тогда еще не было, а нѣмцы уже водились и снабжали весь Харьковъ колбасами и пивомъ, шили сапоги, дѣлали и продавали ваксу и разныя побрякушки; на которыя и купили потомъ лучшія имѣнія въ окрестностяхъ Харькова и въ губерніи, а въ Харьковѣ повыстроили собственные дома, забрали въ свои руки мѣстную торговлю, всю заграничную корреспонденцію, воспитаніе русскаго юношества и пр. Вотъ двоихъ изъ такихъ то нѣмцевъ—Г'ера Гейдемана и другого Кеппена наняли выправлять Пашковыхъ. Желая показать себя достойными столь важнаго призванія, нѣмцы такъ принялись муштровать стариковъ, что они и дворянству были не рады, хотѣли бѣжать и чуть не ушли изъ Харькова пѣшкомъ въ свой Лю-

[1]) Изъ прошлаго Харьковскаго края Пашкова (Харьк. Губ. Вѣдом. 1876 г. № 2).

бачъ. Видно нѣмцы хорошо допекали ихъ муштрой. Стариковъ нѣмцы ставили въ шеренгу, выправляли имъ руки и ноги и учили ходить по дворянски, не сгибая колѣнъ; потомъ учили: какъ садиться, сидѣть и вставать, кланяться, держать голову и руки, какъ сидѣть за обѣдомъ и по скольку брать кушанья, какъ пить чай, говорить и молиться по дворянски. Мучительно было старикамъ превращаться изъ мужиковъ въ дворянъ, да сильна была власть брата—губернатора, которой они должны были покориться по необходимости. Однако, когда муштрой и выправкой уже хорошо допекли имъ, то старшіе братья протестовали, а меньшіе, скрѣпя сердце, усваивали себѣ дворянскіе артикулы. И. Д. Пашковъ приказалъ передать братьямъ, что онъ отнюдь не желаетъ видѣть ихъ мужиками, а дворянами, и потому образованіе стариковъ продолжалось цѣлыхъ двѣ недѣли, пока наконецъ назначенъ былъ день для представленія брату. И обрадовались старики, и трухнули. Только преосвященный и Карповъ были у губернатора, когда поутру вошли въ залъ гвардейскаго роста четыре брата, преобразованные въ русскихъ нѣмцевъ. Со страхомъ и трепетомъ вошли сіи гомерическіе старцы, изъ которыхъ старшему было уже 80 лѣтъ, а другому за 60 лѣтъ. Вошли, бросились къ брату, пали предъ нимъ наколѣни и цѣловали руки и ноги. И. Д. до того былъ тронутъ и потрясенъ, что съ полчаса не могъ выговорить ни одного слова, а только плакалъ и принималъ братьевъ въ объятья. Сцена была глубоко поразительная. Потомъ И. Д. указалъ братьямъ на развернутую и лежавшую во всю величину на столѣ подъ образами царскую грамоту, передъ которой старики пали долу, молились, цѣловали и плакали... И. Д. поздравилъ братьевъ дворянами... Начался съѣздъ гостей, закуска и обѣдъ съ музыкой и пѣвчими. На другой же день И. Д. очень щедро одарилъ братьевъ: каждый получилъ по хорошей волчьей шубѣ и по собольей шапкѣ съ теплыми мѣховыми сапогами, потому что былъ уже октябрь, по нѣсколько аршинъ стукна, по штукѣ тонкаго полотна и по полдюжинѣ серебряныхъ ложекъ. Не забылъ И. Д. и трехъ невѣстокъ: приказалъ братьямъ отвезти по штукѣ ситцу и по дорогой шали. При ежедневномъ съѣздѣ и обѣдахъ братья прогостили еще съ недѣлю у губернатора, были у преосвященнаго, въ храмахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и у нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ почетныхъ лицъ, ѣздили и ходили по всему городу и имъ было показано все, что только было замѣчательнаго въ то время въ Харьковѣ. Такимъ образомъ, пріѣхавши въ Харьковъ мужиками и пробывши въ немъ три недѣли, прадѣды уѣхали въ подаренныхъ имъ Карповымъ и другими купцами бричкахъ дворянами, т. е. такими джентльменами, какіе имъ и во снѣ никогда не могли сниться". Однако положеніе этихъ „джентльменовъ" въ деревнѣ оказалось довольно плачевнымъ; не смотря на дворянство и „богатые" подарки брата, имъ, все таки пришлось обратиться повидимому къ крестьянской жизни, да и жены ихъ, не прошедшія такой школы воспитанія, какую прошли мужья подъ руководствомъ педагоговъ нѣмцевъ, не могли оцѣнить должнымъ образомъ ихъ новаго дворянскаго званія, двѣ изъ нихъ, увидѣвъ своихъ мужей безъ бородъ и въ нѣмецкомъ платьѣ, „перепугались и заголосили, а третья, бойкая и веселая старуха, начала хохотать и издѣвается надъ мужемъ и такъ разсердила его, что онъ поколотилъ ее, ушелъ къ братьямъ и прожилъ у нихъ цѣлую недѣлю". Мужики же, собравшіеся даже изъ сосѣднихъ деревень посмотрѣть на новыхъ дворянъ, порѣшили, что стариковъ должно быть обезчестили за какую нибудь провинность, ибо обрили имъ бороды и остригли, какъ рекрутъ [1]). Такъ своеобразно истолковала несвѣдующая въ дворянскихъ обычаяхъ деревня метаморфозу, происшедшую съ губернаторскими братьями въ Харьковѣ.

Разсказанный здѣсь эпизодъ имѣетъ и общее значеніе, ибо многіе въ это время превращались изъ казацкой старшины, изъ „полупанковъ" и „підпанковъ", даже изъ казаковъ, мало

[1]) Изъ прошлаго Харьковскаго края. Пашкова (Харьк. Губ. Вѣд. 1876 г.).

чѣмъ отличавшихся по быту отъ крестьянъ, въ дворянъ. Разница была только въ томъ, что съ Пашковыми эта метаморфоза совершилась особенно быстро и при нѣсколько исключительныхъ условіяхъ; у другихъ же и самая нобилитація совершалась медленнѣе и менѣе замѣтно она отражалась на ихъ внѣшнемъ видѣ и домашней обстановкѣ. Впрочемъ и другіе старались возможно скорѣе разстаться съ стариною, которая не соотвѣтствовала новымъ формамъ и требованіямъ жизни. Такъ было и въ Малороссіи, и въ Слободской Украйнѣ. Тимковскій въ своихъ интересныхъ мемуарахъ отмѣчаетъ, что въ этой эпохѣ (послѣ уничтоженія гетманщины) замѣтенъ „великій переходъ изъ стараго вѣка“, „того вѣка, который такъ быстро становится древнимъ“. Въ подтвержденіе этой мысли онъ разсказываетъ, что его отецъ, бывшій прежде полковымъ есауломъ, принявъ должность засѣдателя, вернулся къ нимъ совсѣмъ преобразившимся: „поѣхалъ въ черкесскѣ съ подбритымъ чубомъ, шапкою и саблею—пріѣхалъ въ сюртукѣ и камзолѣ, съ запущенною косою, мундиромъ, шляпой и шпагой. То таки бывало выйдетъ, говорили между собою люди, або на коня сядетъ, уже панъ какъ папъ, а теперь абы що—нѣмецъ, не нѣмецъ, такъ себѣ подщипанный“ [1]).

Г. Ѳ. Квитка отмѣчаетъ такую же перемѣну по отношенію къ населенію бывшей Слободской Украйны и особенно г. Харькова. Мужчины привиллегированныхъ состояній, по его словамъ, приняли общерусскую одежду. Побывъ же въ военной службѣ и примѣнившись къ общимъ обычаямъ, они по возвращеніи въ свои дома „потребовали отъ женъ и дочерей своихъ преобразованія въ одеждѣ, сходно съ общимъ обычаемъ, а съ открытіемъ намѣстничества, рѣшительно уже всѣ женщины, безъ исключенія, приняли перемѣны и подражаютъ въ одеждахъ и уборахъ своихъ обычаю, употребляемому Петербургскимъ высшимъ обществомъ“. Изъ другихъ сословій раньше всего мода затронула купечество и мѣщанство, но когда это произошло—въ концѣ-ли XVIII или уже въ началѣ XIX вѣка, Г. Ѳ. Квитка точно не указываетъ [2]). По всей вѣроятности, въ Харьковѣ это началось еще въ концѣ XVIII вѣка.

Губернаторы въ это время чувствовали себя полновластными хозяевами города и губерніи и кто изъ нихъ имѣлъ склонность къ грубому самовластію, тотъ могъ смѣло его проявлять не только по отношенію къ простымъ обывателямъ, но и къ лицамъ привиллегированнаго сословія. Чрезвычайно характернымъ для нравовъ того времени является пріемъ, оказанный мѣстной администраціей проѣзжавшему черезъ Харьковъ *по казенному порученію* адъюнкту Академіи Зуеву. Вмѣсто законнаго покровительства и вниманія, на которое онъ могъ расчитывать, хотя бы въ качествѣ путешественника (ибо гостепріимствомъ отличались древніе славяне еще въ языческій періодъ своей исторіи), ему пришлось встрѣтить такой произволъ и насиліе, какой былъ возможенъ среди дикарей, но никакъ не въ культурномъ городѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ это происшествіе въ собственноручномъ письмѣ въ Академію изъ Полтавы, куда онъ пріѣхалъ изъ Харькова „Наконецъ, дошла и до меня участь сравняться бѣдствіемъ съ славнѣйшими учеными людьми, которые, путешествуя по неизвѣстнымъ странамъ, сдѣлались извѣстными несчастными: Ловицъ умеръ насильственно отъ Пугачева, Гмелинъ скончался въ плѣну у Лезгинскаго Али-Бейхана, Гильденштетъ попался было горскимъ татарамъ; все сіе, по большей части, внѣ государства, среди дикихъ и непросвѣщенныхъ народовъ случилось; *я, внутри моего отечества—въ Харьковѣ*, захваченъ, посаженъ подъ караулъ, обезчещенъ; наконецъ, нѣбавясь, еще долженъ былъ бояться, чтобы и въ дорогѣ какого насилія не случилось со мною и всѣми при мнѣ находящимися. Дѣло неслыханное доселѣ и неудобопонятное. На утро, какъ я уже къ вамъ писалъ, что намѣренъ отправиться изъ Харькова 28 числа августа (1781 года), послалъ я за лошадьми, коихъ мнѣ по подорожной опредѣлено семь. Въ Харьковѣ поч-

[2]) Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьк. универс. Томъ I, стр. 511.

[1]) Соч. Г. Ѳ. Квитки, IV, стр. 462—465.

товую гоньбу откупилъ одинъ секундъ майоръ—Николай Мордвиновъ, который, прочетши мою подорожную, говоритъ, для чего лошадей такъ мало, ибо смотря по числу повозокъ, коихъ у меня три, ему надобно имѣть 12 и при томъ въ силу указа по Слободской губерніи, чтобъ заплатилъ двойные прогоны. Хотя я и посылалъ къ сему майору вдругорядь, чтобы далъ столько лошадей, сколько въ подорожной показано и взялъ одинокіе прогоны, по причинѣ, что я ѣду за казеннымъ дѣломъ, однако получилъ отказъ еще грубѣе перваго. Меня, въ путь совсѣмъ уже уложившагося, сіе, какъ дѣло во всю мою дорогу не бывалое, встревожило чрезвычайно; пошелъ я прямо къ губернатору, будучи слишкомъ увѣренъ о должномъ быть добромъ порядкѣ во всемъ, а болѣе отъ самопроизвольныхъ налоговъ откупщиковъ, наипаче въ намѣстническомъ городѣ, гдѣ самыя главы присутствуютъ, жаловался ему на недаваніе лошадей, на своевольное налаганіе числа подводъ и на требованіе двойныхъ прогоновъ. Все было предлагаемо съ моей стороны къ убѣжденію Его Превосходительства г. губернатора въ такомъ дерзкомъ и въ намѣстничествѣ не должномъ быть терпимомъ майора поступкѣ. Однако, въ отвѣтъ сказано мнѣ, что за это не должно сердиться: майоръ есть штабъ офицеръ, дворянинъ, здѣшній помѣщикъ, а *ты* кто. Пусть ты офицеръ, да съ кѣмъ же ты такъ говоришь. Знаешь ли ты, кто я. Отведите его къ намѣстнику. А пришедши къ сему, посланный объявилъ обо мнѣ, будто я говорилъ съ губернаторомъ грубо, тутъ было я и самъ подумалъ, не забылся ли я или не промолвился ли какъ нибудь; однако нѣтъ. Послѣ вышелъ и намѣстникъ выслушавъ рапортъ, вскочилъ изъ за стула съ великою яростью будто драться и закричалъ: подъ караулъ его, на гауптвахту. Подхватили меня два гусара; приведши приставили еще двоихъ, всѣ съ ружьями; чего ни спрошу отъ караульнаго офицера—чернилъ или бумаги, всего мнѣ давать было заказано и ниже на пядень отъ гауптвахты. И такъ, я слабый долженъ былъ повиноваться сильнѣйшему. Изъясненіями своихъ мыслей офицеру хотя и давалъ знать о своихъ средствахъ, могущихъ служить къ моему избавленію отъ такового безчестія, однако, отъ всего удержанъ былъ грозненіемъ строжайшаго отъ намѣстника. Продрагивалъ, слѣдовательно, я сію незнакомую мнѣ въ моей жизни ночь. Поутру около обѣдень, когда намѣстникъ проснулся и всталъ, гусаръ отрапортовалъ ему о находящемся на гауптвахтѣ арестантѣ; онъ приказалъ привести меня передъ себя; я велѣлъ сказать, что покуда онъ не освободитъ меня изъ подъ караула, я къ нему не буду; онъ велѣлъ двумъ гусарамъ тащить меня. И такимъ образомъ за милость себѣ долженъ былъ считать, что офицеръ въ послѣднемъ приказаніи по моему прошенію сдѣлалъ мнѣ послабленіе и отпустилъ меня итить самому съ гусаромъ. Предсталъ я передъ намѣстника по обыкновенію; онъ мнѣ началъ говорить: „что, братецъ, куда ты заѣхалъ. Или ты думаешь, что здѣсь невѣжды: для чего ты такъ неучтиво поступаешь. Мнѣ слѣдовало спросить—въ чемъ. Да вотъ ты и теперь даже и противъ меня неучтивъ; конечно, васъ вѣжливости въ Академіи не учатъ: такъ я уже много вашу братью училъ и теперь тебя учить стану. Поставилъ меня у порога, положилъ одну руку въ пазуху, другую вытянулъ и велѣлъ смотрѣть на себя; и такъ то вотъ надобно стоять, и такъ то вотъ надобно нагибаться, и такъ то вотъ надобно говорить, знай, что я генералъ-губернаторъ, на мѣстѣ генералъ аншефа и въ должности намѣстника. Въ доказательство своея глупости и пустыхъ привязокъ, началъ предо мною читать одинъ артикулъ изъ книги учрежденія объ управленіи намѣстничествъ, что должность намѣстника есть смотрѣть за порядкомъ, учтивствомъ, вѣжливостью и проч. Мнѣ сказано было напередъ отъ офицера, чтобы я ни малѣйше не прекословилъ ему, иначе сила его, говоритъ, велика и власть *страшна;* и для того долженъ я былъ во всемъ повиноваться, во всемъ говорить—хорошо и на послѣдокъ по долгомъ безмолвіи пошелъ на квартиру, прося у него, чтобы хотя единое мнѣ—у него чужестранцу оказалъ благодѣяніе: приказалъ бы поскорѣе изъ своихъ границъ выѣхать. „Хорошо,

мы въ тебѣ нужды не имѣли и не имѣемъ и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ те знаетъ (хотя у него въ рукахъ былъ пашпортъ, а подорожная и ночевала), поѣзжай". Послалъ я опять за лошадьми къ майору, тотъ опять твердитъ: двѣнадцать. Послалъ я искать вольныхъ пріѣзжихъ ямщиковъ, ибо малороссіянъ въ наемъ здѣсь не сыщешь; тѣмъ всѣмъ безъ позволенія майора наниматься не велено; и такъ принужденъ я былъ согласиться на майорское произволеніе, лишь бы изъ города выѣхать. Но сей въ ослабленныхъ цѣпяхъ звѣрь въ послѣднее рыкнулъ моему солдату сими словами: „На милость я вамъ даю 10 лошадей, а если будете ѣхать шибко, то всѣхъ васъ засажу въ тюрьму до самой смерти, такъ что вы свѣту Божьяго не увидите". При всемъ этомъ я долженъ былъ дожидаться лошадей до вечера, по причинѣ будто еще не кормлены; наконецъ, привели и я поѣхалъ столько радъ, что забылъ все происшествіе и обиду и сидѣлъ въ каретѣ, остолбенѣвъ чрезъ 120 верстъ, не выходя до самой Полтавы. Вотъ все почти подробно, какъ дѣло происходило; повидимому моя вина была въ томъ, что я стоялъ и смотрѣлъ *не по харьковски*, не думая о намѣстникѣ, какъ о черномъ медвѣдѣ. И такъ, не защищенія отъ васъ требую, ниже предстательства, а только знать даю своимъ приключеніемъ, сколь спокойно и сколь безопасно можно путешествовать въ Россіи—въ моемъ отечествѣ, гдѣ должно опасаться и чужихъ, и своихъ, и подданныхъ, и начальствующихъ должно опасаться насильствія. Я чувствуя теперь ослабленіе силъ, тѣла и духа; не чаю будучи въ безпрестанномъ страхѣ впредь въ дальнѣйшемъ пути великихъ успѣховъ; прошу заранѣе стараться меня возвратить въ Петербургъ обратно, гдѣ паче чаянія безполезнѣйшая моя жизнь безопасностію своею, однако, будетъ для меня сноснѣе" [1]).

Зуевъ называетъ намъ только имя намѣстника, съ которымъ у него произошло столкновеніе (Евдокима Алексѣевича Щербинина) [2]), но такъ какъ дѣло это происходило въ августѣ 1781 г., то мы можемъ сказать, что его помощникомъ былъ тогда генералъ-майоръ Дмитрій Автономовичъ Норовъ. Самъ Зуевъ въ это время былъ адъюнктомъ Академіи и командированъ [3]) былъ ею для изслѣдованія недавно передъ тѣмъ пріобрѣтеннаго новаго края между рр. Бугомъ и Днѣпромъ. Результатомъ его командировки была книга—„Путешественныя записки Василія Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году". СПБ., 1787 г., которая заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ свѣдѣній о разныхъ областяхъ Россіи, въ томъ числѣ и о Харьковскомъ намѣстничествѣ и городѣ Харьковѣ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, приведя письмо Зуева къ товарищамъ по Академіи, прибавляетъ: „разсказъ объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергался Зуевъ, переноситъ мысль къ такимъ же печальнымъ явленіямъ, происходившимъ во времена Бирона и Волынскаго, когда несчастный Тредьяковскій сдѣлался жертвою безумнаго гнѣва человѣка, занимавшаго высокое общественное положеніе. Указавъ на аналогичные черты въ положеніи Тредьяковскаго и Зуева, академикъ М. И. Сухомлиновъ замѣчаетъ: Тредьяковскій и Зуевъ, сходные между собою по своему общественному положенію, различались по своему характеру: Зуевъ не былъ такъ податливъ и безотвѣтенъ, какъ Тредьяковскій. Но каковы бы ни были личныя свойства Зуева, въ обхожденіи съ нимъ, во всякомъ случаѣ несправедливомъ и оскорбительномъ, выразился взглядъ на людей науки, общій когда то многимъ и многимъ и почти не вызывавшій протеста.

---

[1]) М. И. Сухомлинова. Академикъ Зуевъ и его путешествіе по Россіи. (Древняя и новая Россія 1879 г. № 2, стр. 109 –110).

[2]) Путеш. Зап., стр. 197.

[3]) Характерно, что еще въ 1768 году Императрица Екатерина приказывала Щербинину, бывшему тогда Харьковскимъ губернаторомъ, оказывать всяческое содѣйствіе экспедиціямъ, посланнымъ въ разныя губерніи Академіей Наукъ и ставила на видъ, что одной изъ нихъ дѣлалось затрудненіе въ пересылкѣ вещей. („Южный Край" 1885 г., № 1451).

Приведенные факты говорятъ сами за себя, не нуждаясь ни въ усиленіи своей яркости, ни въ доказательствахъ своего значенія для характеристики нравовъ и понятій тогдашняго общества“ [1]). Отсутствіе законности и самовольство тѣмъ особенно прискорбны, что послѣдствіемъ ихъ обыкновенно является всеобщее огрубѣніе нравовъ. Товарищъ Щербинина по управленію губерніею полковникъ Мартыновъ еще въ 1773 г. собственноручно избилъ безъ всякаго повода одного выходца турка, принятаго подъ личную протекцію Щербининымъ. Это былъ нѣкій Агметъ, приписанный къ татарскому обществу и пріѣхавшій съ Щербининымъ на житье въ Россію. Щербининъ, во время пребыванія своего въ Харьковѣ, посовѣтывалъ ему нанять для себя домъ, въ которомъ тотъ для пропитанія своего началъ продавать горилку и пиво. Во время Троицкой ярмарки, въ отсутствіе хозяина турка, одинъ посѣтитель отдалъ работнику-сидѣльцу въ залогъ за 10 коп. свою „свиту“ (которая и въ дѣйствительности больше не стоила) съ такимъ условіемъ, что онъ на слѣдующій день принесетъ деньги и возьметъ ее обратно. Но на слѣдующій день явился не онъ, а городничій и сталъ спрашивать, есть ли у него эта свита. Тотъ отвѣтилъ, что есть. Черезъ $^1/_2$ часа пришли полицейскіе, взяли турка и привели къ полковнику Мартынову, который сталъ его допрашивать—кто онъ, зачѣмъ живетъ въ Харьковѣ. Тотъ объяснилъ, что онъ турчинъ и не самъ собою пріѣхалъ въ Харьковъ, а привезъ его губернаторъ, приказавшій ему здѣсь жить до возвращенія изъ Петербурга. Затѣмъ полковникъ снова сталъ спрашивать, по чьему дозволенію онъ содержитъ шинокъ и тотъ объяснилъ, что по дозволенію своего пана-губернатора. Но не успѣлъ онъ договорить этихъ словъ, какъ Мартыновъ схватилъ его обѣими руками за бороду и вырвалъ волоса, а кулаками подбилъ ему глаза; послѣ этого его потащили къ крыльцу полковника, который велѣлъ его держать и бить нещадно „кіями“ (т. е. палками), такъ что на спинѣ и рукахъ образовались раны. Но не довольствуясь этимъ, Мартыновъ приказалъ раздѣть несчастнаго, положить передъ крыльцомъ и бить батожьемъ на „всѣ четыре бока“. Тотъ, чувствуя, что теряетъ послѣднее дыханіе, принужденъ былъ схватить полковника за ногу и только тогда этотъ послѣдній отпустилъ его на волю. Случилось это на виду всей ярмарки, которая удивлялась его злоключенію. Послѣ этого невинно потерпѣвшій отправился къ полковнику Абраму Ивановичу, гдѣ оказался сынъ Щербинина Сергѣй Евдокимовичъ и другіе господа. Онъ передъ ними раздѣлся, показалъ свои раны—и всѣ диву давались.

Е. А. Щербининъ, прочитавъ жалобу Агмета, писалъ изъ Петербурга Мартынову: получивъ извѣщеніе о побояхъ, нанесенныхъ Вами Агмету, не могу рѣшить, чѣмъ этотъ иностранный человѣкъ заслужилъ такое строгое наказаніе, сначала отъ вашихъ рукъ, а потомъ, по вашему приказанію и отъ другихъ, въ то время какъ ему, въ виду оказанныхъ имъ намъ услугъ, нужно было также оказать доброхотство. Подпоручикъ Илья Черкесъ арестованъ, а Агметъ наказанъ не по общему опредѣленію губернской канцеляріи, а персонально вами однимъ, что противорѣчитъ указу Правительствующаго Сената и разъясненіе этого обстоятельства я прошу васъ прислать съ первою вѣрною оказіей въ Петербургъ; а если бы оказались за этими лицами какія либо провинности, то разсматривать дѣло объ этомъ должны не вы, а другое лицо, засѣдающее въ губернской канцеляріи, согласно праву; я же, вернувшись въ Харьковъ, лично непремину разсмотрѣть это дѣло. До того же времени предлагаю вамъ и прошу васъ, на основаніи 4-го пункта инструкціи губернаторамъ, *смягчить* свои поступки, въ чемъ васъ дружески настоящимъ письмомъ убѣждаю *скрытно отъ другихъ* [2]).

[1]) М. И. Сухомлинова. Академикъ Зуевъ и его путешествіе по Россіи. (Древняя и новая Россія 1879 г. № 2, стр. 111).

[2]) Архивъ Харьк. Губ. Правл. Связка разныхъ дѣлъ, получ. въ бытность губернатора Е. А. Щербинина въ С.-Петербургѣ 1773 г.

Послѣ настоящаго письма Е. А. Щербинина, приходится только удивляться, какъ онъ самъ могъ допустить грубое обращеніе съ Зуевымъ: очевидно, при господствѣ кулачной расправы, обида словомъ ставилась уже ни во что и рѣчь могла только идти о „смягченіи поступковъ“, т. е. оскорбленіи дѣйствіемъ.

Съ превращеніемъ Харькова въ центръ губерніи и намѣстничества, въ него стали съѣзжаться всѣ дворяне на выборы. Время дворянскихъ и городскихъ выборовъ бывало всегда для харьковцевъ большимъ праздникомъ. Совершались они по заранѣе составленному „обряду“, отъ котораго не допускалось отступленій.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется нѣсколько такихъ „обрядовъ“ и мы въ основу ихъ положимъ выборы 1792 года. На 10-е декабря назначенъ былъ общій съѣздъ дворянъ въ Харьковъ и объ этомъ опубликовано было заранѣе въ „Вѣдомостяхъ“ обѣихъ столицъ отъ имени намѣстническаго правленія. Служившіе въ уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судахъ дворяне, оставивъ по одному засѣдателю для вершенія дѣлъ, вмѣстѣ съ неслужащими дворянами явились къ этому времени въ Харьковъ. Губернскій и уѣздные предводители дворянства приглашены были особыми извѣщеніями. Уѣздные предводители дворянства составили къ этому числу списки избирателей и представили ихъ 10 декабря для провѣрки правителю намѣстничества и ежедневно сообщали о вновь явившихся губернскому предводителю. Избрать нужно было не только на дворянскія должности, но и на обще губернскія и при томъ не однихъ дворянъ, а въ нѣкоторыя учрежденія и представителей другихъ сословій, а именно уѣздныхъ предводителей дворянства, 10 засѣдателей Верхняго земскаго суда, 2-хъ засѣдателей Совѣстнаго суда, уѣздныхъ судей, земскихъ исправниковъ, засѣдателей уѣзднаго и нижняго земскаго судовъ, депутатовъ для составленія родословной книги; въ тоже самое время должны были происходить у купечества и мѣщанства выборы городскихъ головъ, бургомистровъ, ратмановъ, засѣдателей губернскаго магистрата, а у поселянъ—засѣдателей верхней и нижней расправъ и нижнихъ земскихъ и совѣстнаго судовъ. Избиратели изъ купцовъ и мѣщанъ должны были быть изъ хорошихъ и безпорочныхъ людей и число ихъ указывалось магистратами. Выборы городскіе и сельскіе окончились 22 декабря. Всѣмъ дворянамъ, собиравшимся въ Харьковѣ, городничій долженъ былъ отвести квартиры, при чемъ за комнату съ отопленіемъ взималось въ недѣлю по 1 рублю, а за общее помѣщеніе нѣсколькихъ лицъ по 5 коп. въ сутки. Для собранія уѣздныхъ предводителей дворянства отведенъ былъ особый домъ, а для порядка избраны 2 губернскихъ чиновника (совѣтники палатъ). Въ видѣ почетной, такъ сказать, гвардіи для правителя намѣстничества избрано было по одному дворянину отъ каждаго уѣзда, которые 13 числа собрались съ губернскимъ предводителемъ въ генералъ-губернаторскій дворецъ, гдѣ были встрѣчены назначенными для соблюденія порядка губернскими чиновниками и представлялись правителю. Того же 13 числа былъ извѣщенъ преосвященный Θеоктистъ, епископъ Бѣлгородскій, спеціально для этого пріѣхавшій въ Харьковъ, о предстоящемъ на слѣдующій день церковномъ торжествѣ, полиція объявила объ этомъ народу во всѣхъ частяхъ города съ игрою на трубахъ, чиновныхъ особъ увѣдомила черезъ особыхъ посыльныхъ и приняла мѣры къ охраненію порядка на улицѣ отъ залы до Соборной церкви.

Въ 9 час. утра 14 декабря, по данному изъ пушекъ сигналу, губернскій предводитель отправился въ залъ, гдѣ заняли мѣста въ опредѣленномъ порядкѣ и всѣ дворяне, а именно по правую сторону—харьковскій, волчанскій, валковскій, краснокутскій, сумской, бѣлопольскій, недригайловскій и изюмскій уѣзды, по лѣвую—чугуевскій, золочевскій, ахтырскій, богодуховскій, миропольскій, лебединскій и хотмыжскій; засѣдатели совѣстнаго и верхняго земскаго суда стали сейчасъ за уѣздными предводителями, члены уѣздныхъ судовъ также впереди своего общества; депутаты—полукругомъ подлѣ губернскаго предводителя.

Въ 10 час. утра, по данному изъ пушекъ сигналу, въ залъ присутствія явился правитель намѣстничества, въ сопровожденіи приставленныхъ къ нему дворянъ и былъ встрѣченъ 2 губернскими чиновниками. Изъявивши дворянству привѣтствіе и принявъ отъ губернскаго предводителя списокъ дворянъ, правитель приказалъ губернскому прокурору читать свое „предложеніе", которое содержало увѣреніе о Высочайшемъ благоволеніи Государыни къ дворянству и программу его занятій. Предложеніе это было потомъ передано губернскому предводителю дворянства. Затѣмъ всѣ собравшіеся отправились въ Соборную церковь въ такомъ порядкѣ; впереди—судья совѣстнаго суда, за нимъ двое дворянскихъ засѣдателей, потомъ засѣдатели Харьковскаго нижняго земскаго суда, земскій исправникъ, засѣдатели уѣзднаго суда и т. д., наконецъ, губернскій предводитель, за нимъ уѣздные предводители и депутаты (попарно), дворяне, намѣстникъ со свитою и губернскими чиновниками. Въ это время, послѣ троекратнаго выстрѣла изъ пушекъ, въ Соборной церкви (куда уже собрались и прочіе губернскіе чиновники) раздался церковный благовѣстъ, а, къ прибытію процессіи, и трезвонъ, по окончаніи коего началась литургія, при чемъ дворяне стояли по обѣимъ сторонамъ храма, оставивъ свободною его середину. По окончаніи литургіи, губернскій стряпчій прочиталъ изъ Высочайшаго учрежденія статьи, касающіяся выбора дворянскихъ судей и засѣдателей. Архіерей сказалъ приличное случаю слово и отслужилъ благодарственный молебенъ, при чемъ во время провозглашенія многолѣтія производилась пушечная пальба. Затѣмъ губернскій предводитель привелъ дворянство къ присягѣ на безпристрастные выборы къ общественнымъ должностямъ послѣ чего всѣ, въ такомъ же порядкѣ, какъ и прежде, отправились обратно въ залъ засѣданій, гдѣ губернскій предводитель объявилъ, что на слѣдующій день дворянство, раздѣлившись на уѣзды, въ генералъ-губернаторскихъ покояхъ должно будетъ совершить выборы уѣздныхъ предводителей, подъ предсѣдательствомъ послѣднихъ.

Въ 9 час. утра, 15 декабря, по сигналу изъ пушекъ, дворянство прибыло въ залъ генералъ-губернаторскаго дворца и затѣмъ направилось въ назначенные каждому уѣзду покои. Тамъ въ торжественномъ залѣ стоялъ балдахинъ, обитый малиновымъ бархатомъ съ занавѣсами, отороченными широкимъ газомъ и бахромою. Подъ нимъ портретъ Государыни Императрицы. Здѣсь же было возвышеніе съ 2 ступеньками, гдѣ стояло кресло, имѣвшее на стѣнкѣ Императорскій вензель, украшенное золотымъ позументомъ и повороченное къ портрету. На второй ступенькѣ стоялъ столъ, украшенный малиновымъ бархатомъ и позументомъ, а на немъ—Высочайшее учрежденіе о губерніяхъ, украшенное малиновымъ бархатнымъ переплетомъ съ золотымъ Императорскимъ вензелемъ и гербомъ. Направо отъ стола—кресло правителя намѣстничества, далѣе—вице-губернатора, аршиномъ далѣе—директора экономіи, по лѣвую сторону отступя 2 шага—губернскаго прокурора, противъ вице-губернатора—губернскаго предводителя; противъ главнаго мѣста полукругомъ 15-ть стульевъ для предводителей и 2 ряда стульевъ для депутатовъ. Выборы происходили такимъ образомъ, что баллотировались рѣшительно всѣ, начиная отъ уѣзднаго предводителя, и избраннымъ считался тотъ, кто получилъ наибольшее число избирательныхъ голосовъ. Всѣхъ новоизбранныхъ уѣздныхъ предводителей губернскій предводитель представилъ намѣстнику, который утвердилъ ихъ выборъ Именемъ Ея Императорскаго Величества.

16 декабря, въ 9 час. утра, по сигналу изъ пушекъ, уѣздные предводители судьи и дворяне снова явились въ генералъ-губернаторскій дворецъ и сѣли въ залѣ въ порядкѣ своего старшинства. Секретарь дворянства прочелъ 39 ст. и затѣмъ подвергли баллотировкѣ въ губернскіе предводители прежняго и всѣхъ уѣздныхъ. Двухъ лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ, губернскій предводитель представилъ намѣстнику, который Высочайшимъ Именемъ утверждалъ одного изъ нихъ, при чемъ избраннымъ и утвержденнымъ могъ оказаться

и прежній; въ случаѣ же выбора одного изъ уѣздныхъ, на его мѣсто избирался вышеуказаннымъ порядкомъ въ тотъ же день новый.

17 декабря, въ 9 час. утра, по сигналу изъ пушекъ, дворяне по уѣздамъ въ разныхъ комнатахъ генералъ-губернаторскаго дворца избрали—а) засѣдателей нижнихъ земскихъ судовъ, уѣздныхъ судовъ, земскаго исправника, уѣздныхъ судей и депутатовъ для составленія родословной дворянской книги и б) двухъ кандидатовъ для баллотировки изъ нихъ на слѣдующій день въ общемъ собраніи засѣдателей въ совѣстные и верхніе земскіе суды.

18 декабря, утромъ, собравшееся по пушечнымъ выстрѣламъ дворянство передало списки избранныхъ имъ уѣздныхъ чиновниковъ губернскому предводителю, который представилъ ихъ на утвержденіе намѣстнику, а затѣмъ вмѣстѣ съ этими вновь утвержденными въ своихъ должностяхъ лицами занялось, послѣ прочтенія относящихся сюда статей закона, выборами изъ представленныхъ 30 кандидатовъ засѣдателей нижнихъ земскихъ и уѣздныхъ судовъ, земскихъ исправниковъ и уѣздныхъ судей, которые немедленно были представлены на утвержденіе намѣстнику.

19 числа, въ 9 час. утра, по первому выстрѣлу изъ пушекъ, дворянство съ предводителями собралось въ залѣ, а въ 10 час., по вторичному сигналу, на Соборной колокольнѣ начался благовѣстъ, намѣстникъ явился въ собраніе и предложилъ отправиться въ Соборъ для приведенія къ присягѣ всѣхъ вновь избранныхъ. Снова въ прежнемъ порядкѣ все шествіе направилось при колокольномъ звонѣ въ храмъ, гдѣ совершена была литургія, затѣмъ благодарственный молебенъ, а потомъ губернскимъ предводителемъ были приведены къ присягѣ всѣ избранные въ должности. Послѣ этого дворянство въ томъ же порядкѣ возвратилось въ залъ засѣданій и губернскій предводитель принесъ благодарность намѣстнику „за всѣ подвиги, принятые въ семъ *знаменитомъ празднествѣ*“. Намѣстникъ съ своей стороны привѣтствовалъ дворянъ и поручилъ предводителямъ ввести съ 1-го января будущаго года вновь избранныхъ чиновниковъ въ должность и доложить объ этомъ намѣстническому правленію. Журналъ выборовъ, баллотировочные списки и т. п. сданы были на храненіе въ Архивъ Дворянскаго Собранія. Окончивъ выборы, дворянство, на основаніи Высочайше предоставленнаго ему права, поручило губернскому предводителю съ депутатами принести всеподданнѣйшую благодарность Ея Императорскому Величеству.

Одновременно съ этимъ совершались выборы и городскимъ обществомъ, которое также ходило въ Соборную церковь на литургію, молебенъ и присягу.

Такимъ образомъ къ выборамъ имѣли отношеніе разные слои харьковскаго населенія и такъ какъ на нихъ выбирались судьи, засѣдатели и т. п. лица, которымъ принадлежали важныя, отвѣтственныя судебныя и административныя функціи, то исходъ ихъ былъ, конечно, не безразличенъ для всего населенія губерніи, а въ томъ числѣ и г. Харькова.

14 декабря, послѣ церковной службы, преосвященный съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, чиновники и предводители дворянства съ дворянствомъ были приглашены намѣстникомъ къ обѣденному столу, накрытому на 90 кувертовъ. Во время выборовъ въ разные дни дворяне по округамъ и почетнѣйшіе купцы были приглашаемы намѣстникомъ на обѣдъ. 19 числа, по приведеніи къ присягѣ, намѣстникъ снова устроилъ обѣдъ для Архіерея съ духовенствомъ, коронныхъ чиновниковъ и вновь избранныхъ въ разныя должности дворянъ. Весь городъ при этомъ былъ иллюминованъ, а въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ данъ былъ маскарадъ, на которомъ присутствовало свыше 300 благородныхъ персонъ обоего пола. 20 числа губернскій предводитель дворянства бригадиръ Хорватъ и уѣздные предводители пригласили губернатора съ прочими чиновниками и благородное общество, а также купечество на маскарадъ и ужинъ

въ приготовленный ими и иллюминованный домъ, гдѣ также было до 300 персонъ. По окончаніи вечера былъ сожженъ фейерверкъ [1]).

И такъ, дворянскіе и городскіе выборы представляли мѣстный харьковскій праздникъ. Но само собою разумѣется, что посѣщеніе Харькова Высочайшими Особами являлось уже для всего населенія цѣлымъ событіемъ. Изъ царствовавшихъ Особъ Харьковъ въ XVII—XVIII вѣкахъ посѣтили Императоръ Петръ Великій и Императрица Екатерина II-я.

Вотъ что говоритъ Квитка о посѣщеніи Петромъ Великимъ Харькова. На пути изъ Азова къ Полтавѣ Петръ Великій, проѣхавъ полковой городъ Изюмъ и мѣстечки того полка—Балаклею, Андреевку, Лиманъ, Зміевъ, іюня 2-го числа 1709 года пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ, по случаю праздника Вознесенія Господня въ Успенскомъ соборѣ, слушалъ обѣдню, на которой по своему обыкновенію читалъ апостолъ. Петръ, остановясь по прибытіи своемъ въ Харьковъ утромъ около церкви Николаевской, слушалъ въ ней часы, но, узнавши, что это не соборная церковь, пошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ и слушалъ литургію. По окончаніи обѣдни, разсматривалъ городовую крѣпость и благоволилъ посѣтить Харьковскаго полковника Григорія Семеновича Квитку въ его домѣ, гдѣ нынѣ Присутственныя Губернскія мѣста, и имѣлъ

Осмотръ Петромъ Великимъ Харьковской крѣпости въ 1709 г. (Рисунокъ С. И. Васильковскаго).

у него обѣденный столъ. Послѣ обѣда Государь поспѣшилъ выѣздомъ изъ Харькова къ арміи, подъ Полтаву, чрезъ Люботинъ и Валки [2]). Царь-работникъ вообще не любилъ пышности и сверхъ того въ это время былъ всецѣло поглощенъ борьбою съ Карломъ XII. Можно даже предполагать, что онъ явился неожиданно въ Харьковъ: на это указываетъ то обстоятельство, что онъ по ошибкѣ принялъ Николаевскую церковь за Соборную и началъ въ ней слушать часы. Едва ли это могло бы произойти, если бы заранѣе былъ составленъ церемоніалъ его встрѣчи.

Совершенно другимъ характеромъ отличалась встрѣча, оказанная Императрицѣ Екатеринѣ II-й: она сама любила пышныя торжества, и сверхъ того о нихъ позаботился Г. А. Потемкинъ, придумавшій и самое путешествіе Императрицы въ Крымъ. Все это путешествіе отличалось, какъ извѣстно, феерическимъ характеромъ и обстоятельства, сопровождавшія пребываніе Государыни въ Харьковѣ, находились въ соотвѣтствіи съ общимъ замысломъ и программою „великолѣпнаго князя Тавриды“. Мы уже говорили отчасти о томъ, какія распоряженія сдѣлалъ намѣстникъ Чертковъ въ виду пріѣзда Государыни, по отношенію къ домовладѣль-

[1]) Арх. Харьк. Губ. Правл. Дѣло 1792 г. Губерн. Кишенскаго, № 66; Харьк. Истор. Арх. Харьков. Отдѣл., VII, № 598, VIII, № 61.

[2]) Статья о Слободскихъ полкахъ.

цамъ. Теперь мы обратимся къ составленному имъ церемоніалу, по которому происходила самая встрѣча.

Императрица Екатерина посѣтила Харьковъ на обратномъ пути изъ Крыма въ 1787 году. На границѣ Екатеринославскаго и Харьковскаго намѣстничества поставлены были тріумфальные ворота и пирамиды и у нихъ ее встрѣтили Харьковскій намѣстникъ или генералъ-губернаторъ Чертковъ, губернаторъ съ 12 драгунами при одномъ оберъ-офицерѣ и одномъ унтеръ-офицерѣ, губернскій и уѣздные предводители, депутаты и дворянство всѣхъ уѣздовъ, исключая Харьковскаго, Золочевскаго и Волчанскаго. Только необходимое число чиновниковъ оставлено было на мѣстахъ, для производства текущихъ дѣлъ—остальные прибыли для встрѣчи. Валковскіе дворяне были верхами. По правую сторону дороги стали намѣстникъ, губернаторъ, дворяне, драгуны, по лѣвую—головы и старосты съ депутатами тѣхъ городовъ, кои были не на пути шествія Государыни, остальные головы и старосты съ депутатами, по 6 человѣкъ купцовъ въ губернскихъ мундирахъ и „порядочно одѣтыхъ гражданъ“, 24 человѣка войсковыхъ обывателей Валковскаго уѣзда на хорошихъ лошадяхъ и съ приборомъ, въ кафтанахъ изъ синяго или бѣлаго сукна домашняго производства, но отнюдь не сермяжнаго, земскій исправникъ и 2 засѣдателя того же уѣзда. Когда показалось шествіе, сдѣланъ былъ 71 выстрѣлъ изъ 4 нарочито туда привезенныхъ пушекъ. Видная роль Валковскаго уѣзда въ церемоніалѣ встрѣчи объясняется тѣмъ, что въ него въѣзжала Императрица. Когда приблизились къ тріумфальнымъ воротамъ, заиграли въ трубы и забили въ литавры. На межѣ Валковскаго и Харьковскаго уѣздовъ также былъ сдѣланъ пьедесталъ и тріумфальные ворота, гдѣ Императорскій поѣздъ встрѣчало дворянство Харьковскаго уѣзда съ предводителемъ верхами, а также капитанъ исправникъ съ засѣдателями и казенными обывателями и ихъ старостою. Въ Мерефѣ должны были встрѣтить Государыню пѣшіе обыватели въ лучшей ихъ одеждѣ, особенно же дѣвушки съ цвѣтами на головѣ; лучшіе обыватели могли поднести на глиняномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, а женщины—также на блюдѣ—хорошіе и душистые цвѣты и травы, перевязавъ ихъ въ пучокъ красною лентою; дѣвушки могли бросать подъ карету цвѣты, а прочіе „изъявлять свое восхищеніе приличными поступками и привѣтствіями“. По всей той улицѣ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать поѣздъ, нужно было выкрасить дома, исправить заборы, а надъ окнами и дверьми сдѣлать изъ сосны или изъ травъ и цвѣтовъ вѣнки, косяки же у дверей и оконъ обить сосновыми вѣтками и въ окнахъ на улицу выставить, у кого окажутся, суконные, стамедные или шерстяные куски матерій, плахты, ковры или кылымы, прикрывъ ими „прысьбы“ или заваленки. Въ Мерефѣ для встрѣчи былъ устроенъ „дворецъ“, въ которомъ собрались между прочимъ благородныя дамы и дѣвицы, Харьковскій уѣздный и губернскій предводители дворянства и 4 „гостепріимца“. Стекающагося ко дворцу народа велѣно было отнюдь не отгонять, не толкать, а тѣмъ паче не бить.

По выѣздѣ изъ Мерефы по направленію къ Харькову прежніе драгуны замѣнены были харьковскими, а когда поѣздъ переѣхахъ плотину въ селѣ Филипповѣ, то Мерефянскіе конные обыватели были замѣнены конными же харьковцами съ ихъ атаманомъ. По дорогѣ отъ Мерефы до Харькова въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ (при началѣ и концѣ лѣса, при плотинѣ черезъ р. Уды и на Холодной горѣ) поставлено было на всякій случай по 2 смоляныхъ бочки. При самомъ съѣздѣ съ Холодной горы находилось до 50 казенныхъ обывателей для спуска каретъ. При въѣздѣ въ городъ началась пушечная пальба. У тріумфальныхъ воротъ ожидали Высочайшаго прибытія чиновники судовъ и уѣздные дворяне, которые послѣ встрѣчи должны были сѣсть въ свои экипажи и окольными дорогами спѣшить ко дворцу. Подлѣ каменныхъ городскихъ воротъ по правую руку назначено было мѣсто для городничаго, чиновниковъ губернскаго и городового магистрата и словеснаго суда, имѣвшихъ оберъ офицерскіе чины, по лѣ-

вую—для купечества и мѣщанства (если бы своихъ оказалось мало, то нужно было пригласить изъ другихъ городовъ) со старостою, депутатами и городскимъ головою впереди—всѣ должны были быть въ мундирахъ или хотя и въ собственныхъ, но лучшихъ платьяхъ. Магистратъ и купечество должны были поднести на фарфоровомъ или серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, а на другомъ—фрукты, конфекты или, что придумаютъ. 12 человѣкъ купцовъ верхами по 2 въ рядъ ѣхали передъ Императорскою каретою за воинскимъ конвоемъ; городничій съ офицерами и 2 драгунами долженъ былъ скакать впереди всѣхъ, а встрѣчавшіе окольными дорогами подъѣхать ко дворцу. Такъ какъ нужно было ожидать, что у воротъ и на Екатеринославской улицѣ соберется не малое количество народа, то не слѣдовало „возбранять ему изъявлять радостныя восклицанія, а женщинамъ и дѣвицамъ метать подъ карету Императорскую цвѣты, только наблюдать, чтобы не было никого въ развращенныхъ и разодранныхъ одеждахъ, а особенно пьяныхъ и нищихъ, что соблюсти и у крыльца, что передъ дворцомъ, и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ собраніе народное будетъ“. Отъ каменныхъ воротъ по обѣ стороны Екатеринославской улицы до Лопанскаго моста приказано было поставить цеховыхъ съ ихъ значками, всякій цехъ отдѣльно въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого; а отъ Лопанскаго моста до воротъ замка—порядочно одѣтыхъ студентомъ (коллегіума) съ ихъ значками, при проѣздѣ и цеховые, и студенты должны были, снявъ шапки, преклонить значки до земли. У воротъ замка по правую сторону ожидали Государыню—вице-губернаторъ, совѣстный судья и другіе губернскіе чиновники не ниже оберъ офицерскаго чина, а по лѣвую—караулъ, который сталъ во фронтъ и отдалъ честь. По другую сторону крыльца поставлены были въ 2 ряда ученики казеннаго училища въ мундирахъ, державшіе въ правой рукѣ зеленыя вѣтви и имѣвшіе по серединѣ директора своего премьеръ-майора Буксгевдена и учителей. При Высочайшемъ проѣздѣ они должны были всѣ вдругъ снять шляпы и, сдѣлавъ надлежащій поклонъ, ожидать, пока при караулѣ не начнуть бить въ барабаны или играть на трубахъ—тогда они должны были троекратно провозгласить „виватъ“. Народу не нужно было запрещать изъявлять восклицаніями свою радость, а для порядка имѣть десятскихъ въ красныхъ курткахъ съ зеленымъ воротникомъ и зелеными отворотами на рукавахъ, въ зеленыхъ же шароварахъ, въ красныхъ шапкахъ съ зеленымъ околышемъ и зеленою наверху кистью съ дубинками, выкрашенными въ красный и зеленый цвѣтъ. При выходѣ Императрицы изъ кареты, ее должны были встрѣтить благородныя дамы и дѣвицы, но велѣно было не запрещать быть подлѣ крыльца и порядочно одѣтымъ купеческимъ, мѣщанскимъ и обывательскимъ женамъ и дѣвушкамъ, особенно въ малороссійскомъ костюмѣ, съ волосами, убранными цвѣтами; если онѣ пожелали бы, то могли бы посыпать крыльцо цвѣтами и т. п. Во дворцѣ, въ верхнихъ сѣняхъ, послѣ Высочайшаго появленія, долженъ былъ играть оркестръ музыки и пѣть хоръ пѣвчихъ, а во время стола исполнить разные номера духовой, инструментальный и вокальный оркестры и хоръ; для музыкантовъ и пѣвчихъ необходимо было сдѣлать новые мундиры. На первый же вечеръ предположено сжечь фейерверкъ, а иллюминацію рѣшено было устроить передъ дворцомъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ на всю ночь и освѣщать при этомъ каждый вечеръ, пока останется Государыня, Екатеринославскую улицу и всѣ городскіе дома. Если чиновники разныхъ судовъ были бы допущены на аудіенцію, то должны были бы идти въ опредѣленномъ порядкѣ, за ними дворяне съ предводителями, еще далѣе городской голова съ мѣщанами. Дамамъ и дѣвицамъ могло быть назначено особое представленіе.

При отъѣздѣ особы первыхъ 8 классовъ съ благородными дамами и дѣвицами должны были собраться въ залъ, прочее дворянство и мѣщанство—у крыльца, музыканты и пѣвчіе—въ верхнія сѣни; проводить Императрицу нужно было музыкой и пушечными салютами. Отъ дворца до воротъ, ведущихъ изъ замка, должны были стоять студенты съ ихъ значками, а

оттуда до городовыхъ воротъ цеховые со значками. У воротъ, ведущихъ изъ замка, или при Соборной церкви должны были собраться и откланяться Государынѣ чиновники высшихъ присутственныхъ мѣстъ, по улицѣ подлѣ „классовъ“—ученики казеннаго училища съ директоромъ и учителями во главѣ, крича при прощаніи „виватъ“; у городскихъ воротъ—чиновники другихъ присутственныхъ мѣстъ и городничій съ „частными офицерами“ и драгунами; на выѣздѣ изъ города у тріумфальныхъ воротъ, которые обязано сдѣлать купечество, прискакавшій сюда городничій съ офицерами и драгунами, члены магистратовъ и купечество, подносившіе хлѣбъ-соль, или что вздумаютъ; 12 купцовъ верхами должны были сопровождать Императорскую карету до сел. Липецъ, но уже подъ предводительствомъ не городничаго, а исправника съ засѣдателями, 24 харьковскихъ жителей и дворянствомъ; желавшіе могли сопровождать Государыню до Липецъ въ своихъ экипажахъ. Хотя о достаточномъ числѣ лошадей на станціяхъ сдѣлалъ распоряженіе Сенатъ, но намѣстникъ издалъ распоряженіе еще и о добровольныхъ запасныхъ лошадяхъ и экипажахъ, каковые въ Харьковѣ должно было доставить купечество и городовое общество. Намѣстникъ былъ увѣренъ также, что дворянство почтетъ за честь угостить Государыню и ея свиту на средства „гостепріимцевъ“, а въ городѣ Харьковѣ въ этомъ приметъ участіе и купечество. Особенно строгія запрещенія были сдѣланы Чертковымъ относительно подачи письменныхъ или словесныхъ просьбъ непосредственно самой Государынѣ. За это лица непривиллегированнаго состоянія подвергались на 1-й разъ ссылкѣ къ каторжныя работы на 1 мѣсяцъ, а на 3-й—наказанію плетьми и вѣчной каторгѣ. Харьковскій городовой магистратъ обязанъ былъ принять мѣры къ тому, чтобы не были повышены цѣны на товары и особенно на съѣстные припасы, чтобы эти послѣдніе были доброкачественные и что бы въ шинкахъ не было пьянства. Губернскій предводитель отъ себя разослалъ къ уѣзднымъ приглашенія къ пожертвованіямъ и предложилъ, чтобы каждый уѣздъ собралъ 500 рублей, при чемъ объ именахъ лицъ, отказавшихся участвовать въ подпискѣ (если бы таковыя сверхъ ожиданія оказались) просилъ его увѣдомить особо [1]).

---

[1]) Обрядъ при Высочайшемъ шествіи Е. И. В. черезъ Харьковское намѣстничество, извлеченный Д. П., Миллеромъ изъ Архива Харьк. Губ. Двор. депут. Собранія (Архивы Харьк. губ. во 2 томѣ „Трудовъ Харьков. Предв. Комит. по устройству XII Археолог. Съѣзда 1902 г.“, стр. 423—435). Документъ этотъ напечатанъ здѣсь исправнѣе, чѣмъ въ „XVIII вѣкѣ“ Бартенева.

А вотъ подробности о проѣздѣ Имп. Екатерины II-й черезъ Харьковское Намѣстничество, почерпнутыя изъ оффиціальнаго журнала ея путешествія.

Іюня 10. Всемилостивѣйшая Государыня въ исходѣ 9-го часа утра предприняла путь черезъ Старовѣровку въ Водолагу, гдѣ былъ обѣдъ. Тутъ благоволила Е. В. осмотрѣть заведеніе къ дѣланію шелка и. продолжая путешествіе на Мерефу, въ губ. городъ Харьковъ изволила прибыть въ 8 часу пополудни. Между Водолагой и Мерефой, на границѣ Екатеринославскаго и Харьковскаго Намѣстничества, у воротъ, дворянствомъ сооруженныхъ, предстали для встрѣчи Е. В. правящій должность генералъ-губернатора Воронежскаго и Харьковскаго Намѣстничествъ ген. пор. Чертковъ, правитель Харьковскій ген. пор. Норовъ, губ. предв. дворянства надв. сов. Шидловскій съ предводителями ближайшихъ уѣздовъ и дворянами, слѣдовавшими верхомъ за каретою Е. В. По приближеніи къ городу, производилась пушечная стрѣльба; у Тріумфальныхъ воротъ, при Харьковскомъ предмѣстьѣ поставленныхъ, были присутствующіе въ губернскомъ магистратѣ, верхней расправѣ и нижнихъ судахъ; на проѣздѣ у церкви Св. Димитрія Селунскаго преосв. Феоктистъ, епископъ Бѣлгородскій и Курскій, сопровождаемый духовенствомъ, встрѣтилъ Государыню со крестомъ; и при вступленіи въ городъ у третьихъ воротъ стоялъ вице-губернаторъ д. ст. сов. Пашковъ со всѣми чиновниками губ. правленія, палаты и верхняго земскаго суда.

Іюня 11. Во время Высочайшаго выхода Е. И. В. изъ внутреннихъ покоевъ были представлены: преосв. Феоктистъ, Василій, архимандритъ и ректоръ Харьковскаго училищнаго монастыря, Наркисъ, архимандритъ Старо-Харьковскаго монастыря. при чемъ преосвященный говорилъ поздравительную рѣчь по случаю прибытія Государини. Потомъ подходили къ рукѣ Е. В. чиновники правленія, палатъ и прочихъ судовъ. Губ. предводитель дворянства—надв. сов. Шидловскій сказанною имъ рѣчью изъявилъ общую радость, произведенную тор-

А вотъ какъ описываетъ пребываніе въ Харьковѣ Имп. Екатерины II-й Г. Ѳ. Квитка.

Въ 1787 г. Екатерина Великая, на обратномъ пути своемъ изъ крымскаго полуострова, тогда присоединеннаго къ Россіи, прибыла въ Харьковѣ 10-го іюня къ вечеру; 11-го числа утромъ имѣли счастіе представляться и допущены къ рукѣ высшее духовенство, гражданскіе чиновники и все дворянство, во множествѣ по сему случаю съѣхавшееся. Пребываніе Ея Величества было во вновь тогда отстроенномъ для Государева намѣстника домѣ, занимаемомъ нынѣ попечителемъ университета. Къ обѣду Ея Величества были удостоены приглашенія—высшее духовенство, гражданскіе чиновники и дворянство до 6-го класса включительно и состоящіе въ томъ классѣ. Послѣ обѣда дамы удостоены были представленія и допущенія къ рукѣ Ея Величества. Въ отвращеніе излишней роскоши въ дамскихъ уборахъ, при такомъ необыкновенномъ случаѣ, предписано было имѣть имъ форменное платье по цвѣту мундира намѣстничества, который былъ тогда красный, воротникъ лежачій, обшлага и все исподнее платье зеленое, пуговицы бѣлыя; почему и дамы имѣли робы краснаго гродетура на фижмахъ и юбки зеленыя; прическа на головѣ тогдашняго времени высокая подъ пудрой. Вечеромъ былъ придворный балъ въ особо на тотъ случай пристроенной залѣ. На балъ приглашено было дворянство и чиновники всѣ безъ ограниченія. По окончаніи бала сожженъ былъ фейерверкъ. 12-го числа Государыня изволила продолжать путь въ Бѣлгородъ, гдѣ удостоила сама возложить ордена Св. Владиміра: на губернатора, ген. пор. Норова, 2-й степени, предсѣдателя уголовной палаты Сабурова 3-й, а губернскому предводителю Шидловскому вручены 4-й степени. Всѣмъ же губернскимъ чиновникамъ, предводителямъ дворянства и капитанъ исправникамъ всѣхъ уѣздовъ губерніи пожалованы были подарки; также нѣкоторыя дамы, подносившія что либо изъ своихъ рукодѣлій, удостоились получить подарки [1]).

Пребываніе Императрицы съ многочисленной свитой, конечно, было для Харькова событіемъ, о которомъ долго еще и потомъ вспоминали. Отмѣчено оно было и однимъ изъ современниковъ—извѣстнымъ намъ Лубяновскимъ. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ посѣщеніи, какъ очевидецъ (онъ былъ тогда воспитанникомъ Коллегіума). „За недѣлю передъ прибытіемъ въ городѣ уже не было угла свободнаго; жили въ палаткахъ, шалашахъ, сараяхъ, гдѣ кто могъ и успѣлъ пріютиться; все народонаселеніе губерніи, казалось, стеклось въ одно мѣсто; къ счастью было это лѣтомъ при ясной, тихой и теплой погодѣ. Показался на Холодной горѣ Царскій поѣздъ; насталъ праздниковъ праздникъ. Тысячи голосовъ въ одинъ голосъ громогласно воскликнули: шествуетъ—и все умолкло. Неподвижно, какъ вкопанные, въ тишинѣ благоговѣйной всѣ смотрѣли и ожидали: божество являлось. У городскихъ воротъ встрѣтили Императрицу намѣстникъ Чертковъ и правитель губерніи Норовъ верхомъ, оба военные, генералъ-поручики, но оба въ губернскомъ мундирѣ [2]). Отъ воротъ до дворца (нынѣ университетъ) версты полторы. Императрица ѣхала шагомъ и изъ кареты по обѣ стороны кланялась; слышенъ

жественнымъ пришествіемъ Е. В. въ мѣста, ими обитаемыя, и въ препровожденіи уѣздныхъ предводителей и множества дворянства жалованы къ рукѣ. Къ обѣденному столу Е. В. приглашены были—преосвященный съ архимандритами, чины намѣстничества и дворяне въ 5 классѣ считающіеся. Въ 7 часу вечера Государыня изволила допустить къ рукѣ харьковскихъ дамъ, послѣ чего начался балъ, а когда смерклось, то зажженъ былъ фейерверкъ предъ покоями Е. В.

Іюня 12. Е. В., бывъ у молебна въ Успенской соборной церкви и, отправясь изъ Харькова въ 9 часу утра чрезъ слободу Липцы, въ слободѣ Черемошной изволила имѣть обѣденный столъ, послѣ чего, проѣхавъ 26 верстъ, прибыла въ Бѣлгородъ въ 5-мъ часу пополудни. Тамъ Е. В. во уваженіе усердной службы изволила пожаловать ордена Св. Владиміра Норову, Сабурову и Шидловскому и денежныя выдачи еписк. Феоктисту, Харьковскому Успенскому Собору, Семинаріи и Классамъ. (Харьк. Губ. Вѣд. 1879 г., № 254).

[1]) Статья Г. Ѳ. Квитки „Городъ Харьковъ“.

[2]) Кафтанъ алаго, воротникъ, обшлага, камзолъ и исподнее зеленаго цвѣта.

былъ только звонъ съ колоколенъ. Не случалось мнѣ быть въ другой разъ свидѣтелемъ такой глубокой тишины и благоговѣнія при многочисленномъ стеченіи народа. Императрица показалась на балконѣ дворца; тутъ только обычное ура загремѣло по всему городу. За тѣмъ смерклось, зажгли фейерверкъ, на бѣду не удавшійся; къ тому же ракета угодила въ шею секретарю Верхняго земскаго суда. Придворный врачъ прибѣжалъ осмотрѣть раненаго; фейерверкъ отмѣненъ; затѣмъ кто то изъ свиты вручилъ счастливому секретарю золотые часы, въ изъявленіе соболѣзнованія отъ Всемилостивѣйшей Монархини. Звучитъ до сихъ поръ у меня въ ушахъ возгласъ: „мати ты наша премилосердая“, который раздался между тысячами украинцевъ, когда разнеслась вѣсть о часахъ. На другой день Императрица уѣхала. Отъ дворца по площади къ Соборному Успенія Божіей Матери храму постлано было алое сукно, по которому Ея величество изволила пѣшкомъ идти въ Соборъ, гдѣ слушала молебенъ. Въ этомъ шествіи и я имѣлъ счастіе видѣть Императрицу: опираясь на трость, безъ зонтика, въ полуденный зной, она шла очень тихо, съ лицомъ довольнымъ, исполненнымъ благоволенія, величественно и милостиво кланяясь на обѣ стороны. Изъ Собора отправилась въ дальнѣйшій путь. Въ 8 час. утра того же дня всѣ ученики и учителя Коллегіума были въ классахъ. Принцъ Ангальтъ посѣтилъ заведеніе; меня нарядили изъ класса, гдѣ я былъ тогда, сказать ему привѣтствіе въ двухъ латинскихъ стихахъ. Погладилъ меня по головѣ и весьма благосклонно проспилъ всѣхъ насъ кланяться отъ него батюшкамъ и матушкамъ“ [1]).

Тотъ же авторъ сообщаетъ намъ любопытныя свѣдѣнія о посѣщеніи Харькова особо Г. А. Потемкинымъ. „Въ Харьковѣ же, говоритъ онъ, мнѣ удалось видѣть князя Потемкина Таврическаго; было это зимою въ послѣднюю поѣздку его изъ арміи въ столицу по взятіи Очакова. На другой, по пріѣздѣ, праздничный день ожидали князя къ обѣднѣ въ Соборѣ; служилъ архіерей; студентамъ велѣно быть у обѣдни; мнѣ досталось стоять съ лѣвой стороны амвона посреди церкви. Обѣдня и началась поздно, и необыкновенно (долго) тянулась; архіерей на большомъ выносѣ провозгласилъ протяжнымъ во всеуслышаніе голосомъ: „военаначальники, градоначальники и свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Таврическаго„; прогремѣлъ потомъ при „о спасеніи“ тотъ же возгласъ протодіакона. Свѣтлѣйшій все еще не являлся; пришелъ уже послѣ „Достойно“, остановился не на приготовленномъ для него сѣдалищѣ подъ балдахиномъ, а съ правой стороны амвона посреди церкви, взглянулъ вверхъ и во всѣ четыре конца. „Церковь не дурна, сказалъ вслухъ губернатору Кишенскому; вслѣдъ за тѣмъ одною рукою взялъ изъ кармана и нюхнулъ табаку, другою вынулъ что то изъ другого кармана, бросилъ въ ротъ и жевалъ; еще взглянулъ вверхъ; Царскіе врата отворялись,—повернулся—въ экипажъ и уѣхалъ. Былъ онъ съ ногъ до головы въ такомъ видѣ: въ бархатныхъ широкихъ сапогахъ, въ венгеркѣ, крытой малиновымъ бархатомъ съ собольей опушкой, въ большой сверхъ того шубѣ изъ чернаго мѣха, крытой шелковою же матеріею, съ бѣлою шалью около шеи, съ лицомъ повидимому неумытымъ, бѣлымъ и полнымъ, но болѣе блѣднымъ, чѣмъ свѣжимъ, съ растрепанными волосами на головѣ; показался мнѣ Голіафомъ“ [2]).

Какъ видно отсюда, великолѣпный князь Тавриды велъ себя довольно небрежно и безцеремонно и его поведеніе представляло полную противоположность съ тѣмъ, какъ привѣтливо, съ какою величавою простотою и достоинствомъ держалась Императрица.

---

[1]) Воспоминанія Ф. П. Лубяновскаго. М. 1872 г., стр. 15—16.

[2]) Воспоминанія Ф. П. Лубяновскаго. М. 1872 г., стр. 12—14.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ 1-й главѣ.

Именной списокъ жителей г. Харькова 1655 года.

1-я сотня. Списокъ харьковскимъ черкасамъ: атаманъ Иванъ Васильевъ, сынъ Криношлыкъ, сотникъ Тимошъ Лавриновъ, Мартынъ Поруля, Илья Ивановъ, Лиско Сонченка, Степанъ Суровченко, Климъ Стриха, Остапъ Слипченко, Юско Баранниковъ, Миско Кадацкій, Миско Иваненко, десятникъ Грицко Лавренко, Θеско Мотылевъ, Ивашка Камышнянецъ, Кунашъ Шелестовъ, Тимко Жукъ, Савва Гавриленко, Θеско Валенко, Василій Афонасенка, Романъ Даниленко, Матвѣй Кременчугскій, десятникъ Кондратъ Волошенинъ, Романъ Грищенко, Василій Тимошенко, Степанъ Якименко, Алекса Даниленко, Алекса Швецъ, Семенъ Якименко, Тимко Ткачъ, Кузьма Есаулъ, Грицко Могильникъ, десятникъ Авдѣй Иваненко, Андрей Швецъ, Кузьма Ященко, Романъ Клименко, Петръ Мартыненко, Захаръ Иваненко, Иванъ Жаравль, Процыкъ Рѣзникъ, десятникъ Афонасій Кравецъ, Андрей Хмѣль, Процыкъ Мартыненко, Петръ Гавриленко, Юско Салишинъ, Левко Занковскій, Грицко Иваненко, Степанъ Кондратенко, Данило Уставицкій, Ерема Кременчугскій, десятникъ Кирило Павленко, Павелъ Петренко, Семенъ Михайленко, Θедоръ Исаенко, Максимъ Онофреенко, Олферъ Дурасенко, Василій Кременчугскій, Θедоръ Романенко, Грицко Дехтяренко, Остапъ Иваненко, десятникъ Иванъ Коваль, Θедоръ Слипченко, Лукьянъ Левченко, Кузьма Сатинъ, Иванъ Шябунъ, Бориско Θоменко, Θедоръ Еремко, Василій Ломака, Андрей Лукъяненко, Василь Грпешь, Иванъ Афанасьенко, десятникъ Харитонъ Θедоренко, Григорій Черавковъ, Петръ Малышенко, Юско Погребный. Яковъ Шарковъ зять, Степанъ Дементенко, Григорій Мендель, Кондратъ Глущенко, десятникъ Юско Денисенко, Сила Семеновъ, Савва Яковлевъ, Григорій Циркуненко, Левко Кременчугскій, Корней Мотылейко, Абрамъ Петренко, Харитонъ Иваненко, Андрей Цыркунъ, Тимоѳей Слѣпченко, десятникъ Захаръ Беседа, Григорій Омельяненко, Матвѣй Кондратенко, Данило Савченко, Савва Тимошенко, Климко Старинъ братъ, Василій Романенко, Василій Калиненко, Василій Беиденко, Тимофей Даниленко.

2-я сотня: Сотникъ Логинъ Ященко, Θеска Кравецъ, Яковъ Коркачевъ, Андрей Петровъ, Андрей Яценко, Θедоръ Швецъ, Михайло Близниченко, Семенъ Колесникъ, Григорій Олейникъ, Василь Жикденко, десятникъ Яковъ Максименко, Юско Коваль, Семенъ Бутко, Иванъ Покуеѣченко, Стенька Манаенко, Семенъ Гордеенко, Кондратъ Иваненко, Семенъ Мосеевъ, Мосей Семеновъ, Гаврилко Иваненко, десятникъ Проконъ Еуфименко, Тимошъ Цепковскій, Матвѣй Семеновъ, Яковъ Иваненко, Якимъ Стасенко, Яковъ Свѣтличный, Романъ Наливайченко. Паско Алейниченко, Юско Хорошей, Остапъ Жученко, десятникъ Мартынъ Михаленко, Степанъ Павленко, Юско Кривый, Иванъ Даниленко, Михайло Ющенко, Данило Михненко, Павелъ Иваненко, Миско Черный, Лазарь Василенко, Демко Жученко, десятникъ Мартынъ Кушнеръ, Тимоѳей Колосенко, Мартынъ Валеватой, Василь Коваль, Яковъ Корнеенко, Иванъ Гребенниковъ, Алексѣй Тетерь, Семенъ Дурной, Миско Гунко, Иванъ Овчаренко, десятникъ Левко Калашникъ, Кондратъ Мартыненко, Демка Романовъ, Ефремъ Рогатинка, Прокофій Усишинъ, Яковъ Лазаренко, Степанъ Воробецъ, Юско Юрченко, Василій Тимченко, Давыдъ Степаненко, десятникъ Савелій Иваненко, Василій Остреденеенко, Марко Воробенко, Θома Лисенко, Андрей Захарченко, Юско Иваненко, Степанъ Дерлышенко. Θетка Якименко, Абрамъ Гридченко, Кондратъ Гурченко, десятникъ Никифоръ Пасюченко, Кузьма Токарь, Андрей Иляшъ, Ермолай Долбня, Яцко Захарченко, Миско Кубракъ, Грицко Каленниковскій, Грицко Даниленко, Степанъ Тихоненко, Грицко Калинковскій, десятникъ Иванъ Сходоваго зять, Иванъ

Дубовиченко, Потапъ Сидоренко, Иванъ Дубовикъ, Василь Перевозникъ, Михайло Солодскій, Семенъ Сторожъ, Иванъ Тихой, Гаврило Панченко, Данило Щупишинъ зять, Михайло Ситникъ, Матвѣй Микуленко, Юско Донченко, Савелій Подорожный, Демьянъ Шупенко, Иванъ Жехно, Мосей Игнатенко, Яковъ Андреенко.

3-я сотня: сотникъ Малей Ѳедоренко, Степанъ Гончаръ, Ивашка Григорьевъ, Костя Грищенко, Иванъ Бѣлоусъ, Иванъ Михненко, Андрей Сергеенко, Сопронъ Іевленко, Семенъ Мартыненко, Андрей Калашникъ, десятникъ Остапъ Лущенко, Савва Каллинниченко, Иванъ Лащенко, Иванъ Степаненко, Василь Шкарупа, Тарасъ Кривошея, Елтухъ Иваненко, Герасимъ Стадникъ, Сопронъ Жулченко, Степанъ Борисенко, десятникъ Марко Столяръ, Калинникъ Швецъ, Трофимъ Сабининской, Петръ Рудый, Степанъ Римаръ, Василь Кодацково, Трофимъ Ѳедоренко, Михайло Пасюченко, Данило Матвѣевъ, Ѳеско Ѳедоренко, десятникъ Яковъ Ледыга, Миско Герасименко, Лавринъ Яковенко, Борисъ Исаенко, Семенъ Кравецъ, Захаръ Трубубченко, Григорій Гайденко, Иванъ Ромахъ, Семенъ Гридченко, Максимъ Гриненко, десятникъ Юско Гурба, Еремка Андреенко, Ѳедоръ Заяцъ, Дмитрій Иваненко, Степанъ Васильенко, Данило Денисенко, Григорій Максименко, Григорій Дудникъ, Грицко Кодатцкій, Афанасій Дмитренко, десятникъ Демка Мельникъ, Климъ Пасюцкій, Семенъ Гриченко, Иванъ Мартыненко, Ѳедоръ Гавриленко, Андрей Чалой, Матвѣй Семененко, Матвѣй Михайленко, Якимъ Гуренко, Микита Корнисенко, десятникъ Максимъ Павленко, Василій Ѳедоренко, Денисъ Черной, Андрей Погребный, Андрей Михалченко, Иванъ Гавриловъ, Марко Котчанко, Григорій Кондратенко, Иванъ Погребненко, Иванъ Драбязга, десятникъ Василь Рукавченко, Максимъ Иваненко, Степанъ Калиникъ, Радіонъ Мартыненко, Онофрій Недбаенко, Данило Кирѣенко, Савва Дмитріенко, Юско Ященко, десятникъ Онисимъ Кондратенко, Пароенъ Проіценко, Иванъ Лысой, Василь Гриненко, Матвѣй Иваненко, Маско Дудка, Ѳеско Стативченко, Кузьма Лищенко, Романъ Ѳедоренко, Василь Бреусъ, десятникъ Ѳедоръ Василенко, Якимко Омеляненко, Ѳедоръ Иваненко, Василій Лазаренко, Луцыкъ Павленко, Демко Лютенскій, Матвѣй Погребный, Григорій Максименко, Ѳедоръ Юдченко, Андрей Яковенко.

4-я сотня: сотникъ Семенъ Песецкій, Парфенъ Прохоровъ, Ѳедоръ Алейникъ, Мартынъ Филипенко, Василій Иваненко, Василь Скибицково зять, Грицко Булюкаленко, Василь Иваненко, Иванъ Иваненко, Юско Иваненко, десятникъ Семенъ Андреенко, Иванъ Юсченко, Иванъ Андреевъ, Емельянъ Ващенко, Михайло Савеленко, Иванъ Васильевъ, Герасимъ Василенко, Иванъ Заровной, Михайло Лесченко, Иванъ Грещенко, десятникъ Иванъ Сухой, Мосей Ставицкій, Левонъ Калинченко, Терентій Иваненко, Микула Иваненко, Семенъ Панченко, Иванъ Ѳедоровъ, Дмитро Иваненко, Василій Череда, Василій Реметенко, десятникъ Григорій Безкишки, Левко Мищенко, Гарасимъ Ященко, Степанъ Филипенко, Иванъ Ѳедоренко, Григорій Ященко, Матвѣй Кондратенко, Семенъ Иваненко, Ѳедоръ Тимошенко, Дмитрій Гриценко, десятникъ Лазарь Котляръ, Ѳедоръ Афанасенко, Потапъ Мисченко, Степанъ Долбня, Григорій Ющенко, Иванъ Емченкенко, Климъ Серикъ, Миско Кириченъ, Кондратъ Емченко, Михайло Солодкій, десятникъ Василь Мартыненко, Аксенко Шпиль, Иванъ Мирогородцкій, Иванъ Яковенко, Сидоръ Мыслицкій, Яцко Ворошенко, Гаврило Иваненко, Остапъ Иваненко, Петръ Прокопенко, Павелъ Олференко, десятникъ Марко Лукашенко, Тимофей Мирончено, Иванъ Гайдукъ, Антонъ Лазоренко, Мартынъ Литвинко, Василь Байдуковъ зять, Василь Корытинъ, Лазарь Черной, Данило Шульга, Савелій Слюсарь, десятникъ Максимъ Величенко, Степанъ Андреенко, Андрей Кондратенко, Иванъ Хандыбенко, Якимъ Иваненко, Ивалъ Удовъ, Филипп Андреенко, Иванъ Алексѣенко, Гапонъ Пасепникъ, Грицко Камышенецъ, десятникъ Иванъ Москаль, Васка Хмѣль, Датцко Максименко, Савка Прокопенко, Стенька Ткачь, Семенъ Морозенко, Левко Бутъ, Василь Клименко, Семенъ Алейниченко, Василій Еуфимовъ, десятникъ Кононъ Ѳедоровъ, Миско Кравецъ, Савелій Анисченко, Тимофей Фесченко, Семенъ Иваненко, Ивашка Курѣенко, Андрей Василенко, Петръ Бутъ, Илько Тупальсково зять, Игнатъ Якименко, Степанъ Юренко.

5-я сотня: Калинникъ Кушнеръ, Тимофей Костенко, Савелій Забуженко, Харитонъ Иваненко, Василій Лысенко, Семенъ Косовенко, Иванъ Гридченко, Васка Гридченко, Климъ Иващенко, Логинъ Костыринъ, десятникъ Дмитрій Антоненко, Ѳеско Ходщенко, Андрей Стрижка, Григорій Васщенко, Филипп Пирченко, Ѳедоръ Валъ, Иванъ Ахматовъ, Василій Бѣлоусъ, Тимофей Василенко, Василій Грамаденко, десятникъ Илько Яцненко, Данило Карпенко, Грицко Степаненко, Иванъ Гасай, Иванъ Семененко, Илько Дехтярь, Василій Курилковъ зять, Илько Матвѣенко, десятникъ Лукашка Мищенко, Лукашка Михайленко,

Данилъ Плотавскій, Самойло Даниленко, Андрей Мокѣенко, Якимъ Мищенко, Остапъ Дужснко, Миронъ Лавриненко, Жаданъ Иленко, Иванъ Сыроежка, десятникъ Савелій Коротченко, Петрушка Валъ, Иванъ Афанасьевъ, Ѳеско Петренка, Данило Илешенко, Степанъ Майдуренко, Лукашка Иваненко, Маско Максименко. Ѳеско Иваненко, Григорій Ермоленко, десятникъ Иванъ Хмѣль, Иванъ Гавриленко, Романъ Решетниченко, Кондратъ Гридченко, Ѳедоръ Тимошенко, Степанъ 2-й Мартыпенко, Левонъ Иваненко, Мартынъ Мартыненко, Марко Тимофеевъ, Дмитро 1-й Грищенко, десятникъ Ѳедоръ Андреенко, Матвѣй Андреенко, Микифоръ Колесенко. Луцыкъ Макаренко, Микита Подострожной. Дмитрейко Постоловъ, Костя Демидовъ, Дементій Абакуменко, Лазарь Гурбенко, Павелъ Лощенко, десятникъ Ѳеско Василенко, Данило Иваненко, Иванъ Яценко, Левко Куриленко, Иванъ Гавриленко, Грицко Радченко, Иванъ Дробязга, Ѳедоръ Марченко, Омельянъ Савченко, Онофрій Алексѣенко, десятникъ Матвѣй Даниленко, Матвѣй Климашенко, Ѳедоръ Кузменко, Грицко Бондырь, Михайло Самсоненко, Игнатъ Василенко, Кирилко Демченко, Павелъ Кондыбенко, Михайло Скребецъ, Харитонъ Грунскій, десятникъ Ѳедоръ Иваненко, Іевъ Гридченко, Данило Гридченко, Ѳома Петренко, Степанъ Иваненко, Логинъ Краморъ, Илько Романенко, Леско Детина, Иванъ Василенко, Григорій Василенко, Степанъ Караденко.

6-я сотня: сотникъ Костя Слусарь, Дороѳей Скрыпка, Василецъ Пасешникъ, Климъ Ѳедоренко, Степанъ Яковленко, Миска Хайдоженко, Петръ Кириленко, Мартынъ Куриленко, Андрей Анисченко, Омелька Мисщенко, десятникъ Михайло Андрюшенко, Ѳома Ѳедоровъ, Григорій Яковленко, Иванъ Винодѣенко, Максимъ Терещенко, Иванъ Зазуленко, Иванъ Гавриленко, Курило Матушенко, Иванъ Гулецъ, Калина Марченко, десятникъ Семой Яценко, Миско Иваненко, Василій Чекмезъ, Ерема Андреенко, Иванъ Барщенко. Демко Бондырь, Васка Мищенко, Калинка Ятченко, Гарасимъ Яременко, Семенъ Швецъ, десятникъ Савелій Пятченко, Иванъ Тупальсково зять, Кирило Иваненко, Матвѣй Илишенко, Алексѣй Павленко, Юско Дмитренко, Семенъ Анисченко, Андрей Максименко, Василій Власенко, Ерема Алексѣенко, десятникъ Кондратъ Алещенко, Жаданъ Власенко, Илья Асѣенко, Дмитрій Тупальскій, Иванъ Веприцкій, Иванъ Чепела, Лазарь Еременко, Афанасій Гавриленко, Данило Буславченко, Семенъ Жигалченко, десятникъ Иванъ Рудый, Костянтинъ Борщикъ, Иванъ Рѣзникъ, Данило Михайленко, Пахомъ Гребененко, Кононъ Андреевъ, Яковъ Борщенко, Григорій Борщенко, Ѳедоръ Борщенко, Климъ Кодатцкій, десятникъ Василій Гриценко, Ѳедоръ Демщенко, Михайло Панченко, Лукьянъ Швецъ, Герасимъ Наливайченко, Миско Тимошенко, Кононъ Романенко, Пронька Семененко, Калина Иваненко, Ѳедоръ Рѣзникъ. Грицко Хрисковъ, Гаврило Зинковскій, Иванъ Плотавскій, Иванъ Ермоленко, Хриско Василенко, Иванъ Василенко, Петръ Андреенко, Филиппъ Немчиненъ, Андрей Иваненко, Криско Мартыненко, Микула Войченко, Яковъ Даниленко, Василій Гридченко.

Всего харьковскихъ черкасъ 587 человѣкъ.

Да Харьковскаго жъ уѣзду была слобода Хорошевское городище—черкасъ 50 человѣкъ приписались къ Зміеву [1]).

Ко 2-й главѣ.

Роспись церковныхъ приходовъ г. Харькова 1724 года.

Въ Соборномъ Успенскомъ приходѣ было 20 улицъ и 273 двора.

1. *Улица пана полковника въ замку.* На ней: дворъ его милости пана полковника харьковскаго Григорія Семеновича Квитки, дворъ князя Кропоткина, вдовы попадьи Павлихи, вдовы Шаропихи, дворецъ Ѳедора Грунина, дворецъ пана обознаго полковаго, дворецъ пани Павловой (пустой), дворы Алексѣя Цилюрика, Кирика Звонаря, Михайла Голода, вдовы Паламарки.

2. *Улица пана судіи.* На ней: дворъ его милости пана судіи Семена Аѳанасьевича, дворъ Петра Краткевскаго, Динасевича, сотника харьковскаго Андрея Комисара, вдовы Стецихи. Ивана Дробицкаго, Михайла Кухаря.

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Столбецъ Бѣлгор. стола, № 392, л. 205—214.

3. *Улица зовемая Сотницкая.* На ней: дворъ пана сотника Григорія Васильевича, Чернухи вдовы, Марфы вдовы Борисенковой, вдовы Матяшихи, дворецъ пани Филиповой, дворъ Димитрія Грека, Лаврентія Ивановича, вдовы Бабехи, дворецъ монастырскій, дворъ Шидловскаго, дворецъ пана полковника, дворъ шинковой вдовы протопопицы.

4. *Въ пригородку улица отъ Михайла Дрикты.* На ней: дворъ Михайла Дрикты, дворецъ Левендовскаго, дворецъ сотника Угольчанскаго, дворецъ Смородскаго, дворецъ Оксененкова, шинокъ пани Тимофеевой, дворъ кравца Шватченка.

5. *Улица Федора Бесѣдина.* На ней: дворъ подъячаго Федора Бесѣдина, Дороша Кравца, Григорія Володина, вдовы Манойлихи, Параскевіи Коцарки, Михаила Бута, Олихвѣра Кушнера, Бражникова, Павла Володина, Кирила Кравца, вдовы Дехтярки.

6. *Улица Сушкова.* На ней: дворъ вдовы Сущихи, Савки Ткача, Марка Бражника, (другая хата зятя его Николая Сотницкаго), Ивана Кубцелѣя, дворецъ сотника Волчанскаго, дворъ Кирила Игнатенка съ сестрою, дворецъ сотника Церкуновскаго, дворъ Семена Калачинскаго, Стефана Пархоменка (другая хата зятя его Савки Дьякова), подварокъ Сущихи, дворъ вдовы Анны Назаренковой, вдовы Евченковой, Кузьмы Горбатаго, дворецъ чернеца Галактіона, дворецъ Мелхиседека, дворъ Семена Котелевщенка, шинковой дворецъ, дворъ вдовы Клещихи, вдовы Евдокіи Сушковой, Якима Чумака, Лукьяна Черныша, Ивана Тренбача, Иляпа Скляра, Иванова Данила, Яцка Рѣзника, Грицька Бражника, шинокъ Смородскаго, шинокъ полковника, шинокъ протопопа, шинокъ церкви Соборной, шинокъ церкви Троицкой, хата Змієвскаго протопопа, звонаря соборнаго Ивана Под...., шинокъ Бѣгуна, шинокъ Григорія Двигубскаго, шинокъ Семена Шиповала.

7. *Улица Максима Писаря.* На ней: дворъ Максима Писаря, шинокъ пани Куликовской, дворъ вдовы Татьяны Дегтярки, дворецъ Липецкій, дворъ Тимоша Дехтяря, Панаса Кубрака, Настасія Грека, вдовы Екатерины, вдовы Горпины, Ивана Гурмана.

8. *Улица смежная съ Николаевскимъ приходомъ.* На ней: дворъ Гаврилы Рѣзника, Стефана Улики, вдовы Горбурихи, вдовы Шаповалки, Грицька Колесника, дворецъ съ Даниловки, дворъ вдовы Пищальчихи, дворецъ съ села Тишковъ.

9. *Улица Борисенкова пушкаря.* На ней: дворъ Бориса Пушкаря, Ивана Величенка, Петра Головка, дворецъ села Тишковъ, дворецъ сотника Деркачевскаго, дворъ почтарскій, вдовы Сѣдельнички, Карпова, Андрея Пувченка, Ивана Моренка, вдовы Гонтарки (другая хата сына ея).

10. *Улица Богодуховскаго Семена.* На ней: шинокъ полковничій, шинокъ судейскій, шинокъ Пищальчинъ, дворъ Довбиша, дворъ пани Филиповой, дворецъ скляра Гаврила, дворецъ Мусѣя Слюсаря, дворъ Семена Богодуховскаго, Мусѣя Кравца, Ивана Москаля, Данила Купця, Ивана Гетманенка, Тишка Пушкаря, Демка Рымаря, Терешка Ткача, Каленика Скляра, Василія Скрипника, Ивана Шманделька, Тимоша Хвостика, Семена Чаплѣя, вдовы Брожнички.

11. *Улица Синицкаго.* На ней: дворъ Василія Синицкаго, вдовы Галки, другой Синицкой, вдовы Бражницы, Грицька Кравца, Якима Батюка, Яцка Рибаса, дворецъ Лавочницкій, дворъ Алексѣя Покотила, вдовы Яковихи, Якима Бондаря, Стефана Шпака, Панаса Бражника, Ивана Донца, Леска пономаря Покровскаго, Левка Скляра, вдовы Корнѣихи, Мартина Шевца, вдовы Петрички, Проньки Москаля, дворецъ пана полковника.

Изъ Троицкаго прихода опредѣлены къ Соборной церкви въ приходъ.

12. *Улица въ пригородку.* На ней: дворъ писаря Романовича, Чернецкій Дворецъ, дворъ Василія Молчана, Василія Грека, Матвѣевъ дворъ, дворъ Сидора Котляра, Федора Кушнера, Мусѣя Рѣзника, Дениса Молчана, Антона Горуна, Денисовъ дворъ.

13. *Улица Островокъ.* На ней: дворъ Назара Пивовара, Лаврѣна Воскобойника, Федора Бугайца, Петра Поддубнаго, Костева хата, дворъ Ивана Шолудченка, Сотницкая хата, Похилковъ дворъ, дворъ Ивана Чайки, Уласа Скидана, Кости Воскобойника, Якима и Пархома Поддубнаго, Лукьяна Кожушко, Харька Вакуленко, Матвѣя Логвинчика, Павла Карася.

Изъ Николаевскаго прихода опредѣлена къ Соборной церкви въ приходъ.

14. *Улица Еношина.* На ней: дворъ Григорія Енохи, шинокъ церкви Николаевской, хата Михайла Шевца въ дворѣ церковномъ, дворъ вдовы Татьяны Пономарки, Петра Кравца, Ефросиньи вдовы, Андрея

Кравца, дворецъ вдовы Параскевіи. дворъ Василія Пономаренка, дворецъ пана есаула, дворъ вдовы Иленчихи, Ивана Свѣчкаренка, Ивана Чуйченка, Мартына Циловальника, Ивана Пушкаря, Семена Рѣзника, Ивана Токаря.

15. *Улица Пѣступова.* На ней: дворъ Кондрата Пѣстуна, Федора Кравца, вдовы Матрены, вдовы Маріи Луговской, Тимоша Дужаго, Дмитра Жепки, Демка Дрозда.

16. *Шаповалова улица.* На ней: дворъ Іосифа Кравца, вдовы Евдокіи Линнички, Федора Шевця, дворъ Омельяна Ткача, Василія Протопопскаго, вдовы Агафіи Лянчихи, Опонаса Гафаренка, Демьяна Пономаря, заѣзжій дворъ, а въ немъ живетъ вдова.

17. *Улица Чайчина.* На ней: дворъ вдовы Бородайки, дворъ пани Павловой, Василья Рѣзника, Якима Майстера, Семена Поповича, Михайла Похилка, Тимофея Комисара, Якова Музыки, Яремы Середы, Ивана Шапочника, вдовы Мѣняйлихи, Данила Ткача.

18. *Улица Гребенникова.* На ней: дворъ Григорія Гребенника, дворъ пана судіи, Никиты Кравца, Григорія Ткача. Якима Музыки, дворъ пана судіи, а въ немъ живетъ Павло Гребеникъ, вдовы Софіи Куликовской, Кирила Пристава, шинокъ соборнаго попа Андрея, дворъ Прокопа Бражника, Клима Дехтяря, Степана Зайченка, Семена Стрѣльченка. Грицька Захаренка, вдовы Комисарки, вдовы Евдокіи, дворъ пана есаула, а въ немъ живетъ Василь Шеметъ, Корнѣя Шубкина.

19. *Улица Куликовка.* На ней: дворъ Опанаса Кулика, Максима Цѣловальника.

20. *Улица надъ яркомъ.* На ней: дворъ Ивана Пацюка, Татьяны вдовы, Ивана Стадника, Максима Левченка, Степана Шипули, Радіона Кашпуренка, Левка Шевца, Грицька Захаренка, дворъ судейскій въ замку, дворъ Дробицкаго, съ подсусѣдками: Воскобойникомъ, Василіемъ Горбатымъ и Николаевичемъ огородникомъ, дворецъ Дробицкаго, дворъ Федора Похилкова зятя, дворецъ монастырскій, дворъ вдовы Наталки, Харька Шевця, Ивана Гавриленка, Бориса Циркуненка, Юрка Циркуненка.

Итого, въ соборномъ приходѣ прежде было 164 двора прихожанъ, а нынѣ прибавлено съ Николаевскаго и съ Троицкаго приходовъ 113 дворовъ и теперь всѣхъ прихожанъ 277 дворовъ.

Въ Николавскомъ приходѣ оказалось 6 улицъ и 118 дворовъ.

1. *Улица надъ яркомъ.* На ней: дворъ Лаврена Яроваго, Семена Шаповала, Грицька Цилуйки, Семена Музыки, вдовы Мотри Отчинашки, Матвѣя Винника, Грицька Захарченка, Корнѣя Шибкина, Леська Ткача, Михайла Нечая.

2. *Улица Шаповалова.* На ней: дворъ Семена Шаповала, Якова Кравца, Дмитра Вернигоры, Максима Зайченка, Демьяна Ткача, Василія Рыбалки, Александры вдовой попадьи.

3. *Улица Карабутова.* На ней: дворъ Василія Карабута, Ивана Зайченка, Кирила Пасѣчниченка, вдовы Марьи Карабутихи, вдовы Северинки, Грицька Карабута, Тимоша Дуженка, вдовы Якубихи, Семена Гуринова, Василія Якубенко, Якова Ткача, Николая Показѣя, Леонтія Коваля, Ивана Гладкаго, Костя Хвостниченка, Леонтія Войта, Тимофѣя Гурина, Марины вдовы Филонихи, вдовы Ирины Гончарки, Василя Калачника, Моисѣя Губченка, Ивана Шишки, Семена Литвиненка.

4. *Улица Бибикова.* На ней: дворъ Дмитра Бибика, Игната Чуйка, Лукьяна Карабутенка, Омельяна Дрозда, Маріи вдовы Антонихи, Кирика Романова, Назара Шевця, Герасима Гурина, Филипа Ткача, Марка Котляра, Назара Богдана.

5. *Улица Шеметева.* На ней: дворъ Герасима Шевця, Василія Дворника, Михайла Скляра, Кондрата Лаврененка, Ничипора Цинбальченка, Антона Шевця, Клима Тимофѣйчина, Мартына Шевця, Степана Коваленка, Артема Рыбалки, Ѳеодора Безпалаго, Леонтія Коваленка, Никиты Цѣпковскаго, Никиты Каплуна, Леонтія Чалаго, Ивана Цѣпковскаго, Федора Цѣпковскаго, Ивана Мороза, Грицька Еношенка, дворецъ Шеповалова, дворъ Грицька Солодовника, Дмитра Ключника, дворецъ Шаповалова, дворъ Пилипа Тютюнника, пушкаря Семененка, Алексѣя Войтенка, Мусѣя Шишки, Калачника Котляра, солодовня Шаповала, дворъ Якова Рыбалки.

Изъ Вознесенскаго прихода къ Николаевской церкви опредѣлена въ приходъ.

6. *Улица Келебердина.* На ней: дворъ Кузьмы Ткача, Ивана Ткача, Григорія Сухомлина, Ивана Крутченка, Тимофѣя Смезюка, Данила Зайца, Савелія Мины, Федора Вербицкаго, Павла Циловальника, Якима Елиференка, Ивана Любчича, Ивана Заможнаго, Дмитра Григорьева, Ивана Ткача, вдовы Губихи, Романа Доброконя, Ивана Певки, Семена Келеберды, Андрея Стрельченка, Захарія Гетманенка, вдовы

Ирины, Савелія Волкова, Василія Вербицкаго, сына его Филипа, Григорія Тертичникина, Якова Келеберды, Романа Демьянова, Тихона Демьянова, Ивана Демьянова, брата ихъ Ѳомы, Якова Пацюка, Корнѣя Ласкова, Ѳедора Ласщенка, Аѳанасія Калѣки, сына его Петра.

Въ Вознесенскомъ приходѣ за рѣкою Харьковомъ оказалось 2 улицы и 107 дворовъ.

1. *Улица Шапрановская.* На ней: дворъ Карпа Шапрана, Степана Козакова, Алексѣя Харченка, Алексѣя Покозѣева, Василія Боженка, Козьмы Перевозника, Василія Хорольскаго, Тимофѣя Хуголя, Никифора Монастырскаго, вдовы Маріи, Филипа Чуйка, брата его Григорія Чуйка, Ивана Монастырскаго, Михаила Супруна, Ивана Пушкаря, Максима Кривоконя, Якова Монастырскаго, Матвѣя Горбаня, Исая Стешенка, Максима Стешенка, Мартына Погребника, Остапа Погребника, Моисея Ханченка, Захарія Ханченка, Ивана Безуглаго, Гаврила Гука, вдовы Елены, Ивана Непышнаго, вдовы Стефаниды, Антона Недерикопы, Федора Недерыкопенка, Нестера Боженка, Иліи Задорожнаго, Ивана Заглавнаго, Логвина Назаренка, Степана Солодкаго, Клима Бардакова, Якова Кучера, Григорія Тертичника, сына его Коваля, Клима Кривоконенка, Мокѣя Певнаго, вдовы Устиміи, Федора Савченка, Михаила Крученка, Тимофѣя Моисеева, Антона Моисѣева, Андрея Хоружаго, Михаила Шинкаря, Максима Ткача, Павла Вербицкаго, Гаврила Солодкаго, Остапа Шевця, Степана Бондаря, Бориса Головашина, Лаврѣна Рыжаго, Самойлы Бѣлаго, Ивана Маленькаго, Савелія Усова, Семена Усова, Степана Усова, Алексѣя Затопнаго, Лукьяна Дудника, Максима Метлы, вдовы Маріи.

2. *Улица Чугаевская.* На ней: дворъ Лазаря Пасѣчника, вдовы Левусихи, Остапа Бреуса, Якова Винника, Петра Лесенка, Якова Жеваги, Аѳанасія Дудника, Максима Рябаго, Федора Цукренка, Алексѣя Жуваги, Козьмы Криваго, Гаврила Пшики, Григорія Москаля, Алексѣя Москаля, Никиты Дудника, Осипа Чугая, Федора Чугая, Сидора Чугая, Филипа Чугая, Якова Постольникова, Ефрема Курскаго, Кирика Глухаго, Савелія Нѣмченка, Василія Ени, брата его Абрама, Давида Ермолаева, Василія Лута, Прокопія Шапрана, Алексѣя Пушкаренка, Филимона Харченка, Ивана Прядуна, брата его Алексѣя, Федора Рыбалки, Якова Таранова, Романа Ющенко, Василія Лазкова, шинокъ Денисевича, хуторъ пани Филипповой, дворъ Федора Коваленка, Федора Шапраненка, Дмитра Опалкова (зятя), Ивана Перевозника.

Въ Покровскомъ (нынѣ монастырь) приходѣ оказалось одна улица и 87 дворовъ.

1. *Улица Пищальчина.* На ней: дворъ Ѳеодосіи вдовы пани Тимофѣевой, Семена Климовича, Ивана Пищалки, Тимофѣя Уманца, Ивана Бондаря, Андрея Писчальченка, Федора Рымарчика, Григорія Рымаря, Клима Костиченка, Максима Шевця, Василія Рымаря, Мартына Пшоняника, Омелька Прилѣпки, Алексѣя Решютки, Григорія Рыбасенка, Ивана Чернолишенка, подварокъ Пищалки, подварокъ Синицкаго, дворъ Алексѣя Рымаря, Стефана Штака, Никиты Незовыбатька, Дмитра Ткача, Сидора Бражника, Якова Колесника, Григорія Бойка, Паська, Данила Олейника, Николы Рудиченка, Димида Решютки, Татьяны Ткачихи, Корнѣя Малишенка, Анны вдовы Киселихи, Семена Микитенка, Василія Сироты, Григорія Котляра, Данилы Колесника, Ничипора Герасименка, подварокъ Шаповала, дворъ Семена Журавля, Иліи Котляра, Ивана Келеберденка, подварокъ Борисенковой, дворъ Матвѣя Кубриченка, Леонтія Гончара, Василія Ткача, Сидора Торженка, Федора Головка, Якима Маркова, Василія Жученка, Савки Колесника, Моисея Мизиденка, Ивана Усыпливаго, Наума Грита, Ивана Кушнѣра, Ивана Рѣшетниченка, Тамофѣя Шевця, Павла Мирочника, дворецъ пана суди, дворъ Корнѣя Кушнера, Ивана Сироты, Михаила Рѣшетька, Грицка Влебежома, Демка Мѣрочника, Линника, Коваля, вдовы Кушнерки, Пилипихи Чернячки, подварокъ Пищалка, дворъ Омелька, Григорія Рѣшетниченка, Яремы Свинаря, Кузьмы Сидоренка, Клима Бойчина зятя, солодовня Синицкаго съ хатою, дворъ Дацька Рудиченка, шевця Нереты, Максима Неситенка, Ивана Киселя, Панаса Сиротенка, Яска Прядуна, Алексѣя Хромаго, Трофима Герасименка, Андрея Шевця, Ивана Решетка, подварокъ попадьи, дворъ Павлихи, подварокъ дьяконовъ.

Въ Рождественскомъ приходѣ было 5 улицъ и 121 дворъ.

1. *Улица Москалевка.* На ней: дворъ Семена Панскаго, Михаила Ткача, Василія Пріймы, Семена Шевця, Василія Ткача, Ивана Горбатаго, Максима Макухи, Максима Бѣлокуренка, Ѳвфима Бѣлокуренка Демка Журавля, Василія Алексѣева, Стефана Алексѣева, Андрея Алексѣева, вдовы Гурбихи, Киричихи вдовы, Кондрата Ткача.

2. *Улица Шилова.* На ней: дворъ Григорія Шила, Ивана Свердлика, Алексѣя Свердлика, Гордѣя Шаповала, Корнѣя Кушнѣра, Ѳедора Ктитора, Ивана Калачника, Кости Семенова, Матвѣя Аксенченка,

Кирила Кушнѣра, Кости Кочерги, Ѳедора Глухаго, Ивана Щевця, Василія Котелевскаго, Яска Мѣрочника, Терешки Шапочника, Семена Маляренка, Игната Голоты, Михайла Горуненка, Ивана Грѣненка, Мирона Золотаря, Насти вдовы, Ивана Цѣсаря, Мирона Хоружаго, Ивана Ковалевщинка, Яцка Попова, Ивана Сомины, Василія Линника, Антона Володина, Прокопа Золотаря.

3. *Пробита улица.* На ней: дворъ Лукьяна Писаря, Демьяна Кононенка, Кости Васильченка, Данилы Водопьяна, Яцка Пушкаря, Лукашки вдовы, Василья Обуха, Василья Васильченка, Василія Маленькаго.

4. *Улица Довгалевка.* На ней: дворъ Андрея Готовицкаго, Харька Шаповала, Анны вдовы, Николы Шевця, Конона Котляра, Алексѣя Малѣенка, Федора Череватенка, Гаврила Шевця, Ѳедора Груцѣна, Андрея Шеревиры, Ивана Свердлика, Ивана Кошляка, Николы Кошляка, Леска Кошляка, Ивана Миропольскаго, Ирины вдовы, Сидора Гончара, Панька Давиденка, Ивана Винниченка, Ѳедора Ветчинки, Максима Ветчинки, Семена Кошляка, Герасима Шевця, Евдокіи вдовы, Насти вдовы, Василія Шила, Андрея Панченка, Герасима Шевця, Филиппа Русскаго, Никиты Фицаня, Игната Садовничаго, Андрея Проценка, Анны вдовы, Тимка Герасименка, Яска Самченка, Ивана Семченка, Ивана Гука.

5. *Улица Безсаловка.* На ней: дворъ Максима Гончара, Ивана Хвесенка, Андрея Винника, Диниса Гончара, Василія Гончара, Петра Гончара, Илька Простаго, Мотри вдовы, Процика Вареника, Мартина Гончара, Анны вдовы, Яцка Гончара, Романа Губы, Омелька Гончара, Григорія Свердлика, Вѣтра Гончара, Ивана Шевця, дворецъ отца Алексѣя, дворъ Братерскій, Василья Намѣчника, матери Кошляка, Ивана Курѣзкаго, Ивана Каленниченка, Ивана Шевця, Якима Гончара, Ивана Криличенка, Моисея Вѣрченка, Микиты Курбѣля, Леонтія Олексенка.

Въ Троицкомъ приходѣ 6 улицъ и 115 дворовъ.

1. *Улица Крохмалева.* На ней: дворъ Ивана Крохмаля, Илька Кравца, Марьи вдовы, Конона Шинкаря, Леська Коваля, Петра Слюсаря, Грицька Добробабенка, Игната Мотренка, Клима Литвиненка, Грицька Запоренка.

2. *Улица Назарцева.* На ней: дворъ Назарца стараго, вдовы Жепчихи, Марка Бѣлченка, сосѣда его Гаврила, Яська Моренка, Филиппа Землянскаго, Петра Дубовой Коробки, Кондрата Калачника, Ивана Коновала, Яцка Гука, Андрея Топчія, Якова Кальченка, подварокъ Юрченка, дворъ Якима Коваля, Землянскаго, вдовы Линнички, Филиппа Ставискаго.

3. *Улица Клименкова.* На ней: дворъ Грицька Клименка, Максима Шевця, Тимоша Мартиненка, вдовы Вѣрки, Ивана Песоцкаго, Яремы Кишканя, Федора Коваля, Матвѣя Пивовара, вдовы Ситнички, Грицька Куприяна, Наума Маляра, вдовы Курдупки, Трофима Шевця, Андрея Бублѣйника, Ивана Артюшенка, Терешки Ткача, Максима Андреенка, Мусѣя Лебедя, Якова Цинбала, Семена Мороза, Ивана Москаля, Тимоша Котляра, Якова Слѣпаго, Тимка Кожушкова зятя, вдовы Воротнички.

4. *Улица Гунченкова.* На ней: дворъ Андрея Гунки, другой дворъ того же Гунки, Анны вдовы Клѣщихи, Панка Клѣщенка, Романа Шапочника, Тишка Клименка, Лукьяна Коваля, Яремы Жижина, вдовы Могильнички, Савки Коваля, Андрея Коваля, Грицька Котляра, Сергѣя Шевця, Левки Коваля, Опанаса Шевця, Яремы Маляра, Илька Соцевы, Грицька Пивоваренка, Гаврилы Пивоваренка, Гаврилы Коваля, Данилы Котляра, вдовы Римарки.

Изъ Вознесенскаго прихода опредѣлено за взятые къ Соборной церкви дворы.

5. *Улица къ Сизіону.* На ней: дворъ Лаврентія Сизіона.

6. *Улица Юрченкова.* На ней: дворъ Василія Юркевича, вдовы Артемовички, Петра Лисенка, Тимоша Шаповала, Ивана Бублейника, Шаповала. Гордѣя Кишканенка, Феска Коцаря, Артемоновича, Романа Маляра, Павла Курдупенка, Грицька Дубовой Коробки, Василія Щевца, Ивана Таранченка, Ивана Лизенка, Ивана Огурцова.

? [1]). Дворъ Остапа Гарасимова, Гарасима Шпанки, Данилы Давидова, Ивана Криваго, Максима Деревянки, Матвѣя Поддубнаго, Сергѣя Шевця, Моисѣя Шевця, Максима Рѣзника, Якова Ткача, Терешки Колесника, Дениса Колесника. Ивана Журавля, Омелька Васильченка, Ситника Микиты, Василія

[1]) Названія улицы нѣтъ. Быть можетъ, поименованные домовладѣльцы жили по улицѣ „къ Сизіону“ и въ документѣ они по ошибкѣ помѣщены особо. Трудно предполагать, что на упомянутой улицѣ былъ всего одинъ домовладѣлецъ—Сизіонъ; далѣе названія этой улицы не встрѣчается.

Гали, дворъ братскій, Семена Мѣняйленка, Самойла Ткача, Микиты Ткача, Ивана Сердюка, Наталки вдовы, Андрея Красноковскаго, Дмитра Тимошова зятя.

Въ Михайловскомъ приходѣ 4 улицы и 130 дворовъ.

1. *Улица Кулиничина.* На ней: дворъ Василія Иванова, Костянтина Иванова, Савелія Шостича, Ивана Шищенка, Абрама Шищенка, Игната Шишка, Ивана Соляника, Микиты Гринича, Леонтія Федосенка, Татьяны вдовы, Параскевіи вдовы Бутовой, Василія Жилы, Павла Пуковца, Леонтія Пуковца, Осипа Яковлева, Степана Водяника, Кондрата Болюха, Дениса Винниченка, Ивана Денисова, Дмитра Турчина, сына его Козьмы, Петра Кандыбы, Михайла Кандыбы, Микиты Ковриги, Моисея Кондратова, Онисима Безкоровайнаго, Леонтія Кулинича, Григорія Кулинича, Максима Мормилова, Григорія Силуянова, сыновей его Сергѣя да Ивана, Михайла Семенова, Логвина Жеваги, Евфима Шевця, Кирила Логвинова, Власа Мѣрочника.

2. *Улица Корсуновская.* На ней: дворъ Андрея Лысаго, Петра Новицкаго, Матвѣя Тесли, Павла Недовѣсенка, Степана Вдовиченка, брата его Корнѣя, Максима Вдовиченка, брата его Зѣновія, Якова Вдовиченка, Павла Вдовиченка, брата его Игната, Павла Онищенка, дворецъ писаря Романовича, дворъ Максима Яковлева, Григорія Михайлова, Максима Чернаго, Сидора Ходака, Лукьяна Ходака, Мирона Ходака, Ивана Ткача, Григорія Шевця, вдовы Анны Колеснички, Игната Колесника, Данила Колесникова брата, Семена Кравца.

3. *Улица Золотарева.* На ней: дворъ Григорія Золотаренка, Осипа Солодовника, Григорія Ткача, Антона Герасименка, Аоанасія Пориносенка, Петра Власенка, Матвѣя Бердника, Данила Ковшика, Иліи Макаренка, Омельяна Скребки, Степана Несмѣяна, Флора Несмѣяна.

4. *Улица Верещаковская.* На ней: дворъ Никифора Мѣрочника, Кирика Иванова, Савелія Шкурата, Степана Проценка, Логвина Немченка, Михайла Немченка, Василія Немченка, Корнѣя Соляника, Савелія Федорова, брата его Ивана, зятя его Федора, Радіона Федосенка, Кузьмы Чередника, Тимофѣя Игнатова, Данила Неражила, вдовы Суботихи, Гаврила Бусенка, Герасима Столяра, Павла Ткача, Остапа Бута, Андрея Кролевца, Микиты Даниленка, Антона Даниленка, Федора Даниленка, Ивана Бугая, Павла Мѣняйлова, Василія Рижченка, Кузьмы Корсуненка, вдовы Пелагеи Рубановой, Максима Андрусенка, Ивана Павлова, Василія Брусенка, Евтихія Сидорова, Григорія Согуренка, Ѳомы Шевця, Василія Суржснскаго, Василія Всякаго, Якова Гончара, Якова Герасимова, Ивана Рябки, Федора Кравца, Еремѣя Шевця, вдовы Губарки, вдовы Тюренечки, Якова Федорова, Кондрата Семеренка, Василія Усаченка, Григорія Алексѣенка, Михайла Зайца, Самойла Луговаго, Филиппа Боровенка, Лазаря Томаха, Прокопа Боровенка, Григорія Боровенка, Алексѣя Боровенка, Костянтина Столяренка, Каленика, вдовы.....

? [1]). Дворъ вдовы Гаплихи, Павла Сабура, вдовы Головехи, Клима Торяниченка, Сергѣя Шостихи, Кондрата Кандыбы, Ульяны Новицкой, Золотарки вдовы.

Въ Воскресенскомъ приходѣ 8 улицъ и 142 двора.

1. *Улица Дехтярева.* На ней: дворъ пани Куликовской, вдовы Настасіи Заводянской, Марка Кулинича, Назара Калачника, Лукьяна Мартинова, Гаврила Лелюка, вдовы Ирины Шабельнички, Тимофея Исаенка, Ивана Яременка, Данила Лелюка, вдовы Матрены Мартинихи, Давида Исаенка, Федора Ветчинкина, Кирила Марченка.

2. *Улица Котлярова.* На ней: дворъ Емельяна Котляра, Емельяна Шинкаря, Семена Твердохлѣба, Никифора Вѣрченка, Ивана Купріяновича, дворецъ сотника Гаврилы.

3. *Улица Мильникова.* На ней: дворъ Семена Василенка, Ивана Чередника, Андрея Рожка, Лукьяна Теличка, вдовы Анны Мильнички, Терентія Колесника

4. *Улица Онопрьева.* На ней: дворъ Іосифа Теслы. Евфима Коровленка, Ивана Чередника, Ивана Пахомова, Онофрѣя Резника, Василія Ткача, Федора Рубана, Василія Журавля, Василія Артимонова, Кости Лахтина, Лазаря Гончара, Пимена Кирилова, Ивана Повторака, Назара Стрѣльника, Охрѣма Скляра, Якова Ткача, Тимоша Шевця, Максима Москаля, Якова Пахомова зятя, Пархома Лахтина, Данила Шевця.

5. *Улица къ Меркулу.* На ней: дворъ Меркула Москаля, Фирсана Москаля, Кирила Лахтина, Тита Москаля, Мартина Меркулова зятя.

[1]) Названія улицы нѣтъ.

Изъ Михайловскаго прихода къ Воскресенской церкви опредѣлены въ приходъ.

6. *Улица Скляpева.* На ней: дворъ Демьяна Скляра, Григорія Нѣмчина, Карпа Драбашенка, Ивана Зайченка, Федора Тимошенка, Андрея Солотмана, Федора Мартищенка, Ефима Ткача, брата его Кондрата Кирилова, Григорія Ткача, Тараса Якименка, Ивана Нориноса.

7. *Улица Крохмалева.* На ней: дворъ вдовы Иващихи, Григорія Гриценка, Ивана Щучки, Евфима Щербаня, Гаврила Панамаренка, Ивана Пелеха, Карпа Шевця, Ѳедора Шевцева зятя, Еремѣя Крохмаля, брата его Филиппа, вдовы Даріи, Ѳеодора Шевченка, брата его Ивана, Тихона Хмененка, Ивана Шереметенка, Михаила Шереметенка, Савелія Вдовиченка, Евфима Вдовиченкова сына, Ивана Вариначенка, брата его Ивана Вариначенка, Ѳеодора Мироничeнка, Ивана Решотченка, Ѳедора Проценка, Данила Проценкова сына, Леонтія Усенка.

8. *Улица Мирпородовская.* На ней: дворъ Якима Ѳеодорченка, Михайла Усенка, Михайла Лаврѣнова, Игната Савченка, Алексѣя Зенченка, Ивана Усика, Трофима Усенка, Макара Карасенка, Андрея Карасенка, Карпа Красненка, Игната Соленика, Тараса Соленика, Ивана Гончара, Савелія Черкаса, Анны вдовы Шнипковой, Григорія Черкаса, Ивана Солодовника, Василія Солодовникова брата, Алексѣя Солодовника, Михайла Торяника, Прокопа Чередниченка, Микиты Чередниченкова, Василія Зайченка, зятя его Назара, Савелія Пушкаря, Михайла Ничипоренка, Максима Ничипоренка, Ѳеодора Хвененка, Антона Хвененка, Евфима Калимана, Андрея Кирилова, Василія Мовчана, Моисея Мовчанова зятя, Петра Дегтяренка, Зиновія Колесника, Демьяна Шевця, Аѳанасія Плохутки, Григорія Плохутченка, Григорія Ененка, Яроша Соляника, Василія Соляника, Григорія Хведоренка, Михайла Барабашева, Ѳеодора Цегельника, Паска Тесли, Данилы Поддубнаго зятя, Уласа Рубана, Семена Мѣняйла, Евфима Лелюка, Прокопа Елистратова зятя, Савки Галенка.

Въ Дмитріевскомъ приходѣ было 5 улицъ и 100 дворовъ.

1. *Улица Ивана Турчина.* На ней: дворъ Ивана Турчина, Процика Барабаша, Ѳомы Чеботаря, Якима Коваля, Федора Горкави, дворецъ сотницкій, дворъ Гаврилы Винокура, Анны вдовы, Федора Олѣйника, Зѣновія Наражила, Марины вдовы, дворецъ Бѣгуна.

2. *Улица Василія Ктитора.* На ней: дворъ Василія Ктитора, Тимоша Шаповала, Павла Гончара, Панаса Ярошенка, Процика Стативы, Тимоша Садовничаго, Григорія Олѣйника, Ивана Ключника, Дмитра Маринина, Данилы Чеботаря, Андрея Васченка, Василія Ткача, Тихона Садовничаго, Родіона Гончара, Игната Бондаря, Ивана Олейникова, Савы Винника, Максима Пушкаренка, Якима Коваля, церковный дворъ, Стефана Радченка.

3. *Улица Якова Котки.* На ней: дворъ Якова Котки, Яремы Чалаго, Грицька Перепадиченка, Яська Чалаго, Татьяны вдовы, Петра Качаненка, вдовы Ѳеодоры Сѣрички, дворецъ полковничій.

Изъ Рождественскаго прихода опредѣлена къ Дмитріевской церкви въ приходъ.

4. *Улица Ивана Криваго.* На ней: дворъ Ивана Криваго, Любки вдовы, Гончара Соловья, Гапки вдовы, Максима Пасченка, Варьки вдовы, Игната Гончара, Онисима Коваля, Ивана Омельченка, Омелька Гончара, Ѳеодора Криваго, Ивана Васильченка, Таціьки вдовы, Кузьмы Калюжнаго, Василія Евфимова, Никиты Гончара, Андрея Гонтоваго, Алексѣя Игнатенка, Ѳеньки вдовы, Омелька Мазковаго, Яцька Кириченка, Михайла Полатки, Проськи вдовы, Ѳеодора Кириченка, Евфиміи вдовы, Григорія Шишки, Ѳеодора Евфименка, Олешки Тюгтяра, Яцка Полатки, Юска Левченка, Ивана Ткача, Гаврила Сосновика, Ѳеодора Семченка.

Изъ Благовѣщенскаго прихода опредѣлена къ Дмитріевской церкви въ приходъ.

5. *Улица Василя Котляра.* На ней: дворъ Василя Котляра, Тараса Шуменка, дворъ Чернецкій, Грицька Пушкаря, Яцка Босенка, Савки Шеревиры, Ивана Булавина, вдовы Босой, вдовы Харчихи, Юска Москаля.

Кромѣ того къ Дмитріевскому приходу принадлежало 14 хатъ въ селѣ Гукахъ, маетности Лаврентія Шидловскаго.

Въ Благовѣщенскомъ приходѣ оказалось 4 улицы и 148 дворовъ.

1. *Улица Бережная.* На ней: дворъ Андрея Николаевича Дунина, Сидора Шевця, Рудиченка, Ивана Шевця малаго, Марьи Бражницы вдовы, Демьяна Шевця, Ивана Помазаненка, шинокъ Дробицкаго, дворъ Братскій, Луцка, Каленика Шинкаря, Григорія Погорѣлаго, Григорія Воропая, Параски Сѣдель-

нички вдовы, Петра Тищенка, Василія Тимошенка, Тимка Шевця, Ивана Криски, Ивана Гусака, Панаса Шевця, Ивана Пушкаря, Пантелеймона Шумея, Петра Моцнаго, Петра Тищенка, Василихи Котлярки, вдовы Иванихи Кривой, Процика Шевця, Клима Гонтаря, вдовы Антонички, Федора Сергѣенка, вдовы Рѣзнички, Филипа Помазана, Федора Кириченка, Петра Кухаря, полковника, Антона Гимы, Андрея Панамаря, Григорія Мотренка, дворецъ сотника, дворъ Леонтія Дѣдича, Филона Шевця, Ивана Радченка, Павла Сергѣенка, Тараса Шевця, Кирика Шевця, Лукьяна Лаврѣненка, Трофима Шпака.

2. *Улица Помазанова.* На ней: дворъ Романа Шевця, Явтуха Рѣзника, Омелька Шевця, Игната Винника, Гаврила Шевця, Назара Шевця, Ивана Шевця, Ивана Сокола, Якова Лупикобылы, Матвѣя Лупикобылы, подсосѣдка Мотренка, Семена Дѣдича, Василія Радченка, Федора Бандуры, Грицька Малаго, Романа Ткача, Максима Гладчистаго, Пилипа Пусичина зятя, Василія Плищенка, Мокѣя Рудиченка, Ивана Безкоровайнаго, Романа Ткача, Степана Бондаря, Маріи Иванихи гончарки, Ивана Лысаго, Уласа Зайца, Лазаря Колесника, Мартина Ильченка, Манька Захаренка, Федора Чешенка, Дацка Тищенка, Мартина Ковриги, Ивана Олексенка, Ивана Овдѣенка, Иліи Шулики, Грицька Вовченка, Петра Шулики, Якова Храпченка, Панчихи вдовы, Петрихи вдовы, вдовы Сергѣйки, Павла Полупаненка, Михайла Гарбаря, Уласа Олексѣенка, Голубихи вдовы, Ивана Мориненка.

3. *Улица Опанасовская.* На ней: дворъ Ивана Панасенка, Прокопа Олексенка, Данила Овдѣенко, Хомы Шевця, Макара Черкашенина, Тимка Олейниченка, Ивана Малаго, Тимка Олексенка, Василія Литвина, Василія Малаго, Данила Лаврѣненка, Прокопа Яременка, Самойла Безкоровайнаго, вдовы Анны, Якова Шевця, Макара Храпченка, Тимки Олексенка, Ивана Мариненка, Ивана Микитенка, Юска Кустика, Ивана Довгаго, Ивана Кушнѣра, Михайла Ткача, Кузьмы Мѣрочника, Леска Великаго, Самойла Вовка, Степана Жадана, Ивана Тищенка, дворецъ пана судіи, Иліи Демченка, Федора Бондаря, Андрея Цебрика, Грицька Шевця, Ивана Пелашенка, Ивана Коробки, Кирила Луценка, Процика Ройдзила.

4. *Улица Чорнаго Ивана.* На ней: дворъ Насти Калачницы, вдовы Власихи, Карпа Шевця, попа Алексѣя, Матвѣя Харзы, Левка Козака, Трофима Цебрика, вдовы Грудининхи, Исаи Зозули, Ивана Варениченка, Ивана Сердюка, Федора Мищенка, Юска Пащенка, вдовы Петрихи, вдовы Касянихи, Ивана Корженка, Федора Красила, вдовы Оришки Гончарки [1]).

Цѣны на дворовыя мѣста въ Харьковѣ въ концѣ XVIII вѣка.

Харьковскій гражданинъ Копѣйчиковъ купилъ въ 1784 году дворовое пустое мѣсто въ соборномъ Успенскомъ приходѣ, по краямъ окруженное съ трехъ сторонъ владѣніями, а съ 4-й проѣзжею *дорогою* въ село „Деркачи“, мѣрою 50×30 3 арш. саж. за 35 рублей.

Въ Успенскомъ приходѣ дворъ съ разными хоромными строеніями, огорожею, мѣрою въ 75×64, (съ 4-й стороны проѣзжая дорога) былъ купленъ за 200 рублей.

Въ 1782 г. купленъ у Гр. Шидловскаго внутри крѣпости въ соборномъ Успенскомъ приходѣ жилой дворъ со строеніемъ за 800 рублей.

Казенный обыватель М. Сердюкъ въ 1782 г. купилъ у казеннаго обывателя Ильченка половину двора со строеніемъ за р. Лопанью въ Рождественскомъ приходѣ, мѣрою въ 70×10 (съ 4-й стороны проѣзжая дорога) за 150 рублей.

Въ 1782 г. мѣщанинъ Бутенковъ купилъ у священника Вознесенской церкви І. Калиновскаго въ Троицкомъ приходѣ недалеко отъ р. Харьковъ дворовое пустое мѣсто съ садомъ „родючаго разнаго дерева“, мѣрою въ 40×11 и 8 и садъ мѣрою въ 52×65 (проѣзжая дорога, сады въ смежности и дорога, идущая на харьк. мостъ) за 500 рублей.

Въ 1782 г. кол. секр. Барабашовъ купилъ у вахмистра Молчанова мельничную плотину въ Харьковѣ съ 2 амбарами и всѣми инструментами и мирошницкимъ жилымъ дворомъ со строеніемъ.

Въ 1782 г. казенный обыватель Сергѣенко купилъ въ Дмитріевскомъ приходѣ дворъ со строеніемъ и огородомъ и „садомъ разнаго дерева“, мѣрою въ 60×15 (проѣзжая улица) за 100 рублей.

[1]) Архивъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Въ 1782 г. мѣщанинъ Гр. Гр. Топчіевъ купилъ у мѣщанина Неѣленка лавку за крѣпостью, построенную по плану (проѣзж. дор., переулочекъ, маленькій переулочекъ, мѣрою въ $2^1/_2 \times 2$ за 200 руб.

Въ 1782 г. отставной прапорщикъ Христодуловъ купилъ у казеннаго обывателя Слюсарева въ Николаевскомъ приходѣ за Шаповаловскою башнею жилой дворъ съ огорожею, свѣтлица съ комнатою черезъ сѣни, ледникъ, съ присѣнками, 3 коморы, винокурня съ 2 котлами со всею посудою съ виничною избою, колодезь, мѣрою въ 24×14, смежно пустошь, колодезь, озеро, большая дорога на Бѣлгородъ за 325 рублей.

Казенный обыватель Дорошенко купилъ у подпор. Фостикова половину двора со строеніемъ въ Рождественскомъ приходѣ за Лопанью за 150 рублей.

Казенный обыватель Скрипниченко въ 1782 г. купилъ у казеннаго обывателя Рыбальченка жилой дворъ въ Благовѣщенскомъ приходѣ за Лопанью со всѣмъ строеніемъ, съ садомъ и огородомъ, мѣрою въ 50×7 (проѣзжая улица) за 80 рублей.

Священникъ Николаевской церкви Анд. Прокоповичъ получилъ взамѣнъ своего дворового мѣста для казенныхъ построекъ, на коемъ прежде жилъ священникъ соборной церкви намѣстникъ Степанъ Базилевичъ, другой купленный у Квитки казною участокъ близъ Николаевской церкви въ 1782 г., мѣрою въ $19^1/_2 \times 12$ (ограда Николаевской церкви, пустое мѣсто полк. Куликовскаго) за 150 рублей.

Казенный обыватель Поддубный въ 1782 г. купилъ у Чернявскаго дворъ въ Благовѣщенскомъ приходѣ (дорога отъ Холодной Горы), мѣрою въ 12×10 за 50 рублей.

Губ. регистраторъ Скосаревскій купилъ у губ. регистратора Гринченка за р. Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ дворъ съ садомъ, мѣрою въ $58^1/_2 \times 15$ (смежно садъ, садъ, улица) за 80 рублей.

Гр. Шартинъ купилъ у священника с. Коломака Черниговскаго его старинный отцовскій дворъ въ Успенскомъ приходѣ (проѣзжія большія и малыя улицы), мѣрою въ $10^1/_2 \times 5$ за 7 рублей.

Альбощевъ купилъ у казеннаго обывателя Волощенка дворъ съ садомъ въ Дмитріевскомъ приходѣ, (изба, проѣзжая улица), мѣрою въ 39×11 за 40 рублей.

Коллежскій регистраторъ Антоновъ купилъ у помѣщицы Андреяновой ея собственный доставшійся по купчей 1776 г. дворъ со строеніями помѣщика Ал. Квитки въ Николаевскомъ приходѣ, мѣрою въ 20×7 за 20 рублей.

Именной списокъ жителей г. Харькова по переписи Хрущова въ 1732 году.

Вотъ составъ *привилегированнаго класса*: Харьковскіе сотники—Ковалевскій и Донисовичъ, валковскій Квитка, полковой хорунжій Рыбасенко, вдова полковница Куликовская, писаря полковой канцеляріи Вѣнецкій и Григорьевъ, ратушскіе писаря—Скляровъ, Даниловъ, Гуковскій, Сенявскій, Добродушъ, Краснокутскій, у нихъ родственники, работники и служителя—Морозовъ, Лугавенковъ, Журавлевъ, Пащенковъ, Федоренко, Сагайдачный, Бугаенко, Доброгодскій, Нечитайло, Богданенко, Быстрякъ, Горбатынскій, Догадаевъ, Еременъ, Найдинъ, Голубенко, Коцаръ, Ивановъ, Кондратовичъ, Мислякъ, Рышковъ, Ткачъ. *Рядовые (или выборные) козаки* – Гетманенко, вдова Кондратьева, Синицкій, Рыбасенко, Рѣшетько, Голуховичъ, Голозовъ, Шишкинъ, Безковарный, Кулиничъ, Лысенко, Жеваченко, Чугава, Монастырскій, Погребниченко, Безуглый, Пономаренко, Исаенко, Ветчинкинъ, Халенко, Пахилко, Васильевъ, Кононовъ, Молеенко, Панченко, Куразка, Кривый, Серенко, Кочанъ, Чалый, Моренко, Назаренко, Билченко, Полтавскій, Моренко, Дубенко, Макаренко, Пономаренко, Гученко, Бутъ, Безченко, Хуторенскій, Горлица, Фесенко, Назаренко, Шишченко, Захарченко, Левченко, Капкареко, Дрозденко, Шеметъ, Слюсарь, Еровой, Шишенко, Филоненокъ, Гринь, Левковъ, Показей, Шеповаловъ, Моренко, Гукъ, Пушкарь, Калашниковъ, Андреевъ, трубачъ Сороченко, Шубка, Артюшенко, Гученко, Писоцкій, Лозовскій, Дьяковъ, Назаренко, Бражнинъ, Коваленко, Поповичъ, Цебковскій, Безпалого, пушкарь Колибординко, Якубенко, Жеребило, Калининъ, вдова Ѳедоровская, Чугай, Бибикъ, Головченко, Незовыбатько, Степаненокъ, Харченковъ, Марковъ, Ганенко, Полтарикъ, Стрелникъ, Кика, Монастырскій, Голозенко, Кика, Рудниченко, Калашниковъ, Просенко, Кононовъ, Кочергинъ, Риморовъ, Синица, Пшеничниковъ, Григоренко, Стрѣльцовъ, Рудичъ, Чигиринскій, Сканинъ, Шпаченко, Шпакъ, Рудычевъ, Чигинскій, Мовчанъ, Зайка, Соло-

довниченко, Прокопенко, Усенко, Рудый, Лѣсковъ, Ткачевъ, Вербовичъ, Литвиненко, Килибернокъ, Стрелченокъ, Бородаевъ, Богодуховскій, Усенко, Вербицкій, Снютенко, Шабалниковъ, Лелюкъ, Пономаренко, Лелюкъ, Полдубный, Шелудченко, Дюгуновъ, Водопьяновъ, Кононенко, Васильченокъ, Морененко, Редченковъ, Мотренко, Гома, Гунка, Лизенко, Фисенко, трубачъ Леонтьевъ, Верещакинъ, Лавицкій, Тимошенко, Одовыковъ, Рѣпченко, Полтавцевъ, Моильниченко. *У нихъ родственники, свойственники, сосѣди, подсосѣдки, работники:* Швединъ, Наумовъ, Пасчишинъ, Чигиринскій, Кривый, Волкъ, Парасичъ, Молчанъ, Сидоровъ, Полой, Якимовъ, Поповъ, Алексѣевъ, Ткаченко, Минайло, Кнещенко, Поливода, Сущенко, Антоненко, Омельченко, Борабашенко, Мирошниченко, Неплюевъ, Полтавецъ, Синицкій, Алферовъ, Андреевъ, Кирилловъ, Исаенко, Лебеда, Коноваловъ, Бердниковъ, Андреевъ, Шіяненко, Пономаренко, Кушинскій, Максимовъ, Шестенко, Волкъ, Коваль, Мазенко, Жила, Русаченко, Бороденко, Басенко, Столяръ, Шалудка, Романенко, Ставишенковъ, Бривчикъ, Пархоменко, Семененко, Аѳанасьевъ, Кваченко, Василенко, Хандусенко, Даниленко, Тетерятникъ, Пушкарь, Богдановъ, Бабенко, Герасименко, Задорожный, Дорошенко, Богданенко, Гринченко, Сатушенковъ, Подколзинъ, Курдупенко, Кривобринченко, Мясниковъ, Ковриженко, Иваненко, Рыбалка, Пшеничный, Демьяновъ, Супруненко, Тишковскій, Кирюша, Яковлевъ, Пасѣчникъ, Шведъ, Зайченко, Семеновъ, Ивановъ, Андреенко, Евлампіевъ, Мушниковъ, Чученковъ, Рыженко, Добробаба, Тыченковъ, Жевачикъ, Мещенковъ, Лесенко, Леонтьевъ, Котляренко, Хроноченко, Крюновскій, Цыганъ, Наумовъ, Рымаренко, Конновъ, Кривый, Бражниченко, Рудачевъ, Кочергинскій, Скороходъ, Ткаченко, Реяка, Чередниченко, Еременко, Жеденеико, Дмитріевъ, Назаровъ, Макаровъ, Безлюдовъ, Григорьевъ, Лебеденко, Дудникъ, Ивановъ, Алещенко, Пивоваровъ, Михайловъ, Рымарь, Кирилловъ, Горковаго, Дидикинъ, Бондаренко, Короленко, Усъ, Бороненко, Андреевъ, Каленниковъ, Коваленко, Ларешнога, Джебка, Самченко, Леусенковъ, Васильевъ, Верещакинъ, Тетярыкиновъ, Ивановъ, Власовъ, Перфильевъ. *Изъ великороссіянъ служатъ по грамотамъ въ козакахъ:* Лахтинъ, Шпанкинъ, Тереховъ, Ветчинкинъ, Лахтинъ, Коростелевъ, Ветчинкинъ, Ветчинкинъ, Володинъ, Тереховъ, Плотавцевъ, Ветчинкинъ. *У нихъ родственники и работники:* Рымаренко, Анфимовъ, Узнай, Романовъ, Матвѣевъ, Васильевъ, Титовъ. *Козацкіе подпомощники:* Вдовиченко, Федоренко, Черкасъ, Красіенко, Литвиненко, Пономаренко, Пелехъ, Шереметенко, Лесенко, Париносъ, Хустіенко, Коробка, Клименко, Несмѣянъ, Жаданъ, Гарнъ, Пакивченко, Водяниченко, Новицкій, Винниченко, Кандыба, Коврега, Кравченко, Стадникъ, Стешенко, Чередникъ, Волкуненко, Рыбальченко, Тарасенникъ, Ильченко, Кунаценко, Пугленко, Чученко, Кривоконенко, Монастыренко, Дуденко, Стешенко, Гукъ, Чередникъ, Боженко, Засловскій, Назаренко, Ключка, Пономаренко, Сердюкъ, Андреевъ, Пахомовъ, Фоненко, Бондырь, Канавкинъ, Боженко, Ткачъ, Енинъ, Сизоненко, Колесникъ, Поддубный, Коликошенко, Карась, Кожушко, Воскобойникъ, Шелученко, Поддубный, Чайка, Воскобойникъ, Чеботарь, Гриненко, Горянскій, Пархомовъ, Маляръ, Шеповалъ, Безлитиный, Кушна, Кушнерь, Кошлеченко, Синегубъ, Свердликъ, Шереверинъ, Кошлякъ, Мирополькій, Ботовъ, Безкоровайная, Ветчинкина, Кашляковъ, Давыденко, Корачевъ, Кошлеченко, Поддубный, Шереверенко, Гончаренко, Шило, Лусученко, Хицанъ, Ващенко, Проценко, Скороздра, Генчарь, Пащенко, Квитенко, Гончарь (2), Мисченко, Калюжный, Кобзаренко, Полатовскій, Московый, Корбель, Черниченко, Шешко, Ефименко, Здоренко, Перепедичевъ, Голота, Синченко, Котченко, Толчіенко, Маляренко, Крохмаль, Ващенко, Золотарь, Жуковъ, Литвиненко, Заподченко, Гукъ, Цинковченко, Топчіенко, Гриценко, Кривой, Федоровъ, Богомазъ, Колесникъ, Ваденичекъ, Постенниченко, Харченко, Милоновъ, Дехтеренко, Лобочевскій, Даниловъ, Маковскій, Музыкинъ, Дегтярь, Боженокъ, Усенковъ, Перевотникъ, Чередниченко, Журавлевъ, Винниченко, Прокофьевъ, Кочерга, Истеренко, Варенал, Шкура, Воинененковъ, Понатиповъ, Лаврентьевъ, Чигринецъ, Вовелъ, Криворучка, Корзунка, Глухой, Лозовскій, Юртенокъ (2), Потпорьевъ, Васильевъ, Ребиченокъ, Фостеченко, Скрипиченко, Слюсаренко, Галенко, Дехтеренко, Голазъ, Кобзаренко, Головковъ, Ткачъ (2), Куцъ, Никитинъ, Чередникъ, Салошенковъ, Саломанъ, Покрышковъ, Пивоваровъ, Савчикъ, Рудащенко, Фастовъ, Зиновьевъ, Кондратьевъ, Науменко, Цаловальниковъ, Пушка, Журавель, Чаченко, Гузченко, Морозъ, Логовская, Давидовъ, Винниченко, Кравецъ, Гузенко, Крухминъ, Цынбалъ, Березненко, Гонтарь, Дрыга, Бережной, Аленникъ, Кубурлей, Кармазинъ, Чайка, Кирпитенко, Гребенникъ, Матвѣенко, Сергѣевъ, Пестунъ, Шевцевъ, Чернышъ, Сущенко, Комыщовъ, Куличенко, Коваль, Кириченко, Молчановъ, Мясникъ, Яковенко, Целуйко, Третьякъ, Тимошенко, Чебка, Молѣенко, Мостунъ, Шишка, Гуренко, Андрещенко, Шишкинъ, Пасеченко, Перевозникъ, Еминковъ, Лутъ, Ясми, Дорошенко (2), Чалый, Бибикъ, Романовичъ, Тимофеенко, Миленькой,

Ткачъ, Ющенковъ, Васильевъ, Чулпивсковъ, Литвиновъ, Сапожниковъ, Витенко, Кумезанъ, Биличенко, Сыренко, Куриловъ, Помазень, Воропаевъ, Свердликъ, Шигина, Пономаренокъ, Шеповаленко, Семеновъ, Андреевъ, Швецъ, Осталовъ, Шаповалъ, Дементьевъ, Меневъ, Шуменко, Гибенъ, Сабриченко, Безпалый, Полуторенко, Долголенко, Грозинъ, Понтаренко, Шипченко, Литвинъ, Скляръ, Васильевъ, Петреченко, Нефловъ, Рымарь, Олейникъ, Федорченко, Мареничъ, Червинецъ, Лесенко, Приносъ, Шапранъ, Лысый, Мимиро, Пацюкъ, Чевага, Лозковъ, Кривенко, Клименко, Тестманенко, Стрѣлченко, Милченко, Буряленко, Алференко, Зотоней, Цымбаленко, Сухомлинъ, Малинченко, Солодченко, Певка, Кривоконь, Тертичникъ, Савченко, Еременко, Полискій, Носенко, Ющенко, Демченковъ, Тенитченко, Статива, Степаненко, Юрошенко, Голубничій (2), Крищенковъ, вдова Пяткова, Босый, вдова Пьянченкова, Варениченко, Лупикобыленко, Березка, Рудецкій, Варениковъ, Колибаба, Кириченковъ, вдова Дощичкова, вдова Рымарь, Говотарь, Гученко, Клементьевъ, Тесла, Стаченко, Полтавецъ, Куценко, Губа, Голикъ, вдова Пономариха, вдова Енохина, Киселенко, Дегтярь, Антоненко, Литвинъ, Прилипченко, Трубачъ, Митненко-Бондарь, Безносенко, Ткачевъ, Ключка, Прячесенъ зять. *Подпомощники, жившіе на подворахъ*: Фолоненко, Горядченко, Шульга, Минайло, Прійма, Боченко, Нѣмчиновъ, Сиденко, Журавель, Сухоребрикъ, Глопчистый. *Подпомощники, живущіе въ чужихъ дворахъ*: Шуменко, Ставниченко, Захатапупъ, Максимовъ, Семеновъ, Свердликъ, Добробабенко, вдова Иноземцева, Щербининъ, Кислицкій, Фесенинъ зять, Черкасенко, Кривый, Самоноенко, вдова Затынъ-Кошка, Рыжій, Гриничъ, вдова Тараненкона, вдова Филипенкова, Фесенко. *У подпомощниковъ родственники, сосьди, работники:* Артюховъ, Кушнеревъ, Рельникъ, Саенко, Сыченко, Нестеровъ, Лѣсковъ, Крыманъ, Степановъ, Рояка, Тишенко, Золотаренко, Хоминъ, Лысыйкобыла, Цукренко, Клетъ, Слетенко, Еременко (2), Андреевъ, Антасовъ, Ткачъ, Бебриченко, Ткаченскій, Бердниченко, Пучко, Рыбасенко, Лысенко, Ставицкій, Пивоваръ, Федоровъ, Старевъ, Готовицкій, Долышенко, Мосѣевъ, Никитинъ, Кошлеченко, Гриненко, Волченко, Сердюченко, Давыдовъ, Вечурченко, Золотаренко, Лебеденко, Воскобойниченко, Кошляченко, Кириченко, Михайловъ, Безкоровайный, Калачниковъ, Остапенко, Сыренко, Покынь, Дутаторенко, Мокофатъ, Пятецкій, Устилка, Соколовскій, Никитченко, Зинчинъ, Гончаренко, Колесниченко, Кучеренко, Леусенковъ, Игнатенко, Губаренко, Сапожникъ, Кириченко, Карасевскій, Вирчичъ, Лебединскій, Григорьевъ, Ковалевъ, Панченко, Пачученко, Григорьевъ, Шеповаловъ, Дорошенко, Климентьевъ, Недоваловъ, Предунъ (2), Бубенко, Здоровецъ, Гуназенко, Чередникъ, Конивченко, Чуридновъ, Ивановъ, Ѳедоровъ, Никитинъ, Рудецкій, Осиповъ, Коханенко, Витенко, Еригученко, Игнатенко, Онисимовъ, Пароеновъ, Евтихіевъ, Чернышевъ, Михайловъ, Зиновьевъ, Ткачъ, Ивановъ, Кирпанъ, Кирилловъ, Фроловъ, Волошенинъ, Ивановъ, Кондратенко, Похилковъ, Котляръ, Ворожка, Скляръ, Регешъ, Воротниченко, Дынникъ, подсосѣдка вдова Кривцова, Барабашъ, Кашинъ, Немчинко, Давыдовъ, Дрогъ, Гринченко, Боженко, Брусовъ, Филипповъ (2), Твердый, Поваровъ, Васильевъ, Барановъ, Мироновъ, Тимофеевъ, Оедоровъ, Никитинъ, Звянченко, Ивановъ, Моисеевъ, Безалтишный, Леонтьевъ, Андреевъ, Аѳанасьевъ, Матвѣевъ, Лысый, Кондратьевъ, Харъ, Лупикосыленко, Тупечинъ, Андреевъ, Сидоровъ, Незнаевы (2), Нетреба, Круяренко, Назаренковъ, Тертичникъ, Музыка, Карповъ, Гринченко, Смокаренковъ, Тамаловъ, Пампуха, Пшеничный, Ѳедоровъ, Шеповаловъ, Герасимовъ, Количенко, Ральжунко, Величенко, Кондратовъ, Кандыба, Слеутенко, Тертичниковъ, Бережненко, Онуфріенко, Осиповъ, Васильевъ, Прокофьевъ, Лукьяновъ, Савельевъ, Прокофьевъ, Карнѣевъ, Филипповъ, Чумаковъ, Кошевъ, Лютенскій, Шлутенко, Калюженко, Самойловъ, Пряченко, Макушинъ, Щерба, Рубанъ, Погребнякъ, Полтораченко, Трокинъ, Григоренковъ, Воскресенковъ, Трока, Ѳедоченко, Лукьяновъ, Десятеченко, Швецъ. *Цеховые*: Швецъ, Кривой, Котляръ, Сливка, Коваль, Рѣзникъ, Тупинянскій, Кобенко, Ковденко, Рымарь, Арбузовъ, Ткачъ, Пузченко, Михайловъ, Швецъ, Рубановъ, Енинъ, Алининъ, Жменко, Еновъ, Котляръ, Бережненко, Ткачъ, Яченкова, Швецъ, Похоленко (2), Клещевъ зять, Музыка, Ткачъ, Ласкавцовъ, Пацюкъ, Скрипкинъ, Вербецкой, Антоненко, Гуровъ, Ткачъ, Котляръ, Корабутинъ, Кушнеръ, Ткачъ-Кардигрибенко, Ткачъ, Удодовичъ, Коваль, Недерикутъ, Тесля, Скляръ, Привченко, Рубенко, Вербицкій, Зинковщенко, Ткачъ, Котенко, Швецъ, Ткачъ, Кодигрибенко, Скляръ, Кривиченко, Ткачъ, Богодуховскій, Ващенко, Богодуховскій, Василенковъ, Деревянко, Обутъ, Степаненко, Дмитренко, Семениченко, Кораженко, Брайловецъ, Олейникъ, Бондарь, Кошляченко, Бровченко, Швецъ, Коваль, Бондарь, Швеченко, Малый, Дынинъ, Родченко, Швецъ, Помазененко, Пронцинъ, Пуценко, Коробка, Федашовъ, Якубенко, Сибирченко, Рещенко, Шеповалъ, Евченко, Гончаръ (2), Солодовниченко (2), Дроновъ, Задорожный, Лебедевъ, Голопаренко. Кра-

вецъ, Скунбица, Коробка, Топчарченко, Клещенокъ, Котляръ (2), Усяченко, Задѣенко, Вершинскій, Жиленко, Холявченко, Рѣшетченко, Швецъ, Коцарь, Лысый, Швецъ, Глушковъ, Рѣзникъ, Поспѣховъ зять, вдова Протопопова, вдова Масловская, Котельникъ, Дехтеренко, Шалутченко, Шваченко, Луценко, Шевцова, Пономарь, Грекъ, Кирѣевъ, Шеповалъ, Молѣй, Дроцевичъ, Чака, Котелевскій, Холуенко, Клещенко, Усякъ, Заика, Грипенченкова, Бугай, Вѣтеръ, Черкашениковъ, Ткачевъ, Рымаревъ, Борисенко, Рѣзниковъ, Склярь, Шесоченковъ, Габшенковъ, Оструженко, Рымарь, Золотаренко, Акулиничъ, Хинджинъ.

Цеховые живущіе въ чужихъ дворахъ—Матвѣевъ, Ѳедоровъ, Стрѣльцовъ, Котовъ, Малчинко. *Родственники, работники, ученики, сосьди цеховыхъ*—Сухой, Елюковъ, Журавлевъ, Шаповаловъ, Рѣшетько, Кашпаренко, Коноваленко, Борисовъ, Бутенко, Михайленко, Носъ, Прохотарь, Киселенко, Семенченко, Головченко, Степура, Денисенко, Лукьяненко, Скорина, Штанченко, Шеченко, Коваль, Марушенко, Бердниченко, Тараненко, Шереметъ, Великантъ, Емельяновъ, Денисовъ, Алексѣевъ, Кондратовъ, Кушъ, Ѳедоровъ, Губенко, Кошениновъ, Нѣмчененко, Королькевичъ. Костентовъ, Дробаженко, Кропивченокъ, Топовенко, Богошенковъ, Кирилловъ, Дворникъ, Яцуненко, Лупикобыла, Козаченко, Самойловъ, Глущенко, Ѳедоровъ, Васильевъ, Чернуха, Слѣпченко, Мануйловъ, Смоленко, Курдуповъ зять, Рябченко, Мирошниченко, Ененко, Харьковскій, Остроберковскій, Кулятниковъ пасынокъ, Малый, Ѳедоровъ, Харитоновъ, Шеповалъ, Джидчинъ, Харченковъ, Ивановъ, Капустинъ, Дорофеенко, Ваконенко, Костенко, Игнатенко, Солодовниченко, Романченко, Волкъ, Щербина, Коваленко, Зуенко, Безкровный, Севериновъ, Шеповаленко, Яковенко, Андреевъ, Дехтярь, Богданенко, Дворецкій, Павловъ (2), Васильевъ, Гребенниковъ, Ѳедоровъ, Яковлевъ, Долбицъ. *Дворы шинковые, въ которыхъ живутъ шинкари*—Осиповъ, Муха, Емельяновъ, Кириленко, вдова Кухаренко, Ивановъ, Данчевскій, Моисеевъ, Зицъ, Марченко, Васильевъ (2), Беркековъ, Черновскій, Шляхтичъ, Васильевъ (2), Якимовъ, Помогабенко, Алфимова, Бреданиха, вдова Усточиха, Мацагенко, Лохвицкій, Ломанъ.

Разночинцы—Ивановъ (2), вдовы—Стрѣлецкая, Шилгина, Сушкова, Лавриниха, Крылова, Ивановъ, протопопъ Григорій, вдова Андреиха, Брусницкій, полковникъ ландъмилицкій Дунинъ. *Ихъ работники*—Алексѣевъ, Кусьвовкова, Запаровъ, Литвиненко, Андружкейшинъ, Ордынскій, Криштовскій, Прикоренко, Уравскій, Кухаревъ, Осиповъ, Пушкаренко, Васильевъ. *Дворники, живущіе во дворахъ разныхъ чиновъ*—Ивановъ, Шекуринъ, Кухаренковъ, Константиновъ, Грачевъ, Рыгальченко, Григорьевъ, Латышъ, Павловъ, Матвѣевъ, Ивановъ, Андреевъ, Рыбалокъ, Лукьяновъ, Романенко, Игнатенко, Степаненко, Максименко, Покозѣенко, Ткачъ, Бражникъ, Литовченко, Тютюнниченко, Лебедевъ, Очинашка, Роженскій, Челенби, Носовъ, Похилковъ, вдова Кусьвовкова, Богодуховскій, Петренко, Вчерашній, Литвинъ, Щербаненкова, Батюкъ, Андреевъ, Тесля (2), Синицкій, Черевченко, Музыкантъ, Сиротишинъ, Овчинный, Смолениновъ, Шматко, Компанейцева, Лебосенкова, Минайленко, Степановъ, Тарасъ, Колаевецкій, Бережной, Дисемъ.

Подданные разныхъ владѣльцевъ на подваркахъ близъ г. Харькова: на хуторѣ козака Коваленка—Придунъ, Перевозниченко, Тамавира, Сухомлинъ, Васильевъ; на хуторѣ подпрапорнаго Черняка—Мирочникъ, Рыбка, Вовкъ; на хуторѣ полк. Гр. Квитки—Тарановъ, Кривый, Макушенко, Леусенко, Гончарь, Родіоновъ, Давыдовъ, Ященко, Маленькій, Кривченко, Халенко; подданные ландъмилицкаго полковника Дунина—Алейникъ, Андреевъ, Кириченко, Кушнеревъ, Проценко, Лавриновъ, Котелевскій, Максименко, Остаповъ, Лавриновъ; подданный б. Харьк. полк. Куликовскаго—Семеновъ; подданные Харьк. мон.—Черномышенко, Гонтаренко; под. Троицкаго попа Павла—Ткачъ; Угольчанскаго сотника Михайлова—Даценко; Харьк. жителя Любимскаго—Теленко, Краснокутскій; Харьковской крамарки Назаренковой—Бреусъ; Харьк. сотника Г. Ковалевскаго—Чепліенко, Корнѣенко; сотника А. Квитки—Никифоровъ, Михайловъ; городничаго Голуховича—Штанько, Ткаченко; мельники—Скиданъ, Жигалка; мельники Валковскаго сотника Ив. Квитки—Сердюкъ, Головащенко.

Духовные (священно и церковно служители): Александровъ (2), Ивановъ, Кирилловъ, Сазоновъ, Сергѣенко, Ѳедоровъ, Фоминъ, Литвинъ, Захаренко, Ивановъ, Бакушенъ, Зиновьевъ, Карасевичъ, Четвертакъ, Васильевъ, Павловъ, Бородаевъ, Гавриловъ, Ѳедоровъ, Павловъ, Степановъ, Караченко, Васильевъ, Ѳедоровъ, Богдановъ, Ивановъ, Петровъ, Лавриновъ, Михайловъ, Стефановъ, Матвѣевъ, Захарьевъ, Лупика, Григорьевъ, Антоновъ, Потаповъ, Волковскій, Сашоленко, Асухъ, Павловъ, Юрковскій, Тимофеевъ, Лаврентьевъ, Ѳедоровъ, Кирилловъ, Петровъ, Михайловъ. *У нихъ работники*—Андрюсенко, Минайловъ, Леонтьевъ, Савенковъ, Винникъ, Даниловъ, Горчинъ, Мосѣевъ, Леонтьевъ, Ѳедоровъ, Ткачъ, Павловъ,

Гелистовъ, Ткачъ, Игнатовъ, Корженко, Ѳёдоровъ, Крутой, Таргоненко, Крученко, Максимовъ, Богдановъ, Калюжниковъ, Ивановъ, Романовъ.

Великороссіяне разныхъ званій, жившіе въ купленныхъ ими дворахъ—Наумовъ, Нащокинъ, Котяновъ, Іевлевъ, Матшинъ, Пчелкинъ, Квасниковъ, Поспѣховъ, Шелдяевъ, Моисеевъ, Гуляевъ, Абрамова, Витовтовъ, Калининъ, Пушкаревъ, Козеневъ, Грунинъ, Кравкачъ, Мамотинъ, Бурдниковъ, Паршинъ; *крѣпостные крестьяне:* жены Квитки—Галицкій, Бижковъ; Грунинъ, Голубецкій, Богдановъ, Леонтьевъ жили у капитана ландмил. Бестужева. *У нихъ дѣти, родственники, работники*—Жуковъ, Щербакова, Холинъ, Черкашенинъ, Капустинъ, Рубанъ. *Великороссіяне, служившіе прежде въ козацкой службѣ, а по переписи 1731 года назначенные въ подушный окладъ и частію взятые въ ландмилицію*—Бесѣдинъ (2), Кулпанъ, Лахтинъ, Жокоревъ, Симоновъ, Полякъ, Лученинов, Огурцовъ, Владимировъ, Зоринъ, Кирріяновъ, Лязковъ, Шпачиха, Володя, Ветчинкинъ, Масленниковъ, Чаплыгинъ, Онуфріевъ, Полторыгатъ, Екертовъ, Мурныкинъ, Кириленко, Слюсаренко, Хлопонинъ, Григорьевъ, Грузнинъ, Тѣбекинъ, Шелевъ, Заплатинъ, Старцевъ, Шекинъ, Данковцовъ, Вѣлогорченко, Поспѣховъ, Жильцовъ, Кн. Крапоткинъ, Бесходорный, Колесниковъ, Іевлевъ, Туровинъ, Шпанка, Бархатовъ, Казанцевъ (2), Токаревъ, Масленниковъ, Манзинъ, Соминъ, Луникъ, Данковцовъ, Бражнинъ, Ветчинкинъ, Нагаевъ. *Ихъ дѣти, родственники, работники, сосѣди*—Казанцевъ, Разшепкинъ, Кривый, Ѳедоровъ, Каплановъ, Коровкинъ, Соколовъ, Ланочкинъ, Кулешовъ, Лещенко, Филимоновъ, Грищенко, Чехутовъ, Турченинъ, Твердохлѣбъ.

Въ слободкѣ Клочковкѣ близь Харькова—*козаки*—Ретченко, Ивановъ, Шевченко, Гадючка, Рѣшетченко (2); *козацкіе подпомощники*—Московенко, Ярошенковъ, Тарасенковъ, Аѳанасьевъ, Чишко, Авдѣевъ, Гончаренко, Рѣшетниковъ, Кисиленко, Нерета, Саженко-Швець, Зайцевъ, Швець (2), Кондратовъ, Рыбальченокъ, Шеповалченко. *Ихъ дѣти, родственники, сосѣди, работники*—Колибердинъ, Глеченковъ, Хелека, Личенко, Прядунъ, Сиротенко, Склярь, Тороненко, Коробытенко, Киселенко, Карпѣевъ, Осиповъ, Сушковъ, Перебейносенко, Осиповъ, Зубченко, Ѳедоровъ, Денисовъ. *Подданные разныхъ владѣльцевъ:* Харьк. полк. Квитки—Ѳедоровъ, Нестеровъ, Костаренко; Деркачевскаго сотника Квитки—Волкъ, Жеваденокъ, Сушковъ, Жученко, Колоберденокъ, Мясниковъ, Сиротенковъ (2), Калиниченокъ, Никитинъ, Волошинъ, Лисенко, Гарбой, Килкинъ, Госаковъ, Ларіоновъ; Харьковск. сотн. Гр. Ковалевскаго—Коврига; Харьковскаго Покровскаго (что нынѣ Коллегіумъ) монастыря—Аѳанасьевъ, Сологубовъ, Шулика, Гударь, Сергѣенко, Еременко, Гонтовой, Столеренко, Глуменко, Литвиненко, Коченовъ, Семеновъ (2), Шулика, Заика, Ковалевъ, Губинъ, Литвинъ, Журавленкова, Гончаренко, Колесникъ, Сиротенко, Бубленикъ, Босарабъ, Демьяновъ, Делчикинъ, Пушкаревъ, Рѣшетченко, Капустинъ, Куштарь, Чернявскій, Дубенковъ; сотнички Борисовой—Черниковъ [1]).

Къ 3-й главѣ.

Извлеченіе изъ межевой книги генеральнаго межеванія харьковской дачи владѣнія харьковскихъ войсковыхъ обывателей съ чрезполосными владѣльцами.

1778 г. мая дня по указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержцы Всероссійской и проч. учинена межа въ Харьковскомъ уѣздѣ въ Харьковскомъ стану дачи г. Харькова съ принадлежащими къ нему подгороднею слободою Ивановкою и разными хуторами и съ ихъ пашенными землями, сѣнными покосы, лѣсными и проч. угодьи, которыя владѣнія состоятъ г. Харькова войсковыхъ обывателей и разныхъ чрезполосныхъ владѣльцевъ—е. пр. г. ген.-м. и кав. Дм. Арт. Норова, полк. Матв. Прокофьева сына и жены его Пелагеи Куликовскихъ, сек.-м. Ник. Амвр. сына Логачева, ротм. Ив. Степ. сына Турченинова, капит. Фед. и подпор. Алек. Ивановыхъ дѣтей Квѣтокъ, кап. Андр. Ковалевскаго, протопоп. Ив. Романовскаго, секр. Кир. Острогожскаго, прап. Ник. Ольшанскаго, дѣвицы бриг. доч. Варв. Дуниной, губ. рег. Ив. Дьяконова, кол. рег. Ив. Шишкина, Ефима Пономаренка, Евстафія и брата его пор. Ив. Барабашевыхъ, вдовы рег. Марфы Гонтаревой, полк. хор. Гер. Артюхова,

---

[1]) Перепись Хрущева хранится нынѣ въ архивѣ Харьковской казенной палаты.

сотн. Пант. Попова, Петра Моренкова, Ив. Фесенкова, подпр. Ал. Назаренкова, Өед. Анастасьева да подпр. Якова и жены его Ульяны Заполовскихъ, сотнички Ир. Киселевой, каптен. Сем. Сребдольскаго, старш. сына Ян. Гуковскаго, литаврщ. Гр. Плотовцева, пор. Ив. и жены его Наст. Павловыхъ, свящ. П. Моренкова, Гр. Малиновскаго, Тим. Кордовскаго, Бор. Янкевича, Ив. Кондратовича, Ив. Калиновскаго, Стеф. Младзинскаго, студ. Ан. Витинскаго, Харьк. кол. мон. да въ черезполосномъ же владѣніи полк. Степан. Степ. доч. Мартыновой, о которомъ г. Харькова повѣренные войсковые обыватели Осипъ Гавришенко и Вас. Пшеняникъ съ товарищи оспариваютъ якобы того владѣнія полковницы не имѣется, отъ всѣхъ смежныхъ постороннихъ земель какъ слѣдуетъ начало межи, межа пустоши Киселевской и г. Харькова съ принадл. къ нему подъ сл. Ивановкой и хуторами кончилась; въ томъ городѣ Харьковѣ съ принадл. къ нему слоб. Ивановкой и хуторами обмежеванной отъ всѣхъ смежныхъ владѣльцевъ одною окружною межою за исключеніемъ внутри лежащихъ означенныхъ постороннихъ земель по нынѣшней межѣ состоитъ пахотной земли 16803 дес., сѣнныхъ покосовъ 2500 дес., лѣсу строеваго и дровянаго 4270 дес., подъ поселеніемъ г. Харькова, сл. Ивановки, хуторами, также огородами, гумнами и коноплянками 692 дес., подъ пастбищами 2 дес. и подъ дорогами большими, лежащими изъ Харькова въ г. Полтаву, Ольшану, Хотмыжскъ, Бѣлгородъ, Салтовъ, Чугуевъ, Печенѣги, Мерефу 398 дес., подъ проселочными 56 дес., подъ рѣчками Харьковомъ, Лопанью, Немышлею, Залютинымъ, Студенкомъ, также озерами, прудами, болотами и песками 250 дес. 1205 кв. саж., всего 24971 дес. 1205 кв. саж., а за исключеніемъ дорогъ, рѣчекъ — Харькова, Лопани, Немышли, Студенка, Залютина, озеръ, болотъ и другихъ неспособныхъ къ пашнѣ мѣстъ осталось 24265 дес., на семъ числѣ во время межеванья земли внутри окружной земли какъ описаны выше состоялъ г. Харьковъ съ принадлеж. къ нему подгор. слободою Ивановкою и хуторами, которые во владѣніи состоятъ войсковыхъ обывателей и разныхъ чрезполосныхъ владѣльцевъ, въ нихъ по послѣдней ревизіи владѣльцевъ войсковыхъ обывателей муж. полу 3603 да за разными чрезполосными владѣльцами подданныхъ малорос. 279 душъ. При семъ обмежеваніи были (длинный перечень) [1]).

Къ 9-й главѣ.

Перечень харьковскихъ лавокъ 1766 года.

У отставнаго маіора Дунина было 19 лавокъ и онъ получалъ съ нихъ дохода 180 р.; у вдовы полковницы Квиткиной 7 съ доходомъ въ 41 р.; у прапорщика Г. Буцкаго 13 съ доходомъ въ 69 руб.; у Троицкаго священника П. Моренка 7 съ доходомъ въ 73 р.; у сотника П. Моренка 7 съ доходомъ въ 71 р.; у вдовы сотника Квитки 9 съ доходомъ 98 р.; у Харьковскаго обывателя Сем. Борисенка 7 съ доходомъ въ 59 р.; у сотника Кв. Киселева одна съ доходомъ въ 1 р.; у харьковскаго жителя грека Волошина 1 съ доходомъ въ 6 р.; у дѣтей подпрапорнаго Черношенка 1 съ доходомъ въ 5 р.; у вдовы Касковны 2 съ доходомъ въ 8 р.; у сотника Ив. Анастасьева 1 съ доходомъ въ 6 р.; у вдовы Лебедихи 1 съ доходомъ въ 1 р.; у подпрапорнаго Г. Ольшанскаго 2 съ доходомъ въ 16 р.; у подпр. С. Гуковскаго 1 съ доходомъ въ 1 р.; у тульскаго купца Г. Петрова 3 съ доходомъ въ 3 р. 80 к.; у вдовы Неиленковой 2 съ доходомъ въ 4 р.; у харьковскаго жителя К. Харченка 1 съ доходомъ въ 40 к.; у отст. прапорщика С. Турчанинова 1 съ доходомъ въ 1 р.; у полк. писаря А. Савицкаго 1 съ доходомъ въ 1 р. 20 к.; у подпр. О. Анастасьева 2 съ доходомъ въ 8 р.; у Соборной Успенской церкви 5 съ доходомъ въ 26 р.; у харьк. жителя Н. Слюсаря 1 съ доходомъ въ 1 р.; у вдовы Воскобойнички 1 съ доходомъ въ 12 р.; у харьк. жителя С. Сребдольскаго 1 съ доходомъ въ 8 р.; у харьк. жителя О. Ковалева 1 съ доходомъ въ 7 р.; у отст. подпр. И. Безпалаго 4 съ доходомъ въ 5 р.; у полк. писаря К. Острожскаго 1 съ доходомъ въ 12 р.; у отст. подпр. П. Краснокутскаго 2 съ доходомъ въ 3 р.; у харьковской обывательницы М. Кравчихи 1 съ доходомъ въ 2 р.; у харьк. обыв. А. Чечика 1 съ доходомъ въ 1 р. 50 к.; у троицкаго священника Г. Цакольскаго 2 съ доходомъ въ 3 р.; у вдовы сотника Назаренка 3 съ доходомъ въ

[1]) Изъ дѣла Харьк. казенной палаты по иску кр. г. Харькова съ хуторами о признаніи за ними права собственности на 9712 дес.

12 р. 50 к.; у отст. сот. Ив. Фесенка 1 съ доходомъ въ 2 руб.; у подпрапорнаго А. Казаренка 5 съ доходомъ въ 30 р. 50 к.; у подпр. С. Гантаря 2 съ доходомъ въ 8 р.; у Даниловскаго обывателя Р. Липтенка 1 съ доходомъ въ 5 руб.; у аудитора Г. Мосцѣваго 3 съ доходомъ въ 36 р.; у харьк. обывателя С. Антипьева 1 съ доходомъ въ 12 р.; у харьк. обывателя О. Ващенка 1 съ доходомъ въ 3 р.; у грека К. Христодулова 4 съ доходомъ въ 21 р.; у харьк. обыв. К. Маренича 1 съ доходомъ въ 2 р.; у харьк. обыв. К. Володина 1 съ доходомъ въ 50 коп.; у харьк. обыв. К. Крамаря 1 съ доходомъ въ 50 коп.; у харьк. обыв. Г. Корнѣенка 2 съ доходомъ въ 9 р.; у отст. капрала Кожина 1 съ доходомъ въ 1 р.; у харьковскаго Преображенскаго монастыря 3 съ доходомъ въ 22 р.; у харьк. обыв. А. Володинка 2 съ доходомъ въ 13 р.; у бѣлгород. купца Д. Грунина 1 съ доходомъ въ 4 р.; у харьк. обыв. Анастасьевой 1 съ доходомъ въ 4 р.; у курскаго купца Золотарева 3 съ доходомъ въ 36 р.; у бѣлгор. купца Д. Лошина 2 съ доходомъ въ 10 р.; у д. ст. сов. Спичинской 3 съ доходомъ въ 36 р.; у вдовы сотника Дробицкаго 2 съ доходомъ въ 24 р.; у капитана Прок. Квитки 2 съ доходомъ въ 45 р.; у харьк. обыв. Д. Котлярки 1 съ доходомъ въ 3 р. 50 к.; у прап. И. Абазы 2 съ доходомъ въ 28 р.; у подпр. Н. Кощича 1 съ доходомъ въ 7 р.; у харьк. обыв. Безпалой 1 съ доходомъ въ 12 р.; у отст. сотника И. Черкеса 2 съ доходомъ въ 29 р.; у грека Кубурлѣя 1 съ доходомъ въ 4 р.; у грека Н. Персіянинова 2 съ доходомъ въ 15 р.; у подпр. С. Соколовскаго 2 еще не отдѣланныя; у харьк. обыв. И. Сакцы 2 съ доходомъ въ 15 р.; у харьк. обыв. М. Костенка 1 съ доходомъ въ 5 р.; у отст. сотн. П. Попова 3 съ доходомъ въ 16 р.; у архиваріуса М. Павлова 2 съ доходомъ въ 10 р. Кромѣ того было 20 прилавковъ съ общимъ доходомъ въ 14 руб. 90 коп.; въ томъ числѣ 14 принадлежало пок. сотнику Я. Калиновскому, 4 харьк. протопопу Гр. Александрову, 1 греку Ю. Анадольскому и 1 Д. Татарину. Къ этому нужно еще присоединить 47 рыбныхъ каморъ съ общимъ доходомъ въ 97 р. 25 к. (изъ нихъ 15 стояло въ пустѣ). Они принадлежали слѣдующимъ лицамъ: отст. хорунж. Г. Артюхову 2, архиваріусу М. Павлову 2, П. Бутенку 4, А. Гнидѣ 1, подпр. О. Анастасьеву 3, сотнику О. Фесенку 2, сотнику И. Черкесу 2, Л. Ципковскому 1, Б. Несмѣяну 1, полк. пис. К. Острожскому 1, Я. Артюху 1, Ф. Усу 1, сотнику О. Пантелеймонову 7, Г. Пшонянику 1, вдовѣ сотника Голуховича 2, прап. Г. Буцкому 5, К. Усу 1, Я. Черненкову 1, В. Лымарю 1, В. Пшонянину 1, П. Буткову 3, Шаповалу 1, Г. Соминѣ 1, И. Ольшанскому 1, попу И. Калиновскому 1.

Перечень харьковскихъ шинковъ 1799 года.

Нѣсколько шинковъ принадлежало тогдашнимъ харьковскимъ церквамъ. Троицкой церкви принадлежалъ одинъ шинокъ, его содержалъ и его нанималъ грекъ Юрій Анадольскій. Соборной Успенской церкви принадлежало 4 шинка, изъ коихъ первый содержался харьковскимъ казеннымъ обывателемъ Прокофіемъ Мечетнымъ, второй—сумскимъ казеннымъ обывателемъ Яковомъ Грековымъ, третій—харьковскимъ казеннымъ обывателемъ Лаврентіемъ Новицкимъ, четвертый—подданнымъ майора Дмитрія Куликовскаго Петромъ Кириченкомъ. Рождественской церкви одинъ шинокъ, который нанимался харьковскимъ казеннымъ обывателемъ Иваномъ Лисоненкомъ. Дмитріевской церкви—одинъ шинокъ, который нанятъ былъ церковникомъ Фотіемъ Титаревымъ; Благовѣщенской церкви—одинъ шинокъ, нанимавшійся солдатомъ Василіемъ Сухобоковымъ; Вознесенской церкви—одинъ шинокъ, нанимавшійся харьковскимъ казеннымъ обывателемъ Филиппомъ Евтушенкомъ; Михайловской церкви—одинъ шинокъ, нанимавшійся харьковскимъ казеннымъ обывателемъ Власомъ Молчаномъ; Воскресенской церкви—одинъ шинокъ, нанимавшійся переяславскимъ жителемъ Кондратомъ Устиченкомъ. Всѣ эти шинки находились на церковной изстари *заимочной* землѣ. Лично принадлежали шинки слѣдующимъ священно и церковно служителямъ. У священника Ивана Калиновскаго было два шинка, изъ коихъ первый нанятъ былъ харьковскимъ казеннымъ обывателемъ Андреемъ Марченкомъ, а второй сумскою обывательницей Ефимьей Бондаревскою; одинъ находился въ домѣ, купленномъ у харьковской обывательницы Маріи Гузенковой, а другой у Григорія Сердюкова. У священника Дмитрія Зимовскаго былъ одинъ шинокъ и торговали въ немъ его домашніе; онъ находился въ домѣ, купленномъ у сотника Максима Горленскаго. У священника Павла Гутникова былъ одинъ шинокъ на его дѣдовской изстари *заимочной* землѣ; нанятъ онъ былъ харьковскимъ казен-

нымъ обывателемъ Данилою Товстенкомъ. У протопопа Стефана Флоринскаго былъ одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у майора Григорія Мосцѣваго, нанимался канцеляристомъ Слободской межевой конторы Иваномъ Суковымъ. У дьячка Ѳедора Титарева былъ одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у харьковскаго обывателя Данилы Оленниченка. У дьякона Герасима Сливницкаго былъ одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у харьковскаго обывателя Степана Мащенка. У пономаря Тихона Котлярова былъ одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у харьковскаго жителя Василія Певки. Во всѣхъ трехъ продажа производилась самими хозяевами. За тѣмъ слѣдуютъ шинки, принадлежавшіе лицамъ, служившимъ въ гражданской и военной службѣ. У покойнаго канцеляриста Романа Хиталенкова былъ одинъ шинокъ и въ немъ торговала жена его Анна. У канцеляриста Александра Павлова былъ одинъ шинокъ и въ немъ торговалъ самъ владѣлецъ. У канцеляриста Данилы Шапочки былъ одинъ шинокъ и въ немъ торговала жена его. У канцеляриста Моисея Шишкина былъ одинъ шинокъ и онъ былъ сданъ лубенскому обывателю Никитѣ Волоконскому. У регистраторовъ Кондрата Мотренкова и Никифора Радченкова было по одному шинку и торговали въ нихъ ихъ домашніе. У подканцеляриста слободской межевой конторы Вуколы Викулина былъ одинъ шинокъ и торговала въ немъ мать его сумская обывательница, находился онъ въ домѣ, купленномъ у харьковскаго казеннаго обывателя Василія Ольшанскаго. У жены вахмистра харьковскаго гусарскаго полка Аѳанасія Донцова—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у обывателя Степана Марченка; торговала сама владѣлица. У литаврщика Григорія Платавцева—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у обывателя Степана Лисенка; торговлю вела владѣлица. У трубача Ивана Щербины въ домѣ, купленномъ у подпоручика Алексѣя Квитки, торговля велась самимъ хозяиномъ. У отставнаго гусара Ѳедора Литвина одинъ шинокъ на его отцовской *заимочной* землѣ; торговля велась самимъ владѣльцемъ. У чугуевскаго козака Якова Шитковскаго одинъ шинокъ на отцовской *заимочной* землѣ; сданъ былъ подданному Ѳедору Ровному. У вахмистра чугуевскаго козацкаго полка Семена Сторожева—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у казеннаго обывателя Михаила Казанца. У отставнаго капрала Якова Гурьева—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у царевоборисовскаго жителя Александра Чугая. У отставнаго гусара Бориса Загелова—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у священника Лаврентія Кореницкаго; продажа въ немъ производилась самимъ хозяиномъ. У гусара Острогожскаго гусарскаго полка Якова Жигалки—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у харьковской обывательницы Елены Кривежиной; продажа производилась женой его Евдокіею. У вдовы квартирмистра Евдокіи Тимоховой – одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у харьковскаго обывателя Ивана Прядченка; торговала сама владѣлица. У гусара харьковскаго гусарскаго полка Корнея Кухтенка—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у харьковскаго жителя Моисея Никитенка; торговлю вела жена его. У вдовы гусара Татьяны Козловской—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у жены сотника Христины Голуховичевой, торговала сама владѣлица. За владѣльцами, состоявшими на гражданской или военной службѣ, слѣдуютъ иностранцы, проживавшіе въ Харьковѣ. Капитану Новаку Лашкову, родомъ волоху, принадлежалъ одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у харьковскаго казеннаго обывателя Михаила Шишки; торговлю вели его домашніе. У подпоручика Ильи Черкеса, родомъ изъ грековъ, былъ одинъ шинокъ, нанимавшійся грекомъ Ѳедоромъ Арнаутомъ и находившійся въ домѣ, купленномъ у трубача Николая Щербины. У вдовы грека Кіріана Христодулова Ирины—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у священника Ивана Савченка, торговлю вела сама хозяйка. У грека Ѳедора Пераянинова одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ его отцомъ. У грека Аѳанасія Агардажи одинъ шинокъ въ издавна купленномъ его отцомъ домѣ. У грузина Юрія.... одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у харьковскаго обывателя Василія Ольшанскаго; былъ нанятъ козакомъ чугуевскаго казацкаго полка Дмитріемъ Кишинскимъ. У калмыка Константина—одинъ шинокъ въ домѣ, купленномъ у священника Келеберды; торговлю вела жена его. Пять шинковъ принадлежало подданнымъ владѣльческимъ черкасамъ—Ѳедору Сердюкову 3, Степану Моргуну 1, Даніилу Скороходскому 1; первый достался Сердюкову отъ отца, второй отъ матери, третій былъ купленъ у харьковской обывательницы Луговской, четвертый пріобрѣтенъ отъ полковницы Квиткиной, пятый—отъ харьковскаго обывателя Данилы Коробки; въ 1-мъ торговалъ самъ владѣлецъ, во 2-мъ обыватель азовской губерніи Ив. Долгополый, въ 3-мъ - подданный майора Щербинина Максимъ Долгополый. Разночинцамъ принадлежало 8 шинковъ: 1-й харьковскому казенному обывателю Евдокиму Марченку, 2-й харьковскому казенному обывателю Мих. Бутенку, 3-й покойному писарю Роману Винецкому, 4-й харьковскому обывателю Ив. Рѣшеткѣ, 5-й сотнику Петру Моренкову, 6-й женѣ сотника Анастасіи Квит-

киной, 7-й вдовѣ Анаст. Касковкѣ, 8-й стряпчему Тим. Пѣвецкому; 3-й и 6-й были построены на *старозаимочной землѣ*, 5-й на купленной у харьковскаго обывателя Трофима Шишки, 8-й на купленной у жены сотника Квиткиной; 1-й нанимался крестьяниномъ регистратора Ив. Каракулина Ермиломъ Барышниковымъ, 2-й подданнымъ майора Щербинина Мих. Пилипенкомъ, 3-й отставнымъ гусаромъ Дм. Становымъ, 4-й вахмистромъ чугуевскаго казацкаго полка Сав. Донскимъ, 5-й грекомъ Трандафилемъ Соколовскимъ, 6-й женою ростовскаго мѣщанина великосросса Бориса Романова Параскевіею, 7-й женою отставнаго гусара Демьяна Бриліантова Евдокіей и 8-й прапорщикомъ Василіемъ Алексѣевымъ.

Именной списокъ харьковскихъ купцовъ 1787 года.

Ко 2-й гильдіи принадлежали слѣдующія лица: 1) Артемій Карповъ съ братомъ Ѳедоромъ и дѣтьми—Константиномъ, Павломъ и Сергѣемъ; происходилъ изъ Елисаветградскихъ купцовъ; капитала объявилъ 6000 рублей; причисленъ былъ къ харьковскому купечеству съ 1782 года; на будущій годъ заявилъ прибавку къ капиталу въ 500 рублей; 2) Алексѣй Тамбовцевъ съ сыномъ Петромъ; происходилъ изъ Бѣлгородскихъ купцовъ; капитала объявилъ 5300 рублей; причисленъ былъ къ харьковскому купечеству съ 1782 года; 3) Иванъ Ворожейкинъ съ братомъ Петромъ и дѣтьми—Иваномъ, Ильею и Павломъ; также изъ Бѣлгородскихъ купцовъ; капитала 5100 рублей; съ 1782 года; 4) Андрей Аникѣевъ—изъ Веневскихъ купцовъ; капитала 5050 рублей; съ 1783 года; 5) Василій Скибицкій съ сыномъ Георгіемъ изъ харьковскихъ казенныхъ обывателей; капитала 5010 рублей; съ 1786 года; 6) Иванъ Павловъ съ дѣтьми—Павломъ, Михайломъ, Василіемъ и Андреемъ—изъ харьковскихъ мѣщанъ; капитала 5010 рублей; съ 1786 года; 7) Семенъ Ченцовъ съ сыномъ Ѳедоромъ—изъ Калужскихъ купцовъ; капитала 5100 рублей; съ 1786 года; 8) Артемій Приваловъ—изъ Кременчугскихъ купцовъ; капитала 5100 руб.; съ 1787 года; 9) Григорій Сѣриковъ съ сыномъ Емельяномъ—изъ однодворцевъ; капитала 5100 рублей; съ 1787 года, объявилъ уменьшеніе капитала на 50 рублей.

Къ третьей гильдіи принадлежали: 1) Игнатій Бѣляковъ съ дѣтьми Ларіономъ и Степаномъ—изъ волостныхъ крестьянъ; капитала объявилъ 1200 рублей, приписанъ былъ съ 1783 года; 2) Парфентій Алимовъ съ дѣтьми Алексѣемъ и Яковомъ—изъ однодворцевъ; капитала 1200 рублей, съ 1783 года; 3) Иванъ Косолаповъ съ сыномъ Василіемъ—изъ Бѣлевскихъ купцовъ; капитала 1100 р., съ 1783 года; 4) Матвѣй Ларіоновъ—изъ Бѣлгородскихъ мѣщанъ; капитала 1100 руб., съ 1783 года; 5) Пантелеймонъ Поповъ—изъ Елецкихъ мѣщанъ; капитала 1100 руб., съ 1782 года; 6) Ѳедоръ Миловановъ съ дѣтьми—Петромъ, Василіемъ и Иваномъ—изъ казенныхъ обывателей; капитала 1100 р., съ 1782 года; 7) Дмитрій Мозковъ съ сыномъ Пантелеймономъ—изъ грековъ; капитала 1100 руб., съ 1785 года; 8) Григорій Соляниковъ съ дѣтьми Иваномъ и Михаиломъ—изъ войсковыхъ обывателей; капитала 1100 рублей, съ 1782 года; 9) Ермилъ Гребенщиковъ съ дѣтьми Агафономъ, Иваномъ и внуками Иваномъ, Андреемъ и Агафономъ—изъ Тульскихъ купцовъ; капитала 1050 рублей, съ 1782 года; 10) Максимъ Косолаповъ, съ сыномъ Петромъ—изъ Бѣлевскихъ купцовъ; капитала 1050 руб., съ 1782 года; 11) Степанъ Курдюмовъ съ сыномъ Василіемъ—изъ Путивльскихъ купцовъ; капитала 1050 руб., съ 1782 года; 12) Василій Перевощиковъ—изъ Калужскихъ купцовъ; капитала 1050 р., съ 1782 года; 13) Егоръ Горемыкинъ—изъ Воронежскихъ купцовъ; капитала 1050 рублей, съ 1782 года; 14) Егоръ Урюпинъ—изъ Кременчугскихъ купцовъ; капитала 1050 рублей, съ 1782 года; 15) Яковъ Мизерный съ дѣтьми—Иваномъ, Ѳедоромъ и Григоріемъ—изъ казенныхъ обывателей; капитала 1050 руб., съ 1782 года, объявилъ прибавку капитала въ 50 р.; 16) Ѳедоръ Сердюковъ—съ отпущенныхъ на волю; капитала 1050 р., съ 1782 года; 17) Прокофій Калашниковъ—изъ Торжковскихъ мѣщанъ; капитала 1050 р., съ 1782 года; 18) Петръ Бѣлашовъ—изъ цыганъ; капитала 1050 р., съ 1784 года; 19) Моисей Александровичъ—изъ иностранцевъ; капитала 1050 руб., съ 1784 года; 20) Абрамъ Бакуменковъ—изъ обывателей; капитала 1050 руб., съ 1784 года; 21) Алексѣй Горемыкинъ—изъ Воронежскихъ мѣщанъ; капитала 1010 руб., съ 1781 года; 22) Василій Мисеевъ съ дѣтьми—Петромъ, Семеномъ и Иваномъ—изъ Тульскихъ купцовъ; капитала 1010 рублей, съ 1782 года; 23) Иванъ Власовъ—изъ Кашинскихъ мѣщанъ; капитала 1010 руб., съ 1782 года; 24) Фома

Статориновъ съ дѣтьми—Маркомъ, Семеномъ и внукомъ Яковомъ—изъ Кременчугскихъ купцовъ; капитала 1010 рублей, съ 1782 года; 25) Алексѣй Аксеновъ съ сыномъ Пантелеймономъ—изъ Курскихъ купцовъ; капитала 1010 руб., съ 1782 года; 26) Илья Копейкинъ—изъ Бѣлгородскихъ мѣщанъ; капитала 1010 р., съ 1782 года; 27) Онуфрій Кожинъ—изъ Бѣлгородскихъ мѣщанъ; капитала 1010 руб., съ 1782 года; 28) Семенъ Хоринъ—изъ Калужскихъ мѣщанъ; капитала 1010 руб., съ 1782 года; 29) Сидоръ Чернявскій—изъ Нѣжинскихъ мѣщанъ; капитала 1010 рублей, съ 1782 года; 30) Семенъ Скибинъ, съ братомъ Василіемъ и дѣтьми Иваномъ и Василіемъ—изъ Курскихъ купцовъ; капитала 1010 руб., съ 1782 года; 31) Егоръ Морозовъ съ братомъ Анисимомъ и племянникомъ Прохоромъ—изъ Стародубовскихъ мѣщанъ; капитала 1010 руб., съ 1782 года; 32) Петръ Гастищевъ—изъ однодворцевъ; капитала 1010 рублей, съ 1782 года; 33) Иванъ Пащенковъ съ дѣтьми—Павломъ, Ѳедоромъ и Иваномъ—изъ цыганъ; капитала 1010 руб., съ 1783 года; 34) Захаръ Маковлевъ—изъ польскихъ выходцевъ; капитала 1010 рублей, съ 1785 года; 35) Григорій Рощеновъ—изъ иностранцевъ; капитала 1010 рублей, съ 1785 года; 36) Иванъ Кушинниковъ—изъ Тульскихъ оружейниковъ; капитала 1010 руб., съ 1785 года; 37) Петръ Сыромятниковъ съ племянникомъ Семеномъ и Алексѣемъ—изъ однодворцевъ; капитала 1100 рублей, съ 1785 года; 38) Иванъ Бѣляевъ съ сыномъ Семеномъ изъ однодворцевъ; капитала 1005 руб., съ 1782 года; 39) Ѳедоръ Мисеевъ съ дѣтьми—Дорофеемъ, Дмитріемъ и Артеміемъ—изъ Тульскихъ купцовъ; капитала 1005 р., съ 1782 года; 40) Прокофій Мичетникъ съ сыномъ Иваномъ—изъ харьковскихъ мѣщанъ; капитала 1010 р., съ 1784 года; 41) Лукьянъ Сизоновъ съ сыномъ Осипомъ—изъ харьковскихъ мѣщанъ; капитала 1010 руб., съ 1784 года; 42) Борисъ Зикѣевъ съ дѣтьми Василіемъ и Петромъ—изъ Кременчугскихъ купцовъ; капитала 1010 руб., съ 1782 года; 43) Григорій Черкашениновъ—изъ однодворцевъ; капитала 1010 руб., съ 1783 года; 44) Самсонъ Герасименковъ съ сыномъ Саввою—изъ казенныхъ обывателей; капитала 1005 руб, съ 1785 года; 45) Семенъ Никитенко, онъ же и Николаевъ съ братьями Андреемъ и Василіемъ—изъ казенныхъ обывателей; капитала 1010 руб., съ 1786 года; 46) Иванъ Татариновъ—изъ мѣщанъ; капитала 1010 рублей, съ 1786 года; 47) Семенъ Борисенковъ съ дѣтьми—Кирилломъ и Иваномъ—изъ харьковскихъ мѣщанъ; капитала 1010 руб., съ 1786 года; 48) Алексѣй Величковскій съ братомъ Иваномъ—изъ казенныхъ обывателей; капитала 1020 руб., съ 1786 года; 49) Петръ Стрешневъ съ сыномъ Петромъ—изъ купцовъ крѣпости Святаго Дмитрія (Ростова); капитала 1010 р., съ 1786 года; 50) Иванъ Хижняковъ—изъ Кременчугскихъ купцовъ; капитала 1010 руб., съ 1786 года; 51) Михайло Лепеховъ—изъ Бѣлевскихъ мѣщанъ; капитала 1010 рублей, съ 1786 года; 52) Иванъ Галченковъ—изъ цыганъ, капитала 1010 руб., съ 1787 года; 53) Дорофей Синицынъ—изъ Кременчугскихъ купцовъ; капитала 1010 руб., съ 1787 года; 54) Прокофій Хохловъ—изъ Калужскихъ мѣщанъ; капитала 1010 руб., съ 1787 года [1]).

Списокъ харьковскихъ купцовъ 1799 года.

Въ 1799 году были купцы *первой* гильдіи: Каменевъ Василій и Карповъ Федотъ; *второй* гильдіи: Павловъ Иванъ, Карпова съ дѣтьми (жена Артемія Карпова), Аникѣевъ Андрей, Автономовъ Афанасій, Курдюмовъ Василій; *третьей* гильдіи: Мизерный, Скибицкій, Соленниковъ, Бакуменковъ, Мисѣевъ, Косолаповъ, Дѣкѣевъ, Урюпинъ, Ворожейкины (Иванъ и Петръ), Тамбовцева [1]), Курдюмовъ, Кожинъ, Мухинъ, Горемыкинъ, Ларіоновъ, Морозовъ, Свѣшниковъ, Власовъ, Гостинцевъ, Вѣлашевъ, Герасименковъ, Масловъ, Маковкина, Кушинниковъ, Никитенко, Сѣриковъ, Хохловъ, Борисенко, Сыромятниковъ, Лашеевъ, Горяиновъ, Ламакинъ, Панковъ, Проскуринъ, Стрѣшневъ, Звѣревъ, Фостовъ, Бакуменкова, Рѣшетниковъ, Кошлякъ, Животовскій, Ивановъ, Деревянкинъ, Ващенковъ, Крохмалевъ, Яковенко, Келоберденкова, Ващенковъ (Матвѣй), Масленникова, Безпалый, Лелюкъ, Гринченковъ, Гончаренкова, Корнѣенко, Марченкова, Пушкаренко, Скрынниченко, Липка, Семина (Пантелеймонъ). Гуевскій, Пюкъ, Давиденковъ, Литяинковъ, Селивановъ, Угольскій, Романченковъ, Долгополовъ, Меркуловъ, Лежибоковъ, Доценковъ,

---

[1]) Архивъ Харьк. Губ. Правленія.

[2]) Вдова Алексѣя Тамбовцева—Прасковья, извѣстная жертвователыница на харьковскіе храмы. См. Историко стат. опис. харьк. епархіи Филарета.

Ващенковъ (Иванъ), Листратовъ, Чайковскій, Зѣенко, Ольховскій, Высоцкій, Болгаръ, Хоринъ, Яковенковъ, Антоновъ, Чумаковскій, Берковъ, Мряхина, Бѣляевъ, Спасскій [1]), Собкинъ, Золотаревъ, Алаторцевъ, Калашниковъ, Смирновъ, Лелокъ (Яковъ), Рындинъ, Ханайченковъ [2]), Шматкова, Угрюмовъ, Извѣковъ, Мытинъ, Жариковъ, Морозовъ, Неретинъ, Масловъ, Кривоносовъ, Матюшенко, Никулинъ, Карталовъ, Барымовъ, Мусѣенко, Малышевъ, Сигаревъ, Варижниковъ, Булгакова, Глуховъ, Леононовъ, Быковцевъ, Вележевъ, Крутые (Василій, Степанъ и Федоръ), Кудашевъ, Соковъ, Филаретовъ, Соловьевъ, Ивановъ (Гавріилъ), Каменевъ, Клименовы (Андрей и Василій), Панченко, Калашниковъ, Безъуглый, Рышковъ, Гриневъ, Ивановъ (Егоръ), Гончаровъ, Кушинниковы, Сморчковъ, Комлевъ, Медвѣдевъ, Воронковъ, Абраменко, Татариновъ, Ливенцовъ, Самоиловъ, Лобачевъ, Устиченко, Собко, Исаевъ, Нѣмченковъ, Щербаковъ, Морозовъ (Никифоръ), Горяиновъ (Дмитрій), Горюновъ, Акимовъ, Лобачевъ и Иконниковъ [3]).

Цѣны товаровъ на харьковскихъ ярмаркахъ въ XVIII в.

Сукна англійскія тонкія мундирныя продавались отъ 4 р. до 5 р. 50 к. арш., штатскія—отъ 3 до 4 р. 50 к., анкеръ—по 2 р. 25 к., бреславскія разныхъ цвѣтовъ отъ 1 р. 15 к. до 1 р. 35 к., локтевое—отъ 1 р. до 1 р. 20 к., тридцатовое – отъ 75 к. до 90 к., венгерское—отъ 70 к. до 90 к., фабричное—отъ 1 р. 70 к. до 2 р., сопорфсинъ—отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 40 к., ломберское—отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 25 к. Полусукна разныхъ сортовъ отъ 1 р. 50 к. до 3 руб., байки англійскія и шленскія разныхъ сортовъ отъ 1 р. до 3 р. Стамеды англійскіе разныхъ цвѣтовъ отъ 55 к. до 70 к., простые—отъ 40 к. до 50 к., камлоты разныхъ сортовъ—отъ 60 к. до 1 р. 20 к., камлоты узкіе цвѣтные по 10—11 р. штука въ 37 арш. Парча золотая—отъ 5 до 15 р. арш., серебряная отъ 5 до 12 р. Шелковыя матеріи: штофъ отъ 2 до 3 р., грезетъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 60 к., люстринъ отъ 1 р. 60 к. до 2 р., полугрезетъ по 1 р. 20 к., рецетъ по 2 р., французская тафта по 1 р. 20 к., цвѣтная тафта—отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. Венеціанскій бархатъ отъ 4 р. 50 к. до 5 р., флорентійскій—отъ 2 р. 50 к. до 3 р. Золотыя и серебряныя пуговицы съ фольгою гронитуръ—отъ 14 до 15 р., плисъ отъ 1 р. 60 к. до 2 р., полуплисъ—отъ 1 р. 20 до 1 р. 50 к., ситцы разныхъ добротъ—отъ 1 р. до 2 р. баробанъ, полуситцы—отъ 4 до 10 р. штука 11 аршинъ; кисея—отъ 8 до 20 р. штука въ 27 арш., полотна голландское отъ 40 до 70 р. штука въ 80 арш., батистъ лучшей доброты—отъ 13 до 20 р. штука, средней—отъ 8 до 10 р. штука въ 9 аршинъ; платки ситцевые и полуситцевые—отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 60 к.; чулки шелковые—англійскіе мужскіе—отъ 48 до 60 р. дюжина, женскіе отъ 30 до 35 р. дюжина, туринскіе мужскіе отъ 42 до 45 р. дюжина, женскіе—одъ 25 до 30 р. дюжина, нѣмецкіе мужскіе—отъ 24 до 30 р. дюжина, женскіе—отъ 18 до 22 р., флейтроверсы—отъ 3 до 8 р., скрипки разныхъ сортовъ отъ 2 до 6 р., камышевыя трости—отъ 15 до 40 р. дюжина; итальянскія струны—отъ 1 р. до 1 р. 50 к. бунтикъ; саксонскій фарфоръ не въ сервизахъ, а въ чайныхъ чашкахъ—отъ 12 до 15 р. дюжина; чашки саксонскаго фарфора шеколатныя съ крышками и живописью—пара отъ 5 до 20 р.; нѣмецкія и французскія ружья привозились въ небольшомъ числѣ и продавались отъ 10 до 25 р. каждое; сѣнокосныя косы доставлялись бочками и продавались въ розницу отъ 40 до 50 к. каждая. Золотые и серебряные часы, табакерки золотыя, серебряныя, томпаковыя, черепаховыя и бумажныя, готовальни, пряжи и тому подобныя вещи продавались по разнымъ цѣнамъ. Тоже нужно сказать и о печатныхъ книгахъ въ переплетахъ церковной и свѣтской печати—моральныхъ, историческихъ, романахъ, разныхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Серебро въ дѣлѣ—въ разной посудѣ и церковныхъ сосудахъ—безъ позолоты продавалось по 21 к. золотникъ, а съ позолотою—отъ 24 до 26 к. золотникъ. Золотые и серебряные позументы и часы—отъ 1 р. до 1 р. 30 к. за лотъ. Посуда красной и желтой мѣди, чайники, кофейники, шандалы, подносы, маленькія люстры, церковныя кадильницы, паникадила и прочія вещи—въ большихъ штукахъ отъ 50 до 70 к. за фунтъ, а мелкія вещи не по вѣсу. Оловянная столовая посуда—по 9—10 р. за пудъ; каменная англійская и русскихъ фабрикъ

[1]) Тимофѣй Степановичъ. Небезынтересныя извѣстія о немъ см. „Изъ прошедшаго“, ст. Н. Д. Борисяка. Харьк. Вѣд. 1873 г., № 140.

[2]) О фамиліи Ханайченковыхъ, см. тамъ-же.

[3]) Харьк. Губ. Вѣд. 1878 г., № 14.

каменная и хрустальная столовая посуда въ сервизахъ и другихъ мелкихъ вещахъ по разнымъ цѣнамъ. Синія и зеленыя сукна русскихъ фабрикъ—отъ 50 до 60 к. аршинъ; шелковая тафта московской фабрики—отъ 50 до 70 к.; шелковые збитые платки—отъ 3 до 5 р., рисованные—отъ 2 до 3 р., шелковые фабричные—отъ 1 р. 60 к. до 1 р. 70 к., бумажные московской фабрики—отъ 50 до 80 к., тики разные—отъ 20 до 30 к. аршинъ; гарусные мужскіе чулки—отъ 6 до 7 р. дюжина, теплые валеные чулки—отъ 12 до 13 р. дюжина. Зеленый и черный чай хорошаго качества отъ 1 р. 50 к. до 2 р. фунтъ, а низшаго сорта по 1 р.—1 р. 20 к., кофе—отъ 9 до 11 р. за пудъ. Сахаръ канарскій и россійскихъ фабрикъ лучшаго качества по 11 р., а худшаго по 10 р. 50 к.—10 р. 75 к. за пудъ. Шляпы, шапки, муфты, замшевыя и лайковыя перчатки, опойковые сапоги и башмаки, козловые нѣмецкаго фасона, женскіе башмаки шелковыхъ и другихъ матерій—разныхъ сортовъ на разныя цѣны. Мѣха—лисьи, волчьи, бѣличьи и хорьковые—разныхъ доброть на разную цѣну. Голландскій табакъ въ руляхъ не тертый по 45 коп. за фунтъ, а тертый по 50—60 к., тертый изъ папушъ пополамъ съ рульнымъ—по 35—40 к., французскій фіале—по 1 р. банка, голландскій курительный въ картузахъ—по 60—70 к., голландскій же въ большихъ картузахъ—по 1 р. 10 к., россійскихъ фабрикъ—отъ 40 до 50 к. картузъ, пудра—отъ 2 до 4 р. за пудъ; полосатыя калашейки московской фабричной работы—отъ 13 до 14 к. аршинъ; набойчатые платки—отъ 20 до 22 к.; трубковыя китайки большой руки по 2 р. штука, китайскія фанзы—отъ 5 до 6 р. штука; разныя ленты московской фабрики отъ 8 до 9 к. аршинъ; пестрыя ленты—отъ 8 до 9 к.; набойки московскихъ фабрикъ отъ 15 до 18 к. аршинъ; городскія сани московской работы отъ 12 до 25 р. Тонкій холстъ—отъ 12 до 18 к., трубковый тонкій—отъ 2 р. 50 к. до 3 р. штука, средній отъ 6 до 11 к. аршинъ, простой хрящевый—отъ 3 до 4 к., крашенина разныхъ сортовъ—отъ 40 до 60 к. за штуку. Бакалейные товары: финики на низкахъ—отъ 15 до 20 р. тысяча, финики, винныя ягоды и изюмъ—отъ 3 до 4 р. за пудъ, волошскіе орѣхи—отъ 1 р. до 1 р. 20 к. за тысячу, грецкіе орѣхи—отъ 2 р. 50 к. до 3 р. за пудъ, миндальные орѣхи—отъ 7 до 10 р. за пудъ, рожки—отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за пудъ, деревянное масло—отъ 7 до 9 р. за пудъ, маслины—отъ 2 р. 50 к. до 3 р. за пудъ, сорочинское пшено—отъ 2 до 3 руб., чернослывъ—отъ 1 р. до 1 р. 50 к., лимонный сокъ—отъ 3 р. до 4 р. за ведро, турецкій курительный табакъ—отъ 10 до 12 р. за пудъ, грецкое мыло—отъ 6 до 8 р. за пудъ. Рыба: осетеръ—отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 50 к. за пудъ, бѣлуга—отъ 1 р 10 к. до 1 р. 20 к. за пудъ, севрюга—отъ 1 р. до 1 р. 10 к. за пудъ, сомъ соленый и свѣжій—отъ 60 до 70 к. за пудъ, сула—отъ 30 до 35 р. за тысячу, зернистая икра—отъ 2 до 2 р. 10 к. за пудъ, мѣшечная икра—отъ 2 р. 50 к. до 3 р., свѣжепросольная—отъ 5 до 5 р. 50 к. за пудъ, осетровый балыкъ—отъ 4 до 5 р. за пудъ, бѣлужій—отъ 2 р. 50 к. до 3 р., тешка бѣлужья—отъ 2 р. 50 к. до 3 р., чабакъ—отъ 25 до 30 р. за тысячу, бѣлизна—отъ 30 до 35 р., сазанъ—отъ 110 до 120 р., тарань—отъ 2 р. 50 к. до 3 р., сенька—отъ 6 р. 50 к. до 7 р., лоскирь—отъ 3 р. 50 к. до 4 р., сельди 3 р. за тысячу; свѣжій и свѣжепросольный осетеръ—отъ 3 р. до 3 р. 20 к. за пудъ, бѣлуга—отъ 2 р. до 2 р. 20 к., севрюга—отъ 2 р. до 2 р. 10 к., стерлядь—отъ 2 р. до 2 р. 40 к. за пудъ, бѣлорыбица—отъ 2 р. 80 к. до 3 р. 20 к. за пудъ, икра—отъ 6 р. 50 к. до 7 р. за пудъ, визига—отъ 4 р. до 4 р. 50 к. за пудъ, сула—отъ 35 до 40 р. тысяча. Виноградныя вина: мушкатель, сантуринское, алонское—отъ 2 до 3 р. за ведро, волошское—отъ 18 до 20 к. кварта, монастырское—отъ 22 до 25 к. кварта, венгерское анталь хорошаго по 150 р., худшаго отъ 80 до 100 р., шампанское лучшее по 2 р. 50 к. бутылка, худшее отъ 1 р. 80 к. до 2 р., бургонское по 1 р. 50 к. бутылка, французскія, испанскія и португальскія—отъ 9 до 10 р. за ведро, англійское пиво—отъ 30 до 40 к. бутылка. Лошади изъ помѣщичьихъ хозяйствъ, въ возрастѣ отъ 3 до 6 лѣтъ, продавались лучшія отъ 50 до 80 р., а среднія отъ 20 до 30 и 50 р. за штуку, простыя обывательскія лошади—отъ 10 до 15 и 20 р., донскія, въ возрастѣ отъ 4 до 5 и 7 лѣтъ, отъ 20 до 30 и 40 руб., пара воловъ отъ 18 до 20 и 25 руб., корова—отъ 3 до 5 и 6 р., овца—отъ 60 до 80 к. и 1 р., гонта для крышъ—отъ 10 до 15 р. тысяча, коцы, т. е. ковры и цвѣтныя попоны изъ коровьей шерсти отъ 80 к. до 1 р. 40 к., изъ овечьей шерсти—отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к., коцы изъ лучшей овечьей шерсти подстриженные—отъ 4 до 5 р. [1]).

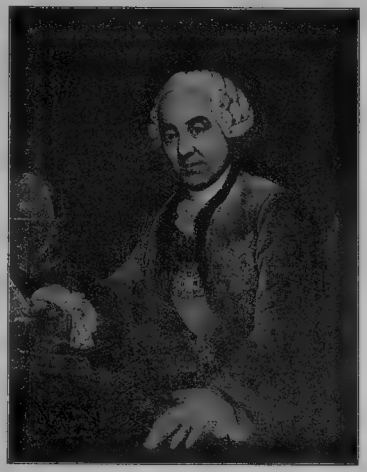
---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ. Отдѣлъ VII, № 609.

Къ 12-й главѣ.

Коллегіумъ.

Сохранилась переписка [1]) благотворителей Коллегіума князей Голицыныхъ съ Бѣлгородскимъ епископомъ Ѳеоктистомъ, которая ярко рисуетъ тѣсную нравственную связь между этой фамиліей и Колле-



Кн. Дим. Мих. Голицынъ.

Кн. Алек. Мих. Голицынъ.

Медаль съ изображеніемъ кн. Д. Голицына.

гіумомъ. Архіерей посылалъ кн. Александру (Михайловичу) Голицыну стихи, въ память его покойнаго двоюроднаго брата Дмитрія Михайловича. Кн. Александръ Михайловичъ кромѣ 500 руб., назначенныхъ на увеличеніе жалованья учителямъ Коллегіума, сталъ отправлять ежегодно еще 250 руб. въ пользу недостаточныхъ учениковъ (въ 1794 г.). Въ другомъ письмѣ кн. А. М. Голицынъ, извѣщая, что пожертво-

[1]) Рук. изъ Б-ки Харьковской Духовной Семинаріи № 3848. За разрѣшеніе воспользоваться ею и другими рукописями приношу сердечную благодарность Архіепископу Харьковскому Арсенію и ректору семинаріи о. І. Знаменскому.

ванная кн. Д. М. Голицынымъ для учителей Коллегіума сумма въ 10000 руб. положена въ Московскій опекунскій совѣтъ, просилъ, чтобы въ наставники этого училища избирали лицъ—„знающихъ, исправныхъ, усердныхъ, честныхъ, добронравныхъ и трезвыхъ“ (1794 г.). Получивъ отъ Коллегіума оду, кн. А. М. Голицынъ писалъ ректору Василію и префекту прот. А. Прокоповичу: „сорадуюсь, вкупѣ съ вами, что насажденный предками моими вертоградъ наукъ процвѣтаетъ нынѣ отъ усердія вашего. Я же при всякомъ случаѣ долгомъ себѣ поставлю споспѣшествовать вамъ во всемъ, до благосостоянія онаго принадлежащемъ“. Далѣе онъ прибавляетъ, что скоро вышлетъ портреты основателя Коллегіума кн. Мих. Мих. Голицына и его сына Дм. Мих. (1795 г.). Портреты вскорѣ дѣйствительно были отправлены. Въ 1796 г. кн. А. М. Голицынъ выражалъ сожалѣніе, что харьковское училище, именуется вмѣсто коллегіума семинаріей и что половина его средствъ отобрана для учрежденія семинаріи въ Бѣлгородѣ. Въ 1799 году кн. А. М. Голицынъ увѣдомилъ Коллегіумъ о пожертвованіи отъ неизвѣстнаго (М. П. Шереметьевой) въ его пользу 5000 р. спеціально для бѣдныхъ питомцевъ. Такимъ образомъ, всего денегъ получалось при посредствѣ Голицыныхъ 1000 руб. ежегодно.

Положеніе о прибавочныхъ классахъ при Харьковскомъ коллегіумѣ.

Сообразуясь Высочайшему Ея Императорскаго Величества матернему милосердію о такомъ сортѣ людей, которые въ жизни своей лишены ожидаемой отъ родившихъ ихъ помощи и которыхъ судьба ввергла въ крайнюю нищету за полезное признается и здѣсь пожалованную отъ Ея Императорскаго Величества на прибавочныя науки сумму употребить въ пользу и способствіе таковыхъ же безпомощныхъ людей и тѣмъ всей странѣ возстановить вѣчный монументъ безприкладнаго Ея Императорскаго Величества человѣколюбія для чего.

1-е. Въ классы сихъ прибавочныхъ наукъ принимать однихъ сиротъ и самыхъ бѣдныхъ неимущихъ пропитанія дѣтей какого бы они чину и званія ни были, возрастомъ отъ шести до семи лѣтъ, выключая однако крестьянскихъ и подданическихъ дѣтей такожъ увѣчныхъ, слѣпыхъ и одержимыхъ такими болѣзнями, которыя другимъ вредить могутъ.

2-е. Содержать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, распредѣляя по покоямъ человѣкъ по восьми или болѣе и столъ имѣть всѣмъ же общій.

3-е. Ко онымъ ученикамъ опредѣлить трехъ человѣкъ инспекторовъ и восемь человѣкъ служителей.

Инспекторы имѣютъ жить съ учениками вмѣстѣ и прежде всего обучать ихъ не токмо по россійски читать и писать исправно, но притомъ и толковать имъ ясно, сколько незрѣлость ума ихъ вмѣстить можетъ, всѣ части закона, то есть катехизмъ, догматы православной вѣры и все то, что до прямого содержанія оной касается, вкоренять въ нихъ добрые нравы, честное, скромное и добродѣтельное обхожденіе и смотрѣть, чтобы они вели себя чисто и опрятно, молитву ко Богу отправлять всегда по утру и въ вечеру, а въ воскресные и праздничные дни слушать службы Божіей въ церкви всѣмъ публично, во время которой молодымъ ученикамъ заблаговременно навыкать стоять съ благоговѣніемъ, приличнымъ святости сего мѣста и совершаемымъ во онымъ таинствамъ, и потому сіи инспекторы обязаны имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобы ученики во время службы божіей между собою отнюдь не разговаривали, но стояли бы со страхомъ и благочиніемъ, потомъ весьма бы изрядно показать и обучать ихъ хотя начаткамъ латинскаго языка, то есть аналогіи грамматики и синтаксимы методомъ, однако самымъ кратчайшимъ и внятнымъ, а не такимъ, каковъ въ здѣшнемъ и другихъ украинскихъ коллегіяхъ въ употребленіи, понеже оной болѣе къ помраченію нежели къ просвѣщенію дѣтскихъ умовъ служитъ и обыкновенно теряютъ въ немъ дѣти самое лучшее время. Въ протчемъ же, что до воспитанія сихъ дѣтей генерально принадлежитъ, объ ономъ поступать во всемъ по силѣ опробованнаго о кадетскомъ корпусѣ устава и физическихъ примѣчаній.

4-е. Въ помянутую инспекторскую должность опредѣлять людей хорошаго и честнаго состоянія, постоянныхъ, добронравныхъ и побожныхъ, дабы они черезъ доброе свое поведеніе, могли всегда казать примѣръ подчиненному имъ юношеству, къ чему выбрать можно изъ семинаристовъ здѣшняго коллегіума съ самыхъ вышнихъ классовъ, а они въ сію должность вступать имѣютъ тѣмъ охотнѣе, что сверхъ

опредѣленнаго имъ жалованья, могутъ профитывать сами хожденіемъ въ прибавочные классы и обученіемъ тѣхъ наукъ, къ которымъ кто склоненъ безъ всякихъ собственныхъ издержекъ и есть ли кто изъ нихъ въ тѣхъ наукахъ хорошій успѣхъ окажетъ, то со временемъ могутъ опредѣляться и въ классическіе сихъ прибавочныхъ наукъ учители, въ чемъ имъ предъ всѣми учениками дается преимущество.

5-е. Ученики обѣдаютъ и ужинаютъ за устроенными для нихъ столами всегда вмѣстѣ и въ одно назначенное къ тому время, къ чему они созываются такъ какъ и въ классы колокольнымъ звономъ, за сими столами всегда присутствуютъ вмѣстѣ жъ и инспекторы и служители имъ служатъ.

6-е. Во время стола наблюдаютъ инспекторы, чтобы подчиненные ихъ сидѣли и ѣли порядочнымъ образомъ, съ надлежащимъ опрятствомъ и чистотою, при чемъ отъ воли и благоразумія инспекторовъ зависитъ, прибывать ли ученикамъ въ молчаніи или дозволить вступать имъ въ разговоры о какой нибудь пристойной матеріи, которую разумный инспекторъ всегда легко найтить и своихъ подчиненныхъ къ тому поощрять можетъ.

7-е. Инспекторамъ, пока они въ сей должности дѣйствительно пробудутъ, дозволяется носить шпаги.

8-е. Какое ученикамъ имѣть повседневное, тако жъ для воскресныхъ и праздничныхъ дней платье и въ какіе сроки оное строить, тому ниже сего роспись.

9-е. Сіе праздничное платье и все бѣлье, равно какъ столовую и поваренную посуду и столовое бѣлье и постели, имѣетъ у себя въ вѣдомствѣ интендантъ, которой и всю потребную къ столу харчь и другіе припасы закупаетъ или подрядомъ заготовляетъ по диспозиціямъ директора, въ чемъ онъ и отчетъ ему даетъ понедѣльно или помѣсячно, у его же въ полномъ вѣдѣніи состоитъ и поваръ съ своими помощниками и всѣ штатные служители, изъ которыхъ двумъ человѣкамъ надлежитъ быть при немъ по очереди или какъ директоръ опредѣлитъ, всегда безъ отлучно сему интенданту надлежитъ быть попечительному и трудолюбивому человѣку, а при томъ и доброму экономъ.

10-е. Въ такомъ платьѣ учащіеся ходить имѣютъ до пятнадцати лѣтъ своего возраста, а по прошествіи тѣхъ лѣтъ дается имъ полный мундиръ, шляпы и шпаги. На постройку жъ сего мундира употребляются деньги изъ остающейся ежегодно отъ неполнаго комплекта суммы и другихъ ниже сего означенныхъ доходовъ. Цвѣтъ мундира темнозеленый.

11-е. Всѣхъ сихъ штатнаго числа учениковъ для вящшаго ихъ наукамъ одобренія слѣдуетъ отъ всѣхъ народныхъ податей учинить свободными.

12-е. Насупротиву того, чтобъ во изливаемые туне отъ Ея Императорскаго Величества матерные щедроты не могло иногда вкрадаться и тунеядство, то по прошествіи года сіе общество при собраніи директора и всѣхъ учителей, инспекторовъ, публично экзаменуется и если въ комъ найдется такой натуральной понятію наукъ недостатокъ, что никакими трудами и строгостію преодолѣть и исправить невозможно, такихъ изъ общества исключать и отдавать партикулярнымъ людямъ на воспитаніе, кто ихъ изъ платежа подушныхъ денегъ взять пожелаетъ на такомъ основаніи, какъ о томъ генеральнымъ на сію губернію узаконеніемъ уставлено.

13-е. А кто въ своихъ наукахъ хорошіе прогрессіи время отъ времени оказывать станетъ, тѣмъ для дальнѣйшаго ихъ къ наукамъ поощренія опредѣливъ время, производить обыкновенныя школьныя награжденія книжками и небольшими медалями.

14-е. Послѣ двадцатилѣтняго возраста достойныхъ и желающихъ опредѣлять въ семъ же обществѣ въ инспекторы и учители, а протчихъ выпускать, кто куды пожелаетъ, съ обыкновенными отъ директора аттестатами.

15-е. Но точію сей выпускъ не прежде чинить, пока каждой изъ нихъ не оставить при семъ обществѣ никоего монумента наукѣ своей и трудовъ, то есть не переведетъ на россійской языкъ изъ французскаго или нѣмецкаго, нѣкоторой полезной книги или не сдѣлаетъ на сихъ языкахъ собственного какого либо сочиненія, рисунковъ, ландкарты и подобныхъ сему и съ которыхъ переводы и сочиненія по освидѣтельствованіи, могутъ быть въ типографіи напечатаны и потомъ оставя переводчику или сочинителю, до двухъ сотъ да въ здѣшней библіотекѣ нѣсколько экземпляровъ, прочіе будутъ распроданы, вырученные жъ за то деньги служить могутъ, нѣкоторымъ основаніемъ для заведенія здѣсь впредь собственной типографіи, которая для сего мѣста весьма бы надобна или причислятся имѣютъ къ капитальной суммѣ.

16-е. Сіе предписаніе для штатныхъ учениковъ. Что же касается до семинаристовъ и до прочихъ посторонніихъ охотниковъ, то изъ оныхъ семинаристы всѣмъ показаннымъ наукамъ обучаются безъ денежно у тѣхъ же учителей, а дворянскіе, мѣщанскіе и всякихъ чиновъ и званій дѣти записываются у директора и при записи платятъ за сіе тунеспреподаваемое ученіе отъ каждой персоны и каждый годъ, доколѣ кто въ классы ходить будетъ, дворянство и мѣщанство такожъ штабъ и оберъ офицеры, кои имѣютъ за собою недвижимое имѣніе по рублю, прочіе разночинцы по полтинѣ, а штабъ и оберъ офицеры, кои не изъ дворянъ и недвижимаго за собою не имѣютъ—по четверти рубля на мѣсяцъ, которыя деньги записывать въ приходъ и съ котораго по указамъ губернской канцеляріи употреблять на разные столовые и кухонные приборы и на ежегодное оныхъ по правленію и на прочіе къ той школѣ принадлежащія надобности.

17-е. Изъ сихъ охотно записавшихся въ общество, ежели кто окажетъ въ наукахъ хорошіе успѣхи и по окончаніи оныхъ принявъ намѣреніе искать военной, гражданской или партикулярной службы пожелаетъ имѣть о поведеніи своемъ свидѣтельство, то оное изъ конторы директорской давать.

18-е. *О учителяхъ.* Справкою отъ здѣшняго коллегіума показано, что у нихъ знающихъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, равно какъ математики, геометріи и другихъ наукъ не имѣется, того ради слѣдуетъ ихъ откуда надлежитъ выписать.

19-е. Они должны быть люди довольно свои науки знающіе и притомъ добраго и честнаго поведенія, а не меньше того и трудолюбивые; тѣ, которые иностранныхъ языковъ обучать станутъ, должны умѣть русской въ совершенной степени, ибо кто самъ русскаго языка совершенно не знаетъ, тотъ иностранному никогда прямо обучать не можетъ, они долженствуютъ обучать подчиненныхъ своихъ съ крайнимъ прилежаніемъ и искренностію и всякій день (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ положенныхъ по табели) въ назначенные часы быть въ классахъ, а ежели кто безъ законной причины въ классахъ не будетъ, у тѣхъ директоръ вычитаетъ изъ жалованья за каждое небытіе противъ оклада вдвое.

20-е. Ежели паче чаянія къ математической и другимъ опредѣленнымъ наукамъ искусныхъ людей въ учители изъ охотниковъ не сыщется, въ такомъ случаѣ не повелѣноль будетъ искусныхъ къ сей наукѣ довольно знающихъ людей прикомандировать изъ инженернаго и артиллерійскаго корпуса доколѣ въ семъ обществѣ науки до такого придутъ совершенства, что можно будетъ въ учители опредѣлять изъ собственныхъ учениковъ; прикомандированные такимъ образомъ не потеряютъ въ произвожденіяхъ своей линіи, а полученіемъ изъ своихъ мѣстъ жалованья присовокуплять для сего общества нѣкоторую сумму остаточныхъ денегъ, которыя при нынѣшнемъ новомъ учрежденіи тѣмъ наипаче нужны, что какъ классовъ, такъ для учащихся дому и никакого другого строенія, равно же книгъ и другихъ нужныхъ потребностей ничего не имѣется, на заготовленіе чего требуется довольная сумма, однако для вящшаго сихъ прикомандированныхъ къ трудамъ поощренія можно сверхъ опредѣленнаго по ихъ рангамъ жалованья прибавить имъ изъ штатной суммы отъ пятидесяти до ста рублевъ въ годъ.

21-е. *О директорѣ.* Сей по справедливости почестся можетъ главою и блюстителемъ всего собранія и такъ надлежитъ имѣть ему всѣ тѣ качества, кои отъ добраго попечителя и отъ добраго экономa требуются, онъ имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ всю денежную казну и печется обо всемъ томъ что до удовольствія всего общества пищею и одеждою и всѣми другими потребностьми принадлежитъ.

22-е. Онъ посѣщаетъ самъ какъ классы, такъ и жилища учащихся и наблюдаетъ, чтобъ учители и инспекторы ввѣренныхъ имъ учениковъ обучали съ должнымъ прилежаніемъ, ревностію и нелѣностію; ежели за первыми усмотритъ онъ какое нерадѣніе, то побуждаетъ ихъ къ должности сперва пристойнымъ увѣщеваніемъ и выговорами, потомъ вычетомъ изъ жалованья, а на послѣдокъ объ отрѣшеніи ихъ, а на то мѣсто объ опредѣленіи другихъ представляетъ съ доказательствомъ въ губернскую канцелярію, а послѣднихъ, то есть инспекторовъ, по довольномъ усмотрѣніи ихъ неприлежности, отрѣшаетъ и другихъ опредѣляетъ самъ.

23-е. И сего ради директору надлежитъ быть такому человѣку, который бы самъ всѣ тѣ науки, которые сему обществу преподаваемы будутъ если не совершенно, то по крайней мѣрѣ большею частію знать могъ.

24-е. Онъ съ такимъ же авторитетомъ распоряжаетъ по другимъ сего общества штатнымъ чинамъ и имѣетъ власть по довольномъ разсмотрѣніи неисправностей и другихъ законныхъ причинъ одного отрѣшить, а другого опредѣлить.

25-е. Наконецъ о приходѣ и расходѣ денежной казны обыкновенные рапорты и счеты подаетъ онъ губернской канцеляріи и получаетъ въ томъ ежегодно полную квитанцію, не завися уже болѣе по симъ дѣламъ ни отъ какого другого правительства. Подъ классы и подъ домъ для учащихся съ прочимъ къ тому потребнымъ строеніемъ избрать мѣсто при томъ же харьковскомъ коллегіумѣ и сдѣлавъ къ сему тому планъ, начать оное и строить и на то строеніе и на первое заведеніе всего потребнаго къ сему училищу повелѣно бъ было отдать всю ту сумму, которую по Высочайшей Ея Императорскаго Величества 765 году майя 20 дня конфирмаціи ежегодно по три тысячи рублевъ отпущать положено. А доколѣ вышеписанный домъ и классы построены будутъ, то на первой случай перестроить хоромы, состоящіе на каменномъ фундаментѣ въ саду сего коллегіума, пристроивъ къ нимъ поварню, чего для житья сему обществу при первомъ случаѣ можетъ быть достаточно. Учители жъ, если изъ нихъ нѣкоторые будутъ холостые, могутъ жить въ томъ же коллегіумѣ, въ которомъ способнаго для ихъ жилья безъ нужды найтить можно. При томъ же для случающихся больныхъ необходимо надлежитъ имѣть особые покои, въ которые какъ скоро кто тяжело занеможетъ, то и переводить и стараться ихъ чрезъ губернскихъ доктора и лѣкаря пользовать. Если остаточной отъ неполнаго комплекта суммы нѣсколько накопится, то весьма бы прилично и полезно было, если бъ для сего общества въ пристойномъ мѣстѣ построенъ былъ тамо садъ, который бы служить имъ могъ не только для прогулки въ праздничные дни, но и въ другое время для полученія свѣжаго и здороваго воздуха, а притомъ заведенными въ немъ произращеніи могли бы дѣлать нѣкоторую замѣну въ пищѣ и пропитаніи ихъ, а особливо такими продуктами, которые до поварни принадлежитъ. Невозможно удержаться, чтобъ вторично не упомянуть о типографіи, которая если бъ здѣсь заведена была, то она здѣлавшись какъ для сего малаго собранія, такъ и для всего коллегіума общую, со временемъ въ распространеніи наукъ неоцѣненную могла бъ приносить пользу, способъ и сему весьма не трудной понеже въ слободской украинской губернской канцеляріи остаточной за положенными расходами суммы нынѣ довольное число находится и съ которыхъ ежели отпустить взаимообразно до десяти тысячъ рублевъ съ возвратною впредь изъ типографическихъ доходовъ, то кажется для основанія типографіи можетъ быть достаточно. Наконецъ, какъ при новомъ учрежденіи всего предвидѣть и предписать точно невозможно, то при оказавшихся впредь обстоятельствахъ, если что изъ сего убавить или чѣмъ дополнить за надобное окажется, о томъ директоръ представляетъ губернской канцеляріи и требуетъ апробаціи. Колежскій ассесоръ Кудрицкій.

Соединеніе казеннаго и главнаго народнаго училища.

Милостивый государь мой Алексѣй Григорьевичъ! Коммиссія о учрежденіи училищъ, разсматривая расположеніе учебныхъ предметовъ и часовъ харьковскаго казеннаго училища, заведеннаго по Высочайшему повелѣнію въ 1768 году, списки онаго училища учителей и разнаго званія учениковъ и штатъ оному опробованной Правительствующимъ Сенатомъ, доставленныя отъ вашего превосходительства, находитъ учрежденіе сіе для образованія юношества всякаго состоянія весьма полезнымъ и вниманія достойнымъ, но если къ преподаваемымъ въ ономъ училищѣ учебнымъ предметамъ присовокупить предназначенныя уставомъ о народныхъ училищахъ для верхнихъ классовъ науки, какъ то: механику, физику и естественную исторію, коихъ въ томъ училищѣ не преподается, то сіе принесетъ для учащихся сугубую пользу, вслѣдствіе чего препоручила мнѣ отнестись къ вашему превосходительству въ такой силѣ, что коммиссія на соединеніе харьковскаго казеннаго училища съ тамошнимъ главнымъ народнымъ во едино будучи согласна, заставляетъ васъ во первыхъ, для преподаванія въ ономъ училищѣ недостающихъ учебныхъ предметовъ; какъ то: механики, физики и натуральной исторіи употребить двухъ высшихъ классовъ народнаго училища учителей для сихъ предметовъ коммиссіею пріуготовленныхъ и назначенныхъ, равно и нижнихъ классовъ учителей народнаго училища занять при казенномъ преподаваемыми ими предметами съ производствомъ назначеннаго имъ по уставу народнымъ училищамъ жалованья, квартиръ и услуги, во вторыхъ, что преподаваніе ученія въ разныхъ предметахъ должно производимо быть по книгамъ, изданнымъ и впредь издаваемымъ отъ сея коммиссіи, и въ третьихъ, какъ при соединеніи казеннаго училища съ главнымъ народнымъ, директоромъ и надъ уѣздными училищами слѣдуетъ быть состоящему при ка-

зенномъ училищѣ директору, то оной и обязанъ по силѣ устава народнымъ училищамъ параграфовъ 71-го, 104-го, 105-го и 106-го доставлять въ коммиссію какъ о помянутомъ харьковскомъ казенномъ, такъ и о уѣздныхъ училищахъ вѣдомости: полугодовыя о состояніи училищъ, третныя о дѣлахъ училищныхъ и счеты годовые по приходамъ и расходамъ до училищъ касающимся. Въ протчемъ коммиссія уповаетъ, что чрезъ дѣятельность вашу новое устроеніе сего училища послужитъ къ сугубой пользѣ для общества, прося о послѣдующемъ образованіи тѣхъ двухъ училищъ во едино сію коммиссію безъ увѣдомленія не оставить.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ! Предписаніе вашего высокопревосходительства отъ 14-го числа минувшаго генваря подъ №. 27, касательно соединенія во едино устроеннаго въ 1768 году казеннаго училища купно съ главнымъ народнымъ училищемъ открытымъ въ 1789 году, подъ названіемъ казеннаго училища, и присовокупленія къ преподаваемымъ въ тѣхъ училищахъ учебнымъ предметамъ предназначенныхъ уставомъ о народныхъ училищахъ для высшихъ классовъ наукъ—механики, физики и естественной исторіи, коихъ въ томъ училищѣ еще не преподавалось, я имѣлъ честь получить. Ваше высокопревосходительство величайшее сдѣлать изволили благотвореніе сей губерніи, доставя мнѣ столь полезную и желаемую резолюцію, ибо расходы, издерживаемые прежде на два училища, казенное и народное, отъ соединенія оныхъ во едино многимъ противъ прежняго уменьшатся, а выгода нынѣ въ классахъ казенныхъ обучающихся будетъ, что они въ пользу свою ужени чего не будутъ платить. Вслѣдствіе сего вашего высокопревосходительства предписанія имѣю со всевозможнымъ раченіемъ все надлежащее выполнить въ самой точности и соединеніе сихъ училищъ послѣдуетъ съ 1 числа марта, о послѣдующемъ же установленіи не умедлю тогда донесть особо какъ ваше высокопревосходительство, такъ равно и коммиссію о учрежденіи училищъ. Съ нижайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю навсегда быть милостивый государь вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Тепловъ. 9 февраля 1798 года.

Въ коммиссію о учрежденіи училищъ. Отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника слободского украинскаго губернатора.

Соединивъ во едино главное народное училище съ казеннымъ и присовокупивъ къ оному предназначенныя уставомъ о народныхъ училищахъ для верхнихъ классовъ науки, яко то: механику, физику и естественную исторію, употребилъ двухъ высшихъ классовъ народнаго училища учителей для сихъ предметовъ коммиссіею пріуготовленныхъ и назначенныхъ; равно и нижнихъ классовъ учители заняты преподаваемыми ими предметами, и сдѣлалъ въ ономъ надлежащій порядокъ, и новое устроеніе, помѣстивъ туда и малое народное училище, по причинѣ малаго числа учениковъ. По долгу моему стараясь сколько можно о приведеніи сего училища въ цвѣтущее состояніе для пользы общества, приказалъ я продолжать въ немъ ученіе, которое и возъимѣло уже желаемое и успѣшное свое начало съ перваго марта; но дабы ожидаемые и впредь отъ онаго плоды возвращеніемъ и умноженіемъ своимъ столько соотвѣтствовали сему новому учрежденію, сколько нужно въ обществѣ благое юношества воспитаніе и просвѣщеніе, я не престану при всякомъ случаѣ обращать стараніе во первыхъ, чтобы всѣ предписанныя въ уставѣ объ училищахъ правила въ точности выполняемы были, и всѣ бы учащіе съ усердіемъ и прилежаніемъ проходили свое званіе, а учащіеся получили бы желаемый успѣхъ, какъ въ наукахъ, такъ и въ нравственномъ своемъ поведеніи; не оставилъ такъ же сдѣлать расположеніе часовъ для учебныхъ предметовъ сообразно съ пользою учащихся и съ приходомъ въ классы семинаристовъ, чтобы время ученія напрасно потеряно не было, которое расположеніе, равно и вѣдомости о учителяхъ, кто именно, сколько каждому часовъ для учебныхъ предметовъ, какое жалованіе и сколько учениковъ, предоставляю на разсмотрѣніе коммиссіи, и прошу буде найдено будетъ правильно утвердить, а равно и казеннымъ учителямъ положенное жалованіе, дабы и они, вѣдая цѣну трудовъ своихъ, могли на всегда такъ, какъ и главнаго народнаго училища учители, бывъ нынѣ одного училища пользоваться онымъ безъ перемѣны, со стороны другихъ начальниковъ, и меня о послѣдующемъ безъ увѣдомленія не оставить. Алексѣй Тепловъ, 16 марта 1798 г.

Опредѣлено: второму присутствующему сей коммиссіи именемъ ея отнестись письменно къ нему господину слободскому украинскому губернатору Теплову, что коммиссія, разсматривая расположеніе учебныхъ предметовъ и часовъ харьковскаго казеннаго народнаго училища и штатъ онаго и видя чрезъ соединеніе учебныхъ предметовъ во едино сугубую для образованію юношества пользу, распоряженіе его господина губернатора въ расположеніи тѣхъ предметовъ и часовъ апробуетъ во всѣхъ частяхъ и надѣется совер-

шенно, что посредствомъ старанія его новоустроенное училище сіе получитъ вящшее усовершенствованіе; чтожъ касается до утвержденія положеннаго по штату казеннымъ учителямъ жалованья, дабы они по мѣрѣ трудовъ своихъ могли на всегда пользоваться онымъ безъ перемѣны со стороны другихъ начальниковъ, то какъ прежній проектъ и штатъ харьковскому казенному училищу учиненный въ 1767 г. апробованъ былъ Правительствующимъ Сенатомъ, то посему и настояще учиненный по соединенію харьковскаго казеннаго училища съ тамошнимъ главнымъ народнымъ во едино представить тожъ на утвержденіе Правительствующаго Сената.

Изъ коммиссіи объ учрежденіи школъ въ слободской украинской Приказъ общественнаго призрѣнія. Господа тайные совѣтники и сенаторы Голохвастовъ и князь Багратіонъ отнеслись въ коммиссію отъ 18 минувшаго сентября, что при обозрѣніи ими во исполненіе Именного Его Императорскаго Величества Высочайшаго указа, состоявшихъ въ слободской украинской губерніи народныхъ школъ, найдены оные ими по особенному благоустройству оныхъ и успѣху учащихся, при попеченіи и надзираніи гражданскаго губернатора г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Невѣрова и губернскаго предводителя надворнаго совѣтника Куликовскаго, подъ руководствомъ директора оныхъ 8 класса Кудринскаго съ особеннымъ стараніемъ пекущагося о просвѣщеніи юношества, въ совершенной исправности и порядкѣ; коммиссія объ учрежденіи школъ пріемля съ уваженіемъ толь пріятное отношеніе отъ господъ сенаторовъ въ разсужденіи совершенной исправности и порядка слободскихъ украинскихъ школъ, долгомъ поставляетъ изъявить свою благодарность содѣйствующимъ въ томъ особамъ чрезъ преимущественное ихъ о пользѣ юношества попеченіе, которое служитъ къ собственному ихъ уваженію и общественной пользѣ; учителямъ же тамошнихъ школъ отдавая въ тщательномъ прохожденіи ихъ должностей справедливую признательность, службу ихъ не оставить безъ должнаго вниманія [1]).

Капельмейстеромъ вокальной музыки въ Казенномъ училищѣ былъ Артемій Ведель. Это былъ знаменитый Артемій Лукьяновичъ Ведель, славный композиторъ духовныхъ пѣснопѣній. Онъ родился въ Кіевѣ въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII в. и принадлежалъ къ мѣщанскому сословію. Изъ біографіи его, составленной Аскоченскимъ, видно, что онъ учился въ Кіевскомъ училищѣ и попалъ въ пѣвчіе академическаго хора. Будучи ученикомъ философскаго класса, онъ былъ назначенъ регентомъ академической капеллы, за тѣмъ былъ вызванъ въ Москву, гдѣ сдѣлался регентомъ генералъ-губернаторскаго хора. Въ 1790 г. онъ вернулся въ Кіевъ къ прежней должности. Но проживавшій тогда въ Кіевѣ корпусный генералъ А. Я. Леванидовъ предложилъ ему составить капеллу и управлять ею. Къ этому времени относится расцвѣтъ его композиторскаго таланта, которымъ онъ стяжалъ себѣ громкую славу у кіевлянъ; у него самого былъ превосходный теноръ, которымъ онъ также плѣнялъ своихъ слушателей. Въ 1792 г. Леванидовъ былъ переведенъ изъ Кіева генералъ-губернаторомъ, а Ведель постригся въ монахи Кіево-Печерской Лавры и велъ самую строгую отшельническую жизнь. Но вдругъ ночью тайно бѣжалъ изъ монастыря. „Въ нищенскомъ видѣ, съ признакомъ нѣкотораго помѣшательства, бродилъ онъ, по словамъ біографа, по Полтавской, Черниговской и Харьковской губ.“, при чемъ на него пало подозрѣніе въ сочиненіи какихъ то записокъ, относившихся къ современнымъ политическимъ событіямъ. Когда же онъ вернулся въ Кіевъ, то онъ долженъ былъ оправдываться, но его посадили за бродяжничество въ смирительный домъ; тамъ онъ помѣшался. Умеръ въ 1806 г. Партитура его концертовъ была написана имъ самимъ въ 1796 году [2]). Такимъ образомъ, Аскоченскому оказался совершенно неизвѣстнымъ фактъ пребыванія Веделя въ Харьковѣ, въ качествѣ капельмейстера вокальной музыки въ Казенномъ училищѣ, куда онъ былъ приглашенъ А. Я. Леванидовымъ, назначеннымъ въ 1796 г. генералъ-губернаторомъ Харьковскаго Намѣстничества (а не одного изъ сѣверныхъ, какъ пишетъ Аскоченскій). Ученикомъ А. Веделя былъ Петръ Турчениновъ, впослѣдствіи также извѣстный духовный композиторъ, и учитель пѣнія въ придворной капеллѣ. Онъ былъ также ученикомъ и у Сарти Хоръ намѣстника, какъ мы видѣли, пѣлъ и въ Успенскомъ соборѣ съ 1780 по 1803-й годъ (стр. 359).

---

[1]) Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

[2]) Аскоченскій. Кіевъ, II, 373—379.

Къ 14-й главѣ.

Извлеченіе изъ соч. Орновскаго „Bogaty wirydarz“.

Польскіе анналы, по словамъ Орновскаго, полны именами знаменитыхъ пп. Захаржевскихъ.

Всѣ они отличались воинскими подвигами. Польскій писатель Paprocki говоритъ о нихъ; „Захаржевскіе и въ мирное время, и во время войны, всегда служатъ украшеніемъ короны польской....“ Есть у него же, т. е. у Папроцкаго и другой похвальный отзывъ о Захаржевскихъ. „Тамъ же (т. е. въ Калишскомъ воеводствѣ) родъ старинной Захаржевскихъ, очень заслуженный въ Коронѣ польской и всей Рѣчи Посполитой, о которомъ не разъ упоминаютъ старые авторы въ своихъ книгахъ и каталогахъ“. Другой писатель—Симеонъ Окольскій видитъ заслуги Захаржевскихъ въ томъ, что: „Захаржевскіе Рѣчи Посполитой бываютъ полезны и во время мира, и на войнѣ“ (Simeon Okolski, In orbe polono, Tom. I, fol. 164). Великіе заслуги отца Федора Захаржевскаго—Григорія Захаржевскаго были въ обереганіи страны отъ набѣговъ бусурманскихъ. Въ мирное время онъ заботился о томъ, какъ бы оградить край отъ этихъ набѣговъ внутрь страны; строилъ крѣпости, селенія, церкви. И память о немъ навсегда сохранилась среди народа. Федоръ Захаржевскій шелъ по слѣдамъ отца своего и продолжалъ многія его дѣла. *О предкахъ Захаржевскихъ*, о ихъ происхожденіи въ апологіи Орновскаго очень мало данныхъ. Родъ этотъ принадлежалъ къ гербу Доливъ (Doliwy). Это очень старинный гербъ—въ немъ были и короли польскіе, и очень многіе знатные польскіе и литовскіе роды. Въ апологіи занимаетъ очень видное мѣсто перечисленіе родовъ, бывшихъ въ этомъ гербѣ всѣхъ выдающихся чѣмъ-либо личностей. Но собственно о родѣ Захаржевскихъ есть, по словамъ Орновскаго, болѣе точное указаніе въ хроникахъ С. Окольскаго и Папроцкаго. Это упоминаніе относится къ *Матвѣю Захаржевскому*, который былъ ротмистромъ и въ борьбѣ подъ Оршей отличался своими воинскими подвигами. „Онъ былъ мужъ богатый и знатный“ (Paprocki). Другое свидѣтельство о немъ же у Окольскаго въ его сочиненіи In orbe Pol. t. I. „Mathios, Rhotmagister, celebrissimus ad Orszam et elicissimus“.

Гравюра изъ сочиненія Орновскаго.

Есть еще упоминаніе о другомъ Захаржевскомъ о Янѣ Захаржевскомъ. онъ былъ полякъ по происхожденію, служилъ первымъ товарищемъ и многіе знатные паны знали его. Онъ служилъ въ панцерной хоругви первымъ товарищемъ на 3-хъ коняхъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Сапѣгой, конюшимъ В. К. Литовскаго. Знаетъ о немъ и гербъ Любомирскихъ, и Потоцкихъ—и съ ними онъ служилъ. Впослѣдствіи онъ также былъ ротмистромъ. О немъ помнитъ Австрія: въ 1686 г. онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ войскомъ Яна III, короля польскаго, въ войнѣ турокъ съ цесаремъ Леопольдомъ, на сторонѣ цесаря во славу Польши. Помнятъ о немъ и венгры, и тамъ онъ проливалъ свою кровь, оставилъ память о своемъ мужествѣ. А онъ былъ близокъ по крови, говоритъ Орновскій, стольнику харьковскому: это ростки одного куста—Розъ (указаніе на гербъ Захаржевскихъ Розы—Долива). Отецъ Федора—Григорій Захаржевскій былъ также стольникомъ и полковникомъ харьковскимъ. По указу царя Алексѣя Михайловича Донскіе козаки были въ походѣ противъ турокъ. Они штурмовали мѣсто Тамань, сожгли Магелію (Mahgelia),

взяли Ревель (Rewel), опустошили Кандрійское предмѣстье, взяли укрѣпленное мѣсто Гоны (Gony). Всѣ эти мѣста, по словамъ Орновскаго, принадлежатъ туркамъ и лежатъ по надъ Чернымъ моремъ. Григорій Захаржевскій принималъ участіе во всѣхъ этихъ битвахъ. Послѣ этихъ походовъ онъ отправился домой для отдыха и женитьбы. Но отдыхъ этотъ былъ непродолжителенъ. Вскорѣ онъ долженъ былъ опять отправиться на Донъ. Четырнадцать дней, по словамъ Орновскаго, всходило и заходило солнце надъ рѣкою Тузловой (Tyzlowa), а козаки не могли двинуться домой, такъ какъ ханъ крымскій со своимъ войскомъ преградилъ имъ обратный путь. Войско терпѣло голодъ, болѣзни. Двѣ недѣли стояло донское войско въ окопахъ, но наконецъ ему удалось пробиться къ границамъ своимъ. Голодъ былъ такъ силенъ, что войско должно было питаться рѣчными черепахами, разваренной кожей, старыми подошвами отъ сапогъ. Съ этихъ поръ Григорій Захаржевскій получилъ прозваніе—Донецъ, такъ какъ этотъ походъ на Донъ далъ ему возможность отличиться. Но не долго продолжался этотъ отдыхъ послѣ похода на Донъ. Въ это время широко заволновалось Заднѣпровье. Янъ Казиміръ стоялъ подъ Глуховымъ со своими войсками. Полковникомъ харьковскимъ былъ въ это время Иванъ Дмитровичъ Сирко. Григорій Захаржевскій былъ сдѣланъ сотникомъ при немъ. Онъ участвовалъ въ битвѣ противъ поляковъ за Десной, надъ которыми одержана была побѣда. Будучи еще сотникомъ при Сиркѣ, Григорій Захаржевскій строилъ укрѣпленіе въ мѣстечкѣ Маяки, гдѣ ему пришлось три раза разбить крымскихъ татаръ. Это было передъ возстаніемъ Брюховецкаго. Вообще, войны съ татарами, говоритъ Орновскій, доставили ему наибольшую славу. Но слава эта далась не безъ труда, и уже послѣ того, какъ успокоились внутреннія волненія, вызванныя Брюховецкимъ. Во время этихъ кровавыхъ волненій, Григорій Захаржевскій объявилъ себя вѣрнымъ царскому престолу. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи волненій, за что и получилъ харьковскій полкъ. Котельва, Куземинъ и окружающіе степи, говоритъ Орновскій, были свидѣтелями донскаго возстанія. Цѣлое лѣто лилась обильно кровь. Григорій Захаржевскій имѣлъ, собственно говоря, три имени. Первое его имя было Адамъ, которое онъ получилъ при крещеніи по римско-католическому обряду. Когда же онъ принималъ обрядъ греко-православнаго крещенія, въ очень молодыхъ лѣтахъ, ему дано было имя Авдій. Когда же онъ былъ уже взрослымъ, на Дону, онъ былъ названъ Григоріемъ „вѣроятно, говоритъ Орновскій, изъ-за какихъ то важныхъ военныхъ причинъ“, и съ тѣхъ поръ этимъ именемъ назывался до смерти. Когда Сирко, говоритъ Орновскій, сложилъ съ себя званіе полковника „и отдался другому дѣлу“, города слободскіе также двинулись за нимъ. Этимъ причинено было не мало вреда краю. Григорій Захаржевскій, сдѣлавшійся полковникомъ харьковскимъ, принимая близко къ сердцу цѣлость окраинъ царскихъ, принялся заселять край, сзывать людей, осаждать слободы. Онъ собиралъ подъ монаршую руку разгонявшійся разношерстый людъ и, край слободской постепенно сталъ опять населяться и могъ служить оборонительной линіей для всей Россіи. Григорій Захаржевскій строитъ крѣпости, осаживаетъ слободы. Въ Валки, въ Зміевъ, въ Мерефу онъ созываетъ поселенцевъ; основываетъ Золочевъ, Перекопъ, Соколовъ. Онъ предпринимаетъ зимній походъ противъ ордъ и на р. Орели наноситъ имъ пораженіе. Зима была очень снѣжная. Много татаръ утонуло, много взято было въ плѣнъ. Подъ селами Гавриловкой, Пересѣчнымъ также нанесено было имъ кровавое пораженіе. Съ большимъ урономъ они оттѣснены были къ Перекопскому валу. Но подъ Хотминомъ и подъ Вольнымъ татары опять переправились черезъ валъ съ огромными силами; однако и на этотъ разъ они были разбиты при рѣчкѣ Рогозянкѣ и понесли большія потери. Азовскій мурза съ ордами своими былъ разгромленъ подъ Зміевомъ, при этомъ взятъ былъ въ плѣнъ одинъ турецкій чаушъ (czaus). Трудно перечесть, говоритъ Орновскій, всѣ труды Григорія Захаржевскаго по защитѣ края. Приходилось вооруженной силой отражать и калмыцкіе загоны подъ Валками, Зміевомъ, Мерехвой. Подъ Чугуевомъ и Харьковомъ надо было дѣлать облавы на ордынцевъ, бывшихъ въ очень большомъ числѣ. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ 1679 г. Много ордъ было уничтожено, 30 душъ было взято въ плѣнъ живыми. За эту Чугуевскую и Харьковскую экспедицію Григорій Захаржевскій получилъ благодарность и царскіе подарки отъ царя Федора Алексѣевича. Когда ханъ крымскій съ большими силами сталъ подъ Богодуховомъ, распустивъ свои загоны по разнымъ мѣстамъ (а это было уже зимою), Захаржевскому пришлось опять предпринимать большой походъ противъ него. Орда была разгромлена, добыча отнята, стада отобраны. Въ свободное отъ походовъ время онъ выводилъ и подновлялъ валы, руководя работами. Это была тяжелая работа, говоритъ Орновскій, но на то была воля царская. Онъ строилъ валы отъ городка Высокополя, отъ лѣсовъ Коломацкихъ на Муромскомъ шляху, до Пере-

копа. Онъ строилъ сторожевые пункты, крѣпостцы по валу отъ Валокъ по р. Пересвитной до селенія двухъ Ивановъ—Добраго и Злаго; отъ Водолажскихъ до Гомольчинскихъ водъ строилъ укрѣпленія. Это были: Чайчинъ, Гуляйполе, Бахтинъ. Такъ возникли по всему этому валу сторожевые пункты, которые должны были неусыпно слѣдить за татарами и отражать ихъ набѣги. Въ награду за эти труды, Григорій Захаржевскій получилъ Балаклейскій (т. е. Изюмскій) полкъ и сталъ такимъ образомъ полковникомъ двухъ полковъ. Полкъ Балаклейскій былъ пустынный, не заселенный, и Захаржевскій прежде всего занялся тѣмъ, что поддержалъ прежнія поселенія; потомъ началъ устраивать новыя, оберегая ихъ отъ вторженія враждебныхъ народовъ. На Калміуской сакмѣ (Kalmiowskiey Sachmie) (такъ назывался бродъ), онъ стоялъ съ войскомъ и оберегалъ Балаклейскій полкъ отъ наѣздовъ бусурманскихъ. Онъ основалъ сильную крѣпость Изюмъ, и за это получилъ благодарность отъ царя Федора Алексѣевича. Татары между тѣмъ доходили до Нежеголя (Neżeĥol), подъ Валуйки, Корочу, даже врывались нѣсколько разъ въ Бѣлгородъ. Всю эту землю, необходимую для полка, Захаржевскій сдѣлалъ пригодной для заселенія, защищая отъ вторженія татаръ, и несмотря на тяготу непрерывныхъ кровавыхъ стычекъ, строилъ на этой территоріи все новыя укрѣпленія, осаживалъ новыя слободы. И по рѣкамъ Осколу и Донцу онъ также построилъ рядъ новыхъ укрѣпленій. Но не только во время войны помогалъ Захаржевскій своимъ сосѣдямъ—воеводамъ Чугуевскому и Валуйскому; и въ мирное время,—когда они со всѣмъ войскомъ терпѣли недостатокъ въ чемъ либо, онъ помогалъ имъ и поддерживалъ, о чемъ упоминается въ грамотахъ монаршихъ къ Григорію Зихаржевскому, въ 1682 году. По надъ рѣкой Осколомъ, отъ мѣста называемаго Двурѣчная до Царевоборисова онъ устраивалъ деревянные и земляные форты, а въ удобныхъ мѣстахъ, около переправъ, основывалъ поселенія. Это былъ нелегкій, но плодотворный трудъ, и на пустынныхъ поляхъ вновь заколосились хлѣба, явились города. Построены были: Купянка, Острополье, Сеньковъ. По надъ рѣкой Донцомъ отъ Изюма на переправахъ имъ выстроены были мѣстечки Левковка и Спѣваковка, и другія укрѣпленія. Савинцы также возникли благодаря ему. Отъ Андреевки и отъ Добышкина до Балаклеи были выстроены укрѣпленія. Мѣстечко Лиманъ, Мартовитъ (Martowit), тутъ же Волчьи Воды, Тарановка, Лопань, Водолага—всѣ эти слободскіе, вновь возникшіе города были обязаны трудамъ Григорія Захаржевскаго. Заботясь непрерывно о заселеніи края и безопасности, Григорій Захаржевскій закладываетъ посеніе Ольшану, и оставаясь нѣкоторое время въ Валуйкахъ изъ за военныхъ соображеній, надъ рѣчкой Моисеевой строитъ крѣпость, а въ Полатовѣ насыпаетъ огромные валы. Въ тотъ годъ, когда Каменецъ-Подольскъ былъ взятъ басурманами и разрушенъ, Григорій Захаржевскій цѣлое лѣто стоялъ подъ Колонтаевомъ. И не даромъ тамъ потребовалась вооруженная сила: подъ Мерефой онъ встрѣтился съ татарами, ихъ кровью залилъ поля христіанскія, взялъ въ плѣнъ вождя ихъ самъ-пять, разбилъ орду. Зимою того же года Григорій Захаржевскій простоялъ со своимъ войскомъ подъ Ахтыркою, зорко оберегая границы Слободской украйны отъ вторженія непріятеля. Онъ простоялъ тамъ всю зиму. Это былъ въ годъ взятія Каменецъ-Подольска турками. Тутъ впервые выступилъ въ военномъ дѣлѣ сынъ Григорія Захаржевскаго—Константинъ старшій братъ Федора. Вскорѣ послѣ этого, Григорій Захаржевскій съ сыномъ былъ уже на Дону, гдѣ долженъ былъ происходить размѣнъ плѣнныхъ и выкупъ бояръ. Славнаго вождя Василія Шеремета, давно бывшаго въ плѣну у Крымцевъ, Григорій Захаржевскій долженъ былъ освободить или выкупить на средства, данныя Монархомъ изъ казны. Константинъ Захаржевскій былъ все время съ нимъ.

Константинъ Захаржевскій. Возвратясь съ Дона, Григорій Захаржевскій съ сыномъ Константиномъ стоялъ съ войскомъ подъ мѣстечкомъ Савинцами, оберегая слободской край отъ орды. Сейнъ-Ага (Sein-Aga) Азовскій устроилъ облаву подъ Водолагой и подъ Соколовымъ, надъ мѣстными мирными жителями. Но Константинъ Захаржевскіи нанесъ ему пораженіе при р. Бычкѣ, отнялъ всю добычу, всѣхъ захваченныхъ плѣнныхъ, и еще многихъ татаръ взялъ въ плѣнъ живыми. Два раза на рѣкѣ Торѣ разбили татаръ Константинъ и Григорій Захаржевскіе. Одинъ разъ подъ Андреевкой (тогда оба они участвовали въ походѣ), Кубекъ-Ага понесъ большой уронъ, самъ былъ раненъ и упалъ въ Донецъ, бывшій съ нимъ товарищъ былъ взятъ въ плѣнъ живымъ. Другая битва на Торѣ длилась цѣлый день и была, видимо, очень тяжелая. Оба Захаржевскіе принимали участіе въ ней. На урочищѣ Бабьевый Байракъ Константинъ Захаржевскій со своимъ войскомъ опять имѣлъ упорное сраженіе съ татарами, и „не мало было пролито тамъ крови“. На р. Каменкѣ, когда орда наступала на князя Григорія Козловскаго, Констан-

тинъ Захаржевскій цѣлый день бился съ ордынцами. Федоръ и Иванъ Захаржевскіе также были въ это время въ походѣ. Идучи съ полкомъ своимъ на Торъ, въ долинѣ Макотиси (Makotysie) у него опять была встрѣча съ ордой. Цѣлый день онъ побѣдоносно преслѣдовалъ ордынцевъ. Послѣ этого, для охраны Слободского края, Константинъ Захаржевскій всю зиму стоялъ на р. Самарѣ, при впаденіи Быка. Отличился онъ во время перваго Крымскаго похода. У Микитинаго Рога, на Запорожьи, гдѣ собрались военныя силы крымцевъ, произошло большое сраженіе. Въ свободное отъ походовъ время, Григорій Захаржевскій съ помощью сына своего Константина отъ Изюма до Теплинскаго и Черкасскаго лѣсовъ, и отъ Тора до Козацкой пристани, строилъ разныя укрѣпленія: насыпалъ большіе валы, основывалъ поселенія. Мѣстечко Черкасское, подъ Черкасскимъ лѣсомъ, было обнесено круглымъ валомъ; это мѣстечко было надъ рѣчкой, названной Голая Долина. За все это они отмѣчены были царскимъ вниманіемъ. Это было въ 1685 г. Благодарность и подарки отъ Царей Петра и Іоанна Алексѣевичей получили Захаржевскіе за Райгородъ. Райгородъ былъ основанъ на урочищѣ, называемомъ Козацкая Пристань, тамъ, гдѣ сливаются рѣки Торъ и Донецъ. Но особенно удачно было сраженіе на р. Рогозянкѣ; по словамъ Орновскаго, тамъ было 4 тысячи ордынцевъ и всего 300 слободскихъ козаковъ, подъ предводительствомъ Григорія и Константина Захаржевскихъ. Несмотря на такое превосходство силъ, орда была разбита, весь ясырь отбитъ и еще 100 душъ живыми взято въ плѣнъ. Но ордынцы быстро оправились отъ этого пораженія, неожиданно вернулись обратно и тамъ же, при Рогозянкѣ, отбили назадъ своихъ плѣнныхъ, но сами послѣ этого ушли въ Крымъ. Это было въ 1679 г., и въ благодарность за эту битву подъ Рогозянкой была прислана грамота отъ царя Федора Алексѣевича и разные подарки. Вся Москва, говоритъ Орновскій, хорошо знаетъ объ этой экспедиціи Захаржевскихъ подъ Рогозянку. Словомъ Константинъ Захаржевскій былъ въ его военныхъ походахъ противъ татаръ. Не разъ бывалъ онъ въ Москвѣ, куда отвозилъ добычу, отбитую имъ у татаръ, особенно ногайскихъ и крымскихъ, которымъ ему приходилось наносить многочисленныя пораженія въ различныхъ мѣстахъ. Это было также въ 1679 г. Въ 1675 г. Григорій Захаржевскій получилъ царскую благодарность за свои побѣды надъ ордой, черезъ сотника Савинскаго—Гаврилка Могилку. Грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевича прислана Григорью Захаржевскому въ 1684 г. Григорій Захаржевскій первый „въ Слободахъ“ получилъ титулъ *Стольника* и *Полковника*. Стольничество пожаловано было ему въ *первый Перекопскій походъ*. Такимъ образомъ, онъ первый былъ стольникомъ и полковникомъ заразъ. Жизнь свою Григорій Захаржевскій окончилъ въ слободѣ Водолагахъ, которую онъ самъ и основалъ. Адамъ-Авдій-Григорій Захаржевскій былъ полковникомъ лѣтъ 30. Перешелъ въ жизнь вѣчную послѣ своихъ военныхъ трудовъ въ 1691 г., іюля въ день Иліи-пророка. Но не только военными подвигами увѣковѣчилъ память о себѣ Григорій Захаржевскій: онъ основалъ Харьковскій Куряжскій монастырь при значительномъ денежномъ пожертвованіи съ своей стороны, и церковь, подъ названіемъ Преображенія Господня тамъ же выстроилъ. Въ томъ же Харьковскомъ монастырѣ и другая церковь стараніемъ и коштомъ Григорія Захаржевскаго была основана—Святого Юрія. Федоръ Захаржевскій, сынъ его, церковь эту реставрировалъ въ память отца своего, и названа она былъ—церковь св. мученика Юрія. Григорій Захаржевскій, поддерживая своими дарами Зміевской монастырь, давалъ ему пасѣки, млины и другіе доходы. Каменная церковь Успенія Богородицы была построена имъ въ Харьковѣ. Такъ, чуть не весь край Слободской, гдѣ онъ основывалъ церкви святыя, крѣпости, мѣстечки, города, прославляетъ память Григорія Захаржевскаго. Константинъ Захаржевскій—стольникъ и полковникъ Изюмскій, недолго прожилъ послѣ отца своего. На Гороховскомъ шляху, напавъ на непріятельскія многочисленныя силы ордынцевъ, онъ былъ раненъ татариномъ изъ лука въ чело, и отъ этой раны умеръ на другой день, къ великой скорби всего полка Изюмскаго. Это было въ 1692 г., іюля 16 дня.

Федоръ Захаржевскій, другой сынъ Григорія (къ которому и относится апологія Орновскаго), уже семилѣтнимъ мальчикомъ бывалъ съ отцомъ своимъ въ походахъ и другихъ военныхъ дѣлахъ. Дальновидный отецъ старался съ малыхъ лѣтъ пріучить его къ дисциплинѣ военной, необходимой для его будущей жизни. Онъ былъ въ походѣ Перекопскомъ съ отцомъ своимъ и старшимъ братомъ Константиномъ. Во второмъ вольномъ походѣ Перекопскомъ, подъ главнымъ начальствомъ надъ всѣми войсками князя В. В. Голицына и начальствомъ надъ войсками козацкими гетмана Ив. Мазепы, Федоръ Захаржевскій также съ отцомъ своимъ и братомъ въ этомъ походѣ былъ, и находился въ войскѣ подъ Горбаткомъ (Horbatkiem), который лежитъ между Азовскимъ и Гнилымъ моремъ. Здѣсь, подъ Горбаткомъ,

взятъ былъ въ плѣнъ турокъ, очень искусный чернокнижникъ, но и до этихъ перекопскихъ походовъ, и послѣ, Федоръ Захаржевскій съ отцомъ своимъ и братомъ, участвовалъ не разъ въ военныхъ дѣлахъ противъ татаръ, въ битвахъ на р. Торѣ, въ Маякахъ, при Изюмѣ. Часто нападали татаре на новопоселенныя, новослободскія мѣста; но они всегда встрѣчали отпоръ и должны были позорно отступать, часто съ большимъ урономъ. Ихъ гнали и преслѣдовали до рѣкъ Оскола, Жеребца, Красной. Григорій Захаржевскій и Константинъ дѣлали эти набѣги, но и Федоръ нерѣдко замѣнялъ ихъ, не жалѣя своей крови. Такъ проходила его трудовая жизнь въ вѣчныхъ походахъ и трудахъ военныхъ, на поляхъ битвъ. Особенно часто подвергалась нападенію ордынцевъ Водолага, и Федоръ Захаржевскій, охотно подчиняясь волѣ отца, много разъ, хотя и съ опасностью, но всегда успѣшно, прогонялъ татаръ, отбирая у нихъ всякія трофеи. Когда орда, которой было нѣсколько тысячъ, возвращаясь съ большой добычей и плѣнными изъ подъ Зміева, Бишкина, Лимана, жители которыхъ, блѣдные отъ страха передъ многочисленнымъ врагомъ, не могли дать ему отпора, Федоръ Захаржевскій съ братомъ своимъ Константиномъ отправился въ погоню, и нагнавъ орду не мало причинилъ ей урона, многихъ разогналъ въ лѣсу, не мало утопилъ въ Донцѣ. Это была очень тяжелая погоня для войска. Люди были такъ измучены, что не могли слѣзть съ коней, чтобы отыскать воду и напиться, а мѣстность была безводная. Чтобы хотя немного утолить жажду и освѣжиться, они жевали оловянныя пули, вызывая этимъ выдѣленіе слюны. Когда Нурраднинъ-Султанъ, знаменитый гетманъ ордъ крымскихъ, съ двумя младшими султанами, вѣроятно его сыновьями, съ 15 тысячнымъ войскомъ вторгся въ полкъ харьковскій и другія слободскія мѣста, онъ надѣлалъ тамъ много „шкоды“: они обрушились на городокъ Нововалковъ, подступили къ Тарановкѣ и заложили тамъ свой лагерь („кошъ“). Тамъ они разрыли валы, снесли палисады, порубили кобылицы и дали волю своему гнѣву. Султанъ распустилъ свои загоны подъ Водолагу, Мерехву, Зміевъ и набралъ тамъ много плѣнныхъ. И Соколовъ не спасся отъ врага. Такъ прокралась злая неволя въ этотъ вольный край. Много народу забрали въ кайданы эти три султана. Сотникъ и полковникъ харьковскій, Федоръ Захаржевскій, съ сотней конницы только, въ разныхъ мѣстахъ разгромилъ ордынцевъ Нурраднна-султана и много отнялъ у нихъ плѣнныхъ и добычи—скота, людей. Такъ были освобождены многіе изъ неволи татарской. Немало ордынцевъ погибло. 14 душъ взято было въ плѣнъ живыми. Многіе изъ нихъ остались невольниками, „зазвонили кайданами“. Прекрасный, безъ всякихъ пороковъ конь каро-гнѣдой масти достался въ добычу и отправленъ былъ, какъ подарокъ, Борису Петровичу Шереметьеву, въ то время воеводѣ Бѣлгородскому. Плѣнные татары отправлены были невольниками въ Москву. За эти военныя заслуги стольникъ и полковникъ харьковскій Федоръ Захаржевскій получилъ благодарность отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, выраженную въ грамотѣ, а полку харьковскому даны были двѣ пушки, вѣсомъ болѣе 22 камней каждая. Повторяясь тутъ безпрерывно, одинъ за другимъ, эти татарскіе наѣзды требовали необыкновенной бдительности, постоянной напряженности военныхъ силъ. Полевая стража харьковскаго полка дала знать полковнику и стольнику харьковскому Федору Захаржевскому, что опять орда переправилась черезъ рѣчку Берестовую. Объ этомъ сообщено было боярину Борису Шереметьеву, который въ это время стоялъ на р. Дзгунѣ (Dzgunia), намѣреваясь стягивать силы на Міусъ. Войска слободскія также должны были выступить подъ его командой на Міусъ, къ Азову и уже готовились въ этотъ путь, обозы были уже отправлены къ сборному мѣсту на Дзгунѣ. А орда хозяйничала въ это время въ полку ахтырскомъ. Получивъ это извѣстіе отъ Федора Захаржевскаго, Шереметьевъ сейчасъ же двинулъ соединенныя силы и вмѣстѣ съ слободскимъ полкомъ направился на ордынцевъ. Застигнутый ночью въ расплохъ кошъ ихъ былъ разбитъ московскимъ и слободскимъ полками, множество татаръ погибло, утонуло, много взято живыми въ плѣнъ. На мѣстѣ донскаго лагеря остановилось войско Шеремета, орда же была преслѣдуема войскомъ слободскимъ, подъ начальствомъ Федора Захаржевскаго; онъ гналъ орду за р. Берестовую и Орель, миль за 10. Отнято было много военной добычи, а ордынцы почти всѣ погибли, не дойдя до Крыма. Изъ старшинъ, Чаушъ (Czaus) былъ взятъ въ плѣнъ живымъ. Вообще, живыхъ невольниковъ было болѣе 70 душъ. Они были закованы въ кайданы.

Иванъ Захаржевскій, младшій братъ Федора былъ въ этой экспедиціи противъ орды. Когда войска, подъ предводительствомъ Бориса Шеремета брали приступомъ и штурмовали Таванъ (Tawan) и Ширингій (Szyringiy) подъ Козикерменомъ, стольникъ и полковникъ харьковскій Федоръ Захаржевскій, со своимъ многочисленнымъ войскомъ также участвовалъ въ этихъ трудныхъ штурмахъ. Эти воинскія услуги Федора Захаржевскаго подъ Кизикерменомъ дошли до свѣдѣнія монарховъ, и въ благодарность ему прислана была

одобрительная царская грамота. Это было въ 1695 году. Это взятіе и разрушеніе турецкой крѣпости Кизикермена, по словамъ Орновскаго, было очень важно и знаменовало собой побѣду надъ турецкимъ полумѣсяцемъ. Въ этомъ походѣ былъ и Иванъ Захаржевскій; но отъ Коломака онъ долженъ былъ вернуться обратно, такъ какъ получено было извѣстіе о смертельной болѣзни матери Захаржевскихъ. Въ другомъ походѣ морскомъ, подъ Кизекерменомъ, войска московскія были подъ предводительствомъ князя Якова Федоровича Долгорукова, войска же козацкія подъ начальствомъ гетмана Ивана Мазепы. Старинный гербъ дома Мазепъ, говоритъ Орновскій, изображалъ собой крестъ, сверху расщепленный въ формѣ буквы V; съ одной стороны мѣсяцъ, съ другой звѣзды. Во время этого морского похода и битвъ и Федоръ Захаржевскій не сидѣлъ спокойно. Онъ снарядилъ 10 струговъ на средства своего полка. Эти струги вмѣстѣ съ людьми также отправлены были въ походъ подъ начальствомъ полковника наказнаго. Самъ же Федоръ, съ остальнымъ войскомъ получилъ приказъ идти къ границѣ, на перерѣзъ ордынскимъ силамъ и у Козьихъ Равнинъ (такъ назывался мысъ) долженъ былъ стать на сторожѣ отъ орды. Во время этого похода, когда военныя силы слободскихъ полковъ были отвлечены, татары напали на мирныхъ земледѣльцевъ водолажскихъ, многихъ взяли въ плѣнъ и увели въ Крымъ. Въ погоню за ними отправился Иванъ Захаржевскій и гнался за ними много миль. Но орда бѣжала шибко и догнать ее не удалось. Федоръ Захаржевскій, по наказу князя Луки Федоровича Долгорукова долженъ былъ съ полкомъ своимъ состоять при обозѣ генеральномъ, на Коломакѣ, для военныхъ посылокъ и для развѣдокъ надъ ордой. И тамъ находился онъ, вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ, пока войско не отпущено было по домамъ. Еще у всѣхъ роились воспоминанія о Кизикерменѣ, когда князь Яковъ Долгоруковъ и гетманъ осенью опять шли уже въ походъ. Когда подъ Аслономъ (Aslonem) четыре полка слободскіе подъ предводительствомъ Федора Захаржевскаго стали какъ разъ на-перерѣзъ крымскимъ ордамъ, крымцы на разсвѣтѣ сдѣлали внезапное нападеніе. Но благодаря пушкамъ и мелкому огню, удалось отбить это нападеніе и многіе татары были убиты, многіе умерли отъ тяжелыхъ ранъ. Но и тутъ не нашли отдыха. Опять надо было защищать изюмскій полкъ отъ татаръ, которые вторглись туда въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. Но тутъ начинается новая дѣятельность Федора Захаржевскаго—участіе его въ походахъ противъ „Льва Шведскаго“.

Участіе Федора Захаржевскаго въ шведскихъ походахъ. Когда возникла война шведская, Федоръ Захаржевскій со своимъ полкомъ также принималъ участіе. Орновскій указываетъ на участіе Федора Захаржевскаго въ битвѣ подъ мызой Рейгой (Reuga). 100 человѣкъ шведовъ, которые защищали Рейгу, были всѣ перебиты. Кнехты съ женами и дѣтьми пошли всѣ въ плѣнъ русскій живыми; имущество ихъ было разграблено, жилища сравнены съ землей. Тоже самое было и подъ *Киркой*. Огражденія были уничтожены, строенія сожжены, латыши и чухонцы попали въ плѣнъ. Войскамъ этимъ, которыя бились подъ Рейгой и Киркой, было выдано казной денежное вознагражденіе. Подъ мызой Рапина было нѣсколько тысячъ шведовъ. Тамъ протекаетъ рѣка Выбовка (Wybowka). Тамъ былъ большой складъ разнаго оружія, пушекъ, пороха, пуль, гранатъ. Много было и всякихъ запасовъ—винъ, конфектъ, померанцевъ. Въ полкахъ же казацкихъ не было даже ни одного орудія, только люди. Тѣмъ не менѣе побѣда была одержана и на этотъ разъ. Не мало шведовъ попало въ плѣнъ (болѣе 50), немало утонуло въ Выбовкѣ. „Шведовъ душили какъ куръ“. Почти не осталось никого въ живыхъ, а имущество ихъ было подѣлено между войсками, какъ военная добыча. Добыча была очень большая. Досталось много припасовъ, разныхъ рѣдкихъ яствъ, много оружія и военныхъ запасовъ—пушекъ, пороха, пуль, гранатъ, стокадъ, наметовъ, ружей. Трудность этой битвы была въ томъ, что Рапина лежала среди неприступныхъ болотъ. Полки харьковскій, ахтырскій, изюмскій, съ ними же и *Лубенскій* сумской, чугуевскій, шли вмѣстѣ въ бой съ „рыцарствомъ дворовымъ“ Шереметьева. И побѣда была одержана. Люди Захаржевскаго, испытанные въ битвахъ, употреблялись для загоновъ кровавыхъ. Ступролайконская и Новолайконская мызы были уничтожены, сожжены, сравнены съ землей „точно ихъ не было“. Болѣе 600 селеній было уничтожено огнемъ и мечемъ, опустошено. Жены, дѣти попали въ неволю. Цвѣтущая, какъ Мурція мыза (или селеніе) Кирка (Kirka), какъ упоминалось уже раньше, была превращена въ груду пепла. И подъ Алистъ (Alist) доходили загоны. Когда войска и лошади были утомлены, ихъ возвратили въ города слободскіе, напутствуя монаршей благодарностью и угощеньемъ. Они отпущены были отъ Пскова по домамъ. Только съ каждаго полка оставлено было нѣкоторое количество отборныхъ лучшихъ людей подъ начальствомъ Шидловскаго, Федора Владиміровича, стольника и полков-

ника изюмскаго. Они остались подъ Псковомъ на зимовлю. Изъ полка харьковскаго выбрано было 200 человѣкъ. Федоръ же Захаржевскій съ остальными войсками вернулся домой. Въ концѣ іюля 1691 г. (т. е. послѣ смерти отца) Федору Захаржевскому прислана была изъ Бѣлгорода отъ Бориса Петровича Шереметьева грамота царская, утверждавшая за нимъ, послѣ родителя его, полковничество харьковское.

Оды учениковъ Казеннаго училища и Коллегіума.

Въ 1775 году была напечатана (въ типографіи Московскаго университета) ода Евд. Алек. Щербинину „учредителю харьковскихъ классовъ", т. е. казеннаго училища; она была составлена „студентомъ сихъ классовъ" Иваномъ Кореставцевымъ. Приведемъ изъ нея наиболѣе характерные отрывки.

Мой мысленный глазъ измѣряетъ
Пять воеводствъ на сихъ поляхъ,
Вездѣ порядокъ ощущаетъ
И счастіе во всѣхъ семьяхъ.
Властей насильства и обиды
Уже въ жилищахъ сихъ забыты,
Всякъ житель часть свою хранитъ,
Всеобщей долгъ свой собираетъ
И духа тѣмъ не сокрушаетъ,
Чтобъ жадности дары носить.
Въ мѣстахъ сихъ съ многими стадами
Татаринъ хищный кочевалъ
И надъ отцовъ своихъ гробами
Нестройны виды созидалъ.
Нынѣ обновляется натура,
И чудная архитектура
Свои возноситъ красоты,
Прохожихъ странныхъ глазъ плѣняетъ
И больше обѣщаетъ
Въ грядущіе годовъ ряды.
Минерва въ градѣ семъ создала
Щербинина рукой свой храмъ,
Сокровища всѣ показала
Искусствъ учащихся глазамъ.
Не только слышатъ здѣсь Платона,
Не только славятъ Цицерона
Отцомъ латины обще всей,
Секванскихъ красота реченій
И Аллеманскихъ вкусъ твореній
Пріятностью влекутъ своей.
Художество прелестно взора
Отсутствующихъ зракъ живитъ
И хитрость въ числахъ Пиѳагора
Непостижимое рѣшитъ.
Размѣръ науки Архимеда
Съ сосѣдомъ помирилъ сосѣда:
Въ поляхъ недвижный терминъ зрятъ.
Познаніемъ задачъ Евклида
Градамъ готовится защита,
Циклопы молнію творятъ.
Чрезъ нѣжны переходы уха
Согласій проходящій звукъ
Различны будитъ страсти духа
Движеньемъ голоса и рукъ.
Когда составятся соборы,
Когда воспѣты будутъ хоры,
Дадутъ тебѣ первѣйшу честь.
Преславный оныхъ учредитель,
Щербининъ, знай, наукъ любитель
Всегда безсмертенъ въ свѣтѣ есть.
Покуда въ славѣ градъ сей будетъ
Верхъ возносить свой къ облакамъ,
Усердный житель не забудетъ
Честь отдавать твоимъ дѣламъ.
Великолѣпіе строеній
И польза новыхъ учрежденій
Рекутъ во всѣ грядущи дни,
Коль благотворное начало
Отъ мудрости твоей пріяло
Правительство сея страны [1]).

По случаю кончины кн. Дм. Мих. Голицына напечатано было въ 1794 году въ „Харьковской типографіи" похвальное ему слово отъ имени Коллегіума, гдѣ между прочимъ читаются слѣдующія строки.

Голицынъ нарещись достоинъ музъ отцомъ,
Ходившій въ житіи родительскимъ путемъ:
Ты симъ любовь къ нему сыновню печатлѣешь,
На смертномъ ты одрѣ мысль и о насъ имѣешь:
Тотъ садъ, кой въ Харьковѣ отецъ твой насадилъ,
А въ Бѣлградѣ тогда былъ пастырь Епифаній,

[1]) Библіотека Харьковской Духовной Семинаріи, № 1772.

Два варіанта портрета стихотворца-козака Харьковскаго полка Климовскаго (Климова).

Они имѣли въ томъ одинъ предметъ желаній,
Ты благотворною росою окропилъ.
Блаженной памяти достоинъ твой родитель,
Онъ былъ герой, былъ музъ усердный покровитель,
Уже свершилося лѣтъ шестьдесятъ и семь,
Какъ былъ онъ въ сей странѣ россійскихъ силъ вождемъ;
Чтобъ просвѣщеніе подать младымъ умамъ,
Воздвигнуть въ Харьковѣ наукъ священный храмъ.
Со тщаніемъ труды подъемлетъ пастырь многи,
Голицынъ князь даетъ свои на то чертоги.
Мы озаряемся ученій свѣтомъ въ нихъ,
При входѣ въ оные мы славимъ обоихъ,
Мы славимъ обоихъ, хотя ихъ и не знаемъ,
И въ славу обоимъ въ душахъ храмъ созидаемъ.
Но ты! Котораго недавно прахъ почилъ,
Ты насъ щедротою своею оживилъ,
Къ отцу ты чувствуя сыновне уваженье,
Коликое явилъ для насъ благотворенье!
Отецъ твой для наукъ свои чертоги далъ,
Ты десять тысячъ намъ при смерти завѣщалъ.
Завѣта твоего усердный исполнитель,
Князь Александръ, другой наукамъ покровитель,
Въ Московской банкъ отдать ту сумму разсудилъ,
Чтобъ музъ на пользу ростъ съ ней получаемъ былъ[1]).

Въ 1795 году была напечатана въ Харьковѣ, въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія, ода кн. А. М. Голицыну, гдѣ между прочимъ были слѣдующія строфы.

Въ щедротахъ предкамъ ты ревнитель;
Ты Харьковскихъ музъ покровитель;
Достоинъ нашихъ алтарей.
Отецъ Ты нашъ; се мы какъ дѣти
Лучемъ щедротъ твоихъ согрѣты,
Покойны внутрь своихъ сердецъ.
Ты столько жъ въ милостяхъ обиленъ
И въ помощи толико силенъ,
Науки любишь, какъ они (дядя и братъ).
Примѣромъ дѣлъ ихъ Ты плѣнился,
Сей гласъ твердишь всегда въ устахъ:
Мой дядя храмъ наукъ потщился
Создать при Харьковскихъ водахъ:
Сей мужъ великій, знаменитый,
Оливой, лаврами покрытый,
Науки истинно любилъ;
Любилъ и въ храмъ наукъ входящимъ,
Къ успѣхамъ побуждая вящшимъ,
Отмѣнный благодѣтель былъ.
Другой по немъ его потомокъ,
Лучи щедротъ успѣлъ простерти
На музъ святилища сего.

---

[1]) Библіотека Харьковской Духовной Семинаріи, № 1772.

Хоть неизбѣжною судьбою
Пресѣклась жизнь имъ обоимъ;
Я подкрѣпить моей рукою
Музъ благо долгомъ чту своимъ,
Да садъ наукъ, тамъ насажденный,
Благопризрѣньемъ огражденный,
Подъемлетъ верхъ всечасно свой;
Да украшается цвѣтами,
Какъ лугъ зеленый межъ водами
И какъ кустарники весной [1]).

Рѣчь при закладкѣ великой залы намѣстничества, говоренная въ 1780 году мая 30 дня харьковскимъ протопресвитеромъ и харьковскаго училищнаго коллегіума префектомъ Михаиломъ Шванскимъ.

Дѣла премудростію производимыя къ благотворенію рода человѣческаго не могутъ не поражать сердецъ великолѣпіемъ. Удивленіемъ и вниманіемъ своимъ, не могутъ не возбудить къ оныхъ виновнику усердныхъ и благоговѣющихъ мыслей.

Царица Савска, плѣненна славою премудрыхъ и благотворительныхъ дѣйствій порфироноснаго Соломона, когда пришедъ во Іерусалимъ узрѣла исполненіе превышающее славу съ восхитительнымъ чувствіемъ изрекла Соломону: буди Господь Богъ твой благословенъ, иже восхотѣ тя дати на престолъ израилевъ и постави тя царя надъ ними.

Благословенное Россіи достояніе! когда внимательными возвышаемся мыслями къ дѣламъ великія всероссійскія нашея монархини проистекающимъ отъ источника Ея премудрости и проливающимъ изобильныя благотворенія струи, коликимъ восторгомъ восхищается умъ, коликое рождается въ сердцахъ чувствіе благоговѣнія и усердія, коль съ благодарнѣйшимъ признаніемъ должны усугублять торжественно оныя слова; буди Господь Богъ благословенъ, иже восхотѣ дати на престолъ россійскій великую Екатерину и постави самодержицею надъ нами.

Самое сіе мѣсто, сіе уготовленіе зданія, что есть какъ не возвѣщеніе высокомонаршаго Ея намѣренія благотворить всѣмъ и всякому? Сіе основаніе, что есть какъ не пророченіе утвердить незыблемо общее благо? Судъ и милость суть утвержденія златыхъ дней въ общежительствѣ, судъ и милость суть блюстители благоустройствъ, судъ и милость суть руки исторгающія зло отъ средѣ общества, съ состраданіемъ человѣчества. Но какой предметъ сего начинанія, какъ не судъ и милость? Сіе зданіе будетъ ковчегомъ, хранящимъ священные законы великія Екатерины; сіе мѣсто откроетъ тѣ премудрыя Монархини положенія, кои аки свѣтъ изведутъ въ полномъ сіяніи истину и милосердіе, изъ коихъ источника жаждущіе правды почерпнутъ изобиліе удовольствія туне безъ злата, безъ сребра. Блаженно общество, блаженъ градъ сей! Что нѣкогда о блаженномъ жребіи града Вифлеема духъ Божій предвозвѣстилъ сказуя: и ты Вифлееме земле Іудова ни чимъ же менши еси во владыкахъ Іудовыхъ, изъ тебе бо изыдетъ, иже упасетъ люди моя; то самое во гласѣ радованія обязаны и мы исповѣдать о семъ мѣстѣ, о семъ градѣ: „ни чимъ же менши еси во владѣніяхъ россійскихъ; ибо и отсюду изыдутъ высокомонаршіе законы, охраняющіе отъ всякаго вреда, доставляющіе изобильныя пользы, утверждающіе частное и общее блаженство.

Сіе чаяніе тѣмъ основательнѣе, надежда тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ милостивѣе призрѣвъ съ высоты престола своего на сію страну великая самодержица благоволила послать блюстителя священныхъ своихъ узаконеній, могущаго возвѣстить силу и сущность оныхъ и насадить въ сердцахъ, вождя исполненна разума и премудрости, вѣрность и преданность къ повелѣніямъ монаршимъ усердіе къ общему благу, многими, великими и славными дѣйствіями запечатлѣвшаго.

Очистивъ убо всякъ чувствія возведи очи твои мысленныя и виждь, яко близь есть умноженіе благоденствія твоего и потомковъ будущихъ, и потому устрой сердце твое жертвенникомъ благодаренія; проливай усердныя и благоговѣйныя молитвы: да господь силъ хранитъ неусыпно жизнь великія монархини съ августѣйшимъ ея наслѣдіемъ, да исполняетъ совѣты ея относимыя къ благосостоянію какъ всего отечества, такъ и сего общества, да будутъ очи его милостиво отверзсты день и нощъ на Россію, на градъ сей, и мѣсто сіе [2]).

---

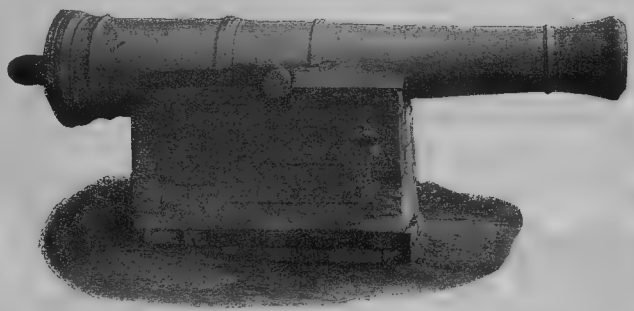
[1]) Библіотека Харьковской Духовной Семинаріи, № 1172.

[2]) Арх. Губ. Правл. Губернат. Канцел. Изъ дѣла: „Представленія къ Его Сіятельству графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому". 1780 г.

Къ 16-й главѣ.

Откуда взялись пушки, стоящія нынѣ у дома Дворянскаго Собранія?

„Когда населялся здѣшній край выбѣгающимъ народомъ отъ угнетеній польскаго правительства, то переселяющіеся сюда со всѣмъ своимъ имуществомъ паны вывозили и свои собственныя пушки. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были вычеканены фамильные гербы владѣльцевъ. Когда же изъ этихъ поселенцевъ составились козачьи полки и пришлось имъ отбиваться отъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ, силившихся удержать этотъ край за собою, тогда пушки пошли на защиту, такъ называемыхъ, крѣпостей въ слободско-украинской области. Онѣ, т. е. пушки исполняли свое назначеніе исправно, набѣгавшихъ татаръ прогоняли порядочно, отстояли мѣсто и довели до того, что эта „нечисть“ не смѣла уже показываться къ намъ, и слободскіе козаки обращены въ мирныхъ жителей, учреждена, на общемъ положеніи, губернія, развалившіяся крѣпости уничтожены, а бывшія въ нихъ пушки свезены въ Харьковъ. Негодныя къ употребленію были сотнями свалены,—*за городомъ на пустомъ мѣстѣ*, близъ церкви Женъ-Мироносицъ, возлѣ которой было городское кладбище... Годныя къ употребленію пушки поставлены были *на городскомъ валу*, гдѣ нынѣ (въ 1843 году) университетскій бульваръ. Кромѣ пушекъ, свезенъ былъ въ Харьковъ порохъ,



Пушка Слободскихъ полковъ.

бывшій при всѣхъ слободскихъ полкахъ, и, полагать должно, что не малое его количество было, потому что, начиная съ 1766 года по 1797-й его не могли выстрѣлить, а стрѣляли порядочно. Стрѣляли при открытіи намѣстничества, да еще какъ.....

При воцареніи Императора Павла губернатору предписано было всѣ пушки, какія есть въ Харьковѣ, годныя и негодныя къ употребленію, прислать въ назначенный заводъ, а порохъ также сдать артиллерійскому начальству. Вотъ и прекратилась у насъ стрѣльба! Поспѣшили исполнить повелѣнное. Зимою собрали и тѣ пушки, что валялись за городомъ на сказанномъ мѣстѣ, и отправили всѣ годныя и негодныя по принадлежности; но, собирая ихъ, просмотрѣли двѣ, вбившіяся въ землю; онѣ такъ и оставались. Долго бы тамъ лежали онѣ, да бывшій у насъ въ Харьковѣ военный губернаторъ города Харькова и гражданскій всей губерніи, князь Петръ Ивановичъ Трубецкой, узнавъ о тѣхъ пушкахъ, представилъ о томъ, куда слѣдовало, и получилъ Высочайшее повелѣніе: „согласно представленію его, отдать тѣ пушки Харьковскому дворянскому собранію, съ тѣмъ, чтобы оныя были поставлены при выѣздѣ изъ дому, въ видѣ тумбъ“.

Вотъ онѣ и поставлены на устроенныхъ мѣстахъ по данному для того рисунку [1]).

---

[1]) Г. Ѳ. Квитки. Народныя воспоминанія. Когда и для чего поставлены пушки въ Харьковѣ, близъ дома Дворянскаго Собранія. (Литер. Газета 1843 г., № 36).

Объясненіе плановъ и рисунковъ.

Глава 1-я, стр. 6. Портретъ миѳическаго основателя г. Харькова—Харька; фотографія, сходная съ портретомъ, рисованнымъ масляными красками и принадлежащимъ нынѣ музею изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета (отъ г-жи Шебалиной).

Глава 2-я. 1) Планъ центральной части г. Харькова 60-хъ годовъ XVIII вѣка. Съ неизданнаго оригинала, хранящагося въ военноученомъ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ. За копированіе его приношу благодарность г. Смагѣ. 2) Планъ для разбивки г. Харькова 1785 года, сходный съ Высочайше утвержденнымъ въ 1768 г. Съ неизданнаго плана, хранящагося въ военноученомъ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ. За копировку его приношу благодарность М. Ѳ. Пискунову. 3) Высочайше утвержденный планъ г. Харькова 1786 г., снятый съ оригинала, хранящагося въ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ. Сходенъ съ помѣщеннымъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. За копировку его приношу благодарность г. Зѣньковскому. 4) Планъ г. Харькова 1787 г., составляющій приложеніе къ рукописному „Топографическому описанію Харьковскаго Намѣстничества“ 1787 г. Былъ изданъ проф. Ю И. Морозовымъ и В. В. Ивановымъ (см. 35 стр. настоящаго труда, примѣч. 3-е).

Глава 4-я. 1) Стр. 100. Гербъ г. Харькова XVIII в. Точно, въ краскахъ воспроизводитъ гербъ, помѣщенный въ „Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества 1787 года“ и изданный въ 1902 г. В. В. Ивановымъ. 2) Стр. 102. Портретъ перваго харьковскаго губернатора, а потомъ намѣстника (генералъ-губернатора) Евдокима Алексѣевича Щербинина. Снятъ съ портрета, рисованнаго масляными красками и хранящагося въ с. Бабаяхъ Харьковскаго уѣзда въ имѣніи П. П. Флота, нѣкогда принадлежавшемъ Щербининымъ. 3) Стр. 102. Портретъ намѣстника Василія Алексѣевича Черткова. Снятъ съ оригинала, принадлежащаго Воронежскому музею.

Глава 5-я. Стр. 131. Портретъ харьковскаго городского головы Егора Егорьевича Урюпина. Съ портрета, исполненнаго худ. А. Данилевскимъ по дурно сохранившимся остаткамъ маслянаго портрета Урюпина.

Глава 8-я. 1) Видъ г. Харькова съ западной стороны 1787 года. Оригиналъ помѣщенъ въ рукописномъ Атласѣ Харьковскаго Намѣстничества 1787 г., хранящемся въ военноученомъ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ. Представляетъ видъ Харькова съ конца нынѣшней Екатеринославской улицы (за Дмитріевскою церковью). Важнѣйшихъ зданій на немъ показано 17: Коллегіумскій монастырь, Гостинный дворъ, Банковая Контора, Соборная церковь, Губернскій Магистратъ, Генералъ-Губернаторскій дворецъ, Губернаторскій домъ, Казенная аптека, Провіантскій магазинъ, Николаевская церковь, Рождественская церковь, Троицкая церковь, Михайловская церковь, Благовѣщенская церковь, Димитріевская церковь, Тріумфальныя ворота, Кладбищенская церковь (нынѣшняя Мироносицкая). Кромѣ того en masse изображены дома частныхъ лицъ, улицы, плетневые заборы, деревья, 2 озера на нынѣшней привокзальной площади. Памятникъ этотъ очень важенъ, потому что имѣетъ точную хронологическую дату, опредѣленныя обозначенія зданій и носитъ на себѣ печать оффиціальнаго достовѣрнаго происхожденія. Топографическія данныя его совпадаютъ съ данными другихъ документальныхъ источниковъ. Онъ можетъ служить исходнымъ пунктомъ для оцѣнки другихъ видовъ г. Харькова, не имѣющихъ точныхъ хронологическихъ датъ. 2) Стр. 209. Провіантскій магазинъ. Зданіе XVIII в. Нынѣшній видъ его снятый съ натуры г. Данилевичемъ. 3—6) Стр. 223. Виды Покровскаго монастыря (2), Благовѣщенской церкви и Успенскаго собора. 7—9) Стр. 224. Виды старыхъ Вознесенской и Николаевской церквей и Харькова съ датою XVIII в.

Глава 11-я. 1—2) стр. 326—портреты митр. Аврамія и арх. Досифея (изъ книги проф. А. С. Лебедева. „Бѣлгородскіе архіереи“, а въ эту книгу они сняты съ оригиналовъ, хранящихся въ Бѣлгородѣ); 3 и 4) стр. 329—портреты еп. Петра и Іоасафа Горленка; 5 и 6) стр. 331—портреты еп. Луки и Іоасафа Миткевича; 7 и 8) стр. 333—портреты Порфирія и Самуила; 9 и 10) стр. 335—портреты еп. Аггея и Ѳеоктиста (всѣ оттуда же); 11 и 12) стр. 342—икона Озерянской Божіей матери въ Покровскомъ мон. (2 снимка); 13 и 14) стр. 344—два оклада евангелія 1698 г. въ Покровскомъ монастырѣ; 15, 16, 17, 18) стр. 345—гравюра, 2 оклада евангелія 1707 г. и крестъ XVII в. въ Покровскомъ монастырѣ; 19—20) стр. 347—2 креста XVIII в. изъ Покровскаго монастыря; 21) стр. 348—подсвѣчникъ XVIII в. изъ Покровскаго мон.; 22) стр. 353—иконостасъ Успенскаго собора XVIII в.; 23—26) стр. 355—икона Елецкой Божіей матери, переплетъ евангелія 1636 г. и окладъ евангелія 1794 г. въ Успенскомъ соборѣ; 27 и 28) стр. 357—

оклады 1783 на евангеліи 1689 г. въ Успенскомъ соборѣ; 29 и 30) стр. 358—оклады евангелія 1753 г. въ Успенскомъ соборѣ; 31 и 32) стр. 359—2 потира XVIII в. въ Успенскомъ соборѣ; 33 и 34) стр. 360—потиръ 1777 и блюдо 1779 гг. въ Успенскомъ соборѣ; 35) стр. 364—плита-надпись въ стѣнѣ Троицкаго храма; 36 и 37) стр. 365—икона Св. Николая и дарохранительница 1781 г. въ Троицкой церкви; 38 и 39) стр. 366—икона Спасителя и сосудъ для пшеницы, вина и елея въ Троицкой церкви; 40 и 41) стр. 367—икона Богородицы и сложная символическая икона XVIII в. въ Троицкой церкви; 42—45) стр. 371—окладъ евангелія, чаша 1770 г., крестъ 1782 г., икона Богоматери 1776 г. въ Благовѣщенской церкви; 46) стр. 372—храмъ Рождества Христова, 47 и 48) стр. 373—окладъ евангелія XVIII в. въ Рождественской церкви; 49 и 50) стр. 375—иконы Рождества Христова и Божіей Матери XVIII в. въ Вознесенской церкви. (Всѣ эти снимки сняты съ натуры подъ руководствомъ профессора Е. К. Рѣдина).

Глава 12-я: 1) стр. 393 основатель Коллегіума епископъ Епифаній Тихорскій (изъ книги проф. А. С. Лебедева); 2) стр. 395, князь Мих. Мих. Голицынъ изъ „Молодыка“ Бецкаго; масляный портретъ его въ Харьк. Дух. семин.; 3) стр. 399, протоіерей Шванскій (съ маслянаго портрета, хранящагося въ Харьк. Дух. Семинаріи).

Глава 13-я, стр. 433. Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода; со стариннаго маслянаго портрета, принадлежавшаго В. С. Александрову.

Глава 14-я, стр. 462. Снимокъ конца жалованной грамоты Харьковскому Коллегіуму Имп. Анны Іоанновны 1731 года (съ оригинала, хранящагося въ Харьк. Дух. семинаріи).

Глава 16-я, стр. 522. Осмотръ Петромъ Великимъ Харьковской крѣпости въ 1709 году. (Снимокъ съ акварельнаго рисунка С. И. Васильковскаго); оригиналъ при адресѣ Харьковскаго городского общественнаго управленія г. Петербургу по поводу его 200-хъ лѣтія (въ Петербургѣ).

Приложеніе къ 12 главѣ, стр. 550: 1) портретъ кн. Дм. Мих. Голицына; 2) портретъ кн. Александра Мих. Голицына; 3) медаль въ память кн. Дм. Мих. Голицына (съ оригиналовъ, хранящихся въ Харьков. Духовной семинаріи).

Приложеніе къ 14 главѣ. 1) Стр. 557. Грачюра изъ книги Орновскаго. 2—3) Стр. 564. Два варіанта портрета стихотворца-козака Харьковскаго полка Климовскаго (Климова); одинъ взятъ изъ „Пантеона Россійскихъ авторовъ“, П. Бекетова (М., 1806 г.), а другой изъ „Молодыка“ Бецкаго (Х., 1844 г.).

Приложеніе къ 16 главѣ, стр. 566—снимокъ со старинной пушки, стоящей у дворянскаго собранія.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА